

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ второй.

ЯНВАРЬ.

1871 годъ.

СОДЪРЖАНІЕ.

I. Моя боевая жизнь. Записки Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петровича Билымова. 1800-1861 гг.	1	Эпизодъ изъ его жизни, рассказъ очевидца	61
II. Записка В. Н. Каразина, протопла. ови. Александру I въ 1820 г. Сообщ. Ф. В. Карасикъ	16	VI. Материалы для исторіи рус. литературы 1816-1825 гг. Рычковъ: Думы, посланія, отрывки, выдержки. Сообщ. Т. А. Соколовской	64
III. Советъ-дани Русскаго Двора въ XVIII. ст. Биографическія списки П. Ф. Карабикова	39	VII. Изложа: 1. О портретѣ Петра Великаго, приложеннаго въ 1-й н. «Русской Старинѣ» 1871 г. (114 стр.) 2. Отвѣтъ на завѣщаніе г. Киселева и приѣздъ на казачіи «Записокъ» А. Т. Болотова. (115). — Объясненія. — Библиогр. листокъ о новыя русск. книгахъ (на оборотѣ).	
IV. Арханъ изъ М. М. Голенинова-Путузова-Смоленскаго: письма его въ пеня. 1800-1808 гг. Сообщ. Ф. К. Омошникъ	49		
V. Черта въ характеристивъ императора Николая Павловича. 1828 г.			

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1788-1794 гг. томъ второй, ч. VIII — письма 83-88: русско-прусскія войны, пребываніе русскихъ въ Кенигсбергѣ, генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи Суворовъ. 1760-1761 гг.

При этой книгѣ прилагаются: 1) Портретъ Петра Великаго, писанный съ натуры въ 1717 г. въ Парижѣ и гравированный на стали въ Лондонѣ, и 2) Алфавитный Указатель личныхъ именъ встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (буквы А. — И.)

Небольшое количество экземпляровъ „Русской Старинѣ“ 1870 г. изд. второе, двѣнадцать книгъ, съ приложеніями: записокъ, портретовъ, рисунка памятника и снимковъ съ писемъ. — продается въ Сиб.: въ Редакціи „Русской Старинѣ“ и въ магазинѣ Павунова, а въ Москвѣ въ магазинѣ Соловьева. Цѣна семь рубл. съ пересылкой.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г.

При одной изъ книгъ „Русской Старинѣ“ 1871 г. будетъ приложено литографическія снимокъ съ картины Академика В. Н. Якоби: «Арестъ Бирона». Рисунокъ на камнѣ исполненъ самимъ художникомъ. Равно будутъ прилагаться портреты и снимки съ писемъ русск. дѣятелей.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня

В. Головкин

Владимирскій, домъ № 15.

1871.

Библиографическій листокъ новыхъ русскихъ книгъ.

Исторія Россіи съ древѣйшихъ временъ,
соч. С. Селевкова. томъ XX-й. М. 1870 г.
8 д. Цѣна 2 руб.

Въ этотъ томъ вошло окончаніе царствованія Анны Иоанновны: дѣла Польскія, походы Крымскіе, отношенія къ западнымъ державамъ. Двѣ большія главы посвящены обозрѣнію внутренняго быта Русскаго Государства—въ это суровое царствованіе. — Приложенія неважны, какъ по объему, такъ и по содержанию. Далеко не исчерпывая всей массы драгоценнѣйшихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ, почти не замѣчая иностранные источники, ученый историкъ, тѣмъ не менѣе, представляетъ въ настоящемъ томѣ своего почтеннаго труда довольно много новаго и интереснаго матеріала—мѣстами особенно ярко рисующаго русское правительство и русское общество 1735—1740 гг.

Дѣйствія Русскаго флота во время войны Россіи со Швеціей въ 1788—90 гг. Соч. В. Ф. Головачова: кампанія 1788 г. Спб. 8 д. 1870 г. Цѣна 1 руб.

Дальная и интересная монографія. Составлена специалистомъ, знатокомъ морскаго дѣла. Источниками служили архивные документы. При брошюрѣ приложено прекрасно сост. планъ Голландск. срѣж. 6-го іюля 1788 г.

Русская историческая Библиографія, годъ седьмой 1861 г. Спб. 8 д. 1870 г. Цѣна 1 руб. 15 коп.

Въ настоящее время, при возрастающемъ интересѣ въ русскомъ обществѣ къ исторіи какъ русской, такъ и всеобщей, положительно необходимо имѣть справочную книгу, которая служила бы ключемъ къ отысканію тѣхъ или другихъ историческихъ изслѣдованій, биографій и историч. матеріаловъ—разбросанныхъ въ самыхъ разнообразныхъ изданіяхъ. Необходимость такой книги сознали и людины пишущими, я массою читателей. Трудъ П. П. Ламбина, вполне удовлетворяетъ этой потребности. Съ замѣчательною любовью къ дѣлу и неутомимостью собраны имъ въ «Русск. историч. библиогр.» указанія на малѣйшія замѣтки, либо отдѣльные документы (матеріалы), разбросанные въ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ, весьма часто составляющихъ библиографическую рядность. Планъ изданія — оч. хорошъ: въ первомъ отдѣлѣ — «Исторія Россіи», которая дробится на 17 подраздѣленій, второй отдѣлъ — «Всеобщая Исторія», третій — «Періодич. и поврем. изданія». Три алевитныхъ указателя, въ концѣ каждаго выпуска, вполне облегчаютъ справку. Лучшимъ же доказательствомъ полноты труда г. Ламбина служить то, что въ предшествующихъ двухъ выпускахъ 1859—1860 гг., при шести тысячахъ (безъ малаго) статей, оказались пропущенными указанія только на пять, весьма неважныхъ—замѣтокъ. Пожелаемъ только одного, чтобы Академія Наукъ, видя и видя, которой

издается «Рус. Истор. Библи.» — озабочилась расширеніемъ средствъ на изданіе; это, безъ сомнѣнія, ускорило бы выпускъ отдѣльныхъ его частей, а то въ 1871 году любители исторіи и должны довольствоваться: «Русскою Историческою Библиографіей» только за время съ 1855—1861 гг., включительно. Вся семь вышедшихъ частей стоятъ не дорого, 6 руб. 65 коп.

Портретная галерея русскихъ дѣателей
изд. А. Э. Мюнстера. Спб. Въ 6-мъ листѣ, 2 тома, всего 200 портретовъ съ fac-simile и съ биографіями. Цѣна за оба тома 30 рубл.

Это роскошное изданіе дѣлаетъ большую честь искусству г. Мюнстера, какъ литографа. Большинство портретовъ, вошедшихъ въ галерею, исполнены безупречно хорошо; биографіи, — изъ которыхъ главнѣйшія, почти всѣхъ лицъ умершихъ, составлены М. Д. Хмыровымъ, — отличаются вѣрностью, достаточною полнотою и обстоятельностью. Въ галерей помѣщены портреты не только опочившихъ дѣателей, но и живущихъ (послѣднихъ около 70), притомъ какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ: такихъ образомъ—здесь помѣщены русскіе государи, полководцы, министры, предводители церкви, писатели (собраны портреты ихъ особенно полно) художниковъ, музыкантовъ и артистовъ. Если относительно нѣкоторыхъ, пяти или шести портретовъ (изъ живущихъ лицъ) и можно спросить г. Мюнстера: была ли настоятельная необходимость помѣщать ихъ изобразенія, то зато громадное большинство положительно должно было войти въ этотъ пантеонъ российскихъ мужей—и вошло, безъ исключенія, въ прекрасно выполненныхъ портретахъ. Нельзя не рекомендовать библиотекамъ, музеямъ, общественнымъ собраніямъ, клубамъ, среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ озаботиться приобретениемъ изд. г. Мюнстера. Такое приобретение облегчается еще тѣмъ, что каждый портретъ галереи можно получить за 50 коп. отдѣльно, следовательно покупателю весьма удобно сдѣлать выборъ портретовъ.

Русскія дѣтскія сказки, собранныя А. Н. Афанасьевымъ. Съ картинками, рисованными Башкиловымъ. М. 1870 г. 8-ю д., 2 ч.

Эта книга есть хорошее приобретение для нашихъ дѣтскихъ библиотекъ. Составленная самимъ почетнымъ собирателемъ русскаго народнаго быта, она отличается прекраснымъ выборомъ сказокъ и удачнымъ ихъ расположеніемъ; что касается до вѣрности изданія—то по своему изысканству, оно ничего неоставляетъ желать лучшаго. Въ педагогическомъ отношеніи польза отъ чтенія дѣтскихъ и народныхъ, хорошо выбранныхъ сказокъ, давно признана всеми лучшими педагогами.

Петр

МОЯ БОЕВАЯ ЖИЗНЬ.

(Записки Войска Донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петрова Вилламова, написанныя собственною его рукою).

I

Я родился въ 1809 году отъ бѣдныхъ родителей, былъ единственнымъ сыномъ. Отецъ мой поступилъ на службу казакомъ, дослужился до чина полковника; онъ постоянно находился въ полку, поэтому не могъ заботиться о моемъ воспитаніи. Мать женщина простая, безъ средствъ, мало думала объ обученіи меня грамотѣ, но родная моя бабука въ одинъ день объявила мнѣ, что я долженъ поступить учиться грамотѣ въ Кудиновнѣ, — грамотная старуха, принимавшая дѣтей къ себѣ въ школу.

У ней, года два, по церковной азбучкѣ, зубрилъ азъ-ангелъ-ангельскій, архангелъ-архангельскій, отъ нея переведенъ къ приходскому пономарю: училъ наизусть «Часовникъ», затѣмъ переведенъ къ дячкѣ, гдѣ проходилъ псалтырь.

Въ 1816 году отецъ, въ чинѣ есаула, возвратился изъ отечественной войны, а въ 1817 году наряженъ въ Бессарабію въ полкъ Горбикова; взялъ и меня съ собой.

По прибытіи на мѣсто служенія, я былъ порученъ для дальнѣйшей науки грамотѣ сотенному писарю; чрезъ годъ перешелъ къ полковому писарю.

Въ 1823 года полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1823-го по 1825 г. жилъ въ домѣ, занимался въ хозяйствѣ, пахалъ землю, косилъ сѣно и пасъ домашнихъ животныхъ, а о грамотѣ моей не было рѣчи. Отецъ, самъ мало грамотный, не счелъ нужнымъ провѣрить мои знанія, а былъ убѣжденъ, что сынъ, пройдя такія знаменитыя заведенія, подѣ ру-

ководствомъ вышесказанныхъ знахарей, былъ дока читать и писать. На дѣлѣ-жь выходило иначе: я не могъ подписать своей фамиліи, а книги читалъ съ величайшимъ трудомъ, что вышло оттого, что мои наставники-писаря мало занимались мною, а у меня не было охоты къ ученью, и я по цѣлымъ днямъ и ночамъ вертѣлся въ казармахъ среди казаковъ, съ жадностью слушалъ рассказы объ отвагахъ предковъ нашихъ по Азовскому и Черному морю, объ Азовскомъ сидѣннѣ, и о разныхъ эпизодахъ въ послѣдующія войны новыми поколѣніями оказанныхъ, и подъ эту гармонию нерѣдко засыпалъ сладкимъ сномъ.

Въ 1825 году отецъ, въ полку Попова, командированъ въ Крымъ; взялъ меня съ собой съ зачисленіемъ въ комплектъ полка. Будучи произведенъ въ урядники, при доставшейся очереди, во время похода, дежурить по сотнѣ, слѣдовало мнѣ при утреннемъ рапортѣ писать рапортчики и подписывать ихъ, но я не могъ исполнять ни того, ни другаго. Эта неожиданная моя безграмотность сильно поразила отца.

По прибытіи въ Крымъ, онъ первымъ долгомъ счелъ отправиться въ городъ Феодосію, гдѣ было уѣздное училище, и бывшему смотрителю этого заведенія, Федору Филипповичу Бурдунову, отдалъ меня пообучиться за условленную цѣну. Благодаря этому честнѣйшему человѣку, въ продолженіе года бытности моей у него, прошелъ я всю премудрость, которой обучаютъ въ уѣздномъ училищѣ и былъ первымъ изъ учениковъ; быть можетъ я бы долго пробылъ у Бурдунова, но мать, оставшаяся одна въ домѣ, въ письмахъ своихъ настоятельно требовала, чтобъ отецъ мой приѣхалъ со мною въ отпускъ и женилъ бы меня.

Отецъ исполнилъ ея просьбу, а вмѣстѣ съ женитьбой прервалось дальнѣйшее мое ученье.

II.

Въ 1828 году открылась турецкая война. Полеъ нашъ, по распоряженію начальства, двинуть въ Европейскую Турцію. Предъ выступленіемъ въ походъ, бывший Новороссійской генералъ-губернаторъ, князь Воронцовъ, приѣхалъ въ Крымъ; онъ потребовалъ отъ полка офицера, для посылокъ съ депешами въ великому князю Михаилу Павловичу въ Браиловъ. Отецъ, за смер-

ттю командира полка, принялъ его въ командованіе, а же былъ въ полку томъ офицеромъ.

Въ командировку эту назначили меня.

Получивши все нужное въ отправленію, чрезъ Молдавію и Валахію, прибылъ въ Браиловъ; сдавши депеши, дней десять ожидалъ привязанія возвратиться къ полку.

Въ одинъ день, передъ вечеромъ, слышу выываютъ охотниковъ идти на штурмъ. Не разсуждая, какія могутъ быть послѣдствія, я заявилъ себя желающимъ быть въ средѣ ихъ. Въ полночь весь отрядъ охотниковъ, подрѣзняемый густыми колоннами пѣхоты, двинулся впередъ; на разсвѣтѣ тихо подошли мы къ главной батарее и съ крикомъ «ура» бросились на штурмъ... Что далѣе происходило, сказать не могу по слѣдующей причинѣ: когда мы прибѣжали ко рву, насъ подняло на воздухъ; многіе были засыпаны землей, нѣкоторыхъ отнесло отъ батареи, а мнѣ, кажется, пришлось нѣсколько саженой летѣть по воздуху, какъ птицѣ пернатой.

На другой день я пришелъ въ себя, лежа въ палаткѣ между ранеными.

Штурмъ былъ неудаченъ; потери громадны. Чрезъ пять дней меня выписали изъ госпиталя, какъ выздоровѣвшаго, и я получилъ привязаніе отправиться въ полку, шедшему на мѣстечко Рѣины, при впаденіи рѣки Прута въ Дунай. Дождавшись тамъ полка, я первымъ долгомъ счелъ разсказать мою отвагу отцу въ чаяніи получить похвалу; но, увы! вмѣсто похвалы, отецъ отдубасилъ меня нагайкой, приговаривая: «не суйся въ омутъ, когда отдаленъ отъ своей части, а съ ней иди въ огонь и въ воду.»

Полкъ перешелъ Дунай въ Исакчахъ; 22 октября 1828 г. прибылъ къ крѣпости Костенжи; занялъ отъ нея наблюдательную линію по Троянову валу къ Черноводамъ, выше Гирсова на Дунай; здѣсь оставался въ продолженіи зимы потому, что войска наши, бывшія подъ Шумлой и Силистріей, возвращались на зиму въ Молдавію и Валахію, оставивъ сильныя гарнизоны въ занятыхъ нами крѣпостяхъ.

Зима была весьма сурова, а потому прошла мирно. Съ открытіемъ весны 1829 г. войска, зимовавшія по лѣвую сторону Дуная, двинулись подъ Шумлу и Силистрію. Полкъ нашъ присоединился къ главнымъ силамъ шедшимъ къ Шумлѣ и въ про-

долженія всего года участвовалъ во многихъ сраженіяхъ; при этомъ могу упомянуть о слѣдующемъ случаѣ, лично до меня относящемся. Въ іюлѣ мѣсяцѣ армія изъ-подъ Шумлы двинулась чрезъ Балканы. 7-го числа, въ числѣ охотниковъ, бросился я вплавь на лошади, чрезъ рѣку Камчикъ. Ширина ея не превышаетъ десяти сажень; подъ картечными выстрѣлами двѣнадцати турецкихъ орудій, стоявшихъ по правую сторону рѣки, мы бросились въ воду; многіе охотники были убиты и утонули, но $\frac{4}{5}$ -хъ, въ числѣствѣ 2 т., переправились благополучно, сбили турокъ съ позиціи и тѣмъдали возможность двинуться нашими колоннамъ на переправу.

За такую отвагу я отъ отца получилъ поощрительную награду: нѣсколько нагаекъ въ спину, будто-бы за то, что я позволилъ себѣ пуститься на вороной лошади—а не на бѣлой, эта-де была сильнѣй и надежнѣй, а съ вороною могъ-де я утонуть; на дѣлѣ-же выходило вотъ-что: отцу не хотѣлось, чтобъ я очертя голову бросался во всѣ нелегкія. Понявши наконецъ его и дорожа моею спиной, болѣе не позволялъ себѣ ни на какиѣ отваги.

Отъ Камчика двинулись впередъ. Перейдя Балканы, 11 іюля 1829 года заняли съ бою города Мисеврію и Ахіолъ. 12 іюля, полкъ отца посланъ на рекогносцировку въ укрѣпленному городу Бургасу; вблизи его полкъ встрѣченъ былъ турецкою кавалерію въ 700 человекъ, вступилъ съ нею въ бой, опровернулъ ее и вмѣстѣ съ ней ворвался въ городъ; вытѣснилъ гарнизонъ, завладѣлъ городомъ съ незначительною потерей: трофей состояли изъ нѣсколькихъ крѣпостныхъ орудій и мортиръ. За таковую отвагу отецъ получилъ Георгія 4 степени, подо мной убита лошадь и я послѣднимъ вошелъ въ крѣпость.

8-го августа армія, безъ боя, заняла второй столичный турецкій городъ Адрианополь, а по заключеніи мира, 8 января 1830 года, полкъ выступилъ на зимовья квартиры въ Румилію. 21 апрѣля—выступилъ въ походъ въ Бессарабскую область, для занятія пограничной стражи по рѣкѣ Пруту. 14 августа 1831 г. полкъ отпущенъ на Донъ.

Съ 1831 по 1834 годъ, я жилъ въ домѣ.

III.

Весной 1834 года, командированъ на правый флангъ кавказской линіи, въ полкъ Жирова, гдѣ находился до выступле-

ня его въ 1837 году на Дюль. Въ бытность на Кавказѣ, я участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ горцами; особыхъ отличій съ моей стороны, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ нападкѣ, не было, кромѣ развѣ слѣдующаго: полкъ былъ расположенъ по рѣкѣ Кубани; весной 1836 г., по распоряженію начальника кубанской линіи генералъ-маіора Засса, полкъ двинуть въ полномъ составѣ за Кубань, на рѣку Чамлыкѣ. Придя на мѣсто, начали строить укрѣпленіе; чрезъ мѣсяцъ оно было готово. Полкъ расположенъ въ немъ. Во время постройки ея лошади паслись надъ рѣкой, надъ прикрытіемъ одной сотни; горцы, видѣли эту ослонность и вознамѣрились, во что бы ни стало, отбить весь табунъ у прикрывающей сотни; для того собралось горцевъ болѣе 360 человекъ, самыхъ отборныхъ наѣздниковъ изъ князей и удевей. Въ ночь, надъ 4 іюля эта ватага, переправившись чрезъ рѣку Лабу, скрытно перейдя на Чамлыкѣ, остановилась ниже крѣпости въ полуторѣ верстѣ въ лѣсу, съ такимъ намѣреніемъ, когда выпустятся на пастбу лошади, гннуть изъ засады и угнать всю добычу безнаказанно, потому, что преслѣдовать ихъ было не кому. Полкъ оставался, по ихъ расчету, весь пѣшій, кромѣ прикрывающей вонной сотни; но они горько ошиблись: вмѣстѣ со вступленіемъ полка въ крѣпость, лошади болѣе на пастбу не выпускались.

По введенному порядку, дежурные по полку сотенные командиры съ восходомъ солнца должны были высылать развѣзды вверхъ и внизъ рѣки версты на три, и если, по осмотрѣ мѣстности, ничего сомнительнаго не окажется, начальники развѣздовъ оставляли на условленныхъ мѣстахъ пикеты, а съ остальными людьми возвращались въ крѣпость. 4-го числа я былъ дежурнымъ; сотня моя имѣла лошадей осѣдланныхъ, люди въ амуниціи. Солнце взошло. Развѣзды посланы. Выйдя на батарею, я слѣдилъ за ними; посланный внизъ, перейдя ручей Гравнушву, поднялся на высоту, спустился къ Чамлыку; за лѣсомъ мѣть нельзя было видѣть, какая катастрофа происходитъ съ развѣздою; чрезъ четверть часа показался свѣтучій всадникъ, оставившійся въ живыхъ изъ пятнадцати развѣздныхъ: остальные 14 побиты. За нимъ громадная вереница кавалеріи. Я тотчасъ приказалъ моей сотнѣ сѣсть на коней и выступилъ на встрѣчу горцамъ; за полъ версты отъ крѣпости встрѣтился съ ними, но въ бой не всту-

виль, считая себя слишкомъ слабымъ, по численности людей: въ сотнѣ было не болѣе ста человѣкъ, а потому я отступилъ въ стѣнамъ крѣпости, ожидая выстуления полка. Горцы, видя свою неудачу, повернулись и шагомъ пошли обратно. Въ крѣпости была страшная неурядица: всѣ бѣжали взадъ и впередъ, не находя что дѣлать. — Является ко мнѣ полковой адъютантъ, передаетъ приказаніе идти за партією; я двинулся по слѣдамъ ея, но на благородной дистанціи, выбирая на каждомъ шагу выгодную позицію, чтобъ въ случаѣ нападенія спѣшиться, стать въ оборонительное положеніе, — эта спасительная метода принята на всемъ Кавказѣ. Горцы перешли Чамлыкъ, двинулись въ Лабѣ:—между этими рѣвами, верстъ на 25, лѣсу нѣтъ, чистое поле, — и въ виду крѣпости бросились на меня въ пашки; бывши готовою къ таковому случаю, сотня спѣшилась, встрѣтила горцевъ батальнымъ огнемъ; болѣе полу-часа я выдерживалъ атаку: убитыхъ и раненыхъ у меня не было; люди сохранили духъ твердости, горцы-жь оставили 20 тѣлъ. Партія отступила. Пошелъ и я за ней на почтительной дистанціи. Пропшелъ версту; крѣпости мнѣ болѣе не было видно. На пространствѣ десяти верстъ я выдержалъ двѣнадцать атакъ: у меня вышло изъ строя до 20 человѣкъ.

Послѣ седьмой атаки я послалъ урядника Никредина къ командиру полка просить подерѣвленія и сказать, что въ сотнѣ нѣтъ патроновъ.

Послѣ десятой атаки является Никрединъ, передаетъ въ полголоса отвѣтъ командира: «скажи головорѣзу, если у него нѣтъ патроновъ, то есть пики, а на меня пусть не надѣется».

На вопросъ мой далеко-ли полкъ отъ насъ? Отвѣтъ: «еще, ваше благородіе, изъ крѣпости не выступалъ».

Я былъ пораженъ такою вѣстью. Дождь насталъ проливной. Послѣдовала одиннадцатая атака. Послѣ первыхъ выстрѣловъ ружья замолкли, минута настала критическая; къ счастью атака продолжалась минутъ пять. Партія отступила. Послѣдовалъ и я за ней. Подовавъ къ себѣ субалтернъ-офицера Полякова*), высказалъ ему наше положеніе, прибавивъ, что какъ у меня, такъ и у него кони добрые и мы могли бы ускакать, но въ такомъ случаѣ

*) Впослѣдствіи убитъ.

на жертву останутся меньшіе братья, а потому: даетъ ли онъ мнѣ честное слово умереть совмѣстно съ братію со славою, не видя сраму?

Отвѣтъ: «хочу умереть честно, а сраму не желаю пережить»?

Поблагодаривши его, я передалъ слѣдующее мое распоряженіе: горцы еще атакуютъ насъ и, если встрѣтятъ нашу стойкость, тотчасъ отступятъ; нужно пользоваться моментомъ: «слушай, вторая полусотня остается въ твоёмъ распоряженіи, съ первою — я брошусь въ пики и, если ты увидишь, что горцы будутъ хоть немного потѣснены, ту-жъ минуту поддержи своими пиками; но если перевернуть меня, успѣвай, въ пѣшемъ строю, стать въ оборонительное положеніе; примкну и я къ тебѣ, и будемъ рубиться на мѣстѣ пока живы». Я не ошибся. Послѣдовала двѣнадцатая атака. Встрѣтивъ непоколебимое сопротивленіе, горцы повернули отъ насъ, пошли шагомъ. Сотня съѣла на коней. Вдали гремѣлъ громъ и звукъ его много походилъ на гулъ орудіейныхъ колесъ. Я обратился къ сотнѣ съ слѣдующими словами: «товарищи! слышите гулъ орудіейныхъ колесъ? Это полкъ спѣшитъ къ намъ; горцы безсильны; ружья и пистолеты ихъ также замознѣе, какъ и ваши; нагрянетъ полкъ и передупитъ ихъ какъ цыплятъ; но это бы ничего, а всю славу припишетъ себѣ. Вы-жъ цѣлый день выставляли вашу могучую грудь и остаетесь не причемъ! Станичники! не допустимъ ихъ воспользоваться нашими трудами. Пики на перевѣсъ! съ Богомъ! вперед!»

Первая полусотня врѣзалась въ средину; каждый казакъ пронзилъ пикой свою жертву. Эта неожиданная наша смѣлая выходка — поразила горцевъ; вмѣсто того, чтобы отразить насъ, никто не схватился за шашку. Поляковъ не потерялъ момента: съ своею полусотнею подкрѣпилъ меня. Опрокинутые горцы въ безпорядкѣ бросились бѣжать; на пространствѣ 15 верстъ, мы преслѣдовали ихъ до рѣки Лабь. Осталось до 300 тѣлъ, ушло не болѣе 60 человекъ *).

Возвращаясь въ полеу, я забралъ разсыпанныхъ въ полѣ лошадей, а съ убитыхъ снялъ оружіе; въ цѣльнѣ никто изъ горцевъ не былъ взятъ потому, что трудно было требовать отъ казаковъ, людей разъяренныхъ, какъ львы, пощады врагамъ.

*) Дѣло это до сихъ поръ памятно на правомъ флангѣ кавказской линіи линейныхъ казачьихъ станицахъ.

Подойдя въ крѣпости, версты за-пять встрѣтилъ идущій къ намъ полкъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ. Что за причина была со стороны командира полка бросить меня съ сотнею на погибель — разъяснить не умѣю.

За это дѣло я получилъ Владимира 4-й степени; Поляковъ — Анну 3-й степени.

IV.

Въ промежутки 1837 г. по 1845-й годъ находился я въ учебномъ полку въ Новочеркасскѣ, и три года въ Польскѣ, въ полку Радонова. Въ 1845 году, востроенно командированъ на лѣвый флангъ кавказской линіи въ полкъ Шрамкова, отъ котораго, по личному приказанію намѣстника кавказскаго князя Михаила Семеновича Воронцова, принялъ въ командованіе № 20-го полкъ, бывшій майоромъ. Штабъ полка былъ въ укрѣпленіи Буринскомъ. Въ 1850 г. полкъ спущенъ на Донъ, а-жъ, по ходатайству Воронцова, остался на Кавказѣ, принялъ въ командованіе № 17-го полкъ, пришедшій на смѣну № 20-го.

Командовалъ 17-мъ полкомъ по 1853 годъ, и передалъ его подполковнику Полякову *); самъ же я получилъ назначеніе быть начальникомъ всей кавалеріи лѣваго фланга, почему переѣхалъ въ крѣпость Грозную.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1855 г., по распоряженію главнокомандующаго Муравьева, потребованъ въ Турцію, подъ Карсъ. Подробное описаніе участія моего въ осадѣ Карса, равно въ штурмѣ его, напечатано въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 567—610.

О службѣ и дѣлахъ на лѣвомъ флангѣ, какъ многочисленныя, останавливаясь описаніемъ, а укажу на нѣкоторые случаи, болѣе любопытныя. Съ 1845 г. по 1853-й г. я съ полкомъ моимъ отбилъ у горцевъ до 12-хъ рогатаго скота и до 40-хъ овецъ; ни одна партія, снускавшаяся съ горъ на Кумыцкую плоскость, не возвращалась безнаказанно, а всегда была уничтожаема и рѣдкому изъ среди нихъ удавалось возвращаться по добру — по здоровью. Имѣя вѣрнѣйшихъ лазутчиковъ и зная имъ хорошия деньги, я всегда былъ во-время предупреждаемъ о движеніи горцевъ; нападалъ съ моимъ полкомъ и уничтожалъ таеъ, что

*) Однофамилецъ съ бывшимъ моимъ субалтернъ-офицеромъ въ полку Жирова. А. В.

горцы въ исходу 1853 г. прекратили свои налеты въ наши предѣлы. Горцы называли меня — даджаломъ, въ переводѣ на русскій языкъ дьяволъ, или отступникъ отъ Бога.

Въ декабрѣ 1851-го года бывшій начальникъ лѣваго фланга, князь Барятинскій вызвалъ меня въ Грозную, гдѣ я получилъ отъ него приказаніе, съ января мѣсяца приступить къ окончанію начатой просьби отъ укрѣпленія Куринскаго къ рѣкѣ Мичуку, и во что бы то ни стало перейти ее и очистить лѣсъ по лѣвую сторону, насколько будетъ возможно. При этомъ я долженъ торопиться въ приведеніи въ исполненіе этихъ задачъ потому, что онъ, кн. Барятинскій, выступитъ изъ Грозной на Шалинскую поляну, займется продолженіемъ просьби къ Астурамъ, отколь двинется чрезъ Большую Чечню, Маіоръ-Тупъ въ Куринскъ, и о боевомъ движеніи заблаговременно дастъ мнѣ знать съ тѣмъ, чтобы я съ моими силами вышелъ на встрѣчу.

5-го января 1852 г. я сосредоточилъ изъ крѣпостей Кумынской плоскости три баталіона пѣхоты: мой № 17 полкъ, сборный казачій линейный и восемь полевыхъ орудій; приступилъ къ рубкѣ лѣса; въ теченіе мѣсяца дошелъ до Мичука и послѣ боя, продолжавшагося два часа, переправился на лѣвую сторону; очистивъ къ 16-му февралю 1852 г. лѣсъ отъ берега на 100, а по рѣкѣ на 300 сажень, 17-го числа отпустилъ войска по крѣпостямъ на четыре дня для отдыха, а въ полдень того-же дня съ башни, стоящей отъ укрѣпленія на версту, дали мнѣ знать: за Мичукомъ, по направленію къ Астурамъ, — слышны не только пушечные выстрѣлы, но даже батальный ружейный огонь. Взявъ четыре сотни моего полка, по просьбѣ выѣхалъ на Кочколыковскій хребетъ, отколь услышалъ въ Маіоръ-Тупѣ сильную перестрѣлку. Я понялъ, что Барятинскій идетъ въ Куринскъ, а какъ Маіоръ-Тупъ отъ Куринска въ 15 верстахъ, то навѣрное ночью получу съ лазутчикомъ записку выступить на соединеніе. Въ этотъ моментъ, по роспускѣ войскъ, у меня осталось три роты пѣхоты, четыре сотни казаковъ и одно орудіе, а поэтому съ высотъ тѣхъ я написалъ записку карандашомъ, въ укрѣпленіе Гервель-Аулъ, въ 15 верстахъ, къ полковнику Ктиторову: оставить въ крѣпости одну роту, а съ двумя при орудіи, выступить ко мнѣ; другую записку отправилъ на постъ Караганскій въ 17 верстахъ; изъ него потребовалъ двѣ сотни казаковъ.

Каждая записка вручена тремъ казакамъ на добрыхъ коняхъ, испытанныхъ въ отвагахъ, съ приказаніемъ доставить, по принадлежности, во что бы ни стало.

Требуемая части прибыли къ полуночи. Вслѣдъ за ними явился отъ Баятинскаго лазутчикъ съ запиской; сказано въ ней: съ разсвѣтомъ стать между рѣками Мичукомъ и другой рѣкой, и ожидать его отряда. Минуть черезъ десять явился мой лазутчикъ и сообщилъ, что Шамиль со всѣмъ своимъ скопищемъ, до 25,000, сталъ за Мичукомъ, противу моей просьби, и усилилъ сторожевую цѣпь. Имамъ былъ убѣжденъ, что я выступлю на соединеніе съ отрядомъ, и онъ во время успѣтъ воспрепятствовать моему движенію.

Мѣстный наибъ съ почетными стариками,—какъ я узналъ о томъ черезъ лазутчика моего—явились къ Шамилю съ слѣдующими словами: «Имамъ! напрасно сторожишь старую лисицу на этомъ пути; она не такъ глупа, какъ ты думаешь о ней; она не полѣзетъ тебѣ въ ротъ, а обойдетъ такими путями, гдѣ трудно пролѣзть и мыши!» Но Шамиль отвергнулъ ихъ совѣты, и не принялъ никакихъ предосторожностей въ боковыхъ путяхъ.

Въ два часа ночи, съ четырьмя ротами, шестью сотнями казаковъ, при двухъ орудіяхъ, двинулся я черезъ Кочкельковский хребетъ гораздо правѣй просьби, безъ дороги, по дремучему лѣсу, такъ что орудія и зарядные ящики черезъ пни и колоды переносились на рукахъ. Преодоливъ всѣ препятствія, съ восходомъ солнца сталъ на указанномъ мѣстѣ; соединясь съ отрядомъ, съ полкомъ моимъ пошелъ въ авангардѣ. Подвѣрбляемый четырьмя баталіонами и восемью орудіями, съ бою овладѣлъ завалами. Расположась въ нихъ, пропустилъ весь отрядъ, послѣднимъ отступилъ черезъ Мичукъ, и только къ полночи пришелъ въ Куринскъ.

За занятіе заваловъ я награжденъ Георгіемъ 4-й степени; но эта награда куплена цѣною потока крови моихъ братій; изъ полка моего вышло убитыми: храбрѣйшій майоръ Банниковъ, до 70 казаковъ, ранено два офицера и до 50 казаковъ; подо мною убиты три лошади.

Во время рубки лѣса, съ 5 января по 17 февраля 1852 г., былъ слѣдующій случай: въ одинъ вечеръ собрались ко мнѣ баталіонные командиры и офицеры пить чай. Среди этого является мой

знаменитый лазутчикъ Алибей. Когда онъ вошелъ, я привѣтствовалъ его на туземномъ языкѣ: «Маршудю» *). Отвѣтъ: «Марни Хильли» **). Мой вопросъ: «не хабаръ? Метъ Али» ***).

Вдругъ вся честная компанія обратилась ко мнѣ съ просьбою, чтобы спрашиваемъ былъ лазутчикъ не мною, понимавшимъ туземный языкъ, но чрезъ переводчика, потому что ихъ интересуютъ его вѣсти, которыя я-де могу отъ нихъ скрыть. Не подозрѣвая о чемъ Алибей пришелъ мнѣ сообщить, я приказалъ переводчику передавать на русскомъ языкѣ: «я пришелъ сказать тебѣ: Шамиль прислалъ изъ горъ стрѣлка, который въ 50 саженьяхъ, подвинувши яйцо въ верху, изъ винтовки пулею его разбиваетъ; ты завтра идешь рубить лѣсъ, имѣешь привычку постоянно выѣзжать на курганъ, противу оставленной нами за Мичукомъ батареи, вотъ въ ней будетъ сидѣть этотъ самый стрѣлокъ, и, какъ только ты выѣдешь на курганъ, онъ убьетъ тебя. Я счелъ нужнымъ предупредить объ этомъ, и посоветовать—не выѣзжать на тотъ курганъ.»

Поблагодаривъ моего Алибея, далъ ему башкетъ и отпустилъ. Съ восходомъ солнца войска стояли въ ружьѣ. Я двинулъ ихъ къ Мичуку. Надо сказать, что о хабарѣ Алибея ужъ знали каждый солдатъ; мое положеніе было отвратительное: не ѣхать на курганъ—явно долженъ показать себя струсившимъ, а ѣхать и стать на курганѣ—быть убитому. Явилось какое-то во мнѣ хвастоблюбіе: я рѣшился ѣхать на курганъ ****). Не дойдя саженьей съ 300, остановилъ колонну; съ пятаю вѣстовыми поѣхалъ къ лобному мѣсту; подъ курганомъ остановилъ ихъ; взялъ у вѣстового мой штудеръ; выѣхалъ на курганъ; сталъ лицомъ къ батарееѣ. Не могу скрыть, что происходило со мной: то жаръ, то холодъ обдавалъ меня, а за спиной miriady мурашекъ ползали. Вотъ блеснула на брустверѣ винтовка. Послѣдовалъ выстрѣлъ. Пуля пролетѣла влѣво, не задѣвъ меня. Дымъ разошелся. Стрѣловъ, увидѣвъ меня сидящаго на лошади, опустился въ батарею. Видѣвъ взмахъ руки—прибиваетъ зарядъ; вторично показалась вин-

*) Здравствуй.

***) Благодарю за здоровье.

***) Что новаго? Рассказывай.

****) Разстояніе отъ кургана, чрезъ рѣку Мичукъ, къ батарееѣ около 150 сажень.

товка; послѣдовалъ выстрѣлъ: пуля ваяла вправо, пробила пальто. Ошеломленный нахлѣвностью выстрѣловъ стрѣлокъ вскопчалъ на брустверъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня. Въ эту минуту я вынулъ изъ стремени лѣвую ногу и положилъ на гриву лошади; облокотившись лѣвой рукой на ногу, приложился къ штуцеру, сдѣлалъ выстрѣлъ, и мой соперникъ наваничь полетѣлъ въ батарею; пуля попала въ лобъ, прошла на вылетъ. Войска, стоявшія безмолвно, грянули «ура», а чеченцы за рѣкой выскочили изъ за заваловъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ, смѣшаннымъ съ своимъ, начали хлопать въ ладоши «якны (хорошо) Боклу! Молодецъ Боклу!»

Неуверенностью выстрѣловъ стрѣлка я обязанъ немирнымъ чеченцамъ: когда явился къ нимъ стрѣлокъ и началъ хвастаться, что онъ «Боклу *) убьетъ», то на это ему сказали слѣдующее: «О тебѣ мы слышали: ты на лету изъ винтовки пулею разби- ваешь яйцо, а знаешь ли, тотъ, котораго хвастаешься убить, такой стрѣлокъ, мы сами видѣли,—на лету изъ винтовки убиваетъ муху! да къ тому-жѣ должны тебѣ сказать: его пуля не беретъ, онъ знается съ шайтанами **). Знай, если ты промахнешься, онъ непременно убьетъ тебя».

— «Ну, хорошо, проговорилъ стрѣлокъ, я загачу мѣдную пулю; отъ нея не спасутъ его шайтаны!»

Вотъ вся причина, отчего не были вѣрны выстрѣлы; у при- цѣливавшагося въ меня, при разстроенныхъ нервахъ, зрачки глазъ расширились и мѣткость у стрѣлка пропала.

29-го января 1853 г. князь Барятинскій съ войсками изъ Грозной пришелъ въ Куринскъ, и приступилъ къ рубкѣ лѣса на Хоби-Шавдонскихъ высотахъ, съ цѣлью построить укрѣпленіе. Съ 6-го по 17-е февраля лѣсъ на высотахъ и по склону къ Мичуву былъ вырубленъ. Необходимъ переходъ черезъ Мичувъ; но берега ея, при впаденіи въ нее рѣки Ганзовки, съ обѣихъ сторонъ отвѣснсты саженъ на восемь; по лѣвую сторону Шамилъ съ 40,000 скопникомъ, съ десятью орудіями, стоявшими надъ берегомъ въ батареяхъ, построенныхъ изъ фашинъ. Отвер- тый проходъ былъ немислимъ потому, что потеря въ войскахъ

*) На чеченскомъ языкѣ—левъ.

**) Съ чертями.

могла быть на половину отряда, а успѣхъ сомнителенъ. Требовалось обходное скрытное движеніе.

16-го февраля Барятинскій, вечеромъ, призывалъ меня къ себѣ въ палатку и сказалъ: «дѣдъ*), переходъ чрезъ Мичуку открытъ—возвратятъ страшныя потери; ты знаешь всю мѣстность, не можешь-ли обойти во флангъ Шамилю?»

Я попросилъ у него отсрочки на два дня, чтобы чрезъ пластуновъ моего полка найти выше или ниже мѣсто, незанятое неприятелемъ. Въ отвѣтъ сказано: «время терять; въ эту же ночь узнать, а съ разсвѣтомъ ты, дѣдъ, окончательно долженъ идти!»

Возвратясь въ мою ставку, призывалъ я знаменитаго начальника команды пластуновъ, урядника Сюопина (имя осаулъ), приказавъ ему самъ-другъ осмотрѣть мѣстность верстахъ въ восьми выше по рѣкѣ, въ разсвѣту возвратиться и сказать: удобна-ль переправа, и не сторожатъ-ли тамъ чеченцы?

Сюопинъ возвратился и сообщилъ: «переправа удовлетворительна, стражи нѣтъ.»

Ту-жъ минуту я отправился къ Барятинскому, разбудилъ его и передалъ добрую вѣсть.

«А сколько тебѣ, дѣдъ, нужно войсва?» спросилъ князь.

Я сказалъ: «позвольте мнѣ взять Куринскаго полка три баталіона, мой полкъ, дивизионъ драгунъ, нижегородцевъ, сборный линейный казачій полкъ и восемь орудій».

— «Бери и иди съ Богомъ; надѣюсь на тебя, съумѣешь выполнить мое порученіе, я-жъ сейчасъ двинусь къ Мичуку, открою артилерійскій огонь и этимъ замаскирую твое движеніе.»

Выходя отъ кн. Барятинскаго, я попросилъ, что если я, сверхъ чаянія, буду неприятелемъ открытъ и завяжется у меня съ нимъ дѣло, то не посылать мнѣ на выручку ни одного человѣка, потому что это будетъ напрасный трудъ, никакія вспомогательныя силы не спасутъ моего отряда, а только увеличатъ потерю.

Съ разсвѣтомъ густой туманъ покрылъ всю мѣстность, съ тѣмъ вмѣстѣ скрылъ мое движеніе. По сѣверному склону Кочкомыковскаго хребта двинулся мой отрядъ; пройдя Куринское укрѣпленіе, круто повернулъ лѣвымъ плечомъ и чрезъ дремучіе

*) Такъ онъ всегда называлъ меня.

лѣса и овраги дошелъ до Мичука; переправился нѣкъмъ незамѣченный, и направился внизъ по Мичуку. Къ часу по полудни туманъ разошелся; Шамиль увидѣлъ меня подходящаго къ правому его флангу. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ гостемъ, имамъ отступилъ отъ Мичука, и Барятинскій со всѣми своими силами, подъ моимъ прикрытіемъ, двинулся чрезъ рѣку. Потеря, вмѣсто нѣсколькихъ тысячъ, ограничилась десятью или пятнадцатью убитыхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Кстати замѣчу. Командиръ кабардинскаго лѣхотнаго полка полковникъ баронъ Николай получилъ Георгія 4-й степени, за смѣлую (!) отвагу: первымъ спустился по веревкѣ въ Мичукъ о боевъ моей колонны. Вотъ ужъ подлинно гласить поговорка въ народѣ: не родись красивъ, а родись счастливъ.

А вотъ настоящій, заправскій примѣръ — не только отваги, но и полнѣйшаго самоотверженія: 25 февраля 1853 г., въ сильномъ бою при истребленіи ауловъ Денги-Юртъ и Али-Юртъ, бывши колоннымъ начальникомъ и распоряжаясь войсками, я не обратилъ вниманія на Шавдонку, топкій ручей; чрезъ него безъ моста переходъ — немислимъ; широта его сажень семь. По лѣвой сторонѣ при отъ срубленаго лѣса и колоды, изъ-подъ нихъ нѣсколько десятковъ винтовыхъ направлены были въ меня. Мой знаменитый пластунъ Скопинъ, бывши позади увидаль страшную для меня грозу; выскочилъ впередъ и остановился предо мной; послѣдовали выстрѣлы; пуля пронзила ему правое плечо; облитый кровью, Скопинъ съ лошади не упалъ, и повернувшись ко мнѣ, сказалъ: «ваше превосходительство, это готовилось для васъ, я-жъ изъ зависти принялъ на себя; надѣюсь, вы не будете за это ко мнѣ строги». Таковымъ случаемъ былъ пораженъ весь отрядъ.

Скопинъ имѣеть три знака отличія св. Георгія.

Въ 1857 г. я былъ назначенъ походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, при кавказской арміи находившихся; въ концѣ 1859 года отчисленъ въ войско Донское, гдѣ, по выборамъ дворянства, въ 1861 году выбаллотированъ окружнымъ генераломъ второго военнаго округа.

Я. П. Баклановъ.

Примѣч. О многочисленныхъ подвигахъ Бакланова, во время его кавказской боевой жизни — ходять множество разсказовъ. Старые кавказскіе воины передають ихъ съ особенною любовью. Изъ многихъ эпизодовъ, нами слышанныхъ,

мы позволяем себѣ привести изъ записной книжки одинъ,—въ которомъ особенно выдѣляется типическая черта кавказца-ветерана: именно его преданность долгу до полнѣйшаго самоотверженія. 19 декабря 1853 года, Баглановъ выступилъ изъ крѣпости Грозной съ колонною для рубки лѣса на ближнихъ высотахъ. Отсюда Яковъ Петровичъ услышалъ производившуюся въ десяти верстахъ, между рѣками Сунжой и Аргуномъ, на Чортугаевской переправѣ, сильную орудійную пальбу. Оставя пѣхоту продолжать работы, Баглановъ съ кавалерію, состоящую изъ 2500 человекъ полковъ казачьихъ, двухъ донскихъ, одного линейнаго и дивизиона дунайскаго войска, пошелъ черезъ лѣса въ долину карьера; пройдя по лѣвой сторонѣ Аргуна верстъ шесть, отрядъ встрѣтилъ горцевъ: они шли, въ количествѣ до 4 т. всадниковъ, къ Аргуну отъ Сунжи. Произошелъ бой. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія,—вся масса непріятелей была опрокинута и бросилась бѣжать, устилая землю трупами. Въ первый моментъ схватки, былъ сильно раненъ, пулею въ лѣвую ногу, старшій сынъ Багланова — Николай Яковлевичъ. Когда сынъ палъ,—отецъ этого не видѣлъ: онъ былъ въ отдаленіи, во главѣ резерва, который шелъ вслѣдъ за бросившимися въ чинжи и въ шашки казаками, готовый ежеминутно поддержать удалцовъ. Вдругъ отецъ-Баглановъ наткнулся на командира донскаго полка—храбрѣйшаго изъ храбрыхъ—полковника (нынѣ генералъ-майора) Ежова. Полковникъ стоялъ пѣшіи и плакалъ. Баглановъ съ укоромъ спросилъ: «Что это значитъ?»

— «Развѣ не видите въ крови вашего храбраго сына», — отвѣчалъ Ежовъ.

Старый воинъ не взглянувъ на сына, съ горячностью обратился къ полковнику Ежову. «Что-жь, что палъ молодецъ казакъ — онъ былъ впереди, но вы-то, господинъ Ежовъ, по какому праву остались надъ однимъ раненымъ, бросивъ на произволъ судьбы вѣрнѣйшихъ вамъ восемьсотъ сыновъ вашего полка? На коня! Къ своимъ храбрымъ сынамъ! Иначе изрублю въ куски!»

Ошеломленный Ежовъ вскакивалъ на лошадь и, какъ стрѣла, помчался впередъ. Раненый молодой Баглановъ остался безъ чувствъ на мѣстѣ. Оттуда было не до сына; генералъ опасался, что впереди, въ лѣсахъ, могли оказаться еще свѣжія силы горцевъ, которые ударятъ на разстроенныхъ скачкою казаковъ и побѣда смѣнится поражениемъ. Съ цѣлью предотвратить таковую случайность, генералъ Баглановъ пронесся съ резервомъ впередъ и не только ни на минуту не остановился надъ сыномъ, но даже не считъ возможнымъ остаться при немъ казакъ.

Горцы были окончательно разбиты. На возвратномъ пути казаковъ, раненый былъ взятъ на устроенныя пѣз пѣз носилки и доставленъ въ крѣпость Грозную. Отъ этой раны, молодой Баглановъ (нынѣ подполковникъ) пролежалъ почти годъ безъ движенія.

Съ 1845 г. по 1853-й г. за многочисленныя дѣла съ горцами, слава о которыхъ долго будетъ жить на Кавказѣ, Я. П. Баглановъ произведенъ въ подполковники, полковники и въ генералъ-майоры; награжденъ золотою саблею, Владиміромъ 3-й степени, Анною 2-й степени, Георгіемъ 4-й степени и Станиславомъ 1-й степени. Ред.

**ЗАПИСКА В. Н. КАРАЗИНА,
ПРЕДСТАВЛЕННАЯ
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I**

через министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубая.

1820 г.

(продолженіе)*).

Тетрадь 5-я. Случившееся происшествіе**), по крайней мѣрѣ у насъ, россиянь, еще не бывалое, заставляеть меня прибавить въ моиѣ тетрадиѣ еще одну, хотя и щель-было я приличнымъ остановиться съ сими откровенными изъясненіями впредь до рѣшительнаго о томъ приказанія. Происшествіе это я угадывалъ за семь мѣсяцевъ до онаго, въ чемъ могу представить несомнительныя доказательства... Въ послѣдней, или предпослѣдней моей тетради я, кажется, и намекнулъ о немъ, хотя не могу точно увѣрить, не имѣя у себя списка ни съ одной. Впрочемъ оно, само по себѣ, не такъ страшно, какъ нѣкоторые здѣсь воображали, говорили, и какъ, можетъ быть, донесли государю. Напротивъ, изъ него-то я вижу во всемъ блескѣ благороднѣйшій характеръ неподобнаго русскаго народа: и что, взявъ надлежащія мѣры, можно еще спасти его отъ всеобщей заразы. Что ни сдѣ-

*) См. декабрьскую книжку «Русской Старины» 1870 г., въ которой, — на стр. 541 — 566, помѣщено начало этой объяснительной записки. Она составляетъ одно изъ приложений къ письму В. Н. Каразина къ императору Николаю Павловичу отъ 18 сентября 1826 г. (Тамъ же стр. 582 — 541). Печатаемое теперь продолженіе «объяснительной записки» (выписки изъ 5-й, 6-й и 7-й тетрадокъ, адресованныхъ Василиемъ Назаровичемъ, въ 1820 году, къ императору Александру Павловичу, черезъ посредство тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубая), дополняетъ политическую характеристику Каразина. Можно во многомъ не соглашаться съ его воззрѣніями, но нельзя не считать справедливымъ его усердіе въ пользу отечества.

Ред.

**) Неповиновеніе Л. Г. Семеновскаго полка.

лено для его развращенія, оно не совершилось еще въ той степени, какъ желали и желаютъ враги наши!... Сопротивленіе власти было только отрицательное, то-есть одно то, которое христіанскій законъ дозволяетъ въ крайнихъ случаяхъ. Русский еще не способенъ къ прямымъ бунтамъ.

Это адское изреченіе ему еще неизвѣстно! Съ прекраснымъ, вѣрнымъ, нѣвогда любимымъ полкомъ поступлено безъ снисхожденія *). Онъ отданъ тирану перевресту (какъ говорятъ) изъ евреевъ. Его жестокости были не только тяжки, но и отвратительны: показывали явное презрѣніе къ достоинству человѣка, которое въ послѣднемъ солдатѣ должно быть свято сохранено **). Ибо куда будетъ годиться воинъ, если истребить въ немъ чувство чести!.. не взирая на то, что онъ до нѣкоторой степени долженъ быть орудіемъ (машинкою)? Жалобы были приносимы неоднократно. Наконецъ они рѣшились нарядно просить объ удаленіи начальника. Единодушіе всего полка въ сей упорной просьбѣ, въ настояніи о ней, составляетъ, можно сказать, всю его вину. Никто изъ такого множества людей не имѣлъ при себѣ оружія, никто не произнесъ ни слова, которое могло бы имѣть значеніе угрозы. Первую роту обманомъ залучили и взяли въ вѣрность. Прочія, даже и симъ не оскорбясь, добровольно пошли за нею—въ однихъ шинеляхъ—желая раздѣлять наказаніе за общую вину. Какая черта среди безпорядка противъ дисциплины!.. О народъ единственный! Я становлюсь предъ тобою на колѣни: слезы наполняютъ глаза мои. Я горжусь тѣмъ, что къ тебѣ принадлежу!.. Такъ ли поступаютъ возмущающіеся полки въ прочихъ земляхъ?

За всѣмъ тѣмъ весьма не важенъ этотъ случай: во-первыхъ потому, что онъ составляетъ какъ бы первую ступеньку къ лѣстницѣ, которую строятъ для насъ духъ вѣка; во-вторыхъ, по отголоску, который раздается о семь и въ чужихъ краяхъ и во всѣхъ концахъ нашего государства. Первое оскорбительно только для

*) Приятно мнѣ здѣсь засвидѣтельствовать съ клятвою, что никто не обвиняетъ въ семъ непосредственно государя! Говорятъ напротивъ, что онъ долго не соглашался сдѣлать Шварца командиромъ сего полка. В. Б.

***) Напр. сказываютъ, что онъ приказывалъ плевать въ ротъ солдатамъ, ходилъ къ женатымъ въ спальни ночью и пр. Онъ прибиралъ людей, какъ скотовъ, по пѣту волосъ и пр. В. Б.

нашего честолюбія: ибо мы въ то самое время громко говоримъ, что умирняемъ другихъ; но послѣднее составить истинный вредъ, то-есть подрывъ нашего общественнаго мнѣнія. До сихъ самыхъ поръ оно власть и войска почитало за одно!..

Словомъ, не распространяясь далѣе о причинахъ, я, какъ одинъ изъ старѣйшихъ (давнѣйшихъ) обожателей государя, какъ добрый гражданинъ и какъ отецъ семерыхъ дѣтей, которыхъ жизнь и имѣніе вмѣстѣ съ моею жизнію и имѣніемъ желаю сохранить, опять привязываюсь къ случаю: и опять повторяю то, что написалъ почти за девятнадцать лѣтъ до сего *). Именно (сколько вспомнить могу изъ слова въ слово) «время укрѣпить разслабляющій составъ нашего государства! время замѣнить религиозное къ престолу почтеніе другимъ, основаннымъ на законахъ!» Государь! прибавилъ бы я теперь, — не совсѣмъ вѣрете поклонамъ и рѣчамъ, которыми васъ встрѣчаютъ, губернаторамъ, которые можетъ быть говорятъ: «все благополучно, все еще по прежнему!» Великая перемена произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ. Множество причинъ на сіе дѣйствуютъ: «и день онъ, яко тать прійдетъ!»

Правительство само способствуетъ тому всеусильно, непонятнымъ какимъ-то образомъ, какъ изъяснялъ я отчасти въ прежнихъ моихъ тетрадахъ и прежде въ бумагѣ 31-го марта сего года. Многое къ сему можно бы прибавить. Я назову (только просто назову) одно лишь: рекрутскій нынѣшній наборъ. Невѣроятно, сколько подвинулъ впередъ общественное мнѣніе наборъ сей, производимый безъ очевидной для народа нужды по его необыкновенному количеству, и въ такое время, когда треть Россіи, можно сказать, уже безъ того приведена въ уныніе недородомъ нынѣшняго лѣта, — предписанный не изъ столицы, гдѣ народъ предполагаетъ государя окруженнаго совѣтомъ, но изъ царства инога!

Но я забываю, что не о дѣйствующихъ сихъ причинахъ теперь рѣчь, но о средствахъ помочь въ предстоящей неминуемой бѣдѣ. Конечно годъ, два можетъ быть и болѣе, еще протянется. Но для того-то я теперь и пишу; для того-то и отважи-

*) Въ бумагѣ къ 12-му декабря 1801 года присланной изъ Москвы: свидѣніе, въ которомъ Александръ Невскій представленъ бесѣдующимъ.

ваю всего себя. Въ противномъ случаѣ жертва эта была бы совершенно бесполезною! Графъ Ривароль писалъ нѣсколько поздно: именно въ концѣ 1791-го года *). Я не хочу на него походить. Моя участь должна быть—или ссылка за Байкалъ, пока еще ссылка можно, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать уже не стану **).

Мысль, выраженная въ нотѣ г-ну Зеа-Бермудецу при полученіи отъ него увѣдомленія о принятіи королемъ его конституціи кортесовъ, мысль, о которой я готовъ отвѣтствовать живнію, что она произошла не отъ подоврительныхъ намъ россиянамъ помысловъ г-на Капо д'Истрія, но непосредственно изъ благороднѣйшаго сердца государя, мысль, что правители народовъ должны добровольными, ими данными постановленіями предварять постановленія насильственные, есть одна изъ высочайшихъ истинъ! — Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ сіе было учинено завременно. Упомянутый теперь лишь Ривароль говоритъ объ объявленіи съ трона, въ народномъ собраніи, Людовикомъ, что онъ дастъ самъ постановленіе: «Quant à la déclaration du 23 Juin, n'est-il pas évident, que si elle eût été donnée six mois auparavant, elle eût fait perdre, non seulement l'idée, mais jusqu'au désir des états généraux». (Rivarol: ouvrage cité incontinent ci-dessous).

Совершенно согласно съ симъ мнѣніемъ одного изъ умнѣйшихъ дворянъ Франціи, сказалъ и одинъ изъ умнѣйшихъ ея демократовъ, I. С. Балля: «Un ministre me disait quelques jours (après la séance Royale): comment n'est-on pas content? Si le Roi eût donné, il y a dix ans, une pareille déclaration, n'eût elle pas été reçue avec enthousiasme?— Oui, sans doute, il y a dix ans.— Que veut donc l'assemblée?— Elle veut faire et non que vous fassiez***). «Il s'élève derrière nous, — восклицаетъ Шатобрианъ спустя

*) Ouvrage inédit du Comte de Rivarol. Paris. 1820 in 8-o, 74 pages. В. К.

**) Очень знаю и чувствую, что сіе мѣсто можно обратить въ смѣхъ. On peut travestir les plus grandes choses, et leur donner une teinte de ridicule, сказалъ тотъ, кто больше всѣхъ на свѣтѣ имѣлъ случаевъ познать сію истину т.-е. Наполеонъ. Но должно смотрѣть на чувства, тому, кто ихъ имѣеть...

В. К.

***) Mémoires d'un témoin de la révolution. Ouvrage posthume de Jean Sultain Bailly. Paris. An XII. T. 1 p. 180.

почти тридцать лѣтъ, — il s'élève une génération impatiente de tous les jougs, ennemie de tous les Rois; elle rêve la république et est incapable par ses moeurs des vertus républicaines. Elle s'avance, elle nous presse, elle nous pousse; bientôt elle va prendre notre place... nous n'avons que deux choses à opposer aux folies de cette jeunesse: la légitimité, escortée de tous ses souvenirs, environnée de la majesté des siècles, la monarchie représentative, assise sur les bases de la grande propriété, défendue par une vigoureuse aristocratie, fortifiée de toutes les puissances morales et religieuses. Quiconque ne voit pas cette vérité, ne voit rien et court à l'abîme; hors de cette vérité tout est théorie, chimère, illusion»!

Сочиненіе сіе Шатобріана читалъ я въ августѣ сего года въ Павловскѣ: но еще въ мартѣ осмѣлился писать тоже самое. Кн. Чарторыскій или другой кто, кому должно принадлежать смѣлое письмо 1807-го года, изъяснялся подобнымъ же образомъ. Согласіе людей, раздѣленныхъ большимъ разстояніемъ, временемъ и другими обстоятельствами, не могущихъ имѣть ни малѣйшей связи между собою, заслуживаетъ, повторяю, нѣкоторое уваженіе... Насъ спасти можетъ единственно немедленное употребленіе въ дѣло просвѣщеннаго дворянства. Но выборъ въ губерніяхъ сборищамъ предоставить кажется еще рано. Множество неудачныхъ выборовъ это доказываютъ. Слѣдовательно, едва ли не должно будетъ прибѣгнуть къ способу предложенному вамъ, сіятельнѣйшій графъ! котораго планъ болѣе всего прочаго испортили кажется уклоненіе въ сторону графа Михайла Семеновича и приглашеніе имъ по его англоманіи молодыхъ демократовъ. Они-то тайно отъ насъ испортили заготовленную бумагу, и все дѣло испортили препровожденіемъ ея, чрезъ графа Капо д'Истрія, который ни почему на свѣтѣ не могъ благоприятствовать патріотическому намѣренію россиянь*).

Я вседушевно не одобряю нынѣшнихъ конституцій. Наилучшимъ въ томъ доказательствомъ, и къ моему оправданію,

*) Здѣсь В. Н. К. намекаетъ на проектъ общества, которое должно было составиться изъ значительнѣйшихъ помѣщиковъ для улучшенія быта ихъ крестьянъ и которое должно было, между прочимъ, имѣть въ виду ознакомленіе сихъ послѣднихъ съ здравыми идеями о государственномъ устройствѣ.

Тетрадь 6-я. Энциклопедисты прошедшаго вѣка, чтобы уронить религію, старались сдѣлать ея подозрительною у государей, въ томъ, что якобы она стѣсняетъ ихъ власть, провозводитъ бунты, и пр. Приверженникамъ къ религіи они представляли государей гонителями. Кондорсетъ въ его «Esquisse des progrès de l'esprit humain» самъ открылъ намъ тайну сего заговора. Подобно, писатели сей системы представляли дворянство въ очахъ народа смѣшнымъ, въ очахъ государя опаснымъ. Махиавелева политика имѣла цѣль ссорить между собою своихъ непріятелей, дабы удобнѣе ихъ истребить, одного посредствомъ другого. Чего не было на счетъ дворянства! чего не сказано въ похвалу такъ-называемого tiers-état! Мы видимъ слѣды разрушительной системы прошедшаго вѣка и въ образѣ мыслей, который приняли государи нашего времени. Ибо воспитатели Датскаго Фридриха-Вильгельма, Франца и самого Александра *), всѣ эти Массоны, Лагарпы и такъ далѣе, были люди налитанные упомянутою системою. Имъ подражалъ и г. Шторкъ въ своемъ курсѣ, изданномъ ко удивленію добрыхъ россиянь въ 1815 году **) — къ счастью на французскомъ языкѣ!

Но — безъ предубѣжденія!..

1) Дворянство видимъ мы отъ вѣка во всѣхъ странахъ. Начинаясь Римъ имѣлъ своихъ патриціевъ, и отагейцы имѣютъ эрисовъ. Иначе быть нельзя, ибо въ народѣ всегда должны отличатся лучшіе люди (αρίστος); невозможно всѣмъ быть равнымъ. 2) Есть ли средство воспрепятствовать родителямъ, чтобы они, болѣе или менѣе, не сообщали дѣтямъ своего значенія? Уничтожимъ на ми-

*) Который по истинѣ стоитъ выше всѣхъ ихъ своимъ моральнымъ достоинствомъ!

В. К.

**) Духъ, въ какомъ писанъ этотъ курсъ (впрочемъ выкраденный изъ другихъ авторовъ, особливо изъ Канара (Canard), котораго г. Шторкъ умилительно нигдѣ не именовалъ), очевиденъ изъ главы о богослуженіи въ патомъ томѣ (стр. 185). Забавнѣе всего, что онъ нѣсколькими незначущими строками, такъ сказать пришитыми къ концу главы, хочеть отвести отъ себя упоризму въ явномъ безвѣрїи, которое преподавалъ на осяи странствахъ. Вся эта глава не что иное какъ выписка изъ «Recherches sur le despotisme oriental», par Boulanger. (Это одинъ изъ злѣйшихъ враговъ христіанства. Сочиненіе его «Le Christianisme dévoilé» писано съ такимъ остервененіемъ, которому нѣтъ примѣра у другихъ сего рода авторовъ). О, дай Богъ, чтобы когда-нибудь русскіе воспитывали великихъ князей нашихъ! Желаю сего счастья милому Александру Николаевичу!..

Примѣч. В. Н. Карашень 1826 г.

**

нугу мысленно всякое дворянство въ Россіи; истребимъ титулы. Дѣти ваши, сіятельнѣйшій графъ! прекрасные ваши сыновья (которыми я всегда столько восхищаюсь) тѣмъ не менѣе будутъ значить больше смысловъ какаго-нибудь ремесленника. Въ воспитаніе, способны къ жизни, дорога къ службѣ, которую проложите, все это должно необходимо отличить ихъ. Это меня не увѣритъ, чтобъ и дѣти президента, напримѣръ Американскихъ Штатовъ, пользовались одинакимъ уваженіемъ съ дѣтьми поденщика въ Филадельфій. И такъ далѣе!.. 3) Вредно-ли это для государства, чтобъ молодые люди, которыхъ родители наиболѣе имѣли средствъ и случаевъ приготовить ихъ къ мѣстамъ, занимали сіи мѣста дѣйствительно? 4) Уничтоживъ почести и отличія, сію монету государей, какъ говорятъ, что поставить на ихъ мѣсто? Неужели одиѣ деньги? Не оподѣютъ ли чрезъ это чувствованія; и корыстолюбіе, самая низкая страсть въ обществѣ, не возьметъ-ли чрезъ то верхъ надъ всѣми прочими?

Смѣшны, правда, грамоты безъ достоинствъ (смѣшны только, — не вредны!); но также смѣшны и патенты на чины и мѣста, данные государемъ по ошибкѣ. Также смѣшны и купленные докторскіе дипломы. Это злоупотребленіе! И не отъ правительства-ли зависятъ, чтобъ такіа злоупотребленія вообще случались волико возможно рѣже, если уже нельзя ихъ совершенно удалить? И вѣрьте, что это правительству несравненно удобнѣе, нежели отыскивать себѣ достойныя орудія власти или законодательства въ толпахъ непріготовленной и голодной черни. Не отъ правительства-ли зависятъ сдѣлать такъ, чтобъ отнюдь не было преимущества безъ соотвѣтствующей ему обязанности? Чтобъ первое всегда предполагало послѣднюю?.. И таковъ точно смыслъ вѣрныхъ нашихъ законовъ! Дворянство наше было всегда природимъ слугою царства, отъ двора государева и его совѣта, до войска, до приказовъ гражданскихъ — и до помѣстievъ. До помѣстievъ: ибо управленіе ими, судъ и расправа народа, попеченіе о его благосостояніи и набыткахъ, наполняющихъ государственную казну, есть конечно служба, не менѣе другой! Она должна на себя обращать, какъ и все прочія, вниманіе правительства, его награды, его одобренія, его руководства, его наказанія. Незаботливость у насъ державной власти объ управленіи помѣщиками людей, причтеніе сихъ послѣднихъ къ дѣлу

вершено противно духу религии, которая громко гласитъ: «нѣсть власть, аще не отъ Бога!» Никто еще не испытывалъ соглашать сего рѣшительнаго текста и ста другихъ, подобныхъ ему, съ началами нынѣшнихъ конституцій!! И никто, конечно, не испытаетъ! Ибо тутъ нѣтъ середины: одно что-нибудь: или отъ сихъ началъ, или отъ христіанской религии надобно отказаться. Мы зажимаемъ глаза и сами себя обманываемъ. Истины природы въ семь, какъ и въ тысячи другихъ случаяхъ, совершенно согласны съ религіею, какъ то неоспоримо доказали Бональ и Де-ла-Менне *). «Превозносимыя эти начала народнаго представительства и конституціи, на нихъ основанныя, упадутъ нѣкогда безъ возврата» говоритъ Де-ла-Менне (р. 80). Я въ семь совершенно увѣренъ, равно какъ и въ томъ, что мы не доживемъ до сего счастливаго времени.

.

Тетрадь 7-я, 1820 г., ноября 17-го, вечеръ. Время, оставшееся мнѣ для откровеннаго изъясненія моихъ мыслей, столь уже коротко, что я не отлагаю до другаго приобщить сію седьмую тетрадь къ прежнимъ. Пусть священнымъ издревле числомъ семь кончится политическая моя глаголивость **).

Начиная съ первой тетрадки я отступилъ отъ начальнаго моего плана, ибо я увидѣлъ, что онъ заставилъ бы меня писать въ порядкѣ систематическомъ и слишкомъ много. Но для моего предмета непринужденное теченіе мыслей, нѣоторая только черты, всего пристойнѣе. Слѣдовательно и теперь ограничусь только нѣсколькимъ изъ многаго, что я сказать хотѣлъ. Двѣ или три строки послѣдняго моего письма къ вашему сіятельству ***) показались мнѣ достойными особливаго распространенія. Именно: «напрасно думаютъ, что казую-нибудь истину должно скрывать отъ народа. Отъ него должно

*) Себя назвать я не смѣю вмѣстѣ съ ними отличными людьми, хотя я писалъ прежде ихъ тоже самое. В. К.

***) «И глаголиваго сего ты-ли поставилъ еси на земли?» книга Іова. В. К.

***) Отъ 11-го сего мѣсяца. В. К.

скрывать ложь и бредъ, которые одни вредны, а истину должно сдѣлать только понятною». Не удивляюсь, что своевольныя и развращенныя правительства, признавая такъ-называемыя либеральныя начала за истину, ищутъ скрывать ихъ отъ народа, дабы продолжать господствовать. Но христіанская монархическая система не только не должна быть тайною для кого бы то ни было (не исключая послѣдней черни), но она должна быть велегласно проповѣдуема на улицахъ, на площадяхъ, въ церквахъ, на всѣхъ народныхъ сборищахъ. Должно вразумлять народъ, должно показывать ему очевидно, ощутительно, сходство сей истины съ природою, съ необходимымъ положеніемъ вещей въ мірѣ и обстоятельствъ общества, наконецъ съ религіею. Дѣлается-ли у насъ это?.. Къ сожалѣнію, совсѣмъ нѣтъ; а дѣлается противное. Боятся дать поводъ разсуждать о взаимныхъ отношеніяхъ правительства и народа. Полиція съ жезломъ въ рукахъ,—цензуры, духовная и гражданская, съ затворами для словъ и мыслей, поставлены на стражѣ, чтобъ не прокралась въ народъ какая либо черта сей благодѣтельной системы, успокоивающей всѣ возможныя волненія умовъ. Едва вѣроятно, что у насъ по сей части происходитъ! Глубокимъ молчаніемъ даютъ поводъ разсѣвать самыя вздорныя, самыя вредныя начала; между тѣмъ какъ правительство, противурѣчіемъ самому себѣ, по временамъ показываетъ, какъ будто не имѣетъ никакихъ. Вчера оно превозглашало вольность, издавало на своемъ иждивеніи Бентама и пр. и пр.; сегодня является деспотомъ, непрізнающимъ ниже правъ собственности, уважаемыхъ и въ Азіи. Прежде славилось терпимостію вѣръ, отдавая однако должное преимущество отечественной; оставляя расколы въ неуваженіи, нечувствительно возвращало ихъ въ нѣдро церкви; соединяя благочестіе съ просвѣщеніемъ, умѣло дѣлать вѣроисповѣданіе наше привлекательнымъ для цѣлой Европы и плѣнять имъ самыхъ деистовъ; потомъ вдругъ явилось суевѣромъ вѣровъ прошедшихъ даже до того, что въ манифестахъ стало проповѣдывать о святости давно забытыхъ вѣнчиковъ и о необходимости свѣчь; на свѣчномъ доходѣ основало (какъ будто для игры слова)! просвѣщеніе духовенства; наконецъ, забывъ все это, дѣлается герн-гутеромъ, въ очахъ простаго народа нарушаетъ святыню празднивовъ и алтарныхъ мѣстъ, гонитъ іезуитовъ за

обращеніе жидѣ, а менонитамъ позволяетъ обращеніе своихъ подданныхъ, издавая проповѣди ихъ на руссійскомъ языкѣ мимо духовенства; рукою власти возводитъ католическихъ еретиковъ на кафедры; гонитъ и смѣшиваетъ всѣ религіи, всѣ начала; учреждаетъ училища, но подчиняетъ ихъ невѣждамъ, или фанатикамъ (одно изъ величайшихъ противурѣчій!) *); запрещаетъ говорить и печатать все то, что не отвѣтствуетъ сему духу мистцизма и вавилонскаго смѣшенія!.. Останавливаюсь писать о другихъ противурѣчійхъ, еще болѣе оскорбительныхъ для народнаго честолюбія, которое государи наши никогда не переставали уважать, среди своего самовластия отдавая во всемъ отчетъ народу. Но, какъ единственный можетъ быть репрезентантъ моего отечества Россіи, въ настоящія минуты мои, скажу что мы теперь, вмѣсто высокой цѣли правительства нашего еще отъ временъ великаго князя Іоанна Васильевича, цѣли столь славной, выдержанной во всѣхъ частяхъ Екатериною II, столь приличной нашему государству и господствующему въ немъ славянскому племени, стремимся къ раздѣленію самыми быстрыми шагами!.. Секты политическія и религіозныя умножаются. Нѣтъ никакой точки къ соединенію умовъ. Правительство не назначаетъ ея, и очевидно мятется. Это, въ пылѣшній вѣкъ особливо, будетъ имѣть тоже послѣдствіе, какъ-бы сокрытіе знаменъ и повелѣній военнаго начальника въ общемъ замѣшательствѣ битвы.

Должно всегда спѣшить сообщеніемъ истины человѣкамъ; ибо, въ противномъ случаѣ, ихъ естественное стремленіе искать ея, удовлетворять врожденное любопытство, немедленно замѣняютъ истину ложью. Исключенія изъ сего могутъ быть очень рѣдки, и только въ частныхъ случаяхъ, не системахъ, на которыхъ основывается общественное благо! Сія должны быть преподаваемы повсюду и всѣми образами: въ предписаніяхъ начальствъ, съ кафедръ церкви, въ училищахъ высшихъ и нижнихъ, начиная отъ лона матерняго. Бывъ простымъ сами по себѣ, онѣ

*) Магяницкій, напр., всю молодость свою ничѣмъ не занимался кромѣ французскаго вольнодумства и дурныхъ стишковъ. Теперь же ратуетъ за Енагеліе, разогналъ изъ Казани профессоровъ и полагалъ уничтожить всякое преподаваніе философіи въ университетахъ. Жалованъ г. Карнеевымъ управляетъ его секретарь, знающій только русской грамотѣ, сынъ дьячка. Онъ-то изгналъ аббата Николая изъ Одессы. Сей отличный мужъ получилъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ во Франціи въ совѣтъ народнаго просвѣщенія. В. Б.

могутъ быть самымъ простѣйшимъ, самымъ вразумительнымъ слогомъ выражаемы. Народъ полюбитъ ихъ всѣмъ сердцемъ, подобно какъ и другія понятныя для него истины, въ которыхъ онъ приверженъ часто болѣе, нежели высшія состоянія.

Осмѣливаюсь спросить, какія бы слѣдствія, кромѣ самыхъ лучшихъ, имѣло распространеніе въ російскомъ народѣ слѣдующаго или подобнаго ему политическаго катихизиса, взятаго изъ природы и изъ религіи?

§ 1. На свѣтѣ невозможно быть всѣмъ равнымъ. И Богъ насъ таковыми не производитъ. Однимъ даетъ онъ больше силы, другимъ больше здоровья, или ума. Одни рождаются и растутъ, другіе въ тоже время слабѣютъ и умираютъ, и т. д. Да и вообще ничего нѣтъ совершенно равнаго въ мірѣ между вещами одинакаго рода. Звѣзда звѣзды, листь листь больше или меньше.

§ 2. Слѣдовательно между человѣками на землѣ непремѣнно надобно, чтобъ были старшіе и младшіе, богатые и бѣдные, начальники и подчиненные. Этого нельзя избѣжать. Еслибъ, напр., какимъ-нибудь чудомъ случилось, чтобы всѣхъ уравнили, то на другой день уже опять стало бы возвращаться неравенство. Кто умнѣе, или сильнѣе, или прилежнѣе, тотъ бы приобрѣлъ болѣе другого, напр. глупаго, или слабаго, или лѣниваго, и т. д. *).

§ 3. У всякаго свой умъ и своя воля. Гдѣ двое должны жить вмѣстѣ, то уже надобно, чтобъ одинъ изъ нихъ былъ старшимъ. А безъ того добру не бывать! Это мы видимъ въ супружескомъ союзѣ. Кольми паче, если ихъ должно жить вмѣстѣ десять, сто, тысяча, или болѣе. Слѣдовательно во всякомъ

*) Вотъ одинъ сумасшедшій народъ вздумалъ-было погубить и царя и вельможъ и помѣщиковъ, своихъ благодѣтелей. Что-же вышло? Онъ ничѣмъ не лучше сталъ прежняго: отступилъ отъ Бога, пролилъ море крови, восемь миліоновъ всякаго народа погубило. Наконецъ вмѣсто царя законнаго, царскаго сына, воспитаннаго быть царемъ, восшелъ на престолъ хитрый злодѣй. И вельможи и помѣщики опять настали изъ людей подлыхъ, непрямыя обращать съ народомъ и заботиться о его добрѣ, о его нуждахъ. Всякій изъ нихъ сталъ думать только о себѣ: и подати утронились. Тенерь, хотя прочіе государи, особливо нашъ всемилостивѣйшій Александръ, возвратили французамъ законнаго государя, роднаго брата убиеннаго ими, сматенія въ народѣ все еще продолжаютъ и одинъ Богъ вѣдаетъ, какой этому будетъ конецъ!

Примѣчаніе. Подобныя поясненія и примѣры, изъ которыхъ я одинъ только этотъ здѣсь помѣстилъ (какъ бы для опыта), могутъ быть почти при каждомъ параграфѣ.

соединеніи людей должны быть начальники: въ домѣ, въ селѣ, въ городѣ, въ области, въ государствахъ.

§ 4. Начальники бываютъ природные, опредѣляемые высшею властью, и выбранные самими подчиненными. Богъ учредилъ такъ, что первые изъ нихъ, то-есть природные, по наслѣдству суть лучше изъ всѣхъ. Ибо добрый отецъ воспитываетъ добраго сына, начальники и подчиненные знаютъ изъ дѣтства другъ друга. Гордости и жадности бываетъ меньше въ родимыхъ начальникахъ, равно и зависть не можетъ имѣть мѣста въ подчиненныхъ къ нимъ. Всякій изъ дѣтства привыкъ къ своему состоянію. «Нѣсть власть аще не отъ Бога», говоритъ священное писаніе. И власть природная неоспоримо отъ Бога происходитъ, это очевидно, между тѣмъ какъ могутъ быть случаи, что опредѣленіе и избраніе сдѣлаются несогласно съ волею божіею, а только (какъ зло) допускается Промыслѣмъ. Власть опредѣляющая и избирающій народъ могутъ ошибиться въ выборѣ. Что, какъ бы на примѣрѣ, позволить городскимъ, или сельскимъ начальникамъ, опредѣлять, или дѣтямъ, въ семействахъ между себя, выбрать отцовъ?.. (Опредѣленіе, или выборъ имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ власть и собственность не имѣютъ между собою ничего общаго).

§ 5. Богъ есть единственный источникъ всякой власти; ибо онъ управляетъ міромъ: міръ не можетъ управляться самъ собою. Слѣдовательно почитая власть, т. е. родителей, начальниковъ, государя, мы чтимъ въ нихъ Бога, отъ котораго они поставлены: мы чтимъ въ нихъ образъ божій. Повинуясь имъ, мы повинемся самому Богу, владѣющему нами и въ сей и въ будущей жизни. «Повинуйтесь убо всякому человѣку начальству Господа ради» говоритъ апостоль.

§ 6. Никакой власти, никакого начальства на земли не можетъ быть безъ должности; ибо потому-то оно и начальство! Для того-то Богъ и власть далъ, на примѣрѣ, отцу надъ дѣтьми, чтобъ онъ пѣлся о ихъ настоящемъ и будущемъ благополучіи! Всякая власть, всякое старшинство безъ обязанностей, есть злоупотребленіе въ обществѣ и грѣхъ предъ Богомъ. Это суетное изобрѣтеніе человѣческое, а не установленіе божіе!

§ 7. Чѣмъ выше начальство, тѣмъ больше оно должно имѣть

власти, но за то и больше обязанностей, потому и больше должно быть почитаемо.

§ 8. Но высшее начальство для исполненія своихъ обязанностей предъ Богомъ и людьми, имѣеть надобность въ высшемъ и разумѣ. Помѣщикъ, напр., управляющій селеніемъ, долженъ быть умнѣе отца управляющаго только семействомъ. Губернаторъ, для управленія цѣлою губерніею, имѣеть нужду въ высшемъ разумѣ нежели помѣщикъ. Наконецъ государь, представляющій послѣднюю степень власти предъ Богомъ, необходимо долженъ заимствовать свой разумъ отъ высочайшей его премудрости. Симвъ образомъ отерывається необходимость въ Совѣтъ; ибо разумъ одного человѣка ограниченъ.

§ 9. Добрый отецъ семейства совѣтуется въ затруднительныхъ случаяхъ съ своими семьянами; т. е. съ тѣми, у которыхъ находятъ зрѣлый разумъ. Помѣщикъ призываетъ умнѣйшихъ и безпристрастнѣйшихъ поселянъ въ совѣтъ, или составляетъ изъ нихъ постоянную сельскую думу. Подобно всякое начальство окружаетъ себя совѣтомъ, по мѣрѣ прѣстранства своей власти. Но никакой совѣтъ не можетъ прѣпятствовать власти: это было-бы противно воли божіей, которая ее ввѣрила одному лицу, отъ высшей степени и до низшей.

...Но сего довольно! Подобнымъ образомъ можно бы объяснить всѣ политическія истины, какъ-то: необходимость и пользу налоговъ, содержаніе войска, и пр. и пр., сдѣлать ихъ понятными простѣйшему уму и пріятными для всякаго сердца. Народъ, снабженный таковыми началами, былъ бы твердъ въ своей привязанности къ правительству, непреклоненъ къ соблазнамъ. вмѣсто того, теперь, когда онъ, пробуждаясь отъ своего невѣжества, начинаетъ сопрягать вмѣстѣ понятіе о семъ правительствѣ съ понятіемъ о насиліи, грабежѣ и т. п. Чего ожидать *)? Хотятъ успокоить его библіями; но онъ ихъ не читаетъ, не умѣетъ читать, долго не научится, и рѣдко можетъ имѣть въ тому досугъ. Притомъ люди злонамѣренныя именно изъ нихъ самыхъ

*) Это чистѣйшая правда: но не обращаясь съ народомъ безпреставно, нельзя ее узнать. Вотъ вамъ признакъ: Спросите, какъ въ южныхъ губерніяхъ простолудинъ называетъ подати въ казну? — Техническое его слово есть драча, то-есть то, что слыраютъ съ народу. В. К.

извлекуть тексты противу монархической власти, если будетъ въ томъ настоять нужда. Ничего нѣтъ сильнѣе и къ сему способнѣе нѣкоторыхъ мѣстъ, напр. I-й книги царствъ (по остервальдской библии «Samuel») главы VIII. ст. 11 — 18. Евангелія отъ Маттея, гл. XVII, 24 — 27.

А извѣстно, что симъ образомъ распространяются лжеученія, то есть, отдѣльными мѣстами; ибо престолюдинъ ничего неслышаетъ, и о томъ, что выше, или ниже приведеннаго ему текста написано, не заботится. Иное дѣло, если-бъ поступлено было такъ, какъ я осмѣлился предложить, помнится въ 1-й изъ сихъ тетрадей, т. е., чтобъ познакомить народъ съ выбранными приличными текстами, переведа ихъ и на простой языкъ! Но напротивъ, воображаютъ, что онъ изъ моря библии будетъ удить именно то, что надобно правительству, и что вѣроятно позже всего ему попадется.

Словомъ: благородное наше юношество и народъ, который (сказавъ въ переносномъ смыслѣ) также выходитъ уже изъ дѣтскаго возраста, стоять въ настоящее время на самомъ опасномъ распутии. Одно мгновеніе: и они пойдутъ въ тотъ, или другой путь невозвратно!.. Не самовластныя мѣры, ни подслащенныя слова, ниже тонкости французской полиціи *) тутъ потребны, все это дастъ совсѣмъ противный оборотъ дѣлу! — но честность, строгая честность (loyauté), систематическій планъ, основанный, отъ первой буквы до послѣдней, на началахъ христіанскаго-монархическаго правленія!.. Кажется, я сказалъ до сихъ поръ довольно, чтобы увѣрить, что подъ таковыми началами я не конституціонныя (извѣстныя до сихъ поръ подъ симъ именемъ) разумѣю. Дѣло не въ томъ, чтобы у насъ въ Россіи заводить сраженія краснорѣчія мнимыхъ репрезентантовъ съ хитросплетеніями министровъ, постыдныя сраженія прихотей государя и его наемниковъ съ прихотями адвокатовъ, подкрѣпляемыхъ черниою; чтобъ выводить на позоръ цѣлаго свѣта покушенія и не-

*) Сего мѣсяца 5-го или 7-го числа ѣздилъ я къ И. С. Горголи жаловаться ему на полицейскія слѣдованія за мною людьми (кои всѣ грамотныя) по поводу какого-то насвѣдья. Шедши отъ него итикомъ, пришла мнѣ мысль: предупреждать ли таковыя лазутчества волненія народныя? Отвѣтомъ рѣшительнымъ можетъ служить извѣстная, чудесная несправность французской полиціи, на которую при короляхъ всегда было трчено столько денегъ, и слѣдовавшая тѣмъ не менѣе рѣзультаты.

удачи власти; чтобы открыть народному буйству, сосланному у насъ въ питейные дома, великолѣпный театръ, украшенный всѣми эмблемами могущества имперіи. Нѣтъ!... совсѣмъ нѣтъ! . . .

Какъ можно думать, чтобы россияне, усиленно поставленные подъ вліяніе чужихъ краевъ, продолжали быть спокойными зрителями всеобщаго волненія, или бы еще и сдѣлались орудіями въ его утишенію *). Странно, что благословенный, средній путь, указываемый намъ религіею и обычаями любезнаго отечества издавна, путь, по которому одному вѣкъ можно идти безопасно, остается до сихъ поръ пустынь! И сіе въ XIX стол., и при Александрѣ,—Траянѣ моемъ!.. Что государи, которые должны быть безпристрастны, почти какъ Богъ, которые, какъ Онъ, должны жить лишь въ жизни миліоновъ существъ разумныхъ, имъ подвластныхъ, управляются честолюбіемъ, желаніемъ поставить на своемъ, какъ обыкновенные люди! Неужели они сію жестокость и непреклонность (свойственную только Наполеонамъ) почитаютъ благородною твердостью, каковую имѣть должно въ добрыхъ намѣреніяхъ? Неужели они предпочитаютъ лучше сто разъ подвергаться ошибкамъ и даже опасностямъ, нежели призвать въ помощь разумъ своего государства? Богъ рѣдко просвѣщаетъ насъ сверхъестественно. Онъ разсѣялъ по лицу земнаго шара свои орудія. Должно употреб- лять ихъ.

*) Предсказать уже два или три происшествія, и теперь еще столько же смѣю предсказывать. Не одна тысяча нашихъ солдатъ съ ихъ офицерами останутся въ роскошной Италіи, чтобы въ ней поселиться, если будутъ посланы туда наши войска. Это не можетъ быть иначе: противурѣчіе слишкомъ велико, слишкомъ ощутительно для умовъ, которые уже вышли изъ самаго грубаго невѣжества! Нѣкогда сражались за Матъ Пресвятую Богородицу, въ 1812 году, и дагѣе, сражались за отечество, и по побужденію народной кести; теперь же какія изобрѣсть побудительныя причины?... Я прислушивался къ разговорамъ солдатъ, слышалъ, что они уже говорятъ и о малости своего жалованья и пр., чего прежде совсѣмъ не было. Духъ разлился далеко! И не напрасно Екатерина столь искусно медлила отправленіемъ войскъ противу Франціи. (Виновать! Я не дорожа собою говорю истини, которая учтивый помѣщикъ села Грузино можетъ быть не скажетъ). В. К.

Напрасно думаютъ, что у насъ нѣтъ людей для составленія мнѣнія государственнаго. Ихъ очень достаточно. Довольно нѣсколькихъ въ каждой губерніи. Нѣтъ и нужды вызывать ихъ оттуда. Довольно учредить здѣсь *) средоточіе, которое бы дѣйствовало на губернскаія подобныя же средоточія общественнаго мнѣнія и ими бы взаимно оживлялось. Нѣтъ никакой нужды въ огромныхъ залахъ, парадныхъ шествіяхъ и рѣчахъ, ниже въ извѣщеніи о всемъ этомъ газетами. Но безстрастная воля государева будетъ освѣщаема, на каждомъ его шагѣ, образомъ личнымъ и мало извѣстнымъ народу! Совѣтъ не препятствіе... Но мало по малу, нечувствительно, общественное мнѣніе и накрѣпенія государя сблизятся совершенно: поелику онѣ взаимно на себя будутъ дѣйствовать безъ всякаго духа оппозиціи (исчадія и отца возмущенія)! Правительство останется правительствомъ, не исполнительною только властію, по новымъ системамъ. Суды, гражданскій и уголовный получатъ естественныя ихъ верхнія инстанціи, и перестанутъ затруднять государя въ безконечной проволоочкѣ дѣлъ и въ соблазну народа. Убудутъ тысячи чиновниковъ, бесполезно или и со вредомъ государства получающихъ отъ него содержаніе. Злоупотребленія большею частию исчезнутъ, поелику явятся безъ всякихъ посредниковъ и въ полной своей наготѣ. Возвратится взаимная довѣренность правительства и гражданъ между собою. Силы и способности государства будутъ увѣданы въ самыхъ ихъ источникахъ. Духъ народный откроется во всемъ своемъ достоинствѣ. Онъ представитъ истинныя начала, на которыхъ должны быть: отечественное постановленіе, законы и образъ управленія. Рабство въ частныхъ владѣніяхъ помѣщиковъ, какъ и въ имперіи вообще, уступитъ мѣсто наслѣдственной, благотворной подчиненности.

.

P. S. Долгомъ поставляю приписать здѣсь, какъ человѣкъ приверженный къ государю, что рѣшеніе Его Императорскаго Величества о семеновскомъ полкѣ, объявленное въ приказѣ ар-

*) Въ мѣстопребываніи высшаго правительства. В. К.

миа ноября 2-го, одобряется здѣсь всѣми благомыслящими *). Либеральные находят его слишкомъ жестокимъ, а нѣкоторые изъ стариковъ слишкомъ милостивымъ. Доказательство, что оно точно таково, какъ должно. Я, лично, вижу въ немъ чистый разумъ во всей его обширности, и восхищаюсь! Конечно, и сіе и всякое другое рѣшеніе, можетъ имѣть свои неудобства... Таково положеніе вещей!

Метафорическія выраженія на оборотѣ, которыми я кончилъ сію тетрадь, имѣютъ свое основаніе, не видя на то, что онѣ вылились прямо изъ растроганнаго сердца. Государи и ихъ царства (по духу религіи составляя одно тѣло) должны быть между собою въ томъ отношеніи какъ мужъ и жена. Сія послѣдняя подчинена мужу, яко главѣ; но не раба его, а совѣтница. Природа и религія, имѣя общій источникъ, Бога, представляютъ множество таковыхъ подобій. Жаль только, что гг. мистики, во ало употребляя ихъ, дѣлаютъ религію смѣшною въ очахъ легкомысленнаго народа. Замѣйте, что въ Азіи, гдѣ жени рабыни, рабы и царства. Но рабыня не рѣдко обманываетъ — иногда простираетъ и руку на господина. Тамъ вѣломъ сверху до низу. По крайней мѣрѣ это система.

Здѣсь оканчиваю. Я говорилъ истину языкомъ котомства. Принимаю мольбы государю, втораго обожамъ, за отечество, второму преданъ: не на себя!

Василій Каравичъ.

*) См. письмо императора Александра I по поводу бунта Семеновскаго полка въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. I, изд. первое стр. 63; изд. второе стр. 490—492.

СТАТСЪ-ДАМЫ РУССКАГО ДВОРА

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

біографическіе списки П. Ѳ. Карбанова *).

40) Графиня Прасковія Александровна Брюсъ, супруга генераль-аншефа, главнокомандующаго сперва въ Москвѣ, потомъ въ С.-Петербургѣ, графа Якова Александровича Брюса (ум. 30 декабря 1791 г.), дочь генераль-аншефа, графа Александра Ивановича Румянцева и супруги его, графини Марьи Андреевны, рожд. графини Матвѣевой (см. „Рус. Стар.“ 1870, т. II, стр. 473, № 5). Родилась 7 октября 1729. Въ супружество вступила въ 1751 г. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1773 г. Умерла въ 1786 г. апрѣля 7, и погребена въ подмосковномъ селѣ Глинкахъ. Графиня Прасковья Александровна, прекрасная, умная, любезная и ловкая женщина, не могла похвалиться своимъ поведеніемъ, потому что имѣла множество любовныхъ связей. Въ концѣ 1779 г. удалилась отъ Двора. Въ 1785 г. Екатерина, возвращаясь изъ Москвы въ С.-Петербургъ, встрѣтилась на дорогѣ съ графинею Брюсъ, ѣхавшей въ Москву въ болѣзненномъ состояніи; взяла ее къ себѣ въ линію, долго бесѣдовала наединѣ, и простилась съ нею навсегда. Ихъ дружество было непритворное.

41) Дарія Васильевна Потемкина, вторая супруга подполковника Александра Васильевича, по отцѣ Кондырева, родилась 1704 г. Оставшись молодою и бездѣтною вдовою послѣ стараго Скуратова, жила у его наслѣдниковъ въ селѣ Большомъ Скуратовѣ, на кievской дорогѣ (нынѣ принадлежащемъ князю Ивану Леонтьевичу Шаховскому). Престарѣлый Потемкинъ (род. 1673, ум. 1746), житель Смоленской губ., пріѣхалъ на время въ Алексинскую свою деревню,

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II, стр. 469 — 498. Въ напечатанныхъ спискахъ вкралась слѣдующія, незначительная впрочемъ описка: стр. 482, строк. 7: «Бетина» чит.: «Бенигна»;—491 строка 14: «1793 г.» чит. «1703 г.»;—493, строка 20: «скончалась», чит. «скончался».

село Маншино (нынѣ принадлежащее Петру Александровичу Лихачеву), нечаянно увидѣлъ вдовую красавицу, влюбился, и началъ свататься, объявивъ себя вдовцомъ въ то время, какъ первая его жена оставалась въ Смоленской деревнѣ. По совершеніи брака, молодая Потемкина узнаетъ свое положеніе, и уже беременная требуетъ свиданія съ утаенною женою. Ея слезы и отчаяніе доводятъ до состраданія добродушную женщину, въ супружествѣ несчастную и преданную лѣтами: она идетъ въ монастырь и скорымъ постриженіемъ утверждаетъ этотъ бракъ. Отъ него-то родился знаменитый князь Таврическій (въ 1738), который въ торжество мира съ турками, 1775, возведенъ въ графское российской имперіи достоинство, а мать его принята у двора съ отиѣннымъ благоволеніемъ. Предъ отъѣздомъ императрицы въ С.-Петербургъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, Дарѣ Васильевнѣ пожалованъ большой домъ (нынѣ принадлежащій графинѣ Варварѣ Алек. Протасовой) близъ Пречистенки, въ переулкѣ, примыкавшій къ Голицынскому, въ которомъ жила императрица, съ мебелью изъ комнатъ государыни. 1776 г. въ январѣ мѣсяцѣ ей присланъ статсъ-дамскій портретъ, отлично украшенный брилліантами, подобный данному графинѣ Зубовой. Ей позволено было, по старости лѣтъ, оставаться въ Москвѣ. Императрица при рескриптахъ, иногда собственноручныхъ, присылала ей подарки: часы, перовники, флакончикъ въ футлярѣ, табакерку изъ кости съ портретомъ, всѣ осипанные брилліантами; о послѣдней сказано, что собственныхъ трудовъ на память. 1780 г. она скончалась отъ желчевыхъ камней, 76 лѣтъ; балъзамированное тѣло ея, за невозвращеніемъ отправленнаго къ сыну эстафета, оставалось въ домовоі церкви. 13 августа съ большимъ великолѣпіемъ совершилось отпѣваніе у Большого Вознесенія, что на Никитской ул. (на мѣстѣ отчасти застроенномъ новою церковью, былъ нѣкогда малый ея домъ), и препровождено въ подмосковное село Хорошево, а зимнимъ путемъ перевезено въ Смоленскую губернію.

Потемкина была прекрасна и умна. Таврическій въ чертахъ лица имѣлъ съ нею большое сходство. Онъ не любилъ ее за то, что она говорила ему правду насчетъ поведенія его съ родными племянницами; напоследокъ письма ея къ сыну летали нераспечатанными въ пылающей каминъ.

Конія съ 11-ти рескриптовъ Екатерины къ Дарію Васильевнѣ погибли въ 1812 году.

НВ. П. О. Карабановъ былъ внучатымъ племянникомъ князя Потемкина, и еще помнилъ его мать Дарію Васильевну.

42) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина (Іуліанія) Николаевна Орлова, супруга князя Григорія Григорьевича Орлова (род. 6 октября

1734, ум. 13 апрѣля 1783), дочь генераль-маіора, с.-петербургскаго оберъ-коменданта, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка секунд-маіора и св. Александра Невскаго кавалера, Николая Ивановича Зиновьева и супруги его, Авдотьи Наумовны Сенявиной, родилась 19 декабря 1758. Была фрейлиною. Бывъ по отцѣ двоюродною сестрою своего мужа (ибо Николай Ивановичъ и мать Орловыхъ, Гликерія Иваѣновна были родные братъ и сестра), тайно съ нимъ обвѣнчалась. Признаніе ихъ предъ Екатериною II въ первомъ движеніи сопровождено было жестокимъ гнѣвомъ, съ повелѣніемъ св. Синоду судить ихъ наинстрожайшимъ образомъ; но когда дѣло дошло до конфирмаціи, то императрица сказала, что не можетъ судить своего благодѣлителя, а предоставляетъ сіе суду Божию. Этотъ пагубный бракъ совершился въ 1776 г. и былъ начальной причиною великаго зла: вскорѣ многіе двоюродные братья поженились на сестрахъ своихъ, а именно: князь Голицынъ на Олсуфьевой, Зиновьевъ на Юшевой и проч. Княгиня Орлова пожалована въ статсь-дамы, и 22 сентября 1777 г. получила орденъ св. Екатерины. Сія несчастная чета явнымъ образомъ наказана за преступленіе: дѣти ихъ рождались мертвыми, и мать очевидно приближалась къ смерти, которая и послѣдовала въ Лозаннѣ 16 іюня 1781. Тѣло ея погребено въ Невскомъ монастырѣ, въ палатѣ, между церковью Благовѣщенія и Сошествія св. Духа. Князь Орловъ пережилъ ее и чрезъ два года скончался въ сумасшествіи съ бѣшенствомъ.

43) Графиня Александра Васильевна Браницкая. (См. въ оберъ-гофмейстеринахъ, „Рус. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 474, № 7).

44) Графиня Екатерина Васильевна Савронская (Литта). (См. въ гофмейстеринахъ, „Русс. Стар.“ 1870 г. т. II, стр. 476 — 477, № 4).

45) Графиня Екатерина Петровна Шувалова 2-я, супруга дѣйств. тайн. сов., сенатора, дѣйств. камергера, правленія банковъ для вымѣна государственныхъ ассигнацій главнаго директора, императорской шпалерной мануфактуры главнаго надзирателя, орденовъ св. Андрея, св. Александра Невскаго, св. Владимира 1-й ст. кавалера, графа Андрея Петровича Шувалова (род. 23 іюня 1743 г., ум. 24 апрѣля 1789 г. на 46 году), дочь генераль-фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова и супруги его, статсь-дамы, графини Прасковьи Юрьевны (см. „Русс. Стар.“ 1870 г. т. II, стр. 486 — 487, № 15). Родилась 2 октября 1743. Въ статсь-дамы пожалована 1792. Въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины, 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла I. Св. Екатерины 1-го кл. получила 29 мая 1799. Скончалась въ Римѣ 13 окт. 1816 г. 73 л. Тѣло ея

привезено въ Петербургъ, и вѣсть съ супругомъ покоронено въ цер. св. Лазаря въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

46) Графиня Іозефина Георгіевна Потоцкая, рожд. Мнишекъ, 1-я супруга графа Феликса-Станислава Францовича Потоцкаго, бывшаго воеводи и чернигорскаго и польскаго сенатора, 17 ноября 1796 г. переименованнаго въ русскіе генералы отъ инфантеріи, а 30 октября 1798 уволеннаго и скончавшагося 14 марта 1805. Пожалована въ статсъ-дамы въ 1792. Умерла въ 1798 году.

47) Графиня Дарія Петровна Салтыкова, супруга генералъ-фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова, старшая дочь дѣйств. тайн. сов., посланника при дворахъ датскомъ, прусскомъ, англійскомъ и посла при французскомъ, графа Петра Григорьевича Чернышова и супруги его графини Екатерины Андреевны, фрейлины, рожд. графини Ушаковой. Род. въ 1739 г. Въ статсъ-дамы пожалована 2 сентября 1793, въ день торжества о мирѣ съ Портою. Орденъ св. Екатерины 1-го кл. пожалованъ 5 апрѣля 1797 г., въ день коронаціи Павла I. Сконч. въ 1802 г.

48) Княгиня Наталія Владиміровна Салтыкова, супруга генералъ-фельдмаршала, князя Николая Ивановича Салтыкова, дочь рижскаго губератора, князя Владиміра Петровича Долгорукова и супруги его, княгини Елены Васильевны, рожд. княжны Хилковой, род. въ 1737 г. Въ супружество вступала въ 1762 г. Въ дѣйств. статсъ-дамы пожалована 2 сентября 1793, въ день мирнаго торжества съ турками. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 5 апрѣля 1797 г. Сконч. 7 сентября 1812 и погребена Владимірской губерніи въ селѣ Черкутинѣ. Салтыкова наследовала отъ своей матери всѣ старинныя примѣты и держалась ихъ до суевѣрія, приобщивъ къ нимъ много притворства, которое и освобождало ее отъ придворныхъ обязанностей. Была умна, но лукава и скупа. При отправленіи графа Петра Ал. Толстого (который былъ двоюроднымъ братомъ князя Николая Ивановича) посломъ къ французскому двору, княгиня Наталія Владиміровна, прощаясь съ его женою, графиней Марією Алексѣевною, полюбившей ее за оригинальный умъ и странности, сказала: „Маша! я сожалѣю, что ты ѣдешь въ Парижъ; тебя французы одурачатъ. Поменьше съ ними говори: они тебѣ объ литературѣ, а ты имъ почему рожь на болотѣ.“

— Сем. Гавр. Зоричъ однажды расхвастался предъ графиней Наталією Владиміровною своимъ богатствомъ, и довершилъ пословицею: „большому кораблю большое плаваніе“. Въ это время подошелъ къ нимъ князь Николай Ивановичъ, то Салтыкова сказала: „пропустите его съ дочкою“.

49) Княгиня Наталія Александровна Репнина, супруга генераль-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина (род. 11 марта 1734 г., ум. 12 мая 1801), дочь генераль-аншефа и обер-штальмейстера, князя Александра Борисовича Куракина и супруги его Екатерины Ивановны Палиной, род. 7 апреля 1737 г. Въ супружество вступила 20 января 1754, въ статсъ-дамы 1794. Орденъ св. Екатерины 1-го кл. получила 5 апреля 1797, въ день коронаціи Павла. Сконч. въ 1798 г. Княгиня Наталія Александровна погребена была въ окрестностяхъ Вильны. Въ 1812 г., французы, при занятіи этихъ мѣстъ, разбили монументъ, тѣло ея выкопали и открыли гробъ для похищенія украшеній. („Смѣль Отчества“ 1812 г. № 11, стр. 224).

50) Графиня Шарлотта Карловна Ливенъ, рожд. баронесса фонъ-Поссе, вдова генераль-майора, барона Отто-Генриха, ум. 4 февраля 1781 г., извѣстная ревностнымъ служеніемъ при дворѣ въ продолженіи 46-ти лѣтъ, род. въ 1743 г. Когда Екатерина II предназначила избрать для воспитанія высочайшихъ своихъ внуковъ особу отличныхъ правилъ и достоинствъ, по преимуществу изъ лифляндскъ, она препоручила этотъ выборъ тогдашнему рижскому генераль-губернатору, графу Юрію Юрьевичу фонъ-Браунъ, котораго императрица удостоивала отъѣнной довѣренности. Въ ноябрѣ 1783 г. г-жа Ливенъ принята ко двору, а 1794 г. Екатерина пожаловала ее въ статсъ-дамы, и вообще въ послѣдніе годы удостоивала дружескаго обращенія. Павелъ I, въ день коронаціи своей (5 апреля 1797) пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины 1-го кл. и назначилъ ей 1500 душъ крестьянъ, а 22 февраля 1799 возвелъ ее съ потомствомъ въ графское росейской имперіи достоинство. Александръ I, въ день своей коронаціи (15 сент. 1801) наградилъ графиню Ливенъ особымъ знавомъ отличія, драгоценными браслетами съ портретами какъ своихъ, такъ и нини. Елисаветы Алексѣевны. 1824 г. января 1, когда обѣ сестры, графини Браунцкал и Литта, почтены—первая достоинствомъ оберъ-гофмейстерины, а вторая гофмейстерины, то и графиня Шарлотта Карловна награждена богатымъ портретомъ императора Александра I съ цѣпью, для ношенія на шеѣ. 1826 г. августа 22, въ день коронаванія императора Николая I, возведена со всѣмъ семействомъ княжескимъ достоинствомъ, съ титуломъ свѣтлости. Скончалась 24 февраля 1828 г. 85-ти лѣтъ; при дворѣ наложенъ былъ трауръ на три дня, и, чтобъ память о статсъ-дамѣ Ливенъ при дворѣ не прекратилась, то вскорѣ въ это званіе возведена ея невѣстка, княгиня Дарія Христофоровна, рожд. Бенкендорфъ.

При необыкновенномъ умѣ, княгиня Шарлотта Карловна имѣла доброту сердечную, характеръ благородный и твердый. Вся жизнь ея

представляетъ примѣръ къ ревностному подражанію въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Строгимъ и неутомимымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, она скоро приобрѣла любовь и довѣріе великой княгини Маріи Теодоровны, неограниченная привязанность къ которой была для ея сердца подкрѣпленіемъ и пищею въ долготѣнней жизни. Послѣ извѣстныхъ событій 14 декабря, когда производился судъ надъ мятежниками, княгиня Ливень, изъ патріотической ревности, часто говорила, что она не перенесетъ равнодушно, если бунтовщикамъ оказано будетъ помилованіе.

51) Графиня Елисавета Васильевна Зубова, супруга тайн. сов., сенатора, св. Александра Невскаго кавалера, графа Александра Николаевича Зубова, единственная дочь армейскаго прапорщика Василя Воронова (который въ наслѣдство оставилъ ей 1000 душъ крестьянъ), мать свѣтлѣйшаго князя Платона Алекс. Зубова, род. 1742 г.; въ супружество вступила 1759. Статсъ-дамою пожалована 1795. Кавалерственною дамою ордена св. Екатерины удостоена 5 апр. 1797 г., въ коронацію Павла I. Скончалась 29 декабря 1813 г., 71 года, и погребена въ Сергіевой пустыни, что на Петергофской дорогѣ, близъ С.-Петербурга, въ нарочно устроенной погребальницѣ князя и графовъ Зубовыхъ.

Графъ Александръ Никол. род. 6 авг. 1727 г., ум. 20 февр. 1795.

52) Графиня Прасковія Васильевна Мусина-Пушкина, супруга генераль-аншефа, впоследствии фельдмаршала, Валентина Платоновича, дочь генераль-аншефа, князя Василя Михайловича Долгорукова-Крымскаго и супруги его, ордена св. Екатерины 1-го кл. кавалера, княгини Настасіи Васильевны, рожд. Волынской, — род. 6 апрѣля 1754 г. Въ статсъ-дамы пожалована первая по вошествіи императора Павла на престолъ, именно 10 ноября 1796 г. (при разборѣ бумагъ покойной императрицы найдено въ отбѣткахъ ея руки: „въ первое пожалованіе Пушкину въ статсъ-дамы“). Орденъ св. Екатерины меньшаго креста получила 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Сконч. въ С.-Петербургѣ 26 іюня 1826 г.; въ январѣ 1827 г. тѣло ея привезено въ Москву для погребенія въ Симоновскомъ монастырѣ, въ сооруженномъ ею храмѣ надъ гробомъ супруга (род. 6 декабря 1735 г., ум. 8 іюля 1804 г.).

53) Марія Андреевна фонъ-Рѣнне (Augusta Maria von Rönne), дочь голитинскаго совѣтника посольства фонъ-Лиліенфельда, вторая супруга генераль-поручика Карла Ивановича Рѣнне. Родилась 2 декабря 1752 г. Овдовѣла въ 1786 году. Въ статсъ-дамы пожалована 13 ноября 1796 г. и опредѣлена гофмейстериною двора великой

княгини Анны Феодоровны. Меньшого креста св. Екатерины получила 5 апрѣля 1797 г., при коронаціи Павла. Умерла 13 мая 1810 г.

Барль-Августъ фонъ-Рѣйне (von Röhne), сынъ отъ 1-го брака полковника Оттона-Юганна фонъ-Рѣйне, род. 172... Поступилъ, 1743 г., въ военную русскую службу. 1756 былъ поручикомъ. 1767 г.—подполковникомъ. 1769 г. іюня 3-го—полковникъ и командиръ Каргопольскаго карабинернаго полка; 1770 г. января 12 разбитъ на голову польскую конфедерацію при мѣстечкѣ Добро (между Калишемъ и Сѣрадземъ), и за это получилъ орденъ св. Георгия 3-й ст. (3 февраля 1770 г.). 1774 ген.-майоръ. 1784 ген.-поручикъ. 1786 г. умеръ. Былъ женатъ два раза: 1) на Еленѣ фонъ-Бахманъ, род. 20 января 1748 г. дочери генералъ-майора. Она съ нимъ развелась и вступила во 2-й бракъ съ ландратомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ фонъ-Таубе. Умерла вдовою сего послѣдняго въ 182...; 2) на Аврорѣ-Маріи фонъ-Львиенфельдъ (стать-дамою). Отъ 1-го брака три сына; отъ 2-го брака: сынъ, умершій за границею не жеватымъ, и дочь Каролина-Марія (род. 1783) въ замужествѣ за тайн. сов. графомъ Хрептовичемъ.

54) Софія Ивановна де-ла-Фонъ, вдова дѣйств. стат. сов. Род. 8 августа 1717 г. Была правительницею въ Смольномъ монастырѣ, въ то время, какъ княжна Долгорукая была начальницею онаго (1764, 1765, 1766). Около 30-ти лѣтъ управляла Обществомъ благородныхъ дѣвицъ въ Смольномъ монастырѣ. Имѣла при себѣ, въ Смольномъ монастырѣ совершенныхъ дочерей. Въ стать-дамы пожалована императоромъ Павломъ 22 ноября 1796 г. Въ коронацію императора, 5 апрѣля 1797 г. получила меньшей крестъ св. Екатерины, и въ томъ же году, 11 августа скончалась отъ старости, 80-ти лѣтъ. Была реформатскаго исповѣданія; погребальная церемонія отправлена дважды, сперва въ Смольномъ монастырѣ, а потомъ въ реформатской церкви св. Петра. Похоронена на Волковомъ кладбищѣ 14 числа того же мѣсяца, гдѣ и мѣста отыскать невозможно.

55) Графиня Урсула Мнишекъ, супруга литовскаго короннаго маршала (впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов.) графа Михаила Мнишка *), дочь графа... Замойскаго, род. 1760 г. 1787 марта 20, Екатерина II почтила ее орденомъ св. Екатерины, который препровожденъ къ ней императрицею изъ Кіева. При коронаціи Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована въ стать-дамы. Скончалась 26 сентября 1806 г. (или 7 октября 1816?).

56) Графиня Анна Павловна Каменская, супруга генералъ-

*) Знаменитаго учредителя оспопрививанія въ Польшѣ и Литвѣ. П. Е.

фельдмаршала графа Михаила Ѳедотовича, дочь подполковника князя Павла Ник. Щербатова и супруги его, княгини Маріи Ѳеодоровны, рожденной княжны Голицыной, род. 26 сентября 1749 г. Въ супружество вступила 5 апрѣля 1771 г. Въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована одновременно статсъ-дамскимъ портретомъ и орденомъ св. Екатерины меньшаго креста, а супругъ ея возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство съ чиномъ генераль-фельдмаршала. 1826 г. ноября 16 скончалась скоропостижно отъ удара, 77-ми лѣтъ, и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Можно предполагать, что кончина ея главнымъ образомъ произошла отъ огорченія, ибо въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, въ короноваіе Николая I, была обойдена къ полученію ордена св. Екатерины 1-го класса по случаю возмущенія 1000 душъ крестьянъ въ Можайскомъ ея имѣніи, съ назначеніемъ опеки.

Графъ Михаилъ Ѳедотовичъ, род. 8 мая 1788 г., сконч. 12 августа 1809 г. Въ Орловской подгородной вотчинѣ, по обыкновенію, одинъ въ управляемой имъ колесочкѣ объѣзжалъ въ сумерки свои хозяйственныя и фабричныя заведенія, и во время отдохновенія, подъ деревомъ убитъ топоромъ крестьяниномъ, по прозванію Соціонка.

57) Марина Осиповна Нарышкина, супруга оберъ-штабмейстера, Льва Александровича Нарышкина (ум. 10 декабря 1799 г.), дочь малороссійскаго генеральнаго обознаго, Осипа Лукьяновича За-кревскаго и супруги его, Анны Григорьевны, рожденной Разумовской, родной сестры фельдмаршаловъ, графовъ Алексѣя и Кирилла Разумовскихъ. Въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована статсъ-дамскимъ портретомъ и бантомъ св. Екатерины. Умерла 28 іюля 1800 года.

58) Елисавета Михайловна Еропкина, супруга генераль-аншефа, Петра Дмитріевича Еропкина (род. 24 іюня 1724, сконч. 7 февраля 1805 г.), дочь генераль-аншефа, кіевскаго генераль-губернатора и св. Александра Невскаго кавалера, Михаила Ивановича Леонтьева и супруги его, Маріи Васильевны, рожденной Эварлаковой, род. въ 1727 г. Въ супружество вступила въ ноябрѣ 1754 г. Въ дѣйствительныя статсъ-дамы и кавалерственныя дамы св. Екатерины вмѣстѣ пожалована въ короноваіе Павла I, 5 апрѣля 1797 г. Скончалась 20 марта 1800 г. 73 лѣтъ, бездѣтною, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ подъ соборомъ. Казалась скупой, но была добродѣтельна и не жалѣла тысячъ рублей въ тихую милостыню и на богоугодныя дѣла.

59) Княгиня Екатерина Александровна Долгорукая, супруга

генераль-аншефа, при Павлѣ московскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частію, князя Юрія Владиміровича Долгорукова, дочь генераль-фельдмаршала графа Александра Борисовича Бутурлина.

Въ 1766 г. участвовала въ славномъ каруселѣ въ С.-Петербургѣ и получила второй призъ. Бракъ ея съ княземъ Юріемъ Владиміровичемъ совершился въ тайнѣ и долгое время оставался неизвѣстнымъ, ибо учиненъ былъ противъ постановленій церкви, такъ какъ родная сестра ея, графиня Варвара Александровна уже была супругою роднаго девера ея, князя Василия Владиміровича. (См. № 82). Когда оба они померли бездѣтными (княгиня въ 17... , а князь въ 1782 г.), только тогда князь Юрій Владиміровичъ началъ домогаться объ утверженіи своего брака. Ставши на колѣни предъ Екатериною II, онъ сказалъ: „виноватъ, государыня!“ — „Не можешь быть виноватъ“, отвѣчала императрица. — „Я женатъ!“ продолжалъ онъ. — „Дѣло не мое, а святѣйшаго синода“, связано въ отвѣтъ. Тѣмъ не менѣе ходатайство ея преклонило синодъ утвердить это беззаконное супружество; и, чтобъ уничтожить всякое недоумѣніе, дѣти ихъ, рожденныя до брака, Василій (род. 1776 г. января, ген.-адъютантъ, умеръ 2 сен. 1810 г.), при пожалованіи Екатериною въ офицеры гвардіи, названъ княземъ Долгоруковымъ, а дочь Варвара, въ торжество о мирѣ съ Портою, 2 сентября 1793 г. пожалована фрейлиною и наименована княжною. Сама княгиня Долгорукова, въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована въ дѣйствительныя статсъ-дамы и въ то же время получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста. Сконч. въ декабрѣ 1811 г.

Князь Юрій Владиміровичъ, род. 2 ноября 1740 г., ум. въ декабрѣ 1830 г., на 91 году.

60) Евдокія Михайловна Безбородко, супруга малороссійскаго генеральнаго судьи, Андрея Яковлевича Безбородко, рожд. Забѣло. Въ коронацію Павла, 5 апрѣля 1797 г., за заслуги сына своего, государственнаго канцлера, свѣтлѣйшаго князя Александра Андреевича, заочно почтена статсъ-дамскимъ достоинствомъ, коего знакъ, вмѣстѣ съ орденомъ св. Екатерины 1-го кл., препровожденъ къ ней въ Малороссію.

61) Княгиня Елена Радзивиллъ, супруга палатина виленскаго, князя Михаила, рожд. Пршездзецкая (мать князя Антонія Радзивилла, женатаго на принцессѣ прусской). При коронаціи Павла, 5 апрѣля 1797 г. пожалована въ статсъ-дамы и меньшимъ крестомъ ордена св. Екатерины. Скончалась 20 марта 1821 г.

62) Принцесса Луиза Эммануиловна де-Тарантъ, герцогиня

де-ла Тремуль (Louise Emmanuelle de Châtillon, princesse de Talmond-Tarente), пользовалась отличнымъ благоволеніемъ французской королевы Маріи-Антуанетты и была ея статсъ-дамою (dame du palais). Во время революціи переселилась въ Россію и взыскана милостями и покровительствомъ російскихъ государей. Въ статсъ-дамы и вмѣстѣ орденомъ св. Екатерины меньшаго креста пожалована 20 іюля 1797 г. Женщина добродѣтельная. До конца дней своихъ оставшись приверженною королевскому дому, не престаивала сокрушаться о бѣдствіяхъ своего отечества и наконецъ имѣла утѣшеніе дожить до того времени, когда скиптръ французскій возвращенъ былъ роду Бурбоновъ. Затѣмъ вскорѣ скончалась въ С.-Петербургѣ, 22 іюня 1814 („Сѣверная Почта“ 1814, № 52). Тѣло ея отвезено во Францію. Была ревностною католичкою и дѣятельнымъ агентомъ католической пропаганды въ С.-Петербургѣ въ царствованіе императора Павла. Жила у графини Варвары Николаевны Головиной, рожденной княжны Голицыной (род. 1766, ум. 1821), съ которою была весьма дружна и которую вмѣстѣ съ дочерью обратила въ католическую вѣру.

63) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Николаевна Лопухина, вторая супруга князя Петра Васильевича, дочь генераль-поручика и св. Анны кавалера, Николая Лаврентьевича Шетнева и супруги его, ... рожденной Матюшкиной, — род. 1763. Г. Матюшкинъ, досаду на свою единственную дочь, вышедшую безъ благословенія родителей за Шетнева, отдалъ своему другу, графу Петру Ивановичу Панину въ наслѣдство имѣніе, изъ 3000 душъ состоявшее.

По смерти Матюшкина, графъ Петръ Ивановичъ объявилъ себѣ опекуномъ малолѣтней, осиротѣвшей его внуки, а потомъ, выдавъ ее за Петра Васильевича Лопухина, возвратилъ ей имѣніе (Вантышъ-Каменскій, біографія графа Петра Ивановича Панина, въ „Библиотекѣ для Чтенія“ 1834, августъ, Т. V).

Въ день коронаціи Павла, 5 апрѣля 1797, пожалована орденомъ св. Екатерины меньшаго креста. Въ статсъ-дамы 6 сентября 1798. 1826, августа 22 получила орденъ св. Екатерины 1-й ст. Умерла въ С.-Петербургѣ, 16 сентября 1839 г. на 76 году, и погребена въ селѣ Красный Яръ (Псковской губ. Порховскаго уѣзда). Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ род. 1744, ум. 6 апрѣля 1827, 82 лѣтъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРХИВЪ
КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО,
(1745—1813)
нынѣ принадлежащій правнуку его **Ф. Б. Опочинину.**

III*.)
ПИСЬМА М. И. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА КЪ ЖЕНѢ.
1800—1808.

1800 г.

Понедѣльникъ поутру, 29**). Я ѣду встрѣчать короля, однакоже думаю не прежде Михайлова дни. Спектакли при немъ будутъ въ эрмитажѣ первымъ двумъ классамъ; а прежде ѣду; будетъ ли имъ входъ—еще неизвѣстно. Въ четвергъ вѣрно будетъ... Будетъ одинъ большой маскарадъ для дворянства и купечества, благороднымъ всѣмъ быть въ розовомъ, а не иначе. Заблаговременно уведомляю, для того, что сказываютъ будетъ розовое очень дорого и мнѣ домину розовую надобно будетъ; одинъ балъ въ робахъ; да балы у великихъ князей въ другомъ платьѣ.

*) «Русская Старина» 1870 г. изд. перв. т. I, стр. 249 и 325; изд. второе стр. 488; т. II, стр. 498—514. Въ послѣдней серіи писемъ Кутузова вкралась опечатка: на стр. 501, строка 1-я сверху напечатано: «о не главномъ», читай: «о печальномъ».

Ред.

**) Въ августѣ 1796 года Кутузову поручено было встрѣтить на границѣ молодого короля шведскаго, находится при немъ во время пребыванія въ Петербургѣ и проводить обратно до предѣловъ Швеціи; порученіе—важное по причинѣ холодности возникшей между обими дворами, требовавшее тонкости въ обращеніи, которую отличался Кутузовъ. Въ 1800 году, въ которомъ, какъ кажется, должно быть отнесено настоящее письмо, — такое же порученіе вновь возложено на Кутузова и на этотъ разъ оно требовало еще болѣе тонкости, такъ какъ императоръ Павелъ негодовалъ на Густава-Адольфа.

Ред.

1803 г. *)

29 марта, Кіевъ..... Здѣсь такая скука, что я не удивляюсь, что многіе идутъ въ монахи. Все равно жить, что въ монастырѣ, что здѣсь въ городѣ....

28 іюля, Горошки..... У меня рожь и пшеницу всю съели. Я живу довольно уединенно. У меня молодой человекъ, Ергольской, который, ежели не заставишь, двухъ словъ не скажетъ, да одинъ нѣмецъ ученой, который иногда очень много говорить....

4 августа, Горошки..... Новыиъ экономомъ я понинѣ очень доволенъ; онъ профессоръ; но дай Богъ, чтобы ѣ него было хотя на половину честности противу его ума. А дуракъ въ половины не сдѣлаетъ того, что бы можно было сдѣлать. Я три недѣли, и больше, нигуда изъ своихъ границъ не выѣзжалъ, и завтра ѣду въ одинъ фольваркъ, за 25 верстъ, гдѣ еще не бывалъ. Хлѣбъ сняли, то есть рожь и пшеницу. Урожай хорошъ, пшеница въ десять разъ родилась, а рожь поменьше, — обманули въ посѣвѣ, — меньше было засѣяно, нежели показали, не то раскрасли мужики у эконома. Какъ хлѣбъ весь снимуть, то приняться надобно за строенія; нѣту ни винницы порядочной, ни одной пивоварни, — что здѣсь важный пунктъ, особливо въ Райгородкѣ. Винокурня будетъ порядочная на восемь котловъ; да надобно много пристроить въ Райгородкѣ для жидовъ. Вотъ мои упражненія....

23 сентябра, Горошки..... Я здоровъ, но грустенъ. Новая бѣда

*) 18 іюня 1801 г. Михаилъ Иларіоновичъ наименованъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, вмѣсто графа фонъ-деръ-Палена, и инспекторомъ войскъ, расположенныхъ въ Финляндіи. Недолго занималъ онъ эту должность: 29 августа 1802 года его уволили по прошенію. Конецъ этого года, а также 1803 и 1804 гг. Кутузовъ занимается устройствомъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ по мѣстамъ. Въ Волынской губ., у него было мѣстце «Райгородокъ» и «Горошки»; тяжельна по поводу ихъ дѣла, какъ видно изъ нѣкоторыхъ писемъ Кутузова (нами опущенныхъ), много его беспокоили. Между прочими хозяйственными распоряженіями Мих. Илар. — можно упомянуть о занятіи имъ въ то время устройствѣ селитряннаго завода, также о продажѣ мельки, льна, поташа. «Много очень можно бы завести по экономіи по боюсъ, — пишетъ Михаилъ Иларіоновичъ отъ 19 апрѣля 1803 г., — что мало время мнѣ будетъ»... Здоровье Кутузова во все это время было хорошо, но онъ жалуется, на то, что «крѣпокъ на лѣвое ухо, иногда худо слышу» (27 апрѣля 1803 г.). «Объ деньгахъ очень забочусь и право объ васъ думаю — пишеть Кутузовъ въ томъ же письмѣ: слышалъ я, что продается какая-то книга въ Петербургѣ объ водныхъ коммуникаціяхъ. Сдѣлай милость прислать, мнѣ адѣсь очень нужно, для того, что думаю весьма объ коммерціи».... Кутузовъ завелъ пивоваренный заводъ, устроилъ продажу гѣса и проч. Ред.

у меня сдѣлалась, — вотъ какая: на мѣсто Андреяна, который умеръ, нанялъ я вольнаго, который третьяго дни бѣжалъ какъ я былъ на ногѣ, искусно отворилъ ларчикъ и вынулъ всѣ червонцы, которые недавно я получилъ отъ жиды за поташъ, и только хотѣлъ размѣнить и шесть тысячъ отправить по первой почтѣ въ Петербургъ. Всѣхъ было 2200 черв. Черезъ двадцать часовъ, не прежде, попали на его слѣдъ. Онъ побѣжалъ чрезъ Житомиръ къ Бердичеву, какъ видно, къ цесарской границѣ. Нѣсколько часовъ потеряли, и оттого, что я приѣхавъ, тотчасъ посмотрѣлъ на ларчикъ и нашелъ его замкнутый и на томъ же мѣстѣ, и никакъ не подумалъ; и много спустя времени, уже вздумалъ отправить за нимъ въ Житомиръ. Часовъ черезъ двадцать приѣхалъ мой посланный, Ергольской, и узнали тотчасъ, что онъ удалился на наемномъ извозчикѣ въ Бердичевъ. Ергольской поѣхала тотчасъ съ исправникомъ и съ повелѣніями отъ губернатора, вслѣдъ за нимъ, до границы. Можетъ быть Богъ дастъ и поймаютъ. Но мнѣ очень грустно. Что мнѣ за несчастія пошли! Если не отыщутъ, то долженъ думать какъ занять, чтобы послать въ Петербургъ *).

20 октября, Житомиръ. Я, мой другъ, получилъ твое послѣднее письмо, въ которомъ ты пишешь объ отставкѣ Державина и объ тѣхъ слухахъ, что Розенберга переводятъ въ Крымъ бытто (будто). Я здумалъ, что очень бы не худо было ежели бы случилось, чтобы меня опредѣлили на мѣсто Розенберга, это мѣсто или въ Кіевѣ было бы очень ловко для моего хозяйства. Будучи такъ близко отъ деревни, можно бы было всякой годъ умножать доходы конечно, а за глазами Богъ знаетъ какъ будетъ, когда и теперь въ глазахъ гдѣ можно обмануть. Но обо всемъ можно услышать и все предохранить будучи близко; я бы объ этомъ тотчасъ написалъ, но Богъ знаетъ къ кому попасть, особливо же угодно ли будетъ великому князю, для того что тутъ его инспекція. Ежели, мой другъ, увидишь Волконскаго, или Уварова, то можно бы объ этомъ и намекнуть...

7 декабря, Горошки. Я теперь, мой другъ, съ перваго декабря долженъ затвориться на цѣлый мѣсяцъ въ Горошкахъ для окончанія дѣлъ съ управителемъ. Во многихъ пунктахъ споры. Я теперь уже гораздо больше въ экономіи знаю, нежели вѣдалъ въ августѣ мѣсяцѣ. Многіе артикулы дохода мнѣ стали извѣстны, которые упра-

* В слѣдующихъ письмахъ Кутузовъ неоднократно возвращается къ продѣлкѣ мошенника, похитившаго у него «безъ малаго 10,000 р.», которые и недѣли не пролежали въ пикатукѣ Михаила Иларіоновича. Обращаясь къ своимъ домашнимъ, онъ пишетъ: «Фердинанда (Федора Тизенгаузена) благодарю за письмо и прощаю за гнѣвъ, для того, что я и самъ не очень прилежный человѣкъ, пусть и онъ гнѣвится... (30 сентября, Житомиръ).

итель гнетъ въ другую сторону..... Мужики русскіе прислали на управителя великую жалобу, что ихъ утѣсняетъ управитель, по которой я однако же ничего не сдѣлалъ, а привезу съ собою. Какъ ты хочешь. И всѣ русскіе мужики желаютъ имѣть управителемъ Тяленкова, который прежде управлялъ на дальней дачѣ, и онъ, скрываютъ, дѣйствительно добрый человѣкъ...

30 декабря. Житомиръ.... Сейчасъ ѣду въ Горошки... и беру съ собою одного торговца лѣснаго. Можетъ быть рѣшусь готовить корабельный лѣсъ. Ежели хотя мало увижу надежды, ежели это предпріятіе удастся, то, черезъ года два, вѣрнѣхъ получать можно прибыли по 10,000 черв. въ годъ, съ одного сего артикала.....

1804 г.

1-го января, Горошки..... Кондиціи на лѣсъ не авантажны; надобно хотя въ отсутствіе мое что-нибудь рисковать и отправлять корабельный лѣсъ. Поташа часть надѣюсь продать скоро. Я теперь отъ обѣдни. Во все время моего здѣсь житія дѣлали новый иконостасъ. Не дуренъ, но еще не совсѣмъ однакоже служатъ въ церкви. Только ризы, пребѣдныя. Надобно бы прислать когда-нибудь....

7-го января, Горошки.... Много очень споровъ съ управителемъ и много уже было ссоры, но надѣюсь, что въ такомъ порядкѣ все оставлю, что далѣе не обманетъ какъ то, что я на обманъ отдаю...

10 марта, Горошки... Съ государемъ кажется нѣтъ недоразумѣнія объ моемъ отпускѣ, для того, что я ему при прощаньи доложилъ, что не знаю какъ скоро нужды исправлю.

Забылъ тебѣ сказать, что я дорогою заѣзжалъ къ брату Се: Лар: *) и, по несчастію, нашелъ его, кромѣ что тихъ, въ прежнемъ состояніи; много очень говорилъ о трубѣ и просилъ меня отъ этого несчастія его избавить, и разсердился, когда ему сталъ говорить, что этакой трубы нѣту. Я по экономіи въ хлопотахъ. Хлѣбъ прошлаго года не родился и въ нѣкоторыхъ деревняхъ выдохъ скотъ; а это надобно поправлять деньгами...

13-го марта, Горошки..... Я, слава Богу, здоровъ, но въ хлопотахъ по хозяйству. Кромѣ того что расправъ, зима пресильная, долженъ многимъ мужикамъ давать солому, сѣно, хлѣбъ, и сегодня 5 градусовъ и превеликой снѣгъ, что ничего нельзя въ лѣсу работать...

31-го марта, Горошки.... Письма твои, мой другъ, получилъ. Напрасно, мой другъ, меня бранишь, и когда въ хлопотахъ, въ досадѣ, не такъ мысли расположены, чтобы хорошо было писать къ ближ-

*) Семенъ Иларіоновичъ, майоръ, единственный братъ Михаила Иларіоновича.
Ред.

нимъ, и когда и занеможетъ такъ, что не сможешь писать; а что касается до денегъ, то пересылаю и пересылать буду. Къ выѣзду твоему на выкупъ вещей нѣсколько помогу.....

22-го мая, Горошки. Я, мой другъ, готовлюсь тебя принять и не знаю съ чего ты думаешь, что я не хочу, чтобы ты приѣхала...

26-го мая, Горошки. Последнее письмо твое, мой другъ,... получилъ; только пеняю для чего не пишете о балонѣ, кто деталь и какъ? Узналъ потому, что къ Александрѣ пишутъ..... Погода эти дни хотя изрядная, но не жаркая, и двѣ недѣли было безъ дождя. Вечерась ночью только прошелъ хорошій, и яровое поправится, особливо мой канжутъ, или сезамъ, маслячныя сѣмена, которымъ я очень занимаюсь, для того, что сѣется оно въ Индiи и въ Египтѣ. Такъ какъ я здѣсь совсѣмъ безъ компанiи, то бываетъ по вечерамъ очень скучно и множество хлопотъ съ сосѣдами и съ тѣми, которымъ отдаю на аренду...

8-го iюня, Горошки.... Болѣзнь моя, думаю, отъ досады, видя какъ меня безбожно обкрадывали. Экономовъ почти всѣхъ надобно переимѣнить и, ей Богу, нестанетъ мнѣ время всего сдѣлать, что надобно. За новымъ экономомъ надобно хотя нѣсколько времени самому посмотреть....

11-го августа, Горошки.... Сдѣлалось у меня маленькое несчастiе: Райгородокъ, который, какъ ты помнишь, третьяго года горѣлъ и только что нынѣшнею весною выстроился, сгорѣлъ опять на прошлой недѣлѣ. Выгорѣло, сгорѣло 45 жидовскихъ корчмъ и до ста домовъ. Жидъ топилъ сало и выкинуло изъ трубы. Это великая разстройка во всей экономiи. Въмѣсто того, чтобы его увеличить, какъ я думалъ, должно заботиться только, чтобы обстроить погорѣлыхъ и оставить многія строенiя нужныя по всей экономiи. Вѣтеръ былъ такой сильный, что не успѣли бѣдные вытащить ничего. Многіе безъ рубашекъ остались....

28-го октября, Житомиръ.... Посылаю два колечка Варвары мученицы. Меньшее—отослалъ къ княгинѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ Волконской. Обѣщалъ ей при отъѣздѣ, а большое—Авдотѣ.

Катенька и Дашенька, мои друзья, здравствуйте. Посылаю Авдотѣ колечко Варвары мученицы, которое давно ей обѣщалъ....

4-го ноября, Житомиръ. Управитель мой дѣлаетъ все очень проворно, однакоже кажется не упустить и своего. Можетъ быть я его напрасно подозреваю. Признаться должно, что онъ принялъ на собственный счетъ и проворство тысячъ пять рублей, которые онъ точно головою выработать долженъ. Въ годъ—мѣста, какъ войдетъ

все въ порядокъ, то кажется (безъ особливаго несчастія) должно имѣть, безъ малова, до сорока тысячъ доходу.....

Катенька и Дашенька, здравствуйте. Непомню послалъ ли я кольцо Варвары мученицы, изъ которыхъ одно Авдотья?.....

10-го ноября, Житомиръ.... Вѣрющее письмо объ рекрутахъ, думаю, пришло. Только былъ указъ, чтобы за русскія деревни поляковъ не отдавать. Не знаю, въ силѣ ли этотъ указъ въ Петербургѣ; но точно есть при Павлѣ имп....

17-го ноября, Житомиръ. Посылаю, мой другъ, 1000 р., и еще сколько могу, присылать буду до отъѣзда своего. Скучно работать и поправлять экономію, когда вижу, что состояніе такъ разстроено; иногда, ей Богу, изъ отчаянія хочется все бросить и отдаться на волю Божию. Видя же себя уже въ такихъ лѣтахъ и здоровье, что другава имѣнія не наживу, боюсь проводить дни старости въ бѣдности и нуждѣ, а всѣ труды и опасности молодыхъ лѣтъ, и раны, видѣть потерянными; и эта скучная мысль отвлекаетъ меня отъ всего и дѣлаетъ неспособнымъ. Какъ нибудь надобно, хотя на время, себѣ помочь: посмотрю, что можно будетъ сдѣлать на контрактахъ въ Кіевѣ.....

1805 *).

31-го августа, Радзивиловъ. На силу, мой другъ, доѣхалъ сегодня только до границы. Прескверная дорога была отъ самаго Петербурга.... Сегодня въ ночь пускаюсь въ дорогу за границу и скоро надѣюсь войски догнать....

9-го октября, Брунау (Браунау). Меня, мой другъ, извини, что рѣдко иногда пишу. Право хлопотно. Всѣмъ моимъ любезнымъ дѣтямъ и внучатамъ кланяйся. Боже ихъ благослови **).

30-го ноября, въ Венгрію. Пользуясь отъѣздомъ князя Волконскаго, скажу тебѣ, мой другъ, что я, слава Богу, здоровъ. Къ Лизанькѣ принужденъ былъ послать Опочинина, чтобы отвезти ее въ Россію. Письмо, здѣсь прилагаемое къ графу Ивану Андреевичу

*) Въ 1805 г., при объявленіи войны съ Франціей—генералу отъ инфантеріи Кутузову ввѣрена 50 т. армія, назначенная дѣйствовать въ союзѣ съ австрійцами. 13 августа войско выступило для соединенія съ австрійцами.

Ред.

**) Кутузову дѣйствительно приходилось «хлопотно» въ это тяжкое время. Ему первому изъ русскихъ главнокомандующихъ пришлось извѣдать борьбу съ Наполеономъ. Между тѣмъ, при самомъ ея началѣ, союзники русскихъ—австрійцы были разбиты 7 октября; ихъ военачальникъ Макъ положилъ подъ Ульмомъ оружіе. Именно въ Браунау, на баварской границѣ, Кутузову довелось получить объ этомъ извѣстіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ узналъ, что Наполеонъ готовится напасть и на него. Три дня спустя, послѣ приведеннаго выше письма,

Тизенгаузену, вели ему доставить съ осторожностію. Ты слышала конечно объ нашихъ несчастіяхъ. Могу тебѣ сказать въ утѣшеніе, что я себя не обвиняю ни въ чемъ, хотя я къ себѣ очень строгъ. Богъ дастъ увидимся; этотъ меня никогда неоставлялъ *).

3 декабря, Фрейштадтъ, въ Венгріи. Я нахожусь, мой другъ, на походѣ къ Россіи; чрезъ нѣсколько дней буду въ Офенѣ и Пестѣ. Я славу Богу здоровъ довольно, но съ тѣхъ поръ какъ сталъ ночью раздѣваться, почувствовалъ припадки, вторыхъ въ жестокихъ трудахъ не чувствовалъ и всѣ кости болятъ. Опочинина послала къ Лизенькѣ, чтобы ее отвезти въ Россію; она была по послѣднимъ извѣстіямъ въ Тешенѣ, но отъ Опочинина не имѣю еще извѣстія....

25-го декабря, Кашау, въ Венгріи. Князь Ваграціонъ отправляется въ Петербургъ и просилъ письма. Завтра поѣдетъ фельд-егерь, который его конечно объѣдетъ, и съ тѣмъ буду писать. Не знаю, мой другъ, какъ тыладишь съ бѣдной Лизинькой **)? Ея здѣсь не сказала объ кончинѣ Фердинанда ***). Дай Богъ ей и тебѣ силу. Около 15-го января буду я съ арміею на границѣ, въ Радвишловѣ...

Я, слава Богу, здоровъ и опять началъ къ ружью прикладывать англійскую мазь. Во всю кампанію не до того было.

1806 г.

15-го января. Броды, за семь верстъ отъ границы. Я третьяго дни пришелъ въ Броды. Нѣкоторые мои полки уже вступили въ границу, а другіе—еще за сто верстъ. Я день за день от-

менно 12 октября, Кутузовъ началъ знаменитое въ военной исторіи отступление на соединеніе съ остальными войсками ему ввѣренными, которыя только что входили въ Моравію; 30 октября Кутузовъ разбилъ при Кремсѣ—Мортъе (см. относящіеся къ этой эпохѣ письма австрійскаго императора Франца I къ Кутузову, Русская Старина 1870 г. т. I, стр. 326—344 и рескриптъ императора Александра I къ Кутузову за побѣду при Кремсѣ (Русск. Стар. 1870 г. т. I изд. первое, стр. 257; изд. второе, стр. 488—489). Ред.

*) Это письмо отправлено десять дней спустя послѣ аустерлицкаго пораженія, которое нанесъ Наполеонъ тремъ союзнымъ монархамъ. Кутузовъ, какъ извѣстно, немовиженъ въ этой битвѣ, весь позоръ ея падаетъ на австрійцевъ. При самомъ началѣ боя—Кутузовъ былъ раненъ въ лицо. Зять его, гр. Федоръ Ивановичъ Тизенгаузенъ, флигель-адъютантъ, былъ смертельно раненъ, послѣ чего и умеръ. Объ этой-то потерн Кутузовъ поручаетъ сообщить вѣсть отцу молодого графа, оберъ-гофмейстеру графу Ивану Андреевичу Тизенгаузену († 1815 г.).

Ред.

***) Графиня Елисавета Михайловна Тизенгаузенъ.

****) То-есть мужа ея, графа Федора Ивановича.

Ред.

владываю переѣхать границу, какъ быто боюсь уничтожиться. Государь приказалъ, до полученія росписанія, расположиться близко границы. Не знаю на долго-ли; нѣсколько дней подожду; а послѣ напишу письмо и буду проситься въ Петербургъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это было безъ просьбы, а то скажутъ, или подумаютъ, что я напрашиваюсь на совѣты, или хочу быть во дворцѣ. Однакоже нѣсколько дней бы мнѣ и безъ того не можно было отъѣхать. Много дѣлъ, которыя по арміи должно кончить при себѣ....

28-го ноября, Кіевъ.... Хлопоты мнѣ прибыли съ полками и это меня очень занимаетъ; одного Принца ладить съ комендантомъ уже трудно. Денегъ жду всякій день и не могу дожидаться; повѣрь, что мнѣ это тяжело. Теперь такая глухая пора, что ничего продать невозможно и нѣсколько (денегъ) вѣрно получу скоро....

6-го декабря. Кіевъ..... Очень бы хорошо, мой другъ, тебѣ сюда приѣхать, и для всего бы хорошо; но надобно погодить. Богъ знаетъ что дѣлается.... *).

Въ декабрѣ. Кіевъ. Посылаю, мой другъ, просьбу къ государю объ отпускѣ меня въ Петербургъ. Я бы желалъ, чтобы государь меня самъ позвалъ, это бы было пріятнѣе въ разсужденіи публики, но ежели уже того не дождешься, то проситься, и для того посылаю къ тебѣ просьбу запечатанную къ государю; ежели увидишь, что не позовутъ, то вели отдать черезъ кого-нибудь, хотя черезъ Ливена; копію съ просьбы прилагаю. Мнѣ право нетерпѣливо хочется васъ видѣть.

Двѣ тысячи червонныхъ получилъ я отъ Злотницкаго и тотчасъ отдалъ въ уплату Высковской. Теперь вѣщу достать другихъ и достану, надѣюсь. Думаю, что государь мнѣ сколько нибудь поможетъ и для того Павлоградскую деревню погодить продавать.....

Лизанька, мой другъ, береги себя. Богъ тебя благослови съ дѣтками.....

12-го декабря. Кіевъ..... Сегодня у меня балъ и первый разъ въ новой залѣ, которая прошлую осень кончена и это мнѣ дѣлаетъ много хлопотъ.....

13-го декабря. Кіевъ. Указъ объ милиціи **) по сей день еще

*) За походъ 1805 г. Бутузовъ былъ награжденъ, 24 февраля 1806 г., орд. св. Владимира первой степени (см. «Русск. Стар.» т. I, изд. первое, стр. 258; изд. второе 489; въ октябрѣ того же года—наименованъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, съ подчиненіемъ и гражданскихъ дѣлъ; на этомъ посту Бутузовъ оставался до апрѣля мѣсяца 1806 г., когда назначенъ въ Молдавію, въ армію, во главѣ которой стоялъ престарѣлый кн. Прозоровской. Бутузовъ былъ сдѣланъ его помощникомъ.

Ред.

**) Манифестъ о временномъ ополченіи или «милиціи» въ 612,000, ратниковъ, состоялся 30-го ноября 1806 г.

Ред.

здѣсь не полученъ. Вѣрующее письмо объ отдачѣ въ рекруты изъ дворовыхъ пришло. Думаю, что тѣ, которые назначены будутъ въ милицію, безъ нужды, не будутъ отдалены отъ семей ихъ; тогда полезно-ли будетъ отдавать изъ дворовыхъ? Но это все надобно видѣть изъ указа. Какъ бы мнѣ, мой другъ, хотѣлось тебя перевести въ Кіевъ, но надобно еще посмотрѣть, что сдѣлается на границѣ. Здѣсь не очень для меня весело, всѣ печальны и никакъ не развеселишь....

20-го декабря. Кіевъ.... Я, мой другъ, слава Богу, здоровъ, но не могу сказать, что веселье, — хлопотъ много. Неприятныя извѣстія, которыя вы прежде насъ всегда знаете, дѣлаютъ, что всѣ печальны. Въ чести полявовъ сказать должно, что и они сіе искренно съ нами раздѣляютъ...

26-го декабря. Кіевъ.... Отправляю сегодня курьера къ государю и съ нимъ къ тебѣ 2000 рублей; курьеръ этотъ отъ меня ѣдетъ по провіантскимъ дѣламъ, въ которыя я принужденъ былъ вступить и многимъ можетъ быть досадилъ. Мы всѣ здоровы, у меня однакожъ послѣ того, какъ болѣли глаза, и теперь часто побаливаютъ. Сейчас былъ у меня митрополитъ и тебѣ посылаетъ благословеніе... Чѣмъ кончился дуэль Хрептовича?

1807 г.

3-го января. Кіевъ... Мы такъ мало извѣстійъ (имѣемъ), что въ арміяхъ дѣлается, что изъ Петербурга получили извѣстіе о побѣдѣ; только еще не знаемъ хорошенько, что такое... Есть у тебя въ библиотекѣ сочиненіе митрополита Сестренцевича объ Римѣ и здѣшнихъ мѣстахъ, пришли пожалуйста поскорѣе.

10-го января. Кіевъ. Вчерась, мой другъ, въ вечеру получилъ твое письмо чрезъ Ергольскую, которой еще не видалъ для того, что не былъ еще у Браницкой, къ которой сегодня поѣду; не знаю какъ мы съ нею будемъ; а я до ее не охотникъ. Я, слава Богу, здоровъ и не могу удивиться всѣмъ чудесамъ Каменскаго. Если все правда, что ко мнѣ изъ арміи пишутъ, надобно быть совсѣмъ сумасшедшему*). Письма мои изъ арміи отъ 3 января и послѣ побѣды при Пултускѣ и чего не было только, что отошли наши навадь на два большихъ марша. Только и французы отъ ихъ далеко....

*) Бутузовъ говоритъ объ извѣстныхъ сумасбродствахъ фельдмаршала гр. Михаила Федотовича Каменскаго, которому въ ноябрѣ 1806 г. вѣрено было начальство надъ западною арміею. 7 декабря Каменскій пріѣхалъ въ Пултускъ, въ дѣйствующію армію, и послѣ нѣсколькихъ странныхъ распоряженій, самовольно обросилъ свой постъ.

5-го февраля. Кіевъ... Мы получили извѣстіе объ побѣдѣ надъ Бонапартиемъ*). Дай Богъ. Я нынѣча себя узналъ, что независтливъ...

11-го февраля. Кіевъ..... Сегодня пришла изъ Петербурга реляція объ баталіи при Прейшъ-Эйлау. Это хорошо, но жаль, что Бенингсенъ стоитъ послѣ баталіи въ Кенигсбергѣ и безъ сообщенія съ Эссенемъ; но думаю, что скоро это поправится. Безъ сомнѣнія уже послѣ 27-го числа дѣло было. Бонапарте не можетъ съ бѣшенства чего-нибудь не предпріять. Изъ Эссенова корпуса всѣ генералы ко мнѣ пишутъ, что Николай Захарьевичъ**) во всѣхъ дѣлахъ, которыя только были, чрезвычайно отличается, и вотъ рапортъ отъ генерала Гежицкаго, объ одномъ маленькомъ дѣлѣ, гдѣ былъ Николай. Поважи это Аннушкѣ; пусть не сердится за слово отчаянная храбрость. Это оттого, что писать не умѣетъ. Пришли пожалуйста нѣсколько сна-ночекъ того спирту, что курятъ глаза *roug la fumigation*. Пока только и не болятъ глаза, пока курю.....***).

20-го февраля. Кіевъ..... Ты линешь, что надѣемся сладить съ Шведами, это мнѣ вѣроятно, потому что Штедингъ еще не уѣхалъ, да только какъ защитимъ ихъ другія гавани, кромѣ финляндскихъ, отъ англичанъ, Карлскронъ, Штокгольмъ и прочее; притомъ думаю, что ежели Шпрингъ-Портенъ поѣхалъ въ Финляндію, то не о томъ уже только идетъ дѣло, чтобы признать Бонапарта, а ежели объ Финляндіи, то труднѣе кончить безъ войны.....

18-го марта. Кіевъ..... Прозоровской здѣсь живетъ очень смиренно и со мною ему не за что посориться, и часто видаемся, пишемъ съ утра до вечера и много напрасно. Говоритъ много и слава Богу, что не заставляетъ другихъ говорить, для того, что очень глухъ. Бенингсонова армія остановилась, по послѣднимъ извѣстіямъ, пройдя треть дороги отъ Кенигсберга къ Торуню, для того, что французы остановились у Остерроде. Эссеновъ корпусъ отдыхаетъ. Были отъ Бонапарте прокламація, что перейдетъ за Вислу, и второе, что оставляетъ Польшу. Первое для того, чтобы усмирить армію нашу, а второе, чтобы усмирить кабинеты, и ни того ни другого не дѣластъ. Въ Молдавіи заботятся объ Измаилѣ. Въ Дунай уже пошла флотилія наша.....

25-го марта. Кіевъ. Покойной Авдотѣ Ильиницѣ дай Богъ вѣчную память. Хотя и говорятъ, что смерть причину найдеть, но она бѣдная очевидно умерла отъ грибовъ. Правда, что я очень толстъ. Вѣроятно-ли, что тѣ кафтаны, которые спиты въ Петербургѣ

*) Побѣда 27 января 1807 г. Бенингсена надъ Наполеономъ подъ Прейсшъ-Эйлау. Ред.

**) Китровъ, зять Михаила Иларіоновича. Ред.

***) Конецъ письма утраченъ. Ред.

послѣдній разъ, всѣ не сходятся пальца на три. Что-то будетъ какъ установится время. Садъ здѣсь въ домѣ превеликолѣпный, буду себя принуждать ходить и веркомъ ѣздить, а теперь еще рѣдко хорошее время, холодно; хотя въ саду и совсѣмъ сухо... Сегодня Благовѣщенье. Здѣсь нельзя обѣдни прогулять; былъ въ братскомъ монастырѣ и приѣхалъ домой въ два часа ночью. Пора идти...

1-го апрѣля, Кіевъ. Денегъ, мой другъ, на будущей почтѣ къ тебѣ пришлю, на этой не успѣю. Однакоже это не первое апрѣля. Мы въ ожиданіи извѣстій изъ арміи, въ великомъ нетерпѣніи. Вѣдая государя уже при арміи*), это нетерпѣніе умножается; между тѣмъ французскіе корпусы безпрестанно взадъ и впередъ ходятъ, это доказываетъ или великое намѣреніе, или невѣрность въ своемъ положеніи.....

10-го апрѣля, Кіевъ..... Александра Васильевна Браницкая все здѣсь живетъ. Мы съ нею въ дружбѣ и я всякій вечеръ у ней, чаю напьюсь дома и не ужинаю, стало неубыточнѣе и можно меня хорошо принимать; только мнѣ съ нею очень весело... Балетъ превеликій, а танцуютъ все такъ, какъ танцовала Сантина, — на тотъ манеръ; и всего лучше будетъ на время, переучить всѣхъ. Прости, мой другъ, спѣшу въ церковь.

Кольцы съ мощей Варвары мученицы посылаю.

29-го апрѣля. Кіевъ. Я хожу всякій день поутру по дѣлому часу пѣшкомъ по саду, этимъ хочу лечиться отъ толщины. Въ саду столько соловьевъ, что я и въ Горошкахъ больше не слыхивалъ; для ихъ нарочно держутъ муравьевъ съ яйцами. Погода теперь прекрасная и всѣ фруктовыя деревья цвѣтутъ. Хлѣбы вездѣ хороши, только бѣда, что подводъ много надобно послать съ провіантомъ къ арміи въ рабочую пору....

5-го мая. Кіевъ.... У васъ, я чаю, уже извѣстно, что австрійская императрица умерла? Что-то это произведетъ за дѣйствіе въ политикѣ....

16-го декабря. Кіевъ.... Я нѣсколько опечаленъ: Лошаковъ, генералъ, что былъ подъ судомъ, разжалованъ въ солдаты; это было по моему представленію еще изъ Австріи**).

*) Государь прибылъ въ Мемель 20 марта 1807 г., а въ главную квартиру арміи въ Бартештейнъ, гдѣ она находилась, 5 апрѣля. Ред.

***) Генералъ-маіоръ Лошаковъ, шефъ галицкаго полка, разжалованъ въ солдаты «за то, что безъ спроса и позволенія уѣхалъ послѣ сраженія подъ Аустерлицемъ въ вагенбургъ и потомъ въ Лембергъ». Ред.

1808.

18-го марта. Кіевъ.... Я теперь въ хлопотахъ; снаряжаю двѣ дивизіи въ походъ и много трудностей. Къ Прозоровскому послалъ Бибикова, котораго возвращенія ожидаю; мнѣ бы надобно самому скоро и ѣхать, но заботы здѣшнія задерживаютъ; а ты въ Петербургѣ, ежели кто спроситъ, то сказывай, что думаешь, что я уже уѣхалъ; тамъ не расчитываютъ время, не почтутъ что на многое надобно дождаться разрѣшенія отъ Прозоровскаго, а это не руку подать....

29-го марта. Кіевъ. Я не могъ никакъ по сѣ пору выѣхать отъ(сюда) должно было получить отвѣтъ на все отъ К. Прозоровскаго; въ письмахъ весьма ласковъ. Объ Антонѣ Яковлевичѣ писалъ я къ Опочинину, что я ему ничего теперь сказать не могу: я не главнокомандующій, и надобно, приѣхавъ въ Яссы, увидѣть, есть-ли способъ быть ему тамъ съ пріятностію; а мнѣ бы очень его хотѣлось имѣть съ собою. Родофиникина при арміи нѣту, оуъ за Дунаемъ съ сербами.... Деньги пришлю по будущей почтѣ; дня черезъ три хочу выѣхать въ Яссы....

Есть указъ, чтобы всѣхъ адъютантовъ, которые родня, отпустить въ поля. Не знаю, что дѣлать съ Бибиковымъ. Письмо къ Волконскому доставь пожалуйста.

4-го апрѣля, Кіевъ. Я, мой другъ, отъѣжаю, изъ Кіева.... такъ засученъ, что голова не на мѣстѣ и дорога такая, что не знаю какъ доѣхать; снѣга превеликіе и съ вчерашняго дня зачалась оттепель. Ѣду черезъ Бѣлуд-Церковь, гдѣ у Браицкаго остановлюсь на сутки.... Сегодня страшная суббота; отслужу свечера заутреню, а завтра, какъ свѣтъ, поѣду. Посылаю леванскаго кофію, прекраснаго, да ноты Катеньѣ. Есть въ Харковѣ музыкантъ Вичиковскій, который здѣсь давалъ въ контракты концертъ и Катеньѣ, какъ великой музыкантшѣ, посылаетъ свои сочиненія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧЕРТА КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

Настоящій разсказъ сообщенъ изъ города Владиміра. Такъ какъ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ передаваемомъ событіи является князь А. А. Суворовъ-Риминскій, то мы обратились къ князю съ просьбою разсказать нѣкоторыя подробности. Его свѣтлость кн. А. А. весьма обязательно исполнилъ нашу просьбу и мы записали съ его словъ нижеслѣдующій эпизодъ изъ жизни покойнаго Государя Императора.

Ред.

Въ 1828 году, наканунѣ взятія крѣпости Варны, на сѣверномъ берегу лагера графа Воронцова (впослѣдствіи князя) шли переговоры между нашими уполномоченными и турецкими. Начальникъ войскъ и жители города рѣшились сдаться, но капитанъ-паша заперся въ цитадели и хотѣлъ еще держаться. Государь имѣлъ тогда свое пребываніе на кораблѣ „Парижъ“. Къ нему явился статсъ-секретарь Дашковъ съ донесеніемъ, что турецкое начальство объявило, что несмотря на всѣ предосторожности, принятые нашими войсками на южномъ берегу, каждую ночь изготовляютъ въ Варнѣ челнокъ изъ тростника, и на немъ отправляется черезъ лиманъ нарочный, который, пробираясь лѣсами, переноситъ депеши къ турецкому генералу Омеръ-Вріону и отъ него доставляетъ отвѣты.

Цѣль Омеръ-Вріона была освободить Варну. Противъ него стоялъ генераль-адъютантъ Бистромъ съ тремя полками 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи; подъ его же начальствомъ и позади его, у самаго лимана, стояли два отряда подъ начальствомъ генераль-адъютанта Головина и генераль-майора Ахьянфіева.

Статсъ-секретарь Дашковъ донесъ Государю, со словъ начальниковъ войскъ турецкаго гарнизона въ Варнѣ, что главнымъ препятствіемъ къ сдачѣ крѣпости на другой день будетъ служить сообщеніе капитанъ-паша съ Омеръ-Вріономъ посредствомъ челнока и что въ случаѣ, если посланный изъ Варны достигнетъ своей цѣли, т. е. передастъ письмо Омеръ-Вріону, то этотъ турецкій генераль бросится всѣми силами на отрядъ генераль-адъютанта Бистрома и постарается соединиться съ варнинскимъ гарнизономъ,

Выслушавши столь важное донесеніе статсъ-секретаря Дашкова, Государь Императоръ немедленно отправилъ флигель-адъютанта князя Суворова на южный берегъ съ приказаніемъ, объѣхать берега лимана и переговоривъ съ генералами Головинымъ и Акинфиевымъ, ѣхать въ Бистрому и остаться при немъ до слѣдующаго утра. Князю Суворову было высочайше повелѣно объявить генераль-адъютанту Бистрому, что „онъ головою отвѣчаетъ за удержаніе своей позиціи до слѣдующаго дня.“

Ночь прошла благополучно. Омеръ-Врионъ ничего не узналъ изъ Варны и на другой день крѣпость сдалась. Но вотъ что происходило въ палаткѣ Карла Ивановича Бистрома. Слова, переданныя ему княземъ Суворовымъ отъ имени Государя, крайне огорчили старика и во всю ночь не было возможности окружающимъ его успокоить. Карлъ Ивановичъ припоминалъ славную свою боевую службу, что онъ служилъ четвертому царствованію: служилъ Екатеринѣ II, Павлу I, Александру I и служилъ Николаю I и что слова, переданныя ему княземъ Суворовымъ, молодымъ офицеромъ, составляютъ для него, Бистрома, невыносимое оскорбленіе, что его жизнь принадлежитъ Царю, но что до чести его и Царь не можетъ коснуться.

Послѣ долгихъ объясненій, Суворовъ вышелъ изъ палатки, надѣясь, что Бистромъ успокоится; но вскорѣ пришелъ за нимъ гвардейской пѣшей артиллеріи полковникъ Статковскій, исправлявшій при немъ должность начальника штаба, и пригласилъ его къ Карлу Ивановичу. Вошедши въ палатку, Суворовъ нашелъ Карла Ивановича сидящимъ молчаливо за столомъ, на которомъ лежали бумага, перо и чернила. Здѣсь присутствовали, кромѣ названнаго полковника, генераль-маіоръ Арбузовъ (команд. л. гв. павловскаго полка) и генераль-адъютантъ Воропановъ (ком. л.-гв. финляндскаго полка). Карлъ Ивановичъ былъ очень серьезенъ и обращаясь къ Суворову, сказалъ: „Князь! я васъ прошу написать и подписать тѣ слова, которыя вы мнѣ передали отъ имени Государя Императора.“

Суворовъ возразилъ, что на это онъ не имѣетъ права, причѣмъ спросилъ, не сомнѣвается ли его превосходительство въ истинѣ каждаго переданнаго Суворовымъ слова, ибо малѣйшее сомнѣніе въ этомъ случаѣ составило бы для Суворова нестерпимое оскорбленіе.

Карлъ Ивановичъ далъ свое слово, что тутъ нѣтъ и тѣни подозрѣнія.

Полковникъ Статковскій замѣтилъ, что два дня тому назадъ тотъ же посланный отъ Государя, передавая высочайшее повелѣніе начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества барону Дибичу (впослѣдствіи генераль-фельдмаршалу графу Дибичу-Забалканскому),

имѣлъ долгомъ передать его высокопр—ству тѣже слова, которыя такъ глубоко принималъ нынѣ къ сердцу Карлъ Ивановичъ; что слова тѣ были переданы въ присутствіи его же, Вистрома, и всѣхъ тогда окружавшихъ на позиціи начальника главнаго штаба, а что сегодняшнее порученіе было исполнено въ палаткѣ въ присутствіи только трехъ лицъ, и притомъ самыхъ приближенныхъ его прев—ству.

Вистромъ однако отвергъ всякое сравненіе.

Суворовъ счелъ долгомъ еще разъ объяснить, что высочайшее пожеланіе ему дано въ такую минуту и при столь важныхъ обстоятельствахъ, что, по его мнѣнію, Государь иначе и выразиться не могъ и что если старшій и славный слуга четырехъ царствованій и обидѣлся, то милость Царя къ нему слишкомъ извѣстна, чтобы допустить съ его стороны малѣйшее подозрѣніе въ невнимательности Государя къ его славной службѣ и т. д.; но никакія возраженія не помогли. Вистромъ, не возражая ни на что, все твердилъ: „князь, напишите“, что наконецъ Суворовъ и исполнилъ.

На другое утро Суворовъ возвратился на корабль „Парижъ.“ Узнавъ, что Государь находится на сѣверномъ берегу, Суворовъ немедленно явился къ Его Величеству и донесъ какъ объ исполненіи всего даннаго ему порученія, такъ обо всемъ, слово въ слово, происходившемъ въ палаткѣ Вистрома.

Варна сдалась. Государь осмотрѣлъ весь городъ и возвратился на корабль „Парижъ“. Нѣсколько минутъ послѣ прибытія Государя на корабль, Суворовъ былъ отправленъ на южный берегъ съ письмомъ къ Вистрому отъ Его Величества. Передавая это письмо, Государь Императоръ прибавилъ: „Скажи Карлу Ивановичу, что я именно потому тебя отправляю къ нему съ этимъ письмомъ, что ты тотъ самый, который передалъ ему тѣ слова, которыя его огорчили“. При этомъ незабвенный Государь въ самыхъ милостивыхъ, лестныхъ выраженіяхъ выразилъ свое монаршее „спасибо“ Суворову за его совершенную откровенность.

Письмо Императора привело славнаго Вистрома въ восхищеніе: старикъ плакалъ отъ радости, покрывъ письмо поцѣлуями и молился за Царя.

РЫЛѢВЪ.

Матеріалы для исторіи русской литературы

1816—1825 гг.

Рылѣвъ принадлежитъ къ числу замѣтныхъ отечественныхъ поэтовъ первой четверти текущаго столѣтія. Произведенія его были помѣщаемы почти во всѣхъ современныхъ ему періодическихъ изданіяхъ и перепечатывались въ журналахъ многіе годы спустя послѣ его смерти.

Не касаясь политической дѣятельности Рылѣва, такъ какъ біографія его напечат. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1868 г. кн. VI и 1869 г. кн. III,—мы остановимъ вниманіе нашихъ читателей лишь на нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ этого поэта. Дѣлаемъ это въ интересахъ всесторонняго и наиболѣе подробнаго изученія отечественной литературы знаменательнаго въ жизни русскаго общества царствованія Александра I притомъ по весьма уважительному поводу: въ распоряженіе „Русской Старини“, какъ мы уже заявляли (Русск. Стар. 1870 г. т. II, стр. 524—526), въ числѣ прочихъ бумагъ литературнаго архива Ѳ. В. Булгарина—поступило довольно значительное собраніе подлинныхъ бумагъ Рылѣва. Сохраненіемъ какъ ихъ, такъ равно и многихъ другихъ немаловажныхъ матеріаловъ,—русская литература обязана покойному Ѳ. В. и его почтеннымъ сыновьямъ Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгариннымъ. Собственно рукописи Рылѣва состоятъ изъ его писемъ, а главное—изъ черновыхъ набросковъ его стихотвореній. Здѣсь, въ самомъ поэтическомъ хаосѣ, нерѣдко съ чудовищно-неразборчивыми пометками, небрежною рукою поэта набросаны—то цѣльныя „Думы“, то отрывки изъ нихъ, то отдѣльныя строки и слова—варианты написаннаго, замѣтки, эниграммы и прочія мелочи. Просматривая эти бумаги, видишь весь процессъ работы даровитаго писателя... Изъ этихъ произведеній—особенно замѣчательны „Думы“ Рылѣва; помимо ихъ литературнаго значенія, онѣ имѣютъ для „Русской Старини“ и исто-

рической интересъ: рядъ крупнѣйшихъ русско-историческихъ дѣятелей. языки: Владиміръ Святой, Марса Посадница, Іоаннъ III, Артемонъ Матвѣевъ, Яковъ Долгорукій, Петръ Великій, Мазепа, Паллѣй, Наталья Долгорукова, Волинскій и друг. одинъ за другимъ являются въ произведеніяхъ Рылѣва. Весьма любопытно при этомъ прослѣдить какою стороною государственной или общественной дѣятельности и какими нравственными качествами—наиболѣе типическіе представители разныхъ эпохъ русской исторіи воздѣйствовали на творческую фантазію поэта.

Разборка и приведеніе въ порядокъ бумагъ Рылѣва представила трудъ немаловажный. По нашей просьбѣ, это дѣло взялъ на себя одинъ изъ сотрудниковъ „Русской Старины“ П. А. Ефремовъ.

Г. Ефремовъ извѣстенъ какъ редакторъ съ замѣчательнѣйшею отчетливостію и полнотою напечатанныхъ собраній сочиненій русскихъ писателей: таковы соч. кн. А. Д. Кантемира 2 т., изд. 1867—1868 гг., Д. И. фонъ-Визина, изд. 1866 г., В. И. Лукина и Ельчанинова изд. 1868 г., В. И. Майкова, изд. 1867 г. и Лермонтова 2 т., изд. 1862 и 1863 гг. ¹⁾). Въ виду этихъ прекрасно выполненныхъ изданій—мы съ особеннымъ удовольствіемъ воспользовались обязательнымъ вызовомъ П. А. Ефремова разобрать и приготовить къ печати нижеслѣдующіе матеріалы для исторіи русской литературы.

Ред.

I.

ПИСЬМА РЫЛѢВА КЪ ВУЛГАРИНУ.

I.

Г. Острогоскъ, іюня 20 дня 1821.

Вотъ уже три недѣли, какъ я пирую на Украинѣ: пью донскія вина и обжирюсь стерлядами; а ты по сіе время не поздравилъ меня съ такимъ благополучіемъ! Ты, будучи самъ однимъ изъ главнѣйшихъ петербургскихъ гастрономовъ, для возбужденія въ своемъ пріятелѣ еще большаго аппетита, не хочешь изъ одной лѣности порадовать меня здѣсь хотя тремя строчками... Но добро-жь, Сармать невѣрный, а отплачу тебѣ и ты не получишь ни сухой стерляди, ни

¹⁾ Вотъ еще нѣкоторыя изданія П. А. Ефремова: Библиограф. Сборникъ: Приключеніе короля шведскаго Густава III—сатира В. Петрова. Спб. 1867 г.; Живописецъ—Н. И. Новикова (1772—1773 гг.), изд. 7-е. Спб. 1864 г.; Трутевъ—Н. И. Новикова (1769—1770 гг.) изд. 3-е. Спб. 1866 г.; Матеріалы для исторіи русской литературы: Опытъ историч. словаря о русск. писат. Новикова и труды по этому предмету: Дмитревскаго, Штелина, Домашнева, Келлена, Сахарова и друг. Спб. 1867 г. и проч.

Ред.

5

балыка, по возвращеніи моемъ въ Питеръ, если не прилетишь ко мнѣ по крайней мѣрѣ двухъ грамотокъ—сюда, въ мое счастливое уединеніе, гдѣ я такъ доволенъ, такъ блаженствую, что право не хочется и вспоминать о шумной Пальмирѣ Сѣвера...

Давно мнѣ сердце говорило:
 Пора, молодой пѣвецъ, пора,
 Оставивъ шумный градъ Петра,
 Летѣть къ своей подругѣ милой,
 Чтобъ оживить и духъ унылой,
 И смутный сонъ молодой души,
 На лонѣ вѣги и свободы,
 И разцвѣтающей природы,
 Прогнать съ заботами въ тиши.
 Насталъ желанный часъ—и съ тройкой
 Извозчикъ ухорской предсталъ;
 Залпса колокольчикъ звонкой—
 И юный другъ твой поскакалъ...
 Едва заставу Петрограда
 Пѣвецъ унылый миновалъ,
 Какъ разлилась въ душѣ отрада,
 И я дышать свободѣй сталъ,
 Какъ будто вырвался изъ ада...

Теперь я на ярмаркѣ въ городѣ Острогжскѣ, въ которомъ городничимъ Григорій Николаевичъ Глинка, братъ почтеннѣйшаго Федора Николаевича. Я познакомился съ нимъ еще года за два предъ симъ. Тогда онъ былъ вдовъ; но недавно женился въ Москвѣ на одной любезной дѣвицѣ, которая весьма любитъ литературу—и я съ большимъ удовольствіемъ провожу у нихъ время.

Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской Исторіи... Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! — Не знаю чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна, или дарованію нашего Тацита. Вотъ бездѣлка моя—плодъ чтенія девятаго тома:

КУРБСКІЙ.

На камнѣ шпестомъ, въ часъ ночной,
 Изъ милой родины изгнанникъ,
 Сидѣлъ князь Курбскій, вождь молодой,
 Въ Литвѣ враждебной грустный странникъ,—
 Позоръ и слава русскихъ странъ,
 Въ совѣтѣ мудрый, страшный въ брани,
 Надежда скорбныхъ россиянь,
 Гроза ливонцевъ, бичъ Казани...

Сидѣлъ—я въ перекатахъ громъ
 На небѣ мрачномъ раздавался,
 И темный гѣсъ, шума, кругомъ
 Отъ блеска молній освѣщался.
 «Далеко родины драгой,
 «Далеко отъ подруги милой,—
 Сказалъ онъ, покачавъ главою,—
 «Я долженъ вѣкъ вести унылой.

«Ужъ боги пылнѣхъ я дружинъ
 «Не поведу къ кровавой брани
 «И врагъ не побѣжить съ равнинъ
 «Отъ покорителя Казани!
 «До дряхлой старости, влача
 «Увылу жизнь въ тиши безславной,
 «Не обнажу за Русь меча,
 «Гонимъ судьбою своенравной.

«За то, что изнемогъ, отъ ранъ,
 «Что въ битвахъ край родной прославилъ.
 «Меня неустовый тиранъ
 «Бѣжать отечества заставилъ:
 «Покинуть сына и жену,
 «Покинуть все, что мнѣ священно,
 «И въ чуждую уйти страну
 «Съ душою, грустью отягченной.

«Въ Литвѣ я нынѣ сталъ вождемъ,
 «Но, ахъ! ни почести велики,
 «Не веселятъ въ краю чужомъ,
 «Ни ласки чуждаго владыки!
 «Я все стенаю и грущу,
 «И на пирахъ сажу угрюмый
 «Чего-то для души ищу
 «И часто погружаюсь въ думы...

«И въ хижинѣ и во дворцѣ
 «Меня гласъ внутренній тревожить
 «И мрачность на моемъ лицѣ
 «И самое веселье множить...
 «Увы! всего меня лишилъ
 «Тиранъ отечества драгова!
 «Скозь жалокъ, рокъ кому судилъ
 «Искать въ странѣ чужой покрова!»

Б. Рыгѣевъ.

Г. Острогоскѣ. Юля 20. 1821.

Если бездѣлка сія будетъ одобрена почтеннымъ Николаемъ Ивановичемъ Гибдиачемъ, то прошу тебя отдать ее Александру Федоро-
 5*

вчу въ „Сынъ Отечества“. Прощай. Свидѣтельствуй мое почтеніе всѣмъ добрымъ людямъ, сирѣчь: Н. И. Гнѣдичу, Н. И. Гречу, Барону, также Александру Ѳедоровичу ¹⁾ и проч.... Пиши ко мнѣ на Павловскъ.

Твой другъ К. Рылѣевъ.

II.

С. Подгорная. Августа 8. 1821.

Скоро долженъ я буду оставить мое тихое, безмятежное уединеніе, дабы опять явиться въ Сѣверную Пальмпу. Холодъ обдаеть меня, когда я вспомню, что кромѣ множества разныхъ заботъ, меня ожидаютъ въ оной мучительныя крѣпостства неугомоннаго и ненасытнаго рода приказныхъ...

Когда отъ русскаго меча
 Легли моголы въ прахъ, стеная,
 Россію Богъ карать непереставая,
 Столь многочисленный, какъ саранча,
 Приказныхъ родъ, въ странахъ ея обширныхъ,
 Повсюду расселилъ,
 Чтобы сердца согражданъ мирныхъ
 Онъ навсегда какъ червь точилъ...

Ты, любезный другъ, на себѣ испыталъ безсовѣстную алчность ихъ въ Петербургѣ; но въ столицахъ приказные нѣкоторымъ образомъ еще сносны... Если бы ты видѣлъ ихъ въ русскіихъ провинціяхъ — это настоящіе кровопійцы, и я увѣренъ, что ни хищныя татарскія орды, во время своихъ нашествій, ни твои давно просвѣщенные соотечественники, въ страшную годину междударствія, не принесли Россіи столько зла, какъ сіе лютое отродіе... Въ столицахъ берутъ только съ того, кто имѣетъ дѣло, здѣсь со всѣхъ... Предводители, судьи, засѣдатели, секретари и даже кописты имѣютъ постоянныя доходы отъ своего грабежа; а исправники...

Бто не слыхалъ изъ насъ о хищныхъ печенѣгахъ,
 О лютыхъ половцахъ, или о татарахъ злыхъ,
 О ихъ неистовыхъ набѣгахъ,
 И о хищеняхъ ихъ?
 Давно-ль сей край, гдѣ Донъ и Сосна протекають,
 Средь тучныхъ пажитей и бархатныхъ луговъ
 И ихъ холодными струями напояють,
 Былъ достоянемъ сихъ враговъ?
 Давно-ли крымскіе наѣзники толпами
 Изъ отческой земли
 И старцевъ и дѣтей и женъ, тягча цѣпами,

¹⁾ Слова: «также Александру Ѳедоровичу» приписаны въ выноскѣ. А. Ѳ. Воейковъ тогда участвовалъ съ Гречемъ въ изданіи «Сына Отечества». II. Ш.

Въ Тавриду дальнюю влекли?
 Благодаря Творцу, Россія покорила
 Враговъ надменныхъ всёхъ,
 И хѣтъ за нѣсколько со славою отразила
 Разбойника славнѣйшаго набѣгъ...
 Теперь лишь только при наѣздахъ
 Свирѣпствуютъ одни исправники въ уѣздахъ.

Но полно объ этой дряни...

При семъ посылаю нѣсколько моихъ бездѣлокъ. Потрудись показать ихъ почтенному Николаю Ивановичу Гнѣдичу, и если годятся, отдай ихъ Александру Федоровичу для „Сына Отечества“¹⁾.

Прощай, я въ половинѣ сего мѣсяца выѣзжаю, но буду въ Петербургъ не прежде половины сентября, ибо ѣду на своихъ.

Поручая себя дружеской твоей памяти и прося засвидѣтельствовать мое почтеніе всѣмъ, остаюсь. Твой другъ К. Рылѣвъ.

III.

(Спб. 1825 г. Декабрь).

Любезный Оаддей Венедиктовичъ. Читаль твое сужденіе о Войнаровскомъ съ чувствомъ. Вижу, что ты попрежнему любишь меня; ничто другое не могло заставить тебя такъ лестно отозваться о поэмѣ и это обязываетъ меня благодарить тебя и сказать, что и я не переставаль и вѣрно не перестану любить тебя. Прошу вѣрить этому. Знаю и увѣренъ, что ты самъ убѣжденъ, что намъ сойтись невозможно и даже безчестно: мы слишкомъ много наговорили другъ другу грубостей и глупостей, но-по крайней мѣрѣ я не могу, не хочу и не долженъ остаться въ долгу; я долженъ благодарить тебя. Прилично или неприлично дѣлаю, отсылая къ тебѣ письмо это,—не знаю еще: слѣдую первому движенію сердца. Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что поступокъ мой припишешь человѣку, а не поэту. Прошу тебя также, любезный Булгаринъ, впередъ самому не писать обо мнѣ въ похвалу ничего; ты можешь увлечься, какъ увлекся, говоря о Войнаровскомъ, а я человѣкъ: могу на десятый разъ и повѣрить; это повредить мнѣ,—я хочу прочной славы, не даромъ, но за дѣло.

Рылѣвъ.

Слышу, что сужденіе о „Думахъ“ тобою уже написано и что ты ими не совсѣмъ доволенъ, особенно предисловіемъ. Въ такомъ случаѣ

¹⁾ Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. изъ стихотвореній Рылѣва напечатаны: «Бурбскій» (№ 29, стр. 129—131), «Святополкъ» № 47, стр. 33—35). «Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу» (№ 50, стр. 175—178).

съ Богомъ: печатай и ради Бога ничего не пережъный, если не хочешь оскорбить меня“¹⁾.

Вверху письма написано рукою Булгарина: „Письмо сіе раздѣловано и орошено слезами. Возвращаю назадъ, ибо подлый міръ недостойнъ быть свидѣтелемъ такихъ чувствъ и могъ бы перетолковать—а я понимаю истинно“—Булгаринъ.

Отвѣтъ на томъ же Рылѣва: „Напрасно отослалъ письмо: я никогда не раскаяваюсь въ чувствахъ, а мнѣніемъ подлаго міра всегда пренебрегалъ. Письмо твое и должно остаться у тебя“. Рылѣвъ.

„Прежде нежели увидишь меня, поговори съ Александромъ Бестужевымъ: онъ можетъ быть сегодня будетъ у тебя“.

Примѣч. Приведенное въ первомъ письмѣ стихотвореніе „Курбскій“ было напечатано въ изданіи „Думъ“ (М. 1825, стр. 85—89), съ слѣдующимъ предисловіемъ: „Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, знаменитый вождь, писатель и другъ Іоанна Грознаго. Въ казанскомъ походѣ, при отраженіи крымцевъ отъ Тулы (1552) и въ войнѣ ливонской (1560) онъ оказалъ чудеса храбрости. Въ 1564 г. Курбскій былъ воеводою въ Дерптѣ. Въ сіе время Грозный преслѣдовалъ друзей прежняго своего любимца, Адашева, въ числѣ которыхъ былъ и Курбскій: ему дѣлали выговоры, оскорбляли и наконецъ угрожали. Опасаясь гибели, Курбскій рѣшился измѣнить отечеству и бѣжалъ въ Польшу. Сигизмундъ II принялъ его подъ свое покровительство и далъ ему въ помѣстье княжество Ковельское. Отсюда Курбскій велъ бранную и язвительную переписку съ Іоанномъ; а потомъ еще далѣе простеръ свое мщеніе: забылъ отечество, предводительствовалъ поляками во время ихъ войны съ Россією и возбуждалъ противъ нея хана крымскаго. Онъ умеръ въ Польшѣ. Предъ смертію сердце его нѣсколько умягчилось: онъ вспомнилъ о Россіи и называлъ ее милымъ отечествомъ. Спасаясь изъ Дерпта, Курбскій оставилъ тамъ супругу и девятилѣтняго сына; потомъ въ Польшѣ, вторично женился на княгинѣ Дубровицкой, съ которою король повелѣлъ ему развестися. Курбскій извѣстенъ также литературными своими трудами: онъ описалъ жестокости царя Іоанна и перевелъ нѣкоторыя бесѣды Златоустаго на дѣянія Св. Апостоль. Въ концѣ XVII вѣка правнучки его выѣхали въ Россію“.

Въ печатномъ изданіи не помѣщена 4-я строфа, а послѣдняя читается такъ:

И въ хижинѣ и во дворцѣ
Меня гласъ внутренній тревожить,

¹⁾ Ниже слѣдуютъ двѣ строки тщательно зачеркнутыя; съ трудомъ можно разобрать только: «Воображаю пріемъ..... Грѣхъ можетъ быть никогда безразсудивъ.....»

И мрачность на моемъ лицѣ
 Веселость шумныхъ пиршествъ множить...
 Увы! злымъ рокомъ я лишень
 Семьи, отечества драгова.
 Сколь жалокъ тотъ, кто осуждёнъ
 Искать въ странѣ чужой покровъ.

II.

НЕИЗДАННЫЯ „ДУМЫ“ РЫЛѢВА.

Въ бумагахъ Рылѣва сохранилось небольшое число цѣльныхъ, окончательно отдѣланныхъ неизданныхъ стихотвореній; затѣмъ есть подлинники „Думъ“, напечатанныхъ въ изданіи его вышедшемъ въ Москвѣ въ 1825 году. Значительная-же часть бумагъ, кромя писемъ, представляетъ черновые наброски печатныхъ стихотвореній, но съ весьма интересными вариантами; нѣсколько черновыхъ, неотдѣланныхъ стихотвореній, небывшихъ еще въ печати и нѣсколько отрывковъ, повидимому, тоже принадлежащихъ къ цѣльнымъ стихотвореніямъ, но, къ несчастію, утратившимся въ болѣе полномъ и связномъ ихъ объемѣ.

Мы выбираемъ изъ этихъ бумагъ все, имѣющее чисто-литературный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющее не лишенный цѣны матерьялъ для характеристики поэта и вообще для исторіи русской литературы двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Прежде всего мы останавливаемся на историческихъ „Думахъ“, которыя, такъ-сказать, были тогда особенно въ модѣ. Этотъ родъ стихотвореній первый ввелъ въ русской литературѣ самъ Рылѣвъ и за нимъ потянулся рядъ подражателей, впрочемъ совершенно безталанныхъ, съумѣвшихъ довольно ловко схватить всѣ внѣшніе приемы Рылѣва, считая даже стихотворный размѣръ, имъ употреблявшійся, но не зашедшихъ далѣе формы, въ которую они облевали свою высокопарную, риторическую дребедень, нерѣдко лишенную всякаго содержанія и даже смысла. Чтобъ не быть голословными, укажемъ на два подобныя подражанія, именно: Минихъ (въ „Сынѣ Отечества“, 1821 г.) и Карлъ XII (въ „Календарѣ Музъ“, 1827 г.).

Несмотря однако на безталанность подражателей, они не могли опознать подлинника, и Думы Рылѣва еще долго послѣ смерти поэта находили читателей и усердно перепечатывались собирателями альманаховъ, безъ сокрытія имени автора, какъ напр., въ альманахѣ „Венера“, изданномъ въ Москвѣ въ 1831 году, за цензурою С. Т. Ажсакова (Наталія Долгорукова, Димитрій Самозванецъ и

Смерть Ермака). Въ 1-мъ изданіи „Послѣдняго Новика“ И. И. Лажечникова, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1833 году, взяты эпиграфомъ ко многимъ главамъ также отрывки изъ Думъ.

Это обстоятельство, кажется, снимаетъ упрекъ съ нашей цензуры, будто она за имя Рылѣва запрещала перепечатку его стихотвореній. Приведенные факты говорятъ противное, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что тогда едва прошло 5—6 лѣтъ со смерти поэта. Кстати замѣтимъ, что въ томъ-же альманахѣ Венера (ч. 1, стр. 36—38) напечатано стихотвореніе А. Полежаева: „Пѣснь узника“, которое во множествѣ рукописей, намъ попадававшихся, всегда приписывается Рылѣву. Въ собраніе стихотвореній Полежаева оно не вошло, поэтому приводимъ изъ него нѣсколько отрывковъ:

Не слышно шуму городскаго
Въ заневскихъ башняхъ тишина
И на штыгѣ у часоваго
Горитъ полночная луна!

А бѣдный юноша! ровесникъ
Младымъ, цвѣтущимъ деревьямъ,
Въ глухой тюрьмѣ заводитъ пѣсни
И отдаетъ тоску волнамъ.

«Прости отчизна, край любезной!
Прости мой домъ, моя семья!
Здѣсь за рѣшоткою желѣзной—
Уже не свой вамъ больше я!

«Не жди меня отецъ съ невѣстой,
Снимай вѣнчалное кольцо;
Застынь мое навѣки мѣсто;
Не быть мнѣ мужемъ и отцомъ!

«Сосватаю я себѣ неволю,
Мой жребій—слезы и тоска!
Но я молчу... такую долю
Взяла сама моя рука.....

Ужъ ночь прошла... Съ разсвѣтомъ въ златѣ
Давно день новый засіялъ;
А бѣдный узникъ въ казематѣ—
Всѣ ту-же пѣсню напѣвалъ!...

Любопытно, что въ томъ-же альманахѣ (часть 2, стр. 54—55) перепечатано, безъ подписи, стихотвореніе А. С. Пушкина „Аріонъ“, которое относится къ людямъ и событіямъ 1825 г., и это не имѣло никакихъ послѣдствій, хотя впрочемъ за годъ до того

едва-едва не былъ запрещенъ альманахъ Максимовича „Денница“ (на 1830 годъ), въ которомъ излишне усердные читатели отнесли къ воспоминанію о Рылѣевѣ слѣдующее, совершенно къ нему не относящееся стихотвореніе Серафимы Тепловой:

Слезамъ горькими, тоскою
Твоя погибель почтена.
О вѣрь, о вѣрь, что надъ тобою
Стояъ скорби слышала волна!

О вѣрь, что надъ тобою почило
Прощенье, миръ, а не укоръ,
Что не страшна твоя могила
И не постыденъ твой позоръ!

Обращаемся къ бумагамъ Рылѣева.

Въ нихъ мы находимъ, между прочимъ, два списка. Одинъ, набросанный карандашомъ на оборотѣ окончательно выправленнаго текста Думъ: „Артемонъ Матвѣевъ“, заключаетъ 21 названіе Думъ, вошедшихъ потомъ въ печатное изданіе, въ иномъ однако порядкѣ¹⁾, именно: 1. Курбскій (печат. изд. 11), 2. Боянъ (печ. 6), 3. Хмельницкій (16), 4. Смерть Ермака (12), 5. Святополкъ (4), 6. Святославъ (3), 7. Матвѣевъ (17), 8. Петръ въ Острогожскѣ (18), 9. Глинскій (10), 10. Самозванецъ (14), 11. Борисъ Годуновъ (13), 12. Наталья Долгорукова (20), 13. Олегъ Вѣщій (1), 14. Ольга при могилѣ Игоря (2), 15. Волинскій (19), 16. Державинъ (21), 17. Дмитрій Донской (9), 18. Сусанинъ (15), 19. Рогнѣда (5), 20. Михайлъ Тверской (8) и 21. Мстиславъ Удалой (7)“.

Другой списокъ заключаетъ названіе Думъ, которыя Рылѣевъ вѣроятно предполагалъ написать, въ чемъ насъ убѣждаютъ найденныя болѣе или менѣе полныя отрывки, съ соотвѣтственными названіями. Вотъ этотъ списокъ: „Владиміръ. Рюригъ. Вадимъ. Владиміръ Мономахъ. Василько. Гарольдъ и Елизавета. Пожарскій и Мининъ. Марина. Марса Посадница. Гермогенъ. Мазепа. Софія. Петръ Великій. Лукьянъ Стрешневъ. Мининъ. Руманцовъ: Суворовъ. Меншиковъ. Потемкинъ. Яковъ Долгорукій“.

Изъ послѣдняго списка въ печати ничего не появилось, а въ бумагахъ мы находимъ слѣдующіе отрывки:

ВАДИМЪ.

Надъ кипящею пучиною,
Подпершись, сидитъ Вадимъ,

¹⁾ Мы приводимъ этотъ списокъ въ томъ соображеніи, что не составленъ ли онъ Рылѣевымъ въ хронологическомъ порядкѣ сочиненія, — что безъ сомнѣнія важно для характеристики развитія его таланта.

И на Новгородъ съ кручиною
Смотрить нѣмъ и недвижимъ.

Громъ гремитъ! Змѣей огнистою
Сумракъ ¹⁾ молнія сѣчетъ,
Волховъ пѣной серебрястою
Въ берегъ хлещетъ и реветъ ²⁾

Вотъ ужъ небо въ звѣзды радится,
Какъ въ узорчатый вѣнецъ,
И луна сквозь тучи крадется,
Будто въ саванъ мертвецъ.

Какъ утесъ средь моря каменный,
Какъ полночи вѣчный ледъ
Хладенъ, врѣпокъ Витазъ пламенный
Въ грозныхъ битвахъ за народъ.

Несмотря на хладъ убійственной
Согражданъ къ правамъ своимъ,
Ихъ отъ бѣды спасти насильственно
Хочетъ пламенный Вадимъ.

«До какого насъ безславя
«Довели вражды гражданъ!
«Властелиновъ Скандинавія
«Насмываетъ для Славянъ!...

Окончанія, къ сожалѣнію, въ бумагахъ не имѣется; приведенныя же строфы стихотворенія сохранились въ двухъ наброскахъ: въ первомъ, наиболѣе переправленномъ, помѣщены 1, 2, 5 и 6 строфы, во 2^{мъ}, почти безъ поправокъ, только 1, 2, 3 и 4 строфы. Первая строфа первоначально была написана:

Надъ кипящею пучиною,
На утесъ съвъ Вадамъ,
Съ тяжелой на сердцѣ кручиною
Смотрить нѣмъ и недвижимъ.

Подчеркнутыя слова потомъ были измѣнены: „Въ даль (туманную) безбрежную съ кручиною“. Послѣ-же 2-й строфы начиналась 3-я „Завывай-же бура страшная“; а въ 5 и 6 строфахъ тоже были незначительныя поправки. Варианты 2-й редакціи мы привели въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

¹⁾ Было: «воздухъ».

²⁾ «Врегъ песчаный обдаетъ», а потомъ: «Въ брегъ песчаный съ ревомъ бьетъ».

ВЛАДИМИРЪ СВЯТОЙ.

ДУМА.

Ни громъ побѣдъ, ни звуки славы,
Ничто Владимира утѣшить не могло;
Не разъясняли и забавы
Его угрюмое и мрачное *) чело...

Братоубійствомъ отягченный—
На свѣтлыхъ пиршествахъ ²⁾ сидѣлъ онъ одиноко
И тайной мыслію смущенный ³⁾
Дичилса радостей, какъ узанный пороко.

Напрасно пѣніе Бояна
И рокоть струнъ живыхъ ласкали княжіи слухъ;
Души не исцѣлялась рана,
И все тревожился и тосковалъ въ немъ духъ ⁴⁾!

Однажды онъ съ привычной думой
На длань склоненъ главой, уединясь, сидѣлъ,
И съ дикостью души угрюмой
На вновь воздвигнутый ⁵⁾ Перуновъ ликъ глядѣлъ.

Вокругъ зеленого Кургана
Толпами шумными на Теремномъ Дворѣ
Народъ кипѣлъ у Истукана,
Сіявшаго, какъ лучъ, и въ златѣ и въ сребрѣ!...

«Перунъ! твой ликъ я здѣсь поставилъ»,
Вѣщаль страдаецъ-князь, — «Міроправитель-Богъ! ⁶⁾
«Тебя я всѣхъ признать заставилъ,
«И дубъ, священный дубъ передъ тобой возжегъ!

«Почто-жъ не укротишь волненья
«Обуреваемой раскаянемъ души!

1) «Важное», потому «гордое».

2) «Шумныхъ».

3) «И думой тайной омраченный», а потомъ: «и тайной думою смущенный».

4) После этого зачеркнуто:

«При свѣтѣ дня и въ мракѣ ночи,
И въ пышномъ теремѣ и въ хижинѣ простой,
Его сверкающіе очи
Тань Ярополкову все зрѣли предъ собой»...

5) «Поставленный».

6) «Ты испещренный иконой», потомъ: «ты иконой чтимый Богъ».

«Увы! ужасныя мученья
«Меня преслѣдуютъ и въ шумѣ и въ тиши ¹⁾».

«Молю у твоего Кушира:
«Предѣлъ страданій душевнымъ положи;
«Пересели меня изъ міра
«Или попржнему съ веселіемъ сдружи!»

Вдругъ видятъ старца предъ собою... ²⁾
Почтенный, важный видъ: спокойствіе въ чертахъ,
Брада до чреслъ сѣдой волною,
Кудрами волосы сѣдые на плечахъ.

На посохъ странничій склоненный,
Въ десной распатіе златое онъ держалъ;
И въ князя взоръ его вперенный ³⁾
На душу грѣшника сматенье проливалъ...

«Кто ты?» Владиміръ съ изумленьемъ
И гласомъ трепетнымъ пришежда спросилъ,
— «Посолъ Творца!» Онъ рекъ съ смиреньемъ,
«Ты Бога вышнѣго дѣлами прогнѣвилъ... ⁴⁾»

«Ни въ Чернобогѣ, ни въ Перунѣ,
«Ни въ славѣ, ни въ пирахъ Владиміровъ покой;
«Его ты, грѣшникъ, жаждешь втунѣ;
«Какъ за добычей вранъ, такъ совѣсть за тобой!...

«Но что, о князь, сіи терзанья! ⁵⁾
«Тебя, отверженецъ, ⁶⁾ ужаснѣйшія ждуть!
«Наступить ⁷⁾ часъ—цѣлать дѣлаья!
«Воскреснуть мертвые! ⁸⁾ настанетъ страшный судъ!

«И судъ сей будетъ непреложень;
«Твое могущество тебя не защититъ!

¹⁾ Зачеркнуто четыре стиха, изъ которыхъ можно разобрать:

«Какъ знакъ души взнеможенной,
....., какъ преступленья знакъ,
Вездѣ тоскою омраченной
Чернѣеть на мракъ».

²⁾ «Вдругъ старца зрять передъ собою».

³⁾ «Въ очахъ горѣлъ огонь священный и въ душу грѣшника....»

⁴⁾ «Посолъ творца... притекъ съ смиреньемъ!...»

Какъ шепчущій ручей святой проговорилъ.

⁵⁾ «Ея терзанья».

⁶⁾ «Отверженный».

⁷⁾ «Настанетъ».

⁸⁾ «Смертѣе».

«Тамъ рабъ и царь равно ничтоженъ;
«Всевышній судія на лица не глядитъ.

«Предъ нимъ угаснетъ блескъ короны!
«И князю-грѣшнику одинъ и тотъ-же адъ,
«Гдѣ вѣчный скрежетъ, плачь и стоны
«Съ рабами низкими властителя сравнять.» —

Такъ говорилъ пришлецъ священный.
И пылкій, яркій огонь въ очахъ его блисталъ, ¹⁾
И князь трепещущій, смятенный,
Для потоки слезъ, словамъ его внималъ...

«О, чѣмъ-же я избѣгну ада?...
«Наставь, наставь меня!...» Владиміръ старцу рекъ;
«Изъ твоего читаю взгляда,
«Что ты, таинственный! спасти меня притекъ!...»

— «Крести себя, крести народы!»
Въ отвѣтъ вѣщаль святой, «и ты себя спасешь!
«И славу дѣлъ изъ рода въ роды,
«Съ благословіемъ потомства перельешь!

«Тогда не адъ, блаженство рай
«И вѣчность дивная тебя, Владиміръ, ждутъ,
«Гдѣ сонмы ангеловъ, порхая,
«Предъ трономъ Вышняго твой подвигъ воспоютъ!»

— «Крести-жь, крести меня, о дивный!»
Въ восторгѣ пламенномъ воскликнулъ мудрый князь...
Наутро звукъ трубы призывный —
И рать Владиміра къ Херсону понеслась...

На новый подвигъ, съ новымъ жаромъ
Летятъ дружинами съ вождемъ богатыря,
Вардѣлись небеса пожаромъ.
Трепещеть Греція и гордые цари!....

Такъ въ князѣ огонь души надменной,
Остатокъ мрачнаго язычества, горѣлъ:
Съ рукой царевны несравненной
Онъ вѣру самую завоевать летѣлъ. ²⁾

Дума эта повидимому предназначалась для печати, потому что
лохъ нею находится полная подпись поэта.

¹⁾ «И тихій, кроткій огонь въ очахъ его сіялъ».

²⁾ «Хотѣлъ».

МАРФА ПОСАДНИЦА.

ДУМА

Была ужъ полночь. Бранный шумъ
 Затихъ на стогнахъ Новограда,
 И Марѣнъ безпокойный ¹⁾ умъ —
 Свободы тщетная ограда —
 Вкушалъ покой отъ мрачныхъ думъ.

Въ поляхъ сверкали огоньки;
 Расположась обширнымъ станомъ,
 Близъ озера и вдоль рѣки,
 Вдали чернѣли за туманомъ,
 Царя отважнаго полки.

Все было въ непробудномъ снѣ;
 Лишь ратники сторожевые
 Перекинулись на стѣнѣ,
 И Волковъ въ берега крутые
 Плескалъ волною въ тишинѣ....

Покой и мракъ среди домовъ....
 Вдругъ съ Ярославова Дворища
 Звонъ Вѣчевыхъ Колоколовъ—
 И грянутъ, бросивъ пепелища,
 Народъ со всѣхъ пяти концовъ.

Продолженіе этого стихотворенія въ рукописи оторвано. Третья строфа первоначально была поставлена прежде второй, вслѣдъ за которою была набросана еще строфа, потомъ зачеркнутая:

И долго длилась тишина;
 Заря на небѣ зажигалась
 И вся окрестная страна
 И вся природа пробуждалась,
 Покоя сладкаго полна.

Повѣялъ холодъ съ береговъ...
 Вдругъ съ Ярославова Дворища и пр.

ЯКОВЪ ДОЛГОРУКІЙ.

ДУМА

Корабль летѣлъ, какъ на крылахъ,
 Шумя уныло парусами,
 И зарываясь въ волнахъ,
 Клубя въ ихъ и ведима въ буграхи.

¹⁾ «Благородный умъ».

Сѣдалъ гѣна за кормой,
Рѣкой клубящейся бѣжала,
И шумъ однообразный свой
Съ ревущей бурей сливала.

На шканцахъ шумною толпой
Стояли съ плѣнниками шведы;
Они летѣли въ край родной
Съ отрадной вѣстію побѣды.
Главу склонили, съ тоской въ очахъ
И на-крестъ опутивши руки,
На верхней палубѣ въ мечтахъ,
Сидѣлъ отважный Долгорукій.

Онъ говорилъ: ¹⁾ «Родной земли
«Уже не зрѣтъ страдальцу боги;
«Умру, какъ изгнанникъ, вдали,
«Умру съ безславіемъ, въ невогѣ.
«Въ печальномъ плѣнѣ дни влеча,
«Вотще пылаю славой дѣдовъ;
«Увы! не притушу меча
«Объ кости я враждебныхъ шведовъ».

«Ужъ для меня, какъ битвы знакъ,
«Не загремѣть въ полкахъ лавры,
«И не украсятъ мой шишакъ
«Неувядаемы лавры.
«Не буду я, служба Добру,
«Творить вельможамъ укоризны,
«И правду говорить Петру,
«Для благоденствія отчины...

«Ахъ, лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ,
«Чѣмъ жизнь безъ славы ²⁾ и свободы;
«Не русскому стелѣть въ цѣпяхъ
«И изживать безъ цѣли годы!»
Такъ рекъ ³⁾ герой. Межъ тѣмъ вдали
Уже сіяли храмовъ шпицы,
Чернѣлись берега земли
И стали неслися птицы.

Вотъ видны ⁴⁾ башни на скалахъ;
То Готенбургъ на брегѣ дикомъ —
И шведы, съ пламенемъ въ очахъ,
Привѣтствуютъ отчизну крикомъ!

¹⁾ «И такъ!» онъ пѣлъ.

²⁾ «Безъ чести».

³⁾ Въ подлинномъ текстѣ оставлено нѣтъ, по недосмотру исправл. 3-й строим.

⁴⁾ «Мельничью».

Поднявъ благоговѣйный взоръ
И къ небу простирая ¹⁾ длани,
Въ слезахъ благодаритъ пасторъ
И Бога вождь и Бога бранн.

Вокругъ него толпы враговъ,
Молясь, упали на колѣна...
Бушуетъ вѣтръ межъ парусовъ,
Корабль летитъ, клубится пѣна.
Катятся слѣзы изъ очей
И груди шведовъ орошаютъ;
Они отцовъ, сестеръ, дѣтей
Уже въ мечтаньяхъ обнимаютъ...

Вдругъ Долгорукий загремѣлъ:
«За мной! Расторгнемъ плѣнъ постыдный!
«Пусть слава будетъ нашъ удѣлъ,
«Иль смертію умремъ завидной!...»
Мелькнулъ сверкающій булатъ,
Палъ непріатель изумленный
И завоеванный фрегатъ
Помчался въ Ревель покоренный. ²⁾

Дума эта, какъ видно по рукописи, нѣсколько разъ подвергалась исправленіямъ. Незначительные варианты въ строфахъ, неподвергшихся передѣлкѣ, мы указали въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а здѣсь указываемъ перемѣны болѣе крупныя. Такъ, послѣ 2-й строфы, сбоку приписаны были четыре стиха и, сообразно съ ними, измѣнены отнесенные повидимому къ нимъ-же четыре заключительные стиха 3-й строфы:

Объ чемъ ты думаешь герой?
Объ чемъ въ уминіи мечтаешь?
Знать, мыслишь о странѣ родной
И плѣнъ постыдный проклинаешь.
Въ печальномъ плѣнѣ дни влеча,
Вотще пылаешь славой дѣдовъ;
Уже не притушить меча
Тебѣ объ кости грозныхъ шведовъ.

¹⁾ «Устремляя».

²⁾ Приведенная «Дума» передаетъ въ повѣстической формѣ дѣйствительное событіе изъ жизни доблестнаго Я. Ѳ. Долгорукаго. Взятый въ плѣнъ въ битвѣ подъ Нарвой, Долгорукий десять лѣтъ провелъ въ Стокгольмѣ, подъ крѣпкими карауломъ. Въ 1711 г., по случаю недостатка въ хлѣбѣ, нѣсколько плѣнныхъ отправлены моремъ въ Умео. Въ числѣ 44-хъ русскихъ—плѣнниковъ, посаженныхъ на одномачтовое небольшое судно, былъ и Я. Ѳ. Долгорукий. Семидесятилѣтній воинъ составилъ заговоръ и овладѣлъ судномъ—обезоруживъ, послѣ схватки, своихъ стражей шведовъ. Корабль былъ направленъ къ русскимъ берегамъ и плѣнники спаслись.

Кромѣ того эти заключительные стихи, вошедшіе потомъ съ измѣненіемъ въ окончаніе 3-й строфы, первоначально были написаны такъ:

«Въ печальномъ плѣнѣ дни влача,
Въ своей темницѣ безотрадной,
Я буду таять ¹⁾, какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огонь лампадной.

Съ унылой жизнью догоря,
Потухнетъ къ славѣ жаръ природной,
И ревность къ подвигамъ царя
Замретъ въ душѣ моей свободной.
Напрасно ужасъ битвъ люблю,
Вотще пылаю славою дѣдовъ;
Увы! меча не притуплю
Объ кости я враждебныхъ шведовъ».

5-я и 6-я строфы первоначально читались:

«Прости-жь на вѣкъ мой край родной;
Тебя я не увижу болѣ,
И кончу дни въ землѣ чужой,
Томясь бездѣйствіемъ въ неволѣ.
Ахъ лучше смерть въ сѣдыхъ валахъ.
Чѣмъ жизньъ безъ чести и свободы;
Не русскому стелать въ цѣпяхъ
И изживать безъ цѣли годы.

Не русскому влачить время,
И тяжкій сердцу и постыдной:
Я—завладѣю кораблемъ,
Иль смертію умру завидной!» —
Такъ пѣлъ герой... и пр.

Для начала 5-й строфы былъ еще вариантъ:

«Умру въ бездѣйствіи, въ цѣпяхъ! ²⁾
Потухнетъ съ жизнью въ славы пламени;
И на враждебныхъ берегахъ ³⁾
Воздвигнуть мой надгробный камень».

Вдохнулъ герой при мысли сей.
Невольню проступили слезы...

Болѣе всего подверглась передѣлкамъ послѣдняя строфа. Вотъ ея варианты:

1.

«За мной, друзья!» вдругъ загремѣлъ
Отважный князь, свергая шагой,

¹⁾ Ви. «Истаю жертвой».

²⁾ «Въ чужбинѣ мой потлѣветъ прахъ», а потомъ: «угасну медленно въ цѣпяхъ».

³⁾ «Умру—на чуждыхъ берегахъ».

И съ горстью русскихъ полетѣлъ,
На экипажъ, горя отвагой.

2.

«За мной», друзья! вдругъ загремѣлъ,
Мечень сверкая Долгорукий ¹⁾
И съ горстью русскихъ полетѣлъ;
И раздались оружіи звуки.
Мгновенно кончатъ дерзкій бой;²⁾
Предъ русской силой шведы пали ³⁾
И въ Ревель ихъ корабль стрѣлой
Валы покорные помчали.

3.

«За мной, друзья!» вдругъ загремѣлъ,
Подобно бурѣ, Долгорукий.
«Ура!» Помчался! Бой вскипѣлъ
И раздались оружіи звуки.
Лилась недолго кровь ручьемъ;
Враги предъ горстью русскихъ пали
И въ Ревель храбрыхъ съ торжествомъ
Валы покорные помчали.

Укажемъ и еще одну наброску, оставшуюся неотдѣланной:

Услыша гласъ, зовущій въ бой,
Помчались русскіе грозю.

.

Затѣмъ изъ остальныхъ „ненапечатанныхъ“ Думъ удѣляли только незначительные отрывки, какъ напр. изъ Думы „Минихъ“ только четыре стиха, которые приведены въ настоящей статьѣ ниже.

III.

ВАРЬЯНТЫ И ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ НАПЕЧАТАННЫХЪ ДУМЪ.

Изъ Думъ, напечатанныхъ въ изданіи 1825 г., нѣкоторыя находятся въ бумагахъ Рылѣева въ полныхъ спискахъ. Пока мы приводимъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ встрѣчаются болѣе или ме-

¹⁾ «Сверкая взоромъ Долгорукий».

²⁾ «Бой съ врагомъ», потомъ: «славный бой».

³⁾ «Враги предъ русской силой пали».

нѣе значительные варианты съ печатнымъ текстомъ. Одной изъ нихъ: Петръ Великій въ Острогжскѣ, предшествуетъ слѣдующая замѣтка Рылѣева:

„Острогжскѣ, нынѣ увѣдный городъ Воронежской губерніи, нѣкогда былъ главнымъ городомъ Острогжскаго слободскаго полка. Онъ построенъ въ 1652 году и первоначально населенъ, по указу царя Алексѣя Михайловича, заднѣпровскими казаками, въ числѣ 1000 человекъ пришедшими съ полковникомъ своимъ Дзенъковскимъ. За вѣрныя службы свои противу ногайцовъ и крымцевъ (отъ конкъ въ послѣдствіи почти цѣлый вѣкъ оберегали они границы Россіи), а болѣе еще за оказанныя услуги противъ Виговскаго и Брюховецкаго, получили они отъ царя похвальныя грамоты, право свободного винокуренія и нѣкоторыя другія привилегіи. Сія выгоды и благословенный климатъ привлекли на обширныя земли ихъ множество выходцевъ. Упомянутыя грамоты и права въ послѣдствіи были подтверждены почти всѣми Монархами Россіи, въ томъ числѣ Петромъ, Екатериною и благословеннымъ внукомъ ея. Обитатели края благоденствовали. Года за три предъ симъ благосостояніе страны сей стало приходить въ упадокъ. Неурожай и невозможность съ прежнею дешевизною содержать рогатый скотъ нанесли первый ударъ цвѣтущему состоянію тамошнихъ жителей. Торговля годъ отъ году становится маловажнѣе. Желательно, чтобы попечительное правительство вникнуло и въ другія причины теперешнихъ несчастныхъ обстоятельствъ края. Я съ своей стороны, смѣю сказать, что свобода винокуренія, которою прежде равно пользовались и богатые и бѣдные всѣхъ сословій, хотя существуетъ и нынѣ для всѣхъ, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ перешла въ руки однихъ капиталистовъ, отчего для многочислѣннѣйшей части дворянства и войсковыхъ жителей, или такъ-называемыхъ черкесовъ, почти единственный источникъ ихъ благосостоянія изсякнулъ совершенно. Могу ошибаться, но ошибаюсь, какъ гражданинъ, радѣющій о благѣ отечества.

„Не за излишнее считаю сказать, что на земляхъ острогжскихъ не видали крѣпостныхъ крестьянъ до конца прошедшаго столѣтія. Полевыя земли, доставшіяся въ послѣдствіи разнымъ чиновникамъ острогжскаго полка, были обрабатываемы вольными людьми или казаками. Нѣкоторые частныя безпорядки отъ свободного перехода сихъ людей, побѣги на Донъ и нѣкоторыя другія причины были поводомъ къ разнымъ прошеніямъ Екатерины Великой и императору Павлу, въ слѣдствіе которыхъ и состоялся указъ декабря 12 дня 1796 года. Но прикрѣпленные къ землѣ малороссіане по сіе время называютъ

себя только подданными, какъ бы въ отличіе отъ крѣпостныхъ, конкъ они зовутъ и дразнятъ крѣпаками.“

„Петръ Великій, по взятіи Азова, въ августѣ мѣсяцѣ 1696 года, прибылъ въ Острогожскъ. Тогда пріѣхалъ въ сей городокъ и Мазепа, охранявшій у Коломака, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, предѣль Россіи отъ татаръ. Онъ поднесъ въ даръ царю богатую турецкую саблю, оправленную золотомъ и осипанную драгоцѣнными камнями, и на золотой цѣпи щитъ, съ подобными же украшеніями. Преданіе говорить, что Мазепа въ то время былъ еще невиненъ. Какъ бы то ни было, но уклончивый, хитрый Гетманъ умѣлъ вкратцѣ въ милость Петра. Монархъ почтилъ его своимъ посѣщеніемъ, обладалъ, изъявилъ особенное благоволеніе и съ честью отпустилъ въ Украину“¹⁾.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ ОСТРОГОЖСКѢ.

ДУМА

Въ пышномъ гетманскомъ уборѣ,
Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ
Ницъ упалъ передъ Петромъ?
Съ бунчукомъ и булавою
Вернуть монарха сердюви,
Суды, сотники толпою
И толпами казаки.

«Видѣнь промысла святова
«Надъ тобою дивный щитъ», —
Покорителю Азова
Старецъ бодрый говоритъ, —
«Оглася побѣдой славной
«Моря Чернаго берега,
«Ты смирилъ, монархъ державный,
«Непокорнаго врага.

«Страшный въ брани, мудрый въ мирѣ,
«Превзошелъ ты всѣхъ владимъ,
«Ты не блещущей порфирой,
«Ты душой своей великъ.
«Чту я славою и честью
«Быть врагомъ твоимъ врагамъ,
«И губительною местию
«Пролетѣть по ихъ полкамъ.

¹⁾ Конецъ приведенной здѣсь записки, со словъ «Петръ Великій», напечатанъ съ незначительными измѣненіями на стр. 141, изданія 1825 г. II. Ш.

«Усыѣжился чорный волосъ
 «И булатъ дрожить въ рукѣ:
 «Но зажжетъ еще мой голосъ
 «Шлѣ отваги въ казакѣ,
 «Въ пылкомъ сердцѣ жажда славы
 «Не остыла въ зиму дней:
 «Празднество мнѣ—бой кровавый;
 «Мнѣ музыка—стукъ мечей!»

Кончилъ—и въ столамъ Петровымъ
 Щитъ и саблю положить;
 Но, казалось, вождь суровый
 Что-то въ сердцѣ затаилъ...
 Въ пышномъ, гетманскомъ уборѣ,
 Кто сей мужъ, суровъ лицомъ,
 Съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
 Ницъ упалъ передъ Петромъ?

Сей пришлецъ въ странѣ пустынной
 Былъ Мазепа, вождь сѣдой,
 Можетъ быть еще невинный,
 Можетъ быть, еще герой.
 Гдѣ-жъ свиданіе съ Мазепою
 Давный свѣту царь имѣлъ?
 Гдѣ герою вождь свирѣпый
 Клясться въ искренности смѣлъ?

Тамъ гдѣ волны Острогощи
 Въ Сосну Тихую ¹⁾ влились;
 Гдѣ дубовъ сѣнистыхъ рощи
 Надъ потокомъ разрослись;
 Гдѣ съ отвагой молодецкой
 Русскій крымцевъ поражалъ;
 Гдѣ напрасно Брюховецкой
 Добрыхъ гражданъ возмущалъ;

Гдѣ плѣненный славы звукомъ,
 Посѣдѣвшій въ битвахъ дѣдъ,
 Завѣщалъ кнѣзюшкѣ внукамъ
 Жажду воли и побѣдъ;
 Тамъ гдѣ съ щедростью обычной,
 За ничтожный легкій трудъ,
 Плодъ оратаю сторичный
 Нивы тучныя даютъ;

Гдѣ въ дугахъ необозримыхъ,
 При журчаніи волны,

¹⁾ Въ изд. 1826 г. Въ «Сосну тихую» ошибочно, потому что рѣка называется Тихая Сосна. Она впадаетъ въ Донъ и на ней стоитъ г. Острогомскъ.

Кобылицъ неуверотныхъ
Гордо бродять табуны;
Гдѣ, въ странѣ благословенной,
Потонулъ въ глуши садовъ
Городокъ уединенный
Острогжскихъ казаковъ.

АРТЕМОНЪ МАТВѢВЪ.

ДУМА').

Мужъ знаменитый, другъ добра,
Бояринъ Артемонъ Матвѣевъ
Былъ сосланъ въ ссылку отъ Двора,
По клеветамъ своихъ злодѣевъ.
Семь лѣтъ томился онъ въ глуши;
Семь лѣтъ сносилъ поворъ изгнанья²⁾,
Сносилъ съ величіемъ души
Безъ слезъ, безъ скорби, безъ роптанья³⁾.

«Когда защитникъ намъ законъ,
И совѣсть сердца не тревожатъ,
Тогда ни ссылка,— думалъ онъ,—
Ни казнь позорить насъ не можетъ.
Бывъ другомъ добраго царя,
Народа русскаго любимецъ,
Вездѣ въ душѣ спокоенъ я
И въ злополучіи счастливецъ.

«Знать были для гражданъ мои
Мои усилія нещетны⁴⁾,
Коль всюду слышу я за нихъ
Гласъ благодарности привѣтны⁵⁾;
Когда съ родительскихъ могилъ
Народъ мнѣ въ даръ привезъ камень
И тѣмъ всю нѣжность изъявилъ
Ко мнѣ любви и уваженья;

«Всѣ козни злыхъ клеветниковъ
Потомству время обнаружить

1) Напечатана въ изд. 1825 г. на стр. 135—142, съ небольшимъ предисловіемъ, въ которомъ приведены некоторыя общенѣвѣтныя данныя изъ біографіи Матвѣева.

2) Было: «Семь лѣтъ постыдное изгнанье»; а въ печатномъ: «Семь лѣтъ поворъ и стыдъ изгнанья».

3) «И роптанья».

4) Въ печатномъ: «Для блага согражданъ мои усилія мои не щетны».

5) Въ печатномъ за этими стихами пропущено четыре и слѣдуетъ: «Всѣ козни» и пр.

И ненависть моихъ враговъ
 Бъ безславію для нихъ послужить.
 Пускай передъ царемъ меня
 Чернить и клевета и злоба;
 Предъ ними не унижусь я;
 Мнѣ честь сопутницей до гроба.

«Щитомъ противъ коварства стрѣль
 Среди моей позорной ссылки—
 Воспоминанье добрыхъ дѣлъ
 И духъ къ добру, какъ прежде, пылкій! ¹⁾
 Опалой царской величнень
 Я гордости той благородной,
 Которую лишь одаренъ
 Мужъ справедливой и свободной.

«Пустоозерска дикій видъ,
 Угрюмая его природа,
 Не въ силахъ твердости лишитъ
 Благотворителя народа.
 Своей покорствуя судьбѣ,
 Быть твердымъ всюду я умѣю;
 Жалѣю я не о себѣ,
 Я болѣ о царѣ жалѣю.

«На страшной трона высотѣ
 Необходима прозорливостъ!
 О государь! ²⁾ внявъ клеветѣ
 Ты оказалъ несправедливостъ!
 Меня ты въ ссылку осудилъ
 За толь-что я служилъ полвѣка?
 Но я давно тебя простилъ,
 О царь! простилъ, какъ человѣка...

«Близъ трона, притаясь, всегда
 Глѣздается лести и вѣроломство;
 Сколь много для царей труда!
 Дѣяньямъ ихъ судьей—потомство!
 Увы! его склонить нельзя
 Ни златомъ блещущимъ, ни страхомъ,
 Нелицемерный сей судья
 Творить свой приговоръ надъ прахомъ».

¹⁾ Въ печатномъ изд. здѣсь слѣдуютъ четыре стиха, вымышленные изъ четырехъ заключительныхъ стиховъ 3-й строфы:

«Того не потемнится честь,
 Кому, почтивъ дѣла благія,
 Народъ не кощадилъ иринесть
 Въ даръ камни предковъ гробовые.

²⁾ Вызо: «О, Феодоръ!»

Въ печатномъ изданіи добавлена еще строфа:

Такъ изгнанный мечталъ въ глуши,
 Неся позорной ссылки бремя—
 И правоту его души
 Предъ свѣтомъ оправдало время.
 Другъ истины и другъ добра,
 Горя къ отечеству любовью,
 Палъ жертвъ за юнаго Петра,
 Запечатлѣвъ невинность кровью.

НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА¹⁾.

Настала осени пора:
 Въ долинахъ вѣтры бушевали,
 И волны мутнаго Двѣпра
 Песчаный берегъ подрывали.
 На брегъ сей, дикой и крутой,
 Невольно слезы проливая,
 Бесѣдовать съ своей тоской
 Пришла страдалица младая.

«Свершится завтра жребій мой,
 Раздастся колоколь церковный —
 И я на вѣкъ съ своей тоской
 Сокроюсь въ келіи безмолвной!
 О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
 Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ;
 Сегодня я въ послѣдній разъ
 Могу мечтать о другѣ миломъ!»

«Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
 Брожу съ воспоминаемъ смутнымъ,
 И тяжкую печаль души
 Вѣрью рощамъ безпріютнымъ.
 Была гонима всюду я
 Жезломъ судьбины самовластной;
 Увы! вся молодость моя
 Промчалась осенью ненастной!»

«Въ борьбѣ съ враждующей судьбой
 Я отцѣгала въ заточеньѣ:
 Мнѣ другъ прекрасный и молодой
 Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.

¹⁾ Напечатано въ изд. 1825 г. на стр. 157—163, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Внучка Наталія Борисовна, дочь есаулмаршала Шереметева, знаменитаго сподвижника Петра Великаго. Нѣжная ея любовь къ несчастному своему супругу и непоколебимая твердость въ страданіяхъ увѣковѣчили ея имя».

Ему и смутницей быда
 Въ странѣ угрюмой и пустынной,
 И въ даръ съ рукою принесла
 Любовь души своей невинной».

«Огъ жертвой мести лютой палъ,
 Кровь друга плаху оросила;
 Но я, брода межъ снѣжныхъ скалъ,
 Ему въ душѣ не измѣнила.
 Свершится завтра жребій мой;
 Раздастся колоколъ церковный,
 И я навѣкъ съ своей тоской
 Сокроюсь въ келии безмолвной.»

«О лейтесь, лейтесь же изъ глазъ
 Вы слезы въ мѣстѣ семъ уныломъ:
 Сегодня я въ послѣдній разъ.
 Могу мечтать о другѣ миломъ!
 Послѣдній разъ въ нѣмой глуши
 Брожу съ воспоминаемъ смутнымъ,
 И тяжкую печаль души
 Въвѣрю роцамъ безирютнымъ.»

Тутъ снявъ кольцо съ своей руки,
 Она его ¹⁾ поцѣловала,
 И бросивъ въ глубину рѣки,
 Въ слезахъ вздохнула и сказала: ²⁾
 «Сокройся въ шумной глубинѣ,
 О перстень, перстень обручальный,
 И въ монастырской жизни мнѣ
 Не вспоминай ³⁾ любви печальной!» —

Обрадъ свершился рововой!
 Прости послѣднее веселье:
 Одна съ угрюмою тоской
 Страдалица сокрылась въ кельѣ.
 Въ постѣ всѣ дни свои влача,
 Снѣдаясь грустью безотрадной,
 Она погасла ⁴⁾ какъ свѣча,
 Какъ предъ иконой огнь лампадной.

Въ концѣ прибавленъ вариантъ:

Вруча навѣкъ Творцу себя,
 Отревшись жизни сей мятежной,
 Не въ правѣ завтра буду я
 Воспоминать о страсти вѣжной!...

¹⁾ Въ печ. «Она кольцо поцѣловала».

²⁾ Печ. «Лицо закрыла и вырвала».

³⁾ Печ. «Не оживляй». ⁴⁾ «Истлѣла».

Помѣта Рылѣева: „Около Павлограда, близъ сл. Дмитріевки на Самарѣ“¹⁾.

Въ изданіи 1825 г. вмѣсто 12 стиховъ слѣдующихъ за 4-мъ стихомъ 4-й строфы напечатано:

«Забыла я родной свой градъ
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить Сибири холодъ
И испытать судьбы превратность».

«Все съ твердостью перенесла,
И бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукаго спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой налъ;
Бровь друга плаку оросилъ;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ сугаь,
Ему въ душѣ не измѣнила».

«Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сматую тоской,
Невольню проливала сладость».

«Но завтра, завтра я должна
На вѣкъ забыть о страсти нѣжной;
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ,
И, холодна въ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ,
Мечтать до гроба лишь о гробѣ».

«О лейтесь, лейтесь-же изъ глазъ и пр.

Послѣ 7-й строфы напечатано еще 8 стиховъ:

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблелый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ гѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

¹⁾ Рѣка въ Екатеринославской губ. Впадаетъ въ Днѣпръ.

Приведемъ еще одну изъ совершенно отдѣльныхъ „Думъ“, именно:

ДЕРЖАВИНЪ.

ДУМА).

(Н. Н. ГНѢДИЧУ).

Съ деревъ валится желтый листъ,
 Не слышно птиць въ лѣсу угрюмомъ,
 Въ поляхъ осеннихъ вѣтровъ свистъ,
 И влещутъ волны въ берегъ съ шумомъ.
 Надъ Хутыискимъ монастыремъ
 Прижѣтно солнце догорало,
 И на главахъ златнымъ лучемъ,
 Изъ тучъ прокравшись, трепетало.

Какой-то думой омраченъ,
 Младой пѣвецъ бродилъ въ оградѣ;
 Но вдругъ остановился онъ,
 И заблесталъ огонь во взглядѣ:
 «Что вижу я?... На сѣхъ брегахъ, —
 Онъ рекъ, — для сѣвера священной
 Державина-ль почтеть прахъ
 Въ обители удивленной?» —

И засіяли, какъ росой,
 Слезами юными рѣсницы,
 И онъ съ удвоенной тоской
 Сѣлъ у подножія гробницамъ;
 И долго, молча, онъ сидѣлъ,
 И мрачною тревожимъ думой
 Пѣвецъ задумчивый глядѣлъ
 На грустный памятникъ угрюмо,

Но вдругъ восторженный вѣщалъ:
 «Что я напрасно адѣсь тоскую?
 Намъ дивный бардъ не умиралъ:
 Онъ пѣлъ и славилъ Русь святую!
 Онъ выше всѣхъ на свѣтѣ благъ
 Общественное благо ставилъ
 И въ огненныхъ своихъ стихахъ
 Святую добродѣтель славилъ.

«Онъ долгъ пѣвца постыгъ вполнѣ,
 Онъ свить горѣлъ вѣнокъ негнѣнной,
 И былъ въ родной своей странѣ
 Органомъ истинъ священной.

*) См. въ изданіи 1825 года на стр. 165 — 172.

Вездѣ пѣвецъ народныхъ благъ,
Вездѣ гонимыхъ оборона
И зла непримиримый врагъ,
Онъ такъ твердилъ любимцамъ трона:

«Вельможу должны составлять
«Умъ здравый, сердце просвѣщенно!
«Собой примѣръ онъ долженъ дать,
«Что званіе его священно;
«Что онъ орудье власти есть,
«Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
«Должны быть польза, слава, честь
«Вся мысль его, цѣль словъ, дѣланій»¹⁾.

«О такъ! нѣтъ выше ничего
Предназначенія поэта:
Святая правда—долгъ его;
Предметъ—полезнымъ быть для свѣта.
Служитель избранный Творца,
Не долженъ быть ничѣмъ онъ связанъ;
Святой, высокой санъ пѣвца
Онъ дѣломъ оправдать обяванъ:

«Ему невѣдомъ низкій страхъ;
На смерть съ презрѣніемъ взираеть,
И доблесть въ молодыхъ сердцахъ
Стихомъ правдивымъ зажигаетъ.
Надъ нимъ кто будетъ властелинъ?
Онъ добродѣтель свѣта цѣнитъ,
И ей нигдѣ, какъ вѣрный сынъ,
И въ думахъ тайныхъ не измѣнитъ.

«Таковъ нашъ Бардъ Державинъ былъ;
Всю жизнь онъ велъ борьбу съ порокомъ;
Судьямъ ли правду говорилъ,
Онъ такъ гремѣлъ съ святимъ пророкомъ:
«Вашъ долгъ на сильныхъ не взирать;
«Безъ помощи, безъ обороны
«Сиротъ и вдовъ не оставлять
«И свято сохранять законы.

«Вашъ долгъ несчастнымъ дать покровъ,
«Всегда спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
«Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ,
«Отъ сильныхъ защищать бессильныхъ».²⁾
Пѣвцу ли ожидать стыда
Въ судѣ грядущихъ поколѣній?

¹⁾ См. «Вельможа», соч. Державина.

²⁾ См. «Есть властители и судіи» его же.

Не осквернитъ онъ никогда
Порочною мыслию творений.

«Повсюду правды вѣрный жрецъ,
Томяся жаждой чистой славы,
Не станетъ портить онъ сердецъ
И развращать народа нравы
Поклонникъ пламенный добра,
Ничѣмъ себя не опорочитъ
И освященнаго пера —
Въ нечестьи буйномъ не омочитъ.

«Творду ли гимнъ святой звучитъ
Его восторженная лира —
Словами онъ какъ громъ гремитъ,
И вторять гимнъ народы міра.
О, какъ удѣлъ пѣвца высокъ!
Кто въ мірѣ съ нимъ судьбою равенъ?
Откажетъ ли и самый рокъ
Тебѣ въ безсмертіи, Державинъ?»

«Ты правъ пѣвецъ: ты будешь жить;
Ты памятникъ воздвигнулъ вѣчный:
Его не могутъ сокрушить
Ни громъ, ни вихоръ быстротечный.»¹⁾
Пѣвецъ умоля — и тихо всталъ;
Въ немъ сердце билось — и въ волненьѣ
Вздохнувъ, онъ отходя вѣщалъ
Въ какомъ-то дивномъ вступленьѣ:

«О, пусть не буду въ гимнахъ я,
Какъ нашъ Державинъ, дивенъ, громокъ;
Льшь только-бъ молилъ про меня
Мой образованный потомокъ:
«Парилъ онъ мыслию въ вѣкахъ,
«Сѣдую вызывалъ древность,
«И воспаллялъ въ младыхъ сердцахъ
«Къ общественному благу ревность!»

IV.

ПОСЛАНИЯ, ЭПИГРАММА, ОТРЫВКИ.

Изъ цѣльныхъ „ненапечатанныхъ“ стихотвореній Рыгѣева въ бумагахъ его сохранилось только одно, набросанное во время пребыванія въ Острогоскѣ, т. е. въ іюнѣ 1821 г. Но прежде нежели при-

¹⁾ См. «Памятникъ», подражаніе Державина Горациевой одѣ: «Elegi monumentum aere perennius».

ведемъ это стихотвореніе, укажемъ на обстоятельство, его вызвавшее. Извѣстно, что Пушкинъ не признавалъ поэтического таланта въ Рылѣвѣ и въ письмахъ своихъ въ особенности подсмѣивался надъ его „Думами“, находя въ нихъ анахронизмы (напр. щить Олеговъ съ гербомъ Россіи), неточности (напр. лучъ денницы, вм. дневного луча) и т. н. и выводилъ заключеніе, что онъ „вообще всѣ слабы изобрѣтеніемъ и изложеніемъ; всѣ на одинъ покрой, loci topici (sic): описаніе мѣста дѣйствія, рѣчь героя и правоученіе; національнаго русскаго нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ именъ“. На эту-то замѣтку Пушкина и возражаетъ Рылѣвъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

БЕСТУЖЕВУ.

Хоть Пушкинъ судъ мнѣ строгій произнесъ
И слабый даръ, какъ недругъ тайный извѣсилъ;
Но отъ того, Бестужевъ, еще носъ
Я недругамъ въ угоду не повѣсилъ.

Моя душа до гроба сохранить
Высокихъ думъ княжскую отвагу;
Мой другъ! Не даромъ въ юномъ горитъ
Любовь къ общественному благу.

Въ чью грудь порой тѣснится цѣлый свѣтъ,
Кого съ земли восторгъ души унесетъ,
На зло врагамъ тотъ всегда поетъ,
Тотъ славы требуетъ, не проситъ!

Такъ и во мнѣ, краля со мной советъ,
Съ улыбкою и съ ласковымъ привѣтомъ,
Слетитъ порой толпа вертлявыхъ музъ
И я вдругъ дѣлаюсь поэтомъ.

Припомнимъ, что Пушкинъ еще „строже“ отнесся къ А. Н. Радищеву... Впрочемъ Рылѣвъ и самъ не весьма высоко цѣнилъ себя, какъ поэта, что видно изъ окончанія приведенной выше думы „Державинъ“, изъ стихотворенія „Гражданское мужество“ и изъ посвященія Бестужеву-же поэмы „Войнаровский“:

Какъ странникъ грустный, одинокій,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край, съ тоской глубокой,
Бродилъ я въ мирѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистный
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.

Внезапно ты явился мнѣ,
 Повязка съ глазъ моихъ упала;
 Я разувѣрился вполне,
 И вновь въ небесной вышинѣ
 Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
 Плоды безпечнаго досуга;
 Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
 Со всей заботливостью друга.
 Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
 Ты не увидишь въ нихъ искусства:
 За то найдешь живые чувства;
 Я не поэтъ, а гражданинъ ¹⁾.

Эта же мысль находится и въ уцѣлѣвшемъ въ бумагахъ отрывкѣ изъ посланія къ О. Н. Глинкѣ. Мы не знаемъ чѣмъ именно вызвано это стихотвореніе, но не можемъ не припомнить, что Глинку благодарилъ и Пушкинъ (стх. „Анониму“) за то, что онъ отнесся къ нему съ сочувственнымъ стихотвореніемъ въ такое время, когда почти всѣ друзья и знакомые отвернулись отъ находившагося въ опалѣ поэта.

Ты, Глинка, правъ — и твой совѣтъ
 На мудрошь опытъ основанъ;
 Но пусть чернитъ поэта свѣтъ:
 Ужъ я давно разочарованъ,
 И заблужденій прошлыхъ гдѣть ²⁾
 Въ душѣ ³⁾ увялъ минутный цвѣтъ...
 Я славою не избалованъ,
 Но къ благу общему дыша
 Къ нему отъ дѣтства ⁴⁾ я прикованъ;
 Къ нему летитъ моя душа
 Его пою на звучной лирѣ
 гдѣтъ

Страницу, на которой набросано это стихотвореніе, Рылѣевъ началъ словами: „Благодарю тебя поэтъ“, но зачеркнулъ ихъ и снова началъ „Горжусь“ и далѣе, четыре строки, но потомъ продолжалъ, повидимому, одну изъ „Думъ“ и, если не ошибаемся, именно Минихъ:

Бипить къ неправдѣ онъ враждой,
 Ярмо гражданъ его тревожитъ;

¹⁾ Это посвященіе было уже перепечатано изъ изданія 1825 г. въ «Отеч. Зап.» 1860 г., кн. V, стр. 135 — 136, въ нашей статьѣ: «А. А. Бастужевъ».

Ред.

²⁾ Было: «юныхъ».

³⁾ «Давно увялъ».

⁴⁾ «Душою я прикованъ».

Свободный славянинъ душой,
Онъ раболѣбствовать ¹⁾ не можетъ. —

Гремѣть грозою противъ зла
Онъ чтитъ святымъ себѣ закономъ,
Съ спокойной важностью чела
На эшафотъ и предъ треномъ.

Сидѣлъ лишь Минникъ одинокъ
И, тайною тревожимъ душой,
Съ презрѣнiемъ, какъ на порокъ,
Глядѣлъ на деспота угромо.

Потомъ встрѣчается еще наброска, трижды передѣланная:

Свободой, правдой вдохновенный
Отъ знатныхъ сохранилъ я честь,
И не вымѣнивалъ за лесть
Ихъ благосклонности надменной.

Не знаемъ, осталось-ли что-нибудь изъ стихотворенiй, которыя поэтъ начиналъ стихами: 1) „Меня плѣнили наши дѣды“, 2) „Тамъ, гдѣ Донъ волной лѣнливой“, 3) „Свободу сердцемъ обожаю“, 4) „Швецъ свободы, правды, чести“, 5) „Тамъ, гдѣ горы мѣловыя“, 6) „То да, какъ смутенъ и взволнованъ“, и проч. Сохранились еще слѣдующiе наброски, въ разныхъ листахъ:

1.

Но черной призракъ мнимои чести,
Борьба души, волненье думъ
И жажда кровожадной мести
Затмили юношескiй умъ.....

2.

Въ краю, гдѣ солнце рѣдко блещетъ
На мрачныхъ небесахъ;
Гдѣ Сосва ²⁾ въ берегъ съ ревомъ плещетъ,
Гдѣ воетъ вѣтръ въ гѣсахъ.
Гдѣ снѣгъ лежитъ двѣ трети года,
Какъ саванъ гробовой,
И полумертвая природа
Чуть оживляется весной.
Гдѣ дарство вьюги и мороза,
Гдѣ жизни нѣтъ ни въ чемъ,
Чернѣетъ сумрачно берега
На берегу крутомъ.
Подъ кровомъ хижины убогой...

¹⁾ «Покорно рабствовать».

²⁾ Сосва рѣка — въ Тобольской губ., Верезовскаго уѣзда, впадаетъ въ Обь, выше Верезова. Ред.

3.

Я помню васъ, мои друзья,
Я помню васъ, друзья свободы,
И дикой родины суровые края,
Жилище бурь и непогоды....

4.

Лишь отъ пурпурной денницы
Загорѣлся небосклонъ.....

5.

Что именинницѣ прелестной
Я пожелаю въ этотъ день?..

6.

Тогда какъ рой друзей молодыхъ
Душою вашей очарованъ.....

7.

Вы снисходительны, я знаю;
Порука мнѣ — вашъ милый взоръ;
Я съ вами отъ души болтаю,
Простите вы сердечный вздоръ.....

8.

Они подъ звукомъ трубъ повиты.
Концемъ копыя воскормлены,—
Луки натянуты, колчаны ихъ открыты,
Путь свѣдомъ ко врагамъ, мечи наточены.
Какъ волки сѣрые они по полю рыщутъ —
И — чести для себя, для князя — славы ищутъ.
Ничто имъ ужасы войны!

Въ душѣ пылая жаждой славы,
Князь Игорьъ изъ далекныхъ странъ
Къ коварнымъ половцамъ сѣшитъ на пирь кровавый
Съ дружиной малою отважныхъ сѣверянъ.
Но презирая смерть и пламенѣя боимъ,
Послѣдній ратникъ въ ней является героемъ ¹⁾...

.

9.

Такъ за мечтою легкокрылой
Отъ шумныхъ нескихъ береговъ
Перелеталъ пѣвецъ унылый
Въ страну пустынную снѣговъ...

¹⁾ Этотъ отрывокъ составляетъ переложение одного мѣста изъ «Слова о Полку Игоревѣ».

10.

Оставь меня! Я здѣсь молю:
 Да всеблагое провидѣнье
 Отпустить двѣ преступленье,
 Что я тебя еще люблю.
 Молю: да ненависть заступитъ
 Преступной страсти пламень злой, —
 И честь, и стыдъ и мой покой
 Цѣной достойною искупитъ.

На рукописи Думы „Наталія Долгорукова“ находимъ списокъ статей и авторовъ, повидимому, для приготовлявшагося альманаха, такъ какъ нѣкоторыя пьесы этого списка вошли въ „Полярную Звѣзду“ на 1825 годъ.

1) Гражданское мужество. Рылѣва.	} Жуковский.
2) Невинность. Плетнева.	
3) Монастырь. М. Дмитриева.	
4) Огрывки изъ посланія. А. Пушкина.	
5) Романсъ. Дельвига.	
6) Ранняя любовь. Норова.	
7) Неренда. А. Пушкина.	
8) Двѣ басни. И. Дмитриева.	
9) Сестра. Баратынскаго.	
	} Глядичъ.
	} Крыловъ.
	} Вяемскій.
	} Лобановъ.

Вотъ первое изъ этихъ стихотвореній совершенно въ томъ видѣ, какъ оно напечатано:

ГРАЖДАНСКОЕ МУЖЕСТВО.

Кто, кто сей дивный великанъ,
 Одиавъ свѣтлою броней,
 Чело спокойно, строень станъ
 И весь сияетъ красотою?
 Кто сей украшенный вѣнкомъ,
 Съ мечемъ, вѣсами и щитою,
 Презрѣвъ враговъ и горделивость,
 Стоитъ гранитною скалою
 И давить сильною пятою
 Коварную несправедливость?

Не ты ли, мужество гражданъ,
 Неколебимыхъ, благородныхъ,
 Не ты ли геній древнихъ странъ,
 Не ты ли сила душъ свободныхъ,
 О доблесть, даръ благихъ небесъ,
 Героевъ мать, вина чудесъ,
 Не ты ль прославила Катонъ,
 Отъ Катилины Римъ спасла,
 И въ наши дни всегда была
 Надежною опорой троновъ!

Одушевленные тобой,
 Презрѣвъ вражду, презрѣвъ обиды,
 Отъ бѣдъ спасали край родной,
 Сіяя славой, Аристыды;
 Въ изгнаніи, въ чужихъ краяхъ
 Не погасала въ ихъ сердцахъ
 Любовь къ общественному благу,
 Любовь къ согражданамъ своимъ:
 Они благотворили имъ
 И тамъ, на стѣдъ Ареопагу.

О ты, которая вездѣ
 Была народныхъ благъ порукой:
 Тобою славны на судѣ
 И Панингъ нашъ и Долгорукой:
 Одинъ, какъ твердый стражъ добра,
 Дерзалъ оснаривать Петра;
 Другой, презрѣвши гнѣвъ судьбины
 И вопль и клевету враговъ,
 Совѣтъ опровергалъ льстецовъ,
 И перломъ былъ Екатерины.

Великъ, кто честь въ бояхъ снискалъ
 И страхомъ сталъ для чуждыхъ воевъ,
 Къ своимъ знаменамъ приковалъ
 Побѣду, спутницу героев!
 Отчизны щитъ, гроза враговъ,
 Онъ достояніе вѣковъ;
 Пѣвцовъ возвышенные звуки
 Прославятъ подвиги вождя,
 И, юношамъ объ нихъ твердя,
 Въ восторгѣ затрепещутъ вьуки.

Какъ полная луна порой,
 Покрыта облаками ночи,
 Пробьетъ внезапно мракъ густой
 И путникамъ заблещетъ въ очи:
 Такъ будетъ вождь сквозь мракъ времянь
 Сіять для будущихъ племенъ;
 Но подвигъ война гигантскій
 И стыдъ сраженныхъ имъ враговъ
 Въ судѣ ума, въ судѣ вѣковъ —
 Ничто предъ доблестью гражданской.

Гдѣ славныхъ не было вождей
 Къ вреду законовъ и свободы?
 Отъ древнихъ лѣтъ до нашихъ дней
 Гордились ими всѣ народы;
 Подъ ихъ убійственнымъ мечемъ
 Вездѣ лилася кровь ручьемъ.

Аттилъ и Цезарей и Бренновъ
Зрѣтъ каждый вѣкъ своей чредой:
Они являлися толпой.....
Но много ль было Цицероновъ?....

Лишь Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ, и двухъ Катововъ.
Но намъ ли унывать душой,
Пока еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполнновъ
Екатерининскихъ временъ—
Для блага сѣверныхъ племенъ
Въ совѣтъ бодрствуетъ Мордвиновъ? *)

Итакъ, сограждане, не вамъ
Въ нашъ вѣкъ роптать на провидѣнье;
Благодаренье небесамъ
За ихъ святое снисхожденье!
Отъ нихъ, для блага русскихъ странъ,
Мужъ добродѣтельный намъ данъ;
Уже полвѣка онъ Россію
Гражданскимъ мужествомъ дивить;
Вотще коварство веругъ шипитъ —
Онъ наступилъ ему на выю.

Вотще неправый гласъ страстей
И съ злобой зависть, козни строи,
Въ безумной дерзости своей
Чернятъ дѣянiя героя.
Онъ твердъ, спокоенъ, невредимъ,
Съ презрѣніемъ внимаю имъ,
Души возвышенной свободу
Хранить въ совѣтахъ и суждѣ,
И гордымъ мужествомъ вездѣ
Подпора власти и народу.

Такъ въ дикой красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мгlistомъ;
Вкругъ буря, градъ и громъ гремитъ
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумять ручьи, реветъ рѣка;

*) Свое изданіе «Думъ» 1825 г. Рылѣвъ посвятилъ знаменитому умомъ и гражданскою доблестью адмиралу гр. Н. С. Мордвинову.

Но тщетны дерзкіе порывы:
 Эльбрусь, кавказскихъ горъ краса,
 Невозмутимъ, подъ небеса
 Возносить верхъ свой горделивый.

1825.

На особомъ листѣ, судя по черниламъ, написанномъ очень за-долго до всего вышеприведеннаго, встрѣчается эпиграмма на импер. австрійскаго Франца I, несчастнаго противника Наполеона I. Онъ, какъ уже указано въ IV кн. „Русс. Стар.“ 1870 г. (изд. перв. стр. 344), въ старости сдѣлался кретиномъ и преимущественно занимался битьемъ мухъ особо избобрѣтенными хлопущами.

• Весь міръ великостію духа
 Сей императоръ удивилъ:
 Онъ непріятель мухамъ былъ,
 А непріятелямъ былъ муха.

Здѣсь же помѣщено начало большаго стихотворенія. Стиховъ 15 было написано, передѣлано нѣсколько разъ и зачеркнуто. Всѣ они, впрочемъ, вошли въ слѣдующія строфы:

Вжущаетъ врагъ безпечный сонъ,
 Но мы не спимъ, мы надзираемъ,
 И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
 Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.

Въ одно мгновенье врагъ разбить,
 Врасплохъ застичнуть удалцами,
 И въ слѣдъ за ними страхъ летить
 Съ неутонимыми донцами.

Свершивъ набѣгъ, мы въ гдѣсь густой
 Съ добычей вражеской уходимъ,
 И тамъ за чашей круговой
 Минуты отдыха проводимъ.

Съ зарей бросаемъ свой ночлежъ,
 Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
 На нихъ нечаянный набѣгъ
 Иль неожиданная сѣча.

Такъ сонны ратниковъ простыхъ
 Досутъ безпечный провожали.....

Сбоку листа набросано, по всей вѣроятности, окончаніе какого-нибудь болѣе или менѣе обширнаго и притомъ прекраснаго стихотворенія:

Повсюду вопли, стоны, крики
 Надъ бѣлокаменной Москвой,

Лишь временемъ Иванъ Великій
 Сквозь огонь, сквозь дымъ и мракъ ночной
 Столпомъ огромнымъ прорѣзался
 И, въ небесахъ блестя челомъ,
 Во всемъ величїи своемъ,
 Великой жертвой любовался.

V.

П О Э М Ы.

Изъ „поэмъ“ Рылѣва въ бумагахъ сохранились всѣ въ болѣе или менѣ полныхъ отрывкахъ. Одинъ изъ такихъ отрывковъ; „Гайдамакъ“, находится въ 7-ми спискахъ, начиная съ первоначальныхъ набросковъ до окончательной отдѣлки, въ которой тѣмъ не менѣ тоже встрѣчаются исправленія. Приводимъ послѣднюю редакцію:

Г А Й Д А М А К Ъ.

Осенней ночью, близъ кургана,
 Въ степи глухой у огонька
 Сидятъ одни, во мглѣ тумана,
 Два запорожскихъ казака.
 Напрасно зоркія ихъ очи
 Сквозь черный мракъ угрюмой ночи
 Чего-то щупутъ въ дальной мглѣ;
 Вотще они къ сырой землѣ
 Свое прикладываютъ ухо;
 Кругомъ все сумрачно и глухо:
 Молчитъ рѣка, безмолвенъ лѣсъ;
 Ни звѣздочки среди небесъ.
 Объята черной пеленою,
 Какъ будто вся природа спитъ,
 Лишь налетая вѣтеръ порою
 Сухой ковылью шевелитъ,
 Да кони борзые, на волѣ
 Гуляя, травку щиплютъ въ полѣ.....

«Гдѣ запоздалъ онъ? Ужъ пора
 Ему примчаться. Отъ Днѣпра
 Тутъ недалеко..... Конь надежный.....
 Съ нимъ и въ такую ночь никакъ
 Съ дороги сбиться невозможно;
 Притомъ лихой и Гайдамакъ!
 Пусть ночь удвоя черный мракъ,
 На степь унылую наляжетъ;
 Казакъ всегда казакъ: ему
 На Запорожіе сквозь тьму
 Пустынный вѣтеръ путь укажетъ.....»

«Не подстеречь ли удалца
 Въ глуши татарныя кровожадный?
 Ну чтожь? Пусть такъ: у молодца
 Булатъ съ пицалью семипадной,
 И въ ясный день и въ часъ ночной
 Онъ самъ нерѣдко съ самопаломъ
 Стрежеть враговъ въ травѣ густой,
 Иль рыцетъ по стени шаваломъ..»

«Я хорошо тотъ помню день,
 Когда пришелъ онъ въ нашу курень,
 И клятву далъ быть гайдамакомъ,
 За Свѣчъ свободную стоять
 И вѣчно ненависть питать
 И къ хищнымъ кримицамъ и къ полякамъ.
 Непринужденный разговоръ,
 Движенья, поступъ, гордый взоръ,
 Черты, жуланъ — все родъ швысовой
 Изобличало въ пришлеца
 Прекрасенъ гость былъ черешковой,
 Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
 Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
 На молодомъ его лицѣ..»

«Всѣ долюбя, его, даскали,
 Шутили съ нимъ, средь шумныхъ игръ,
 Но разогнать его печали
 Не могъ никто. Какъ юный тигръ,
 На всѣхъ глядѣлъ нахмура *) брови;
 Былъ дружбы чуждъ, былъ чуждъ любви,
 Леталъ въ пустыняхъ на конѣ,
 И увядая въ тишицѣ,
 Онъ рвался въ бой, онъ жаждалъ крови....
 Сбылось жданье! Саранчой
 Мы поцеслѣся подъ Очаговъ —
 И удацствомъ пришлеца молодой
 Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ»

«Суровъ и дикъ и одинокъ,
 Чуждаясь всѣхъ, всегда угрюмый
 И нигдѣ бродящъ, какъ дорожь,
 Въ мѣстахъ глухихъ онъ, съ тайной думой.
 Печаль, какъ черной ночи мгла,
 Ему на сердце маетгла,
 Она, жестокая, тревожитъ
 Его повсюду и всегда;
 Ничѣмъ, нигдѣ и никогда
 Ея развѣять онъ не можетъ.»

*) Было: «насуля».

Ему несносна тишина;
 Безъ крови вражеской, безъ боя,
 Онъ будто чахнетъ средь покоя.....
 Его душѣ нужна война:
 Опасность, кровь и шумъ военный
 Одни его животворятъ,
 И въ бурѣ битвъ покой мгновенный
 Душѣ страдающей дарятъ.
 Толпой и крымцы и поляки
 Не разъ гонимы были имъ;
 Какъ Божій гнѣвъ ужасны съ нимъ
 Въ набѣгахъ буйныхъ гайдамаки.....
 Въ немъ не волнуютъ уже кровь
 Младыхъ украинноѣ любовь
 И вѣрной дружбы гласъ привѣтной;
 Давно онъ ко всему примѣтно
 Остылъ безчувственной душой;
 Въ ней вѣетъ холодъ гробовой
 Она какъ черная могла
 Его всѣ блага поглотила ¹⁾.....

«Всегда опущены къ землѣ
 Его сверляющіе очи;
 Темнѣетъ на его челѣ
 Какой-то грѣхъ, какъ сумракъ ночи.
 Еще никто не зрѣлъ того,
 Чтобы хотя на мигъ единый,
 Улыбкой сгладились морщины
 На бронзовомъ лицѣ его.
 Однажды только, увѣрили,
 Въ немъ очи радостью сверкали:
 То было въ замѣѣ богача,
 Убитаго имъ на Воляни,
 Гдѣ превратилъ онъ все въ пустыни,
 Какъ гнѣвъ небесный — саранча;
 Гдѣ кровь ручьями лилъ онъ хладно,
 Гдѣ все погибло безпощадно
 Иль отъ огня иль отъ меча.....
 Вотще молила дочь младая,
 Вотще у ногъ лежалъ магнатъ;
 Въ грудь старца, воплямъ не внимая,
 Возилъ онъ съ хохотомъ будать.....»

Такъ говорили между собой
 Про гайдамака молодца
 Два заднѣпровскихъ ²⁾ удалца.

¹⁾ Исправлено: «погубила».

²⁾ Было: «запорожскихъ».

Межь тѣмъ ужъ началъ за рѣвою
 Мерцать на дальнемъ небѣ свѣтъ;
 А запорожца ¹⁾ вѣтъ, какъ вѣтъ....
 Несется ночь.... И вотъ зарею
 Занялся сумрачный востокъ;
 Сильнѣй зашевелилъ травю
 Передразвѣтннй вѣтерокъ.
 Ужъ погасаетъ огонекъ,
 И вѣется тонкою струею
 Во мглѣ рѣдѣющей димокъ....

Вдругъ конскій топотъ раздается,
 Какъ шумъ глухой, изъ далека;
 Вотъ громче, ближе... вотъ несется
 Конь вороной безъ сѣдока.
 Вотъ за могилею степною
 Своихъ товарищей узналъ;
 Помчался въ нимъ, летить стрѣлою
 И подбѣжавши, вдругъ заржалъ,
 Затрясъ ушами и упалъ
 Почти недвижный, бездыханный...
 По шеѣ кровь бѣжить изъ раны,
 Расколотъ рыцарскій сайдакъ
 И безобразными ключами,
 Обрызганъ кровью, межъ ногами,
 Виситъ разорванный чепракъ....

Но гдѣ же грозныйг айдамакъ,
 Краса и слава вольной Сѣчи?
 Погибъ?... Но гдѣ, когда, ²⁾ и какъ,
 И при какой враждебной встрѣчѣ?..

Быть можетъ дерзкою толпою
 Въ глуши захваченный въ неволю,
 Въ темницѣ душной и сырой
 Клянетъ, въ дѣпяхъ, свою онъ долю.
 Иль крымскимъ хищникомъ убить.
 Въ степи пустынной онъ лежитъ, ³⁾
 И волеъ уже во краѣъ ночи
 Терзаетъ трупъ среди травы
 И изъ казацкой головы
 Орелъ выклевываетъ очи.....

Какъ мы сказали, и эта редакція еще подвергалась исправле-

¹⁾ Было: «А гайдамака».

²⁾ Было: «за что».

³⁾ Было: «Непогребенный онъ лежитъ».

ніямъ, изъ которыхъ мелкія мы привели въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Кромѣ того вмѣсто заключительныхъ стиховъ 5-й строфы было:

Мы понеслися подь Очаковъ,
Щипнули на пути поляковъ...
И удалствомъ пришедеь молодой
И безпощадностью лихой
Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ.

Окончаніе стихотворенія, со словъ „Такъ говорили межъ собою“, было зачеркнуто и написано снова, а въ первоначальномъ видѣ оно читалось такъ:

Такъ говорили межъ собою
Про гайдамака — молодца
Два запорожскихъ удалца...
Межъ тѣмъ руманою зарею
Ужъ занимается востокъ ¹⁾,
Ужъ чаще шевелитъ травою
Передразсвѣтныи вѣтерокъ;
Ужъ погасаетъ огонекъ,
И вьется тонкою струею
Во мглѣ рѣдѣющей дымовъ...
Вдругъ конскій ²⁾ топотъ раздается
Какъ шумъ глухой изъ далека;
Вотъ громче, ближе... вотъ несется
Конь вороной безъ сѣдока.
Вотъ за могилою степною,
Между высокою травою
Своихъ товарищей узналъ,
Помчался къ нимъ, летитъ стрѣлою,
И подбѣжавши вдругъ заржалъ ³⁾,
Запрягъ ушами, и упалъ,
Почти недвижный, бездыханный...
По шею кровь изъ черной раны
Струею на траву бѣжитъ
И безобразными клочками
Обрызганъ кровью межъ ногами
Чепракъ разорванный виситъ ⁴⁾.

¹⁾ Было: «Часы идутъ. Уже зарею

Занялся сумрачный востокъ»,

²⁾ «Вдругъ, слышуть».

³⁾ «Помчался быстрою стрѣлою;

И подбѣжавши къ нимъ заржалъ».

⁴⁾ Было: «Струится кровь изъ черной раны,

На шею сдѣланной свинцомъ,

И безобразными кусками

Въ крови виситъ между ногами

Чепракъ исколотый кругомъ».

Но гдѣ же грозный Гайдамакъ,
 Краса и слава вольной Свѣчи?..
 Погибъ?.. но гдѣ, за что, и какъ,
 И при какой враждебной встрѣчи?..
 Быть можетъ дерзкою толпой
 Въ степи захваченный въ неволю,
 Въ темницѣ душной и сырой,
 Кляветь, въ дѣлахъ, свою онъ долю.
 Иль врыскимъ хищникомъ убитъ
 Въ глуши пустынной онъ лежитъ
 И уже волкъ средь мрака ночи .
 Въ колючемъ тернѣ тѣло рветъ
 И въ головѣ казацки очи
 Орелъ безжалостно влюетъ.

Замѣтимъ, что послѣдніе 6 стиховъ были передѣлываемы и переписываемы нѣсколько разъ.

Въ печати это стихотвореніе явилось въ 1825 г. въ „Соревнователѣ Просвѣщенія“ (часть XXX, № 4, стр. 97—104), подъ заглавіемъ: „Гайдамакъ. Отрывокъ“. Оно почти не имѣетъ вариантовъ съ приведеннымъ нами текстомъ, кромѣ, какъ кажется, недосмотровъ корректора и почти ничтожныхъ поправокъ, напр. пропущенъ стихъ о конѣ: „съ нимъ и въ такую ночь никакъ“, а черезъ стихъ напечатано: „удалъ отважный гайдамакъ“. Напечатано „давно онъ по всему примѣтно“. вм. ко всему; осталось: „два запорожскихъ удалца“, вм. „за днѣпровскихъ“; пропущенъ стихъ „обрызганъ кровью“, и пр. а вмѣсто вольной напечатано: „краса и слава буйной Свѣчи“.

Приводимъ отрывки и изъ первоначальныхъ набросковъ этого стихотворенія.

Не вихрь шумитъ среди степей,
 Не ястребовъ орелъ гоняетъ:
 На ворономъ конѣ летаетъ
 За кримицами съдой Пагѣй.

Осенней ночью близъ кургана,
 Въ степи глухой у огонька,
 Сидятъ одни, во мглѣ тумана,
 Два запорожскихъ казака.
 Ихъ лица смуглыя слегка
 Багровый пламень освѣщаетъ,
 Угрюмый видъ ихъ выражаетъ
 И безпокойство и печаль.

Угрюмо, дико все въ природѣ:
 Ни звѣздочки на мрачномъ сводѣ
 Уныло дремлющихъ небесъ;

Рѣка молчитъ, безмолвенъ гѣсъ;
 Лишь валетая вѣтръ порою
 Ковылью шевелить сухою
 Да кони борзые, на волѣ
 Гуляя, травку щиплють въ погѣ.

Сквозь черный мракъ сгущенной ночи
 Напрасно зорѣя ихъ очи
 Чего-то ищутъ въ дальной мглѣ.
 Вотще они въ сырой землѣ
 Свое прикладываютъ ухо.
 Кругомъ все сумрачно и глухо....

Послѣ этого сюда перенесена, съ исправлениями, зачеркнутая 3-я строфа:

Молчатъ рѣка, безмолвенъ гѣсъ;
 Ни звѣздочки среди небесъ.
 Объята черной пеленою,
 Какъ будто вся природа спитъ,
 Лишь валетая вѣтръ порою
 Сухой ковылью шевелить,
 Да кони и пр....

Далѣе слѣдуютъ стихи: „Гдѣ запоздалъ онъ?...“ и пр. съ помарками до стиха:

Но что-жъ? Пусть такъ, у молодца
 Булатъ съ пицалью семипадной.
 Бѣжали робко передъ нимъ
 Не разъ и крымцы и поляки.
 Какъ Божій гнѣвъ онъ страшенъ имъ,
 Какъ страшный вихоръ онъ средъ драки.
 Не разъ конями вмѣстѣ съ нимъ
 Топтали мы враждебный Крымъ
 И нивы Польши плодородной....
 Такъ запорожцы въ тишинѣ
 Порой другъ другу говорили....

 Я хорошо тотъ помню день,
 Когда пришелъ онъ въ нашъ курень
 И клятву далъ, быть гайдакомъ,
 За Свѣчъ свободную стоять
 И вѣчно ненависть питать
 Противу крымцевъ и поляковъ.
 Тогда весьма онъ молодецъ былъ,
 Красивъ, высокъ, осанистъ, строенъ;
 Онъ строго напѣ законъ хранилъ,
 И какъ прямой и пылкій воинъ
 Тревоги бурныя любилъ,
 Но въ сердцѣ что-то онъ таилъ
 И былъ душевно неспокоенъ.

Суровъ и дивъ и одинокъ
И вынѣ, какъ тогда угрюмый....
.
Его зловѣщіе глаза.....

Еще прежде было набросано:

Я хорошо тотъ помню день,
Когда къ Палѣю онъ въ курень
На Запорожіе явился.
Набѣгъ съ нимъ первый полюбился...
Будь проклять этотъ гайдамакъ.
.
Такъ на досугъ говорили
Между собою казаки....
.

„Два казака. Гайдамакъ. Его характеръ. Конь прибѣгаетъ безъ него. Будь проклять этотъ Гайдамакъ“.

„Байракъ. Пень. Барвинокъ. Жупанъ..... Иль сизоперому орлу, иль плотоядному шакалу. Порода..... Спѣсь. Суремки. Суходолье“.

Прекрасенъ гость былъ черноскокой...
Непринужденный разговоръ,
Движенья, поступь, гордый взоръ,
Черты, жупанъ — все родъ высокой
Изобличало въ пришлецѣ.
Все насъ плѣняло въ молодцѣ;
Но зрѣлся слѣдъ тоски глубокой
На молодомъ его лицѣ....

И далѣе до стиха „Въ грязь затопталъ всѣхъ гайдамаковъ“.

Нерѣдко онъ поля Воляни
Копытами коней орагъ
И, превращая все въ пустыни,
Ихъ польской кровью поливалъ... .

Что не могла свершить судьбина,
То сдѣлала Екатерина...

Но гдѣ-же онъ? Давно пора
Ему здѣсь быть изъ-за Днѣпра...
Такъ говорили межъ собою
Два удалые казака....

Какъ плотоядные шакалы
По степи рыщутъ казаки....

Съ копьемъ и съ длиннымъ самопаломъ,
Въ травѣ высокой и густой
Онъ стережетъ врага порой
Иль рыщетъ по степи шакаломъ.....

Палѣи съ ватагой гайдамаковъ
 Упалъ внезапно на Очаковъ,
 Какъ гнѣвъ небесный — саранча,
 Пылая мстью кровожадной, —
 И все погибло безпощадно
 Иль отъ огня, иль отъ меча.

П А Л Ѣ И.

(второй отрывокъ изъ поэмы).

На однихъ и тѣхъ-же листахъ, нерѣдко въ перемежку съ стихами „Гайдамака“, набросаны стихи другого отрывка, который въ печати явился въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1825 г. (№ 2, послѣдняя стр.), подъ заглавiемъ „Палѣи. Отрывокъ изъ новой поэмы“. Мы приводимъ его по болѣе связанной наброскѣ, относя къ примѣчанiямъ менѣе значительныя поправки.

Не тучи солнце обступали, ¹⁾
 Не вѣтры въ полѣ бушевали,
 Палѣи съ горстью удалцовъ
 Толпы несметныя враговъ
 Въ степи пустынной окружали ²⁾.

Куда укрыться молодцу?
 Какъ избѣжать неравной драки?
 И тамъ и здѣсь вездѣ поляки...
 По смуглому его лицу
 Давно ужъ градомъ потъ катится;
 Отъ мѣталаго ³⁾ свинца валится
 Съ коня ⁴⁾ казая за казакомъ...
 Уже обхваченъ онъ кругомъ...
 Ужъ плѣнъ ему грозитъ позорной,
 Но вдругъ одинъ, съ копьемъ въ рукѣ,
 Съвозъ густоту толпы упорной
 Понесся ⁵⁾ онъ, какъ вѣтръ нагорной.
 Вотъ вправо, влево — и къ рѣкѣ...
 Коню проворною рукою
 Наброся на глаза башлыкъ,
 Самъ головой къ луцѣ принявъ,
 Ударилъ плетью и стрѣлою
 Слетѣлъ съ береговъ отваги полякъ;
 И вотъ средь брызговъ и средь волкъ
 Исчезъ въ клубящейся пучинѣ...

¹⁾ Было: «затмѣвали».

²⁾ Напеч. «Въ пустынномъ полѣ окружали».

³⁾ Было: «Отъ вѣрнаго».

⁴⁾ «Кругомъ».

⁵⁾ Напеч.: «несется».

Бушуетъ вѣтръ, рѣва реветъ!
 Ужъ онъ спокойно на срединѣ
 Дѣйбра шумящаго плыветъ.
 Враги напрасно мечутъ стрѣлы,
 Свинецъ напрасно тратятъ свой —
 Разить лишь воздухъ онъ пустой,
 И невредимо витязь смѣлый
 Выходитъ на берегъ крутой ¹⁾.
 Конь опѣненный встрепенулся,
 Прочкнулся, радостно заржалъ;
 Казакъ ²⁾ съ насмѣшкою оглянулся,
 Врагамъ проклятiе послалъ
 И въ степь глухую усекалъ ³⁾...

Начало этого отрывка было переправлено три раза; одну редакцію мы привели въ отрывкѣ „Гайдамакъ“ (выше стр. 107), другую вначалѣ этого стихотворенiя, а третья читалась такъ:

Не тучи солнце обступали,
 Не вѣтры въ полѣ бушевали,
 Горсть запорожскихъ казаковъ
 Толпы несметныя враговъ
 Съ ихъ атаманомъ окружали.

ИПОВѢДЬ НАЛИВАЙКО.

«Не говори, отецъ святой,
 Что это грѣхъ! Слова напрасны:
 Пусть грѣхъ жестокий, грѣхъ ужасный...

«Чтобъ Малороссiя родной,
 Чтобъ только русскому народу
 Вновь возвратить его свободу —
 Грѣхи татаръ, грѣхи жидовъ,
 Отступничество униатовъ,
 Всѣ преступленiя сарматовъ
 Я на душу принять готовъ.

«Итакъ, ужъ не старайся болѣ
 Меня страшить. Не убѣждай!
 Мнѣ адъ — Украйну зрѣть въ неволѣ,
 Ее свободной видѣть — рай!...

«Еще отъ самой колыбели
 Къ свободѣ страсть зажглась во мнѣ;

¹⁾ Было: «другой»; а прежде написано: «прыгнулъ изъ воли на берегъ крутой».

²⁾ Напечатано: «Палъй».

³⁾ Было: «И въ Запорожье посекалъ».

Мнѣ мать и сестры пѣсни пѣли
 О незабвенной старинѣ.
 Тогда, объятый низкимъ страхомъ,
 Никто не рабствовалъ предъ ляхомъ;
 Никто дней жалкихъ не влачилъ
 Подъ игомъ тяжкимъ и безславнымъ;
 Казаки въ союзѣ съ ляхомъ были,
 Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.
 Но все исчезло, какъ призракъ.
 Уже давно узналъ казакъ
 Въ своихъ соотечественникахъ тирановъ.
 Жидъ, уніатъ, литвинъ, полякъ —
 Какъ стая кровожадныхъ врановъ,
 Терзають беспощадно насъ.
 Давно законъ въ Варшавѣ дремлетъ,
 Вотще народный слышенъ гласъ:
 Ему никто, никто не вмешаетъ.
 Къ полякамъ ненависть съ тѣхъ поръ
 Во мнѣ кипитъ и кровь бушуетъ.
 Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
 Душа безъ вольности тоскуетъ.
 Одна мечта и ночь и день
 Меня преслѣдуетъ, какъ тѣнь;
 Она мнѣ не даетъ покоя
 Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
 Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ бодъ,
 Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
 «Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
 «Пора губить враговъ Украинъ!»

Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
 Того, кто первый возстаетъ
 На утѣснителей народа;
 Судьба меня ужъ обрекла.
 Но гдѣ, скажи, когда была
 Безъ жертвъ искуплена свобода?
 Погибну я за край родной, —
 Я это чувствую, я знаю,
 И радостно, отецъ святой,
 Свой жребій я благословляю!

Отрывокъ этотъ имѣетъ только одинъ вариантъ въ рукописи именно, начиная съ 4-го стиха:

Ахъ, еслибъ возвратить я могъ •
 Порабощенному народу
 Блаженства общаго залогъ —
 Былужу праотцевъ свободу!

„Исповѣдь“ была напечатана въ „Полярной Звѣздѣ“ на 1825 г., вмѣстѣ съ двумя отрывками изъ той же поэмы: Кіевъ и Смерть

Чигиринскаго Старосты. Вотъ что писалъ по этому случаю Рылѣвъ къ А. С. Пушкину:

«Дельвигъ пересказалъ мнѣ замѣчанія твои о Думахъ и Войнаровскомъ. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ и жду съ нетерпѣнiемъ. Ты ни слова не говоришь о Исповѣди Наливайко, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели Смертью Чигиринскаго Старосты, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди — мысли, чувства, истина; словомъ, гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описанiи удальства Наливайко, хотя, на оборотъ, въ удальствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что Звѣздочка отниметъ у меня много времени¹⁾. Петербургъ тошени для меня; онъ студитъ вдохновенiе: душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что либо, достойное вѣка нашего; но, какъ бы на зло, желѣзные обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за обзорѣнiе, обѣщаль прислать свое опроверженiе на Байрона и Бовля — и вѣрно все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ Онѣгина, но по вѣстнымъ разговорамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ Донъ Жуана! Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ и выше добродѣтелей. Пушкинъ! ты приобрѣлъ уже въ Россiи пальму первенства: одинъ Державинъ только еще борется съ тобою, но еще два, много три года усилiй и ты опередитъ его. Тебя ждетъ зазидное поприще: ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но, ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованiе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкиннымъ. Если бъ ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованiе! Прощай чудотворецъ. Рылѣвъ.»

«Мая 12 дня 1825 г.

«Бестужевъ еще въ Москвѣ».

¹⁾ Рѣчь объ альманахѣ на 1826 г. Наша статья объ этомъ сборникѣ, не вышедшемъ въ свѣтъ, но на одну треть уже отпечатаннаго, помѣщена въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г., стр. 053.

О ПОРТРЕТѢ ПЕТРА ВЕЛИКАГО,

приложенномъ къ 1-й книгѣ «Русской Старины» 1871 г.

Въ бумагахъ покойнаго князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, посвятившаго нѣсколько лѣтъ на изученіе иконографіи Петра Великаго, есть замѣтка о портретѣ, приложенномъ къ настоящей книгѣ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его замѣтки, въ переводѣ съ французскаго: „Въ 1717 году Гиацинтъ Риго (род. 1659 г. † 1743 г.) написалъ поясной портретъ Петра I, въ бытность его въ Парижѣ¹ и изобразилъ его въ гвардейскомъ мундирѣ. Вотъ что рассказываетъ по этому случаю Голиковъ (Дѣянія Петра Великаго, изд. второе глава VI, стр. 227): „Сей правитель (герцогъ Орлеанскій) просилъ монарха дозволить списать портретъ его. Монархъ на сіе согласился, и два славные того времени живописца Натуаро (Nattier) и Ригодъ (Rigaud) въ сію Государеву въ Парижѣ бытность написали оныхъ два поколѣнныхъ: первый представилъ его въ панцырѣ, а другой, для двора французскаго, въ гвардейскомъ мундирѣ“.

„Штелинь, — продолжаетъ кн. А. Я. Лобановъ-Ростовскій: въ своемъ анекдотѣ (№ 35) предполагаетъ, что одинъ портретъ Петра Великаго, рисованный Риго, привезенъ былъ въ Петербургъ въ 1773 г и купленъ тогда императрицею Екатериною. Достоверно то, что портретъ этотъ записанъ подъ № 1756 въ старинномъ французскомъ каталогѣ картинъ, которыя находились въ 1774 году въ галереяхъ императорскаго дворца въ С.-Петербургѣ *); но теперь объ немъ не имѣется свѣдѣній. Въ императорскомъ эрмитажѣ есть одна голова, къ которой прибавили туловище, по образцу портрета рисованнаго Натъе, и который приписываютъ Риго. Объ этомъ произведеніи сложилась легенда, будто бы Петръ Великій въ Парижѣ зашелъ въ мастерскую Риго и увидѣвъ свой портретъ не конченнымъ, вырвалъ и унесъ одну только голову; возвратясь въ Россію, государь подарилъ свою добычу цесаревнѣ Елисаветѣ, которая по восшествіи на престолъ, подарила ее въ свою очередь графу Разумовскому; потомокъ же его (гр. С. С. Уваровъ представилъ портретъ въ императорскій эрмитажъ.

Справедлива или нѣтъ эта легенда — скажемъ мы отъ себя—писана-ли „голова“ Петра живописцемъ Риго именно въ 1717 г. или въ другое время, какъ бы то ни было, но этотъ любопытный и одинъ изъ лучшихъ портретовъ великаго преобразователя Россіи — по нынѣ служить однимъ изъ украшеній Романовской галлерей Зимняго

*) Catalogue des tableaux qui se trouvent dans les galleries et dans les cabinets du Palais Impérial de S. Pétersbourg, 1774. in 12. Этотъ каталогъ былъ напечатанъ только въ 60 экземплярахъ.

дворца. Этотъ полсной портретъ, писанъ масляными красками и, по эрмитажной описи, значится подъ № 5355. При нѣсколько внимательномъ его разсмотрѣннн замѣтно, что голова была дѣйствительно вырѣзана и затѣмъ наклеена на другой холстъ, на которомъ и написано туловище.

Слѣдъ вырѣзки переданъ и на нашей гравюрѣ. Настоящій портретъ Петра I, прекрасно передавая его черты за время полнѣйшаго развитія его силъ и мужественной красоты — былъ выбранъ покойнымъ историкомъ Николаемъ Герасимовичемъ Устряловымъ оригиналомъ для гравюры, предназначавшейся къ пятому тому „Исторнн царствованнн Петра Великаго“. По заказу г. Устрялова художникъ А. Лебедевъ снялъ волю съ этой картины, и съ нея выполнена въ Лондонѣ гравюра г. Гретбачемъ (Greatbeach). За смертью историка, V-й томъ его труда не вышелъ въ свѣтъ, что же касается до гравюры, то редакцнн „Русской Старинн“ не остановилась предъ расходомъ довольно значительнымъ и приобрѣла у наслѣдниковъ покойнаго весь, присланный изъ Лондона, заказъ этой гравюры, которая и рассылается при настоящей книгѣ гт. подписчикамъ „Русской Старинн“.

Ред.

ОТВѢТЪ НА ЗАЯВЛЕНН Г. КИСЕЛЕВА О ПРАВѢ НА ИЗДА- НН ЗАПИСОКЪ А. Т. ВОЛОТОВА.

Въ послѣдней, 12-й тетради „Русскаго Архива“ 1870 года напечатано „Заявленн П. С. Киселева о (будто бы) принадлежащемъ ему правѢ на изданн записокъ А. Т. Волотова“. Г. Киселевъ сообщаетъ, что въ 1863 году имъ „приобрѣтены собственноручныя записки и замѣтки Андрея Тимофеевича Волотова“, которыми г. Киселевъ и „думалъ современемъ подѣлиться съ читающею публикою“. Приобрѣтенн это сдѣлано было „отъ роднаго внука автора записокъ, Михаила Павловича Волотова, которому онѣ достались по наслѣдству“, и который, при передачѣ ихъ г. Киселеву „въ полную собственность выдать, 15-го декабря того же года, письменный документъ, коимъ обязывался отвѣчать передъ своими родственниками, въ случаѣ, еслибы кто-либо изъ нихъ предъявилъ претензю на изданн въ свѣтъ записокъ“ *).

Сообщая затѣмъ, что редакцнн „Русской Старинн“, получивъ записки А. Т. Волотова — „отъ родныхъ правнуковъ автора“, помѣщаетъ ихъ на страницахъ своего изданнн, г. Киселевъ „заявляетъ свои

*) Строки эти подчеркнуты г. Киселевымъ.

претензіи противъ родственниковъ“ Михаила Павловича Болотова, т.-е. противъ правнуковъ Андрея Тимофеевича и приглашаетъ редакцію „Русской Старины“ оказать ему содѣйствіе въ возстановленію нарушеннаго (будто бы) права его собственности“.

Въ отвѣтъ на приглашеніе г. Киселева—мы, прежде всего, приводимъ письмо старшаго правнука Андрея Тимофеевича, Владиміра Алексѣевича Болотова:

„Милостивые государи, гг. редакторы „Русской Старины“! Прочтя въ декабрьской тетради „Русскаго Архива“ заявленіе г. Киселева о запискахъ А. Т. Болотова, долгомъ считаю объяснить вамъ слѣдующее:

„Послѣ смерти А. Т. Болотова, въ 1833 году, старшему внуку его, а моему отцу, Алексѣю Павловичу, достались двадцать девять томиковъ записокъ его жизни, переписанные имъ самимъ, Андреемъ Тимофеевичемъ, на бѣло. Затѣмъ, въ пятидесятыхъ годахъ, при разборѣ его библиотеки досталось младшему внуку его, т.-е. моему дядѣ, Михаилу Павловичу, нѣсколько томиковъ трудовъ Андрея Тимофеевича съ разными черновыми рукописными замѣтками и рассказами, которые, по просьбѣ В. Θ. Самарина, дядя мой продалъ г. Киселеву. Я же уступилъ вамъ для напечатанія въ издаваемомъ вами журналѣ „Русская Старина“ двадцать девять томиковъ—именно тѣ, которые окончателью, на бѣло написаны моимъ прадедомъ и которые, какъ изъяснено выше, достались мнѣ по наслѣдству отъ моего отца, старшаго внука Андрея Тимофеевича.

„Изъ изложеннаго видно, что, какъ дядя мой Михаилъ Павловичъ, акъ и я располагали отдѣльными манускриптами, и располагали ими на правѣ полной собственности, не нарушая ничьихъ правъ. Что же касается до заявленія г. Киселева о томъ, что Михаилъ Павловичъ Болотовъ, уступая ему имѣвшіяся у него рукописи, оградилъ его право на нихъ, то это огражденіе, какъ свидѣтельствуешь самъ г. Киселевъ, было противъ претензіи родственниковъ Михаила Павловича и, дѣйствительно, со стороны нашей претензіи не имѣется.“

„Примите увѣреніе и проч. Владиміръ Болотовъ.“

P. S. „Письмо это, ежели считаете нужнымъ, можете напечатать.“

Къ приведенному письму добавлять много нечего. Бѣловой экземпляръ драгоценныхъ для отечественной исторіи записокъ Болотова мы приобрѣли по особому, заключенному съ Владиміромъ Алексѣевичемъ Болотовымъ, 27-го апрѣля 1870 г., условію. По силѣ этого документа (пунктъ 5-й) нижеподписавшіеся обязались непремѣнно напечатать всѣ приобрѣтенные ими для „Русской Старины“ двадцать девять томиковъ записокъ Болотова.

Въ виду несомнѣнной ихъ важности и съ каждымъ томомъ возрастающаго интереса содержанія записокъ Болотова, редакція „Русской Старины“ съ особеннымъ удовольствіемъ послѣдила исполнить означенное обязательство. Семь томовъ замѣчательнаго труда Андрея Тимофеевича получены уже подписчиками нашего изданія; остальные томы, бѣльшую часть уже напечатаны, и непремѣнно будутъ разосланы въ приложеніяхъ къ слѣдующимъ книгамъ „Русской Старины“; при этомъ редакція, нещада издержекъ на улучшеніе своего изданія, постарается расширить объемъ этихъ приложеній, т.-е. вмѣсто трехъ печатныхъ листовъ,—если то представится удобнымъ, будетъ разсыпаться по четыре и даже по пяти листовъ, кромѣ текста прочихъ статей журнала *).

Затѣмъ, намъ будетъ весьма пріятно видѣть на страницахъ „Русскаго Архива“ тѣже записки Болотова по другому, черновому ихъ списку, либо тѣ его замѣтки, которыя вложены этимъ трудолюбивымъ и высокопросвѣщеннымъ писателемъ въ прочихъ томикахъ его многочисленнаго собранія рукописей. Въ этомъ отношеніи какъ Н. С. Киселевъ, такъ и П. И. Бартенева могутъ быть увѣрены въ искренности нашего удовольствія. Оно и понятно: можемъ ли мы имѣть что-нибудь противъ того, чтобы читатели „Русскаго Архива“ прочитали, хотя въ черновыхъ наброскахъ и отдѣльныхъ замѣткахъ, то, что подписчики „Русской Старины“ получаютъ уже вполне, въ изданіи бѣловой, собственной руки, окончательно отдѣланной рукописи Андрея Тимофеевича Болотова.

ВАСИЛІЙ СЕМЕВСКИЙ.
МИХАИЛЪ СЕМЕВСКИЙ.

*) Въ текстѣ разосланныхъ уже подписчикамъ «Русской Старины» семи частей записокъ Болотова, мы помѣстили 24 рисунка, гравюры съ исполненныхъ самимъ авторомъ; кромѣ того мы приложили портретъ его, факсимиле имъ нарисованнаго. Независимо отъ этого, редакція «Русской Старины», при слѣдующихъ частяхъ записокъ Болотова, помѣститъ гравюру съ прекрасно выполненнаго масляными красками портрета Андрея Тимофеевича, а также нѣсколько точныхъ снимковъ съ болѣе характеристическихъ страницъ подлинной рукописи его записокъ.

Ред.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ книжномъ магазинѣ **БАЗУНОВА** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ поступила въ продажу новая книга:

Записки Екатерины Александровны **Хвостовой**, рожд. Сушковой (род. 1812 г., ум. 1869 г.) Спб. 1871 г. 8 д. 206 стр. Изданіе «Русской Старицы». Цѣна 1 руб. 25 коп., пересылка за 2 фунта.

Оглавленіе „ЗАПИСОКЪ ХВОСТОВОЙ“:

ПРЕДИСЛОВІЕ отъ издателя. **ПРЕДИСЛОВІЕ** автора. Глава I. Рожденіе.—**Бормилда**. — **Бабушка**. — **Фамильная генеалогія**. — **Рожденіе сестры**. — **Дуэль отца**. — **Жизнь въ Пензенской деревнѣ**. — **Прабабушка**. — **Перевѣздъ въ Москву**. — **Жизнь отца и судьба матери**. — **Первая гувернантка**. — **Разлука съ матерью**. — 1812 — 1820 гг. Глава II. **Тайны свиданія съ матерью**. — **Письма и портретъ ея**. — **Жизнь въ Москвѣ**. — **Слѣвая бабушка**. — **Въ Петербургѣ**. — **Въ Островской и Псковской деревняхъ**. — **Воспитаніе**. — **Смерть матери**. — 1820 — 1828 гг. Глава III. **Первый выѣздъ на балъ**. — **Выѣздъ и успѣхи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ**. — **Поклонники**. — **Поѣздка въ Москву и пребываніе у тетки**. — 1828 — 1830 гг. Глава IV. **Первое знакомство съ М. Ю. Лермонтовымъ**. — **Наружность его**. — **Его характеръ**. — **Шутки и забавы надъ нимъ**. — **Первыя стихотворенія Лермонтова, посвященныя Е. А. Сушковой**. — **Путешествіе на богомолье въ Троицко-Сергіевскую Лавру**. — **Слѣпой нищій и стихи Лермонтова**. — **Разговоръ о будущности поэта**. — **Экспроменты и эпиграммы Лермонтова**. — **Любовь и ревность**. — **Разлука**. — 1830 г. Глава V. **Въ Петербургѣ**. — **Старый обожатель**. — **Смерть отца**. — **Альбомъ съ стихами Лермонтова**. — **Гаданіе на Новый годъ**. — **Сонъ въ руку**. — **На свадьбѣ въ Москвѣ**. — **Новый поклонникъ**. — **Опять Лермонтовъ и его стихи**. — **Прогулка въ Нескучное**. — **Пикникъ**. — **Признаніе въ любви**. — **Въ деревнѣ**. — **Сосѣди**. — **Въ столицѣ**. — **Богѣзны и прежніе поклонники**. — 1830 — 1833 гг. Глава VI. **Сватовство**. — **Встрѣча на балѣ съ Лермонтовымъ**. — **Появленіе его на домашней вечеринкѣ**. — **Новыя его посѣщенія**. — **Поцѣлуй**. — **Балъ у адмирала А. С. Шишкова**. — **Описаніе дуэли**. — **Приѣздъ жениха**. — **Разочарованіе**. — **Новая любовь**. — **Балъ у генераль-губернатора**. — **Вѣроломный другъ**. — **Страсть и признаніе въ ней Лермонтову**. — 1834 г. Глава VII. **Горькія предчувствія**. — **Предостереженія друга**. — **Отъѣздъ бывшаго жениха**. — **Кольцо**. — **Анонимное письмо**. — **Семейная буря**. — **Обмыслъ, допросъ, арестъ**. — **Исповѣдь**. — **Рѣшительное объясненіе съ Лермонтовымъ**. — 1834 — 1835 гг. **ПРИЛОЖЕНІЯ**: I. **Воспоминанія о Лермонтовѣ А. Мерианскаго**. 1834 — 1837 гг. II. **Много, шутка-поэма Лермонтова**. III. **Разсказъ о первой дуэли Лермонтова**. IV. **Военно-судное дѣло о первой дуэли Лермонтова**. V. **Характеристика Лермонтова, написанная германскимъ поэтомъ Боденштедтомъ**. 1862 г. VI. **Воспоминанія о Лермонтовѣ И. И. Панаева**. 1838 — 1841 . VII. **Военно-судное дѣло о второй дуэли Лермонтова**. 1841 г. — VIII. I. **Хороны Лермонтова, замѣтка очевидца, сообщ. кн. Н. Н. Голицына**. I. **Замѣчаніе А. П. Ермолова по поводу гибели Лермонтова**. X. **Домъ въ Итигорскѣ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ**. XI. **Лермонтовъ-гротъ въ Пятигорскѣ**. XII. **Извѣстіе о кончинѣ Лермонтова**. XIII. **Могила и памятникъ Лермонтова**. XIV. **Могила Лермонтова**. XV. **Письмо Н. С. Мартынова къ издателю «Записокъ Хвостовой»** 1869 г.

Письма о Киевѣ и воспоминаніе о Тавриде—Михаила Максимовича. Спб. 1871 г.
8. д. 154 стр.

Не смотря на незначительный объемъ этой книжки, въ ней встрѣчаются извѣщія значенія замѣтки, служащая къ объясненію въ некоторыхъ, трудныхъ для правильного уразумѣнія, лѣтописныхъ сказаній какъ о Киевѣ, такъ и о Киевской Руси, также—опредѣленіе мѣстностей Киевскихъ, о которыхъ спорять наши историки;—свѣденія о некоторыхъ личностяхъ, занимавшихся Киевскою стариной, которая едва ли кому нибудь извѣстна на столько, на сколько знакома она почетному сочинителю «Писемъ о Киевѣ.» Притомъ значительная доля въ этихъ Писемъ посвящена памяти нашего везабвеннаго гениальнаго іерарха, преосв. Иннокентія (бывшаго архіепископа Херсонскаго). Въ Писемъхъ о Киевѣ помѣщено множество чрезвычайно любопытныхъ Иннокентіевыхъ записокъ къ М. А. Максимовичу; въ этихъ запискахъ, писанныхъ къ нему, иногда карандашомъ, значить безъ всякихъ приготовленій и прикрасъ, иногда въ двухъ—трехъ фразахъ, высказываются и многообъемлющая умственная дѣятельность незамѣнимаго Иннокентія, и его прекрасное сердце. Записки Иннокентіевы, сообщенныя въ Писемъхъ М. А. Максимовича, послужатъ подспорьемъ къ собранію свѣденій, необходимыхъ для біографіи покойнаго херсонскаго святителя и одного изъ яркѣйшхъ святѣйшхъ церквей Русской. По случаю скоро публичныхъ выйдти въ свѣтъ сочиненій Иннокентія, конечно, не замедлитъ явиться и его біографія; а это будетъ заниматься этимъ дѣломъ, тотъ скажетъ спасибо и М. А. Максимовичу за его Писемъ; скажутъ ему большое спасибо и почитатели Иннокентіевы, которыхъ у насъ, слава Богу, очень и очень довольно. Независимо отъ данныхъ для біографіи знаменитаго іерарха—въ «Писемъхъ» Максимовича представляется нѣсколько неизвѣстныхъ, но чрезвычайно любопытныхъ, свѣденій о Киевской духовной академіи и университетѣ св. Владимира, (въ которомъ авторъ «Писемъ» былъ первымъ и славнымъ ректоромъ), и о лицахъ, дѣйствовавшихъ въ томъ и другомъ разсадникѣ русскаго просвѣщенія въ край, который въ то время находился подъ сильнымъ вліяніемъ, особенно сложившихся обстоятельствъ... Эти свѣденія тѣмъ любопытнѣе, что истекають изъ перваго источника. —

Книга издана весьма изящно.

Новая Русская Литература: отъ Жуковскаго до Гоголя включительно. Составилъ В. И. Водовозовъ. Второе, дополненное изданіе. Спб. 1870 г. въ 8 д. стр. 390. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Это положительно одинъ изъ лучшихъ курсовъ новой русской литературы.

Книга г. Водовозова представляетъ не компіляцію, а вполне самостоятельное изслѣдованіе педагога опытнаго, глубоко изучившаго свой предметъ, умѣющаго сосредоточить вниманіе своихъ читателей на изслѣдованіи, заинтересовать его и—такъ сказать—вызвать работу мысли. Жуковский, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Грибоедовъ, Жермонтовъ, Кольцовъ, Гоголь—однимъ за другимъ проходить въ почтенномъ трудѣ г. Водовозова, раскрывая подъ его пытливымъ и зачастую остроумнымъ анализомъ, тѣ сокровища, которые внесли произведенія ихъ творческой фантазіи въ исторію развитія русской мысли, русскаго прогресса... Съ которыми выводами уважаемаго педагога можно не соглашаться и находить, что они сдѣланы не съ исторической точна зрѣнія; можно признать ихъ нѣсколько односторонними (см. объ Евгеніи Онѣгинѣ, отчасти отаны о Жуковскомъ и проч.); анализъ г. Водовозова иногда мелоченъ, — но во всемъ его трудѣ видишь писателя съ самыми честными, прекрасными убѣжденіями и педагога, главная задача котораго вызвать въ ученикѣ или читателѣ самодѣятельность мысли, и путемъ собственного анализа, по многочисленнымъ образцамъ разсѣяннымъ въ книгѣ, — привести его къ твердому, сознательному выводу о томъ или другомъ художественномъ произведеніи, о томъ или другомъ направленіи въ литературѣ. Незамѣримо далеко оставляетъ за собой подобная книга всѣ, ему предшествовавшіе, курсы Русской Слоесности.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, біографич. очеркъ. Спб. 1871. г. 8 д. стр. 496. цѣна 2 руб.

Ученая критика послѣдняго времени строго отнеслась (см. статью г. Забѣлина) къ историч. трудамъ покойнаго Снегирева; тѣмъ не менѣе, для своего времени, этотъ неутомимый труженникъ сдѣлалъ много полезнаго и его разнообразные труды въ области изслѣдованія до—Петровской старины вообще и древностей Москвы въ особенности, пользовались значительнымъ успѣхомъ. По этому нельзя не быть признательнымъ г. Ивановскому за трудъ, который онъ взялъ на себя, соединить въ одномъ изданіи соч. Снегирева. Въ первомъ вышедшемъ томѣ помѣщенъ очеркъ его жизни; если въ этотъ очеркъ издатель ввелъ не мало лишняго, до Снегирева ни сколько не относящагося, если затѣмъ самый рассказъ веденъ не достаточно послѣдовательно, то все таки въ этой книгѣ есть много интереснаго: таковы списки многочисл. трудовъ Снегирева; выдержки изъ его дневника, за время съ 1821-го по 1866 г., отрывки изъ его переписки, и проч. Отъ души желаемъ г. Ивановскому вполне успѣшно окончить предпринимаемое имъ изданіе.

ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1871 г., второй годъ изданія.

ВЪЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, въ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. ивогородныхъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — семь рублей за весь годъ т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базулева (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Селезнева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Ивогородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ шестнадцатилетне въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналы, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургѣ, къ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Опаса-Преображенія, Дитейной части, въ домѣ Лискицына.

Редакція проситъ лишь, желающихъ сообщать матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѣ» доставлять ихъ, адресуя: или — Василію Арсентіевичу Соколову, или: — Михаилу Ивановичу Соколову: въ С.-Петербургѣ, Дитейной части, у Опаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 18.

Изъ слѣдующихъ книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолженій записокъ А. Т. Белетова, кн. М. М. Щербатова, Лагарга, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. М. М. Голенищова-Кутузова, кн. Куралминыхъ, гр. Штакельбергскихъ, свѣдѣн. кн. П. М. Волонскаго, Шишова, Балтана, — записки: гр. Г. П. Чернышова, адмир. Невазлова, зам. М. И. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волонскаго (1812—1826 гг.), ген.-лудит. арміи 1812 г. С. М. Маевскаго, кн. Барилей-де-Толиа, кн. А. А. Шаховскаго, дивиз. В. М. Кохельбенера (1831—1841 гг.), записки поч. лейбъ-хирург. Д. И. Тарасова, ак. жыв. А. В. Ступина (1776—1861 г.), бывш. пошех. Д. П. Румича; зап. ак. быв. профес. А. В. Никитико, д. с. с. М. И. Свинцова, дневники кавалера 1818 г. въ Россіи; зап. генер. Лыжина и полковн. Замитина о 1831 г.; записки Я. П. Балаянова о польскомъ возстан. 1863 г. и др. Письма А. П. Волонскаго (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборники пош. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева, письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Палкиныхъ, Сальдерна, Пинара (1782 г.) о новостяхъ въ Петербургской жилаи; 60 писемъ Екатерина II о раздѣлѣ Польши и проч.; подписка Петра III съ Фридрихомъ II, письма императоровъ Павла I, Александра Павловича, императр. Елизаветы Алексѣевны; Де-Врандески; гр. Аракчеева, кн. Васильчикова, гр. Бенкендорфа и Дибича о Севеиовской исторіи 1820 г. А. П. Ермолова, мѣлкія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.), 60 писемъ митроп. Евгени Болховит., быв. дивек. лицей Энгельгардта, Гринева, М. И. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батениова, Мужковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рыльова, Пушкина, архит. Витберга; проекты и статьи В. И. Нарзинна; сообщенія акад. А. Ф. Бачинова, Я. М. Грота, М. П. Погодина; П. М. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева; Г. М. Геннадя, кн. М. Н., С. П. и И. С. Голицыныхъ, Е. П. Карошча, М. И. Логинова; сообщ. П. А. Степанова, И. П. Дурова; И. М. Панава, П. А. Мухомова, кн. П. Д. Волонскаго, кн. А. Б. Лебанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, И. И. Салфонтова, Ф. И. Опечинина, П. А. Ефремова, И. П. Корнилова, И. Я. Колымова, И. Ф. Крузе, гр. Э. М. Чапскаго, М. А. Пузыревскаго, В. А. Краснопутскаго; А. В. Фрейманга, А. И. Петрова, П. П. Ламбина, М. Д. Хмырова, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантиль-Навоискихъ и ивог. др. На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Арнадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рыминскаго, именню: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ второй.

ФЕВРАЛЬ.

1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записка Гавриила Добрынина: 1752-1770 гг. Сообщ. Л. Н. Актропоса	119	Гидичу. 1809 г. Сообщ. П. А. Вфремовъ	208
II. Пастыль, шуто-трагедія, соч. М. А. Крылова. Сообщ. В. О. Есеповичъ	161	VI. Суворовъ, доносной писатель. Сообщ. А. А. Карсавъ	236
III. Архивъ св. М. М. Галактиона-Нутурова: III. Письма его въ не- стъ. 1809 г. Сообщ. О. К. Опо- ченкинъ	201	VII. Листки изъ записной книжки «Рус- ской Старинѣ»: 1. Мѣсье в. в. Александра Павловича съ Арак- чевъ (241). 2. Убийство любов- никомъ Аракчова (242). 3. Уничто- жене памятн о ней санниъ Арак- чевымъ (244). 4. К. О. Рыл- ковъ, галлтъ О. Н. Глинкинъ (244). Объясненія о нов. русск. книгъ (на оберткѣ)	
IV Русскіе писатели XVIII в.: До- машневъ. Ст. М. Н. Лонги- нова	205		
V. Письма К. Н. Батшнова къ Н. И.			

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записка А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ второй, ч. VIII—письма 88-94: русско-ирусская война, смерть императрицы Елизаветы Петровны; императоръ Петръ III: 1761-1762 гг.

При этой книгѣ предлагается: окончаніе Алфавитнаго Указателя личныхъ именъ встрѣчающихся въ «Русской Старинѣ» 1870 г. (буквы А—В.)

Небольшое количество экземпляровъ «Русской Старинѣ» 1870 г. изд. второе, двѣнадцать книгъ, съ приложеніями: записокъ, портретовъ, рисунка памятника и снимковъ съ писемъ, — продается въ Спб.: въ Редакціи «Русской Старинѣ» и въ магазинѣ Вазунова, а въ Москвѣ въ магазинѣ Соловьева. Цѣна семь рубл. съ пересылкой.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г.

При одной изъ книгъ «Русской Старинѣ» 1871 г. будетъ приложена литографическій снимокъ съ картины Академика В. Е. Якоби: «Арестъ Барина». Рисункъ на камнѣ исполненъ самимъ художникомъ. Равно будутъ прилагаться портреты и снимки съ писемъ русск. дѣятелей.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Головина, Владимирская л. № 15.

1871.

Въ книжномъ магазинѣ БАЗУНОВА и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продается новая книга:

Записки Екатерины Александровны **Хвостовой**, рожд. Сушковой (род. 1812 г. ум. 1869 г.) Спб. 1871 г. 8 д. 206 стр. Изданіе «Русской Старины». Цѣна 1 руб. 25 коп., пересылка за 2 фута.

Оглавленіе „ЗАПИСОКЪ ХВОСТОВОЙ“:

ПРЕДИСЛОВІЕ отъ издателя. **ПРЕДИСЛОВІЕ** автора. Глава I. Рожденіе.— Бормилица.— Бабушка.— Фамильная генеалогія.— Рожденіе сестры.— Дуэль отца.— Жизнь въ Пензенской деревнѣ.— Прабабушка.— Переездъ въ Москву.— Жизнь отца и судьба матери.— Первая гувернантка.— Разлука съ матерью.— 1812—1820 гг. Глава II. Тайныя свиданія съ матерью.— Письма и портретъ ея.— Жизнь въ Москвѣ.— Слѣная бабушка.— Въ Петербургѣ.— Въ Островской и Псковской деревняхъ.— Воспитаніе.— Смерть матери.— 1820—1828 гг. Глава III. Первый выѣздъ на балъ.— Выѣздъ и успѣхи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ.— Поклонники.— Поѣздка въ Москву и пребываніе у тетки.— 1828—1830 гг. Глава IV. Первое знакомство съ М. Ю. Лермонтовымъ.— Наружность его.— Его характеръ.— Шутки и забавы надъ нимъ.— Первые стихотворенія Лермонтова, посвященныя Е. А. Сушковой.— Путешествіе на богомолье въ Троицко-Сергіевскую Лавру.— Слѣпой нищій и стихи Лермонтова.— Разговоръ о будущности поэта.— Экспромты и эпиграммы Лермонтова.— Любовь и ревность.— Разлука.— 1830 г. Глава V. Въ Петербургѣ.— Старый обожатель.— Смерть отца.— Альбомъ съ стихами Лермонтова.— Гаданье на Новый годъ.— Сонъ въ руку.— На свадьбѣ въ Москвѣ.— Новый поклонникъ.— Опять Лермонтовъ и его стихи.— Прогулка въ Нескучное.— Пивникъ.— Признаніе въ любви.— Въ деревнѣ.— Сосѣди.— Въ столицѣ.— Богѣзны и прежніе поклонники.— 1830—1833 гг. Глава VI. Сватовство.— Встрѣча на балѣ съ Лермонтовымъ.— Появленіе его на домашней вечеринкѣ.— Новыя его посѣщенія.— Поцѣлуй.— Балъ у адмирала А. С. Шишкова.— Описаніе дуэли.— Приѣздъ жениха.— Разочарованіе.— Новая любовь.— Балъ у генераль-губернатора.— Вѣроломный другъ.— Страсть и признаніе въ ней Лермонтову.— 1834 г. Глава VII. Горькія предчувствія.— Предостереженія друга.— Отъѣздъ бывшаго жениха.— Кольцо.— Анонимное письмо.— Семейная буря.— Обмыскъ, допросъ, арестъ.— Исполвѣдъ.— Рѣшительное объясненіе съ Лермонтовымъ.— 1834—1835 гг. **ПРИЛОЖЕНІЯ**: I. Воспоминанія о Лермонтовѣ А. Мерянскаго. 1834—1837 гг. II. Монго, шутка-поэма Лермонтова. III. Разсказъ о первой дуэли Лермонтова. IV. Военно-судное дѣло о первой дуэли Лермонтова. V. Характеристика Лермонтова, написанная германскимъ поэтомъ Боденштедтомъ 1852 г. VI. Воспоминанія о Лермонтовѣ И. И. Панаева. 1838—1841 гг. VII. Военно-судное дѣло о второй дуэли Лермонтова. 1841 г.—VIII. Похороны Лермонтова, замѣтка очевидца, сообщ. кн. Н. Н. Голицынь. IX. Замѣчаніе А. П. Ермолова по поводу гибели Лермонтова. X. Домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ. XI. Лермонтовъ-грозь въ Пятигорскѣ. XII. Извѣстіе о кончинѣ Лермонтова. XIII. Могила и памятникъ Лермонтова. XIV. Могила Лермонтова. XV. Письмо Н. С. Мартынова къ издателю «Записокъ Хвостовой» 1869 г.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
или
ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.
1752—1827.

Сынъ священника, затѣмъ пѣвчій, келейникъ и секретарь Сѣвскихъ архіереевъ, впоследствии чиновникъ въ Бѣлоруссіи въ эпоху возвращенія этого края нашему отечеству—Добрынинъ оставилъ послѣ себя весьма интересныя записки. Подлинникъ ихъ занимаетъ двѣ толстыя тетради и дѣлится на три части: первая—обнимаетъ время съ 1752 по 1777 г., вторая—останавливается на 1810 г. и, наконецъ, третья—доведена до 1827 г. Въ первой, самой обширной, авторъ описываетъ дѣтство и молодость, проведенныя имъ въ средѣ низшаго и особенно высшаго духовенства. Эта часть написана Добрынинымъ въ 1787 году, именно въ то время, когда онъ только что вырвался изъ прежней колесн своей жизни, написана имъ на 35-мъ году отъ роду, въ полномъ развитіи физическихъ и душевныхъ силъ, тѣмъ и объясняется необыкновенная свѣжесть и живость красокъ его разсказа. Пишетъ Добрынинъ весьма своеобразно: слогъ его для современнаго читателя покажется мѣстами тяжелъ, какъ вообще языкъ „книжныхъ“ людей прошлаго столѣтія, но тяжеловѣсность слога искупается мастерствомъ разсказа и весьма замѣчательнымъ юморомъ. Съ самымъ спокойнымъ тономъ Добрынинъ повѣствуетъ объ уморительнѣйшихъ эпизодахъ изъ своей жизни—причемъ нерѣдко является ршеннымъ художникомъ: такъ поразительно живы набрасываемыя бытовыя картины, типы духовныхъ сановниковъ, помѣщиковъ, чликовъ, губернаторовъ... Необходимо при этомъ замѣтить, что Добрынинъ писалъ не для печати; тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ его труда, чма близко знакомый съ современною ему переводною и оригинальною

русскою словесностью (иностранныхъ языковъ онъ не зналъ), авторъ усвоилъ себѣ всѣ приемы даровитыхъ писателей: онъ почти вовсе не даетъ мѣста такимъ мелочамъ, которыя бы не имѣли ни интереса, ни значенія, но почти всегда выдвигаетъ только такія подробности, которыя чрезвычайно ярко окрашиваютъ современное ему общество и болѣе крупныхъ въ немъ дѣятелей, съ которыми только приходилось ему сталкиваться. Въ этомъ отношеніи особенно хороша первая часть записокъ Добрынина; на нее мы обращаемъ особое вниманіе читателей: многія страницы въ ней положительно напоминаютъ то исполненные смѣха и слезъ картины великаго художника Гоголя,—то яркіе очерки писателя, столь безвременно сошедшаго въ могилу—Помяловскаго....

Независимо отъ несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ, записки Добрынина для „Русской Старины“ дброго еще и тѣмъ, что они какъ бы восполняютъ другой замѣчательный историко-литературный памятникъ: мы разумѣемъ записки Болотова. Какъ автобіографія Болотова является цѣлою эпопеею быта русскаго дворянина XVIII вѣка, во всевозможныхъ сферахъ его дѣятельности, такъ „Жизнь“ Добрынина выдвигаетъ на страницы нашего изданія длинный рядъ мастерски абросанныхъ картинъ быта русскаго духовнаго лица того же вѣка, почти тѣхъ же годовъ (1750—1781) и также на всѣхъ ступеняхъ его положенія, начиная съ причетника сельской церкви и кончая архіерейскою кафедрой....

Рукопись записокъ Добрынина найдена, если не ошибаемся, въ одномъ изъ погостовъ Могилевской губерніи, даровитымъ малороссійскимъ писателемъ, Алексѣемъ Петровичемъ Стороженко и подарена имъ Лукѣ Николаевичу Антропову, отъ котораго „Русская Старина“ приобрѣла эти записки для печати.

Отрывокъ изъ нихъ былъ помѣщенъ въ „Виленскомъ Сборникѣ“, изданномъ г. Кулинымъ въ 1869 г.; отрывокъ этотъ не великъ и взятъ изъ начала второй, а также изъ третьей части, именно изъ разсказа автора о его служебной дѣятельности, въ качествѣ чиновника, въ Могилевскомъ намѣстничествѣ. Мы, съ своей стороны, даемъ мѣсто на страницахъ „Русской Старины“ только тѣмъ главамъ изъ записокъ Добрынина, которыя не были еще въ печати: при этомъ мы помѣстимъ ихъ не въ цѣломъ рядѣ книгъ „Русской Старины“, а съ нѣкоторыми промежутками времени: таковъ порядокъ изданія этихъ записокъ представляется тѣмъ болѣе возможнымъ, что собственно біографія Добрынина (человѣка, впрочемъ, подобно Болотову, замѣчательно честнаго и во многихъ отношеніяхъ симпатичнаго)—не можетъ представлять большого историческаго интереса, такъ какъ

авторъ „Истиннаго повѣствованія“ не игралъ особенно важной роли ни въ общественной, ни тѣмъ болѣе въ государственной жизни русскаго общества прошлаго вѣка: „повѣствованіе“ его имѣетъ значеніе главнымъ образомъ въ отношеніи бытоописательномъ *). Съ этой стороны, какъ мы уже замѣтили, особенно важна и интересна первая часть, и она, составляя совершенно законченную картину быта русскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ, явится вполнѣ на страницахъ „Русской Старины“.

Ред.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Нѣтъ, думаю, ни одного человѣка изъ могущихъ мыслить, которому бы не приходила когда-нибудь мысль: кто я? гдѣ я? откуда я пришелъ? что вижу я? и куда пойду? и подобныя сему задачи. Но всѣ мыслящіе такъ, и желающіе постигнуть и разрѣшить сію сокрытую отъ смертныхъ тайну остаются по прежнему въ глубокомъ о ней невѣдѣніи.

Послѣ сего, осталось ли мнѣ мѣсто писать на тотъ конецъ, чтобы другіе читали? Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, чтобы писать сущую правду для собственнаго въ настоящее и будущее время приведенія на память прошедшихъ моихъ лѣтъ и приключеній; писать такъ, какъ пишутся дневныя записки. Слѣдовательно писать небылицы или выдумки было бы тожъ самое, что обманывать самого себя. Во избѣжаніе сего и тонъ моей повѣсти и порядокъ въ ней всего безпорядка основалъ я на пословицѣ покойника моего дѣда: «живидай дѣло съ бездѣльемъ — лучше, съ ума не сойдешь».

Сродное однакожъ человѣку любочестіе заставило меня прикинуть сію пословицу, дабы блеснуть, что я мудраго дѣда внушу.....

*) Авторъ, впрочемъ, даетъ довольно много мѣста біографическимъ очеркамъ нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей прошлаго вѣка: необмѣновенно тѣмъ обрисованы имъ Сѣвскіе архіереи Тихонъ Якубовскій и Кириллъ Флоринскій, епископъ Анатолій Малесъ, извѣстный ученый архимандритъ Карпинскій, Киевскій митрополитъ Гавриилъ Кременецкій, Бѣлорусскій генералъ-губернаторъ, нѣкогда знаменитый участникъ въ юнкскомъ переворотѣ 1762 г., Паленъ, ученикъ Вольтера — Полянскій и многіе другіе, не столь высоко стоявшіе, тѣмъ не менѣе по характерамъ, складу своего развитія или по своей жизни — интересныя лица. Вообще авторы историческихъ повѣстей и романовъ изъ эпохи XVIII вѣка — найдутъ въ «Истинномъ повѣствованіи» Добрынина весьма богатый матеріалъ при составленіи своихъ произведеній.

Ред.
9*

§ I.

Время отъ рожденія моего до смерти отца моего, заключающее въ себя пять лѣтъ.

Въ безднѣ безначальнаго и безконечнаго времени, предъ разсвѣтомъ, уже былъ 20-й день марта 1752 г., по старому гревороссійскому численію, когда природа, по непремѣнному своему закону, употребя орудіемъ мою невинность, слабѣйшіе и едва существующіе члены и невѣдѣніе, терзала утробу моей матери, и наградила ее такимъ во мнѣ подаркомъ, котораго цѣна извѣстна, говорятъ, однимъ только матерямъ. Это значитъ: я родился. Всѣ мои предки, коихъ глубокое начало покрыто не-извѣстностію, — можетъ быть потому, что они не охотники были писать собственныхъ исторій, посвящаемы были на службу алтарю Господню. Въ семъ священномъ званіи нашелъ я въ мірѣ двухъ моихъ дѣдовъ и отца, изъ коихъ дѣдъ мой по отцу жительствовалъ отъ Москвы, въ разстояніи пяти-сотъ верстъ, Сѣвскаго уѣзда *) въ селѣ Радогожѣ**), гдѣ я и родился, а дѣдъ по матери (жилъ) того-жъ уѣзда въ селѣ Неварѣ.

Въ 1756 году, радогожской мой дѣдъ уѣхалъ въ Москву для докончанія тяжбаго дѣла съ соперниками своими, а въ 1757 г. апрѣля 12 умеръ отецъ мой. Мать моя столько о немъ сокрушалась, сколько недоброхоты нашего семейства радовались, потому что зло во всѣ состоянія вмѣшивается. А дѣдъ, извѣстясь въ Москвѣ о потерѣ сына, впалъ въ горячку, и едва за нимъ не послѣдовалъ, и хотя отецъ мой былъ въ такомъ состояніи, что не могъ бы дать сыну своему лучшаго счастья, нежели имѣлъ самъ, однакожъ то неоспоримо, что я остался сиротою, а мать моя вдовою, да сверхъ того, получилъ я въ наслѣдство шестой годъ отъ рожденія и чувствительное сердце

*) Городъ Сѣвскъ нынѣ Орловской губ.

Ред.

**) По исторіи російской, писанной княземъ Щербатовымъ, Радогожъ былъ городъ, и въ разныя времена потергѣтъ отъ набѣговъ татаръ многія разоренія. При одномъ изъ набѣговъ, какъ говоритъ царственная книга царя Ивана Васильевича и князь Щербатовъ, былъ въ немъ воевода Ыиновъ (?). А въ мои дѣтскія лѣта, были тамъ, да несомнѣваюсь и нынѣ еще суть, остатки земляной маленькой крѣпости, близъ бывшаго тамъ, при рѣкѣ Нерусѣ, Спасскаго монастыря; но Радогожъ принадлежалъ уже графу Петру Григорьевичу Чернышову по женѣ, которая была изъ роду Ушаковыхъ, а отъ Чернышова достался, по наслѣдству, одному изъ князей Голицыныхъ. Г. Д.

не по мѣрѣ лѣтъ. Я и теперъ *) еще не забылъ, какъ въ одну пору въ печальномъ размышленіи уединился въ сарай, и началъ на свободѣ плавать подобно Исмаилу, о которомъ, правду сказать, я еще и не слыхивалъ. Мать, не видя сына дольше обыкновеннаго, по многимъ поискамъ нашедъ меня въ семъ положеніи, спросила о причинѣ плача; я отвѣтствовалъ: «мнѣ скучно, что отецъ мой умеръ!» Она, схвативъ меня на руки, отвѣчала мнѣ на это горькими слезами. Потомъ стала меня утѣшать обѣщаніемъ, что мы поѣдемъ къ дѣду неварскому, — т.-е. къ отцу ея, что и въ самомъ дѣлѣ исполнила, къ чему не меньше принуждена была и притѣсненіями отъ недоброхотовъ радогожскаго моего дѣда, а ея свекра.

§ II.

Переселеніе къ дѣду.

По прибытіи къ дѣду неварскому, жили мы у него съ матерью почти съ годъ, слѣдовательно исполнилось мнѣ шесть лѣтъ, а на седьмомъ, велѣлъ мнѣ дѣдъ положить три поклона въ землю предъ иконою, и началъ мнѣ вступленіе въ науку азбуку, по которой доучилъ меня до «буки-аз-ба». Говорятъ, что «доброе начало—половина дѣла», и на сей-то половинѣ кончилъ мой дѣдъ свой надо мной трудъ. Между тѣмъ, радогожской дѣдъ прибылъ изъ Москвы въ Сѣвской Спасской монастырь, для докончанія въ ономъ, по указу московской духовной консисторіи, тяжёбнаго его съ своими непріятелями дѣла. Пишетъ оттуда письмо за письмомъ о присылкѣ къ нему внука его, въ Сѣвскъ, но неварскій не находитъ надобности отяготить себя нарочною подводкою; такимъ образомъ, жребій мой между двухъ дѣдовъ колебался не малое время, наконецъ, послѣ свѣтлаго праздника десятая пятница рѣшила быть мнѣ у радогожскаго дѣда, ибо въ день оныя бываетъ въ Сѣвскѣ ярмарка, на которую неварскій дѣдъ послалъ племянника своего Степана для покупки сухой донской рыбы, называемой тарань, которая потребна ему была для постныхъ дней на покось. При сей okazji и я отправился, благодаря дѣда, десятую пятницу и сухую рыбу тарань.

*) Я сіе пишу 1787 г. апрѣля 19; слѣдовательно мнѣ теперъ тридцать пять лѣтъ отъ роду.

§ III.

Переселеніе отъ одного дѣда къ другому.

Радогожскій дѣдъ, увидя меня, схватилъ на руки съ несказаннымъ восхищеніемъ, и прижимая къ груди поминутно, называлъ меня оставленнаго ему отъ Бога на утѣшеніе отраслью и другими именами, какія влагала ему въ уста сердечная горячность. Все сіе меня оживляло, а теченіе цѣлой жизни дало мнѣ ожить и непримѣрно-нѣжную но мнѣ любовь моего дѣда, и (убѣдиться) что чувствительность во мнѣ открылась очень рано, и даже всегда предшествовала моему разсудку, сколько я ни работалъ, чтобъ она уступала ему первенство. Истина стиха славнаго Лафонтена владѣетъ мною и теперъ во всей силѣ:

—Мы вѣчно тѣмъ, чѣмъ намъ быть въ свѣтѣ суждено:
Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Отскочивши отъ матеріи, возвращаюсь къ ней. Дѣдъ далъ мнѣ, доставши отъ монастырскихъ малярей, нѣсколько деревянныхъ, выточенныхъ, позолоченныхъ и посребренныхъ яицъ. Они мнѣ въ ту пору пріятнѣе были вылитыхъ изъ золота и серебра. Онъ обладеживалъ меня довести до той премудрости, что буду я умѣть читать и писать. Время доказало, что онъ не солгалъ. Достигши подъ юной возрастъ, могъ я видѣть, что онъ былъ по натурѣ боекъ, памятливъ, понятенъ, горячъ, предприимчивъ, неустрашимъ въ злоключеніяхъ и терпѣливъ въ горестяхъ, которыхъ ему въ его жизни не недоставало. Долговременные по присутственнымъ мѣстамъ иски правосудія противъ злодѣйскихъ и разбойническихъ на него нападеній, послужили ему къ знанію въ судовѣдѣніи *), и еслибъ къ природнымъ его способностямъ доставало ему воспитанія, которымъ тогда въ Россіи и богачи не всѣ могли пользоваться, то былъ бы онъ человѣкъ

*) Радогожъ, принадлежавшій съ деревнями графу Петру Григорьевичу Чернышову, управляемъ былъ смоленскимъ шляхтичемъ Іосифомъ Краевскимъ. Сей Краевскій, не помню, по младенчеству, за что злобствуя на моего дѣда, захватилъ его насильно, затанулъ въ конюшню и мучилъ тамъ на смерть. Я, по возрастѣ моемъ, видѣлъ заросшіе знаки тиранства на тѣлѣ моего дѣда. Смерть жены священника, по тогдашнимъ духовнымъ правиламъ, обязывала вдовца итти въ монастырь, дабы тѣмъ сохранить святость сана отъ грѣхопаденія. Сияя противосильственнымъ правомъ, и вмѣстѣ съ сямъ дѣда моего нечастіемъ пользуюсь, его злодѣи потащили его по монастырямъ. Первая выше-сказанная тяжкая обида, и другія почти ей подобныя, сдѣлали ему тяжбу на

со способностями въ дѣламъ государственнымъ. А посему не удивительно, что многіе люди бывають не тѣмъ, чѣмъ бы они быть могли, еслибы имъ доставало способствъ къ воспитанію и содержанію себя. Я не оспариваю мнѣнія многихъ, «что бѣдность есть мать наукъ и другихъ полезныхъ изобрѣтеній»; но сколько сія мать породила невѣжества и зла, сколько погасила дарованій и добродѣтелей въ самомъ ихъ зародышѣ, на это еще никто не сдѣлалъ выкладки. Равно какъ неоспоримо и то, что достатокъ не меньше можетъ колебать всеобщее и частное спокойствіе смертныхъ въ краткой ихъ жизни, когда въ нему недостаетъ воспитанія, или, при воспитаніи, нравственности. Склонность и нужда познакомили его отчасти съ руководѣльями: токарнымъ, столярнымъ, портнымъ и книго-переплетнымъ. Онъ ни въ одномъ не былъ совершенъ, потому что некоторому не учился, но все зналъ и занимался для пользы собственной и для услуги другимъ. Между тѣмъ, пока отроческія мои при немъ лѣта протекали, время отдохновенія, — сидя въ лѣтній особливо вечеръ подъ деревомъ подлѣ ~~жили~~ — сопровождалъ онъ любимую свою пѣсню, которой я по нынѣ не забылъ, потому что и самъ эту, по побужденію его, иногда подтативалъ. Она слѣдуетъ подъ симъ:

Ахъ! какъ трудно человѣку
Жить безъ счастья въ младомъ вѣку,
Печаль тяжело сокрушаетъ,
Сердце въ скорбѣхъ всегда таетъ.
Ахъ, младяи мои лѣта!
Что дражайши всяка цвѣта!
Въ несчастіи улываются,
Дряхлу старость ожидаютъ;
Когда-жъ пройдетъ цвѣтъ младости,
Не чаешь быть ужъ въ радости.

половину жизни, а потеря жены и дѣтей увеличили горести! Сіе послѣднее вознаградится хоть на томъ свѣтѣ, поелику здѣсь несчастный заплатилъ наличною монетою; но то останется въ безконечномъ удивленіи, что во всѣ времена трудно или невозможно обиженному найти удовлетвореніе соразмѣрное его обидѣ. Кто первый сказалъ, что «богатство всегда будетъ имѣть предъ собою веревѣсъ», тотъ не хотѣлъ никого обманывать. Въ дни безсмертнаго Ематерини II, ея дѣянія и ея законы: «не бить дворянина, священнослужителя, гражданина, не бить, безъ суда, мѣщанина и простолюдина», ежели не истребили, по крайней мѣрѣ поколебали, ослабили и уменьшили насиліе и варварство сильныхъ и богатыхъ.

Г. Д.

Оъ весны зима неприятна,
 Ахъ! жизнь наша такъ прерватна!
 Въ старомъ вѣкѣ нѣтъ покою,
 Только болѣзни съ бѣдою;
 Тогда счастье хоть бы было,
 Ужъ въ старости не такъ мило!
 Счастье, гдѣ ты пребываешь?
 Или съ звѣрми обитаешь?
 Престань счастье съ звѣрми жити
 Прийди бѣду послужити.

Сихъ старинныхъ стиховъ смыслъ отерываетъ то, что у него было на сердцѣ. Онъ, по чувствамъ своимъ, выбралъ или случайно попалъ на такую пѣсню, которая сходствовала съ его жребіемъ въ жизни. Но не прерывая болѣ собственной исторіи, скажу, что я, подъ опекою моего дѣда живя въ семь подгородномъ монастырѣ почти три года, выучился не только читать, но и писцомъ уже у монаховъ прослылъ. Архимандритъ, будучи доволенъ чтеніемъ и пѣніемъ моимъ въ церкви, подарилъ мнѣ съ себя полуафтанье зеленой китайки, стеганое на бумагѣ, которое хотя мнѣ и перешили, однакожь я много въ немъ похожь былъ на самого архимандрита.

Сей архимандритъ именовался: Иннокентій Григоровичъ. Онъ сдѣланъ архимандритомъ изъ казначеевъ Троицкой Сергіевской лавры въ Сѣвскѣ, а изъ сего вскорѣ переведенъ въ Серпуховской Высокой монастырь, а поа еще другой на мѣсто его не прибылъ, управлялъ монастыремъ базначей, отецъ Савва Третьяковскій.

Во время сего междовластія, начала братія, по силѣ допускаемыхъ въ монастыряхъ обыкновеній, стомаха ради *) (испивати). Въ такихъ упражненіяхъ, случилось въ одинъ вечеръ старому монаху Иліодору поссориться съ моимъ дѣдомъ. Послѣ сего дѣдъ, по видимому не думая много о пустой ссорѣ—легъ спать, а меня положилъ подлѣ себя. Но чернецъ не былъ столько забывчивъ. Онъ, когда погасили свѣчу и всѣ позаснули, взялъ изъ дровъ полѣно, и пришелъ на соннаго моего дѣда, съ намѣреніемъ въ

*) Въ монастыряхъ употребляемое слово: «выпить стомаха ради». Стомахъ есть слово греческое, значитъ желудокъ, а монахи, уповательно, взяли сей полезный для себя текстъ — изъ святого Павла, который въ посланіи своемъ говоритъ Тимошею: «не пей воды, но мало вина приеми, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ» (Тим. 5, 23).

потемкахъ его поколотить; но вмѣсто дѣда потрафилъ съ перваго удара по внуку. Я вскричалъ безъ памяти; а дѣдъ, не понимая причины моего вопля, насилу добился отъ меня, что я ударенъ. Тогда дѣдъ мой, не сомнѣваясь, что сей невидимый ударъ есть дѣйствіе челоуѣколюбія непамятовлюбнаго чернца, пошелъ тотчасъ въ казначею. Разбудя его, объявилъ причину своего прихода, и просилъ, чтобъ сіе дѣло разсмотрѣно было сей же часъ на мѣстѣ преступленія. Вслѣдствіе чего, казначей учреждаетъ комисію изъ собственной персоны, и беретъ въ себѣ въ ассесоры монастырскаго ^{квасильскаго} Бареолюмея. Приходятъ они въ нашу келью со свѣтильниками. Допрашиваютъ чернца, чернецъ чинить заирательство. Дѣдъ настоятъ, чтобъ черноризца допрашивать подъ пристрастіемъ*), яко по дѣлу уголовному, или онъ «то сдѣлаеть, что завтрашній день и судимый и судьи забраны будутъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію». Судьи, симиъ выговореннымъ изво всея мочи словомъ, приведены были въ страхъ и замѣшательство, тѣмъ болѣе, что включникъ (быль) безграмотной, а казначей снаравливалъ моему дѣду за сочиненіе приходныхъ и расходныхъ книгъ. Они отдають чернца дѣду головою; чернецъ, сколько ни былъ простъ, повялъ, что нѣтъ ничего хуже какъ быть судиму обиженнымъ судьей, признается въ своемъ злодѣянніи и падаетъ дѣду въ ноги. Дѣдъ настоятъ, чтобъ виноватый былъ наказанъ по крайней мѣрѣ, ежели не больше, трапезными чотвами, съ медленнымъ прочтеніемъ трехъ разъ покаяннаго Давыдова пятидесятаго псалма, по силѣ монастырскаго устава. Чернецъ проситъ пощады, и во избѣжаніе большаго зла, проситъ наложить на себя цѣпь. Дѣдъ, по многимъ преніямъ, остановился на одномъ, чтобъ по наложеніи на монаха цѣпи, посадить его въ пустую башню на цѣлую седмицу подъ запрещеніемъ вкушенія вина и елей, что тогда же и учинено. Такимъ образомъ кончилось дѣйствіе, послѣ котораго монахъ Иліодоръ, хотя уже никогда никого не искалъ по ночамъ бить, однакожь часто мнѣ снился съ полѣномъ въ рукахъ.

*) Слово: «пристрастіе», происходящее отъ слова: «страхъ» значило въ тѣ времена на правомъ, или юридическомъ языкѣ, «правду отереть посредствомъ изглаванія тѣлеснаго». А нынѣ на діалектѣ новѣйшихъ временъ «пристрастіе» значить: «правду затмить посредствомъ монополіи, или интесовъ».

Всворѣ потомъ приѣхалъ изъ Москвы въ монастырь полный начальникъ, архимандритъ Пахомій, мужъ старій до дряхлости, въ податрѣ. Не успѣлъ еще онъ осмотрѣться, какъ ужъ братія и вознегодовала на него за нарушение прежнихъ монастырскихъ обыкновеній:

1) что онъ въ праздничные и торжественные дни не проситъ братію къ себѣ на водку; 2) что уничтожилъ печеніе по субботамъ блиновъ, а по воскресеньямъ—пироговъ. Въ сіе общество выѣхался монастырскій, по тогдашнему называемый, «служба» Семенъ Малышевъ, которому было не болѣе 26-ти лѣтъ отъ роду, и который не меньше моего дѣда почитался искусникомъ въ приказныхъ дѣлахъ. Сіе искусство почерпнулъ онъ будучи въ бѣгахъ, и проживая въ городѣ Кинешимѣ въ качествѣ слуги, у тамошняго воеводы Борноволокова, котораго доносомъ своимъ, состоявшимъ не знаю въ какихъ важностяхъ, заставилъ отбѣгать въ тогдашней тайной канцеляріи.

Сей опытный человекъ кричалъ и увѣрялъ монаховъ, что архимандритъ богопротивникъ, и что за это надобно на него закричать по первому и второму пункту.

Я, слушая сего скопища заговора, въ которыхъ сильно охотился понять, что значать слова: «по 1-му и 2-му пункту», и догадывался, что 1-й пунктъ значить, запрещеніе печь блины, а 2-й—пироги, и винилъ въ моихъ мысляхъ безъ пощады архимандрита за такое преступленіе. Сей скопъ и заговоръ не кончился словами. Служба Малышевъ вѣхалъ въ Сѣвскую провинціальную канцелярію, закричалъ тамъ употребительное тогда «слово и дѣло» *); почему провинціальная канцелярія, во исполненіе тогдашнихъ законовъ, наложила на премаститую архимандричью старость обовы, отослала съ доносителемъ и свидѣтелями, кои всѣ были монахи, за крѣпкимъ карауломъ, въ тайную канцелярію, гдѣ открылся доносъ, что архимандритъ, во время всеобщаго на торжественный день моленія, приказалъ стихиры читать,

*) «Слово и дѣло» значило донести на кого по 1-му пункту, то-есть, что тотъ виновенъ въ дерзновеніи противъ Бога и церкви. По 2-му пункту,— въ оскорбленіи или въ знаменіи нагѣреніи противъ государя и государства и проч.... Для производствъ таковыхъ дѣлъ учреждено было въ Москвѣ особое присутственное мѣсто, называемое «тайная канцелярія», подобная во всемъ «инквизиціи», существующей еще и нынѣ въ нѣкоторыхъ католическихъ государствахъ. Г. Д.

а не нѣтъ. Вслѣдствіе сего, хотя ревностный санчитинъ 1-го и 2-го пункта названъ тѣлосно и отданъ въ солдаты, однакожь старый архимандритъ, вѣроятно, во всѣ остальные свои дни, не отговариваясь никакою, всеобщимъ отправлялъ на распускѣ.

Окончившаяся такимъ образомъ экспедиція не оставила безъ подозрѣнія и дѣда моего, хотя онъ и не былъ ни доносителемъ, ни свидѣтелемъ, почему оправданный архимандритъ испросилъ отъ московскаго митрополита Тимофея повелѣніе, о переведеніи его съ тяжбынымъ дѣломъ въ Николаевскій Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Сѣвска на 50 верстъ, куда и я послѣдовалъ за дѣдомъ, 1762 года, на страстной недѣлѣ.

§ IV.

Пребываніе мое въ Столбовскомъ монастырѣ.

По прибытіи моемъ въ Столбовскій монастырь, отстоящій отъ Радогожа верстъ на 7, тамонній архимандритъ Варлаамъ Маевскій, снисходя на просьбу моего дѣда, уволилъ его на житіе въ подсуздвенную сему монастырю Радогожскую пустынь*), отстоящую отъ дому дѣда моего, слѣдственно и отъ дому моего рожденія, на одну версту, а меня оставилъ у себя яко почетную особу въ достоинствѣ аманата, въ самомъ же дѣлѣ для того, что мой дышвантъ ему понравился. Къ тому же, удаленіе моего дѣда надежнымъ было для архимандрита средствомъ, что онъ не будетъ отвѣчать по 1-му и 2-му пункту. По порядку теченія времени, долженъ я себѣ припомнить, что мать моя, жившая по нынѣ у своего отца, а моего дѣда, избрала для себя сего 1762-го года, августа 31 д., блаженное жилище въ Сѣвскомъ женскомъ монастырѣ, съ намѣреніемъ пріянія монашества. Припомнивши о семъ, возвращаюсь къ Столбовскому монастырю.

У столбовскаго архимандрита единоплѣтное мое пребываніе ничего въ себѣ важнаго и достойнаго свѣдѣнія всему міру не заключаетъ, кромѣ что иногда меня монахи запрашивали въ свои кельи и внушали желаніе, чтобы я отъ юныхъ лѣтъ стараясь возлюбить добродѣтель и удостоиться полученія ангель-

*) Такъ назывались въ Россіи малые монастыри, а особливо гдѣ нѣтъ архимандрита или игумна, а начальствуютъ въ нихъ іеромонахи, титулуемые: «строительми.»

скаго чина — такъ они свой называли, — между тѣмъ, одинъ нечаянный случай приввелъ въ нихъ обо мнѣ худое мнѣніе. Во время вечерняго въ церкви моленія, въ небытность въ оной архимандрита, — послѣду онъ начальнивъ, — одинъ изъ черноризцевъ, отецъ Арсеній, соскочилъ съ лѣваго клироса, поднявъ свою мантию, схватилъ ее въ одинъ узелъ, прижалъ къ самой груди, и началъ по церкви прыгать, какъ обезьяна. Онъ былъ пьянъ. Но мнѣ сіе показалось очень забавно. Я чувствовалъ, что онъ тѣмъ искрасилъ всю нашу вечерню, и мнѣ казалось, что если я сіе дѣйствіе перескажу архимандриту, то онъ заставитъ отца Арсенія еще такъ же попрыгать для забавы; но совсѣмъ противное вышло моему ожиданію. Онъ послалъ о. Арсенія на недѣлю въ хлѣбню — монастырская поварня — дрова рубить, воду носить, муку сѣять, и проч. За сіе всѣ черноризцы меня возненавидѣли, какъ будто всѣ они въ заговорѣ были прыгать по церкви, а архимандритъ любилъ (меня) больше прежняго, и, неоднократно заставляя меня представлять дѣйствіе прыгающаго чернца, смѣялся со всѣхъ силъ и приклонявалъ въ ладони.

До окончанія еще года, архимандритъ переведенъ на ваканцію въ Калугу; а Столбовскій монастырь велѣно приуготовить къ обращенію въ приходскую церковь, съ прочими, уничтожаемыми тогда по всей Великой Россіи, — кромѣ Малой Россіи, — монастырями, а я

§ V.

изъ Столбовскаго монастыря очутивша въ Радогожской пустынѣ.

Отправился въ моему дѣду, въ Радогожскую пустынь, гдѣ прожилъ года три слишкомъ, посвящая все время на должность въ церкви чтеца и пѣвца, и, пользуясь праздностью, перебѣгалъ изъ монастыря въ Радогожь домой, а изъ дому обратно въ монастырь. Иногда же отъѣзжалъ въ столбовское духовное правленіе для помочи тамошнему канцеляристу писать духовныя вѣдомости о бывшихъ и небывшихъ у исповѣди, отправляемые ежегодно въ Московскую консисторію, и притомъ, учился у находящагося въ Радогожской пустыни монаха Онуфрія пѣть «по нотѣ». Понятно, что наука сія не дѣлаетъ ни дѣльцомъ штатскимъ, ни служивымъ въ полѣ, ни ученымъ, ни ремесленникомъ, и не заключаетъ въ себѣ нравственности; но я послѣ видалъ многихъ, учившихся въ классахъ, пансіонахъ и проч. —

видѣлъ даже самыхъ учителей и чувствовалъ побужденіе къ по-
добрѣнію, что они писали духовныя вѣдомости и учились у мо-
наха Онуфрія нѣтъ по воѣ.

Въ теченіе сего времени, учреждена въ Сѣвскѣ епархія, по-
чему и прежнее мое обиталище, Сѣвскій Спасскій монастырь,
преобразованъ въ домъ архіерейскій, а Радогожская пустынь съ
другими многими монастырями, давно уже назначенными къ уни-
тоженію, уничтожена. Куда же мнѣ дѣваться?

Въ 1765-мъ году повезъ меня дѣдъ въ Сѣвскъ, съ намѣре-
ніемъ пристроить меня тамъ въ консисторію, но консисторіи
секретарь Звѣрзевъ отвѣчалъ, что консисторія уже укомплектована.
Надобно вновь искать предмета должностнаго или училищнаго.

Народныхъ училищъ тогда не было въ Россіи; изъ семинарій
самая ближняя въ пятистахъ верстахъ, то-есть въ Москвѣ. Да
и она тѣмъ только хороша, что лучше ихъ не было. А уни-
верситеты и гимназій не для насъ, да правду сказать, мы съ
дѣдомъ ни о чемъ этакомъ, чего нѣтъ, и помышлять не могли.
А пишу о семъ въ настоящемъ времени для того только, чтобъ
дать мѣсто разсужденію, каковы у насъ были времена для на-
ставленія и просвѣщенія юношества, и припомнить самому для
себя, что непостижимая смертному судьба печется о немъ, какъ
мать о младенцѣ, непонимающемъ того, что его берегутъ. Но пока
сія мать воздѣйствуетъ съ болѣею матернею силою, ходилъ я
каждодневно, по желанію моего дѣда, въ домовую вотчинную
графа Петра Григ. Чернышова контору, для усовершенствованія
себя въ писаніи. Конторы сей образованіе было въ надлежа-
щемъ порядкѣ, а именно: вотчинный управитель, капитанъ
Як. Иван. Макрушинъ, прикащикъ и бурмистръ, были присут-
ствующіе члены; земскій писарь — въ качествѣ секретаря. Про-
чіе рядовые приказные были какъ и всѣ, кромѣ управителя — изъ
собственныхъ его домовыхъ людей.

Контора состояла изъ двухъ чистыхъ горницъ и раздѣлялась
на столы или на полаты. Судейскій столъ въ первомъ мѣстѣ
горницы, за перилами, покрытъ краснымъ сукномъ. На немъ
уложеніе царя Алексѣя Михайловича, также повелѣнія и формы
графскія, о управленіи вотчиною. Стѣны конторы уставлены изо-
браженіями царской фамиліи въ эстампахъ, и (тутъ же) генеральная
всей вотчины ландкарта. Напротивъ конторы, чрезъ большія

стѣни кладовая для хранения государственныхъ денежныхъ сборовъ, и караульня съ вапцелавтомъ сторожей и разсыльщикомъ, и въ особомъ отдѣленіи архивъ. По возрастѣ моему, увѣрился я изъ опыта, что перядомъ во всякой части, между большими боярами, исключительно принадлежалъ роду графовъ Чернышковыхъ и графа Шереметева. Итакъ, продолжая усовершенствованіе своихъ талантовъ въ сей академіи, не знающей правописанія, поѣхалъ я, въ 1766-мъ году мая 8-го, съ дѣдомъ моимъ, въ уничтоженный уже, однакожь не сомнѣвъ еще разоренный Столбовской монастырь къ николаеву дню на ярмарку. — Зная тамошніи во время сего праздника обыкновенія, не пропустилъ я для себя полезнаго случая. Схватилъ въ вапцеларіи духовнаго правленія чернышницу и бумагу, и побѣжалъ въ церковь и сталъ къ окну. Горячіе богомольцы, конни набита была церковь, и кои нанимая священномонаховъ, оставшихся еще тамъ до нѣкотораго времени, отправляли непрерывныя молебны, начали во мнѣ подходить, прося о написаніи именъ ихъ на карточкахъ въ подачу священнослужителю, приносящему за нихъ молитвы. Я принялся охотно содѣйствовать горячему усердію однихъ и другихъ, за добровольную плату. И какъ проходя сію должность нѣсколько часовъ, почувствовалъ въ карманѣ плодъ моего труда, состоящій въ нѣсколькихъ гривнахъ, то усугубилъ мою ревность въ услугамъ богомольцевъ и возвысилъ цѣну, что, однакожь, горячихъ богомольческихъ сердець не могло отвратить отъ исполненія ихъ добрыхъ намѣреній, хотя иже и сморщившимъ мнѣ платили; а я, не разсуждая о грѣхѣ, хотя и въ монастыряхъ жывалъ, бралъ спокойно деньги до тѣхъ поръ, какъ уже увидѣлъ, что время пробѣжало къ вечеру на куртагъ, въ вартѣ заложеной безчисленными минутами, въ препровожденіи немнотлаго числа жребіевъ человеческихъ, кои всѣ межъ собою столькожь различествовали, какъ и человѣки, — вромѣ самаго времени, которое сядло столь важно и постоянно, что перемѣня непремѣнно и непрерывно все, само казалось презирало перемѣну. Сіе явленіе обольстило меня, какъ смертнаго; почему бросился я вслѣдъ за нимъ къ вечеру; но оно, повернувшись тамъ на скользкой и незблемой своей ногѣ, мгновенно поскакало въ бездну самого себя, оставя мнѣ одну мечту, да тѣ 60 копѣекъ, которыя собралъ я съ богомольцевъ, и которыя за вычетомъ на

фунтъ черносилву, отдалъ всё безъ исключенія любезному моему радоговскому дѣду.

§ VI.

Дѣяніе судьбы.

По возвращеніи нашемъ изъ Столбова домой, объявилъ дѣду моему управляющій вотчиною графа Петра Григорьевича Чернышева, коллежскій секретарь Яковъ, повелѣніе Сѣвскаго архіерея Тихона Якубовскаго, полученное имъ въ бытность его у сего пресвященнаго на поклоніи, чтобы дѣдъ представилъ меня къ нему, поелку онъ отъ многихъ уже обо мнѣ извѣщенъ, въ томъ числѣ и отъ управителя, и что я, по общему гласу и инѣнію, долженъ принадлежать къ штату архіерейскому.

Такая вѣсть тѣшила мое честолюбіе, ибо, въ чувствительныхъ честолюбіе открывается очень рано. — Я мечталъ, не знаю почему, что мнѣ надлежитъ быть при архіерей не послѣднимъ лицомъ; къ сему увеличивала еще мою мечту и знакомость прежняго моего жилища.

Но дивиться надобно силѣ привычки! Я желалъ быть при домѣ архіерейскомъ, предузнавалъ, или предчувствовалъ будущую пользу, и не хотѣлъ разстаться съ настоящею жванію, съ которою разставаясь, грустилъ и плавалъ сильно, воображая, что долженъ быть подъ правилами, или наукою, которыя мнѣ еще неизвѣстны, и которыя стѣсняють природу. Мудреноли, что простымъ дѣвямъ, а иногда и благороднымъ, плачущи идутъ замужь!

Дѣдъ мой, внимая пастырскому гласу, дошедшему къ нему хотя и не по командѣ, повезъ меня въ Сѣвскъ, гдѣ, лишь только вошли мы въ ограду прежняго моего обиталища, встрѣтился намъ самъ архіерей съ немалою ассистенціею. Я хотя и не видывалъ до тѣхъ поръ архіереевъ, однако не сомнѣвался, что съ такою личностію нельзя быть лицу простаго монаха. Но дѣдъ мой, будучи въ сомнѣніи, подошедъ спрашивалъ самого архіерея: въ какую можно пору удостоиться намъ видѣть своего архипастыря? — Архіерей, примѣтя замѣшательство, улыбнулся и отвѣчалъ, чтобы дѣдъ мой завтра въ 9-мъ часу поутру пришелъ къ архіерею въ переднюю и велѣлъ о себѣ доложить.

Тотъ старій монахъ Иллѣодоръ, который ударилъ меня ночью сегонаго полѣномъ, былъ тогда уже іеромонахомъ и архіерей-

СВЯТЫМЪ ДУХОВНИКОМЪ, и ВИДѢЛЪ ИЗЪ ОКНА СВОЕЙ КЕЛЬИ НАШУ ИЗВАНУЮ СЪ АРХІЕРЕЕМЪ АУДИЕНЦІЮ; ПОСЛѢ КОТОРОЙ ЗАПРОСИЛЪ ОНЪ НАСЪ КЪ СЕБѢ, ВЕСЬМА СМІРЕННО ПРИНЯЛЪ, УВѢДОМИЛЪ НАСЪ, ЧТО МЫ ВИДѢЛИ АРХІЕРЕЯ, и ОБЪЩАЛЪ СВОЮ ПОМОЩЬ, ЕСЛИ БЫ ОНА ВЪ КАКОМЪ СЛУЧАѢ ПОНАДОБИЛАСЬ.

На завтрашній день, по заплатѣ келейному десяти копѣекъ, допущены мы были къ его преосвященству. Онъ сидѣлъ на вызолоченныхъ деревянныхъ креслахъ, въ гарнитуровой темновиннаго цвѣта расѣ, и въ штофномъ зеленого цвѣта подрясникѣ. Пянагія на немъ висѣла не очень блестящая, кругленькой фигуры, величиною съ мѣдный пятакъ.

Сему православія столпу мы благоговѣнно поклонились въ ноги, а онъ тихимъ голосомъ сказалъ: «А! это тотъ мальчикъ, о которомъ говорили мнѣ многіе; для чего ты давно его ко мнѣ не привезъ? я его назначилъ въ пѣвчіе». Имя пѣвчаго поразило меня, какъ громомъ; мракъ покрылъ чело мое, какъ грозная туча, и слезы повалились дождемъ. Архіерей, примѣти во мнѣ сырую погоду съ мителицею, подозвалъ меня къ себѣ поближе, спросилъ о причинѣ плача; мой отвѣтъ былъ, что «я ноты не учился» — смалчивая плутовато о монахѣ Онуфріѣ — «почему и пѣвчимъ быть не гоюсь», «а мнѣ бы хотѣлось быть, продолжалъ я чистосердечно, въ консисторіи при перѣ». Тогда архіерей приказалъ мнѣ на столѣѣ, стоявшемъ дѣо правую его руку, написать на чистой бумагѣ, диктуя мнѣ самъ: «Премудрости наставникъ, и смысла податель, Слово отчее, Христость Богъ».

— «Ты пишешь не худо», сказалъ мнѣ преосвященный: «Надобно теперь поучиться тому, чего ^{.....} ты не знаешь. У меня и секретарь знаетъ ноту, и самъ я по нотѣ пѣть умѣю; ты, обучившись партесу нотѣ — можешь со временемъ также быть», приговори онъ съ улыбкою, «консисторскимъ у меня секретаремъ». Потомъ, приказано мнѣ съ дивантиснымъ пѣвчимъ записать для пробы кантъ, — сочиненія св. Димитрія: «Исусе мой прелюбезный, сердцу сладосте» и проч., въ которомъ, хотя я и старался слухавить моимъ голосомъ, — ибо партесъ меня тревожилъ, и я думалъ, что такой премудрости немногіе достигаютъ, — однакожь, несмотря на мою осторожность, его преосвященство, призвавъ изъ консисторіи канцеляриста Андрея

Михайлова, велѣлъ ему написать отъ имени моего прошеніе объ опредѣленіи меня куда его преосвященство заблагоразсудитъ, и съ тѣмъ насъ отпустилъ въ консисторію.

На другой день, послѣдовала на прошеніи резолюція: «Регенту, преподобному отцу Палладію, обучать подателя прошенія партесу, имѣя его въ особенномъ своемъ надзираніи и попеченіи». — Это случилось, если память меня не обманываетъ, мая 16 дня, того (1765-го) года.

Съ симъ жестокимъ для меня декретомъ, — ибо я не желалъ быть пѣвчимъ, — отведены мы къ отцу Палладію, у котораго первому нашему взгляду представилась на столѣ большая бутылъ съ настоенною на трифоліи хлѣбною водкою *).

Въ семь архіерейскомъ домѣ прожилъ я одиннадцать лѣтъ и одинъ съ половиною мѣсяць, въ теченіи которыхъ что со мною случилось, означу я слѣдующимъ порядкомъ:

§ VII.

Начало жизни моея въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ.

Архіерей Тихонъ Язубовскій былъ, по своему сану, особа важная, безъ спѣси. Особа въ поведеніи препорядочная, постоянная и по всему образцовая. Всякой день онъ въ обѣднѣ, а утренняя и вечерняя обыкновенно бывали у него въ залѣ, называемой въ домахъ архіерейскихъ: «крестовая келья». Слѣдственно рано вставать на утреню и потомъ быть готовымъ къ обѣднѣ съ концертомъ и напослѣдокъ въ крестовую къ вечернѣ, было вседневною и непремѣнною обязанностію капелланіи.

Послѣ утрени, почти каждадневно, выходилъ преосвященный изъ внутреннихъ покоевъ въ крестовую. Давъ общее всѣмъ осѣненіе и принявши, по уставу греко-восточному, отъ хора пѣвчихъ гѣсенное поздравленіе на греческомъ языкѣ: «исъ пола ети деспота», т. е. на многая лѣта владыко, — давалъ каждому благословеніе. Останавливался на нѣсколько минутъ, велъ обыкновенный разговоръ, а иногда вмѣшивалъ нравоученіе, какое придется по случаю разговора. Онъ, бывши въ Кенигсбергѣ—

*) Трефоліумъ, по-русійски троелистникъ, трава горькая, растетъ по мѣстамъ болотнымъ. Она очень полезна людямъ скорбутнымъ-дмуготнымъ. Мнѣ она извѣстна стала отъ тѣхъ норъ, какъ я для отца Палладія ее собирывалъ и высушилъ въ тѣни. Ботаники, аптекари и медики знаютъ ее прежде, нежели я зналъ отца Палладія.

будучи уже духовнымъ — при миссін, также въ С.-Петербургѣ, не помню въ которомъ кадетскомъ корпусѣ, учителемъ закона, былъ просвѣщеннѣе, нежели обыкновенный, учившійся и учившій въ семинаріи учитель или проповѣдникъ *).

Въ одну пору архіерей, по обыкновенію своему выходяъ послѣ утрени къ намъ въ крестовую и давъ каждому свое благословеніе, спросилъ отца Палладія о успѣхѣ моемъ въ царствѣ. Услыша отвѣтъ, что я понимаю очень хорошо, придалъ сдѣлать для меня шинель зеленого тонкаго сукна, не въ примѣръ прочимъ. Всѣ пѣвчіе, особливо тѣ, которые были ближе ко мнѣ лѣтами, завидуя моей шинели, и зная, что я въ обществѣ ихъ быть не имѣлъ охоты, провали меня секретаремъ. Но какъ эти насмѣшки меня не безпокоили, — слѣдственно и намѣреніе ихъ раздосадовать меня оставалось безъ успѣха, то присоветовали другія двѣ. Они упрекали меня тѣмъ, что я не ношу на шеѣ креста и на рубашкѣ пояса. Это довольно доказываетъ, какимъ невѣжествомъ омрачалось утро моей жизни.

При началѣ осени, отправился преосвященный, по долгу званія апостольскаго, для посѣщенія христіанъ своей епархіи, обитающихъ въ городахъ: Трубчевскѣ, Брянскѣ и Карачевѣ. По приѣздѣ въ каждый отправлено было въ церквахъ священнослуженіе съ надлежащимъ сану архіерейскому величіемъ. Всюду простой народъ тѣснился видѣть святителя, а духовные и дворяне угощали преосвященнаго съ приличнымъ уваженіемъ.

Въ семь небольшомъ путешествіи хотя должность моя состояла въ томъ, чтобы смотрѣть безочередно за партесными книгами, — поелику я по службѣ былъ всѣхъ моложе, и раздавать ихъ по рукамъ пѣвчимъ, когда надобно было пѣть концертъ, оставляя при себѣ книгу своего голоса и хранить ихъ, однакожъ въ награду того, не малое количество въ одной точкѣ людей, перемѣнные предметы невиданныхъ мѣстъ, достатокъ въ столовомъ содержаніи, свобода и неподверженность строгимъ отчетамъ за такія важныя дѣла, какихъ по духовной службѣ

*) Болотовъ, знавшій Тихона Якубовскаго въ Книгобергѣ въ 1760 г. отзывается о немъ такъ «...мужъ прямо благочестивый, крохкій, ученый и такой, который не дѣлалъ стыда нашимъ россіянамъ, но всѣмъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ почтеніе и отъ самихъ прусскихъ духовныхъ» (См. «Русскую Старину» 1870 г., прилож. стр. 1000).

своимъ нѣтъ, проводили до мнѣ чувствительное удовольствіе, да и были, могу сказать, болѣе для меня образованіемъ, нежели какъ кто нигде же вывѣдалъ изъ мѣста, въ которомъ родился какъ это, вывѣдали въ чужіе края, предоставляя мнѣ себя замѣчаніе всего дорожнаго своимъ слугамъ, а самъ занимался геральдическимъ подвигомъ—исвою охотой, наилучшимъ въ природѣ даромъ—любовническимъ,—способомъ въ прощренію ума, въ приобретенію знакомства и друзей—картами.

Карачаевскаго уѣзда, въ Полбицкой пугачѣ, назначенной тогда въ уничтоженію, разладился нѣсколько нашъ порядокъ и возмущился покой. Учитель и опекунъ мой о. Паладій, имѣя повиданію прощренію любовь, подъ отысканіемъ золотой вольности въ самоволію, скрылся невѣдомо куда. Всюду узнали, что въ ту же пору убѣжалъ изъ Сѣвскаго архіерейскаго дома экономя, іеромонахъ Арсеній. Единственное ихъ изъ разныхъ мѣстъ бѣгство, не безъ основанія приписывали тайному ихъ согласію; и какъ сіе случилось въ началѣ октября, то слышно было, или догадывались, что они, подражая нѣкимъ птицамъ небеснымъ, слетѣли противъ зимы въ теплые Волоховскіе края *).

На возвратномъ въ Сѣвскіе пути посѣтилъ преосвященный, въ Карачаевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кретовѣ помещика, гвардіи отставнаго салундъ-майора Евтиха Ивановича Сафонова. Хозяинъ былъ хоть старикъ, однако радъ гостю; угощалъ два дня хорошо, а проводилъ еще лучше. Сколько архіерей имъ уговаривалъ его, чтобы онъ возвратился домой; однако г. Сафоновъ на эту пору былъ упрямъ. Онъ чрезъ нѣсколько верстъ, провожая преосвященнаго по старому манеру, не давалъ ему можно сказать на каждомъ шагѣ медомъ, но и разными налитками, вармицъ закусками, плодами—архіерей и оущихъ съ нимъ. Вся архіерейская скромность и трезвенность не могли устоять противъ чистаго усердія г. Сафонова. Архіерей расходился и воспѣлъ: «спаси Господи люди твоя», и проч. Хоръ пѣвчихъ вступилъ въ свою должность, — и было за что! хозяинъ того стоялъ. «Спаси Господи» повторяемо было не щадно. Разставшись почти въ ночь, воспѣли въ вышеупомянутый мною уни-

*) Въ тѣ времена русское монашество находило для себя пріятъ или праздную и независимую жизнь въ Волоховскомъ и Молдавскомъ княжествахъ.

чтоженный Столбовскій Николаевскій монастырь, знакомое мѣсто. Сіе угощеніе трезвенной архіерейской натурѣ не дешево обошлось. Онъ проболѣлъ, однакожь напоследокъ, собравшись съ силами, привазалъ передъ полуднемъ собрать всѣхъ своихъ официалистовъ. Велѣлъ, чтобы имъ поднесли по рюмкѣ, что чего хочеть, а самъ, сидя и опираясь на трость, улыбался между тѣмъ навирая, какъ каждый поправлялъ свое здоровье и желалъ онаго своему доброму архимастырю. Одинъ же только и билъ Сафоновъ, которому удалось искутить прѣосвященнаго; болѣе никогда и нигдѣ, во всю мою при немъ бытность, не поддавалъ онъ подобному искушенію.

Я обтекъ монастырь, проходилъ прежнія тропинки, вошелъ въ огромную, знакомую мѣ, но недостроенную церковь, тамъ дѣвелось свидѣть кусокъ кирпича, обратившагося отъ времени въ мелкіе куски; вырѣзанный искусною рукою иконостасъ сложенъ былъ въ одномъ углу и въ половину уже согнилъ и осыпался; крыша сгнила и осыпалась, но стѣны ничто не коснулось, — онѣ сложены прочно. Карнизы и около дверей и оконъ пиластры и проч. изъ бѣлаго камня, желѣзныя рѣшетки въ окнахъ сработаны наилучшимъ образомъ; внутри и навѣсъ на высотахъ церкви снуютъ непрерывно воробьи и ласточки; конъ отъ давнихъ временъ наследственно вьютъ тамъ свои гнѣзда. Въ обширныя и никогда еще незакрыванныя двери и окна тѣснится свистъ вѣтра и глухой раздается по церкви вой. Гдѣ ты князь Дмитрій Кантемиръ, который не успѣлъ довершить своего храма *)? А вы, сыновья его, князь Тимофей и князь Сергій, для чего не кончили отцовскаго намѣренія и воли? Потерпѣло-ль бы чрезъ то ваше обыкновенное въ Москвѣ упражненіе во исовой охотѣ, еслибы каждодневно возглашася здѣсь было: «создателей святаго храма сего да помянетъ Господь Богъ?»...

Мы выѣхали изъ Столбова. Путь нашъ лежалъ чрезъ Радегожь, мѣсто моего рожденія; тамъ започивалъ прѣосвященный въ господскомъ домѣ, принадлежащемъ графу Петру Григорье-

*) Еще будучи при архимандритѣ Варлаамѣ Маевскомъ я слыжалъ, что сія церковь заложена и построена князь-Дмитріемъ Кантемиромъ, повидимому, по случаю близости сего монастыря къ его владѣнію, изъ коего теперъ первое его село обращено въ уѣздный городъ, называемый Дмитровскъ, и что одинъ, наипаче, изъ его сыновей, Тимофей, занимался только исовой охотой. Г. Д.

внучу Чернышеву. Я видѣлся съ моимъ дѣдомъ и со всѣми знакомыми. Но мнѣ, особенно при пасмурной осенней погодѣ, показалося все случнымъ и неприятнымъ, какъ ребенку грудь, отъ которой онъ уже давно отнять. Счастливой радогожской пустыни, частаго моего пребыванія, уже не было. Она по уничтоженіи уже распродана, а церковь, по повелѣнію преосвященнаго, перевезена въ село, принадлежавшее прежде Сѣвскому Спасенному монастырю, обращенному въ домъ архіерейскій. Оставшіяся кучи щебня, глины, знали мѣсть гдѣ было строеніе, охранявшее нѣкогда и мои еще хрящевые составы, дѣйствовали сильно на мою чувствительность. Итакъ, отъ Столбова до Радогожа и Радогожской пустыни все для меня было покрыто душевнымъ мракомъ.

По приѣздѣ въ Сібирскъ, я уже не имѣлъ надъ собою особаго инспектора, послѣ отца Палладія; я почувствовалъ новую посылку свободы. Онъ былъ человекъ съ латынью; до побѣга еще своего онъ успѣлъ меня обресоветовать ученымъ, домовымъ и другимъ чиновникамъ, яко то: катихизатору, экзаминатору, казначею, консисторскимъ членамъ, ризничему и проч., которые, полюбя меня, не пропускали иногда внушать преосвященному, что я такой добрый и добрымъ моимъ поведеніемъ отличаюсь ото всѣхъ тѣхъ, которые хуже меня. Говорятъ, что мнѣніе людей о человекѣ пронаводитъ въ мірѣ великія шалости: оно дѣлаетъ нестоющаго счастья — счастливымъ, дурака — умнымъ, умнаго — дуракомъ. Слѣдственно, мнѣніе и жребій суть одно и то же. Вслѣдствіе сего преосвященный приказалъ мнѣ перейти изъ пѣвческой жить въ казначею, для помощи казначейскому приказному, — и притомъ поручено мнѣ прописаніе поповскихъ и дьяконскихъ грамотъ *), кои доставляли мнѣ годового дохода около шестидесяти рублей, безъ лишенія меня и пѣвческихъ прибылей съ титуломъ моего званія.

§ VIII.

Продолженіе жизни въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ.

Въ началѣ 1768 года преосвященный Тихонъ Явубовскій переведенъ на Воронежскую епархію. Но прежде отъѣзда сво-

*) Въ сихъ грамотахъ вписывается на порожнихъ мѣстахъ, оставленныхъ между печатными строками, имя поставленнаго попа или дьякона, такожь — куда, къ какой церкви? когда посвященъ? и проч. и надослѣдуетъ въ началѣ

его на оную, вѣдѣть со всѣмъ нѣтатомъ своимъ для прощанія съ матерью своею въ малороссійское мѣстечко Коронъ—нигѣ уѣздный городъ *), а на мѣсто его произведенъ въ епископы Кирилъ Флоринскій, который, по приѣздѣ своемъ, въ недѣлю православнаго посвященія меда въ стихарь, опредѣлилъ меня держать передъ нимъ во священнодѣйствіи чиковитѣвъ-жниту, во которой архіерей священнодѣйствуетъ, принимать и подавать ему пастыровой жезлъ. Стихари разныхъ матерій очень меня веселили, а близость въ архіерею вливала въ меня нѣкое любовствіе. Сей архіепископъ, яко видѣнный большой парижскій свѣтъ, признавалъ, чтобы всѣ окружающіе его, въ его священнодѣйствіи, молодые люди были причесаны съ пумаями кождо мудрою. Не будамъ вопрошать, встать ли пудра и пукли къ агтарю и въ распуцелнымъ по влечамъ волосамъ? Но скажемъ о томъ, что ему не малаго стоило труда приучивать въ сей прѣхоти завосѣблунъ монастырщину, напротивъ чего я, смеленѣ будучи отъ природы къ обратности до цюгольства, всегда его веселилъ спѣвнкою чюскою монхъ воюмъ, и билъ у него образцовъ для другихъ.....

Кирилъ Флоринскій родился въ малороссійскомъ мѣстечкѣ Барыновѣ. Онъ, будучи въ Кіевѣ студентомъ, взятъ былъ съ прочими во двору нѣвчимъ, но, не помелавъ продолжать сей должности, кодилъ на лендіи экспериментальной физики въ профессору Морбаху. Оттуда взялъ митрополитъ новгородск. Сѣченовымъ въ учителя 4-го класса новгородской семинаріи и посвященъ въ сертъ людей клянущихся быть нищими, и отрекающихся произвольно отъ всего того, что въ жизни есть для смертнаго пріятнымъ. Посему можно догадаться, что онъ постриженъ въ монахи. Потомъ, посланъ въ Паризъ, для отправленія при россійскомъ полномочномъ послѣ священнической должности, откуда, по прошествіи пяти лѣтъ, возвратился въ Россію, сдѣланъ архимандритомъ въ новоторжскій борисоглѣбскій монастырь, изъ коего посвященъ въ архіереи, въ сѣвскую епархію. По его словамъ, онъ избранъ въ сіе достоинство самою императрицею Еккатеринею Второю, по случаю гово-

грамоты подписываетъ ее самъ архіерей по формѣ: «Божею милостію... смиреннѣйшій NN епископъ или митрополитъ» и проч. Г. Д.

*) Коронъ—защитный городъ Чернигов. губ., Кролевецкаго уѣзда. Ред.

решкой имъ къ особѣ ея рѣчи, во время путешествія ея изъ Петербурга, чрезъ Тверь и Торговъ, въ Москву. Онъ былъ чрезвычайно пылката, высокоумнаго и горячаго оубойства, твердаго духа и остраго разума. Даръ слова и присутствіе памяти—были вершинами его дарованій; а латинскій и французскій языки, которые онъ хероню зналъ, придавали ему со стороны другихъ моренше мнѣніе. Но не знаю, въ какомъ дарству природы надлежитъ приписать ту силу, которая силіе была отвлечь его отъ тревожности, скромности въ языкъ и въ речахъ. Свойства его жизни будутъ видны изъ описанія его дѣлій, присоединяющихся по временамъ и обстоятельствамъ въ моей исторической матеріи.

Въ прибавку въ сластіе моихъ волосъ, архіерей воишель однажды съ архимандритомъ Карпинскимъ *) въ вавіачейскую контору, и увидѣвъ меня пишущаго, похвалилъ мое писанье. Архимандритъ прибавилъ къ тому, что я дѣтина скромный и постоянный, и что бывшій архіерей меня жаловалъ. Я въ первый разъ тогда услышалъ, что скромность и постоянство въ людяхъ не меньше значать, какъ и чоска волосъ.

Въ семъ архіерейскомъ домѣ было обыкновеніе, занятое отъ московскаго архіерейскаго дома **), что производящися во

*) Рылскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій. Онъ былъ особа въ числѣ ученыхъ; въ латинскомъ языкѣ называли его Цицерономъ. Его сочиненія есть книга печатныхъ проповѣдей. Онъ былъ малоросль и тонокъ; чрезвычайно честолюбивъ и горячъ, и иногда чрезвычайно скроменъ, иногда же чрезвычайно веселъ, говорливъ и забавенъ. Все архіерей, его времянь, знали его и почитали за ученость, но не любили за самолюбіе. Многие были изъ его учениковъ архіереями, въ томъ числѣ и оба сѣвскіе, т.-е. Якубовскій и Флюринскій. Ему неоднократно по старшинству и учености доставалось быть епископомъ,—на,—какъ и слыхалъ отъ преосвященнаго Флюринскаго,—однимъ изъ оиновальныхъ членовъ на сей случай сказали: «Онъ по натурѣ пигмей, а думаетъ о себѣ, что онъ съ ивановскую московскую колокольню». А другой: «онъ достоинъ быть архіереемъ, но всю ризницу по своему росту перенортитъ», и, между тѣмъ, какъ великанъ переуживалъ пигмея и переводили его изъ монастыря въ монастырь, съ архимандріи на архимандрію, то-есть изъ Сѣвскаго-Спаскаго,—что потомъ архіерейскій домъ,—въ Рылскій Николаевскій; изъ Рылскаго—въ Голутвинъ, изъ Голутвина въ Бѣлозерскій Кириловскій,—Карпинскій дожил до глубокой старости, и скончался мирно, не получа архіерейства, по причь, что былъ малаго роста и високаго ума.

Г. Д.

**) Сѣвская епархія отдѣлена отъ московской; почему и сѣвскій архіерей именовался съ первыхъ глѣтъ учрежденія: «московской епархін виварій».

Г. Д.

священно и церковнослужители, посылаемы были отъ архіерея для наученія ихъ читать, писать, познанію церковнаго устава и проч. къ почетнымъ заслуженнымъ монашествующимъ и въ пѣвчимъ, и до тѣхъ поръ не были они посвящаемы и опредѣляемы въ мѣстамъ, пока не получали письменныхъ въ архіерею отъ своихъ учителей засвидѣтельствований. Сіи засвидѣтельствования могли умножать годовые всякаго учителя доходы, до двухъ сотъ рублей, смотря по числу и достатку учениковъ. Его преосвященство удостоилъ и меня сей не безформотной должности, чѣмъ сравнялъ меня съ продолжавшими двадцати-лѣтнюю при домѣ службу, хотя мнѣ и отъ роду не было еще 20-ти лѣтъ. Но какъ я не былъ еще искусенъ пользоваться сими неокладными доходами, то и довольствовался всегда тѣмъ, что мнѣ дадутъ. Просители, узнавъ одинъ отъ другого мою добродѣтельную простоту, начали многіе просить посредства консисторскаго члена крестоваго іеромонаха Иринарха Рудановскаго, который близокъ былъ къ архіерею, чтобъ они въ наученіе отсылаемы были ко мнѣ, а не въ другимъ. Простосердечные просители не достигали, что они симъ прошеніемъ обижаютъ правосуднаго консисторскаго судію. Оскорбленное его корыстолюбіе проникнуло, что по мѣрѣ умноженія у меня ставленниковъ, уменьшилось бы у него количество оныхъ. Онъ не имѣлъ слабости пренебречь простоту просителей, и разсмѣяться моею невинности. Въмѣсто того, онъ заблагоразсудилъ оклеветать меня архіерею, что будто я изъ корысти подговариваю просителей проситься ко мнѣ въ наученіе; сію клевету объявилъ мнѣ пріятельски судейской фаворитъ. Извѣстно, что отъ фаворитовъ ничего не скрываютъ; а фавориты, такъ же, не всегда все и не передъ всякимъ скрываютъ. Архіерей, однакожъ, оставилъ докладъ безъ вниманія. Можетъ быть, онъ видѣлъ что тутъ дѣйствовали корыстолюбіе и зависть. Но чѣмъ меньше имѣлъ Рудановскій успѣха въ своемъ подвигѣ, тѣмъ болѣе я нажилъ въ немъ для себя непріятеля. Зло возвышается тѣмъ же правиломъ, которымъ и добродѣтель; оно никогда на первомъ шагу не останавливается. Однакожъ, пока что послѣдуетъ, счастье мое по сему духовному департаменту восходило постепенно, а слѣдующій случай возвысилъ его еще больше.

Во всякую четыредесятницу принялся его преосвященство

толковать каждодневно въ церкви народу псалтирь. Къ чести его должно сказать, что онъ многія въ оной непонятныя многія неученымъ и многимъ ученымъ мѣста, кратко и ясно открывалъ; а мнѣ, стоя въ олтарѣ, вадумалось, пока онъ говорилъ, любопытнѣйшія изъ его толкованій мѣста записывать на-споро въ тетрадку. Продолжая нѣсколько дней мои замѣчанія, понерасудилъ единожды схватить съ окна мою тетрадку, какъ архіерей, во окончаніи своего въ народу поученія и изъясненія псалтири, вошелъ въ олтарь. Онъ увидѣлъ и сталъ сморгать записки, а я не зналъ за что почтется моя канцелярія. Бѣ счастью, я сомнѣвался напрасно; ему не противно было читать свое рассужденіе, изъясняющее самыя темныя въ псалтирѣ мѣста.

Онъ подозвалъ меня къ себѣ, и держа въ одной рукѣ мою тетрадку, а въ другую взявъ мою руку, говорилъ мнѣ привѣтствіе и поученіе, почти въ точныхъ словахъ:

«Не одинъ тотъ бываетъ ученъ, кто многимъ учился наукамъ; но и тотъ, кто съ примѣчаніемъ живетъ. Я въ тебѣ нахожу послѣднее. Продолжай такъ, какъ ты началъ. Примѣчай всякое мое слово, не только въ публичныхъ поученіяхъ, но и въ обыкновенныхъ разговорахъ, вѣрь мнѣ, что ты, будучи подъ моимъ руководствомъ, будешь умнѣе всякаго кіевскаго студента; ибо я, по благодати Господней, имѣю столько знанія, что меня уже никто учить не въ состоянціи».

При моемъ радостномъ замѣшательствѣ, хотя трудно мнѣ было узнать, себя ли онъ больше хвалилъ, или меня одобрялъ, однакожъ я не забылъ, по обыкновенію духовныхъ, пасть ему въ ноги. Казалось мнѣ, что я уже на третьемъ небѣ, и слышу неизреченныя глаголы; о свѣтскихъ степеняхъ тогда слабое имѣлъ я понятіе, и мнѣ онѣ казались больше препятствіемъ къ наследованію царства небеснаго, нежели знаками внутреннихъ достоинствъ, и заслугъ государю и отечеству, тѣмъ болѣе, что люди, находящіеся въ свѣтской службѣ, ѣдятъ по постамъ мясо, такъ какъ всѣ иноземцы *).

*) Въ среднемъ уже моемъ вѣкѣ я образумился, что «если грѣхъ мясо есть въ постѣ, то грѣшнѣе еще убивать животныхъ въ мясоѣдѣ», и что какъ духовные, такъ и свѣтскіе наружныя знаки достоинствъ не рѣдко бываютъ выѣсками качествъ дурныхъ и проницливыхъ людей. Г. Д.

По семъ явленіи и дѣйствию, я уже никогда не вынулъ изъ руки пера и тетрадки во время толкованія его преосвященствомъ псалтири. Поныне, говоря я самъ себѣ, что учителя твоего нѣтъ учить не въ состояніи, и вѣрно потому, что онъ былъ въ Парижѣ, о которомъ нѣкоторые писатели разсказываютъ, что тамъ и ослы перерождаются въ подобныя имъ мысленныя лошади.

Питаюсь гордыни и всёиъ псалтырьскими свойственными мыслями, надужа я не меныше, какъ тотъ мѣвской филозофусъ, которой попался на уѣздѣ въ инспекторы въ дѣлѣмъ богатаго господина, и преобразился изъ длинной черкески въ кудный кафтанъ.

§ IX.

Путешествіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ (1768 г.) послѣдовалъ отъѣздъ преосвященнаго въ Глинскую пустынь, отстоящую отъ Сѣвска 70, а отъ Глухова 10 верстъ. Двѣ причины побудили его въ сему отъѣзду: 1-а) приниманіе соковъ, 2-а) защищеніе принадлежащаго той пустынѣ прекраснаго и достаточнаго лѣса, отъ князя Ивана Сергѣевича Барятинскаго, который на ту пору былъ въ рыльскихъ своихъ деревняхъ, и которому тотъ лѣсъ потребенъ былъ на винокурни, состоящія въ ивановской его отчинѣ.

По возвращеніи въ Сѣвскъ, послѣдовалъ — съ дозволенія синода — отъѣздъ преосвященнаго, іюня 9-го въ Кіевъ, на 29 дней, со всёиъ клиромъ. Путешествіе было очень пріятное въ разсужденіи немалолюдства и погоды.

Въ Батуриинѣ сказанный мною выше архимандритъ Карпинскій пошелъ изъ любопытства въ домъ и садъ фельдмаршала графа Разумовскаго, котораго на ту пору не было дома. Потомъ въ старинной земляной замкъ, къ церкви, построенной гетманомъ Мазепою и разбитой Петромъ Великимъ по извѣстному въ исторіи происшествію. Я ввязался за нимъ. Стѣны церкви и внутри два столба, поддерживавшіе нѣкогда куполь или арку, были еще въ цѣлости. Онъ, зная, что произошло съ сею церковью, съ Батуриномъ и съ Мазепою, во время войны противъ шведовъ и повидимому разсуждая мысленно о происшедшихъ на сихъ мѣстахъ между смертными дѣствіяхъ; и о проклатіи,

съ печальнымъ видомъ сказавъ текстъ изъ пророка Давида: «проклянутъ тѣи, и тѣи благословенни».

Въ Нѣжинскомъ греческомъ монастырѣ преосвященный литургисалъ. Послѣ чего, греки запросили его изъ церкви на водку, и поднесли ему на тарелкѣ, въ подарокъ, имперіаль. Архіерей, взглянувъ на жертвоприношеніе, благодарилъ ихъ слѣдующими словами: «Даръ Духа Святаго на сребрѣ не продается. Архіереи россійскіе колеблются опредѣленнымъ монаршимъ содержаніемъ, а въ Греціи они живутъ подаяніемъ. Отдайте-жъ этотъ имперіаль своимъ нищимъ архіереямъ. Они вамъ спасибо свяжутъ».

Македоно-византійцы *) не рассудили искупать десяткомъ имперіаловъ не продающаго на сребрѣ даръ Духа Святаго. Они, будучи значоми въ оригиналѣ священнаго писанія, боялись чести услышать другой священный текстъ: «Бго пасеть стадо, тотъ отъ млека его ѣсть, и отъ шерсти одѣвается», и: «служащій алтарю, съ алтаремъ дѣлается». Посему, взявши казакъ имперіаль, кончили сію дѣйствию пантомимомъ: «не введи насъ во искушеніе».

Прибывъ въ городъ Козелець, заѣхалъ преосвященный, для отдохновенія, къ тамошнему протопопу Дубянскому. Протопопъ, или не предваренъ будучи о прибытіи гостя, или надуть корыстью полученною отъ двора **) царскаго, не только не встрѣтилъ архіерея, но и въ самыхъ своихъ покояхъ заставилъ дожидать себя довольное время. Архіерей, между тѣмъ, ходя по горницѣ и разговаривая съ архимандритомъ Карнинскимъ, который всегда при немъ находился, услышавъ шумъ хозяйскаго изъ дальнихъ покоевъ шествія, обратился лицомъ къ большому на стѣнѣ зеркалу. Протопопъ, подошедъ съ низкими поклономъ въ бокъ къ архіерею, «просить благословенія архипастырскаго». Архіерей, не отвѣтствуя ему, продолжаетъ съ архимандритомъ разговоръ, на счетъ гордости духовныхъ и любостыжанія. Архимандритъ, соображаясь, какъ ученый, — философъ, какъ духовный—религій, продолжаетъ лицемѣрно: «пурпироносный пророкъ обла-

*) Прибѣгать надлежитъ, что всякій грехъ, когда его спросишь, изъ которой отъ страны Греціи? отвѣчаетъ: «изъ Македоніи», дабы придать себѣ важности славю Александра, великаго завоевателя.

Г. Д.

**) Онъ былъ духовникомъ государыни императрицы Елисаветы Петровны.

Г. Д.

далъ цѣлымъ царствомъ, но кротость и незлобіе его суть для насъ, и будутъ для потомковъ нашихъ вѣчнымъ примѣромъ».

Архіерей: «Кое общеніе свѣту ко тьмѣ! кое общеніе Христови съ Веліаромъ!»

Протопопъ сталъ какъ осужденный; принужденъ былъ дослушивать драму, представленную на его счетъ въ его домѣ, а архимандритъ сказалъ погромче: «ваше пресвященство! отецъ протопопъ здѣсь». Архіерей повернувшись сказалъ: «а! я думалъ васъ и дома вѣтъ». Протопопъ извинялся, какъ умѣлъ, и какъ требовало обстоятельство дѣла; а архіерей прекратилъ его вниманіе сими миролюбивыми словами: «Богъ да проститъ и помиуетъ всѣхъ васъ, и подобныхъ вамъ дураковъ».

Такимъ образомъ, смиренный *) епископъ испрѣва протопопскую неискренность свою гордостью, выѣхалъ, по отдохновеніи, изъ Козельца съ Каринскимъ впередъ. Въ числѣ оставшагося назади обоза, находился и я.

Въ обозѣ нашемъ случилось напередѣ ѣхать поварѣ, подъ которою вскорѣ что-то повредилось. Пьяный поваръ Степанъ хотѣлъ слѣзть для поправки, но силы ему наѣбились. Онъ упалъ головою внизъ къ лошадамъ, а ноги остались на оглоблѣ, и въ семъ положеніи пребылъ спокоенъ надолго. По сей причинѣ, весь обозъ остановился и разѣѣхался безъ порядка по дорогѣ.

Въ самую ту пору, усмотрѣли мы сзади себя скачущихъ вдалеѣ по дорогѣ двѣ кибитки тройками во весь опоръ, съ которыхъ всѣ пассажиры, будучи еще въ самой дальности, машутъ руками и кричатъ, повторяя почти безперервно: «съ дороги—съ дороги! право—право!» я понялъ ясное требованіе, свернулъ не только съ дороги, но и убрался въ сторону сажень на 10, съ моею кибиткою. А прочіе, хотя и не всѣ были пьяны, однакожь вознерадѣли исполнить требованіе скоробѣгущихъ, которые, наскакавши въ одинъ мигъ, выскочили изъ кибитокъ 4 человека съ толстыми камицными плетями. Пьяный поваръ покоился еще въ прежнемъ положеніи, и лежа между колесъ кричалъ: «Государева дорога широка». Но какъ неизвѣстные наши прытки наврыли его толстыми своими плетями,

*) Общій титулъ всѣхъ архіереевъ.

то онъ, мгновенно встрепенувшись, началъ бѣгать въ обѣ стороны дороги, а они, въ дотопку, не переставали подгонять его въ измѣренію широты государевой дороги, приговаривая за каждымъ ударомъ: «кабинетъ-курьеру давай дорогу! кабинетъ-курьеру не угазывай». Изъ сей приговорки я узналъ о ихъ званіи, если только правду они говорили. Удовольствовавъ такимъ образомъ повара, бросились въ ближней кибиткѣ, въ которой сидѣлъ бѣловолосой дьяконъ Степанъ Лукьяновъ. Онъ былъ боленъ лихорадкою, отъ которой, въ прибавку въ бѣлымъ его волосамъ, поблѣвъ цвѣтъ его лица, посему они сочли его за сѣдого старика, и за господина всего обова. Кричать на него: «для чего ты, сѣдой хрѣнъ, не учишь своихъ подкомандныхъ? чортъ ты, или протопопъ?» съ сими вдругъ словами, выдергиваютъ его за руки изъ кибитки. Дьяконъ уже былъ на готовѣ въ измѣренію въ свою очередь широты государевой дороги; однакожъ великодушные курьеры, продержавъ его на одномъ мѣстѣ и влѣпивъ ему въ спину съ подюшкины нагаеи, усклавали въ свой путь. Они безъ сомнѣнія были бы дальше, если бы не останавливались для такихъ дракъ, безъ которыхъ всякому курьеру обойтись можно, а особливо такому, которому время назначается отъ кабинета.

Изъ сей трагедо-комедіи вышла польза та, что съ повара соскочилъ хмѣль, а дьякона повиннула лихорадка. Посему, посоветовалъ я дьякону и повару догнать курьеровъ, и купить хоть одну изъ тѣхъ цѣлительныхъ пьестей, которые исцѣляютъ пьяныхъ и лихорадочныхъ. Увѣрялъ ихъ, что въ лицахъ курьеровъ были кievскіе чудотворцы, вторые знали, что двумъ Степанамъ нужно было исцѣленіе. Но дьяконъ, какъ въ горячкѣ, сильно меня бранилъ, даже до того, что бросилъ въ меня бутылку съ микстурой, которая разбилась объ колесо. Я обѣщалъ ему купить бутылку микстуры, если его возобновится лихорадка.

Въ Бравахахъ, 18 верстъ отъ Кіева, дождалъ преосвященный всѣхъ своихъ, простоялъ тамъ дѣлный прекрасный день и переночевалъ въ домѣ, принадлежащемъ не помню какому-то монастырю. Изъ сего дома всѣ зданія Киевопечерской лавры представляются зрителю во всемъ своемъ совершенствѣ. Архіерей во все время своего здѣсь отдохновенія, какъ магнитъ на сѣверъ, направлялъ свой взоръ на Кіевъ, и иногда съ сопровожденіемъ

вздоха. Безъ сомнѣнія, внутреннее движеніе приводило ему на память предшдую юную кievскую жизнь; потомъ Черевбургъ, Новгородъ, Паризъ, Торжокъ, и, наконецъ, настоящее состояніе, отличное совсѣмъ отъ того, въ которомъ онъ выѣхалъ изъ Кіева студентомъ.

§ X.

Кіевъ.

Назавтра, въѣздъ въ Кіевъ пресвященнаго ознаменованъ былъ колокольнымъ звономъ въ вечерней задръ, гдѣ и квартира приготовлена по приказанію начальника задръ архисандрыта Зосими Валькевича.

На другой съ пріѣзда день, пресвященный во всѣмъ своимъ штатомъ пошелъ, въ предшествіи начальника задръ, за поклонами святымъ мощамъ, поживающимъ въ вечеракъ.

Долгий, подземельный съ закружками ходъ, изъ-подъ сводовъ котораго души преледобныхъ возносились въ оскетія небесныя, былъ еще невиданнымъ для меня зрѣлищемъ. Лезаціе по обѣимъ сторонамъ въ сдѣланныхъ выданныхъ гроби съ тѣлами святыхъ, умножили во мнѣ священное почитаніе къ мѣсту, и наводили какое-то невообразимое удовольствіе. Нетлѣніе, нагримѣръ, избѣннаго отъ Ирода младенца—котораго тела я не видалъ, но видѣлъ ящикъ, довольно высоко прибитый къ стѣнѣ, увѣряло меня въ истинѣ происшествія сихъ временъ, и въ неправости дѣяній сего іудейскаго владѣтеля, котораго вѣра проклинается, а исторія чтить великимъ и проч.. Мое тогдашнее понятіе покоилось на конѣ вѣры, и не знало, что міръ сей для человѣка есть лабиринтъ и заплата.

Въ Кіевѣ прожили мы недѣли съ двѣ, въ теченіе которыхъ пресвященный священнодѣйствовалъ во многихъ монастыряхъ. Кіевскій митрополитъ, Арсеній Мотиланскій, принялъ нашего іерарха въ своемъ міско-софійскомъ архіерейскомъ домѣ и устроилъ обѣденнымъ столомъ.

Прочіихъ монастырей начальники принимали сѣйскаго первосвященника *) съ всевозможною почестью, и съ обыкновенною въ системѣ дуковенства униженностію. Можно сказать, что сіе, угражающее столицу благочестія, общество умѣетъ поняти

*) Тогда малороссійскіе монастыри владѣли еще деревнями. Г. Д.

свѣтъ іерарховъ. А въ Золотоверховскомъ Михайловскомъ монастырѣ прожилъ преосвященный нѣсколько дней съ ряду со всѣмъ штатомъ, въ воспоминаніе проведенныхъ въ семъ монастырѣ юностиныхъ своихъ лѣтъ, въ должности писаря, кривошеица, — пѣвчаго — и канонархисгра. Архимандритъ сего монастыря Θεовитъ Мачульскій, давно преосвященному знакомый, знающій земли и счастливыхъ качествъ, принялъ преосвященнаго дружески и угостилъ войскъ*).

Кіевскій губернаторъ Воейковъ далъ для преосвященнаго обѣденный столъ.

Въ бытность архіерея въ братскомъ училищномъ монастырѣ, обступили его учителя академическихъ классовъ и, между многими задачами, сдѣлали вопросъ: «если бы урокъ или жидъ тонулъ вмѣстѣ съ христианиномъ, то котораго изъ нихъ скорѣе должно спасать?» Архіерей отвѣчалъ: «котораго попадо». Каждый на этотъ отвѣтъ сдѣлалъ свое движеніе, вошли разныя мнѣнія, и разныя толки, потому что не имѣли лучшаго дѣла. А архіерей, между тѣмъ, потребовалъ академическаго журнала того года, въ которомъ обучался поэзи, и нашелъ въ немъ отмѣтку, сдѣланную рукою учителя Карпинскаго, которая не одобряла учителя Флоринскаго, и удерживала въ томъ же классѣ еще на одинъ срокъ, какъ таково ученика, который худо учился.

Архіерей, подзававъ къ себѣ архимандрита Карпинскаго, показалъ ему шайкею худое о себѣ свидѣтельство; архимандритъ побраснѣлъ, а архіерей дополнилъ: «ложная ваша отмѣтка опорочила весь академическій журналъ; однакожъ я не истреблю ее теперь. Пусть она служитъ свидѣтельствомъ вашей слабости». О сей отмѣткѣ, поглѣ уже чрезъ нѣсколько лѣтъ, случилось мнѣ слышать отъ самаго преосвященнаго обстоятельнѣе слѣдующее:

«Архимандритъ Карпинскій, — говорилъ преосвященный, — будучи въ кіевскихъ школахъ учителемъ пятинескаго класса, при выпускѣ изъ оныхъ въ высшій классъ учениковъ, въ числѣ которыхъ и я находился, неудостоялъ меня высшаго класса, мста за то, что я, когда-то проходя мимо его, и не примѣтя его,

*) Сей архимандритъ былъ потомъ архіереемъ сѣвскимъ и наконецъ бѣлоградскимъ. Имя его есть въ печатномъ словарѣ.

не снялъ шапки; почему и принужденъ я былъ пробыть въ повзѣн до будущаго перевода, при которомъ, — продолжалъ преосвященный — отомстилъ я въ свою очередь своему учителю; ибо когда онъ отмѣтилъ меня достойнымъ, то я противъ того объявилъ, что я, со всею моею прилежностію, худо научился подъ руководствомъ моего учителя, хотя онъ меня и аттестуетъ, почему и продолжалъ ученіе въ повзѣн третій срокъ, въ противность одобренія меня моимъ учителемъ. По сей-то причинѣ, — заключилъ учащій: «не воздавать зла за зло, ни досажденія за досажденіе», памятна мнѣ та отмѣтка, которую я, въ глазахъ Карпинскаго, во искушеніи былъ выдрать изъ книги».

Нѣтъ сомнѣнія; что такое неугомонное свойство основывается не на слабой памяти и не на добромъ сердцѣ; но объ этомъ не умѣю какъ сказать, что преосвященный всегда, и даже въ самомъ священнодѣйствіи обыкновенно доходилъ до такого поворота, что иному изъ окружающихъ его подчиненныхъ или сослужащихъ, трикирїями *), — бороду подождотъ, иному клокъ волосъ вырветъ, иному кулакомъ дастъ въ зубы, иного пхнетъ ногою въ брюхо. Все сіе дѣлаетъ онъ при чрезвычайномъ на всю церковь крикѣ браними словами, гдѣ бы то ни было, въ алтарѣ или среди церкви, а особливо въ ту пору, когда его облачаютъ въ священныя одежды. Можно сказать, что онъ тогда похожъ бываетъ на храбраго воина, отбивающагося отъ окружившихъ его непріятелей.

Кіевскіе священнослужители, яко не его подчиненные, хотя свободны были отъ такихъ его наглостей, однакожъ необходимовенное позорище, а иногда и касавшееся ихъ ругательство въ мѣстахъ богопочитанія, показалось имъ ужаснымъ, такъ, что они уже въ слѣдующіе дни не хотѣли съ нимъ священнодѣйствовать, почему митрополитъ Кіевскій имѣлъ необходимость употребить всю свою кротость на соглашеніе ихъ къ священнодѣйствію съ нашимъ архіереемъ.

Каково оно ни есть, хорошо или худо, я пишу истину. «Изъ пѣсни слова не выкинешь!» Умудрись-же, это мастеръ, трафить въ любовь къ такому владыкѣ!

Тако, сѣвскія церкви смиренный епископъ, показавши въ

*) Трикирїями называются подсвѣчники, которыми архіереи осѣняютъ въ церкви предстоящихъ.

богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ душевныя и тѣлесныя свои дарованія, отбыль, по обыкновенномъ со всѣмъ начальнымъ духовенствомъ и съ губернаторомъ прощанья, изъ Кіева, и прибыль въ Сѣвскъ около 10 іюня (1768 г.).

§ XI.

Пробываніе въ Сѣвскѣ, и возложеніе на меня новой должности.

По прибытіи въ Сѣвскъ отдѣлилъ преосвященный отъ консисторіи производство ставленическихъ дѣлъ *), учредилъ особую для нихъ контору, назвалъ ее: «Ставленческою конторою», велѣлъ въ ней присутствовать ризничему, а письмоводителемъ быть мнѣ. Предписалъ своеручно брать со всякаго производящагося въ пошы—за производство дѣла, за выучку катихизиса, за бумагу, за письмо и проч. 7 руб., съ дьякона 5 руб., а съ посвящаемыхъ въ стихарь 3 руб. 50 в. съ тѣмъ, чтобы чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ собранную сумму раздѣлять на всѣхъ нѣвчихъ. Сіе собственноручное предписаніе прибито въ ставленической конторѣ на стѣнѣ, для свѣдѣнія и исполненія. Такое учрежденіе, какъ онъ самъ говаривалъ, «казалось ему безгрѣшнымъ, поелюку оно малою цѣною освобождало просителей отъ тяжкихъ, издревле введенныхъ взятковъ, а наиболѣе обыкновенныхъ по консисторіи: что самое и побудило его отдѣлить отъ оной ставленическія дѣла». Но онъ пропустилъ замѣтить, что большія взятки не видны, ежели они берутся безъ предписанія, а предписаніе меньшихъ, есть уже преступленіе противъ закона государыни императрицы, благоволившей для содержанія духовныхъ сдѣлать достаточное штатное положеніе.

Всѣхъ кандидатовъ на священство и діаконство поручилъ обучать катихизису консисторскому члену крестовому іеромонаху Иринарху—который былъ человекъ съ латынью,—и брать съ нихъ въ кружку вышеопредѣленное число денегъ, а мнѣ поручилъ всѣхъ стихарныхъ свидѣтельствовать въ чтеніи, писаніи, знаніи церковнаго устава и катихизиса, и сіе свидѣтельство подписывать на дѣлѣ, которое свидѣтельство было удостоеніемъ ихъ въ посвященію въ стихарь; буде же бы который изъ нихъ не заслуживалъ еще такового одобренія, тотъ доучивался въ

*) Ставленниками при архіерейскихъ домахъ называются тѣ просители, которые производятся къ церквамъ, во священно и церковно-служители. Г. Д.

опредѣленной на то ставленической школь; при засвидѣтельствваніи же долженъ мнѣ быть каждый положить, по предписанію, въ общую кружку 3 р. 50 к., а чѣмъ скорѣе кто хотѣлъ засвидѣствованія, тѣмъ меньше жалѣлъ прибавки для меня сверхъ кружки, почему и былъ я въ состояніи получше другихъ одѣться, имѣть порядочное бѣлье, и побольше денегъ, нежели кто получаетъ изъ кружки. Хотя преосвященный мнѣ этого и не предписывалъ, однакожъ подавъ случай догадаться, какъ употребить благотворительную его довѣренность. Догадка моя не основывалась на строгой добродѣтели, но на подражаніи людямъ, слывающимъ большею частію честными и расторопными, а притомъ, сама скромность требовала избѣгать честолюбія, чтобъ не прославляли меня слишкомъ добродѣтельнымъ.

Новое сіе введеніе родило во всемъ архіерейскомъ штатѣ, а особливо въ консисторскомъ секретарѣ и приказныхъ, жестокое противъ архіерея негодованіе, а противъ меня самую ядовитую зависть.

Какія изъ сего вышли слѣдствія, сказано будетъ ниже въ 1770 году, а теперъ, не прерывая времени, скажу, что въ зиму сего года угодно было преосвященному приняться самому по вечерамъ и по утрамъ учить меня, своего келейнаго, и еще двухъ пѣвчихъ латинскому языку и ариметики. Я увѣренъ будучи, что ученіе его не легко достанется, ускорилъ сискать для ариметики изъ города Бушца, который былъ прежде у винаго отступщика повѣреннымъ и бухгалтеромъ, но за пьянство лишенъ сего достоинства, и держалъ его на своемъ винѣ, пока узналъ, какъ считать, слагать, вычислять, умножать и раздѣлять.

Будучи подъ его руководствомъ, являлся я всегда къ преосвященному съ исправными рѣшеніями на заданные уроки, а бѣдники, мои соученики, всегда являлись на ученіе подставляя архи-учителю руки, для битья по нимъ деревянною лопаткою, называсмою на духовномъ языкѣ, въ именительномъ смыслѣ, палка.

Какъ нѣкогда архіерей представлялъ меня имъ образцомъ, то одинъ изъ нихъ во оправданіе свое донесъ, что я имѣю особаго для ариметики учителя, но за это архіерей меня похва-

лгь, принявъ содержаніе учителя за доказательство моеѣ охотѣ и прилежности къ наукѣ.

Когда дошли мы, т.-е. одинъ я,—до извлеченія радикса квадратнаго и кубическаго, то архіерей для лучшаго намъ понятія ставилъ на столъ деревянную кубическую вершка въ два фигуру, сдѣланную нарочно на сей случай, но фигура наша имѣла почти совсѣмъ другое употребленіе, нежели для чего была сдѣлана. Архіерей часто бросалъ ее черезъ столъ по лбамъ, по головамъ непонятныхъ учениковъ, которые должны были всѣ разомъ за нею бросаться подъ стулья, подъ канаве, подъ столики, если она туда закатится, и паки подавать ее архи-учителю. Посему, извлеченіе нашего радикса похоже было нѣсколько на игру въ мячикъ.

По первому зимнему пути, послѣдовалъ походъ намъ въ городъ Рыльскъ, Бѣлополье, въ мѣстечко Михайловку, и въ протія по сему тракту лучшія селенія «для осмотра благочинія», къ наблюденію котораго обязаны пастыри данными имъ отъ синода правилами, коими велѣно имъ каждые три года посѣщать единожды свою епархію, обозрѣвать: «како пребываютъ братія». Снять имъ сѣмъ евангельскаго ученія, и утверждать въ единоврїи; явить имъ собою правило вѣры, образъ кротости, воздержаніе учителя, и проч.: все это сдѣлать во столько времени, сколько онаго станетъ на то, чтобъ захватить имъ въ лучшіе монастыри и дома, поповоиться и попить, а не рѣдко получить и подарки.

Въ Рыльскѣ преосвященный говорилъ свои поученія къ народу, наполненныя гоненіемъ на старовѣровъ, и жаркимъ доказательствомъ ихъ заблужденія. А какъ сей старой вѣры держался одинъ изъ дворянъ, оберъ-офицеръ въ отставкѣ, Сисой Воропановъ, то преосвященный стоѣ ярко на него наступилъ, что принудилъ его торжественно въ церкви «проклясть и анаемѣ предать» всѣ старообрядческіе толки, и раскольникамъ не покровительствовать. Кушцы, выслушавъ съ христіанскимъ терпѣніемъ архіерейскую, въ сильныхъ выраженіяхъ, проповѣдь, и угостя его жирными своими обѣдами, пивами, медами и добрыми наливками, остались по прежнему при старой вѣрѣ и при своихъ промыслахъ. А ревностный свой подвигъ архіерей на послѣдокъ увѣнчалъ обрѣзаніемъ бороды Воропанова; но какъ,

и не желаю имѣть случая выбить изъ себя порядка и чистоты парижской. При такихъ моихъ обстоятельствахъ нужна мнѣ твоя служба, которую прими ты на нынѣшній только день вмѣсто моего велейнаго. Я надѣюсь, что ты и въ оемъ случаѣ не меньше мнѣ угодишь, сколько я былъ тобою до нынѣ доволенъ».

Я отвѣтствовалъ, что «всѣми силами стараться буду угодить вашему преосвященству; прошу только милостиво перенести, если я по неопытности моей къ теперешней должности, и по краткости времени,—ибо былъ ужъ 9-й поутру часъ—въ чемъ-нибудь проступлюсь противъ правилъ порядка и чистоты парижской».

Архіерей при семъ всхотнулъ — можно сказать — противъ природы; ибо онъ не былъ сотворенъ къ искреннимъ веселостямъ и смѣяться не умѣлъ.

— «Нѣтъ, мой другъ, сказалъ онъ, я теперь отъ тебя требую одного только твоего усердія».

Потомъ, взявъ меня за руку, привелъ въ свой кабинетъ, поручилъ шеагъ съ серебромъ и комодъ съ бѣльемъ, принадлежащимъ къ столу.

Когда преосвященный пошелъ въ публичной церемоніи въ церковь на служеніе, то я, именемъ его, потребовалъ отъ консistorіи запискою двухъ канцеляристовъ, страпчаго, двухъ подканцеляристовъ и двухъ кошистовъ. Каждому опредѣлилъ должности: одному поручилъ подъ счетомъ серебро, другому бѣлье, третьему стекло.

Страпчему, какъ блюстителю интереса, приказалъ быть въ кухнѣ, чтобъ еушанье отпускаемо было на столъ, подъ собственнымъ его присмотромъ и наблюденіемъ, дабы, паче чаянія, иное блюдо не зашло, вмѣсто архіерейскаго стола, къ какому-нибудь старцу въ келью по прежнему обыкновенію, которымъ и мнѣ пользоваться случалось, а остающееся отъ стола относилось бы въ опредѣленный на то покой.

Буфетъ принялъ я на себя. Потребовалъ отъ ключника по нѣскольку бутылокъ всѣхъ напитковъ, какія въ погребу имѣлись, давъ ему на то реестръ. Остальнымъ приказнымъ приказалъ быть у перемѣны тарелокъ съ помощью гостинныхъ слугъ.

Сей новый штатъ учредилъ я по той нуждѣ, что комплектъ

слугъ преосвященнаго состоялъ изъ одного молодого пьянаго келейнаго, одного изъ пѣвчихъ малолѣтнаго, отправляющаго должность ординарца, одного ключника и двухъ истопниковъ.

До возвращенія изъ церкви, столъ былъ накрытъ въ залѣ, а въ гостинной набрана закуска. За столомъ кушали персонъ до 50. Изъ знатнѣйшихъ, кромѣ духовныхъ—были госпожа полная генеральша Катерина Григорьевна Племянникова, рожденная графиня Чернышова съ дочерью и внучкою, и прочими господами и барышнями, изъ мужчинъ были воинскіе, штатскіе и гражданство.

Въ продолженіе стола, сталъ я по правую сторону вресель архіерейскихъ, гордясь представленіемъ изъ себя перваго архіерейскаго служителя. Г-жа генеральша молвила за столомъ: «я у васъ вижу, преосвященный, новаго дворецкаго». Архіерей отвѣтствовалъ: «да, можетъ быть онъ заступитъ это мѣсто». Ея превосходительство, смотря на меня, примолвила: «благородное лицо»; дамы, услыша о благородномъ лицѣ, кинули на меня благородныя взгляды. Я простоялъ нѣсколько на семь смотрѣ; но дабы болѣе не краснѣть, ускори́лъ пойти отъ стола, для отправленія по должности своихъ гостей.

Понѣже я въ наложенномъ на меня теперешнемъ званіи былъ не опытенъ, то отозвавши въ буфетъ воеводскаго лакея, на знаніе котораго могъ я понадѣяться, потому что господинъ его на столы былъ великой щеголь *), и почествовавши виномъ, спросилъ: «за что мнѣ приниматься, когда встанутъ изъ-за стола?» Онъ меня наставилъ, что «послѣ обѣда пьютъ кофій и проч. и проч., но прежде всего надобно набрать въ гостинной десертъ», заключилъ добрый рабъ и побѣжалъ.

Не мало мнѣ стоило труда узнать и отыскать архіерейскій кофій, а занять было не у кого, въ російскихъ монастыряхъ не во употребленіи. А домъ архіерейскій, не что иное какъ монастырь. Служители, собранные мною для открытія кофія, согласно показали, что кофій есть, но гдѣ онъ хранится, долженъ знать келейный Васильевъ, для поиска котораго отправлены были нарочные; но только что онъ появился въ буфетъ, тотчасъ и бросился на рюмки стоявшія на подносѣ, какъ желѣзо на магнитъ. А

*) Новгородскій помѣщикъ Иванъ Осевичъ Пустошкинъ.

какъ онъ сильно уже былъ намагниченъ, то сброся ихъ съ подноса на столъ, почти всѣхъ ихъ ранилъ, нѣкоторыхъ разогналъ по столу, въ полонъ ни одна не досталась, потому что всѣ были порожни; за что я, — возбужденъ будучи тогдашними суетами, бросаясь часто самъ по всѣмъ рядамъ, и находя на всѣхъ почти пунетахъ безтолковщину, — далъ ему сгоряча самую сильную подщочину, на основаніи воинскаго права: «кто пьянъ, тотъ дважды виноватъ».

Между тѣмъ, кофій сысванъ и изготовленъ вышеупомянутымъ моимъ менторомъ, воеводскимъ человѣкомъ.

По окончаніи стола, свѣтскія госпожи вскорѣ развѣхались по домамъ, а преосвященный, оставшись со своими домашними и съ пріѣзжими гостями, какъ время сближалось къ вечеру, отдалъ приказъ подавать горячій пуншъ.

Въ продолженіе попойки, при свѣчахъ, преосвященный сдѣлалъ мнѣ милостивое предложеніе: «не хочу-ль я опредѣлиться въ консисторію копіистомъ?»

Но, какъ говорится, «другое время, другія и мысли», что самое и со мною случилось. Еслибы званіе консисторскаго копіиста, предложено мнѣ было при вступленіи въ домъ архіерейскій, я охотно бы его принялъ; а въ настоящемъ моемъ положеніи казалось мнѣ, какъ будто меня жалуютъ алтыномъ въ такую пору, когда я не нуждаюсь въ рублѣ. Итакъ, когда я объявилъ мое нежеланіе на предложенную милость, архіерей разсудилъ за благо приняться доказывать мнѣ, при помощи нунна, многія преимущества сопряженныя съ достоинствомъ копіиста. Убѣдительныя его доказательства, столько во мнѣ подвѣствовали, «какъ горохомъ объ стѣну».

Подобасть вѣдати, что будучи я взятъ въ услуги его преосвященства на одинъ только день, продолжалъ оныя чрезъ всѣ дни пированія.

§ XIII.

Продолженіе и періодъ имянинъ.

Оставшіеся съ архіереемъ духовные гости, изъ которыхъ первые были: рыльскій архимандритъ Іакинфъ Карпинскій, пугивльскій игуменъ Мануиль Левицкій, брянскій игуменъ Тихонъ Забѣла, чолпскій игуменъ Антоній Балабуха, брянскій протопопъ Василій Константиновъ и проч., принуждены были нѣсколько

сутовъ съ ряду, торжествовать день тезоимянитства своего архипастыря, такъ что по неволѣ были совершенно духовными, ибо тѣлесныя ихъ лица потеряли образъ свой и подобіе, кромѣ архимандрита Карпинскаго, который по натурѣ не могъ ничего пить кромѣ чаю и чистой воды.

Всякое дѣло имѣеть свои послѣдствіи: нѣкоторые изъ гостей заболѣли обыкновенными послѣ такихъ трудовъ припадками, и съ изнеможенными чувствами разлѣхались по домамъ. Но игумень и протопопъ брянскіе дорожке заплатили за иманины. Первый, отправившись въ свой монастырь, почувствовалъ на пути водяную болѣзнь, къ которой онъ былъ почти по природѣ склоненъ, и которую противъ воли раздражилъ и ускорилъ напитками и бессонницею, не въ правѣ будучи выступать изъ шеренги командуемой архипастыремъ; мѣсяца чрезъ четыре полученъ рапортъ, что его преподобіе отправился въ царство безсмертныхъ.

Второй—получилъ горячку, и въ безпамятствѣ забѣжалъ на архіерейскую конюшню; тамъ встрѣтился онъ съ бывшимъ въ числѣ гостей, малорослымъ изъ города Карачева священникомъ Осипомъ Соколовымъ. Соколовъ счелъ, что протопопъ «по дѣйству дѣволу съ ума сошолъ». Началъ увѣщевать его отъ санія, и читать заклинательныя молитвы, дабы отступилъ отъ него злой духъ, который, по словамъ Соколова, «вогнѣздился въ протопопа». Но какъ сія операція ничего путнаго не произвела, кромѣ что протопопъ изрѣдка тихонько вскрикивалъ: «архипастырь Божій! помилуй! Я пить не хочу!» то благоговѣйный Соколовъ, взнесъ сіе дѣло къ архіерею на благоразсмотрѣніе и коль-скоро вступилъ въ келью и сталъ передъ архіереемъ, тотъ-часъ сдѣлалъ руки, вздернулъ плечыи, и подпустивъ глаза подъ лобъ, вѣщалъ: «вотъ до чего, владыко святой, науки доводятъ человѣка! Отецъ протопопъ брянскій, не возмощи ихъ вмѣстити во главу свою, изступи ума, и не вѣсть что глаголетъ, являясь яко неистовъ». «Да не сошолъ-ли ты самъ съ ума?» спросилъ его архіерей, потомъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «поди съ лѣбаремъ посмотри, что сдѣлалось протопопу?»

Мы нашли его стоящаго въ стойлѣ подлѣ конскихъ яслей. Волосы у него висѣли равномерно на всѣ стороны, губы сдѣ-

зались темновишневыми, и когда лѣварь просилъ его показать языкъ, то онъ отвѣтствовалъ: «нѣтъ-нѣтъ, господа келейники, не удастся вамъ меня запойть». Мы тотъ часъ приказали отвести его для пользованія на квартиру въ архіерейской сестрѣ, жившей на братнемъ содержаніи, гдѣ, когда лѣварь хотѣлъ ему дать холодительный порошокъ, то больной нашъ вскричалъ: «вино-вино-вино!»

Лѣварь Павелъ Ивановичъ Виць не пропустилъ увѣрять его дружески, что это не вино, а холодительный порошокъ, который нужно ему принять по науцѣ медицины теорической и практической, дабы неопустить себя до обдирукціи альвы, и внутренней гангрены. «Сіе средство — продолжалъ лѣварь — употребляемъ мы упредительно кровоусканію и вивекаторіямъ; ибо теперь у васъ засорившіеся нервы, не имѣютъ надлежащей циркуляціи сангвинисъ, отчего и біеніе пульса у васъ не порядочно». Послѣ сей рѣчи, имѣли мы нужду отца протопопа придержать, и влить въ него насильно красной порошокъ съ водою, на тотъ манеръ, какъ постушаютъ коновалы съ лошадьми.

Протопопъ оздоровѣлъ и уѣхалъ во свое жилище. А между тѣмъ какъ всѣ гости, или лучше сказать страдалцы, разѣзжались, какъ игумень былъ въ водяной болѣвани, протопопъ въ горячѣхъ, а Соколовъ читалъ заклинательныя молитвы, келейный Васильевъ принесъ на меня жалобу, за вышесказанную данную ему отъ меня подщочину. За что преосвященный сильно на меня вознегодовалъ, и жалуюсь мнѣ прежде на пьянство своего келейнаго, теперь какъ будто предпринялъ защищать оное. Въ заключеніе же своего гнѣва, приказалъ, чтобъ я заплатилъ келейному его Васильеву рубль. Очень ясно, что онъ все сіе дѣло, состоящее въ трехъ канцеляріяхъ, то-есть, въ его гнѣвѣ, въ безпутствѣ келейнаго, и въ подщочинѣ, оцѣнилъ не дороже рубля. Симъ кончилось временное мое служеніе, и я обратился къ первымъ должностямъ.

§ XIV.

Путешествіе въ Кромы и Орелъ и возвращеніе.

Отдохнувши отъ тезоимянитства, двинулись «осмотрѣть благочинія» чрезъ Кромы въ Орелъ въ мартъ мѣсяцѣ.

Въ городѣ Кромахъ, лишь только вступилъ преосвященный въ соборную церковь, тотчасъ обратилъ свое вниманіе на рѣз-

ную женскую статую, вырѣзанную въ ростъ не малорослой женщины, и въ подобіе поселяноу тамопшняго уѣзда, которую Кромскіе жители называли святою пятницею; велѣлъ ее тогда же принять, обшить въ рогожку и поставить подъ колокольню за замокъ на вѣчныя времена.

Народъ жалѣлъ о пятницѣ *), проклиналъ архіерея: архіерей увѣренъ былъ и увѣрялъ, что онъ избавилъ народъ отъ сѣвѣрія. Смѣясь же, — не знаю къ стати ли, — слѣпой народной привязанности къ дереву, приказалъ своему подьяку Петру Максиму цѣловать зашитую въ рогожку статую пятницы, когда ее выносили изъ церкви. Бѣдный Максимовъ въскорѣ послѣ сего заболѣлъ простудною горячкою и бывши потревоженъ перѣздомъ чрезъ 30 верстъ въ сырую и холодную погоду изъ Кромъ въ Орель, умеръ тамъ, на 24-мъ году отъ рожденія. Онъ одинъ былъ сынъ у матери, и архіерей объ немъ жалѣлъ; я плакалъ, а Кромскіе жители, узнавъ о его смерти, — причли смерть его цѣлованію пятницы.

Вѣздъ преосвященнаго въ Орель ознаменованъ былъ по всѣмъ церквамъ колокольнымъ звономъ. При каждой проѣзжаемой церкви, священство было въ ризахъ со крестами, дьяконы въ стихаряхъ съ вадилами, дьячки и пономари со святою водою въ чашѣ, со свѣчами въ подсвѣчникахъ. Народъ — по улицамъ, народъ — по заборамъ, и по всѣмъ возвышеніямъ, гдѣ только можно пристать и удержаться. А въ богоявленской церкви, въ которую было ожидаемо вшествіе преосвященнаго, набилось всякаго чина и званія, пола и возраста православныхъ христіянъ такъ плотно, какъ въ Ригѣ на корабляхъ укладываютъ мачты.

По выходѣ изъ церкви, поздравляли пастыря съ приѣздомъ градоначальникъ со всѣми чиновниками. На завтрѣ, все духовенство и купечество, — вчерашніе поздравители, — это было въ 1-мъ часу пополудни, пили у насъ водку, ѣли хлѣбъ, икру, семгу, голандскія сельди, сыръ и проч. Севоднѣшніе — нанесли намъ хлѣбовъ, сахару, чаю, кофію, лимоновъ, рыбы, и проч....

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Городъ Кромъ состоялъ изъ однодворцовъ, и былъ не лучше обыкновенной деревни, въ которой живутъ, обыкновенно, хлѣбопашцы. Г. Д.

ПОДШИПА,
ШУТО-ТРАГЕДІЯ,

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА КРЫЛОВА.

1800 ГОДА

ВЪ СЕЛѢ КАЗАЦКОМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Царь Вакула.

Царевна Подщипа, его дочь.

Трумфъ, нѣмецкій принцъ.

Слюняй князь, женихъ Подщипы.

Дурдуранъ, гофмаршалъ двора царя Вакулы.

Чернавка, наперсница Подщипы.

Пажъ царя Вакулы.

Цыганка.

Бояре, члены Совѣта царя Вакулы.

Настоящий списокъ „Подщины“ или „Трумфа“ сдѣланъ мною съ рукописи, доставленной академику Я. К. Гроту Леонидомъ Михайловичемъ Лобановымъ, сыномъ сослуживца и пріятеля Крылова. Михаила Евстафьевича, автора извѣстной біографической статьи: „Жизнь и сочиненія И. А. Крылова“. Спб. 1847 г.

Рукопись эта написана неизвѣстною рукою, не писарскою, со множествомъ поправокъ, изъ коихъ многія несомнѣнно принадлежатъ Крылову; на заглавномъ листѣ находится свидѣтельство о времени сочиненія пьесы: „Сочинена въ Казацкомъ въ 1800 г.“ *). Помѣщенные въ концѣ настоящаго изданія шуто-трагедіи Крылова варианты извлечены мною изъ двухъ рукописей**), найденныхъ Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина, и изъ берлинскаго, вѣсти сказать, весьма плохаго изданія „Трумфа“ 1859 года. Обѣ Державинскія рукописи написаны писарскою рукою и обѣ не полны; въ одной изъ нихъ, видимо старѣйшей, находимъ въ одномъ мѣстѣ незначительную поправку, сдѣланную рукою Крылова. Что же касается до берлинскаго изданія, то оно отличается такою же чрезвычайно неточностію и множествомъ совершенно произвольныхъ искаженій (см. ниже приложеніе), какія обыкновенно встрѣчаются въ позднѣйшихъ спискахъ „Трумфа“ ***); многочисленность ихъ доказываетъ, что эта пьеса Крылова была весьма распространена въ публикѣ и возбуждала ея интересъ.

Это оригинальное произведеніе нашего баснописца впервые является въ русской, не-заграничной, печати. Первые издатели полнаго собранія сочиненій И. А. Крылова не внесли его въ свое изданіе, потому что нашли это невозможнымъ; но что именно казалось имъ предосудительнымъ въ этой пьесѣ, не объяснено. Полагаютъ обыкновенно, что „Трумфъ“ составляетъ сатиру на время 1796—1801 годовъ; но гдѣ точки соприкосновенія между событіями этой эпохи и событіями, изложенными въ пьесѣ? гдѣ указанія на дѣятелей того времени и на самый ея характеръ,—преданіе о томъ умалчиваетъ. Преданіе однако утвердилось, и заграничная русская пресса еще 11 лѣтъ тому назадъ обратила вниманіе на „Трумфа“. По нашему мнѣнію, она оказала, въ этомъ случаѣ, медвѣжью услугу: послѣ берлинскаго изданія „Трумфъ“, сколько извѣстно, никогда не подвергавшійся запрещенію, сталъ какъ бы запретнымъ плодомъ. Не будь этого предвзятаго взгляда, „Трумфъ“ сдѣлался бы такимъ же общимъ достояніемъ, какъ

*) Казацкое—Кіевское богатое мнѣніе князя С. Ѳ. Голицына. Здѣсь Крыловъ провелъ нѣсколько лѣтъ, именно съ 1797 года до весны 1801 г., въ качествѣ пріятнаго собесѣдника весьма расположеннаго къ нему князя Голицына, частію въ должности учителя его дѣтей. См. прекрасную статью академика Я. К. Грота о Крыловѣ въ «Сборникѣ статей» рус. отд. акад. наукъ, 1869 г. т. VI, стр. 34, 38 и друг. Ред.

**) Въ обѣихъ рукописяхъ Державина пьеса названа по имени героини «Подщина»; точно также названа она въ Лобановской рукописи. В. К.

***) Однѣ изъ такихъ списковъ, весьма сходный съ берлинскимъ изданіемъ 1859 года, былъ доставленъ намъ отставнымъ капитаномъ 1-го ранга Петромъ Васильевичемъ Окопишинымъ. В. К.

Въ нашей бібліотекѣ также есть списокъ «Трумфа» — поступившій къ намъ изъ собранія бумагъ, сколько помню, А. Н. Креницына. Ред.

„Почта Духовъ“, „Кайбъ“ и множество басенъ, которыя такъ же чуть-было не подверглись запрещенію, но были спасены покойнымъ генераломъ Дупельтомъ*). Въ этомъ можно быть увѣрену, потому что въ Подщипѣ, въ Слюняѣ, въ Дурдурянѣ—героиняхъ и герояхъ шуто-трагедіи—весьма трудно отыскать что либо русское, а скардство двора Вакулы прямо противорѣчитъ обычаямъ Петербургскаго двора, который въ прошломъ столѣтіи такъ часто подвергался упрекамъ въ роскоши.

Нѣкоторые же старики даютъ „Трумфу“ другое объясненіе: въ Вакулѣ они видятъ австрійскаго императора Франца I; въ Подщипѣ—его дочь Марию-Луизу, впоследствии супругу Наполеона, но прежде обѣщанную какому-то нѣмецкому принцу, представленному въ лицѣ Слюняя; царскій совѣтъ долженъ представлять знаменитый гофъ-кригсъ-ратъ, а Трумфъ—самого Наполеона. Но и это объясненіе нельзя почесть достойнымъ вѣроятія, потому что, какъ извѣстно, событія, на которыя оно намекаетъ, совершились позже сочиненія пьесы, да и самая ея развязка не согласуется съ ними.

Не правильнѣе ли будетъ предположить, что „Трумфъ“ есть просто пародія на классическую трагедію, господствовавшую на нашей сценѣ въ эпоху его появленія?

В. О. Кожаничъ.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ этой замѣткѣ напомнимъ, что, по свидѣтельству Я. К. Грота, шуто-трагедія Крылова была играна въ эпоху ея созданія въ томъ же селѣ Казацкомъ, гдѣ она и появилась на свѣтъ. Самъ авторъ, весьма талантливый актеръ, игралъ роль Трумфа; роль цыганки онъ нарочно придумалъ для любимой имъ 13-ти-лѣтней ученицы, Маріи Павловны Сумароковой. Многіе годы спустя, Крыловъ рассказывалъ своему сослуживцу, Мих. Евст. Лобанову, что „Трумфъ“ написанъ имъ въ самомъ юмористическомъ расположеніи духа, въ отвѣтъ на приглашеніе радушнаго хозяина села Казацкаго, приглашеніе, обращенное ко всѣмъ молодымъ людямъ бывшимъ въ его домѣ,—выдумывать всевозможныя забавы и потѣхи. При чтеніи „Трумфа“—говорилъ Крыловъ—всѣ помирали со смѣху. „Это самое—весьма справедливо замѣчаетъ Лобановъ: повторяется и теперь со всякимъ, въ первый разъ читающимъ эту пьесу. „Трумфъ“—говоритъ биографъ Крылова:—шалость, проказы таланта. Но разыщатъ въ шутовской пьесѣ столько веселости, столько остроты и сатирическаго духа—могъ одинъ Крыловъ! И въ русской словесности нѣтъ ничего подобнаго. Созданія характеровъ Вакулы, Подщипы и Слюняя суть созданія каррикатурно-геніальныя!“ („Жизнь и соч. И. А. Крылова, соч. академика Мих. Лобанова. Спб. 1847 г. стр. 24—30). Ред.

*) Въ 1849 или 1850 году, когда строгости цензуры дошли до того, что не только прописи, но даже транспаранты печатались съ разрѣшенія цензора, въ Петербургѣ рассказывали, будто цензоръ запретилъ печатать всѣ тѣ басни, въ которыхъ львы и орлы выставлены въ неблаговидныхъ положеніяхъ. Дѣло дошло до III отдѣленія; тамъ общее мнѣніе склонилось на сторону цензора; одинъ Дупельтъ рѣшился высказать противное мнѣніе и поддержалъ его тѣмъ доводомъ, что нельзя запрещать печатать то, что знаетъ наявусть вся грамотная Россія.

ПОДЦИПА

шито-трагедія И. А. Крылова.

ДЕЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОДЦИПА И ЧЕРНАВКА.

Чернавка.

Престанете-ль, княжна, крушиться столько вы,
И молодость губить?

Подципа.

Увы! увы!! увы!!!

Чернавка.

Ахъ! сжальтесь надъ собою! и такъ ужъ вы, какъ спичка,
И съ горя въ неглиже, одѣты, какъ чумичка:
Не умываетесь, я чаю, дней вы шесть,
Не чешетесь, ни пить не просите, ни ѣсть.
Склонитесь наконецъ меня, княжна, послушать:
Извольте вы хотя телячью ножку скушать.

Подципа.

Чернавка милая! петиту нѣтъ совсѣмъ:
Ну, что за прибыль ѣсть, коль я безъ вкуса ѣмъ?
Сегодня поутру, и то совсѣмъ безъ смаку,
Насяду съѣсть могла съ сигомъ я кулебяку.
Ахъ! въ горести моей до пищи-ль мнѣ теперь!
Домасть грусть меня, какъ агнца лютый звѣрь.

Чернавна.

Лишь надо мѣру знать. Увы! и я не спору,
 Что много есть для васъ причинъ законныхъ къ горю
 Съ тѣхъ поръ, какъ Трумфъ нѣмчинъ, красой твоей плѣнясь,
 Провлтыхъ свахъ заслалъ и, за отказъ взбѣсясь,
 А болѣе за то, что любишь ты Слюняя,
 Вошелъ войною къ намъ, все грабя и плѣняя;
 Премудрый твой отецъ Вакула, свѣтлый царь,
 Въ Сенатѣ будучи, спускалъ тогда кубарь.
 Когда о близкой толь бѣдѣ ему сказали.
 Всѣ мѣры приняты: указомъ приказали,
 Чтобъ шить на армію фуфайки, сапоги,
 И чтобъ пекли скорѣй къ походу пироги.
 По лавкамъ въ тотъ же часъ за тактикой послали,
 Намазали тупей, подкоски подвязали,
 Изъ старыхъ скатертей надѣлали знамень.
 И цѣлый былъ поставъ блинами завалень.
 Но ахъ! ужъ поздно все! Трумфъ подъ городъ пробрался,
 Какъ вихрь въ поляхъ взвился и въ городъ онъ ворвался.
 Ахъ! сколько видѣла тогда я съ нами бѣдъ!
 У насъ изъ-подъ носу сожралъ онъ нашъ обѣдъ,
 Повыбилъ окна всѣ; изъ нашихъ генераловъ
 Подѣлалъ онъ себѣ конюшихъ, да капраловъ,
 По бѣшенымъ домамъ министровъ рассадилъ,
 Всѣмъ графамъ да князьямъ затылки подобрилъ.
 И ахъ! — какъ не пришибъ его святой Нивола!
 Онъ бѣднаго царя цинкомъ спихнулъ съ престола!
 Что дѣлать въ крайности и гибели такой?
 Вакула наконецъ спастись хотѣлъ тобой
 И нѣмцу вдругъ твою онъ руку предлагаетъ.
 Любовь и звѣрскія сердца превозмогаетъ!
 Согласенъ Трумфъ за то корону возвратить,
 И къ свадьбѣ пиво онъ скорѣй велѣлъ варить.

Подщипа.

А бѣдный князь Слюняй, съ его жестокой страстью,
 Колико пораженъ такою сталъ напастью!
 Увы! изъ дѣтскихъ я къ нему привыкла лѣтъ,
 И съ нимъ завѣтнаго у насъ другъ другу нѣтъ.
 Какъ вспомнить я могу безъ слезъ его всѣ ласки,
 Щипца, пинки, рыбки и самыя потаски!

Дѣлили всё мы съ нимъ забавы межъ собой:
 Катанья въ масляну, качели о святой;
 Другъ безъ друга, увы! мы въ жмурки не играли
 И вмѣстѣ огурцы по огородамъ крали.....
 А нынѣ, ахъ! за весь его любовный жаръ
 Готовится ему несносный столъ ударъ!!

Чернавна.

Не спорю, что его опасно то здоровью:
 Какъ рѣвомъ въ животѣ, онъ мучится любовью;
 Но если спастъ должна ты царство и отца,
 Княжна! поступкомъ симъ ты всё плѣнишь сердца,
 И скажутъ всё, что ты героевъ всёхъ не ниже.

Подципа.

Да, да, рассказывай: рубашка въ тѣлу ближе.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢЖЕ И ДУРДУРАНЪ (съ каплуномъ въ рукахъ).

Дурдуранъ (кланяясь низко).

Княжна! родительскій узнай къ тебѣ приказъ,
 И будь готова ты вѣнчаться черезъ часъ.
 Сейчасъ лишь каплуна я самъ купилъ на рынкѣ
 И нанялъ на вечеръ гудокъ, да двѣ волынки.

Подципа.

Что слышу!... Ой, умру!... ой тошно!... ой животъ!... (Упадаетъ въ кресло).

Чернавна.

Страшусь! она себя съ печали надорветъ!

Дурдуранъ.

Я знаю всей ея великой жертвы цѣну....
 Понюхать бы дала царевнѣ ты хоть хрѣну.

Чернавна.

О бѣдная княжна! злощастная любовь!
 Хотя бь рожечную скорѣй пустить ей кровь.

Дурдуранъ (ощупывая княжну).

Смотри: копна-копной, не можно съ мѣста сдвинуть.
 Не лучше-ль на животъ горшка ей два навинуть?

Подщипа (въсколько одамитовшись).

Гдѣ я?... Скажите мнѣ: теперь ночь или день?

Чернавна (щупая ея голову).

Царевна? что у васъ?

Подщипа.

Вытери, да мигрень.

Дурдуранъ.

Серѣнитесь, о княжна! и давши Трумфу руку....

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ! не вытерплю такую злую муку!

Зарѣжусь, утоплюсь.....

Чернавна.

Опомнитесь, княжна! (Дурдурану).

Ну, если въ подлинну утопится она?

Дурдуранъ.

Царь все предвидѣлъ то, и, страхомъ отчимъ движимъ,
Велѣлъ ей пузыри носить на мѣсто фижемъ,
Чтобъ, если кинется въ рѣку, наверхъ ей всплыть;
А за столомъ велѣлъ лишь жеваннымъ кормить,
Да чтобъ, спустя чулки, ходила безъ подвязокъ....
Но пропадайте вы! Мнѣ съ вами не до сказокъ!
Мнѣ нынѣ случай есть жить весь разумъ мой:
Кухарка, чай, давно въ стирпушьей ждетъ за мной.
А чтобъ гофмаршальскій мой санъ достойно справить,
На кухню каллуна я самъ бѣгу доставить. (Уходитъ).

Подщипа.

Не сонъ ли это все? — Не брежу ль я?....

Чернавна.

Ахъ, нѣтъ!

Но укрѣпись, княжна! се твой женихъ грядетъ!

Подщипа (вставши).

О царскій санъ! ты мнѣ противнѣй горькой рѣдьки!
Почто, увы! не дочь конюшаго я Федьки!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪ ЖЕ И ТРУМФЪ.

Трумфъ.

Старофа ль, анкель мой! прелесна мой вняшонъ!
 Для плапалушна шасъ, кахта мой пудешъ жонъ,
 Мой ноши весь не спить и серса польна спотся;
 Прелесна тфой фигуръ на мой туша шифется.
 Курить-ли трушка мой, — изъ трушка твой пихтишь.
 Или мой кафе пиль, — тфой въ шашечка сидишь;
 Фестъ мой фидить тфой — на поля и на пушка,
 И вочеть аиf ein Mal уфидѣть на патушка,
 Корона, скиптра, тронъ и слафа растъвлять
 И фмѣстѣ на слатѣй изъ пушешка палить.

Подщипа.

Конечно, государь! мнѣ много бѣ было славы!
 Но вспомни, что у насъ совсѣмъ различны нравы:
 Ты любишь устрицы, а я ихъ не терплю;
 Противны слизни вамъ, а я ихъ смерть люблю;
 Привыкъ ты на войнѣ сносить и жаръ и холодъ,
 И къ пищѣ всякой тамъ тебя привадить голодъ;
 А я лишь выборный люблю вездѣ кусокъ:
 Пѣтушка гребешки, у курочки нуножь;
 Ты всяку дрянъ радъ ѣсть, находишь вкусъ въ лягушкахъ,
 А я у матушки взросло лишь на ватрушкахъ;
 Ты храбръ, но съ нѣжностью и вкусомъ не знакомъ,
 И за версту, о князь, воняешь табакомъ.
 Помысли жъ: ваково мнѣ быть твоей женою,
 Подумаи,— государь,— и сядься надо мною.

Трумфъ.

Фай! што тутъ шалиться? намъ путеть жить утѣшна,
 Кахта на цѣпки насъ Амуръ сафяшеть фѣшна:
 Изъ крушешка огна мы путеть пифа пиль,
 Изъ трупошка огна талахъ съ тапой куриль;
 Не путеть мала твой ни домикъ, ни палатка,
 Ни платьиса пахатъ, ни санка, ни лошатка,
 Все это путить даль. Не тушь mein Herz, не тушь!
 Шесна пароль тепѣ: мой путеть топра мушь.

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ, о государь! не льсти себя напрасно!
Боюсь, съ тобою мнѣ супружество ужасно!

Трумфъ.

Пансъ со мной? кафо? — На всѣхъ стрѣлай фелить!
Не пось! не тамъ тебѣ, красафисъ мой, фѣ опить;
На варнафаль къ тебѣ подсунься лишь тѣтинеа,
Мой псарь тотшасъ тафай онъ фухтеля на спинка.
Мой стѣлай, чтобъ никто на твой не смѣлъ влядять,
И въ спална сарска нашъ никто не смѣи кадить:
Ни графа, ни министръ, ни сама генерала,
Отна фельдфебель мой ипд два иль три капрала.

Подщипа.

Я музыку люблю.

Трумфъ.

О мусыкѣ слафна нашъ!
На кларинетъ тебѣ играй а путить маршъ;
Два тонка флейтошка, да тольста два тимпана,
Симфонья на опѣтъ намъ стѣлай съ парапана.

Подщипа.

До танцевъ страстна я.

Трумфъ.

Мой путеть балъ тафаль.
И станеть пилъ тафо, кто не булъ тансофаль.
Мой люпитъ фесель шить: скакать, плясать, рѣсѣиться.
И палькой на дворца сконяить веселиться.
Фикляра, фокуса тебѣ на кашта шась,
Каметья, букла, фсе, фсе путеть пылъ у насъ!

Подщипа.

Я не люблю тебя, мнѣ видъ противень твой!

Трумфъ.

Не люпишь?... Этофа стерпѣлъ не мошна мой!
Противна Трумфъ?... фай, фай! такая поруканья
Тастойна саслунить тепшала навасанья.
Некотна тѣфка! твой противень мой фикуръ,
Кохта сфѣтлѣйша ей принцеса тѣлай куръ!
Мой снаеть все: Слюняй тфой такъ мысли латить;
Но мерска сей рифаль я въ микъ на колъ посатить.

Смотри, я не шути, кохта пуфай сертитъ.
 Люпи мене, коль пилъ не хочеш полна питы!
 Рукаться на мене!... Не тамъ тепѣ поташка;
 Коль быль не хочеш шонъ, такъ мой ты путешъ прашка!

Подципа.

Тиранъ! не устрашишь ты сердце тѣмъ мое:
 Въ моемъ несчастъи мнѣ сносиѣ мнѣ бѣлье,
 Когда бы только князь Слюняй носилъ мнѣ воду,
 Чѣмъ быть супругою столь скверному уроду.

Труифъ.

Der Teuffel!... Я уротъ?... Стерпѣль нѣтъ больше мощь!
 Ну фотъ заплачь са фесь моя любовь!... Карошъ!
 Моляши! на коротъ стѣсь не путеть шифъ ни тушка:
 Сей-шасъ пошельфелѣтъ на фсѣкъ стрѣляй изъ пушка. (Уходитъ).

Подципа.

Ступай, тиранъ! твоихъ я ядеръ не боюсь,
 О князѣ бѣдномъ лишь своимъ слезами льюсь!

ЯВЛЕНИЕ IV.

ПОДЦИПА, ЧЕРНАВКА И СЛЮНЯЙ.

Слюняй (крадется тихонько изъ-за кулисъ).

Князьня! усой, и онъ? Ну, бьять, какой сейдитой?
 Онъ съядитъ хотъ бы съ кѣмъ, хотъ съ куцеиемъ Никитой.
 Пшеестнан! какъ я бойся за тебя,
 Узъ тамъ за двейю я ѣзомъ сзай себя.
 Ну, такъ я думаю: убьеть ее до смейти.
 На-спю побьяи его отсюда цейти!

Подципа.

Чтобъ сдѣлалъ ты, мой князь?

Слюняй.

Ну, такъ бы и завий!
 Безъ миенькой князны куда бъ я годець бий!

Подципа.

Ужели-бъ смѣ мечемъ ты не сразилъ злодѣя?
 Скажи, любезный князь, утѣшь меня скорѣя!

Слюняй.

Да, да! подсунься-ка къ его ты паясу:
Вить деевинную я спагу-то носу.

Чернавля.

Возможно-ль государь?

Слюняй.

А какъ бы ты хотѣя?
Мнѣ матуска носить зеѣзной не веѣя.

Чернавна.

Но еслибъ, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто...

Подщипа.

Чтобъ сдѣлалъ ты тогда?

Слюняй.

А ноги-то на сто?
Не бось, какъ дамъ стѣеца, такъ поминай какъ звал!

Подщипа.

Увы, любезный князь! съ тобою мы пропали.

Слюняй.

Ой! какъ мнѣ быть, какъ ты съ дьогимъ пойдешь къ вѣнцу!
Я такъ юбю тебя... ну пусце еденцу.
Ты знаеся, мияя, моей веикой стѣастыи;
Подумай, какъ бы намъ спастися отъ напасти.
Кой выйдесь за него, — не быть со мной добыю.

Подщипа.

Отъ нажимаціи, одной лишь я умру.
Чернавка милая! бѣги, бѣги скорѣе—
Сказать родителю, что жизнь мнѣ смерти злѣе,
Когда съ Слюняемъ я любезнымъ разлучусь,
Что вѣчно Трумфовой я быть не соглашусь;
Скажи родителю, чтобъ онъ со мной скорѣе
Увидѣлся сей часъ тихонько, хоть въ сараѣ,
Чтобъ намъ придумать, какъ Нѣмчина обмануть
И голову ему, какъ пѣтуху свернуть.
Бѣги, лети къ нему!

Чернавна.

Бѣгу, но все напрасно! (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТЪЖЕ, КРОМЪ ЧЕРНАВКИ.

Подципа.

Тагъ, тагъ! напрасно все! и я то вижу ясно.
 Но есть еще одно прибѣжище у насъ,
 И смерть отъ хищника спасетъ насъ сей же часъ.
 Скажи, мой князь, въ любви ты мнѣ не лицемеришь?

Слюняй.

Хоть пѣсягнуть готовъ! Увѣи ты мнѣ не вѣишь?

Подципа.

Готовъ ли вмѣстѣ ты со мною умереть?

Слюняй.

Позаюй!

Подципа.

Вмѣстѣ намъ пріятна будетъ смерть.
 Пойдемъ же, бросимся сейчасъ стремглавъ въ окошко
 И слоимъ головы. (Тащить его за руку).

Слюняй.

Постой, постой немносько!

Отсей вѣдь высоко. Позаюй бѣсюсь я,
 Но тойко, знаешь сто: изъ низяго зійя.

Подципа.

Я вижу: смерти родъ такой тебѣ ужасенъ.
 Но менѣ-ль, скажи, злодѣи для насъ опасенъ?
 Вить умирать же намъ, а можетъ, насъ убьютъ.
 Пойдемъ же бросимся съ тобою вмѣстѣ въ прудъ,
 И Трумфу нашему тѣмъ досадимъ злодѣю.

Слюняй.

Позаюй, — только я вить пьавать не умѣю.

Подципа.

Жестокій! робостью ты бѣдъ моихъ не множи!
 Ну, хочешь ли: вотъ я украла въ кухню ножъ....
 Зарѣжемся!... Мы тѣмъ отъ бѣдъ себя избавимъ *).
 И наши имена навѣкъ съ тобой прославимъ!

*) Противъ этого стиха рукою Крылова написано карандашемъ весьма четко: себя. В. Е.

Слюняй.

Извой.

Подщипа. (Подавая ему ножъ).

Начни жъ.

Слюняй.

Гъди.

Подщипа.

Увы! я вся дрожу!

Слюняй. (Отдавая ножъ).

Князюна! заѣзся ты, я пьездѣ погьяжу.

Подщипа.

О варваръ! такъ-то ты въ любви своей мнѣ клялся?
Гдѣ нѣжность вся твоя, гдѣ пламень твой дѣвался?
Прочь, прочь! я болѣе тебя ужъ не люблю,
И виду твоего, Слюнявий, не терплю!
Прощай!... Быть нѣжнымъ вѣвѣ ты счастья не вкусишь.
Прямой Слюняй, когда зарѣзаться ты трусишь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VI.

СЛЮНЯЙ одинъ.

Слюняй.

Да, видись, бьять! насъ, небось ты дуака!
Заѣзся-ка сама, кон юка егеа.
А я не пѣмахъ вить, меня ты не обманешь.
Чейкнутъся дойти — и, а послѣ и не встанешь.
Нѣтъ, сто ни говои, я смеити не люблю,
Хотя отъ миенькой и гнѣвъ за то тейплю;
Но посьѣ помияюсь, пивьюся, пияскаюсь,
И сто я зить хочу,—ей истинно пизнаюсь.
Ну, пьаво, какъ она ни спой себѣ со мной,
А все-таки вить я — утѣснѣ зивой.

ЯВЛЕНИЕ VII.

СЛЮНЯЙ, ВАКУЛА, ДУРДУРАНЪ, ПАЖЪ съ кубаремъ, ВИЛЬМОЖИ.

Вакула.

А, слышь ты, господа! Мы столь великъ поставить,
Чтобъ царскій мой совѣтъ, какъ надобно исправить,
Да, слышь, подумаемъ.

Дурдурачъ.

Скорѣй внесите столъ.

Боясь лишь, чтобъ Нѣмчинъ насъ не всадылъ на колъ.

Вакула.

Нѣтъ, въ рынокъ онъ пошелъ теперь за башмаками,
 Чтобъ, слышь ты, танцовать уже на балѣ съ нами;
 А у меня межъ тѣмъ подкупленъ ужъ звонарь.....

Памъ.

Велите ли себѣ спустить теперь кубарь?

Вакула.

Тотчасъ, слышь, погоди! Ну, слышь, чтобъ съ колокольни
 Звонарь, какъ сычъ, смотрѣлъ на всѣ мѣста околни
 И далъ бы знать, когда воротится Нѣмчинъ.
 Молчи: мы, слышь, ему сготовимъ добрый блинъ.
 Садитесь же. (Всѣ садятся. Вакула беретъ первое мѣсто).

Ну, вотъ, бояре, въ чемъ все дѣло:

Насъ сѣмя вражье здѣсь Нѣмчинско одолѣло;
 Вѣдь, слышь, сказать—такъ стыдъ, а утаить—такъ грѣхъ:
 Я, царь, и вы, вся знать, — мы курамъ стали въ смѣхъ.
 Намъ, слышь, по улицамъ ребята всѣ смѣются;
 Вездѣ за нами гвалтъ — бѣсъ знаетъ, гдѣ берутся!
 Частехонько — ну срамъ! — Нѣмчина веселя,
 Подъ царскій, слышь ты, задъ, даютъ мнѣ киселя.
 Самъ Трумфъ, ругаться вамъ ставъ зараженъ повадкой.
 Слышь, всѣмъ велить носить кафтаны вверхъ подкладкой,
 И ужъ задумалъ, слышь, содрать съ васъ парики,
 Чтобъ лошадямъ своимъ свалить ихъ въ потники.
 Такъ, знашь, нельзя-ль самимъ содрать съ него намъ кожу,
 Иль, слышь, хоть, отмана къ сторонкѣ, треснуть въ рожу,
 Да вонъ и съ челядью отсель его прогнать.
 Ну, такъ ли, господа? — Такъ, слышь, сберемъ мы рать.

Слюняй.

Надезя — госудай! вить я въ совѣтъ не нузенъ?

Вакула.

Ты зеленъ еще, князь! Ступай и будь на ужины.
 Подципа, слышь ты, мнѣ теперь сказала все....

Пьепай я!

Слюняй.

Вакула.

Я съ тобой ужъ помирилъ ее.
Небось, лишь погоди, я съ басурманомъ слажу.

Слюняй.

Езонъ! Такъ я пойду на говбятно связю. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ТѢЖЕ, КРОМѢ СЛЮНЯЯ.

Вакула (Встаетъ и подходитъ къ одному изъ вельможъ).

Ну чтожъ придумаешь ты, мой дорогой Совѣтъ?
А, слышь, и въ помощи намъ недостатка нѣтъ. (Подаетъ бумагу).
Прочти, какую намъ сосѣдь даетъ помощь.
Не безъ кумовъ-то вить и я здѣсь, слава Богу!
Ну, что жъ? Прочелъ ли ты?

Дурдуранъ (Привстаетъ).

Онъ слышь, о государь!

Вакула.

Такъ, слышь ты, не прочтеть.....

Пажъ.

Прикажете ль кубарь?

Вакула.

Тотчасъ, слышь. (Подходитъ ко второму).

Ну, такъ ты скажи свое, слышь, мнѣнье.

И докажи свое и знанье и умѣнье.
Съ чего бы заговоръ намъ лучше свой начать,
Уменьшко произвестъ и славно окончать?
Ну, что жъ ты думаешь? Скажи хотя мнѣ слово.

Дурдуранъ. (Привстаетъ).

Онъ нѣтъ, о государь!

Вакула.

Ну вотъ тебѣ здорово! (Подходитъ къ третьему).

Скажи же ты хотя, какъ горю пособить.

А я, ну, право, слышь, не знаю, какъ мнѣ быть.

Эхъ, слышь! Ну что жъ—ты сталь?... (Толкаетъ его въ бокъ).

Дурдураиъ. (Привстаетъ).

Онъ, государь, не слышитъ!

Вакула. (Бъ четвертому).

Хоть ты!

Дурдураиъ. (Привстаетъ).

За старостью, о царь, едва онъ дышитъ!

Вакула.

Ну, братъ, слышь....

Памъ.

А у меня кубарь готовъ, нашить совсѣмъ.

Вакула.

Ну, ладно-же, такъ мы въ столовую поидемъ. (Бъ Совѣту).

Вы, слышь-те, вздумайте, да не сходя со стула.

А я, знашь, подмахну вамъ тотчасъ: царь Вакула.

(Уходятъ съ памомъ).

Дурдураиъ.

Молчите-жъ, ни гу-гу! и думать ми начнемъ;

А что придумаемъ, царю то донесемъ.

(Одинъ послѣ другаго зачинають эввать и дремать. Всѣ засыпають и хранягъ.
Занавѣсъ опускается).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ВАКУЛА И ПОДЩИПА.

Вакула.

Ну, ну, не видывалъ такой бѣды я съ роду!

Подщипа.

Что, что ты, отче мой?

Вакула.

Ну, ну, радъ, знашь, хоть въ воду!

Подщипа.

Какою новою грозить намъ рокъ бѣдой?

Не новою-ль влодѣи идетъ на насъ войной?

Ванула.

Вотъ вздоръ бы, слышь, какой! На то вѣдь есть солдаты!
Пускай бы и дрались они себѣ изъ платы.

Подщипа.

Или противъ твоей особы заговоръ?

Ванула.

Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то! Ты, слышь, болтаешь вздоръ.

Подщипа.

Какое новое насъ горе одолѣло?
Не хлѣба-ль недородъ?

Ванула.

А мнѣ, слышь, что за дѣло?

Я развѣ даромъ царь? — Слышь, лежа на печи,
Я и въ голодный годъ ѣсть буду калачи.
Да дѣло все не въ томъ: моя бѣда сильнѣе;
Ну, слышь ты, ничего мнѣ не было больнѣе....

Подщипа.

Такъ вѣрно Трумфъ....

Ванула.

Ахъ, нѣтъ!

Подщипа.

Такъ что-жь, о государь?

Ванула.

Ну, слышь, проклятый пажъ мой изломалъ кубарь.
Я имъ съ ребячества до нынѣ забавлялся,
А, знашь, теперь хоть кинь. Ну, такъ бы разорвался!

Подщипа.

Я думала, другой печали сей предметъ,
И, зная, государь, что собралъ ты Совѣтъ....

Ванула.

То дѣло ишнее! Чтобъ имъ придать охотки,
Такъ я послалъ въ Совѣтъ салакушки да водки.
Пускай ихъ думаютъ; авось придетъ чередъ
И намъ, Подщипушка, у нѣмца взять передъ.
Когда-бъ не пажъ, и я бы, можетъ, что затѣялъ;

Да онъ, проклятый, слышь ты, мысли всё разсѣлять.
А вотъ и Дурдуранъ! Слышь, что-то онъ несетъ?

ЯВЛЕНИЕ II.

ТЪЖЕ И ДУРДУРАНЪ.

Вакула.

Ну, что же сдѣлалъ, слышь, премудрый мой Совѣтъ?

Дурдуранъ.

Штофъ роспилъ вейновой*), разбѣлъ салакушъ банку,
Да присудилъ, о царь, о всемъ спросить цыганку,
Котора на мосту съ премудростью живетъ
И знаетъ наизусть, что будетъ за сто лѣтъ.
Какъ отымалками**), бѣсами помыкаетъ
И часто за усы ихъ старшаго таскаетъ.
И словомъ, приговоръ Совѣта былъ таковъ,
Что голова ея всѣхъ вмѣстѣ ихъ головъ
Умнѣе во сто разъ, а можетъ быть, и болѣ.

Вакула.

Ну, что же? Вѣдь за ней послать-то въ нашей волѣ.
Пошли-ка поскорѣй!

Подципа.

Пошли, душа моя!

Поворожиться-ка, кому достанусь я.

Вакула.

Да еслибъ занялъ ты мнѣ для нея полтинникъ....
Скажи-ка, будто я.... ну, знашь ты, именинникъ,
Такъ мнѣ подарками тутъ съ рубль перепадеть;
А между тѣмъ пускай она, слышь, подождетъ.

Дурдуранъ.

О всемъ придумалъ я и трудность опрокинулъ.

*) Этого слова нѣтъ въ Акад. Словарѣ; но по свидѣтельству стариковъ, еще въ 20-хъ годахъ употреблялось выраженіе: вейновая, въ значеніи пѣныки.

Въ запискахъ Болотова слово вейновая также встрѣчается въ смыслѣ водки.

**) Отымавка — тряпка, употребляемая при выниманіи изъ печи горшковъ и проч. (Слов. Акад.).

На кашель, государь, я пошамну макимуть,
А за цыганкою послалъ узъ кодока.

Ванула.

Да вотъ, слышь, и она. Экъ на поминъ легка!

ЯВЛЕНИЕ III.

ТЪЖЕ И ЦЫГАНКА (вбѣгая).

Цыганка.

О чемъ кручиненъ, царь, и что на сердцѣ, знаю!
Ой, дай же рубличекъ, на рученья загадаю,
Все про хоршенья и добренья скажу.
Ой, дай же рубличекъ, царю поворожу.

Подщипа (подаеть руку).

Скажи, цыганка, мнѣ, да будь лишь справедлива....

Цыганка.

Ой, все я знаю, все! То рученья счастлива....

Ванула (выдергиваетъ руку Подщипы и по-
даеть свою).

Постой-ка! руку-то и послѣ можешь дать.
Тутъ, слышь, о царственникъ дѣлахъ хотять гадать.
Скажи-ка — отъ тебя я свѣту ожидаю....

Цыганка.

Да дай же рубличекъ, добренья загадаю.

Подщипа.

Ахъ, мнѣ о женихѣ!

Ванула.

Нѣтъ, нѣтъ, слышь! мнѣ скажи....

Дурдуранъ.

Вотъ рубль. (Даетъ деньги).

Ванула.

Да вотъ, слышь, рубль — такъ мнѣ поворожи.

Цыганка.

Богата рученья, разумная головка!
Ой, много мозгу въ ней.

Вакула.

Ну, слышь, прями колдовка.

Цыганка (смотря на руку Вакулы).
Кручины много есть.

Вакула.

Ну, то-то зъѣ. Какъ же бить?
Не вздумаешь ли ты, какъ горю пособить.
Отворожи-ка ты окошода намъ нѣмчина.

Цыганка.

Черноволосый онъ, таковой большой дѣтина
На сердцѣ у тебя.

Вакула.

Какъ жерновъ, слышь, лежитъ.

Цыганка.

Онъ худо думаетъ.

Вакула.

Чтобъ вялъ его, слышь, жидъ!

Цыганка.

Все загадала я; но всѣмъ болтать не стану,
А за секретъ скажу лишь только Дурдурану.
Когда исполнить онъ совѣтъ мой точно весь,
Такъ вмигъ и съ челядью не будетъ Нѣмца здѣсь.

Вакула (Дурдурану).

Слышь, слушайся-жъ ей!

Дурдуранъ.

Хоть то мнѣ и обидно,
Но если царь велить, такъ мнѣ ни чуть не стыдно.

Подципа.

Скажи, любезная, и мнѣ ты нескорѣй
И худо и добро оубъ участи моей.

Цыганка.

Прекрасна ручеыька, талантлива, счастлива;
А есть кручинушка....

Подципа.

Охъ, тише! я стыдлива.

Цыганка.

Сердечушко твое, княжна, заножено,
Ну, хочеть, кажется, вонь выпругнуть оно.
Прекрасный молодецъ! какъ яблочко наливно....

Подщица.

Охъ, стыдно, стыдно мнѣ!

Цыганка.

Однако-жъ не противно?

Подщица.

Ну, нѣтъ... Да буду ли сегодня я за нимъ?

Вакула.

Княжна! слышь, надо дать подумать время имъ.

Цыганка.

Да дай же рубличекъ!

Вакула.

Молчи! Когда отпущу злодѣю,
Такъ, слышь, сошью тебѣ кумачну тѣлогрѣю.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪЖЕ И ТРУМФЪ (вбѣгая въ бѣшенствѣ).

Трумфъ.

Фай, фай! проклята тфары! собашья скферна дѣль!
Какъ мощно думалъ такъ, упилъ меня фелѣль?
Прекрасна та прожекть! Мой очень плаготѣрить!
Но прежде вся вашъ родъ на фертель мой исшарить!

Вакула.

Помилуй, государь, я слышь....

Трумфъ.

Помилуй — нѣтъ!

Проклята ваша тухъ, какъ стерфа пропатеть.
Я знай вся умысла и фаша загофора:
Сей-шасъ я тфой пояръ подслюшалъ у забора.

Дурдурень.

Пропади мы!

Вакула.

Бѣда!

О ты, жестокой рокъ!

Подщипа.

Трумфъ.

Да, братъ: и на моя валовка былъ умоеъ;
Мой знаетъ плутня тфой, и за такая шашня!
Мой путеть фасъ сапай на сѣни и на башня,
Да на рапошій домъ фасъ путеть посылать,
Да кромѣ хлѣбъ да фоть вамъ кушать не тафать.

Вакула.

Помилуй, государь! Я, слышь, впередъ не буду.
Попуталъ бѣсъ меня.

Трумфъ.

Фонъ, стара песь, отсюда! (Вакула уходитъ).

Подщипа.

Ужели нѣтъ и мнѣ пощады никакой?

Трумфъ.

О, хитра польно тфой! Мольши, красафись мой!
Пошелъ, пошелъ! Теперь мой дастъ на все указа. (Подщипа уходитъ).

Дурдуранъ.

Ни тѣломъ, ни душой....

Трумфъ.

Ты, клушая проказа!
Ты много финофать! Маршь, маршь, мой каспатинъ!
Твой тотшасъ путеть суть и палощка на спинъ.

Дурдуранъ.

Позвольте выдти мнѣ.

Трумфъ.

Пошелъ, такой сапака!
На фешерь путу даль вамъ топра перетряка. (Дурдуранъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ТРУМФЪ И ЦЫГАНКА.

Цыганка.

Во мнѣ вѣдь нужды нѣтъ?

Трумфъ.

Постой, красафись мой!
Сважи-ка, для шефо твой призванъ на пакой?

Цыганна.

Хорошій молодець! Царевна прислала
И о тебѣ со мной все утро прогадала.

Трумфъ.

А што кадалъ такой? Мой скороль шортъ возьметъ,
И скоро ль князь Слюняй на сватѣба съ ней пойтеть?

Цыганна.

Ой, нѣтъ! лишь о тебѣ одномъ она тужила,
И любилъ ли ее, о томъ проворожила;
Милѣе никого тебя ей, баринъ, нѣтъ,
И съ нетерпѣннѣемъ она дня сватѣбы ждетъ.

Трумфъ.

Не лшотъ тфой?

Цыганна.

Кстати ли? Подумай самъ ладненько:
Ну, гдѣ есть личико другое такъ бѣленько,
Гдѣ бубли толще есть, гдѣ гуще есть усы,
И у кого коса длиннѣй твоей косы?
Гдѣ есть такой носокъ, глазокъ, ротокъ, борода
И журавлиная степенная походка?
Ну есть ли дѣвушка или мужняя жена,
Чтобъ, на тебя взглянувъ, не ахнула она?

Трумфъ.

Мой тумаль такъ, да князь Слюняй мнѣ тутъ садится (показываетъ на за-
тылокъ).

Цыганна.

Ну вотъ великій страхъ! Я рада побожиться,
Что, можетъ, до того, казался онъ ей милъ;
Но нынѣ ты ея всѣ мысли полонилъ.
Подай-ка рученьку. Ой, тутъ сидитъ дѣвочка,
И о тебѣ съума царева сходитъ дочка.

Трумфъ.

За фѣстошка така не шаль полтинка даль,
Когда бы прафта тфой, цыганошка, сказала.

Цыганна.

Я съ роду не лгала.

Трумфъ.

Такъ тфой не лицемѣришь?

Цыганка.

Взглянись лишь въ зеркало, такъ лучше мнѣ повѣришь.

Трумфъ.

Та, та! Тфой прафта есть: мой фашна есть фнкуръ!

Поди же, кралишка! Кохта моя амуръ

Успѣха полушить, я вликну тфой въ палата,

И накраштенья тамъ фелива и повата.

Поди, красафисъ мой, на домъ себѣ теперь.

Цыганка.

Спасибо, баринъ мой! (Въ сторону) Впередъ цыганкамъ вѣрь!

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТРУМФЪ И СЛЮНЯЙ.

Трумфъ (одинъ).

Она сказала не лошь: уменъ, знать, эта тѣфа...

Я, прафо, подшутиль: молотшикъ не въ истѣфа.

Слюняй (вбѣгая и не видя Трумфа).

Ну вотъ и я пьсой!

Трумфъ (схватываетъ его).

Поди-ка, прать, сюта.

Слюняй.

Ой смейтъ!

Трумфъ.

Мнѣ ната ты!

Слюняй.

Пьсья моя бѣда!

Помнюй, дядуська!

Трумфъ.

Нѣтъ, милуй мой не мошна.

Смерть тфой.

Слюняй.

Пьяпай.

Трумфъ.

Отъ тфой пришелъ мнѣ польно тошно.

Слюняй.

Отець!

Фай!
 Гьяфцязь!
 Фэторь!
 Сокбовисце мое!
 Мольшаты!
 Свѣтлѣйсій!
 Ну!
 Мусье!
 Помию!
 Нѣтъ, тепѣ тамъ топра перебязи?
 Ахъ, батюски! попаи на мѣсто я собаки!
 Кагофся умирай!
 Ой! смейтюзька моя!
 Помию! Цѣмъ тебя прогнѣвай стойбо я?
 Не путеть польше тѣой, Подщипа, тѣлай куры,
 Я коншу въ сей минутъ тѣой шашнѣ н вся амурн.
 Ой, ой?
 Но нѣтъ! Хоть тѣой нефѣша и уротъ
 Я кошеть пошитай въ тепѣ тѣой княща ротъ (вкладываетъ шпагу).
 И въ подьину, я—князь, не тойбо бягоѣднѣй;
 А ты со мной шутѣй поступовѣ стой негоднѣй.
 (Въ сторону). Авось онъ стѣюситъ.
 Такъ выперн-шь люпой!

Слюняй.

(Смотря-ка, ужъ даить!).. Спасибо, гыфчикъ мой!
Да не зайзень-и?

Трумфъ.

Та, та! Онъ заряшона!
Сейшасъ гафай стрѣлай — княшонъ чей путеть шона.

Слюняй.

Есть егче!... Дадюска, я съ ёду не стьей.

Трумфъ.

Ну, ну! не то тотшасъ я пуля посмлай.
Стой тамъ!

Слюняй.

Съ умажъ-и ты? застьѣишь вѣдь до смейти.
Князну, любовь, тебя—чтобъ всѣ побѣи цейти!

Трумфъ.

Фай, фай! какой тфой княсь? Тфой потла, мерака трусь!

Слюняй (хланясь никак).

Сто хочесь! Виновать, а смейти я боюсь!

Трумфъ.

Стрѣлай!

Слюняй.

Ой, нѣтъ!

Трумфъ.

Такъ тфой со мной не кошеть питься?

Слюняй.

Ну, самъ ты язсуди: гдѣ мнѣ съ тобой возиться.

Трумфъ.

Я люпитъ тфой княшонъ.

Слюняй.

Ись тойко не убей!

Я отступьюсь совсѣмъ, выдѣй позяюй ей!

Трумфъ.

Такъ слушай же, Слюняй! Коль смерти тфой поитса,
Такъ пять рифалемъ мнѣ тебѣ стѣсь не гатитса.
Смотри же, вышло я въ тебѣ княшонъ въ минутъ,
Но пуля лобъ тотшасъ, вокта тфой путеть плуть.

Княжна уафари тотшась со мной шениться,
Или на шпага мой готофа тутъ сатится...
Но фоть итегъ княшонъ... Красафисъ мила мой!
Смотри тотшась фѣншать, иль прочь калофеа твой. (Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

СЛЮНЯЙ (одинъ).

Слюняй.

Когда бъ она еще со мной не поминисъ,
Иль хоть опять бы вновь тепея побьяниясъ!
А то бѣда пьисья.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

СЛЮНЯЙ И ПОДЩИПА.

Подщипа.

Миръ, миръ любезный князь!
Прости, коль дерзко я сказала, разсердясъ.

Слюняй (особо).

Ахти! она меня еще сийнѣе юбить!

Подщипа.

Слюняюшка, мой другъ!

Слюняй (особо).

Ну, ну! совсѣмъ погубить!

Подщипа.

Жестокій! ты молчишь! Того-ль достойна я,
Когда сильнѣй огня любовь къ тебѣ моя?

Слюняй (особо).

Того-то и боусъ!

Подщипа (плачетъ).

Тронись же хоть слезами.

Взгляни ты на меня умильными глазами.

Слюняй.

Князна! когда ко мнѣ ты истинно нѣзна,
Такъ Тьюмфу юву дать сегодня-жъ ты дозна.

Подщипа.

Ты-ль это мнѣ сказаль?... Душа летить изъ тѣла!

Слюняй.

Но мнѣ вѣдь гоёва моя не надоё!
 Тьомфъ именно скажай: кой сдѣлается отказъ
 И не пойдешь къ вѣнцу съ нимъ сей-зе самый цасъ,
 Такъ онъ.... ну, видис-и... все это мнѣ отпѣятить,
 И гоёву съ меня, какъ кацейску (?) схватить.
 Такъ явсуди-зъ сама.....

Подщипа.

Умри-жь, любезный мой,
 И понеси во гробъ любовь мою съ собой!

Слюняй.

Такъ ты намѣнена?....

Подщипа.

Тебя хоть мертвымъ видѣть,
 И мертваго любить, а Трумфа ненавидѣть!

Слюняй.

Ахъ! онъ убьетъ меня!

Подщипа.

Мой князь, спокоенъ будь:
 Душа твоя ко мнѣ переселится въ грудь.
 Ты въ мысляхъ у меня и въ сердцѣ будешь вѣчно!
 Я буду вспоминать...

Слюняй.

Бьегдаа сейдецно!
 Позаюста, князна, кой юбисъ ты меня,
 Такъ выйди за него...

Подщипа.

Какъ! какъ! чтобъ вышла я?
 Ахъ, нѣжности моей ты мѣры всей не знаешь,
 Когда поступокъ мнѣ столь гнусный предлагаемъ!

Слюняй (особо).

Ну вотъ тебѣ юбовь! (громко) Пъесная, увы!
 За вѣиность эдаку мнѣ быть безъ гоёвы:
 Застѣнитъ онъ меня, отказъ его твой взбѣситъ.

Подщипа.

Пусть онъ тебя убьетъ, застрѣлитъ иль повѣситъ,
 Но нѣжности къ тебѣ не премѣнитъ моей.

Слюняй (особо).

Чтобы ты тѣсная и съ нѣзностью своей!

Подщипа.

Чтобъ я избавила тебя — избави Боже!
Люблю, люблю тебя, — ты мнѣ всего дороже.

Слюняй.

Ахти! бѣда моя! Хоть тисе говои:
Онъ бысво. Стѣястью ты меня не умои.
Задусить онъ меня.

Подщипа.

Пусть онъ тебя задушить,
Но вѣрности моей ни мало не нарушить.
Чѣмъ я горжусь, о томъ чтобъ стала я молчать!
Люблю, люблю тебя, — и буду то кричать!

Слюняй.

Ей, ей, конецъ пьисой! надезды бойсе нѣту!

Подщипа (громче).

Люблю, люблю тебя! будь то извѣстно свѣту!

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

ЧѢЖЕ И ПАЖЪ.

Пажъ.

Княжна! немедленно ступай ко алтарю!
Ужь велѣно звонить къ вечернѣ звонарю;
А если вздумаешь хоть мало куралесить,
То есть приказъ за то Слюняя вмигъ повѣсить.

Слюняй.

Горбуска!... пойди, кысавица моя!

Подщипа (Пажу).

Скажи, что никогда....

Слюняй.

Опомнись.... умей я....

(Пажу) Скази: идетъ.

Подщипа.

Нѣтъ, нѣтъ! скажи тирану...

Слюняй.

Помнюй!....

Подщипа.

Что любить Слюняя не престану,
 Что может онъ его повѣсить сей же часъ,
 Но не ослабить тѣмъ любви взаимной въ насъ.

Слюняй.

Пьекьясная юбвь!

Подщипа.

Скажи, что имъ пылаю!

Слюняй.

Я эдакой юбви зыдѣю не зею!...

ЯВЛЕНИЕ X.

ТЪЖЕ И ТРУМФЪ.

Трумфъ (вбѣгая въ бѣшенствѣ).

Нѣтъ мочи польнѣ терпѣль! Скафоръ твой колъ нейтеть,
 Въ минута сей Слюняй отъ рукъ моя умереть.

Подщипа.

Нейду, нейду, нейду! Ты бѣсишься напрасно: (обнимая Слюняя).
 Имъ вся пылаю я, имъ сердце нѣжно, страстно!

Трумфъ (вырывая у нея Слюняя).

Умри ше!

Слюняй.

Баяуй! изъ тѣя идетъ духъ!

Трумфъ.

Фай! скферна тухъ какой! Какъ тфой фоняетъ вдругъ!

Слюняй.

Не знаю.

Трумфъ.

Какъ не снай?... Фай, носъ моя упила!

Слюняй.

Сто дѣять? со стьястѣей зивотъ вѣдь пожывия.

ЯВЛЕНИЕ XI.

ТЪЖЕ И ВАКУЛА.

Вакула (вбѣгая).

Ура, ребятушки! а наша, слышь, взяла!

Трумфъ.

Што, што такой?

Вакула.

Да что, слышь, вся бѣда прошла.

Не бойтесь дѣтки! Эхъ нѣмецкйй, слышь, проказникъ!
А слышь ты, ужъ теперъ на нашемъ полѣ праздникъ.

Трумфъ.

Мольши неkotна тѣарь! Я фась!... Къ ружья! къ ружья!

Вакула.

И слышь, какъ не къ ружья? — Самъ бойся батожья!
А все, слышь, сдѣлала премудрая цыганка,
Свертѣла дѣло вмнѣ, прямая басурманка!

Подципа.

Да какъ?

Слюняй.

Пьютовка!

Вакула.

Ну, слышь, съ шайкою своей

По челяди его разсыпалася всей,
Да подпустила всѣмъ заряда два чихотки,
Да во щи пурганцу поболѣе щепотки; —
Такъ, слышь, у нихъ теперъ такая чихотня,
А что еще смѣшнѣй — такая бѣготня,
Что наши молодцы ихъ только окружили,
Такъ нѣмцы, слышь ты, всѣ и ружья положили.

Трумфъ.

Пропаль а!

Слюняй.

Что, небось, тепей-то пить ты спишь.
Подсунься-ка ко мнѣ, чухонскйй стаий гыбъ!

Мольшаты!

Трумфъ.

Слюняй (отказывая).

Ай, экой збой!

ЯВЛЕНИЕ XII.

ТВЪЖЕ, ЧЕРНАВКА, ЦЫГАНКА И ДУРДУРАНЪ.

Цыганка.

Вотъ на моемъ сбылося!

Дурдуранъ.

Все войско Трумфово, о царь, вамъ поддалося.

Вакула (Цыганкѣ).

А слышь, будь фрейлиной у дочери моей.

Чернавка.

Княжна, васъ въ церковь ждуть, — спѣшите поскорѣй.

Трумфъ.

Что путеть съ мой?...

Вакула.

А, слышь, развѣдаюсь съ тобой:

(Дурдурану) Чтобъ парикмахеръ, слышь, гребенкою большою
Сейчасъ, ты знашь, его въ пять пучкомъ причесалъ;
Одѣлъ бы франтомъ, слышь, жабо бы подвязалъ,
Чтобъ прыгать возачка Трумфъ къ вечеру явился.

Трумфъ.

О пѣтна колофъ мой! (Дурдуранъ его уводитъ).

Слюняй.

Езонъ! за то, что зыйся!

Подщипа.

Ну, что-жъ, къ вѣнцу?

Вакула.

Пойдемъ.

Слюняй.

Готовъ.

Подщипа.

Чего-жъ годить?

Слюняй.

Я въ пойминутоцки!

Подщипа.

На что же уходитъ?

Вакула.

На что же медлить, слышь?

Подщипа.

Иль тщетно я пылаю?

Слюняй.

Пьеестная князна! Я медить не веваю,
И въ цейковъ я тотчасъ васъ всѣхъ пеегоню,
Да тойко напеѣдъ кой-сто пеемѣню.

1800 г.

И. А. Брыловъ.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Здѣсь мы помѣщаемъ варьянты разныхъ списковъ шуто-трагедіи Брылова; большинство ихъ найдены В. Ф. Кеневичемъ, а нѣкоторые и нами въ берлинскомъ изданіи «Трумфа» 1859 г.*). Разночтенія эти мы печатаемъ для большаго удобства не внизу страницъ, а въ концѣ нашего изданія «Подщипы». Противу тѣхъ изъ нихъ, которыя взяты не изъ Берлинскаго изданія, сдѣланы указанія на списки, въ которыхъ онѣ найдены. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчены страницы и строки (счетъ ихъ сверху) изд. «Русской Старины», куда относятся тотъ или другой варьянтъ. Такимъ образомъ библиографъ, или будущій издатель полнаго собранія сочиненій Брылова, — для каковыхъ лицъ только и нужно настоящее приложеніе, — безъ всякаго неудобства можетъ возстановить текстъ «Подщипы» по всѣмъ тѣмъ спискамъ, какіе были у насъ въ виду при печатаніи настоящаго изданія.

Перечень дѣйствующихъ лицъ, помѣщенныхъ на стр. 162 взять изъ нашей рукописи «Подщипы». Стр. 164, строк. 13: въ неглежа; 15 строк.: не чешитесь; 16 строк.: княжна меня.

Въ Берлинскомъ изд. вмѣсто Чернавва — Чернявка.

Стр. 166, строк. 3: мѣру надо; 4 строк.: причинъ для васъ; 6 строк.:

*) Вотъ заглавный листокъ берлин. изд.: «Трумфъ»: Трагедія въ двухъ дѣйствіяхъ И. А. Брылова. Берлинъ. 1859. Ferdinand Schneider. Печатано въ типографіи г. Цена въ Наумбургѣ. Въ малую 8 долю 54 стр.

на отказъ; 7 строк.: Пошелъ; 10 строк.: столъ; 14 строк.: скорѣй пекли (2-й Держ. списокъ); 16 строк.: замазали; 20 строк.: въ намъ; 21 строк.: Охъ!; 22 строк.: носъ; 27 строк.: его тогда Никола (въ обѣихъ Держав. спискахъ); 28 строк.: столкнулъ; 30 строк.: жалагъ спастись; 31 строк.: И Трумфу руду кругъ твою онъ предлагаетъ; 34 строк.: велѣлъ скорѣй; 36 строк.: О бѣднѣй князь Слюняй!....

Стр. 167, строк. 1: Дѣлили вмѣстѣ мы забавы межъ собой; 3 строк.: въ горѣликъ (въ Берл. изд. и въ об. спискахъ Держав.); 11 и 12 строки: въ Берл. изданіи опущены; 14 строк.: Да, да, ты сказывай (оба Держ. списка); 16 и 17 строк.: въ Берл. изд. слова: «съ каплуномъ въ рудахъ» и «кланялся низко» — опущены; 20 строк.: Теперь лишь (обѣ Держ. списка.); 21 строк.: Да на-внядъ; 26 строк.: «Упадаетъ въ обморокъ» 32 строк.: слова: «ощущивая княжну» въ Берл. изд. опущены.

Стр. 168, строк. 1: слова: «нѣсколько опамятавшихся» въ 1-мъ Держ. списокѣ и въ Берл. изд.—опущены; 3 строк.: слова: «щупая ей голову» взяты изъ 1-й Держ. рукописи; 6 строк.: Вапѣры, да мидрень (обѣ Держ. рукоп. и Берл. изд.); 10 строк.: Ой нѣтъ! (обѣ Держ. рук.); 14 строк.: Но если подлинно... (1-я Держ. рукоп.); Ну что, какъ сдуру-то утопитея она? (Берлин. изд.); 16 строк.: Нашъ царь предвидѣлъ все: и отчимъ страхомъ движимъ (Берл. изд.); 18 строк.:... броситься!...; 20 строк.: И чтобъ!... (1-я Держ. рук. и Берл. изд.); 22 строк.: Сегодня ..(Берл. изд.); 23 строк.: стряпушей!... (въ обѣихъ Держ. рукоп.);..... стряпушной!... (Берл. изд.). Въ Академ. словарѣ обѣихъ формъ нѣтъ; тамъ находимъ форму: стряпучая, едвали употребительную; 24 строк.: И чтобъ!... (Берл. изд.); 24 строк.:... чинь!... (обѣ Держ. рук. и Берл. изд.); отъ 27 до 29 строк. въ 1-й рук. Держ. опущены. Въ Берл. изд. также стихъ опущенъ, а слѣдующее напечатано очевидно неправильно:

Подшипа: Ахъ, нѣтъ!....

Чернявка: Крѣпись же, о княжна!...

Стр. 168,—31 строк.: слово: «вставши» въ Берл. изд. опущено.

Стр. 169, строк. 4 и слѣдующія, гдѣ приведены рѣчи Трумфа, въ Берлинскомъ изд. напечатаны безъ многихъ изъ тѣхъ смѣшныхъ неправильностей въ выговорѣ, которыя однако сохранены въ изданномъ нами списокѣ Лобанова. Такъ напр. вмѣсто словъ: «старофа-ль», «прелесна»... «пляпалушна»,... «какта»... «весь»... «польна»... «спотся»... «тфой»... «фигуръ»... «туша»... «шивется» «крушешка»... «отна»... и мног. другихъ—въ Берл. изд. читаемъ: Старова... прелестной... бялопушна... когда... всё... больна... потся... твой... фигуръ... душа... живется... крушечка одна... и т. д. По многочисленности этого рода искаженій, очевидно свидѣтельствующихъ о томъ произволѣ, съ какимъ издатель Берлин. изд. Трумфа подправлялъ языкъ героя-нѣмчина, мы не приводимъ этого рода отступленія отъ текста нашего списка. 8 строк.:... пихтить!...; 9 строк.:... сидить!...; 12 строк.: вмѣсто слова «скиптра» во 2-й Держ. рук. «слафа», въ Берл. изд. «слява». 12 строк.: вмѣсто «слафа» въ Берл. изд. «сарство»; 15 строк.:... было-бъ;... 17 строк.:... устриць есть!... (2 Держ. рук.); 20 строк.:... проводить!... (2-я Держ. рук. и Берл. изд.); 23 строк.: Ты радъ грѣнь всяку ѣсть!... (Берлин. изд.); 26 строк.:... Ты пахнешь!... (Берл. изд.) 27 строк.:... каково твоею быть женою; (Берл. изд.); 31 строк.: Когда на свѣтъ вась любовь сопряшетъ вѣшна; (Берл. изд.); 34 строк.:... садикъ!... (2 Держ. рук. и Берл. изд.); 36 строк.: Все это будетъ твой! Не тужь, мой трукъ, не тужь (Берл. изд.).

Стр. 170, строк 5: Боюсь? кого? со мной?... (Берл. изд.); 7 и 8 строки:

На твоей кровати къ тебѣ, подуеся лишь дѣтина,
Мой царь тотчасъ ему дастъ оутела на спина. (Берл. изд.).

Стр. 170,—12 строк: вмѣсто «und» въ Берл. изд. «и»; 17 строк: На княгинетъ тебѣ всегда готова маршъ (2 Держ. рук. и Берл. изд.); 21 строк: До танцевья страстна (Берл. изд.); 23 строк: И будетъ бить....; 25 строк: Я люблютъ весель самъ.... (Берл. изд. и 2 Держ. рук.); 26 строк: Всѣхъ палькой....; 27 и 28 строки: филляра, фокуса и проч.— эти два стиха вставлены изъ 2-хъ Держ. списковъ и Берл. изд., въ Лобан. списокѣ ихъ нѣтъ; 36 строк: Какъ! да свѣтлѣйша....; 37 строк: Слюной слофа тфой ладить (2 Держ. рук.);— Слюной слова твои такъ ладить (Берл. изд.); 38 строк: О! мерзка сей риваль мой въ мигъ.... (Берл. изд.).

Стр. 171, строк 8:.... сносить.... (1 Держ. рук. и Берл. изд.); 12 строк: И вотъ....; 15 строк: Въ 1-мъ Держ. списокѣ эта реплика Подщипы отнесена къ IV-му явленію; 17 строк: вмѣсто «своимъ» въ Берлин. изд. «одномъ»; 20 строк: слова: «крадется тихонько изъ за кулисъ» въ Берл. изд. опущены; 28 строк: Чтобъ сдѣлалъ ты тогда? (Берл. изд.).

Стр. 172, строк 12: Этотъ вопросъ Подщипы взятъ изъ Берлинскаго изданія, стихъ этотъ въ Берл. изд. два раза повторяется, смотр. стр. 14 и 15. Въ Лобановскомъ же списокѣ вопросъ задаетъ Чернавка, говоря: «Скажи, чѣмъ спасся-бъ ты»? Это едвали ни ошибка. Крыловъ не допустилъ бы въ рѣчи одного лица смѣшеніе единств. и множеств. числа мѣстоименія личнаго:

Чернавка.

Но еслибъ, князь, на васъ напасть дерзнулъ бы кто,
Скажи, чѣмъ спасся-бъ ты? (Лобан. списокъ).

Стр. 172,—17 строк: вмѣсто «любезный»—«бездѣльный»(1-я Держ. рук. и Берл. изд.); На этомъ стихѣ 2-я Держ. рукоп. прерывается; 23 строк:..... во мигъ... 26 строк: этотъ стихъ въ Берл. изд. отнесенъ къ монологу Слюная, почему слово «нажимація» переименовано на «мазнація»...; 31 строк: Увидѣлся бы гдѣ....

Стр. 173, строк 17: въ Берл. изд. слова: «Тащить его за руку» — опущены; 21 строк: Да тойко.... (1-я Держ. р. и Берл. изд.); 24 строк: «Но менѣ-ль тебѣ, скажи, злодѣй опасенъ» (1-я Держ. рук.);—Но менѣ-ль злодѣй, скажи, для насъ опасенъ? (Берл. изд.); 26 строк:..... съ тобой хотя мы въ прудъ (1 Держ. рук. и Берл. изд.); 33 и 34 строки въ Берл. изд. читаются такъ:

...И наши имена на вѣкъ мы тѣмъ прославимъ.

Начни-жъ! (Подаетъ ему ножъ).

Вотъ ножъ.

Слюной.

Извой.

Подщипа.

Творецъ, я вся дрожу.....

Стр. 174, 16 строка: Прости, будь вѣжливъ въ вѣкъ! ты счастья некусишь (Берл. изд.); 21 строка:..... небось насъ... (1 Держ. рук.); 22 строка:.... когда... (1 Держ. рук. и Берл. изд.); 23 строка: И я... (1 Держ. р.);—Я самъ.... (Берл. изд.); 24 строк: въ Берл. изд. этотъ стихъ означенъ точками; 26 строк: На этомъ стихѣ 1-я рук. Держ. прерывается; 28 строк:.... искѣнно.....

Стр. 174,—строк 29:... пой...; 32 строк: въ Берл. изд. Вакула неправильно вездѣ названъ Викула; — «Викула съ придворными, Дурдуранъ и Пажъ»; 35 строк..... нашъ совѣтъ.....

Стр. 175, строк 5: Помедь на рынокъ онъ теперь за башмаками; 6 строк..... Ты лучше..... 9 строк: Прикажете ли вашъ.....; 11 строк: Постой ты, слышь! Бѣдъ, ну, слышь.....; 12 строк: глядѣль.....; 14 строк:..... готовимъ.....; 21 строк:..... свистъ богъ..... 24 и 25 строк: Самъ Трумфъ ругается, ставъ зараженъ помядой.

Вамъ, слышь, велить.....

Стр. 175,— 26 строк:..... сорвать.....; 28 строк: Такъ слышь.....; 30 строк: Въ Берл. изд. этотъ стихъ опущенъ....

Стр. 176, строк 2: Пыпай!; 4 строк: Но я.....; 5 строк: Молчи; 7 строк: Узіо!; 10 строк: Въ Берл. изд. слова: «встаетъ и подходитъ» и проч.— опущены, равно и ниже почти всѣ объяснительныя слова, въ скобках,—въ Берл. изд. опущены; 11 строк: Ну, что придумалъ, слышь.....; 12 строк: А, слышь ты, въ помощи.....; 15 строк: Ну, что? прочли ли вы? 19—21 строки: въ Берл. изданіи опущены; 23 строк: Постой ты, слышь! (Другому):

Ну, ты скажи свое намъ мнѣнье...

Стр. 175—28 строка: Ну, что же ты молчишь, скажи одно хоть слово; 33 строк: Скажи хотя ты мнѣ.....; 35 строк: Эхъ, слышь ты! Ну, что сталъ. (Толкаетъ его въ бокъ).

Стр. 177, строка 8: въ Берл. изд. опущена; 13 и 14 строки:

А вы, слышь, думайте, да не сходя со стула,
И помните, что я вашъ мудрый царь Вакула (уходитъ).

Стр. 175,— 16 строка:..... мы думать всѣ начнемъ.

Стр. 177, строк 29: «Ну, слышь ты, радъ хоть въ воду» 31 строк: «Какою новою намъ рокъ грозить бѣдой?»

Стр. 178, строк 9: «Какое-жъ, наконецъ».... строк 26: «А, слышь, теперь хоть брось». строк 28: «Я думала иной».... строк 31: Иное дѣло то. 35-я строка и слѣдующая — въ берлинскомъ изданіи «Трумфа» вовсе опущены.

Стр. 179, строк 8:... «раздѣлъ салакушъ банку», строк 11: «Да». строк 12: «Какъ атаманъ, она».... строк 18: «Вѣдъ послать за нею въ нашей водѣ. Помяте поскорѣй».... строк 22: «Пускай поворожить».... строк 25: «Ну, слышь ты, именинникъ».... строк 26: «Такъ мнѣ съ подарками и рубль».... строк 27: . . . она пускай... 27 строк:... обождетъ.... строк 29: Ужъ все....

Стр. 180, строк 1: На подданныхъ твоихъ.... Въ берлин. изд. въ явленіяхъ 2 и 3, 4—7, объяснит. слова противъ именъ дѣйствующихъ лицъ опущены. строк 8: . . . Я, точно, сердце знаю! строк 9: Пожалуй рубль, такъ я.... строк 10: Все хорошенько.... строк 11: Ой дайте.... строк 17: Постой, кѣтъ!.... строк 18: . . . о государственныхъ дѣлахъ.... строк 19: Скажи мнѣ — отъ тебя совѣта ожидаю. строк 21: Ой, дайте рубличекъ.... строк 27: слова: «дасть деньги» — взято изъ берл. издан. строк 29: Ну, вотъ...: строк 31: Счастлива рученька, талантлива головка!

Стр. 181, строк 2: колдова. строк 6: Ну, что же.... строк 7: Скажи хотя ты мнѣ.... строк 8: ты отселѣ... строк 10: Черноволосяй тотъ.... строк 15: Онъ дурно.... строк 19: Все угадала я! О всемъ.... строк 20: А на ушко.... строк 21: . . . онъ исполнить.... строк 24: . . . слушай-же ее

Стр. 184,—строк. 26: мнѣ то... строк. 27: тогда ничуть... строк. 29: Слажки-жь, цыганка, мнѣ, да только поскорѣй.

Стр. 182, строк. 3: И хочеть.... строка 6-я въ Лобановской рукописи пропущена, что и замѣчено на полях карандашомъ. Мы внесли ее изъ берлин. изданія. строк. 6: Ой,... строк. 8: не обидно? строк. 14: Чго-жь за труды? строк. 22: унять меня ватѣтъ? строк. 24: весь вашъ... строк. 24: на кухвя... строк. 29: ротъ, какъ шервя...

Стр. 183, строк. 5: Я конши тотшасъ всё сагански ваша пашня.. строк. 15: Чѣмъ я, о государь, виновна предъ тобой? строк. 24 тотшасъ дѣляй.... строк. 26—29 въ берлинскомъ изданіи опущены. строк. 36: въ сей покой? ;

Стр. 184, строк. 5: А што сказала твой? строк. 9: все ворожила. строки 24—29: въ берлин. изданіи опущены. строки 32—33: О я-бъ тотшасъ тебѣ на шаль полтъна даль, Когда ты, правда, все....

Стр. 185, строк. 4: Взглянитко въ зеркало.... строк. 6: Да, да!—все правда твой.... строк. 7: Ступай же.... строк. 8: Успѣла полюбить, твой будетъ на палата; строк. 10: Ступай.... строк. 12: Спасибо, баринъ мой, и впредъ цыганкамъ вѣрь. строки 15—17: составляютъ въ берлинскомъ изд. особое явленіе—VI-ое, и затѣмъ уже нумерація явленій противъ нашего списка разнится, а именно съ прихода Слюпя въ нашей рукоп. тоже VI-ое явл., а въ берлин. изд. VII-ое и т. д. строк. 16: мене, снатъ эта тѣвка.... строк. 17: Я, правда, не шушу: молодшикъ не въ истѣвка. строк. 19: Ну вотъ я и... строк. 23: Пьяпай! строк. 33: Ой, смейте! строк. 35: О, твой пришолъ мнѣ ошень тошна!

Стр. 186, строк. 6: Феттеръ! строк. 8: Соковысце! строки 9—21 въ берлин. изд. читаются такъ:

Трумфъ.

Молшать!

Слюняй.

Сіятельный...

Трумфъ.

Ну, ну!

Слюняй.

Свѣтвѣйшій!

Трумфъ.

Не кришать.

Слюняй.

Отецъ, помнюй!

Трумфъ.

Нѣтъ, съ тобой мой хочеть драва.

Слюняй.

Ой, батюсьви, пьяпай на мѣстѣ какъ собака!

Стр. 186,—строки 28—29: Не будетъ послѣ твой Подщина тѣлая куръ, А конши сей минутъ твои всё съ ней амуръ. строк. 34: Я коншить.... строк. 36: И въпяду.... строк. 38: А ты со мной сутій.... Поступокъ твой негодный.

Стр. 187, строк: 6, И твой тотчасъ стрѣляй... строк. 8, Ой, дядюшка! клянусь я не стѣбяй. строка 11 въ берл. изданіи опущена. строк. 13:.... меня застѣбьши въдь.. строк.: 14. ... и все, чтобы побѣяи дейти! строк. 33, Некотна, triana княсь! строк. 34: Этотъ стихъ заимствованъ изъ берл. изд. потому, что въ Лобановской рук. онъ видимо искаженъ: Такъ бытъ рифалемъ мнѣ для тебя не катится. строк.: 36. ... въ ротъ тебѣ!...

Стр. 188, строк.: 2... готовься самъ.... строк. 4, «Смотри сей-шась меня».... Вторая половина этого стиха въ Лобан. рук. искажена: «или прочь колофъ твой», почему мы замѣнили ее соответствующими словами берл. изд. строк. 9, Иль хоть опять тепей да вновь бы побѣяниась, строк.: 10.... моля!.... Эта рѣчь Слюняя не отдѣлена въ особое явленіе въ берл. изд. строк.: 15.... дерзость.... строк.: 28. Этого полустиха нѣтъ въ Берл. изд.

Стр. 189, строк. 11: Въ Берл. изд. этого стиха нѣтъ. строк.: 7, Такъ я, суди сама. строк.: 17, Да.... строк.: 20, И върь, твоя душа ко мнѣ вселит-ся въ грудь. строка 30: За этимъ стихомъ въ берл. изд. слѣдуетъ:

Нѣтъ, не согласна я!...

Слюняй.

Несчастная, увы!

За вѣзность такову, — быть безъ головы

Стр. 189, строк.: 34... его отказъ твой взбѣситъ.

Стр. 189, стих. 36 по стран. 190, стих. 1 — 18: строк. и въ берлинскомъ изданіи читаются такъ:

Ну, что-жь? пусть онъ тебя застрѣлитъ или повѣситъ,
Я буду все любить.

Слюняй.

Хоть тыся говои:

Онъ быско; стьястью ты меня не умои.

Подципа.

Такъ пусть узнаеть онъ, пусть свѣтъ весь намъ измѣнитъ,
Но вѣжности моей нимало не премѣнитъ.

Чѣмъ я дышу, о томъ чтобы стала я молчать!

Люблю, люблю тебя — и буду то кричать

Слюняй.

Ай, ай! конецъ пысой! надезды бойсе вѣту!

Стр. 190, строк.: 22.... ступайте къ алтарю. строк.: 25, Тогда.... строк.: 31, Постой, умью въдь я! строк.: 33, Скажите, сто идетъ.

Стр. 191, строк.: 8, Несцлсная юбовы! строк.: 12,... бѣды.... строк.: 16, Нѣтъ моши больше жпать! Скажи, коль твой нейдетъ. строк.: 20, Полно... строк. 32:.... въдь побѣвниа. (Берл. изд.)... зивотъ песеміе (Лобан. спис.).

Стр. 192, строк. 8; ... въдь.... строк. 16: Свершила.... строк. 16: Вторая половина стиха опущена. строк. 22: Слышь ты, ... строк. 28: Разсыпался вмигъ по челяди по всей.

Стр. 193, строк. 14: ступайте.... строк. 20: Завилъ бы, слышь, его.... строк. 24: О бѣдный мой каловъ! строки: 27 — 32 въ берлин. изданіи читаются такъ:

Ваула.

Ну, чтожь? къ вѣнцу!

Словенъ.

Подемъ.

Подщипа.

Чего-жь теперь годять?

Стр. 193, строки 30—34 и стр. 194, въ берлинскомъ изданіи читаются въ слѣдующемъ варьянтѣ:

Подщипа.

О день, счастливый день! И такъ, любезный мой,
Сегодня свадьбу отправимъ мы съ тобой.

Словенъ (Пригласъ и поеть).

Тя-я-я! тя-я-я! Я весей, какъ съ похвѣйя!
Сто дѣять съ ядости? такого я весейя
И съ-йоду не выдай.

(Трумфу).

Сто, бѣять? тедей небось,
Не будесь зытса ты: вѣдь кѣютъ усь пьисьсьсь.

Стр. 194, строк. 11: И въ цейковъ изо вѣхъ васъ пейвый пьибѣгу.

Сообщ. В. Э. Кенжичъ.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО,

(1745 — 1813)

вышѣ принадлежащій правнуку его Ѡ. Б. Опочинину.

III *).

ПИСЬМА М. И. ГОЛЕНИЦЕВА-КУТУЗОВА КЪ ЖЕНѢ.

1808 г.

18 апрѣля, Буваресть..... Теперь, я думаю, государь выѣхалъ къ арміи.... Я, слава Богу, здоровъ и не теряю надежды къ скорому миру.... Ежели Богъ дастъ, что сдѣлаю мира, то боюсь допустить ли меня до Петербурга. Впрочемъ, кажется, что мнѣ при арміи дѣлать нечего, мѣста, слава Богу, заняты достойными людьми; всѣ эти надежды, ежели миръ будетъ здѣсь съ турками....**).

20 апрѣля, Яссы. Я, мой другъ, три дни какъ пріѣхалъ въ Яссы и нашелъ, что здѣсь продолжено перемиріе, безсрочно, до заключенія мира. Я, слава Богу, здоровъ и хочу очень беречься отъ лихорадки, которая уже здѣсь начинается.... Князь Александръ Але: принялъ меня очень дружески; ты бы, мой другъ, могла поблагодарить за это княгиню....

2 мая, Яссы. Я къ тебѣ, мой другъ, пишу по почтѣ, которая, кажется, очень вѣрна. Вчера-сь пріѣхалъ Хитровъ и я ему читалъ при началѣ большую проповѣдь, и онъ обѣщалъ быть благорауменъ.

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. I изд. перв. ст. 249 и 325; изд. втор. стр. 488; т. II, стр. 498;—1871 г., т. III, стр. 49.

***) 1806-й годъ ознаменованъ для Турціи внутренними переворотами, въ продолженіи которыхъ былъ свергнутъ съ престола одинъ султанъ и возведенъ другой. Россія стѣсненная принятимъ ею посредничествомъ Наполеона, не могла воспользоваться этими смутами и весь годъ прошелъ между воюющими государствами въ безплодныхъ переговорахъ: въ продолженіи ихъ не слѣдано ни одного выстрѣла ни на сушѣ, ни на моряхъ театра войны.

Аннушка и Катенька у меня съ ума нейдуть. У насъ перемиріе, я съ княземъ очень ладенъ, онъ со мной очень откровенъ. Многимъ однакоже это не очень пріятно. Здѣсь есть при канцеляріи Везакъ, который однакоже себя очень хорошо ведетъ, и никакъ не завидунтъ этому, а есть другіе...

24 мая, Яссы.... У насъ все тихо здѣсь, и князь завтра ѣдетъ осматривать крѣпости, а я остаюсь здѣсь до его приѣзда, можетъ быть, дней съ пятнадцать.... Бибиговъ покажеть остался у меня, а Ушаковъ у князя; но это партикулярно. Дни три какъ женился здѣсь Паленъ, что былъ на Мімі женатъ, на сестрѣ Озерова, что при Вел: Кня: Она недавно разошлась съ мужемъ. Я ее еще не видалъ. Сказываютъ, что очень ловеа. Вотъ здѣшнія вѣсти....

9 іюля, Яссы. Я, мой другъ, хотя несовсѣмъ еще оправился, но ѣду изъ Яссы въ лагерь къ фельдмаршалу. Отсюда 290 верстъ.... Бибиговъ и Конс. подрались какъ дѣти, оттого, что неучтиво шутили, и такъ зашутелись, что уже нельзя было разойтись....

23 іюля, Текучи. Я, мой другъ, уже нѣсколько дней какъ въ лагерь и стою въ кварталѣ..... Мы переходимъ на новый лагерь въ Фокшаны. Войны у насъ нѣтъ. Павелъ Гаври.... Бибиговъ дни три какъ боленъ спазмами. Хочетъ непременно жениться теперь, и оттого занемогъ, что сдѣлали маленькое затрудненіе его отпустить....

8 августа, Лагерь при Килнени.... Мы стоимъ въ лагерь верстъ съ двѣсти отъ Яссы впереди; и болѣзней, можно сказать, совсѣмъ нѣту; лихорадокъ такъ мало, что у меня и большой домъ, и большая свита и ни у кого лихорадки нѣту.... Я живу въ маленькой изопкѣ, а въ другой черезъ дворъ обѣдаю. Вчерась въ вечеру, сказываютъ, принца Меклебургскаго напоили и выиграла 60,000 рублей....

11 октября, Лагерь при Килнени.... Мы все стоимъ на одномъ мѣстѣ; никто невиновать, такіа обстоятельства; все бы нѣтъ ничего, а только скучно.....

Р: Объ отставкѣ Ф. . П. вича не знаю что сказать, похвалить, или похулить; только жаль въ такіа молодныя лѣты, себѣ затворить каріеру.

Здѣшнія вѣсти: ты знаешь Гагарина камеръ-юнкера; онъ отъ князя былъ посланъ курьеромъ въ Вѣну, тамъ нашель дѣвушку Глазнашъ съ матерью, влюбился и женился. Она падчерица Чевкина, что былъ губернаторомъ въ Каменцѣ.....

21 декабря, Яссы.... Князь все еще въ Букарештѣ, отъ подагры только легче. А мнѣ вчерась въ вечеру давали здѣшніе бояре балъ, который, имъ, сказываютъ, сталъ въ 1500 червонныхъ. Я бы могъ вечеръ просидѣть и гораздо дешевле...

1809 г.

7 марта, Яссы. Я тебѣ, мой другъ, даю печальную комиссію. Молодой Шпренгъпортенъ, который прошедшаго лѣта приѣхалъ съ твоимъ письмомъ, на этихъ дняхъ умеръ. Прилагаю къ отцу письмо, которое кажется надобно доставить къ старику чрезъ жену. Молодой человекъ былъ пренесчастливый, всегда въ задумчивости и казался нести какое-то несчастье, объ которомъ никому не говорить.

Теперь скажу свои вѣсти неприятныя, но слава Богу, что такъ прошло. Ты знаешь, что Хитровъ былъ посланъ въ Константинополь, и вотъ что сдѣлалось, отсюда въ 300 верстахъ опрокинулся съ телегою и переломилъ себѣ руку, лѣвую; но слава Богу рука хорошо сростается и черезъ двѣ недѣли совсѣмъ выйдетъ. Объ Аннушкѣ и слуху нѣтъ..... Я изъ Яссы ѣду 17 сего мѣсяца. Съ Богомъ хотимъ войну начинать.

24 марта, Яссы..... У насъ начинается война. Съ Божьей помощью я завтра ѣду въ Фокшаны, гдѣ собрались войски.....

6 апрѣля, 20 верстъ отъ Браилова.... Мы начали военныя дѣйствія, по правдѣ, что еще непріятеля мало..... Хитровъ выздоровѣлъ, но рука еще слаба.

17 апрѣля, при Браиловѣ. Сегодня ѣдетъ курьеръ, мой другъ къ вамъ въ Петербургъ. Я, слава Богу, здоровъ и всѣ, которые около меня. Надѣмся скоро взять Браиловъ. Аннушка, думаю, вчерась только приѣхала въ Фокшаны, отсюда верстъ семьдесятъ, и тамъ остановится;... больше некогда писать; здѣсь хлопотно.....

21 апрѣля, при Браиловѣ. Чтобы ты, мой другъ, не испугалась слуховъ въ публикѣ, не хочю упустить курьера. У насъ было дѣло съ Браиловымъ. Дѣлали малую частью арміи пробу на штурмъ города, который неудался, и мы потеряли нѣсколько людей*). Больше писать некогда...

16 мая, Галацъ..... Состояніе мое здѣсь становится мнѣ тяжело, при всемъ моемъ терпѣніи. Фельдмаршалъ дѣлаетъ все по совѣтамъ другихъ; однакоже за всякую неудачу сердится тутъ же и на меня,

*) Перемиріе было прекращено 22 марта 1809 г. Главнокомандующій кн. Прозоровскій получилъ отъ императора повелѣніе перейти Дунай и дѣйствовать рѣшительно. Главный корпусъ собранъ былъ, подъ начальствомъ Бутузова, у Фокшанъ. 8 апрѣля — Бутузовъ обложилъ Браиловъ. Генералъ Гартингъ велъ правильную осаду; 20 апрѣля былъ штурмъ; осаждающіе послѣ осемичасоваго кровопролитнаго боя, потерявъ пять тысячъ были отбиты.

такъ, какъ бы точно дѣлалъ по моему совѣту. Мое положеніе тѣмъ тяжеле, что я долженъ скрывать все неудовольствіе мое, непоказывать никому виду, чтобы неиспортить службы; да и тебя прошу никому объ этомъ не говорить и ко мнѣ объ этомъ не писать. Буду терпѣть, пока смогу...

8 іюня, Галацъ..... Меня кажется поссорили съ княземъ изъ Петербурга; именно думаю княгиня будто что-то говорила и до ней дошло. Я не интригантъ; Богъ съ нами! какъ хотять. Буду терпѣть, пока ночь будетъ...

14 іюня, Галацъ..... Сказу тебѣ новость: сейчасъ получаю отъ Государя рескриптъ, чтобы ѣхать въ Вильну, и принять губернію и должность Корсакова. Отсюда я радъ, но нехочется мнѣ въ Вильну и радъ бы отдѣлаться...

18 іюня, Галацъ.... Касательно моего перемѣщенія, вотъ что надобно сказать: первое, надобно послушаться тотчасъ и ѣхать къ своему мѣсту, а потомъ надуматься, можно ли служить. Правда, что разстройство моему состоянію перевозиться совсѣмъ въ Вильну изъ Кіева, и ежели оставить при обыкновенномъ содержаніи военнаго губернатора, то, ей-Богу, жить въ Вильнѣ невозможно, — это не Кіевъ. Прозоровской что-то писалъ на меня, то-есть нагаль, а я имѣю свидѣтелей всю армію, которая вся, кромѣ подлыхъ интригантовъ. обо мнѣ нагѣветъ. Я этому вижу отъ всѣхъ доказательства.....

19 декабря, (Вильна).... Вчерась былъ въ концертѣ, гдѣ слышалъ прекрасный дуэтъ, гѣла Франкова и Тарвини, сопрано. Рѣдкіе два голоса.

29 декабря, (Вильна).... Не подумайте, чтобы меня здѣсь держали веселости, или привязанности къ чему-нибудь; хотя конечно людныи городъ и много пріятныхъ людей, но мнѣ ничто не въ диковинку; а ежели бы кто изъ своихъ былъ, то бы мнѣ и въ Горошкахъ было весело. Слышу, что Кудашевъ отпущенъ въ отпускъ, ежели бы хотя къ Богъ принесли ко мнѣ....

Собщ. Ф. К. Опочининъ.

Сергій Герасимовичъ Домашневъ.

Есть извѣстiе, что С. Г. Домашневъ родился въ 1746 году (Мат. Ефр., стр. 143 въ прим.), но повидимому онъ родился по крайней мѣрѣ годами пятью ранѣе, ибо въ 1767 году онъ былъ членомъ комиссiи депутатовъ для сочиненiя проекта новаго уложенiя (Спис. деп., Совр., 1861, кн. 12, прим., стр. 45, подъ № 389), а для выбора въ это званiе нужно было имѣть не менѣе 25 лѣтъ (Ист. свѣд. о Екат. ком. для соч. проекта нов. ул., Ч. I, стр. 5.), слѣд. С. Г. Домашневъ не могъ родиться позже 1742 года. Происхожденiе его въ точности мнѣ неизвѣстно **); но можно полагать, что онъ былъ однимъ изъ сыновей любимой камеръ-фрау императрицы Елизаветы, Анны Дмитрiевны Домашневой, которая пользовалась особеннымъ ея довѣрiемъ, чѣмъ возбудила зависть; въ 1754 году была она обвинена въ намѣренiи околдовать государыню, арестована вмѣстѣ съ дѣтьми, изъ коихъ меньшей былъ камеръ-пажемъ, и выслана съ ними въ Москву. (Зап. Имп. Ек., стр. 159, подъ 1754 годомъ). С. Г. Домашневъ учился въ Московскомъ университетѣ ***) , вмѣстѣ съ фонъ-Визинимъ (Ист. Имп. Моск. унив. стр. 95), съ которымъ остался и потомъ прiятеlemъ (Соч. Ф. Виз., изд. Ефр., стр. 357 и 384). Онъ очень рано выступилъ на литературное поприще, печатая много стиховъ и прозы въ издававшихся въ 1760—1763 годахъ въ Москвѣ журналахъ Хераскова „Полезное Увеселенiе“ и „Свободные часы“ (Ист. Имп. Моск. унив., стр. 93); кромѣ того, многiя его стихотворенiя остались неизданными (мат. Ефр., стр. 35 и 143, 168 и

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. I, изд. первое стр. 463; изд. второе стр. 541; т. II, стр. 74 и 194.

**) Дядь Сергiя Герасимовича Домашнева, Яковъ, былъ въ 1701 и 1703 гг. писцомъ 2-й статьи и, потомъ, подъячимъ крѣпостныхъ дѣлъ; а отецъ, Герасимъ Яковлевичъ, въ 1760 г., находился коллежскимъ совѣтникомъ и присутствовалъ въ соляной конторѣ. Прим. М. Д. Жигрова.

***) Въ бытность свою воспитанникомъ московскаго университета, С. Г. Домашневъ, по собственному желанiю, выраженному въ его челобитной, поступилъ на службу лейбъ-гвардiи въ Измайловскiй полкъ солдатомъ, и, приказомъ по этому полку, отъ 16 февр. 1760 г., зачисленъ въ 12-ю роту. Вотъ университетскiй аттестатъ С. Г. Домашнева, хранящiйся вмѣстѣ съ его челобитной, въ дѣлахъ архива 1-го Измайловскаго полка: «1760 г. декабря 17 дня, по указу ея императорскаго величества і по определенiю канцеларiи императорскаго московскаго университета, дан сей аттестатъ благородному ученику Сергею Домашневу, втомъ, что онъ, въ бытность свою въ университетѣ, обучался стилю французскаго языка, исторiи, географiи і геометрiи, све-

198). С. Г. Домашневъ служилъ офицеромъ сперва въ полевыхъ полкахъ, и затѣмъ въ генеральномъ штабѣ (Ibid., стр. 143), и долго путешествовалъ за границей (Слов. Евг., ч. I, стр. 187). Въ 1772 году былъ онъ избранъ членомъ вольнаго російскаго собранія при московскомъ университетѣ (Ист. Имп. Моск. ун., стр. 202). Въ то же время участвовалъ онъ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ, начальствуя легиономъ албанцевъ, наведенныхъ по приказанію Орлова. Въ семидесятихъ годахъ пожалованъ онъ былъ камеръ-юнкеромъ и наконецъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, камергеромъ (Слов. Евг., ч. I, стр. 187) и директоромъ академіи наукъ, должность котораго онъ занималъ съ 1775 по 1783 годъ (Ibid.), принявъ ее отъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, который былъ такъ же какъ и его братья главнымъ покровителемъ С. Г. Домашнева (Зап. кн. Дашк. гл. 13). Въ 1767 году С. Г. Домашневъ участвовалъ въ изданіи въ Москвѣ „Переводовъ изъ энциклопедіи“, гдѣ напечатаны его переводы двухъ статей по части географіи. (Соврем., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75). Въ томъ же году засѣдалъ онъ въ знаменитой депутатской комиссіи, какъ депутатъ отъ сумскаго дворянства Слободско-украинской губерніи (Спис. Деп. Соврем., 1861, кн. 12, Прил., стр. 45, подъ № 389) и былъ членомъ частной комиссіи „О размноженіи народа, земледѣлія и домостроительства“ (Ibid., стр. 74). Во время директорства его въ академіи происходилъ, въ 1776 году, пятидесятилѣтній юбилей ея существованія, на празднествѣ котораго онъ говорилъ рѣчь (Слов. Евг., ч. I, стр. 188). Въ 1777 году онъ предложилъ академіи составить „Всеобщее географическое, историческое, политическое, физическое и экономическое описаніе Россіи“, но предпріятіе это ограничилось составленіемъ росписанія предметовъ для этого сочиненія (Ibid.). Домашневъ пожалованъ камергеромъ 28 іюня 1778 года (С.-Петербур. Вѣстн., 1778, ч. I). С. Г. Домашневъ хотѣлъ изгнать изъ употребленія букву ъ (Опытъ кр. ист. русск. лит. Греча, стр. 143) и въ „Академическихъ извѣсті-

ликою прилежностью; успехи оказали іврядныя, при томъ поступки і поведеніи такіе імееть, какъ благородно воспитанному надлежитъ. І выне, по прошенію ево, записатца ему в военную службу симъ дозволяетца. А по записке (въ службу) імѣеть онъ, для окончанія наукъ, остатся при университетѣ по прежнему. Чего ради онъ, Домашневъ, симъ атестуется, за подписаніемъ канцелярїи советника імператорскаго московскаго університета директора. У подлиннаго подписано тако: Иванъ Мелиссино. За секретаря актуариусъ Петръ Корнильевъ. Регистраторъ Иванъ Перелькинъ. У того атестата ея імператорскаго величества імператорскаго московскаго університета печать. Москва». (дѣла архива 1-гв. Измайловскаго полка. 1760. Книга отставнаго повѣтыя).

Примѣч. М. Д. Хмырова.

яхъ“ 1781 года для опыта печаталь безъ этой буквы одинъ отдѣлъ, подъ заглавіемъ: „Показаніе новѣйшихъ трудовъ разныхъ Академій“ (Соч. Держ., изд. Я. К. Грота, т. 3, стр. 499). Но вообще, время директорства С. Г. Домашнева было періодомъ упадка академіи, если вѣрить всему, что говорить о немъ заступившая его мѣсто, какъ директоръ академіи, въ началѣ 1783 года, извѣстная княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Она рассказываетъ о вопіющихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ по управленію и экономической и счетной частяхъ Академіи, которыя нашла и исправила, и приводитъ самыя нелицитныя отзывы о С. Г. Домашневѣ самой императрицы (Зап. вн. Дашк., гл. 19). Повидимому онъ дѣйствительно впалъ у ней въ немилость. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ онъ не получалъ никакихъ наградъ или повышеній и вообще всякія свѣдѣнія о немъ исчезаютъ. Извѣстно только, что онъ умеръ въ 1796 году (Слов. Евг., ч. I, стр. 188). С. Г. Домашневъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Оболенской (род. 1765, ум. 24 марта 1828), дочери подполковника князя Ивана Петровича. (Рос. Род. книга кн. П. Долгор., ч. I, стр. 80 и 81, подъ № 69). Дочь ихъ Варвара Сергѣевна была за Михаиломъ Ѳедоровичемъ Сухотиннымъ.

Отдѣльно изданныя произведенія С. Г. Домашнева суть слѣдующія:

1. Ода на восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II. СПб. 1762. (Соп., № 7173; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

2. Ода на побѣды надъ Турками и на взятіе Хотина. Спб., 1769. Соп., № 7318; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

3. Ода на побѣду, одержанную Россійскимъ флотомъ надъ Турками при Чесмѣ. Спб., 1771. (Соп., № 7216; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

4. Рѣчь о обязанности, которую имѣютъ ученые общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственныя. Спб. 1777. (Соп., № 10,026; у Пл. и Смирд. нѣтъ). Эта рѣчь произнесена была авторомъ въ 1776 году, на празднествѣ пятидесятилѣтняго юбилея Академіи Наукъ, о чемъ уже сказано выше.

Новиковъ въ 1772 году приписывалъ С. Г. Домашневу переводъ „Нравоучительныхъ сказокъ“ Мармонтеля, изданный въ 2 частяхъ въ Москвѣ, въ 1764 году. (Мат. Ефр., стр. 35). Но всѣ библиографическія указанія свидѣтельствуютъ противъ этого. Сопиковъ (№10,314), Плавильщиковъ (№ 4886), Смирдинъ (№ 9648) и митрополитъ Евгений (Слов. св. пис., ч. I, стр. 83) говорятъ единогласно, что этотъ самый переводъ (изданный вторично Новиковымъ же въ Москвѣ, но уже въ 1787—1788 годахъ) принадлежитъ Павлу Ивановичу фонъ-Визину, брату славнаго комика, бывшему съ 1784 по 1789 годъ директоромъ московскаго университета.

Двѣ изъ статей С. Г. Домашнева, появившіяся въ 1762 и 1779 годахъ, а именно „О стихотворствѣ“ и „Отрывокъ“ недавно перепечатаны. (Матер. Ефр., стр. 168 и 196). М. Н. Лонгиновъ.

К. Н. БАТЮШКОВЪ.

р. 1788 ум. 1854 г.

Письма его къ Гнѣдичу.

(Сообщены П. А. Евремовымъ).

V*).

(Финляндія. 1 ноября, 1808).

Я пріѣхалъ благополучно, но по пріѣздѣ сдѣлался боленъ и семь дней лежалъ въ лихорадкѣ; чудомъ вылѣченъ. Тревога, а у меня испанская мушкетерская на шеѣ; срываю и бѣгу. Мы имѣли двѣ большіяшибки, въ первой много потеряли и князь Долгорукой**), въ сожалѣнію солдатъ, убитъ; а вторая была ночью 30 октября, т. е. третьяго дня. Шведы въ прахъ разбиты; они забрались даже въ нашъ лагерь, но прогнаны съ великимъ урономъ. Я, въ несчастію, оставался въ резервѣ. Петинъ***) раненъ, сходи къ нему, когда услышишь о его пріѣздѣ въ Питеръ, также и Делагардъ****) раненъ, впрочемъ егери мало потеряли, а дрались хорошо; вотъ всѣ наши новости. Здѣсь все найти можно; пришли съ этимъ курьеромъ табуку турецкаго, чулокъ теплыхъ, перчатки теплыя и кенъги. Да еще закажи хорошему портному гусарскій жилетъ темно-зеленный, это мена

*) См. «Русскую Старину» т. I, изд. перв., стр. 65—71; изд. втор. стр. 549—554. Примѣчанія къ издаваемымъ нами письмамъ К. Н. Батюшкова принадлежатъ П. А. Евремову. Ред.

**) Кн. Мих. Петров. (1780—1808), генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ. О немъ см. «Сказаніе о родѣ кн. Долгорукихъ» стр. 136—137. Спб. 1840.

***) Ив. Александр. Петинъ былъ тогда поручикомъ л.-гв. егерскаго полка, въ которомъ и В. былъ прапорщикомъ. Подробности о Петинѣ сообщены Батюшковымъ въ статьѣ «Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій». (Москвитянинъ 1851, № 5).

****) Августъ Осиповичъ де-ла-Гардъ былъ шт.-капит. въ томъ-же полку.

ужасно обрадуетъ. Полковникъ *) меня безъ души любитъ; ходитъ за мной, какъ за сыномъ. Что дѣлають мои сестрицѣ? Пиши, мой другъ, онѣ меня беспокоятъ. Получилъ ли Абрамъ Ильичъ **) деньги; вланый-ся ему и поцѣлуй его дѣточекъ. Я не пишу, потому что разстроены послѣ сраженія. Надѣюсь совершенно на отставку. Полковникъ обѣщаетъ ее выхлопотать, но теперь могу (ли), не бывъ ни въ одномъ дѣлѣ, приступить къ сему? Мнѣ не нужно говорить тебѣ, другъ мой, что я тебя люблю. Даѣ Богъ, чтобъ ты не перемѣнился. Пиши ко мнѣ съ этимъ курьеромъ, исполни мои комиссіи, особливо жилеть, да и обувь нужна.

Здѣсь бездѣлица веселитъ и цѣну узнаешь вещамъ, когда ихъ нѣтъ. Скажи Оленину ***) , что я его люблю и почитаю. Такъ убить духомъ, что лучше кончить, пока перо само не выпало изъ рукъ.

1 Ноября. 1808. Indesalmi.

Конст. Батюшковъ.

Напиши мнѣ, гдѣ находится Катерина Федоровна****).—Если стихи мои напечатаны, то пришли.—Ужели будешь коротко писать? Брось эту привычку, мой другъ.—Пришли леденцу съ имбиремъ, побольше. Грудь болитъ.

Н. В. Напиши кой-что изъ этого письма сестрамъ. Я не успѣлъ ихъ о всемъ увѣдомить.

VI.

(Финляндія. 1808 г.).

Я къ тебѣ не пишу, потому что ты не пишешь ко мнѣ. Отосли сіе письмо къ сестрицамъ. Если есть письма отъ нихъ, то — его высокородію Петру Егоровичу Свѣчину, на Мойкѣ, близъ Краснаго моста, т. е. въ вашей канцеляріи, отдать; онъ, Свѣчинъ, перешлетъ вѣрно ко мнѣ. Потрудись, другъ мой, самъ отдать ему въ руки. Пришли мнѣ табакъ курительнаго, янтарный чубуекъ и нѣсколько русскихъ стиховъ, да балладу Жуковскаго, чѣмъ меня много обрадуешь. Я тебя болѣе люблю, нежели ты меня; еслибъ ты былъ въ походѣ, то я бы болѣе, нежели ты для меня, сдѣлалъ. Но, Богъ съ тобой! Кому талантъ, кому два — людей и всегда въ несчастіи собственными боками узнаешь. Прощай и будь здоровъ *****). Батюшковъ.

*) А. П. Турчаниновъ.

**) Гревенсъ, мужъ 3-й сестры К. Н-ча, Анны Николаевны. Въ его семействѣ жилъ впоследствии большой К. Н., въ Вологдѣ, до своей кончины.

***) А. Н. Оленинъ тогда былъ статсъ-секретаремъ, помощникомъ главнаго директора императорскихъ библиотекъ (гр. А. С. Строгонова), присутствующимъ въ деп. удѣловъ и экспедиторомъ 4-й экспедиціи госуд. совѣта.

****) Муравьева, жена Михаила Никитича и мать декабристовъ Никиты, Ипполита и Александра.

*****) Это письмо, равно какъ и приводимыя ниже подъ №№ XII, XIII, въ нашей коллекціи имѣются въ копіяхъ, а не въ подлинникахъ. Сохранились-ли послѣдніе и гдѣ они находятся — мы не знаемъ.

VII.

Финляндія, 25 декабря (1808).

Я къ тебѣ пишу три слова. Курьеръ ѣдетъ, а о его отправленіи сію минуту узналъ. Пиши ко мнѣ, мой другъ, о сестрицахъ; я ни одной строки не имѣю. Здоровы-ли онѣ? — Право, сердце кровью заливадается отъ скуки. Мы живемъ въ 13-ти верстахъ отъ города Вазы, а Ваза есть городъ вымазанный красной краской... и болѣе ничего. Пришли, мой другъ, табаку не замедля, поболѣе, и мой чубуекъ янтарный, да другой купи хорошій. Пришли книгъ, Бога ради. Какихъ-нибудь русскихъ стиховъ. Купи еще мнѣ чаю фунта два и книгу: *Ossian tradotto dall' abate Cesaroti*. Я объ ней ночь и день думаю. Къ тебѣ съ симъ курьеровъ обстоятельнаго ничего писать не могу, ибо принужденъ писать на лоскутѣхъ. Пиши по-длиннѣе, по-длиннѣе. Ыздишь-ли ты къ Оленину? Пару перчатокъ теплыхъ не забудь.

Прощай мой другъ, свиданіе наше будетъ за синимъ океаномъ, вдаль въ мерцаніи багряномъ.

Ваза, 26 декабря.

Конст. Бат.

Посылки отдай въ домъ Ланского, гофъ-маршала *) на имя Турчанинова **) или лучше въ домъ графини Строгоновой ***): „Въ бригадѣ графа Строгонова. Въ Вазу“. Графиня съ удовольствіемъ беретъ на себя пересылать письма офицерамъ.

Здорово-ли у васъ, какъ ты поживаешь?

(Адресъ: Е. В. Н. И. Гиздичу, вождь Московской сѣзвки въ большомъ каменномъ домѣ, или отдать въ департаментъ грава Завадовскаго у Краснаго моста).

VIII.

Городъ Гамели Карлеби. (Финляндія, 1808, декабрь).

Я получилъ письмо твое. Курьеръ ѣдетъ сію минуту. Если есть у тебя письмо, то отдай ему. Когда сестры пришлютъ деньги или письмо, то отнеси ихъ въ домъ гофъ-маршала Ланского, его сыну камеръ-юнкеру и адресуй на имя полковника Андрея Петровича Турчанинова. Пришли съ этимъ курьеромъ кнастеру. Прощай; перешли перчатки сестрамъ и письмо также. Можетъ скоро увидимся, пиши пространнѣе.

К. Б.

На маршѣ, декабря 1808.

*) Степанъ Сергѣевичъ. Двое молодыхъ Ланскихъ были товарищами Б. по полку.

***) Андрей Петровичъ, полковникъ того-же полка.

***) Гр. Павелъ Александр. Строгоновъ тогда былъ ген.-майоромъ л.-гв. въ Измайловскомъ полку (р. 1774 ум. 1817). Женатъ былъ на княжнѣ Софьѣ Влад. Голицыной (1774—1845).

IX.

1-го апрѣля 1809.

Любезный другъ, Николай Ивановичъ! Я писалъ къ тебѣ назадъ тому дня четыре, и надѣюсь что ты получилъ письмо мое. Въ какомъ ужасномъ положеніи пишу къ тебѣ письмо сіе! Случень, печалень, уединень. И кому повѣрю горести раздраннаго сердца? Тебѣ, мой другъ, ибо все что меня окружаетъ, столь же холодно, какъ и самая финская зима, столь же глухо какъ камни. Ты спросишь меня: откуда взялась желчь твоя? Право, не знаю; не знаю даже зачѣмъ я пишу, но по сему можешь ты судить о беспорядкѣ мыслей моихъ. Но писать тебѣ, есть нужда сердца, которому скучно быть одному, оно хочетъ излиться.... Зачѣмъ нѣтъ тебя, другъ мой! — ахъ! — Если въ жизни я не жилъ бы другихъ минутъ, какъ тѣ, въ которыя пишу къ тебѣ, то право давно пересталъ бы существовать.

Пиши ко мнѣ чаще, прошу тебя. Почта, говорятъ, установлена, и мы можемъ теперь повѣрять другъ другу чувства сердецъ нашихъ. Пиши хоть о пустягахъ, и это меня разсѣветъ. Выполни по прежнему письму моему и пришли въ точности все, о чемъ тебя просилъ. Увѣдомь меня о сестрицахъ; давно уже отъ нихъ не имѣю извѣстій. Гдѣ онѣ? и что дѣлаютъ? Мнѣ такъ грустно, такъ я собой недоволенъ и окружающими меня, что не знаю куда дѣваться. Повѣришь ли? Дни такъ единообразны, такъ длинны, что самая вѣчность едва ли случяѣе. А вы, баловни, жалуетесь на свое состояніе!

Этимъ кончу письмо. Ты скажешь, стоило ли труда писать? — Да, стоило, ибо мнѣ легче. Прощай будь счастливыѣ.

Надендаль.

Бовст. Батюшковъ.

Перешли сіе письмо къ Павлу Алексѣвичу *).

X.

Начато 3 мая (1809).

Qu' un ami véritable est une douce chose! скажемъ съ Лафонтеномъ, да прибавимъ еще съ Дмитриевымъ: „Чувствительна душа и въ чужѣ веселится“. Я былъ внѣ себя отъ радости, какъ получилъ письмо твое, любезный Николай. Я зналъ, я предчувствовалъ что Танкредъ **) будетъ хорошо принять, — но меня еще болѣе радуешь, отгадай что? Твоя радость. По крайней мѣрѣ ты нѣсколько минутъ былъ въ восхищеніи, а это вижу по твоему письму. Пиши мнѣ пространнѣе обо всемъ: какъ играли, что говорить сѣдме цензоры и весь арео-

*) Шипиловъ, мужъ 2-й сестры К. Н-ча, Елизаветы Николаевны.

**) Танкредъ—трагедія Вольтера, переведенная Гидичемъ—предст. въ 1-й разъ 8 апр. 1809 г. Особенное впечатлѣніе на зрителей произвела К. С. Семенова (впоследствии кн. Гагарина), въ роли Аменанды.

нагъ и вся сволочь, и шмели, и трутни и змѣи, и гарпія, и все, что говорить и судить своимъ и чужимъ умомъ... и всѣ, какъ говорить Мольеръ. „Figure de savant sur les bancs du théâtre.“ Смѣшныя судьи! — Скажи еще, не видалъ ли, не замѣтилъ ли тамъ въ тѣни, гдѣ нѣтъ ни луча солнечнаго, ни даже восковой плошки, несчастныхъ освещенныхъ авторовъ, которые съ скрежетомъ тебѣ прошептали: боже-ственно! — Не видалъ ли адскихъ богинь, которыя живутъ не въ водахъ Флегетона, но въ театральномъ коридорѣ, вопреки Вольтеру и его Генриадѣ:

*Là git la sombre envie, a l'oeil timide et louche
Versant sur des lauriers les poisons de sa bouche,
Le jour blesse ses yeux, dans l'ombre étincelants...
Auprès d'elle est l'orgueil, qui se plaît et s'admire...
La faiblesse au teint pâle aux regards abattus...
La tendre hypocrisie aux yeux pleins de douceur,
Le ciel est dans ses yeux, l'enfer est dans son coeur.*

Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ! Я радъ что хорошо сыграна и думаю, что ты не даромъ потерялъ свое время. Увѣдомь меня, что ты за нее получишь. Я надѣюсь что фортуна не отворотитъ отъ тебя своего лица, вылитаго изъ золота, и не покажетъ тебѣ своей чугунной задницы. Я желаю тебѣ все, что дружба пожелать можетъ.

Мундиры получилъ, а кнѣзь нѣтъ. Дѣло не о томъ. — Я подалъ просьбу въ отставку (увѣдомь объ этомъ сестеръ, незамедля) за ранами чрезъ К. Багратіона *) и надѣюсь, что скоро выйдетъ рѣшеніе. Такъ нездоровъ, что къ службѣ вовсе не гоусь, хотя и желалъ бы продолжать. Отъ Абр. Ил. писемъ неимѣю; поговори ему, чтобъ онъ хоть строкой увѣдомилъ. Я къ нему раза три писалъ. — Скажи А. Н. Оленину, что я просился въ отставку. Это нужно. Я самъ его увѣдомлю, а о прочемъ и говорить нечего

Et je serais fâché d'être sage à leurs yeux....

Видишь ли, какая память и какъ я ее украшаю въ Финляндіи! Еслибъ ты зналъ, какъ грустно!... Дай всю силу этому слову — и вѣрно обо мнѣ пожалѣешь.

Пожиру руку у Радищева **); у него сердце на ладони; я и его не переставалъ любить. — Люди мнѣ такъ надоѣли и все такъ наскучило, а сердце такъ пусто, надежды такъ мало, что я желалъ бы

*) Вѣроятно Петра Ив-ча, который былъ тогда шефомъ полка, въ которомъ служилъ Батюшковъ.

***) Николай Александровичъ, старшій сынъ Ал. Н-ча, автора «Путешествія изъ Петерб. въ Москву». Изъ его сочиненій изданы отдѣльно: «Алеша Поповичъ» и «Чурила Пленковичъ», двѣ поэмы въ стихахъ; написанная имъ біографія отца, такъ и осталась до сихъ поръ въ рукописи у кн. П. А. Вяземскаго.

уничтожиться, уменьшиться, сдѣлаться атомомъ; ты меня вѣрно понимаешь:

Кто сильно чувствуетъ, тотъ сильно выражаетъ....

Долго ли мнѣ ссылаться на другихъ? — Мартыновъ *) написалъ бы здѣсь, въ скобкахъ, эстетическимъ перомъ своимъ *citer à propos et mal à propos*. — Выщипли перья у любви, которая состарѣлась, не вылетая изъ твоего сердца; ей крылья не нужны. А. Ф., право, хороша и давай ей кадить! — Этимъ ничего не возьмешь. Не летай вокругъ свѣчки — обожжешься. А впрочемъ, какъ хочешь — и это имѣетъ свою пріятность, неправда-ли? Я такъ этакъ думаю, на холостомъ ложѣ, перебирая старую быль въ головѣ своей: лучше какъ-нибудь вкушать блаженство, нежели никакъ, а здѣсь въ кого влюбилъ? Развѣ въ Анну, Кайсу, Бриту, которыя бы годились въ прислужницы греческимъ Царямъ. Прюзорочныя чухонки!

А когда я любилъ, увѣнчанный ландышами, въ розовой тюникѣ съ посохомъ, перевязаннымъ зелеными лентами, цвѣтомъ надежды, съ невинностью въ сердцѣ, съ добродушіемъ въ пламенныхъ очахъ, приѣвая: „кто могъ любить такъ страстно,“ или „я неволенъ, но доволенъ,“ или „нигдѣ мѣста не найду,“ ты смѣялся злодѣй, — теперь я захою: „я плакалъ, ты смѣялся“ и проч.

Le sage est ménager du tems et des paroles!

А я съ тобою такъ разболтался. Пришли книгъ и Капниста по ночтѣ, можешь и писать: она регулярно ходитъ. Прошу тебя увѣдомить обо всемъ сестеръ, не замедля.

Я не смѣю и говорить тебѣ, что люблю еще какъ дуракъ и кого? Ты самъ знаешь и знаешь также, о чемъ хочу просить. Женимся, кой другъ, и скажемъ вмѣстѣ: Святая невинность, чистая непорочность и тихое сердечное удовольствіе, живите вмѣстѣ въ бѣдномъ домѣ, гдѣ нѣтъ ни бронзы, ни драгоценныхъ сосудовъ, гдѣ сватерть послана гостепрѣимствомъ, гдѣ сердце на языкѣ, гдѣ фортуны не чувствуютъ въ почетномъ углу, но гдѣ мирный Пенать улыбается друзьямъ и супругамъ... мы васъ издали привѣтствуемъ. Не правда ли? А пока пойдемъ съ рублемъ къ каменному мосту и потомъ направо.

Я вдругъ получилъ извѣстіе, что г. Строгоновъ ѣдетъ, и спѣшу кончить письмо. — Пришли книги. Конст. Батюшк.

Освѣдомляйся у Спиридова, адъютанта Строгонова, какое теченіе приметъ моя просьба и увѣдомляй меня немедленно. Это все можно чрезъ Полозова.

*) Извѣстный переводчикъ греческихъ классиковъ, бывшій тогда директоромъ департ. народ. просвѣщенія.

XI.

4 августа 1809. (Изъ деревни.)

Я не писалъ къ тебѣ, другъ мой, и могъ ли писать; сдѣлался такъ боленъ, что хотъ брось. Здѣсь все благополучно. Гдѣ ты пожи-
ваешь, другъ мой? — Радищевъ пишетъ, что на дачу переѣзжаешь.
Пріѣзжай лучше сюда; рѣшишь и дѣло въ шляпѣ.

Тебя и нимфы ждуть объятья простирая,
И фавны дикіе кроталами играя,
Придешь — и всѣ къ тебѣ на встрѣчу прибѣгутъ
Изъ древъ гамадриады,
Изъ рѣкъ обмытыя наяды.
И даже сельскій п—ъ, сатиръ и пьяный плутъ.

А если не будешь, то все перемѣнить видъ, все заплачетъ, за-
рыдаешь:

Цвѣты завянутъ всѣ, завоютъ рощи дикіи,
Слезами потекутъ кристаллы ручейки,
И, рѣзки испустивъ въ болотѣ ближнемъ крики,
Прочь крылья наострятъ носасты кулики,
Печальны чибисы, умильны перепелки.
Не станутъ пастухи играть въ свои свирѣлки,
Любовь и дружество — погибнетъ все съ тоски!

Вотъ тебѣ два мадригала, а пріѣдешь — и цѣлая поэма. Скажи
Аннѣ Петровнѣ, что я ѣхалъ по слѣдамъ Бороздина. Его гдѣ при-
нимали за шпіона, гдѣ за чудака (онъ часто ночью гулялъ), а гдѣ
и за статскаго совѣтника. Попроси А. Н., чтобъ онъ не сердился на
меня за то, что я съ нимъ не простился. Вотъ пятьдесятъ рублей
въ уплату крестовъ; я чаю, ты получилъ отъ фонъ-Мендена или Про-
тасьева *) деньги. Перешли и сіи письма къ Макарову черезъ Ради-
щева. Если заплатилъ деньги за кресты, то оставь сіи деньги у себя,
вой для какихъ покупокъ, да пришли мнѣ съ первой почтой плете-
ный чубукъ для фарфоровой трубки, купи у Голандца; также вак-
штафу два фунта, у меня нѣтъ ни крохи. Пожалуйста увѣдомъ поско-
рѣе, гдѣ ты и что намѣренъ дѣлать. Vale e me ama. Я къ Радищеву
буду писать, если онъ здѣсь въ Питерѣ. Попроси Алек. Петр.**, чтобъ
онъ увѣдомилъ меня строчкой, и прислалъ бы книгу, что у него есть
о псовой охотѣ. Конст. Бат.

Я безъ табаку пропалъ.

*) Бывшіе сослуживцы по егерскому полку, какъ и Петръ Степ. Макаровъ,
упоминаемый вслѣдъ за нимъ.

**) Бенцзаго.

XII.

(7 августа 1809 г.).

Я къ тебѣ писать не буду. Ты самъ лѣнивъ. Напечатай эти стихи въ „Драм. Вѣстникъ“, чтобы доказать, что я живъ и волею Божіею еще не помре съ печали. Я выбралъ нарочно трудныя мѣста для переводчика. Послание къ Тассу *) тебѣ понравится. Марай дурное — воля твоя, — но пожалѣй немного сіе новорожденное дѣтище. Прости до первой почты.

7 августа.

К. Б.

XIII.

(19 августа 1809 г.).

Я къ тебѣ пишу мало, потому что боленъ и скученъ, но съ первой почтой буду писать пространнѣе. Увѣдомляй меня почаще; здѣсь въ пустыни и ковчегъ Ноевъ — новость, а у васъ тамъ ничему не удивляются. Изъ твоего письма вижу, что обитаешь на дачѣ, въ жилищѣ Сиренъ. Мужайся, Улиссъ! Здѣсь-же ни одной Сирены; а спутниковъ Итакскаго мужа, который десять лѣтъ плылъ изъ Малой Азіи на каменный и бѣдный островъ, — очень много. Какъ минута можетъ пережвнгиť предметы! Я отворилъ окно и вижу: нимфа Ю ходять, голубушка, и мычить Богъ вѣсть о чемъ; двѣ Леды кричать немилосердно. Да, посмотри... тамъ въ тѣни — право стыдно!... бараны, можетъ быть, изъ стада царя Адмета...

Накиннемъ занавѣсъ цѣломудрія на сіи сладостныя сцены, какъ говоритъ Николай Михайловичъ Карамзинъ въ Натальѣ. Пожалуста пришли мнѣ стиховъ изъ Петербурга, а я тебѣ пришлю перчатокъ замшевыхъ хоть дюжину.

Ты, можетъ быть, забылъ, что мнѣ нужно разсѣяніе и для того я все говорю о дѣлѣ — (дамскій силлогизмъ). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ; напечатай въ „Цвѣтникъ“, если онъ не завялъ совершенно. А онъ недурны. На будущей почтѣ я пришлю тебѣ нѣсколько похвальныхъ словъ, а именно вотъ какихъ: поэтъ Сидоръ, что написалъ Потопъ, а рыбы на кустахъ, ну ужъ гений! А Кузьма, что

*) Послание это напечатано въ «Драмат. Вѣстникъ» (ч. VI, стр. 62 — 67), съ примѣчаніемъ, что «его предположено было напечатать въ заглавіи перевода Осв. Іерусалима». Это и 5 другихъ примѣчаній въ изданіи соч. Батюшкова опущены. Въсѣдъ за «Посланиемъ» въ «Др. Вѣст.» былъ помѣщенъ и отрывокъ изъ перевода. Осв. Іерусалима (стр. 68 — 72). Ему предшествовали слѣдующія строки: «Можетъ быть охотники до стиховъ съ снисхожденіемъ прочитають опытъ перевода нѣкоторыхъ октавъ изъ безсмертной Тассовой поэмы. Если не найдутъ высокихъ піитическихъ мыслей, красоты выраженій, плавности стиховъ, то вина переводчика: подлинникъ безсмертенъ». Подпись подъ переводомъ NNN. Въ соч. Батюшкова онъ есть.

сидитъ въ креслахъ на Васильевскомъ Острове, возлѣ Биржи, мастеръ писать... хоть съ виду и не хитеръ, а ума палата!

Я увѣренъ, что эпиграммы по тебѣ, а особливо на женщинѣ, Виргиліевъ переводъ и журналиста *).

Гдѣ Радищевъ? Онъ вѣрно въ Москвѣ. Дай его адресъ. Капниста адресъ мнѣ нуженъ необходимо. Пришли мнѣ дамскій сувениръ, на манеръ моей книжки, что купилъ я въ магазинѣ въ 10. или 15 руб. „Др. Вѣстникъ“ 11-й части съ 144 листа недостаетъ; пришли мнѣ его неотмѣнно, также Державина, если есть кредитъ; а я тебѣ деньги вышлю съ первой почтой. Надѣюсь, что кресты отправлены; а табаку ожидаю, какъ цвѣтокъ росы. Если можешь прислать турецкаго корошаго, лучшаго; такого, что нестыдно курить въ магометовомъ раю, на лонѣ гурій, съ аравійскими ароматами, съ алоемъ, шафраномъ, съ анемонами, съ ананасовымъ сокомъ... Ты понимаешь!

Ты получилъ пенсіонъ!

Сердце у меня выскочить хотѣло отъ радости. Ты знаешь, что я въ половину чувствовать не умѣю. Письмо сіе было запечатано, отослано; но опоздало на почту. Приносятъ письмо отъ Радищева и я читаю, что ты получилъ пенсіонъ! Да здравствуетъ князь Гагаринъ! ** Я бы желалъ его знать покороче: онъ стѣбитъ того! Вытолкни его изъ круга нынѣшнихъ господчиковъ: онъ право феноменъ!... Ну, слава Богу, ты имѣешь кусокъ вѣрнаго хлѣба; великое дѣло! Жаль, что меня съ тобою нѣтъ: я-бы по своему праздновалъ это мое благополучіе. Я любилъ всегда Гомера, а теперь обожаю: онъ кромѣ удовольствія неизъяснимаго дѣлаетъ добро человѣчеству. Да тѣнь его потрясется на Олимпѣ отъ радости!

Играйте, оневскія музы,
Играйте во свирѣли, флейдузы!

Скажу съ Тредьяковскимъ и обниму тебя отъ всего сердца, души и помышленія. Весь твой Копст. Батюшк.

*) Эпиграммы эти не вошли въ собраніе соч. Батюшкова. Напечатаны онѣ въ «Цвѣтникѣ» 1810 г. № 1 и 3. Вотъ эпиграмма «На переводъ Виргилія» сдѣланнй Мерзляковымъ:

Вдали отъ храма музъ и рошей Геликона
Фебъ мстительной рукой Сатира задавилъ;
Воскресъ уродъ и отомстилъ:
Друзья... онъ душитъ Аполлона!

К. Б — въ.

***) Кн. Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ былъ тогда дѣйстви. камергеромъ и шталмейстеромъ двора ея высочества Екатерины Павловны, назначившей Гнѣдичу пенсіонъ. Князь впоследствии женился на извѣстной К. С. Семеновой.

XIV.

Окончено сентабра 6-го, 1809.

Я получилъ письмо твое отъ 23-го и радуюсь твоей радости, печалюсь твоей печали. Ты нажилъ завистниковъ? Но долженъ ли я повторять прежнія слова? Коррадо *) ихъ не родить, а переводы Иліады **) и Танкреда имѣютъ сильныя требованія на зависть и злобу. А пенсіонъ? — Брось печаль свою... Я желалъ бы, чтобъ мнѣ завидовали. Къ несчастію, есть люди, которые только жалѣютъ объ моихъ шалостяхъ, можетъ быть, изъ зависти. Я самъ умѣю плечами пожимать и болѣе кстати, нежели они, а языкъ мой? Если начну разглагольствовать въ жару страсти, вспомни, остеръ или нѣтъ? Но оставь Гарпій..... пойдемъ къ Граціямъ, къ Семеновой. Вотъ ей стихи. Если она скромна какъ Кореджіева дѣва, то и тутъ не отказалась бы отъ этой похвалы ***). Все что ты ни напишешь на

*) Донъ Коррадо де Геррера, или духъ мщенія и варварства гишпанцевъ—первый печатный опытъ Гнѣдича, романъ въ 2 ч. (М. 1803).

**) Въ 1809 г. Гнѣдичъ напечаталъ 7-ю пѣснь Иліады, переводъ александрійскими стихами, какъ продолженіе перевода Е. Кострова. В. Кн. Екатерина Павловна, супруга принца Ольденбургскаго, назначила Гнѣдичу, въ поощреніе къ дальнѣйшему труду, по 1000 р. ежегодной пенсіи.

***) Стихи эти напечатаны въ «Цвѣтникѣ» Измайлова и Веницкаго, но ни въ одно изъ собраній соч. Батюшкова не вошли (см. «Цвѣтникъ» 1809. ч. 3, стр. 409 — 410):

Стихи г. Семеновой.

E in si bel cogro piu saга venia.

Тассъ, V пѣснь «Освобожденнаго Іерусалима».

Я видѣлъ красоту достойную вѣнца,
Дочь добродѣтельную, печальну Антигону,
Опору слабую несчастнаго слѣнца,
Я видѣлъ, я внималъ ея сердечну стону,
И въ рубищѣ простомъ почтенной нищеты
Узналъ богиню красоты.

Я видѣлъ, я позналъ ее въ Моиствѣ страстной
Средь сонма древнихъ Бардъ, средь колій и мечей;
Ея гласъ сладостный достигъ души моея,
Ея взоръ пламенной, всегда съ душой согласной,
Я видѣлъ — и позналъ небесныя черты
Богини красоты.

О дарованіе, одно другимъ вѣнчанно! *)
Я видѣлъ Ксевію стелящу предо мной:
Любовь и строгій долгъ владѣютъ вдругъ княжной,

*) Дарованіе поэта и актрисы. (Примѣч. Батюшкова).

этотъ случай, будетъ слишкомъ обыкновенно... Я взялъ перо съ удовольствіемъ и въ первый разъ, можетъ быть, съ пользой и кстаті... т. е. для дружества. Можешь это напечатать, но гдѣ? Беницкаго *), втораго въ тайнѣ музы и три четыре человека, много, жалѣть будутъ, — я думаю, не стало. Безъ него и Цвѣтникъ такъ завялъ, какъ у меня въ саду послѣ осеннихъ дождей витайскій макъ. Надѣюсь, что Семенова поблагодаритъ, хоть словомъ своей руки; а тѣмъ болѣе на это имѣю права, что съ ней незнакомъ. — Ты теперь совершенно хочешь погрузиться въ Илиаду, какъ Ахиллесъ въ рѣку забвенія. И долженъ! — этого слова ни мой, ни твой желудокъ не варить. Одна-вожъ, что тебя будетъ оживлять, омылять поэтическій духъ, отда-дай? — Зависть; точно она; лучший способъ ей мстить: молчать и дѣлать.

Что творить Ан. Петр. на дачѣ? — Спроси ее гдѣ Ниловы, а къ нимъ хочу писать посланіе. Гдѣ Капнистъ? — Какъ къ нему писать? Про Хераскова трагедію ты говоришь, что академія ее вѣнчала **). Она дѣлаетъ свое дѣло, т. е.

Triste amante des morts elle hait les vivans.

Какой ты чудакъ! — Ни слова будто не могъ сказать Измаилову, либо самъ сходитъ къ Лесновскому за журналомъ? — Не стыдно-ли? Еслибъ зналъ, что здѣсь время за вещь? — Что крылья его — свинцовыя? — Что убить нечѣмъ? — Ужъ я принужденъ читать пряники Долгорукова***), за неимѣніемъ лучшаго. Пришли Драматическій Вѣст-

Воренье всѣхъ страстей въ ней къ ужасу слѣнно
Я видѣлъ, чувствовалъ душевной полнотой
И счастливъ сей мечтой!

Я видѣлъ — и хвалить не смѣлъ въ восторгъ страстномъ,
Но нынѣ, истинной священной вдохновенъ,
Скажу, красоть соборъ въ ней явно съединенъ:
Душа небесная во образѣ прекрасномъ
И сердца добраго всѣ рѣдкія черты,
Безъ коихъ ничего и прелесть красоты.

Ярославль, сентября 6.

К. В.

*) Александръ Петр. Беницкій, очень талантливый писатель и одинъ изъ издателей «Цвѣтника», умеръ 30 ноября 1809 г., 28 лѣтъ отъ роду, о немъ см. въ «Цвѣтникѣ» 1809, ч. IV, стр. 264—267.

**) Мих. Матв. Херасковъ (р. 1733, ум. 27 севт. 1807) незадолго до смерти своей, по задачѣ россійской академіи, написалъ и представилъ въ академію трагедію: «Раздѣленная Россія или Зеренда и Ростиславъ». Она признана академіею достойной награды.

***) Сочиненія вн. Ив. Мих. Долгорукаго. Они изданы въ 4 ч. подъ заглавіемъ: «Бытіе сердца моего».

никъ *), но въ полнотѣ. Нѣтъ ли чего новаго? — Я весь итальянецъ, т. е. перевожу Тасса въ прозу **). Хочу учиться и дѣлаю исполнискіе уснѣхи. — Стихи свои переправилъ такъ, что самому любо. Право, лучший судья, послѣ двухъ или трехъ лѣтъ, самъ сочинитель, если онъ не зараженъ величайшимъ порокомъ и величайшею добродѣтелью — самолюбіемъ. Не издаетъ-ли кто нынѣ журналовъ? — Что новаго? — Не похудѣлъ ли другъ Радищевъ? Каково Яковлевъ играетъ? — Какова погода? — Продають-ли вареную кислоту съ пошеранцовыми отрубями, осыпанную лавровымъ листомъ? — Живъ ли твой аппетитъ? — Долго-ли Мартыновъ исповѣдуетъ и что спрашиваетъ на духу? — Какое обширное поле для эпиграммъ! — Не худо-бы тебѣ прислать мнѣ турецкаго табаку; порадуй же меня и душу мою. Маленькій Катенинъ ***) что дѣлаетъ; онъ съ большимъ дарованіемъ; гдѣ онъ? — Франкови пиллы продають въ аптекахъ, въ главныхъ, для тѣхъ, у кого есть языкъ. Пришли ихъ пожалуйста, да ваеси для сапогъ.

Я завожу переписку съ Ч—вой, это преутѣшная и превабавная реляція подвиговъ...

Не влюбленъ-ли ты? — Когда такъ, то плюнь — и все тутъ.
 Что значить *ex fulgore*? — Больно жаль Венецаго! — Жильбертъ въ немъ воскресъ и умеръ. Большія дарованія, рѣдкій, свѣтлый умъ; жаль что залилось желчью; а его болѣзнь, я думаю, превратилась въ нервическую; а на себѣ испыталъ это ужасное положеніе: чувствовать все гораздо сильнѣе, но съ меньшими тѣлесными силами! Поневолѣ призадумашься и скажешь: что чеховѣкъ? За что одинъ страдаетъ, другой... но всѣмъ участь одна, всѣ, какъ царь и рабъ, умираемъ и живемъ несчастливы. Но basta! — слышомъ умно заговорилъ нестати. Пришли табаку турецкаго. Помнишь ли, что Врутъ ****) говорилъ въ сенатѣ, на улицѣ, дома, въ храмахъ, на площади, на с...нѣ? Онъ говорилъ: гибель Барбагенѣ; а не Врутъ, такъ говорить стану: дай табаку. Я читалъ все это время Книжнина сочиненія. Сколько хорошаго; Сколько ума и соли! — и какое холодное, мерзлое дарованіе! —

*) «Драматическій Вѣстникъ» издавался въ 1808—1809 гг. Въ немъ между прочимъ участвовали Н. И. Гнѣдичъ и И. А. Крыловъ. Изданіе это теперь крайне рѣдко.

***) Одною переводилъ и стихами, какъ это показывается отрывкомъ изъ Хлѣбни Осв. Іерусалима, тогда же помѣщенный въ «Цѣтникѣ». (1809, ч. II, стр. 342—356).

****) Павелъ Андреевичъ, авторъ многихъ стихотвореній и переводчикъ Раина и пр.

*****) Ошибка, вм. Катонъ.

У меня есть сосѣдъ, который пишетъ, читаетъ церковную подѣ титлами и гражданскую печать, не примуть-ли его въ академію? — Знаешь-ли какія этимъ членамъ надобны кресла? — Ст...ки. О варвары, о Брашенинниковы, о Тредьяковскіе. — Эта академія не всегда была запакощена, въ ней были, сіяли люди, истинно съ дарованіями. Mais sans un Mécenas à quoi sert un Auguste? — Гдѣ Крыловъ? — Что дѣлаетъ Шаховской и Жихаревъ? — Полововъ ко мнѣ не пишетъ. Сочини изъ этого письма экстрактъ, да пришли его мнѣ полюбоваться. Ни начала, ни конца! — Жаль, не губи эпиграмъ моихъ въ Цвѣтникѣ; онѣ право не такъ дурны. Да пришли мнѣ Цвѣтникъ, ради Бога. — Что значить *ex fulgore*? Продолженіе впредь. — Посмотрю у меня камины погасъ, а на дворѣ стужа.

Итальянскій эпиграфъ очень приличенъ къ Семеновъ; это одинъ изъ лучшихъ стиховъ Тассовыхъ (скажу мимоходомъ, что Іерусалимъ — совровище: чѣмъ болѣе читаешь, тѣмъ болѣе новыхъ красотъ, которыя исчезаютъ во всѣхъ переводахъ), онъ значить: въ прекрасномъ тѣлѣ прекраснѣйшая душа. Этотъ стихъ взять изъ Энеиды, вотъ латинскій: *Gratior et pulchro veniens in corpore virtus*. Смирися предъ моею ученостью!

Право, мои стихи не дурны. — Какъ понравятся, не знаю?

Растиньяковы кресты отправь съ Семеномъ. 50 р. съ тѣми, что я послалъ, и съ этими, у сего приложенными, составятъ 150. — Кресты и письма отнеси Делагарду самъ; онъ очень любезный малый, другъ Растиньяковъ, — живетъ въ капитулѣ Мальтійскомъ на дворѣ, или отошли, но самому лучше. Купи на остальныя Державина сочиненія, Монтаня непременно и табуку турецкаго. Какъ бы сладостно выкурить трубочку!

Если получишь отъ Протасьева, то купи что-нибудь, рублей въ 75, на шею для Вариньки, *) по крайней мѣрѣ притергуй; не знаю что носить. Мнѣ хочется помоднѣе.

Что значить *ex fulgore*?

Бога ради, кресты отправь, извинись предъ Делагардомъ, что я тебѣ не сказалъ по вѣтренности адреса его.

XV.

19 сентября 1809.

Я радуюсь, что письмо мое тебя утѣшило. Могло ли произвестъ иное дѣйствіе на сердце, способное раздѣлять въ полнотѣ чувство дружества? — Могъ ли бы я тебя любить, еслибъ душа твоя не отзывалась согласно на голосъ моей дружбы? — Чѣмъ болѣе живу, тѣмъ

*) Младшая сестра Е. Н-ча.

болѣе люблю тебя, всѣ даже маловажныя происшествія связываютъ тѣснѣе союзъ дружества. Оно растеть съ годами, ибо мы гораздо болѣе привязаны другъ къ другу теперь, нежели назадъ тому годъ и болѣе. Любовь совсѣмъ не такъ: эта горячка любви, эти восторги, упоющіе душу, исчезаютъ. — Гдѣ истинная любовь? — нѣтъ ея. Я вѣрю одной вздыхательной, Петраркизму, т. е. живущей въ душѣ поэтось, и болѣе никакой. Въ дружбѣ мой девизъ: истина и снисхождение. Истину должно говорить другу, но стольже осторожно, какъ и самолюбивой женщинѣ; снисходительну должно быть всегда. Ради сего послѣдняго пункта, и въ силу этого условія, я могу болтать до усталы, не правда ли?

Я твоей загадки не понимаю, да и не силюсь понять. Ты хочешь заняться Гомеромъ, и совѣтую. Разстанься, удались отъ писателей. Повѣрь мнѣ, это нужно. Я знаю этихъ людей, они вблизи гораздо болѣе завидуютъ. Хорошо съ ними водиться тому, кто ищетъ одной извѣстности, а не славы. Ты въ первой не имѣешь нужды, а послѣднюю ничѣмъ приобрести нельзя, какъ трудами. Позволишь-ли дать совѣтъ? — Перечитывая твой переводъ, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что излишній славянизмъ не нуженъ, а тебѣ будетъ и пагубенъ. Стихи твои, и это забывать тебѣ никогда не должно, будутъ читать женщины, а съ ними худо говорить непонятнымъ языкомъ. Притомъ, кажется, что славянскія слова и обороты вовсе не нужны въ нѣкихъ мѣстахъ; ты самъ это чувствовалъ. Но и здѣсь соблюди середину; подвигъ во истину трудный! — Кто хочетъ писать, чтобъ быть читаннымъ, тотъ пиши внятно, какъ Капнистъ, вѣрнѣйшій образецъ въ слогѣ, я не говорю — переводчику Илиады. Повѣрь мнѣ, что еслибъ Костровъ жилъ въ свѣтѣ, то не осмѣлился бы написать сицѣ для колесницы, а свѣтъ или еще значительнѣе слово — *utbanité* не послѣдняя для тебя выгода; и я думаю, что вечеръ, проведенный у Самариной, или съ умными людьми, наставитъ болѣе въ искусствѣ писать, нежели чтеніе нашихъ варваровъ. Я слогъ ихъ сравниваю съ рѣвкой, въ которую нельзя погрузиться, не омочивъ себя. Мнѣ кажется, что гораздо полезнѣе чтеніе Библии, нежели всѣхъ нашихъ академическихъ сочиненій, ибо въ первой есть поэзія, а Кондильякъ сказалъ: *on peut raisonner sans s'éclairer, mais on ne peut pas remuer son âme d'une manière nouvelle ou agréable, qu'aussitôt je ne sente le beau.* Вотъ преимущество стихотворнаго языка. Я не знаю поймешь-ли меня, но мнѣ кажется, что лучше прочесть страницу стихотворной прозы изъ Марен Посадницы, нежели Шипкова холодныя творенія.

Подумай, можетъ быть, я сказалъ правду. Какъ мнѣ Веницаго

жалъ! — Я читалъ нынѣ „умнаго и дурака“ въ Талии *). Онъ какъ предвидѣлъ конецъ свой. Все что ни написано, сильно, даже ужасно, слишкомъ сильно, напитано желчью. Живъ-ли-то онъ?

Увѣдомъ меня, какъ Семенова приняла рѣчь мою за Архія? — Я теперь перевожу отъ скуки Тиббула въ стихи**), Тасса въ прозу и перемарываю старые грѣхи. Много прибавилъ и что важнѣе—все переписалъ. Я бы послалъ тебѣ что-нибудь, но берегу до случая, когда могу все отправить вмѣстѣ; хочу велѣть переписать копии три. Если время будетъ, то пришлю и съ этимъ письмомъ. Въ Цвѣтникѣ и губить нечего. — Отправь кресты, Бога ради, отправь... Я можетъ быть поѣду вскорѣ въ Москву. Хорошо бы и тебѣ туда заглянуть, а? — Какая Аглая у Самариной? — Не Шаликова-ли журнала, обчесавшаяся муза? — Англичанка не сдѣлала ли развязку романа немного поспѣшно? Жаль что я не успѣлъ для нея застрѣлиться холостимъ выстрѣломъ. Напрасно говоришь, что я пишу на какого-то издателя Лук—го ***). Я этихъ ословъ плетьюмъ сѣчь не хочу. Пришли книги, объ которыхъ писалъ прежде, да пиши побольше объ дурачествахъ. Еслибъ ты зналъ, какъ мнѣ скучно! — Я теперь-то чувствую, что дарованію нужно побужденіе и ободреніе; бѣда если самолюбіе заснетъ, а у меня вздремало. Я становлюсь въ тѣгость себѣ и ни къ чему неспособенъ. Не знаю, въ прокъ-ли-то раннія несчастія и опытность? Бѣда, когда разсудка не прибавятъ, а сердце высушатъ. Я пилъ горести, пью и буду пить. Сегодня читалъ я, что Богъ сотворилъ человѣка и размыслилъ, смот. Моисеевы книги въ началѣ. И впрямь, гдѣ счастье? — Я его иногда нахожу въ краткихъ напряженіяхъ души п тѣла, ибо тѣло отъ души разлучать не должно, но тѣмъ болѣе отъ напряженія органы изнемогаютъ и горестъ тутъ какъ тутъ.

Книги, Бога-ради, пришли „Цвѣтникъ“, „Державина и „Драматическій Вѣстникъ“.

XVI.

...Послушай, мой другъ, что я хочу тебѣ сказать. Не что иное, какъ предположеніе, но если ничего никогда не предположишь, то и не

*) «Талия или собраніе разныхъ новыхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Издаѣ А. Беницкій. Часть 1-я. Сиб. 1807». По смерти Беницкаго Измайловъ сообщалъ въ Цвѣтникѣ (1809 г. № 11), что 2-я книжка Талии давно отпечатана, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не выпущена въ свѣтъ. Она такъ и осталась невыпущенною.

**) Переводъ Б—ва «3-й элегіи Тиббулла изъ 3-й книги» напечатанъ въ Вѣстникѣ Европы 1809 г. № 23, стр. 198—199, съ подписью К.

***) Эпиграмма Б—ва написана на Глушницкаго. (Цвѣтникъ, 1810, ч. V, стр. 353). Вѣроятно Гвидичъ отнесъ ее къ Аристарху Лукницкому. Въ собр.

выполнишь. Притомъ же слова мои пусти на воду, если не годятся. Именно: ты знаешь, что мнѣ 22 отъ роду; кончить вѣкъ свой въ моемъ чинѣ стыдно и глупо; ты знаешь еще, что никогда я ни у кого ничего не просилъ, но тебѣ открыться можно. Еслибъ я чувствовалъ, что ни къ чему неспособенъ, то вѣрно ни слова не вымолвилъ. Ты скажешь, зачѣмъ я перемѣнилъ службу?— Но нѣтъ, ты этого не скажешь, ты знаешь мои обстоятельства. Служить мнѣ надобно, но гдѣ и какъ?— Вотъ въ чемъ дѣло. Не можешь-ли мнѣ посовѣтовать и прочистить дорогу, чрезъ кого-нибудь въ иностранную коллегію, по дипломатикѣ (какъ говорить Крыловъ) и я чего-нибудь да стою, т. е. могу быть полезенъ, ибо знаю языки. Но это не хитрость. Гнѣть не могу и не хочу нигдѣ. А желаю, если возможно, быть посланъ въ миссію; поговори объ этомъ съ людьми умными, нѣтъ ли способа? Я знаю на опытъ, что иногда слово встаети отъ неважнаго человѣка значительнѣе, нежели сильная протекція. Знаю, что если кто умѣетъ немного цѣнить дарованія, тотъ болѣе склонитъ слухъ къ просьбѣ твоей, нежели какого-нибудь генерала. Посовѣтуйся съ Анной Петровной. На этотъ случай женщины всегда лучше насъ, ибо видятъ то, чего ми не видимъ, ибо, если захотятъ что, то сдѣлаютъ. Но я желаю бы нѣчто вѣрное, ясное, а не надежду, ибо ей гораздо болѣе въ моихъ пятническихъ мечтахъ, нежели въ словѣ завтра. Вотъ въ чемъ моя просьба состоитъ. Уважить и нѣтъ — отъ тебя зависить. Я бы согласился и безъ жалованья въ Италію, а это важное условіе. Неправда-ли? — Старайся, если можно. Оленина и просить не хочу, ибо я ему многимъ, очень многимъ долженъ. Есть, правда, средство черезъ Баранова *), и сильное, но ты знаешь, чего мнѣ стоить просить за себя! — Гдѣ Михайло Никитичъ!.....

Кстати скажу тебѣ, что черезъ мѣсяцъ ѣду въ Москву. Катерина Федоровна сильно приглашаетъ во всякомъ письмѣ, да и мнѣ ее увидѣть хочется.

Не можно-ли поговорить съ Гагаринимъ объ этомъ дѣлѣ? Вся сила состоитъ въ томъ: *frappez juste, mais frappez fort*, т. е.... Да я слишкомъ заболтался!... и такъ, чтобъ ты не назвалъ мечтой мои желанія. Но если, мой другъ, ты войдешь въ мое состояніе, то вѣрно, вѣрно пожалѣешь. Съ моею дѣятельностью и лѣтнью, я буду совершенно несчастливъ въ деревнѣ, и въ Москвѣ, и вездѣ. Служилъ всегда честно, это засвидѣтельствуешь тебѣ совѣсть моя. Служилъ

соч. Батюшкова она не вошла, какъ и многія изъ пьесъ, помѣщенныхъ въ Цвѣтникахъ, частью съ полной подписью, частью съ подписью: К. Б., или Б., или К., а частью и вовсе безъ подписи. Эпиграмма подписана: 1. 12.

*) Дядя Батюшкова, сенаторъ.

несчастливо, ты самъ знаешь, служилъ изъ креста и того не получилъ, и упустилъ все—даже время, невозвратное время! Теперь съ совершенной пустотой душевной, съ пагубной для меня, я рѣшился, если не пойду служить по этой части, то пойду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысячъ, что меня разорить совершенно, но гнить въ ничтожествѣ не могу. И впрямъ, когда мы посмотримъ на баловней фортуны... Правда, я имъ не завидую.

Римъ на прѣ, моря—есть не ужора. Да римъи искать, не читавъ стиховъ, все тоже, что лѣчить заочно больного. Не правда-ли, что римъи—занятіе преполозное? Какъ ты думаешь? Но римъи, скажу безъ смѣху, тѣмъ новѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ разительнѣе, наприимѣръ, у меня:

Се третій шествуетъ Алкастіи городъ и страшнѣ
Какъ древле Капаній у твердыхъ Эвевскихъ башенъ.

Этого нсма, надѣюсь, не будешь читать Самариной.

XVII.

1-го ноября кончено и послано (1809).

Г-жа Севинье, любезная, прѣкрасная Севинье говоритъ, что еслибъ она прожила только двѣсти лѣтъ, не болѣе, то сдѣлалась бы совершенною женщиною. Если я проживу еще десять лѣтъ, то сойду съ ума *). Право жить скучно; ничто не угѣшаетъ. Время летитъ то скоро, то тихо, зла болѣе, нежели добра; глупости болѣе, нежели ума; да что и въ умѣ?... Въ домѣ у меня такъ тихо, собака дремлетъ у ногъ монахъ, глядя на огонь въ печей; сестра, въ другихъ комнатахъ, перечитываетъ, я думаю, старыя письма... Я сто разъ бралъ книгу и книга падала изъ рукъ. Миѣ не грустно, не скучно; а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту... Что дѣлать? Развѣ поговорить съ тобою?

Я подумалъ о томъ, что писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ письмѣ, и невольно засмѣялся. Какъ иногда человекъ бываетъ глупъ!

1-е дурачество: я сравнялъ себя съ Дмитріевымъ, назначилъ себѣ мѣсто ступенью ниже его!... Бога-ради, не напечатая этого! Да и не читай никому.... 2-е дурачество: говорилъ тебѣ о какой-то миссиі... не во снѣ-ли я?... Надѣюсь, что ты это все прочитаешь хладнокровно, пожмешь плечами, положишь въ ящикъ, замкнешь, и дѣлу квитъ. Но кто, мой другъ, всегда бывалъ въ полномъ разумѣ!—И что это разумъ? Что онъ такое? Не сынъ-ли, не братъ-ли, лучше скавать, тѣла нашего? Право, что пледа метафизики—похоже на паутину, гдѣ мы,

*) Батюшковъ не угадалъ очень немного: болѣзнь постигла его черезъ 12 лѣтъ.

бѣдныя мухи, увязаемъ, то ногой, то крыломъ, тогда какъ можемъ благополучно и мимо, т. е. и не разсуждать объ этомъ. Послушай Власьевны въ Сбитеньщикѣ *):

Оадей. Власьевна, отчего коли спишь, хотя глаза и зажмурены, а видишь?

Власьевна. Это не видишь, а думаешь.

Оадей. А что такое думать?

Власьевна. Я и сама не знаю.

Я и самъ не знаю, — неподобное слово! — И впрямъ, что мы знаемъ? — Ничего. Вотъ какъ мысли мои улетаютъ одна отъ другой. Говорилъ объ одномъ, окончилъ другимъ. Немудрено, мой другъ... Въ этой безмолвной тишинѣ, голова — не голова. Однакожъ обстоятельства не позволяютъ выѣхать. Я бы могъ, правда, ѣхать напр. въ Вологду, но что тамъ дѣлать? Здѣсь я, по крайней мѣрѣ, наединѣ, съ сестрой Алек. (Варинька гоститъ у сестры), по крайней мѣрѣ съ книгами, въ тихой пріятной горницѣ — и я иногда веселъ, веселъ, какъ царь. Недавно читалъ Державина: „Описание Потемкинскаго праздника“. Тишина, безмолвіе ночи, сильное устремленіе мыслей, пораженное воображеніе, все это произвело чудесное дѣйствіе. Я вдругъ увидѣлъ передъ собой людей, толпу людей, свѣчки, апельсины, брильянты.... Царицу.... Потемкина, рыбъ, и Богъ знаетъ чего не увидѣлъ, такъ былъ пораженъ мною прочитаннымъ. Внѣ себя побѣждалъ къ сестрѣ.... Что съ тобой?... Оно! они!... Перекрестись, голубчикъ!... Тутъ-то я насилу опомнился. Но это описаніе сильно врѣзало въ мою память. Какіе стихи, прочитай, прочитай, Бога-ради, со вниманіемъ: Ничѣмъ никогда я такъ пораженъ не былъ!

Я надѣюсь, что ты уменъ и не прочиталъ моего послѣдняго письма Аннѣ Петровнѣ. Но если ты совершенно, по симпатіи со мной, потерялъ рассудокъ? Хорошо что ей, а не другому, ибо

Molti consigli delle donne sono
Meglio improvviso ch' a pensarvi usciti;
Che questo è speciale e proprio dono
Fra tanti e tanti lor dal ciel legati.

Ariosto.

Если не поймешь, хотя не трудно понять твоей высокопарной латыни, то бѣды нѣтъ. Я писалъ къ Капнисту — нѣтъ отвѣта; писалъ къ Алексѣю Николаевичу — нѣтъ отвѣта; нынѣ писалъ къ Ниловымъ, сердце говоритъ будетъ отвѣтъ. Крыловъ родился чудачкомъ. Но этотъ человѣкъ загадка, и великая!... Играть, и непроигрываться. Скупость умѣть соединить съ дарованіями и рѣдкими, ибо еслибъ

*) Сбитеньщикъ — опера Княжнина (Спб. 1790).

онъ болѣе трудился, болѣе занимался... но я боюсь разсуждать, чтобъ опять не завратся. — Гоняются ли за тобой утренніе шмели? Мнѣ пришла чудная мысль. Еслибъ, когда я у тебя жилъ, по утру пришелъ юноша къ Милому Генію и тебя-бы не было на ту пору дома, то я такъ бы отбрилъ голубчика.... Не вы ли тотъ великій духъ, который сочинилъ эпитафію на смерть статскаго совѣтника?— Я отвѣчаю: *Я*... Позвольте мнѣ, пораженному явными чертами Генія, простираться, если возможно, до вашей занимательности... Я отвѣчаю все за тебя, какъ Скотининъ на переключеѣ: *Я!*— Вотъ м. г. моя трагедія.... Кто болѣе вашего, кто справедливѣе васъ оцѣнить слабий, мерцающій лучъ неопытнаго Генія?... *Я!*... Тутъ онъ мнѣ начинаетъ читать; читаетъ, а я зѣваю. Наконецъ, есть всему конецъ, и трагедіямъ также, ты входишь... и я указываю на переводчика Гомера и Танкреда...

Вотъ канва, по которой вышить можно что хочешь. Я не знаю, какъ у тебя достаетъ терпѣнія слушать этотъ весь вздоръ? Но не слушать, наживешь враговъ такихъ, которые тебя свѣчой станутъ жечь... Кстати спрошу тебя: что Шаховской написалъ хорошаго? Вотъ еще чудакъ не изъ послѣднихъ. Какъ онъ меня выхвалялъ въ глаза! Такъ что стыдно было за него. Какъ онъ меня, я чай, бранить за глаза! Такъ что стыдно за него. Честь Кодру-Жихареву. Не стыдно дѣлаться Панаромъ-Водевильщикомъ? Въ его лѣта, дворянину, съ состояніемъ? Онъ точно съ дарованіями — это меня бѣситъ. Измайловъ плететь, а не писать. Безъ смака вовсе. Однакожъ его проза вообще хороша и чиста. Что Беницкій? Продлите ему боги вѣку! но онъ уже успѣлъ написать много хорошаго....

Пусть мигомъ догоритъ

Его блестящая лампада;

Въ послѣдній часъ его безсмертье оварить:

Безсмертье — пылкахъ душъ надежда и награда!

Я еще могу писать стихи! пишу кое-какъ. Но въ чести своей могу сказать, что пишу не иначе, какъ когда ядъ пса метроманіи подѣйствуетъ, а не во всякое время. Я болѣнъ этой болѣзнію, какъ Филокетъ раною, т. е. временемъ. Что у васъ новаго въ Питерѣ? Что дѣлаетъ Полозовъ? Онъ не пишетъ ни слова. Что Катенинъ нанизываетъ на конецъ строкъ? Я въ его лѣта низалъ не рѣими, а что-то покрасивѣе, а нынѣ... пятьдесятъ мнѣ било... а нынѣ... а нынѣ...

А нынѣ мнѣ Эротъ сказалъ:

Вѣдывая, много ты писалъ

Безъ усталы перомъ гусинымъ.

Смотри, завяло какъ оно!

Не долго притупить одно! —
 Вотъ нѣ, пиши теперь куриннымъ.

Пишу, да не пишеть, а все гнется,

Красавица я пѣвалъ довольно
 И такъ и сякъ, на всякій ладъ,
 Да нынѣ что-то не въ попадь.
 Хочу запѣть — анъ, пѣть ужъ больно.
 «Что ты голубчикъ такъ охрипъ?»
 Къ гортани мой языкъ прилипъ.

Вотъ мой отвѣтъ. Можно ли такъ состарѣться въ 22 года! Непозволительно!

Какъ тебѣ понравилось Видѣніе?*) Можешь съечь, если негодится. Этакіе стихи слишкомъ легко писать и чести большой не приносятъ. Инымъ больно досталось. Бобровъ вѣрно тебя разсмѣшитъ. Онъ тутъ у мѣста. Славенофила**) вычерени, да и все, какъ говорю, можешь предать огню и мечу.

Къ кому здѣсь прибѣгнуть музѣ? Я съ тѣхъ поръ, какъ съ тобою разстался, никому даже и полустигіа, не только своего, но и чужого не прочиталъ. Съ какими людьми живу?...

Deux nobles campagnards grands lecteurs des romans
 Qui m'ont dit Cyrus dans leurs longs complimens...

Вотъ мои сосѣди.... Прошу веселиться!

Нѣтъ, невозможно читать русской исторіи хладнокровно, т. е. съ разсужденіемъ. Я сто разъ принимался; все напрасно. Она дѣлается интересною только со времянь Петра Великаго. Подивись, подивимся мелкимъ людямъ, которые рожются въ этой пыли. Читай римскую, читай греческую исторію, и сердце чувствуетъ, и разумъ находитъ пищу. Читай исторію среднихъ вѣковъ: читай басни, ложь, невѣжество нашихъ праотцевъ, читай набѣги половцевъ, татаръ, литвы и проч., и если бѣнига не выпадетъ изъ рукъ твоихъ, то я скажу: или ты великій, или мелкій человекъ. Нѣтъ середины. Великій, ибо видишь, чувствуешь то, чего я не вижу, мелкій, ибо занимаешься пустяками. Жанъ-Жакъ говорить...
 ...car ne vous laissez pas éblouir par ceux qui disent, que l'histoire la plus intéressante pour chacun est celle de son pays. Cela n'est pas vrai. Il y a des pays dont l'histoire ne peut pas même être lue, à moins qu'on ne soit imbécile ou négociateur...
 Какая истина! — Да Писареву***) до этого дѣла нѣтъ. Онъ пишетъ себѣ, что такой-то царь, такой-то князь игралъ на скомонѣхъ, былъ лицомъ бѣлымъ, сѣкъ рынду бато-

*) Известное сатирическое стихотвореніе Батюшкова: «Видѣніе на берегахъ Леты».

**) А. С. Шишковъ.

***) Издатель «Калужскихъ Вечеровъ» Александръ Александровичъ.

гами и проч! Есть-ли тутъ малѣйшее дарованіе?... Не трудъ ли это достойный Тредьяковскаго... и академіи наградою!... Притомъ отъ одного слова русское, некстати употребленнаго, у меня сердце не на мѣстѣ... Скажу тебѣ еще, что я читалъ отъ великаго досуга и метафизики. Многое не понималъ, а что понималъ, тѣмъ недоволенъ. Напримѣръ, сочинитель „Системы Природы“ похожъ на живописца, который всѣ краски смѣшалъ въ одно и послѣ кажется говорить: отличи, коль можешь, бѣлое отъ чернаго, красное отъ синяго? Наука тщетная и пустая! Это Дедаловъ лабиринтъ, въ которомъ быть надобно, но не иначе какъ съ нитью, т. е. съ разсудкомъ. Жаль, что эта нить тонка и гнила. Сей же самый сочинитель въ концѣ книги, разрушивъ все, смѣшавъ все, призываетъ природу и дѣлаетъ ее всему началомъ. Итакъ, любезный другъ, невозможно никому отвергнуть и не познать какое-либо начало; назови его какъ хочешь, все одно; но оно существуетъ, то-есть существуетъ Богъ. А отъ сего все заключить можно. Я знаю твои мысли, ты знаешь мои, и потому мимоходомъ это тебѣ сказалъ.

Не знаю, читаешь ли ты Анахарсиса? Божественная книга. Не выпускай ее изъ рукъ, ибо она не только быть можетъ путеводителемъ къ храму древности или изящнаго, но исполнена здравой философіи....

У меня мало книгъ, потому-то я одну и ту же перечитываю много разъ, потому-то какъ скупой или любовникъ говорю объ нихъ съ удовольствіемъ, зная, что тебѣ этимъ наскучить не можно.

Писаревъ еще написалъ что-то. Именно: правила для актеровъ*). Я изъ рецензій вижу, что это вздоръ, даже въ эпиграфѣ ошибка противъ языка, непростительная члену академіи **). Меня убиваетъ самолюбіе этихъ людей. Еслибъ они хотя языкомъ занимались, еслибъ ходя умѣли цѣнить дарованія чужія... Но что я говорю? На это надобенъ умъ, а у нихъ этого-то и недостаетъ.

Еще два слова: любить отечество должно. Кто не любитъ его, тотъ извергъ. Но можно ли любить невѣжество? Можно ли любить нравы, обычаи, отъ которыхъ мы отдалены вѣками, и, что еще болѣе, цѣлымъ вѣкомъ просвѣщенія? Зачѣмъ же эти усердные маратели выхваляютъ все старое? Я умѣю разрѣшить эту задачу, знаю, что и ты умѣешь, и такъ, ни слова. Но повѣрь мнѣ, что эти патриоты, жаркіе декламаторы не любятъ, или не умѣютъ любить русской земли. Имѣю право сказать это и всякій пусть скажетъ, кто

*) Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера. Спб. 1809.

**) Вѣроятно эта: ...«всѣ стремятся къ совершенству, но не имѣя способностей, тщетно сияются онаго постигнуть».

добровольно хотѣлъ принести жизнь на жертву отечеству... Да дѣло не о томъ: Глинка называетъ Вѣстникъ свой „Русскимъ“*), какъ будто пишеть въ Китаѣ, для миссіонеровъ или пелинскаго архимандрита. Другіе, а ихъ тысячи, жужжать, нашептываютъ: русское, русское, русское... а я потерялъ вовсе терпѣніе!

Я посмѣялся твоему толкованію любви. Боюсь, чтобы ты не учредилъ судъ любви, который существовалъ въ Провансѣ, въ концѣ одиннадцатаго столѣтія. Тамъ эти полезныя задачи разрѣшали всячески и все по-латыни. Красавицы слушали съ удовольствіемъ ученыхъ трубадуровъ, которые такъ хитро умѣли угадывать тайны сгибы ихъ сердець. Но насъ никто слушать не будетъ, такъ останемся всякій въ своемъ расколѣ. Притомъ же всякій любить какъ умѣеть, ибо страсть любви есть Протей. Она принимаетъ разные виды, соображаясь съ сердцемъ любовника. Любовь есть.... но:

je me sauve à la page, et j'aborde où je puis.

Прощай, до свиданія. Конст. Бат.

‘XVIII.

(1809 г. ноябрь).

...Охъ ты, голова моя впохондрихихихическая, не писала-бы ты лучше писемъ въ своихъ принадлегахъ. Мнѣ и безъ нихъ тошно; пощади меня.

Голова ты, голова! Сказать Оленину, что я сочинилъ Видѣніе. Какія имѣлъ ты на это права? Ниже отцу родному не должно вало объ этомъ говорить. Онъ же извинителенъ, ибо не зналъ и впрямъ, хочу ли я быть извѣстенъ. Но ты? но ты? стыдно, очень стыдно. По дѣломъ тебя совѣсть мучить. Я вѣтренъ, но этого никакъ бы не сказалъ, никому.

Но я тебѣ прощаю отъ души; прости и мнѣ нѣкія глупости — впередъ или назадъ.

Прилагаю у сего оконченное Видѣніе. Произведеніе довольно оригинальное, ибо ни на что не похоже. Теперь, ибо имя мое извѣстно, хоть въ печать отдавай. Я прибавилъ: 1-е, изъ Москвы Шаликовщину; 2-е, русскихъ повивальныхъ Сафъ, которыя пути не знаютъ къ морю. Въ какомъ расположеніи духа ни будь, а ихъ паденіе тебя насмѣшить. Ода Лебренова хороша. Прочитай ее снова вопреки твоей головѣ, которая никуда негодится, ниже въ Испанскую башню, составленную изъ козихъ головъ. Смотри „Всемирный путешественникъ“.

*) «Русскій Вѣстникъ» издавался тогда Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою.

Карамзина топить не смѣю, ибо его почитаю. Впрочемъ, я бы могъ написать все гораздо злѣе въ родѣ Шаховскаго. Но убоялся, ибо тогда не было бы смѣшно. Кажется все исправилъ. Троица же рѣшима нужны. Французы пишутъ все четырехъ-стопные стихи такими рѣшимами. Rimes redoublées.

Я не хотѣлъ путешествовать въ мечтахъ, но хотѣлъ быть при миссиі на мѣстѣ. Хотѣлъ, лучше сказать, врать. Я знаю, что ты ничѣмъ этому пособить не можешь, да и очень трудно. Слѣдственно про одни дрожжи не говорятъ трожды.

Пришли тотчасъ „Видѣніе“, да за мои полныя письма пришли хотя одно нетощее въ Вологду, а туда ѣду. Не стыдно ли тебѣ не прислать „Цвѣтника“, за труды мои, за стихи Семеновой? Пришли его... Каковъ Глинка? Каковъ Крыловъ? Это живые портреты, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется... Егоровъ ходитъ съ усами... Какъ вы, друзья... ствили Запру?... Висковатаго за виски... Каковъ бы былъ Штаневичъ въ „Видѣніи?“ Гадокъ, не правда ли? Захарова... да не обидь всѣхъ... Шаховскаго, голубчика, съ причетомъ, съ адъютантами, янычарами, съ сералью и съ внухами... да боюсь его, правду тебѣ сказать... Скажи мнѣ, не читалъ ли Шишшовъ, сидящій въ дѣдовскомъ возкѣ... что бранятъ меня... кто и какъ, отинши чистосердечно... Замѣть, кто всѣхъ глупѣе, тотъ болѣе и прогнѣвается. Къ Ленину я послалъ экземпляръ. Поцѣлуй ручку у Анны Петровны. Я ее люблю и почитаю, и еслибъ не лѣнь, давно бы прислалъ стихи мои... Какъ ея дѣла?...

Перестанутъ ли школьники топить Гермогена?... Перестанетъ ли Писаревъ играть на скомонѣхъ. Ты мнѣ твердишь объ Тассѣ или Тазі, какъ будто я сотворенъ по образу и подобію Божьему затѣмъ, чтобъ переводить Тасса. Какая слава, какая польза отъ этого? Никакой. Только время потерянное, золотое время для сна и лѣни. Впрочемъ, первая пѣснь готова. Рѣшма я не знаю на морѣ, и скоро, подобно Боброву, стану писать бѣлыми стихами, умру и стихи со мной.

Не нужны надписи для камня моего,
Скажите просто здѣсь: онъ былъ и вѣтъ его!

Вотъ моя эпитафія.

XIX.

(Декабрь 1809?)

Я вижу, любезный другъ, что съ тобою нужна логина, и діалектика, самая тонкая, и для того боюсь, чтобъ ты не прицѣпился снова къ моимъ словамъ. Ты мнѣ {упрекаешь лѣнностью? Ты, который лежишь отъ утра до ночи, или дѣлаешь одно только, что тебѣ пріятно, ты, которому желудокъ дороже и самой славы, ты, который пишешь

въ другу своему одни отвѣты лаконическіе, на длинныя его письма, однимъ словомъ ты.... Гнѣдичъ! — Между тѣмъ, какъ я, несчастный (ни слова не кочу прибавить), между тѣмъ, какъ я сижу одинъ въ четырехъ стѣнахъ, въ самомъ скучномъ уединеніи, въ такой тишинѣ, что каждый біеніе маятника карманныхъ часовъ повторяется ясно и звучно въ моемъ слуханіи, между тѣмъ, какъ и надежды не имѣю отсюда выхъать! Нѣтъ, лучше пожелаю мнѣ той твердости духа, которой я часто не имѣю, будучи (вина боговъ!) чувствителенъ къ огорченіямъ, а радостей, вѣднусь тебѣ небожъ, давно не знаю. Вотъ мое положеніе: я люблю тебя, а кого люблю, того не огорчаю дальнимъ и бесплоднымъ разговоромъ, да и къ чему тебѣ плавать? — У тебя и безъ того болятъ глаза, и на мои длинныя рѣсницы часто, очень часто, навертываются слезы, которыя никто, кромѣ Бога, не видитъ.

Что мнѣ дѣлать? — Что начать? Я хочу отписать снова къ Оленину, онъ мнѣ пусть отвѣжетъ; его отказъ легче снести, нежели другаго, оттого, что я его люблю, оттого, что ему многимъ, очень многимъ, одолженъ! — И еще разъ, и въ послѣдній, буду проситься въ чужіе края. На это у меня сто причинъ, а у васъ въ Питерѣ служить ненамѣренъ. И на это есть миллионъ причинъ сильныхъ, важныхъ.

Повѣришь-ли? Я здѣсь живу 4 мѣсяца, и въ эти четыре мѣсяца почти нигде не выхъавалъ — отчего? — Я вздумалъ, что мнѣ надобно писать въ провъ, если я хочу быть полезенъ по службѣ, и давай писать — и написалъ груды, и еще бы писалъ... несчастный! И я могъ думать, что у насъ дарованіе, безъ интригъ, безъ ползанья, безъ какой-то расчетливости, можетъ быть полезно! И я могъ еще дѣлать на воздухѣ замки и ловить дымъ! Нынѣ бросивъ все, я читаю Монтани, который иныхъ учитъ жить, а другихъ ждать смерти. А ты мнѣ совѣтуешь переводить Тасса, въ этомъ состояніи?? Я не знаю, но и этотъ Тассъ меня огорчаетъ. Послушаемъ Лагарпа, въ похвальномъ его словѣ Колардо. *Son âme (l'âme de Colardau) semblait se ranimer un moment pour la gloire et la reconnaissance, mais ce dernier rayon allait bientôt s'éteindre dans la tombe. Il avait traduit quelques chants du Tasse. Y avait-il une fatalité attachée à ce nom? Я знаю цѣну твоимъ похваламъ, и знаю то, что дружба не можетъ тебя ослѣпить до того, чтобъ хвалить дурное. Но знаю и то, что мой Тазъ или Тассъ не такъ хорошъ, какъ думаешь. Но если онъ и хорошъ, то какая мнѣ отъ него польза, лучше-ли пойдутъ мои дѣла (о которыхъ мнѣ не только говорить, но и слышать гадко), болѣе или менѣе, а буду счастливъ? — Или мы живемъ въ вѣгѣ Людовика, въ которомъ*

для славы можно было претерпѣть несчастье, можно было страдать и забывать свое страданіе?

Къ несчастію, я не вралъ и не Геній, и для того прошу тебя оставить моего Тасса въ покоѣ, котораго я вѣрно бы смегъ, еслибъ зналъ, что у меня одного онъ находится. Впрочемъ, я радъ, что тебѣ понравились мои стихи въ Вѣстникѣ, они давно были написаны. Это очень видно *).

Сказать-ли тебѣ анекдотъ? Ник. Наз. Муравьевъ, человѣкъ очень честный и про котораго я вѣрно не скажу ничего худаго, ибо онъ этого не стоитъ, наконецъ, Н. Наз., негодуя на меня за то, что я хотѣлъ ничего писать въ канцеляріи (мнѣ было 17 лѣтъ) сказалъ это покойному М. Ник.**) , а чтобъ подтвердить на дѣлѣ слова свои, и доказать, что я лѣннинецъ, принесъ ему мое посланіе къ тебѣ, у котораго были въ заглавіи стихи изъ Парни, всѣмъ извѣстныя:

Le ciel qui voulait mon bonheur
 Avait mis au fond de mon coeur
 La paresse et l'insouciance — и проч.

Что сдѣлалъ М. Н.? засмѣялся и оставилъ стихи у себя. *Quid rides? Fabula de te narratur!* — вотъ и твоя исторія. И впрямь, что значить моя лѣнь? Лѣнь человѣка, который цѣлыя ночи просиживаетъ за книгами, пишетъ, читаетъ или разсуждаетъ! — Нѣтъ, — говорилъ Мирабо, а Мирабо зналъ, что говорилъ, — еслибъ я строилъ мельницы, пивоварни, продавалъ, обманывалъ и исповѣдывалъ, то вѣрно-бъ преслылъ честнымъ и притомъ — дѣлательнымъ человѣкомъ. Не думай, чтобъ я Мирабо слова взялъ за правило, я его читалъ назадъ тому два года и привожу изъ памяти. Впрочемъ, у меня повокъ довольно теплый, для общества есть три собаки, алетитъ изрядный, и на мѣсто термометра серебряный рубль, который остался отъ Шведскаго похода; съ этимъ не умрешь съ голоду, а если сойдешь съ ума, то это бездѣлка! Ахъ обстоятельства, обстоятельства — вы дѣлаете великихъ людей!

Но я не хочу походить на старую даму, а ты не докторъ, слѣдственно и полно говорить о себѣ. Львова вышла замужъ за Львова. — Я этого все не понимаю! Леонидъ ко мнѣ пишетъ очень забавно, а объ этомъ ни слова. Да помидуй у Ф. П. 10 человѣкъ дѣтей! — Чудеса! — Мое письмо очень скучно, затѣмъ-то я предлагаю у сего письмо кн. Вяземскаго, которое тебя вѣрно насмѣшитъ. Но пришли его обратно, ибо оно мнѣ нужно. О Жуковскомъ ничего не

*) Вѣроятно «Воспоминанія 1807 г.», напечатаны въ 21 кн. «Вѣстникѣ Европы» 1809 г.

**) Мих. Никитичу Муравьеву, у котораго служилъ Батюшковъ.

знаю. Я съ нимъ жилъ три недѣли у Карамзина *), и на другой или третій день уѣхалъ въ деревню. Онъ въ Бѣлевѣ, вѣрно боленъ, или ищетъ. Пришли что нибудь въ Вѣстникѣ, а къ нему писать буду. Да еще тебѣ упрекъ. Миръ праху Беницкаго! — былъ умень, да умеръ! — а тебѣ не стыдно-ли не написать ни строчки въ его похвалу, не стихами, а прозою.

Зачѣмъ не извѣстить людей, что жилъ нѣкто Беницкій и написалъ „на другой день“? — Зачѣмъ не помѣстить это биографическое извѣстіе не въ журналъ фабриканта Измайлова, а въ „Вѣстникѣ“? Пробудись, Брутъ! — Что такое намаралъ еще Шихматовъ! — Я читаю Каченовскаго рецензію въ журналѣ, а его поэмы не видаю, да и видѣть не хочу. Попроси Измайлова, чтобъ онъ мнѣ прислалъ „Цвѣтникъ“, а его не получалъ съ апрѣля или мая, а онъ хорошъ для деревни. Пришли, сжался, какихъ нибудь книгъ и еще бумаги почтовой, руб. на пять, писать не на чемъ. Прощай.

Что я за писатель писемъ! — И что писать къ Баранову, и какаго тутъ политика? Охъ вы люди! — Или у меня ни ума, ни разсудка нѣтъ! — а вы перемудрили ученые! — Чѣмъ ты занятъ? Переводишь ли Гомера? А я его нинѣ перечитываю и завидую тебѣ, завидую тому, что у тебя есть вѣчная пища! — Бога-ради ищи побольше объ Иванѣ Мат., что онъ дѣлаетъ? — и какъ? Я этого человѣка люблю, потому что онъ, кажется, меня любитъ. — Вяземскаго письмо очень забавно. Неправда-ли? Поклонись Полозову, и скажи ему отъ меня: Богъ съ вами! — Поклонись Самариной, а душой свѣтлѣю, когда ее вспоминаю. А Ниловы неблагодарныя. Не видишь ли Петина? Вотъ добрый другъ.

XIX.

Рождество (25 декабря. 1809).

Я получилъ твою хартію, рѣчь, писанную стилусомъ на египетскомъ папирусѣ — получилъ, прочиталъ и — и, сперва пожалъ плечами, а потомъ сказалъ: простительно ему обманываться — онъ меня любить и желаетъ добра!

Я былъ очень боленъ лихорадкою, самою злою, да и теперь весьма слабъ и пишу насилу. — Что отвѣчать мнѣ на твои приглашенія? Ахъ любезный другъ! Я писалъ къ Оленину — нѣтъ отвѣта. Зачѣмъ же я поѣду въ Петербургъ, и на кого могу надѣяться, и кого буду просить! — Я? — Просить!!! — И какое мнѣ дадутъ мѣсто, для меня способное, послѣ того, которое я, баловень, занималъ у незабвеннаго, для меня, Михаила Никитича? Всѣ твои надежды меня радовали,

*) Вѣроятно гѣтомъ 1809 г.

знаешь ли почему, потому что онъ мнѣ доказывали твою дружбу, которая меня единственно утѣшаетъ. Дай руку, любезный другъ, дай руку, я ее прижму посильнѣе, и ты, можетъ быть, почувствуешь всю мою благодарность, и ты, можетъ быть, скажешь или сердце твое скажетъ: онъ стоитъ меня! — Ты мнѣ пишешь о томъ, о другомъ и о третьемъ, но я въ этомъ случаѣ опытишь тебя; я знаю людей, знаю, что они не всегда готовы на услугу; этого мало: я не могу просить всякаго безъ разбора, первое потому, что не всѣхъ уважаю, а второе потому, что гнѣвъъ духомъ.

Однимъ словомъ, я бросилъ намѣреніе ѣхать на службу, на долго ли, не знаю? — Но теперь довольно покою, ибо не желаю ничего съ большимъ аппетитомъ: ѣду въ Вологду на недѣлю, стану принимать хину, и если выльчусь, то отправлюсь въ Москву, а по веснѣ на кавказскія воды, ибо путешествіе сдѣлалось потребностію души моею.

Ты мнѣ забавенъ съ твоими предрассудками! И напрасно сердиться на вн. Вяз., который меня истинно любитъ, а много-ли такихъ людей! — Кромѣ его ума (а онъ очень уменъ), онъ весьма добрый малый. Не знаю какъ узналъ, что я не ѣду, потому что ожидаю оброку съ деревень, и что-же? предложилъ свой кошелекъ, но съ такимъ добродушіемъ, что письмо его меня тронуло. Деньги его мнѣ ненадобны: я отказалъ ихъ, но я ему не менѣе за то обязанъ. Это не бездѣлка, такой поступокъ! Согласись самъ, ибо ты довольно знаешь свѣтъ и жителей земноводнаго шара!

Признаюсь, что я позавѣдъ плечами, прочитавъ твое приглашеніе и причины, на которыя ты опираешься: что въ Москвѣ я буду писать хуже. Я гривны не дамъ за то, чтобъ быть славнымъ писателемъ, ниже Расиномъ, а хочу быть счастливымъ. Это желаніе внушила мнѣ природа въ пеленахъ. Притомъ же, марты тѣнь и льдины *) написаны мною на Петергофской дорогѣ, назадъ тому лѣтъ семь. Я знаю, что это дурно, это то, что итальянцы называютъ *freddura*. — Кстати, пришли мнѣ замѣчанія на „Мечту,“ хоть на доскутѣ, иначе я на тебя буду сердить!

Я смѣялся увѣщаніямъ, не читать Мирабо, д'Аламберта и Дидерота. Это, и впрямъ, отъ Гнѣдича — забавно! Давно-ли ты сталъ

*) Это относится къ «Мечтѣ», стихотворенію Батюшкова, напечат. вскорѣ въ Вѣстникѣ Европы 1810 г. № 4. Первоначально оно было напечатано въ Любителѣ Словесности 1806 г. Указываемое мѣсто стихотворенія читается:

«О сладостна мечта, ты красишь зимній день

.....
И между свѣтлыхъ льдинъ являешь миртовъ тѣнь.

калудинномъ? Гомеръ, конечно, Гомеръ, но его читать нельзя безъ скуки во всю свою жизнь, ибо поэзія не есть ремесло. Притомъ же:

Le véritable esprit sait se plier à tout,
On ne vit qu' à demi quand on n'a qu'un seul goût.

У тебя умъ великъ, а разсудокъ малъ. Миѣ переводить Расина Положимъ и такъ. Но переводить Эсэиръ — дѣло вовсе невозможное; первое потому, что ее никогда не представляютъ; второе потому, что она на сценѣ должна быть холодна, какъ ледъ, и есть дѣло совершенно бесплодное; третье потому, что, принявшись за нее, я буду долженъ цѣлый годъ заниматься однимъ дѣломъ, ибо я съ малолѣтства воспитанъ въ страхъ Расина. У меня есть славная эдиція „Эсэири“ съ замѣчаніями Boisjerman, но обстоятельствами, болѣзнію и наконецъ, всѣмъ и всѣми я такъ обезкураженъ, что за это дѣло никакъ не примусь.

Я надѣюсь, что ты сдѣлаешься членомъ Ликей, это тебѣ очень не трудно, а потомство скажетъ: былъ иѣкій и были иѣкіи! — О это весьма утѣшно! — Но такъ какъ ни одна дама не поѣдетъ слушать Захарова, Писарева, Шихматова и съ компаніей, то я совѣтую, затѣмъ, чтобъ не уронить своей славы обществу, нѣкоторымъ членамъ переодѣваться въ женскія платья, напр. Крыловъ — въ видѣ Сафы, Карабановъ — подъ покрываломъ Коррины, Хвостовъ — въ видѣ Венеры Анадіомены или Филометы, весь нагой, на ученыхъ скамьяхъ моглибъ произвести большой эффектъ, и я скажу: вотъ Греція!

XX.

Вологда (декабрь 1809).

Я пишу тебѣ изъ Вологды, откуда, если судьбы непреклонныя, неумолимыя, препятствовать будутъ, долго не выѣду. Если же напротивъ.... то адресуй письма свои въ Москву. Ты ѣдешь въ Москву, ибо ѣдешь въ Малороссію, но ты ѣдешь въ Малороссію, такъ какъ ѣдешь въ Москву, т. е. никогда, да и что тамъ дѣлать, тебѣ нелюдимому? Меня же Катерина Ѳедоровна зоветъ къ себѣ столь убѣдительно.... (Не знаю, мой другъ, любить ли кто меня, какъ она? можетъ быть въ привязанности другихъ кроется интересъ, но въ ея дружествѣ, ничего, кромѣ той привязанности, каковую мы чувствуемъ къ человѣку нами обязанному). Будь это сказано мимоходомъ. — И такъ, если въ теченіе двухъ недѣль не получишь писемъ отъ меня, то адресуй въ Москву на имя К. Ѳ. Муравьевой; Батюшкову въ Арбатской части, на Никитинской улицѣ, въ приходѣ Георгія на Вспольѣ, № 237.

Спасибо за „Видѣніе,“ я душевно радъ, что оно тебѣ понравив-

лось. Пришли его назадъ, ибо, по чести, у меня на черно, ниже строчки нѣтъ. Я сжегъ нарочно, чтобъ послѣ прочесть на свѣжій умъ и, переправить. Пришли не замедля. — Не стыдно ли, что „Иліады“ экземпляръ не прислалъ мнѣ. Твое же посланіе недостойно тебя; посылалъ его тебѣ съ замѣчаніями. Растянуто, и дурно написано. Меньше славянизма и плавнѣе, ибо это сочиненіе, а не переводъ. Мысль же, что Еватерина смотритъ на внуку, безподобно и можетъ быть прекрасно выражена. Это ново и благородно. — Ты хочешь, чтобъ я бранилъ Шаховскаго? Не много-ли это? — Или ты хочешь имѣть другомъ Фрерона или Палиссота? — Впрочемъ, я буду писать Дунціаду, гдѣ всѣхъ помѣщу на мѣстѣ.... Миръ праху твоему, Беницкій! Мы съ нимъ увидимся въ царствѣ неизвѣстности, гдѣ ни дурныхъ стихотворцевъ, ни дураковъ, ни злодѣевъ.... Ниловы! они въ Питерѣ! — а я писалъ къ нимъ въ Тамбовѣ! Ниловы! Ниловы! Нилова — которая — которую — ее опасно видѣть!

Не накидывай на себя дурь, мой другъ, не говори, что люди съ ума сошли. Ты не Жанъ-Жакъ, ты не потребуешь себѣ велегласно статуи, нѣтъ. Но анекдоты тобою описаны, что можно ихъ назвать образцомъ огорченнаго стиля. Я и сержусь и смѣюсь. Ты-же...

Это письмо начато давно, всѣ дни проводилъ въ хлопотахъ....

ВАСИЛІЙ ДМИТРІЕВИЧЪ СУХОРУКОВЪ.

Донской писатель.

Не только каждая національность, а каждая страна, каждый закоулокъ имѣютъ свои симпатіи и антипатіи; у каждого изъ нихъ есть свои герои, свои мученики, свои предатели. Имена такихъ лицъ долго живутъ среди народа, — и счастливо то населеніе, которое не переживаетъ памяти объ этихъ людяхъ. Къ числу своихъ героевъ-мучениковъ донской народъ до сихъ поръ причисляетъ Василія Дмитріевича Сухорукова, память о которомъ сохранилась на всемъ протяженіи Донской Области: имя его до сихъ поръ съ благоговѣніемъ произносятъ въ донскихъ палатахъ и хижинахъ. Эта личность, обязанная своею извѣстностью единственно своему свѣтлому уму, прекрасному образованію и постоянному труду, испытала много горя, въ которомъ и сошла въ могилу. Поставленный въ необходимость разойтись во взглядахъ съ кн. Чернышовымъ, сильнымъ чело-вѣкомъ того времени, Сухоруковъ палъ навсегда, отягченный же-

стокими преслѣдованіями. Василій Дмитріевичъ былъ въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ Карамзинимъ, Пушкинымъ, Борнѣловичемъ и многими другими современными знаменитостями. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей по составленію „Историческаго и Статистическаго описанія земли Войсва Донскаго“—до сихъ поръ единственнаго матеріала, изъ котораго можно почерпнуть хоть что-нибудь дѣльное о донскомъ бытѣ; онъ участвовалъ въ „Русской Старинѣ“, издававшейся А. Борнѣловичемъ. Его статья: Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, напечатанная въ этомъ историческомъ сборникѣ на 1825-й годъ, читалась на Дону съ жадностью. Оно и понятно. По интересу содержанія, простотѣ и правдивости изложенія, это было первое печатное сочиненіе, воспроизведшее донскую казачью жизнь во всѣхъ прелестяхъ ея домашняго очага. Сухоруковъ несъ тяжелые труды по дѣлу составленія „Положенія объ управленіи Войскомъ Донскимъ“, что его сблизило съ бывшимъ военнымъ министромъ княземъ Чернышовымъ и что было впоследствии причиною горькой участи талантливаго труженника. Удаленіе отъ дѣлъ доставило Сухорукову возможность войти въ прекрасныя отношенія съ княземъ Паскевичемъ, въ то время главнокомандующимъ кавказской арміей, въ которую Сухоруковъ былъ командированъ какъ опытный. Паскевичъ много хлопоталъ за „умнаго донца“, но ничего не могъ сдѣлать. Будучи командированъ въ Финляндію, Сухоруковъ и тамъ приобрѣлъ отличное уваженіе всѣхъ, кто отличалъ умъ и знаніе отъ неумѣнья и вврачливости. Сухоруковъ умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ чуть не въ нищетѣ и въ томъ же чинѣ, въ которомъ попалъ въ опалу....

Графиня Ростопчина, проѣзжая на Кавказъ въ тридцатыхъ годахъ, оставила въ Аксайской станицѣ стихотвореніе: „Къ Дону“, которое впоследствии, если не ошибаюсь, было напечатано въ „Московскомъ Наблюдателѣ“. Стихи эти разошлись по донскому краю очень скоро и Сухоруковъ въ тоже лѣто послалъ Ростопчиной „Отвѣтъ Дона“ въ Пятигорскъ по почтѣ. Графиня-поэтъ возвратилась въ Россію уже другимъ путемъ. Предлагаемый „Отвѣтъ Дона“ до сихъ поръ живетъ чуть не въ каждомъ грамотномъ донскомъ семействѣ, и я печатаю „Отвѣтъ Дона“ не съ какою-либо иною цѣлью, а только для того, чтобы сохранить это произведеніе, начавшее уже искажаться по милости многочисленныхъ и грамотныхъ и неграмотныхъ переписчиковъ. Я отдаю его въ журналъ, носящій имя, давно знакомое всему Дону.

Если позволятъ обстоятельства, я постараюсь препроводить въ „Русскую Старину“ біографію Сухорукова, а также и автографы

тѣхъ русскихъ литераторовъ, съ которыми Сухоруковъ состоялъ въ перепискѣ. Часть этихъ автографовъ помѣщена въ бывшей и прекратившейся подъ моею редакціей газеты „Донской Вѣстникъ“, а часть ихъ и самое описаніе жизни Сухорукова не могли быть напечатаны въ провинціальномъ изданіи по нѣкоторымъ грустнымъ причинамъ.

Александръ Барсезъ.

30 декабря 1870 года. С.-Петербургъ.

КЪ ДОНУ.

Ты-ль это Донъ? Какой ничтожный,
 Какъ мелочь, какъ спокоешь ты!
 О, сколь ошибочны и ложны
 Разказы шумныя молвы!
 Тебя-ли, Донъ, не величали
 Преданья, пѣсни прежнихъ дней,
 Тебѣ-ль отцы не повторали
 Привѣты дѣдовскихъ рѣчей?
 И что-жь теперь?... Ты въ ложѣ узкомъ
 Безжизненнымъ болотомъ спишь;
 Ты не бушуешь, не кипишь,
 Ты дряхлѣ, ты хилѣ.... ты, въ царствѣ русскомъ,
 Цвѣтушемъ жизнью молодой,
 Противусмысленъ, Донъ сѣдой!
 Увы, не тоже ли бываетъ
 Межъ человѣческихъ сыновъ?
 Не такъ-ли слава съ облаковъ
 На недостойныхъ ниспадаетъ?
 Толкуеть свѣтъ, толпа кричать,
 Гремить хвалою въ ушахъ любимица,
 А на поэта-нелюбимца
 Главою киваетъ и хулить.
 А ты, неизванный, забытый,
 Недосказавшійся пѣвецъ, —
 Твой лавръ созрѣетъ знаменитый;
 Потомство правдою своей
 Воздастъ тебѣ, воздастъ обильно!
 Подумай: славенъ Донъ безсильный, —
 А не воспѣты межъ степей
 Течуть Уралъ и Енисей.

Гр. Радогичина.

ОТВѢТЪ ДОНА.

За что, скажите, нѣтъ привѣта
 Мнѣ отъ прекраснаго поэта?
 Чѣмъ заслужилъ я злой укоръ?
 За что, негодованья полный,
 Овъ на мои сѣдма волны
 Нанесъ неправедный поворъ?

Тогда какъ я межъ берегами
 Зеркальный токъ кристалльныхъ водъ
 Безъ шуму, бурь и непогодъ
 Ковромъ развертывалъ предъ вами, —
 И такъ послушенъ, кротокъ, тихъ
 Вашъ углмй челнъ катилъ на нихъ —
 Меня вы славить не хотите!
 Я дряхль и хилъ, вы говорите:
 Не хилъ, не дряхль, а древенъ я,
 Во времени мнѣ нѣтъ преданья
 И вѣчность — гѣтопись моя:
 Я современникъ мирозданья!
 И недвижимъ я съ этихъ поръ
 Какъ говорить мнѣ вашъ уворы!
 О, какъ я вольно развивался
 И часто грозно я шумѣлъ
 Безсмертной славой русскихъ дѣлъ
 И, какъ они, не истощался!
 Не я-ль яро татарскихъ силъ
 Въ своихъ волнахъ похоронилъ
 И Русь святую возвеличилъ?
 Не я-ль праграду протанулъ
 И безнадежно ограничилъ
 Черкеской вольности разгулъ?
 И вашу родину, и вась
 Спасалъ не я-ли столько разъ?
 Я вамъ не правлюсь. Не за то-ли,
 Что не дамъ мнѣ я водъ
 На произволь мятужной волн,
 Вѣтровъ и буйныхъ непогодъ*),
 Что глубину мою, стремнины
 Я позволяю преплывать
 И вольныя мой равнины
 Ладьямъ ничтожнымъ измѣрять?
 Пускай..... Быть можетъ для народа
 Ношу я блага на волнахъ, —
 За что же мнѣ моей свободой
 Лишать нужду надеждъ и благъ?
 Величьемъ, милостью гордиться
 Я не хочу промежъ стеной,
 Какъ вашъ Уралъ и Енисей
 Волной ничтожною струиться....
 Вы говорите: грязенъ я, —
 Но вы видали-ль какъ обьята
 Бываетъ искрами заката
 Моя алмазная струя?
 Не грязенъ я, а кротокъ, тихъ:

*) Намекъ на польскія симпатіи Растопчиной.

Лишиться жаль лучей златыхъ.
 Но вы, графиня... О, теперь
 Для васъ я буду лютый звѣрь,
 Я вамъ отмщу за поруганье
 Когда, презрѣвъ грозу, мятежь,
 Монхъ страстей негодованье,
 Дерзнете стать на мой рубежь. ~
 Для васъ я тишину нарушу,
 Хребетъ мой грозно вознесу
 И поэтическую душу
 Я мыслью робкой (?) потрясу. .
 О, какъ свирѣпо я завою
 И хладною моею волною,
 Шипицей, острой какъ змѣя,
 Васъ обовью злодѣйски я
 И... нѣтъ, не бойтеса, графиня,
 Я мщенья не питаю къ вамъ
 И вновь кристальною равниной
 Велю упасть моимъ волнамъ....
 Я понесу безъ бурь, сматаній
 Къ родной странѣ вашъ милый геній,
 А съ нимъ мечты кавказскихъ горъ
 И ваше нѣжное созданье.
 Я упою вашъ слухъ и взоръ
 Отрадою воспоминанья,
 И въ тишинѣ прекрасныхъ думъ
 Навѣрное вашъ свѣтлый умъ
 Мое величье сознаеть—
 И ваша дивная рука
 Тогда роскошно увѣнчаетъ
 Сѣдыя волны старика!

В. Сухоруковъ.

Сообщ. А. А. Карасевъ.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

ПРЕДАНІЯ, ЗАМѢТКИ, АНЕКДОТЫ.

I.

Мнѣніе великаго князя Александра Павловича объ Аракчеевѣ въ 1799 г.

„Превратность судьбы человѣка непостижима! Прѣжнее мнѣніе императора Александра объ Аракчеевѣ не давало повода предполагать, что когда-нибудь человѣкъ этотъ будетъ связанъ тѣсною дружбаю съ государемъ. Слѣдующій разсказъ очевидца убѣдитъ въ этомъ:

„Въ царствованіе императора Павла — въ артиллерійскомъ арсеналѣ хранилась старинная колесница для артиллерійскаго штандарта. Она была обита бархатомъ и выложена золотымъ галуномъ и кистями. Одинъ артиллерійскій солдатъ, найдя возможность пробраться сквозъ довольно рѣдкую чугунную рѣшетку окна, обрѣзалъ галуны и кисти и унесъ ихъ незамѣтнымъ образомъ отъ стоящаго при томъ зданіи караула. Въ то время ни одинъ малѣйшій случай не могъ скрыться отъ Павла, и Аракчееву надо было донести объ этомъ государю. Но Аракчеевъ поставленъ былъ въ недоумѣніе — родной братъ его, Андрей Андреевичъ командовалъ тѣмъ артиллерійскимъ баталіономъ, отъ котораго находился карауль при арсеналѣ во время случившейся покражи. Однако медлить было нельзя. Аракчеевъ донесъ должно государю, что во время происшествія содержался карауль отъ полка Г. Л. Вильде. Павелъ незамедлилъ исключить Вильде изъ службы. Генералъ этотъ, изумленный внезапною немилостію государя, обратился къ гр. Кутайсову, объяснивъ несправедливость и клевету Аракчеева. Кутайсовъ (онъ былъ въ ссорѣ тогда съ Аракчеевымъ) поспѣшилъ открыть Павлу истину.

„Въ тотъ вечеръ былъ у государя балъ въ Гатчинѣ. Аракчеевъ, ничего неподозрѣвая, явился во дворецъ, но лишь Павелъ его зави-

дѣль — послалъ чрезъ фл.-ад. Котлубицкаго приказаніе Аракчееву ѣхать домой. — На слѣдующее утро послѣдовалъ высочайшій приказъ объ исключеніи барона Аракчеева *) изъ службы за ложное его величеству донесеніе. На вахт-парадѣ этого дня вѣсть объ Аракчеевѣ радостно пронеслась между присутствующими. Великій князь Александръ Павловичъ, прибывъ также до начала развода на плацъ, подошелъ къ генер.-маіору П. А. Туч... съ словами:

„А слышалъ ты объ Аракчеевѣ? и знаешь кто вмѣсто его назначенъ?“

„Знаю, ваше высочество, — Образанцевъ.“ — „Каковъ онъ?“ — Онъ пожилой человѣкъ, можетъ быть не такъ знаетъ фронтную часть, но говорить, добрый и честный человѣкъ“.

„Ну слава Богу,“ отвѣчалъ Александръ: „эти назначенія настоящая лоттерей, могли бы попасть опять на такого мерзавца какъ Аракчеевъ“ (**).

(Собственноручная замѣтка одного государств. дѣятеля, скончавшагося въ недавнее время).

II.

Убіиство любовницы гр. Аракчеева Настасьи Шумской (Минкиной).

Въ неизданныхъ запискахъ покойнаго собирателя книгъ и рукописей, Сулакадзева ***) , занесено подъ 1825 г. слѣдующее: „10-го сентября, въ 5 часовъ утра, въ четвергъ, въ селѣ Грузинѣ у графа А. А. Аракчеева зарѣзали Минкину, Настасью Ѳедорову (бывшая жена матроса), жившую въ домѣ графа болѣе двадцати лѣтъ экономкой; сынъ ея, флигель-адъютантъ Шумскій, но только мало отъ него утѣхи; говорятъ, будто чрезмѣрно пьетъ и неуважается ни мало, что онъ каковаго званія.“

*) Аракчеевъ отставленъ отъ службы 1-го октября 1799 г. и до конца царствованія Павла оставался въ опалѣ. Первые два года царствованія Александра — объ Аракчеевѣ также не вспоминали. Принять онъ вновь на службу только 14 мая 1803 г. Ред.

**) Аракчеевъ въ эпоху его отставки былъ уже графомъ, именно съ 5 мая 1799 г. Ред.

***) Записки эти занимаютъ множество маленькихъ тетрадокъ мелко написанныхъ — часть ихъ находится въ библіотекѣ Н. П. Дурова, а другая въ собраніи рукописей А. Н. Неустроева. Оба эти лица, — постоянные сотрудники «Русской Старины» — изъявили полнѣйшую готовность сообщать на ея страницы наиболѣе интересныя выдержки изъ записокъ (довольно впрочемъ нескладно написанныхъ) Сулакадзева. Авторъ записокъ, чиновникъ Министерства Финансовъ, скончавшійся еще не такъ давно, — былъ большой любитель исторіи и страстный библіоманъ. Многія изъ книгъ его библіотеки, испещренныя на поляхъ замѣтками Сулакадзева, — поступили въ книгохранилище пишущаго эти строки. Ред.

„Сей случай чрезвычайный, ибо она утромъ, вставши, сѣла писать, (это было въ 5-мъ часу), какъ вошли къ ней многіе изъ ихъ дома самыхъ ближнихъ людей и даже женщины, конкъ считается, по объявленнымъ признаніямъ ихъ, 8 человѣкъ; по первымъ признаніямъ говорили, что при ней находящаяся дѣвка 15 лѣтъ, нестерпя ее въ разное время наказаній и даже предъ симъ случаемъ жестоко ее наказавъ, общалась еще продолжать за ея винныя истязанія, которая, пришедъ въ поварню къ брату своему повару, просила ножа для сего, но онъ, чтобы сохранить будтобы сестру, вмѣстѣ съ нею вошедъ, совершилъ сіе злодѣйство; но теперь, по послѣднимъ допросамъ, видимо, что многіе участвовали и даже будтобы все селеніе, ибо видѣвшіе рассказываютъ, что она (Настасья) лишена жизни съ ужасными насиліями: голова отрѣзана, руки съ пальцами изрѣзаны, ротъ перерѣзанъ и во многихъ мѣстахъ тѣло изранено жесточайшимъ образомъ; по этому видно, что она боролась съ убійцами.

„Графу дали знать, ибо онъ былъ въ селеніяхъ за 30-ть верстъ. Онъ возвратился съ докторомъ и видя ее столь жестоко изуродованною, растерзалъ на себѣ платье, кинулся на ея тѣло, и тридцать часовъ провелъ не вкушая пищи. Едва его уговорили ее схоронить Фотій, извѣстный Юрьевскій архимандритъ, и нѣкоторые генералы.

„Команду сдалъ по поселеніямъ генералъ-маіору Эйхлеру, а по совѣту и дѣла комитета въ С.-Петербургѣ ввѣрилъ его довѣренному—Муравьеву.

„Онъ отказывается отъ всего управленія всѣми дѣлами *).

Графъ ее (Настасью) столько уважалъ, что когда гробъ ея опустили въ могилу, онъ кинулся туда, весь растерзанный горестію, и кричалъ съ самаго начала, какъ ее увидѣлъ: „рѣжьте меня! лишайте, злодѣи, жизни! вы отняли у меня единственнаго друга! Я теперь потерялъ все“, и его едва вытащили израненаго отъ ушибовъ изъ могилы.

„По изслѣдованіи оказалось: главные виновные—трое, кои и отосланы въ уголовную палату въ Новгородѣ: 1-я—дѣвка, 2-й—поваръ, братъ ея и 3-й—кантонистъ.

„Муравьева Аракчеевъ не принялъ къ себѣ; чѣмъ кончится?

„Чихачевъ полицеймейстеръ былъ тоже подъ ея покровомъ, покойной Настасьи въ Грузинѣ, и тоже недопущенъ и уѣхалъ.“

Сообщ. А. Н. Неустровъ.

*) Виновнымъ вѣроятно будетъ примѣрное наказаніе. Суложадзевъ.

III.

Никто такъ искусно не сцѣплялъ гр. Аракчеева отъ сердечной раны, нанесенной ему трагической кончиной его любовницы Настасьи, какъ преданный ему П. А. Клейнмихель. — Ему поручилъ графъ разобратъ бумаги покойницы, и тотъ орлинымъ взглядомъ своимъ тотчасъ открылъ изъ дѣлъ покойницы — преступную связь съ лицомъ постороннимъ. Съ видомъ какого-то отчаяннаго торжества онъ повергаетъ улики преступленія къ стопамъ своего благодѣтеля. Благодѣтель пошатнулся... но мало по малу любовь уступаетъ какой-то ярости — и въ изступленіи ужасномъ, графъ бѣжитъ къ могилѣ несчастной. Отворяетъ доску, подъ которой таилась надпись — выраженіе нѣжныхъ чувствъ любовника — топчетъ эту надпись, плететъ на нее, произнося ругательства праху возлюбленной. Петръ Андреевичъ Клейнмихель, говорятъ, съ видомъ живѣйшаго участія въ скорби благодѣтеля своего — плюнулъ на прахъ измѣнницы три раза.... Сильно было средство — но дѣйствительно, такъ хорошо зналъ Петръ Андр. всѣ изгибы человѣческаго сердца. Съ тѣхъ поръ онъ усовершенствовался*).

(Собственноручная записка того же лица, которому принадлежитъ записка: «Мнѣніе в. к. Александра Павловича»).

Н. Ф. Рылѣвъ.

Статья о Рылѣвѣ**) такъ меня заинтересовала, что я хоть кое-какъ и какъ попало, спѣшу набросать нѣсколько мыслей объ этомъ человѣкѣ и пр. Начну сначала и по цифрамъ

1.

Съ Рылѣвымъ я былъ знакомъ. Онъ былъ членомъ „Вольнаго Россійскаго Общества“ (сорежисователи просвѣщенія и благотворительности тожъ), гдѣ я былъ президентомъ и гдѣ Пушкинъ, вся лицейская дружина и всего человѣкъ до 40-а засѣдали каждую недѣлю

*) Священники Грузинскаго собора передавали преданіе объ уничтоженіи портрета Настасьи иначе. П. А. Ефремовъ гдѣ десять тому назадъ слышалъ отъ нихъ и отъ старика дворецкаго въ Грузинѣ, будто портретъ Настасьи до самой смерти Аракчеева висѣлъ въ его кабинетѣ, а надгробная плита съ ея именемъ лежала рядомъ съ плитой надъ его могилою, еще при жизни Аракчеева приготовленною. Только послѣ смерти своего благодѣтеля — П. А. Клейнмихель изорвалъ портретъ Настасьи и велѣлъ выкинуть доску. Близъ собора погребенъ отецъ Настасьи крестьянинъ — Ѳедоръ Минкинъ, плита надъ его могилою цѣла и въ настоящее время.

Ред.

**) См. «Русскую Старину» т. III стр. 64—113.

Ред.

въ домѣ Войвоцы. Познакомилъ и съ доброю, любезною женою Рылѣва, я крестилъ у нихъ сына (*), и всегда былъ почитателемъ прекраснаго (по моему мнѣнію) таланта моего зума — таланта всегда энергичнаго, всегда поддѣленнаго огнемъ.

2.

Рылѣвъ (я помню это время) былъ въ Острогжскѣ, гдѣ познакомился съ братомъ моимъ Григоріемъ и гдѣ ему было такъ хорошо! — Тамъ бы ему, голубчику, и оставаться.... и ничего бы и не было!!.. а то самъ, вопія и стена, потянулся опять въ Петербургъ и — запутался. Онъ былъ человѣкъ съ сердцемъ, но голова не была довольно холодна! — Да надобно вѣдь знать и то время! Если рыбу, разгулявшуюся въ раздольныхъ моряхъ, засадятъ въ садокъ, и та всплескиваетъ на верхъ, чтобъ вздохнуть вольнымъ Божьимъ воздухомъ: — душно ей! И душно было тогда въ Петербургѣ людямъ, только-что разставшимся съ полями побѣдъ, съ трофеями, съ Парижемъ и прошедшимъ, на возвратномъ пути, чрезъ сто триумфальныхъ воротъ почти въ каждомъ городкѣ, на которыхъ на лицевой сторонѣ написано: „Храброму Россійскому воинству,“ а на обратной: „Награда въ отечествѣ!“ — И эти разгулявшіеся рыцари попали въ тѣсную раму обыденности, въ застой совершенный, въ монотонію томительную, въ дисциплину Шварца и проч. Ну вотъ и пошли мечты и помыслы....

3.

Рылѣвъ, какъ жаль, какъ и многіе тогда, самъ на себя наклѣпывалъ! Все изъ того, чтобъ какъ-нибудь да выплеснуть — выказаться изъ садка! Совсѣмъ онъ не былъ обжора, а пишетъ къ Булгарину: „я обжираюсь и проч.“ Это, тогдашняя черта, водилось и за Пушкинымъ: придеть бывало въ собраніе, въ общество и разшатывается. „Что вы, Александръ Сергѣевичъ!“ — „Да вотъ выпилъ 12-ть стакановъ пуншу!“ А все вздоръ, и одного не допилъ! А это все для того, чтобъ выдвинуться изъ томашей монотоніи и глухой обыденности и хоть чѣмъ-нибудь да проявить свое существованіе. Хотѣли воли, поля и дѣятельности. — Но Рылѣву эта привычка нахватывать на себя дорого обошлась! Мнѣ сказывали, что онъ и предъ тайнымъ судомъ будто выговорилъ: „отъ меня все зависѣло! — Я все могъ остановить и всему дать ходъ!“ А мнѣ и теперь кажется, что этого не было: не замѣтно было его особеннаго вліянія никакого! — И 14-го числа, когда еще можно было ходить около каре, изъ котораго вы-

*) У Рылѣва, сколько намъ извѣстно, осталась только дочь.

тягивался В. К. Кюхельбекеръ, я увидѣлъ Рылъева, въ старомъ фракѣ, смиренно стоявшаго въ сторонѣ. Онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „смотрите, что затѣяли! вышли на голую площадь и думаютъ устоять — есть ли тутъ толкъ?!“.

4.

А Думы Рылъева вѣдь вышли съ большимъ блескомъ и надѣлали много шума! — Должно замѣтить, что до того времени никто не продавалъ своихъ пьесъ: даромъ отдавали въ журналы, и первый Войсковъ заплатилъ за Думу Рылъеву 100 р. ас. Послѣ и Пушкинъ сталъ брать по червонцу за стихъ — и пошли.

5.

Ну, какъ я смѣялся! вышла пословица: „и на васъ, мудрецовъ (все достающихъ, все извѣдывающихъ), случилась проруха!“ — пьеса: „Не слышно шуму городского и пр.“ отнюдь не Полежаева и нисколько не Рылъева! Это просто одного моего знакомаго *) и въ ней (въ печати) не достаетъ одного куплета. Она написана точно подъ землю, но какъ-то выскользнула на свѣтъ, попала въ Кіевъ, положена тамъ на ноги и распѣвалась по разнымъ мѣстамъ.

6.

А Серафимы Тепловой стихотвореніе обошлось вѣдь не совсѣмъ даромъ: братъ Сергѣй Николаевичъ **) просидѣлъ за него сутки подъ арестомъ, пока объяснилось, что дѣло шло о покойномъ другѣ сочинительницы.

9 января 1871 г.

Ф. Н. Глинка.

*) Въ такомъ случаѣ не самого ли Федора Николаевича? Опушены на не одинъ, а два куплета; въ сборникѣ «Венера» изъ котораго стихотвореніе перепечатано, оно прямо приписано А. Полежаеву. Почему же почти 40 лѣтъ никто этого не опровергнулъ?

Ред.

**) Сергѣй Николаевичъ Глинка, бывшій цензоромъ, а до того издателя «Русскаго Вѣстника».

Ред.

Печатается издание редакціи „Русской Старинны“:

„Сборникъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ“.

Находящееся въ распоряженіи редакціи „Русской Старинны“ большое собраніе весьма интересныхъ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ лицъ на поприщахъ государственной, общественной, ученой, литературной и артистической дѣятельности — подало мысль редакціи „Русской Старинны“ издать, при участіи **Ө. К. Опочинина**, „Сборникъ снимковъ“ съ наиболѣе важныхъ или почему либо характеристическихъ документовъ.

Нынѣ печатается **первый выпускъ** сборника. Въ него войдутъ снимки писемъ частью цѣлкомъ, частью значительныхъ отрывковъ, дѣятелей эпохи Александра I-го — именно болѣе **семидесяти пяти** личностей.

„Сборникъ снимковъ“ печатается въ форматѣ большого листа, на хорошей бумагѣ и составитъ красивый альбомъ. Цѣна сборника три рубля.

Гг. подписчики на „Русскую Старину“ 1871 г., при высылкѣ **семи** рублей на журналъ, могутъ прилагать **три** рубля за „Сборникъ снимковъ писемъ“, который и будетъ имъ высланъ немедленно по его отпечатаніи. Подписавшіеся въ редакціи „Русской Старинны“ за пересылку „Сборника снимковъ“ ничего не платятъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. Ө. БАЗУНОВА ВЪ СПБ.
(Невскій, д. № 30) ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Сборникъ М. И. Семеваго, историческихъ и юридическихъ актовъ XVII и XVIII в. Москва. 1869 г. 8 д. **Цѣна 50 коп.**

Записки М. И. Глинки 1804—1854 гг., въ четырехъ частяхъ; изд. «Русской Старинны». Спб. 8 д. 1870 г., съ приложеніями: **рисунка**, исполненнаго академикомъ **М. О. Микѣшинымъ** въ память произведеній Глинки, **изображенія** надгробнаго памятника Глинкѣ и **снимка** съ предсмертнаго его письма. **Цѣна 2 руб.** Сборъ съ продажи этой книги обращается въ пользу фонда на сооруженіе памятника Глинкѣ. (Осталось за распродажей 134 экз.).

Бунтъ военныхъ поселенъ въ 1831 г. Спб. 1870 г. Разсказы очевидцевъ и лицъ пострадавшихъ въ бунтѣ. Изданіе «Русской Старинны» (осталось за распродажею — 80 экзмп.). **Цѣна 1 руб. 25 коп.**

Дневникъ Корба, 1698—1699 гг. Изд. подъ редакціей **М. И. Семеваго**. М. 1869 г. Въ виду поступающихъ на эту книгу требованій заявляется, что эта книга распродана до послѣдняго экземпляра.

ПОДПИСКА НА „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1871 г., второй годъ изданія.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 83 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднимъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москву, — **ошестъ рублей** за весь годъ т. е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **непосредственно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернской и не въ уѣздномъ городѣ). куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Огаса-Преображенія, Литейной части, въ домѣ Лискина.

Редакція проситъ лицъ, желющихъ сообщить матеріалы и статьи для издательства въ «РУССКОЙ СТАРИНѣ», доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеньевичу Сомовскому**, или: — **Николу Ивановичу Сомовскому**: въ С.-Петербургѣ, Литейной части, у Огаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, кн. Щербатова, Добрынина, Лагарга, Ш. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голицына-Нутцова, кн. Кураниныхъ, гр. Штадельбергъ, свѣд. кн. П. М. Волонскаго, Шишова, Бактина, — записки: гр. Г. П. Чернышева, адмир. Коллалова, кн. М. Н. Горбачевскаго, кн. С. Г. Волонскаго (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. М. Шаховскаго, кн. Барилла-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Дениса Давыдова; дневн. В. К. Михалева (1831—1841 гг.); записки почт. лейб-хирур. Д. М. Тарасова, ак. жнн. А. В. Ступина (1776—1861 г.), бывш. полк. Д. В. Рунича; зап. М. И. Грета (біографія Ф. В. Булгарина); зап. А. В. Милитина, М. И. Соловьева, дневникъ кавалера 1818 г. въ Россіи; зап. гевер. Лишина и полковн. Замытлина о 1831 г.; записки Я. П. Бананова о польскомъ возстан. 1863 г. и др. Письма А. П. Волонскаго (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Лавинныхъ, Сальдона, Пикара (1782 г.); 150 вспадан. писемъ Екатерины II; переписка Петра III съ Фридрихомъ II, письма императоровъ Павла I, Александра Павловича, императр. Елизаветы Алексеевны, Де-Фредровича; гр. Арачьева, кн. Васильчикова, гр. Бенкендорфа и Либича о Оссиновской исторіи 1820 г.; А. П. Ершолова, мѣстн. гр. Н. О. Мордвинова, письма графа Толь (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгения Болховитъ; неизданныя бумаги А. С. Грибоедова, М. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батюшкова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина, архит. Витберга; проекты и статьи В. М. Карамзина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грета, М. П. Погодина; П. Н. Щеголяскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣлова; Н. С. Тихонова, Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Легинова; П. А. Сталалева; Н. П. Дурова; А. Н. Муштровца; сообщ. П. А. Мушкова, кн. П. Д. Волонскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, М. Н. Салфонтова, Ф. М. Оленинина, П. А. Ефремова, М. П. Корнилова, Н. П. Коллалова, Н. Ф. Круца, гр. Э. И. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Красновскаго, А. В. Фрейлиха, А. И. Петрова, М. И. Богдановича, М. Д. Хмырова, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бамтыш-Кавенскихъ и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадѣевича Италійскаго, графа Суворова-Рымнинскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ второй.

МАРТЪ.

1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записка Гавриила Добрынина, 1770 г. Сообщ. Д. Н. Антропова.	247	посланихъ (335). 3. Записка отъ плем. кн. Воронцова (366). Сообщ. Ф. В. Караванъ.	
II. Статья-эпиз русскаго двора въ XVIII в XIX ств. Историческіе свѣдѣн. П. Ф. Карабашова	272	VI. Письма оцеры «Русскія и Люблинъ». В. В. Стасовъ.	367
III. Фридрихъ II и Петръ III, перешли 1762 г.	283	VII. Луиза Федоровна Вистинггардъ, начальница Патриотическаго Института † 1847 г. Биограф. очеркъ. Сообщ. П. К. Яковлева	385
IV. Письма Екатерины II къ гр. Сталъенбергу 1773-1793 гг. Сообщ. гр. О. О. Сталъенбергъ и гр. Э. К. Чаховскій	310	VIII. Листингъ извѣстной ашманъ «Русской Старинѣ»: 1. Указъ Царя Александъ Михайловича о вѣдѣнхъ 1861 г. (393). 2. Распоряженіе о преподаваніи русской исторіи 1860 г. (393). 3. По поводу біографіи Реалищева (394). 4. Поправки (394). Объясненія и извѣстия (по обраткѣ).	
V. Воспалъ Падароничъ Карпинъ, 1773-1842 гг.: 1. Очеркъ его жизни (326). 2. Разсужденіе читавное нхъ въ Петербургѣ. Обществъ любителей Россійской словесности (330). 3. Письмо къ В. М. Балтману объ устройствѣ			

ПРЕДЛОЖЕНІЕ. Записка А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ второй, ч. IX: письма 96-100: Царствованіе Петра III. Возшествіе на престолъ Екатерины II. 1762 г.

Небольшое количество экземпляровъ „Русской Старинѣ“ 1870 г. изд. второе, двѣнадцать книгъ, съ приложеніями: записокъ, портретовъ, рисунка памятникъ и снимковъ съ писемъ, — продается въ Спб.: въ Редакціи „Русской Старинѣ“ и въ магазинѣ Ваунова, а въ Москвѣ въ магазинѣ Соловьева. Цѣна оубъ рубл. съ пересылкой.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г.

При книгахъ „Русской Старинѣ“ 1871 г. будутъ приложены: литографическій снимокъ съ картины Академика В. Ш. Якоби: «Арестъ Вирона», рисунокъ на камнѣ исполненъ самимъ художникомъ. — Портреты А. А. Витберга и рисунокъ проектированнаго имъ Храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ память 1812 г. Равно будутъ прилагаться портреты и снимки съ писемъ проч. замѣчат. русск. дѣятелей.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. Голошина, Владимірскаго, д. № 15.

1871.

Въ книжномъ магазинѣ БАЗУНОВА и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продается новая книга:

Записки Екатерины Александровны **Хвостовой**, рожд. Сушковой (род. 1812 г. ум. 1869 г.) Спб. 1871 г. 8 д. 206 стр. Изданіе «Русской Старины». Цѣна 1 руб. 25 коп., пересылка за 2 фунта.

Оглавленіе „ЗАПИСОКЪ ХВОСТОВОЙ“:

ПРЕДИСЛОВІЕ отъ издателя. ПРЕДИСЛОВІЕ автора. Глава I. Рожденіе.— Кормилица.— Бабушка.— Фамилная генеалогія.— Рожденіе сестры.— Дуэль отца.— Жизнь въ Пензенской деревнѣ.— Прабабушка.— Переѣздъ въ Москву.— Жизнь отца и судьба матери.— Первая гувернантка.— Разлука съ матерью.— 1812 — 1820 гг. Глава II. Тайныя свиданія съ матерью.— Письма и портретъ ея.— Жизнь въ Москвѣ.— Слѣвая бабушка.— Въ Петербургѣ.— Въ Островской и Псковской деревняхъ.— Воспитаніе.— Смерть матери.— 1820 — 1828 гг. Глава III. Первый выѣздъ на балъ.— Выѣздъ и успѣхи въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ.— Поклонники.— Поѣздка въ Москву и пребываніе у тетки.— 1828 — 1830 гг. Глава IV. Первое знакомство съ М. Ю Лермонтовымъ.— Наружность его.— Его характеръ.— Шутки и забавы надъ нимъ.— Первые стихотворенія Лермонтова, посвященныя Е. А. Сушковой.— Путешествіе на богомолье въ Троицко-Сергіевскую Лавру.— Слѣпой нищій и стихи Лермонтова.— Разговоръ о будущности поэта.— Экспромты и эпиграммы Лермонтова.— Любовь и ревность.— Разлука.— 1830 г. Глава V. Въ Петербургѣ.— Старый обожатель.— Смерть отца.— Альбомъ съ стихами Лермонтова.— Гаданье на Новый годъ.— Сонъ въ руку.— На свадьбѣ въ Москвѣ.— Новый поклонникъ.— Опять Лермонтовъ и его стихи.— Прогулка въ Нескучное.— Пикникъ.— Признаніе въ любви.— Въ деревнѣ.— Сосѣди.— Въ столицѣ.— Болѣзнь и прежніе поклонники.— 1830 — 1833 гг. Глава VI. Сватовство.— Встрѣча на балѣ съ Лермонтовымъ.— Появленіе его на домашней вечеринкѣ.— Новыя его посѣщенія.— Поцѣлуй.— Балъ у адмирала А. С. Шишова.— Описаніе дуэли.— Приѣздъ жениха.— Разочарованіе.— Новая любовь.— Балъ у генераль-губернатора.— Вѣроломный другъ.— Страсть и признаніе въ ней Лермонтову.— 1834 г. Глава VII. Горькія предчувствія.— Предостереженія друга.— Отъѣздъ бывшаго жениха.— Кольцо.— Анонимное письмо.— Семейная буря.— Обыскъ, допросъ, арестъ.— Исповѣдь.— Рѣшительное объясненіе съ Лермонтовымъ.— 1834 — 1835 гг. ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Воспоминанія о Лермонтовѣ А. Меринскаго. 1834 — 1837 гг. II. Монго, шутка-поэма Лермонтова. III. Разсказъ о первой дуэли Лермонтова. IV. Военно-судное дѣло о первой дуэли Лермонтова. V. Характеристика Лермонтова, написанная германскимъ поэтомъ Боденштедтомъ. 1852 г. VI. Воспоминанія о Лермонтовѣ И. И. Панаева. 1838 — 1841 гг. VII. Военно-судное дѣло о второй дуэли Лермонтова. 1841 г.— VIII. Подвиги Лермонтова, замѣтка очевидца, сообщ. кн. Н. Н. Голицынь. IX. Замѣчаніе А. П. Ермолова по поводу гибели Лермонтова. X. Домъ въ Пятигорскѣ, въ которомъ жилъ Лермонтовъ. XI. Лермонтовъ-гротъ въ Пятигорскѣ. XII. Извѣстіе о кончинѣ Лермонтова. XIII. Могила и памятникъ Лермонтова. XIV. Могила Лермонтова. XV. Письмо Н. С. Мартынова къ издателю «Записокъ Хвостовой» 1869 г.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНІЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРІИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XIV *).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Мы прожили (въ 1770 г.) въ Орлѣ до самаго праздника Вознесе-
нія. Въ продолженіе сего времени были частыя архіерейскія свя-
щеннослуженія, частыя посвященія ставлениковъ, частые у граж-
данъ обѣды и вечеринки съ хоромъ пѣвчихъ до бѣла-свѣта, по-
добныя торжеству тезоименитства его преосвященства. Когда
же преосвященный не въ гостяхъ, то содержаніе намъ было отъ
приготовленной заблаговременно сѣлადки священно-и церков-
но-служителей, по заведенному обыкновенію. Все хорошо! слѣ-
дующее только приключеніе помѣшало благу нашего пастыря:

Во единъ отъ дней, во время толкованія въ церкви псал-
тври, когда началъ преосвященный, по обыкновенію, присовоку-
пять нравоученіе къ народу, то разсудилось ему, для придачи
силы и краснорѣчія своему нравоученію, называть старообряд-
цевъ с... ными сынами, и плевать на суевѣрной народъ, чрезъ
налой**), на которомъ лежалъ передъ нимъ псалтырь. Орловцы,
и торгующій и несѣдчій, вездѣ бывающій и нигдѣ не-
сшій проповѣдей подобнаго стилия. Они начали разно объ-
являть, а одинъ изъ гражданъ, по прозванію Овчинни-

и. «Русскую Старину», 1871 г., т. III, стр. 119—160.

члоя—греческ.—на которомъ владутъ и читаютъ еванг въ церквахъ.

Г. Д.

ковъ, гдѣ-то проговорился, что архіерей часто заговаривается въ забывчивости, какъ такой человѣкъ, у котораго голова всегда не порожня. Къ большой архіерейской досадѣ, стало всѣмъ извѣстно, что Овчинниковъ это говорилъ не аллегорически, не метафорически, не иронически и не критически, но исторически. Архіерей увѣдомленъ о семъ отъ вѣрнаго Архангельской церкви священника, который искалъ быть протопопомъ, требовалъ отъ гражданскаго правительства купца сыскать и сѣчь безъ милости, яко разорителя свѣта ученія. Онъ желалъ и самъ, по примѣру святого Іліи, схватить ножъ, но рѣзать уже было нѣкого: Овчинниковъ былъ осторожнѣе студныхъ вааловыхъ пророковъ, онъ убрался изъ города заблаговременно, не дожидаясь, чтобъ его уловили, а священникъ Архангельской церкви не получилъ протопопства, вѣроятно потому, что всѣ знатнѣйшіе старообрядцы упросили архіерея, убѣдительнѣйшими способами, возвысить въ сіе достоинство богоявленскаго отца Алексѣя, который на нихъ и на Овчинникова не доносилъ.

Обидѣвшійся пастырь жалился письменно Синоду. Онъ защищался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обвинялъ Овчинникова, то-есть: вѣрою, закономъ, саномъ, должностію и проч. и просилъ отмщенія. Синодъ ему не отвѣчалъ, безъ сомнѣнія потому, что многіе слушатели орловскихъ поученій—имѣющіе по торговлѣ съ Петербургомъ связь—перетолковали тамъ дѣло не столь важнымъ, чтобъ обвинить Овчинникова или оправдать архіерея.

Обращаясь къ собственной исторіи, долженъ повторить, что ставленическая контора и въ походѣ была въ моемъ письму-управленіи, почему, въ каую бы улицу въ Орлѣ я ни пошолъ, вездѣ находила меня толпа просителей, кои потомъ составляли мой конвой, провождали безотвязно до самой квартиры, представляя между тѣмъ свои мнѣ просьбы, съ общаніемъ точнаго числа за мою имъ помочъ воздаянія. А другіе ничего такъ не твердили, какъ «что они бѣдны! они прожились! они проѣлись! Дѣба у нихъ остались старики, да малые дѣти и проч...» Первый сортъ просителей выслушивалъ я съ пріятнымъ видомъ и чистосердечнымъ увѣреніемъ о моемъ имъ пособіи и отпускѣ въ домъ, и устаивалъ на словѣ; а второй разрядъ просителей отбивалъ кажимъ-нибудь пустословіемъ, изъ котораго нельзя было ни надѣяться, ни отчаяваться.

Случай и интерес острять разумъ и учать злу такихъ людей, которые, родясь въ бѣдности, лишены были надлежащаго образованія сердца и разума! Такъ я думалъ въ соврѣлыхъ уже лѣтахъ, ощущая въ себѣ недостатокъ воспитанія, которому я не причиною и которой отвращать, самому собою, стоило мнѣ не малаго труда. Но въ дальнѣйшее теченіе моей жизни и службы испыталъ, что многіе благовоспитываемые ничего меньше не имѣютъ, какъ истинной чести и добродѣтели; кромѣ наружныхъ пріятностей, служащихъ не рѣдко для добрыхъ, но простыхъ сердець пищу, которая въ пріятномъ вкусѣ бываетъ смертоносна.

Въ одну ночь, трудясь я обыкновенно за ставленическими дѣлами, положилъ руки на голову на бумаги, лежащія предо мною на столѣ, дабы до тѣхъ поръ, пока страница, которую я дописалъ, засохнетъ, минутно себя успокоить—это былъ расчетъ тогдашнихъ моихъ лѣтъ!—но минута меня обманула. Она протянулась на столько времени, во сколько свѣча оплыла, обвалилась на столъ,хватила за бумаги, и допустила пламя до моихъ пальцевъ. Я вскочилъ такъ, какъ вскакиваютъ ожогшись, началъ руками и платкомъ бить по бумагамъ, утушилъ пожаръ скорѣе, нежели тушатъ его въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть полицмейстеры. Мнѣ принесли сѣдящему уже во тьмѣ свѣчу, и я напелъ, къ счастью моему, что сгорѣли пустыя, ненужныя бумаги: да въ одномъ только дѣлѣ отгорѣли понемногу углы, которые тотчасъ я подклеилъ вишневымъ клеємъ, и отгорѣвшій упадокъ приписалъ собственною рукою. Потомъ, когда началъ приклеивать и подложенной вмѣстѣ съ нею допросъ обрѣзывать, дабы сравнить съ дѣломъ, то перехватилъ неосмотрительно пополамъ ножницами архіерейскую собственноручную резолюцію съ помѣтою. Эта бѣда хуже пожара! Я подклеилъ и резолюцію; но боясь архипастырскаго правосудія, пошелъ я къ нему съ дѣлами и слѣдующими къ подписанію грамотами попозднѣ обыкновеннаго, дабы между дневнымъ и свѣчнымъ свѣтомъ удобнѣе могла скрыться моя приклейка.

Архіерея встрѣтилъ я ѣдущаго съ оберъ-провіантъ-мейстеромъ Д. В. Астафьевымъ, который ему еще въ Торжкѣ былъ добрый пріятель. Онъ, увидя меня съ ношею бумагъ, и притомъ расчесаннаго въ нѣсколько пучокъ, распудреннаго и въ башмакахъ съ блестящими пряжками, приказалъ остановить карету

велѣлъ мнѣ съѣсть напротивъ, и примолвилъ Астафьеву: «Это у меня ^{у астаф.} твоей надежной». Потомъ, взявши меня за свободную отъ бумагъ руку, сказалъ: «продолжай Добрынинъ такъ, какъ ты началъ».

Милостивыя слова, и первой разъ сидѣнье съ архіереємъ въ каретѣ, произвели бы во мнѣ безпримѣрную радость, если бы не тревожила меня прилежка.

Архіерей, прибывъ въ Астафьеву и въ продолженіе тамъ пріятельской вечеринки, всѣ грамоты подписалъ и надлежащія резолюціи положилъ, не примѣтивъ въ усповоенію моему моей подлейки, чему я не меньше радовался, какъ дозволению съѣсть въ карету.

Въ прохожденіе сей должности, по мѣрѣ прибытка въ моемъ карманѣ, умножалась противъ меня и зависть, какъ натуральной спутникъ планеты счастья, а можетъ быть сіе зло было и противъ ала. Оставимъ это разсуждать искусникамъ въ моральной химіи. — Въ проходной канцеляріи злobiliсь и роптали на меня приказные, кои производили дѣла только слѣдственные, въ которыхъ трудъ безъ награды, а къ ставленническимъ, въ которыхъ награда почти безъ труда, не имѣли права касаться.

Съ другой стороны, всѣ оставшіеся въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, практикованные любостязатели напряженную иронику меня ищали злобу. Консигторскій судья Иринархъ, о которомъ я выше говорилъ, былъ въ семъ комплотѣ не послѣдній, — потому, что и его вружечный сборъ, по случаю нашего похода, порученъ былъ мнѣ съ тѣми же правилами.

Сопостаты мои, до возвращенія еще нашего въ Сѣвскъ, приняи въ наступательной противъ меня союзъ архіерейскую сестру *). Всѣ они вмѣняли мнѣ въ важное преступленіе, что я, пользуясь, по ихъ мнѣнію, однимъ прибытками, не присылаю имъ подарковъ.

Правда, что я худой былъ политикъ; но то еще справедли-

*) Она была за соборнымъ ключаремъ, котораго преосвященный пощупалъ пальцами въ своей спальнѣ, за какое-то празднословіе, и потомъ сослалъ въ какой-то Кіевскій монастырь, по сношенію съ начальникомъ оного, гдѣ и скончался сей несчастный человекъ, а сестра осталась при братѣ съ малолѣтними дочерьми, изъ которыхъ старшая помолвлена была за меня, о чемъ скажется на своемъ мѣстѣ.

вѣе, что я и самъ пользоваться не умѣю. Двадцатилѣтній мой вѣкъ и монастырское, въ прочемъ хотя ограниченное воспитаніе, но въ семь случаевъ весьма достопочтенное, чтобы не обидѣть ближняго, были тому основаніемъ.

§ XV.

Выѣздъ изъ Орла и проч. и проч.

Наконецъ, въ день Вознесенія выѣхали мы изъ Орла такъ же, какъ и въѣхали, при колокольномъ звонѣ, поелику священство и звонари не смѣли не сдѣлать сего грома; но на заборахъ и на крышахъ нивого уже не было, кромѣ обыкновенно' ходящихъ по улицамъ, у которыхъ какъ будто на' лбахъ было написано, что они всѣ сердятся за толкованіе псалтири, или пошептываютъ: «по платю встрѣчаютъ, по уму провожаютъ».

По приѣздѣ уже въ Сѣвскъ, отерялся мнѣ яснѣе вышесказанный противъ меня заговоръ. Прибывшіе изъ Орла увѣрили сѣвскихъ моихъ завистниковъ, что я по меньшей мѣрѣ вывезъ изъ Орла тысячу рублей.

Сочтено у нихъ было точное число посвятившихся ставленниковъ, и положено, по произвольному примѣру, какое число каждый могъ мнѣ дать. Можетъ быть они и не ошибались въ своей смѣтѣ, но ошиблись во мнѣ.

Послѣ, но не скоро узналъ я изъ опытовъ и примѣровъ заслуженныхъ корыстолюбцевъ, что я вмѣсто капитала' пользовался только процентами, ибо вывезъ только сто руб. да пару платя.

Консисторскій секретарь Звѣревъ, хотя впрочемъ и добрый человѣкъ, не вытерпѣлъ, чтобы не сказать, что онъ согласился бы помѣняться со мною на мѣста, если бы ему чинъ не мѣшалъ.

Какъ искра въ пеплѣ, такъ злобная зависть въ моихъ' неприятеляхъ тлѣла доннѣ, и дѣйствовала минами, или подкопомъ; но вскорѣ воздѣйствуетъ она порядочнымъ приступомъ или штурмомъ.

Уже мой владыка, начиненъ будучи дурнымъ обо мнѣ мнѣніемъ, началъ громогласно при многихъ случаяхъ гласить: что, «онъ до меня давно добирается», изреченіе, несообразное ни

съ саномъ, ни съ правиломъ воспитанія, но въ духовномъ деспотизмѣ — обыкновенное.

Между тѣмъ, какъ я тревожился и ожидалъ не зная самъ чего, архіерей разрѣшилъ мое недоумѣніе слѣдующимъ маневромъ.

Во время оно, егда его преосвященство священнодѣйствовало, и по принесеніи безкровныя жертвы шествовало отъ престола къ своей каведрѣ*), на которой, по чиноположенію греко-восточной церкви, долженъ онъ былъ сѣсть и выслушать читаемыя мною, вмѣсто его, благодарственныя молитвы, за то, что онъ удостоился приобщиться святыхъ таинъ; то, вмѣсто всего этого, схватилъ онъ меня за волосы обѣими руками весьма плотно, и впился въ нихъ, какъ влещъ въ тѣло. Мужчина онъ былъ большой, сухощавый и сильный; слѣдственно руки его не были похожи на пуховыя. Во всемъ пространномъ алтарѣ не осталось мѣста ни на вершокъ, съ котораго бы мы не подняли пыли. Первый ударъ моими ногами былъ объ ноги малорослаго архимандрита Карпинскаго, который въ надлежащей важности отпрыгнулъ къ окну, — хотя мнѣ и не досужно было разсматривать, въ какой кто важности, куда прыгалъ. — Нѣкоторые сослужащіе и причетники разсѣялись по разнымъ мѣстамъ алтаря, нѣкоторые выбѣжали въ церковь, всѣ высматривали изъ за плечей одинъ другого, ожидая съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ окончанія святительскаго на мнѣ рукоположенія. Кадмъ дракона не убивалъ съ такимъ мужествомъ, волкъ агнца не терзалъ съ такою жадностью, Самсонъ, злясь на филистимлянъ, не связывалъ съ такимъ проворствомъ лисицамъ хвостовъ, и даже самый Духъ праотцу Іакову не ломалъ лядвіи столь безжалостно, какъ сей пастырь меня по алтарю Господню потаскивалъ. Онъ до тѣхъ поръ меня изъ рукавъ не выпускалъ, пока не осталось въ нихъ все то, что оными захватываемо было, кромѣ самой головы и шеи, по которымъ досталось только нѣсколько кулачныхъ совковъ и оплеухъ, подъ пѣніемъ концерта. Можно сказать: что онъ для того и облачился, чтобы отправить

*) Кресла или стулъ съ положенною на немъ пуховою подушкою, которая обыкновенно покрывается бархатомъ или атласомъ. На сей каведрѣ архіерей садятся въ церкви во время своего служенія, въ доказательство, — какъ они говорятъ, что «онъ властелинъ церкви».

надо мною во всей славѣ сію церемонію. Я не расположенъ былъ замѣчать и видѣть повѣствуемую мною акцію, но меня удостоивъряли объ ней послѣ всѣхъ самовидцы единословнымъ сказаніемъ.

Наконецъ гнѣвъ утолился, разъяренный іерархъ утрудился, настала тишина, открыта моя вина. Какая вина? Вина та, что предъ каедрою не было орлеца *). Тогда архимандритъ, посмотрѣвъ на архіерея учительски, далъ ему знать, сдѣлавъ изъ себя полную мину, о добротѣ сего происшествія, — не знаю только, для меня ли онъ сдѣлалъ сей видъ неудовольствія, или для архіерея, или для своихъ ногъ, по которымъ ему досталось моими.

Архіерей сѣлъ уже на каедрѣ; — разумѣется, что орлець былъ уже у него подъ ногами; — я началъ ему сторяча драть благодарственныя по причащеніи молитвы, которыхъ ни онъ, ни я отъ жару не понимали. Онъ однакожь ѣлъ, сидя, мягкую просфору и запивалъ краснымъ вагорскимъ виномъ, а я читалъ въ молитвахъ, чтобы «благодареніе его преосвященства было ему въ радость, здравіе и веселіе; въ страшное же и второе пришествіе сподобленъ онъ былъ стати одесную».

Пришедъ я въ мою горницу, пустился въ глубокое малодушіе. Предался самой горькой печали, не меньше отъ нобоевъ, какъ и отъ стыда, не разсуждая, что сей стыдъ раздѣлялъ со мною самъ архіерей. Пораженный скорбію въ душѣ и тѣлѣ, сѣлъ я на стулъ и просидѣлъ безчувствительно до самаго вечера, положи голову на столъ. Казалось мнѣ, что я не спалъ и видѣлъ, какъ архіерей въ алтарѣ, инымъ бородаи рветъ, иныхъ свѣчами подпаливаетъ, а ко мнѣ бросается таскать. Предъ вечеромъ я образумился и узналъ, что все это мнѣ мечталось въ жару. Мнѣ сказали; что я, сидя на стулѣ, спалъ и бредилъ. Ночь мнѣ была такова-же, какъ и день; а въ наступившее утро архіерей посѣтилъ меня самъ: онъ не спрашивалъ, чѣмъ я боленъ, а только осмотрѣлъ пульсъ и языкъ, и вышедши изъ моего покоя, возвратилъ ко мнѣ служителя своего съ увѣреніемъ, что «его преосвященство гнѣва на меня не имѣетъ». Я обрадовался крѣпко сему благоволенію. Какое различное дѣйствіе радостнаго духа съ печальнымъ! Я вдругъ сдѣлался здоровъ или,

*) Орлець, на которомъ становятся архіерей вмѣсто подстилки. Онъ круглой фигуры на подобіе блина. Въ диаметръ верхнею околу 12-ти, съ вышитымъ изображеніемъ орла.
Г. Д.

по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. Одѣлся и пошелъ въ ставленическую контору въ должности. Не писалъ я тамъ и получаса, какъ пронялъ меня жестокой ознобъ. Ризничій, отъ Гедеонъ *), въ повозахъ котораго была и контора, видя, что со мною дѣлается худо, далъ мнѣ тотчасъ свою постелю, въ которую я и повалился, ибо не въ силахъ уже былъ пройти чрезъ подворье до своего покоя.

Послѣ озноба слѣдовалъ жаръ, которой хотя лишилъ меня памяти, однако-жъ не отнялъ мученія, чувствуемаго въ жестокой горячкѣ. Уже болѣзнь меня осилила такъ, что и помощь подать было поздно, по мнѣнію городского лекаря. Мать моя пришла изъ женскаго монастыря. Она видѣла, что положеніе мое предвѣщаетъ мою кончину, а ей самой непрерывную болѣзнь во всѣ остатки дней. Отдавшись натуральной любви, начала она горько сокрушаться, произнося такія слова, какія матерняя любовь могла изобрѣсть при потерѣ ея послѣдняго сына. Ее увѣрили, что присутствіе ея для меня вредно; почему и убѣдили ее возвратиться въ монастырь, хотя на нѣсколько времени.

Самая жестокость болѣзни продолжалась девять дней, въ продолженіи которыхъ совершили надо мною священные таинства. Всѣмъ казалось, что перевѣсъ былъ въ смерти; а особливо, когда я напоследокъ приутихъ такъ, что сомнительно было, заснулъ ли я, или уже испустилъ послѣднее дыханіе—какъ вдругъ, неожиданно,—я чихнулъ!

Секунда чиханія была для меня столь несносный и премучительный ударъ, какъ-бы голова моя въ мелкія части разлетѣлась. Но тотъ же самой ударъ произвелъ собою теченіе изъ носа крови, которая сперва полилась почти непрерывною струею, а потомъ, мало-по-малу уменьшаясь, перестала, наполнивши тарелки три глубокихъ. Я тотчасъ заснулъ спокойно на цѣлыя сутки. Проснувшись, припомнилъ что я боленъ, и самъ себя не вѣрилъ, въ самомъ ли дѣлѣ голова моя не болитъ, или не въ другой ли уже я жизни? На ту пору вошелъ ко мнѣ пѣвчій Козьма Вышеславцевъ**), который во всю мою болѣзнь былъ при

*) Братъ его родной Ирией Братановскій въ Вологдѣ былъ епископомъ.
Г. Д.

**) Онъ былъ изъ «архіерейскихъ дѣтей боярскихъ» по стариннымъ русскимъ правамъ, и принадлежалъ къ новгородскому архіерейскому дому; но по нерадѣнію предковъ его, попалъ въ служители Хутынскаго монастыря.

мнѣ безотлучно какъ единому, ко мнѣ добротства и пользовалъ холодительнымъ цѣтѣмъ, и перевязками ко дульсамъ. Онъ меня спросилъ: каково мнѣ послѣ крови? Но городской лекаръ, которъй меня не пользовалъ, потому что ему опоздали сказать о моей болѣзни, пресѣлъ, вошедши, нацѣ разговоръ. Онъ, посмотря на мой языкъ, сказалъ съ веселымъ видомъ: «жаръ миновался, завтра вели для себя сдѣлать ячменную кашницу съ курицею; а послѣ надобно будетъ дать не очень крѣпкое пургаторіумъ, для очищенія внутренностей отъ вредныхъ гнилостей». Вскорѣ пришелъ ко мнѣ изъ архіерейскихъ покоевъ осмидесятилѣтній старикъ, называемый Палѣй*). Онъ мнѣ разсказалъ, что архіерей въ продолженіе моей болѣзни часто меня посѣщалъ, а его, Палѣя, призывая иногда къ себѣ, вопрошалъ: какъ онъ думаетъ? выздоровѣю-ль я? Онъ бранилъ всплѣщиво.— разсказываетъ Палѣй—свою сестру, и отдавалъ, въ случаѣ моей смерти, несь грѣхъ на ея душу.

Черта прекрасная! но похожа на Пилатову, который, давши

Онъ былъ хорошій чтець, пѣвецъ, писецъ, игрокъ на гусяхъ, и умѣлъ услужить, почему и взятъ былъ хутынскимъ архимандритомъ Парфеніемъ, бывшимъ потомъ преосвященнымъ епископомъ, въ келейные; но при всѣхъ его полезныхъ способностяхъ и добрыхъ качествахъ, имѣлъ онъ несчастіе пить запоемъ, почему, отставъ отъ смоленскаго, присталъ къ нашему архіерею, въ число пѣвчихъ. Во время одного запоя ознобилъ онъ лѣвой руки всѣ персты, которые ему и отпалили; излечившись, присталъ къ капеллію къ рыльскому помѣщику Алексѣю Васильевичу Ширкову, и тамъ вскорѣ умеръ. Вѣрная ему память! если бы сей полезный пьяница меня не приберегъ, то можетъ быть я умеръ бы между трезвыми и проповѣдывающими добродѣтель — воздержаніе. Читавши въ моей жизни словарь о людяхъ, отличившихся дарованіями или добродѣтелями, по истинѣ, нахожу многихъ не лучше его. Напр. «онъ былъ искусной проповѣдникъ слова божія. Процвѣталъ въ 1598 году, но его проповѣди до насъ не дошли». Подобное въ житіяхъ св. отцовъ: «бѣ цркъто Авва въ пустынѣ, приде къ нему нѣкій братъ и бесѣдова съ нимъ о спасеніи души. Богу нашему слава».

Г. Д.

*) Сей Палѣй вывезенъ былъ преосвященнымъ въ прошломъ году. Кѣева, по старому между ими знакомству, и жилъ при архіереѣ, безъ всякой должности, кромѣ что иногда архіерей шучивалъ надъ нимъ—сколько можно шутить нраву крутому и свирѣпому, слагая на имя его канты, и описывая въ онныхъ охоту его къ водѣ и худое портное мастерство,—худыми киево-малороссійскими стихами. Исторія его потому была архіерею извѣстна, что они были пріятельми въ кіевскомъ петропавловскомъ монастырѣ, ѣдали изъ одного горшка и пивали изъ одной бутылки. Очень ясно, что были старые артельщики.

Г. Д.

іудеямъ воинскую команду распять Христа, умылъ руки въ доказательство своей невинности въ убивствѣ праведника.

Вскорѣ послѣ болѣзни, я предпринялъ выпрыгнуть изъ постели; но слабость не удержала меня на секунду на ногахъ, и я нѣсколько времени спустя имѣлъ нужду свалиться опять въ постель. Потомъ, мало-по-малу укрѣпляясь, оздоравливаюсь такъ, какъ обыкновенно оздоравливаютъ больные. А преосвященный тѣмъ временемъ отправился, по указу святѣйшаго Синода, въ Черниговъ, погребать тамошняго преосвященнаго Кирилла Ляшевецкаго († 14 мая).

По случаю привосновенія въ матеріи о смерти сего преосвященнаго, расскажу я приключеніе, случившееся предъ его смертію, которое причинило, или по крайней мѣрѣ ускорило его кончину, и о которомъ слышалъ я отъ своего архіерея вотъ какъ:

Преосвященный черниговскій былъ нѣсколько времени боленъ. Потомъ болѣзнь прошла, оставалась одна слабость; почему онъ и не оставлялъ шольбоваго, стеганаго шлафрока, по обыкновенію духовныхъ, съ двумя или тремя парами застежекъ.

Въ семь-то роковомъ шлафрогѣ легъ онъ, будучи въ слабости, въ постель, въ вечернее время, раньше обыкновеннаго, и читая книгу заснулъ. Во время сна свѣча оплыла, обвалилась на подушку, часть постели мгновенно охватила огонь, а преосвященный не пробуждается, къ чему уповательно причиною было и слабое его здоровье, требовавшее, натурально, послѣ болѣзни пріятнаго сна. Огонь воспнулся шлафрока. Преосвященный почувствовалъ, что это не ванна. Онъ выскочилъ изъ постели, началъ рвать на себѣ горящій и всѣми застежками застегнутый шлафрокъ. Но гдѣ ни хватить руками, вездѣ находить огонь; а шлафрокъ, чѣмъ болѣ размахивается, тѣмъ скорѣе на воздухъ охватывается огнемъ. Между тѣмъ, пока на отчаянной его крикъ сбѣжались усердные архіерейскіе служители, которые на ту пору, по обыкновенію монастырскому, заботились о томъ, какъ бы ѣсть, пить и спать исправно, и разорвали огненный шлафрокъ, преосвященный, не совершенно еще оправившійся отъ первой болѣзни, перепугался, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обгорѣлъ. Послѣ чего заболѣлъ вторично и — умеръ.

Кто хочетъ чтеніемъ завѣяться при свѣчѣ,

Тотъ берегись дремать, чтобъ не сгорѣть сплечи.

Уже я дописался до того времени, въ которомъ кончится настоящее мое званіе и въ которомъ начнется будущее. До сихъ поръ былъ я пѣвчимъ съ кантатою *), былъ подьякомъ съ чиновникомъ **), маршаломъ съ пастырскимъ жезломъ, былъ въ ставленической конторѣ канцлеромъ, и собирая въ кружку деньги, былъ вѣрнымъ казначеемъ, съ помощью преподавнной мнѣ отъ его преосвященства ариеметивы; былъ иногда у переписки почуеній и другихъ рукописей; но теперь послѣдуетъ со мною такая важная эпоха, которою долженъ я начать.

§ XVI.

Новое достоинство.

Сего 1770-го г. августа въ 24-й день очень рано потребованъ я къ архіерею. Предсталъ я къ нему въ пол-лежащему на банапе и встрѣтившему меня сими священными словами: «слыши! приклони ухо твое, забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоя», — (слова прор. и царя Давида), — потомъ продолжаетъ:

«Отъ давняго времени намѣреніе мое было, сдѣлать тебя къ себѣ поближе. Прилежность и исправность твоя во всѣхъ возлагаемыхъ на тебя должностяхъ, и точное исполненіе всѣхъ моихъ привазаній, давно побуждаютъ меня отличить тебя отъ всѣхъ, находящихся въ моемъ домѣ. Отъ сего дня долженъ ты быть при мнѣ келейнымъ на мѣсто отринутаго за пьянство В.»

Услыша объявленіе, на священномъ языкѣ, жестокой для меня милости, остолбенѣлъ я, какъ Лотова жена. Зналъ я, что въ теченіе трехъ годовъ, девять келейныхъ бѣжали отъ святительскихъ его рукъ, вслѣдствіе чего и отвѣтъ мой состоялъ въ томъ, чтобъ его преосвященство оставилъ меня при прежней милости, а вновь бы къ ней ничего не прибавлялъ; ибо я отвѣчать за нея не въ силахъ по слабости моего здоровья и сложенія. Представлялъ я необыкновеніе мое и несклонность къ службѣ такого рода. Не пропустилъ, что природныя его преосвященства дарованія, просвѣщенныя наукою и зрѣніемъ иностранныхъ государствъ, требуютъ опытнаго человѣка. «Ты-то

*) Книга партесная, нотная.

Г. Д.

***) Книга, по которой отправляютъ архіереи священнослуженіе.

Г. Д.

и будешь у меня, прервалъ архіерей горькую мою рѣчь, та- кой келейный, каковаго я давно предполагалъ въ мысляхъ, если ты такъ обо мнѣ понимаешь». Я тысячу разъ на себя досадо- валь, что я самъ свое дѣло испортилъ своимъ объясненіемъ, до- садовалъ, не понимая того, что своенравный сильный—всѣмъ без- сильнаго объясненіе можетъ обращать во свою пользу.

«Не тревожить-ли тебя то», спросилъ архіерей, какъ будто зная мои мысли, «что отъ меня 9 келейныхъ отошли нечест- нымъ образомъ? Инако и быть не могло, продолжалъ онъ, ибо ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни ума, ни вѣрности, ни поряд- очнаго поведенія. А человекъ, неимѣющій совокупно сихъ трехъ квалитетовъ, ни въ какую благородную должность не го- дится. По крайней мѣрѣ, быть такому не при мнѣ. Напротивъ того, качества добрыя въ тебѣ я найти не сомнѣваюсь, а паче съ моимъ наставленіемъ. Сверхъ того, съ талантомъ твоего пра- вильнаго письма, ты можешь быть при мнѣ кабинетнымъ секре- таремъ; ты же знаешь,—примолвилъ онъ,—что прежніе мои служители назывались келейными только отъ моихъ подчинен- ныхъ, а отъ меня въ семъ достоинствѣ признаваемы не были».

Симъ послѣднимъ словомъ могъ я быть увѣренъ, что архіерей- скіе келейники суть такое твореніе, которое должно быть воз- водимо на свою степень самими архіереями, посвящаемыми Су- нодомъ, слѣдовательно такой келейный не дальше отъ сунод- дальнаго члена, какъ третье лицо.

Между тѣмъ, какъ чувствительность меня томить, неумол- кавшій архіерей продолжаетъ: «Мое намѣреніе выше и благо- роднѣе, нежели ты думать можешь: мое намѣреніе, чтобъ раз- личествовать мнѣ съ моимъ келейнымъ именемъ только и долж- ностію, но душу имѣть съ нимъ одну». Много еще подобнаго говорено, чего ни припомнить нельзя, ни писать нѣтъ нужды; но что написано, то самая истина, изъясненная точными архіе- рейскими словами, такъ какъ и вездѣ, гдѣ только бываетъ онъ прикосновенъ къ моему перу, есть вѣрный списокъ и тонъ его слова.

Я долженъ признаться, что до тѣхъ поръ не весьма былъ добраго мнѣнія о характерѣ его сердца; ибо когда онъ смѣется, то смѣхъ его бывалъ самый ядовитый, съ сопровожденіемъ ру- гательства на весь свѣтъ, а не сангвинической. Когда онъ гово-

рять, то кричитъ съ написаннымъ на лицѣ его недоброхотствомъ и злобою во всему человѣческому роду. Когда кому что дарить, то съ бранью и съ упрекомъ, что принимающій того не стоитъ и проч.

Но выговоренныя въ теперешней аудіенціи съ сильнымъ увѣреніемъ, и съ важнымъ видомъ, послѣднія его слова, переѣнили меня въ одну минуту. Они впечатлѣлись во мнѣ и произвели самое хорошее мнѣніе о справедливости и нравственныхъ чувствованіяхъ преосвященнаго, или лучше сказать, неопытность моя ослѣпилась великолѣпными увѣреніями, не зная того, что нѣтъ ничего легче, какъ большому человѣку заставить маленькаго всему вѣрить, подобно какъ модному и бывалому въ свѣтѣ щеголю не трудно обмануть невинную дѣву; вслѣдствіе чего, и бросился я преосвященному въ глубокое молчаніе въ ноги, по обыкновенію монастырскому, которое есть изъ главнѣйшихъ артакюловъ воспитанія въ оградѣ словеснаго стада. А онъ, поднявъ меня, благословилъ, поздравилъ и призналъ велейнымъ. Такимъ образомъ совершилось посвященіе мое въ новое достоинство, обязывавшее меня «имѣть съ архіереемъ одну душу, и быть при немъ кабинетнымъ секретаремъ».

Излишне было бы описывать подробно начало и продолженіе велейничихъ моихъ занятій; однако-жъ, чтобы не совсѣмъ объ нихъ умолчать, скажу хоть о тѣхъ, которыя мнѣ скорѣе въ мысль впадутъ.

Прежде всего сдѣлано мнѣ отъ преосвященнаго наставленіе наблюдать чистоту въ покоехъ, имѣть на своемъ трудъ и отчетъ гардеробъ и буфетъ; что и отправляемо было мною нѣсколько дней постоянно, въ продолженіе которыхъ я самъ собою былъ доволенъ и въ первый разъ узналъ на опытѣ извѣстное мнѣніе, что «порядокъ есть душа вещей». Но мое узнаваніе на опытѣ владыко святой *) не замедлило въ пухъ развить, о чемъ слѣдуетъ ниже.

Потребно вѣдать, что его преосвященство страстный былъ охотникъ до черныхъ работъ, вирничъ и извести обжигать, и проч., почему имѣлъ обыкновеніе, вставая очень рано, забирать на оныя съ собою весь свой велейный штатъ, состоящій

*) Титулъ російскихъ архіереевъ въ Малороссіи.

изъ дежурнаго, малаго пѣвчаго, изъ двухъ истопниковъ и нѣсколькихъ сторожей и дровосѣбовъ, дабы они, по его словамъ, праздны дома не оставались; а посему, такъ какъ я оставался дома, то мнѣ одному настояла необходимость, сверхъ предписанныхъ мнѣ должностей, приниматься своеручно за метлы и щетки, за очистку столовыхъ ножей, подсвѣчниковъ, тазовъ и проч., не раздѣляя ни съ кѣмъ сей чести. За все сіе сперва совѣстился я приниматься, но вида, что всего сего требовалъ отъ меня архіерей безъ церемоніи, на силу опомнился, что мнѣ рокъ судилъ, безъ суда, попасться въ черную работу. При всякомъ приѣмѣ за сіи работы, мечталось мнѣ какъ въ горячкѣ и звенѣло въ ухахъ: «помни, что ты имѣешь съ архіереемъ одну душу, и что ты теперь у него кабинетный секретарь».

Между тѣмъ, кабинетный секретарь и общая душа стѣсняли чувствительную или слабую мою душу до глубокой унылости; ибо, хотя я родился и росъ въ бѣдности, однакожь чувствовалъ въ высочайшей степени, что природа меня не сотворила рабомъ, и что сама она противится теперешнему моему жребію. Правило «молись и трудись» мнѣ было извѣстно, но я вѣрилъ ему не слѣпо. Я разумѣлъ, что оно принадлежитъ человѣку благородному, должностному, гражданину, и проч., а не рабу, или невольнику, стениющему подъ игомъ самонаравія. Однакожь, не выпуская изъ памяти архіерейскихъ, при принятіи меня, обнадешиваній, мечталъ я въ свое облегченіе (сіе называютъ, не знаю почему, надеждою, безъ которой, увѣряютъ насъ же называльщики, будто бы и жить нельзя), что неприличная и непринадлежащая мнѣ работа владыкѣ моему въ примѣтѣ, что не хочетъ ли онъ испытать мое терпѣніе и трудъ и что, наконецъ, прекращающая всѣ поземельныя работы зима, возвратитъ къ своимъ должностямъ весь архіерейской штатъ, и тѣмъ поставитъ меня на пьедесталъ кабинетнаго секретаря, имѣющаго съ архіереемъ одну душу. Но сія мечта была не что иное, какъ мечта.

Въ одинъ день послѣ полудня, когда я занимался около бѣлья, считая бѣлое и готова въ мытье черное, прибѣжалъ ко мнѣ архіерей запыхавшись, и въ зѣльной ярости оглушилъ меня громогласнымъ вопросомъ: «былъ ли ты сегодня въ церкви?» Я въ страхъ и трепетъ, противъ неожиданнаго грома, отвѣтство-

валъ, что былъ; «слышалъ ли евангеліе?» слышалъ! — Потомъ опомнился, что я лгу, ибо нельзя мнѣ было быть, во-первыхъ за недосугомъ, а во-вторыхъ потому, что и самъ архіерей, кромѣ посвященія ставленіевоу, никогда въ церковь не-~~жаж~~валъ. Но его ярому преосвященству не было нужды ни во лжи моей, ни въ правдѣ, ни въ церкви, ни въ евангеліи. Онъ продолжаетъ въ жаркомъ гнѣвѣ: «въ церкви читано евангеліе: «идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ», а тебя цѣлый день нѣтъ при мнѣ, да еще и въ такую нужную пору, когда я самъ съ работниками изъ новостроющейся церкви вычищаю щепу».

Я, не дожидаясь болѣ, и радуясь что понялъ, въ чему влонился изреченный его преосвященствомъ съ толикою ревностію священный текстъ, поспѣвалъ въ новостроющуюся церковь, и очищалъ съ работниками на ряду щепу и всякой соръ, подѣ собственнымъ надзираніемъ преосвященнаго; а вечеромъ, возвратясь въ покои, не ушолъ отъ жестокой брани за дневныя по покоямъ запущенія во время бытности моей на работѣ, равно и за оставленную на полу черноту, которая лежала до возвращенія нашего въ покои.

На завтра, на разсвѣтѣ, приказалъ подавать чай, но вмѣстѣ съ приказаніемъ схватилъ на себя теплые сапоги, полубубокъ, ухатую шапку, и усекавалъ подѣ колокольню, гдѣ тогда планировали землю. А когда я пошелъ доложить, что чай готовъ, то на докладъ мой состоялась конфирмація, чтобъ я взялъ носилки и носилъ съ прочими работниками землю; во исполненіе которой, и трудился я цѣлое утро въ потѣ лица за грѣхъ праотца Адама. Прочее время проходило въ подобныхъ упражненіяхъ, дающихъ мнѣ преимущество имѣть съ архіереемъ одну душу. Сверхъ того, казнилъ онъ меня всякой день бранью за то, что у меня волосы становились малы. Я приносилъ оправданіе, что причиною тому недавно прошедшая горячка, и что посеумъ они еще меньше станутъ, или и совсѣмъ вылезутъ. Но мое оправданіе отвергаемо было съ пушкою бранью, отъ которой я во искушеніи уже былъ суетѣрить, не заключали-ль въ себѣ и мои волосы такъ, какъ Сампсоновы, какой-нибудь тайны?

Но мое подозрѣніе было основательнѣе, когда я началъ замѣчать, не тронулся ли преосвященный въ умѣ, или не имѣетъ ли отъ природы нѣкотораго степени сего несчастія. И въ самомъ дѣлѣ,

когда я не былъ въ нему такъ близокъ, то странная его натура не столько мнѣ была подозрительна. Я сообщил мое подозрѣніе выше-упомянутому мною К. Вышеславцеву.

«Ты вѣтъ не шути, отвѣчалъ онъ мнѣ. Я помню, продолжалъ Вышеславцевъ, когда покойный прѣосвященный новгородскій Димитрій Сѣченковъ назначилъ его на проповѣдь, то онъ надъ сочиненіемъ оной съ ума сошелъ и былъ долгу боленъ» *).

Хотя такая вѣсть меня еще не удостовѣрила, однако, приложя въ ней образъ архіерейскаго поведенія, она увеличила мое подозрѣніе.

Вскорѣ за симъ услышалъ я (не подавая уже повода къ сей матеріи); города Путивля отъ священника Стефана, бывшаго прежде при архіерей служителемъ, что преосвященный часто бываетъ сердитъ въ безпамятствѣ, и часто говорить безъ надобности и понятія, подобно лунатику. Отецъ Степанъ былъ постарше меня вдвое. Онъ примѣтя, что я ничего ему не отвѣчаю, продолжалъ: «я вижу, что ты мнѣ не вѣришь! посмотри же, какъ архіерей одинъ будетъ въ кельи во время новомѣсячя, и прислушай! Ты увидишь, что я тебѣ не солгалъ».

§ XVII.

Н о в о м ѣ с я ч і е .

Преосвященный избавилъ меня отъ терпѣнія. Въ первое новомѣсячье примѣтилъ я, что онъ сердитѣе и задумчивѣе обыкновеннаго, и чаще началъ меня бранить за умаленіе волосъ. Я уже не думалъ болѣе и примѣчать, какъ, сверхъ моего недуманія, случилось мнѣ, будучи въ буфетѣ, услышать разговоръ, происходившій въ гостиной. Зная, что нѣтъ никого съ архіереемъ, вскочило мнѣ на умъ новомѣсячье, вслѣдствіе чего взялся я, по наставленію отца Стефана, посмотреть и прислушать. Изъ темнаго буфета, сквозь стеклянные и неотворенныя двери, виднѣе и слышнѣе мнѣ было, нежели изъ-за кулисъ, и абіе очи мои узрѣша и уши услышаша сицевая:

Архіерей, ходя по гостиной горницѣ, то съ важностію, то съ скоростію, говорилъ нѣсколько тихо; потомъ, остановившись вдругъ, крикнулъ:

*) Онъ тогда былъ іеромонахомъ и учителемъ въ новгородской семинаріи синтаксическаго класса.

«Я принцъ-архіерей, я не такой лапотникъ, какъ другіе русскіе архіереи. Я былъ на театрѣ свѣта, меня учить никто не въ состояніи! Придите—истажемся, сице глаголетъ свѣскій архіерей.» Много еще было подобнаго въ сей рѣчи, въ которую вмѣшивалъ его свѣтлость и священные тексты. Потомъ, слышны были имена звѣрей, скотовъ, плавающихъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ, какъ-то: медвѣдей, лосей, слоновъ, лошадей, коровъ, лягушекъ, сверчковъ, мухъ.

Я очень былъ увѣренъ, что сей разговоръ не есть чтеніе Аристотеля, который, какъ я слыхалъ отъ ученыхъ, писалъ о естествѣ животныхъ. Наконецъ вотъ развязка: его княжеское преосвященство именами вышесказанныхъ тварей называлъ тѣхъ персонъ, которыхъ онъ, ходя и бѣгая по горницѣ, бранилъ, и изъ которыхъ мнѣ многія извѣстны были по именамъ, а особливо синодальные члены и другіе архіереи.

Тутъ уже я увѣрился о сказанномъ мнѣ отъ Вышеславцева, отъ патера Стефана и о своемъ подозрѣніи, но купно и потерялъ съ симъ остатокъ надежды къ лучшей когда-либо жизни; ибо, что можетъ быть бѣдственнѣе въ жизни, какъ служить начальству и пастырю, который увѣренъ о себѣ, что онъ умнѣ всѣхъ на свѣтѣ, и долженъ быть выше и блистательнѣе всѣхъ на свѣтѣ! Уже я пересталъ думать о достоинствѣ кабинетнаго секретаря и объ одной въ двухъ тѣлесахъ душѣ, какъ въ одну ночь преосвященный, проснувшись, влинулъ меня, лежа въ постели. А когда я въ темнотѣ подошелъ для принятія приказа, то онъ спросилъ меня:

«Хочешь ли ты жениться?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

«Когда хочешь, то вотъ тебѣ невѣста, которая живетъ у сестры. Она мнѣ доводится своя. Ну, когда хочешь, такъ женись».

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтствовалъ я.

«Да для чегожь?»

— Мнѣ еще рано жениться.

«Ну поди», заключилъ архіерей темную нашу аудіенцію.

Я зналъ эту толстую дѣву. Она иногда прихаживала ко мнѣ въ постные дни за рыбою для архіерейской матери и сестры. Она еще не имѣла 26-ти лѣтъ, и была одна изъ находившихся

при архіерейской сестрѣ бѣдныхъ ея сродницѣ, отправлявшихъ у нея должность прачекъ и служительницѣ.

Возлегли на мою постелю, далъ я свободу своему разуму руководствоваться мною, какъ онъ хочетъ. Съ помощію его, толковнулся я ко внутреннимъ моимъ движеніямъ, и не нашелъ въ нихъ ни пылинки согласія съ архіерейскимъ предложеніемъ. Разсудовъ говорилъ мнѣ: «ты еще молодъ, ты долженъ о себѣ мыслить и промыслять, сколь можно лучше. Предложеніе тебѣ архіерейское есть довазательствомъ, что онъ тобою не дорожить, а если онъ предлагаетъ тебѣ изъ доброхотства, то посуди, что должно думать о его смыслѣ?» — Словомъ: сей путеводитель, надѣлавши много вопросовъ, отвѣтовъ, задачъ, разрѣшеній, одобрилъ превосходно мое заключеніе, что я отказался отъ чести свойства съ принцемъ-архіереємъ и его новомѣсячіемъ.

Я, поблагодаря моего наставника, уснулъ и спалъ такъ, какъ всѣ спятъ молодые люди, съ тѣмъ только изъятіемъ, что мнѣ ложаюсь послѣ архіерея, и вставая прежде его, не оставалось въ сутки болѣ 4¹/₂ часовъ на успокоеніе. Природа же съ настоящею моею участію столь не соглашалась, что я не возропталъ бы на время, если бы оно мнѣ позволило выспать 10 часовъ съ ряду. А если владыко нашъ, въ теченіе дня найдетъ кого спящимъ, то тотчасъ поднимаетъ изъ всей мочи крикъ и бросается искать палки, если ее на ту пору въ рукахъ не случится. Пробужденный симъ обрядомъ, спрашивай сколько хочешь: что прикажете? что надобно? ничего не услышишь, кромѣ брани, крика, ругательства; и тѣмъ кончится вся церемонія, хотя-бъ это было и не въ новомѣсячіе.

Въ наступившее утро никакихъ изъ нашей ночной матеріи не видно было слѣдовъ; но за обѣдомъ преосвященный далъ знать, что онъ предлагалъ мнѣ о женитьбѣ не спросонья, ибо когда поставили на столъ плоды, то онъ, схвативши яблоко, бросилъ его въ меня изъ всей силы такъ, что креслы его на аршинъ отъѣхали съ нимъ назадъ, напоминая вмѣстѣ съ замкомъ ночныя мои слова: «тебѣ еще рано жениться», и когда бы я не уклонился въ сторону, то лобъ мой не остался бы безъ вонтузіи. А у его преосвященства такой обычай, что когда разъ не попадалъ, то въ другой разъ тогда же не повторялъ, до-

вольствуясь первымъ импетомъ *), каковъ бы онаго успѣхъ ни былъ, а сія благотворительная въ мудреной природѣ черта показывала, какъ будто онъ опомнивался, что сдѣлалъ ужъ слишкомъ много.

Всѣмъ, сидящимъ за столомъ **), непонятна была наша роль, однакожь никто не смѣлъ спросити объ открытіи таинства, въ ней заключающагося.

Но какъ я послѣ стола и по отшествіи архіерея открылъ ея родникъ всѣмъ желавшимъ нетерпѣливо его знать, то всѣ меня поздравляли непрерывнымъ на мой счетъ смѣхомъ. Мнѣ однакожь было не до смѣха. Примѣчанія достойно, что самый робкій человѣкъ дѣлается отважнымъ, когда доводятъ его до крайности. Я смекнулъ дѣломъ, и пошолъ тотчасъ къ архіерею.

Онъ, сѣдя въ спальнѣ на постелѣ, стригъ маленькую собачку, приговаривая къ ней по-французски, и взглянувъ на меня сказалъ: «это значить: бархатныя лапы», а я отвѣтствовалъ: «нижайше прошу ваше преосвященство уволить меня отъ теперешней должности къ прежней». Онъ бросилъ ножницы на одѣяло, вздернулъ носомъ къ верху, покраснѣлъ, собачка соскочила, все это сдѣлалось въ одинъ моментъ.

Вопросъ: Что тебя къ этому побудило?

Отвѣтъ: Тѣ же самыя причины, которыя я, и при принятіи меня, представлялъ вашему преосвященству. Я не сроденъ къ такой должности, каковую теперь имѣю...

«То-есть, ты не хочешь», сказалъ архіерей, и не давши мнѣ на то отвѣчать, примолвилъ священный текстъ: «маловѣре! почто усумнился еси?» Потомъ, помолчавши нѣсколько секундъ, свочилъ, какъ уволотный булавкой, вбѣжалъ въ владовую, которая граничила со спальнею, — и началъ оттуда чрезъ порогъ бросать на помость цѣлыя выдѣланныя лисицы ***).

*) Латинское слово impetus — наваденіе, ударъ.

Г. Д.

**) Съ нимъ тогда обѣдали братъ его, кievской академіи студентъ, и инспекторъ брата Трипольскій, партикулярный еще учитель семинаріи, Ондорскій и членъ консисторіи Рудаѳовскій.

Г. Д.

***) Лисица живая или мертвая, есть та, которая съ мясомъ, и еще неободрана. Мѣхомъ лисьиимъ называется много подобранныхъ и спитыхъ лисицъ въ одно мѣсто. А какъ назвать должно однимъ словомъ содраную съ лисицы кожу съ волосомъ, и выработанную для раздѣленія ее на лисьи мѣхи, того я въ россійскомъ академическомъ словарѣ не нашелъ. Можетъ быть, не въ томъ мѣстѣ искалъ, гдѣ надобно искать.

Г. Д.

Набросавши дюжины съ полторы: «вотъ возьми»—сказалъ, «сдѣлай себѣ шубу, а чего не достанетъ, тогда сважи. Сузна на покрывку можешь самъ купить». Я желалъ разумѣть, что онъ мнѣ ввѣряетъ только выборъ сузна, но то разумѣлось, противъ моего желанія, чтобы я и деньги свои употребилъ, ибо онъ при-молвилъ: «Деньги имѣешь». Итакъ, двое мы съ преосвященнымъ соорудили одну шубу, которая явилась въ міръ въ достоинствѣ мирнаго нашего трактата, и которую получилъ я вмѣсто от-пуска, благодаря сватовства и новомѣсячія.

Въ сіе время—въ сентябрѣ—проѣзжалъ изъ Петербурга на ми-трополю кievскую, митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, бывшій с.-петербургскій архіепископъ. Онъ угощаемъ былъ у нашего преосвященнаго, и у сѣвскаго воеводы Пустошкина. Погостивши на семь перепутыи дни съ три, выѣхалъ изъ Сѣвска въ Гама-левскій, епархіи своей, монастырь, созданный въ лѣсу гетманомъ Сѣоропадскимъ, гдѣ и прожилъ болѣе года, по причинѣ свирѣп-ствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы, увѣренъ будучи, что для него нужнѣ всего отъ чумы предосторожность, а для кievскихъ жителей молитвы его могутъ и издали дойти.

По первому зимнему пути запросилъ преосвященнаго въ гости дѣйствительный камеръ-геръ Михайло Ивановичъ Сафоновъ, въ домъ его, состоящій Путивльскаго уѣзда въ слободѣ Тернахъ, ко-торая пожалована ему отъ императрицы Елисаветы Петровны при крещеніи ея сына его, и которая разстояніемъ отъ Сѣвска верстъ на полтораста.

§ XVIII.

Гостепріимство.

Камеръ-геръ встрѣтилъ преосвященнаго на крыльцѣ. Тогда сдѣлалась мокрая съ холодомъ непогодъ; вслѣдствіе чего пре-освященный и возгласилъ камеръ-геру при первой встрѣчѣ, что хотя время и не хорошо, однакожъ въ эту пору года и въ луч-шихъ климатахъ бываетъ худо.

По входѣ въ залъ, хозяинъ сдѣлалъ гостю нанучтивѣйшее привѣтствіе; ловкія и ласковыя его слова давали въ немъ знать челоуѣка придворнаго*); тогда было три часа пополудни, и ку-

* Онъ былъ женатъ на придворной же, рожденной графинѣ Гендрико вѣй и былъ вдовъ, имѣлъ пьянаго сына и двухъ дочерей прекрасныхъ. Г. Д.

шанье было уже на столѣ; не тратя времени, хозяинъ сказалъ: «пора кушать, ваше преосвященство».

Съ началомъ стола, загремѣла вовальная и инструментальная музыка. Музыканты одѣты были чисто, пѣвцы въ бѣломъ одѣяніи, и большею частію похожи были то на мопсовъ, то на борзыхъ; брUNETки были какъ мухи въ сметанѣ, а блондинки, какъ сыръ въ молокѣ,—иной бы подумалъ, что это сдѣлано въ угодность ревнивой женѣ, если-бы камеръ-геръ не былъ вдовъ. Они начали концертомъ, кладки г-на Рачинскаго *) «Радуйтесь Богу помощнику нашему», играли и пѣли прекрасно. Я слушалъ и зѣвалъ съ восхищеніемъ, потому что зрѣлище сіе было для меня еще новое въ такомъ совершенствѣ. Слуги служивали проворно, а господа за кушаньемъ не уступали имъ въ проворствѣ. Хозяинъ былъ веселъ и привѣтливъ. Все шло своимъ чередомъ, и всѣ, казалось, готовы были продолжать веселости, какъ владыка нашъ, повернувшись къ своему дежурному малому пѣвчему, стоявшему за нимъ съ тарелкою, кривнулъ-гарнулъ, громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ:

«— Посмотри, скотъ! какой малой» —указывая на одного изъ музыкантовъ—«да какъ хорошо на скрипкѣ играетъ, а ты съ вора выросъ и ничего не умѣешь! Становись на колѣни!»

Малой грянулъ на колѣни. Я съ горестію потерялъ желаніе видѣть его преосвященство порядочнымъ въ такомъ домѣ, гдѣ каждому пріятно было веселиться. Я сердился на новомѣсячіе. Всѣ на это странное явленіе обратили глаза. Архимандритъ Карпинскій покраснѣлъ. Хозяинъ отворотился къ оркестру, видя, что гость имѣлъ дерзновеніе домъ его сдѣлать публичнымъ мѣстомъ наказанія, во время обѣденнаго стола. Каждый почувствовалъ непріятное въ себѣ движеніе. Одинъ только преосвященный продолжалъ спокойно обѣдъ, и всталъ изъ-за стола въ одну пору съ осужденнымъ.

Въ послѣдующіе два дни видѣли мы домовую церковь, довольно хорошо украшенную, хотя деревянную, конюшню, мадежъ; были зрителями одного театральнаго представленія и натурального въ горѣ погреба, гдѣ ставилось и хранилось вино собствен-

*) Славный капельмейстеръ, при музыкѣ графа Кирилла Григорьевича Раумовскаго. Мнѣ случилось послѣ видѣть его въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Мужъ, на лицѣ котораго ознаменовано нанчувствительнѣйшее сердце. Г. Д.

наго винограда. Я видѣлъ въ залѣ картину дома, въ которомъ родился великій Петръ. Наружныхъ лѣстницъ много; окна квадратныя, во вкусѣ русской простоты; подъ рисункомъ написаны стихи Александра Сумарокова:

Въ російской области въ семь домѣ рокъ былъ щедръ.
 Дохнулъ отъ небеси небесный россамъ вѣтръ.
 Природа извела сокровище изъ нѣдръ:
 Въ семь домѣ родился, великій россия Петръ!

Преосвященный во всю нашу бытность, препровождаемую кушаньемъ, десертомъ, закусками, музыкою и ласковымъ хозяйскимъ приемомъ, былъ очень недоволенъ, что такое гостеприимство связано съ порядкомъ, связывающимъ у него руки, ноги и языкъ.

На четвертый день, позавтракавши, отъѣхалъ домой. По пути заѣхали въ путивльскій Молчанскій монастырь, гдѣ приняты были игуменомъ Мануиломъ Левицкимъ и угощены. Подъ образомъ и подъ именемъ «благочинія» забавлялись осмотромъ церкви и церковныхъ утварей. Въ одной, — помнится, — воскресенской церкви, показали преосвященному большой молитвенникъ въ листъ, въ переплетѣ подъ бѣлымъ пергаментомъ, въ позолоченномъ обрѣзѣ. Очень новъ и чистъ. Повидимому, его хранили, какъ рѣдкость. При началѣ книги, на первомъ бѣломъ листѣ, написанъ рукою владчика стихъ стариннымъ малороссійскимъ, смѣшаннымъ съ польскимъ, языкомъ:

«Гдѣ будешь по сей кнѣзь благаго благоты тако:
 Не рачь, молю, и мене въ увъ часъ забываты».

Писано твердымъ, и по тогдашнему времени не худымъ малороссійскимъ почеркомъ и подписано: «Иванъ Мазепа полковою асаулъ».

Преосвященный взялъ его въ свою бібліотеку, которая потомъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ и съ молитвенникомъ умерла. А если-бы любостыжательность іерарха не тронула сей вещи съ своего мѣста, она бы и теперь и на будущія времена служила для церкви памятникомъ тѣхъ извѣстныхъ по исторіи временъ, въ которыхъ жилъ владчикъ, бывший потомъ гетманъ Мазепа, и кончившій жизнь свою вмѣстѣ съ измѣною Петру Великому, во время войны противъ Карла XII, короля шведскаго.

Многіе путивльскіе купцы, которые были побогаче другихъ,

удостоены архипастырскаго ~~благословенія~~ и посѣщенія, гдѣ обыкновенно, при воплѣ вокальной архіерейской музыки, пѣли и ѣли чрезъ цѣлый день, а въ монастырь къ игумену возвращались спать. Хозяинъ нашъ былъ человекъ бывалой, вѣдомой и добрый. Въ младолѣтствѣ своемъ находился онъ при кievскомъ митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ дворецкимъ, и въ управленіи деревень, слѣдственно старинный архіерейскій солдатъ и знатокъ всѣхъ по части духовной обрядовъ и подробностей. Онъ находилъ удовольствіе заслуживать любовь и доброе о себѣ мнѣніе у знатныхъ духовныхъ лицъ и имѣлъ непорочное любочестіе, кому можно тѣмъ хвалиться. Чему всегдашнимъ у него доказательствомъ была книга въ переплетѣ съ подлинными къ нему письмами отъ преосвященнаго митрополита московскаго Тимоѣя Щербацкаго, Тихона епископа воронежскаго, бывшаго сѣвскаго и другихъ духовныхъ властей.

Сіи письма, хотя не заключали важной въ себѣ матеріи, но поелюку писаны особами, посвятившими себя словесности и регулярной жизни. то и не была въ нихъ потеряна граматическая правильность, риторическая пріятность, и иногда дружескія, благопристойныя и остроумныя шутки. Все сіе было для меня полезнымъ навикомъ, а паче въ такія времена, когда рѣдко гдѣ умѣли правильно мыслить и говорить, кромѣ академиковъ, которые питаются очень жирно и не приносятъ государству пользы ни на булавочную головку, кромѣ задачъ праздностію порожденныхъ.

По выѣздѣ изъ Путивля заѣхали по пути въ селѣ Есманѣ къ священнику отцу Ивану Лѣвицкому, кievской епархіи. На ту же самую пору случилось туда же заѣхать одному изъ малороссіянъ, котораго попь-хозяинъ поименовалъ полковникомъ Гриневымъ.

Лишь только сей Гриневъ сошелся съ нашимъ архіереємъ, то вдругъ невѣдомо изъ чего начались у нихъ диспуты философическіе, теологическіе, физическіе, математическіе, астрономическіе, астрологическіе, метафизическіе, филантропическіе и проч. Они бросались изъ матеріи въ матерію, другъ противъ друга кричали, утверждали, опровергали, важничали, смѣялись, сердились, хохотали, садились, вставали, ходили, бѣгали, — крику полныя горницы, а дѣла ничего. Двадцать часовъ съ лишнимъ у меня невы-

ходилъ поднось изъ ружь — съ рюмками, ставанами, чашками безъ кушанья, въ спорахъ при попойкѣ, а конца ничему не было видно. Уже я лишался силъ, хотя подвигъ сей былъ уже для меня и не новой, какъ въ счастію моему и ихъ, они поссорились.

Гриневъ бросился въ свой покой, архіерей, возсѣвъ на лавку, не могъ уже встать, завалился за столъ и заснулъ. Проснувшись, не заботились другъ съ другомъ видѣться и спросить о здоровьѣ. Они разѣхались по домамъ, оставя споръ свой рѣшить авадемивамъ, которымъ нѣтъ лучшаго дѣла.

Вышеупомянутый игумень Мануилъ вскорѣ послѣ сего, будучи въ Сѣвскѣ череднымъ консисторскимъ членомъ, сообщилъ мнѣ, что отъ камеръ-гера Сафонова приготовлены были для архіерея, въ бытность его въ Тернахъ, многіе подарки, состоящіе въ лошадяхъ, коврахъ, коляскѣ, салфеточныхъ и сватертныхъ поютнахъ и прочихъ своего завода и работы вещахъ, кои работаютъ у него съ отличнымъ искусствомъ. «Но все сіе, говорилъ игумень, оставлено, когда увидѣлъ Сафоновъ, что онъ у себя, вмѣсто архіерея и вояжира, угощаетъ бурлака, который тѣмъ опаснѣе, что знаетъ языки и во многомъ свѣдущъ».

Еслибы я исторію мою дополнилъ важнѣйшими или достойнѣйшими любопытства описаніями, то не имѣла бы она исторической истины. Природа не сотворила меня лгать и любить ложь, почему миѳологію, метафизику, кабалистику и романы безъ нравственности почитаю и для себя мертвыми, и себя для нихъ мертвымъ. Я люблю говорить то, что понятно, и люблю слушать то, что ясно и полезно. Для меня понятно, наприм., возстановить и утвердить порядокъ правленія, но не на мой вкусъ: «поставить зданіе на незбылемыхъ столбахъ политическихъ». Я могу написать: изнеможеніе или остатокъ законной силы и власти, но никогда не напишу: «единая тѣнь колоссальнаго могущества». Я могу написать: паденіе государства и его законовъ, но не напишу: «потеря тяжести, равновѣсія политическихъ постановленій». Кто такъ пишетъ, тотъ моей своеобразности кажется такимъ аптекаремъ, который въ одной ступѣ толчетъ исторію съ механикой.

Я могу говорить: французы уклонились отъ порядка, истины, должности, но не скажу: «французы уклонились отъ знаменъ философіи». Я могу говорить, что духовенство могло бы прозвѣ-

спору за вѣру, проклятiя и кзни, но не скажу: «что духовенство зажгло бы религіозную войну». Я разумѣю значеніе: отвратительнаго самолюбія, но гнушаюсь «гнуснымъ эгоизмомъ». Мнѣ понятно: изступленіе народа во время всеобщаго мятежа, но отвратителенъ «энтузіазмъ народа въ сію эпоху революціонной бури». Мнѣ понятно: французы зараженные изступленіемъ своихъ соотечественниковъ, но смѣшно: «наэлектризованные сообщительнымъ энтузіазмомъ французскихъ патріотовъ». Я разумѣю: ужасное смятеніе народа въ такой уже было степени, что всякая преграда благоразумія—бесильна была отвратить его, но стыжусь разумѣть: «рѣка революціонная, которой берега низко опущены, разливалась съ такою быстротою, что уносила съ собою всѣ оплоты, которыми хотѣли поздно удержать ее». Нѣтъ никакого таинства, что кровожаждущему Робеспьеру отрублена голова на эшафотѣ, 9-го термидора, при радостномъ рукоплесканіи всего народа. Но не встати загадка: «Глухой ревъ, который бываетъ предтечею бури, возвѣстилъ ея приближеніе, 8-го термидора громъ загремѣлъ, а 9-го термидора ударъ совершился». Стрѣльцы, физики и канонеры говорить, что прежде совершается ударъ, а послѣ ударяетъ громъ; у нашихъ ораторовъ напротивъ. Пусть такъ пишетъ современникъ мой Сегюръ: онъ человекъ государственный. Пусть такъ переводитъ соотечественникъ мой Измайловъ: онъ умѣетъ говорить по-французски и я люблю читать его Евгенія Лувича, представляющаго не картину, но истинную исторію: Я люблю собственный томъ моихъ родовитыхъ предковъ, кои переводили, напримѣръ, троянскую исторію, писали царственную книгу царя Ивана Васильевича, не исключая и чудесъ, безъ которыхъ въ тѣ времена нельзя было обойтись. Люблю «Древнюю Россійскую Вивліюэику» и еще, если угодно, люблю «Жизнь Никона патріарха», который не былъ умѣе моего архіерея. А келейникъ его Шшеринъ, который писалъ его жизнь, былъ тоже что и я, съ тою только разницею, что онъ писалъ жизнь своего патріарха съ примѣсомъ къ ней чудесъ, а я пишу дѣянія моего принца-архіерея безъ прибавки къ нимъ постороннихъ чудесъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАТСЬ-ДАМЫ РУССКАГО ДВОРА

ВЪ XVIII И XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

біографическіе описки П. Ѡ. Карабанова *)).

64) Графиня Іуліана Ивановна фонъ-дерь-Паленъ, единственная дочь барона Іоганна Эрнеста фонъ-Шешинга (приверженца принца Карла Саксонскаго, соперника Бирона), супруга графа Петра Алексѣевича, генерала отъ кавалеріи (род. 17 іюня 1745, ум. въ Митавѣ 15 февраля 1826). Родилась 1753 г. Орденъ св. Екатерины 2-го кл. получила 7 ноября 1798. Въ статсь-дамы пожалована 17 апрѣля 1799. Сопровождала въ Вѣну великую княгиню Александру Павловну, послѣ брака ея съ эрцгерцогомъ, и въ память этого получила два браслета съ портретами, окруженными жемчугомъ, хранящіеся въ семействѣ Паленъ. Скончалась въ Митавѣ 1 марта 1814, на 61 году („Сѣверная Почта“ 1814, № 23).

65) Княгиня Анна Петровна Гагарина, супруга генераль-маіора, генераль-адъютанта и державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго командора, князя Павла Гавриловича, дочь дѣйств. тайн. сов. 1-го кл., свѣтлѣйшаго князя Петра Васильевича Лопухина и первой супруги его, Прасковіи Ивановны рожденной Левшиной,—род. 8 ноября 1777. Въ 1798 г. отецъ ея сперва переведенъ былъ изъ Московскаго сената въ Петербургскій, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ генераль-прокуроромъ. По прибытіи въ С.-Петербургъ, она пожалована 6-го сентября 1798 въ камеръ-фрейлины. 22 февраля 1799, въ званіи камеръ-фрейлины получила орденъ св. Екатерины 1-й степени. Расположеніе Павла къ Аннѣ Петровнѣ сохранилось въ немъ по самую его кончину. 14 дек. 1798 г. она пожалована кавалерственною дамою большого креста державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, великаго пріорства греко-

*) См. „Русскую Старину“ 1870 г. т. II, стр. 468—498; 1871 г. т. III стр. 38—48.

россійскаго. Между тѣмъ князь Павелъ Гавриловичъ Гагаринъ и Анна Петровна съ молодыхъ лѣтъ знали другъ друга и взаимно нравились. Это было извѣстно императору. Рѣшившись ихъ обвинять, онъ далъ повелѣніе, при первомъ благоприятномъ случаѣ прислать кн. Гагарина съ донесеніемъ изъ арміи Суворова въ Петербургъ. По прибытіи его, возложилъ на него командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго и ввелъ его къ Аннѣ Петровнѣ. 11 января 1800 г. она благодарила императрицу за дозволеніе вступить въ замужество; самое бракосочетаніе совершилось при дворѣ 8 февраля 1800 г.

Скончалась 25 апрѣля 1805, и погребена въ церкви св. Лазаря въ Невскомъ монастырѣ.

66) Княгиня Варвара Ивановна Италійская, графиня Суворова-Рымникская, вдова генералиссимуса князя Александра Васильевича (род. 13 ноября 1727, сконч. 6 мая 1806), дочь генераль-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, — род. 1753, (по другимъ извѣстіямъ 28 августа 1750). Въ супружество вступила въ 1774. Въ статсъ-дамы пожалована въ коронацію императора Александра I, 15 сентября 1801, и того же числа возложенъ на нее орденъ св. Екатерины 1-го кл. Скончалась въ Москвѣ 8 мая (по друг. извѣст. въ іюнь) 1806, 52 лѣтъ, и погребена въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ.

67) Графиня Екатерина Александровна Головкина, супруга гофмаршала великаго князя Петра Ѳеодоровича, потомъ дѣйств. тайн. сов. графа Гаврилы Ивановича Головкина, дочь генераль-фельд-маршала графа Александра Ивановича Шувалова и супруги его, графини Екатерины Ивановны, рожденной Костюриной, — род. 1733. Въ пребываніе двора въ Москвѣ, 1749 г. ноября 24, императрица Елисавета, при выходѣ на придворный балъ, сама размѣнила новобрачавшихся перстнями и со всѣмъ дворомъ пила за ихъ здоровье. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1749, № 97, стр. 773). 1750, октября 14, въ С.-Петербургѣ совершилось брачное сочетаніе въ придворной церкви, въ присутствіи ея величества и ихъ высочествъ. Новобрачная для свадебнаго торжества отвезена въ домъ князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, который былъ маршаломъ. Императрица со всѣмъ дворомъ прибыла въ 11-мъ часу, и присутствовала на балѣ и ужинѣ.

На другой день, т.-е. 15-го числа, было повтореніе торжества („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1750 г. № 84, стр. 670. Нащокинъ—102). Въ коронаваніе императора Александра, 15 сентября 1801 г. пожалована статсъ-дамскимъ достоинствомъ и орденомъ св. Екатерины меньшаго креста. Съ 1802 по 1816 г. имѣла постоянное пребываніе въ Женевѣ, а потомъ въ Парижѣ, гдѣ и скончалась 1821 г., 88 лѣтъ. Ея

мужъ, графъ Гаврила Ивановичъ былъ внукомъ канцлера, Гаврилы Ивановича, перваго графа Головкина, роднымъ племянникомъ умершаго въ Сибири графа Михаила Гавриловича, и двоюроднымъ дядею послѣдняго графа Головкина, Юрія Александровича. Ихъ дѣти: графъ Алексѣй Гавриловичъ, камергеръ, скончался бездѣтнымъ въ 1823 г., и графиня Елисавета Гавриловна, по прозванію Мигуша, скончалась незамужнею въ 1818 г. на дорогѣ въ Кѣнигсбергъ.

Еще при жизни своей, графиня Головкина утвердила огромное наслѣдственное имѣніе въ родѣ графовъ Шуваловыхъ.

68) Княгиня Анна Михайловна Прозоровская, супруга генераль-фельдмаршала князя Александра Алекс. Прозоровскаго, дочь генераль-аншефа, князя Михаила Нив. Волконскаго и супруги его, княгини Елисаветы Алексѣевны, рожд. Макаровой, род. 28 іюня 1747 г. (въ надгробномъ памятникѣ годъ невѣренъ). Была сговорена за князя Петра Михайловича Голицына, генераль-поручика, который, по проскамъ князя Потемкина, убитъ на дуели 17 ноября 1775 г. Въ статсъ-дамы пожалована въ коронацію императора Александра, 15 сентября 1801; того же числа получила бантъ ордена св. Екатерины, а дочь ея пожалована въ фрейлины; 1809 апрѣля 18 получила орденъ св. Екатерины 1-го кл. Путешествовала съ императрицею Елисаветою Алексѣевною въ чужіе края, и, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, получила въ знакъ признательности небольшой ея портретъ въ медальонѣ, украшенномъ брилліантами, который всегда носила на цѣпи. Скончалась 29 сентября 1824 г., 77 лѣтъ.

69) Графиня Анна Васильевна Остерманъ, супруга дѣйств. тайн. сов., графа Фёдора Андреевича Остермана, дочь статс. сов. Василя Борисовича Толстого и супруги его Даріи Никитичны, рожденной Змѣевой, род. 15 февраля 1732 г. Орденомъ св. Екатерины меньшаго креста пожалована 5 апрѣля 1797 г. въ коронацію Павла. Въ статсъ-дамы пожалована 12 декабря 1801. Скончалась 23 мая 1809 г., 77 лѣтъ, бездѣтною, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

Графъ Фёдоръ Андреевичъ родился въ С.-Петербургѣ 21 марта 1723 г., принятъ отъ купели цесаревною Анною Петровною 1-го апрѣля. Умеръ въ Москвѣ бездѣтнымъ 10 ноября 1804 г.

70) Авдотья Ильинична Голенищева-Кутузова, вдова адмирала 1-го класса (на фельдмаршальскихъ правахъ) Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова, дочь инженеръ-генераль-поручика Ильи Александровича Бибикова и 2-й его супруги Варвары Никитичны, рожденной Шшковой, — сестра знаменитаго Александра Ильича Бибикова, родилась 11 апрѣля 1743 г. Въ кавалерственныя дамы ор-

дена св. Екатерины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Въ статсъ-дамы пожалована 18 ноября 1806 г. Скончалась 9 марта 1807 и погребена въ Александре-невскомъ монастырѣ, въ палатѣ между церквами Благовѣщенія и Сошествія св. Духа.

Иванъ Логиновичъ родился 1 сентября 1729 г. Служилъ 60 лѣтъ и изъ рядовыхъ кадетъ дослужился до первѣйшаго чина. Скончался 12 апрѣля 1802 г., и погребенъ вмѣстѣ съ супругою.

17) Графиня Прасковія Кирилловна Гудовичъ, супруга генералъ-фельдмаршала, графа Ивана Васильевича, четвертая дочь генералъ-фельдмаршала графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго и супруги его графини Екатерины Ивановны, рожденной Нарышкиной (см. № 24). Не была фрейлиною. Въ кавалерственныя дамы пожалована 15 сентября 1801 г., въ коронацію Александра. Въ статсъ-дамы пожалована 18 ноября 1806 г. Скончалась 2 октября 1808 и погребена въ Невской лаврѣ.

72) Княгиня Наталія Петровна¹ Голицына¹ (la princesse Moustache), супруга бригадира князя Владиміра Борисовича, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, посланника при разныхъ дворахъ, графа Петра Григорьевича Чернышева и супруги его, двора императрицы Анны фрейлины, графини Екатерины Андреевны, рожденной графини Ушаковой, (см. № 47). Родилась 17 января 1741 г. Въ 1766 г. (11 іюня) въ карусели, совершившейся въ С.-Петербургѣ по соизволенію Екатерины II *), сія дѣвица графиня Чернышева, съ дѣвицею графинею Екатериною Александровною Бутурлиною (впослѣдствіи княгиня Долгорукая и статсъ-дама, см. № 59) и фрейлиною, бывшею уже въ замужествѣ, Анною Васильевною Лопухиною, по отцѣ Паниною, отъ прочихъ отличилась и выиграли призы: графиня Чернышева получила 1-й призъ**), Бутурлина—2-й призъ, а Лопухина—3-й призъ. Въ семъ же 1766 г., послѣ карусели, вступила въ супружество. Меньшой крестъ ордена св. Екатерины получила 15 сентября 1801 г. въ коронацію Александра I. Въ статсъ-дамы пожалована 18 ноября 1806 г.; сперва портретъ препровожденъ былъ къ ея дочери, графинѣ Софіи Владиміровнѣ Строгоновой, которая оный возвратила государю съ просьбою пожаловать имъ, вмѣсто нея самой, ея мать. Скончалась въ С.-Петербургѣ 20 декабря 1837 г., 97-ми лѣтъ;

*) На сей случай выбита медаль, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Екатерины, а на другой карусельнаго зданія; кругомъ надпись: «Съ Алфеевыхъ на нескіе берега. Іюля 11 дня, 1766 г.» (Reich'el. Russland. № 2324).

**) Розу изъ брилліантовъ, которая до сихъ поръ хранится у ея внука, свѣтлѣйшаго князя Владиміра Дмитриевича Голицына.

тѣло ея перевезено въ Москву и 2 января 1838 г. опущено близъ супруга въ больничной церкви Евѳимія Великаго.

73) Княгиня Александрѣ Николаевна Волконская, супруга генерала отъ кавалеріи, члена государственнаго совѣта, Оренбургскаго военнаго генераль-губернатора, ордена св. Андрея, св. Георгія 2-го класса кавалера, князя Григорія Семеновича Волконскаго (р. 30 января 1742 г., † 17 іюля 1824), старшая дочь генераль-фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина и супруги его княгини Наталіи Александровны, рожденной княгини Куракиной (т. III, стр. 43, № 49). Родилась 1757 г. Меньшой крестъ св. Екатерины получила 20 іюля 1797 г. Въ статсъ-дамы пожалована 1 января 1808 г. Имѣла орденъ св. Екатерины 1-го класса съ алмазами и исправляла должность оберъ-гофмейстерины. Умерла въ С.-Петербургѣ 23 декабря 1834 г., 78 лѣтъ, и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

74) Марія Алексѣевна Нарышкина, супруга оберъ-камергера, Александра Львовича Нарышкина (р. 14 апрѣля 1760 г., † 21 января 1826 г.), дочь адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина, родилась 9 марта 1762 г.; 1767 іюля 3 принята для воспитанія въ общество благородныхъ дѣвицъ, учрежденное Екатериною въ 1764 г. Этотъ приемъ былъ второй („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1767 г., прибавленіе къ № 55). 19 сентября 1775 г. получила въ награжденіе императрицы вѣнзель на сѣрой лентѣ съ одною серебряною полоскою. Въ 1779 г., послѣ обыкновеннаго 12-лѣтняго срока, выпущена изъ общества благородныхъ дѣвицъ. Въ фрейлины пожалована 11 декабря 1781; 1799 г., мая 29 получила орденъ св. Екатерины меньшаго креста. 1808 г. января 1 пожалована въ статсъ-дамы. Скончалась 30 декабря 1822 г., 60 лѣтъ.

75) Графиня Гедвига Понтусовна Армфельдъ, супруга шведскаго, впослѣдствіи русскаго генерала-отъ-инфантеріи, графа Густава Максимовича Армфельда, рожденная графиня де-ла Гарди. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1811 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 30 августа 1814 г. Умерла въ Стокгольмѣ 21 января 1832 г.

76) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова-Смоленская, супруга генераль-фельдмаршала князя Михаила Илларионовича, дочь инженеръ-генераль-поручика, Ильи Андреевича Бибикова и 2-й супруги его Варвары Никитичны Шишковой, сестра Авдотьи Ивановны Кутузовой (см. № 70). Родилась 5 ноября 1754 г. Въ супружество вступила 27 апрѣля 1778 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла; въ статсъ-дамы 30 августа 1812 г., въ награду

за труды ея супруга, по случаю Бородинской битвы (26 августа 1812). По смерти ея мужа (16 апрѣля 1813) рескриптомъ изъ Дрездена отъ 25 апрѣля 1813 г., на ея имя, опредѣлено ей все содержаніе, которое получалъ ея мужъ; рескриптомъ же отъ 4 декабря 1813 г. на имя министра финансовъ Гурьева пожаловано ей въ пенсіонъ по смерти полное заграничное содержаніе ея супруга, изъ 86,000 р. асс. состоявшее. Скончалась 23 іюля 1824 г. и погребена въ церкви сошествія св. Духа въ Невскомъ монастырѣ.

77) Свѣтлѣйшая княгиня Елена Ивановна Барклай-де-Толли, супруга генераль-фельдмаршала князя Михаила Богдановича Барклай-де-Толли, дочь эстляндскаго дворянина Смиттенъ (изъ дома Бенгофъ). Въ супружество вступила въ 1793 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины меньшаго креста пожалована 26 марта 1809 г. Въ статсъ-дамы 30 августа 1814 г. Скончалась въ 1828 г.

78) Княгиня Антонина Станиславовна Витгенштейнъ, супруга фельдмаршала князя Петра Христіановича, рожденная Снарская, дочь польскаго дворянина. Родилась 11 (22) марта 1779. Въ супружество вступила въ 1798 г., графъ выбралъ ее по сердцу, потому что она была не знатна и не богата. Получила орденъ св. Екатерины 2-го класса 25 іюля 1812 г. за разбитіе Удинѣ подъ Клястицею (18 іюля); сверхъ того назначенъ ей по смерти пенсіонъ въ 12,000 руб. Пожалована въ статсъ-дамы 12 января 1820 г., при полученіи извѣстія о смерти 2-го ея сына. Умерла 15 іюля 1855 г.

Князь Витгенштейнъ родился 26 декабря 1768 г. въ Нѣжинѣ, умеръ въ Лембергѣ на пути къ водамъ, 30 мая 1843 г. 75 лѣтъ.

78) Юлія Ѳеодоровна Адлербергъ, рожденная Багговутъ. Родилась въ Ревелѣ 15 октября 1760 г.; 1802 г., апрѣля 12, полковница Адлербергъ назначена въ начальницы общества благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ, съ присвоеніемъ ей, по сему званію, титула превосходительства и съ преимуществами ея предѣстницы. Орденъ св. Екатерины 2-го класса получила 24 апрѣля 1824.— Въ дѣйствительныя статсъ-дамы пожалована 24 февраля 1824.— 1835 г., іюля 22, въ память императрицы Маріи Ѳеодоровны, учреждено ежегодное торжество при вновь освященномъ великолѣпномъ храмѣ Воскресенія Христова въ Смольномъ монастырѣ, который наименованъ соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній; начальница, за болѣзнію, не присутствовала, но императоръ и императрица, почтивъ ее двукратнымъ посѣщеніемъ, удостоили ее пожалованіемъ ордена св. Екатерины 1-го класса въ знакъ вниманія къ 33-хъ-лѣтнему ея попеченію о воспитаніи множества дочерей російскаго дворянства. Умерла въ С.-Петербургѣ 20 сентября 1839 г., 79 лѣтъ.

79) Елисавета Петровна Глѣбова-Стрѣшневa, супруга генераль-аншефа Ѳеодора Ивановича Глѣбова (р. 31 декабря 1734 г., ум. 29 ноября 1799), дочь генераль-аншефа, Петра Ивановича Стрѣшнева. Родилась 21 февраля 1751 г. Въ супружество вступила 1772 по смерти родителя (5 сентября 1771 г.), бывъ сговорена при жизни его. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г. въ коронацію Николая I. Скончалась 4 декабря 1837 г. и погребена обще съ супругомъ въ Донскомъ монастырѣ. Мать ея, Наталія Петровна была дочь любимца Петра I, носившаго его портретъ, генераль-маіора Петра Петровича Яковлева.

80) Княгиня Наталія Ивановна Куракина, супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Алексѣя Борисовича Куракина, дочь коллежскаго совѣтника Ивана Сергѣевича Головина и супруги его Екатерины Алексѣевны, рожденной княжны Голицыной, родилась въ 1767 г. Баять ордена св. Екатерины получила 5 апрѣля 1797 г. въ коронацію Павла. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г. въ коронацію Николая I. Умерла въ С.-Петербургѣ отъ холеры, 2 іюля 1831 г.

81) Княгиня Екатерина Ѳеодоровна Долгорукова, супруга дѣйствительнаго тайнаго сов. князя Василя Васильевича Долгорукова (род. 1752 г., ум. въ С.-Петербургѣ, въ мартѣ 1812 г.), дочь оберъ-гофмаршала князя Ѳеодора Сергѣевича Барятинскаго и супруги его княгини Маріи Васильевны, рожденной княжны Хованской, фрейлины Екатерины П. Родилась 29 октября 1769 г. Въ супружество вступила въ январѣ 1786 г. Пожалована въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 9 апрѣля 1816 г. Въ статсъ-дамы 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 15 апрѣля 1841, предъ бракосочетаніемъ Наслѣдника. Скончалась въ С.-Петербургѣ 30 октября 1849 г., 80 лѣтъ. Дѣти ея: князь Василій Васильевичъ, обершталмейстеръ; князь Николай Васильевичъ оберъ-шенкъ, дочь—статсъ-дама княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова (см. № 99).

82) Княгиня Марія Васильевна Кочубей, супруга государственнаго канцлера князя Виктора Павловича Кочубей, дочь дѣйствительнаго камергера, Василя Семеновича Васильчикова (родного брата Александра Семеновича Васильчикова) и супруги его Анны Кирилловны, рожденной графини Разумовской. (См. въ фрейлинахъ). Воспитывалась не у родителей, а у своей тетки Наталіи Кирилловны Загряжской, рожденной графини Разумовской. Вступила въ бракъ съ вице-канцлеромъ графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ въ 1799 г. Пожалована въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 22 іюля

1804 г. Въ статсъ-дамы 22 августа 1826 г. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 15 апрѣля 1841 г. предъ бракомъ Наслѣдника. Скончалась въ 1844 г.

83) Наталія Ѳедотовна Плещеева, супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Сергѣя Ивановича Плещеева, дочь генераль-маіора и военной коллегіи члена Ѳедота Михайловича Веригина. 1791 г. февраля 15, выпущена изъ С.-Петербургскаго общества благородныхъ дѣвицъ (шестого приема). Фрейлина великой княгини Маріи Ѳедоровны. Бантомъ св. Екатерины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Была предметомъ кратковременнаго ея благорасположенія, что возбудило крайнее неудовольствіе Е. П. Нелидовой, еще бывшей тогда въ силѣ. Въ статсъ-дамы—22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Орденъ св. Екатерины 1-го кл. получила 4-го февраля 1851 г., въ день бракосочетанія великой княгини Екатерины Михайловны съ герцогомъ Мекленбургскимъ. Умерла въ февралѣ 1855 г.

84) Графиня Прасковья Николаевна Гурьева, супруга министра финансовъ, графа Дмитрія Александровича Гурьева, дочь лейбъ-гвардіи поручика графа Николая Владиміровича Салтыкова и супруги его графини Анны Сергѣевны, рожденной княжны Гагариной. Орденъ св. Екатерины 2 кл. получила 18 ноября 1806 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Умерла въ 1830 г.

85) Княгиня Татьяна Васильевна Голицына, супруга генерала отъ кавалеріи, московскаго генераль-губернатора, князя Дмитрія Владиміровича Голицына, дочь бригадира Василія Алексѣевича Васильчикова и супруги его княгини Екатерины Иларіоновны, рожденной Овцыной (дочери Иларіона Яковлевича Овцына, зажиточнаго псковскаго и новгородскаго помѣщика *). Родилась въ 1781 г., двойничная съ братомъ Васильевичемъ Васильчиковымъ. Въ фрейлины пожалована 5 апрѣля 1797 г., въ коронацію Павла. Въ супружество вступила 6 февраля 1800; бракъ ихъ совершенъ при дворѣ. Меньшой крестъ св. Екатерины получила 30 августа 1814 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Скончалась 28 января 1841 г., 59 лѣтъ, и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

86) Графиня Марія Алексѣевна Толстая, супруга генерала отъ инфантеріи графа Петра Александровича (род. 12 марта 1770 г., ум. 28 сентября 1844 г.), дочь генераль-маіора князя Алексѣя Борисовича Голицына и супруги его княгини Анны Георгіевны (до-

* Иларіонъ Яковлевичъ былъ генераль-поручикомъ и св. Александра Невскаго кавалеръ, умеръ 1775 г.

чери генераль-аншефа, грузинскаго царевича Георгія Вахтангѣвича). Родилась 13 августа 1772 г. Принята фрейлиною ко двору, вмѣстѣ съ двумя сестрами, въ 1793, предъ бракосочетаніемъ великаго князя Александра Павловича. Вышла за генерала отъ инфантеріи графа Петра Александровича Толстого. Въ кавалерственныя дамы ордена св. Екатерины пожалована 30 августа 1805 г. Въ дѣйствительныя статсъ-дамы 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I, и въ томъ же году, 25 декабря умерла отъ горячки; погребена въ Донскомъ монастырѣ. Она имѣла умъ оригинальный, съ необыкновенными странностями. Мужъ ея, бывши ближайшимъ родственникомъ и воспитанникомъ князя Николая Ивановича Салтыкова, всегда имъ былъ покровительствованъ, и чрезъ него дослужился до чиновъ. Они были двоюродные братья, по матери князя Салтыкова, Анастасіи Петровны, рожденной графини Толстой. (Сравни въ III т. „Р. С.“ стр. 42 № 48).

87) Княгиня Александра Яковлевна Заіончекъ, рожденная Пернетъ (Permet), вдова генерала отъ инфантеріи князя Юсіфа Заіончека, намѣстника царства польскаго съ 1815 г. до кончины своей, послѣдовавшей въ 1826 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Умерла 1 февраля 1845 г., достигнувъ почти 100 лѣтъ.

Заіончекъ пожалованъ былъ княземъ польскимъ отъ Александра I, 17 апрѣля 1818. Не оставилъ мужскаго потомства.

88) Графиня Софія Адамовна Замойская, рожденная княгиня Чарторижская, супруга президента сената царства польскаго, графа Станислава Александровича Замойскаго (род. 1775, ум. въ мартѣ 1856). Родилась въ 1778 г. Въ статсъ-дамы пожалована 22 августа 1826 г., въ коронацію Николая I. Умерла въ 1837 году.

89) Екатерина Владиміровна Апраксина, супруга генерала отъ кавалеріи, бывшаго смоленскаго военнаго губернатора, Степана Степановича Апраксина (род. въ Ригѣ 13 іюля 1757 г., ум. въ Москвѣ 8 февраля 1827 г.), дочь бригадира князя Владиміра Борисовича Голицына и супруги его княгини Наталіи Петровны, рожденной графини Чернышевой (см. выше № 72). Родилась 30 мая 1770 г. Она была двоюродною племянницею Степану Степановичу. Общая ихъ бабука, Елена Леонтьевна Кожошкина, въ 1702 г. вышла за Федора Карповича Апраксина, а по смерти его, за графа Андрея Ивановича Ушакова; отъ перваго брака рожденъ фельдмаршалъ Степанъ Федоровичъ, а отъ втораго графиня Екатерина Андреевна, вышедшая въ замужество за графа Петра Григорьевича Чернышева; Степанъ Степановичъ былъ сынъ означеннаго фельдмаршала Степана Федоровича, а у графини Екатерины Андреевны была дочь княгиня Ната-

лія Петровна Голицына, мать Екатерины Владиміровны. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 22 іюня 1804 г. Въ статсь-дамы 20 апрѣля 1827 г. Ордень св. Екатерины 1-й ст. получила 4 февраля 1851 г., въ день бракосочетанія великой княгини Екатерины Михайловны съ герцогомъ Мекленбургъ-Стрѣлицкимъ. Умерла 15 февраля 1854 г.

90) Книгиня Дарья Христофоровна Ливенъ, жена генерала отъ инфантеріи князя Христофора Андреевича, дочь генерала отъ инфантеріи Христофора Ивановича Бенкендорфа (род. 1749, ум. 10 іюня 1823 г.). Воспитывалась въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ, была девятого выпуска, бывшаго въ февралѣ 1800. За годъ до онаго, въ 1799 г., пожалована въ фрейлины. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 12 января 1816 г., по случаю бракосочетанія великой княгини Екатерины Павловны съ королемъ Виртембергскимъ. Въ статсь-дамы 29 февраля 1828 (см. „Р. С.“ т. III стр. 43, № 50). Умерла въ Парижѣ 15 января 1857 г.

91) Екатерина Александровна Пашкова, супруга оберъ-егермейстера Василія Александровича (род. 25 марта 1764, ум. 2 января 1834 г.), дочь графа Александра Петровича Толстого и супруги его Авдотьи Львовны, рожденной Измайловой. Родилась 24 января 1768 г. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 9 февраля 1816, въ бракосочетаніе великой княгини Анны Павловны. Въ статсь-дамы 21 апрѣля 1828 г. Умерла 24 декабря 1835. Погребена, съ мужемъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. (См. №№ 102 и 109).

92) Марія Антоновна Броницъ, вдова оберъ-гофмаршала польскаго двора, тетка княгини Ловичъ. Наканунѣ коронованія Николая I, въ Варшавѣ польскою короною, 11 мая 1829 г., пожалована въ статсь-дамы.

93) Графиня Изабелла Ивановна Соболевская, рожденная Грабовская, супруга президента административнаго совѣта Царства Польскаго. Наканунѣ коронованія Николая I въ Варшавѣ, 11 мая 1829 г. пожалована въ статсь-дамы.

94) Книгиня Елисавета Алексѣевна Варшавская, графиня Паскевичъ-Эриванская, супруга генераль-фельдмаршала князя Ивана Ѳеодоровича, дочь коллежскаго совѣтника Алексѣя Ѳеодоровича Грибоѣдова и супруги его, Александры Сергѣевны, рожденной княжны Одоевской. 1823 г. декабря 12 пожалована въ кавалерственныя дамы орд. св. Екатерины. 1829 іюня 16 пожалована въ статсь-дамы. 1846 г. мая 25 получила орд. св. Екатерины 1 кл. Умерла въ Берлинѣ въ 1856 г. 30 апрѣля.

95) Графиня Анна (Женни) Егоровна Дибичъ-Забалканская
19*

супруга генераль-фельдмаршала графа Ивана Ивановича (род. 1 мая 1785, ум. отъ холеры въ селѣ Клещевѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Пугтуска, 29 мая 1831 г.), рожденная баронесса фонъ-Торнау, племянница генераль-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, родилась 2 ноября 1798 г. Въ супружество вступила въ Варшавѣ 19 марта 1815 г. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1829 г. Умерла въ Спб. 13 марта 1830 г., 31 года, бездѣтною. Погребена съ мужемъ на Волковомъ иновѣрческомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

96) Графиня Марія Станиславовна Гутаковская, рожденная Соболевская, вдова президента польскаго сената. Родилась въ 1766 г. Пожалована въ статсъ-дамы 13 июня 1830 г., во время пребыванія Николая I въ Варшавѣ. Умерла 28 декабря 1843 г.

97) Варвара Дмитриевна Муханова, супруга оберъ-штаб-мейстера Сергѣя Ильича Муханова (род. 27 июня 1762, ум. 20 марта 1842 г.), рожденная Тургенева; мать ея—Анна Ѳедоровна Ушакова. Родилась 19 февраля 1774 г. пожалована въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 18 апрѣля 1809 г., въ статсъ-дамы 7 ноября 1831 г. Скончалась 13 июля 1845 г., 72 лѣтъ, и погребена обще съ супругомъ въ Троицко-Сергѣевской лаврѣ.

98) Княгиня Софія Григорьевна Волконская, супруга министра императорскаго двора, князя Петра Михайловича, дочь генерала отъ кавалеріи князя Григорія Семеновича Волконскаго и супруги его, княгини Александры Николаевны, рожденной княжны Репниной (см. выше № 73). Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины пожалована 30 августа 1814, въ статсъ-дамы въ 1832 г.

99) Княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская-Бѣлозерская, супруга обершенка, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Александра Михайловича (ум. 26 декабря 1809 г.), дочь статскаго совѣтника Григорія Васильевича Козицкаго и супруги его, Екатерины Ивановны, рожден. Мясниковой, изъ купечества. Княгиня Анна Григорьевна родилась въ 1767 г. Была кавалерственною дамою. орд. св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста; также почетнымъ членомъ императорскаго вольнаго экономическаго общества. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1832 г. Умерла 14 февраля 1846 г. Отецъ ея былъ статсъ-секретаремъ Екатерины II и подъ руководствомъ ея составлялъ извѣстный наказъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФРИДРИХЪ II и ПЕТРЪ III.

1762 г.

Въ концѣ 1761-го года положеніе Фридриха Великаго было отчаянное: шестилѣтняя, славная борьба его съ многочисленными врагами казалась привела его къ окончательной гибели. Прусская провинція и Вестфалія были въ рукахъ непріятелей, Гладъ и Швейдницъ завоеваны, Кольбергъ и большая часть Помераніи заняты русскими; Австрія считала Силезію почти въ своемъ владѣніи; наступающій годъ сулилъ ей рядъ легкихъ и блистательныхъ побѣдъ надъ ея смертельнымъ врагомъ. Гибель Фридриха II-го до того была очевидна, что Марія-Терезія нашла возможнымъ, для сбереженія расходовъ, распустить до 20,000 войска. У Фридриха были отняты послѣднія средства къ борьбѣ: пособіе со стороны Англіи прекратилось, Саксонія была истощена, оставшіеся у него провинціи разорены въ конецъ, участь Пруссіи рѣшена была всей Европой. Судьба рѣшила иначе....

25-го декабря 1761 г. на престолъ русской вошелъ Петръ III. Русскіе изъ противниковъ Пруссіи дѣлаются ихъ союзниками, изъ союзниковъ австрійцевъ — становятся ихъ врагами; между двумя государствами завязывается дѣятельная переписка, освобождаются съ той и другой стороны военнопленные, русскій корпусъ получаетъ приказаніе стать подъ знамена прусскія, идутъ переговоры о новой и рѣшительной кампаніи Россіи съ Даніей; Россія гарантируетъ за королею прусскимъ всѣ прежнія и будущія его завоеванія... Австрія испугана, поражена; положеніе ея дѣлается болѣе опаснымъ, чѣмъ въ пору самыхъ славныхъ успѣховъ Фридриха; но умираетъ Петръ III, и семилѣтняя борьба Пруссіи съ Австріей заключается, въ 1763 году, Губертсбургскимъ миромъ.

Изъ исторіи этой борьбы мы представляемъ нѣсколько весьма интересныхъ страницъ: взаимныя отношенія Пруссіи и Россіи въ первой половинѣ 1762 года по подлиннымъ документамъ того времени: это переписка Фридриха II-го съ Петромъ III-мъ. Документы эти имѣются у насъ въ копіи, снятой съ подлинниковъ покойнымъ Н. Г. Устряловымъ и имъ намъ сообщенной. Являясь ими впервые въ печати, переписка 1762 года представляетъ собою драгоценный матеріалъ для объясненія исхода Семилѣтней войны. На страницахъ „Русской Старины“ настоящіе матеріалы получаютъ особое значеніе: они восполняютъ обстоятельный рассказъ А. Т. Болотова о любопытной эпохѣ царствованія Петра Ѳеодоровича *).

Мы приводимъ восемь писемъ Фридриха II-го и семь отвѣтовъ на нихъ Петра III-го. Тѣ и другія писаны на французскомъ языкѣ; мы передали ихъ въ возможно близкомъ переводѣ. Подлинныя письма Петра сохранились, какъ отмѣчено въ сборникѣ Устрялова, въ отпускахъ, изъ которыхъ пять написаны имъ собственноручно; накладки они вообще небрежно, на большихъ полулистахъ сѣрой бумаги, съ широкими полями,—писаны безъ знаковъ препинанія, крупнымъ почеркомъ, со многими недописками и неправильностями черновыхъ набросковъ.

Письма Фридриха II, всѣ собственноручныя, писаны на четвертушкахъ сѣрой, тогдашней почтовой бумаги, мелкимъ почеркомъ, также почти безъ знаковъ препинанія **).

Ред.

*) См. въ Прилож. къ «Русской Старинѣ» 1871 г. второй томъ записокъ Волотова, ч. IX, стр. 166—175, 193—224, 225—239, 257—273.

**) Для знакомства съ слогомъ и ореографіей подлинниковъ приводимъ по одному изъ писемъ Фридриха II и Петра III, въ томъ видѣ, какъ они переданы въ сборникѣ Н. Г. Устрялова:

«Monsieur mon frere! Votre Majesté Imperiale voudera bien que je la félicité sur Son avenement au Trone je l'assuré que de tout Les Compliments qu'Elle resevera, Sur ce Sujet il n'en est aucun ausi sincere que Le mien ni que personne ne luy souhaite plus de prosperité que moy, ni ne desire plus de retablir La bonne et ansiene harmonie entre Les Deux etats, que de Malheureuses intrigues de mes enemis ont troubléz pour des avantages etrangers, en un mot Votre Majesté Imperiale me trouvera dans les dispositions ou Elle peut me Souhaiter a Son Egard, je lui demande de meme la Continuation de sa presieuse amitié en l'assurant de la Haute estime avec la quelle je Suis Monsieur mon frere De Votre Mâjesté Imperiale le très fidelle et bon frere Frederic.

Переписка Фридриха II съ Петромъ III.

I.

6-го февраля 1762 г. Бреславль.

„Государь мой братъ! Поздравляю ваше величество съ восшествіемъ на престолъ; я могу васъ увѣрить, что изъ всѣхъ полученныхъ вами поздравленій, нѣтъ ни одного болѣе искреннаго поздравленія; никто болѣе меня не пожелаетъ вашему величеству — благоденствія и восстановленія между двумя государствами хорошихъ отношеній, которыя, къ несчастію, враги мои изъ инопоземныхъ выгодъ интригами нарушили; однимъ словомъ, ваше императорское величество найдете меня въ наилучшемъ расположеніи, какое возможно только желать въ отношеніи къ вамъ; продлите только, прошу васъ, бездѣльную ко мнѣ дружбу вашего величества. Примите увѣреніе въ высокому уваженіи, съ которымъ есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества вѣрнѣйшій и добрый братъ Фридрихъ.

II.

15-го февраля 1762 г. С.-Петербургъ *).

„Господинъ мой братъ! Ваше величество увѣдомлены уже чрезъ посредство моего генераль-поручика, князя Волконскаго, что всегда за удовольствіе себѣ почитаю подавать вамъ удостовѣрительные опыты моей дружбы и моего прилежанія всему тому соотвѣтствовать, что ваше величество пріятнаго или обязательнаго для меня сдѣлать изволили-бъ. Неумедлль я ни мало потребныя указы отправить, дабы илѣнные вашего величества, въ моей державѣ находящіеся, немедленно освобождены и возвращены были, сколь скоро отъ помянутаго князя Волконскаго мнѣ донесено, что ваше величество, освобождая моихъ плѣнныхъ, ревнуете съ вашей стороны тотъ узелъ утвердить, который уже съ давняго времени насъ обоихъ соединялъ, и который вскорѣ наши народы соединить имѣетъ. Согласно симъ взаимнымъ

Вотъ одно изъ писемъ Петра: «Monsieur mon frère! Comme votre adjutant Monsieur de Steuben part je n'ai pas voulu laisser echapper un occasion si agreable pour moy de vous donner des assurances reiterées de mon amitié sans fin que je conserverai toute ma vie pour Votre Majesté, monsieur pourra dire de bouche ma maniere de penser dont il a este tout les jours temoins oculaire au reste cest un brave garçon et un officier autant que je my entend qui scai parfaitement le service je vous le recomende comme un homme qui scest par sa bonne conduite attiré l'estime de tout le monde».

*) Современный переводъ съ французскаго, руки тайнаго секретаря Петра III—Д. В. Волкова.

склонностямъ, не могу я долѣе здѣсь удерживать вашего генераль-поручика Вернера и вашего полковника графа Горта, хотя всегда съ великимъ удовольствіемъ видѣлъ бы я ихъ при моемъ дворѣ. Я не могу (безъ того) обойтись, (чтобы не) отдать справедливость ихъ поведенію и ревности, которую они къ службѣ вашего величества являютъ не преставали, такъ что первому изъ нихъ неусумнился я довѣрить мои мнѣнія, а потому и прошу ваше величество благосклонно его выслушать и вѣру тому подать, что онъ съ моей стороны вамъ донесетъ. Но ваше величество крайне обяжете меня, когда соизволите къ поданнымъ уже мнѣ дружбы вашей опыта́мъ присовокупить еще единый, дозволяя Вернеру въ мою службу вступить и показуя Гарту отличную и единственную милость, которой онъ уповать смѣетъ: премѣняя нынѣшнее состояніе его полку въ состояніе напольнаго полка. Одинъ здѣсь, а другой — въ арміи вашего величества, будутъ мнѣ залогомъ вашей дружбы *) и свидѣтельствомъ для всего свѣта сентиментовъ почтенія и преданности, съ коими я есмь, господинъ мой братъ вашего величества добрый братъ и другъ Петръ **).

III.

22 февраля 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Я не могъ отпустить г. Гудовича **), не вручивъ ему письма къ вашему императорскому величеству. Я исполняю

*) Всѣмъ извѣстно, что «Петръ Ѳедоровичъ съ самаго дѣтства, о чемъ свидѣтельствуеетъ его знаменитая супруга, чувствовалъ особенную склонность къ Фридриху II; сначала тутъ не было ничего удивительнаго, но потомъ это пристрастіе дошло до высшей степени». Въ продолженіи войнъ 1756 — 1761 г. великій князь съ трудомъ скрывалъ то глубокое огорченіе, какое причиняли ему побѣды союзниковъ надъ пруссаками; онъ рѣшительно считалъ прусскія войска — непобѣдимыми; есть извѣстія, вошедшія и въ русскія изданія («Столѣтіе Россіи съ 1745—1845 г.» Н. Полеваго, I, 74), что Петръ Ѳедоровичъ въ бытность свою великимъ княземъ употреблялъ всѣ заисъвшія отъ него средства, чтобъ отвратить бѣдствія, разразившіяся надъ Фридрихомъ II. О дружбѣ Петра III и участіи въ то время въ положеніи Фридриха смотр. «Зап. Екатерины II» стр. 204; также *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*. Berlin. 1858 г., и *Geschichte des russischen Staats von Dr. Ernst Heggsann*. Hamburg, 1853 г. V, стр. 131 и друг. Ред.

**) Французскій черновой отпускъ также руки Волкова; письмо это адресовано: «Его величеству королю Прусскому, Господину моему брату», отдано для передачи по адресу генераль-порутчику Вернеру, 15 февраля 1762 года.

***) Гудовичъ, Андрей Васильевичъ, род. въ 1731 г., воспитывался въ Кёнигсбергѣ, Галлѣ и Лейпцигѣ; въ 1757 г. обратилъ на себя вниманіе наследника престола верховою фадью и нѣмецкимъ языкомъ, который зналъ въ совершенствѣ; въ концѣ 1761 г. Гудовичъ пожалованъ генераль-адъютантомъ, по вос-

благодарности и искреннѣйшей признательности къ вашему императорскому величеству за дружбу, въ которой вы меня увѣрили, и на которую съ своей стороны во мнѣ можете положиться: у меня чувствительное сердце и благодарная душа.

Я просилъ г. Гудовича подтвердить вашему величеству о моихъ чувствахъ и увѣрить васъ, что я высоко цѣню дружбу, которую ваше величество издавна мнѣ оказывалъ и доказательства которой я вижу ежедневно. Я узналъ, что корпусъ графа Чернышева получилъ приказаніе отдѣлиться отъ австрійцевъ *). Надо быть совершенно безчувственнымъ, чтобы не сохранить вѣчной признательности къ вашему величеству. Да угодно будетъ небу помочь мнѣ найти случай доказать мою признательность на дѣлѣ; ваше величество можете быть увѣреннымъ, что чувство благодарности никогда во мнѣ не изгладится и что я за высокую честь для себя почту выказать вашему величеству мое великое уваженіе и искреннюю дружбу, съ которой я есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ Фридрихъ.

IV.

(Безъ означенія числа).

Государь мой братъ! Такъ какъ адъютантъ вашъ г. Штубенъ (Steuben) ѣдетъ, то я не хотѣлъ упустить столь пріятнаго случая,

шестьи же на престолъ Петра III-го посланъ въ Берлинъ съ предложеніемъ мира Фридриху; произведенъ потомъ въ генералъ-маіора и получилъ 15,000 душъ въ старообрядческихъ слободахъ. — При Екатеринѣ II онъ отказался отъ службы и болѣе 30-ти лѣтъ провелъ въ черниговской своей деревнѣ; велъ жизнь въ высшей степени странную: проводилъ все свое время лежа на диванѣ и отличался необыкновенной экономіей. — Четыре дня спустя по восшествіи своемъ на престолъ, въ 1796 году — императоръ Павелъ вызвалъ Гудовича въ Петербургъ самымъ дружескимъ рескриптомъ, произвелъ его въ генералъ-аншефы, пожаловалъ орд. Александра Невскаго. Одичалый старикъ не долго однако оставался при дворѣ; онъ уѣхалъ въ деревню, гдѣ и умеръ въ 1808 году, завѣщавъ похоронить себя въ той самой рубашкѣ, въ которой онъ былъ 4 іюля 1762 г. (Бант.-Каменскій, Словарь, 1838 г. II с. 164—165). Ред.

*) Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ, род. въ 1722 г., ум. въ 1784 году; въ 1744 г. былъ камеръ-юнкеромъ при великомъ князѣ; переведенный нѣсколько лѣтъ спустя въ армію, онъ быстро возвысился во время войны съ Пруссіей. — Въ 1760 году — генералъ-поручикъ и кавалеръ Александра Невскаго, Чернышевъ въ главѣ отдѣльнаго отряда занялъ Берлинъ; въ 1761 году — Петръ III вѣрилъ ему начальство надъ 20,000 войскомъ, присоединеннымъ къ прусской арміи. — Кромѣ помощи войскамъ Пруссіи, русскій императоръ, въ 1762 г. спѣшилъ цѣлымъ рядомъ услугъ — выказать свою дружбу Фридриху: такъ, онъ спсретилъ рубку прусскихъ лѣсовъ, одарилъ значительными суммами жителей Помераніи, разоренныхъ русскими войсками, уступилъ свои магазины въ Старгартѣ. Фридрихъ, съ своей стороны, вознаградилъ жителей княжества Ангальтъ-Цербстскаго, родины Екатерины, за собранныя съ нихъ контрибуціи. Ред.

чтобъ не повторить вамъ увѣренія въ безконечной дружбѣ, которую сохраняю къ вашему величеству до конца моей жизни.—Господинъ Штубенъ можетъ изустно передать вамъ мой образъ мыслей, котораго онъ былъ ежедневнымъ очевидцемъ (*monsieur pourra dire de bouche ma maniere de penser dont il a este tous les jours temoins oculaire*). Это славный малый и славный офицеръ, и сколько я слышалъ, онъ хорошо знаетъ службу. Рекомендую его вамъ, какъ человѣка, умѣвшаго хорошимъ поведеніемъ привлечь общее къ себѣ уваженіе *).

V.

3 марта 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Покойная императрица російская имѣла нѣкогда прусскій орденъ; я поручилъ г. Гольтцу (Goltze) предложить таковой же вашему императорскому величеству. Лыщу себя надеждой, что вы примите его въ знакъ дружбы и искреннихъ отношеній, въ которыхъ желаю быть съ вами.—Вы обязывали меня еще до вступленія вашего на престолъ и несчетное число разъ обязали меня съ того недавняго времени, какъ вы на престолѣ! Я хотѣлъ бы имѣть возможность доказать всю глубину моей благодарности; чувство признательности начертано въ моемъ сердцѣ, оно никогда въ немъ не изгладится. Лыщу себя надеждой, что представится случай и я на дѣлѣ докажу всю благодарность; въ ожиданіи его, прошу ваше величество удовольствоваться заявленіемъ о томъ искренняго моего желанія; желаніе это происходитъ прямо изъ сердца, изъ чувствъ уваженія и благодарности, ихъ я питаю къ вашей особѣ. Но я никогда бы не кончилъ объ этомъ предметѣ, еслибы говорилъ все что думаю. Не дивитесь, ваше императорское величество! Поступая столь благородно, столь необыкновенно, какъ рѣдко поступаютъ въ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, вы должны ожидать къ себѣ удивленія, которое столь справедливо вызвано дѣяніями вашего величества.—Первыя же распоряженія вашего величества, по восшествіи на престолъ, привлекли на васъ благословенія всѣхъ вашихъ подданныхъ и самой благомыслящей части Европы *). Да будетъ

*) Черновые отпуски какъ этого письма, такъ и послѣдующихъ № № 6, 10, 12 и 14 на франц. языкѣ,—какъ отмѣчено въ нашемъ сборникѣ, писаны рукою Петра III-го, со многими помарками, безъ означенія числа и мѣста отправленія, а также и безъ подписи имени. Ред.

*) Восшествіе на престолъ Петра III-го, дѣйствительно, сопровождалось неслыханными дотогѣ милостями къ его подданнымъ: однимъ изъ первыхъ его распоряженій уничтожена Тайная Канцелярія, наводившая въ свое время ужасъ, болѣшій, нежели наводила инквизиція въ Испаніи (свидѣт. англійскаго посла Кейта—въ Россіи, въ депешѣ отъ 29 янв. 1762 г.). 18 февраля 1762 г. изданъ указъ о вольности дворянства и съ торжествомъ объявленъ въ Сенатѣ

царствованіе ваше долго и счастливо, желаю этого какъ братъ, истинно привязанный къ особѣ вашей! На что ваше императорское величество можете положиться и что я хочу имѣть возможность доказать это, что я есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ Фридрихъ.

VI.

Петръ III къ Фридриху II.

(Безъ означенія числа).

Государь мой братъ! Орденъ, присланный мнѣ съ г. Гольтцемъ (Goltz)—есть новое доказательство дружбы, существующей столько лѣтъ между нами и которая, надѣюсь, никогда не будетъ прервана. Вы были такъ добры, вспомнили объ моихъ прежнихъ услугахъ, оказанныхъ вамъ, вы сказали, что хотя я и недавно на престолѣ, но вы мнѣ многимъ обязаны; могу васъ увѣрить, я не искалъ и ничего не ищу—кромя вашей дружбы, свидѣтелями этого, я надѣюсь, всѣ офицеры вашей арміи (*Jesper que tous les Officiers de votre armée ont été les témoins de ma manière de penser envers vous* *). Ваше величество конечно смѣтаетъ надо мной, когда вы хвалите такъ мое царствованіе, дивитесь ничтожностямъ, тогда какъ я долженъ удивляться дѣяніямъ вашего величества; добродѣтели и качества ваши—необыкновенны,

самимъ императоромъ, къ величайшему восторгу громаднаго сословія дворянъ;—множество лицъ возвращены изъ ссылки; для народа сдѣлано благотворное распоряженіе—уменьшена цѣна на соль, уничтожено наказаніе въ арміи и во флотѣ кошками, множество лицъ осыпано наградами, весьма немногіе изъ прежнихъ недоброжелателей Петра—вмѣсто ссылки и т. п. знаковъ опалы, какъ это бывало—удалены отъ должностей безъ всякой жестокости и проч. Нельзя не замѣтить, что однимъ изъ главнѣйшихъ пособниковъ Петра III въ его лучшихъ распоряженіяхъ былъ тайный секретарь его, Дмитрій Васильевичъ Волковъ (ум. 1785 г.). Это былъ человекъ весьма просвѣщенный, говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, въ совершенствѣ зналъ нѣмецкій языкъ; онъ хорошо вѣдалъ интерес своего отечества и взаимныя отношенія европейскихъ державъ. Опытный въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, Волковъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Россіи.—Весьма интересны неизданныя письма Волкова, въ которыхъ онъ объясняетъ положеніе свое при Петрѣ III-мъ. См. отзывъ Болотова о Д. В. Волковѣ во II т. Прил. къ „Русск. Стар.“ стр. 225.

*) Быть можетъ, императоръ ссылается на свидѣтельство тѣхъ прусскихъ офицеровъ, которые были выпяваны имъ въ то время обучать русскія войска прусскому строю и маневрамъ. Увлеченіе къ подражанію прусскимъ образцамъ было таково, что вся русская армія была одѣта такъ, какъ одѣвались войска Фридриха II-го. Лейбъ-Компанія, составлявшая нѣкогда стражу Елисаветы, была замѣнена голштинскими войсками, т. е. нѣмцами, ихъ осыпали преимуществами и поставили выше гвардіи.—Принцъ Карлъ Саксонскій—въ 1759 году успѣвшій выхлопотать себѣ Курляндское герцогство—выгнанъ Петромъ III, собственно потому, что Карлъ нѣкогда былъ въ числѣ противниковъ Фридриха II-го, и

я ежедневно вижу въ васъ одного изъ величайшихъ героевъ въ свѣтѣ (des qualités peu communs dans le monde tout les jours voyant en vous un des plus grands heros du monde).

Впрочемъ, ваше величество позвольте мнѣ увѣрить васъ въ непрѣлччайшей моей дружбѣ и позвольте рекомендовать вамъ г. Гольдта.

VII.

20-го марта 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Ваше императорское величество долженъ быть вполне увѣренъ, послѣ всѣхъ доказательствъ вашей во мнѣ дружбы, что я всегда готовъ предупредить ваше императорское величество во всемъ, что можетъ быть вамъ пріятно; вамъ стоить только сказать — и вы можете положиться на меня (что все будетъ исполнено).— Вы просите генерала Вернера—располагайте имъ, какъ вамъ заблагоразсудится; но такъ какъ я теперь совершенно безъ генераловъ и пишу на рукахъ сильную войну, то не позвольте ли генералу Вернеру сдѣлать еще эту кампанію *)? Впрочемъ, если вамъ угодно взять его и ранѣе, то онъ будетъ у ногъ вашихъ, къ назначенному вами времени. Почту за удовольствіе прислать къ вамъ и графа Горта (Hort), лишь только позволятъ это мои обстоятельства. Я ничѣмъ болѣе существеннымъ не могу доказать вашему величеству той благодарности, которая вызвана въ моемъ сердцѣ вашими великодушными поступками. Преслѣдуемый всей Европой, я въ васъ нахожу друга; я

между прочимъ въ битвѣ при Цорндорфѣ (1758 г.) явилъ особенную трусость. Трусость Карла, при рыцарскихъ склонностяхъ Петра Федоровича, до того его возмутила, что онъ еще въ 1759 году писалъ своей теткѣ, императрицѣ Елисаветѣ—что отказывается отъ всѣхъ сношеній съ ея гостемъ (принцъ Саксонскій хлопоталъ тогда въ Петербургѣ о Курляндскомъ герцогствѣ); взойдя на престолъ Петръ III послѣшилъ его выгнать изъ Курляндіи. См. нашъ „Очеркъ царствованія Петра III“, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1867 г. кн. VII, VIII и IX.

Ред.

*) Кампанія 1762-го года состояла въ слѣдующемъ: Пруссійскій полковникъ Беллингъ (о немъ упоминаетъ Петръ въ одномъ изъ слѣдующихъ своихъ писемъ), удачно дѣйствуя въ сѣверной части Помераніи противъ шведовъ, ускорило заключеніе мира Швеціи съ Пруссіей (миръ этотъ заключенъ 11-го мая 1762 г.); самъ Фридрихъ старался вытѣснить Дауна, — австрійскаго главнокомандующаго, изъ сильной позиціи, близъ занятой имъ крѣпости Швейдницъ: русскіе казацкіе отряды какъ ревностно прежде жгли и грабили прусскія селенія, такъ теперь партизанскими отрядами уничтожали австрійскіе магазины... Въ моментъ рѣшительной битвы съ Дауномъ — Фридрихъ получилъ извѣстіе объ отреченіи отъ престола Петра III-го; Чернышевъ получилъ приказъ стянуться въ Польшу, но замедлялъ покинуть Фридриха и этики далъ ему возможность разбить австрійцевъ.

Ред.

въ васъ нахожу государя не желающаго содѣйствовать порабощенію Германіи—Австрійскому дому; вы мнѣ протянули руку помощи, когда я былъ почти въ крайности! Вашему величеству не покажется страннымъ, что я вполне вамъ довѣряюсь; да и кому же могу я лучше довѣриться? Я питаю къ вамъ вѣрную и безсмертную дружбу (*amitié fidele et immortelle*); прошу васъ быть со мной на дружеской ногѣ; я буду держать себя такъ несмотря ни на какія испытанія, и сочту себя счастливымъ, когда въ состояніи буду убѣдить ваше императорское величество въ этихъ чувствахъ моего сердца и въ высокомъ почтеніи, съ которымъ есмь, государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ и другъ Фридрихъ.

VIII.

23-го марта 1762 г. Бреславль.

Государь мой братъ! Я былъ бы самый неблагодарный и недостойный изъ людей, еслибы не чувствовалъ и вѣчно не благодарилъ бы васъ за великодушныя дѣянія вашего императорскаго величества. Ваше императорское величество прощаетъ медленность, открываетъ измѣну моихъ союзниковъ, помогаетъ мнѣ въ то время, когда весь свѣтъ меня покинулъ и я единственно вашей особѣ обязанъ тѣмъ, что случается со мной счастливаго. Вамъ угодно получить отъ меня проектъ заключенія мира,—посылаю его, потому что вашему императорскому величеству это угодно, но вѣряюсь другу—распоряжаться съ этимъ проектомъ какъ находите нужнымъ, а все подпишу; ваши выгоды—мои, а не знаю другихъ. Природа надѣлила меня чувствительнымъ и благодарнымъ сердцемъ; я искренно тронутъ всѣмъ, что для меня сдѣлано вашимъ императорскимъ величествомъ. Съ этой минуты смотрите на меня, какъ на союзника, а никогда не въ состояніи заплатить за все, чѣмъ вамъ обязанъ; я горжусь тѣмъ, что могу быть благодарнымъ, лишь бы только средства мои могли сравняться съ моимъ искреннимъ желаніемъ (выполнѣ васъ отблагодарить); заключите миръ какой вамъ угодно; ваши желанія—будутъ моими; клянусь вамъ: интересы ваши—мои интересы, никогда отъ нихъ я не отдалюсь.—Не могу удержаться, чтобъ не сказать, что добродѣтели вашего величества служатъ примѣромъ всѣмъ государямъ, привлекаютъ къ вамъ сердца всѣхъ честныхъ людей. Отнынѣ все чѣмъ могу я васъ обязать, все что вамъ нравится, все что отъ меня зависитъ, все будетъ сдѣлано, чтобы убѣдить ваше императорское величество, что я готовъ предупредить всѣ ваши желанія.—Посылаю графа Шверина. Онъ будетъ имѣть честь представить это письмо; я долженъ бы былъ присылать къ вашему императорскому величе-

ству лицъ высшихъ чиновъ, но еслибъ вы знали положеніе, въ которомъ нахожусь - я теперь, то увидали бы, что мнѣ невозможно посылать такихъ лицъ, ихъ нѣтъ, всѣ въ дѣлѣ. Въ теченіи этой войны я потерялъ 120 генераловъ, 14 въ плѣну у австрійцевъ; мы опустошены ужасно (*notre Delabrement est affreuse!*) Я отчаялся бы въ своемъ положеніи, но въ великомъ и въ величайшемъ изъ государей Европы нахожу еще вѣрнаго друга; рассчитаю политики онъ предпочитаетъ чувство чести. Ахъ! да не покажется вамъ страннымъ, что я все мое довѣріе возлагаю на васъ (*ne trouve pas Etrange que je mets toute ma Confiance en Elle*), если я употреблю это во зло, то ваше императорское величество мнѣ скажите. Чувства признательности и вѣчной преданности запечатлѣны въ моемъ сердцѣ; вѣрьте, ваше императорское величество, ничто въ свѣтѣ ихъ не только не можетъ изгладить, но напротивъ, чувства глубокаго почтенія и безконечнаго уваженія моего къ вамъ, если это только возможно, все возрастаютъ. Съ этими чувствами я есмь, Государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ и вѣрный союзникъ до гроба Фридрихъ.

IX.

10 апрѣля 1762 г. Бреславль.

Государь, братъ мой! До сихъ поръ я могъ явить слабые знаки моей благодарности и дружбы, но я не отказываюсь отъ надежды исполнѣнъ отблагодарить васъ и въ продолженіи всей моей жизни не упущу случая доказать вашему императорскому величеству, что вы были дружны съ человѣкомъ благодарнымъ. Вы одинъ изъ самыхъ могущественныхъ государей въ свѣтѣ, но не императору, а человѣку, искреннему другу я исполнѣнъ довѣрился и привязался къ нему на всю свою жизнь чувствомъ вѣрной и непоколебимой дружбы. Я смотрю на ваши интересы, какъ на мои собственные и смѣло довѣряю вамъ все касающееся до меня. Господинъ Гольтцъ (*Goltz*) будетъ имѣть честь передать вашему императорскому величеству все, что извѣстно мнѣ о датчанахъ, о туркахъ и татарахъ*). Я весьма доволенъ, что Гольтцъ оправдалъ мою рекомендацію: я знаю его за человѣка честнаго. Отъ меня ему наказано во всемъ согласоваться съ вашими же-

*) Съ Даніей сношенія петербургскаго двора сдѣлались весьма неприязненны со дня вступленія на престолъ Петра III-го. Императоръ, еще будучи великимъ княземъ, весьма дорожилъ обладаніемъ Голштинскаго герцогства.— Воспитаникъ голштинцевъ, онъ всегда имѣлъ представителей герцогства при себѣ и въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы окружилъ себя цѣлымъ отрядомъ изъ голштинскихъ солдатъ; между тѣмъ Данія издавна отхватывала часть Голштиніи. — Императорскому полномочному, Сальдерну поручено было

ланиями. Ваше императорское величество распорядитесь мной вполне: вы почтили меня необыкновенной дружбой! Могъ ли я послѣ этого послать ко двору вашему интригановъ? не было ли бы это противно тѣмъ чувствамъ, которыя я къ вамъ питаю? И я не сдѣлалъ этого, напротивъ, я сказалъ Гольтцу: „не прибѣгайте ни къ хитростямъ, ни къ интригамъ; въ отношеніяхъ вашихъ къ императору истина и откровенность пусть будутъ вашими единственными руководителями; государь этотъ чистосердеченъ — и я также, пусть же нашъ счастливый союзъ пребудетъ незапятнаннымъ интригами и происками недостойными честныхъ людей!“

Надѣюсь, ваше императорское величество, одобрить и утвердить военную инструкцію, данную мной г. Гольтцу; датчане показывали видъ, что хотѣтъ занять Любекъ, однако остановился на Травѣ; слабое правительство датское боится начать дѣйствовать, равно боится положить оружіе; ваше императорское величество сдѣлаете изъ этихъ людей все что захотите. Если бы я могъ здѣсь, какъ и во всемъ, что касается вашихъ интересовъ, споспѣшествовать вашимъ видамъ, — то это была бы моя главнѣйшая обязанность. Разсчитывайте на меня, не спрашивая даже согласія, укажите только на случаи, гдѣ и чѣмъ могу я быть полезенъ? Будьте увѣрены, что я предупрежу во всемъ, что будетъ отъ меня зависѣть! Повторяю: я смотрю на ваше императорское величество не какъ на государя, но какъ на лучшаго моего друга въ цѣломъ свѣтѣ! этому другу я многимъ обязанъ и ему во что бы ни стало хочу показать мою благодарность. Чувства признательности къ вашему императорскому величеству я сохраняю до могилы. Съ наивысочайшимъ уваженіемъ, государь мой братъ, вашего императорскаго величества есмь добрый братъ и союзникъ Фридрихъ.

X.

Петръ III къ Фридриху II.

• (Безъ означенія числа и мѣсяца).

Государь мой братъ! Я въ восхищеніи отъ прекраснаго мнѣнія, какое имѣеть обо мнѣ ваше величество. Вы знаете въ продолженіи сколькихъ лѣтъ я былъ привязанъ къ вамъ, дѣлалъ все безъ всякаго интереса, рисковалъ всѣмъ, служа вамъ съ величайшимъ усердіемъ и при-

требовать отъ Датскаго двора возвращенія отнятой области, но датчане отказались и тогда Петръ III дѣлательно сталъ заботиться о войнѣ съ врагами Голштинскаго дома. 60,000 русскихъ войскъ стали готовиться къ походу, начальство выбралось графу П. А. Румянцову, самъ императоръ непремѣнно хотѣлъ стать во главѣ экспедиціонной арміи: смерть поразила его среди этихъ приготовленій.

Ред.

вязанностью *). Ваше величество можете себѣ представить, что послѣ столькихъ лѣтъ постоянства захочу ли я думать иначе—васъ зная (такъ хорошо) какъ (знаю я васъ) теперь **). Ваше величество высказываетъ прекрасное обо мнѣ мнѣніе, вѣрится, даетъ на мой произволъ составленіе условій мира, общаетъ мнѣ союзъ, который будетъ наиприятнѣйшимъ для меня. Имѣя союзникомъ достойнѣйшаго изъ государей Европы, я буду недостойнѣйшимъ во вселенной, если не постараюсь сдѣлать все возможное на свѣтѣ, чтобы доказать вашему величеству, что вы довѣрились человѣку, который не захочетъ употребить во зло и не обманетъ ***). Позвольте же сказать, ваше величество, что г. Гольтцъ (Goltz) говорилъ мнѣ, что вашему величеству желательно и было бы для васъ весьма выгодно, чтобы я не только гарантировалъ за вами Силезію и графство Глацъ, но и тѣ завоеванія, которыя вы могли бы еще сдѣлать, пока не будетъ мира между вами и королевой-императрицей. Я буду въ восторгѣ (j'en suis charmé) и готовъ на все, но съ своей стороны желалъ бы, чтобы относительно Даніи ваше величество сдѣлали бы тоже: гарантировали бы за мной Голштинію и все что я потерялъ въ Шлезвигѣ и другую половину Датской Голштиніи, чтобы вознаграждать меня за всѣ расхищенія. Я буду въ восторгѣ, если это дѣло между мною и датчанами кончится дружески; но буде случится, что они заставятъ меня взяться за оружіе, то я буду просить ваше величество заключить такое же условіе со мной: обезпечить за мной то что я буду въ состояніи взять у датчанъ, чтобы разомъ заключить съ ними миръ — славный для моего Голштинскаго дома ****). Увѣренъ, что вы не сдѣлаете никакихъ затрудненій, бывъ столь же вѣрнымъ моимъ другомъ, какъ и истиннымъ сыномъ Германіи. Я не въ состояніи довольно выразить,

*) «Je suis si charmé de la manière dont Votre majesté, pensé si bien de mois vous scaver que depuis tant d'années je vous ai esté attaché n'ayant aucun interet a le faire austre que de risquer le tout en vous servant dans mon paix dasleur le faisant avec le plus grand zele et attachement que je pouvais...»

***) «...si apres tant d'années de constance je voudroit penser autrement vous connoissant autant que je vous connoit...»

****) «...ayant le plus digne prince de toute l'Europe allié que ne seraı̄ je dont le plus indigne de L'univers si je ne chercherai de faire tout au monde pour lui demontrer quelle n'a pas mis sa confiance dans une personne qui en voudrait abuser ou qui voudroit la tromper...»

*****) «...je priere Votre Majesté de faire la même condition avec moy de me garantir ce que je pourroit prendre au Danois pour faire avec eux un fois un paix Glorieuse pour Ma Maison de Holstein...»

какъ думаю объ васъ *). Въ предыдущемъ письмѣ вы писали относительно генерала Вернера и г. Горда (Hordt), которыхъ я просилъ у васъ. Причины слишкомъ убѣдительны, чтобы я могъ противорѣчить, какъ объ г. Гордѣ, такъ и о г. Вернерѣ. Будьте увѣрены, что я ничего не захочу выгадать себѣ во вредъ истинному другу, какимъ почитаю я ваше величество **). Пишете вы въ письмѣ, доставленномъ г. Шверинимъ (Swerin), что я открылъ вамъ измѣну союзниковъ вашихъ, это доставляетъ мнѣ живѣйшее удовольствіе ***); увѣряю васъ, что пребуду всегда, вашего величества, добрый братъ и вѣрный союзникъ до смерти“.

XI.

Фридрихъ II къ Петру III.

24 апрѣля 1762 г., г. Бреславль.

Государь мой братъ! Письма вашего императорскаго величества тѣмъ болѣе радуютъ меня, что я получаю въ нихъ новыя доказательства неопѣненной дружбы вашего величества; послѣднее письмо доставило мнѣ еще живѣйшее удовольствіе: я вижу изъ него, что

*) «... que ne vous puisse exprimer assez par la comment je pense envers vous...»

**.) «...soyez assuré que je ne voudroit rien gagner en sachant de faire du tort a un vray ami comme j'estime Vostre Majesté».

***.) Дѣло здѣсь идетъ, кажется, вотъ о чемъ: 26 января 1762 г. князь Голицынъ доносилъ изъ Лондона императору Петру Федоровичу объ отъѣздѣ г. Вронзена, въ качествѣ англійскаго посла, къ петербургскому двору и о разговорѣ, который онъ, кн. Голицынъ, имѣлъ съ де-Бюттомъ—государственнымъ секретаремъ. Изъ этого разговора, между прочимъ, оказывалось: англійское правительство хочетъ сохранить дружбу и согласіе съ Россіей; отъ доброй воли русскаго императора зависитъ дать миръ Европѣ; англійскій кабинетъ въ особенности хочетъ узнать, на какиихъ условіяхъ заключить миръ Россіи съ Пруссіей; кабинетъ убѣжденъ, что Фридрихъ не можетъ и не долженъ купить миръ иначе, какъ съ значительными пожертвованіями; Англія не можетъ вести войну въ угоду прусскому королю и давно пора заключить миръ; объ убѣжденіи въ этомъ смыслѣ прусскаго короля писано было англійскому послу при немъ, но англійскій кабинетъ мало надѣется на успѣхъ, такъ какъ ему извѣстны льстивыя надежды Фридриха на помощь Россіи.—По словамъ де-Бютта, говорившаго отъ лица короля и министровъ, Англія находитъ надежды Фридриха несбыточными; правительство Англіи не хочетъ допустить мысли, чтобы русскою императоръ когда-либо предпочелъ прусскаго короля своимъ естественнымъ союзникамъ (австрійцамъ) и выгоды Пруссіи—выгодамъ вѣнскаго двора; Англія не желаетъ отзывать русскихъ войскъ отъ австрійской арміи; она не хочетъ, чтобы Фридрихъ получилъ чрезъ то средства продолжать борьбу... Извлеченіе изъ этой важной депеши, копія съ которой имѣется въ нашихъ бумагахъ, было переслано изъ Петербурга въ Бреславль къ Фридриху и за эту-то передачу свѣдѣній благодарилъ король.

Ред.

20

ваше императорское величество увѣрены въ совершенной моей преданности вашей особѣ. Вы никогда не ошибетесь, и я обязаннымъ себя считаю дать вамъ вѣрныя доказательства всегда, когда ни представился бы только случай. Ваше императорское величество имѣете неотвѣримыя права на владѣнія, отторгнутыя изъ-подъ власти дома вашего въ смутное время. Вы имѣете право ихъ потребовать; къ тому же и война даетъ вамъ право завоеванія; я не удовольствуюсь только гарантїей за вами всего того, что вы найдете нужнымъ, независимо отъ этого, я добиваюсь чести способствовать предпрїятіямъ вашего императорскаго величества. Распоряжайтесь же Штетинскимъ портомъ и всѣмъ что я имѣю, какъ вашей собственностью; назначьте число войскъ, которыхъ угодно, чтобы я присоединилъ къ вашимъ, однимъ словомъ, совершенно не стѣсняйтесь и просто скажите, чѣмъ могу я быть вамъ полезенъ? А если недостаточно войскъ, которыхъ угодно будетъ присоединить, то я еще добавлю, не дожидая требованій. Хотя я и старъ, и изломанъ, но самъ пошелъ бы противъ вашихъ враговъ, еслибъ зналъ, что принесу пользу — жертвуя собою для столь достойнаго государя, для такого великодушнаго и рѣдкаго друга; къ сожалѣнію, усилія враговъ моихъ противъ меня нынѣшній годъ такъ велики, что ваше императорское величество сами изволите повясть невозможность, въ которой я нахожусь выполнить мои желанія; но если что-либо поможетъ мнѣ въ эту кампанію, и если ваше императорское величество имѣете намѣреніе прервать сношенія съ датчанами, то я употреблю всѣ усилія, какія только будутъ возможны, чтобы содѣйствовать вашимъ намѣреніямъ. Я не въ состояніи довольно возблагодарить ваше императорское величество за всѣ знаки дружбы, какія я получилъ отъ васъ. Вы великодушно предлагаете мнѣ вашу гарантію и ваши войска; будьте увѣрены, я исполнѣ чувствую всю цѣну столь благороднаго поступка. Все что хотите вы сдѣлать для меня — принимаю я съ живѣйшею благодарностью. Если вамъ угодно — дать мнѣ изъ своихъ войскъ тысячъ 14,—съ тысячью казаковъ то этого будетъ достаточно для усиленія меня противъ враговъ; а чтобы вполне быть милостивымъ, то пришлите ихъ сюда, въ Бреславль, въ концѣ мая или въ началѣ іюни мѣсяца. Этимъ вы удвоили бы огромныя одолженія, которыми уже обязали меня. Вы можете быть увѣреннымъ, что войска ваши не будутъ подвергнуты опасности и съ ними не поступятъ по недостойной привычкѣ нѣкоторыхъ государствъ, которыя, сберегая собственные силы—жертвуютъ союзниками *). Глядя на ваши войска —

*) Намекъ на австрійскихъ главнокомандующихъ графа Дауна, барона Лаудона и другихъ, съ которыми именно за это безрестанно доводилось

я всегда буду думать о вашемъ величествѣ и буду говорить себѣ: войска эти принадлежать достойнѣйшему изъ государей, лучшему другу моему во вселенной! Ваше императорское величество можете распорядиться всѣми принадлежащими мнѣ: генераль Вернеръ поѣдетъ въ Петербургъ — тотчасъ по окончаніи войны; не знаю, позволите ли мнѣ рекомендовать своего совѣтника господина де-Салерна (Salleren) *)? Ваше императорское величество не будете имъ недовольны, я-бъ его не рекомендовалъ, еслибъ не видѣлъ въ немъ искренней и безкорыстной привязанности къ вашей особѣ, что вездѣ рѣдкость **). Могу ли я выразить всю мою благодарность вашему императорскому величеству, въ состояніи ли я буду доказать, до какой степени сердцемъ привязанъ я къ вамъ, какъ высоко мое уваженіе и искренняя дружба, съ которой я есмь, государь мой братъ, вашего императорскаго величества добрый братъ, вѣрный другъ и союзникъ до конца жизни Фридрихъ.

ссориться русскимъ фельдмаршаламъ Салтыкову и Бутурлину въ кампаніяхъ 1759, 1760 и 1761 годовъ. Австрійцы зачастую выставляли русскимъ исполнять самые трудные и самые опасные планы, въ виду сохраненія собственнаго войска; отъ этого происходили въ лагерь союзниковъ несогласія, отсутствіе единодушія въ дѣйствіяхъ, медленность, преждевременныя отступленія, нежеланіе пользоваться побѣдами; а всѣмъ этимъ прекрасно умѣлъ пользоваться Фридрихъ.

Ред.

*) Кажется, здѣсь идетъ рѣчь объ извѣстномъ Сальдернѣ. Гельбигъ (стр. 375) говоритъ, что этотъ голштинецъ назывался Саллерномъ и потому уже, вышедши въ люди, принялъ древнюю прусскую фамилію Сальдернъ, которая вначалѣ протестовала противъ таковаго самозванства, но потомъ замолчала. Онъ же говоритъ, что Сальдернъ еще при Елизаветѣ служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и занялъ въ ней довольно видное мѣсто. Но это не противорѣчитъ рекомендаціи Фридриха II, который говоритъ объ „искренней и безкорыстной привязанности его“ къ Петру III, изъ чего можно заключить, что Фридрихъ рекомендуетъ Петру человека, знающаго уже русскаго государя и пребывающаго въ Россіи. Извѣстно, что впоследствии, при Екатеринѣ, Сальдернъ сдѣлался изъ поборниковъ правъ Россіи на Гольштинію ревностнымъ сторонникомъ уступки ея Даніи, гдѣ и былъ русскимъ посланникомъ. Въ началѣ 1771 года онъ назначенъ былъ посломъ въ Варшаву, гдѣ и пробылъ до осени 1772. Онъ много содѣйствовалъ (1773) уступкѣ Гольштиніи и потомъ впалъ въ немилость. Сальдернъ пережилъ Екатерину.

Примѣчаніе М. Н. Лонгинова.

(**) Въ распоряженіи «Русской Старины», между прочими матеріалами, находится довольно большое собраніе подлинныхъ, весьма характеристичныхъ писемъ Сальдерна, человека замѣчательнаго въ свое время;—мы сообщимъ ихъ впоследствии времени на страницахъ нашего изданія.

Ред.

20*

XII.

Петръ III къ Фридриху II.

(Безъ означенія числа. Вѣроятно въ первой половинѣ мая 1762).

Государь мой братъ! Такъ какъ знаки пріязни вашей ко мнѣ — съ вашей стороны все прочтѣе и прочтѣе, и превзошли мои ожиданія, то я ни минуты не замедлю, чтобы благодарить васъ и поглядѣться вамъ въ безконечной дружбѣ. Въ письмѣ, отъ 24-го апрѣля, ваше величество одобряете притязанія, которыя я имѣю на датчанъ *), общаете мнѣ гарантію и корпусъ вашихъ удивительныхъ войскъ, цѣнить которыхъ я умѣю. Предлагаете вы мнѣ Штетинскій портъ, говорите, чтобы я, не стѣсняясь, дѣйствовалъ въ вашей странѣ, какъ въ моей собственной. Но пріятіе всего былъ я удивленъ, когда прочелъ, что вы сами вызываетесь идти противъ моихъ враговъ. Бывши еще великимъ княземъ и до настоящей минуты я не иначе почиталъ васъ, какъ величайшимъ героемъ въ свѣтѣ и вдругъ васъ допустить жертвовать вашею жизнью! Послѣ столькихъ утомительныхъ походовъ, вы готовы идти противъ моихъ враговъ — этотъ послѣдній знакъ дружбы превосходить всѣ другіе и долженъ меня болѣе, чѣмъ когда-либо привязать къ такому любезному государю, какова особа вашего величества **).

Какъ ваше величество былъ такъ довѣрчивъ, что далъ мнѣ открытый листъ относительно мира, я посылаю его съ вашимъ достойнымъ адъютантомъ, графомъ Шверинымъ. Надѣюсь, что ваше величество не найдете въ немъ (т. е. въ мирномъ трактатѣ) ничего, что могло бы относиться (до моего) собственнаго интереса; я не хочу, чтобы имѣли право сказать, что я предпочелъ собственный интересъ вашему, г. Гольцъ можетъ быть свидѣтелемъ ***). Что до союзнаго

*) . . . „aprouve. . . les pretentions que j'ai sur les Danois“ . . .

**) . . . «etant grand-Duc jusqu'a cette minute de vous regarder comme le plus grand heros au monde peux le quelle il se serois laissée sacrifier mille fois dire que vous apres tant des fatigues vous voudriez aller contre ses ennemis cette derniere marque d'amitié surpasse tous les autres et doit plus que jamais mattacher a un prince si aimable comme la personne de Vostre Majeste!» . . .

***). . . „j'espere que Vostre Majesté ni trouvera rien qui pourroit se resen-tir dauçun interet propre ne voudrant jamais qu'on pourroit dire que j'aurai preferé le mien au sien Monsieur de Goltz en peut-estre mon témoin“ . . . Трактатъ между Пруссіей и Россіей былъ подписанъ 24 апрѣля 1762 года госуд. канцлеромъ граф. Мих. Лар. Воронцовымъ по размѣнѣ взаимныхъ полномоцій съ прусскимъ полковникомъ, королевскимъ адъютантомъ, камергеромъ барономъ Гольцомъ, въ VIII-ми статьяхъ; сущность ихъ слѣдующая:

межъ нами договора, то онъ будетъ готовъ чрезъ нѣсколько дней, и чтобы задержка его не могла помѣшать вашему величеству противъ вашихъ враговъ, которые также и мои, я приказалъ генералу Чернышеву сдѣлать все возможное, чтобъ прибыть по крайней мѣрѣ въ началѣ іюня въ вашу армію съ 15,000 регулярнаго войска и 1,000 казаковъ. Ему приказано—состоять въ распоряженіи вашего величества *). Чернышевъ лучший — (генералъ) послѣ Румянцева, котораго я не могу отозвать, онъ противъ датчанъ; но если-бы Чернышевъ и ничего не зналъ (бы), то онъ не можетъ худо дѣйствовать подъ командой столь великаго генерала, каковъ ваше величество.

(Такъ какъ генералъ Кноблаухъ (Knoblauch) долженъ вскорѣ отправиться къ вашему величеству, то я рекомендую его вамъ, какъ стараго и вѣрнаго слугу прусскаго дома **).

Такъ какъ ваше величество позволили мнѣ не стѣсняться, то прошу васъ, какъ добраго союзника и друга, сдѣлать сдѣлку съ датчанами.... если есть дѣла въ Берлинѣ, подъ наблюденіемъ вашего

1) Вѣчный миръ Россіи съ Пруссіей; 2) русскій императоръ умиротворяетъ Германію; 3) прусскій король обѣщаетъ не только не вступать ни въ какіе договоры, противные русскимъ и русско-гольштинскимъ интересамъ, но и уничтожить всѣ прежніе договоры, противные этой статьѣ; 4) предать съ обѣихъ сторонъ вѣчному забвенію прошедшее; 5) публиковать о себѣ миръ немедленно по размѣнѣ ратификацій; 6) рос. императоръ въ два мѣсяца возвратитъ королю прусскому всѣ области, земли, города, мѣста и крѣпости, ему принадлежащія и нѣ теченія войны рос. оружіемъ завитые; 7) обѣщаетъ примирить королей шведскаго съ прусскимъ; 8) ратификація имѣютъ быть размѣнены въ шесть недѣль. 8 Іюня 1762 г. заключенъ трактатъ оборотительнаго союза Россіи съ Пруссіей на 20 лѣтъ въ XX статьяхъ. Въ секретныхъ артикулахъ трактата прусскій король обязывался содѣйствовать императору въ возвращеніи Герцогства Шлезвигскаго, а императоръ гарантировалъ за Пруссіей—Силезію и графство Гладское. Права Курляндію защищать и герцогство въ ней доставить двоюродному дядѣ императора принцу Георгію Гольштинскому. Защищать право вольнаго избранія короля въ Польшѣ. Какъ объ этихъ трактатахъ, такъ вообще о всей дипломатической исторіи Петра III,—въ русской литературѣ есть весьма обстоятельная и интересная монографія: она принадлежитъ П. К. Щебальскому. (Политическая система Петра III. М. 1870 г. стр. 184). Необходимо впрочемъ замѣтить, что при всемъ обилии матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи г. Щебальскаго по предмету его изслѣдованія, нынѣ печатаемая нами переписка Фридриха II съ Петромъ III не была ему извѣстна.

Ред.

*).... „lui ordonnant de faire tout son possible de ce que Vostre Majeste lui commandera c'est le meilleur que nous avons apres Romantzow“....

**) Строки въ скобкахъ — въ подлинникѣ зачеркнуты. Замѣч. въ сборн. коній.

Ред.

величества *) и будьте такъ добры включить въ договоръ о мирѣ, который будетъ со шведами, чтобы они помогли мнѣ своимъ флотомъ противъ датчанъ.

XIII.

Фридрихъ II—Петру III.

4-го мая 1762 года. Бреславль.

Государь мой братъ! Я только-что принялъ курьера, посланнаго ко мнѣ, по приказанію вашего императорскаго величества, господиномъ Гольтцемъ; тороплюсь отвѣчать, чтобы сказать вамъ съ чистосердечіемъ и искренностью, съ которыми обязанъ (говорить) вамъ все, что знаю и думаю относительно датчанъ. Извѣстія о нихъ присланы ко мнѣ отъ моего министра, котораго до сихъ поръ не опасался этотъ дворъ и онъ (министръ) имѣлъ возможность узнать нѣкоторые анекдоты; по нимъ можно судить о слабости и нерѣшительности датскаго двора. Имъ (т.-е. датчанамъ) очень бы хотѣлось получить часть Гольштиніи, которою владѣтъ ваше императорское величество, но у нихъ нѣтъ смѣлости завладѣть ею; они расположились лагеремъ за Травой, чтобы завладѣть Любекомъ въ случаѣ, если войска вашего императорскаго величества вступятъ въ Мекленбургію; они даже предполагаютъ имѣть лагерь въ Мекленбургіи, гдѣ навѣрно захотятъ выгодно укрѣпиться, чтобы оспаривать у войскъ вашего императорскаго величества входъ въ Гольштинію. Но до сихъ поръ я вижу въ этомъ только оборонительныя мѣры. У Жермена (Germain) — 25,000 человекъ, къ нему долженъ присоединиться принцъ Бевренскій (de Beuren), принцъ ведетъ — 6,000 человекъ норвежцевъ, такъ что вся эта армія составляетъ корпусъ въ 31,000 воиновъ. Многіе солдаты дезертируютъ и при первомъ отступленіи, которое армія эта вынуждена будетъ сдѣлать, — треть арміи разбѣжится. Если ваше императорское величество хочетъ получить часть Гольштиніи, столь несправедливо отнятой у вашихъ предковъ, то не должно ждать, чтобы датчане уступили ее добровольно — надо будетъ сражаться, чтобы получить ее и я считаю (это) обстоятельствомъ весьма возможнымъ; чтобы (однако) ваше императорское величество не предприняло, а въ вашемъ распоряженіи, ничто не разлучитъ меня съ вами и

*) Это мѣсто въ подлинникѣ такъ.... «je la prie dont comme un bon allie et amy de faire avec les Danois ce comodement sylya affaire à Berlin sous la mediation de Vostre Majesté....» Готовясь къ войнѣ, Петръ въ тоже время старался, но кажется только для виду, при посредствѣ короля прусскаго, устроить конгрессъ въ Берлинѣ для обсужденія распри своей съ Даніей.

вашими выгодами. Итакъ, я буду говорить съ вами откровенно объ этой войнѣ, какъ говорилъ бы, еслибъ былъ генераломъ въ вашей службѣ или еслибъ долженъ былъ самъ вести эту войну: первое, на что смотрю я, какъ на основаніе всѣхъ военныхъ предпріятій — это магазины, потому что въ это время года ничего не найдешь, фуражировать начинаютъ только съ конца іюня, а собрать хлѣбъ съ новой жатвы можно только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, если же требуется мука, для печенья хлѣбовъ, то (въ ожиданіи ея) продлится еще мѣсяцъ. Соображаясь съ непріятельскими силами, я думаю, что русская армія въ Гольштиніи должна быть въ 46,000 человекъ регулярнаго и хорошо укомплектованнаго войска и 4,000 казаковъ. Припасы для этихъ войскъ могутъ быть взяты въ Россіи или въ Ливоніи, въ Курляндіи и Данцигѣ, надобно, значить, знать хотя приблизительно, сколько понадобится для такого корпуса. Приблизительно 2,000 четвертей муки въ мѣсяцъ и 8,000 четвертей овса, на май и іюнь мѣсяцы. Свѣдущіе люди могли бы купить хлѣбъ (въ зернѣ) экономнѣе и дешевле въ мѣстахъ гдѣ они находятся, но придется запасы (въ такомъ случаѣ) везти моремъ, подъ прикрытіемъ флота. Можно бы сдѣлать складъ или въ Висмарѣ или въ Ростокѣ; сколько мнѣ извѣстны намѣренія датчанъ, нельзя очень льстить себя надеждой предупредить ихъ въ Любекѣ: датчане ближе къ нему, нежели русскіе; пока войска вашего императорскаго величества будутъ въ походѣ, они имъ уже завладѣютъ. Городъ могъ бы еще держаться, но такъ какъ горожане боятся за свои дома, то они сдадутся, повидимому, при первыхъ угрозахъ датчанъ. Я прошу 50,000 солдатъ для этой экспедиціи, чтобъ вести ее въ совершенствѣ, чтобъ возможно было окружить корпусомъ укрѣпленный лагерь, который устроятъ датчане. и чтобы возможно было вытѣснить ихъ изъ-за рѣкъ, за которыми они задумаютъ расположиться дабы отступленіями выиграть время. Съ 50,000-ми человекъ можно сбить ихъ со всѣхъ постовъ, и если понадобится взять Любекъ, то онъ, конечно, не долго продержится; тамъ-то въ особенности надо сдѣлать большой магазинъ для всей арміи, чтобъ потомъ распространить дѣйствія къ Ytzehoe *) и оттуда къ Ренсбургу. Къ сему прилагаю опись датскаго флота **);

*) Городъ въ Гольштиніи.

**) При письмѣ приложенъ, руки Фридриха II-го, списокъ датскаго флота: названы корабли, командиры ихъ, означено число пушекъ на каждомъ кораблѣ. Такимъ образомъ, въ первой эскадрѣ линейныхъ кораблей у датчанъ было: 50-ти-пушечныхъ — 6; 60-ти-пушечныхъ — 5; 70-ти-пушечныхъ — 6; 90-пушечныхъ — 1; всего 18-ть. Фрегатовъ — 9, на нихъ — 218 пушекъ; въ резервной эскадрѣ — линейныхъ кораблей — 6, на нихъ — 390 пушекъ, да — 2 фрегата съ 76-ю пушками.

необходимо, чтобъ вашъ (флотъ) превосходилъ датскій; совѣтую, если у васъ неостанетъ кораблей, просите въ Швецію. Шведы будутъ колебаться, затруднятся даже отвѣтить, но если вы серьезно ихъ поудите, то, полагаю, они не въ состоянїи будутъ отказать. Къ тому же датчане ни отъ кого не могутъ получить помощи: англичане — отказали, голландцы не въ состоянїи помочь, французы также не окажутъ помощи; на морѣ мѣшаютъ имъ англичане, а на сушѣ заграждаютъ имъ путь войска принца Фердинанда и моего племянника, такъ что главное, на что остается единственно обратить вниманіе — это припасы; арміи союзниковъ сильно обообрали хлѣба въ Мекленбургѣ, въ Ганверѣ и Саксенбургѣ, (Saksi Lauenbourg), такъ что если (русскіе) разсчитываютъ добыть нѣкоторую помощь въ своемъ продовольствїи изъ этихъ провинцій, они могутъ обмануться, что однако разстроитъ экспедицію, а это можно предупредить, обративъ самое серьезное вниманіе на столь важный пунктъ и не начинать экспедицію прежде, нежели все будетъ хорошо заготовлено. Я говорю вашему императорскому величеству такъ, какъ совѣтовалъ бы самъ себѣ, еслибъ пришлось мнѣ самому предпринять эту экспедицію; совѣтую также имѣть подъ рукою людей, хорошо знающихъ страну: они будутъ вначалѣ служить проводниками и будутъ разузнавать о передвиженїяхъ непрїятелей. Безъ сомнѣнїя, Гольштинїя снабдитъ васъ ими, да ихъ можно за бездѣлицу достать, стѣбитъ только поискать старательнѣй. Я не знаю, кому ваше императорское величество поручаетъ командованіе этой арміей: сами ли вы берете на себя главное начальство или поручаете кому-либо изъ вашихъ генераловъ? Ваше императорское величество скажетъ: зачѣмъ я вмѣшиваюсь, и вы справедливы; я знаю, что мнѣ никоимъ образомъ не слѣдуетъ совать свой носъ въ ваши дѣла, но я говорю съ вами не какъ государь, но какъ частное лицо, какъ другъ, который ничего не скрываетъ отъ своего друга, что у него на сердцѣ. Вы всегда вольны дѣлать все что угодно вашему императорскому величеству, и если вы не одобряете меня, то скажите это просто. Признаюсь вамъ, я сильно желалъ бы, чтобы ваше императорское величество короновали бы уже себя: эта церемонїя заставляеть народъ благоговѣть, а онъ привыкъ уже видѣть своихъ государей коронованными. Откровенно скажу вамъ, я недовѣряю русскимъ. Всякая другая нація благословляла бы небо, даровавшее ей государя съ такими превосходными и удивительными достоинствами, какими одарены ваше императорское величество, но эти русскіе, чувствуютъ ли они свое счастье? А проклятая кровожадность кого-нибудь не дастъ ли ему слу-

чай найти свои выгоды въ образованіи заговора или возмущенія въ странѣ въ пользу принцевъ Брауншвейтскихъ *)?

Припомните ваше императорское величество, что случилось въ первое отсутствіе императора Петра I-го, родная сестра котораго возстала противъ него; предположу, что какой-нибудь несчастный съ безпокойной головой взволнуетъ страну въ вашемъ отсутствіи, чтобы снова возвести на престолъ Ивана, и что онъ (т.-е. заговорщикъ) составитъ заговоръ съ помощью иностранныхъ денегъ, съ цѣлью выпустить Ивана изъ тюрьмы, (предположу) что онъ взволнуетъ войска и другихъ несчастныхъ, которые соединятся съ нимъ—не придется ли тогда бросить войну съ датчанами, хотя бы она была весьма успѣшна, не придется ли тогда вернуться и наскоро потушить пожаръ въ собственномъ домѣ? Эта мысль, когда пришла мнѣ въ голову, заставила меня содрогнуться, и совѣсть во всю жизнь укоряла бы меня, если-бы я не сообщилъ ее

*) «.... je Luy avoue donc que je Voudrois fort qu'Elle se fut deja fait Couronner, parce que Cette Ceremonie en impose a un peuple qui est dans la Coutume de voir couronner les Souverains, Je Luy dirai franchement que je me Defie des Russes, Toute autre nation beniroit le Ciel d'avoir un prince qui a d'ausi eminentes et admirables qualitez que Vostre Majesté Imperiale ma, mais ces russes Sentent-ils le bonheur et la Maudite venalite de quelque particellér ne pourrait il point Luy faire trouver Son interet a formér une faction ou une revolte dans le pais en faveur de ces princes de bronswic? que Vostre Majesté Imperiale Se rapelle ce qui ariva a la premiere apsence de l'Empereur pierre I, dont la propre Soeur Conspira Contre Luy, Qu'Elle Supose donc pour un Moment que quelque malheureux, a tete remuante comansat par Cabaler dans Son absence pour replacer cet Jvan sur le Tronne, et qu'il format une faction à l'aide de l'argent estrangér pour Sortir cet Ivan de la prison, et qu'il debanchat des troupes et d'autres malheureux qui se joignissent a Luy, ne faudroit il pas quitter en ce cas la Guerre Contre les Danois quand meme tout y prospereroit pour retourner en hatte etteindre le feux qui bruleroit sa propre maison; cette idée m'a fait tremblér quand elle m'est vente dans l'esprit et je ne ferois une Conscience, et un reproche toute ma vie si je ne l'avais Communiquée a Vostre Majesté Imperiale, je suis ici dans le fond de l'Allemagne, je ne Conois point Sa Cour, ni ceux aux quels Vostre Majesté Imperiale peut prendre une veritable Confiance ni Ceux qui peuvent Luy etres suspectes, ainsi c'est a Ses hautes lumieres, a Desserner aux dont Elle doit se defier ou nom; je crois donc que si elle veut prendre le Commendement de Son Armée, que Sa sureté demande Qu'Elle se face Couronner auparavant, et que pour n'avoir rien a Craindre dans Son Empire, qu'Elle amene dans Sa Suite toute Les personnes suspectes et qui pouvoit entreprendre contre Elle et meme ceux pour peu qu'on puisse les Soupsonner, Elle Sera sure par ce moyein la, et ces gens ne Luy Seront Guerre a charge a Sa Suite, pour agir plus surement encore il faudroit obligér tout les ministres estrangers quels qu'ils soyent de la Suivre, car ce Seroit auter de la Russie toute les Semences de rebellion et d'intrigue, et Vostre Majesté Imperiale pour s'en debarasser les pouroit toujours envoyér, a Bostoc ou a Wismar dans quelque lieu deriere l'armée etc...»

вашему императорскому величеству. — Я здѣсь въ срединѣ Германіи, я вовсе не знаю двора вашего, ни тѣхъ, кому ваше императорское величество можете вполнѣ довѣриться, ни тѣхъ, кто можетъ быть опасенъ. Съ вашей высокой предусмотрительностью должно разобратъ, кого вы должны опасаться. Я полагаю однако, если вамъ угодно будетъ принять начальство надъ арміей, то собственная безопасность требуетъ, чтобы вы прежде короновались, а чтобы не имѣть чего бояться въ своей имперіи—надо привезти въ свитѣ споей всѣхъ подозрительныхъ особъ, которыя могли бы предпринять противъ васъ, если только они подозрительны... Такимъ образомъ, вы будете спокойны, и эти люди вовсе не обременять васъ въ свитѣ; чтобы дѣйствовать еще вѣрнѣе, надо бы заставитьъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, безъ различія, слѣдовать за вами; этою мѣрою вы взяли бы изъ Россіи всѣ сѣмена возстанія и интригъ; а чтобы вашему императорскому величеству пзбавиться отъ нихъ, всегда ихъ можно оставить въ Ростокѣ или въ Висмарѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ позади арміи, что и воспрепятствуетъ имъ передавать датчанамъ ваши предположенія. Признаюсь, я съ удивленіемъ узналъ, что австрійскій посланникъ началъ подсаждать свои рѣчи въ Петербургѣ: это неестественно, такъ какъ извѣстно, что дворъ австрійскій уязвленъ, что и заставляетъ меня подозрѣвать какіе-либо виды или затѣваемую интригу австрійскаго двора; но если ваше императорское величество хотите отлучиться изъ имперіи вначалѣ своего царствованія, то вы предупредите величайшее несчаствіе, которое могло бы быть вызвано отсутствіемъ вашимъ, если возьмете съ собою и удалите (такимъ образомъ) изъ Россіи всѣхъ поджигателей и тѣхъ, которые могли бы произвести смуты во время вашего отсутствія. Я нисколько также не сомнѣваюсь, что вы оставите соглядатаевъ, на которыхъ вполнѣ можете надѣяться, голштинцевъ или ливонцевъ, они наблюдали бы за всѣмъ и предупредили бы малѣйшія движенія, которыя произойдутъ *). По истинѣ прошу у васъ прощенія во всемъ, что вамъ написалъ, но мое сердце, истинная нѣжность, чистосердечная привязанность къ вашей особѣ—заставляютъ меня сказать, что я думаю. Душой и тѣломъ заинтересованъ я въ сохраненіи вашей жизни, да и какъ мнѣ не желать тысячу благоденствій тому, кто одинъ во всей Европѣ протянулъ мнѣ руку помощи въ моемъ несчастіи, тому—кто объявляетъ себя моимъ другомъ въ то время, когда союзники мѣнѣ измѣняютъ **), тому—кто заключаетъ со мной столь благородный и

*) « . . . je ne doute pas non plus qu'Elle laisse des Surveillans affidés sur les quels Elle puisse compter des Holsteinois ou des Livoniens qui aient l'oeil à tout et qui previennent les moindres mouvemens qui pourroient se faire»...

***) Измѣну въ союзникахъ своихъ Фридрихъ главнымъ образомъ видѣлъ

великодушный миръ.—Передъ Богомъ, у меня нѣтъ другой политики относительно вашего императорскаго величества, какъ заставить васъ подумать о предупрежденіи несчастій, ихъ надо опасаться, и тѣмъ сохранить друга, который для меня безцѣненъ. Умоляю васъ размыслить о томъ, что я вамъ написалъ *), и будьте увѣрены, что когда вы меня спросите о моихъ чувствахъ, я скажу вамъ о нихъ съ чисто-сердечною откровенностью; сверхъ того, вы меня найдете всегда готовымъ ко всему, что вы только заблагоразсудите предпринять. Какъ неразлучный другъ вашъ, я буду содѣйствовать, по обстоятельствамъ своимъ, всѣми силами въ затруднительныхъ положеніяхъ, во всемъ, что ваше императорское величество пожелаетъ.

Это чувство сохраняю до могилы и пребуду съ величайшимъ уваженіемъ и нѣжнѣйшею дружбою, государь мой братъ, вашего императорскаго величества, добрый братъ и вѣрный союзникъ до конца жизни Фридрихъ.

XIV.

Петръ III къ Фридриху II.

(Безъ означенія числа и мѣста).

Государь, мой братъ! Какъ вижу по письму отъ этого мѣсяца, ваше величество не имѣли другихъ извѣстій отъ своего министра въ со стороны англичанъ; но Петръ III всѣми силами радѣлъ, чтобъ вновь привлечь правительство Англій на помощь Пруссіи. Графу Воронцову (Мих. Ларионовичу, канцлеру) дана была императоромъ инструкция, въ первомъ пунктѣ которой было сказано: «Надо сдѣлать все на свѣтѣ, чтобъ поставить англійскаго короля въ тѣже хорошія отношенія, въ какихъ онъ былъ прежде съ прусскімъ королемъ». Въ остальныхъ пяти статьяхъ инструкціи предписывалось: открыть королю и англійскому народу—всѣ хитрости любимица графа Бютта противъ прусскаго короля, выставить весь стыдъ, въ который повергнется англійская нація, если правительство ея заключитъ миръ съ Австріей; сдѣлать всевозможное для отвращенія прежней пріязни англійскаго короля къ Даніи; дѣлать всѣ усилія для привлеченія Англій въ союзъ съ Пруссіей и Россіей, выставить все хорошее, что могло бы произойти изъ этого союза и выставить съ другой стороны все дурное, что выйдетъ, если союзъ этотъ не состоится. Въ особенности предписывалось дать понять Англій, что, не вступая въ союзъ съ Пруссіей и Россіей—она разорится, такъ какъ не получитъ дѣла для мачтъ, кожъ, желѣза, коноплянаго масла и проч. сырыхъ произведеній—которыя она во множествѣ получаетъ изъ Россіи; наконецъ всѣ сообщенія англійскаго правительства русскому послу въ Лондонѣ приказано было немедленно сообщать уполномоченному прусскаго короля.—Копія съ этой инструкціи была препровождена отъ Петра III къ Фридриху II.

Ред.

***) «... de la faire penser a prevenir les malheurs qui Sont à craindre et de conserver un Ami qui pour moi est d'un prix instimables, je la Conjure de donner quelques reflexions, a ce que je viens de Lui Ecrire...»

Копенгагенѣ, кромѣ того, что тамъ ни о чемъ не думали, какъ объ оборонѣ. Могу васъ увѣрить, что я получилъ совершенно нныя извѣстія отъ генерала Румянцова, который мнѣ пишетъ, что не только полковникъ Беллингъ (Belling) его увѣдомилъ, но еще майоръ Фетто (Fettau), состоящій въ моей службѣ—писалъ, что датчане готовились къ кампаніи, и чтобы ее возможно было скорѣе начать, они уже выдвинули Буловена (Bulowen) впередъ съ гренадерами арміи для вступленія въ Мекленбургію, что до генерала Жермена, онъ просилъ-было у города Любека позволенія провести чрезъ него колонну, но городъ отказалъ и ставитъ пушки на укрѣпленіяхъ. Какъ извѣстіе, сообщенное полковникомъ Беллингомъ генералу Румянцову не могло быть прислано безъ особеннаго приказанія вашего величества, то я не могу довольно возблагодарить васъ и увѣрить въ всегдашней, тойже дружбѣ; прошу васъ только дать тѣже приказанія принцу Беверскому (Bevern) въ Штетинѣ, чтобы онъ помогалъ Румянцову столько, сколько можетъ.

Чтобъ возвратиться къ дѣлу, ваше величество пишетъ мнѣ о провіантѣ: я уже отдалъ приказъ обо всемъ и надѣюсь, что ни въ чемъ не будетъ недостатка; что же касается до флота—онъ не въ очень хорошемъ состояніи, кромѣ той части, которая пойдетъ въ Кольбергъ—прикрытіемъ небольшихъ судовъ съ хлѣбомъ; относительно шведскаго флота, я не думаю, чтобы это предпріятіе могло осуществиться, такъ какъ извѣстно, что они слишкомъ хороши съ французами, чтобы что-либо сдѣлать безъ ихъ совѣта, а потому надо думать только объ войнѣ на сушѣ.

Ваше величество пишетъ, что, по вашему мнѣнію, по отношенію къ народу я долженъ короноваться прежде нежели ѣхать въ армію; надобно однако вамъ сказать, что (такъ) какъ война эта почти уже началась, то я не вижу вовсе средства короноваться прежде, именно относительно самого народа, такъ какъ я не могу совершить коронованіе съ великолѣпіемъ, къ которому привыкъ народъ. Я не могу короноваться—потому что ничего не готово и ничего за скоростью нельзя здѣсь найти; что же касается принца Ивана, онъ у меня подъ крѣпкой стражей*), и если бы русскіе хотѣли мнѣ зла, они

*) . . . «Vostre Majesté m'écrit qu'elle pensoit que je devoit me faire couronner auparavant d'aller a l'armee par apport a la nation il faut dont que je lui dise que comme cette guerre est presque a commencer je ne voit point la moyen de me faire couronner auparavant par a port meme de la nation pour la faire avec la magnificence qu'il sont accoutumé je ne la pourroit pas faire n'ayant rien trouver ici dans la vitesse pour ce qu'il du Jwan je lai sous une forte garde et s'il les Russes mauvoit voulue du mal il l'aurois deja longtemps pue faire voyant que je ne prends garde a moy me remettant toujours a la garde du Bon Dieux allant a piedt par la rue come Goltz en est le temoin je peut vous l'as-

давно могли бы мнѣ сдѣлать, такъ какъ я вовсе не остерегаюсь, предаю себя на сохраненіе Богу: хожу пѣшкомъ по улицамъ, свидѣтельствую тому—Гольдцъ. Могу васъ увѣрить, что когда умѣютъ вѣстись за нихъ (русскихъ), то можно на нихъ положиться. А что бы подумали обо мнѣ эти самые русскіе, когда-бъ увидѣли, что я остаюсь дома во время войны въ моемъ отечествѣ, они, которые никогда не желали иного, какъ имѣть государя, а не женщину, это я самъ разъ двадцать слышалъ отъ моихъ собственныхъ солдатъ моего полка: „Дай Богъ, говаривали они, чтобы вы скорѣй стали нашимъ государемъ, чтобы намъ не быть болѣе подъ владычествомъ женщины“, а что еще сильнѣе: не стану ли я себя упрекать всю свою жизнь въ подлой трусости и съ горести, конечно, я умру, такъ какъ я увижу въ себѣ единственнаго изъ государей своего рода, оставшагося дома во время войны, которую ведутъ, чтобы возвратить несправедливо отнятое у моихъ предковъ и я во многомъ потерялъ бы уваженіе вашего величества, еслибы это сдѣлалъ. Что касается до предосторожностей, общаю вашему величеству, что всѣ будутъ приняты, какъ въ отношеніи иностранныхъ министровъ, такъ и относительно (назначенія) наблюдателей, которыхъ оставлю здѣсь. Затѣмъ мнѣ остается только благодарить ваше величество за всю дружбу, которую вы оказываете моему особѣ. Прошу васъ помогать мнѣ вашими безцѣнными совѣтами и будьте увѣрены, что я ими очень дорожу; общая вамъ быть всю жизнь мою.

P. S. Какъ (когда) маршалъ Минникъ будетъ настойчиво спрашивать васъ относительно графства Виртемберга, то прошу ваше величество отвѣтить ему, что вы отдали его въ мое распоряженіе.

surer que quand on scait se prendre avec eux on peut aussi estre sur d'eux et Vostre Majesté que penseroit ces memes Russes de moy voyant que je resteraï au logis dans un temps de guerre dans mon pais natal eux qu'il pont jamais souhaité aastrement que d'estre sous un maistre et pas sous une femme ce que j'ai moy meme vingt fois entendue de mes propres soldats de mon regiment disant: Dieux fasse que vous serez au plus vite nostre Maitre pour que nous ne cogors (?) plus sous la domination d'une femme et ce qu'il est le plus fort ne m'auroit je pas a me reprocher toute ma vie une poltronerie lache dont je mourirait surement de chagrin estant le premier Prince de ma maison qu'il aurait resté au logis dans une Guerre qui se fait pourra voir ce qu' on avoit arraché injustement a se ancestres et Vostre Majesté perdroit beaucoup de son estime pour moy s'il je le feroit-....

XV.

Петръ III—Фридриху II.

Май 1762 г. С.-Петербургъ *).

Государь мой братъ! Вы меня совершенно смутили вашими похвалами, такъ что я не знаю какъ и отвѣчать на нихъ. Ваше величество говорить относительно мира, что я заключилъ его безинтересно. Могу васъ увѣрить, что я ничего не сдѣлалъ кромѣ того, что подсказало мнѣ мое сердце; оно мнѣ напомнило прежнюю привязанность, которую питалъ всегда къ вамъ и которую ваше величество ежедневно заставляете усиливать, выказывая мнѣ свой прямой и дружескій образъ мыслей, который конечно безпримѣренъ и который я вполне цѣню. Ваше величество говорить, между прочимъ, въ своемъ письмѣ, что не вѣрить, чтобы родные братья могли бы сдѣлать для него то, что я дѣлаю. Могу васъ увѣрить въ этомъ отношеніи и не хвалясь скажу: не думаю, чтобы кто-нибудь изъ братьевъ былъ къ вамъ такъ привязанъ и такъ вѣренъ какъ я; я убѣжденъ, что ни одинъ изъ собственныхъ подданныхъ вашихъ не привязанъ болѣе моего къ вашему величеству. Сошлюсь на г. Гольца, я ему совѣтовалъ всегда очень остерегаться, ничего не дѣлать такого, изъ чего можно бы было заподозрить что-либо противное вашимъ интересамъ.

Ваше величество, желая показать мнѣ истинную свою дружбу, исполнили меня радостью предложеніемъ мнѣ въ своей славной арміи—С.-Петербургскаго полка.—Я былъ бы весьма неблагодарнымъ, еслибы въ ту-же минуту не принялъ бы этотъ прекрасный полкъ; я обещаю вашему величеству, что вы не дали полкъ лѣнивцу; я постараюсь улучшить его самыми красивыми людьми моей страны. Ваше величество доставило бы мнѣ еще большее удовольствіе, еслибы отправили его въ корпусъ полковника Беллинга, чтобы я могъ его имѣть съ собою противъ датчанъ. Предложеніе ваше принять полкъ въ моей арміи меня еще болѣе обрадовало, но какъ собственные глаза вѣрнѣе, я думаю, что когда прибуду самъ въ армію, то выберу одинъ полкъ, который своею храбростію и красотою былъ бы достоинъ столь великаго героя каковъ ваше величество; что касается до формы, прошу васъ самихъ выбрать, лишь только бы платье было зеленое. Впрочемъ, я ничего не могу сказать какъ только (то), что я съ всевозмож-

*) Французская копія сего письма, руки тайнаго секретаря—Дмитрія Васильевича Волкова; письмо Фридриха II, на которое переведенное нами (№ 15-й) служить отвѣтомъ, не имѣется въ нашемъ сборникѣ копій. Ред.

ною привязанностью, государь мой братъ, вашего величества добрый братъ и вѣрный союзникъ до смерти Петръ. С.-Петербургъ.

Май, 1762 г.

Р. С. Такъ какъ я только что вспомнилъ одинъ полкъ очень хорошій въ дѣлѣ, то предлагаю его вашему величеству: это второй Московскій полкъ князя Репнина. Онъ почтеть за величайшую честь быть подъ вашимъ начальствомъ и представиться съ упомянутымъ полкомъ вашему величеству.

Примѣч: Въ числѣ первыхъ распоряженій Екатерины II, по восшествіи ея на престолъ, было объявленіе 7 іюля 1762 г. о томъ, что коронаваніе ея будетъ совершено въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ. — Вѣроятно, что эта поспѣшность могла быть слѣдствиемъ совѣта, найденнаго ею въ одномъ изъ писемъ Фридриха къ Петру. Что до политическихъ отношеній Россіи, то онѣ тотчасъ измѣнились: графъ Чернышовъ получилъ приказъ возвратиться съ корпусомъ своимъ въ Россію, генералъ-поручикъ Воейковъ получилъ приказаніе объявить, что войска наши будутъ продолжать занимать завоеванныя области (вопреки трактата 24 апр. 1762 г.). — Причину нарушенія трактата съ Пруссіей русскіе писатели объясняютъ тѣмъ, что Екатерина полагала неприязненнымъ къ себѣ Фридриха; но пересмотрѣвъ его письма къ Петру III, она будто бы нашла въ одномъ изъ нихъ совѣтъ: „не дѣлать быстрыхъ переворотовъ въ государствѣ; упасть нравы и обычай народа; только въ крайнихъ случаяхъ приниматься за нововведенія и во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ болѣе слѣдовать внушеніямъ благороднаго и нѣжнаго сердца его супруги, которое никогда не ошибется въ выборѣ благихъ мѣръ, чѣмъ горделивой и часто обманчивой увѣренности въ собственныхъ силахъ“. — Эти строки, замѣчаютъ русскіе писатели, обезоружили монархію и съ Пруссіей заключенъ дружественный союзъ. Въ какой мѣрѣ справедливо существованіе письма, изъ котораго приводится отрывокъ русскими писателями, не знаемъ; по крайней мѣрѣ его нѣтъ въ сообщенномъ намъ Н. Г. Устряловымъ сборникѣ копій съ подлинной переписки Фридриха II съ Петромъ III-мъ.

Ред.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II къ ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1778 — 1798.

Печатаемые въ „Русской Старинѣ“ письма императрицы Екатерины II къ графу Стакельбергу относятся къ дѣламъ польскимъ, отчасти и къ курляндскимъ (съ 1773 по 1791) и къ шведскимъ (съ 1791 и 1793). Письма, адресованныя Екатериною II въ Варшаву, обрисовываютъ нѣкоторыя черты ея политики въ отношеніи Польши, касаясь, какъ государственныхъ, такъ и частныхъ дѣлъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ (№№ 1, 2, 7, 12 и друг.) весьма характеристичны. Письма же, полученные отъ императрицы графомъ Стакельбергомъ во время бытности его въ Стокгольмѣ, безъ исключенія всѣ, имѣютъ чрезвычайно-важный историческій интересъ, такъ какъ изъ нихъ видно намѣреніе Екатерины сблизиться съ возможно тѣснѣе со Швеціею для возстановленія прежняго порядка во Франціи, и образовать съ-верную силу изъ Россіи, Швеціи и Даніи для противодѣйствія Англіи и Пруссіи, которыя, по мнѣнію Екатерины II, поддерживали изъ своихъ политическихъ расчетовъ революціонную анархію во Франціи.

Графъ Оттонъ-Магнусъ Стакельбергъ, съ которымъ переписывалась Екатерина II, по происхожденію лифляндскій дворянинъ, родился въ 1736, умеръ въ 1800 году. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ русскихъ дипломатовъ прошлаго столѣтія, занимая мѣсто посланника при варшавскомъ, мадридскомъ и стокгольмскомъ дворахъ. Въ 1775 году Стакельбергъ былъ возведенъ императоромъ Іосифомъ II въ графское достоинство Римской имперіи. Переписка его съ императрицею хранилась въ архивѣ родного его внука, генералъ-адъютанта графа Эрнеста Густавовича Стакельберга (род. 1813 г.), бывшаго русскимъ посломъ въ Парижѣ и умершаго тамъ же, въ 1869 г.; архивъ

этотъ хранился въ маюратномъ имѣніи графа въ Изенгофѣ, въ Эстландіи. Маюратъ вмѣстѣ съ архивомъ перешелъ къ племяннику послѣдняго его владѣльца, — гвардіи полковнику и флигель-адъютанту графу Отто Оттовичу Стакельбергу. Просвѣщенному сочувствію графа Отто Оттовича къ разработкѣ отечественной исторіи мы обязаны, при посредствѣ графа Эмерика Карловича Чапскаго, представленіемъ настоящаго драгоценнаго собранія историческихъ документовъ на страницахъ „Русской Старины“ *).

Всѣ французскія письма съ начала до конца писаны собственною рукою императрицы. Они напечатаны въ „Русской Старинѣ“ безъ малѣйшихъ измѣненій; ихъ слогъ и длинные періоды представляютъ не мало затрудненій для точнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гладкаго перевода. Съ своей же стороны, при переводѣ ихъ, мы старались удерживать въ точности каждую мысль, приближаясь въ оригиналу — насколько это было возможно, — и въ отношеніи самаго изложенія **). Что же касается писемъ на русскомъ языкѣ, то они не были писаны самою Екатериною. Поэтому, при изданіи ихъ, мы для болѣе ясной держались современныхъ правилъ орфографіи и разстановки знаковъ препинанія. При каждомъ русскомъ письмѣ приложенъ французскій его переводъ, и это заставляетъ предполагать, что графъ Стакельбергъ былъ плохо знакомъ съ русскимъ языкомъ и даже, быть можетъ, вовсе не зналъ его. Само собою разумѣется, что мы нашли совершенно излишнимъ помѣщать эти переводы съ русскаго подлинника на франц. языкъ.

Ред.

*) Независимо отъ большого собранія писемъ Екатерины II, — гр. О. О. Стакельбергъ и гр. Э. К. Чапскій представили въ распоряженіе «Русской Старины» письма великаго князя Павла Петровича, короля прусскаго Фридриха II, — множество писемъ послѣдняго короля польскаго Станислава-Августа, короля шведскаго Густава III, — князя Потемкина и другихъ лицъ, замѣчательныхъ въ исторіи XVIII столѣтія. Всѣ эти письма, — равно какъ черновые бранныя депешъ гр. О. М. Стакельберга, знаменитаго представителя Россіи при государствахъ западной Европы, — постепенно явятся на страницахъ нашего изданія. Долгомъ считаемъ изъяснить глубочайшую нашу признательность гр. О. О. Стакельбергу и гр. Э. К. Чапскому за сочувствіе и содѣйствіе «Русской Старинѣ» къ обнародованію памятниковъ, проливающихъ свѣтъ на весьма важные моменты въ отечественной исторіи прошлаго столѣтія.

Ред.

***) Переводъ писемъ принадлежитъ Маріи Михайловнѣ Бобріцовой-Пушкиной.

Ред.

I.

Письма Енаторины II по дѣламъ польскимъ.

1773—1791 г.

I.

(Переводъ).—Господинъ баронъ Стакельбергъ. Письмомъ моимъ на этотъ разъ я желаю обратить ваше вниманіе на то, чтобы на предстоящемъ сеймѣ неповредили интересамъ герцога Петра Курляндскаго*); его въ настоящее время сильно беспокоятъ два дѣла. Во-первыхъ, недоразумѣнія съ дворянствомъ по поводу депутата избраннаго противъ его воли чрезвычайно безразсудно и видимо сдѣлано на зло, несмотря на то, что его слѣдовало выбрать сообща съ герцогомъ и послать на сеймъ для соблюденія общихъ интересовъ. Всякаго рода возни какъ тайныя, такъ и явныя противъ герцога мнѣ положительно не нравятся; я чую въ нихъ саксонскій духъ, который стремится если не уничтожить дѣло моихъ рукъ, то, по меньшей мѣрѣ, пытается испортить его въ сущности хотя и жалкими и чрезвычайно неудачными придирками, но цѣль ихъ слишкомъ очевидна. Другое дѣло беспокоя-

*) Сынъ извѣстнаго Бирона, который, въ 1772 г., еще при жизни своей уступилъ ему свои герцогскія права. Въ 1795 году герцогъ Петръ отказался за себя и за своихъ наследниковъ отъ верховныхъ правъ надъ Курляндіею въ пользу Россіи.

Ред.

I. (Подлинникъ). Monsieur le Baron de Stakelberg. Je Vous écrit celle-ci pour Vous enjoindre d'avoir attention qu'a la Diète presente il ne Soit fait aucun tort aux interets du Duc Pierre de Courlande, il a deux affaires qui le tracasse beaucoup dans le moment present. La premiere Sa mesintelligence avec La Noblesse au Sujet du Deputé que celle ci a élu malgre lui et avec beaucoup d'inconsequence et d'animosité, tandis qu'ils en devoit envoyer un conjointement avec le Duc a la Diète pour veiller au bien commun. Toute les manigances ouvertes ou cachées qu'on fait contre ce Duc ne peuvent que me deplaire, j'y trouve une odeur Saxone qui ne tend pas a moins qu'a detruire mon ouvrage ou au moins a le traverser par des chicanes meprisables au fond mais toujours incommode et dont la visée ne Sauroit ce cacher. L'Autre affaire qui tracasse encore ce meme Duc, est un procès que Son frere ce malheureux Prince Charle lui veut intenter, au Sujet d'une convention faite du vivant de leur Père et qu'il pretend renverser en plaidant devant les Tribunaux de Justice mercenaire de la Pologne. Il remue deja beaucoup a ce Sujet au dire de Son frère le Duc de Courlande. Je Vous recomande les interets du Duc mon protegée et mon ouvrage entant que la justice Soyе de Son coté, je souhaite

шее того-же герцога—процессъ, который затѣваетъ братъ его, несчастный принцъ Карлъ по поводу условія, сдѣланнаго ими еще при жизни отца,—условія, которое онъ надѣется уничтожить силою продажныхъ судовъ Польши. Онъ уже много хлопочетъ объ этомъ, какъ говорить братъ его герцогъ Курляндскій. Поручаю вамъ блюсти интересы герцога, состоящаго подъ моимъ покровительствомъ, и моего дѣла насколько позволитъ справедливость. Я желаю ему спокойствія и мира, — ему и его землѣ. Вы должны дѣйствовать въ этомъ случаѣ со свойственною вамъ осторожностью и кротостью; качества эти я такъ цѣню и уважаю въ васъ. Продолжайте такъ, какъ вы начали; я особенно довольна тѣмъ, что вы избѣгаете всякаго рода придирки, что вы не признаете ихъ силой и, по возможности, удаляете отъ дѣла крутыя мѣры. Желаю вамъ успѣха и добраго здоровья. Екатерина.

Царское-Село. 26 мая 1773 года.

II.

(Переводъ).—Петербургъ, сего 5 августа 1774 г. Господинъ баронъ Стакельбергъ. Изъ письма вашего отъ 22 іюля я вижу, что вы, какъ добрый и ревностный патриотъ, раздѣляете мое довольство миромъ *), также какъ и баронъ Спініи (вотъ настоящее его имя), вашъ старшій другъ и товарищъ, который, вопреки дружеской связи и сходству съ вами, непремѣнно умретъ отъ удара, вслѣдствіе несваренія въ желудкѣ; тогда какъ вы отправитесь, какъ вамъ извѣстно, навѣрное отъ

*) Рѣчь идетъ о Кутукъ-Каварджійскомъ мирѣ, заключенномъ между Россією и Турцією 10-го іюля 1774 года.

Son repos et Sa tranquillité et celui de Son pays. Vous traiterez Ses interets avec cette prudence et cette douceur qui Vous est naturelle, que j'estime en Vous et dont je fait tant de cas. Continués comme Vous avés commençés, je Suis surtout tres contents de voir que Vous évités toutes les méchancetés que Vous Separés cellesci d'avec la vigueur et que Vous ecartées autant que faire ce peut tout les actes de Violence. Au reste je Vous souhaite un heureux Succès et une bonne Santé. Catherine.

a Czarskocelo ce 26 May 1773.

à St. Petersb. ce 5 d'Aout. 1774.

II. (Подлинникъ). Monsieur le Baron de Stakelberg. Par Votre lettre du 22 Juillet je vois qu'en bon et zélé patriote Vous partagé mon contentement Sur la paix, et celui de M-r le Baron de Grosbleu (voila Son vrai nom:) Votre ancien Ami et Compagnon, qui cependant malgré les liaisons et analogies intime avec Vous ne mourra jamais que d'une appoplexie d'indigestion, tandis que Vous Vous en irés comme Vous le savés pour Sur de la jaunisse, non pas tout a fait de celle que la prosperité de nos Voisins, Vous donera, mais bien de celle dont Vous étіés menaçés certain Printems a Czarskojé celo lorsque

желчи, которая разольется въ васъ безъ сомнѣнiя не при видѣ благоденствiя нашихъ сосѣдей, но отъ бѣды грозившей вамъ въ памятную вамъ весну въ Царскомъ Селѣ, когда съ одной стороны васъ поражали лютеранскiя проповѣди, а съ другой трогательныя и чувствительныя сцены полунспанскаго романа. Вашъ собратъ, несмотря на духъ противорѣчiя, не заикнулся о мирѣ, его вѣроятно бѣситъ то, что ему тутъ не къ чему придратъся; это доказываетъ намъ—догадливымъ людямъ, что миръ хорошъ; правда, миръ нѣсколько замазываетъ ротъ многимъ и главнымъ образомъ относительно тѣхъ вопросовъ, изъ-за которыхъ ручались головою, что они рѣшены несправедливо.

Нѣсколько дней послѣ приѣзда графа Руманцова, который привезъ эту новость, я видѣла весь дипломатическiй корпусъ въ Оранiенбаумѣ; дѣйствительно веселы были только датскiй и англiйскiй посланники, прусскiй и австрiйскiй были немного грустнѣе, вашъ другъ Браницкiй поражалъ своей выгнутой физиономiей, Испанiя — имѣла смущенный видъ; Францiя, огорченная, задумчивая, прохаживалась одиноко, скрестивъ руки на груди; Швециа лишилась аппетита и сна, о Саксонiи, какъ вамъ извѣстно, никогда не говорится; поэтому и я умолчу о ея таинственныхъ чувствованiяхъ. Впрочемъ, мы вели себя очень скромно въ отношенiи къ нимъ и они какъ-бы не слышали ни слова о мирѣ; миръ такъ славно говорить самъ за себя, что мнѣ и незачѣмъ было о немъ распространяться. Да благословить васъ небо, господнiй баронъ, да прострется это благословенiе даже на собачекъ вашей супруги, да будетъ у нихъ такое же многочисленное потомство, какъ у друга Тома, который самъ-четырнацать прогуливается въ са-

Vous Vous trouviés entre les preches Lutheriens et le tracasseries agreables et touchantes d'un Roman mi parti Espagnol. Votre confrere malgre Son esprit de contradiction n'a pas Souffle le mot Sur la paix, je Suppose qu'il enrage de ne pouvoir rien y trouver a redire, cela nous prouve a nous autres gens a grandes combinaisons, que la Paix est bonne, il est vrai quelle ferme la bouche un tantinet a tout plein de gens Sur plus d'un article et particulierement Sur ceux ou on Se tuoit de persuader au Genre humain le contraire de la realité. J'ai vué quelques jours après l'arrivé du jeune Cte Romenzow avec cette nouvelle tout le corps Diplomatique a Oranienbaum, je n'ai trouvée de vraiment guai que les Envoyés de Danemark et d'Angleterre, celui de Prusse et d'Autriche avoit une nuance de moins, Votre Ami Branitzki avoit la façade un pen allongé. L'Espagne étoit consternée, la france triste, morne, ce promenant tout Seul les bras croisé. La Suede avait perdu l'apetit et le Someil, de la Saxe Vous savés qu'il n'est jamais question, ainsi je ne parlerai point de Ses Sensations imperceptibles. Au reste nous avons été tres modestes vis a vis d'eux, et casi ils n'ont pas entendu parler de la paix; Elle parle Si bien d'elle meme que je n'ai que faire d'en parler beaucoup. Que le Ciel Vous benisse

дахъ Царскаго Села. Кстати, вы бы не узнали этихъ садовъ, такъ много я въ нихъ сдѣлала измѣненій и улучшеній. Прощайте, баронъ, будьте здоровы и продолжайте служить мнѣ такъ, какъ доселѣ. Екатерина *).

III.

(Переводъ). Господинъ баронъ Ставельбергъ. Графъ Браницкій **) настоятельно просилъ меня передать вамъ въ этомъ письмѣ, что во все время его пребыванія здѣсь, онъ непрерывно заявлялъ, что нѣтъ поляка болѣе его преданнаго моей державѣ и лично мнѣ. Зная графа уже много лѣтъ и признавая его въ высшей степени честнымъ человекомъ, я, по справедливости, не могу въ то же время сомнѣваться въ его увѣреніяхъ. Надѣюсь, что по возвращеніи графа въ отечество, его поведеніе будетъ вполне соответствовать тѣмъ чувствамъ, которыя имъ были высказаны здѣсь и самое лучшее, что вы можете сдѣлать—поддерживать это, доставляя ему возможность проявить его доброе расположеніе; итакъ, я была бы очень рада, еслибъ вы, кромѣ того, обезпечили его на родинѣ въ матеріальномъ отношеніи, какъ онъ того

*) Изъ всего собранія писемъ Екатерины II—напечатанныхъ нынѣ «Русской Стариной», только это письмо—было уже издано. Именно въ сочиненіяхъ Екатерины II, изд. Смирдина, (т. III, 1850 г. стр. 369) помѣщенъ русскій переводъ этого письма, но съ большими противъ подлинника ошибками. Ред.

**) Браницкій, Францискъ-Ксаверій (въ Россіи графъ Ксаверій Петровичъ), королевскій великій гетманъ, потомъ генералъ отъ инфантеріи русской службы † 1819 года. Онъ былъ женатъ на Александрѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, родной племянницѣ князя Потемкина. Ред.

Monsieur le Baron que cette benediction S'etende meme jusque Sur la Meute de Madame Votre épouse, puissiez Vous voir et carresser autant de rejettons de Ses favoris que j'ai le plaisir d'en voir de l'Ami Tom, qui ce promene lui quatorzieme dans les jardins de Czarskoçelo. Vous ne reconnoitres point ceux çi, Soit dit par parenthese, Si Vous les voyés, tant j'ai fait faire de changemens et d'embellissemens. Adieu Baron portés Vous bien et continués a me Servir comme Vous avés fait jusqu'ici Caterine.

III. (Подлинникъ). Monsieur le Baron de Stakelberg. Le C-te Branitski ma fait prier instament de Vous faire cette lettre pour Vous dire qu'il n'a pas discontinués depuis Son arrivé jusqu'a Son depart d'ici de me protester qu'il ni avoit pas de Polonois plus attachés a mon Empire et a moi personnellement que lui, comme je connois le Cte: Branitzky depuis longues années et que je lui ai reconnue un fond de probité inalterable je ne puis Sans lui faire tort revouer en doute Ses protestations. J'espere qu'a Son retourdans Sa patrie Sa conduite repondra parfaitement au dispositions qu'il ma marqué çi, et Vous ne Saurés mieux faire qu'en les cultivant et en lui fournissant les occasions favorables pour les deployer, en consequences de quoi aussi je Serai tres contente

желаетъ; объ этомъ графъ Панинъ дастъ вамъ болѣе точныя свѣдѣнія. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.

Царское-Село сего 24 августа 1774 года.

IV.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Зная готовность вашу приводить въ исполненіе мои намѣренія, я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что вы употребите всѣ старанія къ окончанію дѣла о покупкѣ Шклова *), такъ какъ вы бы навѣрное исполнили порученіе князя, еслибъ взялись за него. Прощайте, небо да благословитъ васъ. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 1 февраля 1778 года.

V.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Шведы, по вашимъ рассказамъ, имѣютъ обыкновеніе говорить: *Sie so? ja so* (вы такъ? да такъ), а Спаситель говоритъ въ Евангелии, которое вы читали и слышали только на нѣмецкомъ языкѣ: „*Wer Ohren hat zu hœren der hœre, wer Augen hat zu sehen der sehe* (имѣяй уши слышать, да слышать, имѣяй очи видѣть, да видѣть); посланникъ имѣетъ, я полагаю, и то и другое; но, говоря безъ обиняковъ, вотъ въ чемъ дѣло: я желала бы, чтобы вы, конечно ловкимъ образомъ, выговорили

*) Мѣстечко въ Могилевской губерніи. По присоединеніи этого края къ Россіи—Шкловъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ и подаренъ кн. Потемкину, послѣ того уже Шкловъ, по распоряженію же Екатерины II, приобрѣтенъ для Зорича.

Ред.

Si Vous lui obtenés dans Sa patrie les avantages du coté de la fortune qu'il desire et Sur lesquels le Cte: Panin Vous instruira plus particulierement, Adieu portés Vous bien. Catherine.

a Czarskoceło ce 24 d'Aout 1774.

IV. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg, conoissant Votre empressement a remplir mes intentions, je ne doute nullement que Vous employerés Vos Soins a faire terminer Selon Nos desirs l'affaire de l'achat de Sklow, car Vous aurіés reussi a faire la delegation Princesse (sic) Si Vous l'aviés entrepris. Adieu que le Ciel Vous benisse. Catherine.

a St: Petersb. ce 1 fevreier 1778.

V. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte Stakelberg. Les Suedois Selon Votre tradition on contume de dire *Ein so, ja so*, et Notre Seigneur dit dans l'Evangile que Vous n'avés lu ni n'entendés qu'en Allemand *wer Ohren hat zu hœren der hœre, wer Augen hat zu sehen der sehe*, or un Ambassadeur a l'un et l'autre comme je Supose, mais Sans tant tourner autour du pot Voіci tout net dequoi il S'agit. Je Souhaiterai que Vous negocié tres habillement cela va Sans dire un Ruban de l'aigle Blanc a confier entre mes mains, il ne Sera

мнѣ условіе распорядиться однимъ орденомъ Бѣлаго Орла; я хочу дать его человѣку въ чинѣ генераль-маіора, имя котораго выписывать здѣсь мнѣ кажется лишнимъ. Доставьте мнѣ этотъ орденъ къ 20-му сентября и примите заранѣе мою благодарность, хотя дѣло еще не сдѣлано. Да благословитъ и наградитъ васъ Богъ. Прилагаю къ сему посланіе отъ одной изъ вашихъ старыхъ или новыхъ знакомыхъ личностей, которую рекомендую вамъ съ очень хорошей стороны. Екатерина.

Петергофъ, сего 18 іюля 1778 года.

VI.

(Переводъ). Господинъ посланникъ. Такъ какъ процессъ полковника Каховскаго съ графомъ Огинскимъ *) въ польскомъ судѣ еще не оконченъ, то я повторяю вамъ приказаніе обратить должное вниманіе на это дѣло и, насколько возможно справедливо и по закону, рѣшить его. Екатерина.

19 сентября 1778 года.

VII.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Со всѣхъ сторонъ я слышу жалобы курляндскаго дворянства на ихъ герцога. Знайте, что мое правосудіе недопускаетъ, чтобъ какимъ бы то ни было образомъ вы покровительствовали несправедливостямъ съ его стороны. Кромѣ того, я желаю, чтобъ на сеймѣ по этому дѣлу вы дали полную свободу правдѣ и не стѣсняли подачу голосовъ.

*) Михаилъ-Казимиръ Огинскій, великій гетманъ литовскій, р. 1731 † 1801 г.
Ред.

donné par moi qu'à une personne du rang de General Major mais dont je ne trouve point a propos d'Articuler le nom ici tout au long, faite moi avoir cela vers le 20 Septembre et reçevés en d'avance mes remerciement comme d'une chose faite quoiqu'Elle ne le Soye pas encore. Que le Ciel Vous benisse et Vous tienne en joye, Sijoint Vous trouveré la messive d'une de Vos ancienne ou nouvelle connoissance que je Vous recomande fortement. Caterine.
à Peterhof ce 18 Juillet 1778.

VI. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur. Comme le Procés du Collonel Kachowsky avec le Comte Oginsky au Tribunal de Pologne n'est pas encore decidé, je vous reitere mes ordres la dessus d'appuyer cette affaire autant qu'il vous Sera possible de lui rendre Justice conformement au Loix. Caterine.
le 19 de Septembre 1778.

VII. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. J'entend de tout coté de forte plainte de la Noblesse de Courlande contre leur Duc. Je veux bien que Vous Sachiés que mon équité exige qu'en aucune façon les injustice ce de Duc ne Soyent protegées par Vous. Je veux en outre et je Souhaite que Vous laissiés a la Diète dans cette affaire comme en toute

Сверхъ того я желаю, чтобъ вы представили мнѣ полный отчетъ въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла и не принимали никакихъ приказаній, кромѣ моихъ. Екатерина.

С.-Петербургъ, 20 октября 1778 года.

VIII.

Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Повелѣваю вамъ этимъ письмомъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ защищать интересы города Риги и лифляндскихъ моихъ подданныхъ по дѣлу курляндскихъ таможенъ противъ покушеній герцога. Не обращайтесь вниманія ни на какіе совѣты, рескрипты, приказы или письма, противные этому, откуда бы они ни были. Вы ограничитесь единственно моими приказаніями по этому дѣлу. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 21 октября 1778 года.

IX.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Письмомъ моимъ отъ 21 октября я вамъ ясно выразила, что было бы противно моей чести и правосудію, въ какомъ бы то ни было случаѣ, оправдывать несправедливость и насиліе. Я еще разъ повторяю это и прибавляю къ тому, что если я на случай, упомянутый въ данныхъ вамъ, два года тому назадъ, приказаніяхъ, сочла нужнымъ не обращать до поры до времени вниманія, то въ настоящее время я не противъ него, теперь отъ этого не страдаютъ ни интересы государства, ни слава, ни справедливость. Екатерина.

С.-Петербургъ, 24 октября 1778 г.

autre libre court a la justice et que Vous ne geniés point les Suffrages. De plus je desire encore que Vous me rendiés un compte exacte de la marche que prendrons Ses affaires et que Vous n'ayés égard a aucune autres ordres qu'au miens. Caterine.

à St. Petersb: ce 20 d'Octobre 1778.

VIII. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. Je Vous ordonne par celle çі de la façon la plus expresse, de Soutenir les interets de la Ville de Riga et de mes Sujets de livonie dans l'affaire des Douanes de Courlande contre les attentats du Duc. Vous n'aurés aucun égards au recommandations rescripts ordres ou lettres contraire a celleci qui pourroit Vous etre adressés de quelques part quelles puissent Vous venir, mais Vous Vous conformerés uniquement a ce que je Vous ordonne Sur cette affaire. Caterine..

à St. Petersb: ce 21 d'Oct. 1778.

IX. (Подлинникъ). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. Par ma lettre du 21 d'Octobre je Vous ai tres distinctement articulé que ma gloire et mon equité ne me permettoit en aucune maniere de Proteger l'injustice et l'oppression, je Vous le reitere par celle çі, j'y ajoute que Si le cas marqué

X*).

Господинъ посоль графъ Стакельбергъ. По содержанию отвѣта вашего на письмо мое отъ 11 сентября 1778 г. по дѣлу полковника Каховскаго съ гетманомъ Огинскимъ, я не нахожу ничего болѣе вамъ вновь предписать, какъ только повторительно прецоручить вашему радѣтельному старанію, чтобъ помянутый Каховскій не остался безъ надлежащаго, по справедливости, удовольствія въ дѣлѣ его. Пребываю, впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Санктпетербургъ, октября 8 дня, 1779 года.

XI.

Господинъ посоль графъ Стакельбергъ. Удостоѣрившись изъ многихъ опытовъ, что большія издержки денежныхъ суммъ въ Польшѣ не принесли никакой существительной и прочной пользы, мы, по случаю предстоящаго сейма въ сей республикѣ, разсудили за благо изъяснить вамъ волю нашу, что мы не намѣрены терять по напрасну изживенія, слѣдственно и не позволяемъ вамъ дѣлать никакихъ новыхъ расходовъ, кромѣ пенсій, прежде отъ насъ пожалованныхъ, и потому высылать сюда векселя, кои не только здѣсь принимаемы не будутъ, но и возвращены будутъ къ вамъ. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, мая 1 дня, 1780 года.

XII.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Я усмо-

*) Подлинники №№ 10 и 11 писаны на французскомъ языкѣ, но рука секретаря, а не Екатерины II, почему здѣсь и опускаются; переводъ же принадлежитъ 1779 и 1780 годамъ.

dans les ordres que je Vous ai donné il y a deux ans et que j'ai trouvés appropos de Susprendre alors existoit je ne m'y opose point des que l'interet de l'état, la gloire, et la Justice Sont a l'abri de tout reproches. Catherine

a St: Petersb: ce 24 d'Octobre 1778.

XII. (Подлинникъ неруки Екатерины II). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. J'ai vu par Votre lettre au Comte Panin du 4^{février} que l'evêque de Chelm Ryllo a passé en Gallicie Antrichienne. je Suis d'autant plus charmée qu'il ait par pris ce parti, que sa nomination à l'Archeveché de Polotzk ayant échouée, je suis libre à présent d'en disposer en faveur de mes propres Sujets, que je dois preferer toujours aux étrangers. Il m'est impossible de donner la main à la reunion de cet Archeveché avec la dignité metropolitaine du Rit uni dans la personne du Sieur Smogorzewsky, parceque la qualité de citoyen de mon Empire est incompatible avec celle de la Republique de Pologne; et comment peut-on servir deux maîtres ensemble? Vous voyez bien Monsieur l'Ambassadeur, que si vous avez vos raisons politiques pour me proposer cette affaire, j'ai aussi de ma part des circonstances, des conjonctures et des conjectures qui me dictent un autre avis.

трѣла изъ вашего письма къ графу Панину отъ ¹²/₂₈ февраля, что епископъ Хельмскій, Рылло, переѣхалъ въ австрійскую Галицію. Я довольна этимъ, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ не осуществилось его назначеніе епископомъ въ Полоцкѣ, и я свободно могу располагать имъ въ пользу своихъ собственныхъ подданныхъ, которыхъ непременно должна предпочитать чужимъ. Я положительно не могу содѣйствовать соединенію этой архіепископской власти съ саномъ митрополита униатскаго, въ лицѣ г. Смогоржевскаго, потому что достоинство гражданина моей имперіи несомнѣнимо съ достоинствомъ польскаго республиканца; да и какъ же можно служить двумъ господамъ? Итакъ, вы видите, господинъ посланникъ, что если у васъ есть политическія причины, на основаніи которыхъ вы предлагаете мнѣ это дѣло, то и я, по различнымъ обстоятельствамъ, да и по своимъ соображеніямъ, должна держаться противнаго мнѣнія.

Что касается іезуитовъ, то всякій разъ, когда нунцій будетъ говорить вамъ о желаніи папы обнародовать у меня буллу, которую вынулъ у него испанскій король *), вы объявите ему отъ моего имени, что мое искреннее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ мои бѣлорусскія школы. То, что по требованію самого короля полезно въ Испаніи, не годится у меня, потому что на то нѣтъ моего согласія. Примѣръ короля прусскаго для меня не законъ **). Если

*) Извѣстная булла папы Климента XIV: «Dominus et redemptor noster», изданная имъ 13 іюля 1773 года по настоянію короля испанскаго Карла III и уничтожившая орденъ іезуитовъ во всѣхъ христіанскихъ государствахъ. Ред.

**) Король Фридрихъ Вильгельмъ II приказалъ закрыть въ Пруссіи школы, устроенныя іезуитами при предшественникѣ его, Фридрихѣ Великомъ.

Quant aux jesuites, chaque fois que Monsieur le Nonce vous insinuera le desir du Pape que je fasse publier la Bulle extorquée par le Roy d'Espagne vous lui insinuerez de ma part que mon desir sincere est que le Pape laisse dans un profond repos mes ecoles de la Russie Blanche. Ce qui fait loix utile pour l'Espagne le Roy d'Espagne ayant lui même exigé, n'en peut faire pour moi parceque mon consentement y manque. L'exemple du Roy de Prusse n'en est pas un pour moi. S'il a detruit Ses ecoles; telle a été Sa volonté: la mienne est que les ecoles existent. Si le Nonce vous parlera d'excommunication, vous lui rappellerez les Schismes et les Heresies auxquelles de telles demarches ont donné lieu des les tems les moins éclairés: D'ailleurs ils feront comme il leur plaira. Personne à ma place ne poussa la tolerance plus loin que moi. Cette tolerance a ramenée dans le giron de l'église Grecque plus d'une Peuple Heretique et bien des Schismatiques qui ci-devant se brûlaient eux-memes ne se brûlent plus, mais vont à notre eglise. En un mot jamais tolerance ne Servit mieux l'église des Apotres. Il est etonnant qu'on s'accroche tant à un institut utile tant qu'on le laissera occupé des ecoles, tandisque tant de faîneants, mendians etc., et par la meme dignes d'être extirpés, commenusibles

онъ уничтожилъ свои школы, то на это была его воля; я желаю, чтобы онѣ существовали. Если нунцій будетъ говорить вамъ объ отлученіи отъ церкви, то вы ему напомните, что такіа дѣйствія съ самихъ непросвѣщенныхъ временъ порождали расколъ и ересь; впрочемъ они могутъ дѣлать, что хотятъ. Никто на моемъ мѣстѣ не простиралъ такъ далеко своей вѣротерпимости; она возвратила въ лоно православной церкви болѣе чѣмъ одно поселеніе еретиковъ и множество раскольниковъ, которые передъ тѣмъ сами себя сожигали, теперь этого больше не дѣлаютъ, а ходятъ въ нашу церковь; словомъ, никогда вѣротерпимость не оказывала такихъ услугъ апостольской церкви. Страшно, такъ придираются къ полезному уставу тамъ, гдѣ онъ касается школъ, и въ то же время столько лѣнтяевъ, нищихъ и т. д., достойныхъ преслѣдованія, какъ существенно вредные, терпимы и имъ даже покровительствуютъ. Вы воспользуетесь передъ нунціемъ этими моими соображеніями, съ которыми я считала нужнымъ васъ познакомить, такъ какъ они достойны быть приняты къ свѣдѣнію. Впрочемъ, этой весной я предприиму путешествіе въ Бѣлоруссію и ближе познакомлюсь со школами, которымъ покровительствую. Затѣмъ прошу Бога, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Екатерина.

Петербургъ, $\frac{1}{18}$ мая (?) 1780.

XIII.

(Переводъ). Господинъ графъ Стакельбергъ. Повелѣваю вамъ разузнать со всевозможной точностью, какимъ образомъ и кто побудилъ короля польскаго послать орденъ Бѣлаго Орла каммергеру

à la bonne police sont soufferts et protégés. Vous ferez usage vis-à-vis du Nonce de ces miennes reflexions que je n'ai pas voulu vous laisser ignorer, parcequ'elles meritent d'etre prises ad notam. Au reste je vais faire en Russie Blanche un voyage ce printems et je verrai de plus pres les ecoles que je protege. Sur cela je prie le bon Dieu, Monsieur l'Ambassadeur, qu'il vous aye dans Sa Sainte et digne garde. Catherine.

Petersbourg ce $\frac{1}{18}$ Mais 1780.

XIII. (Подлинникъ). Monsieur Le Comte de Stakelberg. Je Vous ordonne de Vous informer avec toute l'exacitude possible par quel canal et par qui le Roy de Pologne a été porté a envoyer l'Ordre de l'aigle blanc au Cham: Landskoy, et je ne puis donner a cellui çì la permission de recevoir cet Ordre sans etre éclairci au vrai sur ce point; et je ne manquerai pas de renvoyer l'ordre tel qu'il a été aporté Si Votre reponse ne remplira point cette prescription Strikte que je Vous fait par Ses lignes. Catherine.

a Petersb: ce 26. Juin 1780.

Je Vous renvoye l'ordre parceque je hait l'intrigue. Repondé moi avec ce Courier.

Ланскому *); я не могу позволить ему принять орденъ до тѣхъ поръ, пока моя сомнѣнія не разрѣшатся; я не подумаю ни минуты отослать этотъ орденъ, такъ какъ онъ есть, если въ вашемъ отвѣтѣ не исполните того точнаго предписанія, которое дѣлаю вамъ въ этихъ строкахъ.
Екатерина.

Петербургъ, 26-го іюня, 1780.

Отсылаю вамъ орденъ, потому что терпѣть не могу интригъ. Отвѣчайте съ этимъ же курьеромъ.

XIV **).

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Вамъ извѣстно, безъ сомнѣнія, дѣло нашего генераль-маіора Ивана Чернышева ***), съ хорунжимъ короннымъ, графомъ Потоцкимъ, и что онъ по сіе время не могъ одержать окончанія онаго. Мы препоручаемъ вашему попеченію и прилежному настоянію, чтобъ онъ въ просьбѣ своей скорѣйшее получилъ рѣшеніе по самой справедливости, уполномочивая васъ сказать отъ имени нашего его величеству королю польскому, что мы подтвержденіе его о доставленіи правосудія помянутому Чернышеву примемъ знакомъ искренней его къ намъ дружбы, такъ какъ можете вы внушить этимъ особамъ, до конхъ сіе дѣло касается, что мы, не требуя въ пользу нашего подданнаго ничего иного, кромѣ правосудія и непродолжительнаго конца, примемъ ихъ подвигъ въ томъ съ особливимъ благоволеніемъ. Равнымъ образомъ не оставьте вы его и въ другихъ надобностяхъ, гдѣ онъ къ заступленію вашему прибѣгнуть можетъ. Пребываемъ навсегда къ вамъ благосклонны.
Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 26, 1780 г.

XV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По повелѣнію нашему вы получите отъ вице-канцлера, графа Остермана, полныя наставленія для совершеннаго окончанія извѣстнаго Юліусова дѣла ****), конхъ точное исполненіе мы вамъ наисильнѣйшее подтверждаемъ, не

*) Ланской? Александръ Дмитріевичъ Ланской родился 8 марта 1758 г. Въ флигель-адъютанты пожалованъ въ 1780 году, потомъ былъ генераль-адъютантомъ и генераль-поручикомъ. Находился въ случаѣ съ 1780 года по самую смерть — 26 іюня 1784 г. Ред.

**) Подлинники ММ 14 по 20 не собственной руки Екатерины II, почему здѣсь и опущены.

***) Иванъ Львовичъ Чернышевъ р. 1736—1793 г., отецъ бывшаго военнаго министра, князя Александра Ивановича Чернышева. Ред.

****) Въ чемъ заключалось это дѣло, мы доискаться не могли. Ред.

скрывая отъ васъ, что какъ рѣшеніе того дѣла стараніями вашими будетъ намъ весьма угодно; такъ напротивъ того продолженіе и новыя въ немъ затрудненія не могутъ намъ быть пріятны. Достиженію въ семь успѣхѣ наибольше пособствовать можетъ, когда вы съ барономъ Тугутомъ, какъ въ семь случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, будете поступать, какъ съ министромъ дружественной намъ державы, отвращая все то, что можетъ производить взаимную остуду и недовѣренность. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, января 25, 1781 г.

XVI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Я предъ симъ писала къ вамъ объ употребленіи стараній вашихъ въ пользу генерала-маіора Чернышева, который имѣетъ въ Польшѣ дѣло о недвижимомъ имѣніи. Увѣдомившись, что оное вскорѣ рѣшено быть должно, вновь препоручаю вамъ способствовать со стороны вашей всевозможнымъ образомъ, чтобъ упомянутому генералу-маіору доставлено было скорое и справедливое удовлетвореніе. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 3 дня, 1781 года.

XVII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Вслѣдствіе полученныхъ отъ васъ писемъ, генераль-маіоръ Чернышевъ посылаетъ всѣ крѣпости свои и другія доказательства, потребныя по его дѣлу, съ секундъ-маіоромъ Михалевымъ, который снабденъ отъ него повѣреннымъ письмомъ. Я и при семъ случаѣ подтверждаю вамъ о показаніи со стороны вашей всякаго благопрістойнаго пособія къ скорѣйшему доставленію правосудія въ дѣлѣ его, Чернышева; а между тѣмъ, дабы крѣпости его въ цѣлости сохранены быть могли, не оставьте приложить старанія, чтобы изъ оныхъ сдѣланы были засвидѣтельствованныя копии и обыкновенныя, тамъ отъ судовъ получаема, выпиши, дабы не было нужды употреблять оригиналовъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 31 дня, 1781 года.

XVIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Имѣя извѣстія, что великій князь и великая княгиня будутъ въ Прагу къ первымъ

числамъ сентября, и зная желаніе ихъ послѣднить своимъ сюда возвращеніемъ, я нахожу, что для нихъ самая ближайшая и удобнѣйшая дорога есть отъ Кракова прямо на Полоцкъ, оставляя Варшаву въ лѣвой сторонѣ. Но какъ для проѣзда ихъ потребно будетъ не малое число лошадей; то я поручаю вамъ приложить о томъ стараніе у тамошняго правительства, дабы къ проѣзду ихъ высочеству по той дорогѣ сдѣланы были нужныя распоряженія *). О числѣ лошадей и о времени ихъ проѣзда свеситесь съ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ **). Пребиваю впрочемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 19, 1782 г.

XIX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Когда уже по осмотрѣ генерала Комаржевскаго назначенная прежде дорога для возвращенія великаго князя и великой княгини изъ Кракова прямо на Полоцкъ оказалась вовсе непроѣздиною, то и предполагаю перемѣнить оную отъ Гродны на Ригу, о чемъ вы не оставьте донести его величеству королю польскому, и взять надлежащія мѣры къ проѣзду ихъ высочеству сею дорогою. Пребиваю впрочемъ съ непремѣннымъ благоволеніемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, сентября 19, 1782 г.

XX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Тому уже близко года, что со стороны родственниковъ принца Людвигъ Виртембергъ-Штутгартскаго я увѣдомлена была о желаніи его сочетаться бракомъ съ дочерью князя Адама Черторижскаго ***). Находя многія въ томъ неудобности, я сказала имъ откровенно мои мысли о семъ союзѣ и потому не могла ожидать, чтобъ помянутый бракъ имѣлъ мѣсто. Не могу не примѣтить вамъ, что вы не прежде къ министерству моему написали о сей матеріи, какъ когда уже означенный принцъ, приѣ-

*) Дѣло идетъ о путешествіи, предпринятомъ в. к. Павломъ Петровичемъ со второю супругою своею въ государства Европы. Осенью 1781 г. в. к. выѣхалъ изъ Спб. и возвратился въ него 20 ноября 1782 г. См. «Русскую Старину», т. I, изд. перв. стр. 297—299; изд. второе, стр. 128—130.

**) Николай Ивановичъ Салтыковъ, впоследствии князь и генералъ-фельд-маршалъ, р. 1736 † 1816 году.

***) Князь Адамъ-Казиміръ, бывший польскимъ посломъ въ Петербургѣ (р. 1733 † 1823), отецъ извѣстнаго князя Адама, приближеннаго императора Александра I. Дочь его княжна Марія (р. 1765 † 1854) вышла замужъ, несмотря на противодѣйствіе Екатерины II, за принца Людвигъ Виртембергскаго. Ред.

хавъ въ Варшаву для исполненія своего намѣренія, хотя, конечно, его намѣреніе должноствовало вамъ быть извѣстнымъ, и хотя вы обя-заны были завременно о томъ отозваться и, соображая разныя тутъ невѣстныя обстоятельства, требовать и ожидать отсюда отвѣта. Не принявъ съ моей стороны никакихъ о семъ бракосочетаніи увѣдомленій, я нахожу нужнымъ предписать вамъ, чтобъ вы, наблюдая за всѣми поступками князя Черторижскаго и его родственниковъ, или согласниковъ, старались отвращать всякое дѣйствіе, которое бы могло только вклониться къ проложенію дороги ему, или новобрачному къ выбору на престолъ польскій, въ случаѣ ваканціи онаго, ибо то отнюдь не согласуетъ съ видами моими. Впрочемъ, дабы они не ласкали себя надеждою на пособіе вѣнскаго двора, не премину я изъясниться съ тѣмъ дворомъ о сущей въ томъ невозможности. Между тѣмъ ожидаю, что вы впредь подобныя событія заранѣе предусматривать, меня объ оныхъ тотчасъ извѣщать и, по долгу званія вашего, всякія изъ оныхъ невыгоды для интересовъ російскихъ отвращать не оставите. Пребываю вамъ благосклонна. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 3, 1784 г.

Сообщ. гр. О. О. Ставельбергъ и гр. Ф. К. Чапский.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

род. 1773 † 1842 г.

Помѣщая на страницахъ „Русской Старины“ изъ общаго семейнаго архива Филадельфа Васильевича Каразина, еще нѣсколько документовъ, знакомящихъ съ дѣятельностью его достойнаго родителя, Василя Назаровича, считаемъ не лишнимъ напомнить нашимъ читателямъ главнѣйшіе факты изъ біографіи этого замѣчательнаго человека.

В. Н. Каразинъ, виновникъ существованія въ Россіи министерства народнаго просвѣщенія и харьковскаго университета, родился 30 января 1773 г. въ Харьковской губерніи, въ Богодуховскомъ уѣздѣ, въ селѣ Кручикѣ, которое дано было его отцу, полковнику Назару Александровичу Каразину, Екатериною II, въ награду за военные подвиги во время турецкой войны, окончившейся славнымъ Жучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ. На 10-мъ году возраста лишился своего отца. Находился тогда въ частномъ пансіонѣ, въ Харьковѣ. По собственному побужденію подалъ фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, — который проѣзжалъ въ то время чрезъ Харьковъ и зналъ его покойнаго отца, — просьбу о принятіи его въ военную службу. Былъ записанъ въ орденскій кирасирскій полкъ, шефомъ котораго былъ графъ. Продолжалъ учиться въ пансіонахъ въ Харьковѣ и въ Бременбургѣ. На 18-мъ году поступилъ на дѣйствительную службу лейбгвардіи въ семеновскій полкъ, сержантомъ. Закончилъ образованіе

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II стр. 532 и 1871 г. т. III стр. 16 «Письмо В. Н. Каразина къ имп. Николаю Павловичу, отъ 18-го октября 1828 г. съ приложеніемъ писемъ его же къ имп. Александру I-му и къ гр. В. П. Кочубею 1820 г.»; — см. также въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, стр. 307: «Польскій вопросъ въ 1839 г.», статья В. Н. Каразина. Ред.

слушая лекціи въ горномъ корпусѣ. Зналъ основательно языки латинскій, французскій и нѣмецкій; на родномъ—писалъ въ 90-хъ годахъ какъ пишутъ теперь. Любилъ особенно естественныя и политическія науки. При Павлѣ хотѣлъ оставить Россію, но былъ задержанъ на границѣ. Получилъ всемилостивѣйшее прощеніе за откровенность привнанія, что бѣжалъ отъ строгости правленія. Определенъ къ статскимъ дѣламъ по государственному казначейству. По собственному желанію, высочайше одобренному, занимался разборомъ архивовъ: иностранныхъ дѣлъ и разряднаго въ Петербургѣ и въ Москвѣ для собранія матеріаловъ къ исторіи Россіи вообще и въ особенности исторіи финансовъ и медицины. Матеріалы эти передалъ государственному казначею, за что и былъ награжденъ производствомъ черезъ чинъ.

При вступленіи на престолъ Александра I, Каразинъ подалъ записку о необходимыхъ въ Россіи преобразованіяхъ. Былъ приближенъ къ особѣ государя императора. Пользовался особою монаршею милостію три съ половиною года. Въ это время учреждено, по проектамъ Каразина, министерство народнаго просвѣщенія, пересмотрѣны уставы всѣхъ академій и университетовъ, основанъ новый университетъ въ Харьковѣ на суммы пожертвованныя, по его убѣжденіямъ, мѣстнымъ дворянствомъ и купечествомъ, и предположено еще два: въ Новгородѣ и въ Казани. Въ 1804 году вышелъ въ отставку, замѣтивъ охлажденіе къ нему государя *). Предлагалъ свои услуги на пользу Сербовъ, которые искали тогда покровительства Россіи. Получивъ отказъ, удалился на свою родину и предался любимымъ своимъ за-

*) Къ охлажденію этому не мало содѣйствовали такія, наприимѣръ, вещи: гтается на одномъ изъ эрмитажныхъ литературныхъ вечеровъ трагедія Шиллера «Донъ-Карлосъ»—съ боку раздается въ полголоса, но такъ, чтобы государь слышалъ: «и у насъ уже являются маркизы де-Поза» (намекая этимъ на податливость государя къ мнѣніямъ Каразина, подобно какъ Донъ-Карлосъ былъ податливъ къ мнѣніямъ маркиза де-Поза). Или: посылается Каразинъ по секретному порученію въ Калугу, государь ему туда пишетъ; по возвращеніи встрѣчаютъ его словами: «а, ты уже хвастаешься всѣмъ моею съ тобою переспаской!»—а Каразинъ и не думалъ ею хвастаться, ни съ кѣмъ даже не говорилъ о ней и самъ удивленъ былъ въ Калугѣ тѣмъ, что письмо привезено ему было на квартиру самимъ почтмейстеромъ, явившемся въ полной формѣ, между тѣмъ какъ ни почему, кромѣ развѣ печати, нельзя было догадаться отъ кого письмо было. Или: «по моему, ваше величество, это есть вѣрнѣйшее средство важить 5 милліоновъ враговъ и возбудить противъ себя мнѣніе всей цивилизованной Европы»,—замѣчаетъ совоспитанникъ царскій, по поводу поданной Каразиннымъ записки о присоединеніи униатовъ къ прежней ихъ церкви;—и записка оставляется безъ послѣдствій, а Каразинъ терпѣя довѣріе, и много подобныхъ случаевъ было.

Ред.

нятіямъ: домоводству и естественнымъ наукамъ, въ особенности химіи. Далъ своимъ крестьянамъ неотъемлемую собственность и обезпечилъ ихъ личность отъ помѣщичьяго произвола. Устроилъ въ селѣ кожевенный и селитроваренный заводы на новыхъ началахъ, открытыхъ ему наукою. Учредилъ въ Харьковѣ филотехническое общество, высочайше одобренное въ 1811-мъ году, имѣвшее цѣлію развитіе въ полуденномъ краѣ Россіи земледѣлія и промышленности. Хлопоталъ объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ европейской и азіатской Россіи метеорологическихъ обсерваторій для приведенія метеорологіи въ науку точную, полезную въ общезжитіи; предлагалъ приспособленіе паровъ къ движенію судовъ на простѣйшихъ началахъ, а также къ отопленію домовъ. Заботился и словомъ и дѣломъ: о сбереженіи лѣсовъ; о дешевѣйшемъ храненіи зернового хлѣба; о продовольствіи армій и флотовъ, во время походовъ, концентратами съѣстныхъ припасовъ, не подвергающимися порчѣ и требующими весьма мало мѣста; о тушеніи пожаровъ примѣсю въ воду химическаго состава, очень недорого стоящаго; объ очищеніи рѣкъ въ городахъ самымъ простымъ способомъ; объ улучшеніи винодѣлія, и проч. — Скончался въ Николаевѣ, возвращаясь изъ Крыма (гдѣ дѣлалъ опыты новаго способа винодѣлія) въ Харьковъ, 4 ноября 1842 года. Былъ женатъ на внукѣ писателя дѣяній Петра Великаго, Ив. Ив. Голикова, надчерницѣ перваго свекло-сахарнаго заводчика въ Россіи инженеръ-генераль-маіора Бланкеннагеля, Александръ Васильевичъ; имѣлъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ нынѣ находятся въ живыхъ только трое: дочь, живущая въ Харьковской губерніи, Пелагея Васильевна и два сына, Филадельфъ Васильевичъ, живущій въ Петербургѣ и Николай Васильевичъ, живущій въ Москвѣ.

Вслѣдъ за нашей замѣткой о жизни В. Н. Каразина — считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько строкъ, сообщенныхъ намъ Ф. В. Карзинимъ. Строки эти, вызванныя нѣкоторыми критическими отзывами, помѣщенными въ газетахъ по поводу письма В. Каразина 1826 г. („Русск. Стар.“ 1870 г., т. II, стр. 532 и 1871 г., т. III, стр. 16). объясняютъ сущность взгляда В. Н. на проектированное имъ государственное устройство Россіи. Вотъ замѣтка Ф. В. Каразина:

„Въ природѣ проявляются, вездѣ и во всемъ, двѣ силы, одна другой противоположныя: одна притягиваетъ къ себѣ все, другая отталкиваетъ; одна положительная, другая отрицательная; плюсъ и минусъ; кислородъ и азотъ; жаръ и холодъ; свѣтъ и тьма.

„Серѣдка между этими двумя силами, между этими двумя крайностями, точка ихъ уравновѣшенія, производитъ правильное

движеніе. Уклоненіе въ ту или другую сторону гибельно: тѣло летитъ или въ бездонную пропасть, или въ недосыгаемую высь. И замѣчательно что дѣйствіе, производимое обѣими крайностями, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ мѣрѣ, одинаково: металлъ, снятый съ огня и съ трескучаго мороза — одинаково жжетъ бездѣліе и суевѣріе — одинаково вредны для обществъ.

„Въ политическомъ отношеніи крайности суть: деспотизмъ и анархія; безграничность единовластиа и необузданность воли каждаго гражданина; Іоаннъ Грозный и Робеспьеры съ компаніей. Серѣдка, политическая истина: монархія, опирающаяся на общественное мнѣніе.

„Этой серѣдки придерживался В. Н. Каразинъ отъ начала своего политическаго поприща и до конца жизни. И за это его называли, и до сихъ поръ, — уви! — называютъ въ нѣкоторыхъ критическихъ статьяхъ двойственнымъ и даже забавнымъ....

„Онъ былъ убѣжденъ, что соединеніе самостоятельности власти съ свободою каждаго выразить свое мнѣніе — возможно; что это есть единственная форма правленія, обеспечивающая благоденствіе страны*). А при такомъ убѣжденіи нельзя было не считать гибельнымъ для страны всякое сопротивленіе установкѣ такого правленія. Вотъ почему онъ одинаково возставалъ и противъ произвола власти и противъ ея раздробленія. Къ послѣднему стремились тайныя общества, которыя онъ и называлъ злокозненнымъ духомъ, парившемъ надъ Россіей, и считалъ святою обязанностію каждаго добраго гражданина противудѣйствовать ему.

„Гдѣ-же тутъ двойственность?!!

„Въ чемъ же тутъ забавность?!!

Ф. Каразинъ.

*) Нѣтъ сомнѣнія, что идеаль правленій есть республика, но только (бездѣлица!) — тамъ, гдѣ послѣдній земледѣлецъ можетъ, по образованію, быть самъ президентомъ.
Ф. Каразинъ.

Поправки. Считаемо не лишнимъ оговорить слѣдующія маленькія погрѣшности, нами замѣченныя въ статьѣ В. Н. Каразина: «Рус. Стар.» 1871 г. т. III стр. 16 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «не считать справедливымъ» должно быть: «не отдать справедливости». Стр. 17, на предпоследней строекѣ, вмѣсто «раздается», д. б. — «раздастся». Стр. 31 (въ примѣчаніи) вмѣсто: «абата Николая» д. б. — «абата Николая». Стр. 33, отъ верху 14 строка, вмѣсто: «сдѣлаются» д. б. — «дѣлаются». Стр. 34, отъ верху 11 строка, вмѣсто: «Совѣтъ», д. б. — «совѣтъ» Стр. 35, пятую строку соединить съ шестюю.

I.

Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи.

Разсужденіе, читанное В. Н. Каразинымъ въ собраніи С.-Петербургскаго общества любителей словесности.

1-го марта 1820 года *).

Россія, отечество наше, отечество двадцати различныхъ племенъ, слившихся кровъ свою въ единый народъ, счастливо соединенныхъ подъ одною державою, идетъ быстрыми шагами къ просвѣщенію: общей цѣли человѣческаго рода. Конечно, ея правительство есть то орудіе Провидѣнія, которому мы должны предоставить наибольшее, наиважнѣйшее въ семъ участіе. Но не обязаны ли и мы ему вспомоществовать?... Кто станетъ утверждать противное, тотъ въ душѣ своей рѣшительно отрицаетъ у насъ сладкія обязанности гражданина и сына отечества.

Два главнѣйшія средства есть для распространенія и утверженія началъ, соотвѣтствующихъ просвѣщенію. Первое: воспитательныя и учебныя заведенія; второе: общественное, т.-е., публичное наставленіе. Сіе послѣднее лишь совмѣстно съ возможностью частныхъ людей; ибо вліяніе ихъ на упомянутыя заведенія, при мощномъ и непрерывномъ вліяніи правительства, едва ли что можетъ значить. Но публичное наставленіе совершается съ большимъ уже приличіемъ слушателями вѣры въ храмахъ ея, учеными въ издаваемыхъ ими книгахъ. Выраженію ученыхъ, я даю здѣсь все пространство французскаго слова: *honneur de lettres*. Ученые, для совокупнаго дѣйствія, составляютъ изъ себя сословія, повсюду просвѣщенными правительствами допускаемыя.

Мысль, что мы должны имѣть ученые общества и ученые повременныя изданія, какъ другіе образованные народы ихъ имѣютъ, слишкомъ неопредѣленна! Я желалъ бы знать, каковымъ, въ настоящемъ положеніи нашемъ, должно быть этимъ обществамъ, этимъ изданіямъ, для достиженія цѣли?... Всякій видитъ, что онѣ, т.-е. первыя, чрезъ послѣднихъ должны дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Къ величайшему нашему счастью у насъ, россиянь, мнѣніе это об-

*) Въ письмѣ В. Н. Каразина къ императору Николаю I, помѣщенному во II-мъ томѣ «Русской Старины», упоминается объ этомъ разсужденіи (см. стр. 535); почему и считаемъ нужнымъ представить его нашимъ читателямъ, какъ необходимое къ тому письму приложение. Настоящій документъ, какъ и всѣ находящіяся въ распоряженіи «Русской Старины» бумаги Каразина — сообщены намъ почтеннымъ его сыномъ, Ф. В. Каразинымъ. Ред.

разуется въ такомъ вѣкѣ, который ясно открываетъ послѣдствія различныхъ системъ вѣковъ прошедшихъ. И сіе общественное мнѣніе, если оно составится вполнѣ, тѣмъ будетъ чище, тѣмъ спасительнѣе, что оно начало образоваться въ высшихъ классахъ народа. Достойнѣйшее духовенство, военные и гражданскіе чиновники, служащіе правительству, помѣщики, лучшее вусечество, благовоспитанные художники: не чернь, собирающаяся изъ питейныхъ домовъ на площади, какъ въ Англіи и Франціи, будутъ у насъ имѣть голосъ. Посему, любимыми основаніями нашихъ писателей (независимо даже отъ личныхъ началъ ихъ) не могутъ быть ни мнимыя права человѣчества, ни свобода совѣстей, столько препрославленные и столько во зло употребленные въ XVIII вѣкѣ. Порядокъ, естественная зависимость одного состоянія отъ другого, взаимныя ихъ должности и услуги, добрыя нравы для всѣхъ, постепенное просвѣщеніе по приличію каждаго состоянія: просвѣщеніе, непосредственно дѣйствующее на пользу каждаго, а не устремляющее духъ въ гаданія—таковы будутъ политическіе предметы наши! Бъ счастью, иные и по всѣмъ прочимъ обстоятельствамъ не возможны. Если бы легкомысліе усиливалось производить, а учрежденный за нимъ надзоръ могъ допускать сочиненія въ другомъ духѣ; то кто станетъ имъ рукоплескать?.. *). Съ другой стороны, святая привычка, наслѣдованная нами отъ нашихъ предковъ, привычка уважать старѣйшихъ, не совсѣмъ еще изглажена чужеземнымъ воспитаніемъ и чужеземными обычаями. Супружескія и родственныя связи составляютъ еще предметъ общаго почтенія. Религія никогда еще не была у насъ публично оскорблена. По каковымъ причинамъ, необузданность юношеская, сколь великою ея ни предполагать при нерадивомъ иногда, или при лицемерномъ воспитаніи (ибо и то, и другое одинакія слѣдствія производить!) не можетъ имѣть у насъ никакого вліянія на общественное мнѣніе.

Изъ сего слѣдуетъ, что вольныя наши общества, если только онѣ хотятъ значить нѣчто и дѣйствовать, по необходимости должны быть составлены изъ людей ума зрѣлаго, или, по крайней мѣрѣ, неспорченнаго, допускающаго благонамѣренное вліяніе на себя просвѣщенной опытности. Другое условіе, которое также истекаетъ изъ

*) *Ergunt verba et voces, praeterelaeque nihil.* Я иногда дивлюсь статьямъ иныхъ нашихъ журналовъ. Готовъ побожиться хотя, что это дѣлается безъ всякаго намѣренія: а такъ! просто по нашей (русской привычкѣ) копировать иностранныхъ. Сюда принадлежатъ прославленіе разныхъ американскихъ областей, ихъ конституцій, и т. д. Подумали бы хоть разъ эти господа, кому у насъ адресуютъ свои они восклицанія?... Наши Санкюлоты читать не умѣютъ.

обстоятельствъ: нужно, чтобъ люди сіи имѣли познанія. И Ломоносовъ имѣлъ ихъ, уже въ первой юности нашей литературы! Но теперь, когда публика требуетъ занятій, болѣе мужественныхъ, нежели мадригалы и вздохи сказочныхъ любовниковъ, какое впечатлѣніе произведемъ мы на нее поэзію, которая только что поэзія; прозою, которая не представляетъ уму никакихъ новыхъ полезныхъ истинъ? Подобно, какъ соглашаюсь, чтобы такъ-называемыя легкія стихотворенія и переводы невинныхъ романовъ были забавою домашнихъ бесѣдъ, игрою изощрающею умъ для произведеній болѣе важныхъ; подобно, я охотно допускаю дружескія собранія молодыхъ людей, провождающихъ вечера во взаимномъ себѣ упражненіи, въ правилахъ и тонкостяхъ словесности. Но . . . выносить въ публику, какъ бы въ наставленіе ея, переводъ пустой повѣсти, или нѣскольکو строкъ заостренныхъ рижкою *), верхъ достоинства конкъ то, что онѣ писаны не противъ грамматики, вѣжется мнѣ столь же непростительнымъ, какъ и сословія публичныя, утвержденныя правительствомъ, употреблять на распространеніе такового дѣтства. — Нѣтъ, мм. гг., сіи почтенныя сословія должны имѣть возвышеннѣйшую цѣль. Онѣ должны дѣйствовать на сердца, на умы согражданъ своихъ. Онѣ должны вспомоществовать, соревновать заведеніямъ, на сіе отъ державной власти устроеннымъ; скажу болѣе: онѣ должны стараться превзойти ихъ въ дѣятельности буде возможно, стараться вознаграждать, если что ими упускается. Отважившись на себя обратить вниманіе цѣлаго отечества, 50-ти губерній, 50-ти ц а р с т в ъ можно сказать: ибо есть царства Европы, уступающія и пространствомъ и числомъ народа одной изъ губерній російскихъ; особливо, дѣйствуя изъ столицъ, каковы: Москва и С.-Петербургъ, изъ средоточія нашего правительства, законовъ, людности, просвѣщенія,—общества сіи могутъ ли посрамить себя. Не обязаны-ль онѣ разливать полезныя знанія, образовать вкусъ, дѣйствовать на нравы? Сколько вызововъ представляется къ сношеніямъ между собою отдаленнѣйшихъ, другъ другу неизвѣстныхъ краевъ обширной имперіи! Сколько въ ней любопытнаго, заслуживающаго быть извѣстнымъ, е намъ только однимъ, но и чужестранцамъ, готовымъ немедленно воспользоваться нашими новостями, еслибъ онѣ явились! Сколько побудительныхъ причинъ!.. Какъ, мм. гг., науки естественныя, домоводство, искусства, издѣлія всѣхъ родовъ у насъ младенчаютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что мы видимъ у прочихъ народовъ, у сѣвероамериканцевъ даже, которые не составляли еще и народа тогда, какъ мы имѣли уже Екатерину!— А у насъ, въ цѣлой Россіи, нѣтъ ни од-

*) Выраженіе А. С. Хвостова.

ного періодическаго сочиненія для всѣхъ оныхъ предметовъ, столько необходимыхъ, сколько занимательныхъ! Дворянство, живущее въ деревняхъ, тщетно обращаетъ взоры свои на объ столицы; добрые горожане отдаленныхъ уѣздовъ, не имѣя библиотекъ, ждутъ почты съ журналами нашими, какъ путникъ въ томѣннѣйшій зачерпнутой изъ ключа воды.—А мы будемъ преподавать всѣмъ имъ шарады на гор—охъ *), соблазнительныя элегіи и стихи въ альбомы!... преподавать не стыдѣсь; и называться соревнователями просвѣщенія!.. Позвольте мнѣ думать лучше о сословіи, которому мы дали такое имя, такія правила, которое поручили такому у покровительству; въ которое мы пригласили членовъ, каковъ знаменитый нашъ историографъ, въ которое готовы вступить люди, извѣстныя по своимъ знаниямъ, которое, на послѣдокъ, существуетъ въ столицѣ, обращающей на себя взоры исполнинской нашей Россіи и другихъ земель **).

Весьма справедливо, мм. гг., сравниваютъ жизнь царствъ, жизнь человѣчества вообще, съ жизнью человѣка въ отдѣльности. Младенецъ требуетъ игръ, юноша забавъ, а мужъ радостей другого рода. Въ XV и XVI вѣкахъ предѣлы словесности, въ собственномъ смыслѣ, весьма рѣзко отдѣлялись отъ учености. За то, ученость эта отзывалась съ каедръ и въ книгахъ самымъ суровымъ образомъ. Надменная ея, нахмуренная физиогномія ужасала, между тѣмъ какъ смѣющіяся музы бесѣдовали приторнымъ языкомъ о бездѣлицахъ. Здѣсь должно было встрѣчать одни цвѣты, тамъ одни тернія. Но съ тѣхъ поръ, какъ научились о самыхъ важныхъ, отвлеченнѣйшихъ вещахъ, говорить пріятно, когда блескъ краснорѣчія и безцѣнные перлы поэзіи начали одѣвать философію, собственно такъ-называемая словесность, словесность безъ цѣли, мало привлекаетъ. Это орудіе, а не предметъ искусства: краски, не картина! Такъ и быть должно въ настоящее время, въ вѣкъ возмужалости.

Вмѣсто того, чтобы описывать въ десяти тысячный разъ восходъ солнца, пѣніе птичекъ, журчаніе ручейковъ, употребимъ тѣже дарованія, тоже счастливое воображеніе на предметы болѣе дѣльные. Взявъ за образецъ Бюффона, вмѣсто путешествій небывалыхъ, опишемъ лучше путешествія, дѣйствительно совершенныя въ вѣдрахъ отечества нашего. Исчислимъ естественныя произведенія Россіи, опишемъ

*) Т.-е. горохъ. См. Соревнователь 1819 г., кн. XI, стр. 103. В. Каразинъ,

***) Одинъ изъ почтеннѣйшихъ мужей въ государствѣ, попечитель нашъ графъ В. П. Кочубей, сказалъ при поднесеніи ему нами адреса: «Отъ васъ, милостивые государи, совершенно отъ васъ зависитъ быть полезными и общество ваше сдѣлать значительнымъ въ самой большой мѣрѣ!... И я готовъ буду вамъ помогать!» Какой совѣтъ въ короткихъ, скромныхъ словахъ! В. Каразинъ.

правы ея разнovidныхъ обитателей, отъ кочующаго на льдахъ полярныхъ чучки, до индѣйца, благоговѣнно поклоняющагося бакинскому огню. Или съ Тацитомъ и Карамзинимъ испытаемъ углубиться въ исторію народовъ. И такъ далѣе... Прекрасныя начала къ сему у насъ сдѣланы въ нѣсколькихъ книжкахъ „Соревнователя“ 1818 и 1819 годовъ. Немногіе еще въ Россіи бесѣдовали о наукахъ языкомъ, имъ соотвѣтствующимъ, и притомъ привлекательно: другое, особливо для насъ, россіянъ, необходимое условіе! Помѣщая же иногда, разнообразія ради, другіе отрывки, или и повѣсти, сочиненныя или переведенныя (хотя бы то было изъ первѣйшихъ авторов!), прежде всего рассмотримъ, точно ли они ведутъ къ вышензъясненной цѣли? Да и переводы могутъ ли служить образцами въ своемъ родѣ? Ибо мы должны дѣйствовать и на языкъ.

Для поэзи же какое поле передъ нами!... Пора перестать быть подражателемъ и только. Ломоносовъ, Державинъ, малое число извѣстныхъ новѣйшихъ драматиковъ и баснописцевъ указали намъ богатство отечественныхъ рудъ, у самаго лишь входа къ нимъ, такъ сказать. Сдѣлаемъ изъ языка боговъ *) достойное употребленіе! вмѣсто того, чтобы нѣжить, баловать воображеніе людей праздныхъ, не лучше-ль испытать рукою грацій разбудить въ сердцахъ любовь къ наукамъ, къ должностямъ, къ изящной простотѣ во вкусѣ и нравахъ, къ жизни въ городахъ и селахъ, свойственной просвѣщенному чело-вѣку, къ истинной благотворительности во всякомъ кругу дѣйствія **)? У самихъ васъ, мм. гг., я видѣлъ уже прелестнѣйшіе образцы въ семь родѣ. Какая-нибудь басня Ѡ. Н. Глинки ***) , кака-я-нибудь иди-лія В. И. Панаева, нѣсколько сценъ изъ трагедіи Б. М. Ѡedorова****), которыя имѣлъ я удовольствіе слышать, въ ожиданіи появленія въ свѣтъ ихъ цѣлаго, бывъ какъ цвѣты разбросаны среди другихъ статей нашего журнала, украсятъ его конечно, и вмѣстѣ будутъ соотвѣтствовать благородной цѣли, которую мы имѣть должны. Не почитайте меня педантомъ, мм. гг., съ сѣдыми моими волосами оуждающимъ то, что меня самого восхищало въ молодости, швольною своею

*) Такъ называли въ древности поэзію.

В. Каразинъ.

***) Рѣдко можно благотворить деньгами; а еще рѣже одними деньгами.

В. Каразинъ.

****) Наприм.: Дитя и птичка. 1819 г. кн. VII, стр. 89. Равно и въ прозѣ неужели, наприм., письмо г. Лажечникова, которое печатается во II книжкѣ 1820 г. или сцены изъ комедіи г. Загоскина: Добрый-малыя, которыя бли читаны въ собраніи, менѣе занимательны для самаго воображенія, нежели иной помѣщенный у насъ романъ?

В. Каразинъ.

*****) Смерть Кесарева. Авторъ въ ней обнаруживаетъ не республиканскія начала, а весьма удачно состязуется съ Вольтеромъ.

В. Каразинъ.

фериею разгоняющимъ Эротовъ, опрокидывающимъ чаши Анакреоновы, смѣшно возстающимъ на новыхъ Овидіевъ и Тибулловъ. Никто имъ не возбраняеть писать элегіи и прельщать ими Кориннъ. Но позвольте усумниться въ томъ, что ежели бы при Августѣ или Траянѣ Римъ имѣлъ періодическія сочиненія, и при томъ издаваемыя обществомъ, удостоеннымъ покровительствомъ государя, элегіи гѣ нашли въ нихъ мѣсто *).

Будемъ все читать здѣсь на вечернихъ нашихъ бесѣдахъ: но печатать станемъ только обдуманное, только прямо полезное! Сдѣлаемъ даже распредѣленіе, чѣмъ кто изъ насъ долженъ заняться на сей конецъ.

Я сокращаю мои разсужденія, мм. гг., сказавъ, что нашъ Соревнователь долженъ быть, кажется, издаваемъ на другихъ правилахъ. Работая два мѣсяца въ комитетѣ, имъ исключительно занимающимся, я нашелъ по собственнымъ опытамъ, что никоимъ образомъ невозможно его улучшить въ нынѣшнемъ порядкѣ вещей. Почему и беру теперь смѣлость предложить о назначеніи нѣсколькихъ (не болѣе трехъ, если можно) избранныхъ особъ, для составленія плана на предбудущее время, который бы больше соотвѣтствовалъ первымъ двумъ статьямъ высочайше утвержденнаго устава нашего.

Василій Карзинъ.

Примѣч. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что В. Н. Карзинъ въ эпоху составленія «разсужденія» былъ помощникомъ предсѣдателя въ томъ самомъ обществѣ любителей «русской словесности», дѣятельность котораго онъ близко принималъ къ сердцу.

Ред.

II.

Письмо В. Н. Карзина къ Слободско-Украинскому губернатору Ивану Ивановичу Бахтину, отъ 30 января 1810 г., изъ Москвы.

Въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашего превосходительства отъ 12-го октября прошедшаго года, вы изволили требовать отъ меня увѣдомленія: „какимъ образомъ повинности съ поселянъ моихъ, мнѣ, какъ помѣщику, слѣдующія, обращены въ денежный счетъ, и какія по сему установлены мною однажды навсегда правила?“

На письмо это я имѣлъ честь отвѣчать немедленно, не удовлетворивъ однакожъ вашему требованію, а покорнѣйше просилъ только

*) Не имѣю кажется нужды оговаривать, что я не всѣ элегіи, даже и не всѣ шарady желаю отклонять отъ помѣщенія въ нашемъ журналѣ. Дѣло только въ томъ, чтобъ онѣ строго соотвѣтствовали цѣли В. Карзинъ.

повременить пока я, какъ человекъ обремененный, по положенію моему, домашними суетами, найду довольно досуга, чтобъ написать сіе увѣдомленіе, которое съ подробностями своими можетъ быть обширно: ибо оно содержитъ въ себѣ весь образъ моихъ мыслей о помѣщикахъ и поселянахъ, на которомъ основаны мои сельскія учрежденія.

По случаю бытности моей теперь въ Москвѣ, имѣя довольно свободнаго времени, я обязанностію поставляю не медлить болѣе исполненіемъ моего долга; но прошу простить меня, м. г., если мое письмо перейдетъ предѣлы письма обыкновеннаго.

Славная задача с.-петербургскаго вольнаго ээкономическаго общества, предложенная въ 1766 году: „что полезнѣе для общества: чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственность землю, или только движимое имѣніе? И какъ далеко его права на то или другое имѣніе простираются должны?“ будетъ моимъ предметомъ, ибо она болѣе или менѣе удовлетворительно разрѣшена на моемъ имѣніи.

Признаюсь вашему превосходительству, что задача эта занимала меня отъ самой моей молодости, когда я, въ 1792 году, вступилъ въ управленіе наслѣдственнаго мнѣ имѣнія, пожалованнаго императрицею Екатериною II моему покойному отцу. Но мысли мои, въ то время, были весьма различны отъ нынѣшнихъ. Я не избѣжалъ тогда соблазна отъ лживыхъ прелестей французскаго переворота, который не только до губерніи нашей, но и до глубины самой Сибири протеръ свое вліяніе на молодые умы. Естественно было поколебаться всѣмъ намъ, воспитаннымъ въ началахъ осьмнадцатаго вѣка. Обманутое воображеніе наше носилось тогда въ мечтательномъ мірѣ, который не былъ, и едва-ли когда можетъ быть дѣйствительнымъ: въ мірѣ, который предполагаетъ людей совершенными, слѣдовательно достойными вольности неограниченной и власть дѣлаеть только выраженіемъ общей воли. Разсѣялась сія мечта для всѣхъ, — и для меня. Власть, въ умахъ самыхъ предубѣжденныхъ противъ нея, стала тѣмъ, чѣмъ была она искони, т.-е. однимъ изъ первѣйшихъ средствъ, Провидѣніемъ употребляемыхъ для всевозможнаго счастья на сей землѣ; — не выраженіемъ общей воли (которая прямо общаю никогда быть не можетъ), но изліяніемъ самого Божества, которое на единоначаліи и нисходящей подчиненности основало всю природу (начиная отъ системъ солнечныхъ и до роевъ пчелиныхъ), подчинивъ въ свою очередь единоначаліе: въ механикѣ небесной законамъ своей верховной мудрости, въ обществахъ человѣческихъ законамъ разума и совѣсти, и въ средѣ животныхъ безсловесныхъ законамъ инстинкта. Но какъ въ человекѣ разумъ и совѣсть могутъ быть затемняемы страстями,

то и надлежитъ законы, диктуемые первыми, облечь въ форму нена-
рушимаго завѣта, подъ сѣнію котораго единоначаліе и становится
идеаломъ общественнаго управленія. Диктаторство, въ критиче-
скихъ обстоятельствахъ республикъ, подтверждаетъ эту истину; да
и самые президенты Американскихъ Штатовъ, напримѣръ, не
суть-ли тѣже монархи? названіе не переимѣняетъ существа вещи; вся
разница только въ большей или меньшей продолжительности одной
и той же верховной власти и въ способѣ ея осуществленія. Но, спра-
шивается: почему практика, продолжающаяся 2—3 года, лучше прак-
тики продолжающейся 20—30 лѣтъ? и почему случайно избранный,
неподготовленный къ своему дѣлу, лучше наследственнаго, сколько
возможно подготовленнаго къ оному? Мы никогда лучше не дѣйствуемъ
къ общему благу, какъ когда оно есть вмѣстѣ и наше собственное;
потому, воля единовластнаго монарха, осѣненнаго скривалею заво-
новъ разума и совѣсти, не можетъ быть иная, какъ токмо клоня-
щаяся къ пользѣ его подданныхъ. Зависть и корысть, эти основы
страстей, не могутъ имѣть мѣста въ лицѣ, поставленномъ выше всѣхъ
и вполне обеспеченномъ въ матеріальной жизни; между тѣмъ какъ
онѣ невольно разгораются въ кругу цѣлаго сонма людей, поставлен-
ныхъ будто бы на стражѣ благосостоянія другихъ и которые, одна-
кожъ, сами безпрерывно стремятся, наперерывъ другъ передъ дру-
гомъ, стать выше всѣхъ и быть наиболѣе обеспеченными въ житей-
скихъ потребностяхъ. Для узнанія же общественныхъ нуждъ, такъ
какъ никакой смертный не можетъ въ одно и тоже время самъ про-
никать всюду, достаточно въ помощь единовластію дать обществен-
ное мнѣніе, т. е. свободу всякому выражать свое воззрѣніе на вещи,—
не въ парламентахъ и на площадяхъ, представляющихъ обширное
поле страстямъ, а въ нѣрноподданническихъ представленіяхъ и въ
скромныхъ бесѣдахъ въ печати. Таково убѣжденіе, укрѣпившееся во
мнѣ особенно послѣ воцаренія нынѣшняго нашего, возлюбленнѣйшаго
монарха; и по всему видимому, это убѣжденіе сдѣлалось теперь, къ
счастью, убѣжденіемъ и большинства моихъ соотечественниковъ.

Но по истинѣ должно удивляться, что нѣкоторые слѣды прошед-
шаго изступленія имѣютъ еще и по нынѣ мѣсто. Люди, впрочемъ
почтенные, признавая необходимость монархіи въ большихъ мас-
сахъ, продолжаютъ отвергать оную въ малыхъ, изъ которыхъ пер-
вые состоятъ! Какъ будто могутъ быть, въ одномъ и томъ же отно-
шеніи вещей между собою, начала различныя?... Политическія истины,
воль скоро онѣ таковыми признаны, необходимо должны быть по-
всюду и во всѣхъ приложеніяхъ истинами, подобно какъ и фи-
зическія. Признавать, что монархи, а не національные конвенты нуж-

ны для большихъ обществъ, государствами называемыхъ, — видѣть, что единоначаліе есть то, что утверждаетъ домашнее счастье семействъ, или малыхъ обществъ, и въ то же время пообразовать, якобы общества селеній, образующихъ средній разрядъ между обѣими, — составляя царства и заключая въ себѣ частныя семейства, — якобы сія общества могутъ быть на республиканскихъ началахъ, это совершенно тоже, какъ притягательную, наприимѣръ, силу признавать въ солнцѣ и въ мелкихъ частяхъ, изъ которыхъ состоятъ обращающіяся кругомъ него планеты, и отвергать ее въ цѣломъ составѣ каждой планеты!... Въ государствѣ монархическомъ, всѣ подраздѣленія его должны быть монархическія; одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь; и—слѣдовательно: помѣщики, для благосостоянія селеній земледѣльческихъ, столько же нужны, сколько монархи для поданныхъ вообще, и также точно дѣйствія помѣщиковъ должны быть направляемы законами, начертанными для нихъ властію верховною.

Если доказано, что ни въ какомъ случаѣ наемникъ не можетъ быть пастыремъ и приставъ радѣть съ усердіемъ хозяина о добрѣ, въ которомъ онъ лично не участвуетъ, то слѣдуетъ само собою, что казенныя селенія земледѣльцевъ не могутъ, подъ вліяніемъ временныхъ, никакими узами съ ними несоединенныхъ начальниковъ, столько содѣйствовать къ благосостоянію государства монархическаго, сколько управляемые помѣщиками. Управление первыхъ, какъ оно ни усовершенено со времени учрежденія губерній, таково-ли, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ счастью, выгодамъ имперіи, и меньше затрудняетъ правительство? Поощряетъ-ли оно ихъ къ трудолюбію, способствуетъ-ли дѣятельно къ хозяйственнымъ ихъ оборотамъ, украшаетъ-ли села полезными для человѣчества заведеніями, защищаетъ-ли отъ притѣсненія сосѣдей? Не видимъ-ли мы примѣровъ, что сколь ни малъ оброкъ казенныхъ поселянъ въ сравненіи съ получаемымъ помѣщиками, оный, при всей строгости земскоіи полиціи, ежедневно представляетъ большія недоимки? Ибо всякое хозяйство, безъ главнаго надзора и раздѣленія работъ, безъ знанія, которое бы имъ распоряжало, упадаетъ. Природная человѣку лѣньность, во всѣхъ состояніяхъ, дѣлаетъ его равнодушнымъ къ тѣмъ пользамъ, которыя сколько-нибудь отдалены. И сія лѣньность одолеваетъ особливо человѣка непросвѣщеннаго, ибо потребности его ограниченнѣе, грубыя же его страсти скорѣе способны возбудить вредную дѣятельность, чѣмъ полезный трудъ. Простолоудинъ, не бывъ управляемъ, едва можетъ и въ самыхъ счастливыхъ климатахъ пріобрѣсть самое необходимое для своего существованія и для удовольворенія (и то не безгрѣшнаго)

государственнымъ повинностямъ. Справедливость этого доказывается между прочимъ тѣмъ, что у насъ въ Россіи ярманки снабжаются произведеніями преимущественно отъ помѣщичьихъ людей; казенные поселяне бывають промышленными развѣ только при берегахъ судоходныхъ рѣкъ и на большихъ дорогахъ; и промышленность эта отнюдь не есть трудолюбіе, а скорѣе жадность къ корысти, неприносящая государству истиннаго добра: предметами оной не добываніе изъ матери земли, а перекупка хлѣба, заведеніе харчевень, и т. п. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ упомянутые поселяне наибольшую частію предаются скитающейся жизни, вздорнымъ тябамъ, или пьянству. Я смѣло ссылаюсь на самого васъ, м. г., и на губернаторовъ всѣхъ прочихъ губерній.

Скажутъ мнѣ: стоить только просвѣтить земледѣльца, — и онъ будетъ умѣть самъ хорошо вести хозяйство безъ помощи чужой опеки. Просвѣтити! легко сказать, но не легко сдѣлать. Какія средства и какое время на сіе потребны? А пока, чтò дѣлать?...

Обращаюсь къ упомянутой задачѣ вольнаго экономическаго общества: „полезнѣе-ли, чтобъ крестьянинъ имѣлъ свою собственную землю“, и пр. Предположимъ, что сіе полезнѣе. Что же послѣдуетъ изъ таковаго разрѣшенія вопроса? Надлежитъ дать всѣмъ помѣщичьимъ крестьянамъ особую, отдѣльную отъ помѣщичьей землю. Какъ же это сдѣлать? Неужели сіе благодѣяніе земледѣльцамъ, быть можетъ еще только мнимое, а не истинное, начать истинною несправедливостію: отнятіемъ земель у помѣщиковъ? Благоразумное правительство коснется-ли священнаго права собственности, позволить-ли себѣ такое явное отступленіе отъ началъ, на которыхъ въ обществахъ человѣческихъ все основано? А купить эти земли, — откуда возьметъ оно на это денегъ? Надѣлать ассигнацій? Но чтѣмъ ихъ гарантировать? Трудомъ тѣхъ же поселянъ? Но въ какое тяжелое положеніе будутъ они этимъ поставлены!... Или, оставивъ помѣщикамъ дошедшее отъ предковъ ихъ достояніе, правительство позволить ихъ поселянамъ удалиться въ степи, которыя имъ предложить? Но возможно-ли это? И что же будутъ дѣлать помѣщики со своими землями, обращенными въ пустыни?... Вотъ въ какой безвыходный лабиринтъ ведетъ сія задача, съ перваго взгляду мудрая и человѣколюбивая!..

Вопросъ: полезно-ли имѣть земледѣльцу свою собственную землю, — весьма подобенъ слѣдующему: „полезно-ли для государства, если каждый работникъ на фабрикѣ будетъ имѣть свой собственный станъ?“ Онъ можетъ быть разрѣшенъ двумя совершенно различными и другъ другу противурѣчащими положеніями, и обое будутъ имѣть свои до-

кавательства: ибо, если собственность привязываетъ насъ къ дѣлу и возбуждаетъ трудолюбіе, то, съ другой стороны, просвѣщенный надзоръ за работою и то расположеніе оной, которое требуетъ особеннаго воспитанія, или досуга, усовершенствуютъ издѣлія и обращаютъ ихъ въ большую пользу государству. Но еслибы, вмѣсто сего вопроса, немѣющаго опредѣленной цѣли, предложить другой, напримѣръ: „полезно-ли предоставить фабрикантамъ безпредѣльную власть надъ ихъ мастеровыми, не заботясь о ея употребленіи, или лучше сдѣлать злоупотребленія оной невозможными? Полезно-ли болѣе пецись о наставленіи и направленіи къ добру небольшого числа хозяевъ, нежели о неудобномъ и тяжкомъ, человѣческую бдительность превышающемъ, наставленіи многочисленныхъ работниковъ? Полезно-ли соединить хозяевъ и работниковъ, кромѣ взаимной ихъ, корыстной связи, таими отношеніями, которыя бы служили къ общественному добру?..“ То разрѣшеніе сихъ вопросовъ не будетъ подлежать никакой трудности. Я смѣю даже думать, что оно, у всѣхъ здравыхъ умовъ, какъ бы начала ихъ ни разнствовали, выдетъ одинакое.

Много, особливо же съ половины минувшаго столѣтія, писано о злоупотребленіи власти. Но представлены-ли пользы, происходящія отъ нея на землѣ? Мнѣ мнится видѣть физиковъ, которые бы исщали всѣ тонкости ума и знанія своего на увѣреніе во вредѣ, происходящемъ отъ огня. Если огонь сожигаетъ и разрушаетъ, то онъ же освѣщаетъ, грѣетъ и къ питанію способствуетъ. Все зависитъ единственно отъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ. Власть осуществляющая приговоры разума и человѣколюбія, есть, конечно, одно изъ первыхъ благотвореній для смертныхъ. И неужели нѣтъ средствъ, особливо въ маломъ, подчиненномъ кругу, сдѣлать ее безвредною? Корыстолюбіе, большею частію, творитъ злодѣевъ, не столько природныя влеченія ко злу. Поставьте ему предѣлы — и злоупотребленія власти станутъ большею частію несбыточными.

Этимъ и кончу слишкомъ, и безъ того, длинныя мои разсужденія въ которыя я счелъ необходимымъ войти прежде изложенія самаго дѣла, ибо на нихъ оно основано. Но время вамъ дорого, и потому не распространяясь болѣе, сошлюсь только, въ заключеніе, на прекрасное сочиненіе одного изъ нашихъ соотечественниковъ, писанное въ 1785 году: „О неудобствахъ въ Россіи дать (въ настоящее время) свободу крестьянамъ, или сдѣлать ихъ собственниками имѣній“. Я имѣю его въ рукописи и жалѣю, что сіе, прямо патріотическое, произведеніе опытнаго и глубокомысленнаго старца, такъ мало извѣстно.

Донесу вашему превосходительству, что въ сельскихъ учрежденіяхъ, которыя привлекли на себя вниманіе ваше, я ничего не изо

брѣталъ собственнаго, но только старался воспользоваться тѣми узаконеніями, которыя давно существуютъ или въ смыслѣ государственныхъ законовъ, или въ умоначертаніи народномъ.

Помѣщикъ разумѣю я наследственнымъ чиновникомъ, которому правительство, давъ землю для населенія, ввѣрило, чрезъ то, попеченіе о людяхъ (поселянахъ) на оной жить имѣющихъ и за нихъ во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, ихъ гражданскій судья, посредникъ между ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, попечитель о немущихъ и сиротахъ, наставникъ во всемъ, что принадлежитъ къ добру ихъ, наблюдатель за благоустройствомъ и правами: однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству онъ есть ихъ генераль-губернаторъ въ маломъ видѣ.

Сія должность почтенна, не взирая на число ввѣренныхъ людей. Дабмъ исполненіе ея, по слабости человѣческой, не разстроивалось явкогда пристрастіемъ къ собственной пользѣ, счелъ я за необходимое отдѣлить ее совершенно отъ того отношенія, въ какомъ ставить меня собственностію, то-есть: земли, лѣса, мельницы и проч., ибо собственностію моею людей, какъ то ниже вы изволите увидѣть, я отнюдь не почитаю. Они, въ глазахъ моихъ, на ряду со мною суть подданные только государства. Вы конечно изволили уже примѣтить, что я, въ этомъ смыслѣ, избѣгаю самаго имени „крестьянинъ“, котораго мы по справедливости чуждаться должны, ибо оно есть наслѣдіе отъ татаръ, явкогда тирановъ нашихъ: это уничижительная печать, положенная ими на чело нашихъ предковъ: „христіанинъ“, или „крестьянинъ“ и рабъ значило у нихъ, уви! одно и то же. Навѣ-ли увѣковѣчивать этотъ синонимъ?..

Отдѣляя владѣніе собственностію отъ власти начальника (т.-е. правъ хозяина) я не только не ослабляю сей послѣдней, но еще усиливаю ее довѣренностію, которая, въ этомъ порядкѣ вещей, должна неминуемо развиться въ сердцахъ моихъ поселянъ, между тѣмъ какъ при обыкновенномъ смѣшеніи обоихъ сихъ отношеній помѣщика къ его людямъ, ей никогда не можетъ быть мѣста.

Для таковаго отдѣленія, дабы оно не было мечтательное, нужно было съ точностію опредѣлить повинности, которыя мнѣ, хозяину, приходятся съ поселянъ законно, за владѣніе ими моею собственностію, и единственно на семъ владѣніи основать ихъ.

Владѣніе, въ равныхъ обстоятельствахъ жизни, возраста, пола,— не можетъ быть равное: слѣдовательно и повинности не могутъ быть равны, какъ только соотвѣтствующія симъ обстоятельствамъ. Первое правило!

Послѣ сего нужно было изобрѣсти непреложное мѣрило (масштабъ) какъ для оцѣнки моей собственности, поступающей во владѣніе поселянамъ, такъ и для оцѣнки повинности, которую они мнѣ за то платятъ. Определенное число денегъ не могло, ни въ какомъ случаѣ, для меня служить симъ мѣриломъ, ибо цѣна (valeur) денегъ измѣняется отъ прибыли и убыли ихъ въ губерніи и отъ другихъ обстоятельствъ. Определенная мѣра хлѣба была бы вѣрнѣе; но опытъ доказываетъ, что отношеніе цѣны хлѣба къ цѣнамъ работъ, отъ вліянія постороннихъ для земледѣлія причинъ, также подвержено непостоянству. Итакъ, оставалось взять за непреложное, т. - е. во всѣхъ случаяхъ и во всѣ послѣдующія времена для обѣихъ сторонъ безобидное мѣрило, именно: одинъ день земледѣльческой работы. Дѣлая по сложности среднюю оцѣнку сего дня, чрезъ каждые пять лѣтъ, и опредѣляя все прочее посредствомъ этой оцѣнки, могу я быть увѣренъ, что ни я, ни поселяне мои не будемъ въ значительномъ проигрышѣ другъ противъ друга. Ваше превосходительство изволите усмотрѣть это немедленно на самомъ дѣлѣ.

Въ концѣ 1805 года сдѣлана была въ селѣ моемъ Кручино оцѣнка рабочаго дня, при которой приглашены были, кромѣ моихъ поселянъ, и посторонніе. По сложности, составленной изъ показанія каждаго, кто что вспомнить могъ за весь годъ, оказалась средняя цѣна онаго тридцать копѣекъ (на собственныхъ харчахъ работника). Цѣна же одной десятины хорошей пахатной земли, продаваемой безъ нужды продавца и въ раздробь, оказалась въ околотиѣ нашемъ сорокъ пять рублей, или, что тоже, цѣна ста пятидесяти дней работы. (По нѣкоторымъ соображеніямъ я заключаю, что во всякое время, въ средней полосѣ Россіи, посредственно населенной, цѣна десятины пахатной земли должна равняться средней цѣнѣ 150-ти дней земледѣльческой работы. Говорю въ средней, ибо въ другихъ мѣстахъ цѣны земли и работы будутъ въ другой соразмѣрности, судя по населенію. Но, чтобы связать мною, не выступая изъ предмета, я думаю, что сложное содержаніе между собою сихъ двухъ цѣнъ могло-бъ для государственной экономіи послужить основаніемъ величайшей важности). Цѣна десятины сѣнокосу оказалась сорокъ рублей, или цѣна $133\frac{1}{3}$ дней работы. Цѣна дерева, употребленнаго на избу поселянина, на дворъ его и все селѣдбище, поставлена средняя круглымъ числомъ сто рублей, или $333\frac{1}{3}$ дней работы. Цѣна кубической сажени дровъ, на мѣстѣ и съ рубкою того, кто оные покупаетъ, три рубля, или 10 дней работы. Цѣна ежегодныхъ потребностей разнаго рода въ лѣсѣ на земледѣльческія орудія, на починку огорожи и проч. поставлена въ три же рубля, или 10 дней работы.

Ваше превосходительство, какъ начальникъ попечительный, входящій во всѣ подробности ввѣренной вамъ губерніи, лучше многихъ другихъ изволите знать, что цѣны сіи суть самыя среднія въ окрестностяхъ Богодухова, гдѣ находится мое имѣніе: онѣ скорѣе могли бы назваться низкими, нежели высокими.

Каждому поселянину, вошедшему въ совершеннолѣтіе, дается, если онъ не имѣлъ прежде, по наслѣдству отъ отца, семь съ половиною десятинъ пахатной земли, полдесятины подъ усадьбу его и одна десятинна сѣнокосу; и это въ одной-ли окружной межѣ, или въ разныхъ мѣстахъ, по раздѣленію полей,—то и другое какъ онъ самъ заблагоразсудитъ получить. Отводъ въ одной межѣ называется, соотвѣтственно здѣшнему народному наименованію, хуторъ такого-то (по имени поселанина); а каждыя 2^{1/2} десятины (или 6000 квадрат. саженой) земли въ полѣ, равно какъ и десятинна сѣнокосу въ своемъ мѣстѣ, называется: въ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ полѣ участокъ такого-то. Сіе отведенное ему владѣніе ограничивается ямами, изъ которыхъ въ каждой обязанъ онъ послѣ, въ приличное время, посадить по одному дикорастущему плодовитому дереву. Оно огородится и составить сколько примѣтный, столько же и красивый межевой знакъ. Между тѣмъ, владѣльцу хутора или участка дается родъ укрѣпленія на сію собственность: именно цыдулка изъ толстой, клееной бумаги, которая имѣетъ фигуру отведеннаго участка, съ показаніемъ его смежностей и странъ свѣта, и съ надписью: „такого-то — т.-е. 1, 2, или 3 поля—такой-то участокъ поселанина такого-то“. На оборотѣ же: „данъ ему, такому-то, безповоротно и наслѣдственно на извѣстныхъ условіяхъ“. Затѣмъ слѣдуетъ мое подписаніе. Такимъ образомъ, сей видъ служитъ каждому владѣльцу не только обезпеченіемъ, что оный ему принадлежать будетъ на всегдашнія времена,—если только онъ будетъ съ своей стороны выполнять условія, т. е. сопряженную съ владѣніемъ повинность помѣщику; но служитъ еще и планомъ, разрѣшающимъ споры, какіе могли бы произойти отъ сосѣдей запашкою, или другимъ образомъ.

Если новый поселанинъ не имѣетъ дому и двора по наслѣдству отъ отца или другихъ ближнихъ, то ему отводится мѣсто и дается весь нужный для постройки лѣсъ. Если же потребно будетъ, то выдаются и деньги въ заемъ изъ сельской общественной суммы, о которой я ниже буду имѣть честь донести. Сему поселянину, на ряду съ другими, будетъ отпускатся изъ лѣсовъ моихъ ежегодно: во-1-хъ четыре кубическія сажени дровъ: число по смѣтѣ нѣсколькихъ лѣтъ найденное для отопки одной семьи достаточнымъ; а во-2-хъ весь

нужный ему ремонтъ для земледѣльческихъ орудій и огорожи. Вотъ чего онъ своему помѣщику стѣбитъ.

Теперь увидимъ, что по вышепоказанной оцѣнкѣ слѣдуетъ помѣщику съ него получить?

1) За владѣніе 7½ десятинами пахатной, полдесятиной усадебной и одною десятиною сѣнокосной земли, составляющими вообще по цѣнѣ на (8.45 + 40) 400, рублей, принимая сію сумму капиталомъ постоянно находящимся въ его рукахъ, по справедливости слѣдуетъ хозяину капитала получать законные шесть процентовъ, что составитъ въ годъ,	24 руб., или цѣна 80 дней работы.
2) За домъ и дворъ, который онъ построилъ и всегда возобновлять можетъ на счетъ помѣщика, полагая оный, какъ выше сказано, въ 100 руб., слѣдуетъ	6 > > > 20 > >
3) За четыре куб. сажени дровъ изъ лѣсовъ помѣщичьихъ, каждая по 3 р.	12 > > > 40 > >
4) За ремонтъ земледѣльческихъ орудій и проч.	3 > > > 10 > >
<hr/>	
Итого за все	45 руб., или цѣна 150 дней работы.

И больше уже никакихъ повинностей поселанинъ не знаетъ въ отношеніи помѣщика, и сверхъ того облегченъ въ отношеніи казенныхъ податей, какъ сказано будетъ ниже.

Ваше превосходительство конечно не упустите замѣтить, какимъ удивительнымъ образомъ второй итогъ согласуется съ извѣстнымъ человѣколюбивымъ указомъ блаженной памяти государя императора, въ которомъ повелѣно раздѣлять дни недѣли по равной части на барщину и собственное дѣло крестьянъ: изъ 300 рабочихъ дней въ году (круглымъ числомъ) половина и здѣсь принадлежитъ поселанину, но съ тою только разностию, что и остальныхъ 150-ти не требуется отъ него въ натурѣ, т.-е. непременно работою.

Итакъ, первый изъ вышеозначенныхъ итоговъ, 45 рублей, представляя только оцѣнку 1805-го года, можетъ измѣняться каждые пять лѣтъ при новой оцѣнкѣ; но второй, или цѣна 150-ти дней работы, пребудетъ навсегда постоянною мѣрою повинностей такого поселанина, который владѣетъ 8-ю десятинами пахатной земли и одною десятиною сѣнокоса. И симъ количествомъ онъ уже непременно владѣть долженъ. Почему непременно? спросите вы. Послику государственный порядокъ требуетъ, чтобъ поселанинъ мой былъ земле-

дѣлецъ, а не праздный человѣкъ: $7\frac{1}{2}$ десятины есть такая норма обработкы; которая опытною дознана по силамъ одному рабочему семейнину, нелѣнящемуся, при нашемъ благословенномъ грунтѣ. „Но онъ можетъ быть нанятъ бы въ другомъ мѣстѣ землю дешевле?“ Не спору: въ сосѣдствѣ моемъ есть казенныя селенія, которыхъ жители, разоряясь отъ праздности или безрасчетныхъ промысловъ, могутъ пай свои отдавать дешевле. Но я землю мою почитаю государственнымъ капиталомъ мнѣ или моему предку пожалованнымъ на тотъ конецъ, чтобы онъ приносилъ свои законные проценты. И если бы въ самомъ дѣлѣ я получалъ нѣкоторое излишество противу повольной цѣны, всегда сомнительной и всегда колеблемой обстоятельствами, то сей избытокъ былъ бы не что иное, какъ справедливо слѣдующее мнѣ жалованье: сельское общество, которому я служу, обязано мнѣ платить оное какъ лицу, представляющему для него высшее правительство; а между тѣмъ и поселяне мои, — смѣло могу сказать это, — не промѣняють своего положенія на положеніе поселянъ сосѣднихъ казенныхъ селеній.

Отъ дачи участка чрезъ десять лѣтъ, то-есть выждавъ время, нужно чтобы поселянинъ ощутилъ всю цѣну владѣнія своего, дается ему разрѣшеніе закладывать, или продавать оный, лишь бы закладъ, или продажа не измѣняли слѣдующихъ мнѣ повинностей, и притомъ заимодавецъ, или покупщикъ былъ житель если не самого села Крутика, то по крайней мѣрѣ не дальняго отъ него мѣста.

Всякій поселянинъ можетъ требовать, при возрастаніи своего хозяйства, новаго участка земли, на тѣхъ же условіяхъ. Дробленіе участковъ на меньшія мѣры, чѣмъ $2\frac{1}{2}$ десятины въ каждомъ изъ 3-хъ моихъ полей, счелъ я сколько для меня затруднительнымъ, столько же и для самихъ поселянъ невыгоднымъ. Сказанная мѣра составляетъ большую частію правильные параллелограммы по 120 саж. въ длину и по 50 саж. въ ширину. Основаніемъ дѣленія полей на три части послужили у меня дороги, изъ которыхъ одна ведетъ въ губернской городъ, а другія проселочныя; такимъ образомъ я въ состояніи легко обозрѣвать попечительность каждаго земледѣльца на его собственномъ участкѣ и могу, не имѣя въ этихъ участкахъ ничего своего, — взysкивать, наставлять или ободрять не опасаясь, чтобы кто-нибудь подозрѣвалъ во мнѣ человѣка радѣющаго о своемъ добрѣ.

Вышесказанная сумма годовой повинности (45 р.), остающаяся безъ перемѣны съ 1805 года, вносится поселянами по четвертямъ года впередъ, т.-е. по 11 р. 25 к. каждый разъ. Впрочемъ, какъ оно ни маловажно судя по заработкамъ, не рѣдко составляющимъ по 15 р.

въ мѣсяцъ и болѣе, не всѣ еще мои поселяне расположили себя къ платежу ея: есть нѣкоторые, придерживающіеся еще прежняго моего порядка и называются половинщиками. Повинность ихъ раздѣляется на двѣ части: лѣтнюю и зимнюю. За лѣтнюю, или за пользование полемъ и сѣнокосомъ, слѣдовало бы имъ вносить цѣну 80-ти дней работы; но вмѣсто того они отдають мнѣ половину чистаго дохода съ своихъ участковъ самыми произведеніями, располагая какъ полные хозяева своимъ временемъ и получая отъ меня половинное количество сѣмянъ для посѣва. Счетъ основывается на числѣ копень при уборкѣ и на среднемъ вымолотѣ, дабы избѣгать мелочныхъ расчетовъ; привозка мнѣ зерна дѣлится на три срока: въ ноябрѣ, въ январѣ и въ мартѣ. Что принадлежит до зимней повинности: за избу, дрова, и пр., составляющей цѣну 70-ти дней работы, то тѣ, которые не уплатятъ оной (и рѣдкіе не уплачивають) отработываютъ по вольному съ ними договору за каждую особенную работу. Напримѣръ: вынуждаются охотники перевезть столько-то сажень дровъ изъ таково-то мѣста, или нарубить ихъ; являются желающіе, которыми иногда бываютъ должники, иногда же и уплатившіе свою повинность; могутъ случиться и совсѣмъ посторонніе поселяне; пойдетъ торгъ, цѣна состоится такая-то отъ сажени; и по окончаніи работи она, въ первомъ случаѣ, т.-е. когда работавшій былъ должникъ, ставится ему въ счетъ суммы, которую онъ долженъ въ мое хозяйство; во второмъ же платятся наличныя деньги. Расчетъ бываетъ каждый мѣсяцъ по тетрадекамъ, которыя розданы всѣмъ поселянамъ, подобно какъ изъ иныхъ домовъ, въ большихъ городахъ, раздаются оныя мастеровымъ разнаго рода и поставщикамъ припасовъ. Такимъ образомъ, ни поселянинъ не отягощенъ, ни я работою не обманутъ, что по лѣности здѣшняго народа чаще перваго могло бы случиться, еслибы считать оную барщиною. Половинщиковъ остается уже въ селѣ моемъ немного, и я надѣюсь, что въ скоромъ времени всѣ перейдутъ на чистый оброкъ на вышензложенныхъ началахъ, хотя я ихъ къ тому не принуждаю.

Не обязываю я также отнюдь всѣхъ моихъ поселянъ быть непременно земледѣльцами, хотя и убѣжденъ, что хлѣбопашество, въ нашихъ мѣстахъ, есть наиболѣзнейшее для государства занятіе; но терплю и мастеровыхъ. Терплю только, сберегая все возможное мнѣ ободреніе берущимъ участки. Вотъ мѣры, объясняющія уравненіе тѣхъ и другихъ между собою.

Родители вольны отдавать дѣтей своихъ въ наученіе мастерствамъ; но они въ семъ случаѣ не получаютъ никакого особливаго пособія. По изученіи и достигши совершенныхъ лѣтъ, ремесленникъ получа-

еть, также какъ и земледѣлецъ, ивбу; дворъ и прочее, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ; и хотя участка ему уже не дается, но тѣмъ не менѣе онъ обязанъ вносить помѣщику, деньгами или работою своею, цѣну полныхъ 150-ти дней земледѣльческой работы въ годъ. Излишняя, повидимому, плата, состоящая въ цѣнѣ 80-ти дней, есть какъ бы пеня за устраненіе отъ хлѣбопашества. Впрочемъ, такъ какъ пеня эта не велика, то хорошій мастеровой легко ее уплачиваетъ; для плохого же, неуспѣвающаго выработать столько, она служить указаніемъ возвратиться въ состояніе родительское; — и земля отводится ему коль скоро онъ того потребуетъ. Симъ способомъ желалъ я уменьшить число посредственныхъ ремесленниковъ, лишь отягощающихъ собою общество, не заграждая впрочемъ пути уму, расположенному къ искусствамъ и который одинъ можетъ приносить пользу.

Мастеровыхъ ищу я удержать въ селѣ, гдѣ они менѣе могутъ развращаться нежели въ городахъ. Но и въ семъ случаѣ не употребляю принужденія. Живши въ селѣ, они имѣютъ потребности въ жизни за плату подлинно низкую, ибо помѣщеніе, съ отопленіемъ, стодитъ ему въ годъ всего 70-ть дней земледѣльческой работы, что составляетъ всего 21 р., за которые онъ никакъ не можетъ имѣть того же въ городѣ, а пища также несравненно дешевле чѣмъ тамъ; это уже само собою заставляеть его предпочитать жизнь сельскую городской. Но тѣмъ не менѣе онъ обязывается платить мнѣ урочную повинность за свое жилище, если пожелаетъ жить въ городѣ, и паспортъ выдается ему не иначе, какъ на этомъ условіи. Для мастерового хорошаго и трезваго это не составляетъ препятствія, но посредственный и поведенія мало-надежнаго долженъ по необходимости предпочесть жизнь въ селѣ своему, гдѣ онъ отъ сосѣдей провинціаловъ довольно будетъ имѣть работы.

Навонецъ, что принадлежитъ до моихъ дворовыхъ людей, то они, до времени остаются еще на обыкновенномъ основаніи. Но послѣ они должны состоять или изъ вольнонаемныхъ слугъ, или же изъ дѣтей такихъ родителей, которые, за большимъ ихъ числомъ, не въ состояніи бы прокормить и воспитать всѣхъ, отдадутъ ихъ въ услуженіе, сдѣлавъ со мной добровольное условіе; чему и есть уже примѣры. Слово послѣ, употреблено мною въ томъ предположеніи, что при незапрещеніи моемъ дворовымъ людямъ переходить въ земледѣльщцы и даже поощреніе ихъ къ тому, они, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени сдѣлаются всѣ таковыми.

Имѣя въ настоящее время еще нѣкоторое количество нерозданной пахатной и сѣнокосной земли, я обрабатываю ея собственнымъ

свотомъ и наемными людьми, въ ожиданіи пока умножающіеся мои поселяне потребуютъ отъ меня участвова. Сверхъ того есть у меня мельницы, которыя я также предпочтительно отдаю въ содержаніе своимъ поселянамъ, по вольнымъ съ ними договорамъ; есть и извѣстныя вашему превосходительству небольшія фабрики; но еслибъ этого всего и не было, то чистый, изъ недвижимости собственно получаемый мною доходъ на вышеобъясненныхъ началахъ таковъ, что не заставляетъ меня раскаиваться въ томъ, что я промѣнялъ мнимыя выгоды порабощенія барщинскаго и угнетенія поселянъ множествомъ мелкихъ поборовъ, на сіе, сходное съ законами всѣхъ земель и съ пользою человѣчества учрежденіе, которому основаніемъ служить только одно чистое право собственности. И еслибъ не долги, которыя не ради моихъ прихотей надѣланы мною, то при всей неважности моего имѣнія, я считалъ бы себя, со всѣмъ моимъ семействомъ, сколько бы оно ни умножалось, совершенно обеспеченнымъ и счастливымъ, глядя на возрастающее благосостояніе моихъ поселянъ. Но меня тревожитъ мысль: что станетъ съ ними въ случаѣ моей смерти, которая, быть можетъ, не далека уже, судя по непрочности моего здоровья?... Миѣ такъ хотѣлось бы, чтобъ сдѣланный мною опытъ улучшенія ихъ бытъ не прошелъ безслѣдно послѣ меня! И вотъ я, ободренный благосклоннымъ вопросомъ вашего превосходительства о моихъ сельскихъ учрежденіяхъ, объяснивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ исполняются у меня на дѣлѣ, рѣшаюсь всепокорнѣйше просить васъ тутъ же, начальникъ благодѣтельный и человѣколюбивый, въ случаѣ безвременной моей смерти, испросить у верховнаго правительства то слово, которое бы дало имъ твердое бытіе, если только вы изволите найти ихъ правильными и дѣйствительно общающими народное добро. Если же Богу угодно будетъ продлить мою жизнь и благословить умноженіе моихъ поселянъ до того, что у меня не достанетъ земли для раздачи имъ, то я все-таки долженъ буду обратиться, черезъ ваше же, можетъ быть, посредство, въ державной власти для всемилостивѣйшаго разрѣшенія на отводъ имъ гдѣ-нибудь, въ необъятномъ пространствѣ Россіи, пустопорожнихъ земель, въ полной увѣренности, что сіи истинные вѣрнопопданные государства принесутъ ему болѣе пользы чѣмъ иноземные колонисты, стоящіе казніѣ столькихъ заботъ и издержекъ и отбывающіе столь сомнительную службу русскому народу.

Но я до сихъ поръ объяснилъ вашему превосходительству только матеріальный бытъ моихъ поселянъ. Остается сказать нѣсколько словъ о ихъ гражданскомъ устройствѣ.

Устранивъ отъ себя, вышепредставленнымъ способомъ, всѣ под-

робности попеченія о личной пользѣ, которыя бы развлекали меня при обыкновенномъ порядкѣ вещей, превращали бы изъ господина въ надзирателя только работъ, я могъ быть и самъ нравственно свободенъ. Мнѣ не оставалось ничего болѣе, кромѣ должностей въ отношеніи моего собственнаго семейства и той обязанности въ отношеніи моихъ поселянъ, которую возлагали на меня, казалось, религія и правительство. (Я не говорю о наукахъ, занимающихъ свободныя мои часы: и ихъ, къ счастью, легко соединить съ обѣими упомянутыми обязанностями).

Поселяне мои должны были имѣть полицію и судилище. Число сихъ подданныхъ государства не велико: одного мѣста могло быть довольно для представленія обоихъ мѣстъ. Еще въ 1793 году была учреждена мною на образецъ думъ, существующихъ въ городахъ, сельская дума. Она состояла изъ двухъ стариковъ, выбранныхъ самими поселянами, и меня какъ ихъ предсѣдателя. Имѣла, съ тѣхъ поръ, писаря, записку засѣданій, сумму для общественныхъ нуждъ и нѣкоторыя правила. Но частныя мои отлучки изъ дому, и служба въ С.-Петербургѣ, не позволили мнѣ заняться симъ учрежденіемъ такъ, какъ я желалъ. И можетъ быть это сдѣлалось въ лучшемъ: ибо множество идей моихъ созрѣли съ тѣхъ поръ. Послѣ отставки въ 1804 году я обратился къ моему любимому мечтанію, и уже какъ мужъ, не какъ юноша.

Теперешнее образованіе Кручанской сельской думы есть слѣдующее:

1) Она имѣетъ мѣсто своихъ засѣданій въ особомъ порядочномъ и внутри приспособленномъ къ своей цѣли строеніи въ серединѣ села (бывшее жильё моего покойнаго отца).

2) Время урочныхъ засѣданій: одинъ день въ недѣлю, а именно четвертокъ. Впрочемъ, бываютъ собранія и сверхъ положенныхъ, если особыя нужды того требуютъ.

3) Имѣетъ членами: меня, въ лицѣ предсѣдателя; старшаго выборнаго, который есть вмѣстѣ и церковный староста; младшаго выборнаго, который, завѣдывая сельскою полицією, называется благочипнымъ. Къ числу членовъ можно причестъ и священника, который нѣрѣдко засѣдаетъ съ нами вмѣстѣ, и надзирателя должностей. Это одинъ старый офицеръ, который послѣ 35-лѣтней службы живетъ у меня на покой. Онъ есть у насъ родъ прокурора и въ отсутствіи моемъ заступаетъ мое мѣсто, также при производствѣ такихъ дѣлъ, которыя лично до меня касаются, или до моей собственности, и гдѣ я по общему началу, что „истецъ и судья не могутъ быть въ одномъ

лицѣ", не присутствую.—Письмоводець думы есть особо опредѣленный на то писарь изъ воспитанниковъ приходскаго моего училища.

4) Сія люди получаютъ жалованье, а именно:

Старшій выборный цѣну ста сорока дней работы въ годъ (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 42 рубля).

Младшій выборный, цѣну двухъ сотъ дней работы (или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 60 рублей): (болѣе старшаго, поелику другая должность его, благочиннаго, больше отвлекаетъ его отъ дому, слѣдовательно общество обязано вознаградить его упущенія по собственному хозяйству).

Надзиратель, — цѣну 400 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 120 рублей).

Писарь,—цѣну 80 дней работъ (по нынѣшней оцѣнкѣ 24 руб.). Въ дополненіе къ этому жалованью ему позволено: 1) брать за внесеніе условій между поселянами въ назначенную для того книгу, $\frac{1}{50}$ долю ихъ цѣны, и 2) получать небольшіе, опредѣленные подарки отъ примиряющихся въ ихъ ссорахъ, если онъ успѣетъ согласить ихъ не доводя до суда.

5) Деньги на сіе жалованье берутся изъ общественной суммы села, которую, для болѣешаго ея уваженія, называю я по имени прихода: крестовоздвиженскою, и положилъ хранить въ церквѣ. О составленіи оной донесу ниже.

6) Дума для всѣхъ своихъ дѣлопроизводствъ имѣетъ пять книгъ: первая, есть обменовенная записка, или протоколъ засѣданій. Въ одномъ столбцѣ сей записки показано, о чемъ разсуждаемо было; въ другомъ, что положили; въ боковыхъ двухъ графахъ отмѣчается день разсужденія и день исполненія приговоровъ. Сія записка пишется писаремъ и подписывается мною и членами, а въ отсутствіи моемъ, надзирателемъ и членами (по неграмотности выборныхъ, — такъ какъ они гораздо старѣе моего училища, они имѣютъ свои печати).

Вторая книга—есть приходо-расходная общественной суммы. Ведется она также писаремъ, но суммы вынимаются и выдаются въ присутствіи священника и по крайней мѣрѣ одного выборнаго. Къ ней принадлежитъ: книга долговая, для записки раздаваемыхъ въ заемъ денегъ поселянамъ, по приговорамъ думы.

четвертая,—книга условій, родъ крѣпостной и маглерской виѣстѣ. Въ оную писарь вноситъ всѣ условія, дѣлаемые жителями села (кто бы они ни были, неисключая и помѣщика); также данныя на дворовыя, огородныя мѣста и пр. Она начата запискою тѣхъ условій, на которыхъ я отдалъ участки полей поселянамъ, и я предоставляю

себѣ, рано или поздно, утвердить актъ сей по начальству, дабы онѣ имѣли всю силу закона для моихъ наслѣдниковъ. Что принадлежитъ до полной значительности онаго при моей жизни, то, благодаря Бога! поселянамъ моимъ и на мысль не приходитъ въ томъ сомнѣваться.

Наконецъ, пятая книга—алфавитный реестръ всѣхъ въ прошедшее пятилѣтіе случившихся дѣлъ, который служитъ для разныхъ выправокъ. Роды дѣлъ, которыя кто имѣлъ, роды винъ, за которыя съ кого послѣдовало взыскаіііе, дѣлаютъ еще сію книгу истинною характеристикою поселянъ, необходимою для полиціи.

7) Порядокъ засѣданій думы не имѣетъ ничего особаго. Я старался его учредить бравши въ примѣръ существующій въ присутственныхъ мѣстахъ. Держась спасительныхъ началъ монархическаго правленія, я долженъ былъ предоставить себѣ ту власть, которая 103-ею статьею учрежденія о губерніяхъ дана губернатору въ губернскомъ правленіи, и еслибы отъ меня сіе зависѣло, то я выборомъ охотно далъ бы право, по разуму той же статьи, доносить о неправильномъ законѣ или противузаконномъ моемъ поступкѣ высшему начальству, и именно: губернатору, или губерискому предводителю дворянства, но только не уѣзднымъ мѣстамъ, стать подъ которыми, по нынѣшнему ихъ составу, для всякаго помѣщика конечно будетъ прискорбно. Надзирателю должностей предоставилъ бы я также право представленій о томъ же губерискому начальству. Такимъ образомъ, мое учрежденіе никогда не обратилось бы въ игру власти. Но все это можетъ быть сдѣлано только тогда, когда учрежденіе это получить одобреніе высшей власти.

8) Законы, на которые мы ссылаемся въ рѣшеніяхъ и приговорахъ, суть не иные какъ общіе государственныя; ибо нѣтъ никакой причины, препятствующей распространять ихъ на помѣщичьихъ поселянъ, хотя сего нигдѣ гласно и не сказано. По сему началу дѣла опеки наслѣдства и личныя ссоры разбираются по извѣстнымъ законамъ. Дѣла прямо уголовныя, еслибы онѣ къ несчастію случились, одни изъ сего естественно исключаются, такъ какъ они принадлежать до мѣстъ на сіе верховнымъ правительствомъ учрежденныхъ.

Но на такія обстоятельства, въ коихъ общіе законы молчатъ, какъ, на примѣръ, въ случаяхъ принадлежащихъ до полиціи, нравовъ и проч., сдѣланы особенныя постановленія думы, на которыя и бываетъ ссылка. Въ примѣръ того и другого я имѣю честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству двѣ выписки изъ засѣданій думы. О нѣсколькихъ предметахъ, однакожь, я обязанностию считаю довести вамъ обстоятельнѣе, именно: о сельской полиціи, о распо-

рядкѣ относительно до рекрутскаго набора, объ опекаѣ и малолѣтнихъ, объ училищѣ и о собраніи общественной суммы, изъ чего послѣдняго само собою объяснится и то, что принадлежить до взноса казенныхъ податей.

1) Все, что принадлежить до земской и внутренней полиціи села, ввѣрено благочинному. Получаемыя по сей части предписанія уѣздной полиціи ему немедленно препровождаются для исполненія. То изъ нихъ, что должно быть вѣдомо всѣмъ поселянамъ, онъ же оповѣщаетъ слѣдующимъ способомъ: село, вмѣсто кварталовъ городскихъ, раздѣляется на десятки дворовъ, т.-е. отчислено, по сосѣдственному между собою положенію, около десяти дворовъ, болѣе или менѣе, которые и составляютъ то, что называется 1-мъ 2-мъ и такъ далѣе десяткомъ. Хозяева домовъ обязаны, каждый по очереди, три дня сряду отвѣчать за порядокъ своего десятка. Они приходятъ каждый вечеръ въ думу извѣщать благочиннаго о томъ, что случилось у нихъ и принимать приказанія, если какія есть. Въ крайнихъ же случаяхъ и сами немедленно берутъ предписанныя мѣры на мѣстѣ, а между тѣмъ извѣщаютъ благочиннаго.

Обязанность думы не ограничивается механическими, такъ-сказать, распоряженіями, общими ей съ городскою полиціею. Нравственность поселянъ есть первый ея предметъ. По ограниченности того круга, который она обнимаетъ, и по власти, которую заимствуетъ отъ помѣщика, бдѣніе за сямъ ей удобнѣе нежели начальствамъ городовъ. Изъ приложенныхъ выписокъ, о которыхъ я имѣлъ честь упомянуть выше, ваше превосходительство можете уже отчасти видѣть, какъ далеко у насъ простирается нравственное надзираніе. Донесу вамъ, что оно начинается уже въ училищѣ. Употреблены всѣ средства, чтобы у молодыхъ поселянъ уваженіе къ вѣрѣ, законамъ и начальству (т.-е. порядку), а также къ чистотѣ нравовъ вошло въ привычку гораздо прежде, нежели сіе будетъ изъясняться разсудку ихъ. По малости времени рано еще видѣть вполне плоды сихъ распоряженій, но надѣюсь имѣть нѣкогда это счастье. Народъ нашъ чрезвычайно способенъ къ хорошимъ впечатлѣніямъ, но надобно чтобы они поддерживались примѣромъ и властію. Власть всегда готовая взыскивать, власть нелицеприятная, неумолимая, должна быть у него въ виду. По сей причинѣ не отринута у насъ тѣлесное наказаніе. Дѣти и народъ, который едва ли не повсюду въ состояніи же дѣтей, по разуму, неразвитому въ однихъ лѣтами, а въ другомъ образованіемъ, не могутъ быть, кажется мнѣ, закономъ освобождены отъ такого наказанія. Но оно, конечно, должно имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ стыдъ не дѣйствуетъ уже, и опредѣляться невначѣ какъ съ крайнею береж-

ливостію и съ постепенностію. Нашъ сельскій уставъ помагаеть отъ 3-хъ и до 20-ти ударовъ обыкновенною лозою, но приговорами думы. Подъ категорію проступковъ, караемыхъ такимъ образомъ, подведены слѣдующіе: 1) всякаго рода непослушаніе начальству, происходящее собственно отъ упрямства, этого коренного зла въ человѣкѣ, обнаруживающагося пренебреженіемъ порядка установленнаго властію. (Тутъ разумѣется и обида кому-либо должность исправляющему, хотя бы онъ и не начальникъ былъ, оказанная въ видѣ мщенія за сіе исправленіе должности); 2) вѣтка, или кража, или другой подобный проступокъ при исполненіи порученія *); 3) драка при народѣ; 4) неуваженіе старшихъ, дѣдшее до безчинія (разумѣется неуваженіе къ родителямъ, тестю, тещѣ, старшимъ братьямъ, и пр.), также лживый поступокъ, оказанный противъ старшихъ; 5) безчиніе, сдѣланное въ церквѣ и всякое другое неуваженіе святой нашей религіи, явно учиненное. Вообще имѣлись въ виду такіе проступки, которые показываютъ противудѣйствіе установленному порядку, или злоупотребленіе власти.

Неисправляющіеся послѣ всѣхъ опытовъ, какъ упорные, такъ и порочные поручаются помѣщику, чтобъ онъ удалилъ ихъ изъ села. Отдача въ солдаты есть та мѣра, которую я положилъ употреблять въ подобныхъ случаяхъ, буде неисправный подходитъ подъ условія рекрутскаго пріема; въ противномъ же случаѣ счелъ дозволеннымъ воспользоваться правомъ, который законъ даетъ, къ сожалѣнію, продавать людей; и это единственный случай, въ которомъ подобное право можетъ быть употреблено. Вырученныя за продажу деньги, или рекрутская квитанція поступаютъ въ пользу общества, которое должно быть вознаграждено за лишеніе своего члена.

Можетъ быть ваше превосходительство изволите заключить изъ непризнанія моего и барщины (или, какъ у насъ говорятъ, панщины) и продажи людей, что я отвергаю вовсе такъ-называемое крѣпостное право (т.-е., по моему, право подчиненности поселянъ своимъ помѣщикамъ)? Напротивъ! я считаю его очень важнымъ, ибо оно служитъ для отечества моего обезпеченіемъ, что поля не будутъ безплодными степями, что промыслы останутся въ своихъ предѣлахъ, и что полиція городовъ не будетъ отягощена надзоромъ надъ людьми безъ собственности, которые, не имѣя ничего терять, тѣмъ легче могутъ себѣ позволить незаконныя средства къ пріобрѣтенію. Но я хотѣлъ бы только, чтобъ злоупотребленія этого права были искоренены, а главнѣйшими изъ сихъ злоупотребленій суть: барщина,

*) Кража въ другихъ случаяхъ наказывается у насъ арестомъ и пенейю только.

т.-е. произволь въ пользованіи трудомъ поселянъ, безсудныя наказанія и продажа ихъ какъ вещей! Я допускаю даже выходъ изъ подчиненности ихъ помѣщикамъ, но только тогда, когда выходящій приготовленъ къ самостоятельной жизни. Всякой поселянинъ, который, внося въ общественную сумму цѣну рекрута, поставленную у меня навсегда, какъ вы ниже изволите увидѣть, въ цѣну 2000 дней работы (по нынѣшней оцѣнѣ въ 600 рублей), пожелаетъ перемѣнить свое званіе, немедленно получаетъ отпускную. И въ семь случаевъ отпускная разумѣется свидѣтельствомъ, которое законы государства требуютъ въ томъ, что предъявитель можетъ безвредно перемѣнить родъ жизни. Сумма, вносимая имъ, доказываетъ неоспоримо: 1) что онъ не будетъ въ тягость никакому обществу, ибо онъ, за продовольствіемъ себя и семейства, могъ своими трудами приобрести ея; 2) что онъ болѣе сего имѣетъ въ запасѣ и чувствуетъ себя способнымъ къ другому званію, или къ пользѣ обществу въ городакъ, ибо безъ того не было-бы ему никакой нужды мѣнять извѣстныя выгоды на неизвѣстныя. Онъ все, земледѣльческое собственно, имѣлъ за такую цѣну, за которую не можетъ получить въ другомъ мѣстѣ. Начальства же избѣжать — не можетъ входить и въ мысль его, такъ какъ онъ приученъ къ тому, что господская власть есть только такое же начальство, какое онъ встрѣтитъ во всякомъ другомъ состояніи, только болѣе заинтересованное въ его собственной пользѣ. Гдѣ власть неупотребляется во зло, тамъ она любезна. Впрочемъ легко доказать можно, что никогда законы наши не разумѣли подъ именемъ власти помѣщика безчестнаго права располагать челоуѣкомъ какъ скотомъ. Предоставимъ иностранцамъ выражать то, къ чему мы на языкѣ нашемъ и слова не имѣемъ (*Leibetgen(schaft)*) и послѣ ужасаться своего собственного выраженія!..

Понужденіе къ выполненію долговыхъ и другихъ обязательствъ также естественно принадлежитъ до полиціи, отъ которой поведеніе никакого поселянина укрыто быть не можетъ. Должникъ, неоплатный безъ вины его, получаетъ пособіе изъ общественной суммы, или отъ добродѣтельныхъ дателей, которыхъ вызывать дума поручаетъ священнику. Неоплатный же по нерадѣнію, которое всегда подразумѣвается, если должникъ не докажетъ тѣхъ несчастныхъ случаевъ, отъ которыхъ онъ пришелъ въ несостоятельность, отдается въ услуженіе кому онъ долженъ и до окончательной выплаты лишается распоряженія своимъ достояніемъ, которое отдается въ опеку.

2) Рекрутская повинность исполняется у меня слѣдующимъ способомъ:

Благочинный, получивъ по началству предписаніе о предстоя-

щемъ рекрутскомъ наборѣ, оповѣщаетъ о томъ поселанъ чрезъ десятскихъ, о которыхъ сказано выше. Немедленно составляется въ думѣ списокъ всѣхъ поселанъ отъ 19 и до 29 лѣтъ возраста безъ исключенія (дворовые мои люди вносятся въ оный на ряду съ другими). На таковыхъ отмѣченныхъ поселанъ раскладывается цѣна на рекрута, которая, вмѣстѣ съ издержками на его отдачу единожды навсегда положена въ 2000 рабочихъ дней (что составляетъ по нынѣшней оцѣнкѣ 600 рублей). Расклада дѣлается неравномѣрно, но сообразясь росту, лѣтамъ, семейству и достатку поселанина. Для приѣбра донесу вамъ, что нынѣшній разъ на нѣкоторыхъ пришлось по 2 рубля, а на другихъ по 20. Малорослые, на достаточнѣйшихъ изъ которыхъ полагается не свыше цѣны десяти дней работы (нынѣ трехъ рублей), должны непременно заплатить свою долю, ибо наборъ есть повинность общественная, въ которой неминуемо должно всякому участвовать, но не въ равной, однакожь, мѣрѣ, а смотря по тому, какъ природа и другія обстоятельства способствуютъ къ освобожденію его отъ оной. Подходящимъ къ указанной мѣрѣ роста предоставляется на волю внести свой пай, или явиться къ выниманію жеребья. Сіе послѣднее происходитъ въ думѣ; вынуженный жеребій, каждый по своему номеру, представляется въ рекрутское присутствіе и приемъ рѣшить кому надлежало быть отданнымъ. Буде бы случилось, что всѣ внесутъ положенное на нихъ по раскладкѣ, то дума назначаетъ сама нѣсколькихъ поселанъ, которыхъ она, по заключеніямъ своимъ, охотнѣе можетъ отдать; сама раздаетъ имъ номера и тотъ же постепенный порядокъ наблюдается при представленіи ихъ въ рекрутское присутствіе. Въ семъ случаѣ взятому въ рекруты деньги возвращаются. Употребленіе собранной такимъ образомъ суммы есть слѣдующее: во-первыхъ, изъ оной отдается рекрутъ со всѣми къ отдачѣ принадлежащими расходами, какъ-то: верхнимъ и нижнимъ одѣяніемъ, доставкой, и пр.; во-вторыхъ, изъ оной же взносятся рекрутскія деньги, кому слѣдуетъ, за излишекъ противу чѣтнаго числа душъ, слѣдовательно, нѣтъ уже надобности въ новой раскладкѣ на эти оба предмета, какъ сіе въ другихъ мѣстахъ обыкновенно дѣлается; въ-третьихъ, удовлетворяются заимодавцы отданнаго въ рекруты, буде таковые имѣются. Остальныя затѣмъ деньги будутъ храниться въ общественной кассѣ, яко принадлежащій ему собственно капиталъ, съ котораго указные 6 процентовъ препровождаются ему ежегодно, каждый разъ по полученіи отъ него черезъ почту извѣстія о его адресѣ и отъ начальника роты, или эскадрона, гдѣ онъ служитъ, аттестата въ томъ, что онъ похвальнаго поведенія. На послѣдокъ, по возвращеніи его изъ службы на покой, или въ гар-

низонъ, капиталъ сей отдается ему въ цѣлости, яко пособіе на обзаведеніе его домогъ. Ежели служивый изъ сдаточныхъ села Кручичка, бывъ отъ службы уволенъ, пожелаетъ поселиться на своей родинѣ, то дума немедленно отводитъ ему дворовое мѣсто, а помѣщикъ предоставляетъ навсегда урочныя десятины пахатной земли и сѣнокоса безъ взысканія обмененной повинности. Сіи два пособія, казалось мнѣ, по справедливости долженъ имѣть служившій столько лѣтъ за отечество отъ того мѣста, которое его на свѣтъ произвело. По сей-то причинѣ принять вышепоказанный періодъ жизни отъ 19 до 29 лѣтъ, не простирая его далѣе до указанныхъ годовъ; ибо назначать въ рекруты въ 30 и болѣе лѣтъ, значило бы сулить ему самую печальную будущность: возвратившись со службы онъ не будетъ уже имѣть силъ заводить дома, ниже семейства имѣть, хотя бы случаи службы и не отняли у него здоровья. Въ случаѣ смерти на службѣ нашего рекрута, капиталъ его возвращается въ пользу общества, которое его составило, т.-е. причисляется къ общественной суммѣ.

Иные, въ семь распоряженіи о наборѣ будутъ можетъ быть охуждать то, для чего женатые люди не исключены изъ упомянутаго списка отиѣченныхъ? Но я отдачу холостыхъ единственно, почитаю большимъ проступкомъ противъ здравой полетики. А почему?... Дабы сберечь здѣсь время и мѣсто, предоставляю собственной проицательности вашего превосходительства.

3) По смерти поселянна, имѣвшаго участка поля, или хуторъ, одинъ изъ его сыновей, имъ самимъ назначенный, или, если онъ не успѣлъ сего сдѣлать, назначенный думою, вступаетъ въ права владѣнія оставленной собственности. Прочіе сыновья, буде кто изъ нихъ не отданъ въ наученіе ремеслу, немедленно получаютъ отъ меня урочныя участки; сиротскіе остаются, до возраста малолѣтнихъ, на такомъ же основаніи, какъ и даваемые отставнымъ солдатамъ, т.-е. съ нихъ не взыскивается никакой повинности. Казалось мнѣ, что долгъ мой есть пещись о сиротахъ и дать имъ собственность прежде, нежели можно будетъ требовать отъ нихъ возмездія. Не мнѣ-ли принадлежить, рано или поздно, пристроить ихъ и дать имъ движимую собственность, дабы привести ихъ въ состояніе пользоваться и недвижимою? Дача участковъ въ малолѣтствѣ сіе замѣняетъ, ибо таковыя участки, вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ, какое по наслѣдству сиротѣ принадлежитъ, отдаются подъ опеку избранному отъ думы поселянину, получающему, въ вознагражденіе за свой призоръ, десятую долю собираемаго съ полей дохода. (Въ законѣ о дворянскихъ опекахъ положено только пять процентовъ, но призоръ опекуна-земледѣльца требуетъ

болѣе трудовъ). Или же предоставляется ему, во избѣжаніе счетовъ, сиротскіе участки обрабатывать въ собственную свою пользу, платя въ общественную казну ежегодно урочную съ каждой десятины повинность, за вычетомъ только десятой доли. И въ семь случаевъ было вужно назначать уступку, дабы заохотить опекуновъ обрабатывать сіи участки предпочтительнѣе нежели брать ихъ на собственный свой счетъ у помѣщика. Собираемая тѣмъ или другимъ образомъ деньги, за отдѣленіемъ того, что необходимо на содержаніе малолѣтнаго (который вездѣ въ деревняхъ, начиная отъ пяти лѣтъ, снискиваетъ уже себѣ собственнымъ трудомъ пропитаніе), вносится въ общественную кассу. Дума ведетъ счетъ симъ деньгамъ и процентамъ съ нихъ, ибо она сама отдастъ въ ростъ избытки своей суммы и съ преимущественными процентами. И весь накопленный капиталъ, который иногда простираться можетъ до 300 р., по совершеннолѣтію хозяина, выдается ему на заведеніе.—Если никто изъ назначаемыхъ думою не пожелаетъ взять на себя опекунской должности (что и случилось недавно съ нѣкоторыми сиротами), то званіе опекуна по всѣмъ правамъ принадлежитъ мнѣ. И въ такомъ случаѣ я, подобнымъ же образомъ, обрабатывая сиротскіе участки наемными людьми въ мою пользу, дѣлая иногда на нихъ самыя полезныя для поселянъ моихъ опыты, взношу принадлежащія за нихъ деньги въ общественную кассу на упомянутомъ же основаніи. Мать таковыхъ сиротъ опека обязана содержать на счетъ всѣхъ ихъ, до совершеннолѣтія сына, получающаго отцовское наслѣдіе, удѣляя ей, сверхъ того что она собственными трудами приобрѣсти можетъ, пристойную сумму. Если послѣ умершаго поселянина останутся только дочери, то одна изъ нихъ равнымъ образомъ получаетъ въ наслѣдство отцовскіе участки. Прочія, по усмотрѣнію думы, или отдаются въ наученіе какому либо ремеслу, или получаютъ отъ помѣщика участки полей и сѣнокосу, на томъ же основаніи какъ и сыновья, до совершеннолѣтія ихъ. А потомъ, или же при выходѣ въ замужество, онѣ съ своихъ участковъ начинаютъ платить только половину повинности противу мужчинъ. Вдова, оставшаяся безъ дѣтей, наслѣдуетъ также участки своего мужа съ обязанностію половиннаго же платежа; и въ обоихъ случаяхъ сей половинный платежъ продолжаетъ имѣть мѣсто, доволѣ участки по наслѣдству не перейдутъ въ мужскія руки. Въ случаѣ выхода въ замужество вдовы, или дѣвицы, имѣющей участки, въ другое селеніе (казенное, или помѣщичье), она съ мужемъ своимъ властна продолжать пользоваться ими съ тою же повинностію, или же уступить ихъ мнѣ, или одному изъ поселянъ Кручина, по добровольному условію. Но дѣтямъ, прижитымъ съ иносельнымъ мужемъ, въ наслѣдство оставить уже не можетъ. Плата за выводъ

невѣсть совершенно уничтожена у меня. Сосѣдственныя, казенныя или помѣщичьи, поселяне имѣютъ незатворенныя двери съатать ихъ (съ нѣкоторыми изъ помѣщиковъ я сдѣлалъ въ семь разумѣ взаимное обязательство; впрочемъ, родители должны предварительно извѣстить думу о томъ, куда они выдаютъ свою дочь). Эта мѣра, вмѣсто потери невѣсть для собственныхъ моихъ поселянъ, которою мени угрожали, сдѣлала то, что я имѣю довольно женщинъ за моими людьми изъ казенныхъ селеній.

4) Училище состоитъ также подъ вѣдомствомъ думы. Она отпускаетъ на оное ежегодно цѣну ста тридцати дней работы, сверхъ экстраординарныхъ издержекъ на починку строенія, построеннаго мною на сей предметъ. Цѣна тридцати дней работы употребляется на подарки вещами ученикамъ, которые отличились при испытаніи, или ихъ родителямъ, если отличие замѣчено со стороны благопріятія. А цѣна ста дней работы (по нынѣшней оцѣнкѣ 30 руб.) идетъ въ жалованье учителю. Въ дополненіе къ сему предоставлено ему право получать съ родителей учениковъ, по предварительному съ ними условію, въ годъ за каждаго отъ цѣны 3-хъ дней работы, до цѣны 30-ти дней, смотря по достатку поселянина. Испытанія бывають при членахъ думы и родителяхъ; приглашается также и смотритель уѣзднаго училища. Постороннихъ посѣтителей поставлено за правило не имѣть, ибо при простомъ семь училищѣ, основанномъ на началахъ христіанской религіи, не терпится ни одно средство, несогласующееся съ нею, къ числу которыхъ принадлежитъ возбужденіе тщеславія. Кончившимъ свое ученіе въ приходскомъ училищѣ села Кручика не возбраняется переходить въ уѣздное и тамъ продолжать свои науки на иждивеніи родителей. Постановлено, что въ случаѣ, если губернское начальство, по сообщенію къ нему университета, отзовется ко мнѣ, что кто-либо изъ дѣтей моихъ поселянъ въ уѣздномъ училищѣ обнаружилъ таланты необыкновенныя, обѣщающіе, что онъ вѣкъ земледѣльческаго званія можетъ принести въ ящшюю пользу государству, то я сообразно тому, что сказано выше о возрастныхъ поселянахъ, немедленно выдаю ему отпускную. Но въ семь случаѣ губернское начальство должно взять на себя понужденіе законнымъ порядкомъ выбывающаго поселянина ко взносу опредѣленной цѣны 2000 дней земледѣльской работы въ общественную сумму села Кручика, разумѣется въ то время, когда онъ службою государству, или исполненіемъ другого званія по талантамъ своимъ, получить къ тому возможность; ибо, — первое правило, безъ вѣрной надежды на выгоднѣйшую жизнь нѣтъ нужды переимѣнять званія, къ которому кто принадлежитъ; и, — второе, — общество должно быть вознаграждено за потерю своего члена: оно лишилось одного изъ орудій къ несенію общихъ тягостей.

5) Остается мнѣ донести вашему превосходительству о составленіи общественной суммы, о которой я столь часто упоминалъ. Я основалъ сіе составленіе на понятіи моемъ о податяхъ вообще; и оно есть слѣдующее:

Предметъ собирапія податей можетъ быть четвероякій, судя по ихъ назначенію. 1) На содержаніе правительства, пекущагося о цѣлости и благоустройствѣ общества; 2) на охраненіе сей цѣлости извнѣ (содержаніе войска и департамента иностранныхъ сношеній); 3) на охраненіе въ самомъ обществѣ личной безопасности каждаго гражданина (содержаніе полиціи и уголовныхъ судовъ), и 4) на охраненіе и обезпеченіе права собственности (содержаніе гражданскихъ судовъ). Первые три назначенія предполагаютъ личную или такъ-называемую, въ чужихъ странахъ, поголовную подать, независящую отъ сборовъ съ имущества, которые, однакожъ, также, болѣе или менѣе, должны въ ней участвовать. Послѣднее же предполагаетъ одни только сіи сборы. Такимъ образомъ я вижу, что только два рода повинностей основаны на самомъ свойствѣ вещи; или, точнѣе сказать, что существуетъ одинъ только родъ собственно подати, и одинъ—сборовъ. Послѣдній, въ строгомъ смыслѣ, можетъ имѣть два или три вида, не болѣе. Подать личная, или просто подать, должна быть всеобщая, не терпящая никакого исключенія, но умѣренная и для всѣхъ равная, поелику всѣ, отъ первѣйшаго богача, до послѣдняго работника въ рубищахъ безъ собственности и приюта, имѣютъ одинакую нужду въ охраненіи цѣлости общества, въ охраненіи личной безопасности и въ охраненіи права собственности. Сборъ же съ имѣній, напротивъ, долженъ соотвѣтствовать самимъ имѣніямъ.

Личная подать имѣетъ свои величайшія неудобства, но ихъ отворотить можно. Кто, напримѣръ, сомнѣвается въ томъ, что равный платежъ съ младенца, который едва успѣлъ родиться на свѣтъ, который есть только новое бремя своему отцу, и съ взрослого юноши въ полномъ цвѣтѣ силъ его, есть несправедливость? Что таковой платежъ есть даже жестокость, противная здоровой политикѣ, вызывающей умноженіе народа и видящей въ немъ свою славу? Земледѣлецъ, обремененный уже пятью сыновьями, изъ которыхъ и старшій не доставляетъ еще никакой ему помощи, а требуетъ содержанія, порадуется ли рожденію шестого? Не покусится-ли онъ, напротивъ, на умерщвленіе въ себѣ чувства, влекущаго его къ бѣдной его половинѣ? Не позавидуетъ-ли тому презрѣнному товарищу его, который, бросивъ земледѣліе и жену, развращается въ городахъ? Къ счастью, при кроткомъ нашемъ правительствѣ и умѣренности личной подати сіи неудобства меньше ощутительны.

Извѣстно, что ни въ одномъ селеніи, помѣщичьемъ-ли то, или казенномъ, подать не собирается по словамъ ревизской сказки, хотя итогъ ея служить основаніемъ податей. Перемѣны, случающіяся ежегодно въ семействахъ отъ ревизіи до ревизіи, препятствуютъ тому; слѣдовательно, ежегодно бывають новыя раскладки. Индѣ выпускають, обыкновенно, умершихъ и бѣжавшихъ; для наполненія же суммы вводить новорожденныхъ; недостатки за симъ раскладываютъ на все общество. Въ другихъ мѣстахъ сложность слѣдующаго ко взносу въ казначейство раскладываютъ на работниковъ селенія, т. е. на тягла, или заставляютъ ихъ обрабатывать, сверхъ барщины, участки земли, произведенія котораго обращаютъ на уплату всѣхъ казенныхъ повинностей; и такъ далѣе.—Я, принужденъ бывши также изобрѣтать средства для сего домашняго уравнианія казенныхъ податей, за взносъ которыхъ я, какъ помѣщикъ, отвѣтствую, разсудилъ расположить взисканіе ихъ съ тѣхъ только поселянъ, которые достигли совершеннаго возраста; но съ тѣмъ, что они въ слѣдующіе двадцать лѣтъ повинны заплатить всю недоимку за протекшіе до ихъ совершеннолѣтія двадцать лѣтъ, съ процентами ея. По прошествіи сего времени, т. е. послѣ сорокового года ихъ жизни, остается имъ платить только одинакую подать въ продолженіи двадцати же лѣтъ; наконецъ, послѣ 60-го года жизни и сія уничтожается. Способъ сей казался мнѣ представляющимъ великія выгоды: во-1-хъ) платежъ будетъ постоянно соответствовать естественнымъ періодамъ силы человѣческой; во-2-хъ) молодые люди, при самомъ вступленіи своемъ на поприще общественной жизни, поставлены въ необходимость трудиться и быть хозяевами, и это должно обратиться въ привычку на цѣлую ихъ жизнь; въ-3-хъ) они, сверхъ того, поощрены каждый къ бракамъ, ибо зная, что неминусомъ долженъ онъ платить отъ совершеннолѣтія своего определенную подать, и чрезъ двадцать лѣтъ сряду одинакую, найдетъ для себя выгоднѣе поспѣшить жениться и прижить дѣтей, за которыхъ онъ уже не платитъ государству, но которые могутъ ему помогать, бывъ подростками, т. е. за нѣсколько лѣтъ еще до окончанія срока двойнаго платежа отцовскаго и до наступленія ихъ собственнаго; въ-4-хъ) пощажены отцы, имѣющіе большія семейства; въ-5-хъ) совершенно освобождены старики, съ нуждою могущіе снискивать себѣ пропитаніе, и тягость платежа снята съ дѣтей, у которыхъ они доживаютъ остатокъ жизни.

По причинамъ, объясненнымъ ниже, платежъ казенной подати взялъ я собственно на себя: ибо я имѣю счетъ съ уѣзднымъ казначействомъ и я получаю отъ него квитанціи. Взисканіе же помощи мнѣ на пла-

тежь сихъ податей расположилъ по общему мѣрилу моему, цѣнѣ рабочаго дня, слѣдующимъ образомъ:

Выше сказалъ я, что поселянинъ, по самому безобидному для него счету, издерживаетъ 150 рабочихъ дней въ году, или ихъ цѣну, на то, чтобы имѣть собственность. Равное же число дней, при помощи обыкновенныхъ благодѣяній природы, совершенно достаточно на то, чтобы заставить сію собственность принести лихву свою, т.-е. его удовольствіе. Воскресенья и сверхъ оныхъ десять праздниковъ слѣдуетъ исключить: сіи 62 дня необходимо должны посвящаться религіи, отдохновенію и радостямъ жизни. Затѣмъ остается еще три дня въ году. Куда приличнѣе употребить ихъ какъ не на службу государству, т.-е. на взносъ личной подати?

На семъ основаніи принялъ-было я цѣну трехъ дней земледѣльческой работы мѣрою казенной повинности для одного лица, уравнивая всѣ возраста. Три дня работы въ году, или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 90 копѣекъ, не составитъ никакого затрудненія и для немѣющаго вовсе собственности подданнаго. Но вышедшій въ нынѣшнемъ году высочайшій манифестъ заставилъ меня прибавить еще четвертый день и назначить постоянную мѣру казенной повинности для всѣхъ живущихъ у меня людей мужескаго пола, въ 1 р. 20 к. Это и продолжится до тѣхъ поръ пока правительство, выведя изъ обращенія избыточное число ассигнацій, возстановитъ цѣну денегъ, слѣдовательно и личная подать, которая на массѣ ихъ въ государствѣ основана, естественно уменьшена будетъ. Но 1 р. 20 к., неплатимые втеченіи 20 лѣтъ, составятъ, съ процентами, сорокъ четыре рубля; слѣдовательно, молодой поселянинъ, вступая въ совершеннолѣтіе, будетъ нести на себѣ казеннаго долгу 44 р. Онъ можетъ или уплатить оный единовременно, или, что для него гораздо выгоднѣе, расположить выплату на слѣдующіе 20 лѣтъ. Если, по примѣру 20-лѣтняго банка, и взявъ въ разсужденіе прибаденный нынѣ шестой процентъ, также рискъ, предстоящій для казны отъ смертныхъ случаевъ, вмѣсто прежнихъ банковыхъ осьми положить десять процентовъ ежегоднаго взносу съ капитальной суммы, то придется ему платить по 4 р. 40 к., а съ приложеніемъ ежегодной, или текущей подати (1 р. 20 к.), всего пять рублей шестьдесятъ копѣекъ; т.-е. цѣна 18²/₃ дней работы въ годъ (а по прежнему предположенію 14 дней),—между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ отцамъ семейства приходится очень часто платить въ полтора раза болѣе сказанной суммы.

Чтобъ доказать вашему превосходительству, что казна не потеряла бы ничего при такомъ распоряженіи, донесу, съ живою примѣра, что, по счету въ селѣ моемъ, подать четырехъ

рублей двадцати копейекъ для взрослыхъ до сорока-одного года жизни, и девятидесяти копейекъ отъ сорока одного года до шестидесяти-перваго года составляетъ	418 р. 50 к.
Подать пяти рублей шестидесяти коп. для первыхъ, и рубля двадцати коп. для послѣднихъ, составила бы	558 » — »
Наконецъ подать семи рублей для первыхъ, и одного руб. пятидесяти коп. для послѣднихъ составила бы	697 » 50 ..
Дѣйствительно же платимая, на основаніи итога ревизской сказки, подать, съ накладными и пр., составляетъ	478 » 89 »

И положилъ навсегда довольствоваться первою суммою, основанною на взисканіи съ взрослыхъ земледѣльцевъ цѣны 14 дней работы, какъ бы ни были многочисленны ихъ семейства, а цѣну трехъ дней работы отъ сорока перваго до шестидесяти перваго года жизни. Недостающее же къ тому въ массу казенной подати, какова бы она ни была въ предбудущее время, долгомъ поставилъ прибавлять изъ собственныхъ денегъ, чтобъ не дѣлать перемѣны въ едва установившихся постановленіяхъ.

До сихъ поръ я говорилъ вашему превосходительству о личной подати, принадлежащей государству. Перехожу къ общественному сбору.

Село мое, какъ ни мало по числу жителей, но имѣетъ тѣже надобности, какъ и большія общества (города, столицы). Если я сему малому обществу возвращаю всѣ его гражданскія права и себя заключаю въ предѣлахъ съ нимъ общихъ, то самая справедливость требуетъ, чтобъ оно несло тѣ повинности, которыя охотно принимаютъ на себя большія общества ради сохраненія собственности и личной безопасности, сихъ двухъ главныхъ предметовъ общественной жизни. Имѣя судъ и расправу, на правилахъ основанные, имѣя полицію, поселяне мои должны содѣйствовать къ ихъ содержанію. Несправедливо было бы возложить всю сію тяжесть на меня одного: я не что иное какъ ихъ согражданинъ. Приношеніе имъ моего времени, моего покоя, есть уже жертва, которая остается неоплаченною. Прилично ли требовать отъ меня новой?

Итакъ, обращаясь къ вышензображенному понятію о подати и сборѣ, я суммы, потребныя на содержаніе моего малаго общества въ порядкѣ, располагаю уже не на лица, но на имущества.

По расчисленію нуждъ нашихъ достаточно, если каждый владѣлецъ участковъ внесетъ въ пользу общества съ десятины пахатной земли цѣну полутора дни работы въ годъ; что составляетъ, — оцѣны десятины какъ выше сказано, въ 150 дней работы, сотую долю цѣны ея. Сѣнокосъ считать не слѣдуетъ, какъ на продовольствіе одного скота служащій. Около тысячи десятинъ пахатной земли состоятъ

въ пожизненномъ оброкѣ, т. е. въ полномъ владѣніи у моихъ поселянъ; что составитъ сумму, равную цѣнѣ 1500 дней работы. Я получаю отъ сей земли доходъ равный съ ними, ея владѣльцами; слѣдовательно справедливость требуетъ, чтобъ и я платилъ обществу равную всей сложности ихъ сумму. Но какъ я, по личнымъ для меня отношеніямъ, въ которыхъ они нисколько ни участвуютъ, принадлежу и къ другому, большому обществу, т. е. государству, котораго и членъ прежде ихъ, или лучше сказать, для котораго я, по законамъ, въ одномъ моемъ лицѣ всѣхъ ихъ представляю, то и долженъ я раздѣлить сей мой платежъ на двѣ доли. ибо собственность у меня одна, а обязанностей двѣ: въ отношеніи малаго и въ отношеніи большого обществъ. Не входя въ вычисления, неудобовозможныя по неизмѣннѣю даннымъ задачи, обѣихъ сихъ моихъ обязанностей (какъ, на примѣръ, въ отношеніи поселянъ, вспоможеніе имъ въ недородѣ, и пр. и пр.), скажу только, что мнѣ казалось, что я, какъ помѣщикъ владѣемой ими земли, плативъ половину того, что всѣ они вообще вносятъ, дѣлаю едва ли не болѣе, нежели отъ меня потребовано быть можетъ. Другую половину долженъ я сберегать на тѣ сборы, которыхъ большое общество въ правѣ требовать отъ меня, какъ отъ своего сочлена. Въ отношеніи къ нему все имѣніе мое есть моя собственность, и она прирѣчна и ограждена правительствомъ посредствомъ войска, судебныхъ мѣстъ, полиціи... Въ семь-то разумѣ я отдѣляю часть другой половины общественныхъ сборовъ на дополненіе казенной съ поселянъ моихъ подати; въ семь разумѣ несу, безъ участія ихъ, всѣ платежи по экстраординарнымъ отъ правительства предписаніямъ.

Весь сборъ, поступающій ежегодно на общественныя нужды села въ его кассу, составляетъ теперь, на вышеизложенномъ основаніи, 675 рублей, или, по неизмѣняемому счету, цѣну двухъ тысячъ двухъ сотъ пятидесяти дней работы.

Сія сумма не только совершенно достаточна на всѣ наши нужды, но, при помощи доходовъ чрезвычайныхъ, остается еще избытокъ, употребляемый на раздачу поселянамъ въ займы, какъ выше я имѣлъ честь донести. Чрезвычайные доходы, и притомъ важнѣйшіе изъ нихъ, извѣстны уже изъ сказаннаго выше; сверхъ того причисляются къ нимъ: добровольныя приношенія отъ богатыхъ поселянъ, пени съ виноватыхъ, сборъ съ отпусковъ изъ села (въ обузданіе тѣхъ, кои, по дурной привычкѣ къ промысламъ, среди самаго лѣта ходятъ за солью или за рыбой), двадцатый улей каждую осень, собираемый со всѣхъ пчельныхъ хозяевъ, и проч. Само собою разумѣется, что и помѣщикъ подчиненъ сему послѣднему сбору на ряду съ другими.— Ваше превосходительство можете судить о нашей общественной Кре-

сто-Воздвиженской суммѣ изъ того, что въ прошедшемъ году вошло въ кассу 1717 рублей съ копѣйками, полагая, однако, въ семь же счету и казенныя подати, составляющія 478 р. 89 коп.

Въ числѣ расходовъ я еще не именовалъ: 1) жалованье священнику, составляющее цѣну 833¹/₂ дни работы, или, по нынѣшней оцѣнкѣ, 250 руб.; 2) жалованье дьячку и пономарю, вообще 331¹/₂ дн. раб., или 100 р., кромѣ участковъ земли, которыми они владѣютъ на ряду съ поселянами, но безъ взысканія съ нихъ повинности. Священникъ и они не получаютъ уже никакой платы отъ поселянъ за исполненіе своей должности, т.-е. за мірскія требы. Распоряженіе это, освобождающее ихъ отъ всякой, отъ поселянъ и меня, зависимости, подтверждено уже святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ въ 1806 году. 3) Цѣна ста дней работы ежегодно назначается для награжденія отъ думы двухъ лучшихъ земледѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ получаетъ цѣну 80-ти дней, а другой, какъ accessit, 20-ти. Сіе награжденіе дѣлается торжественно по окончаніи жатвы, и именно въ храмовой нашъ праздникъ Воздвиженія Креста Господня.—4) Расходы на починку церкви; 5) содержаніе сельской аптеки и подлекаря; 6) жалованье сторожу при думѣ, и наконецъ 7) матеріальное (канцелярское) ея содержаніе.

Я бы могъ донести вамъ, м. г., еще нѣчто о правилахъ, на которыхъ раздается общественная сумма поселянамъ въ займы; о сбереженіи и разведеніи лѣсовъ отдачею ихъ также въ собственность поселянамъ, на опредѣленныхъ правилахъ; о мѣрахъ, которыя приняты для ограниченія разныхъ привычекъ здѣшняго народа, вредныхъ земледѣлію; о способѣ взысканія долговъ, и проч. и проч. Но я опасаясь занять васъ подробностями, кои меньше достойны замѣчанія вашего нежели то, что я необходимостію счелъ сказать до сихъ поръ. Но чтобы нѣкоторымъ образомъ замѣнить и сей недостатокъ, я прилагаю у сего алфавитъ постановленій нашихъ вообще, такъ какъ они внесены въ записки думы. По крайней мѣрѣ содержанія оныхъ будутъ вамъ извѣстны.

Изъ всего вышепредставленнаго мною ваше превосходительство можете судить: помѣнятся ли мои поселяне на состояніе работниковъ англійскихъ фермеровъ, работниковъ, лишенныхъ не только всякой недвижной собственности, но большею частію и всякой надежды имѣть ее когда-либо? Вы, также, лучше меня можете судить: нашель ли я середину между безпечностію капиталиста, для котораго ubi bene ibi patria и употребленіемъ помѣщичьихъ людей какъ рабовъ, которыми упрекаютъ насъ чужестранцы? Впрочемъ я отнюдь не вообра-

жамъ себя изобрѣтателемъ; я знаю, напротивъ, множество сельскихъ учреждений подобныхъ моему и увѣренъ, что мысль о такомъ отношеніи между помѣщиками и ихъ поселинами, какое я здѣсь имѣлъ честь изобразить, есть общая мысль російскаго дворянства, и какъ бы ему врожденная. Тысячи благодѣтельныхъ заведеній въ разныхъ мѣстахъ, отъ Двины и Волги до Днѣстра, — искренняя привязанность большей части поселянъ къ ихъ помѣщикамъ, несомнительно это доказываютъ. Я вижу, съ одной стороны, начальниковъ, которымъ званіе представляетъ способы быть просвѣщеніе своихъ подчиненныхъ, а собственная польза и честь, кромѣ другихъ чувствованій, велятъ любить ихъ; — съ другой, вижу дѣтей, которымъ нужны отцы. Правда, можно находить въ пространномъ нашемъ царствѣ и противное тому, но, — есть-ли въ природѣ вещей добро безъ зла? И какое званіе свободно отъ урековъ, что въ немъ были изверги? Взгляните на исторію..

Политическія начала наши основываются не на Парижской энциклопедіи, но на энциклопедіи другой, несравненно древнѣйшей: на Библии. Цари наши не суть репрезентанты народа (мечтаніе нелѣпное!), но репрезентанты Того, Который „владѣетъ царствами и ему же хоцетъ дасть“. Въ нашей системѣ каждый членъ великой лѣстницы существъ представляетъ, для подчиненныхъ себѣ, то первообразное лицо, которое его на чреду поставило. Сямъ обезпечивается подчиненность, а подчиненностию обезпечивается порядокъ въ государствѣ. Древняя, донынѣ въ буряхъ вѣковъ и перемѣнѣ уцѣлѣвшая въ Россіи гіерархическая зависимость — есть нить связующая Государя съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Государь — сіе средоточіе подчиненности и порядка, приводящее собою постепенно все въ движеніе, озаряющее все, есть уже послѣдній видимый предметъ всеобщаго почитанія; но гіерархическая нить, скрываясь отъ бранныхъ нашихъ очей, идетъ далѣе; она оканчивается тамъ, у престола Монарха міровъ.

Въ заключеніе сего письма откровенно скажу вамъ, м. г., какъ одному изъ просвѣщеннѣйшихъ чиновниковъ въ Имперіи, слѣдующую мысль: Правительство наше, подлинно-благотворное по свойству своему и по личнымъ качествамъ возлюбленнѣйшаго нашего государя, едва-ли не болѣе могло бы сдѣлать пользы русскому народу вліаніемъ, какое оно въ состояніи имѣть на помѣщиковъ, направленіемъ, какое въ силахъ дать всѣмъ поступкамъ ихъ, чѣмъ освобожденіемъ такъ-называемыхъ рабовъ, тѣмъ или другимъ способомъ, изъ мнимои неволи. Я смѣю думать также, что тѣ изъ насъ, мелкопомѣстныхъ, которые разрѣшаютъ сей государственный узелъ, соединяющій всѣ состоянія, обманываютъ самихъ себя, воображая, что они дѣлаютъ добро. Они слагаютъ съ себя почтенное бремя, Провидѣніемъ и ко-

ренными законами на нихъ возложенное, для того чтобъ съ капиталами своими погрязнуть въ лѣности и развращеніи городовъ, чтобъ быть праздными зрителями, а не орудіями хода государственнаго.

Имѣю честь быть, съ совершеннымъ почтеніемъ и глубокою преданностію, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Василій Каразимъ.

Января 30 дня 1810 года.

III.

Записка, препровожденная мая 5-го дня 1820 года къ императору Александру Павловичу графомъ М. С. Воронцовымъ и княземъ А. С. Меншиковымъ, чрезъ руки статсъ-секретаря графа Наподистрія.

„Нѣсколько помѣщиковъ, бывъ одушевлены чистымъ доброжелательствомъ къ любезному нашему отечеству Россіи, искреннѣйшею благодарностію къ великому ея государю и чувствованіемъ обязанностей дворянства, къ которому за честь поставляютъ принадлежать, имѣютъ намѣреніе составить общество подъ руководствомъ управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, котораго цѣлю должно быть изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ, такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ. Они увѣрены, что таковое удаленіе единого справедливаго и важнаго порицанія, которому дворянство, среди всей славы отечества своего, подвергается въ глазахъ просвѣщенныхъ народовъ, есть въ настоящее время дѣло не только справедливое, но и благородное. Но, какъ всякое подобное намѣреніе не можетъ и не должно имѣть своего начала безъ высочайшаго соизволенія, то и повергается сія мысль на всемілостивѣйшее воззрѣніе премилосердаго государя нашего, безпрестанно пекущагося о благѣ своихъ подданныхъ“.

Примѣчаніе на копи съ записки: Подлинную записку подписали, кромѣ вышеозначенныхъ гг. генераль-адъютантовъ, братья Александръ и Николай Тургеневы, и, можетъ быть, еще кто; но мнѣ неизвѣстно.

В. Каразимъ.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ПЛАНЪ ОПЕРЫ „РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА“.

До сихъ поръ очень мало извѣстно о томъ, какъ составлялся планъ капитальнѣйшаго созданія Глинки, второй и послѣдней его оперы: „Русланъ и Людмила“. Всѣ, относящіяся до этого предмета свѣдѣнiя ограничивались немногими строками, помѣщенными самимъ Глинкой въ его Запискахъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Первую мысль о „Русланѣ и Людмилѣ“ подалъ мнѣ нашъ извѣстный комикъ князь Шаховской; по его мнѣнiю, роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой. На одномъ изъ вечеровъ у Жуковского, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей: „Русланъ и Людмила“, сказалъ, что онъ многое бы передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какiя именно передѣлки онъ предполагалъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намѣренiя“. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „Въ 1837 или 1838 году, зимою, я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки Руслана. Кукольникъ, всегда принимавшiй участiе въ моихъ произведенiяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы, и написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану. Около того же времени познакомили меня съ капитаномъ свитскимъ Ширковымъ, какъ съ человѣкомъ. вполне способнымъ написать либретто для новой моей оперы. По моей просьбѣ, онъ написалъ для пробы каватину Гориславы „Люби роскошная звѣзда“, и часть перваго акта. Опытъ оказался очень удовлетворителенъ, но вмѣсто того, чтобъ сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялся за каватину Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движенiи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно было уладить впоследствии“. Въ третьемъ мѣстѣ Глинка говоритъ про осень и зиму

1841 года: „Мнѣ дома было такъ хорошо, что я очень рѣдко выѣзжалъ, а сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы была готова. Осмотрѣвшись, однакоже, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нестора (Кукольника) и Мишу Гедеонова, сверхъ того былъ у меня на обѣдѣ и Владиславлевъ. По причинѣ отъѣзда Ширкова въ Украину, Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы... Такимъ образомъ, стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали Маркевичъ *), Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я“. Этими ограничиваются наши свѣдѣнія о составленіи плана либретто для „Руслана и Людмилы“.

Но эти свѣдѣнія очень неудовлетворительны, во-первыхъ по нѣкоторому заключающемуся въ нихъ противорѣчію, а во-вторыхъ по неполной ихъ точности. Нельзя не признать противорѣчіемъ того, что сначала сказано, что опера сдѣлана по плану Бахтурина (1838 г.), а потомъ въ другихъ мѣстахъ говорится, что при сочиненіи оперы ни плана, ни хода пьесы вовсе не было соображено, не было также никакой общей связи между частями оперы, и цѣлое сведено изъ отдѣльныхъ частей оперы лишь зимою 1841 г., т.-е. за нѣсколько мѣсяцевъ до 1-го представленія. Но гораздо существеннѣе другая неточность, встрѣчаемая въ запискахъ Глинки — неточность такого рода, что необходимо теперь защитить Глинку противъ его же самого. Когда сочинялась опера „Русланъ и Людмила“, Глинка отнесся къ плану ея вовсе не такъ легкомысленно или небрежно, какъ надо было-бы представить себѣ, опираясь только на его записки. Изъ имѣющихся теперь на лицо новыхъ документовъ оказывается, что гораздо раньше его сообщенія съ Кукольниковъ, Гедеоновымъ и Владиславлевымъ, за цѣлыхъ три года до тѣхъ поръ, самими Глинкою былъ составленъ очень обстоятельный и полный планъ будущей его оперы, — такой планъ, который конечно не лишенъ нѣкоторыхъ недостатковъ, но за то свободенъ отъ многого, за что не разъ нападали на либретто „Руслана“. Въ нынѣшнемъ видѣ этой оперы, всякому бросаются въ глаза многіе пробѣлы, пропуски въ содержаніи, дѣлающіе то, что нѣны сцены утратили свою связь съ другими, предшествовавшими; всякій чувствуетъ, что чего-то не хватаетъ въ сюжетѣ, точно изъ оперы вырѣзали вонъ нѣкоторые ея части; въ нихъ

*) «Маркевичъ (говоритъ Глинка при описаніи своего пребыванія въ Малороссіи, въ 1838 году) помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и подѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы».

мѣстахъ оказывается, вслѣдствіе того, недостатокъ дѣйствія, и отдѣльные номера оперы являются чѣмъ-то въ родѣ концертныхъ пьесъ. Но по первоначальному плану, въ составъ оперы должно было войти именно все то, чего ей теперь недостаетъ; здѣсь сохранены всѣ необходимыя, главные мотивы и событія, какъ они стоятъ въ поэмѣ Пушкина, и, войди они въ составъ либретто, безъ сомнѣнія гениальная опера Глинки выиграла-бы очень много со стороны драматическаго движенія. Она была-бы теперь безупречна даже и въ отношеніи сценическомъ.

Но этого не случилось. Неизвѣстно по какимъ причинамъ, быть можетъ по совѣту друзей (которыхъ, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ часто и слишкомъ покорно слушался), а можетъ быть и по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ, но Глинка измѣнилъ первоначальный свой планъ, и, надо признаться, во многихъ отношеніяхъ, къ невыгодѣ оперы. Этотъ-то первоначальный планъ мы и имѣемъ теперь возможность сообщить нашей публикѣ.

Свѣдѣнія о первоначальномъ планѣ оперы „Русланъ и Людмила“ заключаются въ небольшой нотной тетради, принадлежавшей Глинкѣ, и подаренной имъ одному изъ ближайшихъ друзей его, Петру Александровичу Степанову *). Тетрадь эту далъ Глинка, въ концѣ 1838 года, Несторъ Кукольникъ, написавъ на первой страницѣ: М. И. Глинкѣ, благословляя на сотвореніе „Руслана и Людмилы“, посылаетъ Н. К.; Глинка приписалъ внизу: 6 ноября. Въ Запискахъ своихъ, описывая зиму 1838 года, Глинка говоритъ: „Кромѣ упомянутыхъ пяти пьесъ (персидскій хоръ, маршъ Черномора, баллада Финна, каватина Гориславы: Любви роскошная звѣзда, каватина Людмилы: Грустно мнѣ, родитель дорогой) въ то уже время были записаны теми съ соображеніями контрапунктическими въ тетрадку, данную мнѣ для того Н. Кукольникомъ; она теперь находится у П. Степанова“. Но Глинка ошибся, сказавъ, что въ этой тетради заключаются только „темы съ соображеніями контрапунктическими“: напротивъ, и темъ и соображеній контрапунктическихъ здѣсь очень мало, и тѣ и другія являются лишь въ видѣ исключеній, а все дѣло состоитъ въ общемъ планѣ оперы, про который Глинка совершенно и забылъ, когда писалъ свои „Записки“ въ 1854—1855 году. Съ разрѣшенія П. А. Степанова, которому принадлежитъ записная тетрадь Глинки, я привожу здѣсь изъ первоначальнаго текста „Руслана и Людмилы“ все самое существенное и интересное.

*) Нынѣ генералъ-лейтенантъ и комендантъ въ Царскомъ-Селѣ. П. А. Степановъ—весьма обязательно сообщилъ намъ свои «Воспоминанія о М. И. Глинкѣ»; онѣ будутъ напечатаны въ «Русской Старинѣ».

ДВѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

№ 1. Заздравный хоръ. NB (еще не дѣланъ, donc carte blanche). Долженъ состоятъ изъ двухъ частей:

а) Maestoso, б) Vivace.

Нѣсколько возгласовъ не помѣшаютъ въ теченіи, а особливо въ началѣ хора.

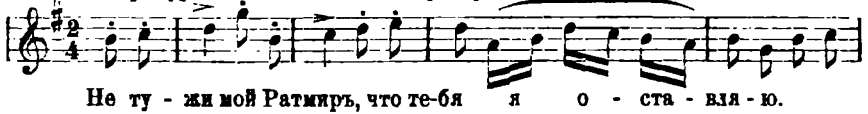
№ 2. Cavatina Людмилы. Послѣ ритурнела Andante car-picioso.

(Здѣсь дальше идетъ мелодія первой части каватины Людмилы, съ обозначеніемъ подъ нею, въ немногихъ мѣстахъ, баса. Но за этою первую частью не предполагалось хора «Не тужи дитя родимое», существующаго нынѣ въ партитурѣ, и переходъ отъ первой части ко второй былъ слѣдующій):

Послѣ ритурнела.

Allegro giocoso.

Не тужимой Ратмиръ, что тебѣ я оста-вля-ю.

Обращеніе къ другому жениху въ другомъ родѣ. Гр. Вельегорскій совѣтуетъ сдѣлать это послѣднее павиѣе прежняго; потомъ снова первый мотивъ, а тамъ еще разъ второе обращеніе, или pendant къ оному, и потомъ заключеніе аріи.

№ 3. Финаль (еще вовсе не дѣланъ). Состоять будетъ изъ слѣдующихъ частей:

- a) Allegro moderato maestoso. Призваніе боговъ на новобрачныхъ, ихъ отвѣты и a parte двухъ жениховъ.
- b) Похищеніе Людмилы. Vivace.
- c) Adagio. Оцѣпенѣніе и постепенный выходъ изъ него. Канонъ.
- d) Andante или Moderato. Входъ Ивана Царевича*), его Cavatina, и
- e) Stretta, въ коей пѣніе Ивана Царевича господствуетъ, и фраза Ивана Царевича должна быть повторяема другими и перемѣшана съ хоромъ.

ДВѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

№ 4. Баллада Финна. Слова Пушкина, только придѣлать нѣсколько речитативу и краткій дуэтъ. NB. Ивана Царевича въ семь актѣ не желаю.

№ 5. Сцена Фарлафа и его аріа. Вся Allegro и buffa.

№ 6. Сцена и аріа Руслана. Большой речитативъ (chauc-

*) Иванъ Царевичъ — братъ Людмилы, какъ видно изъ дуэта № 14.

tant), гдѣ Русланъ вооружается, по временамъ обнаруживаетъ ревность. En mi-mineur.

Арія. Allegro con spirito.

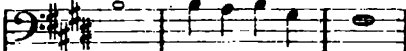

Я ѣ-ду ѣ-ду не сви-шу а какъ на-ѣ-ду не спу-шу не спу-шу

(Послѣ этого непосредственно слѣдуетъ существующее въ партитурѣ аллегро аріи Руслана):

и т. д.

Подъ темой и т. д. подписаны слова

самого Глинки: «Ты, Людмила, ты вѣрна мнѣ будешь», а передъ началомъ второй половины аріи снова повторена тема: «Я ѣду, ѣду не свишу, а какъ наѣду не спущу».

№ 7. Сцена Руслана съ головою. NB. Нельзя заимствовать слова изъ Пушкина.

ДВѢЮТЫЕ ТРЕТЬЕ.

№ 8. Персидскій хоръ. (Слова Пушкина). En mi-majeur.

№ 9. а) Cavatina Милолики (дать ей другое имя *).

б) Хоръ дѣвъ, игриво-насмѣшливо-фантастическій, въ ré-mineur; окончить amogoso въ fa-majeur.

№ 10. Cavatina Ратмира. Andante commodo assai (A-Dur).

Характеръ гнѣвно-безпечный. Мотивъ:

*) Имя «Милолика» замѣнено впоследствии именемъ «Горислава».

Accomp.: Viole tenuto, cello *arp. lento*. Вслѣдъ за *Andante Recitativo*, въ коемъ Ратмиръ объясняетъ дѣйствіе на него очарованія замка и, наконецъ, *Allegro agitato appassionato* должно выразить страстные порывы сладострастія.

- № 11. Танцы: а) *Entrée* ($\frac{3}{8}$, E-Dur, G-Dur); б) *Adagio* ($\frac{4}{4}$, C-Dur, G-Dur); в) *Variations* ($\frac{3}{4}$, G-Dur, E-Moll, C-Dur etc.); д) *Coda* ($\frac{6}{8}$, G-Dur, *avec surprise*).
- № 12. Квартетъ. Финаль (съ хоромъ женщинъ). Содер-

жаніе: Вбѣгасть Милолика, бросается въ Ратмиру. Ратмиръ, плѣснннй дѣвами, колеблется, она упрекаетъ ему въ двойной измѣнѣ — онъ готовъ уступить ея просьбамъ, но дѣвы пѣніемъ и танцами болѣе и болѣе увлекаютъ его, наконецъ доводятъ очарованіе до того, что онъ болѣе не узнаетъ прежней своей любовницы. Милолика въ отчаяніи бросается искать помощи у входящаго Руслана, но онъ, вмѣсто того, чтобы успокоить ее отъ вліянія чаръ гарема, самъ чувствуетъ къ ней невольную склонность и увлекается до того, что наконецъ преслѣдуетъ ее — Милолика въ крайней степени отчаянія — является Иванъ Царевичъ — дѣвы остаются неподвижны — упреки Руслану — соединеніе Ратмира съ Милоликой. Для конца дѣвы и замокъ расходятся.

Мотивъ de la séduction.

Viol. et flauto. Andante.

puis piqué avec contrap. soutenu. *oboi*

Viola c

fagotti

ДВѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(Внутренность Черногорова замка).

№ 13. Сцена Людмилы. Послѣ краткаго, но блестящаго речитатива —

Lento.

Людм.

Oboi. (Тоска по Русл.) Clarin. Quatuor.

Орк.

pizz. *senza bassi*

pizz.

con forza
 (сердится)
harmon.

и потомъ речитативъ *agitato* подобныйъ ему движению.

Послѣ речитативъ кончается торжественно; она призываетъ имя Руслана, бросаясь въ воду — ее вы-

таскиваютъ русалки, и снова тоска по Русланѣ, мотивъ въ H-Moll. Пѣніе хотя и съ перемѣнами, но подойдетъ подъ тотъ-же метръ, потому также пассажи въ D-dur, гдѣ она сердится, но речитативъ вмѣсто *agitato* долженъ быть томителенъ. Голодь ее мучить, и она воображаетъ, что падаетъ въ обморокъ. Потомъ куранты; она готова соблазниться, но рѣшается на послѣднее: повѣситься.

Людмила сама себя убаюкиваетъ на качеляхъ.

Allegretto.

leggierissimo. flauti.

Cellista geolet.

Ба-ю ба - ю-шекъ баю ай Люд-ми-лу-шкубаю
 Еще разъ и потомъ засыпаетъ, чѣмъ кончается сцена и слѣдуетъ —

№ 14. Дуэтъ. Приходъ Ивана Царевича прерываетъ сонъ и сцену — краткій речитативъ и потомъ слѣдующее *Allegro*:

Иванъ Царевичъ.

marcato.
 Не ту-жи Люд-ми-ла, а спа-су те-бя.

Людмила.

dolce. Такъ ужели, братецъ

ты спасешь ме - ня?

Adagio фантастическое, описание страннаго могущества. Черномора. Вдали раздаются звуки Черноморова марша. Финаль дуэта *Vivace agitato*.

- № 15. а) Маршъ.
 б) Братвій речитативъ между Людмилою и Черноморомъ. Людмила съ негодованіемъ отвергаетъ объясненіе любви Черномора.
 в) Татарское пѣ.
 д) Сраженіе (battaglia).
- № 16. Финаль. Тріо съ хоромъ между Русланомъ, Ратмиромъ и Милоликой. Сцена ревности Руслана, нашедшаго Людмилу погруженною въ сонъ. Ратмиръ и Милолика тщетно стараются утѣшить его.

ДВѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

- № 17. а) Романсъ Ратмира. Припѣвъ: Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость.
 б) Дуэтъ Нанны съ Фарлафомъ (Duettino). Убіеніе Руслана и похищеніе Людмилы.
- № 18. Дуэтъ между Ратмиромъ и Иваномъ Царевичемъ.
 а) Agitato
 б) Призваніе Финна.
 в) Allegro. Финнъ воскрешаетъ Руслана.
- № 19. Квнтетъ, и выходъ дѣйствующихъ лицъ со сцены.
- № 20. Финаль оперы. За катафалкомъ, на коемъ лежитъ спящая Людмила, находится должно два оркестра, духовой и трубачи, а также и хоръ.
 а) Хоръ съ оркестрами въ глубинѣ театра. Содержаніе горестное.
 б) Тоска отца по дочери и педоумѣніе Фарлафа.
 в) Приходъ витазей и пробужденіе Людмилы.
 д) Всеобщая радость.

Последній мотивъ:

Сол.

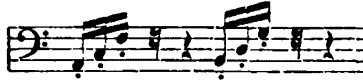
Хоръ.

Судя по черниламъ и почерку весь этотъ планъ оперы написанъ въ одно

время, за разъ. Но дальше въ той-же тетради, пропуская нѣсколько бѣлыхъ листовъ, въ болѣе позднее время написанъ, на двухъ страницахъ, отрывокъ изъ финала 4-го дѣйствія; здѣсь участвуетъ уже «Горислава» (прежня «Миголика»).

Andante mosso.

Фигура ревности

Далѣ написано соло кларнета и речитативъ Руслана: «О жизни отрада», въ сопровожденіи выписанной выше фигуры аккомпанемента; послѣдніе такты этого отрывка написаны слѣдующимъ образомъ:

писать въ ?

Русланъ: Горислава:

ми - лыхъ у - стахъ Спокой - ся, Люд -

ми - ла про - свется не

(Далѣ ничего болѣе нѣтъ).

Сличая первоначальный планъ оперы съ нынѣшнимъ ея либреттомъ, мы находимъ слѣдующее:

1) По прежнему плану, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ должно было находиться одно новое, нынѣ несуществующее: Иванъ-Царевичъ, братъ Людмилы, по-видимому юноша, и назначенный собственно для того, чтобъ въ ансамбляхъ былъ на лицо теноръ, такъ какъ Ратмиръ долженъ былъ исполняться контръ-альтомъ, а Финиъ (теноръ) рѣдко имѣлъ возможность являться на сценѣ. — Изъ числа же нынѣшнихъ дѣйствующихъ лицъ, Нанна и Фарлафъ имѣли гораздо болѣе значительныя роли, чѣмъ теперь, а Черноморъ не былъ нѣмъ, какъ нынѣ-

че, и участвовалъ въ отдѣльной сценѣ съ Людмилой. Такимъ образомъ, волшебный элементъ получалъ несравненно болѣе важности, смысла и интереса, въ сравненіи съ нынѣшнимъ либретто.

2) По прежнему плану, опера должна была состоять изъ 20-ти номеровъ; нынѣ ихъ въ оперѣ 27, а такъ какъ существующіе теперь 4 антракта въ прежнемъ планѣ не упомянуты, и дуэтъ Финна съ Русланомъ числился прежде въ одномъ номерѣ съ балладой Финна, — то въ общемъ итогѣ число номеровъ было почти совершенно одинакое.

3) Прежде предполагались слѣдующіе нумера, оставленные потомъ Глинкой безъ исполненія:

а) Каватина Ивана-Царевича (1-й актъ).

б) Хоръ волшебныхъ дѣвъ послѣ аріи Милолики-Гориславы (3-й актъ).

в) Дуэтъ Ивана-Царевича съ Людмилой (4-й актъ).

г) Речитативъ между Людмилой и Черноморомъ (4-й актъ).

д) Дуэтъ Нанны съ Фарлафомъ (5-й актъ).

е) Дуэтъ Ратмира съ Иваномъ-Царевичемъ (5-й актъ).

ж) Сцена Финна съ Русланомъ — воскрешеніе этого послѣдняго (5-й актъ).

з) Квартетъ: Иванъ-Царевичъ, Ратмиръ, Русланъ, Финнъ и Нанна.

Сверхъ того, изъ числа существующихъ теперь номеровъ, Иванъ-Царевичъ участвовалъ въ финалахъ 1-го и 3-го акта: въ первомъ изъ нихъ (въ послѣдней стреттѣ) онъ долженъ былъ занимать то мѣсто, которое теперь занимаетъ Ратмиръ, а въ концѣ финала 3-го акта онъ долженъ былъ исполнять нынѣшнее назначеніе Финна: уничтожить замокъ Нанны и разрушить дѣйствіе ея чаръ на Ратмира и Руслана. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что лицо Ивана-Царевича было едва-ли не лишнее, и нынѣшнее либретто ничего не потеряло, лишившись его.

4) Самые существенныя различія нынѣшняго либретто противъ прежняго встрѣчаются въ 3-мъ и 5-мъ актѣ. По прежнему плану тутъ вовсе не было той безсвязности и отрывочности, которая теперь слишкомъ замѣтна въ этихъ частяхъ оперы; напротивъ все шло очень послѣдовательно, и дѣйствіе развивалось на основаніи мотивовъ, очевидныхъ для зрителя. — Въ нынѣшнемъ 3-мъ актѣ сначала исполняется „персидскій хоръ“: „Ложится въ полѣ мравъ“; пропѣвъ его, хористки уходятъ со сцены, безъ всякой причины. Затѣмъ является Горислава, и, пропѣвъ свою арію, — уходитъ, тоже безъ всякой причины. За нею, входитъ Ратмиръ и поетъ свою арію; слѣдуютъ танцы, и потомъ снова является (опять безъ всякой причины) Горислава и съ нею прежній хоръ дѣвъ. По первому плану, все это было совершенно иначе. Сначала шелъ

хоръ волшебныхъ дѣвъ Нанны — это былъ призывъ, изъ среды очарованнаго замка, къ Ратмиру, ѣдущему по дорогѣ, мимо замка Нанны. При послѣднихъ звукахъ этого хора вбѣгала Горислава и высказывала влюбленную тоску свою, въ разлукѣ съ Ратмиромъ. Хоръ волшебныхъ дѣвъ, не уходившихъ все это время со сцены, обращался къ ней „съ игривой насмѣшливостью“, такъ что Горислава должна была уйти, не будучи въ состояніи вынести ихъ насмѣшекъ. Между тѣмъ являлся Ратмиръ и начиналъ свою сцену тѣмъ, что „объяснялъ дѣйствіе на него очарованія замка“, а потомъ выражалъ страстные порывы сладострастія, такъ что послѣ его аріи хоръ волшебныхъ дѣвъ (не являющихся вновь, а все время остававшихся на сценѣ) продолжалъ все болѣе и болѣе увеличивать чародѣйственное вліяніе свое на страстнаго юношу. — Въ концѣ дѣйствія, Русланъ снова „соединился съ Гориславой“ (чего въ нынѣшнемъ финалѣ 3-го акта вовсе нѣтъ), и этимъ объяснялся романсъ 5-го акта: „Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость, она мнѣ возвратила вновь мою утраченную молодость“. Въ 5-мъ актѣ царствуетъ, въ настоящее время, наибольшая темнота и путаница. Что случилось съ Людмилой, послѣ того, какъ Русланъ увезъ ее изъ черноморова замка, какимъ образомъ она исчезла, и какъ вдругъ очутилась, вмѣстѣ съ Фарлафомъ, опять въ Кіевѣ, какимъ образомъ волшебный перстень, данный Финномъ Ратмиру для воскрешенія Людмилы, вдругъ оказывается въ рукахъ Руслана, и откуда берется самъ Русланъ снова въ Кіевѣ — все это остается для зрителя совершенно необъяснимымъ, и представляется какою-то удивительнѣйшею путаницей. Въ первоначальномъ планѣ не было ничего, въ этомъ мѣстѣ оперы, темнаго и страннаго. Сначала представлялся станъ Руслана и Ратмира, ѣдущихъ въ Кіевъ съ отбитыми уврага Людмилой и Гориславой; они остановились на ночлегъ, всѣ въ станѣ спятъ, кромѣ одного Ратмира, мечтающаго о возвращенной имъ возлюбленной. Послѣ своего страстнаго романса, Ратмиръ, утомленный, какъ и прочіе его спутники, располагался и самъ на покой; во время его сна являлся тайкомъ Фарлафъ, ведомый злой волшебницей Нанной, убивалъ Руслана и, похитивъ погруженную въ волшебный сонъ Людмилу, быстро исчезалъ вмѣстѣ съ нею со сцены. Въ это время показывался Иванъ-Царевичъ, будилъ Ратмира, рассказывалъ ему о похищеніи, и оба призывали Финна, который воскрешалъ Руслана и вручалъ ему волшебный перстень для того, чтобъ пробудить Людмилу. Все это давало новые и богатые мотивы для композитора, и должно было внести много дѣйствія въ первую половину 5-го акта, нынче, въ сценическомъ отношеніи, совершенно ничтожную. — Во второй половинѣ этого-же акта, приходъ Ратмира съ Гориславой и Русланомъ былъ уже вполне мотивированъ

и развязка оперы развита совершенно удовлетворительно.—Въ концѣ сценаріума 5-го акта мы встрѣчаемъ слова, кажущіяся на первый взглядъ непонятными: „Тоска отца по дочери, и недоумѣніе Фарлафа“. Что значить это „недоумѣніе“, къ чему и къ кому оно относится? Мы получаемъ объясненіе этимъ загадочнымъ словамъ, прочитавъ программу финала 5-го дѣйствія“ по рукописи, принадлежащей теперь императорской публичной библиотекѣ, и относящейся къ одному времени съ настоящимъ первоначальнымъ планомъ оперы *). Тутъ написано „Отецъ съ презрѣніемъ упрекаетъ Фарлафа, что тотъ не можетъ разбудить Людмилы. Отвѣтъ Фарлафа или обращеніе къ публикѣ, выражающее недоумѣніе и негодованіе на Нанину“... Въ нынѣшней партитурѣ этотъ мотивъ, къ сожалѣнію, также утраченъ.

5) Что касается до самой музыки, то мотивы, въ томъ видѣ, какъ они записаны Глинкой въ ихъ первоначальномъ планѣ, объясняютъ многія его намѣренія. Такъ, наприм., мы узнаемъ, что исходящія гаммы въ началѣ аріи Людмилы 4-го акта должны были выражать, что она „сердится“; мотивъ нынѣшняго хорика (G-Dur) „Мирный сонъ“ имѣлъ первоначально значеніе просто колыбельной пѣсни „баюшки-баю“, а фигура басовъ, послѣ прихода Руслана въ финалѣ 4-го же дѣйствія (см. выше) означала — ревность Руслана. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что если въ теченіе времени съ 1838 по 1842-й годъ ухудшилась программа оперы, то вмѣстѣ съ тѣмъ, сама музыка ея выиграла безмѣрно много. Именно этотъ періодъ времени долженъ почитаться эпохой высшаго и стремительнѣйшаго развитія музыкальнаго гения Глинки. Судя по первоначальному плану, въ то время, когда Глинка начиналъ сочинять свою оперу, въ 1837 и 1838 году, многіе изъ первобытныхъ его мотивовъ были слабы и незначительны, иногда даже просто плохи (наприм. мотивы для сцены Фарлафа во 2-мъ актѣ, мотивъ дуэта Ивана-Царевича съ Людмилой въ 4-мъ актѣ, послужившій впоследствии для довольно слабого дуэта Ратмира съ Финномъ, мотивъ для заключительнаго хора оперы, allegro первой аріи Людмилы, allegro аріи Руслана). Почти все самое значительное, все самое великое изъ того, что существуетъ нынче въ оперѣ (пнтродукція и финалъ 1-го акта, сцена Фарлафа, первыя двѣ части аріи Руслана, волшебные хоры и хоръ „Погибнеть“ 4-го акта, финалъ 5-го акта), все это не только сочинено, но и задумано лишь въ 1840 и 1841 годахъ. Исключеніе состав-

*) Отчетъ имп. публ. библ. за 1867-й годъ, стр. 44 — 45. Тамъ было высказано ошибочное предположеніе, что программа 5-го акта назначалась для барона Раля, арранжировавшаго военную музыку. Теперь ясно, что она была назначена для либреттиста. В. Стасовъ.

ляють: персидскій хоръ, баллада Финна и маршь Черномора, сочиненные уже въ 1838 году.

6) Наконецъ, на вопросъ: не есть ли весь этотъ первоначальный планъ „Руслана и Людмилы“ тотъ самый планъ, который „въ четверть часа написалъ Бахтуринъ“ въ 1838 году, — кажется можно отвѣчать теперь съ полною вѣроятностью, что это по коренному основанію дѣйствительно тотъ самый планъ, но уже вполне пройденный и обдуманый Глинкой, и въ этомъ убѣждаютъ многочисленныя художественныя подробности, могущія принадлежать одному лишь композитору. Въ числѣ ихъ надо указать и на метръ, въ иныхъ мѣстахъ опредѣленный самимъ Глинкой. Такъ, напримѣръ, для заздравнаго хора онъ назначилъ, для начала, метръ

Дѣ - ла да - вно ми - нув - шихъ дней

— — — — —
или же:
— — — — —
для конца:
— — — — —

Для конца финала 1-го акта размѣръ „весьма краткій“, какъ-то:

Ты меня
На Руси и проч.

Въ заключеніе замѣтимъ, что уже начиная писать оперу, Глинка опредѣлилъ, въ какомъ тонѣ должна быть сочинена каждая пьеса, и отъ этого уже не отступалъ, до самаго окончанія оперы. Кажется единственное исключеніе составляетъ арія Ратмира, перенесенная изъ тона *A* въ тонъ *B*.

В. В. Стасовъ.

ЛУИЗА ФЕДОРОВНА ВИСТИНГГАУЗЕНЪ.

Начальница Патриотическаго Института.

† 1847.

Мы получали печатаемую вслѣдъ за симъ статью при слѣдующемъ письмѣ:
«Во II-мъ томѣ «Русской Старины» 1870 г. (стр. 131) прочла я рассказъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело на воспитанницъ патриотическаго института событіе 14 декабря 1825 года.

«Я сама воспитывалась въ этомъ институтѣ и въ это время была тамъ, почему могу засвидѣтельствовать, что помннутый рассказъ неоснователенъ: всякой благомыслящій человекъ, даже прочтя его, догадается, что если тогда начальница института и дѣйствительно кому-либо шутя сказала, что слышанная пальба была наказаніемъ за то, — что дѣвицы рѣдко говорятъ по-французски, то это конечно было сказано съ намѣреніемъ прекратить дальнѣйшіе разспросы дѣтей о причинѣ пальбы и заставить ихъ прилежнѣе заниматься языкомъ, сдѣлавшимся столь необходимымъ въ жизни. Между тѣмъ напечатанное въ Р. С. бросаетъ какую-то смѣшную тѣнь на бывшую начальницу, тогда какъ извѣстно всѣмъ, что г-жа Вистинггаузенъ (Wistinghausen) — была умная, почтенная дама, рѣдкая начальница, посвятившая себя исполнѣ своимъ обязанностямъ, которую любили и воспитанницы и служившіе съ ней и всѣ знавшіе ее. Въ подтвержденіе словъ моихъ, препровождаю статью, которую одна изъ моихъ подругъ-товарокъ, какъ называли мы другъ друга въ институтѣ, просила меня напечатать. Помѣщая ее въ «Русской Старинѣ», я надѣюсь, что правдивый рассказъ моей пріятельницы исполнѣ изгладитъ въ вашихъ читателяхъ то дурное и несправедливое впечатлѣніе, какое статейка во II-мъ томѣ вашего изданія могла бы поселить въ нихъ о достойнѣйшей во всѣхъ отношеніяхъ женщинѣ.

П. К. Яковлева.

Съ своей стороны мы можемъ засвидѣтельствовать, что г-жа П—ли, сообщившая анекдотъ изъ времени пребыванія своего въ Патриотическомъ Институтѣ въ 1825 г., отнюдь не имѣла намѣренія набросить тѣнь на бывшую свою начальницу. Она исполнѣ раздѣляетъ съ своими совоспитанницами чувства безпредѣльнаго уваженія къ памяти г-жи Вистинггаузенъ. Рассказъ же свой г-жа П—ли привела какъ доказательство того авторитета, какимъ поль-

зовалась Луиза Федоровна между дѣвицами вѣреннаго ей института: невинная шутка ея, какою безъ сомнѣнія было замѣчаніе о выстрѣлахъ направленныхъ противъ заговорщиковъ 14 декабря, была принята дѣвицами за непреложную истину. Возможность подобной шутки не отвергаетъ и г-жа Яковлева. Во всякомъ случаѣ, мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто интересной замѣткѣ о Л. О. Вистинггаузенѣ, достойной сподвижницѣ трехъ императрицъ въ ихъ заботахъ о воспитаніи дочерей русскаго дворянства.

Ред.

Желая передать святую для меня память о бывшей въ теченіи тридцати лѣтъ начальницей Патриотическаго института, Л. О. Вистинггаузенъ, — другимъ ея питомцамъ, которыя бы также помнили о ней добрымъ словомъ, мнѣ пришло на мысль посвятить ея личности небольшую замѣтку, продиктованную мнѣ чувствами искренней глубокой благодарности.

Я поступила въ патриотическій институтъ почти въ одно время, какъ Луиза Федоровна была переведена туда изъ начальницъ Дома Трудолюбія, что нынѣ Елисаветинскій Институтъ. Въ то время она имѣла при себѣ пять дочерей, которыя кромѣ старшей, бывшей уже замужемъ, по мѣрѣ своего возраста, начинали ходить въ классы и учиться вмѣстѣ съ нами. Съ ними однако Луиза Федоровна обходилась точно также, какъ и со всѣми нами; къ нимъ она даже была взыскательнѣе и требовала, чтобы онѣ служили примѣромъ другимъ. Не стану и говорить о томъ, съ какою любовію обходилась она съ нами, какъ, можно сказать, изучала характеръ каждой, старалась истреблять дурныя наклонности, поощрять хорошіе поступки, — ограничусь только рассказомъ о томъ, что извѣстно мнѣ самой; такъ какъ я, окончивъ ученіе въ институтѣ, оставалась въ немъ до самой кончины незабвенной нашей маман.

Немногія изъ воспитанницъ института были дочери достаточныхъ родителей, большая часть, какъ и теперь, поступаютъ туда дѣти бѣдныхъ отцевъ. Одинъ изъ послѣднихъ, имѣвшій трехъ дочерей и сына, и содержавшійся скромнымъ жалованьемъ по службѣ и небольшими посторонними занятіями, желалъ дать дочерямъ своимъ образованіе, и изъ скудныхъ своихъ средствъ платилъ за старшую въ патриотическій институтъ. Когда узнала это маман — да позволено мнѣ будетъ употреблять это названіе, оно такъ тѣсно соединено въ моемъ сердцѣ съ именемъ моей покойной благодѣтельницы, такъ точно и такъ кратко выражаетъ ея къ намъ отношенія, мы такъ привыкли къ нему, что я и не могу назвать ее иначе — когда она узнала о томъ, она приняла искреннее участіе въ семействѣ и, по ея ходатайству, другая сестра дѣвицы была помещена бывшею пред-

сѣдательницею патриотическаго общества Е. А. Уваровою на казенный счетъ; третья на счетъ экономическихъ суммъ, сына успѣла она своими связями помѣстить въ горный институтъ. Я указала здѣсь одинъ примѣръ, но они были безчисленны. Сестеръ и многихъ другихъ бѣдныхъ воспитанницъ она старалась принимать на счетъ институтскихъ или экономическихъ суммъ, и были примѣры, что такимъ образомъ воспитывалось нѣсколько сестеръ, одна за другой.

Что касается до надзора за воспитанницами, за порядкомъ въ домѣ, за всѣми лицами, принадлежащими къ институту, то мы не могли надивиться, когда находила она время за всѣмъ смотрѣть, все видѣть. Она была съ нами безпрестанно, въ дортуарахъ, въ классахъ, за столомъ. Обѣдала она всегда съ нами, даже и тогда, когда замужня ея дочери, зятя, или кто-либо изъ знакомыхъ обѣдали у нея въ ея комнатахъ, и потому насъ кормили всегда хорошо. Въ 1827 г., когда институтъ поступилъ подъ высшее покровительство императрицы Александры Θεодоровны и покойный государь обратилъ содержаніе его на инвалидный капиталъ, дабы дать возможность воспитывать большее число дочерей бѣдныхъ раненыхъ, повелѣно было расширить помѣщеніе институтскаго дома, а дѣвицъ перевели на лѣто въ Царское Село, въ Александровскій дворецъ, и императрица Марія Θεодоровна, живши въ Павловскѣ, часто посѣщала насъ. Приѣхавъ однажды къ намъ во время обѣда, она, разумѣется, нашла за столомъ нашихъ и маман, и возвратясь въ Павловскъ, призвала къ себѣ статсъ-секретаря своего, покойнаго Гр. Ив. Вилламова.

„Знаете ли, какую радость я видѣла?— сказала она ему. Въ Патриотическомъ институтѣ начальница обѣдаетъ за однимъ столомъ съ дѣтьми. Это надобно завести и въ нашихъ институтахъ“.

— „Я это давно знаю“— отвѣчалъ Григорій Ивановичъ — „но не думаю, чтобы мы согласили на то нашихъ статсъ-и кавалерствен-ныхъ дамъ“.

Упомяну здѣсь вкратчѣ, что въ Царскомъ Селѣ мы тогда блаженствовали. Всякій вечеръ водили дѣвицъ гулять въ аллею, гдѣ встрѣчались мы съ царскими дѣтьми и играли съ ними. Самое большое наказаніе для провинившихся было то, что ихъ не брали гулять вмѣстѣ съ другими.

Я уже сказала, что мы удивлялись дѣятельности маман. Несмотря на постигшіе ее сильныя удары (потеря четырехъ взрослыхъ дочерей и сына), она нисколько не оставляла свои занятія по институту. Мы никогда не видали ее больною, и не понимали, когда она отдыхаетъ и спитъ, потому что часто по ночамъ обходила она дортуары; днемъ же — ее видѣли постоянно вездѣ, и дѣвицы говорили:

„что это такое? никуда нельзя выдти, вездѣ встрѣтишь татапа; вотъ ужъ отъ нея нигдѣ не скроешься“. Всегдашнимъ своимъ обращеніемъ съ дѣвцами, она такъ хорошо знала каждую, что если она которую-либо изъ нихъ поймаетъ невзначай за чѣмъ-либо нехорошимъ или тамъ, гдѣ ей быть не должно, то виновная никакъ не смѣла ей солгать, думая, что она по лицу ея узнаетъ правду. Дѣти называли ее всевѣдущей. Императоръ Николай Павловичъ отозвался о Луизѣ Федоровнѣ, что она гениальная женщина.

Дѣвцы изъ старшаго класса дежурили у ней цѣлый день и, такимъ образомъ, она ближе знакоилась съ ними и узнавала ихъ характеръ.

Послѣ обѣда она обыкновенно садилась у дверей и всѣ дѣвцы попарно проходили мимо ея; на каждую она смотрѣла съ большимъ вниманіемъ, и вообще когда замѣчала, что которая-либо изъ нихъ блѣдна или скучна, призывала ее къ себѣ, спрашивала объ ея здоровьѣ, отъ чего она грустна, и если послѣднее было отъ какихъ-либо обстоятельствъ, семейныхъ или институтскихъ, старалась помочь и поправить. У трудно-занемогшихъ, она часто проводила на казенномъ тюфякѣ подлѣ больной цѣлыя ночи, давала ей сама лекарства, и ухаживала такъ, какъ только можетъ ухаживать мать за любимымъ ребенкомъ; тутъ не различала она, хорошая или дурная дѣвица была больна; ко всякой она была добра и внимательна и старалась исполнять даже ея прихоти. При обходѣ больницы врачамъ, она всегда находилась сама и наблюдала, чтобы приказанія доктора о каждой были строго исполняемы. Послѣ перестройки дома, спальня ея была подлѣ лазаретной комнаты, гдѣ лежали больныя трудныя, и чуть ночью которая-нибудь изъ нихъ застонетъ, татапа уже подлѣ, спрашиваетъ, утѣшаетъ, успокоиваетъ.

Никакія родства, знакомства, связи не имѣли вліянія на отношенія татапа къ дѣвцамъ: для нея были всѣ равны; она отличала и поощряла хорошихъ, взыскывала съ дурныхъ, чьи бы дѣти онѣ ни были. Одну вновь поступившую дѣвицу посадили въ классѣ между другими; она спросила у своей сосѣдки, кто ея отецъ, и когда та сказала, что поручикъ, новенькая объявила, что не хочетъ сидѣть возлѣ дочери поручика, такъ какъ отецъ ея князь. Матапа стояла сзади и слышала это. По окончаніи класса, она взяла приѣзжую за руку, поставила передъ дѣвцами и стала дѣлать ей наставленія и стыдить; съ тѣхъ поръ между дѣвцами не было и рѣчи о званіи каждой.

Въ 1824 г., во время наводненія, татапа такъ много хлопотала, заботилась о пострадавшихъ и помогала имъ, что примѣръ ея оду-

шевилъ и всѣхъ дѣвицъ. Мы всѣ стали просить у нея дозволенія отвязаться отъ хлѣба, который давали намъ за завтракомъ, въ пользу несчастныхъ. Намъ дозволили это и мы смотрѣли въ окно, когда выносили корзину съ хлѣбомъ; какъ радовались мы видя, какъ бѣдные бросались на хлѣбъ и въ одну минуту опустошали корзину, и какъ благодарили мы маман за то, что могли хотя чѣмъ-нибудь помочь пострадавшимъ. Въ это же время она заставляла насъ шить для бѣдныхъ бѣлье изъ нашего старого; вообще старое бѣлье наше никогда не продавалось, а отдавалось бѣднымъ. Намъ строго воспрещено было, при вышиваніи по канвѣ, бросать кончики и обрѣзки шерсти, мы должны были собирать ихъ и потомъ все это отдавалось бѣднымъ, которые вязали изъ того чулки.

Во время холеры въ 1831 г. институтъ былъ запертъ; маман во все время не выѣзжала нигуда, и никто изъ постороннихъ не былъ впускаемъ; когда приѣзжали къ маман ея замужнія дочери или зятя, то она сходила внизъ въ швейцарскую, откуда въ окно выставляли на тротуаръ стулья и такъ она съ ними разговаривала. Между дѣвицами и дамами не было ни одного несчастнаго случая; но между прислугой былъ. Какъ скоро заболѣвалъ солдатъ или кто-либо, хотя и ночью, ей сейчасъ давали знать: она немедленно приходила сама, распорядилась о подаваніи первой помощи и смотрѣла, какъ отправляли больного въ госпиталь. Вообще она весьма часто обходила весь домъ и нижнія комнаты, гдѣ помѣщалась прислуга, смотрѣла, чтобы вездѣ наблюдалась чистота и былъ свѣжій воздухъ; когда штатъ института увеличился, по ея ходатайству была сдѣлана пристройка для помѣщенія солдатъ. Казармы содержались въ большомъ порядкѣ и чистотѣ, потому что знали, что начальница часто ходила туда.

Классныя дамы болѣею частію были изъ воспитанницъ института, и потому маман знала ихъ характеръ и способности. При выборѣ ихъ, она всего болѣе обращала вниманіе на ихъ нравственность. „Учителя у нихъ есть и безъ того — говорила она — но дамы должны служить для дѣвицъ образцами нравственности“. Обходилась она съ ними какъ съ своими дѣтьми и хотя притомъ была также взыскательна, но любила доставлять имъ удовольствія: брала ихъ съ собою въ театры, когда покойные военные генераль-губернаторы, графъ Эссенъ и Храповицкій, присылали билетъ на свою ложу, и сверхъ того отпускала ихъ въ концерты и спектакли, если онѣ имѣли случай или возможность посѣщать ихъ; въ такомъ случаѣ она сама не рѣдко дежурила за отпущенную даму, заставляла читать, диктовать, спрашивала уроки, однимъ словомъ, исполняла всѣ обязанно-

сти, пока дама не возвращалась. Пепиньерокъ по воскресеньямъ и праздникамъ возила она къ замужней дочери, гдѣ доставляли имъ всевозможныя удовольствія. Кромѣ того, она посылала пепиньерокъ съ старшею классною дамою во всѣ институты на публичные экзамены — тогда они еще были, — приказывая имъ внимательно замѣчать все, какъ и что онѣ найдутъ, и если усматривала что-либо короче вь другомъ заведеніи, немедленно вводила и у себя.

Пепиньеркамъ, получавшимъ тогда всего по 6 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, къ большимъ праздникамъ папан дѣлала болѣе или менѣе значительныя подарки.

Всѣ вышедшія дѣвѣцы въ скорби и несчастіи прибѣгали къ папан, въ полной увѣренности, что онѣ найдутъ покровительство и помощь. Тѣ, которыя поступали въ гувернантки или компаньонки, обязаны были вести съ нею переписку; если она узнавала, что мѣсто нехорошо, то, до присканія другого, брала дѣвѣцу къ себѣ въ институтъ. Она хлопотала не только объ нихъ, но и объ ихъ родныхъ, дѣтяхъ и проч., и какъ она пользовалась общимъ уваженіемъ, то очень охотно исполняли ея просьбы. Случалось, что къ ней, въ крайнихъ обстоятельствахъ, обращались и такія воспитанницы, которыми въ институтѣ она была недовольна: она точно также заботилась и объ нихъ и никогда, ни однимъ словомъ не давала имъ почувствовать прежнее ихъ поведеніе. „Ее и безъ того наказала судьба“, говорила она намъ.

Всякій день посѣщала она классы, во время преподаванія, и если что-нибудь ей не нравилось, просила учителя выйти изъ класса къ ней и дѣлала ему замѣчанія. Учителя со всѣми своими нуждами относились къ ней, какъ къ матери и, разумѣется, она, сколько могла, исполняла ихъ просьбы. Такъ обращалась она и со всѣми служащими въ институтѣ. Разъ замѣтила она, что одинъ изъ нихъ былъ очень скученъ и озабоченъ, она стала разспрашивать его и узнала, что онъ задолжалъ и обязанъ уплатить довольно значительную сумму. Денегъ у папан не было; она отдала ему свои жалованьяныя брилліанты, съ тѣмъ, чтобы онъ заложилъ ихъ; причѣмъ взяла съ него слово никому не говорить о томъ. Когда онъ поправился, выкупилъ брилліанты и возвратилъ ихъ папан.

Доброта ея была извѣстна всѣмъ: въ теченіе мѣсяца накоплялось у ней много писемъ отъ бѣдныхъ; по полученіи жалованья, она въ каждый паветъ вкладывала деньги и отсылала; когда же ей замѣчали, что у ней самой ничего не осталось, она отвѣчала: „мнѣ ничего не нужно“.

20 іюля 1847 г., въ воскресенье, она вдругъ почувствовала себя

дурно въ то время, когда подана уже была карета, чтобы ѣхать съ пепиньерками обѣдать къ замужней ея дочери, жившей на дачѣ: до того она все была на ногахъ и передъ тѣмъ, по обыкновенію, обошла всѣ этажи дома. Вечеру ея не стало. Императрица Александра Теодоровна почтила рескриптомъ старшую дочь ея, изъявивъ въ немъ все сожалѣніе свое о потерѣ столь достойной женщины и пригѣрной начальницы заведенія.

Въ бумагахъ покойной осталось много собственноручныхъ записокъ императрицъ: Елисаветы Алексѣевны и Александры Теодоровны, показывающія, какъ высоко онѣ уважали ее. Государыня, сообщая Л. О. о какомъ-либо распоряженіи, которое ей желательно было сдѣлать, обыкновенно прибавляла: „если и вы того же мнѣнія“.

Сердечно любившія покойную, воспитанницы желали непремѣнно поклониться праху доброй своей матери и, съ высочайшаго дозволенія, полтораго дѣвнцы высшаго класса института, 17 августа 1847 года, печальною процессією, прошли по улицамъ Васильевского острова, на Смоленское кладбище, и тамъ, принадавъ къ могилѣ, кажда, съ мольбой и слезами, положила букетъ на дорогую могилу.

Въ день ея кончины, 20 июля, по высочайшему повелѣнію, нѣсколько лѣтъ служили по ней панихиды въ церкви института, въ соборѣ всѣхъ дѣвнцъ.

Я описала факты. Не прибавляю отъ себя ничего, какъ ни полно сердце мое благодарностію и любовью къ незабвенной матери.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Ma chère Madame de Wistinghausen, Vous connaissez ma constance dans mes anciens attachements, et malgré votre rare modestie, vous devez avoir la conviction, que vous avez bien contribué de votre part à rendre mon attachement pour vous aussi sincère que durable; le temps et l'éloignement n'y changent rien. Je m'en aperçois aux regrets que j'éprouve de n'être pas présente à la prochaine solennité de notre cher Institut Patriotique et du plaisir que j'ai à me transporter souvent en pensée auprès de vous, à vous retrouver comme une bonne mère au milieu de nos chères élèves. Et tout cela est accompagné de mes bénédictions maternelles et de mes vœux les plus ardents pour votre contentement et pour le bonheur de celles dont le ciel vous a confié la direction; soyez persuadée et dites le bien à nos chères enfants, que vous êtes un sujet fréquent de mes réflexions et de mes prières. Tous les rapports concernant l'Institut sont si favorables et si honorables pour vous, qu'ils me confirment dans l'opinion que la bénédiction de Dieu repose sur vos travaux et que le Ciel continuera à bénir vos soins et vos peines. Connaissant vos sentiments, c'est une grande satisfaction pour moi, que de pouvoir vous donner

l'assurance, que mon auguste Époux, Sa Majesté l'Empereur, partage avec moi l'approbation que j'ai accordée de tous temps à votre zèle distingué et qu'il forme avec moi les mêmes vœux pour vous et nos chères élèves. Je vous offre, à l'occasion de la présente sortie, un petit souvenir, en vous en conservant un autre dans mes sentiments, qui resteront toujours ceux d'une sincère estime et d'un véritable attachement et avec lesquels je ne cesserai jamais d'être votre très affectonnée Alexandra.

Palerme le 20 Décembre 1845.

Приписано Императрицею собственноручно:

Ich empfehle Sie noch ganz besonders, liebe, gute, beste Wittlinghausen, Gott erhalte Sie in unserm Hause und mit noch viele Jahre.

Иг.

II.

Милостивая государыня Луиза Осодорошна! По волѣ государя императора, я нѣмѣлъ счастья повернуть на высочайшее его величества рассмотрение списокъ съ восемнадцатилѣтнаго рескрипта, коимъ государинѣ императрицѣ благоугодно было удостоить васъ въ 20 день минувшаго декабря, по случаю настоящаго выпуска окончившихъ ученіе воспитанницъ Патриотическаго института.

Его императорское величество, на докладной запискѣ моеѣ съ приложеніемъ означеннаго рескрипта, сего числа собственноручно написать соизволилъ: „Въ полной мѣрѣ заслуженное; дай Богъ ей здоровья, она неосцѣненна для пользы заведенія“.

Съ искреннимъ удовольствіемъ сообщая вамъ о столь лестномъ монаршемъ отзывѣ, прошу новороссійше принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ, милостивая государыня, почтеніи и преданности. Н. Лонгиновъ.

18 января 1846.

III.

Madame de Kniajevitch!—La perte irréparable que vous venez de faire, vous et votre soeur, madame de Christiani, m'engage à vous témoigner la part sensible, que je prends à votre profonde affliction. Il n'y a sûrement que la religion seule, qui puisse maintenant vous fournir des consolations; néanmoins j'ai espéré, que dans votre légitime douleur vous éprouveriez quelque adoucissement en songeant qu'elle est partagée par ceux, qui ont connu votre défunte et respectable mère. Plus j'ai été à même d'apprécier ses rares qualités durant sa longue et honorable carrière, comme supérieure de l'Institut Patriotique, plus mes regrets sont vifs de la voir enlevée par la mort à la charge importante, que malgré son âge avancé, elle remplissait encore si scrupuleusement et avec un zèle si bien entendu. Les élèves, qui se trouvent à l'Institut, ainsi que celles qui l'ont quitté, ne manqueront certainement pas de s'associer à notre affliction, en pleurant celle, dont toute l'existence n'a été vouée qu' à les entourer d'une sollicitude maternelle. Tous ses regrets ne doivent être considérés que comme un hommage, rendu à une vertu, qui actuellement sans doute jouit d'une récompense, que le Ciel seul pouvait lui accorder.

C'est avec les sentiments de bienveillance que je suis votre affectionnée Alexandra.

Alexandrie, ce 25 Juillet 1847.

Сообщ. П. К. Яковлева.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Указъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, данный въ 1661 году,
18 мая.

„Учили на Москвѣ и во всякія наши цари и великаго князя градъ много еретники и разные нѣмецкіе люди приходить и стали просить они нашей царскія службы и мы, государь и великій князь всея Россіи, собрали мы наши архіепископы, епископы, архимандриты и іерей на думу и положили мы о томъ съ думными людьми ихъ б....ихъ дѣтищъ, еретиковъ и всякихъ нѣмцовъ на воеводства не посылать и къ воеводствамъ не опредѣлять, а быть имъ б....кимъ дѣтищамъ только на Москвѣ и записыватися имъ по черной сотнѣ, а въ службу нашу царскую вступать ворами въ ратную и то по нуждѣ.

Данъ на Москвѣ, лѣта отъ Р. Х. 1661 мая въ 18 день. На подлинномъ печать царская“.

Указъ печатать (?) церковною печатью съ оговоркою: „Дать только кому надлежитъ вѣдать и безъ нужды хоронить въ тайнѣ“.

Сообщ. Ам-Бекъ-Гасабовъ.

Примѣч. Въ письмѣ, при которомъ сообщена намъ копія съ приведеннаго выше документа, г. Ам-Бекъ-Гасабовъ говоритъ:

«.... Указъ этотъ найденъ у меня, въ семействѣ Макаровыхъ, отецъ которыхъ занимался историческими изслѣдованіями. Копія съ подлинника найдена въ бумагахъ покойнаго М. Макарова».

Очень бы желательно видѣть подлинникъ указа, но едвали онъ существовалъ. Мы приводимъ копію только какъ курьезъ. Ред.

Къ исторіи преподаванія «Русской Исторіи» въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Циркуляръ Попечителя С.-П.В. Учеб. округа. Канцелярія, ст. 2. 20 іюня 1850 года № 3,431. О книгѣ г. Устрялова.

Конфиденціально.

Г. директору училищъ Петербургской губерніи.

Въ „Начертаніи русской исторіи“ для среднихъ учебныхъ заведеній, сочиненіи профессора Устрялова, въ періодѣ о самозванцахъ, сказано: „Между тѣмъ, какъ западная Русь была взволнована униєю,

ного рода потрясеніе поколебало Русь восточную и едва не предало ее въ руки иноплеменниковъ. Источникомъ этого потрясенія было странное событіе, доселѣ еще вполне не разгаданное, случившееся за семь лѣтъ до восшествія Бориса на престолъ, при **Теодорѣ Іоанновичѣ**—смерть младшаго брата царскаго **Дмитрія**“.

Такъ какъ мѣсто это можетъ истолковано быть превратно, а книга Начертаніе русской исторіи употребляется какъ руководство въ учебныхъ заведеніяхъ с.-петербургскаго округа, то министръ народнаго просвѣщенія (князь **Ширинскій-Шихматовъ**) сдѣлалъ распоряженіе объ исправленіи этаго мѣста въ ней, при слѣдующихъ изданіяхъ. Между тѣмъ, его сіятельство предписываетъ принять мѣры по округу, что (бы?) при преподаваніи въ общественныхъ заведеніяхъ русской исторіи по прежнимъ изданіямъ книги г. **Устрялова**, было поясняемо, что доселѣ не вполне разгаданное событіе при убіеніи царевича **Дмитрія** есть—близкое участіе **Бориса Годунова** въ этомъ злодѣяніи, которое остается покрытымъ непрозрачною тайною; отчего и происходитъ, что одни историки обвиняютъ его сильными доводами, а другіе защищаютъ его, приписывая все дѣло служивымъ клеветамъ **Бориса—Витковскому** и **Казалову** (sic), которые совершили злодѣйство безъ его вѣдома.

Вслѣдствіе конфиденціального предложенія г. министра народнаго просвѣщенія по сему предмету отъ 18 сего іюля за № 1,067, даю знать о семъ циркулярно по вѣренному мнѣ округу въ точному наблюденію при преподаваніи русской исторіи.

Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа **Муссинъ-Пушкинъ**.

Поправка. Въ «Русской Старинѣ» 1871 года, т. III, стр. 212, въ приписаніи о сынѣ известнаго **Радищева**, между прочимъ, сказано: «написанная имъ біографія отца такъ и осталась до сихъ поръ въ рукописи у кн. П. А. Вяземскаго». По свѣдѣніямъ нами полученнымъ—эта замѣтка оказалась не совсемъ точною. Біографіи **Радищева** у кн. П. А. Вяземскаго нѣтъ, и никогда не было. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ концѣ 20-хъ годовъ, кн. Вяземскій встрѣтился въ Пензѣ съ сыномъ **Радищева** и просилъ одолжить его, если можно, нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями объ отцѣ его. **Радищевъ** въ самомъ дѣлѣ написалъ, по просьбѣ князя, три—или четыре, а много лѣтъ, смѣло помнитъ кн. Вяземскій, страничекъ. Но по содержанию своему, въ нихъ никакой біографической цѣнности не было, а былъ одинъ поверхностный очеркъ уже известныхъ обстоятельствъ, и болѣе что-то въ родѣ послужного списка, такъ что эта статья осталась у кн. П. А. безъ употребленія, чего бы, разумеется, не было, если бы онъ могъ путнымъ образомъ ею воспользоваться. Вслѣдствіе этого, мы охотно устраняемъ нѣкоторую тѣнь упрека въ томъ, что біографія **Радищева** будто бы такъ и осталась въ рукописи у кн. Вяземскаго.

Ред.

Опечатки. Въ III томѣ «Русской Старинѣ» просимъ нѣкоторыя изъ ошибочно напечатанныхъ словъ исправить и читать такъ: стр. 104, строка 3 снизу: «Дубельтъ»;—стр. 172, строка 12 снизу: отъ «мажнаниц»;—стр. 184, строка 10 снизу: «побожиться»;—стр. 186, строка 19 сверху: «неретраши»;—стр. 189, строка 6 сверху: «коцейнску» (вочермыжку); стр. 214, строка 12 сверху: «сельскій пошъ»; стр. 224, строка 12 сверху: «гордь». — На стр. 283 и 235 нумера писемъ XX и XXI.

Ред.

Печатается издание редакціи „Русской Старины“:

„Сборникъ снимковъ съ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ“.

Находящееся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ большое собраніе весьма интересныхъ подлинныхъ писемъ замѣчательныхъ русскихъ лицъ на поприщахъ государственной, общественной, ученой, литературной и артистической дѣятельности — подало мысль редакціи „Русской Старины“ издать, при участіи Э. К. Опочинина, „Сборникъ снимковъ“ съ наиболѣ важныхъ или почему либо характеристическихъ документовъ.

Нынѣ печатается первый выпускъ сборника. Въ него войдутъ снимки писемъ частью цѣликомъ, частью значительныхъ отрывковъ, дѣятелей эпохи Александра I-го — именно болѣ семидесяти пяти личностей.

„Сборникъ снимковъ“ печатается въ форматѣ большого листа, на хорошей бумагѣ и составитъ красивый альбомъ. Цѣна сборника три рубля.

Гг. подписчики на „Русскую Старину“ 1871 г., при высылкѣ семи рублей на журналъ, могутъ прилагать три рубля за „Сборникъ снимковъ писемъ“, который и будетъ имъ высланъ немедленно по его отпечатаніи. Подписавшіеся въ редакціи „Русской Старины“ за пересылку „Сборника снимковъ“ ничего не платятъ.

~~~~~

**ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ А. О. БАЗУНОВА ВЪ СПБ.
(Невскій, д. № 30) ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:**

Сборникъ М. Ш. Семеваго, историческихъ и юридическихъ актовъ XVII и XVIII в. Москва. 1869 г. 8 д. Цѣна 50 коп.

Занески М. Ш. Глинки 1804—1854 гг., въ четырехъ частяхъ; изд. «Русской Старины». Спб. 8 д. 1870 г., съ приложеніями: рисунка, исполненнаго академикомъ М. О. Микѣшинымъ въ память произведеній Глинки, изображенія надгробнаго памятника Глинкѣ и снимка съ предсмертнаго его письма. Цѣна 2 руб. Сборъ съ продажи этой книги обращается въ пользу фонда на сооруженіе памятника Глинкѣ. (Осталось за распродажей 104 экз.).

Бунтъ военныхъ поселенъ въ 1831 г. Спб. 1870 г. Рассказы очевидцевъ и лицъ пострадавшихъ въ бунтѣ. Изданіе «Русской Старины» (осталось за распродажею — 30 экземп.). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Дневникъ Корба, 1698—1699 гг. Изд. подъ редакціей М. И. Семеваго. М. 1869 г. Въ виду поступающихъ на эту книгу требованій заявляется, что эта книга распродана до послѣдняго экземпляра.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цена годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой г. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — **ошѣ рублей** за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для **городскихъ подписчиковъ**: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстному бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **непосредственно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ комиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ домѣ Лисицына.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для печатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѣ», доставлять ихъ, адресуя: или — **Василію Арсеніевичу Сомовскому**, или: — **Михаилу Ивановичу Сомовскому**: въ С.-Петербургѣ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, кн. Щербатова, Добрынина, Лагарга, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голенцова-Нутцова, кн. Куракинскихъ, гр. Ставельбергъ, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, Шишова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышева, адмир. Молзакана, зап. И. Н. Горбачевского, кн. С. Г. Волконскаго (1812—1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. М. Маевского, кн. Барилей-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Дениса Давыдова, И. Н. Снобелева; В. К. Кюхельбекера (1831—1841 гг.); поч. лейбъ-хирур. Д. И. Тарасова, ак. жнв. А. В. Ступина (1776—1861 г.), бывш. полеч. Д. П. Рунича; зап. И. И. Греча (біографія Ф. В. Булгарина); зап. А. В. Никитенко, И. М. Салзеева; дневникъ евакера 1818 г. въ Россіи; зап. генер. Лишина и полковн. Замитина о 1831 г.; Я. П. Бакалова; Ф. М. Толстаго: Воспомин. о Глинкѣ; М. В. Берга: воспомин. о Гоголѣ; и др. Письма А. П. Волынскаго (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдера, Пикара (1782 г.); 150 неизданныхъ писемъ Екаторины II; письма императоровъ: Павла I, Александра Павловича, императр. Елизаветы Алексѣевны; Кулибина; гр. Аракчеева, кн. Васильчикова, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, и мѣстн. гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховит.; неизданныя бумаги А. С. Грибодова, К. Н. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батенинова, Жуковскаго, Тумалскаго, Языкова, Козлова, Рылѣева, Пушкина, архит. Витберга; проекты и статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. М. Грота, М. П. Погодина; П. Н. Щедальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣляева; Н. С. Тихонравова, Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова; П. А. Степанова; М. П. Дурова; А. Н. Неустроева; сообщ. П. А. Жуханова, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Салфонта, Ф. К. Опочинина, Д. И. Снобелева, И. П. Корнилова, М. П. Молзакана, Н. Ф. Круца, гр. Э. К. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснокутскаго, А. В. Фрейганга, А. И. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюллера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бantyшъ-Наменскихъ и мног. др. На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадѣевича Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XIX *).

Новый годъ 1771.

Въ новый годъ съѣхались въ домовую архіерейскую церковь въ обѣдни всѣ штатскіе чиновники и гражданство, а послѣ обѣдни были у преосвященнаго съ поздравленіемъ. Я для того новымъ годомъ начинаю, чтобы привязать къ нему слѣдующую нашего покроя повѣсть:

Всѣ архіереи имѣютъ обыкновеніе принимать въ новый годъ поздравительныя рѣчи отъ находящихся при нихъ ученыхъ людей и отъ учащагося юношества. Въ соблюденіе сего обыкновенія и нашему преосвященному были таковыя—говорены послѣ обѣдни, въ большомъ залѣ, при вышесказанной публикѣ, Киевской академіи слушателемъ богословія студентомъ Иваномъ Трипольскимъ, который былъ при братѣ архіерейскомъ инспекторомъ; студентомъ Василиемъ Садорскимъ, который обучалъ малыхъ пѣвчихъ латинскому языку, и нѣсколькими учениками. Но какъ между ^исѣхъ ^идолжно было, по очереди, говорить архіерейскому брату^у**), то онъ, сказавши нѣсколько словъ, пришелъ въ замѣшательство ^иостановился на ^исѣхъ словахъ: «ваши святыя подвиги», стараясь возбудить свою ^ипамять снова: «ваши святыя подвиги», борясь съ смятеніемъ, которое сильно имъ овладѣло, лишь началъ го-

*) См. «Русск. Стар.» т. III, 1871 г. стр. 119 и 247.

**) Петръ Флоринскій. Ему было 18 л. отъ роду.

ворить въ третій разъ: «ваши святые подвиги», какъ вдругъ архіерей крикнулъ изо всей силы: «а ваши какіе?» Вся публика, не исключая и самыхъ стариковъ-вупцовъ, не удержались отъ смѣха. А архіерей подъ это продолжалъ проповѣдническимъ громкимъ голосомъ: «и ты скотина, и тотъ осель, кто тебя училъ; поди, корова, ѣшь сѣно, видно что ты не за свое принялся дѣло».

Такимъ образомъ, братъ брата поздравя съ праздникомъ, увеселили публику больше, нежели всѣ риторическія студентскія привѣтствія. Однакожъ инспекторъ Трипольскій, будучи чловѣкъ чувствительный, или малодушный, не выдержалъ публичной брани. Онъ бросился въ свой покой и тамъ, взвалясь на постель, питалъ цѣлый день глубокую задумчивость, безъ пищи и питья. Я, сжался надъ его чувствительностію, ослабилъ къ вечеру страданіе души его нѣсколькими рюмками вина и кускомъ жареной телятины. Онъ мнѣ былъ благодаренъ и сказалъ: «ты лучше умѣешь утѣшать, нежели мой ученикъ говорить рѣчи».

Между тѣмъ бывалъ я иногда у вышесказаннаго консисторскаго члена Иринарха Рудановскаго. Онъ тѣмъ снѣсѣе началъ со мной жить, что я, со вступленія моего въ новую должность, не управлялъ уже по конторѣ ставленическими дѣлами, почему всѣ мнѣ перестали завидовать, а стали бояться и искать моей дружбы, не для того, чтобы кто ею дорожилъ, и не для того, что я имѣлъ иногда честь тазы чистить, но для того, чтобы я, по обыкновенію архіерейскихъ фаворитовъ, не наущивалъ архіерею на виновныхъ и невинныхъ.

Къ намъ присталъ въ союзъ вышесказанный учитель латинскаго языка Садорскій, который врался къ Рудановскому въ полную дружбу, а на похвалу меня истощалъ краснорѣчіе всѣхъ латинскихъ авторовъ. Онъ, при всякомъ свиданіи, находилъ во мнѣ новое достоинство, воимъ имѣлъ охоту занимать свой панегирической языкъ. Иринарха онъ обыкновенно называлъ «отцемъ», а меня—«братомъ и другомъ». Теперь понятна вся наша родословная. Я иногда прерывалъ его, говорилъ ему, что онъ небрежно льститъ; но онъ умѣлъ насъ обоихъ увѣрить, что онъ говорилъ отъ чистаго сердца, безъ лести, почему и были иногда у насъ разговоры о преосвященномъ общи и откровенны, которые хотя ничего въ себѣ, кромѣ правды, не заключали, однакожъ тѣмъ нарушается всеобщій порядокъ правленія, если подчиненные не-

возможеть себѣ говорить о начальникахъ худо *). *Мнѣ эта похвалительная молва тогда # 10. *.* Чувствовалъ я нѣкоторое облегченіе, когда говорилъ съ человѣкомъ, охотно со мною, какъ казалось, раздѣлявшимъ мою горестъ.

Въ прибавку къ такому облегченію, показалъ я Рудановскому письмо, писанное преосвященному отъ синодскаго оберъ-секретаря Остолопова. Оно было отвѣтное на то, которымъ преосвященный изъяснялъ сдѣланную ему синодомъ несправедливость, когда многіе архіереи, будучи, по его мнѣнію, ниже его во всемъ, переведены на высшія, или лучшія епархіи, а онъ позабытъ или обойденъ. Остолоповъ отвѣтствовалъ ему: что «я хотя истинный вашему преосвященству другъ, но мое по синоду дѣло секретарское, почему и услужить вамъ, въ разсужденіи перемѣщенія, былъ не въ правѣ, да и впредь увѣрить не осмѣливаюсь» и проч. Письмо сіе увѣрило насъ, что намъ не остается надежды сбыть съ рукъ святого владыку и избавиться отъ его архипастырскаго ига. Сіе самое и было побужденіемъ къ показанію мною Остолопова письма Рудановскому.

Въ зрѣлыхъ уже моихъ лѣтахъ, я самъ чувствую ошибки юныхъ моихъ лѣтъ, но нахожу неоспоримую истинною то, что и самаго опытнаго, пожилого можно испортить, если его всегда обижать.

Рудановскій вскорѣ послалъ въ синодъ прошеніе о переводѣ его на житье въ который-нибудь изъ малороссійскихъ монастырей. Скоро послѣдовалъ желаемый указъ съ помощью брата его, синодскаго секретаря Григорія Ивановича Рудановскаго, вслѣдствіе чего и отбылъ онъ подъ шумомъ громогласнаго ругательства нашего архипастыря въ епархіальному своему архіерею, кievскому митрополиту, имѣвшему тогда пребываніе свое, какъ выше сказано, въ Гамалѣвскомъ монастырѣ.

Теперь, по всѣмъ правиламъ тогдашняго моего легковѣрія, подлежало мнѣ играть съ Садорскимъ дуэтъ, но онъ разсудилъ сыграть соло, какъ слѣдуетъ ниже.

Во единъ отъ дней примѣтилъ я, что архіерей мой пришелъ

*.) Можетъ быть кто спроситъ: «когда ты можешь такъ разсуждать, такъ для чего же ты теперь пишешь о другихъ, забывая скромность?»

Отвѣтъ: «для того, что я теперь нахожусь въ качествѣ историка, который, по званію своему, долженъ трудъ свой украшать правдою, такъ какъ пѣтъ — ложью, а ораторъ — празднословіемъ».

съ работы изъ роши, съ весьма задумчивымъ лицомъ, которое мнѣ было тѣмъ замѣчательнѣе, что тогда не было новомѣсячя. Мое примѣчаніе увеличилось, когда я узналъ, что онъ противъ обыкновенія цѣлый день въ рошѣ пробылъ безъ работы, ходя и разговаривая съ Садорскимъ наединѣ, отославъ отъ себя даже и дежурнаго малаго, котораго должность была ходить за нимъ и который о семъ меня увѣдомилъ. Сіе увѣдомленіе просвѣтило меня, что Садорскій снялъ съ себя маску сыновства и дружбы и явился въ своемъ природномъ видѣ. Подозрѣніе мое было справедливо.

По утру архіерей натошавъ, когда я явился къ нему по должности, сѣлъ въ кресло и потирая рукою то чело, то бороду, при томъ краснѣя и чихая, спросилъ-меня такимъ тономъ; изъ-подъ котораго видна была досада его и смятеніе: «какіе у васъ съ Иринархомъ происходили обо мнѣ разговоры?»

— Я не могу припомнить,—отвѣчалъ я:—а ежели что случилось, то мы необыкновеннаго ничего не говорили.

— «А письмо,—возгласилъ архіерей—какое ты показывалъ Иринарху? и какую ты имѣлъ причину вступать съ нимъ въ столь тѣсный союзъ?»

По счастью, нападеніе сдѣлано не въ расплохъ: приготовленъ будучи замѣчаніемъ, я тотчасъ отвѣчалъ: «письмо я показать не усумнился потому, что въ немъ не было никакого секрета, и мы читали его съ сожалѣніемъ, что другіе архіереи перемѣщаются, а ваше преосвященство остается забытыми...»

— «Нѣтъ, неблагодарный,—закричалъ архіерей вскочивши съ кресель: тебѣ не въ пору меня обманывать! Я тебя увѣряю архіерейскимъ словомъ, что одинъ тебѣ остался путь къ спасенію, то-есть: ежели ты откроешь всѣ ваши склопы и заговоры».

Я по истинѣ не зналъ и не имѣлъ что ему открывать, кромѣ того, что мы иногда обнаруживали другъ другу противъ его справедливое свое неудовольствіе. Видно, что Садорскій въ полной мѣрѣ сохранилъ достоинство своей подлой души; видно, что онъ навралъ много небывалицы. Вслѣдствіе сего началъ я его преосвященству кабинетныя нашего тріумвирата дѣла изъяснять безъ трусости тако:

«Я все, что могу припомнить, донесу вашему преосвящен-

ству чистосердечно. Прошу только имѣть терпѣніе меня выслушать».

— «Ври все», крикнулъ лихой владыко.

«Когда въ разговорахъ нашихъ, продолжалъ я, доходило до вашего преосвященства, то мы оба были согласны въ томъ, что ваше преосвященство весьма обидно поступаете съ подчиненными и вмѣстѣ приверженными къ вамъ. Вы ихъ ругаете непрерывно и повсемѣстно, а иногда и рукамъ даете волю, единственно для того, что вамъ такъ угодно, отъ чего естественно подчиненный теряетъ къ вамъ преданность. Притомъ мы сердечно желали, чтобъ ваше преосвященство получили бѣльшей степени епархію для того, чтобъ намъ остаться покойнымъ; но когда увидѣли изъ письма Остолопова, что вы остаетесь у насъ по прежнему, то такая вѣсть нанесла намъ уныніе и мы почли сіе знакомъ божія гнѣва къ намъ. Позвольте ваше преосвященство имѣть подчиненному нѣжныя чувства и не запретите ему чувствовать всю тягость обиды, причиняемой отъ васъ...»

— «Ба! крикнулъ архіерей, да кто тебя научилъ этакому краснорѣчію? а терпѣніе гдѣ?» еще сильнѣе онъ гаркнулъ.

«Да будетъ ли пріятно,—отвѣчалъ я:—вашему преосвященству, чтобъ подчиненные ваши были увѣрены, что они осуждены на терпѣніе единственно для того, что вамъ досталось быть въ Сѣвскѣ? Однакожь я оправдать себя не смѣю, а прошу меня простить,—и съ симъ словомъ бинулса ему въ ноги, безъ чего духовные отнюдь не прощаютъ, говоря при томъ, — «что я всю истину сказалъ, которую, не сомнѣваюсь, подтвердитъ и Садорскій».

— «А онъ почему знаетъ?» спросилъ лукаво архіерей раскраснѣвшійся.

«Онъ, отвѣтствовалъ я чистосердечно, былъ межъ нами второй членъ, да не сомнѣваюсь, что онъ же и смутилъ душу вашего преосвященства по обыкновенію подлыхъ людей, кои хотятъ сыскать для себя счастье на пагубѣ другого».

— «Нѣтъ, сказалъ архіерей, онъ поступилъ какъ честный и благородный человекъ; я ему больше довѣряю, нежели тебѣ; а ты долженъ благодарить его за то, что онъ подалъ случай истребить возрастающее въ тебѣ зло».

Проговора еще нѣсколько подобныхъ словъ, окончилъ невкусную для меня авдиенцію, а къ себѣ потребовалъ *Садорскій*.

которымъ и пребылъ до самаго полудня, не допуская къ себѣ никого.

Послѣ полудня конференцъ-секретарь, ежесть Садорскій, приходитъ ко мнѣ и возглашаетъ: «я твой предатель!» А я ему отвѣчалъ, повторяя архіерейскія слова: «я долженъ тебя благодарить за то, что ты подалъ случай истребить возрастающее во мнѣ зло, которому однакожъ не ты ли самъ больше былъ причиною, нежели я?» Онъ началъ пересѣмивать глазами, какъ воръ при уликахъ. Потомъ принялся-было за фразы и силлогизмы, но я сказалъ ему на отрѣзъ, что не хочу ни слушать, ни говорить. Тогда онъ вытащилъ изъ кармана листъ бумаги, на которомъ написано было рукою его, по мыслями общими съ архіереемъ, прошеніе отъ имени моего съ объясненіемъ: якобы я предъ Иринархомъ «порицалъ его преосвященство человекомъ злобнымъ, обидчикомъ, лиходцемъ и проч. И что я, убѣжденъ будучи совѣстію, рассказываю въ моемъ согрѣшеніи и прошу прощенія съ тѣмъ, что уже болѣе никогда вышписанными именами изображать его преосвященство не стану, ни на словахъ, ни на письмѣ, ниже какими іероглифами, ни на пескѣ, ни на водѣ, ни на воздухѣ ни на.... словомъ: ни на чемъ, а прошедшее потщусь загладить вѣрною моею службою и приверженностію» и проч.

Сія челобитная тотчасъ была мною, въ угодность архіерею, подписана почти такъ:

«Словесная овца и
«бессловесный рабъ».

(Обильная матерія челобитную распространила на третью страницу. По всему видно было, что работали ее двое ученыхъ запершись. Архіерей, получа ее отъ меня лично, съ обыкновенными монастырскими поклонами, положилъ на столъ свою нагаію и велѣлъ мнѣ на ней присягнуть во утверженіе челобитной. Отъ сего времени служилъ я его преосвященству по прежней должности, а онъ противъ меня остался на прежнемъ основаніи, потому что не присягалъ.

Дѣло сіе тѣмъ не кончилось. Преосвященный, подъ видомъ посѣщенія кievскаго митрополита, поѣхалъ къ нему въ Гамалѣвскій монастырь *). Тамъ, призвавъ Иринарха, взялъ его на ис-

*) Гамалѣвскій пустынно-харлампіевскій Рождества Богородицы, 2-го класса мужской монастырь, бывший въ кievской, нынѣ въ черниговской епархіи, находится близъ мѣстечка Воронежя, въ лѣсу подлѣ села Гамалѣвка. Ред.

пытание и усовѣщание *). Иринархъ—какъ я послѣ отъ него самого слышалъ,—со мною въ рѣчахъ не разбился, поелику «истина всегда бываетъ единогласна». Слѣдственно много открылось жи на сторонѣ Садорскаго. Какъ бы то ни было, когда я сообщилъ Иринарху, что сіе изслѣдованіе родилось отъ предательства насъ Садорскимъ, то онъ объявленіе мое выслушалъ безъ удивленія и безъ досады; а я столько былъ простъ и увѣренъ въ немъ, что изъ равнодушія его ничего не заключилъ, а только недоволенъ былъ за то, что онъ не сердился на Садорскаго такъ, какъ я.

Съ годъ уже времени спустя, архіерей, при случаѣ наитія на него добраго духа, сказалъ: что Садорскій оклеветалъ меня ему, по соглашенію съ Иринархомъ. Изъ чего я заключаю, но заключаю уже тогда, когда пишу мою исторію, т.-е. тогда, когда мнѣ отъ роду течетъ четвертый десятокъ—что архіерей почиталъ молодость мою за простодушную и неопытную, а Садорскаго и Иринарха за исправныхъ мошенниковъ, кои, можетъ быть, хотѣли что-нибудь извлекать изъ моего простодушія. И ежели преосвященный не болѣе во мнѣ находилъ вины, какъ только неопытную молодость, то, казалось бы, меня надлежало бы наставить, а я всякое добро понимать и его держаться былъ способенъ. Но ежели безъ причинъ ничто не бываетъ, то я слуга покорный новомѣслячію, доставившему мнѣ причину воскликнуть въ горести:

«О всесильная непостижимость! почто ты не сотворила чело-
вѣковъ столь крѣпкими какъ скотовъ, для собственнаго ихъ
спокойствія, слѣдовательно и блаженства! Но я первый не хочу
пользоваться блаженствомъ такого рода, которое нераздѣльно съ
природою скота. Итакъ, по волѣ твоей святой, пользуясь суще-
ствомъ, правомъ и жребіемъ чело-вѣка, имѣя недостатокъ въ во-
спитаніи, не имѣя помочи отъ истинныхъ, благоразумныхъ и благо-
творительныхъ друзей чело-вѣчества, выходя самъ собою изъ
круга простоты народной, и дохода безъ руководства до лучшаго

*) Въ семь мѣстѣ надлежитъ замѣтить, что архіерей зналъ за собою что-
нибудь такое, чего онъ сильно опасался; ибо для такихъ пустяковъ, кои мною
выше обнаружены, кажется ему нельзя было столько суетиться и беспокоиться.

политическаго состоянія, пилъ я на семь топкомъ и болотистомъ пути неоднократно полную чашу горести!»

Въ сію бытность мою въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, видѣлъ я въ церкви портреты создателей и снабдителей его деревнями— гетмана и гетманшу Скоропадскихъ. Гетманъ изображенъ нѣсколько сухощавымъ, съ булавою въ рукѣ, а гетманша—пріятнѣйшею, молодою, полновидною, нѣсколько продолговатаго лица, съ хусточкою (платокъ), сложенною въ рукахъ. Оба въ національномъ малороссійскомъ одѣяніи.

А ежели у большихъ особъ ничего не должно пропускать безъ замѣчанія, то скажу, что я могъ замѣтить у нашего хозяина митрополита кіевскаго. Онъ во время обѣда, часто подвигая къ себѣ разныя съ вялою рыбою блюда, провозглашалъ: что, его «мать съ малолѣтства вялою рыбою завормила» и потому онъ до нея великій охотникъ.

Въ продолженіе стола, его святѣйшество опытами удостоверилъ всѣхъ, что онъ говорилъ сущую правду.

Опороживши нѣсколько тарелокъ съ любимымъ его кушаньемъ, повелъ разговоръ, что онъ, живши долгое время въ Петербургѣ, привыкъ къ тамошнимъ обрядамъ и обыкновеніямъ. А теперь, когда придетъ въ Кіевъ, не знаетъ, что начать: слѣдовать ли малороссійскимъ обыкновеніямъ, или малороссіане должны принаровляться къ его петербургскимъ ухваткамъ?

Весь, сидѣвшій за столомъ, свято-кіево-митрополитанскій штатъ, приподнявшись благочестно и благоговѣнно, отвѣтствовали, почти въ одно слово, что весь Кіевъ долженъ себѣ за образецъ взять его святѣйшество. Мой принцъ-архіерей видя, что все уже сыграно, заключилъ монологомъ: «ваше преосвященство,—сказалъ онъ,—заслужили уже то у отечества, чтобъ ни въ какомъ случаѣ себя не женировать». Далѣ, сколько я въ митрополита ни вслушивался, ничего отъ него основательнѣе не слышалъ, какъ «разсужденія о пользѣ и преимуществѣ всякой рыбы, и его самого» *).

*) Добрынинъ говоритъ о митрополитѣ кіевскомъ и галицкомъ Гавріилѣ Кременецкомъ. Пожалованъ онъ митрополитомъ кіевскимъ изъ санктпетербургскихъ архіепископовъ—22 сентября 1770 г., скончался 1783 г., августа 8 дня.

По возвращеніи нашсмъ въ Сѣвскъ, Садорскій взялъ верхъ. Отворенъ ему сталъ входъ къ архіерею во всякое время.

Я неоднократно въ моей жизни былъ свидѣтелемъ той истины, что ежели человекъ старается всегда повредить другому, то надобно оставить его на произволъ судьбы съ симъ несчастнымъ ремесломъ. Онъ произвольно добѣжитъ съ нимъ до участи достойной себя. Сіе случилось и съ Садорскимъ. Онъ, не покидая ремесла, началъ вывѣдывать пѣвчихъ, кои обучались у него латинскаго языка и дежурили у архіерея, въ чемъ проводить архіерей время чрезъ всѣ 24 часа. Можетъ быть намѣреніе его было и невинно, ежели онъ хотѣлъ собственно для себя занять благой примѣръ. Но я знаю, что архіерей великій непріятель такимъ невиннымъ намѣреніямъ, не почелъ за нужное обращать плутовство въ невинность, а объявилъ ему доносъ и доносителя.

Какъ вѣрный бытописецъ, слѣдственно и любитель правды, не долженъ я сердиться, если кто обвинить меня за то, что я согрѣшилъ противъ священнаго закона, который зла за зло воздавать не велитъ. Впрочемъ, кто знаетъ? можетъ быть, я тогда смотрѣлъ на текстъ, который не запрещаетъ платить тою же мѣрою, какую мы отъ другихъ получили, хотя бы то было «око за око и зубъ за зубъ».

Итакъ, почти въ одну минуту дѣла мои приняли хорошій видъ. Архіерей почелъ меня за вѣрнаго человека, который въ точности наблюдаетъ свою присягу, а Садорскаго за такого, какимъ я—его, а архіерей—меня не задолго предъ симъ признавали.

Садорскій приглашенъ былъ, по частому обыкновенію, къ столу. За столомъ архіерей, по обыкновенію, но сверхъ обыкновеннаго, началъ обнаруживать свой гнѣвъ самымъ жаркимъ, яркимъ, язвительнымъ гласомъ, проникающимъ отъ поверхности земной до предѣловъ превыспреннихъ, отъ поверхности земной діаметрально до Америки, просверливая землю и все встрѣчающееся въ ней, не изъясняясь никому, что ему надобно, чего онъ тамъ ищетъ, и кто прогнѣвалъ его смиреніе. Въ такихъ попыткахъ, схватываетъ со стола графинъ съ водою, ударяетъ со всѣхъ силъ объ полъ: графинъ въ мелкія части разбивается, брызги воды въ туманъ обращаются. Громъ по залѣ и покоямъ раздается.

Садорскій вздрогнулъ на своемъ стулѣ.

— «А ты чего дрожишь, спросилъ его изъ всей мочи архіерей: — видно ты чувствуешь свое плутовство? Ты бродяга! Каналья! вонъ изъ-за стола! вонъ изъ зала! вонъ изъ дому! въ метлы его!»

Такимъ образомъ, его преосвященство самъ разсмотрѣлъ дѣло, самъ написалъ опредѣленіе и самъ исполнилъ, въ одинъ часъ; присутственнымъ мѣстамъ было бы работы на три мѣсяца, не полагая въ сіе число справокъ и аппеляціонныхъ сроковъ. Садорскій выгнанъ изъ дому навсегда. Изгнаніе его въ чувствительнѣйшемъ моемъ сердцѣ не произвело жалости, напротивъ скажу, что оно произвело, къ стыду человѣчества, склонное во мнѣ удовольствіе.

Вскорѣ послѣ сего донесено преосвященному, что собственно-ручное его росписаніе *) унесено изъ ставленической конторы невѣдомо кѣмъ. Вскорѣ открылось, что это смастерилъ сѣвской воздвиженской церкви дьячокъ Захаревъ, что и дѣйствительно было. Онъ, сорвавши его со стѣны, препроводилъ при своей бумагѣ въ синодъ. Преосвященный приказалъ его взять, посадить въ цѣпь и отдать въ солдаты. Къ поступленію съ нимъ такимъ образомъ не трудно было сыскать причину. Онъ былъ гуляка, почти до пьянства, буянъ, лѣтъ ему не было еще 30-ти. Выглянувъ на него, тотчасъ прочитаешь на лбу его: «смерть — копѣйка, голова — наживное дѣло». Какъ бы то ни было, архіерей отдалъ въ солдаты своего доносчика, не дождавшись ничего отъ синода, и тѣмъ съ самаго начала далъ худой видъ своей справедливости и своей невинности.

Въ постъ Филипповъ **) дьячка велѣно сенатомъ и синодомъ возвратитъ изъ воинской службы, а преосвященному велѣно, чтобъ онъ далъ въ синодъ объясненіе противъ донесенныхъ на него пунктовъ, изъ коихъ первый былъ — собственноручное предписаніе, второй, собственныя взятки. Прочіе же пункты,

*) Росписаніе, о которомъ я упомянулъ въ § XI-мъ. Г. Д.

**) Постъ Филипповъ не потому называется, что Филиппъ — постился, но потому, что начинается сряду послѣ праздника св. апостола Филиппа 15-го ноября (Праздникъ въ честь св. апостола Филиппа 14-го ноября) и въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ я родился и жилъ, больше знаютъ постъ Филипповъ, нежели ноябрь и декабрь; больше употребляютъ названіе дней, нежели названіе мѣсяцевъ и чиселъ, какъ будто они живутъ только 7 дней. Г. Д.

относящіеся къ должностямъ природы, или, какъ говорятъ, слабостямъ человѣческимъ, больше имѣли правдоподобія, нежели доказательства. Однакожь на все надлежало отвѣтствовать, когда уже дошло до вопросовъ.

До сего времени, казался мнѣ преосвященный твердаго и непобѣдимаго духа; но по полученіи снудскаго указа, храбрость его уснула. Онъ сдѣлался вдругъ изъ лютаго тигра (котораго я не видывалъ) кроткимъ ягненкомъ, пересталъ клясть Овчинникова, пересталъ проклинать Орловскихъ старовѣровъ, пересталъ бранить членовъ святѣйшаго снуда, прекратилъ драки и брань въ церкви и дома. Уныніе и печаль на лицѣ его изобразились. Онъ прибѣгнулъ къ совѣтамъ многихъ законоискусниковъ *), которые, повидимому, худо его обнадеживали, ибо, когда я къ нему, по выходѣ ихъ, входилъ, то находилъ его въ пущемъ смущеніи и задумчивости. Онъ иногда говаривалъ и къ нѣкоторымъ въ Петербургъ писывалъ, что «не клевета доносчика его тревожить, которая сама по себѣ разсыплется, но то одно съ ногъ его валить, что сѣвскій архіерей подъ судожь». По моему же мнѣнію, весьма несносно для человѣка гордаго, когда его допрашиваютъ.

§ XX.

1772-й годъ.

1772-го года февраля 8-го, брата своего и инспектора Трипольскаго отправилъ онъ въ Петербургъ, перваго въ пансіонъ къ профессору Морбаху, а втораго къ преосвященному петербургскому съ рекомендаціею, яко человѣка учившагося въ Киевѣ латинскаго языка и принявшаго смиренное намѣреніе вступить въ монашество, дабы послѣ достигнуть архіерейской шапки. Ему препоручены были отвѣтныя въ снудъ пункты и просительныя ко многимъ по сей матеріи письма.

Трипольскій отписалъ изъ Петербурга, какъ оныя, кѣмъ приняты и что въ комъ произвели. Объяснилъ, между прочимъ, сколь худо онъ принятъ снудальнымъ оберъ-прокуроромъ Чебыше-

*) А законоискусники-то въ провинціи кто? Два въ провинціальной канцеляріи секретаря, третій протоколистъ, а четвертый отставной губернской секретарь, славный во всей Бѣлгородской и Орловской губерніи ябедникъ тогдашнихъ временъ, Иванъ Коробовъ.

вымъ, который выговаривалъ ему суровымъ образомъ, что въ Петербургѣ подарки не въ обыкновеніи въ такомъ случаѣ, въ какомъ ему сѣвскій архіерей подноситъ. «А когда я, пишеть Трипольскій, усиливался съ просьбою о принятіи ихъ, то онъ закричалъ: «слуги, возьмите это все и выбросьте вонъ съ этимъ докучнымъ человѣкомъ».

«Тогда я,—продолжаетъ комиссіонеръ:—видя, что хотять со мною поступить не въ силу просьбы, подхватилъ ящикъ съ конфетами и проч. и съ пособіемъ слугъ графилъ на извозчика безпрепятственно. Изъ сего ваше преосвященство видите, заключилъ Трипольскій, что мнѣ съ грибами къ нему вызваться было нельзя».

Ежели грибы сіи были ^{мелочными} архіерейские, то тѣмъ-то Трипольскій и худо сдѣлалъ, что не вызвался съ ними прежде.

Какъ бы то ни было, такое увѣдомленіе не порадовало преосвященнаго; но мнѣ оно было не бесполезно, потому что чѣмъ болѣе имѣлъ онъ съ какой стороны непріятныхъ вѣстей, тѣмъ болѣе изъ свирѣпаго становился тихимъ и скромнымъ. И онъ довольно могъ бы поправить свое дѣло, еслибы на семъ остановился, ибо сѣнодь на отвѣтныя его пункты долго молчалъ—какъ будто желая примѣтить, не переимѣнится ли онъ въ образѣ жизни. А между тѣмъ сѣнодальные члены весьма искренно, благосклонно и прямо братски къ нему писывали, обнадеживая, «что собственноручное его предписаніе не относится въ корыстолюбію, или къ противорѣчію законамъ, но къ истребленію большихъ закрытыхъ взятокъ» и проч.; однакожь отвѣтчикъ не умѣлъ воспользоваться добрыми къ нему сѣнодальныхъ членовъ расположеніями.

Скромность свою чувствовалъ онъ тягостію несною для него; терпѣніе—ненавидѣлъ, какъ природнаго своего врага. Онъ, покрѣпившись съ небольшимъ полгода, свергнулъ съ себя обѣ сіи ноши, которыя для другихъ въ своихъ поученіяхъ называлъ «добродѣтелями, пробивающими дорогу къ вѣчному блаженству».

Онъ началъ гласить съ помощью рюмозъ, стакановъ, чашекъ, что сѣнодь, не въ силахъ будучи найти резолюцію на премудрыя его отвѣтныя пункты, не знаетъ, чѣмъ рѣшить дѣло. Сѣнодь, по его мнѣнію, былъ бѣдный судія, которому отъ сѣвскаго архіерея пришло въ тупикъ! Тако ему вѣщающу, часто

возглашалъ: «Кого Богъ хочетъ наказать, у того прежде отниметь умъ, и нечестивый, пришедъ въ бездну золь, нерадити начинается»,—не остерегаяся и не подозрѣвая, къ кому служить сей священный текстъ.

Одобрѣемъ будучи во всемъ такими знатоками приказныхъ дѣлъ, которые за блаженство почитали, что архіерей раздѣляетъ съ ними крикливую бесѣду, рюмву и ставанъ—пустился во все больше обывовеннаго и, чѣмъ многолюднѣе случалось у него собраніе, тѣмъ больше распространялся онъ съ ругательствомъ на синодальныхъ членовъ, именуя каждаго выдуманнми имъ прозвищами. Оберъ-прокуроръ Чебышевъ не былъ забыть въ сихъ поэмахъ. Словомъ, онъ возстановилъ и умножилъ прежній беспорядокъ жизни.

Уже синодальные члены, слыша, безъ сомнѣнія, о его поведеніи, перестали къ нему писать и отвѣчать, а онъ, не переставая пить, бранить и бить встрѣчнаго и поперечнаго; бросающъ на нихъ самъ, сдѣлалъ изъ себя человѣка неистоваго больше, нежели былъ прежде.

Сколь такой родъ поведенія былъ ему бесполезенъ, откроется послѣ, а теперь отправляюсь я съ его преосвященствомъ и совѣмъ штатомъ или влиромъ въ Трубчевскъ, Брянскъ и Карачевъ для обозрѣнія, по долгу званія апостольскаго, «како пребываютъ братіи» и чтобы утвердить ихъ въ правилахъ вѣры, посѣять зерна добродѣтели, гдѣ должно утвердить насажденная, гдѣ можно, служащимъ олтарю съ олтаремъ подѣлиться.

Августа въ первыхъ числахъ (1772 г.) мы выѣхали и прибыли проѣздомъ въ Площанскую богородицкую пустынь.

Благодатная пустынь! Нельзя о тебѣ замолчать! Ты уединяешься въ лѣсу сосновомъ и березовомъ, имѣешь каменную церковь, довольное число келій, хотя деревянныхъ, но покойныхъ и теплыхъ. Написанные на вратахъ твоихъ лики являютъ собою обитателей твоихъ, посвятившихъ себя уединенію, съ намѣреніемъ трудиться для спокойствія душевнаго и для избѣжанія суеты мірскихъ. Ты имѣешь чистѣйшую воду рѣчную и ключевую. Тебя отъ солнечнаго зноя осѣняютъ деревья; тебя же они охраняютъ отъ свирѣпыхъ вѣтровъ. Ты вмѣщаешь въ себѣ до 60-ти человѣкъ, монашествующихъ и бѣльцовъ, именующихся братіями. Твой начальникъ, титулуемый строитель, тѣмъ только

отличаетъ свое начальство отъ рядовыхъ братій, что онъ первый на молитвѣ въ церкви, — гдѣ вечеръ, заутро и полудне благословляютъ Господа, — и первый на работѣ, гдѣ копаютъ, сѣютъ, сажаютъ и собираютъ плоды. Твоя чада вяжутъ мрежи, работаютъ рѣзцами и другими орудіями. Они подносятъ посѣтителямъ прерасно сработанныя и окрашенныя трудовъ своихъ ложки, блюда, тарелки; сплетенныя искусно разныхъ мѣръ и величинъ корзинки и проч., не требуя за то вознагражденія и не подавая ни малѣйшаго къ тому вида желанія, благодарны отъ всего сердца тѣмъ, что имъ дадутъ. Твой уставъ ведетъ каждого, посѣщающаго тебя, въ общую трапезу, предлагаетъ ему свой хлѣбъ и все то, что сварено для братьевъ. А для отличнаго гостя начальникъ и братія не опасаются соблазна изготовить птицу, а если угодно, такъ и барана; хотя сами строжайше удалены отъ брашенъ сего рода, даже до того, что самыя юныя бѣльцы не соглашались, ни подъ какимъ видомъ, нарушать сей добродѣтели воздержанія. Часы на колокольнѣ опредѣляютъ время, положенное для молитвы и работъ. Притекающіе въ твой храмъ, истинные поклонники, не находятъ въ твоей оградѣ ничего оскорбляющаго чистоту ихъ сердечныхъ расположеній.

Да будетъ слава и честь господину Апраксину, хранящему тебя въ нѣдрахъ своего владѣнія:

Здѣсь услышалъ я исторію, частію отъ самого настоятеля и частію отъ братій и даже отъ послушниковъ, которая, повидимому, всѣхъ ихъ занимала и которую собравши въ одно, выйдетъ слѣдующая!

Въ началѣ временъ сего монастыря или пустыни, былъ въ ней настоятель инокъ Іоасафъ. Онъ, по нѣскольکو-лѣтнемъ сею обителю управленіи, сдалъ ее другому брату, а самъ удалился въ непроходимую пустыню *); тамъ живя многія лѣты, прецрвождалъ время въ молитвѣ, въ постѣ, въ руководствіи келейномъ, рубилъ дрова, носилъ воду, копалъ, сажалъ, сѣялъ. Кго при томъ добрый нравъ привлекалъ къ нему много посѣтителей. Многіе, приходя, просили у него постриженія въ монашество, а онъ имъ и не отказывалъ. Сими постриженіями наполнялъ онъ свои любимыя момастыри, или пустыни: Подцанскую, Бѣлобереж-

*) Казалось бы, что это брянскій и карачевскій лѣсъ, называемый Кривою.

скую, Полбинскую, Барщевскую, изъ которыхъ, по всеобщемъ въ Россіи уничтоженіи лишнихъ монастырей, осталась только одна Площанская, на собственномъ содержаніи.

Сунодь провѣдалъ о ревностномъ его собираніи словеснаго стада, и неоднократно посылалъ повелѣнія его взять; но святого мужа грѣшнымъ людямъ уловить было трудно. Его многочисленные ученики, подобно разставленной стражѣ, узнавали обо всемъ заблаговременно и наставнику давали время спокойно переходить изъ одного скита въ другой *). Да и самыя тогдашнія правительства, почитая святость его, попускали ему охранять себя; а онъ, между тѣмъ, постригая въ монашество желающихъ, гласилъ: «граждущаго ко мнѣ не изжену вонъ». Первенствующій сунода членъ, митрополитъ Димитрій Сѣченевъ, видя, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, возгласилъ нѣбогда: «кто можетъ сказать, что у насъ нѣтъ патриарха? Есть патриархъ, который не боится ни епархіальнаго архіерея, ни сунода». А отецъ Іоасафъ, продолжая постоянно принятый имъ образъ жизни, скончалъ благополучно въ пустыни дни свои въ старости маститѣ и погребенъ въ Площанской пустынѣ.

Достоинно замѣчанія, что сей престрогой — по словамъ его учениковъ — для себя пустынножитель, былъ снисходителенъ для своихъ учениковъ. Онъ имъ говаривалъ: «пейте и ядите, дѣти мои. Бѣсъ никогда ни пьетъ, ни ѣстъ, да народу пакость творить! пейте и ядите во славу Божию; вашъ вѣкъ того требуетъ; но не упивайтесь и не объѣдайтесь, да не возрадуется врагъ нашъ о васъ!»

Мои вѣтренныя тогдашнія лѣта не были любопытны узнать и видѣть его могилу; вмѣсто того я охочь былъ взлѣзть на колокольню, и видѣлъ нечаянно большой колоколъ съ надписью имени сего почтеннаго старца.

Пробывши два дни въ Площанскомъ сіонѣ *), выѣхали на третій — въ Трубчевскъ. Въ Трубчевскѣ осматривалъ преосвящен-

*) Скитъ — пустынное обиталище, родъ монастыря, только безъ церкви.
Г. Д.

*) Человѣкъ обогащенный знаніемъ можетъ сказать: «Сіонъ есть гора въ Иерусалимѣ, на которой стоялъ домъ Давидовъ, а Площанская пустыня значить: плоскость. Почему же писатель жизни своей называетъ ее сіономъ?» Ну, виновать, какъ Баянъ, а перемѣнять не стану.
Г. Д.

ный благочинія въ церквахъ. Мы пробыли въ немъ дней семь безъ скуки.

Чолнскаго монастыря, подвѣдомственнаго Кіевопечерской лаврѣ, отстоящаго отъ города верстъ на 7, игумень Антоній Балабуха, прибывъ къ архипастырю на повлонъ, способенъ былъ умножить удовольствіе на пирахъ трубчевскихъ. А потомъ, запросилъ онъ преосвященнаго со всѣмъ штатомъ и прочими гостями въ свой монастырь*). И тамъ-то дали дѣру всему тому, отъ чего смертный въ жизни бываетъ мертвецки пьянъ! Изъ всѣхъ гостей, гостинныхъ слугъ и архіерейскаго штата, воихъ было всего народа человѣкъ болѣе 40, едвали четвертая часть осталась праведниками. Само по себѣ разумѣется, что моя душа не была въ числѣ первыхъ трехъ частей, ибо авторъ долженъ другихъ только глушить пороками, хотя бы и не было ему противно, на случай надобности, англійское пиво.

На второй день въ вечеру возницы наши разсудили запрягать лошадей, что и побудило къ выѣзду гостей и хозяина, которые не заботились знать, какимъ мановеніемъ вывезены они изъ дома молитвы для доставленія ихъ обратно въ Трубчевскъ.

На пути архіерей, по обыкновенію, остановился со всѣмъ караваномъ, сталъ въ кругѣ всѣхъ и велѣлъ подавать англійское пиво. Потомъ отвернувшись отъ всѣхъ, кромѣ меня, прочь и пользуясь тишиною и пріятностью ночи, началъ инкогнито обходить всѣ повозки и засматривать въ нихъ.

Продолжая должность страннаго дозора, нашелъ на 60-ти лѣтняго старика, иподіакона Гавріила Антонова, который, обремененъ будучи лѣтами и напитками, лежалъ брюхомъ на повозкѣ, а нижняя половина тѣла висѣла съ повозки, и касаясь слегка земли, опиралась объ нее такъ, что нельзя было отгадать виситъ ли онъ, стоитъ ли онъ или лежитъ? Архіерей, подскоча, ну гвоздить его ногою въ задъ, какъ будто отгадывая загадку.

Старикъ, почувствовавъ привѣтствіе, собралъ силы, встрепенулся, схватилъ архіерея въ охапку. Архіерей покушался вырваться, но старикъ ему доказалъ, что онъ безъ силы въ рукахъ. Они оба подняли шумъ, на который сбѣжались всѣ до единого,

*) Чолнскій Спасскій Трубчевскій 3-го класса мужской монастырь находится въ Орловской губ., въ восьми верстахъ отъ города Трубчевска. Выстроены монастырь въ XVI ст. однимъ изъ кн. Трубецкихъ. Ред.

и старикъ между тѣмъ разсмотрѣлъ, что онъ имѣеть дѣло съ своимъ владыкою. Вслѣдствіе чего игуменъ Балабуха, трубчевскій протопопъ, трубчевскій воевода и прочіе духовные и свѣтскіе сановники, принявъ на себя должность судей, кричали всѣ разомъ и порознь и какъ кому пришло. Иной говорилъ: «бій вѣрна или невѣрна, да извержется»; иной восклицалъ: «его же любить, наказуетъ». Свѣтскіе гласили статьи изъ третьей главы военнаго артикула, а архіерей вопилъ: «Князю людей твоихъ да не речеши зла»!

Наконецъ, не отступая отъ большинства голосовъ, соблюдаемаго на всемъ земномъ шарѣ, — можетъ быть потому, что большинство голосовъ имѣеть на своей сторонѣ и большинство рукъ — отдали въ полную и беззащитную волю овцу сильному пастырю; вслѣдствіе чего овца-иподіаконъ повалился ему въ ноги. Приказано ему лезть на большое сухое дерево, стоявшее тутъ же при дорогѣ. И когда старость его съ ослабѣвшими отъ вина силами и съ помощью другихъ вскарабкалась по сучьямъ на высоту, то архіерей велѣлъ ему кричать по-кукушечьи. Странно, забавно было и жалко слышать, или лучше сказать: каждому слышалось по-своему, какъ плачущій старикъ, истончивая басистый свой голосъ, виолончелилъ сквозь слезы: «куку-куку». Ему подладило громогласнымъ смѣхомъ все духовное и свѣтское сумасбродство, отчего чрезъ все время нашего проста разливалось по лѣсу непрерывное эхо.

Обрядъ выѣзда нашего изъ Трубчевска въ Брянскъ производился по сему же церемоніалу.

§ XXI.

Брянскъ.

Въ Брянскѣ на первый случай остановились въ Свѣнскомъ Новопечерскомъ монастырѣ*), подвѣдомственномъ Киевопечерской лаврѣ, отъ города въ верстахъ 2-хъ, по приглашенію того монастыря начальникомъ, игуменомъ Палладіемъ.

*) Свѣнскимъ называется по рѣкѣ именуемой Свѣнь. Но простой народъ по-нынѣ называетъ его «Свинскимъ монастыремъ». Монастырь преогромный, богато и выгодно отстроенный—весь каменный, кромѣ настоятельскихъ келій. Бывшій печерскій архимандритъ, Лука Бѣлоусовичъ, имѣлъ охоту и воз-

Начавши съ хозяина, скажу, что игумень сей былъ чело-
вѣкъ соединяющій въ себѣ духовнаго со свѣтскимъ. Хорошъ
собою, брונетъ, благообразный, съ лакированными глазами и
чистымъ голосомъ, великій мастеръ шутить и умѣлъ этотъ даръ
употреблять кстати. Его критическій разумъ никого не обижалъ,
напротивъ съ каждаго скучнаго лба сбивалъ морщины и заста-
влялъ смѣяться. Не диковинка, что его всѣ тамошніе дворяне
любили, а можетъ быть — и дворянки. Ярманка тогдашняя, про-
должающаяся тамъ ежегодно въ сентябрѣ, около 4-хъ недѣль,
на которую обыкновенно съѣзжается множество дворянства, умно-
жила торжества архіерейскія.

Потомъ, переѣхали въ Брянскій Петропавловскій монастырь,
подвѣдомственный нашему іерарху, въ которой собралось на
прѣздъ все духовенство, штатскіе, тамошніе чины и нѣсколько
дворянства. Въ продолженіи дней 15-ти архіерей въ монасты-
ряхъ и въ нѣкоторыхъ церквахъ священнодѣйствовали, когда
ему заблагоразсудилось. Всякой почти день прошенъ онъ бывалъ
къ знатнѣйшему вупечеству на обѣды, куда и слѣдовалъ всегда
въ сопровожденіи немалочисленной свиты.

Въ усугубленіи роскоши, истинный сынъ церкви, старый по-
мѣщикъ Ѡаддей Петровичъ Тютчевъ запросилъ пастыря въ свой
дворянскій домъ, отстоящій отъ Брянска верстъ на 15, со всѣмъ
множествомъ духовныхъ и свѣтскихъ персонъ.

Обозъ или караванъ нашъ состоялъ изъ многочисленныхъ
разноманерныхъ колесницъ, принадлежащихъ людямъ разнаго
состоянія,—архіерею со штатомъ, игуменамъ, протопопу, дво-
рянамъ, чиновникамъ воинскимъ и штатскимъ.

Мы приѣхали къ г. Тютчеву подъ вечеръ. У воротъ его
дома церковь каменная, снаружи хороша, и внутри, какъ мы ви-
дѣли послѣ, украшена не скупю рукою. Двухъэтажный домъ, хотя
деревянный, однакожъ выгодеиъ и огроменъ. Меблированъ бо-
гато и со вкусомъ, и при свѣчахъ показался онъ мнѣ еще ве-

можность, при тогдашнемъ владѣніи деревнями, выстроить его превосходно,
хотя безъ наблюденія орденовъ архитектуры и назвалъ Новопечерскимъ;
а церковь построена на копѣ государини императрицы Елисаветы Пе-
тровны при жизни еще ея величества. Сія чадолюбивая мать—которая цар-
ствованіе у многихъ называется златымъ вѣкомъ—любила свой законъ и
свою церковь, чтла духовенство и уничтожила смертную казнь.

Г. Д.

ликолѣпнѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Расположеніе покоевъ, ихъ многочисленность, обои, картины, комоды, шкафы, столики, бюро, — краснаго дерева; все сіе въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ, а затѣмъ уже слѣдуетъ по порядку: вмѣсто подсвѣчниковъ—шандалы, вмѣсто занавѣсокъ—гардины, вмѣсто зеркалъ и паникадилъ—люстра; вмѣсто утвари—мебель, вмѣсто приборовъ—куверты, вмѣсто всего хорошаго и превосходнаго — «тре биенъ» и «супербъ». Вездѣ вмѣсто размѣра — симметрія, вмѣсто серебра — аплике, а слугъ зовутъ «ляке».

Камердинеръ, который былъ въ шелку и въ натяжкѣ, показавъ мнѣ покой, назначенный для архіерея со всѣми принадлежностями.

Архіерей, вопреки своей неутомимости, сказалъ, напившись чаю, что ему надобенъ покой. Раздѣвшись съ помощью моею и возлегши на одръ, сказалъ онъ мнѣ: «посмотри-ка мимоходомъ, что нашъ хозяинъ и гости? гдѣ и какъ?»

Я, перешедъ покоя съ три отъ архіерейской спальни, увидѣлъ изъ дверей послѣдней горницы въ залѣ гостей, коихъ было персонъ болѣе 50-ти обоего пола, сидящихъ за великолѣпнымъ ужиномъ, а въ первомъ мѣстѣ хозяина въ халатѣ и колпакѣ. Его старость, богатство и дружба гостей давали ему на сію вольность привилегію, несмотря на то, что онъ имѣлъ чинъ выпущеннаго изъ гвардіи армейскаго поручика.

Возвратясь, донесъ я о сіяніи на столѣ хрусталя, серебра, о числѣ гостей и о всемъ великолѣпнѣи и чистотѣ, сколько можно было вскользь примѣтить. На досугахъ прибавилъ я, что я видѣлъ нашего хозяина, какъ Юпитера на Олимпѣ въ сонмѣ боговъ и богинь.

«Да каково-жъ эти боги, спросилъ архіерей, нападаютъ на нектаръ и амвросію?»

— «Безъ пощады, отвѣчалъ я; стукъ ложекъ, ножей и вилокъ похожъ на пальбу бѣглымъ огнемъ».

По такомъ, подобномъ сему празднословіи, архіерей сказалъ мнѣ напоследокъ: «ну, принимай же свѣчи, поди — оканчивай свое любопытство, какъ тамъ боги ѣдятъ».

Я заспѣлъ подъ вонецъ ужина. Лишь только я сталъ обокъ кресла господина хозяина, какъ онъ оглянулся, схватилъ съ себя колпакъ и вдругъ опять вскинулъ его на голову, соско-

челъ съ кресель, схватилъ меня обѣручь за плечи, говоря между тѣмъ: «садъ, мой другъ, садъ на моемъ мѣстѣ, пожалуй покушай; я вижу, что тебя его преосвященство жалуетъ, пожалуй садъ, а я на тебя посмотрю, какъ на преосвященнаго». Отъ сихъ послѣднихъ искреннихъ словъ, ближайшіе гости довольно неосторожно засмѣялись, а я тѣмъ временемъ успѣлъ изъясниться, что я доволенъ буду, когда мнѣ позволено будетъ ~~на~~ эту пору быть на ряду съ вашими оффиціантами. «Ну, воля твоя», кончилъ добрый господинъ. При окончаніи стола, онъ выбирая блюда въ кушанья ~~ихъ~~ отдавалъ ихъ слугамъ и приказывалъ, поглядывая на меня: «это его милости».

По окончаніи ужина готовъ уже былъ для меня особый столъ. Кушанья и напитковъ поставлено было столько, что можно было удовольствоваться двухъ Максиминовъ или четвертую часть Бротонскаго Милона. Слуги предстоали мнѣ тѣмъ порядкомъ, какъ и барину своему. Чѣмъ болѣе я старался держать себя въ надлежащей позиціи, тѣмъ болѣе чувствовалъ тягость чести.

На завтрѣ увѣдомилъ я преосвященнаго ^{Жакоуи} обо всемъ. ^{сб. мѣсяцъ} Онъ выслушалъ, очень былъ доволенъ ховяиномъ и мною. Лишь только и вышелъ, чтобы одѣться по формѣ, встрѣтился со мною въ загѣ самъ хозяинъ, въ коротенькой епанечкѣ гишпанскаго покроя малино-цвѣтнаго бархата, на соболяхъ. Онъ спросилъ меня: «можно ли войти къ его преосвященству»? Я отвѣчалъ: «кто смѣетъ въ вашемъ домѣ затворить двери вашему высочородію»? Онъ меня обнялъ и поцѣловалъ, говоря между тѣмъ: «о, мой другъ! ты умный слуга». Приписавъ мнѣ сію честь, явился онъ къ архіерею въ спальню, а я пошелъ одѣваться.

Еще я не причесался, какъ камердинеръ г. Тютчева, пришедъ ко мнѣ, рассказалъ разговоръ своего барина съ моимъ архіереемъ. «По сдѣланіи утренняго привѣтствія баринъ мой—говоритъ камердинеръ:—заговорилъ объ васъ и непрестанно хвалилъ васъ, отдавая притомъ справедливость преосвященному, что онъ васъ выбралъ. А преосвященный отвѣтствовалъ, что онъ не жалѣетъ, что сдѣлалъ къ вамъ привычку и что вы, кромѣ другихъ должностей, отправляете у него должность и кабинетнаго секретаря». Я, поблагодаря камердинера за искренній переносъ доброй вѣсти, ничего столько въ продолженіе цѣлаго дня

не слышалъ, какъ только многочисленныя въ разныхъ углахъ дома похвальные о себѣ разговоры.

Уже въ тогдашнія мои лѣта, могъ я дивиться и самъ себя вопрошать: «не съ ума-ль сошли эти люди? за что они меня хвалятъ»? Но съ теченіемъ жизни пришло время, что я не имѣлъ нужды въ подобныхъ случаяхъ вопрошать себя, поелику при-смотрѣлся и видѣлъ, что люди суть такое созданіе, которое въ одну и ту же пору хвалить, порочить, клевететь съ равно-мѣрнымъ жаромъ, успѣхомъ, основаніемъ, легкомысліемъ; а нерѣдко бываетъ, что и на важныхъ степеняхъ люди бываютъ хвалямы по ихъ степенямъ и счастью, но не по ихъ заслугамъ и достоинствамъ.

Это еще не конецъ. Угодно было року, чтобы похвалилъ меня и капельмейстеръ г. Тютчева, который былъ порокою изъ смоленской шляхты *), росту выше средняго, лѣтъ 30-ти, лицо имѣлъ кругленькое, подобное маетнику стѣнныхъ часовъ. Клубо-подобную его небольшую головку прикрывалъ осыпанный пук-лями ^{кудри} паричовъ; взглянувъ на него, нельзя было не замѣтить, что онъ самъ собою былъ доволенъ. Такой манерный капельмей-стеръ, дабы участвовать въ тотъ день во всеобщей матеріи, подступилъ ко мнѣ по-рыцарски, и отведши къ окну, зачалъ со мною дружескую рѣчь.

«Братецъ, — говорилъ онъ: — ты мнѣ полюбился. Я о тебѣ слышалъ много хорошаго; да скажи пожалуй, для чего ты вчера за столъ-то не сѣлъ? вѣдь Ѳаддей-то Петровичъ, знаешь-ли какой человекъ? онъ хуже тебя садитъ съ собою».

Я отвѣчалъ ему, что, «въ этомъ не сомнѣваюсь, потому, что я самъ это вчера примѣтилъ изъ послѣдней тарелки». По счастью моему или обонхъ насъ, я говорилъ съ такимъ человекъ, который на все былъ согласенъ, или изъ вышепрописанной явлен-ной ко мнѣ любви, иди позабылъ, что онъ вчера занималъ за столомъ послѣднюю тарелку.

Въ семь домѣ слышалъ я, какъ вся фамилія Тютчевыхъ—собравшись изъ разныхъ домовъ въ гости—мушны, женщины, юноши, дѣвицы и малыя дѣти, проклинали память фельдмаршала

*) Въ царствованіе уже Екатерины Великія дворяне Смоленской губерніи упривилегированы называться и писаться «дворянами», а до сихъ поръ ихъ называли и писали: «смоленскою шляхтою».

графа Миниха, за то, что онъ, подъ образомъ службы, за собственную будто-бы личную обиду, велѣлъ разстрѣлять полковника Тютчева, — помнится, родного брата нашему гостепріимному—въ царствованіе Анны императрицы.

§ XXII.

Другой Тютчевъ и третій Тютчевъ.

На третій день выѣхали со всею здѣсь бывшею компаніею на обѣдъ къ дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Никифоровичу Тютчеву же. Тутъ пріемъ, хотя не столько былъ пышенъ, однако соотвѣтствующъ генеральскому дому; а ~~еще~~^{еще} еще лучше, что во всемъ была благоразумная умѣренность. Отобѣдавъ, поскакали, почти всѣмъ соборомъ—кромѣ нѣсколькихъ мало по малу разбѣжавшихся—къ маіору Николаю Андреевичу Тютчеву же, имѣющему домъ и владѣніе свое въ смежности.

Праведное небо! тебѣ единому извѣстно, сколько здѣсь пролито, или лучше сказать, влито англійскаго пива, бишеву, пуншу! Сіе страшное сраженіе началось при самомъ пріѣзгѣ вечеромъ, и при самой пріятнѣйшей погодѣ въ саду, хотя уже былъ и сентябрь. Самъ хозяинъ прежде всѣхъ доказалъ, что онъ радъ гостямъ. Его повели точно такъ, какъ понесли изъ саду въ спальню, лишеннаго зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія. Но съ симъ геройскимъ изнеможеніемъ онъ напалъ не на слабыхъ.

Іерархъ, будучи хотя въ томъ же подвигѣ, но еще въ крѣпости силъ, возгремѣлъ на хозяйскихъ слугъ, предстоящихъ ему со всѣми принадлежностями гостепріимства, что «баринъ ихъ сдѣлалъ смертный грѣхъ, уступя преждевременно съ своего мѣста, въ противность всѣхъ регламентовъ, за что и подлежитъ онъ духовному суду».

Игумень Паладій и протопопъ брянскій стараясь потушить бѣду, крикнули слугамъ, чтобы они подавали поскорѣе все, что есть въ погребу, какъ можно больше. Весь хоръ гостей аплодировали проектъ. До двухъ тысячъ зажженныхъ плошекъ, и расположенныхъ по саду, по рѣшеткѣ окружающей садъ, и частію на дворѣ имѣли зрительми только слугъ.

Уже въ 10-мъ часу по утру, хозяинъ воскресъ, а преосвященный предъ тѣмъ только-что уснулъ; било три часа по полудни, а преосвященный въ самую пору покоится. Тщетно хозяинъ и многіе изъ гостей навѣдывались и вопрошали о его пробужденіи. Забавно было слышать, какъ всякій изъ нихъ, отходя отъ дверей архіерейской спальни, бурчалъ сморщившись: «пора объдать, четвертый часъ».

Наконецъ, въ началѣ 5-го часа, пробудило преосвященнаго среди самаго покоя нечаянное приключеніе, безъ котораго бы ему не проснуться до полуночи. Онъ кликнулъ меня раза съ три сряду весьма скоропостижно, и очень негромко. Нетрудно было понять, что надобно быть чему-нибудь необыкновенному. Лишь только я показался въ дверь, какъ поразилъ меня неприятный запахъ. Со всевозможною скоростію, сказалъ онъ мнѣ сидя въ постели: «не впускай никого». О проклятое англійское пиво, — подумалъ я въ сердцахъ, — надѣлало ты намъ хлопотъ полонъ ност! По счастью, преосвященный *каждый разъ* . . . . Но что я говорю: по счастью! Какое тутъ счастье, если они всѣ были *каждый разъ* . . . ? вслѣдствіе чего, я разставилъ караульныхъ съ такою поспѣшностію, какой требовала важность приключенія, съ запрещеніемъ впускающаго въ нашу комнату какого бы то чина и званія кто ни былъ. А между тѣмъ съ перемѣною *каждый разъ* . . . . *), кончили все съ желаемымъ успѣхомъ.

Архіерей, показавшись хозяину и гостямъ, преподавалъ всѣмъ миръ и благословеніе. Хозяинъ спросилъ по обыкновенію: покойно-ль ночевалъ его преосвященство? Архіерей отвѣчалъ правду, что спалъ спокойно; но само по себѣ вышло лучше, что окончаніи сна не случилось вопроса, а то бы архіерею надлежало рѣшиться солгать противъ своего сана, въ коемъ находясь должно всегда говорить правду.

Сію тайну скрывала по днес непроницаемая завѣса времени. Изъ сего можно заключить, что есть на свѣтѣ великое множество такихъ неизвѣстностей, которыя оставили потомство въ

*) Здѣсь опущено пятнадцать словъ, которыя мы не нашли удобнымъ печатать. Ред.

вѣчною о себѣ невѣдѣніи, и которыя могли бы быть украше-
ніемъ историческаго пера.

Отобѣдавши при свѣчахъ, простился преосвященный съ хо-
зиномъ, и уѣхалъ, по предназначенію, въ домъ помѣщицы Ма-
рьи Родіоновны Безобразовой, состоящей въ селѣ Морачевѣ,
по пути въ Брянскъ. Тамъ, въ ожиданіи гостя, сдѣлано было
свѣчное освѣщеніе во всѣхъ многочисленнымъ въ покояхъ ок-
намъ.

Гость принять былъ со всѣми обрядами, приличными его
сану, угощенъ ужиномъ. Отужинавши, разсудилъ за благо со-
вершить въ ту же ночь кругъ своего путешествія возвращеніемъ
въ Брянскъ. Но на выѣздѣ изъ села, выскочилъ изъ кареты и
пошелъ къ стоящей тамъ деревни. Я послѣдовалъ за нимъ; а
онъ сѣлъ на обширный ^{каменный} ~~строгий~~ камень и началъ возглашать,
повторяя: «кто здѣсь погребень?»

На голосъ приближали: игуменъ Палладій, протопопъ брян-
скій, десятоначальникъ, а потомъ мало-по-малу собрался весь
штатъ.

Протопопъ отвѣчалъ, что здѣсь погребень помѣщикъ этого
села г. Безобразовъ. «А, это тотъ, — крикнулъ архіерей, — ко-
торый попа убилъ?»

«Такъ носилась молва» — отвѣчалъ протопопъ, «однакожь по
дѣлу не дойдено».

— «Пой ему анаѳема!» воскликнулъ архіерей.

Весь хоръ пѣвчихъ загремѣлъ «анаѳема», такъ точно, какъ
поютъ въ недѣлю православія, когда проклинаютъ Мазепу, Гришку
Отрепьева и всѣхъ грѣшниковъ, потомъ всѣмъ усопшимъ хри-
стіанамъ вѣчную память, а живущимъ — многая лѣта. Но какъ
все сіе сопровождается было всѣмъ тѣмъ, что случилось въ бу-
тылкахъ и въ погребцахъ, то часто, въ несоблюденіи коман-
дующаго архіерейскаго гласа, пѣли вмѣсто вѣчной памяти — мно-
гая лѣта, а въ мѣсто анаѳемы — вѣчную память.

Такимъ нашимъ порядкомъ простоявши часа съ полтора,
пустились мы, при тихой темнотѣ, прямо въ Брянскъ, и при-
были туда вмѣстѣ съ днемъ.

Напослѣдокъ, наступило время оставить Брянскъ и посѣтить
Карачевъ. Усердное, при напиткахъ, провозжанье брянскими
духовнаго и свѣтскаго чина жителями, причиною было, что намъ

нѣсколько дней сразу запрягали и отпрягали лошадей. Наконецъ мы выѣхали въ почную пору; ибо всякой день для насъ былъ малъ, однако-жъ при колокольномъ въ ближайшихъ церквяхъ звонѣ, которой въ такую пору не меньше походилъ на церемонію, какъ и на тревогу.

Одинъ изъ усердныхъ провожателей, г. маіоръ Петръ Ава-насьевичъ Бахтинъ, сѣлъ въ берлинъ съ архіереемъ и игуменомъ Палладіемъ, а мнѣ пришлось сѣсть на его верховую лошадь въ качествѣ предводителя его людей,—коихъ было чело-вѣкъ съ восемь, обмундированныхъ по-карабинерски, потому что баринъ ихъ служилъ въ карабинерномъ полку, и воспѣвающихъ за мною самыя солдатскія пѣсни:

«Сударушка
Варварушка,
Не гнѣвайся на меня
Что я не былъ у тебя, и проч.»

По переѣздѣ нѣсколькихъ верстъ г. Бахтинъ, высунувшись изъ берлина, кликнулъ меня, повторяя громогласно: «твоя—лошадь! твое—сѣдло! твои—пистолеты!». Принимать подарки было для меня дѣло не новое, почему и не пропустилъ я, подъ громомъ его пѣсенниковъ, салютовать его шляпою.

Потомъ преосвященный далъ ему отпускное свое благосло-веніе; а онъ, сѣвши на запасную лошадь, отѣхалъ съ миромъ и съ потерянiемъ, какъ я думалъ, лошади съ приборомъ. Но мы съ архіереемъ обманулись. Бахтинъ, въ наступившую зиму бу-дучи у архіерея въ гостяхъ на именинахъ, истребовалъ и ото-бралъ все деньгами, говоря, что онъ продалъ, а не подарилъ. Отецъ Палладій хотя могъ бы быть свидѣтелемъ подарка или про-дажи, но его на именинахъ не случилось, къ тому же и по за-кону для доказательства истины одного свидѣтеля не довольно. Итакъ, г. Бахтинъ получилъ плату за подарокъ. Но ежели по-дарокъ былъ выпрошенный, то онъ дурнѣе дурной продажи и дурного подарка.

Исторія не должна умолчать, что отецъ Палладій слѣдуетъ за нами повсюду, и присутствіе его съ нами во всѣхъ дворян-скихъ домахъ дѣлаетъ всегда всѣмъ удовольствіе. Онъ, не по-мышляя быть забавнымъ, никогда безъ новой матеріи въ собра-ніе не является. Напримѣръ, либо описываетъ печерскихъ со-

борныхъ старцевъ, либо подражаетъ русскимъ бурлакамъ, нѣжинскимъ грекамъ, сельскимъ пошамъ, извощикамъ, престарѣлымъ боярамъ, и словомъ: всякой родъ состоянія могъ онъ представлять въ такомъ забавномъ и непринужденномъ видѣ, какъ нельзя лучше.

На границахъ Брянскаго съ Карачевскимъ уѣзда, встрѣтилъ насъ карачевскій протопопъ — ноши сущей — со свѣтильниги и съ небольшимъ числомъ священно-и-церковно-служителей, не помню въ какомъ-то селеніи, въ которомъ онъ столько времени дожидался своего архіерея, сколько дней и ночей звонили при провозжаніи насъ изъ Брянска.

§ XXIII.

Карачевъ.

Подъ Карачевъ подѣхали вечеромъ, и остановились при церкви бывшаго Тихонова монастыря, котораго каменное и деревянное строеніе, еще и по уничтоженіи его, въ цѣлости пребывало и часть онаго занята была, повидимому, какою-то казенною склажею. Тутъ прошенъ былъ преосвященный съ дороги на чай отъ нѣсколькихъ дворянъ, ~~штатскихъ~~ дворянъ, штатскихъ чиновниковъ и отъ бывшаго карачевского воеводы, Елисея Алексѣевича Хитрова, отставленнаго — не припомню — за грѣхи, или за дѣла богоугодныя. Помню только, какъ всѣ тогда говорили, что онъ отставленъ не за добродѣтель, — если это говорили люди добродѣтельные.

Сей Елисей, будучи тогда въ компаніи, вызвался къ отцу Палладію — держащему въ руцѣ покаръ съ виномъ: «Что, отецъ Палладій! если бы къ этакому винцу, да прежнія монастырскія деревеньки!» — Да! отвѣчалъ отецъ Палладій, подлаживая тѣмъ же тономъ: «если бы къ этакому винцу, да прежняя карачевская воеводская канцелярія!» Весь Карачевъ аплодировалъ громко и Палладію на камилавку наложилъ лавровый вѣнокъ за то, что онъ не зная Хитрова близко, трафилъ въ него какъ въ мишень.

На ночь отѣхали въ Николаевскій одринскій монастырь, отстоящій отъ города верстъ на восемь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О. М. ТОЛСТАГО.

По поводу „Записокъ М. И. Глинки“.

I.

Записки М. И. Глинки конечно не предполагались для печати, потому что, писанныя въ 1854-мъ году (какъ значится въ I-мъ томѣ «Рус. Стар.» стр. 392), слѣдовательно argès sour, какъ выражаются французы, многое въ нихъ не проверено, многое спущено и нерѣдко случаются такія интимныя показанія, которыя повойный М. И. наврядъ ли имѣлъ намѣреніе выводить на свѣтъ божій.

Въ предисловіи въ запискамъ отъ редакціи «Русской Старины» сказано, между прочимъ: «Издавая теперь вполнѣ записки М. И. Глинки, мы надѣемся оказать услугу не только людямъ спеціально занимающимся музыкой, для которыхъ значеніе этихъ записокъ неосцѣнимо, но и вообще содѣйствовать уясненію того любопытнаго періода нашей исторіи, который характеризуется такимъ необычайнымъ развитіемъ у насъ художественнаго творчества».

«Спеціально занимающіеся музыкою», какъ выражается почтенная редакція,—въ правѣ были бы ожидать отъ записокъ М. И. болѣе существенной пользы, такъ какъ онѣ писаны величайшимъ изъ нашихъ композиторовъ не въ юности, не шагъ за шагомъ а въ полной зрѣлости, опытности и при совершенномъ развитіи громаднаго таланта. Въ этомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи пользы «Записки» могли бы быть существеннѣе, если бы въ нихъ было поболѣе музыкально-художественныхъ воззрѣній; но

какъ матеріалъ къ будущей біографіи М. И. и какъ живыя страницы изъ нашей недавно-прошлой общественной жизни, записки эти дѣйствительно неоцѣннымы.

Какъ бывшій пріятель, и одно время весьма близкій человѣкъ къ покойному, я читалъ записки эти съ сердечнымъ волненіемъ; прошлое живо предстало въ памяти и собственныя мои воспоминанія, нахлынувъ волною, невольно излились на бумагу. Странно покажется, можетъ быть, что живой человѣкъ говоритъ о себѣ какъ о мертвомъ; подобная исповѣдь, замѣтятъ вѣроятно многіе, пригодна только для замогильныхъ записокъ. Замѣчаніе это не лишено нѣкотораго основанія, — но, во-первыхъ, не я первый, не я послѣдній прибѣгаю къ подобнымъ объясненіямъ, а во-вторыхъ, я отживаю свой вѣкъ, стою на краю могилы и совершенно покончилъ уже, надѣюсь, съ тревоженіями жизни.

....Личность моя выведена тутъ на показъ потому только, что она служитъ, такъ сказать, исходною точкою приводимыхъ мною воспоминаній, служащихъ для пополненія картины общественныхъ нравовъ и художественной жизни той эпохи, о которой упоминается въ запискахъ покойнаго Михаила Ивановича.

II.

Въ первой части «Записокъ» (т. I стр. 392-я «Русской Старины», 1870 года), говоря о юношескихъ своихъ впечатлѣніяхъ, М. И. выражаетъ, между прочимъ, слѣдующую мысль: «Будучи уже нѣсколько знакомъ съ увертюрами Керубини и Мегюля, я, однакоже, сознаю въ своемъ тогдашнемъ невѣжествѣ, слушалъ съ большимъ удовольствіемъ и увертюры Россини». — Это происходило вовсе не отъ невѣжества, а оттого, что у Глинки сильно звучала мелодическая струнка, что и оказывается какъ въ романахъ его, такъ и въ операхъ. Не знаю, что будетъ впоследствии, но пока популярностію у насъ пользуются только тѣ произведенія, которыя отличаются мелодичностью. — Изъ множества романсовъ М. И. наиболѣе популярныя безспорно: «Не называй ее небесной», «Только узналъ я тебя», «Сто красавицъ свѣтлоблкихъ», и нѣкоторые другіе, отличающіеся мелодичностью. — Верстовскій, Алябьевъ,

Варламовъ, мелкія сошки, конечно, въ сравненіи съ М. И., но принадлежавшіе къ его же эпохѣ, были также въ свое время весьма популярны по мелодичности ихъ произведеній. Я знаю по собственному опыту, что изъ двухсотъ романсовъ, напечатанныхъ мною въ періодъ времени отъ 1828 до 1838 года, только тѣ попали въ шарманки и распѣвались въ свое время по всей Россіи, которые отличались мелодичностью, какъ-то: «Кисейный рукавъ», «Не дивитесь друзья», «Не вчера ли въ хороводѣ» и нѣкоторые другіе.—Это доказываетъ, что въ то время всѣ мы были менѣе или болѣе склонны къ мелодичности и что нынѣшнее стремленіе къ чистой декламациі тогда еще не проявлялось.—Вотъ почему я полагаю, что М. И. напрасно обвиняетъ себя въ тогдашнемъ, какъ онъ выражается, невѣжествѣ; увлекаясь музыкою Россіни, онъ только повиновался внутреннему, присущему ему влеченію къ мелодичности.—Фраза о невѣжествѣ выставлена имъ «*a. posteriori*», когда итальянская музыка надоѣла ему и онъ искалъ новый путь и новыхъ формъ для выраженія своихъ мыслей; но тогда М. И. не только что не питалъ никакой ненависти къ итальянцамъ, но напротивъ увлекался итальянскою музыкою, итальянскимъ пѣніемъ и даже итальянцами, и въ особенности итальянками. Тогда я видался съ М. И. почти ежедневно и уговорилъ его учиться итальянскому языку у Марокоти, о чемъ онъ и упоминаетъ на 487 стр. I-го т. «Русской Старины»; но не знаю почему М. И. умалчиваетъ, что въ то время мы учились итальянскому языку предпочтительно у дочери Забони, очаровательно исполнявшею въ «Сорокъ-воровкѣ» контральтовую партію (роль *Pi-ro*).

Не знаю также отчего М. И. говорить, что хотя мы (Толстые) и принадлежали къ высшему обществу, но были милые, веселые люди и не брезгали жаренымъ картофелемъ съ лукомъ. Положительно могу завѣрить, что у насъ, Толстыхъ, и помыслу никакого не было о какихъ-либо подраздѣленіяхъ на нисшее и высшее общество, и что для меня лично общество М. И. и его семейство представлялось высшимъ идеаломъ образованности и любезности.

М. И. упоминаетъ съ удовольствіемъ о серенадахъ, которыми мы угощали жителей Черной рѣчки (стр. 489), но онъ забываетъ о другихъ любезностяхъ нашего веселаго обще-

ства. — Эти любезности, которыя можно назвать просто шалостями или даже проказами, доказываютъ, что мы не имѣли ни малѣйшаго притязанія на чопорное званіе членовъ высшаго общества.

Для характеристики тогдашней эпохи, я полагаю не излишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ проказахъ.

Въ Строгоновомъ саду находился тогда какой-то древній саркофагъ — мраморная полуразвалившаяся гробница. Не помню кому-то изъ насъ пришло въ голову забраться однажды ночью въ эту гробницу, и показаться оттуда, облаченнымъ въ простыню, запоздавшимъ въ паркъ влюбленнымъ парочкамъ. Вѣсть о появленіи ночного привидѣнія въ паркъ разнеслась съ быстротою молніи по всей Черной рѣчкѣ. Это намъ очень понравилось. Вскорѣ привидѣнія стали появляться не только въ Строгоновомъ паркѣ, но во всѣхъ концахъ Черной рѣчки. Жители всполошились и перетрусились не на шутку. Веселая наша компанія тѣмъ болѣе пришла въ восторгъ, и не довольствуясь пѣшеходнымъ по явленіемъ привидѣній, посадила ихъ на коней. Шалуны скакали по ночамъ, одѣтые въ бѣлые саваны, и для вящей тревоги жителей стрѣляли изъ пистолетовъ. Безчинство это обратило наконецъ на себя вниманіе мѣстной полицейской власти, и тутъ произошла пассажъ, ярко характеризующій распорядительность тогдашней полиціи. Объ освѣщеніи улицы деревни Черной рѣчки фонарями тогда и помину не было; вслѣдствіе чего, съ потушеніемъ комнатныхъ лампъ и свѣчей, деревня повергалась въ тьму кромѣшную. Однажды, возвращаясь поздно вечеромъ, въ числѣ пяти или шести человекъ, мы шли чинно и смиренно вдоль по улицѣ, какъ вдругъ шедшій впереди повалился со всѣхъ ногъ а за нимъ другой и третій. На упавшихъ тотчасъ налетѣли какіе-то люди и на улицѣ появился фонарь. Оказалось, что для поимки привидѣній, безпokoющихъ обывателей, полиція придумала слѣдующее остроумное средство: поперекъ улицы протянута была веревка на аршинъ отъ земли, и такъ какъ зги божіей не видать было, то весьма естественно, что наткнувшіеся на неожиданное препятствіе попадали какъ мухи. Къ счастью, что бывшая съ нами дама, ни въ чемъ конечно неповинная по части привидѣній и притомъ на сносяхъ беременная, къ счастью, говорю я, что она не наткнулась на препятствіе, а то бытъ бы

бѣдѣ! Полицейскіе служители и любопытствующіе столпились около нашей группы, и насъ хотѣли-было препроводить въ полицейское управленіе; но когда одинъ изъ насъ шепнулъ на ухо становаго или квартальнаго (не помню, какъ тогда называлась полицейская власть на Черной рѣчкѣ) имя и званіе сопровождавшей насъ дамы, то произошла сцена точь-въ-точь напоминающая финаль «Севильскаго цырульника» *). Полицейскій растерялся, приложилъ руку къ шляпѣ, и дрожащимъ голосомъ закричалъ на будочниковъ, держащихъ насъ за руки: «Дураки, олухи, не смѣйте трогать!» Мы однакожь этимъ не удовольствовались, и потребовали, чтобъ несчастный полицейскій отправился съ нами на дачу той дамы, одно имя которой спасло насъ отъ ареста, для составленія формальнаго акта о происшедшемъ. Какъ мы ни важничали, но проказы, въ которыхъ нѣкоторые изъ уловленныхъ посредствомъ веревки дѣйствительно участвовали, вышли бы вѣроятно наружу и конечно не прошли бы имъ даромъ, если бы несчастный полицейскій не поступилъ опрометчиво. Въ рапортѣ своемъ онъ помѣстилъ, что въ числѣ пострадавшихъ отъ паденія находился сынъ австрійскаго посла графа Фикельмона. Графъ Фикельмонъ жилъ тогда дѣйствительно на Черной рѣчкѣ, но у него была только малолѣтняя дочь, а сына не было. Бывшій въ то время генераль-губернаторомъ П. В. Кутузовъ воспользовался этою ошибкою, чтобы замаять дѣло. А не худо было бы проучить веселую компанію, потому что отъ нашего веселья со-лоно приходилось нашимъ чернорѣцкимъ обывателямъ.

Мы представляли нѣчто въ родѣ общества «*enfants terribles*», измышлявшаго разнаго рода демонстраціи, которыя, если и забавляли нѣкоторыхъ, то для другихъ могли быть очень неприятны. У насъ были даже отличительные признаки для членовъ общества, — а именно: голубыя вязаныя шапочки съ серебряною кисточкою и такимъ же позументомъ. Не помню, принадлежалъ ли М. И. въ «голубымъ», какъ насъ называли, сомнѣваюсь, потому что онъ бывалъ на Черной рѣчкѣ только наѣздомъ, и вѣроятно не участвовалъ въ такъ-называемыхъ «пожарныхъ продѣлкахъ»; эта послѣдняя забава состояла въ слѣдующемъ:

*) Е. Н. Хитрово, рожденная княжна Вяземская, племянница гр. Кочубея, тогдашняго предсѣдателя государственнаго совѣта. Е. Т.

У насъ завелась пожарная труба, и конечно скорѣй для поливки немощеной улицы, чѣмъ изъ предосторожности въ случаѣ пожара. Кому-то однажды пришло въ голову заложить тройку въ эту трубу и въ сумерки проскакать вдоль всей Черной рѣчки. Можете себѣ представить, какой переполохъ произвело появленіе этой скачущей во весь опоръ тройки съ пожарной трубою, въ улицѣ, унизанной деревянными, удобостораемыми домиками. Между тѣмъ «голубые», проскакавъ на другой конецъ деревни, преспокойно принимались поливать цвѣты на балконахъ и въ палисадникѣхъ тогдашней французской актрисы, красавицы Эммы.

Какъ все это сходило намъ съ рукъ—теперь и объяснить трудно!

М. И., упоминая о серенадахъ, которыя мы распѣвали на Черной рѣчкѣ, забылъ сказать, что въ то же время мы писали съ нимъ въ запуски фуги подъ руководствомъ Миллера, на котораго намъ указалъ покойный графъ М. Ю. Вельгорскій.

Миллеръ былъ дѣйствительно, какъ выражался графъ, воплощенный контрапунктъ. «На яву и въ сладкомъ снѣ» онъ только и бредилъ канонами, фугами и двойнымъ контрапунктомъ. Хотя М. И. вскорѣ опротивѣли наши упражненія, но весьма можетъ быть, что великолѣпные контрапункты, которыми изобилуютъ его оперы, имѣютъ источникомъ тогдашнія его занятія съ старикомъ Миллеромъ.

На стр. 490 (т. I «Русской Старины») М. И. говорить, что мы ѣздили за 200 верстъ, въ Новгородскую губернію, въ село Марьино, къ графинѣ Строгоновой *). Но въ то время тамъ властвовала безраздѣльно княгиня Голицына (извѣстная всему Петербургу подъ названіемъ Princesse moustache), мать графини и князя Дмитрія Владиміровича, бывшаго московскаго генералъ-губернатора.

Дѣйствительно, князь Сергѣй Голицынъ (Фирсъ), Глинва и я, мы прожили тогда дней десять въ Марьинѣ и исполнили тамъ между прочимъ нѣсколько сценъ изъ «Севильскаго цирюльника». Глинва былъ Фигаро, Фирсъ—Бартоло, а я—Альмавива.

Помню между прочимъ, что въ то время въ Марьинѣ были также нѣсколько придворныхъ пѣвчихъ (по какому случаю по-

*) Марьино принадлежало гр. Строгоновой.

пали они за 200 версть отъ столицы, объяснится ниже) и что М. И. пришелъ въ ужаснѣйшій азартъ, сопряженный даже съ нервнымъ разстройствомъ по слѣдующему случаю:

Глинка написалъ какую-то баркаролу для тенороваго голоса въ сопровожденіи хора. Баркарола написана была въ *la-bemol* и не представляла ничего особенно затруднительнаго и даже ничего особенно эффектнаго. Мелодія, чисто въ итальянскомъ вкусѣ, шла гладко и плавно, и только. Я зналъ свою партію твердо и нисколько не опасался за вѣрность интонаціи заканчивающаго баркаролу верхняго *la-bemol*. Но каково было мое удивленіе, когда на репетиціи, при окончаніи пьесы, Глинка громко вскрикнулъ и изъ оркестра вскочилъ на сцену. Я сильно сконфузился, думая что перебралъ, но оказалось, что волненіе М. И. произошло не по моей винѣ. — Одному изъ придворныхъ пѣвчихъ (Телегину) вздумалось взять вмѣсто нижняго *la-bemol*, контръ *la-bemol*, т. е. октавою ниже. — Это произвело такой необычайный, потрясающій звукъ, что Глинка, не слыхавшій до того времени, какъ онъ утверждалъ, ничего подобнаго, пришелъ въ азартъ.

Онъ, какъ я сказалъ выше, вскочилъ на сцену, отыскалъ виновника потрясающаго звука, и съ волненіемъ упрасивалъ «нельзя ли еще ниже». Контрабасистъ удовлетворилъ М. И. и спустился еще на полутонъ, — но этотъ звукъ уже не имѣлъ той силы и звучности.

Не безынтересно мнѣ кажется (все-таки для характеристики эпохи) остановиться нѣсколько на замѣчательной личности княгини Голицыной, у которой мы гостили съ М. И. въ 1828-мъ году.

Грибоѣдовъ воскликнулъ въ «Горѣ отъ ума»:

Что за тузы въ Москвѣ,
Живуть и умираютъ!

Про покойницу «Princesse moustache» можно по справедливости сказать, что она была также тузъ, да и какой еще!

Въ Петербургѣ (она жила, если не ошибаюсь, въ Малой Морской) въ ней ѣздилъ на поклоненіе въ извѣстные дни весь городъ, а въ день ея именинъ ее удостоивала посѣщеніемъ вся царская фамилія. Княгиня принимала всѣхъ, за исключеніемъ государя императора, сидя и не трогаясь съ мѣста. Возлѣ ея кресель стоялъ кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ и на-

зываетъ гостей, такъ какъ въ послѣднее время княгиня плохо видѣла. Смотра по чину и знатности гостя, княгиня или наклоняла только голову или произносила нѣсколько межѣ или болѣе привѣтливыхъ словъ; и всѣ посѣтители оставались повидимому весьма довольны. Вотъ какимъ вліяніемъ и авторитетомъ пользовалась княгиня въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ.

По милости Фирса (кн. С. Голицина), и я попалъ однажды на подобную церемонію, и радъ-радехонекъ былъ, что княгиня не сказала мнѣ ни полслова, — что подало мнѣ возможность поклониться молча, такъ показала мнѣ она важна и внушительна.

Предупредительность и вниманіе высшихъ властей къ княгинѣ были поистинѣ изумительны; такъ, напримѣръ: единственно для нея, фабриковали въ воспитательномъ домѣ особаго рода карты, увеличеннаго формата. Тою же предупредительностію объясняется и появленіе придворныхъ пѣвчихъ за 200 верстъ отъ столицы и притомъ въ такой мѣстности, къ которой не вело ни шоссеиныхъ дорогъ, ни желѣзныхъ конечно, о которыхъ впрочемъ и помину еще не было. Да не подумаютъ, что княгиня Голицина привлекала къ себѣ роскошью помѣщенія или великолѣпнѣмъ угощеніемъ. Совсе нѣтъ! Домъ ея въ Петербургѣ не отличался особенною роскошью; единственнымъ украшеніемъ парадной гостинной служили штофные занавѣсы, какъ теперь помню, желтыя, да и тѣ довольно полинялыя. Ужина не полагалось, временныхъ буфетовъ, установленныхъ богатыми вазами и сервизами, также не полагалось, а отъ времени до времени разносили оршадъ, лимонадъ и незатѣдливыя конфеты. Вотъ и все! Въ Марьиной обстановка была еще скромнѣе. Такъ, напримѣръ: для Глинки, Фирса и меня была отвѣдена одна комната, и для троихъ одинъ только умывальникъ. У насъ происходили преуморительныя сцены изъ-за этого умывальника. Фирсъ постоянно ворчалъ на Глинку, упрекая его за продолжительное полощанье: «Мишога—басилъ онъ, потягиваясь съ кровати, — полно тебѣ полощаться, вѣдь ты не утица». Особенно смѣшного въ этой фразѣ ничего не было, но мы хохотали до слезъ — и это повторялось ежедневно! О злая, безпечная молодость — не вернуть тебя никакими воспоминаніями!

Въ одиннадцать часовъ звонокъ призывалъ насъ къ общему

завтраку, и тутъ происходила патриархально-придворная церемонія. Собравшіеся обитатели Марьяна ожидали появленія княгини, которая ровно въ половинѣ двѣнадцатаго выходила изъ внутреннихъ апартаментовъ, озираясь на руку одной изъ близвнукъ родственницъ и мѣрно постукивая костью. Всѣ присутствующіе почтительно ей кланялись и слѣдовали за нею въ столовую. Въ то время, когда мы гостили въ Марьянѣ, насъ садилось за столъ не менѣе тридцати человѣкъ. Княгиня, съ почетными гостями помѣщались на казовомъ (т.-е. верхнемъ) концѣ, а молодежь — на противуположномъ.

Когда, бывало, мы слишкомъ разшумимся, что происходило не отъ возбужденія винными парами, потому что вина за завтракомъ не полагалось и на столъ ставились только кружки съ квасомъ и домашнимъ пивомъ, то княгиня постучитъ бывало костью, и тотчасъ же водворилось на время почтительное молчаніе.

Почему и какъ существовала подобная дисциплина, объяснить я не берусь, но что это было дѣйствительно такъ, а не мифче, за это ручаюсь*).

III.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго пребыванія въ Марьянѣ, М. И. уѣхалъ въ Италію (въ 1830-мъ году), и я на нѣкоторое время потерялъ его изъ виду, такъ какъ, несмотря на дружескія наши отношенія, тогда мы еще не переписывались.

Въ 1832-мъ году мнѣ привелось также побывать въ Италіи. Узнавъ, что Глинка проживаетъ въ Миланѣ, я поспѣшилъ въ этотъ городъ. Свиданіе наше было самое радушное, дружеское, можно сказать, и Глинка обрадовался мнѣ какъ родному; я нашелъ однакожь, что въ физическомъ отношеніи онъ очень перемѣнился. Лицо его какъ-то осунулось, глаза потеряли отчасти присутій имъ блескъ, — вообще замѣтно было, что онъ сильно хандрилъ. — Однакожь живой обмѣнъ мыслей и юношескія воспоминанія расшевелили Михаила Ивановича и у него вскорѣ появились проблески прежней веселости.

*) Биографію кн. Н. П. Голицыной (la princesse Moustache), см. въ III т. «Русской Старины», стр. 275, въ спискахъ «стать-дамъ» № 78. Ред.

Въ первый день моего приѣзда въ Миланъ, мы не разставались съ нимъ ни на минуту съ утра до поздней ночи. Наговорившись до сыта, я проголодался и около пяти часовъ напомнилъ М. И., что пора бы и пообѣдать.

— «Дѣйствительно пора, согласился онъ, но ты постой, первый нашъ обѣдъ въ Миланѣ долженъ совершиться съ нѣкоторою торжественностью. — Хозяйка моя, Signora Giuseppe Abbondio—мастерски стряпаетъ, но она уже въ честь мою нѣсколько обрусѣла; а мы отправимся на piazza del Domo—въ Albergo del Pazzo—тамъ я угощу тебя какъ слѣдуетъ, по миланскому вкусу».

Мы отправились, и Глинка заказалъ, по его выраженію, кровно миланскую стряпню, а именно: неизбѣжную поленту (это еще довольно вкусно и сытно), потомъ какой-то фрикасе изъ лягушекъ, на который я и смотрѣть не могъ безъ отвращенія, фритуры изъ какой-то неприличной части барана и еще кой-что въ такомъ же родѣ.—Кромѣ поленты, я почти ничего не ѣлъ, а Глинка подсмѣивался и уписывалъ всего на славу, забывъ и хандру и свой *plexus solage*, на котораго утромъ еще онъ сильно жаловался.

— «Что братъ», приговаривалъ онъ, запивая лягушекъ бѣлымъ туземнымъ виномъ, — «это небось не по-россейски! Не извольте гузыниться—съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять!»

Я провелъ съ Глинкой десять дней.

Разговоры наши вращались, конечно, около одного и того же предмета, т. е. около музыки, и хотя Глинка и говоритъ (стр. 592, т. I, «Русская Старина»), что «въ 1833-мъ году мысль о національной музыкѣ начинала уже въ немъ проявляться, но еще не въ оперной формѣ», но я полагаю, что онъ перепуталъ эпохи въ «Запискахъ». Я очень хорошо помню, что въ бытность мою въ Миланѣ, въ 1832-мъ году, онъ развивалъ уже мнѣ подробно планъ задуманной имъ большой пятиактной національной оперы. Послужилъ ли этотъ планъ впоследствии основаніемъ оперы «Жизнь за Царя», не ручаюсь, но положительно помню, что задуманный сюжетъ былъ вполне національный, съ сильно патриотическимъ оттѣнкомъ и довольно мрачный. Я также очень хорошо помню, что въ то время онъ уже игралъ мнѣ тему «Какъ

мать убили» и указывалъ съ любовію на контрапунктъ «Все проптенчика мой Ваня».

— «А каковъ двойной контрапунктизмъ»? приговаривалъ онъ, выдѣлывая то лѣвою, то правою рукою, нынѣ столь извѣстную фразу. О словахъ въ то время и рѣчи не было, но мысль разукрасить простую, народную мелодію всѣми ухищреніями, какъ онъ выражался, музыкальной премудрости, вполне уже созрѣла въ головѣ Глинки.

— «Тѣмъ *)-то останутся тѣже», говаривалъ онъ своеобразнымъ ему языкомъ, «и покрой сарафана или кафтана останется тотъ же; но ужъ, что касается до прочихъ другихъ украшеній — такъ мое почтеніе! По этой части скупиться ужъ не станемъ!»

Слова эти я слышалъ въ концѣ 1832-го года, т.-е. тогда, когда громадныя планы о національной оперной музыкѣ находились у М. И. только еще въ зародышѣ, такъ сказать; но онъ сдержалъ слово, и дѣйствительно не «поскупился», такъ какъ «Жизнь за Царя» и «Русланъ» представляютъ до сихъ поръ неисчерпаемыя сокровища всѣхъ возможныхъ контрапунктическихъ, ритмическихъ и гармоническихъ ухищреній . . . .

Вспоминаю, между прочимъ, слѣдующій довольно любопытный фактъ:

Однажды, засидѣвшись поздно вечеромъ на балконѣ Albergo del Rizzo, любуясь громаднымъ бѣломраморнымъ соборомъ, освѣщеннымъ яркою луною и вдыхая съ наслажденіемъ мягкой бархатный воздухъ (эпитеты эти принадлежать Глинкѣ) осенней миланской ночи, мы разговаривали о возможности выраженія звуками различныхъ душевныхъ настроеній.

Надъ головами нашими на прозрачно-голубомъ небѣ плылъ яркій мѣсяцъ, а подъ ногами скользили, шуршали шелковыми платьями и лепетали черноокія миланки. — Безпредѣльный сводъ небесъ и бѣломраморный соборъ, съ дѣльнымъ полчищемъ изящныхъ статуй, представляли конечно несравненно болѣе грандіозное зрѣлище, чѣмъ скользаяця у ногъ нашихъ черноокія миланки, а между тѣмъ поэтическіе наши помыслы обратились въ снмъ послѣднимъ.

*) Тѣмъ, т.-е. музыкальная мысль.

— «Хорошо было бы», заговорилъ Михаилъ Ивановичъ, «написать нѣчто въ родѣ баркаролы на слѣдующую тему: мѣсяць пронизываетъ лучами небольшую комнату, ну хоть въ уровень съ нами (въ третьемъ этажѣ). Въ глубинѣ, на бѣлоснѣжной постели, повоится молодая, красивая итальянка. Шелковистые, густые черные ея волосы размѣтались и покрываютъ плечи и грудь — но не совсѣмъ! (и Глинва подмигнулъ). Красавицѣ не то, чтобы душно — а такъ себѣ, очинно пріятно — и нѣга и страсть просвѣчиваютъ у нея въ каждой жилкѣ.... А, какъ ты думаешь? Вѣдь все это какъ есть можно выразить въ музыкѣ».

Я расхохотался! «Ну конечно—отвѣчалъ я — и луну и черные волосы, все это цѣликомъ можно изобразить звуками!»

— «Не говори пустяковъ», внушительно возразилъ М. И., «черные волосы сами по себѣ; но вотъ душевное-то настроеніе, производимое подобнымъ зрѣлищемъ — вотъ это-то, говорю я, цѣликомъ можно выразить музыкою».

Разговоръ на этомъ и окончился. — Вскорѣ мы разстались, я поѣхалъ въ Неаполь, а Глинва остался въ Миланѣ. — Съ той поры мы стали переписываться и эта переписка продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Я не привожу здѣсь писемъ Глинки, потому, что вромѣ горячихъ дружескихъ изліній, въ нихъ нѣтъ ничего особенно интереснаго въ художественномъ отношеніи; между прочимъ, въ одномъ изъ этихъ писемъ, мѣсяца два спустя послѣ моего отъѣзда изъ Милана, Глинка писалъ: «А помнишь ли нашъ разговоръ на балконѣ? Я стою на своемъ — и непремѣнно передамъ звуками, если не самую картинку, то впечатлѣніе, производимое подобною обстановкою». Это меня подзадорило и я, припоминая все сказанное въ то время, попробовалъ осуществить мысль поданную Глинкою. — Мнѣ подвернулись французскія слова: «*Dans sa course brûlante, Ah! que la nuit est lente*», которые хотя и не совсѣмъ подходили подъ данную тему, но въ общемъ смыслѣ выражали приблизительно ту же мысль.

Вообразите же мое удивленіе, когда, возвратясь въ Россію два года спустя, я нашелъ уже напечатаннымъ извѣстный романъ или вѣрнѣе баркаролу Глинки: «Венеціанская ночь». Это не только тотъ же размѣръ, но въ первой фразѣ таже тональность и таже мелодія, нота въ ноту, за исключеніемъ окон-

чанія фразы *) Странное, непонятное это совпаденіе я приписываю глубокому впечатлѣнію, которое произвели на меня слова Гленки—иначе объяснить это невозможно. — Возвратить можетъ быть, что въ романсѣ «Тихо Брента протезала», нѣтъ ни «черныхъ волосъ», ни «луны». — Это правда; но характеръ этой баркаролы совершенно соотвѣтствуетъ тому настроенію духа, въ которомъ мы находились оба, и Гленка, и я, въ то время, когда бесѣдовали на балконѣ Albergo del Rizzo.

IV.

....Возвратясь въ Петербургъ, въ концѣ 1834-го года, я засталъ М. И. погрузившагося уже, по его выраженію, по самую маковку въ музыкальное творчество.

Либретто «Жизнь за Царя» не было еще написано, но планъ оперы выработанъ былъ уже вполне; большая часть мелодій, съ контрапунктическою ихъ разработкою, и предполагаемою оркестровкой записаны въ особую тетрадку.

Въ этотъ періодъ времени мы рѣже видѣлись съ Мих. Ив., оставаясь однакожъ въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Причиною этого разединенія, я полагаю, были слѣдующія обстоятельства: во-первыхъ, въ то время Гленка углубился въ творчество задуманной имъ оперы, во-вторыхъ, тогда начался уже романъ его съ Марією Петровною (романъ окончившійся столь печально), и наконецъ съ своей стороны, я неожиданно попалъ въ то время въ самыя выснія придворныя сферы и вращался совершенно въ другомъ кругу. Я позволю себѣ нѣсколько распространиться на этотъ счетъ, такъ какъ въ воспоминаніяхъ моихъ объ этой эпохѣ жизни выразится сочувствіе блаженной памяти государыни императрицы Александры Федоровны въ развитію и преуспѣванію вокальной музыки.

*) *And: quasi Allegretto.*

Ночь е - сеньная ды - ма - ло свѣтле нѣ - ко - ю шра - сѣй

Dans sa course brâlante.

Ah! qui la nuit est lente

Двоюродныя мои сестры, графиня Фивельмонъ (жена тогдашняго австрійскаго посла) и графиня Е. Ф. Тизенгаузенъ (Фрейлина ея величества *), распространили при дворѣ слухъ, что возвратясь изъ Италіи, куда я ѣздилъ, по словамъ ихъ, для усовершенствованія въ искусствѣ пѣнія, я сдѣлалъ будто бы большіе успѣхи и привезъ оттуда множество романсовъ собственнаго сочиненія. Въ сущности, въ Неаполѣ я предпочтительно занимался изученіемъ теоріи музыки подъ руководствомъ знаменитаго контрапунктиста Раймонди. Впрочемъ, я дѣйствительно написалъ тамъ нѣсколько романсовъ и распѣвалъ ихъ довольно удачно тѣмъ теноровымъ голосомъ, о которомъ М. И. съ похвалою отзывается въ первой части своихъ записовъ.

Хотя я зналъ отъ двоюродныхъ моихъ сестеръ о распространяемыхъ ими слухахъ, но весьма удивился, получивъ однажды приглашеніе отъ министра двора, князя Петра Михайловича Волконскаго, явиться къ нему на вечеръ. Повѣсточный лакей объяснилъ мнѣ, что вечеръ этотъ удостоенъ будетъ посѣщеніемъ высочайшихъ особъ. Признаться сказать, что приглашеніе это встревожило меня не на шутку.

Приѣхавъ въ назначенный часъ въ зимній дворецъ, на половину министра двора, я узналъ, къ величайшему моему смущенію, что въ тотъ же вечеръ будетъ пѣть знаменитая въ то время пѣвица Гейнефетеръ. «Heinefetter», именующая себя, неизвѣстно почему, уменьшительнымъ русскимъ именемъ «Катиньва», была женщина солидная, одаренная огромнымъ, звучнымъ голосомъ. Въ этотъ вечеръ пѣла она болѣе часу и все громогласныя пьесы, какъ-то: арію «Агаты» изъ Фрейшюца, «Erlkönig» Шуберта и многія другія, и пѣла ихъ, должно сказать, отлично.

По окончаніи утвержденной для Гейнефетеръ программы, государыня императрица подозвала меня къ себѣ. Я чувствовалъ, что настала минута испытанія, т.-е., что отъ меня потребуютъ исполненія одного изъ романсовъ, не въ мѣру расхваленныхъ моими доброжелательницами, и признаюсь, что приближался къ государынѣ съ сердечнымъ замираніемъ. Но въ высшей степени

*) Дочери Елисаветы Михайловны Хитрово, рожденной Бутузовой-Смоленской, бывшей въ первомъ замужствѣ за графомъ Тизенгаузеномъ.

благосклонное и даже привѣтливое обращеніе ея величества ободрило меня. Вслѣдствіе этого я довольно смѣло подошелъ къ фортепіано, но вновь сильно сконфузился по случаю слѣдующаго обстоятельства. Государь императоръ, не предупрежденный вѣроятно о желаніи ея величества, всталъ съ своего мѣста по окончаніи программы, начертанной для Гейнефетеръ, а за государемъ встали, конечно, и всѣ присутствовавшіе. Я не зналъ, на что рѣшиться: сѣсть за фортепіано, когда самъ государь и весь дворъ остаются стоя, я полагалъ неприличнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ неловко, казалось мнѣ, послушаться государыни императрицы. Ея величество разрѣшила мое недоумѣніе, приказавъ поставить свое кресло возлѣ самаго фортепіано и пригласивъ меня сѣсть что-нибудь неотлагательно. Такимъ образомъ, первый слѣттый мною романсъ, всѣ присутствующіе, за исключеніемъ императрицы, прослушали стоя, и это имѣло, признаюсь откровенно, весьма неблагоприятное вліяніе на твердость моего голоса. Я пропѣлъ этотъ романсъ (какой-то простенькій, ничтожный романсъ) дрожащимъ голосомъ, невнятно выговаривая слова, и во время пѣнія отчетливо сознавалъ, что я произвожу на слушателей весьма неудовлетворительное впечатлѣніе. Ея величество замѣтила мое смущеніе и попросила государя императора на время удалиться въ другія комнаты. Когда зала опустѣла, и возлѣ фортепіано остались только государыня императрица, великія княжны Марія и Ольга Николаевны и виновницы моего при дворѣ присутствія, двоюродныя мои сестры, я ободрился и кажется удачно пропѣлъ, особенно зарекомендованный моими доброжелательницами романсъ: «*La jalousie*» *). Исполненіе этого романса рѣшительно изгладило невыгодное впечатлѣніе, произведенное первымъ романсомъ, и съ этого достопамятнаго для меня вечера я очень часто, въ теченіи многихъ годовъ, пѣвалъ по цѣлымъ вечерамъ у государыни императрицы. Случалось, что по приказанію ея величества, я садился за фортепіано въ девять часовъ и не повидалъ его вплоть до ужина, т.-е. до одиннадцати.

Поощренный благосклоннымъ сочувствіемъ къ вокальной музыкѣ государыни императрицы, я писалъ романсъ за романсомъ, и нерѣдко писалъ ихъ на слова, указываемыя ея величествомъ.

*) Романсъ этотъ не былъ напечатанъ.

Мѣсто мое за фортепіано занималъ иногда графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, но репертуаръ его былъ весьма ограниченъ. Столько я помню, онъ пѣвалъ только три романса, собственнаго его сочиненія «Pour la première fois», «Любила я», и «Воронъ къ ворону летитъ». Въ сущности, у графа голоса не было, и притомъ же онъ сильно картавилъ, упирая на букву эръ,—но пѣлъ онъ съ большимъ выраженіемъ, и былъ вообще, какъ это свидѣтельствуетъ Глинка, отличный музыкантъ. Однажды, это было года три послѣ перваго моего дебюта при дворѣ, графъ прислалъ мнѣ записку слѣдующаго содержанія *):

«Любимый другъ! Государыня императрица изъявила желаніе имѣть на прилагаемыя слова подходящую музыку. Третій день я ломаю себѣ голову надъ этими виршами и ничего путнаго придумать не могу. Это происходитъ оттого вѣроятно, что я не питаю особеннаго вкуса къ сладкимъ стишамъ, мнѣ нужно что-нибудь по-забористѣе. Неудастся ли тебѣ сладить съ этимъ поэзіемъ? Попробуй счастье, и если удастся, то привози съ собою сегодня на вечеръ, ибо государыня желаетъ имѣть музыку на эти слова — въ скорѣйшемъ времени».

Я написалъ музыку на романсъ: «S'il avait su, quelle âme il a blessée»**) и въ тотъ же вечеръ представилъ его государынѣ. Хотя музыка, написанная мною на эти слова, была, признаться сказать, довольно ничтожная, но графъ Віельгорскій подхвалявалъ ее, и государыня императрица приняла ее весьма благосклонно. Съ этого вечера, романсъ этотъ причисленъ былъ къ репертуару любимыхъ ея величества пьесъ.

Эта эпоха моей жизни оставила во мнѣ неизгладимыя и неисчерпаемыя воспоминанія, но я ограничиваюсь двумя эпизодами, свидѣтельствующими о благосклонномъ сочувствіи покойной государыни императрицы къ вокальной музыкѣ.

V.

Пока я вращался въ высшихъ придворныхъ сферахъ, распѣвая мелкіе, разнокалиберные (по музыкальному стилю и по направленію) романсы, Михайла Ивановичъ Глинка воздвигалъ себѣ мало по малу, въ тиши и уединеніи, прочный, незыблемый памятникъ, исписывая ежедневно по нѣсколько страницъ партитуры «Жизнь за Царя».

*) Записка была написана по-французски, но я полагаю излишнимъ передавать ее здѣсь въ оригиналѣ.

Ө. Т.

**) Романсъ этотъ также не былъ напечатанъ.

Ө. Т.

«Работа шла успешно», говорит онъ (стр. 63, т. I «Русской Старины») — всякое утро садясь я за столъ и писалъ по шести страницъ мелкой партитуры, той самой что у Энгельгардта».

Черновая партитура эта, по счастью сохранившаяся, верхъ совершенства и съ вѣдшей матеріальной ея стороны.

«Написана она почти безъ помазокъ, съ необыкновенною отчетливостью и даже, можно сказать, изящно, потому что не только каждая четверть находится подъ соответствующею ей четвертью во всѣхъ партіяхъ, но каждая точка и даже двойная точка въ двувзвѣжныхъ нотахъ поставлены на своемъ мѣстѣ, и равняются, такъ сказать, по ранжиру. Для нашего брата — музыканта — просто заглядѣнье!»

Слова эти написаны были мною въ 1854-мъ году, при подробномъ разборѣ оперы «Жизнь за Царя».

Въ началѣ 1835-го года я нерѣдко заходилъ къ М. И. и, заставляя его за работою, становился за его стуломъ и безмолвно слѣдилъ за перомъ. Въ то время Глинка неохотно вдавался въ разговоры и даже, когда не писалъ партитуры, мало принималъ участія и въ разговорахъ и во всемъ его окружавшемъ. Я чувствовалъ, сознавалъ, что подъ перомъ Глинки создается что-то, долженствовавшее увѣковѣчиться, но яснаго отчета о стремленіяхъ композитора еще себѣ не отдавалъ. Тѣмъ не менѣе, то, что я видѣлъ, но еще не слыхалъ, поглядывая на партитуру изъ-за плечъ М. И., навело меня на раздумье.

Я понялъ, какъ ничтожна безхарактерная космополитическая музыка, неимѣющая твердой, родной почвы подъ собою. Я понялъ, что для выраженія во всей полнотѣ глубокаго чувства недостаточно пріятной, ласкающей слухъ мелодіи; что декламація, интересъ и разнообразіе гармоніи и ритма составляютъ, такъ сказать, плоть и кровь серьезнаго музыкальнаго произведенія. Подъ вліяніемъ этихъ вновь зародившихся во мнѣ мыслей, я написалъ цѣлый рядъ не то романсовъ, не то пѣсней (не знаю въ точности, какое названіе придать тогдашнимъ моимъ измышленіямъ), въ которыхъ я пытался выражать звуками каждое слово, каждое душевное волненіе, не стѣсняясь ни гармоніею, ни правильностью ритма, ни даже сохраненіемъ однообразія такта *).

Въ числѣ чисто декламационныхъ пѣсней, я написалъ между

*) Такъ, напримѣръ, въ пѣснь «Нѣтъ, ты не женщина земная» первый тактъ $\frac{3}{4}$ — второй $\frac{2}{4}$ — третій опять $\frac{3}{4}$, а четвертый $\frac{4}{4}$. Это я написалъ

прочими, въ то время, романсъ на слова Хомякова: «Когда гляжу, какъ чисто и зѣркально твое чело», подавшій поводъ впоследствии къ довольно неловкому отпирательству со стороны знаменитаго живописца Карла Павловича Брюлова. Вотъ какъ это случилось.

Хотя постоянное мое мѣстожителство было въ Петербургѣ, но я (съ 1833-го года) часто бывалъ въ Москвѣ. Тамъ было у меня множество знакомыхъ, пріятелей—и даже доброжелателей,—тамъ же я написалъ большую часть своихъ романсовъ и попалъ на податливыхъ и усердныхъ издателей. Со времени появленія въ печати романа «Кисейный рукавъ» (романа въ мелодическомъ отношеніи чисто итальянскаго склада) нотный магазинъ Грессера и Миллера, на Кузнецкомъ мосту, печаталъ мои произведенія цѣлыми дюжинами. Весною 1835-го года я находился въ Москвѣ, куда прибылъ также К. П. Брюловъ, прославившійся въ то время знаменитою своею картиною «Послѣдній день Помпеи». Московское общество встрѣтило Брюлова, разумѣется, съ распростертыми объятіями и большимъ почетомъ. Для него устраивались обѣды, вечернія собранія. Карла Павловича носили, какъ говорится, на рукахъ и каждый старался показать ему Москву и московское общество съ наибольшаго интереса.

Въ то время въ Москвѣ славилась своею красотою Александра Васильевна К... и въ гостиной ея собирался кружокъ отборной московской интеллигенціи. У нея часто бывали Хомяковъ, Чаадаевъ, Орловъ (Михаилъ Фѣдоровичъ), Павловъ (Николай Филипповичъ) и многіе другіе. Брюлова не преминули конечно повести къ Александрѣ Васильевнѣ, у которой я съ нимъ и познакомился.

Въ первый же вечеръ нашего съ нимъ знакомства, его угостили моимъ пѣніемъ, такъ какъ пѣніе мое составляло тогда неизбежную модную принадлежность. Въ то время я только-что

съ цѣлью не растягивать и не повторять безъ нужды словъ, то-есть, для правильной декламации.

Andante. ♩

Нѣтъ, ты не женщина земная ты не изъ персти созда - на

написалъ «Когда гляжу» на слова Хомякова, посвященный имъ, если не ошибаюсь, чуть ли ни Александръ Васильевичъ.

Романсъ этотъ (и слова и музыка) былъ написанъ въ одну ночь, послѣ продолжительной дружеской бесѣды и оживленныхъ споровъ на счетъ музыки вообще и музыкальной декламации въ особенности. Подъ влияніемъ этихъ споровъ и разсужденій, романсъ вышелъ дѣйствительно довольно своеобразный и показался моимъ доброжелателямъ чѣмъ-то новымъ, небывалымъ въ области нашего тогдашняго, современнаго искусства. Орловъ и Хомяковъ въ особенности восторгались имъ и заставляли меня, при каждомъ удобномъ случаѣ, распѣвать и повторять его по нѣсколько разъ въ теченіи вечера. Такъ было и въ тотъ вечеръ, когда я встрѣтился съ Брюловымъ у Александры Васильевны; повтореніямъ и преувеличеннымъ похваламъ не было конца, и я опасался, что и пѣніе мое, и я, и благопріятель мой, надобимъ до крайности знаменитому художнику. Опасенія мои однакожь были, какъ оказалось, напрасны.

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій (авторъ «Двойника»), у котораго Брюловъ остановился, приѣхавъ въ Москву, сообщилъ мнѣ, нѣсколько дней спустя, слѣдующій характеристическій разговоръ.

«Ну что? какъ поправилась тебѣ наша московская красавица?» спросилъ Перовскій.

— Чудно хороша! отвѣчалъ К. П.—сидѣлъ Мурилло съ Рафаэлемъ; но слышалъ ли ты «Когда гляжу»?

«Это что за штука?»...

— Арія, романсъ—какъ хочешь назови, написанный въ честь вашей красавицы.

«Понятія не имѣю», отвѣчалъ Перовскій.

— Жаль, потому что, если я не ошибаюсь, штука эта не дюжинная, продолжалъ Брюловъ. Слушая этотъ романсъ, я на первыхъ нотахъ не могъ дать себѣ отчета, что это такое: пѣніе или просто декламация. Сначала я слышалъ только звучные стихи, и тотчасъ понималъ, разумѣется, мысль и намѣреніе поэта; но оказалось, что мысль поэта дополнялась, развивалась и даже видоизмѣнялась, такъ сказать, посредствомъ звуковъ, сопровождающихъ декламацию. Слѣдовательно, тутъ шли параллельно, или въ совокупности, двѣ мысли, дополняющія и объясняющія одна

другую: литературная и музыкальная. Какъ бы это объяснить словами? Ну хоть слѣдующимъ сравненіемъ: «вкусная приправа въ лакомому кусочку». Понимаешь?

Почему поэтический Брюловъ прибѣгнувъ въ такому гастрономическому сравненію—не знаю. Но теперь положительно могу сказать, что въ сужденіи его многое слѣдуетъ причислить къ излишнему увлеченію. Въпротиву, что впечатлѣніе, произведенное на художника пластическою красотою хозяйки, воздѣйствовало и на музыкальныя его впечатлѣнія, и сумма этихъ двухъ впечатлѣній перепуталась у него въ головѣ. Романсъ, о которомъ ояъ отзывался съ такимъ восторгомъ, есть дѣйствительно попытка чистой декламации, подкрашенной музыкальными звуками, но только попытка и никакъ не болѣе. Въ «Когда гляжу» есть грубые эффекты, отъ которыхъ меня и въ то время уже коробило, но я не могъ придумать, чѣмъ ихъ замѣнить*). Какъ бы то ни было, но разговоръ, переданный мнѣ Перовскимъ, вѣрзался у меня въ памяти и мнѣ, конечно, было весьма лестно, что музыка моя произвела, какъ я имѣлъ тогда поводъ предполагать, такое глубокое впечатлѣніе на знаменитаго нашего художника.

Вскорѣ послѣ вышеописаннаго вечера мы расстались, и я не видѣлся съ Брюловымъ болѣе года.

Весною 1836-го года я встрѣтился съ нимъ у Глинки. Въ то время у Михаила Ивановича часто происходили слѣвки или репетиціи, благополучно и достопамятно доканчиваемой имъ оперы «Жизнь за Царя». Репетиціи эти дѣлались съ квартетомъ и при участіи Воробьевой, Петрова и другихъ оперныхъ пѣвцовъ.

Въ тотъ вечеръ, когда я встрѣтился съ Брюловымъ, у М. И. исполнялись уже на чистоту терцетъ перваго дѣйствія, дуэтъ третьяго, квартетъ того же дѣйствія, арія въ лесу, и наконецъ «Ахъ не мнѣ бѣдному», арія и квартетъ эпилога.

Невозможно изобразить словами, какое громадное, подавляющее, такъ сказать, впечатлѣніе произвела на присутствующихъ эта задушевная музыка, эти родные, какъ бы знакомые, присутствующіе всѣмъ и каждому изъ насъ звуки, но облеченные, украшенные всѣми предѣстами гармоніи и контрапункта. Въ бук-

*) Такъ напримѣръ, тутъ есть цѣлый рядъ септъ-аккордовъ въ третьемъ оборотѣ, т. е. въ самомъ вычурномъ положеніи этого аккорда.   О. Т.

важномъ смыслѣ слова, мы плакали, какъ дѣти, и поздравляли другъ друга съ зачатіемъ новой зари для отечественнаго искусства.

Въ концѣ вечера передъ закускою, Брюлову, на мою бѣду, вдругъ пришла на память московская красавица, и по рикошету вспомнилъ онъ также и о тогдашнемъ моемъ пѣніи.

— А слышали ли вы, вдругъ воскликнулъ онъ, указывая на меня, вотъ этого господина?

Присутствующіе переглянулись, а М. И. отвѣчалъ съ улыбкою: «Еще бы! мы съ нимъ пѣвали неоднократно и даже италіанобѣсновались». (Глинка начиналъ уже италіанофобничать).

— Помнишь, въ Марьинѣ, Фигаро? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

«Помню, отвѣчалъ я глухимъ голосомъ», чувствуя, что мнѣ становится очень неловко.

— Не о томъ рѣчь, заговорилъ опять Брюловъ,—слышали ли вы когда-нибудь, какъ онъ декламируетъ собственнаго своего произведенія штучки? Спойте-ка, любезнѣйшій, то, что вы пѣли, или лучше сказать, декламировали, годъ тому назадъ, у Александры Васильевны.

«Я остолебѣлъ. «Помигуйте, заговорилъ я, что это вамъ вздумалось, Карлъ Павловичъ! Вы меня тупымъ ножомъ рѣжете! Послѣ того, что мы сейчасъ слышали и отъ чего у насъ до сихъ поръ мурашки по тѣлу бѣгаютъ; послѣ голосовъ слышанныхъ нами артистовъ, голосъ мой покажется жужжаніемъ мухи, а музыка моя сапоги въ смятку».

Присутствующіе расхохотались, но Брюловъ не унылъ: «Не скромничайте, любезнѣйшій, настаивалъ онъ, не ломайтесь пожалуйста, и позвольте мнѣ свое сужденіе имѣть. Увѣряю васъ, что то, что я слышалъ въ Москвѣ, будетъ и здѣсь оценено какъ слѣдуетъ».

Глинка съ своей стороны не уговаривалъ, но и не заступился за меня, такъ что раба божьяго, дабы онъ «не ломался» усадили за фортепіано. Я собралъ всѣ мои валичныя и физическія, и душевныя силы, и отхваталъ «Когда гляжу» такъ, какъ нивогда въ жизни ни прежде, ни послѣ не пѣвалъ я этого романса. Съ послѣдними звуками никто не шелохнулся, никто не

сказаль ни единого одобрительнаго слова; только послѣ минутнаго молчанія Михайль Ивановичъ возвысилъ голосъ:

— «А важется, что верхній sol сталъ у тебя позвучнѣй съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не слыхалъ.» И только!

— Не говорилъ ли я вамъ, сказалъ я, обращаясь къ Брюлову, что мы съ вами провалимся: я съ своимъ пѣніемъ, а вы съ вашею рекомендаціею.

Но каково же было мое удивленіе и жестокое разочарованіе, когда К. П., самъ видимо сконфуженный, возразилъ на это, съ необыкновенною увѣренностію: «Да это совсѣмъ не то». Дѣйствительно это было совсѣмъ не то! Для художника Брюлова тутъ недоставало присутствія пластической красоты московской красавицы и преувеличенныхъ подхваливаній Хомякова и Орлова. Тѣмъ дѣло и кончилось,—мы пошли закусывать, а злосчастному романсу послужили эпитафіею слова художника-отступника «Да это совсѣмъ не то».

Я нѣсколько забѣжалъ впередъ, но для полной характеристики моихъ артистическихъ неудачъ я позволю себѣ вернуться назадъ.

VI

Поощренный салонными моими успѣхами, я задумалъ еще въ 1834-мъ году написать одноактную оперу; но такъ какъ въ то время всѣ мы находились еще менѣе или болѣе подъ вліяніемъ или нѣмецкой, или итальянской, или даже французской (предпочтительно Оберовской) музыки, то я избралъ готовое французское либретто, подъ названіемъ «Le médecin malgré lui». Оперу свою, впрочемъ, я не предназначалъ для публичнаго исполненія, а написалъ ее для сестры Алексѣя Федоровича Львова, Марьи Федоровны (нынѣ замужемъ за г. Ростовскимъ), для себя и еще для двухъ любителей. Алексѣй Федоровичъ, съ которымъ я былъ въ то время въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, захотѣлъ непременно принять на себя оркестровку оперы, и дѣйствительно инструментовалъ ее съ любовью и весьма удачно. Дѣло у насъ закипѣло, и съ небольшимъ въ три недѣли все было готово, партіи расписаны и разучены. Въ декабрѣ того же 1834-го года опера моя исполнена была у вдовы поэта Державина при многочисленномъ и, можно сказать, изъ-

бранномъ собраніи. Въ числѣ слушателей находился, между прочимъ, министръ двора князь Волконскій. По окончаніи представленія, къ величайшему моему удивленію, князь, который, какъ извѣстно, особенною привѣтливостью не отличался, подошелъ ко мнѣ, и лестно отозвавшись о моемъ произведеніи, и въ особенности объ исполненіи, присовокупилъ, что пьесу можно было бы поставить на Михайловскомъ театрѣ.

«Но у французской труппы нѣтъ пѣвцовъ», возразилъ я.

— «Да вѣдь поютъ же они!» — замѣтилъ князь.

«Водевили поютъ, — отвѣтилъ я нѣсколько обиженнымъ тономъ: — но съ этимъ пѣніемъ не справятся».

— «Такъ переведите на русскій языкъ, мы наберемъ вамъ пѣвцовъ».

Впослѣдствіи я узналъ, что князю Волконскому поручено было свыше сдѣлать мнѣ это предложеніе, на случай успѣха домашняго нашего исполненія. Для начинающаго композитора нѣтъ ничего заманчивѣе, какъ мысль о скорѣйшей возможности выступить на открытое широкое композиторское поприще. Понятно, что предложеніе министра двора привело меня въ сильное волненіе. Я очень хорошо понималъ, что произведеніе мое не имѣетъ надлежащихъ качествъ, требуемыхъ отъ лирическаго произведенія, что оно незрѣло и носить на себѣ какой-то космополитическій, полу-французскій, полу-итальянскій отпечатокъ. Но искушеніе предстать предъ публикою превозмогло справедливныя мои опасенія, и я рѣшился принять предложеніе князя Волконскаго. Однакожъ, какъ бы для очистки совѣсти, я поѣхалъ посоветоваться съ Михаиломъ Ивановичемъ.

Глинка внимательно пересмотрѣлъ партитуру и произнесъ слѣдующія на вѣки памятыя для меня слова:

— «Съ подобными пустячками (онъ такъ и сказалъ пустячками) нашему брату, русскому композитору, выступать предъ публикою не слѣдуетъ. Намъ предстоитъ задача серьезная! Выработать собственный свой стиль и проложить для оперной русской музыки новую дорогу. Если твоя оперетва будетъ имѣть успѣхъ, и это весьма возможно при непрочности музыкальныхъ возрѣній большинства нашей публики, то этимъ ты повредишь музыкальному развитію публики; а если ты провалишься, то упадешь духомъ и это повредитъ собственному твоему развитію.

Отложи-ка ты, любезный другъ, твою оперетку въ сторону, космополитическое это произведеньице, и продолжай писать романсы. Можетъ и набредешь на новыя кавія-либо формы каменной нашей музыки, которая отъ нѣмецкихъ лидеровъ отстала, а въ коренной, родной пѣснѣ не пристала».

Мудрыя эти слова засѣли у меня въ памяти, но, въ сожалѣнію, не поколебали моей рѣшимости поставить на сцену «космополитическій» мой «продуктъ»—какъ выразился Глинка. Переводъ либретто принялъ на себя двоюродный мой братъ, Ѳеодоръ Сергѣевичъ Чернышевъ, авторъ весьма извѣстной въ то время сказки «Царь Русскій и Царь Нѣмецкій». Я жилъ тогда у братьевъ своихъ, служившихъ въ Преображенскомъ полку, въ казармахъ у Таврическаго сада и по этой причинѣ весь полкъ (я говорю объ офицерахъ) принялъ живѣйшее участіе въ моемъ предпріятіи. Подъ руководствомъ Чернышева, можно сказать, что все общество офицеровъ трудилось, конечно шутя, надъ переводомъ либретто. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что слѣдовало подобрать стихи подъ готовую уже музыку и притомъ же подъ музыку, написанную на французскіе стихи, которые съ русскимъ стихотвореніемъ не имѣютъ ничего общаго. Отъ этого происходили презабавныя сцены; такъ, между прочимъ, когда общество переводчиковъ, порядкомъ натрудило себѣ мозги въ теченіи цѣлаго вечера, чтобы подобрать слова подъ какую-то мелодію, кто-то предложилъ слѣдующіе стихи:

...Пляши, хоть тресни,
Нѣтъ пойте пѣсни.

и при громкомъ смѣхѣ предложеніе это чуть-чуть не прошло, такъ утомились переводчики подыскивая слова подъ несчастную мелодію.

Осенью 1835 года оперета подъ названіемъ: «Докторъ въ хлопотахъ», съ прибавленіемъ нарочито написанныхъ мною къ ней танцевъ, была представлена на Михайловскомъ театрѣ. Такъ какъ при первомъ представленіи офицеры Преображенскаго полка присутствовали въ полномъ составѣ, то успѣхъ былъ совершеннѣйшій. Меня вызывали множество разъ—и я, появляясь въ директорской ложѣ, пресерьезно раскланивался, прижимая руку къ сердцу, въ знакъ благодарности, но твердо памятуя слова Глинки: «съ такими пустяками русскому композитору высту-

пать предъ публикою не слѣдуетъ». Во время второго представленія преображенцы были въ караулѣ и, слѣдовательно, присутствовать не могли. Признаться сказать, что я ожидалъ полной неудачи, но по окончаніи опереты опять былъ вызванъ. Успѣхъ второго представленія слѣдовало приписать танцамъ, потому что публика замѣтно оживилась только во время танцевъ, чудесно исполненными первыми тогдашними танцовщицами Пейсаръ и Круазетъ. Участвіемъ этихъ танцовщицъ я былъ обязанъ вниманію тогдашняго директора императорскихъ театровъ Александрѣ Михайловичу Гедеонову, который самъ предложилъ мнѣ прибавить танцы, дабы нѣсколько скрасить оперету, по его выраженію. Опытъ доказалъ, что почтеннѣйшій Александръ Михайловичъ былъ совершенно правъ: танцы не только скрасили, но и выручили оперету на второмъ представленіи. На третьемъ представленіи вновь присутствовали всѣ офицеры Преображенскаго полка, и дѣло шло какъ по маслу. Рукоплесканіямъ и вызовамъ конца не было. Но... неизвѣстно почему? и какъ? — Но послѣ третьяго успѣшнаго, черезъ-чуръ даже успѣшнаго представленія, «Докторъ въ хлопотахъ» снятъ былъ съ репертуара и похороненъ на вѣки вѣчные въ потномъ архивѣ дирекціи императорскихъ театровъ.

Съ тѣхъ поръ я даже никогда и не видалъ партитуры!

Достойно замѣчанія, что теноровую партію въ моей оперетѣ пѣлъ нынѣ знаменитый драматическій нашъ артистъ Василій Васильевичъ Самойловъ.

VII.

Не внявъ мудрому совѣту Михайла Ивановича, я чувствовалъ себя въ отношеніи его какъ бы провинившимся, и вмѣсто того, чтобы принести чистосердечное покаяніе, я, какъ это часто бываетъ въ жизни, пересталъ посѣщать Глинку и послѣ претерпѣнной мною неудачи (не по приговору публики, а по распоряженію дирекціи театровъ) уѣхалъ изъ Петербурга не прощавшись съ Михайломъ Ивановичемъ. Это была наша первая размолвка, и я долженъ сознаться, что размолвка эта произошла по моей винѣ. Вотъ почему, по возвращеніи моемъ въ Петербургъ (весной 1836 года), Глинка встрѣтилъ меня довольно холодно, и не выразилъ своего мнѣнія насчетъ романа,

зарекомендованнаго Брюловымъ (какъ сказано выше), а ограничился только замѣчаніемъ, что верхній мой Sol усилился во время отсутствія моего изъ Петербурга. Я и въ то время понималъ этотъ тонкій оттѣнокъ, но изъ ложной неумѣренной гордости не захотѣлъ вдаваться въ объясненія съ Глинкою.

Выше сказано, что я уѣхалъ изъ Петербурга не простившись съ М. И.; обстоятельства задержали меня въ Москвѣ и въ деревнѣ слишкомъ полтора года, такъ что, къ величайшему моему огорченію, я не присутствовалъ 27-го ноября 1836 года при великомъ торжествѣ русскаго музыкальнаго искусства, при первомъ представленіи «Жизни за Царя». Когда я услышалъ эту оперу въ первый разъ, въ полномъ ея составѣ и при сценической обстановкѣ, то я такъ былъ пораженъ широтою размаха и глубиною замысла, заключающагося въ возведеніи «въ перлъ созданія», по выраженію Гоголя, русскою престонародною мелодію, что вся музыка, писанная до того времени на русскоій текстъ, показалась мнѣ дѣтскимъ лепетомъ. Прослушавъ «Жизнь за Царя», я пришелъ къ сознанию, что въ этой оперѣ занялась новая заря для русскоіи лирической музыки, и что отнынѣ писать иначе нельзя для русскоіи сцены; но для того, чтобы идти по стезѣ указанной великимъ композиторомъ, необходимы были гигантскія силы, а я ихъ въ себѣ не признавалъ и потому твердо рѣшился: на оперное поприще не выступать болѣе.

До 1847 года я твердо держалъ этотъ обѣтъ; но въ этомъ году, къ сожалѣнію, искусился и написалъ двухактную оперу на итальянскій текстъ. Послѣдствія этой второй моей попытки на оперномъ поприщѣ я считаю не лишнимъ разсказать.

VIII.

Появленіе (въ 1842-мъ году) «Руслана и Людмилы» сблизило меня съ толку. Я глубоко сочувствовалъ музыкальнымъ красотамъ, въ изобиліи разсыпаннымъ въ этой второй громадной оперѣ Глинки; но мнѣ казалось, что въ ней М. И. отступилъ отъ первоначальнаго своего плана, т.-е. отъ намѣренія, какъ сказано выше, ввести въ перлъ созданія русскія, престонародныя мелодіи, разукрасивъ ихъ всѣми прелестями гармоніи и контрапункта. Въ то время мнѣ показалось, что Глинка уклонился отъ указаннаго имъ самимъ пути и, пытаясь создать рус-

скую фантастическую музыку, приближался къ Веберовскому стилю. Впослѣдствіи я понималъ, что это не совсѣмъ такъ, но, досадуя въ то время на Глинку за то, что онъ, по моему мнѣнію, уклонился отъ первоначальнаго своего громаднаго замысла, я не очень-таки восторгался новою оперою. Графъ Віельгорскій и многіе другіе предпочитали также «Жизнь за Царя» — «Руслану и Людмилѣ»; Глинка это зналъ и подчасъ съ горечью отзывался о нашемъ непониманіи. Мнѣ въ особенности онъ никакъ не могъ простить предпочтеніе, оказываемое мною первой его оперѣ.

— «Тамъ есть остатки *italienische tralalala*, — говаривалъ онъ съ горькою усмѣшкою: — и вотъ, что тебя прельщаетъ».

Какъ бы то ни было, но уклоненіе Глинки, какъ мнѣ казалось, отъ первоначальнаго замысла, сбило меня съ толку и привело къ раздумью. Тутъ, на бѣду мою (въ 1843-мъ году), наѣхали къ намъ первоклассные итальянскіе пѣвцы, и весь Петербургъ предался, какъ выражался Глинка, «итальянобѣсію». Съ зимы 1843-го года воцарилось у насъ владычество итальянской музыки, такъ что даже образцовыя, громадныя оперы Глинки отодвинуты были, увы! на второй планъ, стали исполняться рѣже, и наконецъ самая русская труппа стала мало по малу распадаться; одно время, изъ всѣхъ исполнителей гениальныхъ произведеній Глинки, оставался только Петровъ, на подобіе несокрушимой Оссиановской скалы. Я долго воздерживался, долго прислушивался къ общественнымъ толкамъ и наконецъ не утерпѣлъ: написалъ оперу на итальянскій текстъ и въ итальянскомъ, конечно, стилѣ. Главную роль предназначалъ я Віардо, но она не была ангажирована на сезонъ 1848—1849 гг. и я вынужденъ былъ передать роль *Vigichino* — Ангри, пѣвицѣ несравненно менѣе даровитой. Роль тенора исполнялъ Гардонъ, а роль «*buffo*» въ первый разъ въ своей жизни, какъ онъ утверждалъ, Тамбурины. На репетиціяхъ итальянцы предсказывали моей оперѣ несомнѣнный успѣхъ, что можетъ засвидѣтельствовать графъ В. А. Сождогубъ, присутствовавшій нерѣдко на репетиціяхъ. Ангри, которая послѣ здѣшняго сезона должна была отправиться въ Лондонъ, такъ была убѣждена въ эффектности ея партіи, что потребовала у лондонскаго антрепренера для своего дебюта въ Ковенгарденскомъ театрѣ «*Vigi-*

chino di Parigi». По этому случаю я даже подписалъ условіе, въ которомъ было сказано: «что такой-то антрепренеръ обязуется поставить «Birichino di Parigi» на такой-то сценѣ, если означенная опера будетъ имѣть успѣхъ въ Петербургѣ». Вознагражденіе автору за право исполненія оперы въ Лондонѣ, опредѣлено было въ пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Хотя графъ Сологубъ и говорилъ во время репетицій: «что меня трясетъ лихорадка ожидаемаго успѣха» (il a la fièvre du succès), но я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, мнѣ все казалось, что я пою съ чужого голоса и что похвалы, расточаемыя мнѣ итальянцами, вовсе мною незаслужены.

Насталъ наконецъ день испытанія. Согласно предсказанію итальянцевъ, первое представленіе прошло дѣйствительно весьма удачно. По окончаніи оперы меня вызывали нѣсколько разъ. Второе также. Третье представленіе удостоила своимъ присутствіемъ государыня императрица Александра Федоровна, и ея величество соблаговолила призывать меня въ ложу для изъявленія высочайшаго ея благоволенія. По окончаніи спектакля, обращаясь къ тогдашнему директору театровъ, ея величество выразила желаніе видѣть повтореніе оперы еще разъ въ ближайшемъ представленіи итальянцевъ. Но, увы!.. участь второго моего опернаго дѣтища была уже порѣшена!

Директоръ, предоставивъ мнѣ раскланиваться съ публикою, вызывавшею меня, тутъ же на мѣстѣ, при свѣтѣ лампы, освѣщавшей комнату, примыкающую къ директорской ложѣ, сообщилъ мнѣ содержаніе высочайшаго повелѣнія, полученнаго имъ во время спектакля. Въ предписаніи министра двора сказано было, что по случаю неудовольствія, изъявленнаго нѣкоторыми изъ абонирующихся въ итальянской оперѣ, на то, что имъ даютъ вмѣсто произведеній, пользующихся европейскою извѣстностью, оперу неизвѣстнаго, начинающаго композитора, государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: «снять съ репертуара оперу «il Birichino di Parigi» и воспретить впредь постановку на итальянской сценѣ произведеній русскихъ композиторовъ». Какъ громомъ поразило меня это извѣстіе! Ударъ пришелся тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ разительнѣе оказывался вострасть между радушнымъ настроеніемъ духа, одушевлявшимъ меня за минуту до этого, и уныніемъ, овладѣвшимъ мною мгно-

венно. Съ одной стороны лестное для меня привѣтствіе государыни императрицы, рукоплесканіе публики, поздравленіе артистовъ и надежды на будущую свѣтлую артистическую дѣятельность, а съ другой — мракъ и застой! Въ особенности взволновала меня мысль, что смертный приговоръ, постигшій мое произведеніе, распространяется на произведенія и другихъ русскихъ композиторовъ, осужденныхъ на долгое молчаніе, такъ какъ русская труппа находилась тогда, по случаю охватившей Петербургъ итальяноманіи, въ полномъ разстройствѣ и въ ближайшемъ будущемъ не предвидилось въ то время ея восстановленіе. Что я выстрадалъ въ то время, сказать трудно, но успокоившись и поразмысливъ хорошенько, я долженъ былъ сознаться, что постигшій запретъ вполне основателенъ. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, да и къ какой стати, русскимъ композиторамъ поддѣлываться подъ итальянскій стиль. Вотъ правдивый рассказъ объ участи, постигшей «*Virichino di Parigi*». Запрещено было ставить на итальянской сценѣ произведенія русскихъ композиторовъ, мало извѣстныхъ, поддѣлывающихся подъ итальянскій стиль; но не воспрещено было итальянцамъ исполнять образцовыя произведенія въ переводѣ, а между тѣмъ въ «Запискахъ» незабвеннаго М. И. Глинки сказано, между прочимъ:

«Жизнь за Царя» не была дана итальянцами, потому что публика была недовольна отъ неудачныхъ попытокъ русскихъ композиторовъ (Львова и Толстаго) и жестоко раздражена послѣ великолѣпной неудачи (*fiasco*) оперы *il Virichino di Parigi*... Вышло высочайшее повелѣніе не принимать на итальянскій театръ произведеній русскихъ композиторовъ. *Gloire a M. r...*!

Ни въ какомъ случаѣ, повторяю я, высочайшее повелѣніе не могло относиться къ оперѣ М. И., заслужившей уже громадную извѣстность; ставили же въ переводѣ на итальянской сценѣ «Фрейшюца», «Гугенотовъ» и другія образцовыя произведенія; но весьма можетъ быть, что люди, во мнѣ недоброжелательные, желая поссорить меня съ Глинкою, представили ему дѣло иначе, увѣряя его, что я причиною непостановки «Жизни за Царя» на итальянской сценѣ. Сколько мнѣ помнится, Глинка не былъ ни въ одномъ изъ представлений «*Virichino*», иначе я убѣжденъ, что онъ никогда не написалъ бы свидѣтельство о великолѣпномъ *fiasco* несчастной моей оперы. Предъ русской публикою, предъ публикою, прочувствовавшею и опѣвившею «Жизнь за Царя», композиторъ, поддѣлывающійся подъ итальянскій стиль,

янскій ладъ, заслуживалъ, вонечно, полнѣйшаго пьасе; но этого положительно не было, въ чемъ ссылаюсь на очевидцевъ и преимущественно на графа Соллогуба *), присутствовавшаго и на репетиціяхъ и на представленіяхъ «Birichino» **).

IX.

Должно сказать, впрочемъ, что только изъ записокъ покойнаго я узналъ, къ величайшему моему огорченію, до какой степени недоброжелатели мои успѣли возстановить противу меня добродушнаго, но до крайности впечатлительнаго, нервознаго Михаила Ивановича. При жизни онъ никогда не давалъ мнѣ почувствовать ни словомъ, ни дѣломъ своего противу меня не-удовольствія. По прежнему онъ принималъ меня довольно ласково, и хотя я замѣчалъ въ послѣднее время пребыванія М. И. въ Петербургѣ значительное съ его стороны ко мнѣ охлажденіе, но я приписывалъ это неудовлетворительному состоянію его здоровья и нашимъ зрѣлымъ лѣтамъ. До объясненій, однако же, дѣло никогда не доходило, о чемъ душевно сожалѣю, потому что мнѣ легко было бы опровергнуть взводимыя на меня клеветы и незабвенный М. И. не внесъ бы, конечно, въ свой дневникъ тѣхъ незаслуженныхъ укоризнъ на мой счетъ, которыя нынѣ находятся въ его запискахъ. Чему же, какъ не напускному, привитому ему раздраженію приписать слѣдующія слова М. И. Говоря о великолѣпной оркестровой фантазіи, написанной на извѣстный мотивъ «Камаринской», Глинка, между прочимъ, замѣчаетъ:

«Могу увѣрить, что я руководствовался при сочиненіи этой пьесы единственно музыкальнымъ чувствомъ, не думая ни о томъ, что происходитъ на свадьбахъ, какъ гуляетъ православный народъ и какъ можетъ запоздалый пьяный стучать въ дверь, чтобы ему отворили. Несмотря на это О. М. Т. (Ростиславъ) на репетиціи «Камаринской» самъ говорилъ мнѣ, что онъ, объясняя государницѣ императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ мой камаринской въ послѣдней части этой пьесы, а именно гдѣ сперва волторыи держатъ педали на Fis (не держатъ, а отбиваютъ), а потомъ трубы на С.,—сказалъ ея величеству, что это мѣсто изображаетъ, какъ пьяный стучится въ дверь избы. Это соображеніе мнѣ кажется пріятельскимъ угощеніемъ, которыми не разъ потчуютъ въ жизни!»

*) Смотри въ приложеніи письма Соллогуба и Ферреро. О. Т.

***) Неужели Глинка имѣлъ дѣйствительно намѣреніе поручить итальянцамъ исполненіе «Жизнь за Царя»? Можно ли вообразить себѣ какого-либо итальянскаго пѣвца, хоть даже Лаблаша, въ роли Сусанина? О. Т.

Возможно ли истолковать въ предательскомъ смыслѣ предложенное мною истолкованіе! Дѣйствительно, покойная государыня императрица спросила у меня однажды, что должно обозначать это въ гармоническое (въпрочемъ до поразительности эффектное) постукиваніе волторнъ и трубъ—и я объяснилъ по крайнему моему разумѣнію. «Мнѣ кажется, сказалъ я, что въ вимаринской, въ этомъ удивительномъ scherzo, достоинствъ подписи самого Бетховена, преобладаетъ юморъ, и весьма можетъ быть, что эти внѣтональныя постукиванія должны изображать постукиванія въ дверь подгулявшаго русскаго мужичка». Вотъ слово въ слово мой отвѣтъ ея величеству, и слова эти въ послѣдствіи я въ точности сообщилъ М. И. Спрашивается? Возможно ли придать имъ смыслъ накого-либо недоброжелательства или пріятельскаго угощенія, какъ выражается Глинка, а между тѣмъ вотъ что сказано на стр. 179-й «Записокъ»:

«Знаменитыѣ нашѣ критикѣ (слово знаменитыѣ подчеркнуто и конечно въ ироническомъ смыслѣ) по глубокому властическому возрѣнію, не нашли ничего лучше и умнѣе какъ только то, что пьяный толчется въ дверь.»

X.

По возвращеніи М. И. въ Петербургъ (въ 1854 году) вокругъ него составился кружокъ новыхъ, незнакомыхъ мнѣ личностей. Сколько я могъ замѣтить всѣ они были люди умные, образованные и дорожили, какъ и я, славою лучшаго нашего отечественнаго композитора; но смотрѣли на призваніе Глинки съ другой точки зрѣнія, чѣмъ я. Я видѣлъ въ Глинкѣ гениальнаго основателя русскаго опернаго стиля, на началахъ указанныхъ въ оперѣ «Жизнь за Царя», а они смотрѣли на него съ космополитической точки зрѣнія и видѣли въ немъ, если не ошибаюсь, продолжателя Вебера и Бетховена. Какъ ни старался я сблизиться съ означеннымъ кружкомъ, старанія мои остались безъ успѣха и я окончательно раздражилъ ихъ противъ себя, напечатавъ въ предисловіи къ разбору «Жизнь за Царя» выписку изъ письма, адресованнаго мнѣ г. Улыбышевымъ (авторомъ біографіи Моцарта), въ которомъ сказано было между прочимъ:

«En lisant vos articles, je me suis dit bien de fois, avec un orgueil naïf, que l'on pardonne aux vieillards: oui, Rostislaff est mon héritier légitime—le seul véritable critique musical qu'il y ait parmi les russes».

Слѣдуетъ замѣтить, что тогда еще не появлялись въ печати блистательныя, но часто парадоксальныя статьи А. Н. Сѣрова, ни статьи В. В. Стасова. Тѣмъ не менѣе, я поступилъ неосмотрительно, и теперь вполнѣ сознаю, что появленіе въ печати вышеупомянутыхъ строкъ должно было подѣйствовать весьма раздражительно на людей, нераздѣляющихъ вполнѣ моихъ воззрѣній... Однакожь я и не подозрѣвалъ еще въ то время, до какой степени сильно было это раздраженіе, а между тѣмъ недоброжелатели мои пользовались моимъ невѣдѣніемъ для восстановления болѣе и болѣе противу меня Михаила Ивановича.

Однажды, послѣ появленія въ «Сѣверной Пчелѣ» подробнаго разбора оперы «Жизнь за Царя», я предложилъ Михаилу Ивановичу прочитать ему мои статьи. Глинка согласился. Мнѣ очень памятенъ этотъ вечеръ, глазъ на глазъ.

Глинка почти все время въ продолженіи чтенія расхаживалъ неслышными шагами (онъ былъ въ халатѣ и въ туфляхъ), поглядывая на меня изъ-подлобья и не дѣлая (во время чтенія) никакого замѣчанія. Желая объяснить, по какой причинѣ я принялся за подробный техническій разборъ въ 1854 году оперы, появившейся въ 1836 году, въ предисловіи къ разбору я написалъ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«Главнѣйшая и такъ сказать задушевная причина, побудившая меня выступить на неблагодарное поприще музыкальной критики, не что другое, повѣрте, какъ сердечное мое участіе къ произведеніямъ отечественныхъ нашихъ композиторовъ. Мысль, что гениальныя творенія М. И. Глинки не были еще разобраны, изслѣдованы и оцѣнены по достоинству, пресгѣдовала меня безотвязно — и я рѣшился приняться за перо, какъ говорится набить себѣ руку, и заслуживъ довѣріе просвѣщенной публики, высказать все что у меня было на душѣ, и представить художническое значеніе нашихъ композиторовъ (и въ особенности Глинки) въ настоящемъ его свѣтѣ *).

Далѣе, желая объяснить цѣль и стремленія Михаила Ивановича, я доказывалъ, что въ оперѣ «Жизнь за Царя» онъ прокладываетъ новый путь для лирическаго нашего искусства.

«Движимый національнымъ чувствомъ и проникнутый до глубины сердца выразительностью и задушевностью народныхъ мелодій, Глинка задумалъ, — говорилъ я, — выработать, въ горнилѣ собственнаго вдохновенія, такъ сказать, мелодіи, почерпнутыя изъ народныхъ источниковъ и возвысить ихъ до лиризма», и проч. и проч.

Почти вся рецензія написана въ этомъ нѣсколько днейрам-

*) Съ цѣлію возбудить довѣріе читающей публики, я и напечаталъ выписку изъ письма Улмышева.

бическомъ тонѣ и слѣдовательно обиднаго въ ней, кажется, ничего не было; а между тѣмъ, во время чтенія, я замѣчалъ, что М. И. все болѣе и болѣе хмурится, и не дѣлая никакихъ возраженій, только изрѣдка наклоняетъ голову, какъ бы въ знакъ иронической благодарности, когда похвалы заходили уже слишкомъ далеко по его мнѣнью.

По окончаніи чтенія, Глинка наконецъ прервалъ молчаніе и высказалъ слѣдующее, достойное замѣчанія мнѣніе:

— «Благодарю тебя за доброе намѣреніе, но я нахожу, что разборъ твой цѣли не достигаетъ. Вдаваясь съ излишкомъ въ нѣкоторыя техническія подробности, ты ничего этимъ не объясняешь, а между тѣмъ упускаешь изъ виду то именно, на что слѣдовало бы указать въ видахъ полезнаго предостереженія для другихъ русскихъ композиторовъ. Зачѣмъ ты не сказалъ, на примѣръ, что въ русскомъ стилѣ не слѣдуетъ вводить итальянскую кабалету, какъ на примѣръ: «Меня ты на Руси?»

«Но, помилуй, — воскликнулъ я въ ужасѣ: — мелодія эта проникнута русскимъ духомъ!»

— «Да! но форма отзывается итальянщиной. Возможно ли, чтобы такой человѣкъ какъ Сусанинъ, вздумалъ бы повторять слово въ слово, только квинтою ниже, наивныя изліянія сироты Вани? Зачѣмъ ты не указалъ на неумѣстность коды въ томъ же дуэтѣ? «На великое намъ дѣло только путь намъ укажи»,—вѣдь отъ нея такъ и разить итальянщиной! Понимаешь ли?»

Глинка оживился и долго указывалъ на отступленія, сдѣланныя имъ въ «Жизни за Царя» отъ «коренного, рациональнаго, по его выраженію, русскаго опернаго стиля».

— «Нѣтъ, любезнѣйшій, — сказалъ онъ въ заключеніе: — такъ рецензіи писать не слѣдуетъ; взялся за критику, такъ и пиши правду-матку, а похвалой никого не удивишь».

Я былъ пораженъ возрѣніями М. И. на недостатки собственнаго произведенія, но я положительно утверждаю, что я нисколько не обидѣлся его замѣчаніями, а напротивъ, отъ души благодарилъ за откровенно высказанное имъ мнѣніе.

Вообразите же, какое горькое чувство долженъ былъ я испытать, прочитавъ слѣдующее письмо М. И. Глинки:

... «Несмотря на успѣхъ моей молитвы, N (нѣкогда пріятель) возстаетъ

противъ нед. Странно кажется, а вотъ въ чемъ дѣло: онъ сердитъ на меня отчасти за то, что я не пришелъ въ восторгъ, когда онъ съ самодовольною улыбкою и прихваливая себя, читалъ мнѣ разборъ «Жизни за Царя». Что-жъ дѣлать, всякій воленъ думать какъ хочетъ: я никогда не считалъ Н глубокимъ музыкантомъ. Разборы его не только не убѣждаютъ меня въ противномъ, но ясно изобличаютъ, что взглядъ его на музыку остался также поверхностенъ и однообразенъ» *).

Изъ этого письма видно, что кружокъ, возненавидившій меня за неосторожную публикацію лестнаго о моихъ критическихъ статьяхъ отзыва Улыбышева, достигъ своей цѣли, т.-е. возстановилъ окончательно Глинеу противъ меня, обвинивъ меня въ небываломъ, съ моей стороны, порицаніи его «Молитвы». Предположеніе, что я будто бы разсердился за то, что М. И. не пришелъ въ восторгъ, слушая мой разборъ, также выдуманно моими недоброжелателями, потому что я никому, конечно, не хвалился неодобреніемъ, высказаннымъ Глинею.

Ничто однако не поколеблетъ уваженія моего къ священной для меня памяти Глинеи и вѣру мою въ громадныя услуги, оказанныя имъ русскому музыкальному искусству. Убѣжденіе это такъ прочно и твердо—какъ гранитъ и металлъ, изъ котораго вскорѣ соорудится народный памятникъ, воздвигаемый въ честь достославнаго нашего соотечественника.

Въ жизни, также какъ и на полѣ битвы, необходимы: мужество, стойкость и неутомимый трудъ. Враговъ презирать не слѣдуетъ, но и бояться ихъ не подобаетъ! «Выстрадать продолжительную жизнь—не поле перейти»; но если невзгоды и неудачи, встрѣтившіяся на пути жизни, происходили не по нашей винѣ, а потому только, что обстоятельства сложились такъ, а не иначе, то унывать не слѣдуетъ. Но, не унывая, не слѣдуетъ пренебрегать указаніями опыта. Извѣстное изреченіе: «Si jeunesse savait—et si vieillesse pouvait» исполнено глубокаго смысла. Въ виду этого изреченія, я и рѣшился выставить мою личность на показъ и привести нѣсколько страницъ изъ многолѣтнихъ моихъ воспоминаній на пользу и въ назиданіе трудящагося молодого поколѣнія.

*) «Русскій Архивъ», 1869 г., тетрадь 2-я, письмо къ Бугакову.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Выписка из письма гр. В. А. Соллогуба къ Ѳ. М. Толстому 20 декабря 1870 г.

...Я очень хорошо помню, какъ М. И. Глинка игралъ однажды у князя Одоевскаго свою „Камаринскую“ и объяснялъ намъ, что вотъ идетъ пьяный мужичокъ и, отыскавъ съ трудомъ избу, стучится въ дверь. Въ запискахъ своихъ Глинка обижается такимъ истолкованіемъ и приписываетъ его тебѣ. Фактъ объясняется просто. Геніальныя вещи пишутся просто, безъ задней мысли, какъ бы сами собою. Вначалѣ самъ авторъ не придаетъ имъ никакой важности. Глинка написалъ камаринскую въ шутку, какъ Даргомыжскій написалъ свой казачокъ. Но шутка Глинки приняла размѣры колоссальныя, и онъ увѣровалъ въ свое произведеніе только впоследствии. Гете тоже написалъ первую часть Фауста просто; но когда ему начали объяснять, что онъ хотѣлъ будто выразить, онъ самъ тому повѣрилъ, онъ написалъ уже дѣйствительно обдуманную, но относительно и слабую вторую часть Фауста. Геній творитъ самобытно по чутью, а не по соображенію. Когда Гоголь началъ соображать, онъ погибъ и дошелъ до ребячества относительно оцѣнки своихъ произведеній. Глинка въ свою очередь отрекся отъ главной прелести своей камаринской, т.-е. отъ колорита и живописности, которыхъ не гнушались ни Моцартъ, ни Бетховенъ, ни Веберъ, ни особенно Мендельсонъ. Въ послѣдніе годы своей жизни творецъ „Жизни за Царя“ становился приверженцемъ музыки аскетической, музыки для музыки, безъ примѣси житейскихъ, вещественныхъ элементовъ. Онъ занимался много музыкой церковной,—и понятно, что шутки съ камаринскимъ мужичкомъ казались ему святотатствомъ. Превжныя веселости были давно забыты.

Относительно представленія твоей оперы *Birichino di Parigi* въ запискахъ Глинки сказано неточно, а второпяхъ и подъ вліяніемъ досады, весьма легко объяснимой. На русской сценѣ пѣли Степанова, Леоновъ, Шемаевъ и Петровъ, артисты добросовѣстные, никогда не имѣвшіе впрочемъ притязанія соперничать съ пѣвшими въ Петербургѣ итальянцами: Рубини, Тамбурини и Виардо. Слышать свою музыку на сценѣ исполненную такими знаменитостями, не могло не быть любимой мечтой каждаго композитора. Но этимъ самымъ воспользовался, во-первыхъ, А. Ѳ. Львовъ. Опера его *Bianca et Gualtiero*, написанная по плохому либретто флейгиста *Guillou*, была исполнена поименованными великими артистами. Опера по валости сюжета не имѣла особаго успѣха и возбудила даже неудовольствіе нѣкоторыхъ абонентовъ, заявившихъ, что они платятъ большія деньги, чтобъ слушать извѣстныя уже всемірно произведенія. Въ этомъ заявленіи была доля правды. Для дебютовъ назначаются вообще не первостепенныя, а второстепенныя театры. Появленіе твоей оперы *Birichino di Parigi* усугубило это неудовольствіе. Но опера твоя была тѣмъ не

менѣе принята весьма радушно. Театръ былъ всегда полонъ. Тебя каждый разъ вызывали. Тамбурины былъ неподражаемо хорошъ въ роли каррикатурнаго старика. Представленія прервались ровнымъ за-прещениемъ допускать русскія оперы на итальянской сценѣ. Вотъ въ чемъ заключался fiasco, — и этотъ-то fiasco былъ собственно для Глинки чувствительнымъ ударомъ. Вотъ отчего онъ съ такою горечью отмѣтилъ въ своихъ запискахъ «Gloire à M. T.», хотя упрекъ въ сущности несправедливъ и ты самъ конечно ни въ чемъ не виноватъ. Но Глинка терялъ надежду слышать свое произведеніе, истолкованное первыми артистами въ мірѣ. Этому я и приписываю тотъ оттѣнокъ недоброжелательства, который проглядываетъ въ его отзывѣхъ о тебѣ.

Глинка былъ человѣкъ непреклонный въ убѣжденіяхъ, и я самъ это испыталъ, когда началъ писать для него либретто къ „Жизни за Царя“. Музыка у него была написана прежде словъ. Я отказался отъ чести быть его сотрудникомъ, по поводу польскаго акта, на который онъ смотрѣлъ, по моему убѣжденію, какъ на интермедію, тогда какъ я хотѣлъ ввести дѣйствіе. Я его разумѣется не переупрямилъ...

II.

Письмо артиста Ферреро къ О. М. Толстому.

Faisant partie de l'orchestre de l'Opéra Italien depuis plus de 25 ans—j'ai assisté à toutes les répétitions du „Birichino du Parigi“—ainsi qu'aux trois représentations. Je puis certifier en conséquence que cet opéra n'a pas fait fiasco, comme on le dit et que l'auteur ne seulement n'a pas été sifflé—comme on le pretend—mais qu'il a été applaudi et même rappelé à plusieurs reprises. Baveri (le chef d'orchestre dans ce temps), Tamburini, Gardoni et la Angri pourraient le certifier au besoin.

Jean Ferrero, Artiste à l'orchestre de l'opéra Italien.

S.-Petersbourg, le 28 Janvier 1871.

..... Отъ „Birichino di Parigi“ остался только кадрили, написанный на мотивы этой оперы извѣстнымъ русскимъ капельмейстеромъ К. Н. Лядовымъ. Онъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхъ Birichino, что съгоряча написалъ означенный кадрили до перваго еще представленія—и я очень хорошо помню, что Лядовъ упросилъ меня снабдить его письменнымъ дозволеніемъ о напечатаніи кадрили—и такъ какъ за кулисами письменнаго стола не находилось, то я подписалъ дозволеніе на спинѣ какого-то обязательнаго ламписта.

Всеэто, мнѣ кажется, служить неоспоримымъ доказательствомъ, что противъ несчастнаго моего Birichino не было, какъ нынѣ утверждаютъ, особеннаго раздраженія и что произведеніе это, впрочемъ не замисловатое, не постигло, какъ говорятъ, великолѣпное фiasco.

О. М. Толстой.

СТАТСЪ-ДАМЫ И ФРЕЙЛИНЫ РУССКАГО ДВОРА

ВЪ XVIII и XIX СТОЛѢТІЯХЪ.

біографическіе списки П. Ѡ. Карабанова *).

99) Княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова, супруга шталмейстера, тайнаго совѣтника князя Сергія Николаевича, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Василя Васильевича Долгорукова и супруги его княгини Екатерины Ѡедоровны, рожденной княжны Бяратинской (см. выше № 81). Родилась 1791. Въ фрейлины пожалована 22 іюля 1808 г. Въ статсъ-дамы—30 іюня 1835 г.; 28 августа 1856 г. получила орденъ св. Екатерины 1-го кл. Умерла 1862 г., въ декабрѣ.

100) Графиня Марія Дмитріевна Нессельродъ, супруга государственнаго канцлера, графа Карла Васильевича, дочь министра финансовъ, графа Дмитрія Александровича Гурьева и супруги его, графини Прасковіи Николаевны, рожденной графини Салтыковой (см. выше № 84). Въ фрейлины пожалована 2 ноября 1802. Въ кавалерственныя дамы св. Екатерины 12 января 1816, въ бракосочетаніе великой княгини Екатерины Павловны съ королемъ Виртембергскимъ. Въ статсъ-дамы 21 апрѣля 1836. Умерла скоропостижно отъ апоплексическаго удара, въ Гастейнѣ (въ Тиролѣ) въ августѣ 1849 года.

101) Княгиня Елисавета Николаевна Чернышова, супруга военнаго министра, князя Александра Ивановича, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, графа Николая Николаевича Зотова и супруги

---

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. т. II стр. 468—498; 1871 г. т. III стр. 38—48; 272—282. Просимъ исправить вправшуюся на стр. 276 опечатку: на печ.: Илья Андреевичъ Бибииковъ, читай: «Илья Александровичъ Бибииковъ». На стр. 277 ошибочно напечатанъ два раза № 78, вслѣдствіе чего послѣдующіе нумера до 98 нумера единицею болѣе того, какъ они должны быть

его, графини Елены Алексѣевны, рожденной княжны Куракиной. Въ статсъ-дамы пожалована 5 декабря 1837. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 5 декабря 1850 г.

102) Княгиня Татьяна Васильевна Васильчикова, 2-я супруга генерала отъ кавалеріи, князя Иларіона Васильевича *), дочь оберъ-егермейстера, Василя Александровича Пашкова и супруги его Екатерины Александровны, рожд. графини Толстой (см. стр. 281, № 91). Въ статсъ-дамы пожалована 5 декабря 1837 г.

103) Княгиня Елисавета Ксаверіевна Воронцова, жена генераль-фельдмаршала, князя Михаила Семеновича, рожд. графиня Браницкая, дочь графини А. В. Браницкой (т. II, № 7). Въ фрейлины пожалована 3 ноября 1807. Въ кавалерств. дамы 22 іюня 1823. Въ статсъ-дамы 15 августа 1838. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила 5 декабря 1850.

104) Графиня Елисавета Андреевна Бенкендорфъ, супруга генерала отъ кавалеріи, графа Александра Христофоровича (род. 1783, умер. 11 сентября 1844), рожденная Захаржевская, вдова генераль-маіора Павла Гавриловича Бибигова. Меньшой крестъ св. Екатерины получила 12 декабря 1824. Въ статсъ-дамы пожалована 25 мар. 1839. Скончалась въ январѣ 1858 г.

105) Графиня Юлія Ѳедоровна фонъ-Баранова, дочь статсъ-дамы Ю. Ѳ. Адлербергъ (см. № 78). Въ фрейлины пожалована 14 апрѣля 1806. Находилась гофмейстериною при великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ, и, наканунѣ ея бракосочетанія, 1 іюля 1839, пожалована въ статсъ-дамы. Въ день же бракосочетанія великой княжны Ольги Николаевны, 1 іюля 1846, возведена въ графское російской имперіи достоинство, съ распространеніемъ на ея потомство; въ рескриптѣ сказано: „за отличное попеченіе при воспитаніи великихъ княженъ“. 26 августа 1856 г. получила орденъ св. Екатерины 1 класса. Умерла 12 іюля 1864. Съ 1855 до 20 октября 1860 г. состояла въ должности гофмейстерины императрицы Александры Ѳедоровны.

106) Графиня Розалія Александровна Ржевуская**), рожденная княжна Любомирская. Въ статсъ-дамы пожалована 31 мая 1845 года. Родилась въ Conciergerie, въ Парижѣ, во время французской революціи. Умерла въ Варшавѣ ^{30 декабря 1864}_{11 января 1865}. Мужъ пропалъ безъ вѣсти (Венцеславъ Ржевускій).

107) Графиня (впослѣдствіи княгиня) Ольга Александровна Орлова, супруга графа (князя съ 1856 г.) Алексѣя Ѳедоровича Ор-

*) Родного брата княгини Т. В. Голицыной, см. № 85.

**) Дочь французскаго генераль-маіора, князя Александра Любомирскаго († 1807) и супруги его Розы Ходкевичъ († 2 сентября 1792 г.).

лова (умер. 9 мая 1861), дочь тайнаго совѣтника Александра Александровича Жеребцова и супруги его Александры Петровны, рожд. княжны Лоухиной (во второмъ бракѣ за графомъ Адамомъ Адамовичемъ Ржевускимъ). Въ статсъ-дамы пожалована 30 іюля 1847.

108) Баронесса Цецилія Владиславовна Фредериксъ, рожденная графиня Гуровская. Пожалована въ статсъ-дамы 30 іюня 1847. умерла 29 апр. 1851. (По смерти любимаго сына, барона Дмитрія Петровича, убитаго на Кавказѣ, перешла въ православіе).

109) Графиня Евдокія Васильевна Левашова, вторая супруга графа Василя Васильевича (р. 1783 † 23 сентября 1848), дочь Василя Александровича Пашкова, и супруги его Екатерины Александровны, рожд. графини Толстой (см. стр. 291, № 91). Въ статсъ-дамы пожалована 20 апр. 1848. Умерла 186...

110) Прасковья Ивановна Мятлева, супруга тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго камергера, Петра Васильевича (род. 13 декабря 1756, умеръ), старшая дочь генераль-фельдмаршала, графа Ивана Петровича Салтыкова и супруги его, графини Даріи Петровны, рожд. графини Чернышовой (см. т. III, стр. 42, № 47). Родилась 1772. Была фрейлиною Екатерины II. Въ супружество вступила въ 1795. Въ статсъ-дамы пожалована 20 апр. 1848. Умерла...

111) Княгиня Екатерина Алексѣевна Волконская, супруга генераль-лейтенанта князя Дмитрія Петровича, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, государственной коммерцъ-коллегии президента, ярославскаго и вологодскаго генераль-губернатора, Алексѣя Петровича Мельгунова и супруги его, Наталіи Ивановны, рожд. Салтыковой. Родилась 18 мая 17.. года. Въ супружество вступила въ 1790 году. Въ статсъ-дамы пожалована 5 декабря 1848. Скончалась въ 1853.

112) Графиня Клеопатра Петровна Клейнмихель, рожденная Переверзева; въ 1-мъ бракѣ Ильинская, во 2-мъ бракѣ жена генер. отъ инфант. графа П. А. Клейнмихеля. Пожалована въ статсъ-дамы 22 августа 1851. Умерла во Франціи 16 января 1865.

113) Графиня Екатерина Михайловна Рибопьеръ, супруга дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, оберъ-камергера графа Александра Ивановича Рибопьера, дочь генераль-поручика Михаила Сергѣевича Потемкина и супруги его Татьяны Васильевны, рожд. Энгельгардтъ (см. въ фрейлинахъ Екатерины II, № 50). Пожалована въ статсъ-дамы 23 апрѣля 1854 (о фамилии Рибопьеръ см. въ фрейлинахъ Екатерины II, № 31).

114) Елисавета Михайловна Бутурлина, рожден. Комбурлей.

вдова дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Дмитрія Петровича Бутурлина. Пожалована въ статсь-дамы 23 апрѣля 1854. Умерла въ...

115) Княгиня Дарья Алексѣевна Шаховская, рожд. графиня Мусина-Пушкина, супруга генерала отъ инфантеріи князя Ивана Леонтьевича. Пожалована въ статсь-дамы 18 ноября 1854.

116) Свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Александровна Дадьянъ-Мингрельская, правительница Мингрелин, рожденная княжна Чавчавадзе, вдова генераль-маіора князя Давыда Леоновича. Пожалована въ статсь-дамы 26 авг. 1856. Въ окт. 1853 получила орденъ св. Екатерины 1 ст.

117) Книгиня Агаѳоклея Николаевна Горчакова, рожд. Бахметева, жена намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Пожалована въ ст-дамы 26 авг. 1856.

118) Графиня Марія Васильевна Адлербергъ, рожд. Нелидова, жена министра императорскаго двора. Пожалована въ статсь-дамы 26 августа 1856, сконч. 25 авг. 1870.

119) Книгиня Екатерина Дмитриевна Долгорукова, жена оберъ-шенка князя Николая Васильевича, дочь генерала отъ кавалеріи князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Родилась 22 нояб. 1801. Въ статсь-дамы пожалована 23 апрѣля 1861.

120) Графиня Наталія Дмитриевна Протасова, родная сестра предыдущей, вдова оберъ-прокурора св. Синода, графа Николая Александровича. Родилась въ 1805. Въ статсь-дамы пожалована 23 апр. 1861. Въ гофмейстерны пожалована въ мартѣ 1865.

121) Графиня Юлія Петровна Строгонова, дочь португальскаго графа д'Алмейда д'Ойенгаузенъ (Almeida d'Oyenhauseu), въ первомъ бракѣ за португальскимъ посланникомъ въ Мадридѣ, графомъ да Ега (da Ega), во 2-мъ бракѣ за оберъ-камергеромъ, графомъ Григоріемъ Александровичемъ Строгоновымъ. Родилась 1783. Въ статсь-дамы пожалована въ 1862. Скончалась 2 ноября 1864.

122) Марія Павловна Леонтьева, рожденная Шипова, вдова генераль-маіора, начальница института общества благородныхъ дѣвиць, извѣстнаго подъ названіемъ Смольнаго монастыря. Въ статсь-дамы пожалована 7 іюня 1867.

123) Графиня Леопольдина Францовна Бергъ, рожденная графиня Чикошъ, жена фельдмаршала. Въ статсь-дамы пожалована 7 іюня 1867.

124) Графиня Габріела Старженская (рожденная Старженская, супруга графа Михаила Ксаверіевича?) умерла въ 1866 году.

КАМЕРЪ-ФРЕЙЛИНЫ.

При императрицѣ Аннѣ:

1) Г-жа Трейдень, родная сестра герцогини Биронъ, была весьма слабого здоровья. Въ 1733 г. вышла за генераль-маіора Людвигъ Бисмарка, перешедшаго изъ прусской въ русскую службу (Записки Миниха, стр. 65). Онъ былъ впоследствии (5 сентября 1739) генераль-аншефомъ; 10 ноября 1740 лишенъ чиновъ; 17 янв. 1742 снова пожалованъ въ генераль-аншефы; умеръ 4 октября 1750 года.

2) Г-жа Вильманъ.

3) Принцесса Биронъ, дочь герцога. Пожалована 14 февраля 1740, въ торжество о мирѣ съ турками и получила богатѣйшій портретъ.

При императрицѣ Елисаветѣ:

4) Княжна Варвара Алексѣевна Черкасская. (См. въ „статсъ-дамахъ“ № 22).

5) Княжна Екатерина (Смарагда) Дмитріевна Кантамиръ (см. въ „статсъ-дамахъ“ № 32).

При Петрѣ III:

6) Графиня Елисавета Романовна Воронцова, дочь ген.-аншефа графа Романа Илларионовича Воронцова и супруги его, графини Маріи Ивановны рожд. Сурминой (она умерла 19 апр. 1748 и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ. См. „Описаніе С.-Петербурга“ стр. 435). Графиня Елисавета Романовна родилась 13 авг. 1739. Обще съ старшею сестрою, графинею Марією Романовною, была весьма рано отличена милостями императрицы Елисаветы Петровны; еще съ дѣтства въ 1750 г. обѣ сестры назначены были въ фрейлины и жили во дворцѣ. 1762, іюня 9, въ торжество мира съ Пруссією, Петръ III возложилъ на графиню Елисавету Романовну орденъ св. Екатерины. По достовѣрному преданію извѣстно, что Петръ III имѣлъ намѣреніе постричь свою супругу Екатерину и обвиняться съ Елисаветою Воронцовою. При отреченіи своемъ отъ престола, Петръ III, чрезъ Михаила Львовича Измайлова, письменно просилъ императрицу Екатерину II отпустить его въ свое отечество, Голштинію, съ Елисаветою Романовною и Андреемъ Васильевичемъ Гудовичемъ (манифестъ 6 іюля 1762). Екатерина II, лишивъ Воронцову ордена и камерфрейлинскаго званія, отправила ея къ родственникамъ. Въ 1765 г. Елисавета Рома-

новна вступила въ супружество съ стат. сов. Александромъ Ивановичемъ Полянскимъ, который умеръ въ глубокой старости, 28 нояб. 1818, и погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Екатерина II, желая показать великодушное забвеніе прошедшаго, въ 1782 г. пожаловала въ фрейлины рожденную у Полянскихъ дочь, Анну Александровну. Елисавета Романовна умерла 2 февр. 1792 г., 52 лѣтъ. и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ. (*Mémoires de Catherine II*, p. 128).

При Екаторинѣ II:

7) Княжна Анна Сергѣевна Долгорукова, дочь дѣйств. ст. сов. князя Сергія Петровича и супруги его, княгини Ирины Петровны, рожд. княжны Голицыной. Родилась въ маѣ 1719. Избрана Екатериною II, въ 1764, въ главныя начальницы новоучрежденнаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ при Воскресенскомъ Ново-дѣвичьемъ (Смольномъ) монастырѣ, и при опредѣленіи своемъ получила камерфрейлинскій портретъ. Присутствовала въ совѣтѣ сего общества 1764, 1765 и 1766. Княжна Долгорукова была начальницею, а г-жа Лафонъ при нею правительницею (см. въ „ст.-дамахъ“ № 54). Бывши уволена какъ отъ двора, такъ и отъ должности начальницы Смольнаго монастыря, княжна Долгорукова поселилась въ Москвѣ, гдѣ и скончалась 13 марта 1778 и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

8) Александра Васильевна Энгельгардтъ. (См. въ „оберъ-гофмейстер.“ № 7).

9) Анна Степановна Протасова, дочь дѣйств. ст. сов., сенатора и св. Анны кавалера, Степана Ѳедоровича и второй супруги его, Анисьи Никитичны*), рожденной Орловой. Родилась въ 1745 году. Бывши двоюродною племянницею свѣтлѣйшему князю Орлову, пожалована Екатериною II въ фрейлины. Продолжительная довѣренность, ею приобрѣтенная, обратилась для государыни въ привычку и наконецъ въ дружескую связь. Въ 1785 г. Екатерина наименовала Анну Степановну камерфрейлиною и наградила ее богатѣйшимъ портретомъ. Съ этого времени по самую кончину монархини Протасова была съ нею неразлучна и сопутствовала ей въ 1785 и 1787 г. въ обѣихъ походахъ въ Москву; послѣдній былъ возвратный отъ Крыма. Путочное прозваніе „Королевы“, данное ей Екатериною, приличествовало ея виду и осанкѣ и сохранилось по самую кончину императрицы. Въ день коронаванія Павла, 5 апр. 1797 г. пожалованъ ей орденъ св. Екатерины 2 кл. Въ коронацію Александра I, 15 сент.

*) Анисья Никитична (род. 1721, ум. 1775) была, по отцѣ своему, двоюродною сестрою князя и графовъ Орловыхъ.

1801, возведена въ графское російской имперіи достоинство, а 17 того же сентября, по прошенію ея, пожалованное ей графское достоинство распространено на родныхъ ея племянницъ, дочерей умершаго ген.-поручика Петра Степановича, фрейлинъ Варвару, Вѣру и Анну, ровно какъ и на дѣтей умершаго бригадира Александра Степановича: сына Степана (онъ умеръ юнкеромъ 24 іюня 1809, 16 л., погребенъ въ Донскомъ монастырѣ) и дочь Анну, съ повелѣніемъ внести ихъ въ заготовленную для нея грамоту. Въ послѣднее время жизни она была слѣпа. Скончалась 12 апр. 1826, и погребена въ церкви Сош. Св. Духа въ Невскомъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ. (Анна Степановна еще имѣла сестру Елисавету Степановну Протасову, которая умерла въ сумасшествіи въ 1840 году и погребена въ Донскомъ монастырѣ).

При Павлѣ:

10) Екатерина Ивановна Нелидова, дочь армейскаго поручика („С.-Петерб. Вѣдом.“ 1765, № 60). Родилась 12 дек. 1756, поступила въ общество благор. дѣвицъ (Смольный монастырь), 1-го приѣма. Въ 1774 г. 11 мая, при раздачѣ награжденій отъ учрежденнаго въ общ. благор. дѣвицъ совѣта, Екатерина Ивановна, которая прежде имѣла сѣрую ленту съ двумя серебряными полосками, получила таковую же съ тремя, а въ 1775, сент. 19, ей данъ въ награжденіе императрицынъ вензель на бѣлой лентѣ, вмѣсто бывшаго прежде на сѣрой лентѣ съ тремя серебряными полосками. При выпускѣ оттуда (1776) назначена, 14 іюля 1777, фрейлиною къ вел. княг. Маріи Ѳеодоровнѣ (бракъ Маріи Ѳеодоровны съ вел. княз. Павломъ Петровичемъ совершенъ былъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того, а именно 7 окт. 1776). Ловкимъ обращеніемъ и умомъ, а наиболѣе твердостію, Нелидова не замедлила обратить на себя вниманіе вел. князя. За восемь мѣсяцевъ до вступленія Павла на престолъ удалилась въ Смольный монастырь. Но восшествіи Павла, снова вызвана ко двору, и получила шифръ. Въ день его коронаціи, 5 апр. 1797, почтена достоинствомъ камеръ-фрейлины, и ей данъ императрицынъ портретъ, украшенный брилліантами вмѣстѣ съ орденомъ св. Екатерины 2-го кл. Въ 179... вниманіе императора къ Наталіи Ѳеодоровнѣ Плещеевой (см. въ „ст.-дамахъ“ № 83), было причиною немаловажнаго смятенія. Екатеринѣ Ивановнѣ приказано было немедленно выѣхать изъ Петербурга, со всѣми ей преданными лицами (въ томъ числѣ и Павлу Васильевичу Голенищеву-Кутузову) и жить въ отдаленіи отъ столицы. Сконч. 2 янв. 1839 г., 82 лѣтъ. По смерти Павла, имп. Марія Ѳеодоровна имѣла въ ней друга.

11) Княжна Анна Петровна Лопухина. (См. въ „ст.-дамахъ“ № 65).

При Александрѣ I:

12) Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, дочь генерала-аншефа графа Алексѣя Григорьевича и супруги его Авдотьи Николаевны, рожден. Лопухиной. Родилась въ 1785 г. По случаю ея рожденія, Екатерина II писала во время путешествія изъ Москвы водою по Волхову, въ июнѣ 1785, къ доктору Циммерману: „Я видѣлась въ Москвѣ съ чесменскимъ героемъ, графомъ Орловымъ. Онъ заботится о своей молодой женѣ, которая родила первое дитя, и къ несчастію дочь. Почитая его не совсѣмъ искуснымъ ихъ воспитывать, желала бы я ему сына, которому онъ служилъ бы образцомъ“. (Философ. переписка Екатерины II съ докторомъ Циммерманомъ, стр. 31). Изъ фрейлинь пожалована въ камеръ-фрейлины 12 декабря 1817. Жила въ собственномъ домѣ въ Новгородѣ, близъ Юрьева монастыря; 5 октября 1848 она, собираясь въ С.-Петербургъ, отслушала въ монастырѣ литургію, приобщилась св. Тайнъ и зашла къ архимандриту, какъ мгновенно скончалась отъ нервическаго удара на 64 году отъ рожденія. Похоронена тамъ же въ монашескомъ одѣяніи, по причинѣ тайнаго постриженія въ послѣднее свое пребываніе въ Кіевѣ.

При Николаѣ I:

13) Александра Гавриловна Дивова, дочь статскаго совѣтника Гаврилы Никифоровича и супруги его, Маріи Абрамовны, рожден. Евреиновой. Родилась 21 февраля 1772. Въ фрейлины пожалована 15 сентября 1793; въ камеръ-фрейлины въ коронацію Николая I. 22 августа 1826. Скончалась 11 февраля 1827 и погребена на фарфоровомъ заводѣ, при церкви Спаса Преображенія.

14) Екатерина Петровна Валугева, — родилась въ ноябрѣ 1774. 16 февраля 1791 выпущена изъ Общества благородныхъ дѣвицъ (шестого приѣма). Определена въ фрейлины къ великой княгинѣ Маріи Ѳедоровнѣ, а при восшествіи Павла на престоль получила фрейлинскій знакъ (6 ноябрѣ 1796). 1813 г. декабря 19, императрица Елисавета Алексѣевна выѣхала изъ С.-Петербурга за границу, и въ ея свитѣ была статсъ-дама княгиня Прозоровская (№ 68) и любимая фрейлина Валугева. Путешествіе продолжалось три года. Была весьма привязана къ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Въ память того, по ея кончинѣ, получила камеръ-фрейлинскій знакъ въ коронацію Николая I, 22 августа 1826. Орденомъ св. Екатерины 2 кл. пожалована 1 июня 1846, въ бракосочетаніе великой княгини Ольги

Николаевны съ наслѣдн. принцемъ Виртембергскимъ. Умерла въ 1848 году, 74 лѣтъ.

15) Княжна Варвара Михайловна Волконская, дочь бригадира, князя Михаила Петровича и супруги его, княгини Елисаветы Петровны, рожден. княжны Макуловой, — сестра министра императорскаго двора, князя Петра Михайловича. Родилась въ 1778 году. Въ фрейлины пожалована 6 іюня 1799 къ великой княгинѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ; въ камеръ-фрейлины 15 апрѣля 1841, наканунѣ бракосочетанія Наслѣдника (Александра II). Орденъ св. Екатерины 2 кл. получила 4 іюня 1846, въ день бракосочетанія великой княгини Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ. Умерла въ 1866 году.

При Александрѣ II:

16) Графиня Екатерина Ѳеодоровна Тизенгаузенъ — внучка князя М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Въ камеръ-фрейлины пожалована 6 декабря 1852.

17) Анна Алексѣевна Окулова. Въ камеръ-фрейлины пожалована 26 августа 1856 г. Умерла 13 февраля 1861.

18) Графиня Антонина Дмитріевна Блудова. Въ камеръ-фрейлины пожалована 17 апрѣля 1863.

19) Княжна Екатерина Владиміровна Львова. Въ камеръ-фрейлины пожалована... января 1865.

ГОФЪ-ФРЕЙЛИНЫ.

Въ царствованіе Петра I, при его супругѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

1) Дѣвица Марія Гамильтонъ, камеръ-фрейлина и любимица царицы Екатерины Алексѣевны. За третью беременность и за умерщвление младенца осуждена Петромъ I на смерть, и въ присутствіи самого царя воспріяла смертную казнь. . . . . Однажды деньщикъ Петра I, Иванъ Михайловичъ Орловъ, бывъ потребованъ къ государю въ необыкновенное время, услышалъ, что онъ крайне на него гнѣвнъ, заключалъ, что причина тому открытіе любовной его связи съ камеръ-фрейлиною Гамильтонъ. Вошедши, упалъ къ ногамъ Петра и сказалъ: „Виновать! люблю Маріюшку!“ Государь, не вѣдая того, началъ добиваться, давно-ли? „Три года“, отвѣчалъ Орловъ. „Бывала ли беременна, и рождала ли дѣтей?“ „Была, и рождала мертвыхъ дѣтей“. Послѣ сихъ рѣчей, она была призвана, улчена въ убійствѣ трехъ младенцевъ и осуждена на смерть. Императрица чрезвычайно любила эту несчастную, и употребила всѣ старанія, чтобы спасти ея: но ни просьбы царицы Прасковіи Ѳеодоровны, лю-

бимой невѣстки Петра, ни заступничество прочихъ довѣренныхъ особъ не подѣйствовали: на другой же день голова ея была отрублена. Это случилось въ 1719 году. Орловъ былъ наказанъ годовымъ заключеніемъ въ крѣпости. (Дополн. къ „Дѣніямъ Петра I“. Т. XVIII, стр. 305*).

2) Анна Ивановна Крамеръ, дочь нарвскаго купца и судьи въ ратушѣ. Родилась въ 1694. По взятіи русскими отечественнаго города, она вывезена была въ Вологду, потомъ въ Казань къ Апраксину; отъ него послана была въ подарокъ къ генералу Балку, который отдалъ ее гофмейстеринѣ Гамильтонъ. По смерти дѣвицы Гамильтонъ, Екатерина приняла ее къ себѣ первюю камеръ-юнгферою. Въ этомъ званіи Крамеръ приобрѣла совершенную довѣренность какъ царицы, такъ и царя. Въ 1716 году сопровождала ихъ въ Копенгагенъ и Голландію. Когда царевичъ Алексѣй Петровичъ умеръ въ крѣпости (26 іюня 1718), царь взялъ ее туда съ генераломъ Вейде, гдѣ она одѣвала тѣло умершаго. Послѣ была гофъ-фрейлиною и награждена Екатериною I имѣніемъ близъ Риги. Наконецъ находилась гофмейстериною при великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, сестрѣ Петра I, а по кончинѣ ея (22 ноября 1728), удалилась въ Нарву, гдѣ и умерла въ 1770 г., 76 лѣтъ отъ рожденія.

3) Авдотья Иродіоновна Кошелева, дочь отъ 1-й супруги генерал-поручика Иродіона Мих. Кошелева, шталмейстера и кавалера ордена св. Александра Невскаго (5 сент. 1747), умершаго въ 1760 году. Послѣ второго брака ея отца съ Матрешою Ивановною, дочерью пастора Глюка**), Авдотья Ивановна сдѣлалась извѣстною императрицѣ Екатеринѣ I и поступила къ ней въ гофъ-фрейлины. Въ 1728 году была уже въ замужествѣ за Василиемъ Андреевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ.

4) Графиня Анна Гавриловна Головкина. (См. въ „ст.-дам.“ № 9).

5) Анисія ... Толстая, гофъ-фрейлина двухъ императрицъ, Екатерины I и Анны Иоанновны. При первой изъ нихъ упоминается въ дѣлѣ погребенія Петра I. („Описаніе порядка при погребеніи Петра Великаго“, стр. 27). При второй въ день ея коронаціи 28 апр. 1730 („Описаніе коронаціи императрицы Анны Иоанновны“, стр. 41).

6) Графиня NN. Мануиловна Девьеръ, дочь ген.-лейтенанта, ген.-полицейстера и ордена св. Александра Невскаго кавалера, графа Мануила Девьера и супруги его, родной сестры князя А. Д. Менши-

*) Подлинное розыскное дѣло о дѣтоубійствѣ, совершенномъ Гамильтонъ — напечатано въ нашей статьѣ: «Фрейлина Гамильтонъ» («Отечеств. Зап.», 1860 г., кн. IX).

Ред.

**) О судьбѣ другихъ дочерей пастора Глюка см. въ «ст.-дамахъ» № 73

кова. (О бракѣ Девьера съ княжною Меншиковою, см. „Helbig. Russische Günstlinge, стр. 94). Графиня Девьеръ находилась гофъ-фрейлиною въ царствованіе Петра I, при его супругѣ, и упоминается въ церемоніи погребенія сего государя (стр. 27). Въ 1726, предъ кончиною императрицы, во время отсутствія Меншикова, составилса противъ него заговоръ, въ которомъ, кромѣ другихъ, принялъ участіе и его зять, графъ Девьеръ. Заговоръ этотъ, по возвращеніи Меншикова, разрушенъ. Тѣмъ не менѣе, Меншиковъ, питая злобу къ Девьеру, воспользовалса своею силою при Петрѣ II, чтобы отмстить своимъ врагамъ. 26 апр. 1727 г. Девьеръ былъ лишень чиновъ, графскаго достоинства, имѣній, наказанъ кнутомъ, и сосланъ въ Сибирь, въ Якутскъ. Вѣроятно, и дочь его послѣдовала за нимъ, потому что при коронаціи императрицы Анны Іоанновны не упоминается между фрейлинами. Въ 1743 февр. 14 императрица Елисавета возвратила Девьеру графское достоинство, чинъ и орденъ.

7) Варвара Михайловна Арсеньева (см. въ „оберъ-гофмейстеринахъ“ № 1).

При императрицѣ Аннѣ:

8) Графиня Екатерина Андреевна Ушакова, единственная дочь ген.-аншефа, графа Андрея Ивановича Ушакова (род. 1672, графъ 1744, ум. 10 марта 1747) и супруги его, Елены Леонтьевны, рожденной Кокоскиной (въ первомъ супружествѣ бывшей за Федоромъ Карповичемъ Апраксинымъ; отъ нихъ рожденъ ген.-фельдмаршалъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ; сравни въ „ст.-дамахъ“ № 33). Родилса 22 окт. 1715. Въ коронацію императрицы Анны Іоанновны, 28 окт. 1730, именована въ числѣ фрейлинъ. Вышла въ 1738 за дѣйств. тайн. сов., посланника при дворахъ датскомъ, прусскомъ, англійскомъ и посла при французскомъ дворѣ, графа Петра Григорьевича Чернышова. Умерла 25 сент. 1779 и погребена въ Невскомъ монастырѣ. Графъ Петръ Григорьевичъ родился 25 марта 1712, ум. 20 авг. 1773 и погребенъ въ Невскомъ монастырѣ.

9) Анна Алексѣевна Салтыкова, старшая дочь Алексѣя Петровича и сестра ген.-аншефа, Ивана Алексѣевича. Находилса фрейлиною при коронаціи императрицы Анны Іоанновны. („Описаніе коронов. импер. Анны“, стр. 41). Императрица отъѣнно ее жаловала; въ свободное отъ государственныхъ дѣлъ время, растворивъ двери изъ спальни въ фрейлинскую комнату, приказывала, по тогдашнему обычаю, своимъ фрейлинамъ пѣть пѣсни, и преимущественно любила голосъ Анны Алексѣевны. Но за интригу съ Степаномъ Алексѣевичемъ Колычовымъ она была выслана отъ двора и жила, по родству, у графини Екатерины Ивановны Головкиной („ст.-дамы“ № 13),

супруги тогдашняго вице-канцлера, графа Михаила Гавриловича. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, Анна Алексѣевна награждена особливимъ домоу и содержаніемъ; но, войдя въ неоплатные долги, была тайно вывезена изъ Петербурга своимъ родственникомъ, тайн. сов. Михаиломъ Семеновичемъ Козловскимъ, и жила у него въ его рязанской деревнѣ. Наконецъ, по близости, водворилась въ Аграфенину пустынь, гдѣ и скончалась въ старости послѣ 1775 года.

10) Софія Алексѣевна Салтыкова, меньшая сестра вышеописанной (№ 9), именована въ числѣ фрейлинъ императрицы Анны Иоанновны при коронованіи этой государыни. („Описаніе коронованія“, стр. 41). Была въ замужествѣ за ген.-поручикомъ Алексѣемъ Венедиктовичемъ Татищевымъ. Сынъ ея, графъ Николай Алексѣевичъ, рожденъ въ 1736 году.

11) Княжна Александра Александровна Меншикова, дочь генералиссимуса, свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича, и супруги его, княгини Даріи Михайловны, рожд. Арсеньевой. Родилась въ 1712 г.,— крещена Петромъ I-мъ 4 дек. 1712. При торжественномъ обрученіи сестры своей, свѣтлѣйшей княжны Маріи Александровны, съ императоромъ Петромъ II (29 іюня 1727), она получила орденъ св. Екатерины. Въ это время князь Меншиковъ намѣревался выдать ее за наслѣднаго принца Ангальтъ-Дессаускаго, о чемъ уже и происходили переговоры. Въ томъ же году, при паденіи родителя (8 сент. 1727) она лишена ордена и вмѣстѣ съ нимъ сослана Тобольской губ. въ городъ Березовъ. На дорогѣ, не доѣзжая до мѣста назначенія, эта несчастная лишилась (1728) ослѣпшей отъ слезъ матери, потомъ (1729) старшей сестры, императорской невѣсты, и наконецъ (22 окт. 1729) своего отца. Въ 1731, императрица Анна возвратила ее съ братомъ изъ ссылки. По приѣздѣ въ Москву, они были представлены государынѣ въ дорожномъ платьѣ и пожалованы: она—въ фрейлины, а братъ—въ прапорщики гвардіи. Въ слѣдующемъ 1732 году, февр. 3 дня императрица во дворцѣ сама церемоніально обручила ее съ барономъ Густавомъ Бирономъ, ген.-аншефомъ и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка маіоромъ, роднымъ братомъ герцога Курляндскаго; бракосочетаніе ихъ совершено въ томъ же мѣсяцѣ. Въ 1736, окт. 13, Александра Александровна умерла въ С.-Петербургѣ отъ родовъ, 24 лѣтъ, и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ Благовѣщенской церкви.

12) Княжна Марія Дмитриевна Кантемиръ, дочь Молдавскаго господаря (въ Россіи тайн. сов. и сенаторъ) князя Дмитрія Антиоховича Кантемира, и первой его супруги княгини Кассандры (Алек-

сандры) Сергѣевны, дочери Волошскаго господара Сербина (Сергія) Кантакузена (см. въ „ст.-дамахъ“ № 1). Родилась 29 апр. 1700 года. Пожалована въ фрейлины императрицы Анны Іоанновны, но, по причинѣ болѣзни, была уволена отъ двора въ Москву; она тамъ скончалась 9 сентября 1754 г. и погребена въ Греческомъ Николаевскомъ монастырѣ *).

13) Марія Михайловна Салтыкова. Родилась 24 мая 1710. Была фрейлиною при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и въ ея царствованіе вышла за бывшаго чрезвычайнаго посланника нашего при Датскомъ дворѣ, потомъ тайн. сов., воронежскаго губернатора, дѣйств. камергера и св. Анны кавалера, Алексѣя Михайловича Пушкина. Скончалась 18 мая 1785 и погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

14) Анна Алексѣевна Татищева, дочь ген.-аншефа, ген.-полицмейстера, дѣйств. камергера и св. Александра Невскаго кавалера, Алексѣя Даниловича Татищева († 21 сент. 1760). Фрейлина двухъ императрицъ, Анны и Елисаветы, и упоминается при коронаціи послѣдней. Была первою супругою Петра Ивановича Панина, бывшаго тогда полковникомъ и еще неизвѣстнаго тогда графскаго титула; свадьба ея совершилась С.-Петербургѣ, во дворцѣ, 8 февр. 1748 года. („Спб. Вѣдом.“ 1748, № 13, стр. 102). Панинъ, живши 16 лѣтъ въ этомъ супружествѣ, имѣлъ отъ онаго 17 дѣтей, изъ коихъ ни одного не осталось въ совершенномъ возрастѣ. Анна Алексѣевна умерла 27 окт. 1764 (Порошинъ, стр. 99). Тогда Панинъ женился на фрейлинѣ Маріи Родіоновнѣ Ведель, отъ которой имѣлъ пять дѣтей (изъ коихъ только два осталось въ живыхъ).

15) Марѳа Васильевна Шереметева. Родилась 4 іюля 1724. Передъ коронаціей Елисаветы Петровны пожалована въ императрицыну двору въ фрейлины, и упоминается въ церемоніи. Въ супружество вступила 20 февр. 1744, съ Петромъ Ѳеодоровичемъ Балкомъ (впослѣдствіи ген.-лейтен., дѣйств. камергеръ и кавал. св. Александра Невскаго и св. Анны), и вѣнчана въ придворной церкви въ присутствіи нареченной невѣсты вел. кн. Петра Ѳеодоровича (Екатерины II); это была первая свадьба, которую видѣла Екатерина по приѣздѣ въ Россію (см. записки Храповицкаго, въ Отеч. Зап. 1824, январь, № 45, стр. 49). Марѳа Васильевна овдовѣла въ 1762; сама скончалась 7 января 1792, бездѣтною, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Петръ Ѳеодоровичъ Балкъ, род. 12 марта 1712, ум. 20 апр. 1762;

*) Подробности о княжнѣ Кантемиръ находятся у Бюшинга: Magazin, XI. Theil, Geite 489, 490. und 494).

погребенъ въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Шутками своими веселилъ императрицу Анну и льстилъ Вирону, но ни въ какія дѣла не былъ допускаемъ (Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ, стр. 51).

16) Анастасія Степановна Лопухина, дочь ген.-поручика, ген.-кригскоммиссара, дѣйств. камергера и св. Александра Невскаго кавалера, Степана Васильевича, и супруги его, Наталіи Ѳедоровны, рожд. Балъкъ (см. въ „ст.-дамахъ“ № 14). Родилась 16 окт. 1725 года. Въ коронацію императрицы Елисаветы Петровны, 25 апр. 1742, упоминается въ числѣ фрейлинь. Въ супружествѣ была за тайн. сов. и дѣйств. камергеромъ, графомъ Николаемъ Александровичемъ Головиннымъ. Скончалась 24 февр. 1799, 75 л., и похоронена въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Четыре сестры: Доротея, Юліана, Якобина и Аврора, баронессы фонъ-Менгденъ, изъ древнѣйшей лифляндской фамиліи, особенно взысканныя могущественнымъ герцогомъ Вирономъ, вызваны были ко двору императрицы Анны Іоанновны. Старшія три тогда же опредѣлены фрейлинами, а четвертая поступила въ это званіе уже при цесствѣ-правительницѣ.

17) Баронесса Анна-Доротея фонъ-Менгденъ, статсъ-фрейлина, вступила, 20 февр. 1739, въ супружество съ Іоанномъ Эрнестомъ, графомъ фонъ-Минихъ, сыномъ фельдмаршала, родивш. 10 янв. (нов. ст.) 1708 г. Вѣнчаніе совершено лютеранскимъ пасторомъ въ большой залѣ дворца, въ присутствіи императрицы, которая въ приданое пожаловала 400 руб. денегъ и множество брилліантовъ („Зап. Миниха“ 132 и 133). Эта свадьба совершалась съ великою и преобладающею церемоніею. Наслѣдникъ Курляндскій, принцъ Петръ ѣздилъ за женихомъ. Цесаревна Елисавета Петровна и принцесса Анна вели пѣвѣсту къ вѣнчанію, а жениха вѣлъ принцъ Петръ; потомъ для свадебныхъ гостей во дворцѣ былъ обѣдъ, а въ вечеру балъ, послѣ котораго новобрачные отпущены въ домъ отца его; на другой день былъ обѣдъ у фельдмаршала, а вечеромъ еще балъ во дворцѣ („Спб. Вѣдом.“ 1739, № 16, стр. 125).

18) Баронесса Юліана фонъ-Менгденъ, вторая сестра, первѣйшая любимица правительницы Анны, совершенно ею овладѣвшая. Безпредѣльная безпечность отвлекала несчастную принцессу отъ необходимости государственныхъ занятій и ускорила ея паденіе. Юліана ссорила легкомысленную правительницу съ ея супругомъ и способствовала ей относительно графа Линара, польско-саксонскаго министра, за котораго, въ угодность правительницѣ, была уже стоворена. 13 іюля 1741, даны были ему росс. ордена св. Андрея и св. Александра

Невскаго, а по окончаніи брака готовилось для него оберъ-камергерское достоинство; но переворотъ государственныхъ дѣлъ въ пользу цесаревны Елисаветы все это уничтожилъ (Манштейнъ, II, 120, 121 и 122).

19) Баронесса Якобина фонъ Менгденъ, третья сестра, сопутствовала Юліанъ во время ея изгнанія.

При правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ:

20) Баронесса Аврора фонъ-Менгденъ, четвертая сестра. Упоминается, по старшинству фрейлинъ, при торжественномъ коронаваніи императрицы Елисаветы Петровны („Записки Екатерины II“, стр. 72). Этою государынею выдана, 1749, за дѣйств. тайн. сов. лейбъ-медика Иогана Германа, графа Лестока. Графиня Лестокъ вовлечена была въ несчастіе своего мужа и перенесла оное съ великимъ постоянствомъ.

21) Княжна Софія Васильевна Одоевская, дочь князя Василя Юрьевича Одоевскаго, и супруги его, княгини Маріи Алексѣевны, дочери послѣдняго князя Лыкова, съ отличіемъ принятой при дворѣ Петра I. Была первою статсъ-фрейлиною принцессы-правительницы. Вышла замужъ, 26 окт. 1741, за камергера, барона фонъ-Лиліенфельда. По манифесту 29 авг. 1743 влючена въ число заговорщиковъ противъ императрицы Елисаветы Петровны; за участіе, непристойныя и зловредныя слова, осуждена къ отсѣченію головы; но, по разрѣшеніи отъ бремени, наказана плетью и послана въ ссылку. Ея супругъ посланъ въ его деревню безвыѣздно. Когда княгиня Одоевской объявили, что дочь ея Лиліенфельдъ заключена въ Петропавловскую крѣпость, то старуха закрыла себѣ лицо руками, пребыла нѣсколько въ этомъ положеніи, и потомъ продолжала посторонній разговоръ. Софія Васильевна умерла бездѣтною. Она была родною сестрою дѣйств. тайн. сов., сенатора и св. Александра Невскаго кавалера, князя Ивана Васильевича Одоевскаго, у котораго было 10,000 душъ крестьянъ, въ томъ числѣ и славная „Лава“, данное въ приданое его сестрѣ баронессѣ Лиліенфельдъ и ему возвращенное.

При императрицѣ Елисаветѣ:

22) Мавра Егоровна Шепелева, (см. въ „ст.-дамахъ“ № 18).

23) Графиня Анна Карловна Скавронская. (См. въ „обергофмейстеринахъ“ № 4).

24) Графиня Марія Семеновна Гендрикова (см. въ „обергофмейстеринахъ“ № 3).

25) Графиня Екатерина Карловна Скавронская. (См. въ „ст.-дамахъ“ № 28).

26) Графиня Марѳа Семеновна Гендрикова (см. въ „ст.-дамахъ“ № 25).

27) Анна Васильевна Салтыкова, дочь дѣйств. тайн. сов. Василія Ѳедоровича Салтыкова и супруги его ст.-дамы Маріи Алексѣевны, рожд. княжны Голицыной (см. въ „ст.-дамахъ“ № 17).

Родилась 24 іюня 1729. За участіе родителей своихъ при восшествіи императрицы Елисаветы на престолъ („Зап. Шаховскаго“, I 74), а именно за то, что Василій Ѳедоровичъ, одѣвшись въ крестьянское платье, пронырствомъ своимъ много способствовалъ императрицѣ, она, на 13-мъ году отъ рожденія, пожалована фрейлиною (18 дек. 1741, въ день рожденія императрицы), и жила во дворцѣ; мать ея въ тотъ же день пожалована въ ст.-дамы („Спб. Вѣдом.“ 1741. № 102, стр. 814). Неограниченная рѣзвость Анны Васильевны выводила всѣхъ изъ терпѣнія, а императрица смѣялась и покровительствовала. Наконецъ своенравіе ея превратилось въ дерзость, раздражавшую саму Елисавету. Однажды, на придворномъ балѣ, Анна Васильевна явилась въ точно такомъ головномъ уборѣ, какъ императрица. Елисавета, желавшая быть неподражаемою, приказала подать ножницы и, поставивъ Салтыкову на колѣни, собственноручно выстригла ей передніе волосы, по тогдашнему названію а-ла-кокъ (à la coq). Братъ ея, Александръ Васильевичъ (бывшій потомъ дѣйств. ст. сов. и св. Анны кавалеромъ), несправедливо оправдывавшій сей поступокъ, самъ прозванъ „а-ла-кокъ“. Вскорѣ послѣ сего, 10 нояб. 1747, ее выдали за князя Матвѣя Алексѣевича Гагарина, родного брата графини А. А. Матюшкиной (см. оберъ-гофм. № 6), бывшаго потомъ ген.-майоромъ и лейбъ-гв. Семеновскаго полка секундъ-майоромъ (род. 27 апр. 1725, ум. 10 марта 1793). Супружество было несогласное; супруги жили въ разныхъ домахъ. Княгиня Анна Васильевна скончалась 16 мая 1799 и обще съ супругомъ похоронена въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ. Дѣтей у нихъ не было.

28) Скворцова.

29) Княжна..... Алексѣевна Гагарина, дочь князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина и супруги его, баронессы Шафировой. Была фрейлиною при великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Бывши помолвлена съ камергеромъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ, скончалась отъ горячки въ 1746 году. Голицынъ женился потомъ на ея младшей сестрѣ, княжнѣ Даріи Алексѣевнѣ (см. въ „ст.-дамахъ“, № 36). На мѣсто ея, во двору выписана изъ Москвы старшая ея сестра, княжна Анна Алексѣевна (впослѣдствіи графиня

Матюшкина, см. въ „обергофмейст.“ № 6.—Смотри „Записки Екатерины II“, русс. перев., Лондонъ, 1859, стр. 54).

30) Екатерина Алексѣевна Каръ, дочь дѣйств. ст. сов. и св. Анны кавалера, Алексѣя Филипповича Каръ и супруги его, бывшей гофмейстериною великой княжны Наталіи Алексѣевны, сестры Петра II. Родилась 5 окт. 1724. Императрица Елисавета Петровна пожаловала ее въ фрейлины. Въ супружество вступила 6 ноября 1745, съ ген.-поручикомъ, шталмейстеромъ, дѣйств. камергеромъ и св. Александра Невскаго кавалеромъ, княземъ Петромъ Михайловичемъ Голицынымъ (род. 30 дек. 1702, сконч. 19 апр. 1760). Императрица Екатерина II, въ день коронаціи своей, 22 сент. 1762, оказала ей отличное благоволеніе и единственное въ сей день, пожаловавъ ей въ вѣчное и потомственное владѣніе, данное ей по смерти, вѣдомства дворцовой канцеляріи Ростовскаго уѣзда, село Угодичи, съ деревнями, всего 946 душъ. Сконч. 16 февр. 1804 и погребена въ Новоспаскомъ монастырѣ. Дѣтей не было. (Въ родословіи князей Голицыныхъ, помѣщенномъ въ Древн. росс. Вивліоенкѣ. т. XVII, она по ошибкѣ названа ст.-дамою).

31) Агаеія Яковлевна . . . . . Сомнительная фрейлина, а скорѣе, кажется, камеръ-юнгфера. Еще до 1746 г. была въ супружествѣ за кол. сов. и кафеенкомъ императрицы Елисаветы, Александромъ Ульяновичемъ Саблуковымъ. Она была въ великой милости у Елисаветы Петровны. Въ 1754 г. нояб. 15 императрица подарила ей пѣсню своего сочиненія и собственною рукою писанную. Скончал. 15 апр. 1769, 52 лѣтъ.

32) Екатерина Ивановна Нарышкина (см. въ „ст.-дамахъ“ № 24).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II
ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1773 — 1793.

XXI *).

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Мы ожидали, что за точными нашими предписаніями, вамъ данными, охранять польскаго короннаго гетмана графа Браницкаго при цѣлости имѣнія его Бѣлоцерковскаго, даннаго ему въ собственность на сейшѣ, коего всѣ постановленія обнадежены нашимъ ручательствомъ, не будетъ онъ обезпокоенъ никакими притязаніями; но нынѣ увѣдомляемся, что скарбовый департаментъ**) произвелъ требованія на мѣстечки Боярку и Каменный Бродъ, издавна къ Бѣлоцерковскому староству принадлежащія. Таковыя со стороны казенной затрудненія графу Браницкому наносимыя, вамъ должно отвращать, внушивъ его величеству королю и чинамъ, въ дѣлахъ участіе имѣющимъ, наше непремѣнное желаніе, дабы означенный гетманъ сохраненъ былъ при цѣлости имѣнія, стараніемъ нашимъ ему доставленнаго, и притомъ давъ знать рѣшительно, что мы, продолжая всегда наше къ нему особливое благоволеніе и покровительство, не можемъ попустить, чтобъ ему какое-либо

*) См. «Русскую Старину» 1871 г. т. III, стр. 310—325. Напечатанная въ предисловіи къ нимъ замѣтки просимъ исправить такъ: графъ Отто Магнусовичъ Стакельбергъ, эстляндскій дворянинъ. Извѣстный посолъ въ Парижѣ гр. Э. Г. Стакельбергъ скончался въ Парижѣ ^{30 апрѣля} _{12 мая} 1870 г. Послѣ его кончины фамильныя бумаги рода графовъ Стакельберговъ сосредоточились въ маіоратѣ Изенгофъ, принадлежащимъ старшему брату посла, гр. Отто Густавовичу, сынъ котораго, флигель-адъютантъ гр. Отто Оттовичъ Стакельбергъ, сообщилъ намъ эти документы при посредствѣ графа Э. К. Чапскаго. Ред.

**) Учрежденіе соотвѣтствовавшее въ Польшѣ министерству финансовъ.

предосужденіе учинено было. Ожидая вашего по сему донесенія, пре-
бываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 19, 1785 года.

XXII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Препровождая
сими графа Платера, по имѣніямъ его находящагося въ числѣ под-
данныхъ нашихъ, поручаемъ вамъ въ надобностяхъ его и спра-
ведливыхъ исканіяхъ стараться поддерживать вашими заступленіями
и ходатайствами въ пользу его у его величества короля польскаго
и правительства тамошняго. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны.
Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, марта 4, 1785 г.

XXIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Мы ожидали,
что повелѣнія наши, неоднократно къ вамъ посланныя въ пользу
польскаго короннаго гетмана графа Браницкаго, возымѣютъ то дѣй-
ствіе, что онъ останется спокойнымъ въ полномъ владѣніи, безъ ма-
лѣйшаго ущерба, староствомъ Бѣлоцерковскимъ такъ, какъ всѣ его
принадлежности въ данной ему грамотѣ изображены, и какъ оныя
всегда издавна разумѣлись; но нынѣ новыя получаемъ отъ него про-
шенія о защищеніи его противъ чинимыхъ ему безпокойствъ во вла-
дѣніи нѣкоторыми мѣстностями, въ тому староству принадлежащими.
Подтверждаемъ потому и нынѣ прежнія наши предписанія о всеобъ-
рномъ со стороны вашей стараніи и настояніи, чтобъ, какъ выше
сказано, пожалованное имѣніе графу Браницкому такъ, какъ оно въ
данной ему грамотѣ поименовано и всегда издавна принадлежало,
сохранено было безъ малѣйшаго ущерба, чтобъ дѣла его по спра-
ведливости и безъ отлагательства окончены были, и чтобъ онъ вос-
пользовался надлежащимъ защищеніемъ противъ неосновательныхъ
къ нему прицѣпокъ. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 24, 1785 г.

XXIV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ! Польскій ко-
ронный гетманъ графъ Браницкій, намѣренъ будучи требовать, чтобъ
имя его исключено было изъ ненавистнаго процесса извѣстной Угрю-
мовой*), просилъ нашего въ пользу его старанія. Приемя за благо всѣ

*) Авантюристка, принадлежавшая къ числу загадочныхъ личностей, уча-
ствовавшая въ заговорѣ нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ противъ короля
Станислава Августа Понятовскаго.

тѣ увѣренія, кои онъ о своей вѣрности и усердіи къ его величеству королю и ко всему, что благо прямое республики польской составляетъ, и достойная его во всякомъ случаѣ нашего благоволенія и покровительства, поручаемъ вашему попеченію и настоянію, чтобъ онъ, графъ Браницкій, въ прошеніи его получилъ надлежащее удовлетвореніе. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 25, 1785 г.

XXV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По дружбѣ его величества короля польскаго ко мнѣ, поручаю вамъ просить его, чтобъ онъ почтилъ первымъ орденомъ своимъ Бѣлаго Орла генераль-маіора Ермолова *). Какъ скоро оный получите, доставьте ко мнѣ прямо. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюня 17, 1786 г.

XXVI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Получивъ орденъ Бѣлаго Орла, мною требованный для генераль-маіора Ермолова, поручаю вамъ засвидѣтельствовать его величеству королю польскому благодареніе мое за готовность, съ каковою его величество удовлетворялъ моему ходатайству, препроводя сіе увѣреніями о моей искренней къ сему государю дружбѣ. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюля 6, 1786 г.

XXVII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По случаю сближенія сейма въ Польшѣ, мы почитаемъ излишнимъ давать вамъ новыя наставленія, тѣмъ болѣе, что извѣстны вамъ предположенія наши о сохраненіи въ сей сосѣдственной намъ республикѣ тишины и добраго согласія между членами правительства ея, о соблюденіи должнаго уваженія къ королю, коего дружественныя къ намъ расположенія и добрыя намѣренія касательно отечества его намъ совершенно вѣдомы, и о поддержаніи тѣхъ, которые безпристрастными ихъ подвигами вамъ въ достиженіи цѣли, нами желаемой и выше сего начертанной, содѣйствуютъ и впредь пособствовать будутъ.

*) Ермоловъ Александръ Петровичъ, генераль-поручикъ, род. 1754 † 1836 г. былъ въ случаѣ съ начала 1785 г. Въ іюлѣ 1786 г. удалился отъ двора и поѣхалъ путешествовать.

Римскій императоръ, по искренней съ нами дружбѣ и неразрывному союзу, между державами нашими благополучно пребывающему, сдѣлалъ двору нашему, чрезъ министерство его, увѣренія о стараніи своемъ, дабы со стороны князя Черторижскаго всякій подвижъ и безпокойство по извѣстному ненавистному дѣлу Угрюмовой были отложены. Мы поручаемъ вамъ употребить равныя попеченія, дабы и прочіе, кои считали бы себя замѣшанными въ семъ дѣлѣ, остались въ покоѣ, и тѣмъ всякое въ наступающемъ сеймѣ смятеніе было отвращено. Не сомнѣваемся нимало, что и графъ Браницкій, вѣдая наше къ нему особенное благоволеніе, не только не учинитъ подвига вопреки таковому желанію нашему, но еще, по усердію его къ намъ, будетъ вамъ пособствовать къ успокоенію духовъ тамошнихъ и къ упрежденію всего, что можетъ обратиться въ замѣшательство. Вы сообщите ему сію волю нашу, удостовѣря его о продолженіи нашей къ нему милости и неотъемлемомъ отъ него и дома его нашемъ сильномъ покровительствѣ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, іюля 17, 1786 года.

XXVIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Удостоивъ покровительства нашего племянника великаго короннаго гетмана графа Браницкаго генераль-фельдцейхмейстера литовскаго князя Сапѣгу и епископа Плоцкаго Шембека, по просьбамъ и дѣламъ ихъ поручаемъ вамъ надлежащимъ образомъ поддерживать вашими пособиями, поколику то можетъ сходствовать съ справедливостью. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 28, 1786 г.

XXIX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Послѣ отправления къ вамъ повелѣній нашихъ относительно сближающагося въ Польшѣ сейма и приложенія стараній, дабы извѣстное ненавистное дѣло Угрюмовой не было поводомъ къ безпокойствамъ и смятеніямъ, представленъ намъ отъ великаго короннаго гетмана графа Браницкаго проектъ артикула конституціи для отвращенія и малѣйшаго сомнѣнія въ вѣрности его къ королю и отечеству его, составленный въ умѣренныхъ и благопристойныхъ израженіяхъ, какъ то вы изъ приложенія усмотрите. Мы поручаемъ вашему попеченію, чтобъ дѣло сіе, какъ съ одной стороны сходственно съ желаніемъ помянутаго

вороннаго гетмана, такъ и съ другой со всевозможнымъ предохраненіемъ тишины на сеймѣ, распоряджено было, о чемъ вы съ нимъ откровенно изъяснитесь и положите на мѣрѣ; а какъ тутъ равнымъ образомъ нужно будетъ, чтобъ и князь Черторижскій не преступилъ предѣловъ умѣренности, то не оставьте снестись съ римско-императорскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ и употребить пособіе двора его, чтобъ сей князь такъ учредилъ свое на сеймѣ поведеніе, дабы всякое распаленіе духовъ могло быть отдалено. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, августа 28, 1786 г.

XXX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Прилагая у сего копіи изъясненія архіепископа полоцкаго, соединенной съ римскою церковью, Ираклія Лисовскаго и письма нашего генерала и бѣлорусскаго генераль-губернатора Пассека объ имѣніяхъ, принадлежащихъ всегда къ епархіи помянутаго архіепископа, кои отъ нея отторгнуты за выѣздомъ изъ Россіи предѣстника его, нынѣшняго митрополита уніатскаго Смогоржевскаго, повелѣваемъ, какъ изображенными въ означенныхъ бумагахъ доводами, такъ и другими по свѣдѣнію вашему средствами, поддержать требованіе архіепископа Лисовскаго и, къ удовлетворенію оному, учинить наисильнѣйшія домогательства, увѣдомя насъ объ успѣхѣ въ томъ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, октября 7, 1786 г.

XXXI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Отъ вице-канцлера извѣщены вы будете, какой отвѣтъ по волѣ моей данъ имъ генераль-порутчику Котаржевскому отъ его величества короля Польскаго присланномъ по случаю намѣренія его видѣться со мною. Вы на семъ основаніи распорядите ваши отвѣты внушая, что сверхъ препятствій со стороны короны Польской, недозволяющихъ королю выѣзжать за предѣлы республики, относительно приѣзда его въ Кіевъ встрѣчается еще и то неудобство, что точное время моего въ семъ городѣ пребыванія неизвѣстно, ибо я намѣрена, смотря по возможности пути, осмотрѣть околечныя мѣста губерній Малороссійскихъ; слѣдственно для свиданья моего съ его величествомъ иного средства нѣтъ, какъ приѣздъ его во время плаванія моего по Днѣпру, на галеру противъ Трехтемирава или Канева, гдѣ суда мои могутъ для

обѣда или отдохновенія остановиться на нѣсколько часовъ. Что принадлежить до желанія вашего, я позволяю вамъ приѣхать въ Кіевъ послѣ того, какъ вы по сей матеріи успѣете все учредить. Пребываю всегда вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, декабря 2, 1786 г.

XXXII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. По вступленіи генераль-фельдмаршала князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго во владѣніе имѣніями, въ Польшѣ имъ купленными, повелѣваемъ вамъ защищать его право, охранять отъ привязокъ и ябедъ, и въ потребномъ случаѣ употреблять ваше заступленіе у короля и Совѣта, предлагая имъ, что мы по особливому благоволенію нашему къ помянутому генералу-фельдмаршалу, отличными его предъ нами заслугами приобрѣтенному, интересуясь въ его благосостояніи, всякое съ ихъ стороны къ нему уваженіе и снисхожденіе примемъ признательно. Пребываю всегда вамъ благосклонная. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, іюля 3, 1787 г.

XXXIII.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Вы извѣстили меня въ одной изъ предыдущихъ депешъ о желаніи короля Польскаго, переданномъ вамъ имъ самимъ, стать во главѣ вспомогательнаго корпуса, который онъ долженъ заготовить мнѣ, если договоръ, заключающійся между нами, состоится. Отдаю полную справедливость тѣмъ побужденіямъ, которыя внушили ему подобную мысль,

XXXIII. (Подлинникъ за подписью Екатерины II.) Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg. Vous m'avez rendu compte dans une de Vos précédentes dépêches du désir que le Roi de Pologne Vous a témoigné de se mettre à la tête du corps auxiliaire qu'il doit me fournir, si le Traité qui se négocie maintenant entre Nous a lieu. Je rends parfaitement justice au motif qui lui a suggéré une pareille idée, mais je dois croire qu'en considerant de plus près l'état des choses sa Majesté aura d'Elle même abandonné cette idée. D'un coté le besoin de contenir toute fermentation en dedans et de veiller aux mouvemens du dehors rend sa présence indispensablement nécessaire dans le centre de son Royaume, de l'autre ce corps auxiliaire peu nombreux par lui-même, le sera encore davantage lorsqu'en conséquence de la répartition que j'en ai faite dans l'autre dépêche que je Vous adresse aujourd'hui, il sera partagé entre mes deux armées. Un tel commandement devient tout-à-fait disproportionné à la dignité d'un tel chef. Mais si son patriotisme et son amour de la gloire doivent encore éclater de cette manière il en trouvera plus facilement l'occasion dans celle que lui présente la perspective d'une possibilité qu'en vertu de ce

но полагаю, что, вникнувъ глубже въ положеніе дѣлъ, его величество откажется отъ этой мысли. Съ одной стороны необходимость сдерживать внутреннія смуты и слѣдить за движеніями извнѣ требуетъ его присутствія въ центрѣ королевства; съ другой стороны этотъ вспомогательный корпусъ не многочисленный самъ по себѣ, еще болѣе уменьшится въ своемъ составѣ, когда вслѣдствіе распоряженія, сдѣланнаго мною въ депешѣ, которую сегодня отправляю въ вамъ, онъ раздѣлится между моими двумя арміями. Начальство надъ такимъ отрядомъ не соотвѣтствуетъ величію такого начальника. Но если его любви къ отечеству и къ славѣ суждено выказаться еще съ этой стороны, то онъ скорѣе найдетъ случай къ этому въ предстоящей возможности въ силу того же договора счесть себя обязаннымъ стать во главѣ всей націи и итти на защиту своей союзницы или даже своего отечества. Въ такомъ случаѣ я не только буду довольна его рѣшимостью самому стать во главѣ войска; но съ радостью подчиню его начальству всѣ тѣ мои полки, которые присоединятся къ его войску. Хоть я и убѣждена въ томъ, что всѣ эти соображенія будутъ вполнѣ согласоваться съ послѣдующими соображеніями самого короля, не сообщайте ихъ ему до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не заговорить съ вами объ этомъ дѣлѣ. Екатерина.

Царское Село, 12 мая, 1788 г.

XXXIV.

(Переводъ). Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Вамъ не безызвѣстно, что князь Потемкинъ-Таврическій по праву уроженца, дарованному ему Польской республикой, сдѣлалъ очень значительныя приобрѣтенія землями въ этой странѣ. Онъ разумѣется желалъ бы

---

même Traité il se vit dans l'obligation de se mettre à la tête de toute sa nation pour se porter à la défense de son alliée ou même de sa propre patrie. Dans ce cas non-seulement j'applaudirai à la résolution qu'il prendra de mettre sa propre personne en avant, mais je me ferai un plaisir de soumettre à ses ordres toutes celles de mes troupes qui se joindront aux Siennes. Quoique je suis persuadée que toutes ces considérations seront parfaitement d'accord avec celles que le Roi aura faites lui-même, Vous ne les lui communiquerez que dans le cas qu'il revienne à Vous parler sur cette matière. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg, en Sa sainte et digne garde. Catherine.

à Czarsko Selo, ce 12 May 1788.

XXXIV. (Подлинникъ за подписью Екатерины II.) Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg. Vous n'ignorez pas qu'en vertu de l'indigénat accordé par la République de Pologne au Prince Potemkin-Tavriczeskoy il a fait dans ses états des acquisitions très-considérables en fonds de terres. Il en

спокойнаго владѣнія и безопасности отъ непріятныхъ столкновеній, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе безпокойнаго нрава его со-сѣдей и другихъ претендентовъ на эти земли. Въ такомъ справедливомъ дѣлѣ я не могу не оказать моего покровительства подданному, столь достойному по заслугамъ, которыя онъ уже оказывалъ и продолжаетъ оказывать государству. Я препоручаю вамъ слѣдить самымъ бдительнымъ образомъ за всѣмъ, касающимся этого дѣла, и позаботиться не только о томъ, чтобы князь не былъ потревоженъ или обезпокоенъ въ мирномъ пользованіи своими вполне законнопріобрѣтенными правами; но даже если бы пришлось для этого провести на слѣдующемъ сеймѣ нѣсколько конституціонныхъ актовъ, то не пренебрегать никакими попытками, чтобы эти акты вошли въ силу. Я прошу содѣйствія короля Польскаго по тому же дѣлу въ письмѣ, копию съ котораго прилагаю тутъ же *). Вы скажете его величеству, что я буду ему особенно обязана за участіе его въ устраненіи затрудненій по этому дѣлу. Затѣмъ молю Бога, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Екатерина.

Царское Село, 12 мая 1788 г.

XXXV.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Предписавъ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генераль-прокурору князю Вяземскому назначить на расходы по варшавскому посольству

*) Копія этой въ предоставленномъ намъ собраніи писемъ Екатерины II—не имѣется.

Ред.

souhaiteroit comme de raison une possession tranquille et à l'abri des tracasseries que l'humeur contentieuse de ses voisins ou autres prétendants à ces terres pourroit être tentée de lui susciter. Dans une chose si juste je ne puis pas me dispenser d'accorder ma protection à un sujet aussi recommandable par son mérite et les services qu'il a rendus et continue de rendre à l'État. Je Vous recommande donc de la manière la plus forte de veiller dans toutes les occasions non-seulement à ce qu'il ne soit pas troublé ou inquieté dans la paisible jouissance de droits aussi légitimement acquis, mais même s'il fallait à cet effet faire passer quelques actes constitutionnels à la diète prochaine, de ne négliger aucune démarche pour les remporter. Je demande le concours du Roi de Pologne pour le même objet dans la lettre que je lui écris et dont je joins ici une copie. Vous direz à ce Prince que je lui serai particulièrement redevable de toutes les facilités qu'il apportera de son côté dans cetté occasion. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait, Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stackelberg en Sa sainte et digne garde. Catherine.

à Czarsko Selo, ce 12 Mai 1788.

сто тысячъ рублей, изъ числа оныхъ всемилостивѣйше жалуюмъ вамъ двадцать тысячъ рублей въ награжденіе издержекъ вашихъ, какъ тѣхъ, кои по случаю бывшаго въ Гроднѣ сейма вы имѣли, такъ и предлагающихъ еще при вновь собираемомъ сеймѣ. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, августа 28, 1788 г.

XXXVI.

(Переводъ съ современной французской копіи). Господинъ графъ Стакельбергъ. Польскій сеймъ по-моему можно сравнить съ рѣкой, гонимой вѣтромъ противъ течения, дѣлающей впродолженіи нѣсколькихъ часовъ тщетныя усилія побороть природу. Я не сомнѣваюсь, что преобладающая партія на этомъ сеймѣ обрадуется, когда узнаетъ, что король Пруссій и его министерство все еще предлагаютъ мнѣ возобновленіе союзнаго договора съ тѣмъ, чтобы только достигнуть посредничества для возстановленія общаго спокойствія. Если вы полагаете, что эти извѣстія могутъ произвести благоприятное для насъ впечатлѣніе въ Польшѣ, то вы можете ихъ обнародовать, не грѣша противъ истины; мнѣ предлагаютъ даже очень выгодныя условія; когда постановлю свое рѣшеніе, я васъ объ этомъ извѣщу. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.

Вы конечно знаете о взятіи Очакова?

Въ С.-Петербургѣ, 15 декабря, 1788 г.

XXXVII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Сейчас получила я отъ вице-адмирала принца Нассау-Зигенъ *) чрезъ сына вашего, гвардіи поручика **), котораго я въ подполковника пожаловала, добрую вѣсть о совершенно одержанной побѣдѣ 13-го сего мѣсяца надъ шведскимъ галернымъ флотомъ, между островами Купца-Муллимъ и Котва; адмиральское судно и еще четыре большія суда, одна галера и одинъ куттеръ взяты, множество офицеровъ и болѣе тысячи плѣнныхъ попались въ наши руки; изъ шведскаго галернаго

*) Принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ р. 1745 † 1805 г. въ Парижѣ. Одинъ изъ извѣстныхъ кондотьеры прошлаго столѣтія. Служилъ сперва во французской, потомъ въ испанской и, наконецъ, въ русской службѣ. Онъ одержалъ побѣду надъ турецкимъ флотомъ въ 1788 году, потомъ два раза надъ шведскимъ въ 1789 и 1790 гг., но вскорѣ потерпѣлъ самъ сильное пораженіе при Свенксундѣ.

***) Старшій сынъ графъ Оттонъ-Зосимъ † въ 1814 г.

Ред.

Ред.

флота тутъ осталась небольшая часть, которая загнана въ рѣку Кюмень. Съ симъ радостнымъ извѣстіемъ васъ поздравляю и пребываю вамъ доброжелательна. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, августа 15, 1789 г.

XXXVIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Не имѣя давно уже отъ васъ никакого свѣдѣнія о коадьюторѣ митрополии кievской, епископѣ переяславскомъ Викторѣ, который по самымъ живымъ клеветамъ поляками захваченъ и содержится подѣ стражею, повелѣваемъ увѣдомить насъ немедленно о состояніи его и объ обстоятельствахъ дѣла, объ немъ производимаго, а между тѣмъ наисильнѣйшее стараніе употребить, дабы сей архіерей скорѣе освобожденъ былъ изъ заключенія, невинно имъ претерпѣваемаго. Пребиваемъ впрочемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, января 30, 1790 г.

XXXIX.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Въ дополненіе къ тѣмъ наставленіямъ, которыя вы по волѣ моей чрезъ вице-канцлера получаете, я нужнымъ нахожу предписать, чтобы вы по настоящимъ дѣламъ удержались отъ всякихъ на письмѣ деклараций, отговаривая отъ того же и римско-императорскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, потому что я, для пользы службы моей, считаю на нынѣшнее время сходиѣ спокойно смотрѣть на неистовства поляковъ, въ собственный ихъ вредъ обратиться могуція, нежели ускорять дальнія безпокойства. Самыя словесныя ваши внушенія и объясненія должны быть располагаемы съ крайнею осторожностію съ людьми, которые всякое слово переносятъ непріятелямъ и завистникамъ нашимъ. Сверхъ того, видѣвъ изъ послѣднихъ депешъ вашихъ, что вы писали къ графу Нессельроде *) въ Берлинъ, дабы онъ старался узнать мысли министерства тамошняго по пункту наслѣдства престола Польскаго, не могу оставить безъ примѣчанія, чтобъ вы таковыхъ препорученій не дѣлали, ибо помянутый министръ имѣетъ отсюда достаточныя наставленія, какъ и о чемъ говорить съ симъ кабинетомъ, отъ котораго, конечно, никогда дружественнаго и чистосердечнаго поступка ожидать не можно. Пребиваю вамъ доброжелательна. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, февраля 7, 1790 г.

*) Графъ Максимилианъ-Юлій Вильгельмъ Карлъ (р. 1724 г. † 1810 г.) отецъ бывшаго государственнаго канцлера графа К. В. Нессельроде. Ред.

II.

Письма Екатерины II по дѣламъ шведскимъ.

1791 — 1793.

XI.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Не премежите передать отъ моего имени шведскому королю, что личное мужество, выказанное имъ особенно ярко подъ Выборгомъ, когда онъ прорвался черезъ мой флотъ и вышелъ изъ залива, возвысило мое мнѣніе о его храбрости; что это мое расположеніе къ нему обратится въ глубокое уваженіе, если его величество геніемъ своимъ побѣдитъ искушенія, которыми враги мои стараются отклонить его отъ тѣснаго союза со мною. Вы скажете ему, что турки не замедлятъ заключить миръ со мною, что они съ радостью согласятся на умѣренные условія. предложенныя мною, не смотря на всѣ старанія отклонить ихъ отъ этого. Вы скажете ему, что пруссаки очень жалѣютъ, что зашли такъ далеко, что они не знаютъ, какъ выпутаться и что они, быть можетъ, уже въ настоящую минуту ведутъ со мною посредственные или непосредственные переговоры, что англичане гораздо больше потеряютъ въ военномъ и торговомъ отношеніи, нежели выиграютъ, ведя войну съ нами, что поляки, безъ сомнѣнія, не начнутъ ни первыми, ни пока они одни, что наконецъ если только на меня нападутъ, я буду защищаться всѣми силами и средствами противъ всѣхъ докучливыхъ придираеъ со стороны моихъ враговъ. Но если шведскій король, мой близкій родственникъ и другъ, еще объявитъ себя моимъ союзникомъ, помощникомъ и рыцаремъ, то враги мои и вся Европа увидятъ, что съверъ сдумѣетъ поставить преграды новымъ диктаторамъ. Небо да благословитъ ваши переговоры. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 16 апрѣля, 1791 года.

XI. (Подлинникъ весь руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stakelberg, Vous ne manquerez pas de dire de ma part au Roy de Suede que la valeur personnelle qu'il a montré Surtout lorsqu'il sortit a travers ma flote du Golphe de Vibourg ma donné fort grande opinion de Son Courage, et que cette disposition se changera en admiration des que je verrés que Sa Majesté aura vaincu par Son Genie toute les tentations par les quelles Mes Ennemis tachent de le détourner de se lier étroitement avec moi. Vous ne Lui laisseré pas ignorer que les Turks ne manqueront pas de faire avec moi leurs Paix trop heureux de l'obtenir aux conditions moderées que j'ai proposées malgré toutes les peines qu'on ce donne pour les en détourner. Vous Lui disai que les Prussiens Sont audesespoir d'avoir poussé les choses Si loin, qu'ils ne Savent comment ce tirer d'affaires, et que peut etre meme dans ce moment ils negoriant deja avec moi directement et indirectement. Que les Anglois perdront et par leurs armement et par leurs Commerce infiniment plus qu'ils ne gagnerons avec nous a guerroyer. Que les Polonois tres assurément ne commenceront ni Seul ni les premiers avec Nous. Que je me defenderoit au reste avec toutes mes forces et ressources contre toute la Kyriele de mes enemis, si je suis attaqués et que si le Roy de Suede mon psreche parent et mon Ami deja, se declaroit mon Allié et mon aide et mon Chevalier, mes ennemis et l'Europe verrois que le Nord Sait poser des digue au Dictateurs nouveaux. Adieu que le Ciel benisse Votre Negociation. Catherine.

a St. Petersb. ce 16. d'Avril 1791.

Сообщ. гр. О. О. Стакельбергъ и гр. Э. К. Чапскій,
(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНАРОВСКІЙ,

ПОЭМА ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. Ф. РЫЛЪЕВА.

. . . . . Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria. . . . .

Dante.

1825.

А. А. ВЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ мірѣ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу пронизалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполне,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не поэтъ, а гражданинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Обѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705-мъ году Войнаровскій посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству графа Головина, а въ 1707-мъ году мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пяти тысячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меншикова, откуда и возвратился онъ осенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украину, отправился къ Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меншиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности — рассказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отѣхалъ къ войску. Мазепе еще притворствовалъ: показалъ, будто разгнѣвался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго нажидателя, полковника Протасова, упросилъ его исходатайствовать лично у Меншикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе части казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за симъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ хану крымскому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противъ Россіи. Stanisлавъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго короннымъ воеводою Царства Польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ, и по смерти Мазепы назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожь Войнаровскій потерялъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его

въ преемники сего достоинства, отклонилъ отъ себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орликъу 3.000 червонныхъ къ имени гетмана и заплативъ Кошевому 200 червонцевъ за склоненіе казаковъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоценныхъ каменьевъ, Войнаровскийъ пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короли Августа, матерью графа Морица де-Саксъ.—Между тѣмъ какъ счастье ласкало такъ. Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240.000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ по требованію російскаго резидента Беттакера. Однакожь, вслѣдствіе протестаціи вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга даялось долго и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго, отдаться милости Петра I, предала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскийъ былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ, неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири въ 1736 и 1737-мъ годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго и нравъ его видѣнъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не вѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меншиковымъ; наконецъ, ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ, если бы любезный дикарь сей не имѣлъ тонкости свѣтской; однимъ словомъ, Войнаровскийъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именованъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскийъ, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка — лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо превратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. А. Вестузевъ.

ВОЙНАРОВОКІЙ.

П О Э М А.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣеть длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыхъ стѣны.
Кругомъ сосновый частоколъ
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумитъ дремучій боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветь сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы.
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и холодной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ или дважды въ круглый годъ
Съ толпой преступниковъ усталой
Дружина воиновъ придетъ;

Иль за якутскими мѣхами,
 Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
 Приходить съ русскими купцами
 Въ забытый городъ караванъ.
 На мигъ въ то время оживится
 Якутскъ унылый и глухой;
 Все зашумитъ, засуетится,
 Народы разные толпой:
 Якутъ и юкагирь пустынной,
 Неся богатый свой ясакъ,
 Лѣсной тунгузъ, и съ пилой длинной
 Сибирскій строевой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
 Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
 Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
 И чрезъ зеленя долины
 По камнямъ Лена зашумитъ.
 Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ,
 Почти убитаго тоской,
 Страдальца-узника порой
 Души минутное веселье.
 Такъ въ душу мрачную влетитъ,
 Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
 И принужденною улыбкой
 Чело злодѣя прояснить.....

Но кто украдкою изъ дому,
 Въ туманѣ раннею порой,
 Идетъ по берегу крутому
 Съ винтовкой длинной за спиной;
 Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
 И перетянуть кушакомъ,
 Какъ странъ Днѣпра казакъ проворной
 Въ своемъ нарядѣ бовоемъ?
 Взоръ безпокойный и угрюмый,
 Въ чертахъ суровость и тоска,
 И на челѣ его слегка
 Тревожныя рисуется думы
 Судьбы враждующей рука.
 Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
 Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
 И съ видомъ нестерпимой муки,
 Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О край родной! поля родныя!
 Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать;
 Васъ, гробы праотцевъ святыя,
 Изгнанику не обнимать.

«Горить напрасно пламень пылкій,
 Я не могу полезнымъ быть:
 Средь дальней и позорной ссылки
 Миѣ суждено въ тоскѣ извѣсть.
 «О край родной! поля родныя!
 Миѣ васъ ужъ богѣ не видать:
 Васъ, гробы праотцевъ снятые,
 Изгнаннику не обнимать».

Сказагъ; пошелъ по косогору;
 Едва примѣтною тропой
 Поворотилъ къ сырому бору,
 И вотъ исчезъ въ глуши дѣсной.
 Кто смыслный сей, никто не знаетъ:
 Давно въ страну изгнанья онъ,
 Молва народная вѣщаетъ,
 Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
 Улыбки не видать привѣтной
 На незнакомцѣ никогда,
 И посѣдѣли ужъ примѣтно.
 Его и усъ и борода.
 Онъ не варнакъ; смотри: не видно
 Печати роковой на немъ,
 Для человѣчества постыдной,
 Рукою дерзкой и безстыдной
 Въ чело вклеянной палачемъ.
 Но видъ его суровѣй вдвое,
 Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
 Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
 Байкаль предъ бурей мрачнымъ днѣмъ.
 Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
 Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
 Могильный огонекъ горитъ—
 Такъ незнакомца блещутъ очи.
 Всегда дичится и молчитъ;
 Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ;
 Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ;
 На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
 Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной:
 Въ укромномъ домикѣ, въ тиши,
 Работалъ для вѣковъ въ глуши,
 Съ судьбой боролся своенравной
 И жажду утолялъ души.
 Изъ родины своей далекой
 Въ сей край пустынный завлеченъ
 Къ познаньямъ страстию высокой,
 Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
 Въ часы суровой непогоды

Любилъ рассказы стариковъ
 Про Ермака и казаковъ,
 Про ихъ отважные походы
 По царству хлада и снѣговъ;
 Какъ часто, вышедши изъ дому,
 Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
 По океану снѣговому
 Или по добрымъ и горамъ.
 Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
 Разливъ по тверди голубой,
 На мигъ за Кангалацкій камень
 Уходитъ лѣтнею порой.
 Все для пришельца было ново:
 Природы дивой красота,
 Климатъ жестокой и суровой,
 И дивихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
 Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
 Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій—
 И мракъ, и тишина кругомъ!
 Повсюду сосны вѣковыя,
 Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
 Сплелися вѣтви ихъ густыя
 Непроницаемымъ шатромъ.
 Невидно изъ лѣсу дороги...
 Черезъ хворостъ, кочки и снѣга
 Олень несется быстроногій,
 Закинувъ на спину рога.
 Вдали межъ соснами мелькаетъ.
 Летить... вдругъ выстрѣлъ!... быстрый бѣгъ.
 Олень внезапно прерываетъ...
 Вотъ зашатался—и на снѣгъ,
 Окровавленный, упадаетъ.
 Смущенный Миллеръ робкій взоръ
 Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
 Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ,
 И зреть: къ оленю подбѣгаетъ
 Съ винтовкой длинною въ рукѣ.
 Окутанный дахою черной,
 И въ длинношерстномъ чебакѣ,
 Охотникъ ловкой и проворной...

То смѣльный быль. Угрюмый взглядъ,
 Вооруженье и нарядъ,
 И незнакомца видъ унылой,
 Все душу странника страшило...
 Но трепеща въ глуши лѣсной
 Блуждать одинъ, путей не зная,

Преодоляя оны ужасъ свой
 И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
 Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
 «Ктобы ни былъ ты, оны такъ сказалъ,
 Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога;
 Гнавъ звѣря, я съ трою сбѣжалъ
 И въ глушь нечаянно попалъ;
 Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»—
 «Она осталась за тобой,
 За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
 Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
 И врядъ ли до ночи глухой
 Успѣшь выбраться ты въ поле;
 Уже вечерняя пора...
 Но мы вблизи займки скудной:
 Пойдемъ—тамъ въ юртѣ до утра
 Ты отдохнешь съ охоты трудной»».

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
 Все рѣже видѣвъ сводъ небесъ...
 Погасло дневное свѣтло;
 Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ
 И одинокій и унылой,
 Дремучій лѣсъ осеребрилъ
 И юрту путникамъ открылъ.
 Пришли—и слышный торопливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
 Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
 И искры сыпались на трутъ,
 Мракъ освѣщая молчаливой,
 И каждый въ сталь ударъ кремня,
 Въ углу обители пустынной,
 То дуло озаряя ружья,
 То ратовище пальмы длинной,
 То саблю, то конецъ конья.
 Глазъ съ незнакомца не спуская,
 Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
 Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
 Стоять и нѣмъ и недвижимъ...
 Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
 Проворно жирникъ засвѣтилъ,
 Скамью придвинулъ, столъ сосновый
 Простою скатертью накрылъ,
 И съ лаской гостя посадилъ.
 И вотъ за трапезою сытной,
 Въ хозяина вперяя взоръ,
 Заводитъ странникъ любопытной
 Съ нимъ о Сибири разговоръ.
 Въ какое-жъ Миллеръ удивленье

Былъ незнакомцемъ приведенъ;
 И кто бы не былъ пораженъ:
 Странъ европейскихъ просвѣщенъ
 Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
 Покинувъ родину, съ тоскою
 Два года Миллеръ, какъ чужой,
 Бродилъ бездомнымъ сиротою
 Въ странѣ забытой и глухой.
 Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
 Онъ неожиданно, въ глуши,
 Впервые могъ тоску души
 Отвѣсть бесѣдой просвѣщенной.
 При строгой важности лица,
 Слова, высокихъ мыслей полны,
 Изъ устъ сѣдого пришлеца,
 Въ избыткѣ чувствъ, теплы какъ волны.
 Въ бесѣдѣ долгой и живой
 Глаза у обоихъ сверкали;
 Они другъ друга понимали;
 И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
 Взаимно души открывали.
 Усталый странникъ позабылъ
 И поздній часъ и сонъ отрадный,
 И слушать незнакомца жадный,
 Казалось, весь вниманье былъ.

«Ты знать желаешь, добрый странникъ,
 Кто я, и какъ сюда попалъ?—
 Такъ незнакомецъ продолжалъ,—
 Того до сей поры изгнанникъ
 Здѣсь никому не повѣрялъ.
 Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
 Они не появили-бъ меня,
 И повѣсть мрачная моя
 Не взволновала бы ихъ груди.
 Тебѣ же тайну ввѣрю я
 И чувства сердца обнаружу;
 Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
 Наукой просвѣтилъ себя.
 Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,
 И несчастливцу не измѣнишь....

«Дивись же, странникъ молодой,
 Какъ гонить смертныхъ рокъ свирѣпый:
 Въ одеждѣ дикой и простой,
 Узнай—сидитъ передъ тобой
 И другъ, и родственникъ Мазепы!
 Я Войнаровскийъ. Обо мнѣ
 И о судьбѣ моей жестокой

Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
 Слышалъ неразъ, съ тоской глубокой....
 Ты видишь: дичь я и угрюмъ,
 Брожу, какъ островъ, очи впали,
 И на челѣ бразды печали,
 Какъ отпечатокъ тяжелыхъ думъ,
 Страдальцу видъ суровый дали.
 Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
 Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
 Я одрахлавлъ, я одичалъ,
 И какъ климатъ сибирскій, сталъ
 Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
 Ничто меня не веселитъ,
 Любовь и дружество мнѣ чужды,
 Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
 Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
 Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
 Я не могу снести ихъ вида:
 Ихъ жалость о судьбѣ моей
 Мнѣ нестерпимая обида.
 Кто брошенъ въ дальные снѣга
 За дѣло чести и отчизны,
 Тому сносишь укоризны,
 Чѣмъ сожалѣнне врага.

. . . . .
 И ты печально не гляди,
 Не изъявляй мнѣ сожалѣнне,
 И такъ жестоко не буди
 Въ моей измученной груди
 Тоски уснувшей на мгновенье.
 Признаться-ль, странникъ: я бѣ желалъ,
 Чтобъ люди узника чуждались,
 Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
 Чтобы меня среди этихъ скалъ,
 Какъ привидѣннѣ, пугались.
 Ахъ! можетъ быть, тогда покой
 Сдружился бы съ моей душой....
 Но зналъ и я, когда-то, радость
 И отъ души людей любилъ,
 И полной чашею испилъ
 Любви и тихой дружбы сладость.
 Среди родной моей земли,
 На лонѣ счастья и свободы,
 Мои младенческіе годы
 Ручьемъ игривымъ протекли;
 Какъ легкой сонъ, какъ привидѣнне,
 За ними радость на мгновенье,
 А вмѣстѣ съ нею суеты,
 Война, любовь, печаль, волненье,
 И пылкой юности мечты.

«Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
 И часто за Палѣемъ вслѣдъ,
 Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ
 Искать иль смерти, иль побѣдъ.
 Бывало кони быстроноги
 Въ степяхъ и диевяхъ и глухихъ.
 Гдѣ вѣтъ жилья, гдѣ вѣтъ дороги,
 Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
 Дыша любовью къ дикой волѣ,
 Бодры и веселы безъ сна,
 Мы воздухомъ питались въ полѣ
 И малой горстью толокна.
 Въ неотразимые наѣзды
 Намъ путь указывали звѣзды,
 Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
 И мы, какъ туча громовая,
 Внезапно и отъ разныхъ странъ,
 Пустыню воплемъ оглашая,
 На вражій наѣзжали станъ,
 Дружины грозныя громили,
 Селенія и грады въ прахъ,
 И въ земли чуждыя вносили
 Опустошеніе и страхъ.
 Враги вездѣ отъ насъ бѣжали,
 И, трепеща постыдныхъ узъ,
 Постыдной данью покупали
 У насъ сомнительный союзъ.

«Однажды, увлеченъ отвагой
 Я съ малочисленной ватагой
 Неустрашимыхъ удалцовъ.
 Ударилъ на толпы враговъ.
 Бой длился до ночи. Поляки
 Уже смѣшались въ рядахъ,
 И строясь далѣ, на холмахъ,
 Намъ уступали поле драки.
 Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
 Поля и стонуть и трясутся...
 Глядимъ—со всѣхъ сторонъ на насъ
 Толпы враждебныя несутся...
 Въ одно мгновеніе тучи стрѣлъ
 Въ дружину нашу засвистали;
 Вотще я устоять хотѣлъ:
 Враги все болѣ насъ стѣсняли
 И, наконецъ, повинувъ бой,
 Мы степью дикой и пустой
 Разсыпались и побѣжали...
 Погоню слыша за собой,
 И раненый, и изнуренный,

Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
 Страшася въ плѣнѣ попасть презрѣнный.

«Ужъ Крима хищные сыны
 За мною гнаться перестали;
 За рубежомъ родной страны
 Ужъ хутора вдали мелькали.
 Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь,
 Уже я думалъ — вотъ примчался!
 Какъ вдругъ мой изнуренный конь
 Остановился, зашатался,
 И близъ границъ страны родной
 На землю грянулся со мной...

«Одинъ, вблизи степной могилы,
 Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
 Подъ сводомъ неба голубымъ
 Лежалъ я мрачный и унылый.
 Катился градомъ потъ съ чела,
 Изъ раны кровь ручьемъ текла..
 Напрасно, помощь призывая,
 Я слабый голосъ подавалъ;
 Въ степи пустынной исчезая,
 Едва родясь, онъ умиралъ.

«Все было тихо... лишь могила
 Уныло съ вѣтромъ говорила.
 И одинока, и блѣдна,
 Плывла двурога луна
 И озаряла сумракъ ночи.
 Я безъ движенія лежалъ;
 Ужъ я, казалось, замиралъ;
 Уже, заглядывая въ очи,
 Надъ мною хищный вранъ леталъ..
 Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
 И зрю: покрытая серпаномъ,
 Казачка юная стоитъ,
 Склоняясь робко надо мною,
 И на меня съ вѣмой тоскою
 И вѣжной жалостью глядитъ.

«О незабвенное мгновенье!
 Воспоминанье о тебѣ,
 На зло враждующей судьбѣ,
 И здѣсь страдалицу упоенье!
 Я не забылъ его съ тѣхъ поръ;
 Я помню сладость первой встрѣчи,
 Я помню ласковыя рѣчи
 И полный состраданья взоръ.

Я помню радость дѣвы вѣжной,
 Когда страдалецъ безнадежной
 Былъ подъ хранительную сѣнь
 Снесенъ къ отцу ея въ курень.
 Съ какою заботою ходила
 Она за страждущимъ больнымъ;
 Съ какимъ участіемъ живымъ
 Мои желанія ловила.
 Я всѣ утѣхи находилъ
 Въ моей казачкѣ черноокой;
 Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
 И облегчалъ недугъ жестокой.
 Въ часы безсонницы моей,
 Она, прикинувъ къ изголовью,
 Сидѣла съ тихою любовью
 И не сводя съ меня очей.
 Въ часъ моего успокоенья
 Она ходила собирать
 Степныя травы и коренья,
 Чтобъ ими друга врачевать.
 Какъ часто нѣжно и пріятно
 На мнѣ прекрасной взоръ бродилъ,
 И я казачку непримѣтно
 Душою пылкой полюбилъ.
 Въ своей невинности сначала
 Она меня не понимала;
 Я тосковалъ, кипѣла кровь!
 Но скоро пылкая любовь
 И въ милой дѣвѣ запылала...
 Настала счастья пора!
 Подругой юной исцѣленный.
 Съ душой, любовью упоенной,
 Я обновленный всталъ съ одра.
 Недолго мы любовь таяли,
 Мы скоро жаръ сердець своихъ
 Ея родителямъ открыли,
 И на союзъ сердець просили
 Благословенія у нихъ.

«Три года молніей промчалась
 Подъ кровомъ хижины простой;
 Съ моей подругой молодой
 Ни разу мы не разлучались.
 Среди пустынь, среди степей,
 Въ кругу рѣзвѣющихся дѣтей,
 На мирномъ лонѣ сладострастья,
 Съ казачкой милою моею
 Вполнѣ узналъ я цѣну счастья.
 Угрюмый гетманъ насъ любилъ,

Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ мимыхъ;
И наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батуринъ насъ переманилъ.

«Все шло обычной чередой.
Я счастливъ былъ; но вдругъ покой
И счастье мое сокрылось;
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украинѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летать на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ-подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій;
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушнѣе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.

«Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ—и собиралъ полки.
Однажды позднѣю порою
Онъ въ свой дворецъ меня призывалъ;
Вхожу и слышу: «Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою;
Давно хотѣлъ открыться я
И важную повѣрить тайну;
Но напередъ завѣрь меня,
Что ты при случаѣ себя
Не пожалѣешь за Украиню».

—«Готовъ всѣ жертвы я принести,—
Воскликнулъ я,—странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой;
Себѣ одну оставлю честь.»—
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмаго чела
Обѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:

«Я зрю въ тебѣ Украины сына;
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердецъ холодныхъ—
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ:
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ.

Имъ чувствъ высокихъ не даю;
 Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы,
 Отъ колыбели до могилы
 Имъ пресмыкаться суждено.
 Ты не таковъ; я это вижу;
 Но чувствъ твоихъ я не унижу,
 Сказавъ, что родину мою
 Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
 Какъ должно юному герою,
 Любя страну своихъ отцовъ,
 Женой, дѣтями и собою
 Ты ей пожертвовать готовъ...
 Но я, но я, пылая местию,
 Ее спасая отъ оковъ,
 Я жертвовать готовъ ей честью!
 Но къ тайнѣ приступить пора:
 Я чту Великаго Петра
 Но—покоряся судьбинѣ,
 Узнай: я врагъ ему отнынѣ!...
 Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
 Отъ случая всему рѣшенье,
 Успѣхъ невѣренъ—и меня
 Иль слава ждетъ, или поношенье!
 Но я рѣшился; пусть судьба
 Грозитъ странѣ родной злосчастьемъ;
 Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
 Борьба свободы съ самовластьемъ!...»

«Началомъ бѣды моихъ была
 Сія бесѣда роковая!
 Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
 Съ тѣхъ поръ, о родина святая!
 Лишь ты всю душу завяла.
 Мазепѣ предался я слѣпо,
 И, другъ отчизны, другъ добра,
 Я поклонялся враждой свирѣпой
 Противъ Великаго Петра.
 Ахъ, можетъ, былъ я въ заблужденьи,
 Кипящей ревностью горя;
 Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
 Тираномъ почиталъ царя...
 Быть можетъ, увлеченный страстью,
 Не могъ я цѣну дать ему,
 И относилъ то къ самовластью,
 Что свѣтъ отнесъ къ его уму,
 Судьбѣ враждующей послушенъ,
 Переносу я жребій свой,
 Но, ахъ! вдали страны родной
 Могу-ль всегда быть равнодушень?»

Рожденный съ пылкою душой
 Полезнымъ быть родному краю,
 Съ надеждой славиться войной,
 Я бесполезно изнываю
 Въ странѣ пустынной и чужой.
 Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною,
 Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
 И таю я, какъ ледъ весною
 Отъ распалающихъ лучей.
 Душѣ честолюбивой—бремя
 Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
 Но какъ ужасно знать до время
 Свою ужасную судьбу!
 Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ,
 Тая тоску въ душѣ своей,
 Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
 Далеко отъ родныхъ степеней...
 Почто, почто въ битвѣ кровавой,
 Летая гордо на конѣ,
 Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавой?
 Почто съ безславіемъ или славой
 Я не погибъ въ родной странѣ?
 Увы! умру въ семь царствѣвъ ночи!
 Мнѣ такъ судилъ жестокой рокъ;
 Умру я—и чужой песокъ
 Изгнанника засыплетъ очи!>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣтло,
 Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
 По небу сѣрому тепло
 Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
 Но въ юрту день не проникалъ;
 Скользя сквозъ вѣтви дровъ густыхъ,
 Едва на окна ледяныя
 Лучъ одинокій ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
 Уже давно предъ очагомъ;
 Дрова сосновыя дотѣли,
 Лишь угли красныя блестя
 Порою синимъ огонькомъ.

Недвижно добрый странник внемлетъ
 Страдальца горестный разсказъ,
 И часто гнѣвъ его объемлетъ,
 Иль слезы падаютъ изъ глазъ.....

«Видалъ ли ты когда весной,
 Освобожденная изъ плѣна,
 Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
 Когда, гоня волну волной
 И разрушая всѣ преграды,
 Ломаешь льдистыя громады,
 Иль поднимая днѣй вой,
 Клубится и бугры вздымаетъ,
 Утесы съ ревомъ отторгаетъ
 И ихъ уносить за собой,
 Шума, въ невѣдомныя степи?...
 И мы, порвавъ подданства цѣпи,
 На гласъ отчизны и вождей,
 Ниспровергая всѣ препоны,
 Помчались защищать законы
 Среди отеческихъ степей.

«Летая за гремѣщей славой,
 Я жизни юной не щадилъ,
 Я степи кровью обагрилъ,
 И свой булатъ въ войнѣ кровавой
 О кости русскихъ притупилъ.

«Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
 Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
 Дымилась кровью поля,
 Тѣла разбросанныя гнили,
 Ихъ псы и волки теребили;
 Казалась трупомъ вся земля!
 Но всѣ усилія тщетны были:
 Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
 Чась битвы роковой приспѣлъ—
 И мы отчизну погубили!
 Полтавской громъ загрохоталъ...
 Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпой
 Противъ Петра не устоялъ!
 Разбить, впервые онъ бѣжалъ;
 Во слѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

«Почти безъ отдыха пять дней
 Бѣжали мы среди степей,
 Бояся вражеской погони;
 Уже измученные кони
 Служить отказывались намъ

Дрожа отъ стужи по ночамъ,
 Изнемогая въ день отъ зноя,
 Едва сидѣли мы верхомъ...
 Однажды въ полночь подъ гѣскомъ,
 Мы для минутнаго покоя
 Остановились за Днѣпромъ.
 Вокругъ снѣгла степь глухая,
 Луну затмили облака,
 И тишину перерывалъ,
 Шумѣла въ берегахъ рѣка.
 На войлокѣ простомъ и грубомъ,
 Главою на сѣдло склоненъ,
 Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ.
 Толпами ратныхъ окруженъ.
 Мазепа подъ костромъ сосновымъ
 Вдали, на почернѣвшемъ нѣтъ,
 Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
 И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
 Какъ другу открывался мнѣ:

— «О какъ невѣрны наши блага!

О какъ подвластны мы судьбѣ!
 Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
 Уже настала конецъ борьбѣ.
 Одно мгновенье все рѣшило,
 Одно мгновенье погубило
 На вѣкъ страны моей родной
 Свободу, славу и покой!...
 Но мнѣ-ли духомъ унижаться,
 Не буду рока я рабомъ;
 И мнѣ ли съ рокомъ не ержаться,
 Когда сражался я съ Петромъ?
 Такъ, Войнаровскій, испытаю,
 Покуда длится жизнь моя,
 Всѣ способы, всѣ средства я,
 Чтобы помочь родному краю.
 Спокоенъ я въ душѣ своей;
 И Петръ и я—мы оба правы;
 Какъ онъ, и я живу для славы.
 Для блага родины моей!»—
 Замоленулъ онъ; глаза сверкали;
 Дивился я его уму;
 Дрова треща ужъ догорали.
 Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
 Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
 Облокотясь, вождь сѣдой,
 Волнуемъ тайно мрачной думой,
 Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
 «Что новаго въ странѣ родной?»—

«Я изъ Батурина недавно,—
 Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ;—
 Народъ Петра благословлялъ,
 И радуясь побѣдѣ славной,
 На стогнахъ шумно пировалъ;
 Тебя-жь, Мазепа, какъ Іуду,
 Клянуть украинцы повсюду;
 Дворецъ твой, взятый на копье,
 Былъ преданъ намъ на расхищенье,
 И нѣя славное твое
 Теперь—и брань и поношенье!»

«Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
 Мазепа горько улыбулся;
 Прилегъ, безмолвный, на траву
 И въ плащъ широкій завернулся.
 Мы всѣ съ участіемъ живыми,
 За гетмана пылая местию,
 Стоили молча передъ нимъ,
 Поражены ужасной вѣстью.
 Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
 Мы въ немъ главу народа чтили.
 Мы обожали въ немъ отца,
 Мы въ немъ отечество любили.
 Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
 Спасти отъ бѣдъ народъ Украины,
 Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ,—
 Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
 Ко нраву хитраго вождя
 Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
 Но никогда не въ силахъ я
 Былъ замысловъ его проникнуть.
 Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
 И, странникъ, повторю: не знаю,
 Что въ глубинѣ души своей
 Готовилъ онъ родному краю.
 Но знаю то, что затая
 Родство, и дружбу, и природу,
 Его сразилъ бы первый я,
 Когда-бъ онъ сталъ врагомъ народу.»

«Съ разсвѣтомъ дни мы снова въ путь
 Помчались по степи унылой.
 Какъ тяжело взволновалась грудь,
 Какъ сердце юное заняло,
 Когда рубежъ страны родной
 Узрѣли мы передъ собой!»

«Въ волненьи чувствъ, тоской томимый,

Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
Быть можетъ—думалъ я, рыдая—
Украины мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая...

«Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы величьемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...

«Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣчанный бѣглець,
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ;
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросаая быстрой,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видѣть съ Искрой.

— «Вотъ, вотъ они!... при нихъ палачъ!—
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху, —
Вотъ ихъ ввели уже на плаху,
Кругомъ стenanія и плачь...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатила голова....
И вотъ другая!.... всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!...»

«То въ ужасъ, порой, съ одра
Бросался онъ въ мои объятія:
«Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятія!
Смотри: блеститъ свѣчами храмъ,
Съ кадильницъ вѣется ошміамъ....
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Такъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:

Мазепа проклять въ родъ и родъ;
Онъ погубить хотѣлъ народъ!»

«То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь,
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ;
То горько плазалъ и рыдалъ,
То дикій взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ.
То въ память приходя порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

«Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томимъ болѣзнію своею,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку....
Къ нему я бросился, взялъ руку;
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза остановясь смотрѣли,
Потъ проступалъ, онъ отходитъ....
Но вдругъ, собравъ остатокъ силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
«О Петръ! О родина!» — воскликнулъ.
Но съ снѣгъ въ страдальцѣ замеръ гласть.
Онъ вновь упалъ, головой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣдній испустилъ....
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ холодный,
Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной....

«День грустныхъ похоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украины до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О странникъ! странникъ! всѣ мечтали,
Что мы съ Мазепою погребали
Надежду родины своей.

Увы! послѣдній долгъ герою
 Черезъ силу я отдать успѣлъ.
 Въ тотъ самый день внезапно мною
 Недугъ жестокой овладѣлъ.
 Я былъ ужъ на краю могилы:
 Но жизнь во мнѣ зажглась опять,
 Мои возобновились силы,
 И снова началъ я страдать.

«Бендеры мнѣ противны стали.
 Я ихъ покинулъ и летѣлъ
 Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ.
 Разсѣять мракъ своей печали,
 Но, ахъ, напрасно! рокъ за мной
 Съ неотразимою бѣдой,
 Какъ духъ враждующій, стремился:
 Я схваченъ былъ толпой враговъ,
 И въ вѣчной ссылкѣ очутился
 Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ...»

«Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
 Въ глухой и дикой сторонѣ
 Спасеніе и упованье
 Была святая вѣра мнѣ.»

«Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
 Лишь объ Украинѣ и родныхъ,
 Украдкой отъ враговъ моихъ,
 Грустилъ я часто поневолѣ.
 Что стало съ родиной моею?
 Кого въ Петрѣ — врага, или друга
 Она нашла въ судьбѣ своей?
 Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
 Увижу-ль я своихъ друзей?
 Такъ я души покой минутной
 Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
 И отъ тоски и думы смутной,
 Покинувъ городъ безпріютной,
 Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
 Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
 Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
 Отрадно было мнѣ ненастье,
 И вой грозы, и плескъ валовъ.
 Во время бури заглушала
 Борьба стихій борьбу души;
 Она мнѣ сплы возвращала.
 И на мгновеніе, въ глуши,
 Душа страдать переставала.»

«Разъ у якутской юрты я
 Стоялъ подь сосной одинокой;
 Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
 И свирѣпѣлъ морозъ жестокой;
 Передо мной скалы и лѣсъ
 Грядой тянулись безбрежной;
 Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
 Сливался темный сводъ небесъ.
 Отъ юрты вдалъ тальникъ кудрявый
 Подъ снѣгомъ стлался, между горъ
 Въ боку былъ видѣнъ черный боръ
 И берегъ Лены величавой.
 Вдругъ вижу: женщина идетъ,
 Дахой убогою прикрыта,
 И связку дровъ едва несетъ,
 Работой и тоской убита.
 Я къ ней, и что же?... Узнаю
 Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
 Казачку юную мою,
 Мою прекрасную подругу!...

«Узнавъ объ участи моей
 Она изъ родины своей,
 Пошла искать меня въ изгнаньѣ.
 О странникъ! тяжело было ей
 Не раздѣлять со мной страданье.
 Встрѣчала много на пути
 Она страдальцевъ знаменитыхъ,
 Но не могла меня найти:
 Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
 Законъ велитъ молчать, кто я,
 Начальникъ самъ того не знаетъ,
 Объ томъ и спрашивать меня
 Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

«И добрая моя жена,
 Судьбой гонимая жестокой,
 Была блуждать осуждена,
 Тая тоску въ душѣ высокой.

«Ахъ, говорить ли, странникъ мой,
 Тебѣ объ радости печальной
 При встрѣчѣ съ доброю женой
 Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальной?

«Я ожилъ съ нею; но дѣтей
 Я не вашель уже при ней:
 Отца и матери страданья
 Ишь не судилъ узвать Творецъ;

Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ.

«Съ моей подругой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ! не долго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закравшіяся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилкой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдальницъ несчастной.
Болѣзнию изнурена,
Съ какою заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтяхъ.
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ничѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасной!
«Мой другъ! — сказала мнѣ она —
Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна:
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, тамъ мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать!»
Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей.
И, наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири холодной,
Какъ на изсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душиной, безотрадной.

«Могильный, грустный холмъ ея

Близъ юрты сей насыпалъ я.
 Съ закатомъ солнца я, порою,
 На немъ въ безмолвіи сижу,
 И чудотворною мечтою
 Лѣта протекшія бужу.
 Все воскресаетъ предо мною:
 Друзья, Мазепа и война,
 И съ чистою своею душою
 Невозвратимая жена.

«О странникъ! память о подругѣ
 Страдальцу бодрость въ душу льетъ;
 Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
 И плачетъ сладостно о другѣ.

«Какъ часто вспоминаю я
 Надъ хладною ея могилою
 И свойства добрыя ея,
 И пылкій умъ, и образъ милой!
 Съ какою страстію она,
 Высокихъ помысловъ полна,
 Свое отечество любила.
 Съ какою живостью объ немъ
 Въ своемъ изгнаньи робовомъ
 Она со мною говорила!
 Неутолимая печаль
 Ее тягча, снѣдала тайно;
 Ея тоски не зрѣлъ Москва;
 Они ни разу, и случайно,
 Врага страны своей родной
 Порадовать не захотѣла
 Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
 Она могла, она умѣла
 Гражданкой и супругой быть,
 И жаръ къ добру души прекрасной,
 Въ укоръ судьбинѣй самовластной
 Въ самомъ страданьи сохранить.
 .....
 .....

«Съ утратой сей отъ бѣдъ усталой,
 Съ душой для счастья увялой,
 Я вѣру въ счастье потерялъ;
 Я много горя испыталъ,
 Но тяжелой жизнью недовоальной,
 Какъ трусь презрѣнный, не искалъ
 Спасенья въ смерти самовольной.
 Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
 Она кругомъ меня ходила

И груди труповъ громоздила
 Въ родныхъ украинскихъ стенахъ.
 Но никогда, ей въ очи глядя,
 Не содрогнулся я душой;
 Не забывалъ, стремяся въ бой,
 Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
 Чтить славныхъ съ дѣтства я привыкъ;
 Защитникъ Рима благородный,
 Душою истинно свободный,
 Дѣлами истинно великъ.
 Но онъ достоинъ укоризны;
 Сograжданъ самъ онъ погубилъ:
 Онъ торжество враговъ отчизны
 Самоубійствомъ утвердилъ.
 Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
 Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
 Мнѣ-бъ смерть отрадою была:
 Но живыи и смерть я презираю....
 Мнѣ надо жить; еще во мнѣ
 Горить любовь къ родной странѣ...»
 .....
 .....

Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
 Съ лица исчезнулъ мракъ печали,
 Глаза слезами засвербѣали,
 И онъ молиться тихо сталъ.
 Гость просвѣщенный угадалъ,
 О чемъ страдалецъ сей молился;
 Онъ самъ невольно прослезился,
 И несчастливцу руку далъ,
 Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
 Въ знакъ дружбы вѣрной, домогальной....

Дни уходили съ быстротой.
 Зима обратно налетѣла
 И хладною рукой одѣла
 Природу въ саванъ снѣговой.

Въ пустынѣ странникъ просвѣщенной
 Страдалца часто навѣщалъ,
 Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
 И объ Украинѣ забывенной,
 Какъ сынъ Украйны, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединеньѣ
 Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
 Къ страдальцу-другу послѣшалъ.
 Морозъ трещалъ. Глухой тропею

Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой партѣ мчалъ.
Уже онъ ловить жаднымъ взоромъ
Сквозь вѣтви дровъ, въ глуши гѣской,
Кривъ одинокой и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

«Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Скажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимыя края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенныя земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его нейдетъ.
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Урадой свѣтъ угрюмый льетъ:
Всѣ пусто въ юртѣ безотвѣтной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
«Всѣ въ заустѣнн!—мыслить странникъ,—
Кудажъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
И думой мрачной отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челомъ,
Какъ грустный памятникъ могилъ,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣнны роковымъ:
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ бончины,
Какъ мраморъ лоснится чело,
И отъ сосѣдственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Черновые наброски „Войнаровскаго“.

Приведа полную поэму „Войнаровскій“, остановимся на черновых наброскахъ ея ¹⁾. Они всѣ написаны рукою Рыгѣва и, судя по незначительнымъ пометкамъ, представляютъ одну изъ послѣднихъ редакцій. Сначала въ заглавіи было написано: „Ссылный“. (Отрывокъ изъ поэмы); потомъ это зачеркнуто и поэма озаглавлена: „Войнаровскій“. Часть первая.

Такъ какъ полный, исправленный текстъ поэмы передъ глазами читателей, то не дѣлая особыхъ подстрочныхъ примѣчаній, мы только отмѣчаемъ особымъ шрифтомъ тѣ стихи и слова, которые разнятся отъ напечатанныхъ выше, а подъ строками ограничиваемся указаніемъ зачеркнутыхъ или измѣненныхъ стиховъ и словъ черновой редакціи.

Вотъ самый текстъ:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣтъ длинный рядъ домовъ,
И юртъ бревенчатыхъ ²⁾ стѣны.
Кругомъ высокій частоколь
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ,
И съ высоты ³⁾ на дикій доль
Глядятъ верхи церквей высокихъ.
Вдали шумитъ сосновый боръ,
Бѣлѣютъ снѣжными равнины,
И таятся высокихъ горъ
Разнообразныя вершины....

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветь сердитая рѣка,
Бушуетъ съ вѣтромъ непогода,
И часто ⁴⁾ мрачны облака...

¹⁾ Считаемо не лишнимъ напомнить, что рукописи нынѣ печатаемыя, принадлежать къ той коллекціи подлинныхъ бумагъ Рыгѣва, которая сохранилась у Ѳ. В. Булгарина и весьма обязательно предоставлена въ наше распоряженіе его сыновьями Б. Ѳ. и В. Ѳ. при посредствѣ Т. А. Сосновскаго. Изъ этого собранія произведеній поэта—нѣкоторыя стихотворенія помѣщены въ № 1 «Русской Старины» 1871 года. П. А. Ефремовъ привелъ эти бумаги въ порядокъ и оставилъ ихъ библиографическими и прочими примѣчаніями.

Ред.

²⁾ Было: «берестяныя». ³⁾ «Съ гордостью». ⁴⁾ «Вѣчно».

Никто страны сей безотрадной,
 Обширной унизиковъ тюрьмы,
 Не посѣтитъ, боясь зимы,
 И продолжительной, и холодной.
 Однообразно дни ведетъ
 Якутска житель одичалой;
 Лишь разъ или дважды въ круглый годъ
 Съ толпой преступниковъ усталой
 Дружина ¹⁾ воиновъ придетъ.
 Иль за якутскими мѣхами
 Изъ ближнихъ и далекихъ странъ
 Заходить ²⁾ съ русскими вущами
 Въ забытый городъ караванъ.
 На мигъ въ то время оживится
 Якутскъ унылый и глухой;
 Все зашумитъ, засуетится;
 Народы разные толпой:
 Якутъ и юкагирь пустынной,
 Неся богатый свой ясакъ,
 Тунгузъ, корякъ, и съ пивой длинной
 Сибирскій строевой казакъ...

Тогда зима на мигъ единый
 Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ.
 Безмолвный гѣсъ заговоритъ,
 И чрезъ зеленя долины
 По камнямъ Лена зашумитъ.
 Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
 Почти убитого тоской,
 Страдальца-узника порой
 Души минутное веселье.
 Такъ въ душу мрачную влетитъ
 Подъ-часъ спокойствіе ошибкой
 И принужденною улыбкой
 Чело злодѣя ³⁾ прояснить...
 Во времена-жъ иныя года
 Все мертво въ сей странѣ глухой,
 Какъ грозная ея природа,
 Мертва жестокою зимой.

Но кто украдкою изъ дому
 Идетъ столь раннею порой
 По берегу рѣки крутому
 Съ винтовкой длинной за спиной.
 Въ полукафтани, въ шапкѣ черной
 И перетянуть кушакомъ,

¹⁾ «Команда». ²⁾ «Приходить». ³⁾ «Тирана». Слѣдующіе же за стихомъ 4
 стиха въ рукописи зачеркнуты.

Какъ странъ Днѣпра казакъ проворный
 Въ своемъ нарядѣ боевомъ. ¹⁾
 Взоръ безпокойный и угрюмый,
 Въ чертахъ суровость и тоска,
 И на челѣ его слегка
 Тревожныя рисуеть думы
 Судьбы враждующей рука.
 Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
 Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
 И съ видомъ нестерпимой муки
 Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О край родной, поля родныя,
 Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
 Васъ, гробы праотцевъ святыя,
 Изгнаннику не обнимать!
 Горить напрасно пламень пылкій;
 Я не могу полезнымъ ²⁾ быть,
 Средь дальнoй и позорной ссылки
 Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть!
 О край родной, поля родныя,
 Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
 Васъ, гробы праотцевъ святыя,
 Изгнаннику не обнимать!»

Сказалъ; пошелъ по косогору;
 Едва примѣтною тропой
 Поворотилъ къ сырому бору,
 И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной...
 Кто слыльный сей, никто не знаетъ;
 Давно въ страну изгнанья онъ,
 Молва сто уста а вѣщаетъ,
 Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
 Улыбки не видать привѣтной
 На незнакомцѣ никогда,
 И послѣднѣи ужъ примѣтно
 Его и усы и борода.
 Онъ не варнакъ; смотри: не видно
 Печати роковой на немъ,
 Для чelовѣчества постыдной
 Рукою дерзкой и безстыдной ³⁾
 Въ чело ⁴⁾ вклейменной палачѣмъ.
 Но видъ его суровѣи вдвое,
 Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ:
 Покоенъ онъ; но такъ въ повоѣ

¹⁾ «Щегольскомъ». ²⁾ Это слово подчеркнуто въ рукописи и сбоку поставлено НВ. ³⁾ Два стиха очеркнуты кругомъ, а послѣднѣи вовсе зачеркнутъ, въ предыдущемъ же первоначально было: «обидной», вмѣсто «постыдной». ⁴⁾ «Въ лицо».

Байкаль предъ бурей мрачнымъ днемъ!
 Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
 Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
 Могильный огонекъ горитъ,—
 Такъ незнакома блещутъ очи.
 Всегда дичится и молчить;
 Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ;
 Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ;
 На всѣхъ сурово онъ ¹⁾ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
 Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной;
 Въ укронномъ домигѣ, въ глуши,
 Работалъ для вѣковъ въ тиши,
 Съ судьбой боролся своенравной,
 И жажду утолялъ души.
 Изъ родины своей далекой,
 Въ сей край пустынный привлеченъ
 Къ познаньямъ страстию высокой,
 Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
 Въ часы суровой непогоды
 Любилъ рассказы стариковъ
 Про Ермака и казаковъ,
 Про ихъ отважные походы
 По царству хлада и снѣговъ.
 Какъ часто вышедши изъ дому,
 Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
 По океану снѣговому,
 Или по дебрямъ и горамъ. ²⁾
 Все для пришельца было ново:
 Природы дикой красота,
 Климатъ жестокой и суровой,
 И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
 Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
 Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
 И мразъ и тишина кругомъ!
 Повсюду сосны вѣковыя
 Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
 Сплелися вѣтви ихъ густыя
 Непроницаемымъ шатромъ.
 Не видно изъ лѣсу дороги...
 Черезъ хворостъ, кочки и снѣга
 Олень несется быстроногій,
 Закинувъ на спину рога.

¹⁾ «Съ суровостью». ²⁾ Въ бѣловой рукописи здѣсь прибавлено 4 стиха, вошедшихъ и въ печатное изданіе.

Вдали, межъ соснами, мелькаетъ;
Летить... Вдругъ выстрѣлы... Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ,
Окровавленный, упадаетъ...

Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Съ вѣтви чашу, вѣтви, дичь и боръ;
И зреть, къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Обутанный дахою черной
И въ длинношерстномъ чебакѣ,
Охотникъ ловкой и проворной.
То смельный былъ. Тутъ Миллеръ съ нимъ,
Въ глуши подъ кедромъ вѣковымъ,
Тогда увидѣлся впервые... ¹⁾.

„Они познакомились. Неизвѣстный выводитъ Миллера изъ лѣсу; угощаетъ его въ своей хижинѣ. Видъ, слова и благородство мыслей и чувствъ смельнаго возбуждаютъ въ Миллерѣ любопытство узнать его покороче—и смельный, убѣжденный имъ, по нѣкоторомъ сопротивленіи, отрываясь, что онъ Войнаровский, другъ и родственникъ Мазепы и продолжаетъ ²⁾“:

Рожденный съ пылкою душой,
Съ надеждой быть полезнымъ краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
Въ странѣ угрюмой и глухой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною;
Ужъ гаснетъ огонь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распалющихся лучей.
Душѣ честолюбивой—бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу:
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ ³⁾

То смельный былъ. Суровый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,

¹⁾ Три послѣднихъ стиха зачеркнуты, равно какъ и все слѣдующее изложеніе, помѣщенное у насъ между чертами, до словъ «въ кручинѣ». ²⁾ Было: «Онъ продолжаетъ». ³⁾ Продолженіе въ листѣ оторвано. Новый полулистъ начинается стихомъ: «То смельный былъ» и проч.

И незнакома видъ унылой,
 Все душу странника страшило.
 Но трепеща въ глуши дѣсной
 Блуждать одинъ, путей не зная,
 Преодоляя онъ ужасъ свой,
 И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
 Бѣгъ къ незнакомцу направляя.

«Кто-бъ ни былъ ты,—онъ такъ вѣщалъ,—
 Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога;
 Гнавь звѣря, я съ тропы ¹⁾ сбѣжалъ,
 И въ глушь печально попалъ;
 Скажи, гдѣ на Янгутскъ дорога?»
 — «Она осталась за тобой
 Верстъ за пятнадцать или поболѣ; ²⁾
 Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
 И врядъ-ли до ночи глухой
 Успѣешь выбраться ты въ поле.
 Уже вечерняя пора;
 Но близко мой замокъ скудной.
 Пойдемъ. Тамъ въ юртѣ до утра,
 Ты отдохнешь съ охоты трудной». ³⁾

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
 Все рѣже видѣвъ сводъ небесъ...
 Сокрылось солнце золотое:
 Настала ночь. Вотъ ⁴⁾ мѣсяцъ всплылъ
 На небо мрачно-голубое;
 Вотъ лѣсъ дремучій осребрилъ,
 И юрту путникамъ открылъ...
 Пришли—и слыльный торопливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ
 Вдругъ сталъ стучать кремнемъ въ огниво
 И искры сыпались на трутъ, ⁵⁾
 Мракъ освѣщая молчаливой.
 И каждый въ сталь ударъ кремня—
 Въ углу обитали пустынной

¹⁾ «Стези». ²⁾ «Верстъ за десять или поболѣ». ³⁾ Четыре послѣднихъ стиха
 были написаны прежде:

Близка ужъ вечера пора;
 Невдалекѣ мой кровъ убогой;
 Иди за мной; въ немъ до утра
 Ты отдохнешь хотя немного.

⁴⁾ «Вдругъ». ⁵⁾ Въмсто четырехъ послѣднихъ стиховъ было:

Пришли—и слыльный молчаливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ
 Вдругъ сталъ стучать кремнемъ въ огниво
 И тонкою струей на трутъ
 Посыпалися искры живо.

То дуло оварялъ ружья
 То лезвіе палёмы длинной,
 То саблю, то конецъ копыа...
 Глазъ съ незнакомца неспуская,
 Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
 Въ душѣ свой тайный страхъ скрывая,
 Стоитъ и вѣмъ и недвижимъ.

Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
 Проворно жирникъ засвѣтилъ,
 Печурку, молча, затопилъ,
 Скамью придвинулъ, столъ сосновый
 Простою сватерью накрылъ.
 И съ лаской гостя посадилъ.
 И вотъ за трапезою сытной,
 Въ хозяйна вперяя взоръ,
 Заводитъ странникъ любопытный
 Съ нимъ о Сибири разговоръ.
 Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
 Ихъ рѣчь живѣе и живѣй,
 И вдругъ, нечаянно склонилась
 Къ судьбѣ народовъ и царей...
 Въ какое Миллеръ удивленье
 Былъ незнакомцемъ приведенъ!
 И кто-бы не былъ пораженъ?
 Странъ европейскихъ просвѣщенье
 Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
 Простая съ родной своей страной.
 Два года Миллеръ самъ съ собою
 Подъ-часъ бесѣдовалъ въ глуши;
 Но тутъ—въ пустынь отдаленной
 Впервые онъ тоску души
 Отвелъ бесѣдой просвѣщенной.

Четыре стиха: „Съ отвѣтомъ“ и проч. зачеркнуты, равно какъ и 6 послѣднихъ, которые въ печати явились уже въ исправленномъ видѣ.

II.

Замѣтка объ изданіяхъ Войнаровскаго.

Печатное изданіе „Войнаровскаго“ вышло въ Москвѣ, въ первой половинѣ 1825 года. Печаталось оно въ типографіи С. Селивановскаго и процензировано было еще въ январѣ мѣсяцѣ того года. Позволяемъ себѣ, ради курьеза, привести тотъ длинный паспортъ, которымъ во времена оны цензурное вѣдомство снабжало выпускаемаго въ свѣтъ изданія и который, на нашихъ глазахъ, все болѣе и

болѣе сокращался, пока не обратился наконецъ въ одну строчку: „одобрено цензурою“, а потомъ: „дозволено цензурою“; строчку, наконецъ вовсе исчезнувшую съ изданій болѣе чѣмъ въ 10-ть печатныхъ листовъ. Вотъ что напечатано на изданіи поэмы Рылѣва: „Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ цензурный комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для цензурнаго комитета, другой для департамента министерства народнаго просвѣщенія, два экземпляра для императорской публичной бібліотеки и одинъ для императорской академіи наукъ. Москва, 1825 года генваря 8 дня. Сію рукопись разсматривалъ экстра-ординарный профессоръ, надворный совѣтникъ Николай Бекетовъ“.

Поэма Рылѣва напечатана въ 8 д. л. и весь текстъ занимаетъ XXIV и 64 страницы. Изъ нихъ на III-й стр. помѣщено посвященіе „А. А. Бестужеву“, а на V-й—коротенькое предисловіе, объясняющее (повидимому болѣе для цензора) смыслъ поэмы: „Можетъ быть читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемо за нужное напомнить, что въ поэмі самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливыя исторіи являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло-ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія. — Желая склонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ великаго государя, — но истина восторжествовала и Провидѣніе навазало измѣнника“.

VI—XVII стр. заняты „жизнеописаніемъ Мазепы“, которое составлено А. Корниловичемъ, человѣкомъ близкимъ Рылѣву по своимъ убѣжденіямъ, извѣстнымъ издателемъ перваго сборника, спеціально посвященнаго изслѣдованіямъ по русской исторіи XVIII ст. и археологіи, явившагося подъ именемъ „Русской Старины“. Жизнеописаніе это довольно кратко и состоя изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, теперь уже не имѣетъ историческаго значенія. Непосредственно за нимъ (стр. XVIII—XXIV) слѣдуетъ „жизнеописаніе Войнаровскаго“, составленное А. А. Бестужевымъ, которое мы привели въ своемъ мѣстѣ, какъ необходимое для знакомства съ малоизвѣстной личностью героя поэмы.

Текстъ самой поэмы занимаетъ 50 страницъ, а послѣднія 14 стр. заняты примѣчаніями къ ней.

Цензурою 1825 г., повидимому, было исключено только три стиха, вза-

мѣнъ которыхъ поставлены точки *); въ дѣйствительности же было исключено пять стиховъ, но два пропуска не были вовсе обозначены и указаніемъ на нихъ служилъ только недостатокъ рѣзмъ въ напечатанныхъ стихахъ **). Подъ строками сдѣлано было нѣсколько очень „наивныхъ“ примѣчаній, не вошедшихъ въ наше изданіе, потому что ихъ нѣтъ въ рукописи и потому что самъ Рылѣевъ, въ письмѣ къ А. С. Пушкину, объясняетъ происхожденіе ихъ цензурными условіями, поясняя также, что и ходатайство о прощеньи Войнаровскаго возложено было имъ на Миллера единственно для цензора (см. окончаніе поэмы: „съ отрадной вѣстью о прощеньи“ и пр.). Для образчива этихъ „подстрочныхъ“ примѣчаній укажемъ на одно. Мазепа говорить:

«И Петръ и я—мы оба правы»,

потому что живемъ для славы и для пользы своей родины; а подъ строкою замѣчено: „Это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавою. Удивительна дерзость, сравнивать себя съ Петромъ.“ Удивительное примѣчаніе! скажемъ мы и порадуемся, что нынѣ печать отчасти избавлена отъ необходимости прибѣгать къ подобнымъ поясненіямъ.

Дополнительныя примѣчанія въ концѣ поэмы напечатаны только къ первой части ея. Во второй части также 11 стиховъ отмѣчены цифрами для указанія примѣчаній; но ихъ нѣтъ ни въ печати, ни въ одномъ изъ множества (въ буквальному смыслѣ этого слова) обращающихся донныѣ въ рукописи списковъ поэмы. Можетъ быть, слѣша окончаніемъ печатанія книги, Рылѣевъ не хотѣлъ задерживать ее составленіемъ примѣчаній, или можетъ быть они не были напечатаны единственно для ускоренія выпуска книги изъ типографіи.

Всѣхъ примѣчаній къ 1-й части напечатано 18 номеровъ. Мы не приводимъ ихъ вполне, потому что ихъ нѣтъ въ нашихъ рукописяхъ ***) и потому что многія изъ словъ, требовавшихъ въ то время

*) Въ концѣ поэмы еще въ двухъ мѣстахъ поставлены точки, но это сдѣлано самимъ авторомъ. П. Б.

**) Впрочемъ, вообще говоря, «Войнаровскій» пострадалъ въ 1825 году отъ цензурныхъ прижимокъ немного. Этому онъ обязанъ, какъ намъ рассказывали, Петру Александровичу Муханову († 1854 г.), одному изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени. Мухановъ живо интересовался отечественною литературою, много самъ для нея работалъ—и плѣнясь поэтическими красотою «Войнаровскаго», употребилъ всѣ старанія, чтобъ провести его сквозь цензурныя колодки. Ред.

***) Въ нашемъ собраніи рукописей есть нѣсколько списковъ «Войнаровскаго»; изъ нихъ особенно красиво и тщательно написанъ тотъ, который сообщенъ намъ М. В. Кюхельбекеромъ. Ред.

подробнаго объясненія, теперь ужъ въ этомъ не нуждаются. Сдѣлаемъ только небольшое исчисленіе ихъ.

Пояснены были примѣчаніями слѣдующіе стихи:

1) И юртъ бревенчатыя стѣны. Юрта—жилище дикихъ сибирскихъ обывателей и пр. 2) Неся богатый свой ясакъ. Ясакъ—подать мѣхами съ сибирскихъ народовъ. 3) Онъ не варнакъ. Варнакъ—публично-наказанный и заклеименный преступникъ. 4) Байкаль предъ бурей. Байкаль—святое озеро; съ подробнымъ географическимъ описаніемъ. 5) Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной. Миллеръ—довольно обширная и полная біографія (стр. 52—58). 6) Окутанный дахою черной. Даха—шуба вверхъ шерстью изъ шкуры дикой козы. 7) И въ длинношерстномъ чебакѣ. Чебакъ—большая теплая шапка съ ушами. 8) Но мы вблизи займки скудной. Займка—загородный домъ съ огородомъ, родъ дачи. 9) То ратовище пальмы длинной. Пальма—длинный, широкій и толстый ножъ, укрѣпленный въ березовыхъ ратовищахъ, обшитыхъ кожею, съ которыми охотятся на лосей, медвѣдей и пр. 10) Проворно жирникъ за свѣтилъ. Жирникъ—ночникъ съ масломъ или жиромъ. 11) Примѣч. къ стиху: „И другъ и родственникъ Мазены“ пропущено. Замѣтимъ, что нумерація печатныхъ примѣчаній сбита и послѣ 5-го (о Миллерѣ) назначено 7-е („Даха“). Съ 12-го, за пропускомъ 11-го, они сравниваются съ указаніями текста. 12) Я часто за Палѣемъ вслѣдъ. Палѣй—приведены историко-біографическія свѣдѣнія о немъ и о гетманѣ Самусѣ. 13) Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ. Ватага—малоросс. слово—толпа, шайка и пр. 14) Гайдамакъ—удалецъ или же разбойникъ, собственно татарское слово—означающее бродягу или бѣглеца. 15) И малой горстью толокна. Толокно—мука изъ пересушеннаго овса, причемъ объяснено еще слово кулишь, кошь и вареніе кашицы въ походахъ, а потомъ на чумакованьи. 16) Ужъ хутора вдали мелькали. Хуторъ—деревушка или даже домъ всторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. 17) Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь. Курень—хижина или землянка, въ каенхъ и поннѣхъ еще живутъ многіе черноморскіе казаки; нѣсколько куреней состояли прежде подъ вѣдѣніемъ особаго старшины, куреннаго. 18) Одинъ, вблизи степной могилы. Курганы—высокія земляныя насыпи, служившія общими могилами на мѣстахъ сшибокъ малороссовъ съ татарами и поляками.

Вотъ сущность всѣхъ напечатанныхъ примѣчаній. Но въ самомъ текстѣ отмѣчено еще 4 стиха, къ которымъ примѣчанія не напечатаны. Мы перечислимъ эти стихи, вмѣстѣ съ отмѣченными во 2-й части: 19) Могила уныло съ вѣтромъ говорила; 20) Надъ мною хищный вранъ леталъ; 21) И зрю: покрытая серпяномъ; 22) пропущенъ; 23) Ужъ

близокъ часть, близка борьба. Во 2-й части. 1) Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы; 2) Едва на окна ледянныя; 3) Для пользы родины моей; 4) Теперь и брань и поношенье; 5) Когда-бъ онъ сталъ врагомъ народу; 6) Отчизну мнѣ напоминая; 7) Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ; 8) Онъ погубить хотѣлъ народъ; 9) пропущено; 10) Не раздѣлять со мной страданье; 11) Его на быстрой нартѣ мчалъ.

Выше мы сказали, что до сихъ поръ распространены во множествѣ списки „Войнаровскаго“ *), но забыли упомянуть, что списки эти относятся исключительно къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. Это показываетъ, съ какой жадностью читалась тогда поэма и конечно не изъ участія къ печальной судьбѣ поэта, а благодаря достоинствамъ самой поэмы, представляющей весьма крупное явленіе въ русской литературѣ того времени. Даже Пушкинъ, довольно неблагосклонно относившійся къ стихамъ Рылѣева, осыпалъ похвалами поэму „Войнаровскій“, причемъ сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ относительно нѣкоторыхъ стиховъ въ поэмѣ. Вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ на нихъ Рылѣевъ:

„Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмельницкаго. Последняго хочу сдѣлать въ шести пѣсняхъ: иначе не все выскажешь“ .... (12 янв. 1825 г.).

„Благодарю тебя, милый чародѣй,—пишетъ Рылѣевъ въ другомъ письмѣ къ Пушкину:—за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданинскія филиппики за нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова**). Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лѣнтяя, какъ я; лучше написать что нибудь новое....

„Еще обвиняю тебя за твои примѣчанія...“

„.... Думаю,—замѣчаетъ Рылѣевъ въ письмѣ отъ 10 марта 1825 г. къ Пушкину:—что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько оципанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни....“

„Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ—

*) Такое обиліе списковъ мы встрѣчали, кромѣ «Войнаровскаго», только для первыхъ четырехъ главъ «Евгенія Онѣгина».

***) Цензоръ.

вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмкахъ. Ты всегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ...“

Изъ этихъ отвѣтовъ ясно видно, на что именно обратилъ вниманіе Пушкинъ, напр. отчего нѣтъ хвалы Петру Великому въ устахъ Миллера; но для насъ совершенно непонятенъ общій выводъ, къ которому пришелъ Пушкинъ о Мазепѣ: „Однако-жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣлость...“ (Соч. Пушкина, IV, 531). Отзывъ этотъ явился уже по кончинѣ Рылъева.

П. А. Ефремовъ.

Въ заключеніе этой замѣтки считаемъ необходимымъ сказать, что изданіе „Войнаровскаго“ 1825 г. не единственное *). Тридцать лѣтъ спустя по выходѣ его въ свѣтъ появились новыя изданія этой прекрасной поэмы. Вотъ они:

Войнаровскій. Поэма К. Рылъева. Берлинъ. Въ типографіи К. Шульцъ; 1857. (Въ малую осьмушку).

То же. Изданіе второе. Берлинъ. Въ типографіи Тровича и сына. 1857. (Въ 8-ю д. л.).

Сочиненія К. Рылъева. Берлинъ. Въ типографіи Петца, въ Наумбургѣ. 1860 г. (Въ 8-ю д. л.). Войнаровскій напечатанъ въ этомъ изданіи безъ предисловія и примѣчаній, помѣщенныхъ въ изданіи 1825 г.

Думы. Стихотворенія К. Рылъева. Лондонъ. Въ типографіи Свентославскаго 1860 г. (Въ 32-ю д. л.). Это изданіе есть подстрочная перепечатка изданія 1825 г.

Полное собраніе сочиненій К. О. Рылъева. Лейпцигъ. (Въ 8-ю д. л.) 1861 г. Войнаровскій помѣщенъ здѣсь на стр. 200—260 и составляетъ перепечатку изданія 1825 г. безъ всякихъ варьянтовъ, дополненій и восстановленій тѣхъ стиховъ, которые въ свое время, противъ воли автора, были искажены, либо вовсе опущены.

Стихотворенія К. О. Рылъева. Съ его жизнеописаніемъ, сост. г. Фуксомъ. Наумбургъ. Въ типогр. г. Петца. 1862. Въ 16 д. л. XXIII и 227 стр. Войнаровскій здѣсь занимаетъ стр. 91—138. Примѣчанія напечатаны всѣ, кромѣ подстрочныхъ и нѣкоторые изъ пропущенныхъ стиховъ восстановлены. Статья Корниловича не перепечатана.

Вообще же говоря всѣ семь изданій „Войнаровскаго“, не выключая самаго перваго 1825 г., неудовлетворительны, и мы очень рады, что могли представить на страницахъ „Русской Старины“ возможно полный и исправный текстъ, притомъ съ варьянтами по подлинной рукописи автора, — поэмы, которая приводила современниковъ поэта въ восхищеніе и до нынѣ занимаетъ въ исторіи отечественной литературы довольно видное мѣсто.

Ред.

*) Это изданіе еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлалось библиографическою рѣдкостью. Экземпляръ, поступившій въ мою бібліотеку былъ купленъ въ 1830-хъ гг. за 200 руб. ассигн.

Ред.

КАРАМЗИНЪ и ПУШКИНЪ.

Письма ихъ къ Д. Н. Бантышу-Каменскому.

1818—1835.

Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (род. 1778, ум. 1850), письма въ которому приведены ниже, принадлежитъ къ замѣчательнымъ дѣятелямъ въ области литературы отечественной исторіи. Карамзинъ справедливо писалъ въ нему, что онъ „идеть по слѣдамъ незабвеннаго своего родителя“. Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, управлявшій Московскимъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, извѣстенъ многими историческими трудами: таково его „Историческое извѣстіе объ Уніи“, „Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и вообще ему принадлежатъ до тридцати изданій и сочиненій по части исторіи, богословія, древнаго языкованія и словесности. Онъ скончался 20 января 1814 г. Дмитрій Николаевичъ былъ младшій сынъ почтеннаго труженика. Съ отличнымъ образованіемъ, Д. Н. соединялъ замѣчательную любовь къ словесности, но въ особенноти къ исторіи и археологіи. 18-ти лѣтъ отъ роду онъ напечаталъ первое свое сочиненіе („Россіянинъ при гробѣ патріарха Гермогена“, 1806 г.), черезъ три года издалъ описаніе путешествія въ Молдавію, Валахію и Сербію, а въ 1812 г. выпустилъ въ свѣтъ: „Описаніе дѣяній полководцевъ и министровъ Петра Великаго“—съ портретами. Съ этого достопамятнаго года труды Д. Н. по части отечественной исторіи дѣлаются непрерывными; біографія, имъ составленная: „Амвросія Зертисъ-Каменскаго, архіепископа московскаго“; „Собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ императорскихъ орденовъ“; „Исторія Малороссіи“, въ 4-хъ частяхъ, 1822 г.; новое и исправленное изданіе этого труда въ 1830 г. въ 3-хъ томахъ, со множествомъ портретовъ; „Біографіи російскихъ генералиссимусовъ (Спб. 1840 г., 4 ч.) и въ особенноти—громадный трудъ: „Словарь достопамятныхъ людей русской зем-

ли^а изд. 1836 г. въ 5 частяхъ и дополненіе къ нему изд. 1847 г. въ 3-хъ томахъ—до сихъ поръ остаются весьма важными пособиями для занимающихся отечественной исторіей.

Письма Карамзина и Пушкина къ Д. Н. напечатаны нами буквально съ автографовъ, весьма обязательно сообщенныхъ дѣтьми покойнаго—Николаемъ Дмитріевичемъ и Елисаветою Дмитріевной.

Ред.

Мнѣніе Карамзина о сочиненіяхъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго.

Извлеченія, сдѣланныя покойнымъ Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ изъ дипломатическихъ актовъ Древней Россіи, принадлежать исторіи и могутъ быть изданы, безъ нарушенія правилъ государственной скромности. Не только Россія, но и вся Европа съ того времени перемѣнилась: старыя тайны не имѣютъ связи съ новыми, открытіемъ своимъ питая единственно любопытство умовъ дѣятельныхъ и способствуя просвѣщенію. Исправнымъ отъ государя императора одобреннымъ изданіемъ сочиненій г. Каменскаго мы почтили бы память сего незабвеннаго мужа, который жилъ любовію къ отечеству и нравственности. Н. Карамзинъ.

Спб. 8-го апрѣля 1818 года.

(Подлинное отправлено къ г. статсъ-секретарю, графу Каподвастрію, для поднесенія его императорскому величеству 5-го мая 1818 года).

Письмо Карамзина къ Д. Н. Бантышу-Каменскому.

Царское Село, 23 окт. 1822.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ! Приношу вамъ искреннѣйшую благодарность за обязательное доставленіе мнѣ вашего любопытнаго творенія. Я прочиталъ нѣсколько главъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Вы идете по слѣдамъ вашего незабвеннаго родителя, который прославилъ себя трудомъ общепользы.

Съ душевнымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга Николай Карамзинъ.

Письма А. С. Пушкина къ Д. Н. Бантышу-Каменскому.

I.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ! Къ крайнему моему сожалѣнію, сегодня мнѣ никакъ нельзя исполнить давнишнее мое желаніе: познакомиться съ почтеннымъ историкомъ Малороссіи. Надѣюсь что въ другой разъ буду щастливѣе. Покажѣть прошу, Ваше Превосходительство, принять изъявленіе глубочайшаго почтенія моего. Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

14 дек. 1832-го г.

II.

Милостивый государь Дмитрій Николаевичъ! Позвольте принести Вамъ глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоценный знакъ Вашей благосклонности, и за снимокъ съ печати Самозванца, который я тотчасъ и отдалъ гравировать. Портретъ его у меня есть и такъ же гравированъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать Біографію Пугачева, которую изволите мнѣ обѣщать съ такою снисходительностію.

Жалѣю что время не позволяетъ мнѣ повергнуть мой трудъ Вашему разсмотрѣнію. Мнѣнія и замѣчанія такова челоуѣка каковъ вы послужили бы мнѣ руководствомъ и ободрили бы первый мой историческій опытъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Александръ Пушкинъ.

1 мая, 1834. Спб.

III.

Милостивый государь, Дмитрій Николаевичъ! Не знаю какъ Васъ благодарить за доставленіе бумагъ, касающихся Пугачева. Не смотря на то, что я имѣлъ уже въ рукахъ множество драгоценныхъ матерьяловъ, я тутъ нашелъ неизвѣстныя, любопытныя подробности которыми непремѣнно воспользуюсь. Смирдину отдалъ я Вашу прекрасную статью о Панинѣ. Онъ взялъ ее къ себѣ съ благодарностію. Не согласитесь ли вы участвовать въ его журналѣ и на какихъ условіяхъ?

Вы вѣроятно изволили слышать о торговомъ и литературномъ предпріятіи Плюшара, о Русскомъ *Conversations Lexicon*. Великое множество біографическихъ статей, Вами заготовленныхъ, могли бы войти въ составъ этого лексикона. Не войдете-ли Вы въ сношеніе съ Плюшаромъ? Въ такомъ случаѣ прошу Васъ выбрать меня въ свои повѣренныя, а мы рады стараться.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію, честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою, Александръ Пушкинъ.

3 іюня 1834. Спб.

IV.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ! Съ благодарностію отсылаю къ Вамъ статьи, коими по Вашему благоразположенію ко мнѣ, пользовался я при составленіи моей Исторіи. При нихъ препровождаю и экземпляръ Исторіи самой. Мнѣнія Ваше о ней, во всякомъ случаѣ, мнѣ драгоценно: похвала отъ настоящаго историка, а не поверхностнаго разказчика или переписчика, будетъ лестна для меня, а изъ

укоризаны, научуся (чего, знаете вы сами, не дожидаясь отъ записныхъ нашихъ критиковъ).

Прошу Васъ взять на себя трудъ исправить двѣ ошибки, справедливо замѣченныя въ Сынѣ Отечества: На стран. 129 былъ уже въ 15 верстахъ, должно читать въ 50.—Изъ примѣчанія къ пятой главѣ (16) вмѣсто Табалыль, Табинскъ.

Съ глубочайшемъ почтеніемъ и благодарностію, честь имѣю быть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

26 янв. 1835. Сиб.

Адресъ: «Его Превосходительству Милостивому Государю, Дмитрію Николаевичу Вантышу-Каменскому, въ Москвѣ, въ книжную лавку Шираева».

V.

Милостивый Государь Дмитрій Николаевичъ. Съ крайнѣй досадою узналъ я что давно уже отосланныя ваши бумаги, все еще находились въ рукахъ того, кому я ихъ повѣрилъ. Простите невольное мое прегрѣшеніе. Не знаю получили ли вы исторію Пугачева. Она была мною поручена вмѣстѣ съ Вашими бумагами тому-же безпечному комисіонеру.

Поручая себя Вашей благосклонности съ глубочайшимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть, Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

2 апрѣля 1835.

Адресъ: «Его Превосходительству Милостивому Государю Дмитрію Николаевичу В.-Каменскому».

Сообщ. Н. Д. и Л. Е. Вантышъ-Каменскіе.

ОСИПЪ ИВАНОВИЧЪ СЕНКОВСКИЙ.

Письма его къ Фурманну.

Писаны къ П. Р. Фурманну, довольно извѣстному романисту и сочинителю дѣтскихъ книгъ въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ; онъ умеръ въ 1856 году. Эти письма Сенковского относятся къ тому времени, когда Фурманнъ былъ редакторомъ с.-петерб. полицейскихъ вѣдомостей (съ 1852 — 55 г.). Сенковский въ эти годы занимался химіей и, преслѣдуемый цензурою, вздумалъ вмѣсто литературы заняться фабрикаціей табаку, соединившись съ лицомъ, которое и рекомендуетъ въ письмахъ.

В. Стожковскій.

I.

Carissimo, пріймите благосклонно подъ ваше редакторское покровительство добраго и умнаго человѣка, который постигъ духъ табаку и разумъ папирововъ и въ которомъ мы принимаемъ большое участіе. Дѣло идетъ о напечатаніи объявленія, достойнаго его папирововъ, которыя превосходятъ всѣ донныя извѣстныя, какъ солнце превосходить звѣзды. Воскурите этотъ оніміамъ и разсудите. Дайте ему наставленіе, что онъ долженъ дѣлать, потому что изъ редакціи ему зачѣмъ-

то возвратили представленное имъ объявленіе. Я собираюсь къ вамъ съ изъявленіемъ преданности и благодарности за ваши добрыя и дружескія ласки ко мнѣ, и на дняхъ ударю лично челомъ передъ вами. Вашъ душевно преданный Сенковскій.

НВ. Онъ ужасно желаетъ увидѣть объявленіе свое въ печати въ субботу, а зовутъ его Негг Каулл.

II.

Почтеннѣйшій и добрѣйшій Петръ Романовичъ! Мой сотрудникъ, табачный фабрикантъ Андрей Самойловичъ Каулъ, прибѣгаетъ черезъ меня къ вашему покровительству. Онъ желаетъ имѣть опредѣленное мѣсто вверху третьей страницы вашей газеты на нѣсколько недѣль сряду—чего ваши подчиненные не смѣли пожаловать ему безъ вашего разрѣшенія, когда вы были больны. Сдѣлайте дружеское одолженіе, дозвоьте ему явиться въ свѣтъ съ своими сочиненіями въ великодостоинномъ видѣ. А почему онъ мой сотрудникъ, о томъ слѣдуетъ объясненіе. Пейкеръ *) запрещалъ все, что я ни напишу—ну рѣшительно все; не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ обратиться отъ литературы къ промышленности, и я записался въ купцы—открылъ табачную лавочку и фабрику—и вотъ мы трудимся съ Каулемъ, который обладаетъ мудростью дѣлать неслыханные табакъ, папирсы и сигары. Неслыханныя сигары еще не готовы: первые экземпляры ихъ будутъ представлены вамъ на критику, которую, надѣюсь, выдержать онъ побѣдоносно. Маленькія мои познанія въ химіи и растительной фізіологіи, которыя цензура уничтожала въ печати, пригодились отлично въ приложеніи къ обработкѣ табаконъ. Жаль, что вы трубки не курите: вы-бы удивились превосходству табаконъ Кауля моего; есть Каулъ не мой, другой, братъ его, тоже табачный фабрикантъ, но плохой, и ихъ не должно смѣшивать. Но если любите курить папирсы по испански, то есть свертывать ихъ собственноручно изъ свѣжаго, влажнаго табаку, что гораздо лучше всякихъ сигаръ, легко и здорово для груди, потому что онѣ даютъ дымъ влажный, мягкій, а не сухой и острый, раздрающій дыхательные органы, то прикажите моему сотруднику Каулю доставить вамъ знаменитѣйшаго изъ всѣхъ человѣческихъ табаконъ, Джебейли **), растущаго въ Ливанскихъ горахъ и въ которомъ я сидѣлъ и учился по арабски ***): удивитесь! Послѣ того никакого другаго курить не станете. Прощайте. До свиданія, голова трескается отъ боли. Вашъ душевно преданный Сенковскій.

Сообщ. В. Я. Стоюнкнъ.

*) Цензоръ, читавшій журналъ «Библіотека для Чтенія».

В. С.

***) Названіе мѣстечка.

В. С.

***) Сенковскій былъ извѣстный знатокъ арабскаго языка, который практически изучалъ онъ въ юности на мусульманскомъ Востокѣ.

В. С.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Указы императрицы Елисаветы Петровны.

I.

„Указъ нашему кабинету в знесенныя в комнату нашу по нашему указу изъ онаго кабинета денги минувшаго марта 31 дня: четьреста рублей, да сего апрѣля 7 числа 6 т. руб. і того 6400 р. повелѣваемъ записать в расход въ 11 д. апрѣля 1744.

В Москвѣ в Головинском домѣ.“

Внизу помѣчено:

«Изъ сихъ денегъ ея императорское величество изволила пожаловать господину дѣйствительному тайному совѣтнику и первому лейбъ-медику Лестоку, за благополучное пущеніе ея императорскому величеству крови, того 7 числа апрѣля, пять тысячъ рублей».

Сообщ. П. Н. Петровъ.

II.

Ея императорское величество изволила указать именнымъ своего императорскаго величества указомъ, во время божественныя службы въ придворной ея императорскаго величества церкви, ежели кто, — какого-бъ чина и достоинства ни былъ, — будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящичками, какія обыкновенно бывають въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь: для знатныхъ чиновъ — мѣдныя вызолоченныя, а для посредственныхъ — бѣлыя луженныя, а для прочихъ чиновъ — простыя желѣзныя*). Того ради Придворная контора, во исполненіе онаго ея императорскаго величества именнаго указа приказали: вышписанные

*) Этого послѣдняго разряда ящичъ можно видѣть въ Царскосельскомъ арсеналѣ.

ящики съ дѣлами завезать сдѣлать оловянишному мастеру Давиду Осипову и сколько на то на нихъ матеріаловъ употреблено будетъ и за какую цѣну оныя сдѣланы будутъ, о томъ велѣть въ Придворную контору отрепортовать, при чемъ и тѣ ящики представить въ Придворную контору и о томъ ему, Осипову, объявить. Дмитрій Шепелевъ *).

Января 6-го дня 1749 г.

Сообщ. Н. Я. Маженимовъ.

Распоряженіе императора Павла объ улучшеніи русскаго языка.

I *).

Высокоблагородный и почтенный С.-Петербургской губерніи господинъ губернской прокуроръ. Государь мой! За долгъ себѣ поставляю рекомендовать вамъ, дабы вы во отношеніяхъ вашихъ ко мнѣ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ по какимъ бы то нибыло дѣламъ изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность и стараясь изъяснить лучше самое дѣло, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ всегда избѣгать! о исполненіи чего имѣете вы дать ваши предписанія и подчиненнымъ вамъ прокурорамъ и совокупно съ ними наблюдать, дабы оное въ самой точности исполнено было и во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ С.-Петербургской губерніи, объявляя иманно что на сіе есть высочайшая воля его императорскаго величества. Вашего высокоблагородія покорный слуга К. А. Куракинъ.

№ 749. Декабря 29 дня 1796 года.

(Его высокоблагородію Татищеву). сообщ. А. Г. Пупаревъ.

II.

Высочайшее повелѣніе 1797 года объ изыятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими.

Слова отиѣняемыя:	Въ замѣнѣ ихъ новелѣно употреблять:
Обозрѣніе	Осмотрѣніе.
Врачъ	Лекарь.
Выполненіе	Исполненіе.
Пособіе	Помощь.

*) Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ былъ оберъ-гофмаршаломъ двора императрицы Елисаветы Петровны. О немъ см. въ запискахъ Болотова т. I, стр. 133 — 138. Ред.

***) Печатный циркуляръ кн. Куракина 1796 г. разосланъ при указѣ с.-петербургскаго губернскаго правленія 13 февраля 1797 г. Ред.

Слова отмѣняемыя:	Въ замѣнъ ихъ позволѣно употреблять:
Преслѣдованіе	Посланной въ погоню.
Сержантъ	Унтеръ-офицеръ, хотя и прежде отставленъ.
Общество	Этого слова совсѣмъ не писать.
Граждане	Жители или обыватели.
Отечество	Государство.
Приверженность	Привязанность или усердіе.
Стража	Караулъ.
Степень	Классъ.
Отрядъ	Деташементъ или команда.

Сообщ. В. С. Глинка изъ бумагъ покойнаго
издателя «Русскаго Вѣстника» С. Н. Глинки.

Число 12 въ жизни императора Александра I.

Странную случайность представляетъ число двѣнадцать въ жизни покойнаго императора Александра Павловича.

Онъ родился 12-го декабря 1777 года, то-есть двѣнадцатаго числа, двѣнадцатаго мѣсяца.

Шведы подступили къ Кронштадту въ 1789 году на двѣнадцатомъ году его возраста, первый разъ двѣнадцать.

Взошелъ онъ на престолъ 12-го марта 1801 года, на 24 году отъ рожденія, что составляетъ второй разъ двѣнадцать.

Нашествіе французовъ было въ 1812 году, на 36 году жизни императора Александра; въ числѣ 36 содержится три раза двѣнадцать.

Скончался въ 1825 году, на 48 году отъ рожденія — четыре раза 12 = 48, бывъ болѣнъ двѣнадцать дней.

Царствовалъ 24 года — два раза двѣнадцать.

Вотъ еще любопытное замѣчаніе, касательно примѣненія чисель къ изреченію, столь вѣрно обозначающему характеръ императора Александра: „И посла мірови ангела кротости“. Переведите буквы на цифры славянскія, выходитъ:

И	— — —	8
п	—————	80
о	—————	70
с	—————	200
г	—————	30
а	—————	1

и	40
и	10
р	100
о	70
в	2
и	8
	230

в	1
н	50
г	3
е	5
л	30
в	1
	90

и	20
р	100
о	70
т	300
о	70
с	200
т	300
и	8
	1068

По сложеніи этихъ цифръ вмѣстѣ, получится число 1777, то-есть, именно тотъ годъ, когда родился императоръ. Онъ родился 12-го числа 12-го мѣсяца (т.-е. декабря). Прибавьте эти цифры, т.-е. 42 къ 1777 — выйдетъ 1801 годъ, — годъ вступленія его на престолъ; въ этому году прибавьте число 24, т.-е. лѣта царствованія, получите 1825 — годъ кончины.

Итакъ, рожденіе императора Александра было 1777 г. 12 мѣс. 12 числа.

Вступленіе на престолъ 1802 г. 3 мѣс. 12 числа.

Кончина 1825 г. 11 мѣс. 19 числа.

Расположите эти числа слѣдующимъ образомъ:

Годы.	Мѣсяцы и числа.
$\begin{array}{l} 1 \\ 7 \\ 7 \\ 7 \\ 7 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} 1 \\ 7 \\ 7 \\ 7 \\ 7 \end{array}} \right\} (1777) \text{ рожденіе.}$	$\begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 1 \\ 2 \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 1 \\ 2 \end{array}} \right\} (12 \text{ декабря}).$

Годы.	Мѣсяца и числа.
1	1
8	2
0	3
1	
} (1801) вступленіе на престоль.	
} (12 марта).	
1	1
8	9
2	1
5	1
} (1825) кончина.	
} (19 ноября).	
48 лѣтъ жизни.	24 г. царствованія.
	Сообщ. М. И. Богдановичъ.

ПОДРАЖАНІЕ

ХІІІ главѣ 1-го посланія Коринѳенамъ Святаго апостола Павла.

Пусть злыя люди вѣнецъ сплетаютъ,
 Оставимъ ихъ самихъ съ собой;
 А наши души возлетаютъ
 Къ небесной истинѣ святой!
     Пролейся въ сердце огнь небесный!
     Коснись, настрой псалтырь мою
     На голось музамъ не извѣстный,
     Любви Христовой пѣснь пою!
 Но что мнѣ въ пѣснѣ голосистой,
 Хотябъ въ ней ангельскій былъ гласъ,
 Когда огонь любви сей чистой
 Въ душѣ моей совсѣмъ угасъ.
     Мнѣ пѣснь не дастъ той жизни вѣчной,
     Которую любовь даетъ,
     Какъ звукъ винвала скоротечный
     Такъ пѣснь раздастся и умретъ.
 Что пользы въ разумѣ высокомъ?
 Что мнѣ въ познаніи небесъ?
 Къ чему мнѣ зрѣть премудрымъ окомъ
 Всю связь безчисленныхъ чудесъ?
     Что безъ любви всѣ созерцанья?
     Къ чему мнѣ знать судебъ законъ?
     Безъ ней высовія познанья
     Суть только призракъ, прахъ и сонъ!
 Хотя-бъ чрезъ мощный вѣры силы
 Я камни въ воду претворялъ,
 Хотя бы мертвыхъ изъ могилы
 По гласу вѣры вызывалъ,
     Хотя бы горь хребты высоки
     Единымъ словомъ колебалъ,
     Иль обращая вспять потоки
     Я солнца бѣгъ останавлиалъ!
 Но что мнѣ въ томъ, коль огнь любовный
 Въ послѣдній оный день суда,

Не воскреситъ мой тѣлѣ грѣховный
 Къ небесной жизни навсегда!

Хотя-бъ стяжанія презритель
 Богатства ничимъ расточалъ!
 Иль вѣры своея ревнитель,
 Въ оковы тѣло заключалъ!

Но если подвиговъ высокыхъ
 Не есть источникомъ любовь,
 Вотще-бъ въ мученіяхъ жестокихъ
 Я проливалъ холодну кровь!

Любовь съ виченьемъ незнакома
 Для самолюбія чужда,
 Одною простотою вѣдома
 Не знаетъ гордости слѣда.

Къ стяжаньямъ рукъ не простираетъ
 Коварствъ не знаетъ никакихъ,
 Враговъ по имени лишь знаетъ,
 Чтобы молиться и за нихъ!

Сердца другихъ собою мѣритъ
 Творцу всю душу предаетъ,
 Всего надѣется и вѣритъ
 И благодарны слезы льетъ.

Она не вѣдаетъ преграды
 Не знаетъ гдѣ конецъ — любить,
 И самый верхъ для ней награды
 За ближнихъ душу положить!

Всегда кротка и справедлива,
 Безъ малодушія — скромна,
 Безъ дерзости — правдолюбива,
 Безъ честолюбія — славна!

Собою жертвовать готова
 Въ спокойной ревности своей,
 Не зная страха никакого,
 Идетъ небесною стезей!

Ей тернъ путей не преграждаетъ
 Идетъ на высоту стремнинъ,
 Стремнинъ, которыхъ ужасаетъ
 Холодны души видѣ одинъ! —

Таковъ твой путь царица міра
 Таковъ твоихъ дѣяній плодъ!
 Таковъ твой съ райскаго эмпира
 Благотворителенъ приходъ!

Такъ огонь твой, души распалаетъ,
 Такъ вѣрныхъ чадъ твоихъ живитъ,
 Такъ всѣ сердца въ одно сливаетъ,
 И моремъ радостей поитъ! —

Когда падуть небесны своды
 Въ послѣдній, время, разъ вздохнетъ,
 И съ умирающей природы
 Одежды тѣльными сорветъ.

Когда исчезнетъ область вѣры
 Покровъ гаданія спадетъ,
 Прейдутъ варужныхъ дѣлъ примѣры,
 Тогда звѣзда твоя взойдетъ

Въ душахъ очищенныхъ свѣтлѣе,
 Зажжетъ сердца — и пламень твой
 Горя яснѣе и яснѣе

Пребудетъ всѣхъ небесъ душой!
 Представъ какъ бранныя созданыя
 Послѣдній ангелъ истребитъ.....
 И на остаткахъ мірозданья
 Одна въ вѣнцѣ любовь стоитъ.

Одушеви, о душъ царица!
И научи меня любить,
Наставь меня не зрѣть на лица
И истину во всемъ хранить!...

• Бобринцевъ-Пушкинъ 2-й, Павелъ Сергѣевичъ.

Чита, 1829 г.

Сконч. 13 февраля 1865.

Сообщ. Баронъ А. Ш. Розекъ.

Некрологъ: 25 января 1871 года скончался генераль-лейтенантъ Владиміръ Ивановичъ Фелькнеръ. Еще за недолгое время до своей внезапной кончины Владиміръ Ивановичъ бывалъ неоднократно у пишущаго эти строки, постоянно и весьма живо интересуясь собраніемъ и изслѣдованіемъ памятниковъ новѣйшей русской исторіи. Генераль Фелькнеръ былъ человекъ весьма образованный и до послѣдняго дня своей жизни слѣдилъ за литературой и наукой, въ особенности же его занимали политическая и военная исторія. Ему принадлежитъ интересная статья, напечатанная во II-мъ томѣ „Русской Старины“ (стр. 132) подъ заглавіемъ: „14-ое декабря 1825 г.“. Въ нашемъ же распоряженіи находились двѣ любопытныя рукописныя статьи покойнаго: „Калишскіе маневры“ и „Описание путешествія, совершеннаго въ свитѣ наслѣдника цесаревича, нынѣ царствующаго государя императора Александра Николаевича, въ Стокгольмъ“. Послѣдняя статья особенно любопытна и мы только за три или за четыре недѣли до кончины автора возвратили ее ему для нѣкоторыхъ сокращеній. Надѣмся, что почтенныя родственники покойнаго—изъ уваженія къ его памяти—исполнятъ его желаніе и подѣлятся этими статьями съ читателями „Русской Старины“. Генералу Фелькнеру принадлежатъ также нѣкоторые военно-историческіе очерки, напечатанные въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и въ Военномъ Сборникѣ“. Ред.

Поправки: Н. И. Голубевъ сообщилъ намъ слѣдующую замѣтку: «Въ шуто-трагедіи Крылова «Подшипъ», стр. 186, стихъ 5 сверху, въ рѣчи Слюбя напечатано:

И гоёву съ меня, какъ кацейску (?) схватить.

«Подчеркнутое слово должно быть напечатано коцейску, и, значить, если не ошибаюсь, кочерыжку».

Предположеніе безъ всякаго сомнѣнія безошибочное, и мы уже оговорили эту поправку на стр. 374, тѣмъ не менѣе, встаетъ замѣтить, что съ полнымъ вниманіемъ воспроизводя въ печати текстъ Лобановской рукописи «Подшипъ» мы не позволили себѣ исправленіе такихъ словъ, разночтеній которыхъ не нашли въ прочихъ, имѣющихся у насъ спискахъ; въ берлинскомъ же изданіи «Трумфа» весь стихъ съ «коцейской» или «кочерыжкой» опущенъ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ второй.

М А Й

1871 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Арестъ и ссылка Бирона. 1740 г. Статья С. Н. Шубинскаго	537	V. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Рескриптъ и указъ императрицы Елисаветы Петровны о сборѣ денегъ на подарки камеръ-юнкеру Волжинскому и о высылкѣ готовъ ко двору (640). 2. О вновь найденномъ списокѣ путо-трагедіи М. А. Крылова: «Подшпа». Сообщ. А. П. Нордштеттнъ. (643). 3. Дополненіе къ повѣи К. Ф. Рылѣва: «Войнаровский». (647).
II. Записки Гавріила Добрынина, 1772 — 1777 гг. Сообщ. А. П. Стороженко и Л. Н. Антроповъ	562	VI. О подпискѣ на памятникъ А. С. Пушкину. Сообщ. Я. Е. Гротъ. 648
III. Письма Ематорныи II къ гр. Сталъбергу по дѣламъ шведскимъ и французскимъ. 1785-91 гг. Сообщ. гр. О. О. Сталъбергъ и гр. Э. К. Чапковій	605	VII. Библ. листокъ (на оберткѣ).
IV. Указы и распоряженія, составленныя въ царствованіе Павла I. 1796-1800 гг. Сообщ. А. Г. Пунаровъ	628	

ПРИЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ второй, ч. X и XI: письма 107 — 112: Быть русскаго помѣщика. — Окончаніе семилѣтней войны Россіи съ Пруссіей. 1763—1764 гг.

При этой книгѣ „Русской Старины“ 1871 г. приложены: а) литографическій снимокъ съ картины Профессора В. И. Якоби: «Арестъ Бирона», рисунокъ на камнѣ исполненъ самимъ художникомъ; б) два плана къ запискамъ Болотова (въ текстѣ запис.).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г.

Портретъ А. Л. Витберга, рисунокъ проецированнаго имъ Храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ память 1812 г., равно портреты и снимки съ писемъ проч. замѣчат. русскихъ дѣятелей будутъ помѣщаемы при послѣдующихъ книгахъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1871.

Библиографический листокъ русско-историческихъ книгъ.

Очеркъ служебной дѣятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столѣтія, Василия Александровича Даудова. Трудъ Н. Н. Селифонтова, Сиб. въ 8 д., изд. Археогр. Комиссія, стр. 196.

До послѣдняго времени внутренней бытъ служиваго русскаго сословія до—Петровской Руси, вообще говоря, довольно мало извѣстны: матеріалъ для этого знакомства разсыянъ по всевозможнымъ изданіямъ, но онъ не сведенъ въ одну цѣлую и обширную картину, въ которой обрисовывался бы со всѣхъ сторонъ какъ общественный, такъ и частный бытъ русскаго дворянства XVII в. Далеко не вполне восполняетъ этотъ недостатокъ сказанія иностранцевъ путешественниковъ по Московіи XVII в., и еще недостаточнѣе извѣстія, какия мы находимъ въ запискахъ многихъ русскихъ людей, изъ того же времени. — Въ послѣдніе однако годы начинаютъ появляться монографіи, задачи которыхъ восполнить этотъ недостатокъ нашей исторической литературы. Къ числу такихъ трудовъ принадлежитъ «Очеркъ», составленный Н. Н. Селифонтовымъ. Книга эта составляетъ весьма приятную новизну для любителя отечественной исторіи: въкругъ Даудова, (р. 1620† около 1701 г.) личности тѣмъ то и интересной, что она не исключительная, не выходящая изъ ряду ни въ историческомъ отношеніи, ни по какому либо дарованіямъ, — весьма старательно сгруппировано множество документовъ, за время, съ 1630 г. по конецъ XVII в., которыя воскрешаютъ предъ нами положительно всѣ стороны жизни русскаго служиваго сословія: тутъ и служба въ посольствахъ, и послыжи на воеводства, — со всѣми подробностями судебного и административнаго управленія городами и областями; здѣсь и помѣщичій бытъ той эпохи: раздѣлы имѣній, свѣдѣнія о переходѣ недвижимыхъ имуществъ, о помѣстныхъ оладахъ съ придачами и т. д.; переходы имуществъ — посредствомъ купли, продажи, обмѣна, посредствомъ выдѣла въ приданое; — обращеніе помѣстья въ вотчину и т. п. Трудъ г. Селифонтова представляетъ намъ и волюнты по тогдашнимъ приказамъ, какъ по дѣламъ гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ; тутъ же вводятся крестьянскія отписки къ ихъ помѣщикамъ чрезвычайно живо рисующія бытъ крестьянъ того времени. Къ актамъ приложенъ весьма отчетливо составленный указатель упоминаемыхъ въ нихъ предметовъ.

Рукописное отдѣленіе Виленской Публичной Библиотеки. Выпускъ I-й: Церковно-Славянскія рукописи.—Русскіе пергаменты. Трудъ Петра Гильтебрандта. Вильна, 1871 г. въ 4-ю д., стр. XXXVI и 231.

Предисловіе г. Гильтебрандта къ его почтенному труду заключаетъ въ себѣ любопытный очеркъ исторіи Виленской библиотеки, — съ тѣми драгоценными собраніями рукописныхъ памятниковъ Западной Россіи, которыя вошли въ составъ этого книгохранилища; въ статьѣ составителя книги читатель найдетъ много данныхъ, весьма важныхъ для лицъ интересующихся литературой исторіи Литовской Руси и вообще исторіею археографіею. Самый каталогъ состоитъ: 1) изъ перечневой описи 82-хъ церковно-славян. рукописей XI—XVII стол. и 75 русскихъ пергаментовъ (XVI и начала XVII стол.). Каждый манускриптъ описанъ съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ для удовольворительности такого труда условій: не забыты ни еялогическія, ни палеографическія замѣтки; приведены изъ памятниковъ выписки болѣе важныхъ мѣстъ; изложено содержаніе пергаментовъ и т. д.: 2) изъ описательнаго указателя лицъ, мѣстъ, предметовъ и реченій — встрѣчающихся въ настоящей книгѣ. Нельзя не порадоваться, что такая бібліотека какъ Виленская, — для упроченія и развитія которой предостоятъ еще преодолѣть не мало препятствій, — не мыслящихся ни въ одномъ изъ прочихъ городовъ Россіи, — будетъ имѣть съ такою полнотою и знаніемъ дѣла составленное описаніе главнѣйшихъ своихъ для науки сокровищъ.

Исторія Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, соч. Петра Пекарскаго. т. I-й. Сиб. 1870 г., въ 4-ю д., стр. LXVIII и 774. Ц. 4 рубл.

Книга предисловіемъ обзорнѣе обширнаго академическаго архива, давшаго матеріалъ «Исторіи Академіи»; далѣе слѣдуетъ обзоръ мѣръ и предположеній по части распространенія просвѣщенія и знаній въ Россіи при Петрѣ Великомъ; — учрежденіе имъ Академіи Наукъ; положеніе Академіи при Екатеринѣ I-й; — публичныя собранія и ученныя собранія академиковъ въ старину; — плохое положеніе Академіи Наукъ въ первую эпоху ея существованія относительно матеріальнаго обезпеченія; работы о приглашеніи извѣстныхъ ученыхъ въ Члены Академіи; вредъ отъ

(смотри окончаніе на обраткѣ).

АРЕСТЪ и ССЫЛКА БИРОНА.

8-го ноября, 1740-го года, въ третьемъ часу ночи, офицеры лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, находившіеся въ караулѣ на главной гауптвахтѣ зимняго дворца, были внезапно разбужены адъютантомъ фельдмаршала Миниха, подполковникомъ Манштейномъ, который сообщилъ имъ, что мать малолѣтняго императора Ивана Антоновича, принцесса Анна Леопольдовна, имѣя поручить имъ важное и секретное дѣло, просить ихъ немедленно явиться къ ней.

Такое позднее и неожиданное приглашеніе чрезвычайно изумило офицеровъ; однако они поспѣшили повиноваться. Манштейнъ провелъ ихъ чрезъ черную лѣстницу дворца, прямо въ уборную принцессы. Анна Леопольдовна тотчасъ-же вышла къ нимъ, сопровождаемая фельдмаршаломъ и любимой фрейлиной своей, баронессой Юліаной Менгенъ. Миловидное лицо принцессы было

Источники: 1) Дѣло о капитанъ-поручикѣ Дурново, въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ. Кн. 61, стр. 477 и слѣд.—2) Читенія въ импер. обществѣ исторіи и древ. рос. М. 1862. Ч. 1, стр. 28—143.—3) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, Пекарскаго. С. П. Б. 1862. Стр. 188—196.—4) Записки графа Миниха, сына фельдмаршала. М. 1817. Стр. 203.—Записки князя Я. П. Шаховскаго. М. 1821. Ч. 1, стр. 39—41.—5) Записки императрицы Екатерины II. Лондонъ. 1859. Стр. 91.—6) Цвѣтущее состояніе Всероссийскаго государства. М. 1831. Ч. 2, стр. 74.—7) Исторія города Ярославля, Троицкаго. Ярославль. 1853. Стр. 76.—8) Политическая система Петра III,—Щебальскаго. М. 1870. Стр. 145—148.—9) Два эпизода изъ царствованія Екатерины II,—Барона Ф. Бюллера. «Рус. Вѣст.» 1870. № 3, стр. 116.—10) Memoires sur la Russie, par Manstein. Paris. 1860. t. 2. Pg. 124.—11) Materialien zu der russischen geschichte, f. Schmidt Phiselddeck. Riga. 1777. T. 2. S. 188—196.

С. III.

блѣдно, глаза заплаканы; нетвердымъ, прерывающимся отъ сильнаго внутренняго волненія Голосомъ, она, въ короткихъ словахъ, передала офицерамъ, что регентъ имперіи, герцогъ Курляндскій Биронъ, ежедневно наноситъ ей и ея супругу всевозможныя оскорбленія и униженія; что онъ намѣревается выслать ее съ семействомъ за границу, съ цѣлью захватить окончательно въ свои руки правленіе государствомъ; что она не можетъ болѣе переносить его грубыхъ и неблагородныхъ поступковъ съ ней, считаетъ обязанностію своею, для общаго блага, противоудѣйствовать его честолюбивымъ замысламъ и потому рѣшилась арестовать его; что порученіе это возложено ею на фельдмаршала Миниха и она надѣется, что офицеры, всегда отличавшіеся преданностію къ государю и отечеству, не откажутся повиноваться и помогать своему начальнику въ предпріятіи, отъ исхода котораго зависитъ счастье и спокойствіе цѣлой имперіи.

Слезы и одушевленіе принцессы, справедливость жалобъ ея противъ человѣка, всѣми втайнѣ ненавидимаго, не могли не вызвать сочувствія къ ея дѣйствительно тягостному и унижительному положенію. Офицеры, ни минуты не колеблясь, отвѣчали, что они готовы исполнить приказаніе принцессы и обѣщали не жалѣть жизни для достиженія успѣха. Отвѣтъ этотъ привелъ Анну Леопольдовну въ такое восхищеніе, что она, зарыдавъ, бросилась на шею къ фельдмаршалу; потомъ обняла офицеровъ и умоляла ихъ не медлить.

Успокоивъ и упросивъ принцессу во всемъ положиться на него, Минихъ отправился вмѣстѣ съ офицерами къ главному бараку, вызвалъ его въ ружье и, обратясь къ солдатамъ, сказалъ:

— «Хотите-ли вы государю служить? Вѣдаете, что регентъ есть, отъ котораго государынѣ цесаревнѣ (Елизаветѣ Петровнѣ), племяннику ея (герцогу Голштинскому), императору и родителямъ его есть утѣшеніе и надобно его взять!»

Солдаты въ одинъ голосъ отвѣчали: «готовы государю съ радостью служить!»

Тогда фельдмаршалъ спросилъ: «ружья у васъ заряжены-ль?» и, узнавъ что не заряжены, велѣлъ зарядить; затѣмъ, оставивъ на гауптвахтѣ при знамени, одного офицера и сорокъ рядовыхъ,

съ остальными восьмидесятью челоуѣвами пошелъ въ лѣтнему дворцу, гдѣ тогда жилъ Биронъ *).

Не доходя шаговъ двухъсотъ до дворца, Минихъ послалъ Манштейна впередъ объявить приказаніе принцессы офицерамъ, находившимся въ караулѣ у регента; они не только не оказали никакого сопротивленія, но даже предложили свои услуги для арестованія Бирона.

Получивъ такое благопріятное извѣстіе, Минихъ велѣлъ Манштейну идти съ двадцатью гренадерами въ комнаты регента и взять его живого или мертваго.

Манштейнъ, войдя во дворецъ и боясь встревожить герцога шумомъ, приказалъ своимъ спутникамъ слѣдовать за собою издали. Часовые, стоявшіе въ покояхъ регента, зная Манштейна въ лицо, всюду пропускали его, полагая, что онъ посланъ къ герцогу съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. Пройдя нѣсколько комнатъ, Манштейнъ остановился въ недоумѣніи. Онъ не зналъ гдѣ была спальня герцога и опасался спросить объ этомъ у служителей. Послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія, Манштейнъ рѣшился идти на удачу. Пройдя еще двѣ комнаты, онъ очутился передъ дверью запертой на ключъ; къ счастью, по оплошности слугъ, она не была задвинута сверху и снизу задвижками, а потому Манштейнъ безъ особенныхъ усилій отворилъ её. Здѣсь онъ нашелъ герцога и герцогиню, спавшихъ на широкой двухспальной кровати такимъ крѣпкимъ и безмятежнымъ сномъ, что стукъ произведенный дверью не разбудилъ ихъ.

Манштейнъ подошелъ къ кровати, отдернулъ занавѣсъ и громко сказалъ, что жадаеть говорить съ герцогомъ. Герцогъ и герцогиня проснулись, и, испуганные его голосомъ, подняли крикъ. Биронъ соскочилъ на полъ и намѣревался спрятаться подъ кровать, но Манштейнъ, находившійся у той стороны постели гдѣ лежала герцогиня, быстро обѣжалъ кругомъ, бросился на него,

*) Деревянный лѣтній дворецъ существовалъ съ 1732 г., въ лѣтнемъ саду, на мѣстѣ нынѣшней великолѣпной рѣшетки. Здѣсь императрица Анна Ивановна ежегодно проводила исходъ лѣта и начало осени и здѣсь же умерла, 17 октября 1740 г., не успѣвъ переѣхать, по обыкновенію, въ зимній дворецъ. 19 октября, младенецъ-императоръ Иванъ Антоновичъ былъ церемоніально перенесенъ, по приказанію регента, изъ лѣтнаго дворца въ зимній; самъ же регентъ остался въ лѣтнемъ дворцѣ, располагая быть у тѣла покойной императрицы до дня погребенія, назначеннаго на 23-е декабря.

крѣпко обхватилъ и держалъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли солдаты.

Этотъ моментъ изображенъ на прекрасной и въ историческомъ, и въ художественномъ отношеніяхъ картинѣ профессора Валерія Ивановича Якоби; снимокъ съ нея здѣсь прилагается. Художникъ вводитъ насъ въ роскошную спальню регента. У входа часовой и группа солдатъ-преображенцевъ въ походной формѣ. Обѣ половинки дверей распахнуты настежь. Спальня озарена яркимъ свѣтомъ брошеннаго на стулъ фонаря. Съ этимъ фонаремъ, безъ сомнѣнія потайнымъ, Манштейнъ прошелъ по комнатамъ дворца, прежде чѣмъ добраться до спальни. Выплывшая луна озарила сосѣднюю съ спальней комнату. У кровати поверженъ Биронъ; онъ тщетно хватается за шпагу; стулъ, шпага и китайскія ширмы летятъ на полъ. Вся фигура Бирона сдѣлана весьма схожею съ лучшими его портретами, но такъ какъ герцогъ захваченъ въ постели, поэтому въ моментъ борьбы мы его видимъ безъ парика, что, разумеется, даетъ другой видъ его головѣ и лицу. Фигуру Манштейна художникъ поставилъ такъ, что лица его не видно; сдѣлано это, безъ сомнѣнія, потому, что порграть Манштейна до сихъ поръ не найденъ, и неизвѣстно даже, былъ ли онъ когда-либо язданъ. На крикъ Манштейна бѣжитъ старшій офицеръ, съ эспантономъ и съ шарфомъ, готовый перевязать ненавистнаго правителя. На лицѣ стараго гренадера, безъ сомнѣнія, видѣвшаго цѣлый рядъ дворцовыхъ переворотовъ съ 1725-го г., читаешь выраженіе удовольствія и радости. Онъ какъ и вся эта группа, исполнена ненависти къ Бирону...

Подлинная картина г. Якоби, составляющая собственность Н. Д. Бенардаки, занимаетъ въ длину — сажень, въ высоту — два аршина. Комната Бирона отдѣлана въ китайскомъ вкусѣ, какъ и было дѣйствительно во дворцѣ Анны Ивановны; надъ кроватью занавѣси голубого бархата, подбитыя желтымъ атласомъ; онѣ шиты гербами герцога и золотомъ. Одѣло атласное, ваточное, стеганое, бѣлое съ цвѣтами. Стулъ у постели обдѣланъ золотомъ и обитъ малиновымъ бархатомъ; на полу богатый красноватаго цвѣта коверъ. На фигурномъ, золотомъ обдѣланномъ, столѣ — шатулка съ андреевской звѣздой и голубую къ ней ленту; тутъ же лежитъ парикъ герцога. У кровати легкія китайскія ширмы. Рубашка на герцогѣ кружевная, съ блондами. Изъ-за кровати видно начало зеркала, въ широкой рамѣ.

Вся картина исполнена жизни, движенія и отличается, какъ вѣрностью исторіи, такъ — и замѣчательнымъ мастерствомъ отдѣлки *).

Продолжаемъ прерванный нами разговоръ г. Шубинскаго.

Ред.

*) Помѣстивъ снимокъ съ картины г. Якоби, считаемъ необходимымъ напомнить нашимъ читателямъ перечень другихъ произведеній этого художника. Вотъ главнѣйшія картины кисти г. Якоби, 1857 г.: «Лимонщикъ-продавецъ фруктовъ» (мал. сер. медаль). 1858 г. «Татары-продавцы халатовъ» (больш. сер. медаль). 1859 г. «Свѣтлый праздникъ нищаго» (мал. золот. медаль) — эта картина принадлежитъ нынѣ гр. Штейнбоку. 1860 г. «Привалъ арестантовъ» (больш. золот. медаль). Эта картина, имѣла наибѣйшій успѣхъ на выставкѣ того года; она составляетъ собственность г. Третьякова. Въ 1861 году г. Якоби посланъ отъ Академіи Художествъ за границу, гдѣ и пробылъ семь лѣтъ. Близкое изученіе лучшихъ художественныхъ произведеній западной Европы не могло не воздѣйствовать весьма благотворно на упроченіе и развитіе молодого худож-

Биронъ оборонялся отъ Манштейна и его гренадеровъ съ мужествомъ и силою отчаянія. Онъ барахтался, отбивался на право и на лѣво кулаками и нѣсколько разъ вырывался изъ рукъ обступившихъ его преображенцевъ. Ожесточенные этимъ сопротивленіемъ, солдаты пустили въ дѣло приклады, сбили регента съ ногъ, заткнули ему ротъ платкомъ, связали руки офицерскимъ шарфомъ, накиннули на него солдатскую шинель, вытащили вонъ, посадили въ нарочно приготовленную Минихомъ карету и отвезли въ зимній дворецъ.

ника. Онъ работалъ непрестанно, и не только Петербургъ, но и Лондонъ (въ 1862 г.) и Парижъ (въ 1867 г.) видѣли на своихъ выставкахъ (въ Парижѣ и въ Лондонѣ на всемірныхъ выставкахъ) произведенія г. Якоби. Между прочимъ, къ этимъ годамъ относятся слѣдующія его картины: «Подень» (двое нищихъ освѣщены солнцемъ, имъ подаетъ милостыню женщина). «Осень» (дѣвочка съ мальчикомъ). 1863 г.: «Закатъ»; «Захарка» (подлинникъ принадлежитъ г. И. Ламанскому). «Шнеонъ»; 1864 г. «Террористы умѣренные» — картина была на выставкѣ того года подъ названіемъ «Робеспьеръ» (принадлежитъ К. Т. Солдатенкову); «Голова Колинны и герцога Гизъ» (соб. г. Мазурина). За эту картину художникъ получилъ званіе Академика. 1868 — 1869 г.: «Какъ аукнется, такъ и откликнется» (кошки стригутъ ногти); «Выходъ изъ тарторинъ» (фигуры пьяныхъ); «Политика послѣ завтрака» (картина принадлежитъ К. Т. Солдатенкову); «Тарантелла на зубахъ» (фигуры цыганяты), «Модная мать», «Бандуристъ» и нѣсколько другихъ картинъ и эскизовъ; большая часть ихъ воспроизводитъ разныя стороны Римскаго быта; въ этомъ городѣ художникъ провѣлъ нѣсколько лѣтъ.

По возвращеніи изъ-за границы, г. Якоби обратился къ сюжетамъ изъ отечественной исторіи. Известно, что въ последнее десятилѣтіе изслѣдованія новейшей отечественной исторіи сдѣлали значительные успѣхи; вслѣдствіе этого художнику представляется богатый матеріалъ. Изучивъ его съ наибольшимъ вниманіемъ, г. Якоби остановился на одномъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ: «Арестъ Бирона». Этотъ эпизодъ имѣетъ не одинъ только драматическій интересъ, онъ важенъ и по своему значенію для всей русской исторіи прошлаго столѣтія: въ ночь на 8-е ноября 1740 года Россія руками же нѣмцевъ, освободясь отъ Бирона, освободилась вмѣстѣ съ нимъ отъ цѣлой тучи бездушныхъ, чуждыхъ нашему отечеству проходивцевъ, которые, нѣрѣдко добирался до самаго кормила правленія, сосали русскія деньги, русскую кровь.... Въ самомъ дѣлѣ, ни честолюбивый Минихъ, ни исполнительный Манштейнъ, низвергая Бирона, ужъ, конечно, не подозревали, что они готовятъ паденіе цѣлой ватаги иноземцевъ-авантюристовъ, въ томъ числѣ и свое собственное, и очищаютъ путь вполнѣ русской женщинѣ, — дочери Великаго Петра, — къ русскому престолю, а съ нею выдвигаютъ и ея сторонниковъ: Разумовскихъ, Воронцовыхъ, Шуваловыхъ, Бестужева-Рюмина; за ними Паниныхъ, Румянцова и друг., людей, конечно, съ разными способностями, но, во всякомъ случаѣ, вполнѣ русскихъ....

Картина «Арестъ Бирона» оцѣнена Академіею Художествъ вполнѣ по своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ: В. И. Якоби сдѣланъ Профессоромъ. Ред.

Герцогиня въ одной рубашкѣ выбѣжала на улицу вслѣдъ за своимъ мужемъ, увлекаемымъ солдатами. Одинъ изъ нихъ притащилъ ее, полумертвую отъ страха и ооченѣвшую отъ холода, къ Манштейну и спросилъ что съ нею дѣлать? Манштейнъ велѣлъ отвести герцогиню обратно во дворецъ, но солдату показалось тягостнымъ исполнить такое порученіе, и онъ бросилъ жену регента въ снѣгъ. Караульный капитанъ, увидя герцогиню въ этомъ положеніи, приказалъ одѣть её и отвести въ комнаты *).

Вслѣдъ за регентомъ были арестованы и отвезены подъ караулъ въ зимній дворецъ: братъ его, командиръ измайловскаго полка, Густавъ Биронъ и любимецъ его—кабинетъ-министръ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ то время, какъ Манштейнъ съ двадцатью гренадерами рѣшалъ судьбу Бирона, Анна Леопольдовна, въ борьбѣ со страхомъ и надеждою, томимая неизвѣстностью, ходила по пустыннымъ заламъ дворца. Войдя въ приемную комнату, гдѣ спалъ, бывшій въ эту ночь дежурнымъ, сынъ фельдмаршала, камергеръ Минихъ, принцесса, обезсиленная душевной тревогой, въ изнеможеніи сѣла къ нему на кровать. Тотъ проснулся, вскочилъ и, ничего не зная о происходившемъ, съ испугомъ смотрѣлъ на Анну Леопольдовну.

— «Знаешь-ли, мой любезный Минихъ», трепещущимъ голосомъ сказала ему принцесса, «что предпринялъ твой отецъ? Онъ пошелъ арестовать регента. Дай Боже, чтобы это благополучно удалось.»

Изумленный Минихъ старался успокоить её, увѣряя, что если отецъ его рѣшился на такой смѣлый поступокъ, то вѣроятно принялъ надежныя мѣры къ обезпеченію успѣха. Нѣсколько успокоенная этими словами, принцесса пошла въ комнату малютки-императора, куда вскорѣ явился и мужъ ея, принцъ Антонъ Ульрихъ. Можно судить, съ какимъ нетерпѣніемъ они ожидали извѣстій отъ Миниха.

*) Биронъ былъ женатъ на Бенигнѣ-Готлибъ Тротта-фонъ-Трейденъ, род. въ 1703 г. ум. въ 1783 г. Отъ этого брака онъ имѣлъ двоихъ сыновей: Петра, род. въ 1724 г., бывшаго потомъ герцогомъ Курляндскимъ и умершаго въ 1800 г., и Карла, род. въ 1728 г. ум. въ 1801 г., и дочь Гедвигу-Елисавету, род. въ 1727 г., бывшую съ 1759-го г. замужемъ за барономъ А. П. Черкасскимъ и умершую около 1796-го года. (См. «Русскую Старину» т. II, стр.482 — 483). С. III.

Фельдмаршалъ не замедилъ вывести супруговъ изъ ихъ тягостнаго положенія. Онъ самъ доложилъ принцессѣ объ арестованіи регента и поспѣшилъ разослать гонцовъ во всѣмъ министрамъ и другимъ сановникамъ, съ объявленіемъ о такомъ радостномъ событіи и приглашеніемъ прибыть во дворецъ для принесенія поздравленія принцессѣ. Съ тою-же цѣлью приказано было всѣмъ, находившимся въ Петербургѣ, полкамъ собраться на дворцовой площади. Минихъ позаботился также послать двухъ преданныхъ ему офицеровъ въ Москву и Ригу, для взятія подъ стражу тамошнихъ генераль-губернаторовъ, Карла Бирона и генерала Бисмарка, зятя регента.

Вѣсть о низверженіи Бирона мгновенно облетѣла городъ и произвела общій, искренній восторгъ. Не болѣе какъ черезъ часъ, дворцовый лугъ, набережная Невы, нынѣшняя Милліонная, и другія улицы, прилегавшія къ дворцу, буквально запрудились придворными экипажами, войсками, проходившими на свои мѣста съ знаменами и барабаннымъ боемъ и народомъ, стекавшимся со всѣхъ концовъ Петербурга. Всюду слышались крики радости, поздравленія, цѣлованія... Принцесса приказала выкатить толпѣ нѣсколько бочекъ вина. Они были встрѣчены громкими «ура»! и роспиты въ одну минуту. Во многихъ мѣстахъ запылали огни; солдаты и горожане, смѣшавшись между собой, пестрыми группами расположились около костровъ, яркое зарево которыхъ, освѣщая эту оживленную картину, было видимо далеко въ окрестностяхъ. Иностранные послы и придворные, не имѣя возможности подъѣхать ко дворцу въ экипажахъ, оставляли ихъ и дѣшвомъ, съ трудомъ проталкиваясь сквозь густыя массы народа, добирались до покоевъ принцессы, гдѣ уже толпилось множество офицеровъ и другихъ должностныхъ лицъ. Въ наскоро составленномъ собраніи изъ первѣйшихъ чиновъ двора, было положено просить Анну Леопольдовну принять, до совершеннолѣтія ея сына, правленіе, съ титуломъ «правительницы и императорскаго высочества». Принцесса, выслушавъ это рѣшеніе, разумѣется, тотчасъ же согласилась на него. Всѣ присутствовавшіе немедленно отправились въ придворную церковь, гдѣ, послѣ благодарственнаго молебствія, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, присягнули въ вѣрности императору и новой правительницѣ.

Биронъ содержался до утра 9-го ноября въ караульной зимняго дворца, а потомъ, вмѣстѣ съ семействомъ, былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Для изслѣдованія его преступленій правительница учредила особую комиссію, которая, окончивъ черезъ пять мѣсяцевъ свои занятія, признала герцога Курляндскаго виновнымъ: въ насильственномъ захватѣ обманомъ регентства на время малолѣтства императора, намѣреніи удалить изъ Россіи императорскую фамилію съ цѣлью утвердить престолъ за собой и за своимъ потомствомъ, и во множествѣ другихъ второстепенныхъ преступленій *). По единогласному рѣшенію членовъ комиссіи, Биронъ былъ приговоренъ въ смертной казни—четвертованіемъ; но правительница замѣнила этотъ приговоръ вѣчнымъ заточеніемъ, съ конфискаціей всего движимаго и недвижимаго имущества.

Согласно совѣту кабинетъ-министра князя Черкаскаго, долгое время бывшаго сибирскимъ губернаторомъ, правительница назначила мѣстомъ ссылки Бирона городомъ Пелымъ (нынѣ слобода Тобольской губерніи, Туринскаго уѣзда), разстояніемъ отъ Петербурга около 3,000 верстъ. Для помѣщенія Бирона съ семействомъ было приказано немедленно выстроить въ Пелымѣ небольшой домъ со службами и обнести его со всѣхъ сторонъ высокимъ палисадомъ. Планъ наружнаго фасада и внутренняго расположенія дома, состоявшаго всего изъ четырехъ комнатъ, былъ начерченъ фельдмаршаломъ Минихомъ, конечно, не предполагавшимъ въ ту минуту, что это же самое мѣсто скоро сдѣлается его двадцатилѣтней тюрьмой.

Для сопровожденія Бирона и надзора за нимъ въ Пелымѣ были назначены лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Викентьевъ, поручикъ Дурново и двѣнадцать чело-вѣкъ солдатъ отъ разныхъ полковъ.

Въ инструкціи, данной изъ кабинета конвойнымъ офицерамъ, приказывалось: «содержать арестантовъ подъ ерѣвкимъ и осторожнымъ карауломъ неусходно и всегдашнее смотрѣніе имѣть, чтобъ никто изъ нихъ никакимъ образомъ уйти не могъ

*) Подробное извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла надъ Бирономъ напечатано въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», 1862 г. ч. I, стр. 28—149.

и въ тамошнюю ихъ бытность никого въ нимъ не допускать, бумаги и чернилъ не давать».

На содержаніе Бирона съ семействомъ было велѣно отпущать «изъ сибирскихъ доходовъ» по 15-ти рублей въ сутки (т.е. 5,475 р. въ годъ). Для услугъ съ ссыльными были отправлены два лакея, Александръ Кубанецъ и сибирякъ Илья Степановъ, двѣ женщины—«дѣвка арапка Софья» и «дѣвка турчанка Катерина» и два повара. На содержаніе всѣхъ ихъ положено выдавать «особливо по 100 рублей въ годъ».

Такъ какъ Биронъ, его жена и дѣти были лютеранскаго вѣроисповѣданія, то правительница приказала послать въ Пелымъ пастора, назначивъ ему 150 рублей ежегоднаго жалованья.

Вмѣстѣ съ Бирономъ былъ сосланъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, «за тяжкую вину, вмѣсто смертной казни», лекарь Вахтлеръ. Караульнымъ офицерамъ было предписано держать его подъ крѣпкимъ карауломъ и, въ случаѣ надобности, употреблять для леченія арестантовъ.

13-го іюня 1741-го г., Викентьевъ и Дурново повезли Бирона и его семейство, подъ конвоемъ, изъ Шлиссельбурга. Они ѣхали тихо, съ частыми и продолжительными роздыхами и прибыли въ Пелымъ лишь въ началѣ ноября *).

Внезапный переходъ отъ могущества и неограниченнаго самоуправства въ ничтожество и забвенію, произвелъ въ характерѣ Бирона рѣзкую перемену и подѣйствовалъ на его крѣпкое здоровье. Онъ сдѣлался мрачнымъ, задумчивымъ, впалъ въ уныніе и вскорѣ по приѣздѣ въ Пелымъ серьезно заболѣлъ. Лекарь Вахтлеръ не могъ оказать страждущему помощи потому, что не имѣлъ съ собой необходимыхъ лекарствъ; достать же ихъ скоро не было никакой возможности. Считаая свою болѣзнь

*) Пелымъ лежитъ близъ слиянія двухъ рѣкъ: Пелыма и Тавды. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ дремучими первобытными лѣсами хвойныхъ породъ. Окрестности его на далекое пространство никогда не были обитаемы по причинѣ множества «збуновъ» или бездонныхъ пропастей, обманчиво покрытыхъ зеленью и цвѣтами. Вѣчно сырая почва этого края заключаетъ въ себѣ необыкновенно растительную силу: кедръ, ель, сосна, пихта и лиственница достигаютъ здѣсь часто четырехъ саженъ въ объемѣ и до тридцати саженъ въ вышину. Ловля и продажа звѣрей и рыбъ, въ изобиліи наполняющихъ пелымскіе лѣса и рѣки, составляютъ единственный источникъ пропитанія жителей—полукичигъ вогуловъ. Въ теченіи зимы, продолжающейся отъ октября до мая, сообщеніе Пелыма съ другими сибирскими городами крайне

неизлечимой, Биронъ готовился къ смерти, проводилъ цѣлыя дни въ религіозныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ или читалъ библію и другія священныя книги. Къ довершенію несчастій герцога, 28-го декабря, въ полночь, въ его спальнѣ загорѣлся, отъ лопнувшей печной трубы, потолокъ. Огонь быстро охватилъ весь домъ, такъ что караульные солдаты съ трудомъ успѣли вытащить изъ пламени арестантовъ и часть ихъ пожитковъ. Викентьевъ перевезъ Бирона съ семействомъ въ городъ и помѣстилъ въ домъ у воеводы.

Въ началѣ января 1742-го года, до Пелыма достигла вѣсть объ арестованіи малолѣтняго императора и его родителей и о восшествіи на престолъ цесаревны Елисаветы Петровны. Новость эта оживила Бирона. Во время своего значенія, онъ оказалъ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколько услугъ и потому могъ надѣяться, что она, сдѣлавшись императрицей, вспомнитъ о немъ и облегчитъ его участь. Надежды его не замедлили оправдаться. 28-го января, въ Пелымъ прискакалъ сенатскій курьеръ съ императорскимъ указомъ, возвращавшимъ герцогу полную свободу и шлезвигское имѣніе Вартенбергъ, полученное имъ въ подарокъ отъ прусскаго короля еще въ 1731-мъ году и конфискованное у него вмѣстѣ съ прочимъ имуществомъ, при ссылкѣ.

Биронъ, еще неоправившійся отъ своего недуга и съ трудомъ ходившій по комнатѣ, успѣшилъ оставить Пелымъ. Онъ намѣревался проѣхать прямо въ Курляндію, но на дорогѣ внезапно получилъ новый указъ императрицы, которымъ ему повелѣвалось отправиться въ Ярославль и жить тамъ безвыѣдно. Причина, вызвавшая подобное распоряженіе, неизвѣстна. По словамъ саксонскаго резидента Пецольда, оно произошло вслѣд-

---

затруднительно по случаю глубокихъ снѣговъ; гѣтомъ же обитатели его получаютъ необходимыя для жизни припасы водою, по Тавдѣ.

Изъ современнаго Бирону описанію Пелыма видно, что городокъ этотъ состоялъ тогда изъ небольшой деревянной крѣпости или, вѣрнѣе, острога, вооруженнаго двумя мѣдными пушками и четырьмя чугунными пищалями, двухъ церквей, и нѣсколькихъ десятковъ обывательскихъ домовъ. Въ крѣпости жили: воевода, два фискала, надсмотрщикъ крѣпостной конторы, пять боярскихъ дѣтей и шестьдесятъ рядовыхъ казаковъ и пушкарей. Число горожанъ неизвѣстно.

Домъ, назначенный для помѣщенія герцога Курляндскаго и его семейства, былъ выстроенъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости, на крутомъ, обрывистомъ берегу Тавды, лицомъ къ густой, непроницаемой тайгѣ. С. III.

ствіе настояній князей А. М. Черкаскаго и Н. Ю. Трубецвого, руководившихся при этомъ личными интересами и враждой къ Бирону. Какъ бы то ни было, Викентьевъ и Дурново, миновавъ, согласно присланному имъ секретному приказанію, Москву, 26-го марта привезли бывшаго регента въ Ярославль, гдѣ для жительства его былъ отведенъ большой каменный магистратскій домъ съ садомъ, на берегу Волги *).

Трудный и далекій путь усилилъ болѣзнь герцога и принудилъ его опять слечь въ постель. Императрица, находившаяся въ это время въ Москвѣ, узнавъ объ опасномъ положеніи Бирона, послала къ нему своего лейбъ-медика Лестока. Послѣдній пробылъ въ Ярославлѣ нѣсколько дней и не только помогъ герцогу своимъ искусствомъ, но, по возвращеніи ко двору, исходатайствовалъ ему значительныя льготы. Государыня дозволила Бирону принимать къ себѣ всѣхъ, кого онъ пожелаетъ и выѣзжать самому въ гости и на охоту, однакожь не далѣе какъ на двадцать верстъ кругомъ Ярославля, «за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ», то-есть, въ сопровожденіи караульнаго офицера. Сверхъ того, по приказанію императрицы, Бирону были присланы изъ Петербурга, принадлежавшіе ему, бібліотека, мебель, посуда, охотничьи собаки, ружья, экипажи и нѣсколько лошадей.

Такимъ образомъ, благодаря снисходительности Елисаветы Петровны, герцогъ могъ пользоваться въ Ярославлѣ нѣкоторой свободой и удобствами. Однако, несмотря на это, и самъ Биронъ и его семейство были очень недовольны своимъ новымъ положеніемъ, жаловались на недостаточность отпускаемаго имъ содержанія и тяготились неволей и зависимостью отъ караульныхъ офицеровъ.

Въ особенности досадовала на свою судьбу дочь Бирона, Гедвига-Елизавета. Оторванная отъ блестящей придворной среды, въ которой постоянно стремились всѣ ея помыслы и желанія, она страшно скучала и считала себя несчастнѣйшимъ существомъ на землѣ. Тоска и досада Гедвиги-Елисаветы усиливались еще болѣе отъ постоянныхъ преслѣдованій отца, нелю-

*) По отъѣздѣ Бирона изъ Ярославля, въ 1761-мъ году, домъ этотъ былъ передѣланъ въ острогъ, а въ 1820-мъ году изъ кирпичей его построена первая полицейская часть.

бывшаго её за то, что она была горбата и нехороша собой. Биронъ имѣлъ крайне вспыльчивый и раздражительный характеръ. Малѣйшая неудача или непріятность приводили его въ сильный гнѣвъ, который онъ обыкновенно изливалъ на своихъ приближенныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ, преимущественно передъ всѣми, доставалось, разумѣется, нелюбимой дочери. Съ первыхъ же дней по приѣздѣ въ Ярославль, Гедвига-Елисавета начала придумывать средства избавиться отъ отцовскаго гнета и снова занять мѣсто при дворѣ. Она постаралась, прежде всего, расположить въ свою пользу вліятельныхъ лицъ, жившихъ въ городѣ, надѣясь черезъ ихъ ходатайство и связи достигнуть своей цѣли; но скоро убѣдившись въ несбыточности этой надежды, обратилась къ другому плану,—написала письмо къ начальнику тайной канцеляріи, графу Шувалову, и просила его принять участіе въ ея положеніи. Когда и это не привело ни къ какому результату, Гедвига-Елисавета рѣшилась на отчаянную попытку бѣжать изъ отцовскаго дома. Удобный случай для этого представился, однакожь не ранѣе 1749-го г. Въ этомъ году императрица переѣхала со всѣмъ дворомъ въ Москву и, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, отправилась пѣшкомъ на богомолье въ Троицкую Лавру. Узнавъ о пребываніи государыни въ полторастахъ верстахъ отъ Ярославля, Гедвига-Елисавета поспѣшила привести въ исполненіе свой замыселъ. 15-го апрѣля, ночью, она явилась къ женѣ ярославскаго воеводы, Бобрицевой-Пушкиной, и, обливаясь слезами, объяснила ей, что давно уже чувствуетъ душевную потребность принять православіе, но что отецъ, не желая допустить до этого, подвергаетъ её такимъ жестокимъ преслѣдованіямъ, которыя она не въ силахъ болѣе переносить. При этомъ, принцесса неотступно умоляла Пушкину немедленно отвезти её въ Троицкую Лавру, гдѣ она хотѣла лично просить императрицу о заступничествѣ и покровительствѣ. Пушкина обрадовалась случаю обратить на себя вниманіе государыни, и въ ту же ночь отправилась съ Гедвигой-Елисаветой въ Лавру.

По приѣздѣ въ монастырь, Пушкина представила принцессу графинѣ Шуваловой, занимавшей при императрицѣ должность первой статсъ-дамы. Гедвига-Елисавета сзумѣла поддѣлаться къ старой графинѣ и возбудила въ ней такое горячее участіе къ себѣ, что Шувалова взялась ходатайствовать за нее передъ

государыней. Благодаря этому обстоятельству, принцесса была выставлена въ глазахъ императрицы несчастной жертвой родительскихъ преслѣдованій, будто бы навлеченныхъ ею усердіемъ къ православной вѣрѣ. Елисавета Петровна была, какъ извѣстно, чрезвычайно религіозна и предана церкви, а потому поступокъ принцессы заслужилъ полное ея одобреніе. Она сочла священной обязанностью принять подъ свое покровительство «бѣдную овечку» и приказала привести еѣ къ себѣ. Явясъ къ императрицѣ, Гедвига-Елисавета упала на колѣни, зарыдала и не могла произнести отъ смущенія ни одного слова.... Императрица расстрогалась, обласкала принцессу и обѣщала тотчасъ же по возвращеніи въ Москву присоединить еѣ къ православію. Дѣйствительно, черезъ три недѣли послѣ этого, Гедвига-Елисавета торжественно приняла православіе въ церкви Головинскаго дворца, причемъ получила имя Екатерины Ивановны. Такъ какъ принцесса не имѣла никакихъ средствъ къ существованію, то императрица придумала для нея должность главной надзирательницы надъ фрейлинами, съ весьма, впрочемъ, ограниченнымъ содержаніемъ.

Бѣгство дочери и въ особенности переходъ ея въ православіе, привели Бирона въ страшное отчаяніе и негодованіе, такъ что императрица, узнавъ о нравственномъ состояніи герцога и опасаясь, чтобы онъ, въ порывѣ горя, не покусился на свою жизнь, сочла нужнымъ послать караулившему его офицеру предписаніе «имѣть неустанное за онымъ Бирономъ наблюденіе, дабы какого зла себѣ не учинилъ и въ какомъ разсужденіи далѣе будетъ состоять, о томъ секретно доносить и для гулянья съ нимъ ѣздить самому, а другихъ не посылать.» Однако опасенія императрицы оказались напрасными. Биронъ остался живъ, черезъ нѣсколько недѣль совершенно успокоился и даже, уступая желанію государыни, простилъ дочь.

Въ это же время Бирону приходилось испытывать еще и другія непріятности. По своей неуживчивости и раздражительности, онъ безпрестанно ссорился съ капитанъ-поручикомъ Дурново, который былъ назначенъ, въ 1745-мъ году, вмѣсто Викентьева, старшимъ приставомъ при герцогской фамиліи. Ссоры эти превратились наконецъ въ явную вражду и Дурново, пользуясь своею властью, началъ дѣлать Бирону разныя притѣсненія и придирки. Герцогъ неоднократно жаловался на грубость и при-

дирчивость Дурново ярославскому воеводѣ, но жалобы эти почему-то оставались безъ послѣдствій и только въ 1753-мъ году косвеннымъ путемъ дошли до государыни. Елисавета Петровна тотчасъ же велѣла смѣнить Дурново и отдать его подѣ судѣ при сенатѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица выразила желаніе, чтобы Биронъ подробно сообщилъ о всѣхъ сдѣланныхъ ему обидахъ и притѣсненіяхъ. Такое вниманіе привело герцога въ восхищеніе. Онъ поспѣшилъ написать императрицѣ письмо, которое впервые печатается, и притомъ вполне, съ подлиннаго современнаго перевода, сохранившагося въ дѣлахъ Архива Мин. Иностран. Дѣлъ:

«За всѣ тѣ высочайшія милости, которыя ея императорское величество, въ первый день ея величества высоко-славнаго государствованія, намъ бѣднымъ, въ самой крайней нуждѣ и утѣсненіи оказать повелѣла, и которыми ея величество, и по сей часъ такъ щедро и милосердно, жаловать благоволилъ, что мы во освященнымъ сея великія монархини стопамъ, со всеподданническимъ благодареніемъ припадаемъ, всенижайше прося, чтобъ оное высокоmaterнее милосердіе намъ и впредь пожаловано было.

«Пріѣхавшій, марта 25 дня, гвардіи капитанъ-поручикъ г. Будгаковъ, по указу правительствующаго сената, намъ объявилъ, чтобъ мы наши жалобы на бывшаго у насъ на караулѣ капитанъ-поручика Дурного подали; во исполненіе котораго, съ должнѣйшимъ послушаніемъ то приносимъ.

«Какъ мы въ нашей крайней бѣдѣ, высочайшею ея императорскаго величества милостію обрадованы были, то съ самаго того времени офицеры насъ подѣ честнымъ и свободнымъ надзираніемъ имѣли, такожь мы на самихъ ихъ ссылаемся, представляя ихъ свидѣтелями, какимъ образомъ мы со всеглубочайшимъ почтеніемъ всегда старались ничего не предпринять, чтобъ въ противность всеосвященному соизволенію нашей всемилостивѣйшей императрицы было.

«А какъ команду принялъ офицеръ Дурной, то мы многія обиды и огорченія чрезъ восемь лѣтъ отъ него терпѣли. По-неже онъ безъ причины перемѣнилъ приказъ въ его командѣ, чтобъ моихъ дѣтей безъ солдатъ съ двора не выпускать, которые во все время безъ караула выхаживали, и для того часто,

какъ только ему угодно явится, караулъ въ воротамъ приставлялъ, а потомъ, какъ они такимъ образомъ по недѣли содержаны были, и его злость минется, то онъ опять караулъ отъ воротъ въ надлежащее мѣсто свести, и во всемъ по прежнему порядку поступать велитъ. А когда дворъ въ С.-Петербургѣ благоволилъ находиться, въ то время мы отъ него по большей части обиды нести принуждены были, понеже онъ въ декабрѣ мѣсяцѣ прошедшаго года моимъ дѣтамъ, когда они хотѣли отъ наигорчайшаго своего уединенія проходиться, наижесточайшимъ образомъ чрезъ солдатъ не дозволилъ.

«А какъ мы изъ высочайшей ея императорскаго величества милости российскихъ пять поваровъ имѣли, то оный офицеръ Дурной имъ привазалъ по недѣлѣ у себя варить и имѣть дневанье, такожь и сіе многимъ здѣшнимъ жителямъ извѣстно, сколь долгое время тогда опасно прилипчивая болѣзнь въ его домѣ находилась, понеже здѣшній городской лекаръ его двѣнадцать человѣкъ (болѣвшихъ) салваціею вылечилъ, и такъ двое лучшихъ поваровъ ушли, а по нашему мнѣнію, по причинѣ той, опасались, чтобъ и они сею злою болѣзнію заражены быть не могли, такожь и для избѣжанія многихъ побоевъ, понеже онъ часто ихъ въ самую работу изъ моей кухни бралъ; у партикулярныхъ людей, также у нѣкоторыхъ солдатъ стряпать принуждалъ, а на мѣсто двухъ упедшихъ и одного умершаго исходатайствовалъ онъ, чрезъ свой ложный аттестатъ, одного непотребнаго малаго, который за его мошенническія злодѣяства всегда прерзрителенъ былъ, такожь года съ два въ тюрьмѣ сидитъ, при здѣшней провинціальной канцеляріи. Теперь уже легко усмотрѣть можно, съ какимъ попеченіемъ и огорченіемъ мы часто за столъ со слезами саживались, также по крайней нуждѣ (понеже 2 ушли, одинъ умеръ и одинъ подъ карауломъ) должны мы были одного иностраннаго—принять, которому мы, хотя оно намъ также весьма трудно было, изъ однихъ намъ, только на столъ назначенныхъ, денегъ плату давать должны.

«Какъ мы въ Ярославль приѣхали, то сперва здѣсь высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей императрицы присланнымъ указомъ объявлена, чтобъ намъ хорошая квартира дана была, что такъ и учинено, однако оный домъ магистратскій, а сколь долго мы въ немъ живемъ, я всегда починавать при-

казывалъ, многое къ тому пристроилъ и нашимъ коштомъ 11 лѣтъ содержанъ, что намъ весьма трудно, и для того пришли въ долги, понеже намъ сверхъ того не дѣлалъ, но когда магистратъ что велитъ построить, то онъ не зналъ, сколько ему своего неудовольствія въ томъ показать, и съ нами грубо поступалъ, которое я и моя бѣдно-опечаленная фамилія 8 лѣтъ молчаливо терпѣли, чтобъ просьбою не могли затрудить.

«А сверхъ того всякому извѣстно, что сей офицеръ Дурной не въ показанныхъ ему палатахъ живетъ, такожь дрова и все другое отъ магистрата получаетъ, а мы по сіе число все покупать должны, изъ чего ясно видно, что Дурной не въ силу все-милостивѣйше даннаго ему указа съ нами поступалъ; но противное оказывалъ, ибо онъ за насъ, ни въ какомъ случаѣ, не вступался.

«Надъ нѣкоторыми нашими служителями желалъ Дурной господствовать, понеже онъ имъ жалованье безъ моего вѣдома, по своему благоразсужденію давалъ.

«Изъ г. Петербурга и по нынѣ не имѣли мы въ нашемъ крайнемъ несчастіи болѣе двухъ дѣвокъ, изъ которыхъ одна турчанка, а другая арабка, а понеже первая замужъ вышла, то мы должны и послѣднюю, по его многократному требованію и сватовству (что каждому извѣстно), чтобъ быть только лишь отъ него въ покоѣ, въ сію пришедшую осень за пастора отдать.

«А почему Дурной оной арабкѣ (и чрезъ его милостивое стараніе учинившейся пасторшѣ) еще и по сіе время непринадлежащее жалованье выдаетъ, то мнѣ оное неизвѣстно, однакожь намъ его сватовство (которое для посмѣянія всему городу было) весьма чувствительно; ибо моя супруга, въ часто случающихся ей въ болѣзни припадкахъ, по нынѣ никого на ея мѣсто не имѣетъ.

«Еще-жь капитанъ-поручикъ Дурной искалъ людей на насъ доносить, что будто-бы они были обижены, имъ совѣтовалъ, и приказалъ прошеніе написать, которое въ подлинникѣ находится, и письменно доказать можно, что его злое намѣреніе туда простиралось, желая насъ въ худую славу, также и при высочайшемъ мѣстѣ тѣмъ насъ въ ненависть и немилость привести.

«Въ Шлиссельбургѣ двое изъ нашихъ воспитанниковъ отъ

насъ отпущены, изъ которыхъ одинъ былъ тунгузецъ, а другой кубанской татаринъ; и какъ мы онаго послѣдняго примѣтили (что его худое поведеніе до того касалось, понеже онъ злыми и богопротивными людьми къ тому приведенъ), приказалъ я его въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать, ибо мы опасались, чтобъ онъ еще какаго злодѣяства неучинилъ; оный малый, именемъ Александръ, въ упомянутой канцеляріи, сколько лишь намъ извѣстно, слѣдующее объявилъ:

«Прошлаго года, какъ онъ отъ меня посланъ былъ къ господину Дурнову, оный ему сказалъ, что онъ дворцовый служитель, потомъ обнадеживалъ его, что ежели оный малый не желаетъ у насъ служить, то за него стараться будетъ, только чтобъ онъ на насъ ему жалобу принесъ; по которому обѣщанію оный, Александръ, тѣмъ наиболѣе къ нему присталъ, а намъ невѣрнень сталъ, понеже ему показались обнадеживанія и обѣщанія капитанъ-поручика Дурнова, къ томужь онъ часто видѣлъ, какъ худо онъ съ нами поступаетъ, и изъ квартиры безъ караула многократно невыпускалъ.

«Научалъ онъ на моего меньшаго сына отставнаго сержанта бить челомъ.

«Солдата Линева безъ наказанія и изслѣдованія отпустилъ, что онъ, стоя на караулѣ, у малаго нѣсколько рублей денегъ отнялъ.

«По дальнему допросу сказалъ, что онъ, Александръ, по вышеобъявленному обнадеживанію господина Дурнова, осмѣлился, во вторникъ на первой недѣлѣ сего великаго поста, чтобъ убѣждать за его ослушаніе должнаго наказанія, уйти къ господину Дурнову и искать у него защищенія; чего ради капитанъ-поручикъ ему приказалъ на насъ доношеніе написать и ему подать, на что Александръ отвѣтствовалъ, что онъ того сдѣлать не можетъ, понеже онъ о своихъ господахъ ничего худаго не знаетъ.

«О семъ его неслыханномъ поступкѣ ярославская канцелярія лучшее извѣстіе подать можетъ. А послѣ допроса онаго Александра въ провинціальной канцеляріи, намъ онъ обратно отданъ, отсюда на другой день по утру, какъ онъ одѣвалъ моего большаго сына, изъ его горницы, по приказу господина капитанъ-поручика Дурнова, сержантомъ и солдатами взять подъ караулъ,

и въ нему отвѣденъ; а что онъ тамъ съ нимъ дѣлалъ, то намъ неизвѣстно; и для того мы принятаго здѣсь нашего нѣмецкаго служителя въ нему послали, чтобъ о томъ провѣдать, котораго офицеръ тотчасъ арестовалъ, и хотѣлъ-было его приказать съчѣ. Черезъ часъ послѣ того пришелъ онъ (Дурнаго) въ намъ совсѣмъ перемѣнившись изъ лица, отъ злости. Къ нашему счастью случились тогда быть находящимся при канцеляріи подполковнику Артамону Левашову и отставному маіору Кововцеву, безъ которыхъ свидѣтелей чаятельно онъ о какомъ собственно изобрѣтеніи на насъ бѣдныхъ правительствующему сенату отрепортовалъ, и говорить мнѣ съ угрозою: знаю ли я кто онъ таковъ? и какъ я дерзновеніе принялъ, безъ его позволенія, того малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію послать? А я ему отвѣтствовалъ весьма инаково и упустительно, что я въ нему тогда стоявшаго у насъ на караулѣ сержанта Шипова посылалъ, чтобъ онъ малаго допросилъ, такожь по прошествіи нѣкотораго времени и самъ ему припамятовалъ, чтобъ онъ что хотѣлъ съ нимъ сдѣлалъ, только я отъ него ничего въ отвѣтъ не получалъ, принужденъ былъ упомянутаго малаго въ здѣшнюю провинціальную канцелярію отослать. Упомянутый сержантъ Шиповъ стоялъ тогда при томъ, и сказалъ оное своему командиру, въ глаза, что онъ о всемъ вышеупомянутомъ ему объявлялъ, такъ какъ я ему приказывалъ.

«Потомъ (Дурнаго) осердившись сказалъ, что онъ «равно какъ бы былъ у свиней». Меньшой мой сынъ отвѣтствовалъ: «мы не хотимъ браниться; довольно того, что подполковникъ и маіоръ слышать, какъ вы насъ подбиваете».

«Господинъ Дурной, повторяя свои прежнія слова, сказалъ, что онъ «еще хуже былъ, какъ у свиней». Сей его гнѣвъ такимъ образомъ умножился, что онъ съ великою яростію изъ дому вышелъ, и караулъ у воротъ приставилъ, со строгимъ объ насъ приказомъ.

«Когда мои дѣти ему прежде того о его поступкахъ представляли, то онъ, по своему обыкновенію, экскузами отличался, или удивительно проклиная исправить хотѣлъ, мы-же всегда противное тому провѣдывали.

«Такія его многократныя перемѣны въ его приказахъ, которые онъ своей командѣ давалъ, понеже мы думали, что оныя высочайшимъ указомъ повелѣно, и о томъ у насъ немалое без-

покойство, печали и великия алтераціи причинились. Мы же все оное сносили, и въ молчаніи уединенномъ на высочайшую ея императорскаго величества милость уповали, которую мы всегда признаваемъ, и за переѣзду капитана, припадая къ стопамъ, благодареніе приносимъ, и со всесовершеннѣйшимъ почтеніемъ, о высочайшемъ благополучіи нашей всемилостивѣйшей императрицы вѣчно Всемогущаго, съ искреннимъ тщаніемъ, и изъ истиннаго подданства, вѣрноподданнѣйшими сердцами, молить будемъ. Марта 30 дня, 1753 года. Е. Іоанъ. Г. Ф. К. *)».

«Переводилъ переводчикъ Николай Дурасовъ».

Дурново, сдавъ команду и арестантовъ смѣнившему его капитанъ-поручику Преображенскаго полка Булгакову, отправился въ Петербургъ и явился въ сенатъ, гдѣ на предложенные ему вопросы пункты далъ, 3-го іюня 1753 г. слѣдующее показаніе:

«Въ бытность мою при Биронѣ съ фамиліей, чтобъ дѣти его Бирона, хотя прежде безъ караула и выхаживали, но по усмотрѣннымъ мною причинамъ, безъ солдатъ съ двора выпущать я приказывалъ для того, чтобъ безъ присмотра съ двора не сходили, ибо оны живутъ въ разныхъ покояхъ, а часовому на крыльцѣ усмотрѣть не можно; а иногда тотъ караулъ отъ воротъ и сводилъ и приказывалъ отпускать ихъ съ присмотромъ, и то я чинилъ въ силу данныхъ мнѣ 1741 года, ноября 29 дня и 1749 года, іюня отъ 4 числа, указовъ; а когда они проходятся хотѣли, то отъ меня запрещенія не было, а позволяемо было, съ тѣмъ чтобъ за ними солдаты были, а безъ того-бъ неходили.

«Поваровъ я у себя по недѣлѣ варить и дневанье имѣть никогда не приказывалъ, точію, которые отъ него Бирона смѣнялись, то изъ нихъ двухъ по смѣнѣ, за пьянствомъ ихъ, въ квартиру отпускать не велѣлъ, а приказывалъ имъ быть на моей квартирѣ по недѣлѣ безъисходнымъ; а стряпать ихъ какъ у себя, такъ и у постороннихъ и у солдатъ непринуждалъ, а когда у меня или у постороннихъ случались компаніи, то какъ я, такъ и посторонніе, для стряпанья прашивали тѣхъ поваровъ у него Бирона и съ его позволенія употребляли. На мѣсто-жъ убылыхъ поваровъ, одного поварскаго сына Червасова, который прежде

*) Т.-е. *Bezog von Kurland.*

жилъ у меньшаго его, Биронова, сына и потомъ учился на той же его Бироновой кухнѣ, и, по прошенію отца его, онаго повара о опредѣленіи его на кухню въ нему Бирону я въ сенатъ представлялъ, о чемъ и ему Бирону тогда жъ до представленія сказывалъ, на что и онъ Биронъ говорилъ, чтобъ представить, почему и представилъ и указъ получилъ; а непотребства и злодѣйства тогда за нимъ никакого видно не было.

«Въ отведенномъ ему Бирону домѣ о починкѣ и пристройкѣ ему Бирону въ магистратъ представить не только недозволять или запрещать, но и самъ я о томъ въ магистратъ словесно неоднократно представлялъ и всегда починки и пристройки исправляемы были отъ того магистрата.

«Я жилъ въ отведенномъ отъ магистрата домѣ и дрова получалъ отъ того магистрата, по ихъ доброй волѣ, безъ принужденія, а кромѣ дровъ ничего не получалъ; а Бирону отпуска дровъ и ничего другаго отъ магистрата не было и я безъ указа не требовалъ, а покупалъ онъ Биронъ изъ получаемыхъ на содержаніе свое денегъ отъ себя.

«Служителямъ опредѣленное жалованье каждому порознь раздавалъ я какъ и прежде меня сначала другими офицерами раздавалось, съ его Бирона воли, черезъ унтеръ-офицеровъ, кои деньги изъ казны принимали; а о выдачѣ арабки за пастора никакого требованія и сватовства я не употреблялъ, но точію доказывалъ ему Бирону, что пасторъ желаетъ на ней жениться и для того ко мнѣ приходилъ; и выдана она, по приказу его Бирона, самимъ имъ Бирономъ и у него Бирона въ домѣ.

«Никакихъ людей доносить на него Бирона ни о чемъ я не искалъ и никому не совѣтовалъ и прошеній подавать не приказывалъ.

«Служителю его Бирона Александру того, якобы онъ дворцовый, не говаривалъ; а говорилъ что онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служителемъ и что ежели онъ не желаетъ у него служить, то-чтобъ за него я старался—никогда не обнадеживалъ; точію оный служитель Александръ на большаго его Бирона сына однажды пришедъ ко мнѣ, на первой недѣлѣ великаго поста нынѣшняго года, жалобу приложилъ о битвѣ его и о худыхъ поступкахъ, въ которыхъ его онъ, Бироновъ сынъ, принуждалъ. И о томъ я приказывалъ ему доношеніе къ себѣ

подать для того, что ежели-бъ слѣдовало что представить, то представилъ-бы, а о прочемъ ему-бъ Бирону объявить, а на меньшаго его сына ни въ чемъ бить челомъ отставнаго сержанта я не научалъ; но только приходилъ ко мнѣ отставной гвардіи сержантъ съ жалобою на него, Биронова сына, въ битьѣ жены его, съ чего я посылалъ его сержанта ту жалобу принести къ отцу его Бирону, точю онѣй сынъ его недопустилъ; и потомъ того сержанта къ нему Бирону я съ тою жалобою приводилъ, котораго они и удовольствовались; а на солдата Линева никакой жалобы я неслыхалъ, и у каковаго малаго тотъ солдатъ нѣсколько денегъ отнял, — о томъ я извѣстенъ не былъ; а про служителя Александра я, увѣдавъ, что онъ былъ содержанъ въ провинціальной канцеляріи, посылалъ унтеръ-офицера привести къ себѣ для спросу: для чего онъ въ той канцеляріи задержанъ былъ? о чемъ его я самъ и спрашивалъ письменно; а изъ покоевъ-ли его Бирона его брали, или на дворѣ, того я не вѣдаю; и по спросѣ того-жъ числа отпустилъ, и что по спросу оказалось, въ сенатъ репортовалъ. А пришедшаго тогда ко мнѣ отъ него Бирона нѣмецкаго служителя неарестовалъ, но токмо съ показанія онаго Александра, что его тотъ нѣмецкій служитель въ канцелярію отводилъ, приказывалъ я въ квартирѣ своей ему подождать, пока освѣдомлюсь: не собою-ль онъ то дѣлалъ, а съчъ его никакой намѣренія не имѣлъ.

«Такихъ рѣчей ему Бирону: знаетъ-ли кто я таковъ, и какъ онъ Биронъ дерзновеніе принималъ, безъ моего позволенія, того малаго въ провинціальную канцелярію послать, я ни при комъ никогда неговорилъ, а говорилъ ему Бирону, что какъ онъ Биронъ послалъ того служителя, необъявля мнѣ, и то весьма не хорошо, ибо ему въ канцелярію никакого сношенія имѣть не должно, а что ему Бирону надобно, то-бъ объявилъ мнѣ.

«На оное Биронъ мнѣ хотя и говорилъ, яэобы онъ того служителя принужденъ въ провинціальную канцелярію послать, для того будто отъ меня никакого отвѣта неполучилъ; но точю я ему отвѣтствовалъ, что предъ тѣмъ временемъ присылалъ онъ Биронъ ко мнѣ требовать солдатъ, чтобъ того служителя высчъ, почему сержантъ съ солдатами и посланы были, но потомъ онъ Биронъ тому сержанту объявилъ, что уже онъ его простилъ, и съчъ не хочеть, о чемъ и самъ мнѣ объявилъ, а притомъ ему

Бирону того, что я, ровно какъ-бы былъ у свиней—неговаривалъ и на отвѣтствіе большаго его Бирона сына такими рѣчами, что я еще хуже былъ какъ у свиней, я не повторялъ; а говорилъ съ учтивостію такимъ образомъ, что: хотя-бы я и у свиней былъ, то-бъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, а мнѣ о посылкѣ того малаго и сообщено не было, и потомъ я вышелъ отъ нихъ изъ дому, у воротъ караулъ приставить велѣлъ, съ такимъ о нихъ приказомъ, какъ и письменно отъ меня дано на основаніи мнѣ даннаго указа, дабы изъ двора безъ присмотра не сходили.

«Я имѣлъ высочайшіе ея императорскаго величества указы, каковы въ оригиналѣ и опредѣленномъ на смѣну мнѣ офицеру сданы; грубыхъ поступковъ и обидъ имъ Бирону съ фамиліею непоказывалъ, а вышеобъявленнымъ образомъ, какъ здѣсь показано, поступалъ я въ силу тѣхъ ея императорскаго величества высочайшихъ указовъ.

«И о всемъ вышеозначенномъ показалъ я самую истину, и ничего неутаялъ подъ опасеніемъ военного суда.

«Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка капитанъ-поручикъ Степанъ Дурново».

Сенатъ, повидимому, очень равнодушно отнесся къ дѣлу Бирона съ Дурново. По крайней мѣрѣ, снявъ съ послѣдняго показаніе, онъ не счелъ нужнымъ дополнять и продолжать слѣдствіе и только лишь пять съ половиной мѣсяцевъ спустя поднесъ императрицѣ докладъ, который также приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

«Высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ, объявленнымъ въ сенатѣ чрезъ господина генераль-адъютанта и кавалера графа Александра Ивановича Шувалова, марта 14 дня, сего 1753 года, повелѣно находящагося въ Ярославлѣ при бывшемъ герцогѣ Биронѣ лейбъ-гвардіи капитана Дурново, о коемъ вашему императорскому величеству извѣстно, что явился въ нѣкоторыхъ непорядочныхъ противъ его, Бирона, поступкахъ, чего ему и въ инструкціи не написано, другимъ оберъ-офицеромъ смѣнить и какіе онъ непорядки чинилъ, о томъ отъ реченнаго бывшаго герцога взявъ извѣстіе, сенату чрезъ кого надлежитъ изслѣдовать и вашему императорскому величеству всеподданнѣйше доложить.

«По тому вашего императорскаго величества высочайшему указу, на смѣну находящагося въ Ярославль, при помянутомъ бывшемъ герцогѣ Биронѣ капитана-поручика Дурнова, отправленъ изъ сената съ указомъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Булгаковъ, который его, Дурнова, и смѣнилъ; а о чинимыхъ имъ Дурновымъ непорядочныхъ противъ Бирона поступкахъ, взятое отъ него Бирона на нѣмецкомъ діалектѣ, за его рукою, извѣстіе, прислалъ при рапортѣ своемъ, такожъ и онъ Дурновъ явился въ сенатъ.

«И по переводѣ того извѣстія на російскій діалектъ, противъ онаго по учиненнымъ вопроснымъ пунктамъ, онъ капитанъ-поручикъ Дурновъ передъ собраніемъ сената допрашиванъ. И во исполненіе онаго вашего императорскаго величества указа, означенное отъ него Бирона взятое за его рукою извѣстіе, въ переводѣ и съ допроса копіи, вашему императорскому величеству сенатъ всеподданнѣйше при семъ поднося, представляетъ:

«Хотя онъ Дурновъ въ допросѣ своемъ въ показанныхъ на него противъ Бирона непорядочныхъ поступкахъ и производимыхъ ему Бирону обидахъ и не признался, елѣдствія же и очныхъ ставокъ не произведено, но правительствующій сенатъ изъ собственного его Дурнова въ допросѣ показанія, усматриваетъ его Дурнова, противные даннымъ ему указамъ и непорядочные съ обидою ему Бирону и его фамиліи, поступки, а именно:

«1) По своей волѣ онъ Дурновъ къ воротамъ караулъ приставлялъ, а иногда сводилъ и опять приставлялъ, съ приказаніемъ дабы изъ двора безъ присмотра не сходили, чрезъ что ему Бирону и сомнительство наносимо было, явобы по особо данному указу такъ съ ними поступать велѣно; а ему Дурнову кромѣ данныхъ ему отъ вашего императорскаго величества ноябра 29 дня 1741 года, марта 30 дня 1742 года, іюня 4 дня 1749 года, указовъ, по которымъ велѣно куда они вытти похотятъ болѣе 20 верстъ, то ихъ за пристойнымъ и честнымъ присмотромъ отпускать и во удовольствіи снабжать, дабы они ни въ чемъ нужды не имѣли; другихъ въ отмѣну оныхъ, никакихъ указовъ дано не было; почему ему Дурнову въ приставливаніи въ воротамъ карауловъ перемѣнъ собою чинить и тѣмъ имъ сомнѣніе наносить не надлежало.

«2) Изъ опредѣленныхъ къ нему Бирону поваровъ, двухъ онъ Дурновъ на квартирѣ своей, якобы за пьянствомъ ихъ безвѣсходныхъ удерживалъ и неотпускалъ; на квартиру жъ свою дрова онъ Дурновъ отъ магистрата получалъ, безъ указнаго повелѣнія, а Биронъ изъ даваемыхъ на его содержаніе покупалъ.

«3) Служителямъ его Бирона опредѣленнымъ изъ казны деньги онъ Дурновъ команды своей черезъ унтеръ-офицеровъ раздавалъ и въ то вступался собою не дѣльно, ибо по данному ему Дурнову указу велѣно опредѣленнымъ на содержаніе всѣхъ ихъ деньги, также если есть и оставшіе у офицеровъ, которые уже имъ подлежатъ отдать, и впредь принимая изъ подлежащихъ мѣсть, отдавать имъ въ руки, а офицерамъ, состоящимъ при нихъ на караулѣ, до тѣхъ денегъ не касаться.

«4) Служителю его Бирона, Александру, который на большаго Биронова сына жалобы ему Дурнову приносили, онъ Дурновъ толковалъ, что де онъ опредѣленный и обстоитъ въ спискѣ у нихъ служитель, и о той жалобѣ доношеніе къ себѣ подать приказывалъ; и потомъ изъ повоевъ его Бирона, черезъ посланнаго унтеръ-офицера, того служителя для спроса къ себѣ бралъ и пришедшаго отъ Бирона для провѣдыванія нѣмецкаго служителя въ квартирѣ своей удерживалъ, что ему Дурнову чинить не надлежало.

«Сверхъ же того онъ Дурновъ и персонально имъ Биронномъ неучтиво такими рѣчьми говорилъ, что хотябъ онъ Дурновъ и у свиней былъ, тобъ и тутъ долженъ о своемъ вѣдомствѣ знать, и потомъ онъ Дурновъ, вышедъ отъ нихъ изъ дому у воротъ караулъ приставлялъ, въ чемъ и въ допросѣ своемъ не заперся.

«За такіе его Дурнова, въ бытность при немъ Биронъ, непорядочные поступки, что съ нимъ учинить повелѣно будетъ, сенатъ проситъ вашего императорскаго величества высочайшаго указа. А до полученія онаго сенатомъ опредѣлено ему капитанъ-поручику Дурнову, яко находящемуся подъ слѣдствіемъ, отъ полку жалованье производить половинное. Подлинное подписали: Александръ Бутурлинъ, князь Борисъ Юсуповъ, Иванъ Бахметьевъ, князь Иванъ Щербатовъ, князь Иванъ Одоевской. 14 ноября, 1753 года».

Довладъ этотъ, подобно множеству другихъ бумагъ, пред-

ставлявшихся на разсмотрѣніе императрицы, пролежалъ болѣе двухъ лѣтъ безъ всякой резолюціи и Дурново, считаясь подъ судомъ при сенатѣ и получая половинное содержаніе, находился въ полку и исполнялъ всѣ служебныя обязанности. Наконецъ, въ 1755-мъ году, онъ былъ произведенъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи въ полковники въ армію. Видя въ своемъ производствѣ какъ бы признаніе своей невинности, Дурново подалъ на высочайшее имя прошеніе и ходатайствовалъ о выдачѣ ему удержаннаго жалованья и раціоновъ за все время бытности подъ судомъ. Тогда дѣло его вторично было доложено государынѣ, которая изустно повелѣла освободить Дурново отъ суда, оставивъ просьбу его о выдачѣ удержаннаго жалованья безъ удовлетворенія.

Что касается Бирона, то въ 1762-мъ году, при восшествіи на престолъ Петра III, онъ, какъ извѣстно, получилъ свободу и просилъ разрѣшенія ѣхать въ Курляндію; но императоръ, намѣревавшійся сдѣлать герцогомъ Курляндскимъ своего дядю принца Георга Голштинскаго, удержалъ его въ Петербургѣ и послѣ долгихъ переговоровъ принудилъ подписать отреченіе отъ герцогскихъ правъ на Курляндію въ пользу принца Георга. Однако императрица Екатерина II, вскорѣ послѣ своего воцаренія, устранила сдѣлку между Бирономъ и принцемъ Георгомъ и восстановила перваго во всѣхъ его правахъ.

Биронъ управлялъ Курляндіей до 1769-го года, когда, одряхлѣвъ совершенно, передалъ власть своему старшему сыну Петру. Биронъ умеръ въ Митавѣ, 17-го декабря 1772-го года. Бальзамированный трунъ его, съ горбатымъ носомъ и жесткими чертами лица, одѣтый въ бархатный коричневый кафтанъ французскаго покроя съ нашитой на груди андреевской звѣздой, покоится въ сѣлѣ герцогскаго дворца и до сихъ поръ показывается желающимъ за цѣлковый, заплаченный кистеру.

С. Н. Шубиной.

Примѣчаніе. Въ распоряженіи „Русской Старины“ находится статья, составленная, по нашей просьбѣ, гофмейстеромъ барономъ Федоромъ Андреевичемъ Булеромъ, однимъ изъ потомковъ, по женской линіи, герцога Бирона, статья о портретахъ Бирона. Лучшіе изъ нихъ—находятся у г. Булера. Статья эта, равно снимокъ съ почерка герцога и одинъ изъ наиболѣе схожихъ портретовъ Бирона будутъ помѣщены въ нашемъ изданіи. Профессоръ В. И. Якоби весьма обязательно предложилъ нарисовать портретъ Бирона на камнѣ, съ котораго и будетъ исполненъ литографическій снимокъ.

Ред.

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,

ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XXIII *).

Карачевъ. 1773 г.

(продолженіе).

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней бытія нашего въ Николаевскомъ Ординскомъ монастырѣ близъ города Карачева, преосвященный не пробылъ безъ дѣла. Онъ, осматривая въ церкви благочинія, обрѣлъ рѣзной образъ св. Николая, которой былъ въ длину почти съ пол-аршина, а въ ширину по пропорціи, и былъ изображенъ въ полномъ своихъ временъ архіепископскомъ облаченіи, то-есть: въ ризахъ, подризникѣ, епитрахилѣ, омофорѣ, въ митрѣ на головѣ, съ набедреникомъ на бедрѣ. Въ одной протянутой рукѣ евангеліе, а въ другой мечъ. Сей послѣдній былъ, безъ сомнѣнія, ревностнымъ знакомъ сего мирликійскаго пастыря, на защищеніе ученія евангельскаго. Но дѣло не въ символахъ и не въ позиціи, а вотъ въ чемъ:

Онъ весь былъ осыпанъ мастерски жемчугомъ различной величины, дабы симъ удобнѣе различить одно одѣяніе отъ другого и живѣе изобразить складки или сгибы одеждъ. А митра, омофоръ, епитрахиль, евангеліе, и другія приличныя мѣста, всѣ

*) См. «Русскую Старину» т., III, 1871 г., стр. 119, 247 и 395. На стр. 399-й, строка 1 снизу пропущены слова: Садорскаго, съ....». Ред.

были наложены бриллиантами самой, — какъ говорили знатоки, — лучшей воды *).

Епископъ церкви Сѣвскія, нашедъ въ такомъ изображеніи и убранствѣ архіепископа церкви мирликійскія, велѣлъ его при себѣ очистить, какъ мать родила, а обнаженную деревянную рѣзбу поставить въ церковную ризницу для храненія, на манеръ бромской пятницы, поставленной подъ волокольную. (См. § XIV).

Изъ жемчуга и камня сдѣлалъ потомъ архіерей, прикупя къ нимъ потребное количество, архіерейскую шапку, крестъ и панагію, — которыя, думаю, находятся и по нынѣ въ ризницѣ Сѣвской кафедральной церкви, ежели послѣ не случилось тамъ еще такогожъ архіерея, который охотникъ обдирать и передѣлывать церковныя вещи.

Потомъ переѣхалъ въ городъ и остановился въ полковомъ домѣ, сдѣланномъ отъ города для полковника князя Долгорукова, квартировавшаго тамъ съ коннымъ полкомъ, а на ту пору отсутствовавшаго.

Въ городѣ преосвященный священнодѣйствовалъ въ разныхъ храмахъ, посвящая обыкновенно во священники и церковнослужители. Не нужно повторять, что трудъ сей сопровождается всегда какою-нибудь наградою.

Нескучный нашъ игумень отъ Палладій не отлучался отъ архіерея, забавляя его и всю компанію пріятными для всѣхъ шутками, да и благую онъ часть избралъ! ибо, попивая и покушывая, не обходился онъ и безъ подарковъ, какъ отъ преосвященнаго, такъ отъ помѣщиковъ и протчихъ, принимавшихъ у себя архіерея.

Комнатную архіерейскую компанію умножалъ еще собою Карачевскій помѣщикъ артиллеріи капитанъ Иванъ Осиповичъ Соколовъ съ отцемъ своимъ, священникомъ, тѣмъ самымъ, который въ запрошедшемъ 1770-мъ году, надъ Брянскимъ протопопомъ, получившимъ на архіерейскихъ именинахъ горячку, читалъ заклинательныя молитвы.

Напоследокъ, его преосвященство, преподавъ городу Карачеву миръ и благословеніе, отъѣхалъ, аки второй Язонъ со зла-

*) Образъ сей—какъ тогда говорили—дала въ церковь иѣвая игуменя, по имени Ираида. Она была изъ какой-то знатной фамиліи. Помнится изъ фамиліи Воейковыхъ.

тымъ руномъ, или какъ Діонисій съ эскулаповою ризою и брадою *), въ вышесказанному капитану Соколову въ деревню, гдѣ принятъ былъ со всею свитою, какъ домашній гость, безъ дальнихъ церемоній, понеже въ продолженіе нашего путешествія капитанъ съ отцомъ и съ нами, а мы съ ними и съ Палладіемъ составляли одно семейство.

Сверхъ сего, было у преосвященнаго и другое намѣреніе, родившееся отъ внушенія ему капитаномъ Соколовымъ и женою его. Вслѣдствіе чего, и пробирался онъ въ домъ къ помѣщику, гвардіи капитану Андрею Ивановичу Касагову, въ родѣ своемъ послѣднему, о которомъ внушено преосвященному, что онъ, по примѣру премудраго іудейскаго царя Соломона, имѣетъ у себя турецкій гаремъ и держится обыкновеній златаго вѣка, когда всѣ люди, какъ говорятъ, были въ естественномъ законѣ**). Почему преосвященный часто проговаривалъ: «Гряду обрѣсти заблудшую***) овцу и наставить ее на путь правый».

Между тѣмъ, въ домѣ Соколова происходили у насъ пѣніе и лики. Мы часто пѣвали, таѣь-называемую, «столповую греческаго распѣва херувимскую», которая еще и до нынѣ въ московскомъ успенскомъ соборѣ во употребленіи, и другую столповую же «напѣва кіево-печерской лавры». Когда пѣли первую, то командовали артиллеріи капитанъ съ отцомъ; а когда вторую, то брали первенство архіерей съ Палладіемъ и со мною, а они только подтягивали, подобно какъ мы въ первой. Само по себѣ разумѣется, что у насъ не было безъ примо и секундо, однакожь вообще хоръ нашъ не былъ удивительнаго совершенства, а особливо въ столповомъ русскомъ напѣвѣ, въ которомъ если бы употребить примо и секундо, то надобно испортить оригиналь.

Въ одну пору, только что мы распѣлись, и не успѣли еще

*) Учившіеся въ классахъ должны лучше знать, а мнѣ помнится, что одинъ изъ Діонисіевъ, государей Сиракузскихъ, пришедъ въ капище, снялъ съ эскулапа золотую ризу, говоря, что «она лѣтомъ тяжела, а зимою не грѣетъ». Потомъ, отвязавъ отъ него же золотую бороду, сказалъ: «и отецъ твой Аполлонъ былъ безъ бороды». Мой архіерей не лучше поступилъ со святымъ Николаемъ.

Г. Д.

***) Въ подлинникѣ слѣдуютъ зачеркнутыя слова: «то есть онъ дѣлаетъ все то, чего ему хочется».

Ред.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «погибшую».

Ред.

исполнить всего каждадневнаго порядка, какъ вбѣжавшій къ намъ Соколова слуга, запыхавшись доложилъ: «Касаговъ приѣхалъ».

Архіерей приказалъ тотчасъ всѣмъ заступить свои мѣста, оставилъ пѣніе и все что было въ рукахъ, дабы нуждающагося, но не требующаго исправленія гвардейца, не совратить собственнымъ примѣромъ еще больше съ пути праваго, или бы, по крайней мѣрѣ, не утвердить его въ настоящемъ его положеніи. На сей конецъ онъ, вскоча въ спальню, порядочно расчесался и опрыскался духами; на сей конецъ, — говорю я, какъ честный повѣствователь, — а не на тотъ, чтобы заглушить обоняніе арака; а Касаговъ, между тѣмъ занялся въ особомъ покоѣ съ Палладіемъ. Палладій, поговоря съ нимъ малое время, вошелъ къ архіерею и донесъ, что Касаговъ дрожитъ, «очень примѣтно, что онъ вѣдаетъ о внушенномъ вашему преосвященству его поведеніи». Архіерей отвѣчалъ важно: «невѣжду страхомъ спасаютъ, отъ огня восхищающе». Потомъ вышелъ къ Касагову въ препровожденіи моемъ и игуменовомъ.

Касаговъ, по принятіи благословенія, сказалъ, что онъ за долгъ свой почелъ быть у его преосвященства, и—просилъ къ себѣ въ домъ, а преосвященный легко согласился въ такому дѣлу, которое и безъ просьбы намѣренъ былъ исполнить, почитая посѣщеніе свое долгомъ апостольскимъ и зная изъ опыта, что прошло уже то чорствоое время, въ которое пастыри словесныхъ овецъ не носили при поясѣ мѣди, и почитали временную нищету вѣчнымъ богатствомъ.

Въ Касаговѣ видѣлъ я человѣка тихословнаго и совсѣмъ не похожаго на такого буяна, какъ объ немъ говорено со стороны г-на Соколова. Росту онъ былъ средняго, сложенія слабого. Лицо имѣлъ круглое, хотя не сухое, однако блѣдноватое; лѣтъ съ небольшимъ 30-ти. Въ немъ видны были слѣды барина и надлежащаго воспитанія, но примѣтно было, что онъ въ разговорахъ силился припомнить то, что повидимому отъ неупотребленія позабылъ. Онъ отелаялся и отѣхалъ домой, а мы принялись опять продолжать и обанчивать свои дѣла.

По прибытіи въ его село, преосвященный, по обыкновенію, — для отличныхъ церквей—пошелъ прежде всего, въ препровожденіи своего влира въ церковь. Церковь хотя была каменная,

но въ крайнемъ запущеніи и нечистотѣ. Священно и церковно-служители отъ взыскаія за сіе были свободны, потому что преосвященному внушено, якобы они отъ безпорядочнаго помѣщика загнаны до чрезвычайности. Но вопреки сему безпорядку, когда приблизились къ дому, господинъ Касаговъ встрѣтилъ гостя съ порядочною пушечною пальбою, съ учрежденныхъ у него батарей.

Обѣденной столъ былъ достаточень, но безпорядочень. Слуги его услужить не умѣли; примѣтили всѣ, но никто не зналъ, отчего хозяинъ за столомъ сдѣлался пьянь. Преосвященный во все это время соблюлъ свою важность, пилъ очень мало и велъ бесѣду приличную доброму пастырю. Евангельская притча о заблудшемъ сынѣ, растворенная больше природнымъ ему велерѣчіемъ, нежели школьною риторіею, растрогала возлежащихъ на трапезѣ до того, что ихъ чуть бы не проняло до слезъ, если бы это было не за столомъ; одинъ только Касаговъ былъ ни тронутъ, ни равнодушенъ, ни твердъ, ни слабъ, ни веселъ, ни печаленъ, и для того, былъ онъ внѣ всѣхъ характеровъ *).

Пастырь, не говоря ни слова съ хозяиномъ съ самаго приѣзда, всталъ изъ-за стола, приказалъ завладывать лошадей къ отъѣзду. Очень ясно, что на исправленіе совратившейся съ пути праваго души не много было употреблено труда. Однакожь, хозяинъ, какъ будто поправляя пастырское нерадѣніе, двинулся просить его погостить; съ убѣдительными просьбами онъ не собрался, хотя и довольно уже протрезвился, рѣчь его была хладнокровна, вяла, медлительна. Когда же увидѣлъ, что преосвященный просьбѣ его не внимаетъ, — бросился въ другую комнату къ Падладію и Соколову съ прошеніемъ, чтобъ они помогли ему упросить преосвященнаго, по крайней мѣрѣ переночевать, ежели не болѣ. Они охотно взялись за то, чего **) ожидали отъ Касагова, но какъ преосвященный и на ихъ просьбу еще упорствовалъ, или притворствовалъ, то гвардеецъ нашъ грянулъ передъ нимъ на колѣни, и вспльщиво заговорилъ: «если ваше преосвященство у меня не заночуете, то я застрѣлюсь». Сіе краснорѣчіе убѣдило пастыря ночевать, который тогда же рекъ: «душу спасти, или погубити!»

*) Далѣе зачеркнуто: «натуральнымъ людямъ».

**) Зачеркнуто: «по согласію съ архіереехъ».

Когда архіерей, отужинавъ, легъ спать, и хозяинъ тоже, то мнѣ показалось еще рано, какъ и въ самомъ дѣлѣ было; я пошелъ въ комнату къ велегласному нашему игумну въ намѣреніи у него посидѣть, пока спать захочу. Тамъ нашелъ я Соколова съ женою и еще персоны съ четыре благороднаго люду. Лишь только я къ нимъ подъявился, то всѣ въ одно слово встрѣтили меня: «легобѣ на поминѣ». Соколова жена, взявши меня за руку, сказала: «мнѣ давно хотѣлось съ тобою поговорить». Мы пошли подалее отъ всѣхъ и сѣли въ углу на софѣ *), а Соколовъ влѣдѣ намъ не пропустилъ сказать:

«Смотри же, господинъ молодчикъ, не сведи жены-то моей съ ума!»

— Неизвольте опасаться, отвѣчалъ я, мы въ вашихъ глазахъ на этой софѣ все кончимъ, что намъ надобно будетъ.

Сей случайно-вырвавшійся двусмысленный отвѣтъ произвелъ во всѣхъ великой смѣхъ; а отецъ Палладій, радъ будучи оказіи, заигралъ въ свою лирическую трубу, а мы подъ сямъ шумомъ начали нашъ разговоръ:

Г-жа Соколова. «Какъ вы думаете о здѣшнемъ господинѣ***) и о всемъ его домовствѣ?»

Я. Въ такъ короткую пору нельзя было ничего еще думать, сударыня! Однакожъ, безъ дальнихъ замѣчаній, не трудно видѣть: старинный домъ, множество слугъ, и, что г-нъ Касаговъ очень не бѣденъ; но для порядка, какому надлежало бы быть въ большемъ и достаточномъ господскомъ домѣ, не достаеъ, мнѣ кажется, его самого.

Г-жа Соколова. «Вы видѣли все, что можно было видѣть. Я вамъ прочее дополню: Андрей Ивановичъ Касаговъ родился въ Петербургѣ. Покойная, неподражаемаго милосердія императрица Елисавета Петровна была ему восприемницею. Въ бытность отца его тамъ по долгу службы, воспитыванъ онъ былъ прилично его роду и достатку. Оставшись по смерти отца, отпросился онъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ въ домовую отпускъ. Прибывъ въ этотъ отцовской домъ, въ которомъ мы теперь, и будучи въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, пустился онъ во всѣ пороки, въ какіе только можетъ завлечь себя недозрѣлая молодость, при пособіи худыхъ

*) Въмсто зачеркнутаго: «на канаве».

**) Зачеркнуто: «хозяинѣ».

Ред.

Ред.

склонностей, имѣя при себѣ, вмѣсто дядьки, полную волю, богатство и множество служителей, готовыхъ исполнять желанія молодого господина. А это ужъ вѣдомое дѣло, что для большей части слугъ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ имѣть молодого барина, обращающагося въ своевольствѣ. Онъ сдѣлалъ изъ своихъ людей съ пол-роты солдатъ, самъ ихъ обучилъ, самъ ими управляетъ, предводительствуетъ и жадуется въ чины. Не было бы порицательно, еслибъ онъ употреблялъ ихъ для собственной съ гостями забавы; но они употребляются имъ, или подъ именемъ его, его домоправителями въ обидѣ сосѣдей, въ надлости и притѣсненію людей беспомощныхъ, и даже самыхъ тѣхъ, которые у него въ гостяхъ бывають, почему никто уже у него изъ знаменитыхъ и благомыслящихъ людей никогда не бываетъ, ни его къ себѣ не принимаетъ. Онъ завелъ у себя гаремъ, наполнилъ его дѣвками разнаго состоянія. Въ числѣ ихъ находилась любимая его султанша, сего села поповна, которую когда отецъ предпринялъ-было освободить, то заплатилъ своею жизнію; ибо неизвѣстно, куда онъ дѣвался. Всѣ объ этомъ ужасномъ злодѣяннѣ подозревають, что пощъ истребленъ по его приказанію, дабы не обличалъ явнаго его грѣха и не лишилъ бы любовницы. Но какъ нѣтъ въ семъ дѣлѣ истца и доказывателя, то злодѣйство можетъ быть навсегда останется закрыто, въ большей пагубѣ души его».

Я. Гдѣ-жъ этотъ его гаремъ, сударыня?

Г-жа Соколова. «Передъ приѣздомъ преосвященнаго онъ его распустилъ. Дай Господь Богъ, — тутъ она вздохнула, — чтобъ онъ по отъѣздѣ опять его не собралъ! Вотъ примѣръ жалкаго сиротства при великомъ изобиліи *)»!

Я. Что-жъ онъ, сударыня, за сирота, если онъ въ своемъ гаремѣ имѣетъ много нянекъ?

Г-жа Соколова. «И въ подлинну такъ!»

Я. Для чего-жъ, сударыня, въ командѣ его не требуютъ, если прошелъ срокъ домовому отпуску?

Г-жа Соколова. «Требованъ онъ былъ неоднократно и въ команду; но онъ, то болѣзными, то другими не дѣльными при-

*) Тогда еще не было дворянскихъ опеекъ и опекуновъ, которые теперь, подъ своею священною должностію, нерѣдко оставляютъ питомцу въ наслѣдство разоренное имѣніе, неоплатные долги и на всю жизнь тѣжбу. Г. Д.

чинами отговаривался, пока наконецъ узнали о его сумасбродной жизни, и, по волѣ монаршей, не исключая изъ службы формально, забыли объ немъ, какъ объ мертвомъ, оставя навсегда въ теперешнемъ чинѣ, который данъ ему въ его малолѣтствѣ, въ знаѣ милости покойной императрицы къ его родителю. И такъ, годовой его отпускъ продолжается лѣтъ съ 10-ть, да и кончится безъ сомнѣнія съ его жизнію. Ему теперь не болѣе 33-хъ лѣтъ. Посмотрите-жъ! Не представляетъ ли онъ старика, болѣзными отягченнаго, лишившагося крови и натуральной въ двѣтущихъ лѣтахъ бодрости? а причиною тому любовныя дѣла и пьянство. Примѣтили-ль вы, каковъ онъ былъ за обѣдомъ? таковъ онъ и день и ночь! Стола ни обѣденнаго, ни ужиннаго у него не бываетъ. Лишь только онъ проснется, то подадутъ ему чайную чашку любезнаго его напитка, котораго онъ называетъ чефрассъ, и который на какую-то траву настоянъ простою хлѣбною водкою. Около полудня поднесутъ ему на тарелкѣ двухъ жареныхъ воробьевъ. Рѣдко случается, чтобъ онъ ихъ обѣихъ съѣлъ. Вотъ весь его столъ! и я при всякомъ съ нимъ свиданьи умножаю болѣзнь моего сердца, видя жизнь его—Богу противную и людямъ несносную, и въ такомъ разстройствѣ со дня на день очевидно во гробъ его влекущую».

Я. «Ваше чувствительное разсужденіе, сударыня, дѣлаетъ честь вашему сердцу. Однако-жъ, судя по каждодневнымъ зрѣлищамъ, много на свѣтѣ требующихъ исправленія; но ихъ всѣхъ ни исправить, ни оплакать нельзя, если они сами о себѣ возне радѣютъ».

Г-жа Соколова. «Да! Я васъ и не предувѣдомила! Онъ мнѣ свой доводится. И хотя свѣдѣство наше не ближнее, однако-жъ ближе меня нѣтъ никого, потому что онъ послѣдній въ родѣ; почему и надлежало бы мнѣ быть наслѣдницею его имѣнія, но онъ и помыслить объ этомъ не хочетъ. Та-та причина и побудила насъ согласить преосвященнаго къ посѣщенію его дома, дабы его преосвященство пастырски его наставилъ на истинный путь. Мы, съ помощію отца Палладія, нѣсколько уже предувѣдомили о семъ преосвященнаго. Вы, мой голубчикъ, жизнь моя! имѣете случай раньше всѣхъ завтра быть у его преосвященства. Не позабудьте ему внушить, что вы отъ меня слышали».

Такимъ образомъ я, дослушавъ жалостливую рѣчь, составленную на тотъ конецъ, чтобы добродѣтельной боярынь съ мужемъ быть наслѣдницею имѣнія послѣдняго въ родѣ, увѣрилъ ея нѣжность, что «я за счастье почитаю, сударыня, услужить вамъ; всякое ваше препорученіе, легко мнѣ исполнить. Но» — при выговореніи *но*, боярыня примѣтно покраснѣла, хотя это было и при свѣчи; а я, совѣстясь не проговорился-ли чѣмъ, пришелъ также въ замѣшательство, — быть можетъ, что мое но къ чему-нибудь бы и послужило; но мнѣ въ тѣ поры, кромѣ простыхъ наружныхъ замѣчаній, ничто постороннее ни въ голову, ни въ сердце не входило, потому, что изъ монастырскихъ жителей, хотя и бываютъ иногда добрые и богобоязливые люди, но въ любовныхъ дѣлахъ всѣ вообще великіе невѣжи, отъ архіерея до звонаря. Между тѣмъ, намъ подносили, и мы, — кромѣ барыни, — по возможности, пили. Наконецъ, я пошелъ на ночлегъ, повторивъ напередъ боярынь увѣреніе, непременно оклеветать Касагова, дабы послѣ сего, имѣя что прощать, сворѣе принудить его къ признанію наслѣдницею госпожу Соколову.

Она была изъ фамиліи Касаговыхъ; будучи дѣвицею, влюбилась въ попавича Соколова, когда онъ въ домѣ ихъ обучалъ дѣтей читать и писать, съ которымъ такъ скрытно обвѣнчалась, что не прежде о томъ узнали, какъ уже мать вознамѣрилась выдать ее за молодого дворянина. Тогда она безбоязненно открыла, что уже имѣетъ мужа, съ которымъ вѣнчана. Старуха, натурально, потревожилась и въ первомъ движеніи гнѣва изгрызла бы мужа и жену зубами, но на Руси вѣнецъ, дѣла консисторскія, равно какъ у католиковъ *matrimonia consumata*, имѣютъ свою силу и дѣйствіе. А Соколовъ былъ уже артиллеріи сержантомъ, и находился въ С.-Петербургѣ при канцеляріи фельдцейхмейстера графа Шувалова, у котораго отецъ его, Соколова, будучи полевымъ священникомъ, былъ духовникомъ; все это совокупно содѣлало «бракъ честнымъ и ложе непорочнымъ» *), вслѣдствіе чего и мать нашлась матерью дѣтямъ; а Соколовъ происходя чинами, по милости духовнаго сына его отцу, вышелъ наконецъ въ отставку, съ чиномъ артиллеріи капитана, и жилъ въ деревнѣ съ женою, которую онъ приобрѣлъ трудами

*) Въмѣсто зачеркнутого: «ложе несквернымъ».

за ученье *). Сосѣди его, древніе дворяне, хотя не были ему непріятельми, однакожь судили о немъ такъ, какъ судятъ мои соотечественники о часахъ, стальныхъ вещахъ, и проч.: «хороши! говорятъ они, однакожь не англійскія и не французскія». Равно и тѣ говорили: «Онъ умный малый, да жаль что поповичъ». Подобно сему, старинные поляки говаривали отъ чистаго сердца: «что-жь! что Кіевъ имѣеть много святыхъ! Да они не изъ шляхетства». — Prosto!ta.

Поутру, только-что проснувшись, но еще утопающему въ пуховикѣ за спасеніе душъ пастырю, старался я докладъ мой сдѣлать случайнымъ, что называется: «къ рѣчи пришло».

Я началъ съ партретовъ **), представляющихъ во весь ростъ нашего хозяина и его дѣда, кои были въ нашей горницѣ. Дѣдъ написанъ былъ съ лысиною, почти до затылка, съ бородою сивою, клинообразною, и не очень долгою, въ длинномъ кафтанѣ русскаго стариннаго покроя, темнопесочнаго цвѣта, застегнутомъ во все брюхо, большими въ одинъ рядъ, шаровидными желтыми пуговицами, въ красныхъ сапожкахъ, и стоялъ натурально; а внукъ съ низенькимъ тупейчикомъ, припудренъ сѣдѣ своего дѣда, въ гвардейскомъ зеленомъ мундирѣ, стоялъ въ четвертую позицію, съ шляпою въ рукахъ.

Смотря на нихъ, заговорилъ я преосвященному, что: «различіе ихъ кафтановъ не дѣлаетъ ихъ различными въ образѣ жизни».

Архіерей. А почему?

Я. — «Я слышалъ отъ его домашнихъ, что дѣдъ его скончался отъ любострастной болѣзни, такъ — внуку и непростительно уже не быть похожу на своего предка». Словомъ, я, пересказавши все, что слышалъ отъ боярыни, и не щадя ни живыхъ, ни мертвыхъ, — хотя и зналъ наизусть всѣ десять заповѣдей — прибавилъ еще, что мнѣ на умъ вошло, по обыкновенію архіерейскихъ келейниковъ, за то, что Касаговъ не старался сдѣлать наслѣдницею своего имѣнія госпожу Соголову съ мужемъ, и что угощаль насъ отъ всего сердца, какое онъ имѣлъ.

«Не знаю, сказалъ архіерей выслушавъ мой докладъ, что мнѣ съ этимъ извергомъ дѣлать! чуть ли я не отлучу его отъ

*) Въмѣсто зачеркнутого: «трусами причетническими за ученье». Ред.

***) Въмѣсто зачеркнутого: «картинъ».

сословія православныхъ, дондеже исправится и покажетъ житіе незасорное и благочинное». Но по выходѣ изъ спальни и послѣ чаевъ, кофіевъ, подана была закуска; за нею слово — за слово, о стороннихъ матеріяхъ; потомъ, послѣдовалъ обѣдъ; послѣ обѣда повторяемо было то же, что передъ закускою, передъ обѣдомъ и за обѣдомъ. Не видали какъ прошелъ маленькій день, и явился вечеръ. Къ вечеру зажженъ былъ фейерверкъ, сдѣланный собственными его людьми. И хотя я потомъ въ жизни моей видалъ многократно лутчіе и безпримѣрно богатѣйшіе фейерверки, но никогда уже не случилось видѣть, чтобы каждая штука выгорала такъ совершенно и безостановочно, и чтобы между догараніемъ одной и зажиганіемъ другой штуки не проходило ни секунды празднаго времени. Ужинъ и почти вся ночь прошли не въ скукѣ.

Назавтра, Касаговъ поутру вывелъ свою армію, состоящую человекъ изъ 24-хъ и командуя оною самъ, на широкомъ своемъ дворѣ, производилъ свои маневры и сильной ружейной огонь. Архіерей и всѣ гости смотрѣли изъ оконъ и съ крыльца на сію эволюцію капральства, а Касаговъ, по воинскому артикулу, подходилъ къ архіерею для принятія приказовъ, архіерей же въ семь случаевъ заимствовался наставленіемъ отъ капитана артиллеріи и отца его, бывшаго полковаго попа.

Потомъ, во время обѣденнаго стола, производилась на дворѣ за здоровье пьющихъ пушечная пальба, почти непрерывно. На послѣдокъ, хозяинъ, одаривши архіерея и всѣхъ находившихся въ его свитѣ вещами и деньгами, а меня однимъ имперіаломъ и дорогимъ турецкимъ ружьемъ, и отпустивши гостей пьяныхъ слишкомъ, остался по прежнему съ своимъ чефрасомъ и съ поповною.

Спустя мѣсяца четыре послѣ нашего отъѣзда, Касаговъ умеръ. Соколовъ предпринималъ вступить въ наслѣдство принадлежащаго ему по женѣ. На сей конецъ поѣхалъ онъ въ Петербургъ; тамъ онъ безъ труда приобрѣлъ благодѣтеля, господина Самойлова, Николая Борисовича, который былъ тогда сенаторомъ и временщикомъ по связи родства съ тогдашнимъ славнымъ счастливецемъ княземъ Потемкинымъ *). Онъ

*) Николай Борисовичъ Самойловъ, тайн. совѣтникъ, сенаторъ, былъ женатъ на старшей сестрѣ кн. Г. А. Потемкина Маріи Александровнѣ. — Это

принялъ Соколова въ Петербургѣ на все свое содержаніе, возилъ его съ собою по большимъ домамъ, рекомендовалъ его какъ человѣка достойнаго покровительства, которой ему по женѣ доводится свой. Послѣ оглашенія, что Соколова жена Самойлову родня — чему и самъ Соколовъ былъ свидѣтелемъ, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что быть въ свойствѣ съ большимъ бариномъ льстило его суетности — Самойловъ получилъ по Касаговѣ наслѣдство, состоящее изъ хорошихъ и достаточныхъ деревень, съ господскимъ домомъ, со всѣми къ нему принадлежностями и важною движимостью, а Соколовъ возвратился домой съ надеждою, что онъ при открытіи Орловскаго намѣстничества получитъ предсѣдательское мѣсто въ верхнемъ земскомъ судѣ *).

§ XXIV.

Продолженіе возвратнаго путешествія.

1772—1773.

Соколовъ и Палладій отправились по домамъ, а мы, «творя извѣстнымъ званіе и избраніе преемничества апостольскаго», заѣхали того-жъ уѣзда въ село Крето-во — на пути, ведущемъ въ Сѣвскъ, къ помѣщику отставному гвардіи секундъ-маіору Евтиху Ивановичу Сафонову, въ тому самому, о которомъ я говорилъ подъ § VII-мъ. Сей Сафоновъ давно уже велъ съ архіереемъ бранную переписку за то, что онъ желалъ выгнать изъ своего села пона за его грубости, а архіерей тому препятствовалъ.

Подѣхавъ подъ крыльцо дому, архіерей остановился, лежа въ дормесѣ духовнаго колибра **). Хозяинъ вскорѣ показался въ халатѣ тѣлеснаго цвѣта и въ туфляхъ. Онъ былъ росту выше средняго, довольно тучень, видъ имѣлъ барина въ старинномъ форматѣ. Скудоволосая, сивобѣлая маленькая коса перетянута цнуркомъ при самомъ затылкѣ. Архіерей межъ подушками спросилъ его — довольно громкимъ голосомъ: «что ты за человѣкъ?»

отецъ знаменитаго генералъ-прокурора и государственнаго казначея Александра Николаевича Самойлова († 1812 г.). Дочь Николая Борисовича — Ека-терина была въ замужствѣ за героемъ 1812 г. — Раевскимъ. Ред.

*) Повѣствованіе самого Соколова.

Г. Д.

**) Это было около 3-го часа пополудни, слѣдственно давно послѣ деревенскаго и монастырскаго обѣда, или послѣ столичнаго завтрака. Г. Д.

«Я здѣшній хозяинъ», — отвѣтствовалъ старикъ твердымъ голосомъ.

Архіерей. Ты Евтихъ Сафоновъ?

Сафоновъ. «Я Евтихъ Сафоновъ».

Архіерей. А почему ты осмѣливаешься надписывать ко мнѣ на пакетахъ: «его преосвященству отцу Кириллу»? Будто бы къ своему попу! Развѣ ты не знаешь архіерейскаго титула?

Сафоновъ. «А какъ же тебя назвать? Вѣдь ты мой отецъ, а я твой сынъ, то я такъ къ тебѣ и пишу. А другихъ титуловъ между нами я не знаю».

Архіерей. А! ежели такъ, будь же ты мой сынъ! вотъ тебѣ — протягивая руку — мое отеческое благословеніе. Пиши ко мнѣ и впредь такъ, какъ писалъ: не перемѣняй своей формы.

По семъ странномъ переговорѣ, сынъ отца вытаща изъ колыбели *), пошли вверхъ по дурной широкой лѣстницѣ, въ огромные, дурной архитектуры хоромы, которые снаружи представляли старинной боярской, бревенчатой и необитой домъ о двухъ жильяхъ, а внутри изобильной, какъ полную чашу.

По первомъ простомъ и чистосердечномъ привѣтствіи, хозяинъ представилъ преосвященному своего сына, лѣтъ около 23-хъ, и изъяснился такъ: «Чувствую изнеможеніе силъ, для того и выпросилъ я въ отпускъ изъ Петербурга сына моего. Онъ прежде служилъ пажетъ при дворѣ, а нынѣ служитъ гвардіи офицеромъ. — Отецъ мой! Не забудь! помани меня во время приношенія безкровныя жертвы. Погреби мой бранный трупъ. А ты, Иванъ Евтиховичъ — взглянувъ на сына — дай тогда знать преосвященному, какъ я умру».

У пѣжнаго сына — при цѣлованіи руки у отца и у архіерея, — слезы градомъ покатались.

Хотя рогъ изобилія и Церера хозяину по именамъ не были извѣстны, однакожь они въ его домѣ обитали во всемъ своемъ могуществомъ. Правда, хозяинъ не дошелъ до изящнаго вкуса, а потому и не имѣлъ у себя ни капельмейстера, ни балетмейстера, ни фейерверкмейстера, ни кухмейстера, ни шталмейстера, ни гофмейстера, ни иллюминацій, ни душистыхъ помадъ, ни шампанскихъ, ни венгерскихъ, ни бургонскихъ, ни англійскихъ (винъ) —

*) Видѣсто зачеркн.: «колесницы».

кои нерѣдко бываютъ очень яснымъ *) таинствомъ плоти и крови измученныхъ **) крестьянъ; — не было у него и аранжерей, для украшенія которыхъ иногда дорого покупается персикъ и абрикосъ, чтобъ наткнуть его на шпильку при деревѣ; но—

все его изобиліе изъ собственной домашней экономіи состояло не въ блестящихъ важностяхъ ***) , но въ русскихъ бездѣлкахъ: у него было множество разнаго въ зернѣ и въ снопахъ хлѣба; полна пространныя конюшня лошадей разныхъ породъ, коихъ онъ имѣлъ свой заводъ; полны свотные дворы скота и кладовыя—всякихъ мелочей, какъ-то: холста, суконъ, кожъ, воску, меду, масла коровьяго, коноплянаго и проч.—вся такая не малоцѣнная громада составляла годового прихода. Къ сему принадлежитъ превеликой подъ его хоромами погребъ, хранящій отъ временъ, покрытыхъ неизвѣстностію, разномѣрныя бочки, боченки, бутылки, бутылки, и дополняемый ежегодно, да живетъ безконечныя вѣки, во славу и хвалу сотворшаго и назидающаго его. Тамъ, при нѣкоторыхъ стѣнахъ ****), на перекладахъ, сдѣланныхъ на укрѣпленіяхъ, на подобіе наръ, отъ низу вверхъ до половины стѣны, а въ нѣкоторыхъ, въ сдѣланныхъ искусствомъ впадинахъ, на подобіе кievскихъ пещеръ, помѣщены разнаго сорта водки, разныя наливки и меды, превратившіеся отъ времени, почти въ непонятныя, но полезныя и винообразныя вкусы—а бѣлое его съ игрою пиво превосходитъ всѣхъ пивъ англійскихъ и нѣмецкихъ.

Въ сей-то бахусовъ храмъ, владыка дома, храня древнее свое обыкновеніе, завелъ на другой вечеръ угощенія, нашего владыку со всѣмъ его клиромъ; гдѣ учрежденной на таковыя случаи серебряной вызолоченой ковшъ, отвѣдавъ изъ нѣсколькихъ бочонковъ, далъ себя почувствовать всѣмъ вкушавшимъ отъ него, и былъ причиною, что архіерей задѣлъ словомъ хозяйскаго сына, которой съ ковшомъ не знакомился. Молодой человекъ почувствовалъ во всей силѣ, что онъ гвардіи офицеръ, и далъ объ этомъ знать архіерею въ самыхъ благородныхъ выраженіяхъ. Потомъ изъяснилъ, что неограниченная любовь, почтеніе и ува-

*) Въмѣсто зачеркн.: «понятнымъ».

**) Въмѣсто зачеркн.: «умученныхъ».

***) Въмѣсто зачеркн.: «бездѣлкахъ».

****) Въмѣсто зачеркн.: «около стѣнъ».

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

женіе *) въ его родителю, удерживаютъ его въ границахъ терпѣнія. Далѣ сдѣлился съ архіереемъ на французскомъ языкѣ; архіерей, которому повидимому отъ гвардейца приходило въ туцкѣ, просилъ старика отца войти въ посредничество въ примиренію. Старый Сафоновъ сказалъ сыну: «Иванушка! оставь. Самъ старъ будешь, послушай меня старика». Сынъ бросился въ слезахъ цѣловать отцовскія руки, потомъ архіерейскія; потомъ всѣ трое перецѣловались. Потомъ, давно дожидавшійся ковшъ возобновилъ походъ форсированнымъ маршемъ. Потомъ архіерей, яко проповѣдникъ мира и непріятель тишины и спокойствія, напалъ на миротворца хозяина, за то, что тамъ на стѣнѣ усмотрѣлъ онъ образъ какого-то святаго, котораго, по мнѣнію архіерейскому, страдала святость въ погребу. Хозяинъ имѣлъ терпѣніе выслушивать и переносить все въ молчаніи. Но когда архіерей возопилъ: что «велитъ во всѣхъ бочонкахъ дниковывывать»; тогда хозяинъ, какъ будто проснувшись, закричалъ во свою очередь изо всей силы: «Да кто тебѣ дастъ? знаешь ли, что я въ домѣ господинъ? ты имѣешь власть вязать меня въ церкви, а я тебя свяжу въ моемъ погребу».

Архіерей не помедлилъ защититься священнымъ текстомъ: «Да не зайдетъ солнце во гнѣвъ», хотя это и по захожденіи уже солнца происходило. Въ знакъ примиренія, архіерей получилъ бочку наливки, несмотря на то, что подвластныхъ поповъ за подобныя въ подрывъ откупа матеріалы разстригалъ, хотя они ихъ и цѣпнули.

Хозяинъ и гость не были въ силахъ ужинать. А по утру, хозяинъ, въ залогъ христіанской къ архіерею любви, снялъ съ себя золотой крестъ, который носилъ отъ юныхъ лѣтъ, и надѣлъ на архіерея. А архіерей обязался, по приѣздѣ въ Сѣвскъ, первымъ для себя поставить дѣломъ и долгомъ, сдѣлать для Сафнова новый, съ приличною надписью, и доставить или возложить на него во утверженіе пріязни и братства. Послѣ вкуснаго обѣденнаго стола, мы отправились въ Сѣвскъ.

По приѣздѣ, посѣтилъ преосвященнаго воевода Пустошкинъ въ тотъ же вечеръ, съ прочими чиновниками. Отъ него услышали мы съ патріотическимъ удовольствіемъ, что отъ правитель-

*) Въмѣсто зачеркн.: «повиновеніе».

ства послѣдовало уже обнародованіе о присоединеніи Бѣлорусскаго края въ имперію руссійской. Я не могъ тогда и помыслить, чтобы Бѣлоруссія когда-нибудь стала моимъ обиталищемъ, въ которой я теперь пишу мою исторію.

Союзомъ любви и братства Сафонова преосвященный не долго пользовался. Мѣсяца чрезъ полтора прибѣжалъ нарочный отъ сына съ извѣстіемъ, что отецъ перешелъ въ царство безсмертныхъ, и съ прошеніемъ о погребеніи его по сдѣланному завѣщанію. Преосвященный сильно опечалился *), сѣздилъ, похоронилъ, сказалъ надгробное слово; фамилія пожелала его имѣть. Я по дозволенію списалъ, мнѣ за то заплатили, а архіерею и всему его штату—за всѣ труды и подвиги, и мы возвратились тою же дорогою. Не помню, далъ ли преосвященный на память сыну крестъ, по силѣ сдѣланнаго съ отцемъ его обязательства.

Сохраняя сколько можно порядокъ времени, долженъ сказать, что въ сіе самое время, любезнѣйшій сердцу моему радогожской мой дѣдъ и воспитатель прибѣгаетъ и входитъ ко мнѣ раздѣлить свою печаль: весь его домъ и съ пожитками въ ночную пору сгорѣлъ. «Любезный мой внукъ — продолжаетъ онъ — все бы еще эта бѣда не бѣда! Но я не задолго предъ пожаромъ лишился и своей любовницы, которая, самъ ты знаешь, сколько и тебя присматривала, обмывала и лелѣяла, какъ своего родного».

— Что ей сдѣлалось дѣдушка?

— «Смерть ее похитила! Если что было мнѣ въ моей старости отрадою и утѣшеніемъ, то все уже съ нею умерло. И самъ я не тотъ уже твой дѣдъ, которой тебя съ горячею любовію воспитывалъ, но тѣнь уже его ты видишь предъ собою».

— Что тебѣ теперь надобно, дѣдушка?...

— «Монастырь, любезный мой внукъ, монастырь, въ которому судьба завременно уже меня приучила».

Я доставилъ ему мѣсто въ Глинской пустынѣ, отстоящей отъ Глухова верстъ на 10-ть, въ которой онъ въ силахъ еще былъ не поладить съ настоятелемъ. А по сей причинѣ—согласно его желанію и моей при архіереѣ возможности—переведенъ былъ

*) Далѣе слѣдуетъ въ подлинникѣ зачеркнутая авторомъ приписка: «ежели можеть печалиться или радоваться человѣкъ находящійся подъ запрещеніемъ влущенія всѣхъ въ одномъ пунктѣ радостей и печалей, горестей и сладостей».

онъ въ Рыльскій, Николаевскій монастырь, гдѣ проживши съ годъ времени, умеръ. Тамошній настоятель архимандритъ Вонифатій Борейко увѣдомилъ меня о семъ слѣдующимъ коротенькимъ письмомъ: «многія лѣты архипастырю нашему и тебѣ, другъ мой любезнѣйшій! А дѣдушка твой Богу душу отдалъ». Смерть его перенесъ я неравнодушно. Но описаніемъ моей жалости не нужно умножать моей исторіи. Я, не стараясь помнить, никогда уже не могу забыть его безмѣрнаго во мнѣ доброхотства и любви. А между тѣмъ,

1773 г. Архіерей, будучи великой непріятель праздности, подвизаясь цѣлыя ночи за ужинымъ столомъ съ сестрою, съ матерью, съ нѣкоторою монастырскою братією, приглашаемою по его приказанію, съ консисторскими членами, иногда же съ приглашенными изъ города юриспрудентами, продолжалъ цѣніе, питье, разговоры, крики, задачи, силлогисмы, стихописаніе, игру на гусляхъ, и—если угодно—польскій танецъ, которому былъ великій мастерище выше упомянутый мною Рыльскій архимандритъ Вонифатій Борейко, бывшій прежде базилянцемъ, слѣдовательно урожденный для танцовъ полявъ. Такимъ образомъ убивая время, вспало единожды его преосвященству на умъ, написать для забавы пріятелю своему, сѣвскому воеводѣ Пустошкину, у котораго онъ часто обѣдывалъ, ругательной кантѣ. Онъ начинается такъ:

Здравствуй, храбрый молодець,
 Видь, что чести есть конецъ.
 Грудью достаютъ то многи
 Смертной не страшась дороги,
 Чтобъ отечеству служить,
 И за то чванъ получать и проч....
 .....
 Вздумалъ паки наконецъ,
 Чтобы въ службѣ не былъ льстець,
 Патриота вдругъ личину
 Привалъ *), чтобъ найти причину
 Человѣкомъ слыть честнымъ,
 Въ штатской службѣ сталъ инымъ и проч....

Я столько его написалъ, сколько могъ припомнить. Для понятія же, каковъ онъ былъ весь, довольно и этого.

Можетъ быть кто потребуетъ симъ стихамъ перевода или

*) Въсто зачеркн.: «вздумалъ».

толкованія. Ну, да какого тутъ перевода или смысла желать, когда что пишется за ужинымъ, протяженнымъ на дѣлую ночь столъ? Довольно, если рѣшмы хороши, и нѣтъ ни одной полубогатой. Что же касается до меня, то я доволенъ былъ случаемъ положить его на ногу. Хоръ пѣвчихъ его воспѣлъ. Кантъ былъ неподобной, это правда. Кантъ былъ хорошъ, это неправда. Какъ бы то ни было, мы его полюбили какъ свое рожденіе. Слушайте, слушайте въ чему дѣло идетъ, и чѣмъ оно кончится!—

Кантъ пѣвали за обѣдами и ужинами, и какъ случилось. Архіерейскому удивлялись сочиненію всѣ попы и протопопы, а меня хвалили за ногу. Кантъ, архіерей и я вошли уже во всеобщую молву, но изъ разныхъ состоящую мнѣній, о узнаніи которыхъ нѣкто меньше не заботился какъ я. Слушайте-жъ, слушайте! такъ кричать въ англійскихъ парламентахъ.

Лекаръ городской, тотъ самой, которой меня послѣ горячки лечилъ вашицею съ вурлицею, схватилъ у архіерея, съ дозволенія его, кантъ, дабы воспользоваться изящнымъ сочиненіемъ. На завтрѣ архіерей опомнился и послалъ меня въ городъ, возвратить отъ лекаря кантъ. Я встрѣтилъ его выходящаго изъ квартиры. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что пришлетъ кантъ, а теперь онъ идетъ въ Казанскую церковь въ обѣднѣ. «И я съ вами помолюсь».—

— Нѣтъ! За чѣмъ же вамъ дожидаться? Я тотчасъ пришлю послѣ обѣдни.— «Такъ вы теперь вернитесь».

Лекаръ пережѣнился въ лицѣ, однакожъ не вернулся. Въ церкви онъ еще два раза принимался меня увѣрять, что онъ пришлетъ послѣ обѣдни; но я, не желая возвратиться безъ исполненія зачѣмъ посланъ, достоялъ обѣдню, до конца. Возвратясь въ квартиру, лекаръ перевернулъ на столѣ свои каталоги, скотской лечебникъ, календарь, приподнялъ связку бумагъ, тронулъ иготъ, звякнулъ пестивомъ и сказалъ, что кантъ куда-то завалился, и что онъ его отыщетъ и самъ доставить къ архіерею. Я, возвратясь, донесъ обо всемъ архіерею. Онъ немного призадумался, а я не сомнѣвался, что кантъ у воеводы. Между тѣмъ лекаръ, недоволенъ будучи, что я, настоятельнымъ моимъ требованіемъ и неполученіемъ отъ него канта, открылъ въ половину его плутовство, сказалъ воеводѣ, что кантъ моего сочиненія, а не архіерейскаго; чему служить въ доказательство и рука, которою онъ писанъ, а нога подтверждаетъ. Архіерейской

же сестрѣ жалился, что я помѣшалъ ему въ церкви помолиться; сестра передала брату, а братъ мнѣ съ придачею, что я въ самомъ дѣлѣ не хорошо сдѣлалъ, что нарушилъ душевное спокойствіе человѣка молящагося. Это еще не конецъ. Кантъ лекарь возвратилъ; но вскорѣ послѣ сего воевода, мстя мнѣ за кантъ, увѣрилъ архіерея, что доноситель на него, Захарка, имѣеть со мною сношенія. Воевода былъ не дуракъ. Онъ зналъ архіерейскій недовѣрчивый и легковѣрный нравъ*). Примѣтя же изъ движеній архіерейскихъ успѣхъ своихъ возней, припомнилъ онъ и о кантѣ на мой счетъ, выставляя свидѣтелемъ лекаря. Архіерей чистосердечно ему сказалъ, что это неправда, и что самъ онъ, архіерей, учинилъ сіе подъ веселое время и просилъ его, воеводу, простить ему дружески пастырское его дурачество **).

Дѣло на счетъ канта кончено, и я передъ воеводою правъ. Но гдѣ сыскать воеводѣ способъ признаться, что онъ меня, въ разсужденіи сношеній съ доносителемъ на архіерея, ослеветалъ въ отмщеніе за кантъ? такъ и осталось! А архіерей въ такихъ случаяхъ любилъ вѣру и ей безпрекословно повиновался.

Я не знаю, чтобы онъ со мною сдѣлалъ? Но движеніи его ничего добраго не предвѣщали. Казалось по всему, что онъ рѣшился меня распять, не предавая понтійскому Пилату итемону. Бѣгство праведника не разъ уже бывало на земномъ шарѣ, въ силу права природы, внушающаго тако: «бѣжка не хвалить, а съ нимъ хорошо».

Къ покоямъ нашимъ примывался храмъ Божій. Я скрылся въ него предъ обѣднею подъ жертвенникъ, и тамъ лежа выслушалъ обѣдню. Это было на день архангела Михаила, т.-е. 8-го дня ноября. Я слышалъ какъ архіерей, взшедши на клиросъ къ своимъ пѣвчимъ, затянулъ съ ними концертъ «Идеже осѣняетъ благодать твоя, архангеле, оттуда діаволя прогонится сила». По

*) Въмѣсто зачертки: «характеръ».

Ред.

***) Обо всемъ этомъ, спустя года полтора, самъ архіерей, будучи въ хошемъ духѣ, мнѣ пересказывалъ, и мы по сему разсуждая, открыли одинъ другому глаза. Я долженъ сказать, что когда такой благотворной духъ на него находить, то представляетъ онъ особу, обворожающую каждаго слушателя своимъ основательнымъ, краткимъ, чистосердечнымъ словомъ. Но сіе такъ рѣдко съ нимъ случается, что едва ли въ дѣлѣи годъ можно считать нѣсколькими часами.

Г. Д.

голосу и языку услышалъ я, что голова его преосвященства была уже слишвомъ полна благодати.

При окончаніи обѣдни, пономарь Назарій поднялъ занавѣсъ жертвенника для какой-то ему церковной надобности, и меня увидѣлъ. По окончаніи обѣдни, церковь и примыкающіеся къ ней боковые покои, чрезъ которые вошелъ я въ церковь и которыми надѣялся вытѣчь, были заперты. Довольно ясно, что я святой арестантъ, и что пономарь Назарій прислужился предательствомъ меня. Большая въ окнѣ шибя найдена мною надежнѣе жертвенника, и справедливо: меня пришли взять въ чайни, что я ихъ буду дожидаться подъ жертвенникомъ. Но я уже покоился въ одной изъ стоящихъ въ каретномъ сараѣ каретъ, въ которой размышляя, не зналъ что придумать, а между тѣмъ, сѣдя уже слишвомъ сутки, ослабѣлъ и почувствовалъ жаръ. Въ такомъ положеніи я найденъ и представленъ въ архіерею, крайне уже, въ моему счастью, изнемогшему и страждущему отъ обыкновенныхъ подвиговъ. Мы оба были больны, только отъ разныхъ причинъ. Архіерей одолѣлъ сказать мнѣ, почти невразумительно:

«А! ты явился!» и тотчасъ заснулъ на стульяхъ, а я пошелъ въ свою комнату. Мнѣ пришли сказать, что тотъ пономарь Назарій, которой объявилъ обо мнѣ архіерею, и которой запускъ меня вчера былъ взять подъ стражу, только-что теперь повѣсился. Я отъ тѣхъ поръ закаялся власть канты на ноту *).

Еще архіерей не проснулся, какъ принесли съ почты указъ отъ синода, чтобъ онъ отвѣтствовалъ во всемъ безпрекословно комиссіи, учрежденной по имянному повелѣнію, состоявшемуся на довлѣдь синода, поднесенный вслѣдствіе доноса дьячка Захарки, на которую наряжены: черниговскій архіерей Теофилъ, Гамалѣвскаго монастыря архимандритъ Антоній Почека, да двое свѣтскихъ, полковникъ и маіоръ, потому что и воевода привосновенъ былъ въ сей же комиссіи, вѣжета по тѣмъ преступленіямъ, что архіерей у него часто обѣдывалъ, и что принималъ отъ архіерея въ солдаты доносителя.

Доноситель-дьячекъ столько былъ расторопенъ, что успѣлъ уже доставить къ первому своему доносу прибавленіе объ обод-

*) Далѣе въ подлинникѣ зачеркнуто: «а архіерей нить не закаивался».

раніи жемчуга и каменья съ образа св. Николая, изъ которыхъ архіерей будто-бы сдѣлалъ сестрѣ своей пряжки. Сіе послѣднее, хотя была глупо-ядовитая ложь, однакожъ надлежало на все отвѣтствовать и признаться въ ободраніи, и въ употребленіи на архіерейское церковное украшеніе, чѣмъ соблазнялась вся народная простота, и оскорблялся общій порядокъ.

§ XXV.

Другое время, другія и мысли.

1773—1774.

Архіерей, проснувшись и прочитавши указъ, — оставилъ все, бросилъ въ постелю. Коммиссія по приѣздѣ расположилась въ городѣ. Духовные коммиссіонеры имѣли вѣжливость предварить подсудимаго своимъ посѣщеніемъ; потомъ, чрезъ нѣсколько дней требуютъ его въ коммиссію, а онъ сказывается больнымъ. Коммиссіонеры, желая его посѣтить въ постели, пригласили съ собою *) городского лекаря; но лишь только показались къ нему въ келью, то онъ, увидя лекаря, выпрыгнулъ изъ постели и началъ имъ объяснять, что «онъ архіерей, а не мужицъ, и что ему должно вѣрить, если онъ сказывается больнымъ, а не свидѣтельствовать». Коммиссіонеры имѣли умѣренность сказать: что, «они пришли его посѣтить и пожалѣть о слабомъ состояніи здоровья его преосвященства». Архіерей стыдился уже признать себя больнымъ, потому что имѣлъ неосторожность громко и много говорить, скоро по покоямъ бѣгать и выгнать вонъ лекаря, котораго воротили уже изъ-за-воротъ воды пить.

Въ продолженіе коммиссіи, у архіерея моего возобновилась задумчивость. Я въ эту пору вздумалъ поучиться дѣлать фейерверки. А поводомъ къ сему былъ одинъ изъ отпущенныхъ на волю предъ смертью господина Касагова челоувѣкъ, который, получа свободу искать пристанища, явился ко мнѣ. Мы, или лучше сказать, одинъ онъ, надѣлали ракетъ, колесъ, фонтановъ и другихъ штукъ; мы не забыли связать и узелка изъ двухъ начальныхъ литеръ, знаменующихъ имя преосвященнаго: Кирилъ

Флоринскій: *К. Ф.* Все сіе дѣлано было въ особомъ отдаленномъ покоѣ и архіерею не было извѣстно. Въ самомъ параксизмѣ

*) Вмѣсто зачерки: «на завтра».

архіерейской задумчивости, я доложилъ ему, что у насъ передъ крыльцомъ радостные огни дожидаются приказа — которые тотчасъ и загорѣлись. — Онъ смотрѣлъ на нихъ съ удовольствіемъ. Задумчивость его пропала. А дабы она не возвратилась, велѣно подать — что Богъ послалъ — изъ погребцовъ или шкафовъ.

Случившіеся на ту пору домовою лекаръ и сестра, которая не знаю почему-то подошла съ братомъ подъ одну комиссію, составили сосіетѣ — бесѣду.

По утру преосвященный далъ знать консисторіи, что онъ въ сей день будетъ въ оной своею особою присутствовать. Его ожидали тамъ съ какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ. И не обманулись; ибо ежели благодѣяніе не есть дѣло маловажное*), такъ онъ произвелъ меня формально канцеляристомъ. Въ семь случаевъ похожъ я былъ на того фельдцейхмейстера, который получаетъ орденъ за талантъ своего артиллеріи сержанта.

Служащіе въ консисторіи, соперниствуя моему чину, приступили съ просьбами въ преосвященному. Они представляли, что давно вступили въ службу, ревностно трудятся, въ штрафахъ и наказаніяхъ не были, въ чемъ ссылаются на формулярные списки, и, того ради, просятъ произвести и ихъ канцеляристами. Архіерей имъ отвѣчалъ, что «произведеніе теперешняго канцеляриста не можетъ вамъ быть ни въ примѣръ, ни въ обиду, потому что онъ въ корреспонденціяхъ моихъ былъ и есть у меня правою рукою.» Справедливъ этотъ отказъ или нѣтъ, получившій давшаго не судить, и это было, есть и будетъ: кого хотять награждать, заслугу сыщутъ, — кому хотять отказать, резолюція готова, а для меня неоспоримо то, что полезнѣе дѣлать фейерверки, нежели канты власть на ногу.

И тако проходили часы, дни, недѣли, мѣсяцы цвѣтущей моею юности, какъ наступилъ и 1774-й годъ.

1774 г. Вышесказанная прибывшая комиссія, ни должности преосвященнаго не уменьшила, ни свободы его не связала. Почему въ самую лучшую лѣтнюю пору отправился преосвященный — Путивльскаго уѣзда въ слободу Терны, для посѣщенія г-на Сафонова, сына того порядочнаго — но уже скончавшагося — отца, о которомъ говорено въ 1770-мъ году моего повѣствованія.

*) Въ мѣсто зачеркнутаго: «есть истинное добро».

На пути заѣхали въ Глуховской Петропавловской монастырь, въ которомъ пребывающій на пенсіи и управляющій монастыремъ епископъ Анатолій Мелесъ, въ почестъ гостю приказалъ звонить въ колокола и палить изъ можжиръ, а самъ встрѣтилъ его на крыльцѣ, въ китайчетомъ халатѣ цвѣта вороньяго крыла, съ неповрѣнною главою и босикомъ. Онъ прежде всего изъяснился, что хотя онъ и монахъ, но священнодѣйствуя въ прошедшую противъ турокъ войну на хребтахъ корабельныхъ, привыкъ къ пороху и къ пушечному грому. Гость отвѣтствовалъ: «я былъ въ Парижѣ при послѣ, куда военные громы не досызали, такъ у меня въ домѣ нѣтъ ни пушекъ, ни можжировъ». Послѣ сего вояжиры наши пошли въ покои къ обѣденному столу. Мой архіерей также раздѣлся, однакожь не разувался. На другой день распрощались и мы выѣхали въ Путивль. Въ Путивльскомъ-Молчанскомъ монастырѣ переночевавъ у добраго ховяина игумена Мануила Левицкаго, взяли и его съ собою въ Терны, куда и прибыли подъ вечеръ.

Новой молодой владыка Терновъ съ деревнями, встрѣтилъ преосвященнаго передъ слободою въ каретѣ. Онъ былъ лѣтъ 22-хъ, роста средняго, круглолицъ, полонъ, бѣлъ, нѣженъ, хорошъ собою и жиренъ. Екипажи наши поставлены на гостинномъ дворѣ, и комнаты для архіерея и всего штата отведены тамъ же. Послѣ хорошаго ужина легли спать, и надѣялись, что завтра для насъ будетъ еще лучше *).

Возставше отъ одра и сна, увидѣлъ я, что въ господскомъ домѣ тѣже были люди и вещи, которыхъ я видѣлъ и при отцѣ, но не было никого и ничего на своемъ мѣстѣ, и все казалось безъ души. Послѣ чаевъ и кофіевъ молодой баринъ посѣтилъ архіерея, и походя оба кое-гдѣ, пошли въ большіе покои, гдѣ столъ накрывали. Я старался что-нибудь услышать отъ молодого Сафонова, но изъ него ни ползло, ни лѣзло. Смотри на него, по наружности онъ долженъ быть Аполлонъ бѣлокурый, но по внутренности вселился въ него Момусъ**), вромѣ момусова остроумія.

*) Далѣе зачеркнуто: «но надежда—цыганка».

Ред.

**) Момусъ—шутъ боговъ. Митологисты наши говорятъ, что Момусъ единожды сказалъ: «Боги были пьяны, когда сотворяли человѣка. Проспавшись—не могли безъ смѣха взглянуть на свое твореніе».

Г. Д.

Это пригѣч. было первоначально въ подлинникѣ такъ: «Момусъ—богъ дурчачества, ежели это богъ».

•

Ред.

Когда пришло време садиться за обѣденный столъ, хозяинъ нашъ оказался пьянъ, а въ второй Касаговъ. Будучи въ семь счастливомъ состояніи, схватилъ въ другой горницѣ вѣрнопостную свою пѣвицу за руку и тащилъ ее къ столу. Игумень Путивльскій Мануилъ Левицкій, будучи ему близко знакомъ, и бывши отцу его хорошею пріятель, подскока вырвалъ ее у него, и пхнулъ обратно въ ту же горницу, изъ которой она вытащена, а его двинулъ *) въ ту, гдѣ сидѣлъ архіерей съ другими, и сказалъ ему: «буханье на столѣ.» Сѣли за столъ, всего было преизбыточно. Сей прочнаго введенія столовой части, сынъ не успѣлъ еще разрушить.

Музыканты потащились въ арестру: иной ладилъ свой инструментъ, иной его клалъ, иной губы развѣся зѣвалъ, а пѣвицы всѣ смѣялись. Стали играть. Сколько играли, столько и ошибались, или не радѣли, на лицахъ написано было безпутство.

Все въ домѣ доказывало, что нѣтъ уже отца, господина и хозяина. Среди угощенья и музыки никогда во мнѣ уныніе столько не дѣйствовало, какъ при воспоминаніи порядочнаго отца, который, безъ сомнѣнія, не желалъ, чтобы наслѣдникъ разрушилъ всѣ его насажденія.

Послѣ обѣда, уже подъ вечеръ, архіерей подошедши къ арестру, и будучи насыщенъ земныхъ благъ, крикнулъ: «играйте.» Капельмейстеръ, — вѣрнопостной человекъ и мужъ сказанной пѣвицы и барской любовницы, — крикнулъ: «Не слушай.» Всѣ музыканты и пѣвицы пришли въ замѣшательство. Сюда же примкнулись, со стороны архіерея, ряды пѣвчихъ, протодіаконъ, игумень и я. Всѣ начали говорить кто какъ хотѣлъ, и поднялся шумъ. Насыщенный съ гостями хозяинъ, чтобъ не быть празднымъ лицомъ, пробился сквозь толпу, схватилъ архіерея за крыло влобуза и крикнулъ во всю мочь: «собака!»

Архіерей, не дожидаясь, чтобъ его затравили, скокнулъ со всѣхъ ногъ въ квартиру со всѣмъ клиромъ, проповѣдуя на бѣгу: «Аще гонять вы — вась — во градѣ, бѣгайте въ другой, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ отрясае». А я вслѣдъ приговаривалъ: «Стопы моя направи по словеси твоему. Капитанъ же, хозяинъ, удовольствовавшись тѣмъ, что одержалъ храбро плацъ, препровожденъ

*) Вмѣсто зачеркнута: «сунуль.»

съ капельмейстершею въ триумфѣ цѣлымъ аркестромъ до самой спальни. О семъ послѣднемъ тогда же повѣствовали его домо-служители, которые всегда бываютъ самые вѣрные повѣствователи.

Мы ночевали не въ Сафонова домѣ, но у протопопа той же слободы. По утру посланъ былъ нарочной за архіерейскою тростью, которую вчера схватить не успѣли. Посланный возвратившись донесъ, что хозяинъ встрѣтился съ нимъ нечаянно въ дверяхъ залы, въ рубашкѣ, безъ всего и туфель. Въ сей позиціи спросилъ о здоровьѣ преосвященнаго, и услыша, что преосвященный отъѣзжаетъ, вскричалъ въ удивленіи: «Ахъ! я думалъ онъ будетъ у меня обѣдать; карету! штаны! мыться! гнать!»

Архіерей, желая чтобъ за нимъ гонялись, выѣхалъ какъ можно скорѣе. На побѣгѣ завидя погоню, сдѣланную въ почестъ ему, приказалъ скорѣе гнать. Мы—въ деревню, Сафоновъ тутъ. Архіерей въ крестьянскую избу, Сафоновъ на дворѣ. Его не пускаютъ къ архіерею, онъ просится, и увѣряетъ, что онъ трезвъ, что при немъ нѣтъ ни капельмейстера, ни капельмейстерши, ни собакъ, и что онъ гонится какъ тѣнь за тѣломъ, безъ котораго жить не можетъ. Будучи допущенъ, добился прощенія, закрывши лицо платкомъ, дабы показать, что прошеніе его было слезное. Архіерей тому повѣрилъ. Капитанъ былъ съ запасомъ, а и насъ не безъ онаго. Начали мирный трактатъ поливать. Побранились. Сафоновъ закричалъ: «собакъ!» Архіерей ускакалъ впередъ, а хозяинъ не былъ столько плохъ, чтобъ въ другой разъ гнаться за такимъ епископомъ, которой не мастеръ прощать.

Бѣдный Сафоновъ, проводя жизнь пьяную и безпутную, вскорѣ послѣ отъѣзда преосвященнаго женился и вскорѣ умеръ. Преосвященный не имѣлъ причины жалѣть, что съѣздивъ и похоронилъ покойника, потому что тестъ его изъ его имѣнія наградила за всѣ издержки, и даже за то, чтобы преосвященный покойника простилъ и разрѣшилъ отъ тѣхъ грѣховъ, когда онъ хотѣлъ преосвященнаго собаками травить.

Въ Путивльскомъ монастырѣ у Мануила нашего только-что переночевали. Выѣхавъ, поспѣли къ обѣду въ построенный въ лѣсу, на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, Петропавловскій Глуховскій *) въ ожидавшему уже нашего сухопутнаго,—мор-

*) Монастырь Петропавловскій, хотя называется Глуховскимъ, однако же онъ отъ Глухова отстоитъ на 20 версть. Г. Д.

своему епископу Анатолію Мелесу. Онъ принялъ гостя со всѣми прежними обрядами и съ прибавленіемъ въ онымъ, что во весь вечеръ и во всю ночь палили изъ можжировъ и звонили въ колокола. Оба архіерея съ игуменомъ и прочими, всю лѣтнюю пріятную ночь ходили по монастырю и около церкви съ фонарями, а по утру очень рано, влѣзли на волокольную и звонили съ прочими на ряду. Я вида, что колоколовъ довольно, и любя по натурѣ колокольной звонъ, вликнулъ туда же нѣсколько пѣвчихъ и начали звонить пуще прежняго. Кому не доставало тянуть за веревку, тотъ билъ по колоколу палкою. Словомъ, мы подняли такой звонъ и палбу, каковыхъ безъ сомнѣнія не было во дни святого Дмитрія Ростовскаго, которой будучи въ семь монастырѣ игуменомъ, построилъ каменную церковь среди монастыря, которая и понынѣ въ совершенной крѣпости, съ надписью въ срединѣ надъ аркою имени построившаго.

Въ самый развалъ нашихъ торжественнѣйшій прибыла духовная комиссія по указу святѣйшаго синода, слѣдовать и судить нашего хозяина, по доносу на него пречестнаго іеромонаха отца Антонія, который въ нашемъ же сословіи пилъ, ѣлъ, звонилъ и палилъ, и котораго доносъ состоялъ въ томъ, что архіерей Анатолій заключаетъ монаховъ въ тюрьму безвинно, бьетъ ихъ палками, не ходитъ никогда въ церковь, не одѣвается, всегда босякомъ, а только пьетъ, да гуляетъ и палитъ изъ можжиръ, которыя перелилъ изъ колоколовъ, снятыхъ имъ съ волокольной.

Комиссіонеры Лубенскаго монастыря архимандритъ Паксій, Густынскаго монастыря игуменъ Іосифъ и писмоводитель пошъ Продьма привезли съ собою запаснаго игумена, въ качествѣ администратора, которому велѣли тотчасъ принять весь монастырь съ доходами въ свое наблюденіе и распоряженіе.

Нашъ Анатолій въ одинъ мигъ истрезвился, пересталъ палить, обулся въ сапоги, умылся, расчесалъ волосы и бороду, одѣлся въ рясу, покрылся кlobукомъ, навѣсилъ панагію, наматалъ на руку янтарныя четки. Въ такомъ видѣ явился онъ на другой день, очень рано, къ моему архіерею и повалился ему въ ноги, возглашая виѣстѣ съ поклономъ: «Наставниче! спаси мя, погибаю!» А сей ему въ отвѣтъ: «Дуракъ! почто усумнился еси? Меня велѣно судить за взятки, за грабежи церковныя, за . . . . да я не робѣю». Потомъ намаркировалъ ему отвѣты

противъ доноса. Напоследокъ мы вида, что реформа монастырскаго правленія нарушила нашъ порядокъ, ну *) впередъ! и приѣхали въ Глуховъ. Коммиссіонеры остались въ монастырѣ, и Анатолій—съ нами.

Въ Глуховѣ мы остановились у отца протопопа Корнилія Гевефовича. Земскій судья Сергій Сидоровичъ Дергунъ и коллежскій совѣтникъ Яковъ Павловичъ Козельскій**), Малороссійской коллегіи членъ***), посѣтили нашего преосвященнаго, и увидя нечаянно Анатолія во всей формѣ, зная напередъ, что онъ любилъ босоту, воскликнули: «Ахъ, ваше преосвященство! какъ къ вамъ все это пристало!... Ну для чего бы вамъ всегда такъ-то не одѣваться? Вы бы къ намъ пожаловали, а мы бы къ вамъ когда приѣхали, и у насъ бы было райское препровожденіе времени». Анатолій отвѣчалъ въ постоянномъ видѣ: «А для чегожь вы не упредили мое дурачество вашимъ благимъ совѣтомъ! Греки говорятъ: гдѣ продивается вино, тамъ купаются слова, а мое можетъ быть не одно и дѣяніе искушалось въ немъ». Полковникъ Козельскій былъ человѣкъ ученой и литераторъ: онъ сказалъ Анатолію: «Я, прочитавъ вашу рѣчь, которую вы говорили предъ государынею императрицею, и которую мнѣ изъ Петербурга прислалъ пріятель, всегда хранилъ почтеніе къ вашимъ дарованіямъ».

Мнѣ разсудилось эту рѣчь помѣстить здѣсь. Мой архіерей получилъ ее отъ Козельскаго. Она у меня понинѣ уцѣлѣла и нашлась между бумагами. Послѣ я ее видѣлъ уже и въ печати:

Рѣчь, говоренная епископомъ Анатоліемъ, возвратившимся изъ Архипелага, 1772 г. октября 7 дня.

Всемилоствѣйшая государыня!

Созерцая освященное лице вашего императорскаго величества, чувствую радость, вся оцущаема сердцемъ, неизреченна устами. Вижду предо мною всѣ красоты міра собранныя воедино. Се то средоточіе славы, которое на подобіе солнца кажется не-

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «отправилсь».

Ред.

**) Козельскій знакомъ былъ моему архіерею отъ тѣхъ временъ, когда они вмѣстѣ ходили на лекцію экспериментальной физики въ Петербургъ. Г. Д.

***) До открытія намѣстничествъ въ Глуховѣ была малороссійская коллегія. Г. Д.

движимо, но лучи свои по всему свѣту простираетъ. Се Екатерина! О! кто мнѣ дастъ вѣтійство, соразмѣрное милостямъ, кои я пріялъ и приѣмлю отъ руки монаршей. Кто устроитъ жизнь мою, да возглаголю слово царицѣ, моей матери? Я сидѣлъ во тьмѣ, и внезапно обліста мя свѣтъ велій. Узникъ сталъ свидѣтель чудесъ твоихъ на водахъ многихъ. Я вѣдѣлъ корабли твои между расхлѣянными по Архипелагу островами, на подобіе острововъ колеблющихся, и тысящами мѣдныхъ гортаней могущество твое морю и туркамъ вовѣщающія. Стоялъ на хребтахъ ихъ, среди героевъ, священниковъ, и счастьемъ твоимъ осѣнялъ къ побѣдамъ твоихъ мореходцевъ. Малъ въ братіи моей посреди цѣркви, на далекихъ берегахъ громомъ имени твоего раздающихся, пѣлъ ты, и во храмѣ сердца моего дондеже есмь пѣти не престану. Не умру несчастливъ! Смерть закроетъ старцу очи, Екатерининной славою насыщенный, славою и вѣчно ея лицезрѣніемъ. Се веркъ моего благополучія! Но что воздамъ блаженства и дыханія моего виновницѣ? вромѣ единого желанія: да будетъ, монархиня, жизнь твоя столь долготѣна, сколь она, безъ сравненія, нужна Россіи. Да будетъ здравіе твое столь невредимо, сколь одолженія твои вселенной велики. — Яко же роса аермонская нисходитъ на горы сіонскія, тако да снидетъ на ты съ небесъ благословеніе. Живъ Господь Вседержитель и кто на ны? Живы Екатерина самодержица и Павелъ всероссійскій наслѣдникъ. Привергающіеся же къ стопамъ ихъ, во вѣки не погибнутъ».

Господинъ Дергунъ угощалъ во своемъ домѣ архіереевъ обѣденнымъ и ужинымъ столомъ, а г. Козельскій компанировалъ, яко человекъ въ корпусо-кадетскій. Тутъ же былъ и малороссійской коллегіи прокуроръ Семеновъ, человекъ богатой, пузатой, скупой и неучоной. Говорили, что онъ хорошо знаетъ свою должность; а что онъ ѣлъ и пилъ хорошо, о томъ не нужно было и спрашивать. При окончаніи ужиннаго стола, шепнулъ я пресвященному, что у насъ есть нашей работы связка разныхъ горючихъ малыхъ фейерверочныхъ штучекъ. Архіерей далъ мнѣ сигналъ открыть канонаду въ горницѣ. Неожиданный трескъ, хлопотня, ровданные людямъ колеса, все это вдругъ загорѣлось, зашумѣло и не меньше надымилло. Дамы, сидѣвшія за столомъ повскакивали съ мѣстъ, а брошенные по полу огни тѣмъ болѣ за ними отъ волненія воздуха гонялись, чѣмъ болѣе они убѣгали. Мой

архіерей, зажегши самъ на свѣчѣ фонтанъ, бросилъ на петропавловскаго архіерея, и трафилъ ему въ самую бороду. Борода сильно засвищѣла, и бросилась въ бѣгающій, смѣющимся, кричащимъ, ахающимъ чепчикамъ и токамъ, и вмѣшавшись между ими, составила странную труппу.

По сгорѣніи фейерверка, нашли прокурора Семенова въ жалкомъ положеніи, на котораго во время происходившихъ шалостей никто не имѣлъ вниманія. Онъ просилъ, Бога ради, милости, воды и кто чѣмъ можетъ ему помочь, ибо онъ, имѣя наклонную къ апоплексіи природу, едва отъ порохового дыма не задохся, а причиною сему больше то, что онъ и по натурѣ не могъ терпѣть порохового запаха, почему и высочить былъ не въ силахъ изъ покоевъ. Опаматовавшись, онъ напомнилъ, по должности, что таковыя шутки противны законамъ, поелику онѣ могутъ быть смертоносны; а архіерей мой отвѣчалъ, что блюстителю законовъ не было лучшаго времени умереть какъ въ этомъ дыму, потому что погребли бы его два архіерея, которые оба подъ судомъ.

§ XXVI

Параграфъ двадцать-шестой, а о чемъ? значить въ комъ.

1774 — 1777 г.

Возвратясь домой, занимался его преосвященство отвѣтствованіями по требованіямъ комиссіи; а между тѣмъ, прогуливаясь единожды въ хорошій вечеръ и полнолунную ночь по саду, примыкающему къ покоямъ, — съ матерью, сестрою, племянницею, Путивльскимъ игуменомъ Левицкимъ, — вздумалъ мимоходомъ для забавы при небольшихъ, шумъ головной умножающихъ, капляхъ, заручить за меня родную свою племянницу, дочь находящейся при немъ сестры. Въ семъ случаѣ былъ я похожъ на Волтерова Гурона, котораго ловили окрестить. Что касается до невѣсты — Татьяна Осиповна ее звали, — она была ребенокъ милый, лѣтъ 14-ти, и мое сердце знало ей цѣну. Но что касается до страннаго и несчастнаго свойства моего благодѣтеля и будущаго дяди, не предвѣщалъ я для себя ничего добраго изъ нашего союза и страшился быть отягощенъ его милостями; а потому и чувствовалъ непреоборимое затрудненіе вступать съ нимъ въ свойство. Какъ-бы-то-ни-было, я получилъ перстень алмазный, а невѣста кольцо — алмазное же, которые повидимому у преосвященнаго пригото-

лены уже были. Все это происходило въ саду, при лунномъ сіяніи, слѣдственно мы съ невѣстою были счастливѣе тѣхъ, которыхъ, при началѣ міра, за любовныя дѣла гнали изъ сада вонъ. Хотя все сіе, по мнѣнію нашему, происходило секретно, однакожь, несмотря на секретъ, прослылъ я скоропостижно архіерейскимъ племянникомъ.

Въ послѣднемъ сего года мѣсяцѣ, разсудилъ преосвященный посѣтить городъ Орель. Комиссія негодовала за намѣреніе и отлучку, но онъ того не уважалъ.

1775 г. На пути, въ городѣ Кромахъ, остановились у протопопа Кромскаго и прожили все праздничное время до 8-го числа января новаго года. Причиною сему были отъѣзды архіерейскіе въ уѣздъ по домамъ дворянскимъ, куда онъ прошенъ бывалъ какъ рѣдвой гость и пастырь стада, а я оставался за богѣзною на квартирѣ.

8-го числа января мы выѣхали изъ Кромъ и прибыли въ Орель того-жь дня подъ вечеръ.

Съ самаго приѣзда до свѣтлаго праздника, прожито въ Орлѣ хорошо. Порядокъ жизни былъ таковъ же, какъ и на всякомъ мѣстѣ; а послѣ праздника, многіе компаніоны разѣхались по домамъ деревенскимъ, а иные скучившись единообразными бесѣдами и подвигами, оставили пастыря безъ овецъ и владыку безъ рабовъ.

Здѣсь преосвященный въ великій еще постъ увѣдомленъ былъ о смерти своего брата и сподвижника епископа Анатолія Мѣлеса. — Вздохнувши по немъ, сказалъ: «дуракъ былъ покойникъ! съ его ли умомъ переливать колокола въ можжиры?» А послѣ праздника пришла вторая вѣсть: что, комиссіонеры Сѣвскіе, кончивъ что имъ было предписано, разѣхались по домамъ и по монастырямъ. Сіе обстоятельство и годовое время придали охоту преосвященному въ возвращенію домой. Но не всякое дѣло такъ скоро исполняется какъ говорится, и не человѣкъ случаемъ, а случай человѣкомъ управляетъ. Да какъ же онъ управляетъ? Онъ посылаетъ къ преосвященному проѣзжающаго чрезъ Орель переводчика Ивана Голѣневскаго, который былъ при должности въ Полоцкѣ; а знакомъ преосвященному еще отъ тѣхъ временъ, когда они были вмѣстѣ при дворѣ императорскомъ

пѣвчими *). Еще поручилъ Герасимъ Орловскій, который посланъ былъ изъ Глухова отъ начальства куда-то чрезъ Орелъ и который былъ знакомъ, частыми своими въ Сѣвскѣ приѣздами и счастливымъ даромъ природы, которымъ пользуюсь, напивался и наѣдался въ сопровожденіи шутокъ и уловокъ, дѣлающихъ для другихъ смѣхъ. Сей вскорѣ ускакалъ въ предписанной ему путь, а Голѣневскій дождался, пока оба возлегли съ хозяиномъ невзначай, одинъ—на канаве, а другой—на стульяхъ; обувенны въ сандаляхъ и въ приличной каждому чистотѣ и опрятности, подобно тѣмъ воинамъ, которые и спящія имѣютъ осторожность, дабы неприятель не попалъ въ распахъ.

Но какъ нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣчнаго и постоянного, то и спящимъ надлежало проснуться, и гость уѣхалъ, а хозяинъ формально возлегъ на одръ, поелику требовало того изнеможение силъ. Уже прошло двое сутокъ, какъ пресвященный недомогалъ и питался только чаемъ, кремортартари и лимонадомъ. Въ продолженіе сего, какъ я единожды вошелъ въ спальню, онъ сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ: «за тѣмъ сюда пускать Орловскаго? до шутокъ ли мнѣ теперь? Онъ съ одного угла горницы прыгнулъ на другой, и говорить: Богородица Дѣва радуйся». Я отвѣчалъ, что «уже четвертый день какъ Орловскаго въ городѣ нѣтъ». — «Да, отвѣчалъ пресвященный: — жаръ во мнѣ дѣйствуетъ!»

Напоследокъ, надобно было выздоровѣть и выѣхать. Зазвонили, но никто насъ не проводилъ, кромѣ протопопа и нѣсколькихъ священниковъ по должности; что походило не меньше на провожанье живыхъ, какъ и на провожанье мертвыхъ.

По приѣздѣ домой, я уже не пошелъ къ пресвященному въ покои, въ первой моей должности. По мѣрѣ теченія лѣтъ моихъ и архіерейскихъ, и другихъ обстоятельствъ, власть его надо мною, натурально ослабѣвала, почему я и въ силахъ былъ дѣйствовать по собственному желанію, не прося на то отъ него позволенія.

---

*) Этому Ивану Голѣневскому принадлежит стихотвореніе, имѣющееся и въ моей библиотекѣ: «Плачь по блаженной и вѣчно достойной памяти императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ»; напечатано въ листъ, при акад. наукъ, въ 1762 г. См. объ этомъ «Плачъ» въ нашемъ очеркѣ царствованія Петра III-го «Отеч. Записки» 1867 г. кн. VIII, стр. 756 и друг.

Мнѣ не легко изъяснить мои тогдашнія внутреннія, сражающіяся между собою движенія. Мнѣ только то было ясно и чувствительно, что я, родившись человекомъ, не имѣю прочнаго названія въ обществѣ, и что имѣю непреоборимое отвращеніе къ образу жизни моего архіерея и къ его качествамъ.

Я передвинулъ мои пожитки въ стоящіе близъ воротъ два покоя, примыкающіеся одною стороною къ тому же саду, къ которому и архіерейскіе покои, съ другой, боковой, полуденной стороны примыкались. Онъ въ неудовольствіи спрашивалъ причины, а я представлялъ слабость здоровья, что и въ самомъ дѣлѣ было. Онъ обнаружился удержатъ меня при себѣ по прежнему, а я требовалъ рѣшительно письменнаго увольненія, какъ отъ него, такъ и отъ консисторіи, — послѣнку былъ канцеляристомъ, — съ которыми бы могъ выѣхать для опредѣленія себя въ царскую службу. Наконецъ архіерей позволилъ мнѣ имѣть сіи, но желанію моему, особые покои.

Итакъ, началъ я жить отшельнически, не зная еще и самъ на какой конецъ; однакожъ ощущалъ въ моей душѣ, что сдѣланной шагъ для меня полезенъ. Повойцы мои прибралъ я не по монастырски. Архіерей иногда жаловалъ ко мнѣ посидѣть, а иногда присылывалъ весь свой столъ и самъ у меня кушивалъ, иногда съ консисторскими членами и секретаремъ, иногда съ сестрою и племянницею, а иногда одинъ со мною. Да въ сей только милости и состояло все его для меня содержаніе; — и, кромѣ сего, долженъ я былъ питаться собственнымъ иждивеніемъ. Такимъ образомъ протекло больше половины 1775, весь 1776 и первая половина 1777 года.

Въ первое лѣто моего отшельничества, въ августѣ мѣсяцѣ, выпросилъ я дозволеніе путешествовать въ Польшу на Бердичевскую ярмарку. Мой трактъ лежалъ чрезъ Глуховъ, Королевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Васильковскую таможеню и Бѣлую-церковъ. Пресвященный далъ мнѣ письма: въ Глуховъ къ члену коллегіи Ковельскому, дабы онъ снабдилъ меня подорожною въ Кіевъ; къ кіевскому митрополиту Гавріилу Кременецкому, къ архимандриту Кіево-печерской лавры, къ архимандриту Кіево-Михайловскаго монастыря Исаіи, которымъ препоручалъ меня въ ихъ милость и благословеніе; къ кіевскому купцу Дмитрѣвичу, который, имѣя у се-

бя на процентахъ нѣсколько архіерейской казны, долженъ былъ вспомочь меня для ярмарки деньгами на покупки архіерейскія; въ Васильковѣ, въ директору тамошней таможни Ивану Никитичу Болтину, дабы онъ позволялъ и помогъ мнѣ переехать чрезъ границу, яко человѣку не бѣглому. Итакъ, подъ сими парусами направилъ я мое сухопутное шествіе на долгихъ съ однимъ при мнѣ служителемъ, и подъ самую хорошею погодою прибылъ въ Глуховъ; остановился у тамошняго протоіерея отца Корнилія Іезефовича, — у котораго обыкновенно и преосвященный мой останавливался — и съ сей первой моею дистанціи отписаль къ преосвященному съ возвратившимся при лошадяхъ человѣкомъ.

Пріятнѣйшая погода, хорошей и знаемой городою, солидной и благоразумной съ латинью и свѣдѣніями мужъ, хозяинъ, удержали меня тутъ 2¹/₂ дня.

Мой отецъ Корнилій былъ для Глухова живой своихъ временъ историческій архивъ, и не мертвой—прошедшихъ. Всяждствіе чего и по случаю единовременнаго со мною чрезъ Глуховъ проѣзда сенатора Теплова, разсказаль онъ мнѣ бывшій съ нимъ прежнихъ временъ разговоръ.

«Григорій Николаевичъ Тепловъ, — говоритъ отецъ Корнилій:—когда былъ въ Глуховѣ при гетманѣ Разумовскомъ правителемъ канцеляріи, или лучше сказать: политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ, манторомъ и проч., то иногда ко мнѣ прихаживаль пріятельски посидѣть. — Говоря обо всякой всячинѣ, такъ, какъ вы теперь со мною» — прильстиль мимоходомъ вѣжливый священникъ, — «разсказаль онъ единожды два случая или произшествія изъ первоначальнаго своего состоянія.

«Въ ребячествѣ моемъ», — говоритъ Тепловъ: — «когда мнѣ было лѣтъ около 9-ти, играли равныхъ насъ ребятшекъ съ десятокъ на улицѣ, бѣгали, рылись въ пескѣ, глинѣ, и кто каеъ хотѣлъ. Вдругъ увидѣли, что мимоѣзжая карета остановилась. Мы бросили игры и смотрѣли на нея. Узнали, что это былъ нашъ архіерей Теофанъ Прокоповичъ *). Онъ также смотрѣлъ

*) Не могу припомнить, въ которомъ это городѣ. Судя по Прокоповичу, должно быть въ одномъ изъ трехъ, то-есть, или во Псковѣ, или въ Новѣгородѣ, или въ Петербургѣ, въ которыхъ сей знаменитый архіерей имѣлъ свои должностиныя пребыванія.

на насъ въ окно. Потомъ велѣлъ намъ подойти къ себѣ, далъ всѣмъ руку, и нѣкоторыхъ останавливая, о чемъ-нибудь спрашивалъ, желая повидимому узнать какъ это отвѣчаетъ. Дѣло дошло до меня».

Проконевичъ: Какъ тебя зовутъ, мальчикъ?

Тепловъ: Гриша.

Проконевичъ: Кто твой отецъ?

Тепловъ: Солдатъ Николай Тепловъ.

Проконевичъ: «Гдѣ онъ служитъ? Отчего имѣеть пропитаніе? Сколько у него дѣтей?» и проч. и проч. — Напоследокъ, подавая еще руку: «скажи своему отцу, чтобъ онъ завтра пришелъ съ тобою въ архіерею, и сказалъ бы келейному, чтобъ онъ объ васъ доложилъ».

«Мы всѣ разбѣжались съ вѣстями»,—продолжаетъ Тепловъ,— «каждый куда хотѣлъ *), и вездѣ проповѣдывали, что архіерей насъ благословлялъ, и что Теплову съ отцомъ велѣлъ приттѣть къ нему. На завтра, отецъ мой умылъ меня чистою водою, расчесалъ волосы, помылъ ноги, надѣлъ на меня бѣлую рубашечку, подпоясалъ по ней покромочкою, и возложилъ на шею мѣдный крестикъ на шнуркѣ. Тутъ весь мой былъ мундиръ. Мы пришли въ архіерею и стали въ пространныхъ сѣняхъ. Черезъ нихъ изъ одной половины въ другую бѣжалъ келейникъ, и спросилъ отца моего скоропостижно: «что ты, старикъ?»....

«Когда мы допущены въ преосвященному, то онъ, взявъ меня за крестикъ, спросилъ: «кто тебѣ это далъ?».... «Батюшка»....— «Нѣтъ, сказалъ архіерей, это вамъ навѣсилъ Владиміръ». — Потомъ спросилъ отца: «хочешь ли ты отдать мнѣ своего сына?»....

Отецъ: Я съ радостью бы хотѣлъ, да онъ записанъ въ государеву школу....

Архіерей: Ты только пожелай, прочее все я на себя беру. Я въ немъ передвижу прокъ.

«Мой старикъ прослезился отъ благодарности, — и отпущенъ съ миромъ, а я остался въ пансіонѣ архіерейскомъ».

Второе прошествіе:

«Когда я» — продолжаетъ Тепловъ, — «учился уже въ Пе-

*) Зачеркнуто: «и куда могъ».

тербургѣ *), то оскудѣлъ въ одеждѣ, а наипаче износилъ штаны скорѣе другого платья. Нужда—изобрѣтатель всего. Я натянулъ полотно на блейтъ-рамы, и ну писать штаны, представляя ихъ на тесемѣ, нацѣпленной на деревянный гвоздь, вколоченный въ стѣну. Мои соученики насмѣхались предмету, но моя твердость въ исполненіи намѣренія была непобѣдима. Я продолжалъ работу постоянно, а имъ это подавало больше причины къ смѣху и къ насмѣшкамъ. Одинъ говорилъ: «писать свой портретъ», другой—«для друга—подарокъ», иной мимоходомъ поддразниваетъ: «не ошибись въ мѣрѣ!» иной съ важнымъ видомъ говоритъ: «не мѣшайте, братцы, Теплому приводитъ къ концу великія его намѣренія». Словомъ, я продолжалъ писать мои штаны подъ стрѣлами самыхъ язвительныхъ насмѣшекъ. Безъ нужды и безъ терпѣнія не могъ бы я кончить моей работы. По окончаніи же чувствовалъ внутренно, что работа удалась, и терпѣніе уже торжествовало, не зная еще, чѣмъ оно наградится. Схватя мою картину, понесъ ее въ домъ... **), въ которомъ я зналъ, что принимаютъ охотно всякія, подобныя моему произведенію, малости, дабы ободрять трудъ молодыхъ учащихъся, награждая ихъ больше, нежели чего стоить вещь. Въ домѣ NN повеселились надъ картиною, хвалили ее передъ барынями, спрашивали ихъ мнѣнія, нѣтъ ли въ ней какого недостатка и дали мнѣ цѣлую горсть серебряныхъ денегъ. Я побѣждалъ въ ряды, выбралъ по мѣрѣ штаны, бросилъ старые, положилъ въ оба новые кармана деньги—которыхъ, за уплатою, осталось на доброй сюртукъ, явился къ моимъ соученикамъ, и ударяя передъ ними по обоимъ карманамъ, сказалъ моимъ насмѣшникамъ: «въ мѣрѣ не ошибся».

Отецъ Іезефовичъ, пересказывая мнѣ сію исторію, примолвилъ: «какъ мы были теперь у него на приѣздѣ, и я замѣтилъ, что онъ обошелся со мною по прежнему, то сказалъ я ему тихонько: «теперь вашему превосходительству не нужны живописные штаны.» Онъ разсмѣялся и сказалъ вслухъ: «напоминаніе

*) Не могу припомнить, въ казенномъ ли какомъ училищѣ, или въ томъ же архіерейскомъ пансіонѣ. Г. Д.

**) Протопопъ именно сказалъ, въ чей домъ, но я точно не могу припомнить, а похоже, какъ будто на одинъ изъ двухъ домовъ: или Шувалова, или Нарышкина. Г. Д.

прежнихъ временъ пріятно. Покойный преосвященный Прокоповичъ и самъ бы теперь доволенъ былъ, что онъ въ своихъ догадкахъ обманулся; онъ иногда на меня говаривалъ: этотъ мальчишъ имѣеть немаловажные дары природы, да только несчастливъ; — а теперь я, — принявшись за орденъ, — по милости государыни, имѣю ленту*).

§ XXVII.

Веда въ Кіевъ, въ Польшу и возвращеніе въ Олесья.

Отъ Глухова до Кіева чрезъ триста верстъ перебѣжалъ я очень скоро. На пути встрѣтился съ турецкимъ посланникомъ, ѣхавшимъ послѣ войны и замиренія въ Москву, гдѣ тогда находился дворъ. — Я свернулъ съ дороги саженой на 15, но арапъ, прискакавъ во мнѣ верхомъ, сталъ напротивъ при самыхъ моихъ лошадяхъ. Я велѣлъ остановиться; а онъ поднялъ долгую свою вьюку вверхъ, говорилъ громко по-турецки или по-арабски. Я сказалъ ему громогласно: «миръ, миръ!» онъ отвѣчалъ по-русски: «ты туда пошолъ, я туда пошолъ», и поскакалъ отъ меня за своими. Послѣ, кому я это рассказывалъ, мнѣ говорили, или угадывали, что это долженъ быть шутъ.

---

*) Приведенные Добрынинимъ рассказы о Тепловѣ относятся къ Григорію Николаевичу Теплову, одному изъ замѣчательныхъ людей какъ на государственномъ поприщѣ, такъ и на литературно-ученомъ — въ царствованіе Екатерины II. Тепловъ род. во Псковѣ, по однимъ извѣстіямъ въ 1720 г., по другимъ въ 1725 г. Если вѣрить Гельбигу (*Russische Günslinge* изд. 1809 года стр. 313), Тепловъ былъ сынъ истопника въ александровской лаврѣ, въ Слб. Такъ какъ у него не было фамиліи, то архіерей (?) далъ ему прозваніе Тепловъ, чтобъ тотъ помнилъ свое происхожденіе. Тепловъ воспитывался въ петербургской семинаріи, учрежденной на Новгородскомъ Карповскомъ подворьѣ архіепископомъ Теофаномъ Прокоповичемъ. По окончаніи наукъ — былъ учителемъ семинаріи. Посланъ за границу, въ 1736 г. записанъ въ академіи наукъ — студентомъ, въ 1741 г. сдѣланъ адъюнктомъ. Въ царствованіе Елисаветы — Тепловъ являлся воспитателемъ графа Кирилла Разумовскаго и именовъ его управлять съ 1745 г. всюю академіею наукъ. Въ 1750 г. воспитавникъ Теплова сдѣланъ гетманомъ Малороссіи; въ теченіи четырнадцати лѣтъ Кириллъ Разумовскій править обширнѣйшимъ краемъ подъ руководствомъ своего умнаго и хитраго воспитателя. Немилость Петра III къ Теплову (бывшему въ 1762 г., въ Слб., въ чинѣ дѣйств. ст. совѣтника) вдвинула сего послѣдняго въ рядъ сторонниковъ Екатерины II. Онъ дѣлается однимъ изъ усерднѣйшихъ заговорщиковъ, и въ дни низверженія Петра III — Тепловъ пишетъ извѣстный манифестъ, исполненный жестокихъ обвиненій, частью справедливыхъ, частью зло преувеличенныхъ противъ Петра III. За этотъ трудъ

Въ Киевѣ принятъ я на квартиру въ монастырь Верхомихайловскій, архимандритомъ Исаіею. Онъ, получа отъ меня архіерейское письмо и при немъ сто рублей ассигнаціями въ церковь *), принялъ меня ласково и угощалъ во всѣ дни хорошимъ столомъ. Съ нами всегда садилось человекъ отъ 6 до 8-ми. Въ семь чиселъ были молодые монахи, которые хотя были не великіе мудрецы, но поелику были «мондровныя» **), не любили молчать, они знали, Валахію, Молдавію, Сербію, часть Греціи и Польши, и прочія мѣста, гдѣ возможно было мѣститься и проходить людямъ такого сорта какъ они; лекаръ Ив... Кричевскій, который былъ немногимъ постарше меня, и съ которымъ мы, увидясь, скоро свели дружбу, какъ обыкновенно водится между молодыми людьми; нечаянной семидесятилѣтній патеръ іеромонахъ Теофанъ Зеленеваскій, который, показавшись за столомъ, и будучи еще бодръ, схватилъ меня за голову и началъ ее цѣловать, гдѣ попалъ, говоря: «вы мнѣ Ансона читывали». Я равномерно былъ радъ нечаянному свиданію. Но никто другой не зналъ, какихъ временъ знакомство мы воспоминали. Вскорѣ, однакожь, самъ Исаія припомнилъ, что патеръ Зеленеваскій прожилъ съ годъ у свѣскаго архіерея

Тепловъ получилъ 20 т. руб. Въ ноябрѣ 1762 г. Тепловъ сдѣланъ членомъ комисіи о духовныхъ имѣніяхъ; въ апрѣлѣ 1763 г. — онъ опредѣленъ стать секретаремъ къ принятію прошеній поступающихъ къ государынѣ; въ 1767 г. — тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и т. д. Въ 1775 г. Тепловъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Умеръ 30 марта 1779 г. Тепловъ оставилъ по себѣ память человека обширной учености (ему принадлежатъ нѣсколько изданныхъ при жизни же его сочиненій), ревнителя просвѣщенія (онъ преобразовалъ академію наукъ, составилъ проектъ учрежденія университета въ Батуринѣ и т. д.); но въ то же время, злого, лукаваго, пронырливаго честолюбца, не останавливавшася ни предъ какими средствами для удовлетворенія жажды къ почестямъ и отличіямъ. Имя Теплова припоминается игоземными писателями въ нѣсколькимъ темнымъ дѣяніямъ второй половины XVIII вѣка.

Въ предѣлахъ епархіи Кирилла Флоринскаго, героя бытописанія Добрынина, именно въ Орловской губерніи, Карачевскомъ уѣздѣ находилось имѣніе Григорья Николаевича Теплова — село Молдовое. Ред.

*) Архіерей мой часто бывалъ въ этотъ монастырь вкладчикомъ, потому что онъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ немъ на монастырскомъ содержаніи. Г. Д.

***) На славяно-духовно-польскомъ языкѣ «мондровный» значитъ, на божественномъ-французскомъ: «вожиръ». По значенію же слова: «мондровать» — кажется съ польскаго на русскійскомъ — значитъ мудрствовать, а на греческомъ значитъ философствовать. Слѣдовательно — по моему сужденію — всякаго праздношатающагося или безнашпортнаго бродягу, можно называть философомъ. Г. Д.

во мзду трудовъ, употребленныхъ имъ дровле по долгу учителя въ синтаксисѣ для нашего архіерея, — который тогда былъ его ученикомъ.

Преосвященнаго митрополита Гавріила Кременецкаго нашелъ я часу въ 9-мъ предъ полуднемъ въ загородномъ домѣ. Поднесъ ему письмо, а онъ мнѣ далъ свое архипастырское благословеніе; такимъ образомъ поѣхитавшись, разстались. Отъ него заѣхалъ я къ намѣстнику катедральнаго его Софійскаго монастыря, игумену Мелхиседеку, который былъ мнѣ нѣсколько знакомъ, отъ свиданія въ Гамалѣевскомъ монастырѣ, когда его митрополитъ жилъ въ ономъ, опасаясь свирѣпствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы.

Поговора съ нимъ кое-о-чемъ, довольно долго, и сдѣлавшись знакомы больше нежели прежде, спросилъ я его, «что такъ скоро преосвященный митрополитъ меня отпустилъ? Здоровъ ли онъ? или не занятъ ли? или»....

Намѣстникъ: Онъ здоровъ и свободенъ, такъ какъ я и вы; тутъ нѣтъ никакого или.

Я: Что-жь тутъ на мѣсто или?

Намѣстникъ: Сказать ли? Будь же скромнень. Скромность есть тѣсная подруга съ благоразуміемъ. — Митрополитъ терпѣть не можетъ, ежели кто чисто, а наипаче сегольски одѣтъ. Это его болѣзнь или самонравіе. Но особѣ его сана и его премаститыхъ лѣтъ позволительно и то, и другое.

Я: Ну кто-жь это зналъ, что къ вашимъ премаститымъ лѣтамъ нельзя было показаться, не почистивши трубы?

Повеселившись со скромнымъ и благоразумнымъ отцемъ-намѣстникомъ на счетъ самонравія, и управившись съ водкою и закускою, разстались. — Въ Золотоверховскій монастырь поспѣлъ я къ самому обѣду. За столомъ услышалъ, что мнѣ на Бердичевскую ярмаку нельзя поспѣть, потому что до нея версть ста съ полтора, а она оканчивается сегодня и завтра; на Бѣлоцерковскую-же, — до которой версть съ 60, — поспѣю въ самую пору, потому что она простоятъ еще дней 12. — Узнавши, что мнѣ не для чего спѣшить, явился я на завтра, предъ полуднемъ, Кіевопечерскія лавры къ отцу архимандриту Зосимѣ Валькевичу, съ письмомъ моего архіерея. Онъ позволилъ, по просьбѣ моей, поводить меня по пещерамъ, и пригласилъ

обѣдать. За столомъ сидѣло всѣхъ человѣкъ съ шесть. Съ нами же обѣдалъ генералъ Масловъ, въ камлотномъ малиноваго цвѣта сюртукѣ, съ кавалерскою на немъ звѣздою, а самъ съ бородою *). Я прежде подумалъ, что онъ чѣмъ-нибудь боленъ, и для того, по нѣкоторымъ бываемымъ иногда въ такихъ случаяхъ душевнымъ наклонностямъ — похотѣлъ найти на нѣкоторое время свой покой въ монастырѣ; но мнѣ сказали, что онъ живетъ здѣсь съ намѣреніемъ вступленія въ монашество. Онъ хотя былъ уже лѣтъ семьдесятъ, однакожь свѣжъ и крѣпокъ, и разсказывалъ за столомъ нѣкоторыя жѣста изъ жизни Петра Великаго довольно порядочно и памятно, и согласно съ бытописаніемъ. Отъ Кіево-печерской лавры поспѣлъ я послѣ обѣда къ славному проповѣднику Левандѣ. Онъ принялъ меня въ своемъ домѣ пріятно и угощалъ монастырѣйскимъ виномъ. Изъ малолѣтнихъ его сыновей можно было видѣть, что они въ отцѣ своемъ имѣютъ наилучшаго попечителя о ихъ воспитаніи. — На завтра захотѣлось мнѣ видѣть Самуѣловича, академическаго отмінныхъ дарованій учителя. Онъ принялъ меня сократически: послѣ общихъ изъясненій и общаго разговора, онъ говорилъ о безсмертіи души, а я доказывалъ о тлѣнности тѣла.

Проведя такимъ образомъ въ Кіевѣ дней съ пять, и получа отъ купца Дмитровича — который былъ тогда райцею **) въ магистратѣ — по письму архіерейскому — подтвержденіе въ деньгахъ, выѣхалъ на мою бѣлоцерковскую ярмарку чрезъ Васильевскую таможеню. Въ Васильевѣ директоръ таможи, Иванъ Никитичъ Болтинъ ***) по письму архіерейскому пропустилъ меня за границу, яко товаръ, не дѣлающій ущерба своему отечеству. Я достигъ Бѣлой-церкви, и нашелъ въ ней дурную деревню, кляшторъ, не помню какаго ордена католицкихъ монаховъ, каменную въ развалинахъ церковь, въ одномъ которыхъ углу отпра-

*) Это тотъ самый Яковъ Андреевичъ Масловъ, о которомъ пишетъ Бологовъ въ своихъ запискахъ т. I стр. 178 и друг. изд. «Русск. Стар.» 1870 г.

**) Ратманъ.

***) Онъ извѣстенъ по сочиненію возраженія на Леклерка. Онъ сочинилъ сіе — будучи въ Сѣвскѣ въ гостяхъ у шурина своего, воеводы Пустошкина, — сообщилъ моему архіерею, и я читалъ его еще въ рукописи. Архіерей сказалъ объ немъ свое мнѣніе: «что оно дышетъ патриотизмомъ и историческою истинною».

Ред.
Г. Д.

Г. Д.

ляется уніатское священнослуженіе. Она построена была извѣстнымъ гетманомъ Иваномъ Мазепою, такъ, по крайней мѣрѣ, меня увѣряли тамошніе жители. Ярмарка довольно была многолюдна; товаровъ было много и дешево, въ сравненіи съ цѣнами російскими.

Я въ первый еще разъ увидѣлъ тогда племя еврейское, и въ душѣ моей выработывалась его исторія съ какими-то особливими чувствованіями. Я воображалъ, что исторія священная, церковная и гражданская насъ не обманываютъ, ибо я теперь вижу потомковъ тѣхъ людей, коихъ имена — хотя не всѣхъ — священны, однакожь для всѣхъ на земномъ шарѣ, держащихся вѣры христіанской, достопамятны. Я представлялъ себѣ: Өару, Авраама, Исаака, Іакова, Ревекку, Рахиль; двѣнадцатерыхъ братьевъ, отъ которыхъ начались 12 колѣнъ; Моисея, Аарона, Іисуса Навина и Халева; веселую Маріанну, смѣлую Юдифъ, любезную Есѣиръ и проч.... Самуила и другихъ пророковъ; Сампсона и другихъ судей; Саула, Давида, Соломона, Іероваама и Роваама; раздѣленіе народа на Іудеевъ и Самарянъ, одерживанныя ими въ теченіи многихъ лѣтъ побѣды надъ непріятелями; ихъ междоусобныя крамолы и неоднократное забираеніе ихъ въ плѣнъ вавилонской, гдѣ пѣли они горькую свою пѣснь: «На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плавахомъ, ввсегда помянути намъ Сіона, и проч. Како воспоемъ пѣснь Господню на земли чуждей! Прильпни языкъ мой гортани моему! и проч. «Дщи Вавилона окаянная! Блаженъ, иже иметь и разбіетъ младенцы твоя о камень *)!»

Видно имъ тамъ не хорошо было! Я, руководствуясь исторіею, видѣлъ ихъ въ моемъ воображеніи возвращающихся изъ плѣна во свое отечество; потомъ поработенныхъ игу римлянъ и въ напряженной злости, происходящей отъ ревности къ святому закону, неизбѣжной ни въ какой религіи, и вопіющихъ: «кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Не имамы царя, токмо бесаря», и наконецъ разсѣянныхъ за бунтъ наилучшимъ изъ римскихъ гоударей по всему земному шару.

Я, всматриваяся въ новыя ихъ для меня лица и одѣянія, желалъ по нимъ проникнуть въ глубину древности, дабы найти:

*) Последнія строки со слова «дщи» — въ подлинникѣ зачеркнуты. Ред.
«РУССКАЯ СТАРИНА», т. III. 1871 г. МАЙ.

не осталось-ли въ нихъ чего-нибудь такого, чѣмъ удовлетво-
ряется любопытство и самое любомудріе; однакожь ничего дру-
гого не достигъ, кромѣ того, что они примѣтно похожи на сво-
ихъ предковъ, которые обокрали у египтянъ серебро и золото,
по согласію святаго пророка Моисея, который потомъ, ушедши
съ ними и съ покражею изъ Египта, прошелъ чудеснымъ обра-
зомъ черезъ море, удостоился получить скрижали завѣта, и
тогда же ихъ разбилъ, осердившись на народъ, такъ точно, какъ
бы генераль, осердившись на солдатъ, разодралъ данное ему
именное царское повелѣніе.

Увы! народъ возлюбленный Вѣчному! — такъ вѣщала мнѣ
задумчивость моя—ты почти непосредственно говаривалъ съ Бо-
гомъ, и безъ чудесъ ничего не начиналъ и не дѣлалъ. Наказа-
ніе египтянамъ за утѣсненіе тебя, раздѣленіе моря для про-
хода твоего, столпъ огненной ночью и облачной днемъ, оста-
новленіе солища, паденіе стѣнъ Іерихонскихъ, манна съ неба,
вода изъ камня, и проч... суть твоя слава и доказательство, что
ты былъ народъ возлюбленный Богу; ты теперь, какъ говоритъ
одинъ писатель, занимаешься на арманкахъ «обрѣзываніемъ чер-
вонцевъ!» и потерявши собственную землю и «царствіе Божіе»,
обитаешь спокойно на иждивеніи языка, имѣющаго и то и другое.

Окруженъ мрачною неразрѣшимостью временъ, дѣяній, по-
вѣствованій, накупилъ я суконъ, полусуконъ, полотень, бати-
стовъ, платковъ, чулковъ и проч... и выѣхалъ обратно.

Въ Васильковѣ получилъ я отъ господина Болтина отвѣт-
ное къ преосвященному письмо, и прозрачную, на подобіе ян-
тарной, табакерку. Сей знаменитой авторъ и пошлюно-собира-
тель, при всякомъ со мною разговорѣ, кормилъ своихъ журавлей.
Счастливыя даръ природы, который довазываетъ, что великіе
люди могутъ въ одну пору заниматься многими дѣлами *).

Въ Кіевѣ митрополита нашелъ я страдающаго судорожными
припадками, почему и на письмо архіерея моего отвѣчать онъ

*) Иванъ Никитичъ Болтинъ, впоследствии генераль-маіоръ, членъ воен-
ной коллегии и російской академіи, р. 1734 г. Директоромъ васильковской та-
можни назначенъ въ 1776 г. на каковомъ мѣстѣ пробылъ до 1780 г. Умеръ въ
1792 г. Замѣчательное сочиненіе его: «Примѣчанія на исторію Россіи Лек-
сера»—изд. въ 1788 г. въ 2-хъ томахъ. Известная полемика Болтина съ кн.
Щербатовымъ принесла много пользы въ разработкѣ древняго періода отече-
ственной исторіи.

былъ тогда не въ силахъ. Я повторяю мое свиданіе со всѣми прежними киевознакомцами и получаю, въ знакъ благословенія, Киевопечерскія лавры отъ отца архимандрита Зосимы Валькевича молитвенничеъ и псалтирку, прѣдложилъ обратной путь.

Возвратившись въ СѢвсѣ, далъ отчетъ о моемъ путешествіи и водворился въ мою отшельническую келью, гдѣ въ теченіе времени часто посѣщала меня мать моя, останавливались приѣзжавшіе къ архіерею гости, или по надобностямъ, духовныя и свѣтскія лица; забавлялись съ хозяиномъ гуслими; а скрипка была у меня въ запасѣ, для умѣющихъ. И келья моя и самый образъ жизни были между состояніемъ свѣтскимъ и монастырскимъ. За всѣмъ тѣмъ, я, противъ воли моей, всегда тревожился невѣдомо откуда происходившимъ вопросомъ: «что я теперь? и что буду впредь? и гдѣ мой хлѣбъ насущный?»

Сей непостижимый зародышъ вопроса мучилъ меня безпрестанно, и непримѣтно направилъ на стезю къ непостижимому Провидѣнію, управляющему судьбами человѣковъ. Я обратилъ къ нему мой непрерывной вздохъ и чѣмъ меньше видѣлъ для себя человѣческой помощи, тѣмъ болѣе находилъ справедливымъ, что человѣкъ, рожденный отъ подобныхъ себѣ и ими оставленный, принадлежитъ къ герольдіи добраго и всеобщаго Отца дѣтей. Мой душевный вопль часто опирался на томъ священномъ и моему состоянію приличномъ словѣ: что, когда люди, будучи по природѣ злы, даютъ просящимъ дѣтямъ своимъ хлѣбъ, то неужели самая Благодѣтель отвѣтитъ мнѣ тогда, когда мнѣ попеченіе ея нужно?

Пользуясь свободою времени, читалъ я разныя книги, которыми давно уже запасаю. Я сердился на пространство древнегреческой и римской исторіи, но былъ доволенъ переводившимъ оныя господиномъ Тредьяковскимъ, который, на отечественномъ языкѣ, много просвѣтилъ своихъ единомыслителей. Употребленныя изрѣчѣя въ переводѣ сего достопочтеннаго мужа славянскія слова, придаютъ много важности и силы историческому смыслу, несмотря на злословіе, истекающее отъ зависти тѣхъ славныхъ насѣкомыхъ, кои ни строкою полезною отечеству не служили.

Квинтъ Курцій не меньше плѣнилъ меня какъ на девяти-

лѣтнемъ моемъ возрастѣ Бова-королевичъ *). Изъ російскихъ творцовъ, ни котораго я не читалъ съ такимъ удовольствіемъ, какъ Сумарокова. — Я столько къ нему привыкъ, что могъ различать его стихотворенія и узнавать ихъ безъ надписи**), хотя бы ихъ еще и не читывалъ. Въ нѣкоторыхъ романическихъ сочиненіяхъ мѣста чувствительности, и пожертвованія, меня поражали. Но описанія обыкновеннаго волокитства приставали ко мнѣ, какъ горохъ къ стѣнѣ. «Чувства мои, говоритъ въ подобномъ случаѣ Фридрихъ Великій, не въ совершенствѣ къ тому сотворены».

Прочитавъ нѣкоторые переводы Лесажа, Волтера и Монтескю, мнѣ внушилось, что проповѣди епископовъ греческаго—Иліи Менятія, російскаго—Гедеона Псковскаго, суть спасительныя нравоученія, произведенныя усиліемъ навыка, ограниченаго властью закона. Но сочиненія первыхъ трехъ суть явленія, отверзающія умственной глазъ подобныхъ имъ челоуѣвовъ, и оживотворяющія ощутительно душу мыслящаго существа.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Познакомившись съ хронологіею, мнѣ очень понравилась шутка одного иностраннаго писателя, который, въ переводѣ на російскій, говоритъ: «ве ликовника выставить предъ свѣтомъ великими дѣла Александра Македонскаго, если онъ имѣлъ при себѣ секретаремъ Квинта Курція». Г. Д.

**) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «между другихъ творцовъ». Ред.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II
къ
ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1773 — 1793.

XLI *).

Клизь Александръ Алексѣевичъ **). Отправляемому нынѣ въ Стокгольмъ нашему тайному совѣтнику графу Стакельбергу повелѣваемъ на проѣздъ и на расходы его выдать четыре тысячи червонныхъ изъ казначейства, для остаточныхъ суммъ учрежденнаго. Пребываемъ вамъ благосклонны. Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 16, 1791 года.

XLII.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Такъ какъ, вслѣдствіе моего второго разговора съ вами, легко могло возникнуть какое-нибудь недоразумѣніе, то я очень рада высказать вамъ письменно свое мнѣніе о настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ съ королемъ шведскимъ ***) , по поводу которыхъ вы будете съ нимъ объясняться. Прежде всего вы должны согласиться со мною, что намъ было бы хуже всего, еслибъ онъ пошелъ на насъ въ союзъ съ другими врагами. Вамъ извѣстны

*) См. «Русскую Старину», т. III, стр. 310 — 325; 474—484. Ред

**) Виземскій, бывший въ то время генералъ-прокуроромъ.

***) Густавъ III — р. въ 1746 г., вступилъ на престолъ въ 1771 году и въ слѣдующемъ году усилить королевскую власть въ Швеціи, уничтоживъ значеніе дворянства и сената. Въ 1788 году онъ началъ войну съ Россією, но шведскій флотъ былъ разбитъ при Гохландѣ. Данія заключила союзъ съ Россією, но подъ влияніемъ Англии, Пруссіи и Голландіи принуждена была объявить себя нейтральною. Швеція одна вела войну съ Россією и послѣ неудачнаго сраженія нашего флота съ шведскимъ, Екатерина II заключила въ 1790 году миръ съ Густавомъ IV и стала стараться о сближеніи съ нимъ въ виду совершившихся въ то время событій во Франціи. Вся переписка императрицы относится къ этому предмету. Ред.

условія, которыя онъ предлагалъ мнѣ, желая заключить союзъ, и безъ сомнѣнія мнѣ было бы гораздо пріятнѣе видѣть въ немъ союзника, нежели врага. Его условія невыгодны для Россіи особенно въ военное время, вотъ почему ихъ старались смягчить въ контръ-проектѣ. Если контръ-проектъ не понравится шведскому королю, тѣмъ болѣе что онъ (король) выставляетъ намъ на видъ всѣ выгоды, которыя вытекаютъ для него изъ союза съ королемъ прусскимъ, англійскимъ и турками, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ попытаться склонить его по крайней мѣрѣ къ нейтралитету, предлагая нѣкоторыя уступки съ нашей стороны, т.-е. тѣ, которыя содержатся въ нашемъ отвѣтномъ проектѣ, чтобы онъ не перешелъ на сторону нашихъ враговъ. Говорятъ, будто-бы англичане хотятъ, съ позволенія его величества шведскаго короля, занять Ловизскій портъ; это было бы въ высшей степени невыгодно для насъ, — портъ этотъ превратился бы въ очень короткое время въ складочное мѣсто контрабанды. Надѣюсь, что король шведскій не согласится на это. Такая легкая уступка своихъ портовъ другимъ народамъ не можетъ согласоваться съ его интересами; правда, въ Готенбургѣ онъ устроилъ нѣчто подобное для французовъ, но тамъ это не имѣло никакихъ послѣдствій. Если шведскій король, какъ прежде вазалось, выскажетъ вамъ желаніе присоединиться къ намъ въ смыслѣ союза и приметъ обширный проектъ семейнаго договора (pacte de famille) во имя вѣчнаго нерасторжимаго мира трехъ сѣверныхъ державъ—Россіи, Швеціи и Даніи, то я съ радостью соглашусь на это и сдѣлаю, конечно, все, отъ меня зависящее, сообразно съ интересами моей земли;

XLII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stackelberg. Comme dans la Seconde conversation que J'ai eue avec Vous, il pourroit qu'il ce fut glissé quelque mes entendu entre Nous, je Suis bien aise de Vous dire par écrit ce que je pense sur les affaires presente avec le Roy de Suede et celle que Vous allés traiter avec Lui. D'abord Vous conviendrés avec moi que la plus penible Situation pour nous seroit celle ou il nous attaqueroit en commun avec d'autres ennemis. Vous avés vu les offres qu'il m'a fait de ce lier avec moi, et assurement j'aime infiniment mieux l'avoir pour Ami que pour ennemis. Ses offres a Lui ne laisseroit pas que d'etre onereuses a la Russie et surtout en tems de guerre, et voila pourquoi on a taché de les moderer dans le contre projet. Mais si se contre projet deplaisoit au Roy de Suede, d'autant plusqu'il ce vente des grandes offres que Lui font le Roy de Prusse celui d'Angleterre et les Turks. Alors il faudroit tacher au moins de le porter a la Neutralité en Lui offrant de notre coté quelque Surplus, cet a dire ce que contient notre contre projet, pour qu'il ne ce joigne point a Nos ennemis, l'on pretend que les Anglois demande a S. M. Suedoise le port de Louisa, ce projet nous seroit extremement nuisible, parce que cet endroit deviendroit un depot de contrebande dans peu d'année, j'espere que le Roy de Suede se refusera parce qu'il ne sauroit etre de Son propre interet de ceder ainsi Ses ports a

точное опредѣленіе границъ было бы прямымъ слѣдствіемъ подобнаго договора, и, можетъ быть, тотчасъ же обнаружилось-бы всю его пользу. Я это послѣднее предположеніе считаю почти невозможнымъ: Швеція и Данія безъ сомнѣнія выставятъ условія, которыя затянуть дѣло. Впрочемъ, относительно всего сказаннаго мною необходимо сообразоваться съ обстоятельствами и выбрать лучшее; настоящее же положеніе дѣлъ требуетъ, во чтобы то ни стало, предупредить нападеніе государя, который уже доказалъ, какъ мало его связываютъ всякаго рода трактаты, на добросовѣстность котораго никто ужъ болѣе не разсчитываетъ. Но, съ другой стороны, шведскій король очень умный человѣкъ и далеко не равнодушенъ къ славѣ; я думаю, онъ не захочетъ пренебречь случаемъ добыть ее сообща съ нами въ дѣлѣ освобожденія Сѣвера отъ англо-прусской диктатуры и постановки надежнаго оплота противъ дерзкихъ ея притязаній. Его величество едва-ли предпочтетъ для своей державы подчиненное положеніе относительно этой диктатуры семейному договору и дружбѣ съ Россіей, которая современемъ можетъ поддержать наследнаго принца, его сына. Вотъ когда обнаружатся отеческія чувства шведскаго короля. Для большей ясности сказаннаго мною, я кончу тѣмъ, съ чего по настоящему слѣдовало-бы начать: ваши переговоры должны заключать въ себѣ три главнихъ пункта: во-первыхъ,—помѣшать королю присоединиться къ нашимъ врагамъ для общаго на насъ нападенія; во-вторыхъ, постараться склонить его къ нейтралитету въ томъ случаѣ, если бы, въ третьихъ, не удалось привлечь его къ семейному сѣверному союзу.

---

des Nations etrangeres, il est vrai qu'a Gothenbourg il a fait un etablissement dans ce genre la pour les François, mais qui n'a eue aucune Suite. Si Vous trouviés le Roy de Suede disposé come il l'a parut, a ce joindre a Nous dans le Sens de faire cause Commune avec Nous, et d'adopter le Grand Projet du Pacte de famille pour unir par un traité perpetuel d'amitié et de secour mutuel toutes les trois Puissance du Nord La Russie la Suede et le Danemarck, alors avec un tres grand empressement je donnerois bien aisement ma Sanction a un traité qui perpetueroit la Paix de Nos contrée, et dans ce cas je ferait assurément tout ce qui dependeroit de moi sans nuire toutefois aux interets majeurs de mon Empire pour faciliter une pareille union, et le reglement des frontieres pourroit aller de pair avec pareil traité et en prouveroit tout de suite peut etre l'utilité. Je regarde ce dernier projet comme difficile parce que la Suede et le Danemark feront naitre d'égale difficulté, qui pourront devenir de longue haleine. Enfin surtout ce que je viens de dire, il Sera bon de consulter ce qu'il y aura de plus aisé a faire Selon les circonstance; et assurément celle du moment exigent d'éloigner une nouvelle attaque d'un Prince qui aprouvé deja le peu de cas qu'il fait des Traités, et Sur la bonne foi duquel personne ne ce confie. Mais d'un autre coté comme le Roy de Suede a beaucoup d'esprit et qu'il est Sensible a la gloire je pense qu'il ne Sauroit etre indifferent a celle qu'en

Вотъ все, что я хотѣла вамъ сказать; затѣмъ молю Бога да благословитъ Онъ ваше дѣло. Екатерина.

Въ СПБ., сего 17 апрѣля.

XLIII*).

Графъ! Ваши два письма отъ $\frac{10}{21}$ мая и $\frac{15}{26}$ того же мѣсяца были мнѣ доставлены, одно за другимъ, въ свое время. Изъ перваго я съ удовольствіемъ узнала о вашемъ приѣздѣ въ Стокгольмъ и о той поспѣшности, какую приложилъ король шведскій для вашего съ нимъ свиданія. Частые переговоры, которые были слѣдствіемъ этого до его отъѣзда, кажется не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ его намѣренія придать, по крайней мѣрѣ, видимую искренность обнаруженному имъ желанію—сблизиться со мною посредствомъ союза. Я не стану входить въ разсужденіе о томъ, произошло ли изъясненіе такой поспѣшности въ отношеніи къ вамъ изъ желанія увеличить предложенія со стороны дворовъ англійскаго и прусскаго, или же оно было внушено этимъ. Увѣреніе ваше, что король до сихъ поръ ни о чемъ еще не договорился съ этими дворами, меня успокоиваетъ въ настоящую минуту; отъѣздъ его въ Ахенъ и Спа служить указаніемъ въ пользу того мнѣнія, что нынѣшнимъ лѣтомъ е. в. не рѣшится ни на какое наступательное противъ меня предпріятіе, и что, сообразуясь съ положеніемъ дѣлъ въ королевствѣ, онъ не двинется

*) Переводъ этого письма принадлежитъ Жозефинѣ Константиновнѣ Піотровской.

Ред.

commun nous reviendroit d'avoir délivrés le Nord de la Dictature Anglo Prussienne, d'avoir posé une Digue et une Digue Solide contre leurs tres insolentes pretentions, et que S. M. Suedoise ne Sauroit preferer d'etre le tres humble Serviteur de cette dictature, au Pacté de famille et a l'amitié de la Russie pour son Royaume et au Soutient qu'en peut esperer avec le temps le Prince Royal Son fils. S'est bien dans ce moment la qu'on reconnoitra les entrailles Paternelles du Roy. Pour la clarté de ce que je vient de dire je finirai par ou j'aurois pu commencer, c'est a dire que Votre Negoçiation contient trois point Principaux qui Sont: Primo d'empêcher ce Prince de ce joindre a nos ennemis pour nous attaquer. Secundo, de tacher de le rendre Neutre, Si Tertio on ne pourroit le porter au Pacté de famille pour le Nord. N'ayant plus rien a Vous dire je prie le Ciel qu'il benisse Votre negociation. Catherine.

a St. ce 17 d'Avril.

XLIII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Staelberg. Vos deux lettres du $\frac{10}{21}$ May et celle du $\frac{15}{26}$ du meme mois, m'ont été remise consecutivement en leurs tems. Par la premiere j'ai aprêse avec satisfaction Votre arrivée a Stockholm et l'empressement que le Roy de Suede a mis a Votre entrevue avec Lui. Les frequentes conferences qui en ont été la suite jusqu'au moment de Son depart, paraissent ne laisser aucun doute sur Son

впередъ, чтобы доставить удовольствіе упомянутымъ дворамъ, которые бы очень желали снова побудить его къ этому, общая ему помощь и поддержку. Поддаться опять на такую приманку будетъ не безопасно для шведскаго короля; небольшая помощь, которую онъ получилъ прежде,—когда считалъ себя участникомъ ихъ игры,—должна была заставить его испытать все неудовольствіе. Кромѣ того, вамъ должно быть не безызвѣстно, что договариваясь съ королемъ шведскимъ, съ цѣлью напустить его на насъ, оба двора чрезвычайно затруднены тою ролью, какую они принялись играть въ отношеніи къ намъ. Результатомъ такихъ затрудненій не была посылка англійскаго флота въ Балтійское море, какъ объ этомъ, казалось, заявило извѣщеніе короля англійскаго, сдѣланное парламенту; но вслѣдствіе малой охоты, какую выразилъ англійскій народъ, начать съ нами несправедливую, безъ всякой положительной причины войну, — англійское министерство нашло удобнымъ съ чрезвычайною поспѣшностью отправить въ Петербургъ сэра Фокнера, секретаря при тайномъ совѣтѣ короля англійскаго, для того, чтобы обратить въ переговоры и миръ, и войну. Съ другой стороны высокіе союзники не во всемъ согласны между собой; они взваливаютъ одинъ на другого ошибки въ томъ, что произошло, сознавая какъ тѣ, такъ и другіе подъ рукой, что Очаковъ и его территорія до Днѣстра (которую никакая человѣческая сила не можетъ отнять у насъ, потому что я желаю только прочнаго мира и это, какъ вы знаете, ставлю очень умѣреннымъ условіемъ *sine quâ non*, возвращая всѣ другія мои завоеванія) не состав-

---

intention de donner au moins une aparence sincere au desir qu'Il, a marqué de ce lier avec moi par une Alliance. Je n'entrerais point dans la discussion si cette grande affiche d'empressement vis a vis de Vous, n'avoit pas pour motif, ou n'était pas dictée par l'envie qu'il pouvoit avoir de voir hausser les offres des Cours Alliés Anglo Prussiennes. L'assurance que Vous me donnés que ce Prince n'a encore rien conclu jusqu'ici avec les memes Cours me tranquillise pour le moment, le depart du Roy pour Aix la Chapele et Spa est encor demonstratif en faveur de l'opinion: que pour cette Etée S. M. Suedoise ne c'est pas decidé pour aucune entreprise offensive vis a vis de moi, et qu'a vue de Pays il ne ce mettra pas en avant selon le bon plaisir des susdites Cours, qui auroit bien voulu l'y porter de nouveau en Lui promettant de le seconder et de le soutenir, amorce a laquelle il ne seroit pas sans danger pour le Roy de Suedeque de ce preter de rechef, le peu de secours qu'il en a obtenu si devant, lorsqu' Il croyoit jouer leurs jeu, a du Lui en faire éprouver tout le desagrement. Outre cela Vous ne devés pas ignorer que tout en negoçiant avec le Roy de Suede pour le lacher contre Nous, ces memes Cours ne laissent pas que d'etre tres embarrassées dans le role qu'Elles ce sont avancés de jouer a notre égard; de cet embarras est resulté l'envoy non de la Flote Angloise dans la Baltique, comme l'adresse du Roy d'Angleterre a son Parlement a paru l'annoncer, mais

влияютъ столь важнаго предмета ни для нихъ, ни для требуемаго равновѣсія въ Европѣ, чтобы одни истощали свою казну, на половину уже пустую вслѣдствіе преждевременныхъ вооруженій, а другіе съ радостью въ сердцахъ погрузили бы на дно свою торговлю для того, чтобы принудить меня къ уступкѣ. Я говорю вамъ объ этомъ для свѣдѣнія, дабы вы видѣли, что если я съ одной стороны желаю союза и дружбы короля шведскаго для того, чтобы упрочить Верельскій миръ и спокойствіе на сѣверѣ, то съ другой стороны положеніе дѣлъ не таково, чтобы мы спѣшили заключить теперь же миръ на столь тягостныхъ условіяхъ, для избѣжанія еще большихъ неудобствъ; миръ же, заключенный по необходимости, будетъ впослѣдствіи непрочень, и условія его будутъ не исполнены, или неисполнимы.

Что же касается рыцарства, то вы въ отношеніи его успѣли выше всякаго ожиданія. Я отозвала барона фонъ-деръ-Палена съ привязаніемъ, какъ вы мнѣ это предложили, чтобы онъ слѣдовалъ за шведскимъ королемъ на воды, потому что самъ король желаетъ этого, и потому что баронъ Армфельдтъ находитъ это необходимымъ. Въ то же время я отравила барону фонъ-деръ-Палену письмо, въ которомъ говорится о контръ-революціи во Франціи, и которое баронъ фонъ-деръ-Паленъ прочтетъ королю шведскому, а этотъ послѣдній въ состояніи обсудить его лучше, нежели я. Но онъ найдетъ тамъ воспламеняющіе матеріалы по этому дѣлу, въ особенности, если оно уже пустило корни въ его головѣ, что, какъ кажется, доказываетъ ваше третье письмо отъ $\frac{20}{31}$ мая, которое мнѣ принесли, когда я писала на-

---

a la suite du peu d'envie que temoigne la Nation Angloise de commencer une guerre tout a fait injuste et sans motifs reel avec la Russie, le ministere Britanique a jugé a propos de depecher a Petersbourg en toute diligence le Sr. Fawkener, secretaire du Conseil privé du Roy d'Angleterre afin de tourner et la Paix et la guerre en Negoçiation. D'un autre coté les hauts Alliés ne sont pas tout a fait d'accord entre eux, et rejette la faute l'un sur l'autre de tout ce qui c'est passé, avouant sous mains tant les uns que les autres qu'Otzacof et son territoire jusqu'au Dnester (qu'aucune puissance humaine ne sauroit Nous oter, parce que je ne veut qu'une Paix stable, et dont j'ai fait comme Vous le saurés une condition si no qua no bien moderée rendant toutes mes autres Conquetes) n'est pas un objet tant considerable pour eux, et la pretendue balance de l'Europe, pour que les uns épuisassent leurs Tresors déjà a moitié widé par des armement precoçes, et les autres coulassent a fond de guayeté de Coeur leur Commerce, pour m'obliger de m'en departir. Je Vous dit ceci pour Votre information et afin que Vous voyés, que si d'un coté je souhaite l'amitié et l'Alliance du Roy de Suede pour consolider la Paix de Verela et la Tranquilité du Nord, d'un autre coté l'état des choses n'est pas tel, que nous eussions a Nous hater de faire aujourd'huy un Traité a des Conditions tellement onereuses pour éviter de plus grands inconvenients, et que fait par necessite il

стоящее мое письмо, и на которое я буду отвѣчать послѣ того, какъ исчерпаю до дна все, что имѣю сказать вамъ по поводу вашихъ двухъ первыхъ писемъ.

Анекдотъ, который вы мнѣ передаете объ отвѣтѣ короля шведскаго его прусскому брату и кузену, очень хорошъ и остроуменъ. Хотя оба государя близкіе родственники, но, по моему, они не симпатизируютъ другъ съ другомъ по уму. Засвидѣтельствуйте барону Армфельдту мою признательность за всѣ его добрыя и честныя поступки въ отношеніи къ намъ. Приходится имѣть дѣло съ такимъ свѣтскимъ человѣкомъ, который всю жизнь былъ чрезвычайно щекотливъ на счетъ признательности. Я охотно свела бы счеты съ этимъ истиннымъ и полезнымъ патриотомъ; научте меня, чѣмъ и какъ? Я, по истинѣ, ничего такъ не желаю, какъ сдѣлать изъ шведскаго короля такого друга и союзника, на котораго бы я могла рассчитывать.

Перехожу теперь ко второму вашему письму отъ ¹⁵/₂₆ мая. Я съ удовольствіемъ вижу, что моя матерія, сдѣланная въ Москвѣ на турецкій манеръ, была получена еще во-время, прежде отвѣзда короля на воды, и что она была принята имъ, какъ знакъ моей дружбы, что и было на самомъ дѣлѣ.

Англо-пруссаки не должны ни на минуту задерживать нашъ союзъ, особенно въ такое время, когда шведскій король спрашиваетъ васъ о важныхъ проектахъ и о такомъ, который вы должны были представить ему, какъ дѣло и предположеніе, соединенныя съ болѣе вѣрною^ю славю, нежели химерическія и дурно задуманныя системы

---

ne seroit consequemment que peu stable ou meme resteroit inexecuté ou inexecutable. Pour ce qui regarde le point de la Chevalerie, je vois que Vous y avés réussi au dela de toute esperance. J'ai envoyée au Baron van der Pahlen son rapel avec ordre comme Vous me l'avés proposé de suivre le Roy de Suede aux Eaux puisque ce Prince le souhaite Lui meme et que le Baron d'Armfeldt le trouve necessaire. En meme tems j'ai envoyé au Baron van der Pahlen un écrit qui traite des affaires de la contre Revolution en France, et que le Baron van der Pahlen fera lire au Roy de Suede et dont celui-ci est mieux en état que moi d'en juger, mais il y trouvera des alimens inflamatoire sur cette matiere surtout si elle a deja poussé raçine dans sa tete comme paroit le prouver Votre troisieme lettre du ²⁰/₃₁ May qu'on m'a aporté tandis que j'ecrivois celle ci et a laquelle je repondrai tout de suite quand j'aurai coulé a fond, ce que j'ai a Vous dire sur les deux premiere. L'anecdote que Vous me mandés sur la reponse faite par le Roy de Suede a Son Frere et Cousin de Prusse est bien bonne et spirituelle, les deux Princes quoique proches parents, selon moi ne sauroit sympatiser ensemble par l'esprit. Temoignés au Baron d'Armfeldt ma sensibilité pour tous ces bons et honnetes procedés a notre égard, il a a faire a la personne du monde qui s'est toute la vie le plus picqués de reconnoissance. Volontiers je m'acquiterés vis a vis de ce vray et utile patriote, mandé moi

высокихъ союзниковъ. Вы найдете ниже мои размышленія объ этомъ проектѣ и контръ-проектѣ короля шведскаго. Вы хорошо сдѣлали, что ослабили подозрѣніе е. в. противъ моего министерства; генераль Стедингъ говорилъ уже мнѣ объ этомъ, и я была очень удивлена, услышавъ, что онъ называетъ имена принца Нассаусскаго *) и г. Маркова**), какъ главныхъ, по его выраженію, противниковъ моего желанія заключить союзъ съ Швеціей.

Я ему сперва сказала, что принцъ Нассаускій не принимаетъ много участія въ дѣлахъ, кромѣ начальствованія надъ дивизіей гребной флотиліи, и что это хотя и даетъ ему доступъ въ адмиралтейцъ-коллегію, но что тамъ никогда не разсуждаютъ о политикѣ. Что же касается г. Маркова, то хотя онъ и состоитъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, но, конечно, нелѣпо было бы предполагать, что онъ можетъ противиться дѣламъ, мною однажды рѣшеннымъ и оконченнымъ. Потому я отозвалась обо всемъ этомъ, какъ о таковыхъ сплетняхъ со стороны подчиненныхъ, которые не стоятъ того, чтобы на нихъ обращалъ государь свое вниманіе, и я удивляюсь, что король говорилъ вамъ обо всемъ этомъ. Вообще кажется, что эготъ государь

*) См. примѣчаніе на стр. 482-й.

**) Марковъ или правильнѣе Морковъ, Аркадій Ивановичъ, впоследствии графъ (р. 1747 † 1824 г.), былъ при Екатеринѣ II посланникомъ въ Голландію, потомъ временнымъ посломъ въ Парижъ, гдѣ въ 1783 году содѣйствовалъ заключенію версальскаго мира. Въ то время, къ которому относится письмо императрицы, онъ былъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и пользовался большимъ вліяніемъ.

Ред.

avec quoi et comment. Je ne demande pas mieux en verité que de me faire du Roy de Suede un Ami et un Allié sur lequel je puisse compter. J'en vient presentement a Votre seconde lettre du ¹⁵/₂₆ May. C'est avec plaisir que j'ai vuë que mon étoffe a la façon Turque faite a Moscou est encore venue a tems avant le depart du Roy pour les eaux et qu'elle a été reçue par ce Prince comme une marque de mon amitié ce quelle étoit en effet. L'Anglo Prussiennes me ne devoit pas tenir a moment vis a vis de Notre Alliance, et surtout dans un tems, ou le Roy de Suede Vous demande des Projets de l'importance de celui que Vous avés été obligé de Lui presenter sur des affaires et des objets d'une Gloire bien plus sure, que les systemes Chimeriques et mal conçus des hauts Alliés. Vous trouverés si dessous mes reflexions sur ce projet et contre projet du Roy de Suede. Vous avés bien fait de diminuer les soupçons de S. M. Suedoise contre mon Ministere; le General Steding m'en avoit deja parlé, et j'ai été fort etonnée de lui entendre articuler les noms du Prince de Nassau et du Sr Marcof, comme principaux opposaus, ce ce qu'il disoit, a ma bonne volonté pour la confection de mon Alliance avec la Suede. Je lui ai dit d'abord, que le Prince de Nassau, n'avoit d'autre part aux affaires que le Commandement de la division de la flotille a rames, qui lui donne entrée a la verité au College de l'Amirauté, mais que la on ne traitoit jamais de la Politique; pour le Sr: Marcof quoiqu'il

видитъ способность въ умѣннн возбуждать нѣкотораго рода тревогу, которая столько же вредитъ его собственному спокойствію, сколько и спокойствію другихъ. Надобно желать, чтобы онъ имѣлъ болѣе постоянства въ своемъ умѣ. Если онъ еще способенъ къ тому, такъ это по дѣламъ французской контръ-революціи, которая можетъ ему это доставить. Если онъ можетъ согласить свою славу съ своими наклонностями и въ состояніи будетъ удовлетворить себя чѣмъ-либо, то онъ разовьетъ всѣ дарованія, какія даде ему Господь, и изъ которыхъ каждаго у него не въ избыткѣ. Но такъ какъ мы наконецъ пришли къ тому убѣжденію, что мы—король шведскій и я,—имѣемъ довольно сходныя мысли на счетъ дѣлъ во Франціи, то хорошо было бы обсудить: первое, какое право имѣемъ мы оба вмѣшиваться въ эти дѣла? Отвѣтъ на это незатруднителенъ: такъ какъ Швеція гарантировала вестфальскій миръ *), и Россія сдѣлала тоже самое въ силу Тешенскаго договора **), то относительно такого права нѣтъ никакого сомнѣнія. Итакъ, имѣя право, мы посмотримъ, что нужно сдѣ-

---

*) Миръ этотъ, окончившій тридцатилѣтнюю войну, былъ заключенъ въ 1648-мъ году, въ городахъ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ. Постановленныя въ немъ условія считались до вѣнскихъ трактатовъ 1815-го года главнымъ основаніемъ всей европейской политики; поэтому Екатерина II и придаетъ такое важное значеніе вестфальскому миру. Ред.

***) Договоръ этотъ былъ заключенъ въ 1779-мъ году въ городѣ Тешенѣ (въ Силезіи) собственно между императрицею Маріею-Терезіею и прусскимъ королемъ Фридрихомъ II, по случаю столкновения за баварское наслѣдство. Рос-

---

se trouve au College des affaires étrangères, assurément sans absurdité l'on ne sauroit supposer qu'il pourroit s'opposer aux affaires une fois resolues et décidées par moi. J'ai traité alors tout cela de Comerage de subalterne qui ne meritoit pas un moment d'occuper l'attention d'un souverain, et je suis surprise que le Roy Vous en aye encore parlé, il paroît en general que ce Prince fait consister l'habileté en partie dans une sorte d'inquietude qui nuit a son repos tout autant qu'a celui des autres, il seroit a souhaiter qu'il y eut plus d'assiette dans son esprit; s'Il est encore susceptible d'en prendre, se seront les affaires de la contre revolution en France qui pourroit la Lui donner. Si sa gloire et son inclination pourront etre d'accord et auront de quoi ce satisfaire, et Il sera a meme de deployer tous les talens que Dieu Lui a donné, et n'en aura aucun de trop. Mais puisqu'enfin Nous sommes parvenus a la conviction que le Roy de Suede et moi, nous avons conçus des idées assés conformes sur les affaires de la France, il sera bon d'examiner Primo: la question, quels droits l'un ou l'autre Nous pourrions avoir pour Nous en meler? A ceci la reponse n'est pas difficile: la Suede se trouvant garant de la Paix de Westphalie et la Russie ayant garantie aussi cette meme Paix dans le Traité de Techen, il ni a pas de doute sur ce droit. Or dont Nous trouvant en droit, voyons presentement ce qu'il y auroit a faire et de quoi convenir. Secondo: Le Roy de Suede et

вать, и о чемъ договориться. Второе: шведскій король и я согласны въ томъ, что вестфальскій миръ очевидно нарушенъ многими декретами, посягающими на этотъ миръ и провозглашенными національнымъ собраніемъ*). Имперскіе князья, которыхъ декреты эти касаются ближайшимъ образомъ, и у которыхъ они отнимаютъ обезпеченія за ними владѣнія, соглашаются уже между собой, чтобы помочь этому, и какъ только они условятся на счетъ способовъ, то имъ и нужно будетъ обратиться къ поручителямъ. Это они сдѣлаютъ сами по себѣ, или же ихъ нужно будетъ побудить къ тому и договориться съ ними по этому предмету. Какъ кажется, изъ всѣхъ имперскихъ князей такимъ соглашеніемъ наиболѣе заинтересованъ курфюрстъ Майнцкій. По моему мнѣнію, его отвѣтъ французскому двору и на ноту г. Овелии, министра этой державы, не оставляетъ никакого сомнѣнія касательно его чувствъ. Съ другой стороны князь Туръ-Таксисъ, уполномоченный императора**), снова вручилъ Ратисбонскому***) сейму запросы, для представленія ихъ на разрѣшеніе государствъ, обсуждавшихъ это дѣло. Слѣдовательно, вѣнскій дворъ, или, точнѣе,

сія приступила къ этому договору въ качествѣ союзницы Австріи, и допустивъ тѣ территоріальныя перемѣны, какія произошли вслѣдствіе него, въ то же время признала *statu quo*, установленное вестфальскимъ миромъ. Ред.

*) Рѣчь идетъ о французскомъ національномъ собраніи.

**) Леопольдъ II, бывшій императоромъ съ 1790 по 1792 года.

***) Ратисбонъ (въ Баваріи), въ немъ въ теченіе времени отъ 1656 до 1806 года происходили засѣданія германскаго имперскаго сейма. Ред.

moi, nous sommes d'accord sur ce que la Paix de Westphalie se trouve lezées visiblement par nombre de decret attentoire a cette Paix, promulguées par l'assemblée Nationale; les Princes de l'Empire que Ses decrets regardent de plus près, et auxquels ils otent des possessions garanties, ce concertent deja pour y porter remedes, des qu'ils seront convenus de Ses remedes, il leurs apartient de reclamer les garants. Ils feront d'eux meme cette reclamation, ou il faudra les y porter, et a cet effet s'entendre avec eux. Le plus porté pour ce concert des Princes de l'Empire, paroît etre l'Electeur de Mayence dans ce moment; selon mes avis Sa reponse a la Cour de France et a la Note du Sr. Okelly Ministre de cette Puissance, ne laisse aucun doute de Ses sentimens; d'un autre coté le Prince de la Tour et Taxis pleinipotentiaire de l'Empereur a remis a la Diète de Ratisbonne nouvellement des question pour etre porté a la resolution des Etats qui ont traits a la meme affaire, par consequent dont la Cour de Vienne ou plutot le Chef de l'Empire agit ou est obligé d'agir, selon sa qualité, si ce n'est d'apres sa volonté, laquelle pourroit etre retenue en premier lieu par la delicatesse de la situation du Roy et de la Reine de France, dans la crise presente des choses; et en second par la crainte de S'engager dans de nouveaux embarras avant que ceux dans lesquels la Cour de Vienne ce trouve presentement ne soyent tout a fait terminés. La Russie est

глава имперіи дѣйствуетъ, или обязанъ дѣйствовать, сообразно съ своимъ званіемъ, если не по доброй волѣ, которая могла быть сдержана прежде всего щекогливостью положенія французскихъ короля и королевы при настоящемъ кризисѣ, и во-вторыхъ изъ боязни вѣдаться въ новыя затрудненія прежде, нежели уничтожатся тѣ, въ каевхъ нынѣ находится вѣнскій дворъ.

Россія находится въ томъ же точно положеніи, какъ и римскій императоръ. Каковы бы ни были желанія ея, чтобы Франція заняла свое мѣсто въ системѣ европейскаго равновѣсія, намъ все-таки нужно кончить одну войну и еще предотвратить многія другія войны. Ни одна изъ державъ не заинтересована настолько продолженіемъ французской анархіи, какъ Англія, а, быть можетъ, и вся англо-прусская лига; нужно ожидать, что она употребитъ много различныхъ средствъ для того, чтобы разрушить спасительныя виды на счетъ возстановленія порядка и тишины во Франціи — такого предположенія, которымъ равномѣрно заняты, и король шведскій, и я, и относительно котораго мы сдѣлали другъ другу взаимныя конфиденціальныя сообщенія. Но эти размышленія не воспрепятствуютъ мнѣ понять, поставить третій пунктъ и войти въ секретное соглашеніе съ королемъ шведскимъ относительно этого дѣла, не только для возстановленія Вестфальскаго трактата, — старѣйшимъ поручителемъ котораго состоитъ король, — но и для того, наконецъ, чтобы возвратитъ королю Франціи его законныя права и преимущества, смотря на это, какъ на дѣло государей, и предоставитъ французскому королю и его государству, то мѣ-

---

precisement dans le meme cas que l'Empereur des Romains, quelque interet qu'Elle aye a voir a reprendre la France Sa place dans la balance de l'Europe, nous avons une guerre a finir, et plusieurs autres a prevenir. Aucune Puissance n'a plus d'interet a voir durer l'anarchie Françoise que nommement l'Angleterre, et peut etre toute la Ligue Anglo Prussienne, et il faut s'attendre a Lui voir employer bien des moyens divers, pour contrecasser les vuës salutaires pour le retablissement de l'ordre et de la Tranquilité en France; projet dont le Roy de Suede et moi sont également occupé et nous nous en avons fait une confidence mutuelle. Mais les reflexions ne sauroit m'empacher de m'entendre moi, d'establir Tertio: et de m'engager a un concert secret avec le Roy de Suede sur cette matiere non seulement pour le redressement du Traité de Westphalie dont le Roy est le plus ancien garant, mais encore a la fin de remettre le Roy de France dans ses justes droits et prerogative, regardant Sa cause comme celle des Roys et pour rendre au Roy de France et son Royaume la place qui Lui est due dans la balance reelle et non chimerique de l'Europe. Quarto: je m'engage a sonder la Cour de Vienne et de communiquer au Roy de Suede les Notions les plus sures que je pourrés me procurer des resolutions et des moyens que l'Empereur de Romains voudroit employer pour le secour de S. M. Tres Chretienne tant en Sa qualité d'Empereur qu'en Sa qualité de Souverain des

сто, какое слѣдуетъ ему занимать для дѣйствительнаго, а не химерическаго равновѣсія въ Европѣ. Четвертое: я приняла на себя провѣдать объ этомъ у вѣнскаго двора и сообщить шведскому королю самыя достовѣрныя, — какія только я могу достать, — свѣдѣнія о рѣшеніи и о тѣхъ способахъ, какіе римскій императоръ пожелаетъ употребить для того, чтобы помочь его наихристіаннѣйшему величеству, какъ въ качествѣ императора, такъ и въ качествѣ владѣтеля наслѣдственныхъ государствъ австрійскаго дома, съ тѣмъ, чтобы, пятое, король шведскій далъ мнѣ обѣщаніе съ своей стороны, что онъ сообщитъ мнѣ тѣ свѣдѣнія, какія онъ можетъ приобрести касательно средствъ и намѣреній курфюрстовъ, князей и другихъ имперскихъ государствъ относительно французскихъ дѣлъ. Шестое: я готова войти въ соглашеніе на счетъ плана по водворенію во Франціи порядка, согласно съ принятыми нами основаніями. Седьмое: поручители договоровъ Вестфальскаго и Тешенскаго не должны дѣйствовать послѣ сдѣланнаго имъ объ этомъ предупрежденія иначе, какъ черезъ представителей. Восьмое: но въ случаѣ, если этотъ способъ будетъ не дѣйствителенъ, то король шведскій обязуется лично привести въ исполненіе условленный планъ, и хотя онъ будетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать отъ своего имени, но будетъ совѣтоваться и обсуждать образъ дѣйствій со мною. Девятое: я не буду помогать въ этомъ предпріятіи королю шведскому прежде, чѣмъ заключу миръ съ турками. Послѣ этого я могу обезпечить полмилліона рублей, выплаченныхъ съ разу и приготовленныхъ въ Генуѣ или въ Ливорно, съ тѣмъ,

---

Etats hereditaires de la Maison d'Autriche, pourvu que: Quinto: le Roi de Suede me fasse la meme promesse de Son coté de me faire communiquer les Notions que le Roy pourra acquerir sur les moyens et intentions des Electeurs, Princes et autres Etats de l'Empire relativement aux affaires de la France. Sexto, je suis prete a m'entendre avec le Roy de Suede sur un plan de reintegrasson des affaires de la France selon les Principes convenu. Septimo: Les garants des Paix de Westphalie et de Techen ne devoit agir après somation a eux fait en premier lieu que par representation. Huitiememet mais en cas que les representation n'auroit effet: le Roy de Suede s'engageroit a executer et conduire en personne l'execution d'un plan convenu, et il en portera Seul le nom, mais il consultera et traitera des operation avec moi. Neufiemement Je ne sauroit aider le Roy de Suede dans cette operation ou entreprise avant que ma Paix avec les Turks ne soye terminés, ensuite de quoi je pourroi etre caution pour un demi million de Roubles une fois payé et pret a Gene ou Livourne a condition que de cet argent seront entretenu et soldée selon notre calcul dix mille hommes de Troupes, qui ensuite devoit etre entretenu a la charge de la France des qu'elles y entreroit. Pour ce qui regarde le Port d'Ostende et autres des Pays bas, je pense qu'il est douteux de conter sur pareille Negociation, parce qu'il y a pour Ostende nomement des

чтобы на эти деньги, по нашему расчету, производилось содержанье и жалованіе десяти тысячамъ войска, которое потомъ должно быть содержимо на счетъ Франціи, когда туда вступить.

Что же касается Остендскаго порта и другихъ портовъ Голландіи, то я думаю, что было бы сомнительно рассчитывать на подобные переговоры, потому что собственно на счетъ Остенде существуютъ трактаты между Англіей и австрійскимъ домошъ. Между тѣмъ я смотрю на Англію, какъ на державу, всего болѣе противящуюся возстановленію порядка и тишины во Франціи, такъ какъ никто столько не выигрываетъ, какъ Англія, отъ нынѣшней анархіи въ этомъ государствѣ. Англо-прусская лига крѣпко подозрѣвается въ соглашеніи съ клубомъ якобинцевъ, членамъ котораго м-ръ Питтъ не упускаетъ выдавать гонимыя, когда это требуется, между тѣмъ, какъ еврей Ефаймъ *) играетъ около этихъ господъ роль чиновника короля прусскаго, во имя котораго онъ возбуждаетъ умы.

Я думаю еще, что всякое морское вооруженіе и переправа войска, съ цѣлью употребить его для контръ-революціи во Франціи, несомнѣнно привлечетъ вниманіе Англіи, и, быть можетъ, она сама вооружится, чтобы воспрепятствовать этому. Итакъ, десятое: нужно озаботиться на такой случай о безопасности Балтійскаго моря. Въ отношеніи Даніи я приму на себя не только побудить тамошній дворъ

*) По настоящему Ефраймъ, одинокъ изъ богатѣйшихъ берлинскихъ банкировъ того времени, вліявшій своими оборотами на политику. Онъ былъ извѣстенъ Екатеринѣ II и по польскимъ дѣламъ. Ред.

Traité qui existent entre l'Angleterre et la maison d'Autriche; or je regarde l'Angleterre comme la Puissance la plus contraire au retablissement de l'ordre et de la Tranquilité en France, personne ne gagnant plus a l'anarchie presente de ce Royaume que l'Angleterre. La Ligue Anglo-Prussienne est fortement soupçonné de s'entendre avec le Club des Jacobins, aux individus duquel Mr: Pith ne laisse pas que de lacher des Guinées lorsque le cas l'exige tandis que le Juif Ephaim joue auprès de ses Messieur le rôle d'Employé du Roy de Prusse au nom du quel il fomente les esprits. Je pense encore que tout armement Maritime et transport de Troupes a employer pour une contre revolution en France attireroit infailliblement l'attention de l'Angleterre, et peut etre armeroit elle, meme pour l'empêcher: Donc dixiemement faudroit il pourvoir a la sureté de la Baltique pour ce cas. Eu egard au Danemark, je m'engagerai non seulement a porter cette Cour a la Neutralité mais encore a l'empêcher d'attaquer la Suede, et en cas d'attaque je ne ferai aucune difficulté de defendre meme la Suede de toute entreprise injuste et attaque offensive, ce qui d'ailleurs fera un point du traité d'Alliance. Onzieme: la convention sera tres secreta de meme que tous ces points. Douzieme: Toute cette convention n'auroit force ni rigueur avant la signature du Traité d'Alliance entre la Russie et la Suede. Le Treizieme point seroit celui du terme de la ratification. Je n'ai pas trouvé necessaire de

къ нейтралитету, но и воспрепятствовать его нападенію на Швецію, а въ случаѣ такого нападенія я не затруднюсь защитить Швецію отъ всякаго несправедливаго и наступательнаго предпріятія. Это составитъ, впрочемъ, одинъ изъ пунктовъ союзнаго договора. Одиннадцатое: договоръ долженъ быть весьма секретный, равно какъ и всѣ его условія. Двѣнадцатое: вся эта конвенція не будетъ имѣть ни силы, ни дѣйствія прежде подписанія союзнаго трактата между Россіей и Швеціей. Тринадцатымъ пунктомъ будетъ назначеніе срока ратификаціи. Я не считаю нужнымъ упоминать о 9-й статьѣ королевскаго проекта, потому что Франція,—если удастся возстановить ее,—сама займетъ соотвѣтствующее ей мѣсто. Я была бы очень довольна, еслибы вы черезъ барона Армфельда могли получить нѣкоторыя болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Испаніи и сардинскаго двора, потому что мои собственныя справки до сихъ поръ обнаружили весьма мало признаковъ по этому предмету, которыя, впрочемъ, заставляютъ предполагать только совершенно пассивную роль этихъ дворовъ.

Поговоривъ съ вами о дѣлахъ, занимающихъ въ настоящее время короля шведскаго, я хочу поговорить о нашихъ дѣлахъ съ этимъ государемъ. Во-первыхъ, я никогда не видѣла надобности измѣнять границу, такъ какъ со времени Абоскаго мира въ продолженіи 50-ти лѣтъ довольствовались тою, какая существовала. Но такъ какъ въ Верельскомъ, а также и въ Абоскомъ трактатахъ упоминается объ опредѣленіи границы, то и нужно обратиться къ этому. Когда вся Финляндія, въ 1743-мъ году, была въ рукахъ Россіи, то для того, чтобы возвести на шведскій престолъ отца нынѣ царствующаго короля, Рос-

---

faire mention du point neuvieme du projet du Roy, parce que la France si on reussira a la retablir prendra d'Elle meme la place qui Lui convient. Je serois bien aise si par le Baron d'Armfeldt Vous pouviés Vous procurer quelques Notions plus precises sur les intentions de l'Espagne et de la Cour de Sardaigne, car mes informations a moi jusqu' ici ne m'ont procuré que fort peu d'indice a se sujet, encore ne font elle pas presumer beaucoup autre chose qu'un role tout a fait passif de leurs part. Apres Vous avoir parlé des affaires qui ocupent l'esprit du Roy de Suede pour le present, je m'en vais Vous parler des Notres avec ce Prince. D'abord, je n'ai jamais bien vué la necessité de changer de frontiere tandis que depuis la Paix d'Abo on s'est contenté depuis cinquante ans de celle qui existoit. Mais puisqu'il est parlé dans le Traité de Verela comme dans celui d'Abo de demarcation de limite, il faudra bien en venir la. Lorsque toute la Finlande Suedoise etoit entre les mains de la Russie l'année 1743, pour plaçer sur le Trone de Suede, le Pere du Roy Regnant la Russie rendit a la Suede la Finlande depuis Abo jusqu'au Fleuve Kimen, elle ne ce reservé au dela du lac Saima que Nislot et ce qui nous apartennu de ce coté la depuis la Paix d'Abo, et ce qui nous est resté et confirmé selon la teneur de la Paix

сія отдала Швеціи Финляндію отъ Або до р. Кюменя. Она содѣлала для себя за озеромъ Сайма только Нейшлотъ и то, что принадлежало намъ въ этой сторонѣ со времени Абоскаго мира, и что осталось и было утверждено за нами по смыслу Верельскаго трактата. Кромѣ того, благодаря Бога, не уступивъ еще ни разу, по договору, ни одной пяди земли, я до сихъ поръ не знаю, какъ это дѣлается, но думаю, что оно не можетъ быть исполнено иначе, какъ при условіи справедливыхъ вознагражденій. Шведы должны предложить мнѣ такія вознагражденія, потому что касается меня, то, говоря по правдѣ, я охотнѣе сохранила бы то, что предшественники мои считали своею собственностью, и не вижу никакой необходимости отступаться отъ этого, а также и вновь приобретать что-либо. Если же шведскіе уполномоченные будутъ дѣлать вамъ новыя предложенія на счетъ Нейшлота, то вы отстраняйте ихъ, сколь возможно долѣе, не рискуя однако ни миромъ, ни союзомъ, который мы имѣемъ заключать съ шведскимъ королемъ. Но если миру и союзу будетъ угрожать неудача, а между тѣмъ, если миръ съ турками не будетъ заключенъ, тогда намъ нуженъ будетъ по крайней мѣрѣ, взаимнѣ срытаго Нейшлота, Пумула-Зундъ съ частію земли, прилегающей къ Карелии, какъ вамъ объ этомъ предписанія подробно въ приказаніяхъ, которыя къ вамъ будутъ посланы согласно подписанному уже протоколу моего совѣта, который я имѣю теперь передъ собою. Что касается обмѣна Гекфорса, то я не могу слышать объ этомъ и признаюсь, что лучше предпочту дать деньги, нежели уступить хоть одну пядь земли; но пусть это останется между нами. Относительно этихъ денегъ вы будете слѣдовать предписаніямъ, которыя получите изъ коллегіи.

de Verela. Outre cela, n'ayant grace au Ciel jamais encore cédé un pouce de terre par une convention, j'ai ignorée jusqu'ici comment cela ce fait, mais je pense que cela ne sauroit avoir autrement lieu, que par de justes compensations, ses compensations c'est au Suedois a me les offrir; car pour moi a dire la verité je garderé volontier ce que mes Predecesseurs ont jugés etre de leurs convenances, et je ne vois aucune necessité de m'en defaire, ni meme d'acquérir de ce coté la. Si dont les Plenipotentiaires Suedois, au sujet de Nislot Vous faisoit de Nouveau des propositions, Vous les ecarterés aussi longtems que possibles, sans cependant mettre en risque ni la Paix ni l'Alliance que Nous avons a conclure avec le Roy de Suede. Mais si la Paix et l'alliance courroit risque d'echouer tandis que Notre Guerre avec les Turks n'est pas terminés alors il Nous faudroit pas moins pour l'echange de Nislot Rasé que Poomula Sund avec la partie de Pays qui s'étend du coté de la Carelie, comme cela Vous sera prescrit fort au long, par des ordres a cet effet qui vont s'expedier d'apres le protocol de mon Conseil deja signé et que j'ai dans ce moment sous mes yeux. Pour de l'echange de Heckfors je n'en puis entendre parler et je Vous avoue que j'aimerais mieux encore donner de l'argent que de ceder un

—Прощайте, будьте здоровы и старайтесь одолѣть ту скуку, какую вамъ причиняетъ Стокгольмъ. Екатерина.

Въ Царскомъ Селѣ, 27-го мая, 1791 г.

P. S. Я имѣю извѣстія о томъ, что ландграфъ Кассельскій не возобновитъ вовсе договора съ Англіей. Объ этомъ нужно было бы предупредить короля шведскаго: его войска хороши и надежны и могли бы быть взяты на субсидію.

XLIV.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Вслѣдствіе моего письма отъ 27-го мая, въ которомъ вы въ точности должны были усмотрѣть мое мнѣніе о дѣлахъ вашихъ съ королемъ шведскимъ, я передамъ вамъ то, что дошло до меня въ эти дни касательно поведенія берлинскаго двора въ отношеніи дѣлъ Франціи; вы узнаете и тутъ то двоюдушіе, которое проглядываетъ во всѣхъ дѣлахъ этого двора уже нѣсколько лѣтъ. Король прусскій обѣщаетъ золотыя горы германскимъ принцамъ, оскорбленнымъ въ своихъ правахъ національнымъ собраніемъ; онъ опорожнитъ свои карманы и заставитъ дѣйствовать войска въ ихъ пользу. Во Франціи же онъ распускаетъ, что императоръ—душа затѣваемой контръ-революціи и что слѣдовательно онъ тутъ ни причемъ; въ сущности же, не измѣняя заключенному имъ договору съ Англіей, онъ не можетъ дѣйствовать иначе, чѣмъ потребуютъ того интересы Великобританіи. Что же касается Испаніи, не думаю, чтобы она приняла какое бы то ни было участіе, не будучи вполне увѣрена въ благопріятномъ исходѣ. Вслѣдъ за этимъ я вывѣдаю намѣренія вѣнскаго двора и извѣщу васъ о всемъ томъ, что я узнаю; надѣюсь

---

ponce de terre, mais que ceci reste entre nous, sur cet argent encore Vous suivrés les prescriptions que Vous recevrés du College. Adieu portés Vous bien et tachés de vaincre l'ennuy que Stokholm Vous donne. Catherine.

a Czarsko Selo ce 27 May 1791.

Postscript. J'ai des nouvelles qui disent que le Landgrave de Cassel ne renouvelle point son traité avec l'Angleterre, il faudroit en avertir le Roy de Suede, ses troupes sont bonnes et sure et pourroit etre prise a subside.

XLIV. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stakelberg. A la Suite de ma lettre du 27 de May dans laquelle Vous avés vu a fond ce que je pensoit sur les affaires que Vous traités avec le Roy de Suede, je Vous dirés, ce qui m'est revenu ses jours çі de la Conduite de la Cour de Berlin eu égard au affaires de la France, Vous y reconnoitré la duplicité de la Conduite que cette Cour met dans tout ses procedés depuis plusieurs années. Aux Princes d'Allemagne lezées par l'assemblées nationale dans leurs droits le Roy de Prusse fait promettre monts et merveille il va vuidier ses poches et faire agir des Troupes en leurs faveur. Mais en France il divulgue que c'est l'Empereur qui est l'ame de la Contre revolution qui ce trame et que par con-

въ скоромъ времени получить извѣстія. Прощайте, будьте здоровы. Вы увидите изъ рескрипта, что я ничего болѣе не имѣю сказать.
Екатерина.

Царское Село, 7 іюня 1791.

Передайте мой поклонъ барону Армфельту и сообщите ему содержаніе этого письма, чтобы онъ воспользовался имъ у своего государя *).

XLV.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Я только-что узнала изъ письма вашего отъ $\frac{5}{16}$ іюня, поданнаго мнѣ вчера, что баронъ**) Паленъ уже четыре дня какъ въ дорогѣ, желая нагнать шведскаго короля. Я знаю, что послѣдній переѣхалъ въ Ростокъ, гдѣ графъ Левенгауптъ,

*) Баронъ Густавъ-Маврицій Армфельтъ (р. 1757 г.), человекъ замѣчательный по своему уму и по предпримчивому характеру, былъ другомъ короля шведскаго Густава III. Въ 1790 году онъ заключилъ съ Россією миръ въ Верелѣ. Послѣ смерти Густава III, Армфельтъ, опасаясь регента, герцога Зюдерманландскаго, какъ личнаго своего врага, бѣжалъ въ Италію, а въ Швецію былъ заочно приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства. По уничтоженіи регентства, Густавъ IV пригласилъ Армфельта въ Швецію и оказывалъ ему особенное довѣріе. При вступленіи на престолъ герцога Зюдерманландскаго (Карла XIII) баронъ Армфельтъ переселился въ Россію и въ 1811 году вступилъ въ русское подданство: при этомъ онъ былъ пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантомъ, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Въ 1812 году императоръ Александръ I возвелъ его въ графское достоинство. Онъ умеръ въ Царскомъ Селѣ въ 1814 году. Ред.

**) Баронъ Петръ Алексѣевичъ (Петръ Людвигъ), р. 1745 † 1824 году вносилъ въ русское подданство: при этомъ онъ былъ пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи и генералъ-адъютантомъ, съ назначеніемъ членомъ государственнаго совѣта. Въ 1812 году императоръ Александръ I возвелъ его въ графское достоинство. Онъ умеръ въ Царскомъ Селѣ въ 1814 году. Ред.

sequent il n'a garde d'y prendre part. Au fond sans manquer a Son Traité avec l'Angleterre il ne sauroit agir autrement dans cette affaire que l'interet de la Grande Bretagne ne le Lui prescira. Pour ce qui regarde l'Espagne je ne crois pas qu'Elle entre en lisse sans etre bien sure de l'entreprise. Je suis apres a sonder les intentions de la Cour de Vienne et je Vous ferés parvenir ce que j'en aprendrés, j'espere d'en peu d'en avoir des nouvelles. Adieu. Portés Vous bien, Vous verrés par le rescript que je n'ai rien a y ajouter. Catherine.

a Czarsko Selo ce 4 Iuin 1791.

Salués le Baron d'Armfeldt de ma part et comuniqués lui le contenu de cette lettre afin qu'il en fasse employ auprès de son Maitre.

XLV. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stackelberg. Par Votre lettre du $\frac{5}{16}$ de Juin qui ma été rendu hier, je vient d'apprendre que le Baron van der Pahlen étoit deja en chemin depuis quatre jours pour suivre a la Traçe les pas du Roy de Suede, je sais que celui çà est débarqué a Rostock ou le Cte: de Loevenhaupt, la presence duquel le Baron d'Armfeldt

присутствія котораго баронъ Армфельтъ казалось боялся изъ патриотическихъ видовъ, заболѣлъ и отсталъ; такимъ образомъ и съ этой стороны всякія попытки могли бы на время превратиться. Впрочемъ, если вѣрить выраженіямъ письма короля къ названному барону Армфельту, копію съ котораго вы отъ него получили, то кажется, что король шведскій теперь именно чуть ли поддастся влиянію, которое могло бы отклонить его отъ его любимаго предмета *), однако надо посмотрѣть, каковъ будетъ тонъ его писемъ по разлуцѣ съ герцогомъ брауншвейгскимъ **) и спасется ли онъ отъ остроумнаго, хотя лукаваго и обманчиваго, краснорѣчія этого кузена, который два раза сказанъ больнымъ перемежающеюся лихорадкой, чтобы лично отдѣлаться отъ начальства надъ войскомъ противъ насъ въ Пруссіи; но я думаю, вполне вѣрно то, что оба друга на самомъ дѣлѣ питаютъ къ политическимъ и военнымъ дѣйствіямъ третьяго не больше довѣрія и уваженія, чѣмъ мы сами ***).

Князь Потемкинъ вѣроятно хотѣлъ сдѣлать свое письмо черезъ чуръ прекраснымъ и потому оно до сихъ поръ не написано; онъ изъ тѣхъ людей, которые не знаютъ ни часа, ни числа, ни года. Мнѣ досадно, что я не узнала этого во-время, а то бы я сама написала письмо и послала бы ему его только для подписи. Вы, вѣроятно,

*) Дѣло идетъ о проектѣ Густава III, касательно возстановленія королевской власти во Франціи. Ред.

**) Герцогъ Фридрихъ-Карлъ Вильгельмъ (р. 1735 † 1806), состоялъ въ прусской службѣ и приобрѣлъ громкую извѣстность въ семилѣтнюю войну. Онъ былъ врагомъ французской революціи и въ 1792 году командовалъ австро-прусскими войсками, дѣйствовавшими противъ Франціи. Ред.

***) Намекъ на короля прусскаго Фридриха Вильгельма II. Ред.

paroissoit apprehender par des vuës patriotiques, est tombé malade et est resté en arriere ainsi de ce coté la les atteintes aussi pourroit etre ralentis pour quelques tems. Au reste a en croire les expressions de la lettre du Roy au susdit Baron d'Armfeldt et dont celui ci Vous a donné Copie, il paroît que le Roy de Suede devoit etre pour le moment peu susceptible a toute insinuation qui le detourneroit de son objet favori. Cependant il faudra voir quel sera le ton de ses lettres en quittant Bronswig et s'il échapera a l'Eloquence spirituelle, mais double et trompeuse de ce Cousin la, qui Lui meme s'est dit malade deux fois de la fievre quarte afin de ce defaire honnetement du Comandement qu'on Lui destinoit contre Nous en Prusse, ce qu'il y a de sure je pense s'est que les deux Cousins fonçierement ne sauroit avoir pas plus de confiance que d'estime pour les operations Politique et Militaire du troisieme l'un et l'autre que Nous en avons Nous meme. Je pense que le Prince Potemkin a voulu faire sa lettre trop belle et que s'est pour cela qu'elle n'est pas faite encore il est aussi de ses gens la: qui ne connoissent ni l'heure ni la date ni l'année, je suis fachée de n'avoir pas sut a tems cette circonstance j'aurois fait la lettre et la lui auroit envoyé a signer. Vous aurés vué par ma grande lettre du 27 May

усмотрѣли изъ моего длиннаго письма отъ 27-го мая то, что я думаю о проектѣ, изложенномъ вами на бумагѣ, на что вы уполномочены не были. Оба письма, которыя вы сочли нужнымъ отправить королю шведскому, я нахожу очень дѣльными и такими, какими они должны были быть для поддержанія хорошихъ отношеній съ нами этого государя. Я вижу, что замѣтки, посланныя Палену, произвели свое дѣйствіе и на него; его письмо ко мнѣ преисполнено усердія; это очень хорошо. Я не сомнѣваюсь, что это усердіе сообщится и другимъ. Надѣюсь, что письма ваши къ королю шведскому отправлены съ курьеромъ во избѣжаніе того, чтобы великій проектъ не былъ разглашенъ прежде времени и въ особенности, чтобы онъ не попалъ въ злыя руки чиновниковъ толстаго и тяжеловѣснаго друга *). Фокенеръ**), прочтя отвѣтъ, данный обоимъ союзникамъ***), въ которомъ не прибавлено ни слова къ тому, о чемъ мы уже сто разъ говорили, счелъ нужнымъ найти его прекраснымъ и на другой день онъ просилъ вице-канцлера выхлопотать ему аудіенцію у меня, чтобы представить кредитивъ на званіе уполномоченнаго министра. Аудіенція эта будетъ въ воскресенье, послѣ чего мы еще увидимъ, чего онъ

*) На кого дѣлается тутъ намекъ—неизвѣстно, но можно полагать, что дѣло идетъ о прусскомъ королѣ, который, по мнѣнію Екатерины, поддерживалъ, изъ своихъ политическихъ расчетовъ, анархію во Франціи и слѣдовательно былъ противникомъ того проекта, который противъ нее составляли Екатерина II и Густавъ III.

Ред.

**) Дипломатическій агентъ великобританскаго кабинета, съ которымъ въ ту пору Екатерина II находилась въ холодныхъ отношеніяхъ по случаю вмѣшательства Англіи въ войну Швеціи съ Россією.

Ред.

***) Англіи и Пруссіи.

ce que je pense du projet que Vous avés mis par écrit sans y etre autorisé. Je trouve les deux lettres que Vous avés trouvés a propos d'écrire au Roy de Suede très bien écrites et telles qu'il le falloit pour entretenir les bonnes dispositions de ce Prince. Je vois que le Cahier envoyé a van der Palen a fait son effet aussi sur Lui, et sa lettre a moi me paroît toute enflammée de zele, ceci est fort bon, je ne doute pas qu'il n'en comunique des eteincelles aux autres. J'espere que Vos lettres au Roy de Suede sont partie par Courier, afin que le Grand Projet ne s'ébruite pas avant le tems et surtout qu'il ne tombe pas dans les mains perverse des employé du Gros et lourd Cousin. Fawkenер ayant vu la reponse donné au deux Allié dans laquelle il ni a pas un mot de plus que ce que Nous avons dit cent fois, a jugé a propos de la trouver charmante et le lendemain il a demandé au Vice Chancelier de lui procurer une audience de moi pour s'accréditer comme Ministre Plenipotentiaire cette audience il l'aura Dimanche, après quoi nous verrons ce qu'il Nous voudra, mais on ne manquera pas de Lui demander par écrit tout ce qu'il dira car il est fort douteux qu'il soye autorisé a quoi qu'il soit qui ne soit Verbal. Si cette negociation dure jusqu'a la St. Pierre il y aura aparence que la flotet

отъ насъ хочеть; но передъ тѣмъ не преминуть спросить у него письменное изложенеіе всего того, о чемъ онъ намѣренъ говорить; крайне сомнительно, чтобы онъ былъ уполномоченъ на что-нибудь такое, чего нельзя было бы передать письменно. Если эти переговоры протянутся до Петрова дня, то очень вѣроятно, что англійскій флотъ появится въ Балтійскомъ морѣ не ранѣе осени и бурь; правда, бури этихъ странъ ничто въ сравненіи съ тѣми, съ которыми англичанамъ приходилось встрѣчаться въ моряхъ Америки и Индіи. Что же касается моихъ кораблей, то они все еще стоятъ на якорѣ на вронштадтскомъ рейдѣ. Я разрѣшила на этихъ дняхъ барону Стедингу *), но только ему одному, осмотрѣть наши вооруженія, такъ какъ я знаю, что онъ достоинъ этого довѣрія, что онъ благонамѣренный человѣкъ, любить своего государя и отечество, и наконецъ у меня нѣтъ никакой причины ему не довѣрять. Онъ можетъ писать докладную записку, и въ слѣдующее воскресенье я ему лично скажу: я боюсь только Бога, дорогой Абнеръ, и не знаю другой болзни. Я разрѣшаю всѣмъ вамъ не бояться за меня, потому что я всегда слыхала, что страхъ ни къ чему не ведетъ. Что же касается разъясненія, вами просимаго, насчетъ тѣхъ 500,000 рублей, которые шведскій король можетъ взять за мои поручительство, то я думаю, что по справедливости это должно быть такимъ долгомъ или такою выдачей, которая когда-нибудь будетъ уплачена Франціей своими средствами, насчетъ чего, я полагаю, шведскій король условится съ ними. Прощайте; будьте здоровы. Екатерина.

сего 13 іюня, 1791.

*) Шведскій посолъ въ Петербургѣ.

Angloise ne viendra dans la Baltique qu'avec l'Autonne et les Tempetes, il est vray que les Tempetes de ses parages çi ne sont rien en comparaison de celles dont les anglois ont l'experience dans les Mers de l'Amerique et des Indes. Pour mes Vaisseaux ils sont toujours a la Rade de Kronstadt a s'ennuyer a l'anker, j'ai permis ses jours si au Baron Steding, mais a lui seul d'aller voir nos armement parce que je sait qu'il merite cette confiance, qu'il n'a pas l'esprit malfaisant et qu'il aime son Roy et sa patrie et que je n'ai aucune raison au monde de me defier de lui. Il pourra en faire son raport, et Dimanche que vient j'espere de lui dire en persone. Je craint Dieu cher Abner et n'ai point d'autre crainte. Je Vous dispense tout tant que Vous êtes d'avoir peur pour moi, parceque j'ai toujours entendu dire que la peur n'étoit bonne a rien. Pour ce qui regarde l'eclaircissement que Vous me demandés sur les 500,000 roubles que le Roy de Suede peut prendre sur mon credit je pense qu'il est juste que ce soit une dette ou avance comptée pour etre remboursée un jour par la France et a ses depend, c'est sur quoi je pense que le Roy de Suede ne manquera pas de stipuler avec eux. Adieu porté Vous bien. Catherine.

ce 13 Juin 1791.

XLVI.

Господинъ тайный совѣтникъ, графъ Стакельбергъ. Я получила вашу депешу отъ $\frac{11}{22}$ октября съ извѣстіемъ о заключеніи союза съ шведскимъ королемъ, вслѣдствіе переговоровъ, которые были поручены вамъ. Я довольна вашими трудами и дѣйствіями по этому дѣлу. Вице-канцлеръ передастъ вамъ, что я утвердила этотъ трактатъ, несмотря на тѣ измѣненія, которыя вы сочли нужнымъ сдѣлать въ проектѣ, присланномъ вамъ отсюда.

Условія договора, рѣшенныя и подписанныя вами и уполномоченными Швеціи, такъ точны и опредѣленны, что не допускаютъ никакихъ перетолкованій или новыхъ требованій. Лишь себя надеждой, что и въ протоколахъ вашихъ переговоровъ вы позаботились выразиться настолько точно, что не представляется ни малѣйшей возможности потребовать отъ меня чего-либо сверхъ условленнаго.

Пишу сегодня письмо къ королю, прилагая его къ вашему, вы доставите его его величеству. Въ немъ главнымъ образомъ говорится о дѣлахъ Франціи. При передачѣ письма вы заявите королю о неизмѣнности моего расположенія помогать ему и дѣйствовать съ нимъ заодно во всемъ, что касается этихъ дѣлъ; кромѣ того выразите ему самымъ энергическимъ образомъ, какъ я довольна нашимъ новымъ союзомъ. Но если онъ при этомъ случаѣ вновь выскажетъ желаніе видѣться со мною нынѣшней зимой, постарайтесь отклонить его отъ этого, выставляя на видъ неудобства времени года; скажите, что я въ этомъ году разстроила свое здоровье, и что, наконецъ, нахожусь въ грустномъ расположеніи духа, вслѣдствіе смерти фельдмаршала

XLVI. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé, Comte de Stackelberg. J'ai reçu Votre dépêche du $\frac{11}{22}$ Octobre dernier par laquelle Vous m'annoncez la conclusion d'un Traité d'Alliance avec le Roi de Suède, dont la négociation a été confiée à Vos soins. Je Vous sais gré du zèle et de l'activité que Vous y avez portés. Le Vice-Chancelier Vous dira que j'ai ratifié ce Traité malgré les changemens que Vous avez jugé nécessaire de faire au projet, qui Vous en a été envoyé d'ici. Les stipulations arrêtées et signées entre Vous et les plénipotentiaires Suédois sont d'une nature à ne devoir laisser aucun lieu à des interprétations ou des demandes ultérieures quelconques. Aussi me flatte ce que dans les protocoles de Vos conférences Vous avez pris soin d'écarter de ces stipulations le moindre prétexte d'exiger de moi rien au delà de leur stricte observation. J'écris aujourd'hui au Roy et Vous lui remettrez ma lettre que Vous trouverez ci-jointe. Elle roule en grande partie sur les affaires de France. En la remettant, Vous assurerez le Prince de la constance de mes dispositions à l'assister et à me concerter avec lui dans tout ce qui aura rapport à ces affaires, et Vous y ajouterez les expressions les plus énergiques pour lui témoigner la satisfaction, que j'éprouve du nouveau lien, que je

князя Потемкина-Таврическаго, одного изъ полезнѣйшихъ и вѣрныхъ моихъ слугъ, вслѣдствіе смерти человѣка, отличавшагося особеннымъ усердіемъ и преданностью мнѣ. Однимъ словомъ, приложите всѣ старанія, чтобъ убѣдить короля отложить исполненіе своего намѣренія на болѣе удобное время, когда я буду имѣть возможность принять его со всѣмъ блескомъ и великолѣпіемъ моего двора. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ своею милостію. Екатерина.
С.-Петербургъ, 10 ноября 1791 годъ.

XLVII.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Баронъ Паленъ передалъ мнѣ письмо ваше отъ $\frac{18}{29}$ октября, которымъ вы извѣщаете меня о тайнѣ, повѣренной вамъ кавалеромъ Экартомъ касательно новаго проекта бѣгства французскаго короля; тайна эта читается во всѣхъ газетахъ; я уже и безъ того дала знать принцамъ, братьямъ короля, что тайны ихъ плохо хранятся, что всѣ ихъ предпріятія слишкомъ извѣстны всюду, и что это часто мѣшаетъ ихъ успѣху. — Вы хорошо-бы сдѣлали, еслибъ по дружбѣ внушительно поговорили объ этомъ съ кавалеромъ Экартомъ и наемнули ему, на это. Поздравляю васъ съ успѣхомъ въ вашихъ переговорахъ; я своею подписью вчера утвердила оборонительный трактатъ. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.
Сего 11 ноября 1791 года.

viens de contracter avec lui. Mais si à cette occasion il renouvelle l'ouverture qu'il Vous a faite au sujet de Son désir de se ménager une entrevue avec moi pendant cet hiver, Vous tâchez de le détourner de cette idée, en lui représentant l'inconvénient de la saison où nous sommes, et que cette année a influé sur ma santé, ainsi que celui qui résulte de l'état de tristesse, où je me trouve par la perte, que j'ai faite dans la personne du défunt Maréchal Prince Potemkine Tawrichesky, d'un de mes plus utiles et plus fidèles serviteurs, et d'un homme particulièrement distingué par son zèle et son attachement pour moi. Enfin Vous ne négligerez rien pour déterminer le Roi à remettre son projet jusqu'à un temps plus convenable, où je puisse me livrer entièrement au plaisir de le voir et lui faire les honneurs de ma Cour. Sur ce je prie Dieu qu'Il Vous ayt, Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stackelberg, en Sa sainte et digne garde. Catherine.

St.-Pétersbourg ce 10 Novembre 1791.

XLVII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stakelberg. Le G. M. Baron de Pahlen ma remis Votre lettre du $\frac{18}{29}$ d'Octobre par laquelle Vous me mandé le secret que le Chevalier d'Escart Vous a confié d'un nouveau projet de fuite du Roy de France; ce secret la est dans toute les Gazettes et outre cela j'ai déjà fait avertir les Princes Freres du Roy que leurs secret sont tres mal gardée et que toutes leurs entreprises ont une publicté qui pourroit souvent nuire au bien de leurs affaires. Vous ferés bien d'en parler amicalement au Chevalier Descart et de lui en toucher quelque chose. Je Vous félicite de la

XLVIII.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Король шведскій освѣдомился у меня, допущу ли я новый французскій флагъ въ моихъ портахъ и не считаю ли нужнымъ воспротивиться этому? Я велѣла ему сказать, что такъ какъ французскій король самъ утвердилъ постановление объ измѣненіи флага нации, и каждый народъ имѣетъ право дѣлать у себя какія угодно перемѣны особенно въ отношеніи цвѣта, то я думаю, что мнѣ не подобаешь вмѣшиваться, что къ тому же дѣло французскаго короля— дѣло всѣхъ королей и государей міра; это было сказано конфиденціально генералу Стедингу, такъ какъ король шведскій видимо хотѣлъ знать мое мнѣніе о французской революціи. Но при случаѣ, который не замедлитъ представиться, когда шведскій король будетъ говорить съ вами о французской революціи, вы повторите ему мои слова и скажете, что это дѣло всѣхъ государей послѣ водворенія міра достойно вниманія, что зная умъ и рыцарскій духъ короля шведскаго и его заботливый характеръ, я полагаю, что можно было-бы представить ему возстановленіе французской монархіи, какъ дѣло въ высшей степени славное и достойное его политическихъ и военныхъ соображеній, что я далеко не буду противиться успѣху этого предпріятія, но что, напротивъ того, была-бы не прочь способствовать ему.

---

reussite de Votre Negociation, j'ai signé hier la Ratification du Traité defensif. Adieu porté Vous bien. Catherine.

Ce 11 de Nov: 1791.

XLVIII. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stakelberg. Le Roy de Suede m'ayant fait consulter si j'admettrai le nouveau Pavillon François dans mes ports et si je ne jugeoit pas a propos de m'oposer à son admission? Je Lui ait fait repondre que puisque le Roy de France avoit sanctionné lui meme le decret du changement du Pavillon de la Nation, et que toute Nation pouvant faire telle changement ches Elle qu'il lui plaisoit surtout en fait de couleur, je pensoit qu'il n'étoit pas convenable de s'en meler, mais qu'assurement d'ailleurs la cause du Roy de France étoit la cause de tout les Roys et souverains de la Terre, ceci fut dit tres confidentiellement au General Steding, parce que il étoit visible que le Roy de Suede souhaitoit de savoir ce que je pensois sur la revolution Française. Or si Vous en trouvée l'occasion qui assurement ne manquera pas et que le Roy de Suede Vous parlera de la Revolution Française, Vous Lui repeterai mes Paroles et Lui dirai que cette cause de tous les Rois est un objet qui merite assurement après la Paix retablie a etre prise en consideration, et connoissant l'esprit et la tournure chevaleresque du Roy de Suede et Son inclination inquiete je pense qu'on pourroit lui faire envisager le retablissement de la Monarchie Française comme un objet infiniment glorieux et digne de ses talens, Politiques et militaires, et a la reussite de laquelle entreprise assurement je serai bien loin de m'oposer, et qu'au contraire je pourrais etre tres disposée d'y contribuer.

Сообщ. гр. О. О. Стакельбергъ и гр. Э. К. Чаповій.

УКАЗЫ и РАСПОРЯЖЕНІЯ,

состоявшіеся въ царствованіе Павла I *).

1796 г.

I. Привазаніе генераль-прокурора князя Куракина исправляющему должность санктпетербургскаго губернскаго прокурора **).

По полученному изъ правительствующаго сената указу, съ объявленіемъ въ немъ именнаго его императорскаго величества повелѣнія, о пожалованіи статскому совѣтнику барону Николаю въ вѣчное и потомственное владѣніе 1500 душъ, въ Нарвскомъ уѣздѣ состоящихъ, исполненіе не чинить.

1797 г.

II. Именной указъ, данный сенату ***).

Предписать тому мѣсту, въ которомъ производится дѣло артиллеріи подполковника Николая Богданова, чтобъ онъ въ тому дѣлу потребованъ былъ не прежде, какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и когда явится,

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. томъ второй, стр. 515—522: «Указы и распоряженія императора Павла I-го», сообщенные А. Г. Пупаревымъ изъ царевкокшайскаго архива.—Въ настоящей сборникъ, имъ же весьма обязательно доставленный, вошли указы и распоряженія того же царствованія, найденныя А. Г. Пупаревымъ въ разныхъ архивахъ. Само собою разумѣется, что мы печатаемъ только тѣ изъ указовъ и распоряженій, которые не вошли въ Полное Собраніе Законовъ, либо помѣщены въ немъ съ нѣкоторыми различіями.

Ред.

**) Изъ указа с.-петербургскаго губернскаго правленія подчиненнымъ мѣстамъ, даннаго 31 декабря 1796 года. Неизвѣстно, было ли потомъ дано барону Николаю, въ замѣнъ пожалованнаго въ Нарвскомъ уѣздѣ, имѣніе въ другомъ мѣстѣ; но можемъ по документамъ удостовѣрить, что въ С.-Петербургской губерніи ему не назначалось.

А. П.

***) Изъ циркулярнаго указа с.-петербургскаго губернскаго правленія 22 мая 1797 года.

А. П.

то о приведеніи къ скорѣйшему окончанію, дабы онъ могъ отправиться еъ своей командѣ.

III. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ въ письмѣ къ присутствующему въ Царскосельской дворцовой конторѣ Извѣднику, отъ 30 апрѣля 1797 года, № 4,313.

По случаю требованія в. пр. отъ графа Николая Петровича Румянцева разрѣшенія касательно управленія Царскосельскою волостью и его—ко мнѣ о семъ обстоятельствѣ, долгомъ поставляю увѣдомить васъ, что государь императоръ высочайше повелѣлъ: между крестьянами, къ дворцамъ приписанными, частные разборы производить конторамъ, къ управленію ихъ учрежденнымъ.

IV. Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ въ письмахъ къ губернаторамъ *).

Въ отвращеніе зла, происходящаго отъ монополистовъ, перекупающихъ сѣно внутри и внѣ столичныхъ (и) другихъ городовъ, его императорское величество высочайше соизволяетъ: дабы начальники обратили все свое вниманіе ко обузданію такого рода людей настрожайшими запрещеніями покупать имъ сѣно на самомъ корнѣ, внушая поселянамъ, дабы они избытки свои, по всегдашнему ихъ обыкновенію, сами въ городъ возили, или же продавали на мѣстахъ казеннымъ чиновникамъ, равно и частно людямъ на казенную и собственную необходимость, а не на продажу покупающимъ.

V. Именной указъ, данный сенату 28 іюля 1797 года.

Дѣйствительнаго статскаго совѣтника и Тобольскаго губернатора Толстова, по прошенію его, повелѣваемъ отъ службы уволить; и хотя за долговременное служеніе и могъ онъ получать пенсіонъ, но за поущеніе усилиться между имъ и тамошнимъ комендантомъ, генералъ-майоромъ княземъ Мещерскимъ враждѣ, и самой службѣ вредъ нанести могущей, онаго ему не производить.

VI. Именной указъ, данный сенату 11 августа 1797 года.

Извѣстившись съ крайнимъ прискорбіемъ о кончинѣ начальницы общества благородныхъ дѣвицъ Делафонъ, которой заслуги тѣмъ болѣе для насъ памятны, что она была первою участницею при основаніи сего полезнаго заведенія и въ уваженіе представленія ея императорскаго величества нашей любезнѣйшей супруги, яко главноначальствующей надъ тѣмъ обществомъ, всемилоостивѣйше повелѣваемъ

*) Изъ циркулярнаго указа с.-петербургскаго губернскаго правленія 28 іюня 1797 года. А. П.

быть въ ономъ начальницею Пальменбахъ, присвоивъ ей по сему мѣсту титулъ „превосходительства“.

VII. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ сенату *).

Прилагая, „по высочайшему повелѣнію, къ нему обращенное прошеніе жены находящагося въ Землянскомъ уѣздномъ судѣ канцеляристомъ Явовлева, объ оставленіи его при нынѣшней должности, не отсылая въ военную службу“, генераль-прокуроръ писалъ сенату: „что его императорскому величеству благоугодно, дабы какъ сей проситель, такъ и всѣ прочіе ему подобныя священническія и церковно-служительскія дѣти, которыя до изданія указа о обращеніи въ военную службу, а паче до послѣдней ревизіи вступили въ статскую и во оной дѣйствительно находятся, оставлены были при нынѣшнихъ ихъ мѣстахъ“ (**).

VIII. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ с.-петербургскому гражданскому губернатору ***).

Его императорское величество высочайше указать соизволилъ, дабы съ селеній вѣдомства Гатчинскаго и Павловскаго настоящей наборъ произведенъ былъ единственно начальствомъ сихъ мѣстъ, безъ участія со стороны чиновъ губернскихъ и собственно губернатора, и чтобъ собранные рекруты съ селеній сихъ были представляемы въ гвардію.

IX. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ въ письмѣ с.-петербургскому губернскому прокурору отъ 12 ноября 1797 года, № 13,126.

Его императорское величество, получивъ отъ губернскаго секретаря Секерина прошеніе съ жалобою, что онъ, бывъ опредѣленъ сенатомъ въ Великолуцкой нижней земскій судъ, командированъ противъ желанія его, Псковскимъ губернскимъ правленіемъ къ производству нѣкоторыхъ тяжбныхъ дѣлъ, въ тамошній городской маги-

*) Когда дано предложеніе генераль-прокурора и вслѣдствіе его указъ сената—не упомянуто въ циркулярномъ указѣ с.-петербургскаго губернскаго правленія отъ 12 октября 1797 года. А. П.

**) Считаемо нужнымъ пояснить, что именнымъ указомъ, даннымъ сенату 22 декабря 1796 года (Полн. Соб. № 17,675), велѣно было дѣтьми духовенства наполнить мѣста штатныя священническія и церковно-служительскія, также учительскія въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ; «всѣхъ прочихъ, остающихся за тѣмъ излишними, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались». Ред.

***) Изъ циркулярнаго указа с.-петербургской казенной палаты 23 октября 1797 года. А. П.

страть, высочайше повелѣть изволялъ: то прошеніе, яко не дѣльное, съ надраніемъ возвратитъ Секерину, а самаго его за прихотливое желаніе посадить на хлѣбъ и воду на недѣлю, о исполненіи чего сдѣлаво уже отъ меня куда слѣдуетъ отношеніе; а дабы и по судебнымъ мѣстамъ Санктпетербургской губерніи, въ случаѣ прихотей отъ секретарей и канцелярскихъ служителей подобнымъ образомъ поступаемо было, я долгомъ моимъ поставляю рекомендовать вамъ о наблюденіи за онымъ *).

Х. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ въ письмѣ къ с.-петербургскому гражданскому губернатору **).

Государь императоръ высочайше повелѣть соизволил: наступающее возобновленіе дворянскихъ выборовъ произвести въ Таврическомъ замкѣ, сократя при томъ прежніе обряды.

1798 г.

ХІ. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ губернаторамъ ***).

Дабы въ губерніяхъ чиновники, силою повелѣнія, въ 7 день декабря 1796 года даннаго и чрезъ правительствующій сенатъ объявленнаго, отставные безъ мундира, не дерзали нигдѣ и никогда носить онаго; и какъ скоро гдѣ-либо противно сему высочайшему повелѣнію поступлено будетъ, правительство имѣеть, снявъ мундиръ съ виновнаго, арестовать его и доносить о немъ непосредственно его императорскому величеству.

ХІІ. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ губернаторамъ ****).

Его императорскому величеству благоугодно, дабы всѣ началь-

*) Указъ этотъ приводимъ съ печатнаго экземпляра. Помѣщенный въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. II, на стр. 519-й, подобный-же со списка указъ, по сличеніи его съ найденнымъ нами имѣя печатнымъ экземпляромъ того времени нѣсколько разнится: а именно дѣло идетъ о стряпчемъ Могилевскаго верхняго земскаго суда, Стахорскомъ, а не о Анахорскомъ, который и назначень въ Рогозевскій уѣздъ комиссаромъ. А. П.

**) Въ циркулярномъ указѣ с.-петербургскаго губернскаго правленія, разосланномъ 25 декабря 1797 года, не упоминается, когда послѣдовало это повелѣніе. А. П.

***) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, разосланномъ 20 февраля 1798 года, не упоминается время, когда состоялось это повелѣніе. А. П.

****) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, разосланномъ 28 февраля 1798 года, не упоминается, когда состоялось это повелѣніе. А. П.

ствующіе губерніями приняли въ особенное свое попеченіе доставлять установленный правительствомъ Воспитательному дому доходъ съ находящихся въ порученныхъ управленію ихъ губерніяхъ публичныхъ увеселеній и позорищъ, разумѣя подѣ сими какъ навсегда существующіе, такъ и временно-общественные и въ частныхъ домахъ отправляемые театры, съ которыхъ поелику ни каковаго въ нихъ сбора быть не можетъ, то назначить взносъ нѣкоторой суммы съ каждаго представленія.

Вслѣдствіе этого генераль-прокуроръ предлагаетъ: „собрать чрезъ кого слѣдуетъ въ непродолжительномъ времени вѣрныя свѣдѣнія: гдѣ именно и какія общественныя или домовыя публичныя увеселенія въ губерніи состоятъ и какой содержащіе театры или другія публичныя увеселенія дать могутъ съ каждаго представленія доходъ, также и поскольку они собираютъ за представленіе, и о всемъ томъ дать ему знать, для соображенія сходственно высокомонаршей воли (о) назначеніи извѣстнаго количества въ пользу Воспитательнаго дома суммъ“.

XIII. Ордеръ казанскаго гражданскаго губернатора царевкокшайскому городничему, 25 апрѣля 1798 года.

По дошедшему ко мнѣ прошенію отъ царевкокшайскаго градскаго главы Пчелина, о позволеніи ему съ гражданами явиться у его императорскаго величества съ хлѣбомъ и солью во время когда государь императоръ прибыть соизволитъ въ Казань, вашему высокоблагородію предписываю объявить означенному градскому главѣ, что я имѣя предписаніе о запрещеніи всѣмъ чиновникамъ, городскимъ и сельскимъ жителямъ чинить его императорскому величеству встрѣчи и приготовленія, на то похожія, не могу надѣ (?) сіе запрещеніе дать просимаго имъ позволенія.

XIV. Именной указъ, данный сенату 19 мая 1798 года.

Въ проѣздъ нашъ чрезъ Владимірскую губернію, съ удовольствіемъ видѣли мы, какъ въ самомъ губернскомъ городѣ Владимірѣ, такъ и во всѣхъ прочихъ селеніяхъ, по тракту нашему лежащихъ, порядокъ и благоустройство повсюду господствующіе. Относя оное къ попеченію и трудамъ начальствующаго въ сей губерніи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Рунича *), о нашемъ къ нему благоволенія

*) П. С. Руничъ—авторъ замѣчательныхъ записокъ о Пугачевскомъ бунтѣ, помѣщенныхъ во II-мъ томѣ „Русской Старины“ изд. 1870 г. Руничъ назначенъ Владимірскимъ губернаторомъ въ январѣ 1797 года, съ производствомъ изъ бригадировъ въ дѣйств. ст. совѣтники.

извѣщаемъ сенатъ нашъ, повелѣвая дать знать о томъ всѣмъ губерніями управляющимъ.

XV. Секретный ордеръ казанскаго гражданскаго губернатора царевожюнайскаго городничему отъ 21 іюля 1798 года № 1954, послѣдовавшій по именному повелѣнію, вслѣдствіе предписанія генераль-прокурора.

Предписываю вашему высокоблагородію сильнѣйше наблюдать дабы отнюдь не было никакихъ сочиненій, кои могли бы или нарушать общее благосостояніе, или же наносить и самый тому вредъ, стараясь, ежели бы гдѣ оказались оныя, тотчасъ изслѣдуя чрезъ кого оныя произошли, виновныхъ взять подъ караулъ и доносить мнѣ съ нарочными, а сочиненія таковыя и самыя отъ нихъ послѣдствія истреблять и недопускать распространиться имъ ни до какой степени, а на сей конецъ имѣете вы обращать вниманіе свое и на всѣхъ иностранцевъ, вѣѣжающихъ въ имперію, дабы о состояніи своемъ имѣли они законныя удостовѣренія и не покушались бы разсвѣтать какихъ-либо разглашеній или сочиненій своихъ.

XVI. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ гражданскимъ губернаторамъ *).

Чтобы въ отклоненіе затруднительныхъ средствъ при возвращеніи въ Россію для торгующихъ иностранцевъ, высочайшимъ его императорскаго величества, въ 28 день іюня даннымъ, указомъ предположенныхъ, намѣреваюціеся по коммерческимъ дѣламъ отѣхать въ чужіе края и желая возвратиться сюда назадъ, прежде, нежели поступятъ на просьбы о снабженіи ихъ пропускомъ изъ Россіи **) представляли о намѣреніи своемъ къ начальнику губерніи, дабы сей относился къ генераль-прокурору, для предварительнаго о таковыхъ донесенія его величеству.

XVII. Именные повелѣнія, переданныя генераль-прокуроромъ Лопухинскимъ казанскому военному губернатору, въ вопіяхъ съ предписаній на имя санктпетербургскаго оберъ-полиціе-майстера Лисаневича, присланныя къ царевожюнайскаго городничему 20 ноября № 18,884.

Августа 20. Во исполненіе высочайшей его императорскаго величества воли, предписываю въ здѣшнемъ городѣ до кого принадлежать будетъ объявить, дабы будущаго сентября съ 1-го никто дрожками въ городѣ не ѣздили, а также не ѣздилибъ и цугами въ хомутахъ.

*) Когда состоялось высочайшее повелѣніе и отъ котораго числа послѣдовало предложеніе генераль-прокурора—въ циркулярномъ указѣ губернскаго правленія, разосланномъ 21 августа 1798 года, не упоминается. А. П.

**) Вѣроятно пропущено: разрѣшенія, или другое однозначущее слово.

Октября 1. Его императорское величество, усмотря, что многіе въ здѣшнемъ городѣ разнаго званія люди, къ войскамъ не принадлежащіе, ходятъ въ шинеляхъ съ разноцвѣтными воротниками, — ваше превосходительство прикажите немедленно объявить о томъ здѣсь живущимъ съ подписками, и наблюдать дабы никто неслужащій въ войскѣ шинелей съ разноцвѣтными и отложистыми воротниками не носили, а имѣли бы таковыя съ умѣренными стоящими воротниками.

Октября 2. Его императорское величество высочайше дозволяетъ употреблять здѣсь въ городѣ для ѣзды желающимъ дрожки. Вслѣдствіе чего вашему превосходительству предлагаю: таковое государя императора соизволеніе обвѣстивъ въ городѣ обывателямъ и извозчикамъ, имѣя же въ виду мое предписаніе отъ 28 числа сентября о постановленіи таксы извозчикамъ, стараться о соглашеніи, дабы они имѣли на площадяхъ воляски и кареты, для желающихъ нанять оныя.

XVIII. Именной указъ, объявленныи генераль-прокуроромъ *).

Высочайше конфирмованнымъ въ 25 день минувшаго октября о Вспомогательномъ банкѣ докладомъ постановлено: дабы впредь оному банку какъ заводовъ, такъ и прочихъ имѣній по доходамъ, выключая губерніи Курляндскую, Лифляндскую и Естляндскую, въ залогъ свой не принимать, и какъ сія статья въ высочайше изданномъ въ тотъ же день манифестѣ не включена, то Государственный для дворянства банкъ отнесся къ нему, г. генераль-прокурору, дабы по всѣмъ губерніямъ таковая высочайшая воля приведена была въ исполненіе и потому требовалъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, до кого сіе относится, предписанія, чтобы впредь никому на таковыя имѣнія и подъ заводы и фабрики свидѣтельствъ не выдавать.

1799 г.

XIX. Распоряженіе государя наследника, объявленное казанскому гражданскому губернатору Казанскому **) генераль-прокуроромъ въ предложеніи отъ 13 марта 1799 года.

По случаю требованія отъ генераль-майора барона Тизенгаузена

*) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, 31 декабря 1798 г. время посланки предложенія генераль-прокурора не обозначено.

А. П.

**) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Степановичъ Казинскій назначенъ казанскимъ губернаторомъ 14 декабря 1797 года изъ новороссійскихъ вице-губернаторовъ; прибылъ въ Казань 10 февраля 1798 года, уволенъ отъ службы 4 апрѣля 1799 года.

А. П.

доставленія для гарнизоннаго имени его полка, расположеннаго нынѣ на непремѣнныхъ квартирахъ, соломы, государственной военной коллегіи вице-президентъ Ланбъ входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ государю наслѣднику, на что его императорское высочество указать изволилъ: чтобы снабждать полки соломой для постели солдатамъ только во время ихъ похода, и то когда случатся трудно больные, дабы доставить имъ нѣкоторое спокойствіе, пока могутъ отданы быть въ полевые или гарнизонные госпитали, какіе по дорогѣ случатся.

XX. Рескриптъ изъ гор. Павловска, отъ 18 мая 1799 года *), на имя казанскаго гражданскаго губернатора Муханова **).

Г. дѣйствительный статскій совѣтникъ и казанскій гражданскій губернаторъ Мухановъ.

Въ сей день любезная наша невѣстка ея императорское высочество великая княгиня Елисавета Алексѣевна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ намъ внуки великой княжны, нареченной Марією. О такомъ благоприятномъ для насъ и дому нашему промыслѣ Всевышняго извѣщая васъ, повелѣваемъ объявить сіе всѣмъ нашимъ вѣрноподаннымъ, въ губерніи вамъ ввѣренной обитающимъ.

XXI. Именной указъ, объявленный с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ фонъ-деръ-Паленомъ въ сношеніи***) въ казанскому военному губернатору де-Лассію.

Дабы никто изъ мушницъ въ мундрахъ и нѣмецкомъ платьѣ не имѣли тупеевъ, на лобъ отпущенныхъ.

XXII. Синодскій указъ отъ 20 мая 1799 года архіепископу казанскому и свѣяжскому.

По полученіи указа о благополучномъ выздоровленіи отъ оспы ихъ императорскихъ высочествъ благовѣрнаго государя и великаго князя Николая Павловича и благовѣрной государыни и великой княжны

*) Въ Полномъ Собраніи Законовъ находится, подъ № 18,920, манифестъ по этому же предмету, но другой редакціи. А. П.

**) Александръ Ильичъ Мухановъ назначенъ казанскимъ гражданскимъ губернаторомъ изъ новороссійскихъ вице-губернаторовъ 5 апрѣля 1799 года, съ производствомъ изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въмѣстѣ съ военнымъ губернаторомъ генералъ-майоромъ Павломъ Петровичемъ Пуцинымъ 1-мъ отрѣшенъ отъ должности 17 октября 1801 г. А. П.

***) Когда состоялось это повелѣніе и отъ котораго числа послѣдовало сношеніе генералъ-прокурора, въ указѣ губернскаго правленія, отъ 7 мая 1799 года ва № 6,623, къ царевкокшайскому городничему не упомянуто.

Анны Павловны, отправить Господу Богу благодарственное молебствіе, съ цѣлодневнымъ звономъ въ городскихъ церквахъ.

XXIII. Сенатскій указъ отъ 16 іюня 1799 года, вслѣдствіе высочайше утвержденного, 8 іюня 1799 года, доклада сената:

По именному его императорскаго величества высочайшему указу, состоявшемуся на поднесенномъ отъ сената докладѣ, которымъ сенатъ, по рассмотрѣніи дѣла объ отданныхъ калужскою казенною палатою собою майору Невекину бывшихъ въ казенномъ вѣдомствѣ подъ названіемъ выморочныхъ крестьянъ княгини Дуловой въ селѣ Терюкинѣ 19 душахъ, и о выключкѣ усилившейся на нихъ оброчной недоимки изъ окладныхъ книгъ, найдя, по открывшимся въ ономъ обстоятельствахъ, тѣхъ крестьянъ не выморочными, но принадлежащими по послѣднему праву владѣльцу, не могъ однако самъ собою къ выключкѣ ихъ изъ казеннаго вѣдомства приступить, но всеподданнѣйше представилъ оное высокомонаршей волѣ, а до воспослѣдованія на сей высочайшаго указа предписалъ палатѣ оныхъ крестьянъ, яко исключенныхъ ею несоответственно съ силою именнаго высочайшаго 1781 года марта 24 дня указа, имѣть въ вѣдомствѣ казенномъ, а сверхъ того полагать поступокъ палаты, что она отнюдь не властна была исключать сама собою бывшего въ казенномъ вѣдомствѣ имѣнія, опубликовать во всѣ мѣста; на которомъ докладѣ, въ 6 день сего іюня, послѣдовала высочайшая конфирмація такова: быть по сему. Правительствующій сенатъ приказали: во исполненіе сей высочайшей его императорскаго величества конфирмаціи о изясненномъ казенной палаты поступкѣ опубликовать во всѣ мѣста указами, святѣйшему же правительствующему синоду и московскимъ сената департаментамъ сообщить вѣдѣніями.

XXIV. Высочайше утвержденный докладъ вице-президента государственной адмиралтействъ-коллегіи графа Куселева *).

Его императорское величество, на подносимый отъ г. вице-президента графа Куселева докладъ, высочайше повелѣть соизволить, чтобъ какъ по Вятской, такъ и по прочимъ губерніямъ, гдѣ, по малоимѣнію помѣщичьихъ лѣсныхъ дачъ, продажа дровъ по городамъ, чрезъ непривозъ крестьянами, остановилась, не могли бѣднаго состоянія инвалиды, отставные солдаты, ремесленники и другаго рода люди въ продовольствіи дровами на отопку понести крайняго изну-

*) Прописанъ въ указѣ губернскаго правленія къ царевкоопшайскому городничему отъ 5 сентября 1799 г. № 13,691, безъ указанія времени, когда утвержденъ докладъ и отъ какого числа послѣдовало объ этомъ къ гражданскому губернатору сообщеніе лѣснаго департамента адмиралтействъ-коллегіи. А. П.

ренія, сдѣлать по лѣсному департаменту положеніе сколько бы для нихъ понадобилось въ годичное время дровъ, и истребовать нужныя къ оному свѣдѣнія отъ гражданскихъ губернаторовъ, и постановя оное на мѣрѣ представить на высочайшее утвержденіе; при томъ же заготовленіе дровамъ сямъ чинить не иначе какъ изъ одного томо валежника, имѣющаго въ казенныхъ лѣсахъ; а дабы при семъ не могло вкратиться какого либо злоупотребленія и чтобъ таковою монаршею милостію могли воспользоваться единственно только тѣ, кои совершенно неимущими окажутся по усмотрѣнію гражданскихъ начальствъ, для заготовленія по извѣстному количеству, дѣлать въ губернскихъ городахъ приказамъ, а по уѣзднымъ земскому суду, отъ конхъ и продажу чинить по тѣмъ цѣнамъ, по коимъ вывозкою обойдутся.

1800 г.

XXV. Именной указъ, объявленный казакскому гражданскому губернатору генераль-прокуроромъ *):

Чтобы начальники губерній доставляли къ его величеству двунедѣльные, отъ 1 и 15 чиселъ каждаго мѣсяца, рапорты о разныхъ случившихся въ губерніи происшествіяхъ, по приложенной при томъ формѣ, а о случаяхъ уваженія достойныхъ и смертоубивствахъ доносили особенно безъ всякаго отлагательства.

Форма. Пожары. Такого-то числа, въ такомъ (уѣздѣ) или городѣ, отъ такой причины сдѣлался пожаръ, сгорѣло то и то и т. д. по порядку одно мѣсто за другимъ.

Скотскіе падежи. Такого-то числа, въ такомъ уѣздѣ или городѣ, въ такой деревнѣ оказался между такимъ скотомъ падежъ, изъ здороваго такого числа пало столько и т. д.

Умершіе нечаянно. Число и мѣсто какъ и выше: найденъ мертвой такой человѣкъ, умеръ отъ удара, или отъ такой и такой причины и т. д.

О разныхъ случаяхъ, причинахъ и слѣдствіяхъ, какъ-то:

XXVI. Именной указъ, объявленный казакскому гражданскому губернатору генераль-прокуроромъ въ предписаніи, полученномъ 7 февраля 1800 г.

Его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: сдѣлать повсемѣстное подтвержденіе о неупустительномъ наблюденіи

*) Прописанъ въ ордерѣ губернатора Муханова отъ 6 февраля 1800 г. № 343 царевкокшайскому городничему—времени сообщенія не обозначено.

и взысканіи, дабы отставные безъ мундира отъ службы оныхъ нигдѣ носить не дерзали.

XXVII. Высочайше утвержденное опредѣленіе государственной военной коллегіи *).

Государственная военная коллегія, по представленной при рапортѣ отъ г. генерала отъ инфантеріи, его императорскаго величества генерала-аудитора, оной коллегіи члена князя Шаховскаго, ради надлежащаго исполненія, копіи съ высочайше конфирмованной выписки, поднесенное отъ него о преступленіи сужденнаго заочно въ генераль-аудиторіатѣ солдата Софронова, въ которой значится: по всевысочайшему его императорскаго величества повелѣнію, его императорскимъ высочествомъ государемъ цесаревичемъ наследникомъ и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ генераль-аудитору словесно объявленному, сужденъ въ генераль-аудиторіатѣ по заочности солдатъ Никифоръ Софроновъ въ должномъ на управляющаго провіантскимъ департаментомъ генераль-лейтенанта Обольянина доносѣ, якобъ изъ санктпетербургскихъ магазиновъ провѣянтъ и крупа, для войскъ отпускаемая, во употребленію въ пищу негодны, во исполненіе высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія, особо назначенными чиновниками чинимо было въ магазинахъ свидѣтельство, по коему какъ мука такъ и крупа оказались въ слѣдуемой добротѣ и ваща, равномерно и печеной хлѣбъ отъ с.-петербургскаго военного губернатора генерала отъ кавалеріи графа фон-дер-Палена всеподданнѣйше подносимъ бытъ на усмотрѣніе и признанъ непорочнымъ и ко употребленію годнымъ, а доносъ оказался ложнымъ, назвавшагося же солдатомъ Никифора Софронова, какъ упомянутый военный губернаторъ графъ фон-дер-Паленъ генераль-аудитора увѣдомилъ, тамъ въ гарнизонѣ не оказалось, а ложной доносъ, по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, на публичномъ мѣстѣ палачомъ сожженъ, генераль-аудиторъ полагалъ: хотя оный, назвавшійся солдатомъ Софроновъ, за ложный и единою клеветою наполненный доносъ, по содержанію военного сухопутнаго устава 149 арт. и подлежалъ къ наказанію кнутомъ и къ отсылкѣ, съ постановленіемъ знаковъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей, въ ваторжную работу, по поелику онъ не сысканъ, то объявить его за безчестнаго и о томъ повсемѣстно публиковать, впрочемъ всеподданнѣйше передавалъ во всевысочайшее его императорскаго величества благосоиз-

*) Прописано въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія 21 февраля 1800 г., безъ обозначенія времени, когда утверждено опредѣленіе и послано сообщеніе коллегіи.

воленіе. На той выпискѣ собственною его императорскаго величества рукою написано тако: „согласенъ“.

XXVIII. Именной объявленный казанскому гражданскому губернатору въ предложеніи генераль-прокурора *).

Г. генераль-прокуроръ, генераль-провіантмейстеръ Петръ Хри-санфовичъ Обольяниновъ въ присланномъ мнѣ предложеніи, вслѣд-ствие высочайшаго повелѣнія предписываетъ о строгомъ и неупустительномъ наблюденіи дабы штатскіе чины, и приказные служители, и всѣ отставные отнюдь не носили жакетовъ, куртокъ, пантафоновъ, толстыхъ галстуковъ и никакихъ фрактовъ, и другихъ платьевъ кромѣ мундировъ по высочайше апробованнымъ образцамъ, гдѣ кто служить, а буде по мѣсту оныхъ не положено, то тѣхъ губерній мундиры, гдѣ пребываніе, или жителство и вотчины имѣють, а кафтаны нѣмецкіе не запрещаются. Сіе высочайше повелѣніе поставляя въ виду вашему господинъ городничій, рекомендую имѣть неупустительное вниманіе въ исполненіи онаго.

XXIX. Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору въ предложеніи генераль-прокурора **).

Государь императоръ, усматривая съ негодованіемъ, по разнымъ доходящимъ случаямъ, крайній развратъ, безбоязненно, противъ всякаго благонравія и доброй вѣры производимой ростовщиками, подъ разными видами дающими займы деньгами и галантерейными вещами, картинами и другими товарами за непоимѣрныя цѣны, со взятымъ векселей, которые и безденежно впередъ берутъ, для смысу на нихъ въ займы денегъ, въ число коихъ давъ малѣйшую часть, въ полной суммѣ векселя у себя оставляютъ, каковыми коварствами приводятся слабоумные, а иногда и обстоятельствами стѣсненные люди въ запутанность и конечное разореніе, а правительства и мѣста во многія затрудненія,—высочайше указать соизволялъ, чтобъ таковые вредные ростовщики, сущіе чужаго хищники, строжайше преслѣдуемы и укро-щаемы были и, по представленнымъ таковымъ ихъ искамъ и заведеннымъ дѣламъ, не только законнымъ пособіемъ и покровительствомъ не пользовались, но напротивъ подвергались неослабно сужденію и наказанію по законамъ.

*) Ордеръ губернатора Муханова отъ 19 марта 1800 г. № 846 царевко-вокшайскому городничему, послѣдовавшій по этому случаю, приведенъ вполнѣ.
А. П.

**) Прописанъ въ указѣ губернскаго правленія отъ 5 мая 1800 г. № 7,037 царевковокшайскому городничему, безъ указанія времени послыки предложенія.
А. П.

XXX. Именной указъ, объявленный казанскому губернатору генераль-прокуроромъ въ предписаніи отъ 13 іюля 1800 года.

Государь императоръ высочайше повелѣтъ соизвоилъ: чтобы всѣ гражданскіе губернаторы, при донесеніяхъ ихъ о пожарахъ и несчастныхъ приключеніяхъ, доносили вмѣстѣ и о мѣрахъ, принятыхъ ими къ поправленію, какъ-то: о снабженіи крестьянъ погорѣвшихъ лѣсомъ, или введеніемъ землянаго битаго строенія; къ чему отъ правительства во многихъ губерніяхъ отпращиваніемъ мастеровъ и даны уже способы. Въ случаѣ же града и другихъ сего рода происшествій о доставленіи крестьянамъ вспоможенія на пропитаніе и застѣвъ изъ хлѣбныхъ магазейновъ, наблюдая, чтобы во всѣхъ сихъ случаяхъ не только нужныя распоряженія были сдѣланы, но чтобы они были приведены къ точному исполненію, подъ отвѣтомъ тѣхъ, кои имъ сіе въ каждомъ уѣздѣ поручено будетъ.

XXXI. Именной указъ, данный сенату 4 декабря 1800 года.

Взятое въ казпу имѣніе генерала отъ инфантеріи князя Зубова и генерала отъ кавалеріи графа Зубова всемилостивѣйше повелѣваемъ возвратить, по прежнему, въ ихъ владѣніе *).

XXXII. Именной указъ, объявленный генераль-прокуроромъ **).

Его императорское величество высочайше указать соизвоилъ: отнестись ко всѣмъ военнымъ, а гдѣ есть и гражданскимъ губернаторамъ, чтобы мѣщанскія и цѣховыя собранія, прежде называемыя клубами, уничтожить во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существуютъ, и впредь нигдѣ таковыхъ не заводить.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

*) Объ исполненіи сего разосланы были изъ сената указы во всѣ губернскія правленія 6-го декабря 1800 года. А. П.

**) Въ циркулярномъ указѣ казанскаго губернскаго правленія, разосланномъ 29-го декабря 1800 года, не сказано когда послѣдовало повелѣніе и дано предложеніе. А. П.

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

УКАЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

I.

О подаркѣ камеръ-юнкеру Возжинскому.

1743.

„Господинъ генералъ-лейтенантъ и казанской губернаторъ. Понеже посланному отъ насъ камеръ-юнкеру Возжинскому, для дальняго разстоянія правинцій Казанской губерніи, ѣздить вовсе невозможно, ибо мы велѣли ему, немного мѣшкая въ Казани, возвратиться къ намъ; того для, до кого касается за такую радостную вѣдомость его дарить, тѣмъ, а особливо купечеству, какъ въ Казани, такъ и во всѣхъ городахъ Казанской губерніи, вы объявите имъете, чтобъ собрали въ одно мѣсто чѣмъ его подарить и оное ему въ Казани отдать, и дабы то съ нашею честію и его чиномъ сходно было. Елисаветъ.

Въ 1-й день сентабря 1743 года, въ С.-Петербургѣ».

Копія съ этого рескрипта была прислана отъ свѣзскаго провинціального воеводы въ царевкокшайскому воеводѣ, при слѣдующемъ письмѣ, отъ 20-го октября 1743 года:

„Благородный господинъ и царевкокшайской воевода. Понеже сего октября 19-го дня, въ ордерѣ отъ его высокопревосходительства господина генерала-лейтенанта кавалера и Казанской губерніи губернатора Артемья Григорьевича Загряжскаго во мнѣ написано, чтобъ, по силѣ ея императорскаго величества всемилоствѣйшаго указа, съ котораго, при особливомъ указѣ, сообщена копія о подаркѣ присланному въ Казань съ имяннымъ ея императорскаго величества указомъ, для объявленія о вѣчномъ мирѣ съ шведскою короною, ея императорскаго величества камеръ-юнкеру господину Возжинскому, и для того подарка собрать со всей правинціи по приложенному реестру

неотмѣнно; буде-же съ кого надлежитъ по разсужденію и сверхъ онаго собрать, то и лучше; и чтобъ оное къ прибытію его господина камеръ-юнкера собрано было неотложно. Того ради, по полученіи сего, соблаговолите, по приложенному при семь, показанное число денегъ, такожь и сверхъ того, съ кого надлежитъ, по разсужденію вашему, взявъ, соблаговолите прислать въ свіяжскую провинціальную канцелярію въ неукоснительномъ времени съ нарочно-посланнымъ свіяжскимъ солдатомъ Иваномъ Потемкинымъ, дабы онаы могли здѣсь получены быть до приѣзду того господина камеръ-юнкера Возжинскаго, а по принятіи намъ отъ васъ тѣхъ денегъ въ губернскую канцелярію нарочно рапортовать, зачѣмъ присланъ изъ губернской канцеляріи нарочной розсыльщикъ Илья Голубковъ, для взятія тѣхъ рапортовъ, которой и нынѣ ожидаетъ тѣхъ присланныхъ отъ васъ денегъ въ Свіяжску. Вашего благородія слуга Семень Мяснишевъ“.

Примѣчаніе. Гельбихъ, въ «Russische Günstlinge, Tübingen, 1809», упоминаетъ, что Возжинскій былъ сначала придворный вонюхъ и прозваніе получилъ отъ возжей, которыми обыкновенно правилъ при царской каретѣ. При Елисаветѣ онъ произведенъ былъ въ камергеры, жалованъ и получилъ значительныя помѣстья.

Если принять въ соображеніе тогдашнее пространство Казанской губерніи, съ ея провинціями, и что незначительный городокъ Царевкокшайскъ долженъ былъ собрать въ подарокъ по крайней мѣрѣ сто тогдашнихъ рублей,—то получится весьма почтенная цифра рублей для подарка, предназначеннаго Возжинскому.

Сообщ. А. Г. Пупаревъ.

II.

Указъ о высылкѣ ко двору котовъ.

1745 г.

Сего ноября 2-го дня, въ указѣ ея императорскаго величества изъ высочайшаго ея императорскаго величества кабинета въ казанскую губернскую канцелярію, писано: октября 13-го дня ея императорское величество указала: сыскавъ въ Казани здѣшнихъ породъ кладенныхъ самыхъ лучшихъ и большихъ тридцать котовъ, удобныхъ къ ловленію мышей, прислать въ С.-Петербургъ ко двору ея императорскаго величества съ такимъ человѣкомъ, который бы могъ за ними ходить и кормить, и отправить ихъ, давъ подъ нихъ подводы и на нихъ прогоны и на кормъ сколько надлежитъ немедленно. Того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генерала-лейтенанта кавалера и Казанской губерніи губернатора Артемья Григорьевича Загряжскаго съ товарищемъ, велѣно объ ономъ въ Казани въ народъ публиковать, и опубликовано, и выставлены листы. И ежели кто имѣетъ у себя таковыхъ кладенныхъ котовъ, оныхъ бы,

для скорѣйшаго отправленія, объявили въ губернскую канцелярію конечно отъ публикованія въ три дни, опасаясь за необъявленіе, кто оныхъ имѣеть а не объявитъ, штрафа по указамъ; такожъ къ имѣющимъ въ Казанскомъ уѣздѣ вальтмейстерамъ и въ ближніе къ Казанѣ провинціи и въ городъ Уржумъ о публикованіи и о сыску таковыхъ же котовъ въ самомъ скоромъ времени и о присылкѣ въ губернскую канцелярію послать указы.

Примѣчаніе. Выписано изъ указа свѣжской провинціальной канцелярїи въ царевкошвайскую воеводскую канцелярію, отъ 4-го ноября 1745-го года за № 4,050. Подъ Казанскимъ уѣздомъ нужно разумѣть тѣ мѣстности Казанской губерніи, которыя не входили въ составъ провинцій и находились въ непосредственномъ завѣдываніи губернатора. Находящійся нынѣ въ Вятской губерніи уѣздный городъ Уржумъ считался приписнымъ къ Казанскому уѣзду. Вальтмейстеры завѣдывали корабельными лѣсами.

Сообщ. А. Г. Пущаревъ.

„Подщипа“, шуте-трагедія И. А. Крылова.

По поводу изданія этого остроумнаго произведенія нашего баснописца, мы получили изъ Олонецкой губерніи, отъ Александра Петровича Нордштеина письмо съ любопытными и довольно существенными вариантами къ шуткѣ Крылова. Съ удовольствіемъ приводимъ сообщеніе г. Нордштеина:

„Въ III-мъ томѣ „Русской Старины“ 1871 г. стр. 161—200 напечатано шуточное сочиненіе Ивана Андреевича Крылова: „Подщипа“.

„Я имѣю рукописный экземпляръ этого сочиненія, доставшійся мнѣ отъ родного дяди и писанный, можетъ быть, около 1810-го года, или не позже 1815-го, въ которомъ году я, будучи ребенкомъ, слышалъ чтеніе по этому экземпляру. Упомяну объ этомъ въ доказательство, что у меня не поздній списокъ. По преданію, у меня сохранился въ памяти и способъ чтенія рѣчей и выговоровъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ.

„Считаю себя обязаннымъ сообщить разности моего экземпляра съ напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ“:

1) Разностей очень много, но тѣ разности, которыя произошли отъ разности выговора Слюня и Трумфа и другія неизмѣняющія нисколько смысла, — отмѣчать было бы слишкомъ затруднительно и даже бесполезно. Я приведу здѣсь только существенныя разности.

2) Стран. 168. Выѣсто словъ:

Подщипа.

Не сонъ-ли это все? — Не брежу-ль я?

Чернава.

Ахъ, вѣтъ!

Но укрѣпилось, княжна! Се твой женихъ грядетъ!

У меня въ спискѣ:

Чернава.

А, вотъ и Трумфъ идетъ, любовникъ милый твой!

Смотри, какъ онъ трясетъ нѣмецкой головой!

Это явно не описка, а вариантъ сочинителя.

3) Стран. 169. Въ словахъ Подщипы, вмѣсто:

Противны слизни вамъ....

У меня въ спискѣ:

Противны сочни вамъ.....

Я считаю слово слизни чистой ошибкой, потому что не слыхалъ, чтобы въ старину кто-нибудь въ Россіи ѣлъ слизни; тогда какъ Подщипа, любя ватрушки, могла любить и сочни, особеннаго рода печенье, употребляемое еще и нынѣ во многихъ губерніяхъ.

4) Стран. 169. Вмѣсто словъ:

Кахта на цѣпкѣ насъ Амуръ сафлянетъ фѣшна..

У меня въ спискѣ:

Когта на сѣтѣ насъ лупофъ завѣшитъ вѣшна..

5) Стран. 171. Явленіе 4,—слова Слюняя:

Вмѣсто словъ:

Князья! усой, и онъ?...

У меня:

Князья! Усой-и онъ?...

То-есть, ушелъ-ли онъ? Я думаю, что у меня вѣрнѣе.

6) Стран. 171. Вмѣсто словъ:

Узъ тамъ за двейю я езомъ сзай себя

У меня въ спискѣ:

Ну, тамъ за двейю-то, езомъ и сзай себя..

Я полагаю, что у меня вѣрнѣе, потому что у меня вѣрнѣе удареніе въ словѣ езомъ (т.-е. ежомъ).

7) Стран. 171. Вмѣсто словъ Подщипы:

Ужели-бъ симъ мечемъ....

У меня въ спискѣ:

Ужели-бъ самъ мечемъ....

Очевидно самъ вѣрнѣе, чѣмъ симъ, такъ какъ на сценѣ не было (?) никакого меча.

8) Стран. 184. Вмѣсто словъ:

Гдѣ булки толще есть...

У меня въ спискѣ:

Гдѣ губки толще есть....

Я полагаю, что тутъ губки умѣстнѣе, и потому вѣрнѣе.

9) Стран. 185. Вмѣсто словъ:

Я, прафо, подшутилъ...

У меня въ спискѣ:

Я, прафта, безъ шутилъ...

Мнѣ кажется слово подшутилъ тутъ не имѣетъ смысла, и „безъ шутилъ“ вѣрнѣе.

10) Стран. 185 и 186. Напечатанное не выписываю, но у меня такъ:

	Слюнай.
Отецъ!	Трумфъ.
Фай!	Слюнай.
Гьяфянкъ!	Трумфъ.
	Всторъ!
	Слюнай.
Сіательный!	Сокіовисце мое!
	Трумфъ.
Молшаты!	Слюнай.
	Свѣтъѣйшіи!
	Трумфъ.
	Ну!
	Слюнай.
Помнюй!	Мусье,
	Трумфъ.
Нѣтъ, тебѣ тамъ добра передряка....	

Я полагаю, что у меня вѣрно, потому что у меня вѣрны рима мое-мусье; вѣрно число слоговъ въ стихахъ; вѣрно слово всторъ или фсторъ (вздоръ), а не фетеръ; и слово передряка имѣетъ болѣе смысла.

11) Стран. 189. Въ словахъ Слюная:

И гоьву съ меня, какъ кацейску схватить...

Надъ букввой и въ словѣ коценску, не нужно краткаго знака и тогда будетъ ясно: голову какъ кочерыжку.

12) Стран. 190. Вмѣсто словъ:

Чтобъ я избавила....

У меня въ списокѣ:

Чтобъ я оставила...

Второе по смыслу вѣрнѣе.

13) Стран. 191. У меня въ списокѣ: слова Слюня:

Сто-съ дѣять! Со стьястей зивоть весь пеемыѡ...

Пеемыѡ (перемыѡ) мнѣ кажется вѣрнѣе, чѣмъ покывило (покрывило).

14) Названіе пьесы у меня: Трумфъ, драма въ двухъ дѣйствіяхъ.

Сдѣлаю еще общее примѣчаніе. Переписываніе драмы очень трудно, потому что трудно не сдѣлать ошибки при переписываніи произношенія словъ Слюня и Трумфа. Еслибъ кто захотѣлъ возстановить текстъ, то надо бы было отыскать особенности выговора этихъ двухъ лицъ и стараться держаться этихъ особенностей, такъ напримѣръ: князь Слюняй невыговариваетъ вовсе буквы л, замѣняя ее смягченіемъ, то-есть буквою ѣ, которую придется ставить даже и въ началѣ словъ; вмѣсто ж онъ выговариваетъ з и такъ далѣе. Такимъ образомъ рѣчи Слюня можно возстановить. Но рѣчи Трумфа трудно написать правильно или, лучше сказать, согласно съ его выговоромъ, потому что онъ, не зная языка, можетъ даже и въ неправильностяхъ своего произношенія быть въ одномъ мѣстѣ правильнымъ, а въ другомъ, на счетъ тѣхъ же буквъ, неправильнымъ. Косноязычность Слюня можетъ быть выражена буквамч, но перекиранье буквъ, словъ и грамматикъ Трумфа нельзя подвести подъ какія-нибудь условныя правила.

У меня въ моемъ списокѣ также были небольшіе пропуски противъ напечатаннаго „Русской Старинной“; но каждый пропускъ не болѣе какъ въ два стиха. Въ изд. „Русской Старины“ противъ моего не было пропусковъ.

Разность въ названіи драмы Подщипа или Трумфъ не указываетъ-ли на два разные списка драмы самого сочинителя? Отсюда могутъ происходить и разности въ текстѣ, какъ, напримѣръ, выше, подъ № 2 и оказавшіеся у меня пропуски.

Сообщ. А. П. Нордштегъ.

Поправки: Штофъ роспилъ вейновой . . . («Русск. Стар.», т. III, стр. 179, 8-я строка). Въ выноскѣ сказано: «Этого слова нѣтъ въ Акад. Слов. но по свидѣтельству стариковъ еще въ 20-хъ годахъ употреблялось выраженіе вейновая въ значеніи пѣнника».

«По моему мнѣнію—пишетъ къ намъ г. Турбинъ—это не совсѣмъ вѣрно: вейною называлась лучшая водка, приготовляемая изъ винограднаго спирта. Въ Варшавѣ и теперь еще самые высокіе сорта сладкихъ водокъ называются винными (vinny) на томъ же основаніи».

Во II-мъ томѣ «Русской Старины» 1870 г., стр. 637, въ замѣткѣ о С. И. Шешковскомъ, Радищева, сына знаменитаго автора: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву».—мы забыли оговорить, что статья эта собственно принадлежитъ Гельбигу (Rüssische Günstlinge. Тюбингенъ, 1808 г., стр.455), Радищеву же принадлежитъ переводъ ея изъ названной книги, составляющей библиографическую рѣдкость.

Въ III-мъ томѣ, на стр. 209, примѣч. 4-е, читай такъ: «Муравьева, жена Михаила Николаевича и мать декабристовъ Никиты и Александра». Ред.

Замѣтка о „Войнаровскомъ“, поэмѣ Рылѣева.

„Мнѣ было около двадцати лѣтъ, когда появилась въ первый разъ въ печати поэма К. Рылѣева: „Войнаровский“. Напечатана она была съ пропусками, и по рукамъ ходили списки ея съ дополненіями пропущенныхъ мѣстъ. При хорошей памяти, я зналъ наизусть всю поэму отъ перваго стиха до послѣдняго и всѣ дополненія. Но прошли десятилетия лѣтъ, что я не вспоминалъ объ ней. Нынѣ, при чтеніи поэмы въ „Русской Старинѣ“, старая моя память подсказала мнѣ четыре стиха въ томѣ мѣстѣ, гдѣ въ изданіи „Русской Старины“, т. III, на 511-й страницѣ, стоятъ двѣ строки точекъ, послѣ стиховъ:

«Мнѣ надо жить; еще во мнѣ
«Горитъ любовь въ родной стравѣ»...

А вотъ и тѣ четыре стиха:

«Еще, быть можетъ, другъ народа
«Спасетъ несчастныхъ земляковъ,
«И, достойніе отцовъ,
«Воскреснетъ прежняя свобода».

Въ концѣ статьи, на 524-й стр., почтенная редакція говоритъ: „мы очень рады, что могли представить на страницахъ „Русской Старины“ возможно полный и исправный текстъ“ и т. д.

Но неужели во всѣхъ, имѣющихся у редакціи спискахъ, этихъ четырехъ стиховъ вовсе нѣтъ и они ей неизвѣстны?

Между тѣмъ, они такъ умѣстны, такъ вѣрно и хорошо дополняютъ мысль Войнаровскаго, что невозможно предположить, чтобъ они были придѣланы чужой рукою, и нельзя не приписать ихъ самому К. Рылѣеву.

Или, быть можетъ, не составляютъ-ли эти четыре стиха и до сихъ поръ запретный плодъ?

Какъ бы то ни было, но глядя на ихъ, единственно съ литературной стороны, я не могъ удержаться, чтобъ не сообщить ихъ „Русской Старинѣ“; сердце не камень.“....

Примѣчаніе. Настоящую замѣтку мы получили отъ неизвѣстнаго по городской почтѣ. Искренно благодаря нашего корреспондента, мы считаемъ долгомъ завѣрить его, что сообщенныхъ имъ стиховъ,—дѣйствительно нѣтъ въ

нашихъ спискахъ, — вездѣ они вышущены и замѣнены точками. Тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что эти строки, воскрешенныя памятью NN., несомнѣнно принадлежатъ Рыгѣву. Кстати сказать, Татьяна Петровна Пассекъ, вдова знаменитаго писателя Вадима Пассека, говорила намъ, что у нея въ Москвѣ былъ печатный экземпляръ «Войнаровскаго» изд. 1825 г., испещренный поправками и дополненіями собственной руки Рыгѣва. Этотъ интересный экземпляръ украденъ у нея однимъ изъ московскихъ букинистовъ въ 1840-хъ годахъ. Не вымыреть-ли онъ въ Москвѣ у кого-нибудь изъ библиомановъ?

Ред.

О подпискѣ на сооруженіе памятника А. С. Пушкину.

Мы получили отъ академика Я. Б. Грота слѣдующее письмо:

„М. г., гг. издатели „Русской Старины“. По порученію Высочайше учрежденнаго комитета для сооруженія памятника Пушкину*), имѣю честь обратиться къ Вамъ, милостивые государи, съ покорнѣйшею просьбою не отказать ему въ обязательномъ содѣйствіи вашемъ открытіемъ подписки и приѣмомъ пожертвованій на этотъ предметъ при редакціи издаваемой вами, „Русской Старины“, и о рѣшеніи, какое вамъ угодно будетъ принять, почтитъ меня увѣдомленіемъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ согласія Вашего, Комитетъ могъ немедленно публиковать о томъ въ общемъ своемъ извѣщеніи о мѣстахъ, гдѣ будетъ устроена подписка.

Примите увѣреніе и проч. Яв. Гротъ.“

Съ искреннимъ удовольствіемъ принимая это приглашеніе, — мы открываемъ страницы нашего изданія для приѣма пожертвованій на сооруженіе памятника гениальному нашему поэту. Списокъ тѣхъ лицъ, которыя пришлютъ въ редакцію „Русской Старины“ пожертвованія на памятникъ Пушкину, — будетъ напечатанъ въ нашемъ изданіи, а деньги сданы, по принадлежности, въ распорядительный комитетъ для сооруженія памятника.

Отъ редакціи „Русской Старины“ — 25 руб.

Отъ И. С. — 2 руб.; — Н. Г. Аврамовой — 3 руб.; А. Г. Пушарева — 2 руб.

Ред.

*) Составъ комитета: баронъ М. А. Корфъ, Ѳ. Ѳ. Матюшкинъ, Ѳ. П. Корниловъ, Я. К. Гротъ, К. К. Гротъ, Н. А. Шторхъ и А. И. Колемяжъ.

О подпискѣ на памятникъ Пушкина *).

Въ 1860 году открыта была, съ Высочайшаго разрѣшенія, повсемѣстная въ Россіи подписка на сооруженіе памятника Пушкину. Она доставила сумму, хотя и довольно значительную **), но недостаточную для сооруженія памятника въ тѣхъ размѣрахъ, какъ было бы желательно.

Между тѣмъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пожертвованія прекратились. Это произошло, конечно, не отъ охлажденія общества къ памяти самаго популярнаго изъ русскихъ поэтовъ, а скорѣе отъ недостатка своевременныхъ распоряженій для распространенія и поддержанія подписки.

Такъ какъ первоначальная мысль о памятникѣ возникла по поводу 50-ти-лѣтней годовщины основанія Царскосельскаго лицея, и подписка была вызвана преимущественно стараніями бывшихъ его воспитанниковъ, то на нихъ же лежатъ теперь нравственная обязанность возобновить ее, чтобы сдѣланныя пожертвованія могли быть употреблены по назначенію и задуманное дѣло не рушилось окончательно. Сознывая этотъ долгъ въ дѣлѣ общаго интереса, нѣсколько бывшихъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, уполномоченные на то своими товарищами, приняли на себя дальнѣйшее веденіе дѣла и, съ Высочайшаго дозволенія, образовали комитетъ при участіи нѣкоторыхъ товарищей Пушкина по первому выпуску изъ лицея *). Государю Императору благоугодно было разрѣшить, чтобы памятникъ поставленъ былъ не въ Царскомъ Селѣ, какъ прежде было назначено, а въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія Пушкина, гдѣ этотъ памятникъ получить вполне національное значеніе и гдѣ, по выраженію самаго поэта: „къ нему не заростетъ народная тропа“. Въ лицѣ Пушкина русскій писатель въ первый разъ будетъ почтенъ

---

*) Настоящую статью мы получили отъ Авад. Я. К. Грота при слѣдующихъ строкахъ: «Мы, гг. Волѣдствіе обязательно изъясненнаго нами согласія отерты при редакціи «Русской Старини» подписку на памятникъ Пушкину, имѣю честь, по порученію учрежденнаго съ этою цѣлью комитета, обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою напечатать въ издаваемомъ вами журналѣ прилагаемую статью. Примите и проч. Я. К. Гротъ».

Мы получили также и книгу на записку пожертвованій на сооруженіе памятника Пушкину. Ред.

***) Всего было собрано 17,114 руб., которые, поступивъ на храненіе въ государственнй банкъ, возросли съ накопившимися по сіе время процентами до 18,254 рублей.

***)) Вотъ составъ комитета: Баронъ М. А. Корфъ, О. О. Матюшкинъ, О. П. Корниловъ, Я. К. Гротъ, К. К. Гротъ, Н. А. Шторхъ и А. И. Колемишъ.

**

памятникомъ въ древней нашей столицѣ, которой, какъ любящій сынъ, пѣвецъ Онегина говорилъ:

«Какъ часто въ горестной разлуцѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва! я думалъ о тебѣ.
Москва! Какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось,
Какъ много въ немъ отозвалось!»

Что касается до выбора въ Москвѣ самаго мѣста, гдѣ поставить памятникъ, то, независимо отъ соображеній, въ какія войдетъ комитетъ, желательно, чтобы вопросъ о томъ подвергся гласному обсужденію въ нашей печати.

По Высочайшемъ утвержденіи избраннаго мѣста и приблизительномъ исчисленіи издержекъ сооруженія, будетъ немедленно объявленъ конкурсъ на составленіе проекта памятника.

Въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ, кажется, надобности придумывать доводы для привлеченія жертвователей. Значеніе Пушкина такъ сознается всѣми, правъ его на памятникъ такъ несомнѣнны, что въ связанному прибавлять нечего. Пусть только всякій, сочувствующій великому поэту, принесетъ свою посильную лепту: какъ бы ни была она ничтожна сама по себѣ, она получитъ свой вѣсъ въ итогѣ пожертвованій и средства для осуществленія достойнымъ образомъ общаго желанія могутъ быть собраны въ короткое время.

По приглашенію комитета, редакціи слѣдующихъ періодическихъ изданій обязательно изъявили готовность открыть при своихъ главныхъ конторахъ подписку на памятникъ Пушкина:

Въ С.-Петербургѣ: С.-Петербургскія Вѣдомости, Голосъ, Вѣстникъ Европы, Русская Старина.

Въ Москвѣ: Московскія Вѣдомости, Современныя Извѣстія, Русскій Архивъ (при Чертковской библиотекѣ), Русская Лѣтопись.

Приемъ пожертвованій открываютъ у себя, сверхъ того, книжные магазины:

Въ С.-Петербургѣ: А. Ф. Вазунова, И. И. Глазунова, Д. Е. Кожанчикова, и Я. А. Исакова.

Въ Москвѣ: А. И. Глазунова.

Если впоследствии подписка устроится еще въ другихъ мѣстахъ, то о нихъ будетъ объявлено особо.

избранія потомъ въ академіи по соображеніямъ, постороннимъ для науки; о затрудненіяхъ, встрѣчавшихся въ старину для представителей нѣкоторыхъ наукъ въ Академіи высказывать добытыя ими истины въ современномъ имъ обществѣ. Вслѣдъ за историческимъ очеркомъ въ книгѣ помѣщены біографіи и обзоръна ученой дѣятельности пятидесяти, первыхъ по времени, представителей нашей Академіи, вступившихъ въ нее въ 1725—1742 гг. Въ этой первой главѣ подвижниковъ науки, пересаженной съ иноземной почвы на русскую, только одинъ русский — это Адогуровъ, Василій Евдокимовичъ, математикъ; прочіе всѣ — чужеземцы, преимущественно нѣмцы. Біографіи Мюллера, историографа, замѣчательнаго ученаго, оказавшаго русской исторіи громадную заслугу — отведено въ книгѣ наибольшее мѣсто, именно болѣе ста страницъ. — Производство справокъ весьма облегчено превосходнымъ алаевитнымъ указателемъ: одинъ онъ занимаетъ почти пятьдесятъ страницъ.

Трудъ г. Пекарскаго высоко-замѣчательнъ по той массѣ свѣдѣній, которыя онъ представляетъ — въ рамкѣ исторіи нашего ученаго учрежденія, — вообще для исторіи наукъ и просвѣщенія въ первую половину прошлаго столѣтія; если почтенный академикъ доведетъ свое сочиненіе до конца, то «Исторія Академіи» займетъ мѣсто въ числѣ главнѣйшихъ произведеній русской исторической литературы, которыми отмѣчена переживаемая нами эпоха — царствованіе Александра II. Во всякомъ случаѣ, уже вышедшій томъ на многие десятилетия пребудетъ однимъ изъ капитальныхъ источниковъ для составителей отдѣльныхъ сочиненій, а также статей относительно русской исторіи первой половины прошлаго столѣтія. — Съ нетерпѣніемъ ждемъ втораго тома: въ немъ дѣяться Ломосовъ.

Гайдамачина, историческая монографія Д. Мордовцева, Спб. 1870 г. въ 8 д., стр. 484.

Исслѣдованіе г. Мордовцева о гайдамачинѣ довольно односторонне и написано преимущественно на основаніи польскихъ источниковъ. Его воззрѣнія ограничиваются сравненіемъ гайдамачины и умальской рѣзни съ пугачевщиной и понизовой возмущеніемъ. Объясненія и желаніе доказать, что крестьянину въ XVIII вѣкѣ въ Малой Россіи, въ гетманщинѣ, житье было хуже несравненно, чѣмъ въ польской украинѣ, не принадлежащей еще Россіи, не придаютъ къ тому убѣжденію, къ которому авторъ стремится въ своемъ изслѣдованіи. Переходы крестьянъ на предковскія мѣста, находившіяся въ чертѣ польскихъ владѣній не составляютъ еще доказательства,

будто въ XVIII в. у польскихъ помѣщиковъ малоросу крестьянину житье вообще лучше, чѣмъ въ гетманщинѣ. Не смотря на эти недостатки, монографія Мордовцева имѣетъ интересъ и читается легко. Разказы о вождяхъ — гайдамакахъ, предшествовавшихъ Гонтѣ и Желѣзняку основаны нѣмъ на народныхъ пѣсняхъ, и на запискахъ очевидца поляка Загрескаго; эти мемуары были впервые напечатаны въ запискахъ о Южной Руси П. А. Кулиша.

М — чѣ.

Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 г. Соч. А. Н. Попова. Спб. 1871 г. въ 8 д., стр. 278.

Книга эта составляетъ откъсъ статей, помѣщенныхъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; въ ней, по документамъ либо мало известнымъ, либо совершенно недоступнымъ публикѣ, трактуется объ одной изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ эпохъ въ исторіи отношеній русскаго правительства къ главѣ католической церкви; здѣсь мы находимъ: описаніе прибыванія императора Николая Павловича въ Римъ въ 1845 г., переговоры его съ Григоріемъ XVI, изложеніе записки представленной ему папою и отвѣта на нее императора; описаніе переговоровъ съ Римомъ гр. Нессельрода, — чрезвычайнаго посольства гр. Блудова, заключеніе пресловутаго монкордата и проч. Новый трудъ нашего уважаемаго ученаго, уже по самому обилію заключающагося въ немъ новыхъ данныхъ, независимо отъ его политическаго значенія, — составляетъ дѣльное пріобрѣтеніе въ литературѣ изслѣдованій новѣйшей отечественной исторіи.

Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія съ 1656 по 1856 г. Состав. Ф. Ф. Веселаго. Спб. въ листѣ, стр. 48.

Это изящное, даже роскошное изданіе интересно и полезно не для однихъ моряковъ, а и вообще для любителей отечественной исторіи. Атласъ русской морской исторіи, составленный Ф. Ф. Веселаго, включаетъ въ себя одиннадцать картъ; на нихъ условными знаками обозначены: мѣста сраженій, годъ, мѣсяць и день сраженія, число русскихъ и непріятельскихъ судовъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ; число судовъ, потерянныхъ въ битвѣ каждымъ изъ противниковъ и участіе въ сраженіи береговыхъ укрѣпленій и сухопутныхъ войскъ или десанта. — Система знаковъ весьма проста, карты даютъ полное понятіе о всемъ ходѣ сраженія, объясненія кратки и отчетливы.

ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.

КЖЕМЪ ВСЯЧНОКЪ ИСТОРИЧЕСКОКЪ ИЗДАНИКЪ.

Цѣна годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложенія, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — семь рублей за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для городовъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **шестючлательно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ имени, отчества, фамилии и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммисіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Диксицка и въ д. Трута.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для печатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѣ» доставлять ихъ, адреса: или — Василію Арсеньевичу Семенову, или: — Михаилу Ивановичу Семенову: въ С.-Петербургѣ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 18.

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, кн. Щербатова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голицына-Нутцова, кн. Кураниныхъ, гр. Стальбергера, свѣтл. кн. П. М. Волконскаго, Шишова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышова, адмир. Молзана, зап. И. М. Горбачевского, кн. С. Г. Волконскаго (1812 — 1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевского, кн. Барилей-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Дениса Давыдова, И. Н. Снобелева; В. К. Кюхельбергера (1831 — 1841 гг.); поч. лейбъ-хирур. Д. М. Тарасова, ак. жив. А. В. Ступина (1776 — 1861 г.), бывш. полеч. Д. П. Руинича; зап. М. И. Греча (биографія Ф. В. Булгарина); зап. А. В. Никитонки, И. М. Свинцова; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; биографія А. Н. Стрѣва состав. В. В. Стасовымъ; записки Я. П. Бакамова; С. Н. Глинни; К. Ф. Опочинина (о 1831 г.) И. В. Берга: воспомин. о Гоголѣ; и др. Письма А. П. Волынскаго (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ пов. матер. къ Пугачевщинѣ — А. Г. Пушарова; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерева, Пинара (1782 г.); 50 пезадатр. писемъ Елатеріи II; письма императоровъ: Павла I, Александра Парловича, императр. Елизаветы Алексеевны; Муллина; гр. Аранчева, кн. Васильчикова, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеевской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мѣвнія гр. Н. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгенія Болховитъ; неизданныя бумаги А. С. Гриббодова, М. М. Батюшкова (болѣе 80 писемъ), Г. С. Батеникова, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Новлова, Рыльева, Пушкина, архит. Витберга; проекты и статьи В. И. Нарзина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. Н. Грота, М. П. Погодина; П. И. Щедальскаго; статьи: профес. М. Д. Бѣлова и Н. С. Тихонравова; Г. М. Гейнади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Нарыновича, М. К. Лонгинова; П. А. Степанова; Н. П. Дурова; А. Н. Неустрова; сообщ. П. А. Муханова, кн. П. Д. Волконскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. И. Салфонтава; Ф. К. Опочинина, Д. И. Снобелева, И. П. Корнилова, М. П. Молзана, Н. Ф. Круза, гр. Э. И. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснопутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. М. Богдановича, бар. Ф. А. Бюллера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Батмышъ-Нашенскихъ и мног. др.

На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Арнадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рымнинскаго, именно: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ второй.

І Ю Н Ъ.

1871 годъ.

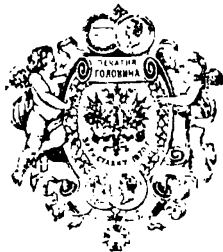
СОДЕРЖАНІЕ.

I. Записки Гавриила Добрынина, 1777 г. Сообщ. А. П. Стороженко и Л. Н. Антроповъ	651	V. Вадимъ Новгородскій, трагедія въ стихахъ, Я. Б. Иваницина. 1793 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ	723
II. О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Записка кн. М. М. Щербатова. 1762-1789 гг.	673	VI. Листки изъ записной книжки «Русской Старины»: 1. Разсказы, записанные В. Д. Давыдовскимъ (782). 2: Повесть о императора Николая-го-Вержбичкомъ (792). 3. Письма гр. Беннеддорфа къ Н. В. Кукольникову (793),	
III. Письма Екаторины II къ гр. Станеальбергу. 1792-1793 гг. Сообщ. гр. О. О. Станеальбергу и гр. Э. Е. Чапковій	689	VII. О юбилее дня рожденія гр. Милорадовича (794). Подписка на памятникъ Пушкину. (794). Оглавленіе III-го т. «Русской Стар.», Объявленія. Библ. листокъ о новыхъ книгахъ (на оборотѣ).	
IV. Василій Назаровичъ Карзавинъ: 1. Письмо къ кн. Адаму Чарторьскому. 1804 г.; 2. Записка по поводу проекта объ освобожденіи Сербовъ. 1804 г.; 3. Записка о метеорологіи. 1810 г. Сообщ. Ф. В. Карзавинъ	700		

ПРЕДЛОЖЕНІЕ. Записки А. Т. Болотова 1738-1794 гг. томъ второй, ч. XI и XII: письма 113—118: Быть русскаго дворянства въ XVIII-мъ столѣтіи; 1764 г. (въ текстѣ записокъ помѣщенъ одинъ планъ).

ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1871 г. ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Портретъ А. Л. Витберга, рисунокъ проектированнаго имъ храма Христа Спасителя въ Москвѣ въ память 1812 г., равно **портреты и снимки съ писемъ** проч. замѣчат. русскихъ дѣятелей будутъ помѣщаемы при послѣдующихъ книгахъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатилъ В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

Библиографическій листонъ русско-историческихъ книгъ.

Финансовое украшеніе и финансы Пруссіи. Трудъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. Сиб. 1871 г., въ 8-ю д., т. I-й. стр. LXXXVII и 558. т. II-й стр. 448.

Въ нашей литературѣ отдѣлъ изслѣдованій въ области финансовъ весьма не богатъ не только оригинальными, но даже переводными сочиненіями. Тѣмъ замѣчательнѣе появленіе обширнаго и многосторонняго труда А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, труда самостоятельнаго, основаннаго на массѣ оцітальныхъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ матеріаловъ по всемъ отраслямъ финансоваго управленія и вообще финансовъ Прусскаго государства. Возведенная необыкновеннымъ развитіемъ и блестящимъ устройствомъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій на высоту первенствующей державы въ Европѣ, Пруссія, въ настоящее время, по справедливости, можетъ служить образцомъ и въ дѣлѣ устройства своего государственнаго хозяйства. Отсюда понятно, какъ своевременно и важно появленіе замѣчательнаго изслѣдованія г. Заблоцкаго-Десятовскаго для нашего отечества, въ которомъ самыя существенныя еще вопросы въ области финансовъ, накомъ напр. вполне уравнительное распределеніе налоговъ, переводъ податей съ душъ на земли, способы взиманія налоговъ, правильные употребленіе государственныхъ доходовъ, вполне сообразный съ достоинствомъ государства Европейскаго порядкомъ утвержденіи государственныхъ расходовъ, и т. д. и т. д. ждутъ еще правильныхъ разрѣшеній.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грета. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ шестой, съ портретомъ Державина: «Перспекса» (1794—1816) и «Записки». Сиб. 1871 г. въ 6. 8-ю д. стр. XXX и 904.

Изящество, даже роскошь этого изданія въ типографскомъ отношеніи, обстоятельность его плана, изобиліе примѣчаній историческихъ, біографическихъ, біблиографическихъ и друг., составленныхъ съ необыкновенною тщательностью и знаніемъ дѣла, давно уже обратили на себя вниманіе лицъ искренно интересующихся исторіей родной словености, въ которой Державинъ занимаетъ столь видное мѣсто. Вышедшій томъ этого, по истинѣ, великаго изданія, самый интересный изъ всѣхъ шести объемистыхъ книгъ настоя-

щаго собранія. Здѣсь читатель найдетъ до 500 писемъ изъ переписки въ послѣдній періодъ жизни великаго поэта — сновника съ лицами самыхъ разнообразныхъ положеній въ обществѣ и «Записки Державина», сдѣланныя въ первые нѣвѣстные въ 1859 году въ неисправномъ и не совсемъ полнымъ изданіи «Русской Весѣды». Нынѣ текстъ этихъ Записокъ является въ томъ видѣ, въ какомъ дѣйствительно долженъ быть изданъ столь важный историко-литературный матеріалъ. Г. г. издателями историческихъ и историко-литературныхъ сочиненій мы рекомендуемъ трудъ Я. Е. Грета, какъ образецъ біблиографическаго труда: такъ полны и обстоятельны въ немъ перечни вошедшихъ въ него документовъ, замѣчательный алфавитный указатель личныхъ именъ и предметовъ, такъ обстоятельны всякаго рода примѣчанія къ документамъ, и ихъ объясненія.

Царствованіе Фёдора Алексѣевича. Сочиненіе Е. Замысловскаго. Часть I: Введеніе. Обзоръ источниковъ. Сиб. 1871. стр. 976, 216 и LXV с. Ц. 2 р.

Въ введеніи г. Замысловскій дѣлаетъ обзоръ сочиненій относящихся къ исторіи XVII вѣка, не отдѣляя при этомъ въ особую группу сочиненія, касающіяся исключительно царствованія Фёдора Алексѣевича. При этомъ онъ останавливается (какъ онъ выразился 17-го мая на своемъ диспутѣ) лишь на тѣхъ трудахъ, которые внесли новое варзаніе на этотъ періодъ русской исторіи. Обзоръ этотъ составленъ весьма обстоятельно и съ большимъ знаніемъ литературы предмета и потому будетъ весьма полезенъ для начинающихъ заниматься исторіею XVII стол. Но самостоятельнаго тутъ нѣтъ ничего, кромѣ новаго дѣленія Русской Исторіи, предлагаемаго г. Замысловскимъ. Несоглашаясь съ дѣленіемъ г. Соловьева, начинающимъ новую русскую исторію съ царствованія Фёдора Алекс., г. Замысловскій предлагаетъ начинать ее съ царствованія Мих. Фёд., а смутное время считать переходною эпохою между древнею и новою Русью. Кромѣ того онъ рассматриваетъ какъ отдѣльное дѣло время отъ вступленія на престолъ Михаила до смерти Фёдора. Впрочемъ эта мысль мало развита г. Замысловскимъ и не подтверждена обстоятельными соображеніями. Что касается до основныхъ взглядовъ автора, то несмотря на заявленіе въ 3-мъ изъ своихъ положеній, что ни возвращеніе на XVII в. школы западнической, ни

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ ПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XXVIII *).

1776 годъ.

1776 года, въ августѣ мѣсяцѣ, собрался преосвященный по-
сѣтить города Трубчевскъ и Брянскъ.

Отъ недавно прошедшей трехдневной моей лихорадки остав-
шаяся слабость, была мнѣ причиною къ отговорѣ отъ путеше-
ствія, котораго отъ меня архіерей требовалъ.

При самомъ уже выѣздѣ, преосвященный сѣлъ на канаве
подлѣ библіотеки, погрузился въ задумчивость и сказалъ: «не
помню, когда бы мнѣ столько было скучно и прискорбно, какъ
при теперешнемъ моемъ выѣздѣ».

«Сердце, сердце! ты вѣщуй, губитель мой!
Для чего нельзя не слушать намъ тебя!»

Тамъ говорила одна
горькая дѣвушка.

Не прошло еще дней 8 по выѣздѣ, какъ получена въ домѣ
преосвященнаго неприятная вѣсть слѣдующаго содержанія:

Преосвященный, будучи у Трубчевскаго воеводы Колюбакина
въ гостяхъ съ обѣда до полуночи, рассудилъ для пріятнаго пре-
провожденія времени, или по привычѣ, назвать хозяина «свинь-
ею», и выплеснуть ему въ глаза пожалъ вина. Колюбакинъ, не
бывши лихъ, но будучи великъ и силенъ, отвѣсилъ начинщику**)

*) См. «Русскую Старину», т. III, стр. 119, 247, 395 и 562.

**) Зачеркнуто: «своему неприятелю».

большимъ кулакомъ по уху такой ударъ, что ударенный палецъ пластомъ на земь и растянулся. Единный ужасъ штата архіерейскаго, при поверженіи своего владыки, былъ бы недостаточенъ для спасенія. Его подняли и уѣхали изъ дому воеводскаго и изъ города въ Чолнскій монастырь, отстоящій отъ Трубчевска версть околѣ семи; чему Колюбакинъ и не препятствовалъ.

По приѣздѣ,— какъ повѣствоввали тогда всѣ исторіографы,— «самовидцы и слуги»— архіерей предпринялъ всѣ предосторожности, дабы не насочилъ въ распахъ Колюбакинъ, второній мечтался ему съ кулакомъ въ глазахъ.

Колюбакинъ на другой день явился не привидѣніемъ, однакожь и не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ бить, но чтобъ просить прощенія и разрѣшенія въ содѣянномъ грѣхѣ. Недопущенъ онъ. Чего ради и сталъ среди монастыря противъ самыхъ оконъ архіерейскаго повоа, на колѣняхъ и будучи въ полшьяна, воздѣлъ къ верху руки и возопилъ велегласно: «Отче! согрѣшихъ на небо и предъ тобою!» Архіерей, смотря изъ окна, возгласилъ ему:

— «Говори паршивая овца въ стадѣ Христовомъ: сотвори ма, яко единаго отъ наемникъ твоихъ».

Колюбакинъ повторяетъ.

Архіерей: «Гряди съмо, сынъ геенны!»

По допущеніи въ покой, архіерей читалъ ему челобитную, заготовленную имъ къ посылкѣ въ Синодъ. Въ ней не позабыты были: Номоканоны, Кормчая книга, отлученіи отъ церкви и самыя анаемы. И начались переговоры. Главныя оныхъ артикулы состояли *) со стороны Колюбакина въ томъ: что, обѣ договаривающіяся стороны, вмѣстѣ наѣлись, напились, поссорились, подрались, и, кто былъ начинщикъ драки. А со стороны архіерей **) въ томъ, чтобы Колюбакинъ въ теченіи мѣсяца приѣхалъ въ нему въ катедральной его, Сѣвскій архіерейскій домъ, гдѣ и дастъ онъ грѣшнику совершенное прощеніе и разрѣшеніе. Сіи статьи обѣ договаривающіяся стороны обязались честнымъ вза-

*) Далѣе зачеркнуто: «... въ томъ, что Колюбакинъ, съ своей стороны не пропустилъ включить въ предлиминары, что обѣ договаривающіеся...» и проч.

Ред

**) Вмѣсто зачеркнутаго: «архіерей же, съ своей стороны, включилъ и заключилъ, чтобы Колюбакинъ» и т. д.

Ред.

имнымъ словомъ, исполнить свято и ненарушимо. Такимъ образомъ преосвященный, посѣтивъ Трубчевскъ, далъ ему свое благословеніе, а самъ получа таковое же отъ Колюбакина, и сдѣлавъ съ нимъ счастливое армистиціумъ, продолжалъ путешествіе свое въ Брянскъ, гдѣ съ нимъ ничего подобнаго не случилось, потому ли, что тамъ не было Колюбакина, или потому, что онъ никому виномъ глазъ не заливалъ и свиньею не называлъ.

По возвратѣ изъ Брянска домой, напрасно преосвященный ждалъ Колюбакина. Уже наступалъ праздникъ Рождества Христова, какъ архіерей позвалъ меня, приказалъ писать, подъ титуломъ пастыря Сѣвскія церкви, запрещеніе, дабы никто изъ священниковъ ни съ какою святынею въ домъ Колюбакина не входилъ.

Сіе запрещеніе собственноручно имъ подписано, запечатано и отправлено, при особомъ повелѣніи, къ Трубчевскому протопопу для объявленія Колюбакину.

Протопопъ по приѣздѣ послѣ праздниковъ къ архіерею до-несъ: что «онъ идучи на самой праздникъ Рождества ко служенію обѣдни, зашелъ въ Колюбакину и объявилъ ему запрети-тельную архіерейскую грамоту. Колюбакинъ въ отвѣтъ угощалъ его чаемъ, котораго протопопу пить было нельзя передъ служе-ніемъ». Тѣмъ кончилось протопопское посланничество *).

Архіерей не остановясь на семъ, послалъ Брянскаго протопопа въ Петербургъ, съ изясненіемъ чрезъ партикулярныя письма обиды, къ нѣкоторымъ духовнымъ и свѣтскимъ особамъ. Но сіе посольство ничего не произвело, кромѣ смѣха въ такомъ испорченномъ городѣ, который вѣритъ, что зачинщиковъ драки вездѣ бьютъ **). Къ тому же жители столицы, вѣроятно по недостатку любви къ ближнему, толковали, что у архіерея дурное было на мысляхъ прощеніе, если онъ Колюбакина заманивалъ изъ Трубчевска въ Сѣвскъ.

Вскорѣ послѣ сего, писалъ къ нему синодальный членъ, преосвященный Самуилъ Миславскій, чтобъ онъ просился на обѣщаніе ***), увѣряя, что ему дадутъ въ правленіе такой мо-

*) Въ подлин. зачеркнуто: «При открытіи Орловскаго намѣстничества Колюбакинъ помѣщенъ членомъ въ какую-то палату суда и поѣхалъ, не безпокоясь, что его земля не приметъ. Архіерей же» и проч.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «должно бить».

***) Такъ у духовныхъ называется отставка.

настырь, какой онъ самъ пожелаетъ. Нельзя сомнѣваться, что Самуиль смотря на существо внесеннаго въ Синодъ, произведеннаго комиссіею дѣла, и зная, сверхъ того, лично Кирилла Фліоринскаго, писалъ къ нему съ согласія и довѣренности всего Синода, дабы поступить съ подсудимымъ снисходительнѣе, по обыменовенію благословенныхъ временъ Еватерины Великія. Но духъ мудреннѣй моего архіерея, отвѣтствовалъ на сіе тако: «Если ваше преосвященство не нашли ничего лутчева мнѣ при-совѣтывать, то я не жалѣю, что не могу благодарить за таковой совѣтъ, которой нивуда не годится. Благодареніе Богу, я еще не дошелъ до такого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ» и проч.*). Самуиль не оставилъ гордаго отвѣта безъ отвѣта. Онъ написалъ точными словами, которыя безъ старанія, во мнѣ затвердились: «весьма вы горячо пишете; ваша горячность во всякомъ и вѣждаго сердцѣ производитъ ужасную холодность; вы позабыли нашу русскую**) пословицу: «тише ѣдешь, далѣ будешь». Берегитесь, чтобъ вы съ горяча не наскочили на братскую порцію»***).

Подобныя симъ и отъ другихъ особъ (дружескія) предложенія, произвели въ моемъ владыкѣ подозрѣніе на весь свѣтъ. Онъ увеличилъ****) волю своему языку, и умножилъ питіе не ввущая брашна надлежащей мѣры; отъ чего, натурально жаръ въ жару. Въ такихъ обстоятельствахъ пришелъ онъ единожды ночью въ моей горницѣ и велѣлъ бить въ сѣнныя двери, которыя были заперты. Я пробудясь отъ стука и услыша непрерывной крикъ преосвященнаго, узналъ, что сіе намѣстивіе не есть иноплеменныхъ, но своихъ домашнихъ непріятелей. Прежде всего положилъ я твердое и непремѣнное намѣреніе обороняться всѣми силами въ моихъ стѣнахъ и не сдаваться даже ни на какую капитуляцію. Вслѣдствіе чего схватилъ мое воесаговское незаряженное ружье, изъ котораго я никогда не стрѣливалъ, выста-

*) Въ подобномъ сему случаѣ Гедеонъ епископъ Смоленскій, сильному въ синодѣ архіепископу Новгородскому Прокоповичу отвѣтствовалъ лавочически изъ Давидова псалма: «пою Богу моему дондеже есмь». Г. Д.

**) Я не знаю почему онъ говоритъ нашу русскую, ибо они оба были малороссіяне. Г. Д.

***) Братская порція въ монастыряхъ — хлѣбъ съ квасомъ, худо сваренный борщъ или щи съ дурною сухою рыбою (или ни съ чѣмъ) да каша. Г. Д.

****) Вмѣсто зачеркнутаго: «далѣ полную волю».

Ред.

вилъ его въ окно и призывавъ на помощь духа древнихъ рицарей, (и своихъ россійскихъ) храбрыхъ витязей, возопилъ изо всей силы: «кто только подвинется къ окну, или отважится вломиться въ двери, того перваго встрѣтитъ пуля». Осаждающіе меня были добрые донъ-вишоты, но тактики худые. Глава въ епархіи въ молчаніи сдѣлалъ отступленіе и вся ландмилиція двинулась *) за нимъ. Одинъ только остался, или оставленъ, канцеляристъ Матвѣй Самойловъ, для переговоровъ въ нашей странной авціи. Онъ мнѣ сказалъ, что я напрасно ружье выставилъ, а я припомнивши архіерейской отвѣтъ Самуилу пресвященному, отвѣчалъ ему: что «я еще не дошелъ до этого несчастія, чтобъ имѣть нужду въ вашихъ совѣтахъ».

— «Развѣ вы не знаете, продолжалъ Самойловъ, архіерейскаго права? можетъ быть онъ до сѣхъ поръ уже и заснулъ».

Мой отвѣтъ состоялъ въ требованіи, чтобы и онъ пошелъ спать. Чему онъ и не попротивился.

Въ неожиданному моему удивленію, по утру усмотрѣлъ я, что двери моихъ сѣней съ наружи укрѣплены, и около оконъ ходятъ безсмѣнные часовые, т. е. сторожа; изъ чего понятно мнѣ стало**), что я нахожусь въ осадѣ. Нужно ли разрѣшить загадку, что побудило архіерея къ такому противъ меня дѣйствию? И не имѣлъ-ли онъ правильныхъ, а затѣмъ и побудительныхъ въ сему причинъ? (Отвѣтствую):—нѣтъ, его таково свойство, которое дѣйствуетъ не только при рожденіи мѣсяца, но и при продолженіи пиршества***). Въ такомъ его положеніи, кто первой ему встрѣтится, или впадетъ ему на мысль, тотъ и бываетъ жертвою его странности, и самой обиды. Въ такомъ его положеніи часто случалось, что онъ будучи въ дорогѣ въ зимнюю пору, выскочитъ изъ дормеса****) на морозъ, которой свыше двадцати градусовъ. Велитъ пѣть пѣвчимъ, и самъ съ ними поетъ. Всѣ стоятъ среди поля на отерытомъ воздухѣ, безъ шаповъ, а онъ попеременно

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «поволоклась».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутаго: «изъ чего привыкшему мнѣ къ подобнымъ включеніямъ понятно было, что...» и проч.

Ред.

***) Послѣднія двѣ строки были прежде такъ изложены: «нѣтъ, его таково характеръ — не только при рожденіи мѣсяца или при продолженіи пиршества, но даже въ трезвомъ положеніи, если онъ чѣмъ нибудь внутреннѣ тронуть или озабоченъ, или огорчается...» и проч.

Ред.

****) Въмѣсто зачеркнутаго: «кареты».

Ред.

то поеть, то бранить, то бьетъ одного, или другого, и держать въ голой рукѣ стаканъ до тѣхъ поръ, пока англійское въ немъ пиво обратится въ льдины; въ семь послѣднемъ бываетъ тотъ виноватъ, кто подносилъ. Правда, что и самъ онъ часто платилъ недешево за свои подвиги. Онъ получилъ въ ножныя игры ревматизмъ, а потомъ въ палець правой руки онемѣлость, или нечувствительность *), на которомъ и носилъ, по совѣту лекарей, заячей мѣшковъ, вмѣсто воздержанія отъ напитковъ и сбереженія себя отъ холода; но дѣло не о томъ: а сѣжу въ заключеніи.

Архіерей проснувшись въ полдень, уѣхалъ обѣдать въ городъ въ воеводѣ Пустошкину. Уже сближался глѣтній день къ пяти часамъ по полудни, а я нахожусь въ моей фортеціи безъ вкушенія вина и едеи, кромѣ хлѣба и воды.

Кто первой сказалъ: «все къ чему-нибудь годится», тотъ былъ въ подобномъ моему приключеніи. Діета натурально очищаетъ мысли; почему и я послѣ нѣсколькой душевной тревоги почувствовалъ пріятную унылость и нѣкоторое утѣшеніе. Я нашелся въ состояніи разсуждать, и разсуждалъ не только о прошедшемъ и настоящемъ, но и на будущее время старался что-нибудь прочное для себя примыслить **).

Бѣдное и бѣдствующее твореніе человѣкъ! Его мысль, его рѣзкая, мучительная и даже ядовитая чувствительность, такъ какъ и пріятныя иногда минуты и самая жизнь, кажутся ему неограниченными временемъ; но, въ самомъ дѣлѣ, одна уже, во мрачной ужасъ облеченная смерть, достаточна его просвѣтитъ, что обитаемой нами шаръ не имѣетъ ничего прочнаго! Такъ что-жъ я могъ прочное для себя примыслить ***)?

Сидя въ моей кельи, я такъ не думалъ; но при писаніи моей повѣсти, разсудилъ изобразить мысли, истинну которой въ теченіе моей жизни видѣлъ и осязалъ. А въ тогдашнемъ обстоя-

*) Зачеркнуто: «двухъ составовъ».

Ред.

**) Вмѣсто зачеркнутого: «для себя предуготовить....».

Ред.

***) Въ семь мѣстъ богословы имѣютъ свой долгъ вспыхнуть: «Чѣмъ смерть ужасна? а вѣра гдѣ?» Отвѣтствую: «Вѣра при мнѣ и непріятность смерти, и чувство горестей въ жизни при мнѣ и при богословахъ» — «Ето мало-вѣріе, ето не вѣра!» оиать закричатъ. Отвѣтствую: «Споровъ и умствованій на свѣтѣ много, а чувствительность сердца одна. Одна и столь благородна, что она не любитъ, когда ее съ пути сбиваютъ».

Г. Д.

тельствѣ нужно было скорѣе всего мыслить о способѣ освобожденія себя. И вотъ, что я выдумалъ:

Взялъ алмазной перстень, полученной отъ архіерея въ знакъ имѣющаго быть сочетанія меня, съ его племянницею, завернулъ его въ бумажку, потомъ на другой написалъ слѣдующее: «Преосвященнѣйшій владыко! Пожалованный мнѣ перстень, въ знакъ имѣвшаго быть бравосочетанія моего съ вашею племянницею, возвращаю въ знакъ вѣчнаго моего разлученія съ нею, съ вами и со всѣмъ свѣтомъ».

Сіе посланіе я, подозвавъ сторожа подъ окно, отдалъ ему съ перстнемъ, завернутымъ въ бумагу и сказалъ: «спѣши отдать самому преосвященному»; а самъ набивалъ въ его глазахъ пистолеть, будучи въ твердомъ и непремѣнномъ намѣреніи выстрѣлить изъ него послѣ въ роцѣ, для забавы. Преосвященный, — какъ мнѣ послѣ пересказали, — пробѣжавъ глазами короткое мое письмо, бросился опротивью изъ воеводскихъ покоевъ, и выскоча на крыльцо, кричалъ самъ: «варету-варету!» Всѣ гости и хозяинъ выбѣжавшіе за нимъ были въ недоумѣніи, а онъ, не сказавъ имъ ни слова, ускакалъ по-курьерски. Такимъ образомъ нерѣдко смѣшили мы людей и портили себя. Мы были истинные люди, которые заражаютъ себя и атмосферу.

Не было и часа разстоянія въ 3-хъ верстахъ въ оба пути, какъ застучалъ онъ въ мои двери, которыя и съ моей стороны были укрѣплены, — возглашая со стукомъ:

— «Живъ ли ты? полно дурачиться, отвори, и я вчера дурачился. Полно смѣшить людей, послушай меня, отвори».

«Я инако не отворю, какъ на тѣхъ условіяхъ, чтобъ ваше преосвященство уволили меня изъ вашего дому съ письменнымъ отъ васъ и отъ консисторіи аттестатомъ; въ противномъ же случаѣ, пистолеть мой всегда при мнѣ».

— «Все сдѣлаю, что тебѣ надобно».

Я впустилъ добраго пастыря въ мою ограду. Онъ долго со мною сидѣлъ, велъ продолжительной и постоянной разговоръ. Мнѣ приписывалъ вспыльчивость, а о себѣ помалчивалъ, какъ будто онъ прошедшей ночи и прошедшихъ дней, недѣль, мѣсяцевъ и годовъ, — не онъ былъ. Онъ попытался еще сдѣлать мнѣ милостивос предложеніе, чтобъ я перешолъ въ его покой и принялся за первую должность, а за сіе послушаніе, поелику я же-

далъ вступить въ коронную службу, — включень я буду, по просьбѣ его и рекомендаціи, въ штатъ при фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ. Но я знавъ изъ десятилѣтняго опыта (всего, всю сію) особу и качества, ничего бы простѣе не сдѣлалъ, какъ еслибъ ему повѣрилъ и понадѣялся, почему и отвѣтствовалъ ему большею частію молчаніемъ.

Итакъ, изъ длинной нашей аудіенціи, вышло только то, чего я и желалъ, то-есть, я освободился изъ-подъ стражи и остался въ прежней участи даже до тѣхъ поръ, пока певущееся Провидѣніе, учреждающее все, — какъ говорятъ, — на благой конецъ, перемѣнило ее вотъ какимъ образомъ:

§ XXIX.

1777 годъ.

1777 г. Невѣста моя, бывши 9 мѣсяцовъ больна, въ великой постѣ 1777-го года свончалась. Она рѣшила*) и волю своего дяди и мою колеблемость быть мнѣ зятемъ и мужемъ. Смерть ея перенесъ я неравнодушно, однако-жъ это было больше дѣйствіе чувствительнаго моего отъ природы сердца, нежели страстной влюбчивости, потому что сія потеря рѣшила меня избавиться отъ такого владыки, которой не рожденъ быть ни другомъ, ни благодѣтелемъ. Итакъ, первой шагъ сдѣлалъ я къ моему облегченію**) отъѣздомъ, съ дозволенія преосвященнаго, въ Молчанскую Софроніеву пустынь, отстоящую отъ Сѣвска на 150 верстѣ.

Сей монастырь или пустынь, въ разсужденіи возвышеннаго мѣстоположенія, въ разсужденіи четырехъ каменныхъ церквей и другихъ зданій, такъ же окружающаго ея лѣса, садовъ, винограда, и прочихъ пріятныхъ зрѣлицъ и изобилія, было наипрекраснѣйшимъ жилищемъ для любящихъ тишину. И въ сей-то расхваленной мною пустыни, прожилъ я съ половины великаго поста по 9-е число маія, въ настоятельскихъ кельяхъ и на содержаніи монастыря. Въ продолженіе моего тамъ бытія жилъ я прямо по-монашески, то-есть, я ничѣмъ не занимался. А по открытіи весны, которая, по тамошнему климату, начинается

*) Зачеркнуто: «...какъ съ архіерейскою, такъ особливо съ моею стороны — быть мнѣ зятемъ преосвященнаго...».

Ред.

***) Вмѣсто зачеркнутаго: «избавленію».

Ред.

почти съ первыхъ чиселъ апрѣля,—ходилъ по лѣсамъ, по горамъ и по монастырскимъ возвышеніямъ. Все же вообще время проводилъ съ настоятелемъ и посѣщалъ монаховъ, изъ которыхъ, правду сказать, ни одного не находилъ занимающагося какимъ-нибудь рукодѣліемъ. Бывалъ я часто у одного изъ двухъ схимниковъ, отца Григорія, которой тѣмъ больше мнѣ полюбился, что жилъ съ хорошимъ запасомъ. У него были разные воды, настоянныя на разные лечебныя травы, садовые плоды и медовыя варенья, а сахарными—снабждали его богомольцы, отъ имени богомольщицъ, ибо надобно знать, что отецъ Григорій, будучи близво семидесяти лѣтъ, лично съ богомолицами нивогда не видывался во избѣжаніе искушенія отъ дьявола. Всѣмъ своимъ запасомъ онъ для меня не скупился, хотя былъ старъ и монахъ.

Въ большему его дарованію, онъ охотникъ былъ говорить и судить о слабостяхъ, порокахъ или удовольствіяхъ человѣческихъ снисходительно. Онъ съ сожалѣніемъ самъ о себѣ говорилъ, что не въ силахъ любить своихъ непріятелей, и былъ со мною согласенъ, что дѣлать врагамъ нашимъ добро состоитъ въ нашей волѣ, или возможности; «но любить и не-любить — яжеже глаголетъ Сумароковъ — не въ воли состоитъ; ибо сердце наше есть такое нѣжное и своеобразливое дитя, которое не подвергается приказаніямъ». Мой отецъ Григорій по сей матеріи часто приводилъ въ примѣръ, что онъ не можетъ любить схимника Іоанна, понеже Іоаннъ не умѣетъ читать псалтири, и не былъ на Аѳонской горѣ, а думаетъ о себѣ, что онъ великой святой и достоинъ третьего неба. Настоятель той пустыни, по мнѣнію отца Григорія, былъ не лутче схимника Іоанна. Въ прочихъ пустынножителяхъ не находилъ онъ подобныхъ пороковъ, потому, что всѣ они просили отъ него благословенія.

Пользуясь его угощеніемъ, требовала вѣжливость выслушивать, когда онъ повѣствовалъ мнѣ о своихъ трудахъ и подвигахъ, употребленныхъ имъ во время младыхъ его лѣтъ на Аѳонской горѣ, и состоявшихъ большою частію въ томъ, что онъ долженъ былъ своеручно выработывать и на своемъ хребтѣ носить ревітъ, мабры и стридію, дабы не умереть съ голоду.

«Что такое, батюшка,—спросилъ я его — за пища безсмертія?»

— «Они тоже значать, отвѣчалъ онъ, что у насъ въ Мало-россіи горохъ, пшеница и чечевица».

Можеть быть онъ и не вѣрно перевелъ, или я не вѣрно припомнилъ, ни за то, ни за другое не ручаюсь. Знающія греческой языкъ, могутъ исправить.

«Я — продолжалъ онъ — былъ прежде въ Россіи гусаромъ. Но оставя всѣ свѣтскія забавы и роскоши, бѣжалъ въ Аѳонскую гору, гдѣ препроводя время почти до старости, переселился наконецъ въ сію пустыню, дабы продолжить и кончить время въ богомыслии и молитвахъ за себя и за другихъ» *).

Слушая отца Григорія, я не сомнѣвался**), что для пользы общественной и своей, лучше быть схимникомъ и молиться, нежели быть гусаромъ и проливать кровь свою и чужую для доставленія покоя соотечественникамъ, какъ одинъ изъ молодыхъ и холостыхъ дворянъ г. Бавыкинъ, приѣхавшій на ту пору въ пустынь больше для гулянья, нежели для моленья, испортилъ мою вѣру рассказомъ слѣдующей повѣсти:

«Недавно предъ симъ,—говорить Бавыкинъ,—отецъ Григорій недопустилъ-было меня въ себѣ въ келью, когда я пришелъ къ нему для испрошенія отъ него благословенія. Мнѣ показалось это забавно, и я рассудилъ поусилиться, дабы показать, что имѣю нужду въ его молитвахъ, что я горячій почитатель его особы, и чтобы узнать: за что гнѣвъ и немилость! Вслѣдствіе чего отецъ Григорій, отверзая дверь толкующему, встрѣтилъ меня жестокимъ выговоромъ, называя безъ дальнихъ околличностей, «мучителемъ» и проч. и въ жаркомъ своемъ гнѣвѣ, увѣрялъ меня, что ему «о моемъ, по его словамъ, грѣхѣ, духъ святой возвѣстилъ». Но какъ отецъ Григорій въ своихъ ретивыхъ увѣщаніяхъ наклепалъ на меня много такихъ дѣйствій, которыхъ никогда не бывало и даже природа моя отвращается быть столько злымъ или, лучше сказать, сумасшедшимъ, что я на святаго духа осмѣлился возымѣть подозрѣніе въ томъ, что онъ кому-нибудь похлѣбствуетъ потому, что отцу Григорію много возвѣстилъ небылицы. Догадка моя была справедлива. Слуга мой, которому я, по выходѣ отъ отца Григорья, погрозилъ, рассказавъ

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «и подвиги за спасеніе душъ человѣческихъ».

Ред.

**) Въмѣсто зачеркнутыхъ словъ: «уже начиналъ я вѣрить».

Ред.

мнѣ всю-на-все жалобу, которую онъ приносилъ на меня отцу Григорію, за то, что я его за многія шалости, и даже плутни, наказалъ единожды».

Сею повѣстію Бавыкинъ увѣрилъ себя и меня, что въ наши грѣшныя времена не могутъ мѣститься на земли великія чудотворцы *), кромѣ обыкновенныхъ чудодѣевъ.

Возвращеніе мое изъ пустыни не прямо послѣдовало въ Сѣвскъ. Я увѣдомленъ отъ преосвященнаго, что сестра его, а моя недоставшая быть тещею, будетъ дожидаться меня въ назначенное время въ Глуховѣ, дабы съѣхавшись, сопутствовать ей въ Ахтырку для поклоненія чудотворному образу. Но по прибытіи моемъ въ Глуховъ, нашелъ отъ преосвященнаго другое письмо, въ которомъ увѣдомлялъ меня, что ему разсудилось назначенной прежде путь сократить, и вмѣсто Ахтырки назначить мѣстечко Дубовичи, гдѣ такая же чудотворная икона, какъ и въ Ахтырѣ, а можетъ быть и полутче, смотря по тому какъ кто помолится.

Тещу мою нашелъ я въ Глуховѣ съ двумя малолѣтними дочерьми и сотовариществующею ей одною дамою моею же вумою. Такимъ образомъ собрались мы цѣлою роднею и ѣхали въ самую лутчую весеннюю пору до Дубовичъ. Дубовичи отъ Глухова на день, или меньше ѣзды. Но не припомню точно, къ которому принадлежать городу.

Дубовицкой храмъ былъ храмомъ нашего благоговѣнія и поклоненія. Я не знаю чего которой изъ моихъ сопутницъ хотѣлось выпросить; а я просилъ, чтобы меня Сѣвскій архіерей отпустилъ изъ монастыря для присканія основательнаго и значущаго состоянія, а каваго? я и самъ не зналъ и не могъ примыслить. Я, уединившись отъ нихъ, пролилъ обильныя слезы съ колѣнопреклоненіемъ.

Говорять, что слезы въ подобномъ случаѣ, есть даръ Божества, почему и я ощущалъ чрезъ нихъ нѣкоторое утѣшеніе и надежду въ томъ, что я услышанъ.

Возвратясь въ Сѣвскъ, водворился я паки въ мою отшельническую келью. Мать возобновила посѣщенія своему сыну. Мы бесѣдовали съ нею, какъ таке родные, которымъ общежитіе не

---

*) Вмѣсто зачеркнутаго: «святители».

наскучило, ибо—какъ изъ исторіи моеѣ видно— жребій выпалъ, чтобы отецъ и мать оставили сына въ малолѣтствѣ: первый—отшествіемъ на вѣчность, а другая—разномѣстнымъ со мною обитаніемъ. Говоря все какъ мать съ сыномъ, она припомнила мнѣ дату *), или время своего бракосочетанія и моего рожденія и послѣднія слова отца моего: «Когда сидѣла я съ духовникомъ нашимъ, отцемъ Григоріемъ при головѣ лежащаго на смертномъ уже одрѣ отца твоего и, по тогдашней моеѣ простотѣ и молодости, будучи притомъ въ горькомъ замѣшательствѣ, тревожила его пустыми вопросами: «какъ мнѣ жить безъ тебя? что мнѣ начать? идти-ли мнѣ замужъ или нѣтъ?» онъ отвѣчалъ:— «ты можешь найти мужа, но сыну моему отца не найдешь». Увы! сколь много значилъ для сына такой отвѣтъ! и сколь много было для умирающаго присутствія ума!

Меня посѣщаль часто капитанъ Иванъ Михайловичъ Лихаревъ, обитавшій въ Площанской пустынѣ, а иногда, съ дозволенія архіерея, я посѣщаль его въ его обиталищѣ. Онъ былъ лѣтъ около 30-ти, человекъ съ природными и приобретенными достоинствами, свѣдущъ во многихъ такихъ вещахъ, о которыхъ многіе и маіоры понятія не имѣютъ. Къ сему успѣлъ уже испытать душевныя скорби и несчастія. Онъ былъ уже въ какой-то крѣпости во время войны противъ турковъ, плацъ-маіоромъ; но за нѣкую съ прочими въ крѣпости оплошность, былъ пониженъ однимъ чиномъ. Сердась на суровую участь и непостоянство счастья, возжелалъ въ Площанской пустынѣ умножить число набожныхъ жителей; но повидимому и въ семъ духовномъ мірѣ не напедъ успокоенія **), возвратился—проживши годъ съ три въ монастырѣ, въ казанскія свои деревни, о чемъ я извѣстился будучи уже въ Бѣлоруссіи. Между тѣмъ какъ онъ жилъ въ стадѣ избранныхъ, былъ онъ наиполезнѣйшимъ для меня собесѣдникомъ.

Еще гонимый злобною судьбою, молодой дворянинъ, по фамиліи Луцевинъ, бывая у меня часто, раздѣлялъ и соединялъ со мною горькую свою участь. Онъ отъ 12-ти лѣтъ своего возраста,

*) Дата, по-польски значить то, что по-россійски въ четырехъ рѣченіяхъ годъ, мѣсяць, число и день. Эра и эпоха, въ нашемъ языкѣ суть такіе почтенные техническіе гости, которыхъ выжить жаль, а за родныхъ привязать нельзя.

***) Въмѣсто зачеркнутаго: «ничего добраго».

проходя въ рыльскай воеводской канцеляріи и въ рыльскомъ магистратѣ канцелярскія должности, испыталъ просиживать надъ бумагами цѣлыя ночи, не спавши. Имѣлъ чувствительное мученье сидѣть съ пьяными приказными, былъ отъ нихъ посаженъ въ желѣза; а глупой секретарь смотрѣлъ на это съ равнодушнымъ смѣхомъ; былъ отъ воеводы, носившаго всегда за губою табачную жвачку, бить палками за переписаніе челобитной, посланной на него отъ гражданства къ губернатору или въ сенатъ *). Потомъ былъ онъ счастливъ въ Путивльскомъ магистратѣ, зажиточенъ, повоенъ, отъ всѣхъ гражданъ почитаемъ и любимъ; но безъ чиновъ, и безъ возможности въ полученію оныхъ. Такія обстоятельства загнали его въ Сѣвскую консисторію, гдѣ получилъ онъ чинъ канцеляриста. Ставши мы съ нимъ равными чиновниками, заботились объ увольненіи и выѣздѣ изъ Сѣвска для поиску счастья.

Уже мой архіерей, чѣмъ далѣ, тѣмъ болѣ видѣлъ, что я ему не слуга, не собесѣдникъ, не секретарь и не истопникъ; почему и позволилъ консисторіи на поданныя отъ насъ просьбы, дать намъ съ Луцевинымъ аттестаты, а отъ собственной его персоны мнѣ отказалъ, говоря нѣвторымъ, что я безъ онаго выѣхать не рѣшусь; а я доволенъ будучи, что онъ исплошилъ самъ себя такимъ обо мнѣ мнѣніемъ, безъ котораго непроминулъ бы, по своей странности, задержать меня и съ аттестатомъ и съ паспортномъ консисторскимъ, отправился 1777 года іюля 1-го дня на 26-мъ году отъ моего рожденія, не теряя времени, съ Луцевинымъ изъ дома архіерейскаго въ городъ, въ самую ту пору, когда архіерей занимался принятіемъ у себя сенатора Дмитрія Васильевича Волкова, который обозрѣвалъ губерцію и приуготовлялъ ее къ переобразованію въ намѣстничество по новому учрежденію Еватеріны великія **).

*) Тогдашнія времена имѣли еще, хотя уже и на излетѣ, остатки древняго варварства. Но вскорѣ мудрость великія Еватеріны, по раздѣленіи имперіи на намѣстничества, истребила сіи звѣрства, непринадлежащія человѣчеству и образованному правленію. Г. Д.

О вліяніи учрежденія намѣстничества на смягченіе правовъ и улучшеніе вообще администраціи см. свидѣтельство сенатора Рунича въ его запискахъ, напечатанныхъ во II-мъ томѣ «Русской Старины», изд. 1870 г., стр. 366—370.

Ред.

**) Объ этомъ Волковѣ, одномъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Петра III, смотр. во II-мъ томѣ Записокъ Болотова, стр. 158, 228, 231 и друг. изд. «Рус-

Казна моя при выѣздѣ состояла изъ 1300 рублей, изъ которыхъ имѣлъ я при себѣ только 300 р., а прочіе оставались на процентахъ у короннаго повѣреннаго Москвитина, жившаго въ Сѣвскѣ. Сопутникъ же мой Луцевинъ, хотя имѣлъ во что одѣться даже до щегольства, но будучи впротчемъ не великій врезъ, помѣстился на счетъ моихъ прогоновъ и содержанія.

Пожитки мои, состоявшія въ книгахъ, небольшомъ серебрѣ, и другихъ мелочахъ, оставилъ у товарища того же повѣреннаго, по прозванію Арменинова. Оба они дѣлали мнѣ пособіе въ путевыхъ надобностяхъ, а особливо Армениновъ, который далъ своихъ лошадей до первой упряжки, а коляску на весь путь.

Секретари, купцы и другіе знакомые, узнавъ о нашемъ отъѣздѣ, желали намъ отъ добрыхъ сердець счастливаго пути и благополучнаго успѣха въ намѣреніяхъ, и засвидѣтельствовали то личнымъ прощаніемъ. А мать моя! обыкновенно проводила вагъ провожаютъ матери! слезъ—было—не покупать.

Нагрузивши нашу коляску и взявъ съ собою по одному вольному слугѣ, сѣли и пустились съ Луцевинымъ изъ города, около седьмаго часа пополудни.

Лишь выѣхали изъ города—непонятное движеніе побудило меня стать въ убѣгающей коляскѣ и смотрѣть на городъ и на архіерейской домъ. Теряя ихъ изъ глазъ, чувствовалъ я въ молчаніи звонъ, который растрогивалъ мою душу и вѣщалъ: «прощай, любезное мое гнѣздо! прощай, городъ и архіерейскій домъ! прощайте всѣ горести и тревоги, которыя я вкусилъ! прощайте пріятныя минуты, которыя промчались вагъ не были! прощай мать, родившая сына для того, чтобъ онъ странствовалъ и не былъ утѣхою твоему врѣнію!»

Неизвѣстность будущаго причиною была, что мнѣ казалось будто я ѣду на край свѣта, гдѣ—по свазкамъ бабушекъ,—прачки моючи бѣлье, мыло на небо кладутъ. И правда, что мы не знали куда ѣдемъ, знали только отъ чего бѣжимъ и чего хотимъ. Пашпорты, данныя намъ отъ консисторіи, были до Москвы и Петербурга. Но вмѣсто сихъ столицъ, товарищъ мой посовѣтовалъ

вдругъ, по непонятному движенію, направить полетъ нашъ въ новопріобрѣтенный БѢлорусскій край. -

— «Тамъ—говорилъ онъ—скоро будетъ отрываться намѣстничество; тамъ государевъ намѣстникъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ и губернаторъ М. В. Коховскій, по имянному императорскому дозволенію, сами жалуютъ въ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, не спрашиваясь сената».

— Поѣдемъ же туда, отвѣтствовалъ я, авось-либо и намъ дадутъ штатскіе оберъ-офицерскіе чины, только мнѣ за бумагами сидѣть не хочется.

— «И мнѣ не хочется, подхватилъ Луцевинъ; мнѣ ужъ онѣ надоѣли въ Путивлѣ и въ Рыльскѣ, хотя мнѣ и 20-ти еще не исполнилось».

— Мнѣ и воинская служба не нравится—говорилъ я,—воинскіе офицеры мечтаютъ о себѣ что они принцы, а голы какъ бубны.

— «Однако-жъ она первая изъ службъ, сказалъ Луцевинъ, хотя мой дѣдъ и въ цѣховые изъ дворянъ записался, когда государь Петръ Великій требовалъ дворянъ на смотръ. Хорошо еще быть,—продолжалъ Луцевинъ,—у богатыхъ подрядчиковъ или откупщиковъ конторщикомъ или письмоводителемъ. Они знакомы съ большими господами и съ генераль-прокуроромъ, чрезъ которыхъ не только сами для себя запрашиваютъ чины, но и другимъ имѣютъ случай выпросить, а особливо при заключеніи въ сенатѣ контрактовъ».

— Я желалъ бы—сказалъ я—служить при таможи, тамъ денегъ, суконъ, полотень, матерій и всякихъ вещей прѣпасть, а съ ними подрядчикомъ и откупщикомъ сдѣлаться можно, и запрашивать чины въ сенатѣ при заключеніи контрактовъ.

— «Хорошо, сказалъ Луцевинъ, теперь въ БѢлорусской Рогачевской таможнѣ находится директоромъ оберъ-провіантмейстеръ Петръ Савичъ Звягинъ. Онъ изъ одного со мною города. Я зналъ его, когда онъ былъ такимъ же канцеляристомъ, какъ мы теперь. Поѣдемъ въ Рогачевъ».

— Поѣдемъ — подхватилъ я — погоняй поскорѣй! погоняй!

Продолжая съ восторгомъ наше «погоняй», и повторяя его нѣсколько минутъ непрерывно, мы подняли такой крикъ, что извозчикъ почелъ насъ, безъ сомнѣнія, не за послѣднихъ шалу-

новъ, и не замѣтили какъ проскакали 30 верстѣ слишкомъ до Серединой-буды, гдѣ остановились у священника кievской епархіи Ивана Карповича Лузанова, знакомаго архіерею и мнѣ.

Хозяинъ былъ мнѣ радъ, угостилъ насъ ужиномъ, а на завтра въ церкви проповѣдью, — поелику день былъ воскресный, и обѣдомъ. Онъ былъ священникъ съ латинью, съ умомъ и съ нравственностью. Вѣжливъ, скромень, весель, гостеприимень. Густые и черные его волосы скрывали непроницаемо цѣлую половину ряссы отъ плечъ по сѣдалище, а овладистая и чрезвычайно густая того же цвѣта борода, расширяясь по груди, примыкалась съ обѣихъ сторонъ къ головнымъ волосамъ; а все сіе совокупно представляло особу самую важную и украшенную особливимъ трудомъ и тщаніемъ природы, которая не поскунилась волосами *). Онъ будучи тогда лѣтъ подъ 40, имѣлъ попадью не старѣ 20-ти лѣтъ, и не выше аршина и 3-хъ четвертей, хотя я и не мѣрилъ. Она чистосердечно за пріятнымъ ихъ обѣдомъ разсказывала, что когда мужъ ея, будучи студентомъ въ Кіевской академіи, искалъ съ нею жениться, то она, не ощущая въ себѣ къ нему ни малѣйшей склонности, всегда его убѣгала. И матери-тещи — не малаго стоило труда возвращать ее къ соблюденію благопристойнаго съ женихомъ обращенія. «А теперь мнѣ важется, — говорила она, — я одна во всемъ мірѣ такая счастливая изъ женъ, которая имѣетъ столь хорошаго мужа».

Послѣобѣденное време провели мы въ прискиваніи лошадей; а въ понедѣльникъ послѣ обѣда отправились на Стародубъ.

§ XXX.

Стародубъ и Черниговъ.

Въ Стародубѣ, остановившись на постояломъ дворѣ, имѣли необходимость паки стараться о лошадяхъ, потому что извозчики наняты были только до сего мѣста и дальше вести не соглашались. А понеже я жилъ столь долго у средоточія духовныхъ, то и стародубскій протопопъ Зубрицкій, хотя чужой епархіи, былъ мнѣ знакомъ потому, что ему случалось гостить у моего архіерея. Сіе знакомство обязываетъ меня приостановиться надъ отцемъ Зубрицкимъ и его побіографитъ и по марало-графитъ.

*) Въмѣсто зачеркнутаго: «не пощадила волосъ».

Онъ былъ мужъ старый; сѣдая его борода, оставя совершенно-голыми счюки, начиналась только отъ усть и подбородка, слѣдственно не шире была двухъ съ половиною вершковъ, и продолжаясь черезъ грудь и брюхо, оканчивалась тамъ, гдѣ природа раздѣляетъ человѣка на двѣ равныя развалины. Слѣдственно, длина въ разсужденіи ширины или ширина въ разсужденіи длины дѣлали ее тѣсно-образною. И толь необычайнаго колибра борода списана была еще въ Сѣвскѣ, по приказанію архіерейскому, домовымъ живописцемъ. «Примѣчанія достойно,—по собственнымъ тогдашнимъ его словамъ,—что гдѣ сія борода ни показывалась, вездѣ ее за рѣдкость списывали», а какъ портреты его изображались всегда въ грудномъ или поясномъ положеніи, то и ниѣкому не удавалось на портретахъ видѣть конца его бороды, такъ какъ никто не видалъ начала рѣки Нила. Къ такому-то отцу протопопу я явился. Онъ принялъ меня съ моимъ товарищемъ безъ вниманія, и я имѣлъ причину подозрѣвать, что онъ меня не узналъ, почему за нужное почелъ засвидѣтельствовать ему архипастырское благословеніе Сѣвскаго архіерея, не объявляя ему, что я лишилъ себя права развозить благословеніе. Но когда увидѣлъ, что онъ и послѣ сего не любопытнѣе знать ни объ архіереѣ, ни обо мнѣ, то я не счелъ за лишнее напомнить ему, что онъ у сѣвскаго архіерея обѣдывалъ, ужинывалъ, пивалъ вино, пуншъ, англійское пиво и наливки.

— «Да! отвѣчалъ онъ, какъ будто пробудившись, у васъ они есть, а у меня ихъ нѣтъ».

— Такъ нѣтъ ли у васъ лошадей, батюшка? спросилъ я. Если вы не имѣете, по крайней мѣрѣ знаете гдѣ что въ Стародубѣ есть. Вы здѣшній древній житель, а мы вамъ деньги дадимъ».

— «Деньги! сказалъ Зубрицкій, приподнявши впалые глаза,—за деньги все можно достать. Сынъ мой помоложе, онъ куда-то пошолъ въ городъ; а какъ возвратится, онъ для васъ постарается, а я уже старъ».

«О неблагословенное сѣме Авраамле! сказалъ я, вышедши отъ него, гласомъ архіерейскимъ моему Луцевину; когда исполнится съ вами обѣщаніе Бога, общавшаго вмѣсто этакихъ негодяевъ воздвигнуть отъ камней чадъ Аврааму? Пойдемъ искать

лошадей индѣ. Можно-ль намъ надѣяться на сына, когда у него таковъ отецъ?»

Хотя нѣсколько часовъ по городу безъ успѣха, принуждены возвратиться опять въ протопопу въ надеждѣ, что у него есть сынъ помоложе. Мы нашли на дворѣ человѣка лѣтъ 28-ми, въ худой изношенной синей епанчѣ, съ отвислою губою, пьянаго. Это былъ сынъ его. Онъ, завидя насъ, сказалъ:

— А! вамъ-то надобны лошади? Дайте мнѣ 20 руб., я вамъ дамъ лошадей.»

— За что такъ много?

— «За то, что они васъ повезутъ, куда вамъ надобно».

— Нельзя тому стать? мы ѣдемъ въ Бѣлоруссію, которая отселѣ не близко.

— «Вы на нихъ доѣдете хоть на край свѣта».

— Слышишь ли? сказалъ я Луцевину, хоть на край свѣта.

Луцевинъ сказалъ: «чего-жъ лучше!»

Между тѣмъ какъ мы съ Луцевинимъ разсуждали, похаживали, и не знали какъ кончить нашу надобность, у пьянаго дурь изъ головы нѣсколько вышелъ, и онъ насъ увѣрилъ, что онъ почтмейстеръ, что до самой Бѣлоруссіи на всѣхъ почтовыхъ станціяхъ лошади подѣ его вѣдомствомъ, что онъ человѣкъ чиновной, асаулъ, и что ему, по всѣмъ симъ правамъ и преимуществамъ, надобно заплатить напередъ всѣ прогонныя деньги 20 р., а онъ намъ дастъ за своею рукою для проѣзда формальной открытой листъ, называемой: «цѣдула».

Чтобъ не сидѣть въ Стародубѣ, молодая наша неопытность рѣшилась на цѣдулу и я заплатилъ ему 20 сребренниговъ и бездѣльникъ имѣлъ смѣлость начать ее тако: «Ея императорскаго величества цѣдула, по которой слѣдуютъ такіе-то, которымъ давать по всѣмъ станціямъ почтовыхъ лошадей» и проч.

На первой отъ Стародуба почтѣ, требовали уже отъ насъ прогонныхъ денегъ; но мы уповаю на цѣдулу, съ нерадѣніемъ отвѣтствовали, что уже заплочены разомъ асаулу. Извощикъ нашъ, безъ сомнѣнія, успокоилъ почту прогонами по наставленію асаула. На второй почтѣ, сколько мы ни увѣряли, что мы заплатили прогоны разомъ почтмейстеру, но намъ отвѣствовано, что безъ прогоновъ нѣтъ лошадей. Плутъ имѣлъ уловку и имя свое подписать разведеннымъ съ углемъ черниломъ, которое по первомъ завертѣ бумаги затерлось до безобразія. Итакъ, мы

дополняя недостатокъ нашей цѣдулы, повтореніемъ прогонныхъ денегъ, добрались, противъ чаянія, и безъ надобности до Чернигова, которой намъ отъ Стародуба къ Бѣлоруссіи почти столько же былъ по пути, какъ бы ѣдучи отъ Москвы до Кіева, захватить къ Петербургу; въ которой однакожь нельзя было не захватить потому, что насъ такъ везли по цѣдулѣ.

Въ черниговской ратушѣ безъ подорожной ни за какія прогоны не дали намъ лошадей, а надъ цѣдулою нашею смѣялись. Мнѣ весьма досадна была невѣжливость сихъ простыхъ людей, которые шутятъ надъ ближнимъ въ такую пору, когда ему надобно скоро ѣхать. Надлежало бы требовать лошадей на почтѣ, но тамъ подорожная еще нужнѣе, нежели въ ратушѣ. Итавь, не заводя споровъ за достоинство цѣдулы, спросилъ я у сихъ цѣдулоборцевъ: «дома-ль преосвященный и Елецкаго монастыря архимандритъ Ероей*»). Ратушники, оставя цѣдулу и посмотря на меня съ большимъ уваженіемъ, отвѣтствовали мнѣ, что архіерея нѣтъ, а архимандритъ дома. Они замѣтили, безъ сомнѣнія, что человекъ, которой нарицаеть столь фамилиарно особъ владѣющихъ великими деревнями и руководствующихъ душами правовѣрныхъ, долженъ и самъ быть немаловаженъ. Не теряя времени или лутче связать не жалѣя потерять дурное время, пошелъ я къ архимандриту. Я нашелъ его дома. Онъ тотчасъ меня узналъ, и ласковой его приѣмъ далъ мнѣ еще болѣе почувствовать грубость протопопа Зубрицкаго. Архимандритъ, узнавъ отъ меня на сей разъ не больше, какъ только о путешествіи въ Бѣлоруссію, далъ мнѣ тотчасъ свой экипажъ **) до ратуши, дабы я коляску мою препроводилъ въ его Елецкій монастырь, и имѣлъ бы съ сопутникомъ продовольствіе и отдохновеніе въ его настоятельскихъ кельяхъ до выѣзда въ Бѣлоруссію.

Учредя такимъ образомъ, по милости отца архимандрита, наши дѣла, его высокопреподобіе вступилъ со мною въ пространный разговоръ; я увѣдомилъ его чистосердечно, что уволенъ отъ преосвященнаго и отъ консисторіи навсегда.

*) Архіерея зналъ я по бытности его на комиссіи, а архимандритъ знакомъ, потому что посвященъ моимъ сѣвскимъ архіереемъ, по указу синода, во время междуархіерейства въ Черниговѣ.

Г. Д.

**) Въ подлин. зачеркнуто: «По-польски поѣздъ, а по-россійски — не знаю какъ. Надобно учинить исправку съ академіею россійскою, которая скупа на словарь. Видно ей много дѣла».

Г. Д.

44*

— «И вы уже не возвратитесь къ преосвященному?» спросилъ скоропоспѣшно архимандритъ.

— Нѣтъ, отвѣтствовалъ я и продолжалъ: теперь въ Бѣлоруссіи открываются два намѣстничества. По новости присоединенія сего края въ Россіи можетъ быть настоять больше нужды въ людяхъ для штатской службы, нежели во внутреннихъ губерніяхъ. А еслибы и не нашли ничего для себя полезнаго, то мы имѣемъ пашпорты до Москвы и Петербурга. Когда ничего вѣрнаго не видно нигдѣ, такъ надобно поискать его вездѣ и проч.

Время нашего разговора сблизилось подъ самой ужины. Отецъ архимандритъ, выслушавъ изъясненія моихъ намѣреній, пожелалъ мнѣ спокойной ночи, и пошелъ въ дальніе покои, не говоря больше ни слова. Еще я не опомнился хорошенько, и не зналъ за что почестъ неожиданной побѣгъ нашего хозяина, какъ подошелъ ко мнѣ его келейный и сказалъ: что, «его высокопреподобіе кушать не изволитъ, такъ неудобно-ль вамъ откушать съ нами?»

Бывши я почетною особою при сѣвскомъ неуступчивомъ архіереѣ, не почиталъ уже новымъ дѣломъ презирать и самыхъ архимандритовъ; почему и отказался спѣсиво отъ предложенной мнѣ чести *). Вслѣдствіе сего, потащились мы съ Луцевинымъ къ своей коляскѣ, стоящей подъ повѣтью. На столовой припасъ мы не имѣли нужды; но я не помню, ужинали мы, или нѣтъ. Того только нельзя забыть, что мы съ своимъ сопутникомъ, имѣя одни намѣренія, имѣли различныя съ нимъ природныя свойства. Я когда бываю въ душевномъ прискорбіи, тогда не могу спать и ѣсть, а онъ, въ подобномъ случаѣ, погружался въ крѣпкой сонъ. Онъ, пользуясь симъ преимуществомъ, тотчасъ въ коляскѣ успокоился; а я цѣлую, хотя іюльскую ночь, ни глазомъ не сомкнулъ, размышляя почеловѣчески о неизвѣстности будущаго моего жребія, хотя размышленія таковыя приводятъ только въ изнеможеніе душевныя силы; да и для чего бы тревожить себя размышленіями о томъ, чего намъ природа не позволила ни пред-

---

*) Тогда носился слухъ, что сѣвскій архіерей переведенъ будетъ въ Черняговъ, а черняговскій—на другую епархію. Архимандритъ, услыша отъ меня, что я уже къ архіерею моему не возвращусь, почувствовалъ для себя тягостію продолжать гостепріимство.

видѣть, ни предъузнуть? Но съ другой стороны, тотъ же гласъ природы всегда мнѣ внушалъ такъ: «ты родился сиротою и живешь ты безъ друзей. Ежели ты самъ о себѣ не потревожишься, то никто другой вмѣсто тебя не потревожится».

Уже на разсвѣтѣ я заснулъ. Но въ самомъ моемъ спокойствіи пробудилъ меня необыкновенной шумъ. Это было вотъ какое дѣйствіе: человекъ съ 8-мъ монастырскихъ служителей тащили женщину, которая, изъ-подъ общаго ихъ шума, просила пощады воплемъ,—какъ говорятъ въ монастыряхъ,—до небесъ досягающимъ. Втащивши ее въ сарай, начали тиранить внутрьемъ. Мученица кричала пока могла. Потомъ вытащили ее изъ сарая и бросили въ пустую тутъ же стоящую избу и повидимому служащую для этакихъ богоугодныхъ употребленій. Вѣрные сіи исполнители милосердія на вопросъ мой отвѣчали, что это попадья, которую его высокопреподобіе приказалъ обсѣчь отъ шеи до пятъ, по жалобѣ келейнаго его хлопца.

Мое сердце, сотворенное къ сугубому состраданію всякой и чужой ранѣ, хотя бы то была и не попадья, остановилось вопрошало само себя: «Всемогущее Провидѣніе! для чего дано человеку заблужденіе, что мы называемъ преступленіемъ, ежели онъ подвергается за него различнымъ горестямъ и страданіямъ? Для чего не дано ему столько благоразумной осторожности, чтобъ онъ, удаляясь пороковъ или ошибокъ, могъ избѣгать всѣхъ золь, томящихъ братскую его жизнь? и для чего отъ начала міра по нынѣ, отъ нынѣ и до вѣка, сильный злодѣй утѣсняетъ безсильнаго добраго и никому за то не отвѣчаетъ?»—вопросало, и никто ему не отвѣчалъ!

Мы выхлопотали кое-какъ при помочи денегъ лошадей съ почты, представляя, вмѣсто подорожной, наши пашпорты. Около полудня, отецъ архимандритъ увидя насъ заботящихся при коляскѣ объ отъѣздѣ, удостоилъ мимоходомъ спросить: «что, уже на выѣздѣ?» Сей вопросъ придалъ намъ охоты къ выѣзду, и отвратилъ остатки желанія быть на отпускной аудіенціи и благодарить его высокопреподобіе за столь мудреной пріемъ и угощеніе.

Мы достигли Добрянки, гдѣ прежняя граница, раздѣлявшая Россію съ Польшею, была еще не снята. Таможенные досмотрщики приступили—было воляску нашу осмотрѣть; но будучи прак-

тиги въ знаніи проѣзжающихъ, пожелали намъ благополучнаго проѣзда, не безпокоя насъ разбивкою бесполезныхъ для нихъ вещей. Стоявшіе при рогаткахъ, будкахъ, притинахъ, пакхаузахъ, кланялись намъ мимоѣдущимъ и подставляли руки, чтобъ мы имъ что нибудь бросили. При выполненіи нами сего обряда, Луцевинъ говорилъ: что и въ воеводскихъ канцеляріяхъ сторожамъ такъ же бросаютъ.

Я отвѣчалъ, что въ монастыряхъ, въ праздники, на молебнахъ и попамъ въ церквахъ также кладутъ:

— «Я,—говорилъ Луцевинъ,—будучи въ Рыльскомъ магистратѣ при дѣлахъ, никогда не прашивалъ, и меня за это любили и дарили, и называли добрымъ и честнымъ малымъ».

— Мнѣ, говорилъ я, не было необходимости просить: меня въ архіерейскомъ домѣ просители сами дарили; и я наконецъ взялъ себѣ за обыкновеніе, ниже рубля не принимать, дабы чрезъ сіе показать мое сожалѣніе и услугу тѣмъ людямъ, которые выше рубля подарить не въ силахъ. И мнѣ вслухъ навривали, что я доброй человѣкъ».

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

О ПОВРЕЖДЕНІИ ПРАВОВЪ ВЪ РОССИИ.

Записки князя М. М. Щербатова.

VIII *).

Сей государь (Петръ III) имѣлъ при себѣ главнаго своего любимца, Льва Александровича Нарышкина, человѣка довольно умнаго, но такого ума, который ни къ какому **) дѣлу стремленія не имѣлъ, трусливъ, жаденъ въ честиамъ и ворусти, удобенъ ко всякому роскошу, шутливъ и, словомъ, по обращеніямъ своимъ, и по охотѣ шутить болѣе удобенъ быть придворнымъ шутомъ, нежели вельможею. Сей былъ помощникъ всѣхъ его страстей.

Взошедши сей государь на всероссійскій престоль, безъ ос-

*) См. «Русскую Старину» 1870 г. томъ второй, стр. 13—56; 99—116.

Помѣщая въ настоящей книгѣ окончаніе Записокъ сенатора кн. М. М. Щербатова, считаемъ необходимымъ оговориться по слѣдующему предмету: приступивъ къ изданію этого документа на страницахъ «Русской Старины» еще въ іюль 1870 г. (т. II, стр. 13—56), мы заявили въ предисловіи, что печатаемъ подлинную рукопись автора дословно, т.-е. не только ничего не выпуская, но даже приводя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ тѣ выраженія, которые авторъ счелъ нужнымъ зачеркнуть. Въ такомъ видѣ было напечатано нами шесть главъ, т.-е. бѣольшая половина записокъ: «О поврежденіи нравовъ»; затѣмъ, при изданіи VII-й главы, уже въ августовской книгѣ «Русской Старины» 1870 г. (т. II, стр. 99—116) мы, по обстоятельствамъ не отъ насъ зависѣвшимъ, должны были сдѣлать пропуски, всего до трехъ строкъ, которыя, при перепечаткѣ, и замѣнены точками. Нынѣ, во избѣжаніе новыхъ затрудненій при выпускѣ книги въ свѣтъ, мы сочли необходимымъ сдѣлать въ VIII-й и IX-й (послѣдней) главахъ Записокъ кн. Щербатова болѣе значительные пропуски, а именно: всего до тридцати трехъ печатныхъ строкъ. Таковыя искаженія историческаго документа намъ тѣмъ прискорбнѣе, что «Русская Старина», посвященная преимущественно изданію матеріаловъ къ новѣйшей отечественной исторіи—имѣетъ твердою задачею относиться къ дѣлу, съ полнѣйшею правдою и безпристрастіемъ. Намъ казалось, что печатая восторженныя ланигирики царствованію Екатерины II-й сенатора Рунича («Русская Старина» т. II, стр. 366—372) мы имѣемъ право, въ видахъ всесторонняго изслѣдованія эпохи, напечатать цѣликомъ, единственно какъ историческаго матеріалъ, и желчныя строки сенатора князя Щербатова..... Ред.

**) Зачеркнуто: «доброму».

новательнаго разума, безъ знанія во всякихъ дѣлахъ, восхотѣлъ поднять вольнымъ обхожденіемъ воинскій чинъ. Всѣ офицеры его голстинскіе, которыхъ онъ малый корпусъ имѣлъ и офицеры гвардіи часто имѣли честь быть при его столѣ *), куда всегда и дамы приглашались. Какіе сіи были столы? Тутъ вздорные разговоры, смѣшанные съ неумѣреннымъ питьемъ были смѣшаны, тутъ послѣ стола поставленный пуншъ, и положенныя трубки, продолженіе пьянства и дымъ отъ куренія табу представлялъ болѣе какой трактиръ, нежели домъ государскій; коротко одѣтый и громко кричащій офицеръ выигрывалъ надъ прямо знающимъ свою должность. Похвала прусскому королю, тогда токмо преставшему быть нашимъ непріателемъ, и униженіе храбрости російскихъ войскъ составляли достоинство приобрѣсти любленіе государево; и графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, при бывшей пробѣ російской и прусской, взятой въ плѣнъ, артиллеріи, за то, что старался доказать и доказать, что російская артиллерія лучше услужена, не получилъ за сіе Андреевской ленты, которыя тогда щедро были раздаваемы.

Имѣлъ государь любовницу, дурную и глупую графиню Елисавету Романовну Воронцову . . . . . **).

Примѣчательна для Россіи (одна) ночь, какъ рассказывалъ мнѣ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, тогда бывший его (Петра III) секретаремъ. Петръ Третій, дабы скрыть отъ графини Елисаветы Романовны, что онъ въ сію ночь будетъ веселиться . . . . . сказалъ при ней Волкову, что онъ имѣетъ съ нимъ сію ночь препроводить въ исполненіи извѣстнаго имъ важнаго дѣла въ разсужденіи благоустройства государства. Ночь пришла, государь пошелъ веселиться .. . ., сказавъ Волкову, чтобы онъ къ завтраю какое знатное узаконеніе написалъ, и былъ запертъ въ пустую комнату съ дацкою собакою. Волковъ, не зная ни причины, ни намѣренія государскаго, не зналъ о чемъ зачать писать, а писать надобно; но какъ онъ былъ человѣкъ догадливой, то вспомнилъ не рѣдкія въ тверженія государю отъ графа Романа Ларіоновича Воронцова о вольности дворянства; сѣдши, написалъ манифестъ о семъ. По утру его изъ заключе-

*) Зачеркнуто: «но какіе сіи столы были».

***) Въ этомъ мѣстѣ опущено пятнадцать строкъ.

нія выпустили, и манифестъ былъ государемъ опробованъ и обнародованъ *).

Не тоьмо государь, угождая своему любострастію, тако благородныхъ женщинъ для удовольствія . . . . . но и весь дворъ въ такое пришелъ состояніе, что каждый почти имѣлъ незакрытую свою любовницу; а жены, не скрываясь ни отъ мужа, ни родственниковъ, любовниковъ себѣ искали. Исчислю ли я въ стыду тѣхъ женъ, которыя не стыдились вгадать въ такія любострастія, съ презрѣніемъ стыда и благопристойности, иже сочиняетъ единую изъ главнѣйшихъ добродѣтелей женъ? Нѣтъ, да сокроются отъ потомства имена ихъ и роды ихъ да не обезчещутся намятованіемъ преступленій ихъ матерей и бабовъ; и тако довольствуясь описать какой былъ развратъ, подробно о любострастіяхъ ихъ, ни о именахъ ихъ не помяну, ибо въ самомъ дѣлѣ съ угрызениемъ сердца моего принуждаю себя и тутъ, гдѣ необходимо должно поминать, именую таковыхъ, по причинѣ сочиненія сего, опредѣленнаго сокрыться въ моей фамиліи, меня принуждаетъ.

И тако, развратъ въ женскихъ нравахъ, угожденіе государю, всякаго роду роскошь и пьянство составляло отличныя умышленертанія двора; а оттуда они уже нѣкоторые разлилися и на другія состоянія людей въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, а другіе разливаться начали, когда супруга сего Петра Третьяго, рожденная принцесса Ангальтъ-Цербская, Екатерина Алексѣевна, взопла, съ низверженіемъ его, на російскій престоль.

IX.

Не рожденная отъ крови нашихъ государей. . . . .
 . . . . . корону и скиптръ російскій получила, вупно и съ именованіемъ благочестивыя государыни, яко въ церквахъ о нашихъ государяхъ моленіе производится.

Не можно связать, чтобы она не была качествами достойна править толь великой имперіей, естли женщина возможеть поднать сіе иго и естли однихъ качествъ довольно для сего вышняго сану. Одаренна довольною красотою, умна, обходительна **),

*) Мнѣніе наше о разказѣ Волкова по предмету составленія манифеста о вольности дворянства, смотр. въ монографіи пишущаго эти строки: «Очеркъ царствованія Петра III». (Отч. Записки 1867, кн. XVIII, стр. 768—770).

**) Зачеркнуто: «по системѣ».

великодушна *) и сострадательна по системѣ, славолюбива, трудолюбива по славолюбію, бережлива, предпріятельна и нѣкое чтеніе имѣющая. Впрочемъ мораль ея состоитъ на основаніи новыхъ философовъ, то есть, неутвержденная на твердомъ камени закона божія, а потому какъ на колеблющихся свѣцныхъ главностяхъ есть основана, съ ними обще колебанію подвержена. Напротивъ же того ея пороки суть: любострастна и совсѣмъ ввѣряющаяся своимъ любимцамъ, исполнена пышности во всѣхъ вещахъ, самолюбива до безконечности и немогущая себя принудить къ такимъ дѣламъ, которыя ей могутъ скуку наводить; принимая все на себя, не имѣетъ попеченія о исполненіи, и наконецъ такъ переменчива, что рѣдко и одинъ мѣсяць одинавая у ней система въ разсужденіи правленія бываетъ **).

Совсѣмъ тѣмъ вошедши на престоль и неучиня жестокаго мщенія всѣмъ тѣмъ, которые до того ей досаждали, имѣла при себѣ любимца своего, который и спомоществовалъ ей взойти на престоль, человекъ ***)) врощаго въ трактирахъ и въ неблагопристойныхъ домахъ, ничего неучившагося и ведущаго до того развратную младаго человекъ жизнь; но сердца и души доброй. Сей, вошедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть, среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты, охоты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцахъ своемъ нѣкоторыя полевныя для государства правила, равно какъ и братья его; оныя состояли: никому не мстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому мѣсту и человекъ непрерывное исполненіе ихъ должностей, не лстить государю, выискивать людей достойныхъ и не производить, какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ, отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ), послѣ бывшій графомъ, а наконецъ княземъ, до смерти своей сохранилъ. Находя, что картошная азартная игра можетъ привести другихъ въ разореніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріатели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни

*) Зачеркнуто: «бережлива».

Ред.

***) Просимъ слычить настоящія строки съ отзывами того же автора объ Екатеринѣ II-й, напечатанные въ «Русской Старинѣ». т. I, изд. перв. стр. 28—30; изд. второе, стр. 115—117.

Ред.

****) Зачеркнуто: «воспитаннаго».

малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а напротивъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву государыни.

Изрубившему измѣнническимъ образомъ брата его Алексѣя Григорьевича,....*) не токмо простилъ, но и милости сдѣлалъ; множество льстецовъ, которые тщились обуздать его самолюбіе, никогда успѣху не имѣли и, напротиву того, болѣе грубостію можно было снисзвать его любовь, нежели лестію; никогда въ управленіе непринужденнаго ему мѣста не входилъ, а естлибы и случилось ему за кого попросить, никогда не сердился, ежели ему въ томъ отказывали; никогда не льстил своей государынѣ, въ которой неложное усердіе имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце, чему и самъ я многожды самовидцемъ бывалъ; старался и любилъ выскрывать людей достойныхъ, поелику понятіе его могло постигать, но не токмо такихъ, которыхъ по единому ихъ достоинству облагодѣтельствовалъ, но ниже ближнихъ своихъ любимцевъ не любилъ иначе производить, какъ по мѣрѣ ихъ заслугъ, и первый знакъ его благоволенія былъ заставлятъ съ усердіемъ служить отечеству и въ опаснѣйшія мѣста употреблять, яко учинилъ съ Севолодомъ Алексѣевичемъ Севоложскимъ, котораго въ сущую въ Москвѣ язву съ собою взялъ и тамъ употребилъ его къ дѣлу; хотя съ молоду развратенъ и роскошенъ былъ, но послѣ никакой роскоши въ домѣ его не видно было, а именно, домъ его отличнаго въ убранствѣ ничего не имѣлъ, столъ его не ровнялся съ столами, какіе сластолюбы имѣютъ; экипажи его, хотя былъ и охотникъ до лошадей и до бѣгуновъ, ничего чрезвычайнаго не имѣли и, наконецъ, какъ сначала, такъ и до конца, никогда ни съ золотомъ, ни съ серебромъ платья не нашивалъ. Но всѣ его хорошія качества были затемнены его любострастіемъ; онъ презрѣлъ, что должное ему къ своему государю и ко двору государскому, учинилъ изъ двора государева домъ распутія; не было почти ни одной фредлины у двора, которая не подвергнута бы была его исканіямъ, и коль много было довольно слабыхъ, чтобы на оныя преклониться, и сіе терпимо было государыней, а наконецъ тринадцати-

*) Изрубилъ А. Г. Орлова — Шванвичъ, впоследствии комендантъ въ Бронштадтѣ.

лѣтнюю двоюродную сестру свою, Катерину Николаевну З. . . . ., и хотя послѣ на ней женился, но не прикрылъ тѣмъ пороки свой, ибо уже всенародно оказалъ свое дѣяніе и въ самой женидбѣ нарушилъ всѣ священныя и гражданскія законы.

Однако, во время его случая, дѣла довольно порядочно шли, и государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ подданнымъ; не было многихъ раздачій, но было исполненіе должностей и пріятство государево вмѣсто награжденій служило. Люди обходами не были обижаемы, и самолюбіе государево истинами любимца укрощасмо часто было.

Однако, понеже добродѣтели не толь есть удобны къ подражанію, сколь пороки, мало послѣдовали достойнымъ похвалы его поступкамъ, но женщины, видя его и братья его любострастіе, гордились и старались ихъ любовницами учиниться, и разрушенную уже причинную стыдливость при Петрѣ Третьемъ, долго привычкою во время случая Орловыхъ, совѣтъ ея погасили, тѣмъ наипаче, что сей былъ способъ получить и милость отъ государыни.

Не паденіе, но отлученіе его отъ мѣста любимца, подало случай другимъ его мѣсто . . . . . занять, и можно сказать, что каждый любимецъ, хотя уже и коротко ихъ время было, какимъ-нибудь порокомъ, за взятые милліоны, одолжилъ Россію (окромѣ Васильчикова, который ни худа, ни добра не сдѣлалъ). Зоричъ ввелъ въ обычай непомѣрно великую игру; Потемкинъ—властолюбіе, пышность, подобострастіе ко всѣмъ своимъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь въ столѣ, лести, сребролюбіе, захватчивость и, можно сказать, всѣ другіе, знаемые въ свѣтѣ пороки, которыми или самъ преисполненъ и преисполняетъ обружающихъ его, и тако далъ въ имперіи. Завадовскій ввелъ въ чины поддыхъ малороссіянъ; Корсаковъ приумножилъ безстыдство любострастія въ женахъ; Ланской жестокосердіе поставилъ быть въ чести; Ермоловъ не успѣлъ сдѣлать ничего, а Мамоновъ вводитъ деспотичество въ раздачій чиновъ и пристрастіе къ своимъ родственникамъ.

Сама императрица, яко самолюбивая женщина, не токмо примѣрами своими, но и самымъ одобреніемъ пороковъ являемое

желаетъ ихъ силу умножить; она славолюбива и пышна, то любить лесть и подобострастіе. Изъ окружающихъ ее, Бецкій, человекъ малаго разума, но довольно пронырливъ, чтобы ее обмануть; зная ея склонность къ славолюбію, многія *) учрежденія сдѣлалъ, яко: сиропитательные дома, дѣвичій монастырь, на новомъ основаніи кадецкій сухопутный корпусъ и академію художествъ, ссудную и сирочеую казну, поступаая въ томъ яко александрійскій архитекторъ, построющій фару, на коемъ зданіи на алебастрѣ имя Птолемея царя изобразилъ, давшаго деньги на строеніе, а подъ алебастромъ, на мраморѣ, свое изваялъ, дабы, когда отъ долготы временъ алебастръ упадетъ, единое его имя видно было. Такъ и Бецкій, хотя показывалъ видъ, что все для славы императрицыной дѣлаетъ, но не токмо во всѣхъ проектахъ его, на разныхъ языкахъ напечатанныхъ, имя его яко перваго основателя является, но ниже оставилъ монархичѣ и той власти, чтобы избрать правителей сихъ мѣсть, а самъ повсюду начальникомъ и деспотомъ былъ, до паденія его кредиту. Дабы закрыть сіе, всѣ способы были имъ употреблены ей льстить: повсюду похвалы гремѣли ей, въ рѣчахъ, въ сочиненіяхъ и даже въ представляемыхъ балетахъ на театрѣ, такъ что я самъ единожды слышалъ, при представленіи въ кадецкомъ корпусѣ балета Чесменскаго боя, что она сказала: «il me loue tant, qu'enfin il me gâtera». Щастлива бы была, естлибы движеніи душевныя послѣдовали симъ рѣчамъ, но нѣсть! Когда сіе изрече, душа ея пышностію и лестію упивалась.

Не меньше Иванъ Перфильевичъ Елагинъ употреблялъ стараній приватно и всенародно ей льстить. Бывъ директоромъ театру, разныя сочиненія въ честь ея слагаемы были, балеты танцами возвѣщали ея дѣла, иногда слова возвѣщали пришествіе російскаго флота въ Морею, иногда бой Чесменскій былъ похваляемъ, иногда воспа съ Россіею плясала.

Также кн. А. А. Вяземскій, генераль-прокуроръ, человекъ неблистательнаго ума, но глубокаго разсужденія, бывшій генераль-прокуроромъ и имѣвшій въ рукахъ своихъ доходы государственныя, искуснѣйшій способъ для лиценія употребилъ. Притворился быть глупымъ, представлялъ ей совершенное благоустрой-

*) Зачеркнуто: «установленія».

ство государства подъ властію ее, и говоря, что онъ, бывъ глушь, все единими ея наставленіями и бывъ побужденъ духомъ ея, дѣлаетъ, и иногда премудрость ея не токмо равнять, но и превозвышалъ надъ Божіей, а симъ самымъ учинился властителемъ надъ нею. Безбородка, ее секретарь, нынѣ уже графъ, членъ иностранной коллегіи, гофмейстеръ, генераль-почтъ-директоръ, и все въ разсужденіи правительства, за правило имѣеть никогда противу ее не говорить, но похваляя, исполнять всѣ ея велѣнія, и за сіе непомѣрныя награжденія получилъ.

Дошедшая до таковой степени лести при дворѣ и отъ людей въ дѣла употребленныхъ, начали другими образами льстить. Построить ли кто домъ на данныя отъ нея отчасти деньги, или на наворованныя, зоветъ ее на новоселье, гдѣ на люменаціи пишетъ: «твоя отъ твоихъ тебѣ приносимая»; или подписываетъ на домѣ: «щедротами великія Екатерины», забывая приполнить, «но разореніемъ Россіи»; или, давая праздники ей, дѣлаетъ сады, нечаянные представленія, декорациі, вездѣ лести и подобострастіе изъясляющія *) . . . . .

. . . . . стараясь закрывать ущербъ, лѣтами приключенной, отъ простоты своего одѣянія отстала, и хотя въ молодости и не любила златотканыхъ одѣяній, хотя осуждала императрицу Елисавету Петровну, что довольно великій оставила гардеробъ, чтобъ цѣлое войско одѣть, сама стала ко изобрѣтенію приличныхъ платьевъ и къ богатому ихъ украшенію страсть свою оказывать; а симъ нетоимо женамъ, но и мужчинамъ подала случай къ таковому же роскошу. Я помню, что вошедъ ко двору въ 1768 году, одинъ былъ у всего двора шитый золотомъ красный суконный кафтанъ у Василья Ильича Бибивова; въ 1769 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ императрица разгнѣвалась на графа Ивана Григорьевича Чернышева, что онъ въ день рожденія ея въ шитомъ кафтанѣ въ Сарское Село приѣхалъ, а въ 1777 году, когда я отсталъ отъ двора, то уже всѣ и въ простые дни златотканныя съ шитьемъ одѣянія носили, и почти уже стыдились по одному борту имѣть шитье.

Не можно сказать, чтобы императрица была прихотлива въ кушаньѣ, но можно сказать, что еще слишкомъ умѣренна; но

*) Здѣсь опущено пятнадцать строкъ.

бывшій ея любимецъ, а оставшись всемогущимъ ея другомъ, вн. Григорій Александровичъ Потемкинъ, нетовмо прихотливъ въ ѣдѣ, но даже и обжорливъ; неосторожность оберъ-гофъ-маршала вн. Николая Михайловича Голицына приготовить ему какого-то любимаго блюда, подвергла его къ подлому ругательству отъ Потемкина и принудила ятти въ отставку; то послѣ сего каждый да рассудить,—наслѣдники князя Голицына, Григорій Никитичъ Орловъ и князь Ѳедоръ Сергѣичъ Борятинскій не употребляютъ-ли таперь все свое тщаніе, дабы удовольствоваться сего всемогущаго въ государствѣ обжору; и подлинно, столь государевъ гораздо великолѣпнѣя и лучше нынѣ сталъ, а также, дабы угодить сему другу монаршу, повсюду стали стараться умножать великолѣпіе въ столахъ (хотя и до него оно довольно было), и отъ вышнихъ до нижнихъ болѣзнь сія роскоша и желаніе лучшими вещами насытиться распро- странилась.

Общимъ образомъ сказать, что жены болѣе имѣютъ склонности къ самовластію, нежели мужчины; о сей же со справедливостію можно увѣрить, что она наипаче въ семъ случаѣ есть изъ женъ жена. Ничто ей не можетъ быть досаднѣе, какъ то, когда докладывая ей по какимъ дѣламъ, въ сопротивленіе воли ея законы поставляютъ и тотчасъ отвѣтъ отъ нея вылетаетъ— «развѣ я не могу, не взирая на законы, сего учинить?» Но не нашла никого, кто бы осмѣлился отвѣтствовать ей,—что «можетъ, яко деспотъ, но съ поврежденіемъ своей славы и повѣренности народной». Дѣла многія свидѣтельствуютъ ея самовластіе: 1) возвращеніе Марьѣ Павловнѣ Нарышкиной отъ Талызина деревень, утвержденныхъ купчими и самымъ владѣніемъ; 2) дѣло дѣтей вн. Бориса Вас. Голицына о прадѣда ихъ Стрешневскихъ деревняхъ, беззаконно отписанныхъ; сенатомъ сіе беззаконіе признано и довлдомъ испрашивано было позволеніе ихъ законнымъ наслѣдникамъ возвратити и подпись на довлдѣ: быть по сему, являлся сдѣлать справедливое удовлетвореніе онымъ; но послѣ изъ комнаты было истолковано, что быть по сему знаменовало: быть въ описи. Акимъ Ивановичъ Апухтинъ довлдывалъ ей по военной коллегіи объ отставкѣ одного генераль-маеора, получилъ повелѣніе отставить безъ чина; но какъ онъ зачалъ представлять, что законы точно повелѣвають

генераль-маеорамъ давать чины при отставкѣ, получилъ въ отвѣтъ, что она превыше законовъ и дать ему не хочетъ сего награжденія. Таковыя примѣры, видимыя въ самомъ государѣ, не побуждаютъ ли и вельможъ къ подобному же самовластию и къ несправедливостямъ, и стѣнящая отъ таковыхъ наглостей Россія ежедневныя знаки представляетъ, коль есть заразителенъ примѣръ государскій.

Такое расположеніе мыслей, а паче въ особѣ, преданной своимъ любимцамъ, естественно влечетъ за собою пристрастіе и неправосудіе; многіе могъ бы я примѣры представить одному и другому, но довольно ежели я скажу, что не любя Сахарова, яко челоувѣка дурныхъ нравовъ (которой однако, долгое время бывъ камердинеромъ ея, пользовался ея довѣренностію, хотя не лутче былъ), дѣло его безъ разсмотрѣнія было отдано въ архивъ, якобы дурныя нравы должно было дѣломъ по деревнямъ наказать, въ каковомъ случаѣ и развратной челоувѣкъ можетъ имѣть справедливость, и тутъ не нравы и расположеніе судится, но что кому принадлежитъ исключительно до всего другаго. И дѣло Вахмейстера о незаконно отписанныхъ у дѣда его лифляндскихъ имѣніяхъ, признанное справедливымъ всѣми департаментами сената, рѣшеніе получило, что оныя таки отданы генералу Броуну, за которымъ и остались *). Графъ Романъ Ларионовичъ Воронцовъ, во все время своей жизни признанный здоимцемъ, былъ опредѣленъ въ намѣстники во Владимірѣ и не прѣставалъ обыкновенныя свои здоимства производить; несокрыты оныя были отъ государя, который токмо двоезнаменующимъ знакомъ, присылкою большаго кошельеа, его укорилъ **). Но какъ онъ уже умеръ и разореніе народа дошло до крайности, тогда повелѣно слѣдовать его и губернаторскій поступокъ; но хотя и семь лѣтъ разореніе народное продолжалось, а слѣдствіе повелѣно учинить токмо за два года. Таковыя примѣры, часто слу-

*) Зачеркнуто: «примѣръ таковой, обнаруженный въ государѣ не подаетъ ли подданнымъ поводу».

Ред.

**) Фактъ присылки кошельеа, длиною болѣе аршина, намѣстнику Владимірскому, Тамбовскому и Пензенскому, совершился 27 ноября 1783 года. Въ этотъ самый день, день ангела Романа Ларионовича Воронцова, ему, во время торжественнаго обѣда, посланный отъ государыни вручилъ роковой подарокъ. Семидесятишестилѣтній старецъ не перенесъ вполне заслуженнаго удара: чрезъ три дня его не стало. Гр. Р. Л. Воронцовъ род. 1707 года

чающіися, не подаютъ ли подданнымъ побужденія подобнымъ поступкамъ для пользы своихъ подражать? Случилось мнѣ читать въ одной книгѣ ясный примѣръ, что тщетно будетъ стараться начертить вѣрный кругъ, когда центръ невѣренъ и колеблющъ, никогда черта круга вѣрно не сойдется; и слова св. писанія ясно же означающія должность начальниковъ: «учителю, исправься самъ».

Можно ли подумать, чтобы государь, чинящій великія раздаянія, государь, въ коему стекаются большей частью сокровища всего государства, могъ быть корыстолюбивъ? Однако сіе есть: ибо инако я не могу назвать введеніе толь всѣми политическими писателями охуляемаго обычая чины за деньги продавать, а сему есть множество примѣровъ: развратный нравами и корыстолюбивый откупщикъ Лукинъ, давъ восемь тысячъ двору, изъ наворованныхъ денегъ и подаря его въ народное училище, чинъ капитанскій получилъ; и Прокофій Демидовъ, привоженной подъ виселицу за пашевили, бывшій подъ слѣдствіемъ за битые въ домѣ своемъ секретаря юстицъ-коллегіи, дѣлавшій безпрестанно наглости и проказы, противныя всякому благоустроенному правленію, за то, что, съ обидою дѣтей своихъ, давалъ деньги въ сиропитательный домъ, чинъ генераль-маеорской получилъ, а за даваніе пяти тысячъ въ пользу народныхъ школъ, учинено ему всенародно объявленное чрезъ газеты благодареніе, якобы государь не могъ полезныхъ учрежденій завести безъ приниманія денегъ отъ развратныхъ людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы. Примѣръ сей еще другихъ заразительнѣе учинился. Чины стали всѣ продажны, должности не достойнѣйшимъ стали даваться, но кто болѣе за нихъ заплатитъ, а и тѣ, платя, на народѣ взятками стали сіе вымѣщать.

Купцы, воровствомъ короны обогатившіеся, большіе чины получили, яко Логиновъ, бывшій откупщикъ и не токмо воръ по откупамъ, но и приличившійся въ воровствѣ комиссаріатской

и умеръ кавалеромъ ордена св. Андрея—30 ноября 1783 г. Исслѣдовать всѣ злоупотребленія покойнаго намѣстника посланъ былъ въ 1784 году сенаторъ кн. М. М. Щербатовъ, авторъ печатаемыхъ здѣсь записокъ; онъ изобличилъ множество взяточничества и проч. Вообще кн. Щербатовъ отличался замѣчательнымъ безкорыстіемъ и, по свидѣтельству его біографа: «любилъ полезными совѣтами и убѣжденіями восстанавливать спокойствіе въ семействахъ».

Ред.

45

суммы, чины штатскіе получилъ; Өалѣевъ, въ подрядахъ съ государемъ взимая вездѣ тройную цѣну, нетоже самъ штатскіе чины и дворянство получилъ, но и всѣхъ своихъ прислужниковъ въ штабъ-офицеры и въ офицеры произвелъ.

Торговля впала въ презрѣніе, недостойные вошли во дворяне, воры и злонравные награждены, развратность ободрена, а все подъ очами и знаніемъ государя; то можно ли послѣ сего правосудія и безкорыстности отъ нижнихъ судей требовать?

Все царствованіе сей самодержицы означено дѣяніями, относящимися къ ея славолюбію. Множество учиненныхъ ею заведеній, являющихся для пользы народной заведенныхъ, въ самомъ дѣлѣ не суть, какъ токмо знаки ея славолюбія; ибо естли бы дѣйствительно имѣла пользу государственную въ виду, то учина заведенія, прилагала бы старанія и о успѣхѣ ихъ, не довольствуясь заведеніемъ и увѣреніемъ, что въ потомствѣ она яко основательница оныхъ вѣчно будетъ почитаться; о успѣхѣ не радѣла и, видя злоупотребленія, ихъ не пресѣкала.

Свидѣтельствуется сіе заведеніе сиропитательнаго дому, дѣвичьева монастыря для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, переправленіе кадецкаго корпуса и пр., изъ которыхъ въ первомъ множество малолѣтнихъ померло, а и по нынѣ, чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ, мало или почти никого ремесленниковъ не вышло; во второмъ, ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ симъ снабдила; и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправлять; изъ третьяго вышли съ малымъ знаніемъ и съ совершеннымъ отвращеніемъ всякаго повиновенія. Зачагья войны еще сіе свидѣлствуютъ: по пристрастію возвели на польскій престолъ Понятовскаго, хотѣли ему, противу вольностей польскихъ, прибавить самовластія; взяли въ защищеніе десидентовъ и вмѣсто, чтобъ стараться сихъ утѣсненныхъ за законъ, въ Россію въ единовѣрнымъ своимъ призывать, ослабить тѣмъ Польшу и усилить Россію, чрезъ сіе подали причину къ турецкой войнѣ, щастливой въ дѣйствіяхъ, но болѣе Россія стоющей, нежели какая прежде бывшая война; послали флотъ въ Грецію, которой божескимъ защищеніемъ побѣду одержалъ; но мысль въ сей посылѣ была единое славолюбіе. Раздѣлили Польшу, а тѣмъ усилили Австрійскій и Бранденбургскій дома и

потеряли у Россіи сильное дѣйствіе ея надъ Польшею; приобрѣли, или лутче сказать, похитили Крымъ, страну, по разности своего климата, служащую границею россіанамъ. Составили учрежденія, которыя не стыдились законами называть и содѣланныя намѣстничества наполня безъ разбору людьми, съ разрушеніемъ всего перваго, ко вреду общества, ко умноженію ябедъ и разоренія народнова, да и за тѣми надзиранія не имѣють, исправляютъ ли точно по даннымъ наставленіямъ. Испекли законы, правами дворянскими и городовыми названные, которые болѣе лишеніе, нежели даніе правъ въ себѣ вмѣщаютъ и всеобщее дѣлають отягощеніе народу. Таковое необузданное славолюбіе также побуждаетъ стремиться къ созиданію нещетнаго числа и повсюду великихъ зданій; земледѣльцы многою работою стали отъ ихъ земли корыстію отвлекаемы; доходы государственные едвали достаютъ на такія строенія, которыя и построившись въ тягость онымъ своимъ содержаніемъ будутъ; и частныя подражая сей охотѣ, основанной на славолюбіи, чтобъ чрезъ многіе вѣки пребывающія зданія, имя свое сохранить, безумно винулись въ такія строенія и украшенія ихъ. Единные отъ избытка, многія тысячи для спокойствія и удовольствія своего въ созиданіи домовъ, огородовъ, бесѣдокъ многія тысячи полагають; другой изъ пышности, а третей, наконецъ, послѣдую вредному примѣру, тоже сверхъ достатку своего дѣлають и чтобъ не отстать отъ другихъ, а всѣ обще, находя себѣ спокойствіе и удовольствіе, мало по малу въ разореніе сей роскошью приходятъ, тяготятъ себя и государство, и часто недостатокъ своихъ доходовъ лихоимствомъ и другими охулительными способами наполняютъ.

Совѣсть моя свидѣтельствуеть мнѣ, что всѣ, коль ни есть черны мои повѣствія, но онѣ суть непристрастны, и единая истинна и развратъ, въ которой впали всѣ отечества моего подданные, отъ коего оно стонеть, принудилъ меня оныя на бумагу предложить; и тако по довольноному описанію нравовъ сея императрицы, довольно можно расположенія души и сердца ея видѣть. Дружба чистая нивогда не вселялась въ сердце ея, и она готова лучшаго своего друга и слугу предать въ угодность любимца своего. Не имѣеть она материнскихъ чувствъ къ сыну своему, и обо всѣхъ за правило себѣ имѣеть ласкать без-

мѣрно и уважать человѣка, пока въ немъ нужда состоитъ, а потомъ, по пословицѣ своей, выжатой лимонъ выдать. Примѣры сему суть: Анна Алексѣевна Матюшкина, всегда и во время гоненія ея, бывшая къ ней привязана, наконецъ отброшена стала; графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, спомоществующій ей, когда она была великою княгинею, во всѣхъ ея намѣреніяхъ и претерпѣвшій за нее нещастіе, при концѣ жизни своей, всей ея повѣренности лишился и послѣ смерти его, она его бранила; графъ Никита Ивановичъ Панинъ, спомоществующій взойти ей на престолъ, при старости отъятіе всѣхъ должностей своихъ видѣлъ и можетъ быть сіе кончину его приключило; Николай Ивановичъ Чечеринъ, служившій ей со всѣмъ возможнымъ усердіемъ и носившій ея милость, только наконецъ отъ нея гнанъ былъ, что безвременно животь свой окончилъ; князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, фельдмаршалъ, безмолвный исполнитель всѣхъ ея велѣній, безъ сожалѣнія отъ нея умеръ; ибо хотя и извѣстно еще поутру было о его смерти, но тотъ день весела на концертъ вышла, и давъ время своему веселію, отходя, спросила любимца своего Ланскова: «каковъ кн. Александръ Михайловичъ?» и, получа извѣстіе о смерти его, сдѣлала видъ тогда заплакать, а сіе и показываетъ, koliko фальшивое имѣетъ сердце. Графиня Прасковья Александровна, долгое время ея любимица и другъ, наконецъ была отъ двора отгнана и съ печали умерла. Посему, да судить каждый, могутъ ли чистыя дружбы чувствованія возгнѣздиться по такимъ примѣрамъ въ подданныхъ.

Представивъ сію печальную картину, кажется, что уже не настоятъ нужды сказывать, имѣеть-ли она вѣру къ закону Божію, ибо, естлибы сіе имѣла, то бы самый законъ Божій могъ исправить ея сердце и наставить стопы ея на путь истины. Но нѣсть: упоена безразмыслительнымъ чтеніемъ новыхъ писателей, законъ христіанскій (хотя довольно набожна быть притворяется) ни за что почитаетъ. Коль ни скрываетъ своихъ мыслей, но онѣ многажды въ бесѣдахъ ея отерываются, а дѣянія и паче доказуютъ: многія книги Вольтеровы, разрушающія законъ, по ея велѣнію, были переведены, яко: «Кандидъ», «Принцесса Вавилонская» и прочія, и «Белизеръ» Мармонтелевъ, не полагающей никакой разности между добродѣтели язычниковъ и

добродѣтели христіанской, не тожмо обществомъ, но ея вельнію, былъ переведенъ, но и сама участницею перевода онаго была, а терпѣніе, или лутче сказать позволеніе противныхъ закону браковъ, яко князей Орлова и Голицына на двоюродныхъ ихъ сестрахъ и генерала Боура на его падчерицѣ, наиболѣе сіе доказуютъ. И тако можно сказать, что въ царствованіе ея и сія нерушимая подпора совѣсти и добродѣтели разрушена стала.

Таковыми степенями достигла Россія до разрушенія всѣхъ добрыхъ нравовъ, о каковомъ при самомъ началѣ я помянулъ. Плачевное состояніе, о коемъ тожмо должно просить Бога, чтобъ лучшимъ царствованіемъ сіе зло истреблено было; а до сего дойти инако не можно, какъ тогда, когда мы будемъ имѣть государя искренно привязаннаго къ закону Божію; строгова наблюдателя правосудія, начавши съ себя; умѣреннаго въ пышности царскаго престола; награждающаго добродѣтель и ненавидящаго пороки; показующаго примѣръ трудолюбія и снисхожденіе на совѣты умныхъ людей; тверда въ предпріятіяхъ, но безъ упрямства; мягкосерда и постоянна въ дружбѣ; показующаго примѣръ собою своимъ домашнимъ согласіемъ съ своею супругою, и гонящаго любострастіе; щедра, безъ расточительности, для своихъ подданныхъ и исавшаго награждать добродѣтели, качества и заслуги безъ всякаго пристрастія; умѣющаго раздѣлить труды, что принадлежитъ какимъ учрежденнымъ правительствомъ и что государю на себя взять, и наконецъ, могущаго имѣть довольно великодушія и любви къ отечеству, чтобы составить и предать основательныя права государству и довольно тверда, чтобы ихъ исполнять.

Тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердить среди градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой; правосудіе не покривить свои вѣски ни для мзды, ни для сильнаго; злосты и робость отъ вельможъ изгонятся; любовь отечества возгнѣдится въ сердца гражданскія, и будутъ не пышностію житья и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностію. Не будутъ помышлять, кто при дворѣ великъ и кто упадаетъ, но имѣя въ предметѣ законы и добродѣтель, будутъ почитать ихъ, яко компасомъ, могущимъ ихъ довести и до чиновъ и до достатка. Дворяне будутъ въ разныхъ должностяхъ служить съ приличною ревностію званію ихъ; купцы пре-

станутъ желать быть офицерами и дворянами; каждый собратится въ свое состояніе, и торговля уменьшеніемъ ввозу, сластолюбіе побуждающихъ, чужестранныхъ товаровъ, а отвозовъ російскихъ произведеній, процвѣтетъ; искусства и ремесла умножатся, дабы внутри Россіи содѣлать нужное къ пышности и великолѣпію нѣкоего числа людей.

Князь М. М. Щербатовъ.

Примѣчаніе. Когда написано сочиненіе кн. Щербатова: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи?“ Этотъ вопросъ довольно важенъ для выясненія многихъ мѣстъ этихъ записокъ, п онъ получить свое значеніе особенно тогда, когда будущій изслѣдователь, разсмотрѣвъ въ общей связи всѣ факты какъ общественной, такъ и ученой дѣятельности историографа императрицы Екатерины II, выяснитъ причины тѣхъ или другихъ отзывовъ этого писателя о современныхъ ему дѣятеляхъ. Итакъ, относительно опредѣленія времени созданія сочиненія: „О поврежденіи нравовъ“ надо обратиться къ нему самому; въ немъ встрѣчаются слѣдующія указанія по сему предмету. Говоря о воспитательныхъ домахъ (стр. 684) авторъ замѣчаетъ: „а и по нынѣ, чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ“ и проч. Московскій воспитательный домъ учрежденъ въ 1764 г., Петербургскій — 1 октября 1770 года, слѣдовательно соч. кн. Щербатова написано между 1784 и 1790 г. (авторъ умеръ 12 декабря 1790 г.). Въ другомъ мѣстѣ — князь говоритъ о графѣ Петрѣ Борисовичѣ Шереметевѣ, какъ о лицѣ живомъ. Шереметевъ умеръ 30 ноября 1788 г. — слѣдовательно „О поврежденіи нравовъ“ было написано не позже 1788 года; наконецъ историографъ говоритъ о графѣ Александрѣ Матвѣевичѣ Дмитриевѣ-Мамоновѣ, какъ о человѣкѣ пользовавшемся, во время составленія этого сочиненія, значеніемъ при дворѣ. Мамоновъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ 4 мая 1788 г. и съ этого именно времени находился въ случаѣ. Значеніе его продолжалось только до 1 іюля 1789 года; такимъ образомъ время написанія изданныхъ нами записокъ опредѣляется довольно точно: въ теченія лѣта 1788 и зимы 1789 г.

Ред.

ПИСЬМА ЕКАТЕРИНЫ II
—
ГРАФУ СТАКЕЛЬБЕРГУ.

1778 — 1793.

XLIX *).

Господинъ графъ Стакельбергъ. Письмомъ этимъ я повторяю вамъ рѣшительно и прямо мое приказаніе никакъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Швеціи, тѣмъ болѣе во время сейма. Повелѣваю вамъ старательно избѣгать всякаго случая, который могъ бы мало-мальски замѣшать васъ въ какія бы то ни было интриги, происки или партіи, однимъ словомъ, я запрещаю вамъ вмѣшиваться. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 30-го января 1792 г.

L.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Прилагаю къ сему письмо шведскому королю; вы передадите его такъ же, какъ дѣлали до сихъ поръ. Я не посылаю вамъ копіи, предполагая, что

*) См. «Русскую Старину» 1871 г. т. III стр. 310—325; 474 — 484; 560—575.

XLIX. (Подлинникъ руки Екатерины II). Monsieur Le Comte de Stakelberg. Par celle ci je Vous reitere l'ordre tres exprès et bien clairement prononcé de ne pas Vous meler d'aucune maniere dans les affaires interieure du Royaume de Suede, et encore moins dans le tems de la Diète, je Vous ordonne d'éviter avec Soин toutes les occasions qui pourroit le moins du monde donner lieu a Vous inmiscer dans quoi-que ce Soit d'intrigues de menées ou de parti, en un mot je Vous defend de Vous en meler. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous aye en Sa sainte et digne Garde. Catherine.

a St: Petersb: ce 30 Janvier 1792.

L. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Je vous envoie ci-joint une lettre de ma part

король дастъ вамъ подлинникъ. Дѣло идетъ все еще о Франціи. Король, надѣюсь, будетъ доволенъ тѣмъ, что я согласна съ нимъ въ этомъ случаѣ. Но я замѣтила изъ его словъ, что онъ безпокоится болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, о благопріятномъ окончаніи этого дѣла, въ виду послѣдующихъ намѣреній австрійскаго двора, который наконецъ принялся за это дѣло. Со свойственнымъ лично вамъ только умѣньемъ разсуждать, внушите королю, что австрійскій дворъ только и можно подвинуть на дѣла, оказывая ему полное довѣріе и предоставляя повидимому полную свободу въ его дѣйствіяхъ; что единственною цѣлью короля и моею въ томъ, что касается французской короны — должно быть, по возможности, восстановление до-революціоннаго порядка вещей, и коль скоро мы однажды возвратимъ жизнь и силу этому могучему государству, то оно уже само, съ помощью своихъ безкорыстныхъ друзей, будетъ въ состояніи противодѣйствовать всякому побужденію, вредящему его интересамъ и независимости. Затѣмъ молю Бога, господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ, да сохранитъ Онъ васъ своею милостью. Пребываю вамъ благосклонная Екатерина.

С.-Петербургъ, 3-го февраля 1792 г.

LI.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Съ ужасомъ узнала я о гнусномъ посягательствѣ на жизнь короля, моего двою-

---

au Roi de Suède que Vous lui remettez de la manière dont Vous en avez agi avec les précédentes. Je ne Vous en fais pas communiquer la copie dans la supposition que le Roi Vous laissera voir l'original. Il n'y est toujours question que des affaires françaises. Le Roi sera, j'espère, content de l'analogie de mes idées là-dessus aux siennes. Mais j'ai observé dans les ouvertures qu'il m'a faites, qu'il s'inquiète peut-être plus qu'il ne faut pour bien acheminer cette affaire des vues subséquentes que la Cour de Vienne paraît avoir en la commençant enfin. Faites sentir à ce Prince par manière de réflexion propre à Vous personnellement que pour engager cette cour à agir, il faut lui montrer une grande confiance et un abandon entier que notre unique but au Roi et à moi doit être de rétablir les choses en France relativement au Roi sur le pied le plus approchant de celui, où elles étaient avant la révolution, et que lorsque nous avons ainsi rendu la vie et le ressort à ce corps robuste, il sera en état par lui-même et secondé de ses amis désintéressés de s'opposer efficacement à toute impulsion contraire à ses intérêts et à son intégrité qu'on voudra lui imprimer. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg, en Sa sainte et digne garde. Votre affectionnée Catherine.

à St. Pétersb. le 3 février 1792.

LI. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Je n'ai pu apprendre qu'avec horreur l'attentat

роднаго брата, въ ночь $\frac{5}{16}$ числа этого мѣсяца *). Надѣюсь, что самыя послѣдствія не будутъ столь ужасны, какъ того можно ожидать. Таково но крайней мѣрѣ мое искреннее желаніе. Въ этой надеждѣ я написала королю письмо, которое прилагаю къ вашему. При передачѣ этого письма вы, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, увѣрите его во всей полнотѣ того сочувствія, которое я питаю къ нему въ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Но если Провидѣніе рѣшитъ противное моимъ желаніямъ, если дни короля сочтены,—все это сочувствіе естественнымъ образомъ перенесется на его наслѣдника. Вы не только передадите ему самыя сильныя и положительныя увѣренія въ моихъ чувствахъ, но постараетесь, насколько хватитъ силъ, охранить его законныя и неоспоримыя права отъ всѣхъ посягательствъ, какія только могутъ измыслить злонамѣренность и честолюбіе. Не теряя времени, я посылаю вамъ это письмо съ господиномъ Всеволодскимъ, офицеромъ гвардіи, чтобы, какъ можно скорѣе, извѣстить васъ о моихъ намѣреніяхъ и дать возможность сообщить ихъ королю, если Господь не лишитъ насъ его, и принцу, сыну короля. Такъ какъ при выборѣ курьера я имѣла главнымъ образомъ въ виду освѣдомиться о состояніи здо-

---

*) Партія, недовольная ограниченіемъ правъ дворянства, составила заговоръ противъ Густава III. Жребій убить его палъ на одного изъ офицеровъ, Анкарстрема, который въ маскарадѣ и ранилъ смертельно короля выстрѣломъ изъ духоваго пистолета.

Ред.

---

exécrable commis sur la personne du Roi, mon cousin, la nuit du $\frac{5}{16}$ de ce mois. J'espère encore que les suites n'en seront point aussi funestes qu'il y a lieu de l'appréhender. Tels sont du moins mes vœux les plus sincères. C'est dans cet espoir que j'écris au Roi la lettre ci-jointe. En la remettant à Sa Majesté, Vous l'assurerez dans les termes les plus énergiques de toute l'étendue de l'intérêt que je prends à cet affreux évènement. Mais si la Providence ne daigne pas exaucer mes vœux et qu'elle eut marqué là le terme de ces jours de ce Prince, tout cet intérêt se transporte naturellement sur son successeur. Vous aurez soin non seulement de lui en donner les assurances les plus fortes et les plus positives, mais Vous veillerez aussi autant qu'il sera de Votre ressort d'écarter de ses droits légitimes et incontestables toutes les atteintes que la malveillance et l'ambition injuste des autres pourraient imaginer de leur porter. C'est pour Vous mettre plutôt au fait de mes intentions et en état de les manifester au Roi, si Dieu nous l'a conservé, et au Prince, son fils, que je Vous fais dépêcher sans perte de temps le porteur de cette lettre, le Sr. Vsevolodsky, officier de mes gardes du corps. Mon hüt dans ce choix de courrier ayant été principalement de s'informer de l'état de la santé du Roi et d'en recevoir les nouvelles les plus promptes et les plus détaillées, Vous tâcherez de le réexpédier le plutôt possible. Comme je ne doute pas que la Reine et toute la famille royale ne partagent également la douleur et l'effroi que ce sinistre accident doit inspirer, Vous leur témoignerez aussi la

ровья короля и имѣть самыя скорыя и подробныя извѣстія, то и вы постараетесь отправить его, какъ можно, скорѣе. Я вполнѣ увѣрена въ томъ, что королева и все семейство короля раздѣляютъ горе и ужась, внушаемые этимъ зловѣщимъ событіемъ, и потому прошу васъ засвидѣтельствовать имъ также мое сочувствіе въ горѣ, которое они испытываютъ. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ, господинъ тайный совѣтникъ графъ Ставельбергъ, своею милостію. Пребываю вамъ благосклонная Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 14-го марта 1792 г.

III.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Ставельбергъ. Вамъ не безъизвѣстны нескромныя и неприличныя выходки, которыя позволила себѣ покойная вдова шведскаго короля при рожденіи наслѣднаго принца. Въ то время распространился слухъ, что герцогъ Зюдерманландскій *) за одно съ матерью искалъ случая воспользоваться этимъ, чтобъ ослабить права племянника на престолъ. Я не дѣлаю никакихъ предположеній на счетъ того, какъ поступитъ принцъ на самомъ дѣлѣ,

---

*) Младшій братъ Густава III (р. 1758 † 1818); по достиженіи совершеннолѣтія его племянникомъ Густавомъ IV, онъ сложилъ съ себя званіе регента и жилъ частнымъ человѣкомъ до 1809 года, когда, вслѣдствіе революціи противъ Густава IV, онъ самъ вступилъ на шведскій престолъ подъ именемъ Карла XIII.

Ред.

---

part que je prends aux sentiments qu'elles éprouvent dans cette circonstance, et sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg, en sa sainte et digne garde. Votre bien affectionnée Catherine.

à St. Pétersb: le 14 Mars 1792.

III. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Vous n'ignorez pas les éclats indiscrets en indécents que la feuе Reine douairière de Suède s'est permis à la naissance du Prince Royal. On a fait courir alors le bruit que le Duc de Sudermanie d'accord avec sa mère cherchait à s'en prévaloir en temps et lieu pour infirmer les droits de son neveu au trône. Je ne veux point préjuger sur la conduite que ce Prince tiendra en effet, mais je dois dès à présent la recommander à Votre vigilance. Si la providence dispose ou a déjà disposé de la vie du Roi, je veux que Vous manifestiez hautement l'intérêt que je prends à ce que Son fils ne soit nullement troublé dans ses droits légitimes et incontestables à mes yeux. Cette époque pourra amener le rassemblement d'une nouvelle Diète. Peut-être y-a-t-il déjà dès à présent des esprits qui s'occupent d'une certaine modification de la forme du gouvernement que Gustave III a introduite. Rien n'est plus probable que l'on s'en ouvre avec Vous. Votre marche dans cecas doit être de tout écouter, tout accueillir et ne s'engager à rien, jusqu'à ce que Vous recevrez de ma part des

но я должна заранѣе обратить на это ваше вниманіе. Если король умираетъ или уже умеръ, то объявите отъ моего имени сильное участіе, которое я принимаю въ томъ, чтобъ его смѣтъ никакимъ образомъ не былъ обиженъ въ своихъ правахъ, которыя на мой взглядъ вполне законны и неоспоримы. Эти обстоятельства могутъ повлечь за собою собраніе новаго сейма. Быть можетъ, нѣкоторыя головы уже теперь работаютъ надъ измѣненіями формы правленія, введенной Густавомъ III. Вамъ, по всей вѣроятности, повѣряютъ это. Ваше дѣло въ этомъ случаѣ все выслушивать, все принимать и ничего не обѣщать до тѣхъ поръ, пока не получите отъ меня точныхъ и положительныхъ приказаній. Имѣя въ рукахъ мнѣнія обѣихъ сторонъ, мы имѣемъ возможность выбирать, а такимъ образомъ избѣгаемъ неудобства замѣшательства, которое не подобаетъ намъ. Затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ, господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ, своею милостію. Остаюсь вамъ доброжелательная Екатерина.

С.-Петербургъ, 14-го марта 1792 г.

Я положительно поддержку права наслѣднаго принца, вы можете заявить объ этомъ при случаѣ.

LIII.

Господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ. Чѣмъ менѣе я была приготовлена вашими успокоительными доводами касательно положенія покойнаго короля Швеціи, тѣмъ сильнѣе поразила и огор-

ordres précis et positifs. En voyant venir les deux partis, nous nous rendons maîtres du choix et nous évitons les inconvéniens des embarras, dans lesquels il ne nous conviendrait peut-être pas de nous engager. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg, en Sa sainte et digne garde. Votre bien affectionnée Catherine.

à St: Pétersb. le 14 Mars 1792.

(Собственноручно Екатериною II). Tres decidement je Soutiendrés les droits du Prince Royal c'est ce que Vous pourrés assurer en tems et lieu.

LIII. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur le Conseiller Privé Comte de Stakelberg. Moins je me suis attendue après les nouvelles rassurantes que Vous nous avez données sur l'état du feu Roi de Suède au coup fatal qui vient de nous l'enlever, plus j'en ai été frappée et affligée. Obligée de me résigner à ce décret irrévocable de la providence, je n'ai pas voulu retarder aucune des consolations qui sont en mon pouvoir et dont le jeune Roi peut avoir besoin pour les lui offrir. Elles sont consignées dans la lettre ci-jointe que je lui adresse et que Vous aurez soin de lui remettre incessamment. J'en écris une autre au Duc de Sudermanie, déclaré Régent du Royaume par la volonté du défunt Roi. Vous la trouverez également ci-jointe et Vous aurez la même attention de la faire parvenir sans aucun délai. L'officier de mes gar-

чила меня неожиданность его смерти. Смирясь предъ неумолимой волей Провидѣнія, я, немедленно, послалъ юному королю *) тѣ утѣшенія, которыя только были въ моей силѣ, и въ которыхъ онъ, быть можетъ, нуждается. Онѣ заключаются въ письмѣ на его имя, тутъ же приложенномъ; вы потрудитесь передать ему его безъ отлагательства. Пишу другое письмо герцогу Зюдерманландскому, провозглашенному регентомъ Швеціи по волѣ покойнаго короля. Вы найдете его тутъ-же и немедленно доставите его. Офицеръ конной-гвардіи Всеволодскій уже вручилъ вамъ ввѣренные ему приказы. Приказы эти заключаютъ въ себѣ все тѣже неизмѣнныя мои намѣренія, съ которыми вы должны сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ.

. Такъ какъ вѣрительная грамота, вамъ дарованная, какъ назначенному мною посланнику при стокгольмскомъ дворѣ, не была представлена и нынѣ не можетъ болѣе служить вамъ, то необходимо, чтобъ вы прежде, чѣмъ я пришлю вамъ новую, уведомила меня объ рас-

---

*) Густавъ IV (р. 1778). Екатерина II хотѣла выдать за него свою внучку, великую князю Александру Павловну. Быть можетъ, этимъ обстоятельствомъ и объясняются усилія ея облизиться, какъ можно тѣснѣе, со Швеціею, гораздо болѣе, нежели желаніемъ начать войну съ Франціею и восстановить королевскую власть. Въ 1796 году, Густавъ IV пріѣхалъ женихомъ въ Петербургъ, но когда уже все было готово къ браку, и духовенство ожидало жениха и невесту, король внезапно выѣхалъ изъ Петербурга. Впослѣдствіи онъ потерялъ престолъ и умеръ въ Швейцаріи въ 1837-мъ году, подъ именемъ полковника Густавсона.

Ред.

---

des à cheval le Sr. Vsevolodsky Vous aura déjà mis en possession des ordres que je Vous ai adressés et dont il a été porteur. Ces ordres renferment mes intentions qui sont toujours les mêmes et qui doivent faire la règle de Votre conduite. Les lettres de créance pour le caractère d'Ambassadeur, dont je Vous ai revêtu à la cour de Stockholm, n'ayant pas encore été déployées et ne pouvant plus Vous servir, il m'importe avant que je Vous en fasse parvenir de nouvelles, que Vous nous assuriez des dispositions actuelles de cette cour relativement à l'entretien des Ambassades respectives. Vous direz qu'à cet égard mes intentions et mes démarches se régleront entièrement sur les désirs de cette cour, et sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur le Conseiller privé Comte de Stackelberg, en sa sainte et digne garde. Catherine.

St. Pétersbourg, ce 4 d'Avril 1792.

LIV. (Подлинникъ собственной руки Екатерины II). Monsieur le Comte de Stakelberg. Je Vous fait ses lignes au depart du Courier pour Vous dire que Vous m'écritez dans le plus grand detail sur les choses qui ce passeront en Suede après le décès du Roy et particulièrement sur ce qui aura trait aux dispositions du Duc de Sudermanie et de la Reine Mere du Roy. Il paroît que cette Princesse n'a jusqu'ici montré aucune Sorte d'esprit d'intrigue et que Si il S'en fera autour d'Elle ce Sera plutot par des intrigant que par

пораженіяхъ этого двора касательно поддержанія взаимныхъ дипломатическихъ отношеній. Вы скажете, что въ этомъ случаѣ мои намѣренія и дѣйствія вполнѣ будутъ согласоваться съ желаніями этого двора; затѣмъ молю Бога, да сохранитъ Онъ васъ, господинъ тайный совѣтникъ графъ Стакельбергъ, своею милостію. Екатерина.

С.-Петербургъ, сего 4-го апрѣля 1792 года.

LIV.

Господинъ графъ Стакельбергъ. Я пишу эти строки съ курьеромъ для того, чтобы вы извѣстили меня самымъ подробнымъ образомъ о всемъ томъ, что будетъ происходить въ Швеціи послѣ смерти короля, и въ особенности о томъ, что касается распоряженій герцога Зюдерманландскаго и королевы, матери короля. Эта королева до сихъ поръ, какъ кажется, не выказала ни малѣйшей склонности къ интригамъ, и если таковыя окажутся, то это будетъ скорѣе дѣломъ какихъ-нибудь интригантовъ. Къ тому же я нисколько не удивляюсь, что покойный король не сдѣлалъ своей супруги членомъ совѣта регенства; она, какъ датская принцесса, не могла рассчитывать на одобреніе націи, всегда соперничавшей съ той, въ которой она родилась. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина.

6-го апрѣля, 1792 г.

P. S. Я снова повторяю вамъ свои точныя приказанія рѣшительно не принимать участія въ интригахъ никакой партіи въ Швеціи. Но я

Elle meme, d'ailleurs je ne m'étonne pas du Tout de ce que dans le Conseil de Regence le feu Roy n'aye pas placé la Reine Son Epouse qui comme Princesse Danoise ne pouvoit guere pretendre a l'aprobation d'une Nation toujours rivale de celle parmi laquelle Elle a vue le jour. Adieu portés Vous bien. Catherine.
ce 6 d'Avril 1792.

PS. Je Vous reitere mes ordres très strictes de n'entrer absolument dans aucune sorte d'intrigues d'aucun parti en Suede. Mais ce que je regarde comme une chose essentielle pour ce Pays c'est qu'on s'en tienne bien exactement au terme du Testament du feu Roy, a la Succession primo par Lui établi, Secundo a la Tutelle par Lui Statué, Tertio le Conseil de Regence composé de la façon qu'il a jugé a propos et des gens qu'il y a placé. Si l'on touche la moindre chose ou qu'on change quoique ce Soit a Son Testament on causera le malheur de la Suede et l'on donnera lieu a des Troubles et changement Sans fin ni cesse. Vous pouvez faire usage de ceci selon les circonstances et Vous en ouvrir a M-r d'Armfeldt ou meme au Duc de Sudermanie Selon que la Sagesse Vous le dictera. Il me paroît encore que pour remettre au plutot le calme dans les esprit après la punition inevitable des plus coupables de ceux qui on trempé dans l'horible complot qui a tranché les jours du feu Roy il faudroit couper court au plutot aux recherches ulterieurieuses afin d'avoir moins de

считаю вещью необходимою для государства, чтобы вполнѣ держались точнаго смысла завѣщанія покойнаго короля, во-первыхъ, касательно престолонаслѣдія, имъ утвержденнаго, во-вторыхъ, касательно попечительства, имъ установленнаго; въ-третьихъ, касательно совѣта регенства, составленнаго такимъ образомъ, какъ онъ считалъ нужнымъ, и изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ назначилъ. Если затронуть малѣйшую вещь или измѣнять что-бы то ни было въ его завѣщаніи. то этимъ причинять зло Швеціи и дадутъ мѣсто замѣшательствамъ и измѣненіямъ безъ конца. Вы можете воспользоваться этимъ, смотря по обстоятельствамъ, поговорите объ этомъ съ господиномъ Армфельдтомъ или даже съ герцогомъ, какъ вы тамъ заблагоразсудите. Мнѣ важется также, что для усвоенія умовъ послѣ неизбежнаго наказанія главныхъ виновниковъ ужаснаго заговора, который пресѣкъ дни покойнаго короля, должно, какъ можно скорѣе, прервать дальнѣйшіе розыски, чтобы было менѣе людей, подлежащихъ наказанію, и притомъ такъ, чтобы народъ не осмѣлился и подумать, что пользуются этимъ для преслѣдованія извѣстныхъ фамилій или партій; это привлекло бы даже неразмысленныхъ виновниковъ на сторону милосердаго правительства, предпочитающаго прощеніе розыскамъ, которые только увеличили бы число несчастныхъ, не помогши самому дѣлу. Я вполнѣ искренно интересуюсь юнымъ королемъ, моимъ крестникомъ, и прошу васъ это ему передать и увѣрить его въ томъ, что онъ найдетъ во мнѣ друга и вѣрную союзницу, на которую можетъ разсчитывать.

---

gens a punir, et pour que le public ne S'avise pas de croire qu'on use de persecution contre tel et tel autre famille ou faction et ceci rangeroit les coupables meme non decouvert du coté du gouvernement misericordieux qui auroit preferé l'amnistie a une recherche qui n'auroit augmenté que le nombre des malheureux sans remedier a la chose. Je m'interresse infiniment et bien sincerement au jeune Roy mon fillieul, je Vous prie de le Lui dire et de l'assurer qu'il trouvera en moi une Amie et une Allié fidele sur la quelle Il peut compter. Adieu porté Vous bien. Salué M-r d'Armfeldt de ma part et dite Lui que je le regarde comme un des plus fideles serviteur du feu Roy et du jeune Roy Son fils, j'entre dans la douleur qu'il doit avoir Senti dans Ses affreux moments.

LV. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg. J'apprends par Vos derniers rapports que le Baron de Taube alloit s'éloigner incessamment de Stockholm, qu'il serait suivi immédiatement du Baron d'Armfeldt, que le comte de Vachtmeister était déjà réellement absent et qu'ainsi tout le conseil de régence établi par le feu Roi, se trouvait dispersé de fait.

Je ne prétends point m'ingérer dans les détails de l'administration confiée aux soins de mon cousin le Duc de Sudermanie. Mais je crois devoir à la fran-

Прощайте, будьте здоровы. Передайте мой поклонъ господину Армфельдту и скажите ему, что я считаю его однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ подданныхъ покойнаго короля и молодого короля, его сына, и вполне понимаю тѣ страданія, которыя онъ долженъ былъ испытывать въ эти ужасныя минуты.

LV.

Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Изъ вашихъ послѣднихъ донесеній я усматриваю, что баронъ Таубе въ очень скоромъ времени удалится изъ Стокгольма, что за нимъ немедленно послѣдуетъ баронъ Армфельдтъ, что графъ Вахтмейстеръ уже уѣхалъ, и что, такимъ образомъ, весь совѣтъ регенства, учрежденный покойнымъ королемъ, въ дѣйствительности разсѣлся.

Я нисколько не хочу вмѣшиваться въ подробности администраціи, возложенной на моего двоюроднаго брата, герцога Зюдерманландскаго, но я считаю невозможнымъ, при полной откровенности, съ какою я отвѣчала на доказательства дружбы и довѣрія этого герцога, которыя онъ являлъ до сихъ поръ относительно меня, умолчать объ образѣ своихъ мыслей въ обстоятельствахъ, могущихъ повліять на благосостояніе и спокойствіе этой самой администраціи.

Швеція, которой дорога память покойнаго короля, видитъ въ личностяхъ, только что мною названныхъ, людей, пользовавшихся полнымъ его довѣріемъ, вслѣдствіе того, что они были самыми дѣя-

chise, avec laquelle j'ai répondu aux démonstrations d'amitié et de confiance, que ce Prince a manifestées jusqu'à présent à mon égard, de ne pas dissimuler ma façon de penser dans des occurrences qui peuvent influer sur la prospérité et la tranquillité de cette même administration.

La Suède, a qui la mémoire du feu Roi est chère, considère dans les personnages, que je viens de nommer, les principaux dépositaires de sa confiance, après avoir été les compagnons et les instruments les plus actifs et les plus utiles de ses travaux pour le bien et la gloire de l'état. A mes yeux ils ont le mérite d'avoir travaillé et concourru efficacement à l'établissement du système heureux, qui unit maintenant la Russie et la Suède. En partant de ce point de vue, il est aisé de se figurer, à quel point leur éloignement des affaires peut exciter des ombrages, des soupçons et des inquiétudes capables de troubler tous les rapports internes et externes du Royaume. A la vérité, sûre des sentiments personnels du Duc envers moi, je les crois à l'abri des changements ministériels qu'il jugera à propos d'opérer. Mais il ne peut pas raisonnablement se flatter d'une appréciation aussi strictement équitable de ses intentions de la part de la multitude accoutumée à juger superficiellement et à se laisser aller à des craintes et des alarmes, dont le Roi régnant pourrait devenir un des objets. Je souhaiterais que Vous fassiez sentir au Duc, sans blesser sa délicatesse, tout le poids

тельными и полезными товарищами и исполнителями его трудовъ на благо и славу государства. Въ моихъ глазахъ они имѣютъ большую заслугу въ томъ отношеніи, что дѣйствительно работали и содѣйствовали установленію той счастливой системы, которая теперь связываетъ Россію съ Швеціей. Съ этой точки зрѣнія легко себѣ представить, до какой степени ихъ удаленіе отъ дѣлъ можетъ возбудить недовѣріе, подозрѣнія и безпокойства, способныя поколебать всѣ отношенія государства, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Вполнѣ увѣренная въ искренности чувствъ герцога ко мнѣ, я ихъ считаю безопасными отъ министерскихъ измѣненій, которыя онъ сочтетъ нужными; но онъ не можетъ похвалиться вполнѣ справедливой оцѣнкой его намѣреній большинствомъ, привывшимъ судить поверхностно и допускающимъ всякія опасенія и безпокойства, предметомъ которыхъ можетъ сдѣлаться самъ царствующій король. Я желала бы, чтобы вы, нимало не оскорбляя герцога, дали почувствовать всю важность этихъ, мною приведенныхъ соображеній. Если вамъ не будетъ стоить много труда убѣдить его въ истинной причинѣ моего безпокойства въ этомъ отношеніи, какъ въ слѣдствіи моей къ нему дружбы, моего сочувствія къ юному королю, благу и спокойствію государства, то вамъ нетрудно будетъ убѣдить его, чтобы онъ призывалъ и удержалъ при себѣ выше названныхъ лицъ, какъ существенно нужныхъ для поддержки нынѣшнихъ отношеній. Вы скажете ему, что то вниманіе и

des considérations que je viens d'exposer. Si Vous n'avez pas de peine à le convaincre du véritable motif de ma sollicitude à cet égard provoquée par mon amitié pour lui, mon intérêt pour le jeune Roi et pour la prospérité et le repos du Royaume, Vous n'en aurez pas non plus à l'engager à rappeler et à conserver auprès de lui les personnes ci-dessus mentionnées comme essentiellement nécessaires au maintien des rapports actuellement existants. Vous l'assurerez que les égards et la déférence, qu'il voudra bien me marquer dans cette occasion, me serviront de nouvelle preuve de ses dispositions à mon égard et lui assureront un nouveau droit à celles que je lui porte. Sur ce, je prie Dieu qu'il Vous ait, Monsieur l'Ambassadeur Comte de Stakelberg, en sa sainte et digne garde. Fait à Zarsko Selo ce 14 juillet 1792. Catherine.

LVI. (Подлинникъ за подписью Екатерины II). Monsieur l'ambassadeur comte de Stakelberg. En réponse à l'apostille annexée à votre dépêche à moi du $\frac{4}{16}$ fevrier, je Vous fais passer ci-joint en ducats d'Hollande effectifs la somme de quatre mille Rixdahlers qui Vous a été demandée par le comte Guldenstolpe. Vous aurez soin de lui remettre cette somme, en le chargeant d'assurer son jeune maître de la constance de l'intérêt, que je prends à lui et du désir, qui m'anime de lui être utile en toute occasion. Mon ministre Vous instruira de la démarche que le Régent a faite auprès de moi à votre sujet et de la résolution, que j'ai crue devoir prendre en conséquence. Il Vous commu-

снисхожденіе, которыя онъ соблаговолитъ оказать мнѣ въ настоящемъ случаѣ, будутъ для меня новымъ доказательствомъ его ко мнѣ расположенія и утвердятъ за нимъ полное право на взаимность съ моей стороны. Затѣмъ, молю Бога, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, да сохранить онъ васъ своею милостью. Писано въ Царскомъ Селѣ, 14 іюля, 1792 г. Екатерина.

LVI.

Господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ. Въ отвѣтъ на post-scriptum вашей депеши ко мнѣ, отъ $\frac{4}{15}$ февраля, я пересылаю вамъ при этомъ письмѣ наличными голландскими дукатами сумму въ четыре тысячи рейхсталеровъ, которую просилъ у васъ графъ Гюльденстольпе. Вы передадите ему эти деньги съ порученіемъ увѣрить своего юнаго государя въ постоянствѣ моего въ нему расположенія и желанія быть ему всегда полезной. Мой министръ сообщитъ вамъ о ходатайствѣ регента у меня за васъ и о послѣдовавшемъ моемъ рѣшеніи. Онъ передастъ вамъ при этомъ копію съ моего отвѣта герцогу, которая убѣдитъ васъ въ томъ, что я отдаю вамъ справедливость. Затѣмъ молю Бога, да сохранить онъ васъ, господинъ посланникъ графъ Стакельбергъ, своею милостью. Екатерина.

С.-Петербургъ, 24 февраля 1793.

---

niquera aussi la copie de ma réponse à ce Prince, laquelle Vous convaincre de la justice que je Vous rends. Sur ce je prie Dieu qu'il Vous ait, monsieur l'ambassadeur comte de Stakelberg, en sa sainte et digne garde. Catherine.

S-t. Pétersbourg, 24 fevrier, 1793.

Сообщ. гр. О. О. Стакельбергъ и гр. Э. К. Чапский.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВАСИЛІЙ НАЗАРОВИЧЪ КАРАЗИНЪ*).

I.

ПИСЬМО КЪ КНЯЗЮ АДАМУ ЧАРТОРЫСКОМУ.

21 ноября 1804 г.

Статья эта,—равно какъ и другая, помѣщенная ниже, того же автора, (записка о метеорологіи, 1810 г.) получены редакціею отъ Ф. В. Каразина при слѣдующихъ строкахъ: «Мм. гг.! Несмотря на то, что статьи моего покойнаго отца, напечатанныя въ «Р. С.», удостоились не совсѣмъ-то лестныхъ отзывовъ со стороны нѣкоторыхъ нашихъ газетныхъ критиковъ, придерживающихся, какъ видно, больше крайнихъ (?) взглядовъ, чѣмъ среднихъ, которые были свойственны В. Н. Каразину, — посылаю вамъ еще двѣ его бумаги, въ надеждѣ видѣть ихъ помѣщенными на страницахъ вашего прекраснаго изданія. Первая изъ этихъ бумагъ (письмо къ кн. Чарторыскому, 1804 года, о Сербахъ) можетъ служить дополненіемъ политическаго характеристика В. Н. Каразина, а другая (записка о метеорологіи, читанная имъ въ императорскомъ московскомъ обществѣ естествоиспытателей, въ 1810-мъ году), дастъ нѣкоторое понятіе о его дѣятельности на пользу наукъ. Обѣ онѣ писаны на французскомъ языкѣ, почему прилагаю вмѣстѣ съ переводомъ и подлинный текстъ, который весьма желательно было-бы видѣть напечатаннымъ en regard, какъ для удовлетворенія вѣроятнаго любопытства нѣкоторыхъ читателей, такъ и для доказательства основательнаго изученія авторомъ французскаго языка, который хотя и былъ въ его время у насъ почти въ такой же модѣ какъ и теперь, но рѣдко, однакожъ, изучался грамматически, какъ то можно видѣть даже изъ писемъ великой Екатерины, помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ». Что бумаги эти были писаны самимъ Василюмъ Назаровичемъ, въ томъ можно удостовѣриться изъ прилагаемыхъ черновыхъ**). А употребленъ имъ иностранный языкъ, вмѣсто родного, потому, что князь Чарторыскій лучше понимаетъ по-французски, чѣмъ по-русски; московское же общество естествоиспытателей имѣло обыкновеніе печатать акты свои не на отечественномъ языкѣ. Какъ письмо къ князю Чарторыскому, такъ и записка о метеорологіи были напечатаны: первое въ газетѣ М. П. Погодина «Русской», въ 1868-мъ году, а второе отдѣльной брошюрой, въ Харьковѣ, въ 1812-мъ году***); но какъ упомянутая газета имѣла, къ сожалѣнію, весьма немного подписчиковъ, а пятидесятилѣтняя брошюра составляетъ теперь библиографическую рѣдкость, немногимъ, конечно, извѣстную, то и полагаю, что читатели «Русской Старины» не возмущутъ за помѣщеніе этихъ историческихъ документовъ на ея страницахъ, тѣмъ болѣе, что письмо къ Чарторыскому было напечатано съ нѣкоторыми пропусками и безъ французскаго подлинника». Ф. К.

*) См. «Русскую Старину», т. II, стр. 307 и 532; т. III, стр. 16 и 326.

***) Что эти черновыя действительно подлинныя, судя по бумагѣ и по извѣстному почерку В. Н., въ томъ не представляется сомнѣнія. Ред.

****) Вотъ подлинное заглавіе этой весьма рѣдкой брошюры: «Mémoire, lu à la société Impériale des Naturalistes (de Moscou), dans la Séance du 15 Mars 1810, par le membre ordinaire V. N. Karazin». Kharkoff, de l'imprimerie de l'Université; an 1812. Avec la permission du comité de censure, constitué pour l'arrondissement de l'Université Impériale de Charkow. 9 Janvier 1810. (Signé) Antoine Dugour, professeur ordinaire. 10-ть страницъ, въ 8°. Ред.

Исполняя желаніе уважаемаго нашего сотрудника, мы дали мѣсто въ «Русской Старинѣ» вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ и французскому подлиннику письма 1804 г.; что же касается до записки о метеорологіи, то мы ограничиваемся печатаніемъ одного русскаго перевода. Кстати, считаемъ не лишнимъ сдѣлать оговорку, забытую нами при помѣщеніи въ мартовской книжкѣ «Р. С.» (т. III стр. 326—366) письма В. Н. къ губернатору Бахтину, 1810 г., что это письмо напечатано нами съ подлинной рукописи В. Н. того времени, которую мы имѣли въ рукахъ. И вообще, нами принято за правило не помѣщать ничего не подлиннаго, безъ надлежащей о томъ оговорки. Содержаніе этого письма (устройство поселенія села Кручика) почти то же, что было напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей» 1861 года (смѣсь, стр. 136—176), подъ заглавіемъ: «Практическое защищеніе противъ иностранцевъ существующей нынѣ подчиненности поселенъ ихъ помѣщикамъ», и пр.; но какъ подъ этимъ заглавіемъ у насъ есть подлинная рукопись В. Н. совсѣмъ иного содержанія (съ которою мы надѣемся познакомить читателей «Р. С.» въ непродолжительномъ времени), и какъ, при томъ, письмо къ Бахтину (черновое, находившееся у насъ, съ собственноручною помѣткою В. Н., что оно «при перепискѣ во многомъ измѣнено»), дѣйствительно разнится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ вышесказанной статьи, напечатанной въ «Чтеніяхъ», то мы и сочли не лишнимъ помѣстить въ нашемъ изданіи этотъ историческій матеріалъ въ первоначальномъ его видѣ.

Ред.

Свѣтлѣйшій князь!

Милостивое участіе, принимаемое вами въ моемъ горестномъ положеніи, даетъ мнѣ смѣлость представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости нѣсколько относящихся къ этому положенію мыслей, которыя, можетъ быть, обратятъ на себя вниманіе ваше, даже какъ министра иностранныхъ дѣлъ, и тѣмъ дадутъ вамъ, болѣе чѣмъ одно простое великодушіе, поводъ замолвить за меня предъ государемъ императоромъ слово, которое бы рѣшило мою участь.

Двѣ недѣли тому назадъ узналъ я изъ писемъ, полученныхъ мною

21 Novembre 1804. Au Prince Czartoryskij.

(Черновое письмо собственной руки В. Н. Каразина).

Mon Prince! Enhardi par la manière tout-à-fait généreuse, dont Votre Altesse daigne prendre part à ma triste situation, j'ose lui soumettre une combinaison d'idées y relative, qui m'a paru n'être pas indigne de son examen même en qualité de Ministre, et qui, par là, lui donnant d'autres motifs d'agir en ma faveur que ceux d'une simple bienveillance, n'en pourra pas moins déterminer mon sort.

Il y a plus de quinze jours que des lettres de l'Ukraine (qui seront présentées à Votre Altesse aussitôt qu'Elle l'ordonnera) m'ont informé de l'existence d'une mission secrète auprès de notre Souverain de la part des Serbes turcs insurgés, mes ci-devant compatriotes*). Le but de cette mission doit être d'implorer un prompt secours dans les circonstances où se trouve ce peuple, tyrannisé de tout tems, et maintenant réduit au désespoir par les horreurs de la guerre intestine de ses maîtres. Il est facile à prédire que ce secours, indéterminé même par les plein-pouvoirs des Serbes, ne saurait être de quelque efficacité pour eux, qu'en compromettant plus ou moins nos relations avec la Porte, et, vraisemblablement, encore d'avantage avec l'Autriche. La politique de cette

*) Mon grand-père en était originaire.

изъ Малороссiи (которыя, по первому нашему требованiю, буду имѣть честь вамъ представить), что въ Сербiи готовится тайное посольство къ нашему всемилостивѣйшему государю отъ возставшаго тамъ народа, родного мнѣ по происхожденiю *). Цѣль этого посольства умолять о безотложной помощи въ тѣхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, въ которыя Сербiя поставлена какъ всегдашней тиранией турокъ, такъ, въ особенности, теперешней ихъ жестокостiю по случаю возникшихъ у нихъ междоусобiй. Легко предвидѣть, что для оказанiя этой помощи, не опредѣленной даже самими отправителями посольства, необходимо, если только захотятъ сдѣлать ее дѣйствительною для сербовъ, нарушить дружескiя наши сношенiя не только съ Портою, но и съ Австрiей; и съ послѣдней еще преимущественно, такъ какъ держава эта всегда страшится, и не безъ причинъ, многочисленныхъ славянскихъ племенъ, находящихся подъ ея гнетомъ и привыкшихъ дѣйствовать дружно съ своими собратьями, несмотря на отдаленность разстоянiй и различiе правительствъ. Она заподозривъ, въ малѣйшемъ нашемъ официально-выраженномъ желанiи улучшить судьбу несчастныхъ, предназначенныхъ съ нашей стороны революционныя цѣли, угрожающiя ей самой.

А между тѣмъ можетъ ли верховный повелитель свободныхъ славянъ, единственный защитникъ православной церкви, смотрѣть равно-

---

*) Дѣдъ мой по происхожденiю сербъ.

В. К.

---

dernière cour a toujours redouté, non sans raison, les nombreuses tribus Slaves opprimées par son despotisme et accoutumées de faire cause commune avec leurs semblables, malgré les distances des lieux et la diversité des gouvernemens. Elle soupçonnera dans le moindre mouvement officiel pour adoucir le sort de celles-ci, des réactions soutenues et guidées par notre ministère; elle craindra des suites révolutionnaires pour elle-même.

Cependant le chef illustre des tribus libres des Slaves, l'unique chef Suprême de leur église, pourrait-il laisser leurs infortunés frères en proie aux fléaux les plus désastreux? Son cœur magnanime saurait-il refuser toute assistance et anéantir d'un seul coup l'espoir des millions d'hommes, dont les yeux sont tournés vers Lui, comme vers un Dieu-libérateur, qu'ils adorent déjà comme un Messie vainement attendu pendant des siècles *)?

Il me parait qu'il existe un milieu entre ces deux extrémités: celui d'influence active non-avouée, qui, pour ne pas donner la plus légère inquiétude aux Puissances pourrait même être réduite à une simple approbation tacite que Sa

---

*) Ceci n'est pas une figure de rhétorique, mais une vérité à la lettre, que d'autres que moi pourront constater: il n'y a pas un Slave, tant soit peu à son aise, qui n'ait chez lui, comme un objet de vénération, le portrait de Sa Majesté.

душно на всё скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови и по религіи? Великодушное его сердце захочетъ ли, отказавшись отъ всякой имъ помощи, погасить въ миллионaxъ сердець надежду на него, какъ на Бога-избавителя, какъ на ожидаемаго ими столько вѣровъ Мессію, которому они уже заранѣ поклоняются *).

Между этими двумя крайностями есть, кажется мнѣ, середина, именно: вліяніе активное неоглашенное, которое, для отклоненія всякаго опасенія державъ, могло бы ограничиться безмолвнымъ высочайшимъ одобреніемъ мѣръ, предпринимаемыхъ Сербами, внутри и хъ страны, для своего избавленія.

Удостоите, свѣтлѣйшій князь, доложить государю императору, что я предлагаю себя въ руководители такихъ мѣръ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ не только не нарушили мирнаго настроенія нашей внѣшней политики, но и не были бы ни въ какомъ отношеніи невыгодны для Россіи (кромѣ развѣ собственной моей гибели, о которой и говорить не стоить). Отецъ мой, Екатерининскій полковникъ, былъ употребленъ почти для такого же дѣла передъ открытіемъ славной кампаніи, кончившейся Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, — и успѣхъ его превзошелъ ожиданія: ему, по словамъ многихъ тогдашнихъ генераловъ, не

*) Это не риторическая фигура, а истина, — которую могутъ удостовѣрить другіе кромѣ меня: нѣтъ ни одного славяннина въ Турціи, сколько-нибудь зажиточнаго, который бы не имѣлъ у себя въ домѣ, какъ предметъ особеннаго почитанія, портрета нашего государя. В. Е.

Majesté Impériale accorderait aux mesures intérieures du pays, capables d'avoir pour les Serbes des suites salutaires.

Mon Prince! veuillez bien rapporter à l'Empereur que je m'offre pour conduire des mesures pareilles, qui, loin de compromettre les opérations pacifiques de Votre ministère, ne présenteront pas même la moindre chance désavantageuse pour la Russie (si ce n'est, peut-être, la perte totale de ma chétive personne). Mon père, colonel sous Catherine II, avait été employé à une commission à peu-près semblable avant la fameuse guerre avec les Turcs; il y a réussi au delà de l'espérance, et c'est à lui, — si l'on doit en croire l'avœu de plusieurs généraux, que l'armée victorieuse de Roumanzoff doit une grande partie de ses succès. Il n'a risqué que ses jours. Que ferai-je de plus moi, qui, peut être avec le même courage, a cent fois plus de raisons d'indifférence pour la vie; moi qui, dans l'espoir de faire des choses utiles, ayant mis au jeu ma modique fortune et, plus encore, les bonnes grâces du meilleur des Souverains, ai tout perdu, tout sans réserve, hormis cette pauvre imagination, qui, m'éloignant sans cesse des affaires ordinaires, ne cessera, apparemment jamais, de me porter à des grandes et sublimes... visions!.. Prince! Vous connaissez à peu près mon état, ruiné totalement par ces efforts insensés de contribuer éminemment à la civilisation et à l'industrie de l'Ukraine, ma province-patrie. Ne pouvant, sans douleur, la voir, malgré ses richesses et les talents qui s'y offrent en foule, abandonnée à la chi-

мало была обязана армія Румянцова своими побѣдами. Онъ рисковалъ только своею жизнію. Тоже могу сдѣлать и я, имѣя, при меньшей, можетъ быть, отважности, гораздо болѣе причинъ не дорожить моими днями; ибо, рискнувши, въ надеждѣ быть полезнымъ моему отечеству, поставить на карту не только все мое скудное состояніе, но даже и милости лучшаго изъ монарховъ, я проигралъ все, рѣшительно все, кромѣ несчастнаго моего воображенія, которое, унося меня безпрестанно внѣ сферы обычныхъ дѣлъ, не перестанетъ, вѣроятно никогда, творить... сладкія мечты!. Князь! Вамъ пзвѣстно, отчасти, до какой степени разстроено мое состояніе безумными усиліями содѣйствовать блистательно къ просвѣщенію и процвѣтанію Украйны, моей родины. Мнѣ больно было видѣть ее, богатую и дарами природы и талантами ея обитателей, въ поруганіи и презрѣніи; и я возмечталъ, что одного моего рвенія и скудныхъ моихъ средствъ достаточно на то, чтобъ уничтожить преграды, поставляемыя къ ея успѣхамъ. Словомъ, чтобъ не утомлять вашу свѣтлость повтореніемъ моихъ сѣтованій, скажу только, что теперь, не имѣя уже ничего болѣе терять, я хочу попробовать еще быть полезнымъ кому-нибудь своею личностію; но на этотъ разъ не для Малоросіи уже, которая начинаетъ смѣяться и надъ моими потерями и надъ собственными своими выгодами, потому только, что сіи послѣднія, несмотря на всю ихъ очевидность, подверглись, въ лицѣ моемъ, неодобренію начальства.

Изложивъ предъ вами, свѣтлѣйшій князь, такимъ образомъ, безъ

cane et au mépris, je me suis persuadé que mon zèle et mes pauvres moyens suffiront pour vaincre les obstacles qui s'opposaient à ses progrès. Enfin, pour ne pas Vous fatiguer par une répétition de mes élégies, désormais n'ayant plus rien à perdre, absolument rien, je veux encore faire usage de mon propre individu, et cela hors de cette Ukraine, qui commence à se moquer et de mes pertes personnelles et de ses propres avantages, puisque celles-ci, malgré leur évidence, ont subi, dans ma personne, l'improbation du gouvernement.

Après avoir ainsi exposé les motifs de ma résolution, sans les revêtir d'aucun masque, quel qu'il puisse être, j'aurais dû soumettre aussi à Votre Altesse mes moyens. Mais—un simple coup-d'oeil, jeté sur la carte de la Turquie européenne, coup-d'oeil, guidé par Vos lumières; cet Empire, déchiré par mille dissensions, tombant de toutes parts sans le moindre espoir de rétablissement; la position actuelle des affaires en Europe, qui, probablement, bien long-tems encore absorberont l'attention et le savoir faire de tous les cabinets; l'histoire de toutes les nations Slaves; les forces intérieures d'un peuple, habitant un des pays du monde les plus riches en productions,—d'un peuple qui, avec sa barbarie a conservé la pureté des mœurs, l'attachement le plus inviolable à ses principes, à sa religion, d'un peuple, enfin, qui a conservé tout ce qui constitue un grand caractère national: ses espérances dans le siècle où nous vivons et dans le trône de Russie, sa haine exaltée contre ses oppresseurs, haine qui

всякой утайки, побудительныя причины моего намѣренія, мнѣ оставалось бы объяснить вамъ также и средства, которыя я имѣю въ виду къ исполненію его. Но — одинъ простой взоръ, брошенный, при вашихъ, князь, познаніяхъ, на карту европейской Турціи; состояніе этого государства, раздираемаго внутренними междоусобіями, падающаго со всѣхъ сторонъ безъ всякой надежды на поднятіе; нынѣшнія дѣла въ Европѣ, обшчающія долго и долго еще поглощать все вниманіе и умъ кабинетовъ; исторія всѣхъ славянскихъ племенъ; внутреннія силы народа, обитающаго одну изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ своими произведеніями странъ; народа, сохранившаго, вмѣстѣ съ своимъ невѣжествомъ, чистоту нравовъ, непоколебимую привязанность къ своимъ правиламъ, къ своей религіи, — народа, наконецъ, который сберегъ все, что составляетъ высокій національный характеръ: надежду въ настоящій вѣкъ и въ царей русскихъ, отъявленную ненависть къ своимъ притѣснителямъ, ненависть, начинающую уже одерживать верхъ надъ придавленностію и страхомъ, — всѣ эти факты, усмотрѣнные собственною вашею, князь, проницательностію, выскажутъ вамъ гораздо яснѣе, чѣмъ я могъ бы объяснить, средства, на которыя я надѣюсь. Одно могъ бы я прибавить: хотя я имѣю въ виду вліять на дѣла сербовъ только по инструкціи, какою вы мнѣ изволите дать, но одинъ уже постъ мой тамъ дастъ мнѣ всевозможныя удобства направить національный духъ къ предназначенной мнѣ цели. Я потребую весьма мало денежнаго пособія, и то только передъ

commence à rompre les barrières de l'abrutissement et de la crainte, — tout ces faits, mon Prince, se présentent d'eux mêmes à Votre pénétration et Vous parleront bien plus énergiquement que je ne le saurais faire. Je n'ai, peut-être, qu'une réflexion à ajouter: quoique mon projet doit se borner à influencer les opérations des chefs Serbes d'après les instructions qui me seront données, par Votre Altesse, ce poste me donnera néanmoins toutes les facilités imaginables pour diriger l'esprit national vers le but qui me sera indiqué. Je ne demande que fort peu de secours et cela avant mon départ seulement. Je n'implorerai de Sa Majesté que la conservation de mon pauvre patrimoine et de mon existence politique pour le cas où je serai assez heureux que de retourner mourir chez moi après avoir prouvé à mon adoré Souverain que je n'étais pas tout-à-fait indigne de ses bontés et de sa confiance... Faisant sacrifice total de tout encouragement, que je serais même à portée d'obtenir, je ne demande point de caractère diplomatique; je changerai même de nom, s'il le faut. Un Serbe, retourné parmi ses compatriotes, après un service de quelque valeur dans la capitale de la Russie, un homme recommandé à leurs députés au nom de l'Empereur, — serait bien maladroit s'il ne parvenait pas à exécuter les choses même les plus hardies. Vous savez, mon Prince, que dans les entreprises de cette sorte, outre un peu des lumières, il ne faut que du zèle, de l'activité et de persévérance; et il me semble que je n'en manquerai pas.

отправленіемъ моимъ туда. Одной высочайшей милости смѣлъ бы я ожидать: сохраненіи моего малороссійскаго имѣнница и политической жизни на случай, еслибъ мнѣ посчастливилось возвратиться въ мое отечество, и кончить въ немъ дни мои, доказавши моему государю, что я не совсѣмъ былъ недостоинъ его милостей и довѣрія... Отказываясь заранѣе отъ всякихъ наградъ, еслибъ даже я и могъ ихъ заслужить, я желалъ бы, чтобъ мое отправленіе не имѣло никакого политическаго вида; думалъ бы даже переимѣнить самое мое имя, еслибъ это оказалось нужнымъ. Сербъ, возвращающійся къ своимъ соотечественникамъ послѣ нѣкотораго, не совсѣмъ бесполезнаго служенія Россіи, человѣкъ, рекомендованный народнымъ депутатамъ именемъ самого государя, былъ бы очень недоволенъ, еслибъ не умѣлъ совершить тамъ самыхъ даже отважныхъ дѣлъ. Вы знаете, князь, что въ подобныхъ предпріятіяхъ нужно, кромѣ нѣкотораго образованія, только сильное желаніе, дѣятельность и устоячивость; и мнѣ кажется, что я не имѣлъ бы въ нихъ недостатка.

Сдѣлайте, ваша свѣтлость, какое угодно употребленіе изъ этого письма, лишь бы только оно не стало преждевременно извѣстнымъ нѣкоторымъ изъ вашихъ сотоварищей, которые истолкуютъ его не премѣнно въ смѣшную сторону, какъ это уже не разъ случалось отъ иныи идеями; но что этого не случится теперь, въ томъ порукой мнѣ благородство души вашей, князь, и доброта сердца государя.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю

Je laisse ma lettre sans réserve à la disposition de Votre Altesse; il n'y a qu'une suite que j'en pourrais vraiment redouter: c'est d'être interprété d'une manière à me rendre ridicule par quelques-uns de vos collègues, si j'avais le malheur d'en être découvert aussi mal-à-propos que bien des fois ci-devant. Mais je dois être tranquille sur ce point: sans doute ni Vous, mon généreux Prince, ni le cœur noble de l'Empereur, ne voudront pas m'y exposer.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute estime et le plus sincère attachement de Votre Altesse le très-humble et tres-obéissant serviteur Basile Karasine.

Supplément à ma lettre du 21 Novembre (à Son Altesse le Prince Czartoryski').

Le projet de rendre à l'existence politique les tribus Slaves, souffrantes sous le joug étranger, n'est pas nouveau. J'en trouve les traces bien marquées dans les archives diplomatiques de Moscou, dès l'année 1710, quoique l'histoire très-détaillée que nous avons de ce tems, n'en offre aucune notion. Sous l'Impératrice Elisabeth, on a fait venir douze enfants Monténégrins pour les instruire, dans le dessein, à ce qui parait, de les renvoyer, adultes, dans leur pays, et d'établir par là un commencement de communication des lumières et de l'esprit public entre la Russie et ces tribus. Ces mesures,—à en juger d'après quelques indices du tems,—devaient être sérieusement continuées; mais peu-à-peu des changemens survenus dans le Ministère et son système, surtout ceux qui sont

честь быть вашей свѣтлости всепокоривѣйшій слуга Василій Каразинъ.

Дополнительная къ этому письму записка, представленная В. Каразинимъ князю Чарторыскому недѣлю спустя.

Мысль о возвращеніи политическаго существованія славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноземниковъ, — не нова. Я находилъ слѣды ея, весьма замѣтные, въ дипломатическихъ дѣлахъ московскаго архива, еще съ 1710 года, хотя исторія того времени, живущая у насъ въ довольно просторномъ видѣ, и не упоминаетъ о ней ни слова. При Елисаветѣ взяты были изъ Черногорья двѣнадцать дѣтей, съ цѣлію образовать ихъ и потомъ возвратить на родину, дабы положить тѣмъ начало духовнаго общенія этого народа съ Россією. И мѣру эту предполагалось поддерживать серьезно, какъ видно изъ многихъ тогдашнихъ распоряженій; но мало по малу, перемены, происшедшія въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ ея системѣ, въ особенности послѣ родственнаго союза двора нашего съ австрійскимъ, прекратили эти попытки совершенно. Не буду упоминать о мысляхъ и предпріятіяхъ Екатерины II-й, которыя можно было бы отнести также къ этой цѣли, такъ какъ онѣ, собственно говоря, были только побочными нитями славнаго ея намѣренія возстановить христіанскую Византію и ея имперію, — намѣренія, кончившагося, увы! послѣ столькихъ истраченныхъ милліо-

résultats de l'alliance de notre Cour avec l'Autriche, les ont fait oublier complètement. Je ne parlerai pas des idées et des entreprises de Catherine II, qui pourraient de même y avoir rapport, car elles n'étaient, à proprement dire, que les accessoires de Son grand projet, de ressusciter la Bizance chrétienne et son Empire. Ce magnifique projet, hélas, après avoir coûté des millions en armemens et la vie à bien des braves, tant russes, que moldaves, grecs, et slavons, sans compter les ennemis, — n'a fini que par la prise de la Crimée, changée en désert du pays délicieux et très peuplé qu'elle était sous les Turcs. Il semble en effet, que nos destinées nous portent à dévaster tout, en étendant nos limites; c'est à la manière des Vandales et des Huns que nous avons, jusqu'à présent, fait usage et de nos victoires et des forces incommensurables intérieures, qui nous en ont donné les moyens. Je suis persuadé que le génie pacifique, le génie réparateur qui est maintenant sur le trône, a des idées bien différentes et plus salutaires pour le total de l'humanité; et voila pourquoi, en'autre, j'ose renouveau le projet en question.

Il y a trois choses dans ce projet, comme dans tout autre, à considérer: 1) Son utilité, ou plutôt nécessité pour l'époque; 2) Sa possibilité, ou les moyens de son exécution; et 3) ses suites (humainement parlant).

новъ и прелитія столько крови, и русской, и молдавской, и греческой, и вообще славянской, не считая уже неприятельской, — покорениемъ только Крыма, который мы превратили въ пустыню изъ прекрасной и многолюдной страны, какою онъ былъ у турокъ! Намъ, ко истинѣ, какъ будто уже судьбой назначено: опустошать все пространство наши предѣлы, пользоваться на манеръ вандаловъ и гунновъ и побѣдами нашими и неисчерпаемыми внутренними силами, дающими средства побѣждать. Я увѣренъ, что гений мира и благотворнаго созиданія, возсѣдающій нынѣ на престолѣ русскомъ, мыслить иначе и заботится болѣе о благѣ всего человѣчества; поэтому-то, между прочимъ, и взялъ я смѣлость возобновить славянский вопросъ.

Въ предлагаемомъ мною прозвѣтѣ, какъ и во всякомъ другомъ, должны быть приняты въ соображеніе три вещи: 1-е) его польза, или, скорѣе, необходимость его относительно настоящаго времени; 2-е) его возможность, или средства къ исполненію; 3-е) его послѣдствія въ отношеніи люда Божьяго.

1.

Всякое государство, также какъ и всякой человѣкъ въ отдѣльности, должно, кажется, имѣть цѣлю своего существованія благоденствіе общее; исключительное же себлюбіе ведетъ, напротивъ, также мало къ истинному и прочному преуспѣванію массъ людей, какъ и каждому въ частности; это доказано тысячами примѣровъ. Но если

1.

Il paraît que l'existence d'un Etat, de même que celle de chaque individu est faite pour contribuer à la félicité générale: l'égoïsme exclusif, au contraire, procure aussi peu un bonheur réel et durable pour les masses d'hommes que pour les hommes séparément; ce que mille exemples ont assez prouvé.

Mais, si régner pour le bonheur des autres est une maxime applicable à tout Empire, à tout gouvernement, elle doit l'être d'autant plus naturellement à ceux de la Russie. Sa civilisation, restée en arrière, l'immensité de son étendue à raison de sa population, et son site pour ainsi dire sur les confins du monde, la faisant jouir de tout bien-être, de tout progrès, même les plus éloignés pour elle, ne lui présentent nul avantage à tirer des désastres des autres pays. On peut dire plus: le rôle sublime de la Russie semble être celui de défendre la cause du genre humain: aussi grande par ses forces internes, que naturellement indépendante sous tous les rapports, c'est à elle d'être la protectrice des opprimés, comme elle sera un jour l'arbitre des puissances.

Il existe un peuple attaché à elle par des liens moraux le plus généralement respectés. Etant assujéti par des barbares, dont les principes ne respirent que le mépris, la haine et la destruction de tout ce qui n'est pas eux, — ce peuple, opprimé, abruti, hors de toute liaison, de toute utilité pour les autres,

„владычествовать для блага другихъ“ должно быть правиломъ каждаго государства, каждаго правительства, то правило это слѣдуетъ въ особенности примѣнить къ царству русскому и къ правительству русскому. Отсталость въ просвѣщеніи, обширность пространства сравнительно съ народонаселеніемъ, и самое положеніе отечества нашего на краю, такъ сказать, свѣта, даютъ ему возможность идти впередъ и дѣлать успѣхи въ процвѣтаніи, не посягая на благосостояніе другихъ государствъ. Скажу болѣе: Россіи, повидимому, предназначена завидная доля быть защитницей рода человѣческаго: богатая внутренними силами, независимая во всѣхъ отношеніяхъ, она должна быть покровительницей угнетенныхъ, какъ будетъ, современемъ, судьей другихъ царствъ.

Есть народъ, связанный съ нею узами нравственными, наиболѣе уважаемыми повсюду. Порабощенный варварами, поставившими себя правиломъ презирать, ненавидѣть и истреблять все, что не составляетъ ихъ самихъ, народъ этотъ, угнетенный, придавленный, лишенный всякой общительности съ собой подобными, не имѣющій возможности быть полезнымъ ни себѣ, ни другимъ, изнывающій отъ всякаго рода недостатковъ среди природныхъ своихъ богатствъ, взываетъ, цѣлмй уже вѣкъ, къ Россіи, моли ея о помощи. Отчаявшись наконецъ въ ней, и доведенный до изступленія несчастіями, возраставшими по мѣрѣ его покорнаго терпѣнія и неурядицы безмысленнаго и жестокаго его правительства, онъ поднимается, берется за

---

dépérissant de misère au milieu des bienfaits de la nature, depuis cent ans demande à grands cris l'assistance de la Russie. Lâs d'attendre enfin, et réduit au désespoir par ses malheurs, qui se sont accumulés à mesure de sa servile patience et des désordres de son inepte et féroce gouvernement, il se lève dans une grande partie du pays, s'arme à la hâte, et, sans sévir encore contre ce gouvernement, il expédie ses envoyés auprès du trône de cette Russie, sur laquelle il a fondé son unique espoir et qu'il n'a jamais cessé de regarder comme sa véritable patrie. Comment refuser un secours dans des circonstances pareilles? Surtout lorsque ce secours, nécessairement voilé, peut se réduire à quelques moyens d'encouragement, à quelques conseils? Comment ne pas s'empresser de répondre à son impatience dans ces momens critiques, où tout va le porter aux excès les plus funestes et où, à la vérité, son irrésolution lui sera éminemment dangereuse? Il est aisé à prévoir, que même un refus décisif de notre part aux vœux des Serbes, augmentant leurs malheurs, ne sera à la Porte elle-même d'aucune utilité, car une fermentation pareille, une fois commencée dans un peuple à demi-barbare, ne s'arrête pas tout-à-coup. Agissant sans principes et sans plan, il n'en continuera pas moins ses efforts, et cela en raison de la faiblesse du gouvernement-maître qui perd chaque jour de son énergie et s'anéantit aux yeux de ses sujets plus visiblement encore qu'à ceux de l'Europe.

оружіе; но прежде чѣмъ употребить его въ дѣло, шлетъ отъ себя посланныхъ въ царю той державы, на которую онъ возлагаетъ всѣ свои надежды, которую привыкъ считать настоящимъ своимъ отечествомъ. Какъ отказать въ пособіи при такихъ обстоятельствахъ, и притомъ въ пособіи, которое, бывъ, по необходимости, прикрыто, можетъ ограничиться однимъ поощреніемъ, однимъ совѣтомъ? Какъ не поспѣшить откликнуться на нетерпѣливое ожиданіе въ такую критическую минуту, когда онъ готовъ броситься въ самыя пагубныя крайности, и когда, дѣйствительно, колебаніе его можетъ быть для него гибельно? Не трудно предсказать, что рѣшительный отказъ нашъ сербамъ увеличитъ только ихъ несчастія, не принеся никакой пользы самой Портѣ, ибо подобное броженіе, разъ начавшись въ народѣ непросвѣщенномъ, не останавливается вдругъ. Дѣйствуя безъ правилъ и безъ плана, восставшій народъ будетъ тѣмъ не менѣе сопротивляться упорно и тѣмъ съ большою силою, чѣмъ слабѣе будутъ становиться его власти, теряющіе съ каждымъ днемъ энергію и идущіе въ рѣшительному паденію быстрѣе еще въ глазахъ своихъ подданныхъ, чѣмъ въ глазахъ Европы.

2.

Я далека отъ мысли, чтобы правительство наше, измѣнивъ мгновенно свою политику, объявило Портѣ, что оно беретъ подъ свою защиту мятежныхъ сербовъ. Такая мысль была бы дѣйствительно достойна воспаленной головы (*tête chaude*, какъ угодно нѣкоторымъ

2.

Je ne prétends pas que la cour de Russie, manquant subitement à son système actuel, aille déclarer à la Porte qu'elle protège l'insurrection des Serbes. Loin de moi cette idée, vraiment digne d'une tête chaude (épithète dont on a bien voulu m'honorer maintes fois, mais que je n'ai pas la prétention de mériter). Voici, au contraire, in extenso, à quoi pourraient se réduire les mesures à suivre, que je prends la liberté de soumettre aux lumières de mon adoré Souverain et de son ministre.

1) Les députés Serbes seront incontinent congédiés, après qu'il leur aura été déclaré que Sa Majesté, vû l'identité de l'origine et de religion de leurs commettans avec celles de Ses sujets et de Sa propre personne, ne peut ne pas prendre part sincère à leur situation; que, toutefois, ne trouvant pas convenable, pour le moment, de rompre Ses liaisons amicales avec leur Souverain, Il veut bien appuyer par Son crédit auprès de la Sublime Porte les respectueuses démarches de la nation Serbe, auxquelles, d'après leur aveu, elle est contrainte par les circonstances alarmantes où elle se trouve. A cette déclaration officielle, le ministre ajoutera de sa part, verbalement, à la dernière audience, que, considérant la position nouvelle et tout-à-fait critique de leurs commettans par les représentations conditionnelles avec lesquelles ils vont se

называть меня, безъ сознанія съ моей стороны поводомъ къ тому). Напротивъ, вотъ, въ сущности, тѣ мѣры, которыя я думаю бы возможнымъ въ настоящемъ случаѣ предпринять, и которыя рѣшился представить на благоусмотрѣніе обожаемаго мною государя и его министра.

Во-1-хъ, депутаты сербскіе должны быть отпущены немедленно послѣ того, какъ имъ объявлено будетъ, что его величество, въ уваженіе тождественности происхожденія и вѣры ихъ довѣрителей съ происхожденіемъ и вѣрою его самого и его подданныхъ, не можетъ не принять искреннаго участія въ ихъ положеніи; но что однакожъ, не находя удобнымъ прерывать, въ настоящее время, дружественныхъ своихъ отношеній къ султану, онъ можетъ только ходатайствовать съ своей стороны о томъ, чтобы Высочая Порта обратила вниманіе на подданническія представленія Сербовъ относительно претерпѣваемыхъ ими, по ихъ словамъ, бѣдствій. Послѣ такого официальнаго объявленія, ваша свѣтлость, съ своей стороны, изволили бы имъ сказать конфиденціально, на прощальной аудіенціи, что такъ какъ довѣрители ихъ будутъ поставлены въ довольно затруднительное и новое положеніе передъ турецкимъ правительствомъ требованіями себѣ, хотя и почтительными, но тѣмъ не менѣе смѣлыми, улучшенія участи Сербіи, то, въ видахъ облегченія имъ этой задачи, а также для предохраненія ихъ отъ такихъ дѣйствій, которыя бы могли набросить тѣнь, какъ въ Константинополѣ, такъ и внутри ихъ страны, на политику Россіи, и тѣмъ

---

présenter devant le ministère Ottoman, et afin de les préserver tant chez eux, qu'à Constantinople, d'une façon d'agir qui, blessant les rapports politiques de la Russie, pourrait plutôt nuire que répondre aux résultats souhaités. Sa Majesté Impériale a jugé à propos de leur indiquer de Sa part une personne affidée qui pourra les guider dans leurs démarches; et que cette personne (c'est-à-dire moi, qui sera nommé et présenté aux députés dans cette audience) va partir, pour se rendre à sa destination par des voies et dans le tems que le ministère jugera convenable. Cependant, que Sa Majesté désire que cette grâce particulière, à laquelle Son cœur compatissant l'a porté, reste parfaitement inconnue, même à la nation Serbe, et que (pourrait-on ajouter encore) d'avance Elle est disposée à désapprouver hautement tout ce qui resulterait de la publicité de cette assistance.

2) Je supplierai, après cela, qu'il soit permis à quatre personnes, de mon choix, toutes sans la moindre liaison entr'elles, de quitter l'Empire, pour parvenir, chacune selon sa disposition et à son propre risque, à me joindre dans le campement de insurgés. Une de ces personnes sera un officier militaire; une—mécanicien; une—chimiste et minéralogue; enfin la dernière, secrétaire, habile en plusieurs langues européennes et celles de la Turquie, qui doit être mon unique aide dans les nombreuses rédactions à faire. Trois de ces messieurs, que j'ai déjà dans la pensée, sont des gentilshommes russes, bien élevés et d'un

самымъ скорѣе повредить, чѣмъ сдѣлать пользу ихъ дѣлу, государь императоръ счелъ возможнымъ указать имъ на человѣка, который могъ бы руководить ихъ въ настоящихъ обстоятельствахъ; и что этотъ человѣкъ (т.-е. я, котораго ваша свѣтлость и изволили бы тутъ же назвать и представить имъ) отправится къ мѣсту своего, по этому случаю, назначенія тѣмъ путемъ, и въ такое время, которыя вы признаете удобными; но что при этомъ его величеству угодно, чтобъ такая его, особенная, милость, къ которой влечетъ его только чувство состраданія, оставалась совершенно неизвѣстною самому даже народу сербскому, и что,—можно было бы прибавить,—всякія дѣйствія сербовъ, могущія обнаружитъ эту милость, заслужатъ непремѣнно гласное неодобреніе его величества.

Во-2-хъ, затѣмъ я просилъ бы, чтобъ дозволено было четыремъ, по выбору моему, лицамъ, неимѣющимъ ничего общаго между собою, ѣхать за границу по собственному ихъ усмотрѣнію и на собственный страхъ, для присоединенія ко мнѣ въ лагерь инсургентовъ. Одинъ изъ нихъ будетъ военный, другой механикъ, третій химикъ и минералогъ, и четвертый секретарь, знающій европейскіе и турецкіе языки, для письменныхъ при мнѣ работъ, которыхъ предвидится мало. Трое изъ этихъ господъ, которыхъ я имѣю уже на примѣтѣ,—русскіе дворяне, хорошо образованные и готовые на всякія опасности; четвертый—сербъ. Я совершенно увѣренъ, что всѣ они охотно послѣдуютъ за мною, и конечно не будетъ риску сообщить имъ за-

caractère à affronter tous les périls imaginables; le quatrième est de la nation même. Je suis parfaitement sûr qu'il me suivront tous avec plaisir, et sans doute je ne compromettrai rien en leur communiquant en partie ce plan, j'entends à chacun en particulier. Ils recevront des passeports en forme jusqu'à des lieux respectivement différents à proximité de la Serbie, c'est-à-dire les plus proches où ils puissent parvenir sans réveiller des soupçons. Il n'y a pas même d'inconvenient si l'un d'entr'eux m'accompagne. Je pars, sans perdre de tems, pour l'étranger, muni d'un passeport de voyageur, sous mon véritable nom; je me dirige d'abord pour Berlin, y commets quelque soi-disante faute, qui puisse donner au gouvernement russe motif d'être mécontent de moi au point de me déclarer hors des lois. Heureusement tout est préparé pour faire accroire au public ma culpabilité, puisque déjà actuellement l'on me prend pour un homme perdu sans ressource dans l'idée de Sa Majesté, et il se trouvera, sans doute, assez de personnes de ma connaissance qui feront retentir au loin cette nouvelle histoire et rendront par là, à leur insu, un service patriotique justifiant notre ministère d'avance dans tout ce qui pourrait arriver de moi. Après cela je quitte Berlin et prends la route de Raguse par Vienne et Triest. Une fois dans les montagnes, je brûle mes papiers et me produis, sous le nom supposé d'un national, qui, après un long service en Prusse, retourne dans ses foyers. C'est alors que commencera ma dangereuse indépendance de

благовременно, разумеется каждому особю, часть моихъ намереній. Они должны будутъ получить паспорта до разныхъ, каждый, мѣстъ, по близости Сербіи, чтобъ отклонить всякія подозрѣнія на счетъ цѣли ихъ поѣздки. Одному изъ нихъ можно было бы даже взять вѣстѣ со мною. Отправляюсь я, не теряя времени, съ заграничнымъ паспортомъ, какъ путешественникъ, подъ настоящимъ моимъ именемъ, черезъ Вѣну и Триестъ, въ Рагузу. Какъ скоро достигну гору, уничтожаю мои бумаги и пускаюсь странствовать подъ видомъ серба, возвращающагося на родину послѣ долгой службы въ Пруссіи. Тогда-то начнется опасная моя независимость отъ всего и отъ всѣхъ (*Vogelfreyheit*), кромя инструкцій вашихъ, которыя я сохранию только въ памяти.

Въ-3-хъ. Когда депутаты сербскіе, возвратившись на родину, представятъ меня главному ихъ начальнику, чтобъ дать мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, вѣсь, я не замедлю познакомиться, чрезъ его посредство, съ людьми вліятельными.

Въ-4-хъ. Первымъ моимъ дѣломъ будетъ учрежденіе временнаго правительства, которое бы и отправило отъ себя депутатовъ въ Константинополь для поступленія какъ сказано въ пунктѣ 1-мъ.

Въ-5-хъ. Если послѣдствія этой депутации, подкрѣпленной официальнымъ ходатайствомъ со стороны нашего посланника въ Константинополь, будутъ удачны, т.-е. если Порта дастъ Сербіи самоуправленіе, съ условіемъ только платить известную дань,

tout au monde (*Vogelfreyheit!*) hormis des instructions données par le ministre, que je conserverai uniquement dans ma mémoire.

3) Après que les députés Serbes, de retour chez eux, m'auront introduit auprès du chef principal, afin de m'accréditer en quelque sorte, je ne tarderai pas de me procurer par lui, peu à peu, la connaissance des principaux personnages du pays.

4) Mon premier soin sera de les porter à organiser une espèce de Gouvernement et de faire nommer de sa part quelques députés pour Constantinople, qui agiront conformément à ce qui a été dit ci-dessus, dans l'article 1-er.

5) Si cette démarche, soutenue par l'entremise officiel de notre Ambassadeur, réussit, c. à d. si la Porte accorde aux Serbes le privilège de se gouverner eux-mêmes, sous les deux obligations: de payer un tribut irrévocablement déterminé, et de défendre, comme sujets turcs, la cause de cet empire contre ses ennemis, notre cour aura gain de cause en faveur des opprimés et tout l'honneur aux yeux de l'Europe lui en reviendra, comme de raison. Dans le cas contraire, elle les abandonne à leur sort, étant sensée d'avoir fait tout ce que lui imposaient son humanité et sa religion. En un mot, elle ne se compromet d'aucun côté.

6) Dans le premier cas,—qui, cependant, est peu probable, vû que le Divan ne possède pas assez de sagesse et de froideur, pour préférer l'unique parti avan-

однажды навсегда опредѣленную, и защищать, въ случаѣ нужды, какъ подданная Турціи, имперію отъ непріятелей, то русское правительство достигло своей цѣли — освобожденія Сербіи, и вся честь этого дѣла, въ глазахъ Европы, принадлежитъ будетъ ему. Въ противномъ же случаѣ оно оставляетъ сербовъ на произволъ ихъ собственной судьбы, имѣя полное право сказать, что сдѣлало съ своей стороны все, что требовало челоуѣколюбіе и религіи. Словомъ, ни въ какомъ разѣ оно себя не уронитъ.

Въ первомъ случаѣ, который, однакожъ, мало вѣроятенъ, судя по недостатку въ турецкомъ правительствѣ того благоразумія и сдержанности, которыя должны были бы заставить его рѣшиться на единственный выгодный для него, въ настоящихъ обстоятельствахъ, шагъ, — полное освобожденіе Сербіи совершится постепенно, незамѣтнымъ образомъ: съ одной стороны просвѣщеніе, которое необходимо начнется въ Сербіи послѣ дарованія ему самоуправления, а съ другой неминуемый упадокъ могущества Порты сами собою будутъ къ тому содѣйствовать.

Въ случаѣ же отказа Порты на прошеніе сербовъ, возстаніе быстро распространяется и достигаетъ грозныхъ размѣровъ. Взбунтовавшимися пашамъ, которыхъ удерживали только славянскія племена, дадутъ полную волю дѣйствовать; могучему Пасванъ-Оглу помогутъ даже подойти къ Стамбулу. Боснія не замедлитъ присоединиться къ Сербіи, какъ единокровная и единопзычная, а отчасти даже и единовѣрная,

tageux à prendre dans ses propres circonstances, — l'affranchissement des Serbes se fera dans son tems, par degrés presque insensibles: leur civilisation, qui, dans leur état de tributaires, va commencer immanquablement, d'un côté, — et la chute progressive de l'Empire turc de l'autre, contribueront le plus à le préparer.

Dans le cas de refus du privilege demandé, l'insurrection, se repandant de tous côtés d'une manière rapide, prendra l'aspect le plus imposant. On laissera faire les Pachas revoltés, qui ont été jusqu'ici contenus uniquement pas les tribus Slaves. On facilitera même au puissant Paswan-Oglou l'approche du Stamboul. La Bosnie ne tardera pas à se joindre à la Serbie, vñ l'identité de l'origine et du langage, en partie aussi celle de religion (car presque deux tièrs des Bosniaks sont encore restés chrétiens); mais on doit compter le plus sur le mécontentement et sur le mépris général dans lesquels le gouvernement turc est tombé dans toutes ses domaines.

Non, jamais le temps n'a été et ne pourra être plus favorable à cette entreprise, qui, sans produire des secousses funestes aux états civilisés de l'Europe, et presque sans éffusion de sang, conservant même l'existence, quoique précaire, de l'Empire turc, va fonder, dans 5 ou 10 années d'ici, un royaume Slave pour y placer sur le trône un des augustes frères d'Alexandre! Il semble que la Providence y a déjà tout préparé. Je ne parle même plus de l'absence presque

ибо двѣ трети Босняковъ остались христіанами. Но главнѣйшая надежда будетъ на проявляющееся уже, во всѣхъ частяхъ турецкаго царства, недовольство правленіемъ, и на общее къ нему презрѣніе.

Нѣтъ, нивогда время не было и не можетъ быть благопріятнѣе для выполненія подобнаго предпріятія, и можно сказать навѣрно, что не пройдетъ 10-ти, или даже только и 5-ти лѣтъ, какъ, безъ всякихъ потрясеній, гибельныхъ для образованныхъ государствъ Европы, и почти безъ кровопролитія, съ сохраненіемъ притомъ даже нужнаго еще пока призрака турецкой имперіи, возникнетъ славянское царство, на престолъ котораго воссядетъ одинъ изъ августѣйшихъ братьевъ Александра. Провидѣніе какъ будто все уже къ тому приготовило. Не стану говорить объ отсутствіи, почти совершенномъ, препятствій,—отсутствіи очевидномъ для всякаго, кто только, не будучи посвященъ въ тайны дипломатіи, разсуждаетъ хотя нѣсколько о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ. Но позволю себѣ только, избѣгая всякой рѣчи о политикѣ, спросить васъ, свѣтлѣйшій князь, что соединяетъ людей въ одно цѣлое, способное составить изъ себя государство? Не мнѣніе ли, не убѣжденіе ли этихъ людей? Не оно ли поддерживаетъ властителей на престолахъ? Не ему ли прилично болѣе всего названіе силы, одерживающей побѣды? Отнимите убѣжденіе, заставляющее повиноваться начальникамъ — и громадная власть, только-что повелѣвавшая необъятнымъ пространствомъ, мгновенно рухнетъ! А это мнѣніе, это убѣжденіе уже существуетъ въ

---

totale des obstacles: elle est palpable à tout homme, qui, sans être initié dans les mystères des cabinets, aura un peu réfléchi sur les affaires présentes de l'Europe. Mais, abrégeant toute discussion politique, je me permettrai seulement de Vous demander, mon Prince: qu'est-ce qui lie les individus d'un Etat de manière à leur donner une existence collective? N'est-ce pas l'opinion, la conviction? N'est-ce pas elle qui soutient les gouvernements et les trônes? N'est-ce pas à elle que convient le plus le nom de force, quand elle réside dans les corporations armées? Otez la conviction, qui fait exécuter les volontés des chefs, et l'appareil formidable, qui naguères dominait le pays, tombe soudainement!... Or cette opinion, cette conviction existe déjà dans les tribus toutes armées des Slaves: elle n'attend qu'un centre pour s'y réunir.

3.

Je ne prends pas sur moi, je n'essayerai même pas d'esquisser toutes les suites de l'affranchissement des Slaves. Mais voici quelques traits qui se présentent d'elles mêmes sans approfondir le sujet.

Le royaume des Slaves (Царство Словенъ) pourra occuper, avec le tems, tous les pays, baignés par la mer Adriatique, à sa droite, et s'étendant de l'Albanie à la partie septentrionale de la Macédoine, de là, le long des frontières de la Valachie, jusqu'à la rivière Maroch; comprendra aussi le Banat, la Sir-

племенахъ славянскихъ, поднявшихъ оружіе: они ждуть только центра, въ которому бы все применило.

3.

Не беру на себя, не имѣю даже претензій на описаніе, хотя въ краткомъ очеркѣ, будущности, которая ожидаетъ славянъ послѣ ихъ освобожденія. Но не могу не набросать главныхъ чертъ, представляющихся воображенію при самомъ поверхностномъ даже размысленіи. Царство Славянъ должно занять, современемъ, всѣ земли, прилегающія къ восточному берегу Адриатическаго моря, начиная отъ Албаніи и идя по сѣверной части Македоніи, вдоль границъ Валахіи, до рѣки Марохъ; въ него войдутъ: и Банатъ, и Сирмія, и часть Венгріи, и Австрійская Славонія, и Кроація, вплоть до сказаннаго моря. Но какъ опредѣлить географическія границы, среди восторга, который меня обнимаетъ! Я вижу уже, какъ густыя переселенія славянскихъ народовъ, увлеченныхъ однимъ именемъ своего царства, стекаются со всѣхъ сторонъ и занимаютъ даже пустыни; вижу, какъ это царство, достигшее въ короткое время благоденствія и просвѣщенія и ставшее вѣрной союзницей Россіи, родной ему и по крови и по вѣрѣ, любимой имъ по чувству признательности, мѣняется уже съ нею своими произведеніями, служить ей точкой опоры во всѣхъ ея предпріятіяхъ, во всѣхъ ея сношеніяхъ съ южной и западной Европой, а также съ Африкой. Пресытившись вскорѣ славой; достигши обширныхъ размѣровъ, оно занялось все устройствомъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Торговля и

---

mie, une partie de la Hongrie, la Slavonie autrichienne et la Croatie, inclusivement jusqu'à la mer nommée. Mais les commotions de l'enthousiasme ne reconnaissent point de limites géographiques: bientôt le charme irrésistible du nom seul de cette belle région, entraînant des émigrations des tribus Slaves qui habitent plus loin, elles viennent peupler ses parties encore désertes, et ce royaume, dans peu florissant et civilisé, attaché à l'Empire de Russie par les liens du culte, de la consanguinité et de la reconnaissance, devient son entrepôt et son point d'appui naturel dans toutes les entreprises, dans toutes les relations avec l'Europe, ainsi qu'avec l'Afrique. Sous peu l'immense Empire, rassasié de gloire, n'a plus en perspective que la culture, tant physique que morale, de son intérieur. Le commerce des lumières et des choses devient surtout le mobile d'activité de ses provinces méridionales, qui, sans doute, auront sous ce rapport plus à offrir et à gagner avec un Etat monarchique, gouverné par des lois stables qui permettent à un chacun de jouir pleinement de son existence et de son bien-être, qu'avec un empire despotique et barbare, qui lui est entièrement étranger et dont le gouvernement abhorre tout progrès de civilisation et craint les suites des liaisons les plus naturelles aux peuples; gouvernement, qui rend inutiles et à peu près non existents pour l'Europe son sol,

науки дѣлаются достоинствомъ особенно южныхъ его частей, выгоды которыхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, влекутъ ихъ скорѣе къ державѣ монархической, управляемой непремѣнными законами, дающими всякому право наслаждаться вполне живнію, чѣмъ къ державѣ деспотической, совершенно для нихъ чуждой, и гдѣ варварское правительство, нетерпящее успѣховъ просвѣщенія и боящееся послѣдствій самыхъ естественныхъ международныхъ союзовъ, дѣлаетъ безполезными, какъ-бы вовсе несуществующими для Европы, плодороднѣйшую въ свѣтѣ почву и климатъ, превосходящій, во многихъ отношеніяхъ, благорастворенностію своею всѣ другіе климаты Европы.

Съ другой стороны, соображая событія христіанской церкви, видится мнѣ, что ученіе Спасителя воспринимаетъ чистое и величественное свое владычество. Какое вліяніе окажетъ оно въ странѣ, гдѣ, втеченіи столькихъ вѣковъ, оно было единственной охраной противъ неисправимаго варварства, служило единственнымъ утѣшеніемъ въ бѣдственномъ, и гражданскомъ и домашнемъ, состояніи жителей! О! конечно, божественное это ученіе будетъ всею своею силою дѣйствовать на неспорченныя еще ложною философіею и ложною политикою сердца. Преподаваемое по истиннымъ его началамъ, вспоможенное мудрыми учрежденіями гражданскими и охраняемое добродѣтельною властію, какой народъ оно образуетъ! Въ упоеніи восторга я вижу этотъ народъ, столь способный еще быть управляемымъ чувствомъ моральнымъ, несуществующимъ уже, увы! для насъ,—полный характера и энергии, которымъ мы принуждены удивляться уже только въ исторіи,—вижу этотъ народъ, не болѣе какъ

---

le plus fertile, et son climat, qui, à plusieurs égards, surpasse en bonté celui des meilleurs pays de cette partie du monde.

D'un autre côté, concluant de ce qui s'est passé jusqu'ici dans le monde chrétien, il est facile de prédire que sa religion va se relever partout plus pure, plus majestueuse que jamais. Quelle influence ne doit-elle pas produire dans un pays, dont elle a été pendant des siècles la seule sauvegarde contre une barbarie sans retour, pour qui elle seule a servi de guide et de consolation dans l'état déplorable, tant civil que domestique de ses habitans! Oh, sans doute cette divine religion agira dans toute sa force sur des cœurs simples encore et non-corrompus par les ravages d'une fausse philosophie et d'une fausse politique. Enseignée selon ses vrais principes, secondée par des sages institutions et par un prince vertueux, quel peuple ne doit-elle pas former! Je tréssaille de bonheur en voyant déjà, ce peuple, si propre encore à être guidé par le sens moral, qui n'existe plus pour nous autres, plein de caractère et d'énergie, que nous sommes réduits à n'admirer que dans l'histoire,—devenir, dans deux ou trois générations tout au plus, le peuple le plus véritablement éclairé et par conséquent le plus fortuné de la terre!.. В. Карасинъ.

27 de Novembre 1804. St.-Petersbourg.

послѣ двухъ поколѣній, истинно о-просвѣщеннымъ и слѣдовательно истинно счастливымъ на землѣ!...

27-го ноября 1804 г. С.-Петербургъ.

II.

Идея 1803 или 1804 годовъ, или 1801 еще, но написана когда я занимался Сербами въ 1804 году *).

Народъ, охранительный сенатъ, государь, министры. Государь, предлагающій только проекты законовъ и министерскіе годичные отчеты охранительному сенату; впрочемъ дѣйствующій неограниченно.

Охранительный сенатъ, по опредѣленію ²/₃ можетъ посылать ему свои замѣчанія, по опредѣленію ²/₃ остановить его дѣйствія обнародованіемъ оныхъ. Присяга сообразуется сей постепенности: народъ, сенатъ, государь. Въ присягу вояковъ включается обязательство въ тому относительное, т. е. полагающее предѣлы повиновенію.

Министры: внутренняго благоустройства, внѣшнихъ сношеній, военныхъ дѣлъ, государственнаго хозяйства. Министръ внутренняго благоустройства долженъ быть духовная особа; прочіе могутъ быть, разумѣется кромѣ военныхъ дѣлъ.

Верховное разсмотрѣніе тяжбныхъ частныхъ дѣлъ (въ рѣдкихъ случаяхъ могущее встрѣтиться) и разсмотрѣніе тяжбныхъ дѣлъ между казною и частнымъ человекомъ, можетъ быть поручено сословіямъ для сего учреждаемымъ изъ охранительнаго сената и по его опредѣленіямъ. Избранное сословіе назначаетъ себѣ, по жребію, президента, имѣющаго преимущество только ограниченное, и въ одномъ семъ отношеніи. Тоже самое и во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, которыя могутъ вчинаться по извѣтамъ чиновниковъ, подвѣдомственныхъ министру внутренняго благоустройства, или по частнымъ жалобамъ. Государь на охранительный сенатъ не имѣетъ никакого вліянія. Присутственныхъ **) мѣсть одинъ только родъ, и три постепенности: уѣздныя, областныя (или губернскія) и временныя собранія сената. Въ каждомъ селеніи сверхъ того должность примирителей отправляютъ священники.

Гражданъ десять разрядовъ, или постепенностей. Они избираютъ членовъ охранительнаго сената и судей. Гражданинъ вступаетъ въ свои

*) Эта идея набросана В. Н. Каразиннымъ на небольшомъ клочкѣ бумаги, безъ сомнѣнія только какъ тѣма, для особаго сочиненія, котораго, однакожь, въ фамильныхъ бумагахъ Каразинныхъ не сохранилось.

**) Т.-е. судебныхъ.

права на 21 году. Члены охранительнаго сената принадлежать къ первому разряду, немедленно по своемъ избраніи, равно и министры; ко второму военачальники, государственный казначей, блюстители надъ просвѣщеніемъ (кои составляютъ совѣтъ подъ предсѣдательствомъ министра внутренняго благоустройства), и прочіе.

III.

Записка, читанная въ императорскомъ московскомъ обществѣ естественныхъ наукъ дѣйствительнымъ членомъ онаго, В. Н. Каразинимъ, 15-го марта 1810 года.

Несмотря на быстрые успѣхи, въ нашъ вѣкъ, естественныхъ наукъ, одна изъ частей физики остается до сихъ поръ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ была во времена Аристотелевы. Это метеорологія. Занимались ею, правда, многіе ученые: труды Сосюра, Делюва, Котта, Ламарка, имѣютъ право на нашу благодарность; это маяки, разсѣянные во мракѣ ночи, скрывающей отъ насъ тайны природы въ явленіяхъ воздушныхъ. Но нѣтъ до нынѣ ни одного по этому предмету сочиненія, изъ котораго можно было бы извлечь пользу безусловную и прямую. Вы, мм. гг., не отнесете, надѣюсь, словъ моихъ къ безумному желанію унизить знаменитыя имена. Вы согласитесь, конечно, что не столько открытіе нѣсколькихъ отдѣльныхъ истинъ, сколько общій выводъ изъ нихъ; не столько теоріи, сколько удачныя приложенія ихъ къ дѣлу, составляютъ эпохи въ исторіи людей и наукъ.

Не имѣю надобности, передъ такими слушателями, доказывать пользу метеорологіи, приведенной въ правила. Наука, которая бы, руководя земледѣльца въ его работахъ, предотвращала неурожан; наука, которая видимо содѣйствовала бы развитію торговли, мореплаванія и военнаго искусства; наука, наконецъ, которая могла бы указывать правительству время когда должно ожидать скудныхъ сборовъ земныхъ произрастеній и принимать мѣры, сли не къ воспрепятствованію ихъ недостатка, то по крайней мѣрѣ къ отклоненію голода,—такая наука не требуетъ многорѣчивыхъ похвалъ. Но чтобъ метеорологія достигла до степени такой науки, до степени науки точной, нужны нѣкоторые приемы, указаніе на которые и составляетъ предметъ настоящей моей записки.

Человѣкъ не можетъ, конечно, дойти до первоначальныхъ причинъ безчисленныхъ явленій въ природѣ; до тѣхъ причинъ, которыя, безъ сомнѣнія, изумили бы насъ своею простотою, еслибъ мы ихъ открыли,

и которыя показали бы всю ничтожность нашего разума. Познаніе этихъ причинъ Творецъ предоставилъ себѣ. Напрасно стали бы мы, напримѣръ, доискиваться до сущности центробѣжной и центростремительной силы, движущей все въ природѣ. Всѣ наши объ этомъ догадки будутъ только пустыя слова, неудовлетворяющіе нисколько разсудка нашего: *sunt verba et voces, prœtereaque nihil!*

Но намъ позволено искать причинъ второстепенныхъ и выводить изъ нихъ правила, которыя бы служили на пользу общественную. Такимъ образомъ, напримѣръ, правила употребленія магнита привели насъ къ возможности безбоязненно переплывать океаны и огнать земной шаръ; правила сосредоточенія электричества обезпечили насъ отъ громовыхъ ударовъ, которые прежде считались неотразимыми и предоставлялись волѣ Божіей.

Недойдемъ мы, вѣроятно, никогда и до познанія первоначальныхъ причинъ атмосферическихъ перемѣнъ, познанія, которое бы дало намъ возможность производить ихъ по нашему произволу. Но должны-ли мы отчаяваться дойти до второстепенныхъ причинъ этихъ перемѣнъ, узнать способы направлять ихъ на свою пользу и отвращать возможный ихъ вредъ? Не руководствуется-ли уже и теперь земледѣлецъ,—по одному только преданію и навыку, что такой-то вѣтеръ приноситъ дождь, а такой-то полетъ ласточекъ предвѣщаетъ вѣдро,—этими признаками въ своихъ работахъ?

Собраніе такихъ признаковъ, соединенное съ научными изслѣдованіями, при помощи физическихъ инструментовъ, не было до сихъ поръ производимо въ достаточной степени, чтобъ составить сводъ правилъ. Разрозненность, малочисленность, неодновременность и неточность наблюденій причиною тому. Если справедливо, что наблюденіе, въ научномъ смыслѣ, должно быть непременно всестороннее разсмотрѣніе предмета; что даже нѣсколько наблюденій тогда только могутъ привести къ желаемымъ результатамъ, когда они обняли все пространство созерцаемаго явленія, то какое множество наблюденій должно быть дѣлаемо для изслѣдованія явленій, происходящихъ на пространствѣ всего земнаго шара! Что тутъ значить одинъ человекъ? Какую частицу цѣлаго можетъ онъ обнять? Слѣдовательно, если до сихъ поръ мы имѣемъ только гадательныя понятія о воздушныхъ перемѣнахъ, то приписывать это должно не слабости средствъ нашихъ, а недостаточному только употребленію ихъ. Земля въ нашихъ рукахъ. Намъ свойственно распознавать все, что поражаетъ наши чувства. Необходимо только соединять, наши силы. Всѣ частныя наблюденія, еслибъ даже ихъ производили ученѣйшіе и неутомимѣйшіе люди, не приведутъ ни къ какимъ результатамъ; они умножатъ только, можетъ

быть, нѣсколькими свѣтлыми идеями массу нашихъ познаній, возбудить наше любопытство и заставить воображеніе наше строить разные остроумныя гипотезы, но не дадутъ намъ данныхъ для вывода точныхъ правилъ.

Въ астрономіи мы видимъ уже пользу отъ постоянныхъ и связанныхъ наблюдений. Нельзя не желать, чтобъ подобныя же наблюденія были удѣломъ и метеорологамъ. И какая страна, мм. гг., представляеть столько, какъ наше отечество, средствъ къ тому?

Пространство Россіи, занимающей чуть не шестую часть всей обитаемой поверхности земнаго шара; уѣздныя училища, находящіяся въ разныхъ ея пунктахъ, отъ Кольи до Тифлиса, и отъ Либавы до Нижнекамчатска; подчиненіе сихъ училищъ одному начальству и обязанность ихъ имѣть у себя физическіе инструменты, — все это общаеть наблюденіямъ, производимымъ постоянно и разумно, счастливые результаты.

Для облегченія наблюдателей, можно не обязывать ихъ сноситься письменно самими съ ихъ собратьями; довольно если все записываемое будутъ они присылать, въ подлинникѣ, въ какое-нибудь общество ученыхъ, которое займется уже выводомъ правилъ. Отъ времени до времени можно дѣлать, непозначай, повѣрку наблюдений на мѣстахъ и поощрять наградами особенную исправность. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ скоро такія мѣры будутъ у насъ приняты и неустанно исполняемы хотя только одинъ годъ, то ученые общества всего земнаго шара, узнавъ о нихъ, не преминутъ принять участіе. Командиры судовъ дальняго плаванія будутъ также содѣйствовать своими наблюденіями. Таблицы, повсюду единообразно составляемыя, приведутъ къ разрѣшенію задачъ тѣмъ болѣе не трудному, что въ нихъ не будетъ данныхъ неизвѣстныхъ.

Дѣйствительно, причинъ скрытыхъ не можетъ быть въ перемѣнахъ нашей атмосферы *). Мы теперь не вѣримъ уже, какъ вѣрили наши предки, въ таинственное управленіе небесныхъ свѣтилъ нашими временами года. Все, не исключая дѣйствія свѣта на разныхъ точкахъ земли, можетъ быть математически опредѣлено; потребны только данныя къ тому. Можетъ быть я ошибаюсь, мм. гг., но я увѣренъ, что если мы будемъ изслѣдовать ближайшія причины атмосферическихъ явленій: если будемъ дѣлать сравненія, въ разные времена года и въ разныхъ точкахъ земнаго шара, направленія вѣтровъ, измѣненій маг-

*) Признаюсь, что, говоря въ строгомъ смыслѣ, я ошибся: мнѣ не пришла на мысль подземныя волненія, вліяющія, при горныхъ изверженіяхъ, на движеніе и электричество атмосферы. Но этия, кажется, и ограничиваются исключенія; да и то, современемъ, придемъ мы, можетъ быть, къ возможности наблюдать причины и этихъ волненій. Примѣчаніе В. Н. Каразина при печатаніи записки въ 1812 году.

нитной стрѣлки, тяжести воздуха и количества въ немъ электричества; если будемъ сопоставлять періодическія перемѣны погоды съ неперіодическими, которыя однакожь должны бы имѣть также нѣкоторую правильность, безъ вліянія какихъ-нибудь постороннихъ причинъ; если будемъ принимать въ расчетъ возвышенность наблюдательныхъ пунктовъ надъ уровнемъ моря, состояніе ихъ почвы, лѣсной-ли, степной-ли, болотистой-ли, каменистой-ли, песчаной-ли, солонцоватой-ли и т. д.; если будемъ обращать вниманіе на дѣйствіе солнечныхъ лучей при различномъ ихъ отраженіи и рефракціи,—то мы дойдемъ до теоріи неподверженной сомнѣнію, которая и дастъ намъ возможность предсказывать погоду на данное время года, и на данное мѣсто за цѣлый годъ впередъ, съ такою же по крайней мѣрѣ точностію, какъ теперь предсказываемъ дождь за день впередъ по пониженію барометра въ данной мѣстности.

Удерживаюсь отъ болѣе подробнаго и болѣе научнаго развитія моей мысли. И это не безъ причины. Если она удостоится вашего, мм. гг., одобренія, то я буду просить назначить особую комиссію для спеціальнаго обсужденія этого предмета и составленія доклада нашему именитому президенту, отъ содѣйствія котораго болѣе всего зависить успѣхъ. Этими и кончу мою записку, въ надеждѣ, что вы изволите принять ее только какъ посяльную мою дань на преуспѣяніе естественныхъ наукъ. В. Каразинъ.

Примѣчаніе. Послѣ этой записки авторъ хлопоталъ, въ продолженіи болѣе тридцати лѣтъ, объ устройствѣ, въ пространной Россіи, метеорологическихъ обсерваторій, обращая вниманіе на необходимость наблюденій надъ электричествомъ преимущественно въ высшихъ слояхъ атмосферы, для чего и были придуманы имъ особаго устройства аэростаты, которые должны были держаться на разныхъ высотахъ и сообщаться съ землей посредствомъ металлическихъ проводниковъ съ надлежащими указателями (какъ объяснено имъ въ разныхъ запискахъ, которые явятся также въ «Русской Старинѣ»). И въ послѣдній годъ его жизни онъ имѣлъ уже полную надежду на приведеніе своей мысли въ исполненіе, но неожиданная смерть, постигшая его въ 1842 году, все приостановила. Ал. Гумбольдтъ, въ бытность свою въ Москвѣ, вполне сочувствовалъ этой мысли и обѣщавъ свое содѣйствіе за-границей; но какой имѣло это результатъ,—мнѣ неизвѣстно. У насъ, послѣдствіемъ идеи В. Н. о возможности примѣнить метеорологію къ пользамъ домоводства были такіе: 14 лѣтъ спустя послѣ перваго заявленія этой идеи, гр. Аракчаевъ, проѣзжая черезъ г. Богдуховъ (Харьковск. губ.) сказалъ мужичкамъ, просящимъ о помощи, по случаю неурожая: «странно, что вы голодаете: подъ богомъ у васъ живетъ колдунъ, который сводитъ съ небесъ дождь и громъ когда захочетъ; обратитесь къ нему». 44 года спустя, К. А. Полевой, въ одной газетной статьѣ, подобнымъ же образомъ поднялъ В. Н. на смѣхъ, какъ проектера фабрикаціи атмосферы. Любопытно знать, что скажутъ теперь, 60 лѣтъ спустя, и въ виду тѣхъ предсказаній погодъ, которыя уже дѣлаются за границей въ охрану мореплавателей.

Ф. В. Каразинъ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ,
ТРАГЕДІЯ ВЪ СТИХАХЪ,

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Я. Б. КНЯЖНИНА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ,
1798.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Рурикъ, князь Новгородскій.

Вадимъ, посадникъ и Поляводець.

Рамида, дочь его.

Пренестъ }
Вигоръ } посадники.

Изведъ, наперсникъ Рурика.

Селена, наперсница Рамидина.

Воины.

Народъ.

Дѣйствіе въ Новѣгородѣ на площади.

Трагедія „Вадимъ“ имѣеть теперь исключительно библиографическое значеніе, но въ свое время она надѣлала много шума и даже удостоилась преслѣдованія. Впрочемъ причина преслѣдованія была чисто вѣщная: трагедія явилась въ печати въ 1793 году, т. е. въ самый разгаръ французской революціи, когда въ Россіи говорилось и писалось, что „Мирабоа не единой, но многіе висельницы достоинъ“, когда въ невинныхъ вещахъ видѣли какія-то „выласки“ и „французскій адъ“ или „предложеніи уничтожающіе законы и совершенно те, отъ которой Франція верхъ дномъ поставлена“, когда было „говорено о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы: тутъ разсѣяніе французской заразы: отвращеніе отъ начальства; авторъ Мартинистъ... онъ бунтовщикъ хуже Пугачева... хвалить Франклина“ *). Все это было высказано года за три до появленія Вадима, поэтому понятно, что съ подобной точки зрѣнія и Вадимъ могъ показаться набатомъ, какъ говорятъ митр. Евгеній въ своемъ словарѣ свѣтскихъ писателей. Въ настоящее время такіе ужасные взгляды неприможимы къ невинной трагедіи Княжнина, ибо вообще Вадимъ не только не заключаетъ ничего вреднаго, но даже восхваляетъ монархическій принципъ. Лица, запретившія пьесу, взглянули на нее крайне односторонне: они не хотѣли выикнуть въ ея идею, а остановились на двухъ, трехъ стихахъ, показавшихся имъ рѣзкими и „якобинскими“, забывая, что не могутъ же всѣ лица въ пьесѣ говорить одно и то же и что мниморѣзкія тирады ничего не значать при общемъ впечатлѣніи пьесы, представляющей Рюрика благодушнымъ властителемъ, снабженнымъ всѣми возможными добродѣтелями и спасителемъ Новгорода отъ необузданностей свободы, междоусобій и самоуправствъ. Будь Вадимъ напечатанъ раньше пятью, шестью годами и онъ прошелъ бы, не возбудивъ осужденія, какъ это и было съ трагедіею Николава: „Сорена и Замиръ“, въ которой между прочимъ есть стихи гораздо болѣе рѣзкіе, чѣмъ въ Вадимѣ, напр.:

Исчезни навсегда сей пагубный уставъ,
 Который заключенъ въ одной монаршей волѣ!
 Лъзя-ль ждать блаженства тамъ, гдѣ гордость на престогахъ?
 Гдѣ властью одного всѣ скованы сердца,
 Въ монархѣ не всегда находимъ мы отда! **)

) Записки Храповицкаго, въ чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ 1862 г., кн. III, стр. 226 — 227. П. Ж.

*) Сорена и Замиръ, стр. 292. Перепечатаны въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1860 г., № 4, стр. 639 и въ «Петерб. Листвѣ» 1865, № 146. Во всемъ «Ва-

Московский главнокомандующий гр. Брюсъ запретилъ представленіе этой трагедіи и донесъ о томъ императрицѣ Екатеринѣ, а она отвѣтила ему, что этого дѣлать не слѣдовало, ибо „авторъ возстаетъ противъ самовластиа тирановъ, а Екатерину вы называете матерью“, и велѣла кн. Даншовой напечатать трагедію Николаева въ „Россійскомъ театръ“ (ч. V, стр. 285 — 328).

Но это было въ 1786 году.

Впрочемъ подобныя примѣры не рѣдкость: еще на нашей памяти не печатался до 1857 г. одинъ отрывокъ „Изъ новгородской повѣсти Вадимъ“, А. С. Пушкина *):

Вадимъ.

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
Скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! надежда есть! народъ нетерпѣливый,
Стариной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя, влачить позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ;
Къ прищельцамъ ненависть я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Умные всудѣ: торговли шумъ утихъ,
Умы встревожены — и пламя глѣбеть въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ...

Вадимъ.

Безумные! давно-ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ,
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь...
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь!...

Въ этихъ стихахъ рѣшительно нѣтъ ничего противу-ценсурнаго и теперь невольно удивишься долговременному ихъ запрещенію.

Княжнинъ написалъ свою трагедію въ 1789 г. и вотъ что рассказываетъ о ней сынъ автора **):

Трагедія была отдана для представленія на театръ и уже были

димъ» только и есть одно мѣсто въ 4 стиха, нѣсколько подходящее къ рѣзкости выписанныхъ стиховъ изъ «Сорены», но болѣе мягкое и ужъ никакъ не превосходящее ихъ, именно въ 4-мъ явленіи 2-го дѣйствія: «Самодержавіе повсюду» и пр. Эти 4 стиха были перепечатаны въ запискахъ С. Н. Глинки «Мое цензорство» (Современникъ, 1866, № 9, стр. 221). П. Ж.

*) Соч. Пушкина, т. II, стр. 170, изд. Я. Цакова.

***) Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ В. Я. Стоянина. «Рус. Вѣстн.» 1860 г., № 10, стр. 103 — 108 (совр. лѣт.). П. Ж.

розданы роли: Плавильщикову — Вадима, Шушерину — Рюрика, Барановой — Рамиды, но вскорѣ началась революція во Франціи и Княжнинъ самъ увидѣлъ, что пьеса его приходится не ко времени. Онъ взялъ ее назадъ и она пролежала у него въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, до самой его смерти. 14 января 1791 г. онъ умеръ. Имѣніе, по молодости дѣтей, поступило подъ опеку зятя Княжнина псковскаго помѣщика П. Я. Чихачева. Отыскавъ между рукописями покойнаго трагедію Вадимъ, комедіи: Чудаки, Трауръ, оперу Мужья-женихи своихъ женъ, поэму Попугай и пр., Чихачевъ все это продалъ книгопродавцу Глазунову за 200 р. Княгиня Дашкова, узнавъ объ этой покупкѣ, вытребовала рукописи отъ Глазунова, и рассмотрѣвъ ихъ, возвратила для представленія въ цензуру, но Вадимъ удержала у себя и немедленно передала въ академическую типографію... Отпечатанную трагедію *) она пустила въ продажу и въ то же время помѣстила ее въ 39-й части Россійскаго театра **). Въ первые десять дней трагедія раскупалась медленно, но потомъ въ два, три дня было продано нѣсколько сотъ экземпляровъ ***), ибо узнали, что гр. И. П. Салтыковъ (конечно не самъ, но по чьему-то указанію) нашелъ въ ней что-то предосудительное и представилъ императрицѣ. Екатерина, встревоженная французской революціей, „обратила болѣе вниманія на выраженія Вадима и его двухъ сотоварищей, чѣмъ на слова разсудительнаго и благотворительнаго Рюрика“. Она приказала конфисковать трагедію, отобрать раскупленные экземпляры у кого окажутся, и все сжечь. Ал. Як. и Б. Як.,* два старшіе сына Я. В. Княжнина, служившіе сержантами въ измайловскомъ полку, были вытребованы генераль-прокуроромъ гр. А. Н. Самойловымъ, который по приказанію Екатерины долженъ былъ узнать отъ нихъ: дѣйствительно-ли Вадимъ писалъ ихъ отцомъ, а не кѣмъ-нибудь другимъ, только выдавшимъ трагедію подъ именемъ покойнаго? Удостоверившись, что трагедію написалъ Княжнинъ, Самойловъ спросилъ: не читалъ ли онъ эту „богоотступную“ пьесу кому-нибудь? Дѣти Княжнина указали на

*) Вадимъ Новгородскій, трагедія въ стихахъ въ пяти дѣйствіяхъ; сочинена Як. Княжнинымъ. Въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1793 года. Въ 8 д. 1., 73 стр. П. Ш.

***) Россійскій театр или полное собраніе всѣхъ російскихъ театральныхъ сочиненій. Часть XXXIX. Въ Санктпетербургѣ, при импер. акад. наукъ, 1793 года, 286 стр. (Вадимъ занимаетъ стр. 123 — 195). П. Ш.

****) Этимъ можно объяснить, почему печатные экземпляры «Вадима», хотя и очень рѣдко, но все таки встрѣчаются въ продажѣ. Принадлежащій мнѣ экземпляръ изданія 1793 года, съ котораго печатается вышнее, купленъ мною не болѣе 5 лѣтъ тому назадъ, а въ прошедшемъ году продавался еще одинъ экземпляръ. П. Ш.

Ц. О. Эмина и В. В. Ханькова и были тотчасъ отпущены. Эминъ и Ханьковъ были допрошены, а потомъ взяты подъ стражу книгопродавецъ Глазуновъ и вытребованъ изъ деревни Чихачевъ, для объясненій. Они оказались совершенно неповинными и немедленно отпущены.

Княгиня Дашкова рассказываетъ исторію напечатанія Вадима нѣсколько иначе и намъ кажется — вопреки установившемуся мнѣнію — что рассказъ ея имѣетъ менѣе вѣроятія. Она скорѣе оправдывается, нежели излагаетъ дѣло. Недаромъ, видно, Б. Я. Княжнинъ замѣтилъ, что, печатая Вадима, „княгиня Дашкова была чѣмъ-то недовольна государыней, которая не всегда находила для себя удобнымъ исполнять ея требованія“ *). Княгиня видимо увертывается, группируетъ факты по своему усмотрѣнію, освѣщая одни и преднамѣренно затемняя другіе, какъ это встрѣчается во многихъ мѣстахъ мемуаровъ этого „семинариста въ желтой шали и академика въ чепцѣ“.

Вотъ что рассказываетъ княгиня:

„Вдова одного изъ нашихъ знаменитыхъ трагиковъ (Княжнина) просила меня напечатать, въ пользу ея дѣтей, послѣднюю трагедію мужа, еще не изданную въ свѣтъ **). — Эта просьба была представлена мнѣ однимъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи (Козодавлевымъ); я сказала ему, что съ моей стороны не будетъ никакого препятствія, если онъ просмотритъ пьесу и поручится мнѣ, что въ ней нѣтъ ничего противнаго нашимъ законамъ или религіи; — и тѣмъ охотнѣе я поручила ему эту рецензію, что онъ былъ совершенный знатокъ отечественнаго языка и очень строгій судья въ ценсурномъ отношеніи.

„Козодавлевъ доложилъ мнѣ, что трагедія основана на историческомъ событіи, происходившемъ въ Новгородѣ, что въ ней нѣтъ ничего предосудительнаго ни по мыслямъ, ни по языку, и что развязкой пьесы служитъ торжество монарха надъ покореннымъ Новгородомъ и бунтомъ.

„На основаніи этого доклада я приказала напечатать трагедію (Вадимъ), сколь возможно больше облегчивъ расходы бѣдной вдовы. Нельзя не изумляться, какимъ образомъ эта ничтожная вещь могла поднять такую нелѣпую суматоху при дворѣ.

„Графъ Иванъ Салтыковъ, цѣлую жизнь не читавшій ни одной книги, по наслышкѣ отъ кого-нибудь утверждалъ, что трагедія, будто-

*) «Русскій Вѣст.» 1860 г., № 10, стр. 105.

П. Ш.

**) Кн. Дашкова ошибочно относитъ это событіе въ 1796 г., замѣчая, что оно случилось черезъ полтора года послѣ увольненія отъ службы ея брата въ 1794 году. Вадимъ изданъ въ 1793 году.

П. Ш.

бы прочитанная имъ, очень опаснаго содержанія для настоящаго времени, и подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія побѣждалъ въ фавориту, чтобъ сообщить ему свое мнѣніе. Не знаю, читала-ли ее Екатерина или Зубовъ *); но вскорѣ послѣ того явился ко мнѣ полиціймейстеръ и очень вѣжливо попросилъ позволенія войти въ книжныя магазыни, принадлежавшіе академіи и, согласно съ приказаніемъ императрицы, отобрать всѣ экземпляры трагедій, признанной по мнѣнію Екатерины за очень опасное сочиненіе.

„Я допустила его, замѣтивъ при томъ, что едва-ли онъ найдетъ хоть одинъ оттискъ; но такъ какъ эта пьеса помѣщена въ послѣднемъ томѣ „Россійскаго Театра“, издаваемого въ пользу самой академіи, то, если угодно, онъ можетъ вырвать ее изъ книги **); затѣмъ я прибавила, что очень смѣшно считать опаснымъ это несчастное произведеніе, которое на самомъ дѣлѣ гораздо менѣе враждебно монархической власти, чѣмъ многія французскія трагедіи, представляемыя въ Эрмитажѣ.

„Послѣ обѣда Самойловъ, генераль-прокуроръ сената, пришелъ ко мнѣ съ выговоромъ отъ императрицы за напечатаніе этого сочиненія. Чего хотѣли — оскорбить или испугать меня этой ценсурой, — я не знаю; но преслѣдователи мои не успѣли ни въ томъ, ни въ другомъ. Я отвѣчала гр. Самойлову очень холодно и твердо, выразивъ удивленіе, на какомъ основаніи императрица могла заподозрить меня въ желаніи распространять что-нибудь враждебное ея интересамъ; и когда онъ сообщилъ мнѣ намекъ Екатерины на произведеніе Радичева, съ которымъ она сравнила „опасную“ трагедію Княжнина, я повторила, что лучше сравнили-бы ихъ, особенно послѣднюю пьесу, возбуждавшую съ ихъ стороны столько мести, съ ходячими французскими драмами, представляемыми какъ на общественныхъ, такъ и

*) Отъ императрицы княгиня получила, между прочимъ, записку такого содержанія: «Недавно появилась русская трагедія «Вадимъ Новгородскій», которая, судя по заглавному листу, напечатана въ академической типографіи. Говорятъ, эта книга очень ѣдко нападаетъ на авторитетъ верховной власти. Вы хорошо сдѣлаете, если остановите продажу, пока я ее посмотрю. Доброй ночи. А вы читали ее?» (Ст. Иловайскаго въ От. Зап. 1859 г., № 11, стр. 306).

П. Е.

***) Полицейскіе такъ и сдѣлали: они вырвали цѣликомъ 6 листовъ, не замѣтивъ, что при этомъ зацѣпили съ коллиста предыдущей и столько же слѣдующей за Вадимомъ пьесы. Два экземпляра полвой 39 части находятся: у С. Д. Полторацкаго и въ Эрмитажной библіотекѣ, а жалкіе остатки этой книги въ продажу пушены только въ 1857 году. — Г. Иловаискій говоритъ, что одинъ иностранецъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, будто произведены были обыски въ частныхъ домахъ и отобраны раскупленные экземпляры отдѣльныхъ оттисковъ Вадима (От. Зап. стр. 306).

П. Ш.

на частных театрахъ. Относительно либеральнаго ея направленія я просила принять во вниманіе, что она предварительно была отдана на просмотръ одному изъ академическихъ совѣтниковъ, прежде чѣмъ Княжничкой было позволено печатать ее въ свою пользу; поэтому я надѣюсь, что мнѣ не будутъ больше говорить объ этомъ.

„Въ тотъ же вечеръ я не замедлила навѣстить Екатерину. Когда я вошла въ комнату, на лицѣ ея, видимо, выражалось неудовольствіе. Я подошла къ ней и спросила о здоровьи. „Все хорошо, отвѣчала она; но скажите пожалуйста, что я вамъ сдѣлала, что вы распространяете противъ меня и моей власти такія опасныя правила?“

— Неужели вы считаете меня способной на это? воскликнула я.

— Знаете-ли, что я думаю объ этой трагедіи: ее надобно сжечь рукой палача.

„Это выраженіе было вовсе не въ характерѣ Екатерины, и потому я съ удовольствіемъ примѣтила, что она говорила языкомъ другаго лица, руководившаго мнѣніемъ ея.

— Государыня, возразила я; если она будетъ сожжена палачемъ, то не мнѣ придется краснѣть за это. Ну, ради Бога, прежде чѣмъ вы рѣшитесь на поступокъ, столько несообразный съ вашимъ характеромъ, позвольте мнѣ прочесть вамъ эту гонимую драму; вы увидите, что развязка ея именно въ томъ духѣ, въ какомъ вы и всякій отверженецъ вашей власти желалъ бы ее. Въ тоже время прошу васъ вспомнить, что заступаясь за пьесу, я не авторъ и не заинтересованный издатель ея.

„Дальше возражать было нечего и потому разговоръ кончился. Затѣмъ императрица сѣла за карточный столъ и я послѣдовала ея пригласенію.

„На другое утро я пришла съ официальнымъ рапортомъ къ государынѣ и напередъ рѣшилась доложить за-урядъ съ другими и потомъ просить уволить меня отъ должности, если она не приметъ меня съ обычнымъ довѣріемъ, не допустить въ свою туалетную „брильянтовую“ комнату и не станетъ говорить со мной по прежнему просто.

„Въ приемной встрѣтилъ меня Самойловъ, только что вышедшій изъ кабинета государыни; онъ попутно замѣтилъ мнѣ вести себя хладнокровно, ибо императрица покажется скоро; „кажется она нисколько не гнѣвается на васъ“, прибавилъ онъ.

„Я отвѣчала обыкновеннымъ тономъ голоса, такъ чтобы слышались окружавшіе: „Милостивый государь, я не имѣю особеннаго повода безпокоиться, потому что мнѣ не за что упрекать ни себя, ни другихъ; что же касается государыни, мнѣ остается жалѣть, если она сердится или по-

добрѣваетъ меня. Впрочемъ я такъ привыкла къ несправедливости, что какъ бы она ни была велика, меня трудно удивить“.

„Вскорѣ за тѣмъ вышла императрица и, давъ поцаловать руку своимъ утреннимъ посѣтителямъ, обратилась ко мнѣ и съ обычной лаской сказала: „Очень рада васъ видѣть, княгиня! Пожалуйста идите за мной“.

„Надѣюсь, что читатели этихъ записокъ повѣрятъ мнѣ и не упрекнутъ меня въ тщеславіи, если я скажу, что это ласковое приглашеніе было пріятно мнѣ не столько за себя, сколько за императрицу, потому что мнѣ было бы больно въ противномъ случаѣ оставить академію и Петербургъ, что отнюдь не отнеслось бы къ чести Екатерины.“

„Довольная тѣмъ, что ценсурная бездѣлица не разлучила меня съ государыней, я едва вошла въ слѣдующую комнату, какъ съ жаромъ протянувъ руку просила Екатерину дать мнѣ поцаловать свою и забыть прошлое.“

— Но согласитесь, княгиня...

— Да, да, государыня, продолжала я, перервавъ ея рѣчь и повторивъ русскую пословицу: „сѣрая кошка пробѣжала между нами; не зовите ее черной“.

„Императрица согласилась, что дѣло не стоило особеннаго вниманія и, засмѣявшись, обратила разговоръ на другой предметъ. Я осталась обѣдать при дворѣ и замѣтила, что на ея душѣ не осталось ни малѣйшаго слѣда гнѣва. Обѣдъ шелъ очень весело; находясь въ особенномъ припадкѣ юмора я, повидимому, заразила имъ и Екатерину; она отъ всего сердца хохотала при всякой ничтожной шуткѣ, которыя я расточала съ рѣдкой веселостью“.

„Послѣ приведенныхъ рассказовъ сына Княжнина и Дашковой, непонятно, какимъ образомъ могли составиться два преданія: 1) будто княгиня за напечатаніе трагедіи лишилась мѣста президента академіи, тогда какъ она удалилась изъ Петербурга черезъ два года послѣ этого событія, и 2) будто Княжнинъ подвергся допросамъ Шешковскаго, вслѣдствіе чего впалъ въ жестокую болѣзнь и умеръ*). О послѣднемъ обстоятельстве упоминаетъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ „словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“, а знаменитый поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ, въ своихъ историческихъ отрывкахъ, еще опредѣлительнѣе замѣчаетъ, что „Княжнинъ умеръ подъ розгами“. Откуда явилось такое сказаніе—рѣшить трудно, ибо Княжнинъ, какъ сказано, умеръ 14 января 1791 г., а трагедія напечатана только въ 1793 г. и при жизни автора объ ней разговоръ не было.“

*) Это извѣстіе о смерти Княжнина недавно повторено въ безграмотномъ изданіи г. Шигина: «Радищевъ и его книга» (Спб. 1868). П. Е.

Добавимъ еще, что трагедія Княжнина собственно запрещена не была и изъятіе ея изъ продажи дѣлалось весьма секретно. Генералъ-прокуроръ гр. Самойловъ, сообщая московскому главному ищущему кн. Прозоровскому о допросѣ побѣдившаго тогда въ Москву книгопродавца Глазунова и объ отобраніи у него непроданныхъ экземпляровъ „Вадима“, прибавлялъ: „Благоволите, ваше сіятельство исполнить все оное съ осторожностію и безъ огласки по данной вамъ власти, не вмѣшивая высочайшаго повелѣнія“.

Такъ именно и сдѣлано было кн. Прозоровскимъ, который даже не отобралъ сочиненій Княжнина, о чемъ ему было тоже писано, „если въ нихъ окажутся, подобно (Вадиму), нелѣпныя изрѣченія“, или „если и безъ таковыхъ изрѣченій покажутся сумнительныя“. Гр. Самойловъ писалъ, что Глазуновъ повезъ въ Москву 400 экз. „Вадима“, но отобрано ихъ было только 160 и только изъ книжныхъ лавокъ, отъ публики-же книга не отбиралась, ибо „продавалась по публикаціямъ въ газетахъ и это именно купилъ неизвѣстно“.

Самое дѣло объ изъятіи книги производилось до того медленно, что успѣла даже появиться рецензія на „Вадима“, которая не была приостановлена, несмотря на преслѣдованіе самой трагедіи. Рецензія эта принадлежитъ А. Клушину и напечатана въ журналѣ „С.-Петербургскій Меркурій“ 1793 г. (ч. III, стр. 124—144, авг.), издававшемся Клушинымъ вмѣстѣ съ И. А. Крыловымъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ русской литературѣ упоминалось о Вадимѣ довольно часто. Наиболѣе замѣчательныя статьи были помѣщены въ „Отеч. Запискахъ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“:

1) Екатерина Романовна Дашкова. Біографическій очеркъ. 4 статьи Д. Иловайскаго (От. Зап. 1859, № 9 — 12). О Вадимѣ подробно говорится въ 3-й статьѣ (№ 1, стр. 305 — 308).

2) Литературные труды кн. Е. Р. Дашковой. Статья А. Н. Аванасьева (От. Зап. 1860, № 3).

3) Яковъ Борисовичъ Княжнинъ и трагедія его Вадимъ. Статья М. Н. Лонгинова (Рус. Вѣстн. 1860, № 4, стр. 631 — 650).

4) Еще о Княжнинѣ и его трагедіи Вадимъ. Статья В. Я. Стоюнина (Р. Вѣстн. 1860, № 10, стр. 103 — 108).

5) О Княжнинѣ, также и о его трагедіи см. въ Исторіи русской словесности древней и новой А. Д. Галахова (Спб. 1863 г., т. I, стр. 445 — 455).

6) Изъ розыскаго дѣла о трагедіи Княжнина Вадимъ (Русскій Архивъ 1863 г., № 5 — 6, стр. 467 — 473).

7) Записки С. Н. Глинки. Въ „Современникѣ“ 1865, № 9, стр. 221.

П. Ефремовъ.

ВАДИМЪ НОВГОРОДСКІЙ,

трагедія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(ночь)

ПРЕНЕСТЬ И ВИГОРЬ.

Вигорь.

Уже Вади́мъ, свершивъ со славою войну,
Приходить наконецъ въ отеческу страну;
Но свой возвратъ почто отъ всѣхъ гражданъ скрываетъ
И только лишь двоихъ зрѣть насъ удостоаетъ?
Почто назначилъ онъ свиданья съ нами часъ,
Доволь не освѣтить лучъ солнца нашихъ глазъ,
На самой площади, намъ прежде столь священной,
Новгородской гдѣ народъ, свободой возвышенной,
Подвластенъ только бывъ законамъ и богамъ,
Уставы подавалъ полнощнымъ всѣмъ странамъ.

Пренестъ.

Самодержавна власть все нынѣ пожираетъ
И Рурикъ многихъ здѣсь вѣковъ плоды собираетъ:
Вотъ, мнѣсю, скрытности Вадимовой вина.
Противна для него отеческа страна,
Гдѣ, уклоняся предъ смертнымъ на престолѣ,
Увидитъ онъ себя въ одной съ рабами долѣ.
Се онъ! и въ слѣдъ за нимъ тѣхъ ратниковъ толпы,
Которыхъ славы въ путь вели его стопы.

ЯВЛЕНИЕ П.

ВАДИМЪ (за нимъ нѣсколько военачальниковъ, бывшихъ съ нимъ на войнѣ),
ПРЕНЕСТЬ и **ВИГОРЪ**.

Вадимъ.

Я васъ-ли зрю, Вигоръ, Пренестъ, великодушны!

Пренестъ.

Мы, повелѣнiямъ твоимъ всегда послушны,
Для насъ священный твой исполнили призвазъ.

Вадимъ.

Друзья, въ отечествѣ-ль моемъ я вижу васъ?...
Уже заря верхи тѣхъ башенъ освѣщаетъ,
Которыя Новградъ до облакъ возвышаетъ:
Се зримъ Перуновъ храмъ, гдѣ громъ его молчить—
Въ недѣйствiи Перунъ, злодѣйства видя, спить!
И се, тѣ славныя, священные чертоги,
Вельможи наши гдѣ—велики, будто боги,
Но ровны завсегда и мѣньшимъ изъ гражданъ,
Ограды твердыя свободы здѣшнихъ странъ,
Народа именемъ, который почитали,
Трепещущимъ царямъ законы подавали.
О, Новградъ! что ты былъ и что ты сталъ теперь?
(Обращаяся ко всемъ)
Героевъ сонмъ! его величье ты измѣрь;
А я, отъ горести, его въ оковахъ видя,
Безсиленъ то свершить, я жизни ненавижда...
Вы содрогаетесь?... И какъ не трепетать,
Когда изъ рабства безднѣ осмѣлимся взирать
На прежню высоту отечества любезна!
Вся сила Сѣвера, предъ онымъ бесполезна,
Его могущество, незнающе враговъ,
Равняла въ ужасѣ съ могуществомъ боговъ.
А днесъ сей пышный градъ, сей Сѣвера владыка—
Могли-ли ожидать позора мы толлика! —
Сей гордый исполинъ, владыки самъ у ногъ
Поверженъ, то забыть, что прежде онъ возмогъ!
Забить?... Но какъ забыть? Что взоръ ни поражаетъ,
Все славу падшую его изображаетъ!

Возрѣмъ-ли на поля—еще звучитъ тамъ громъ,
 Которыиъ Готѣ сраженъ, дерзнувъ намъ быть врагомъ;
 Иль очи обратимъ на внутренности града,
 Рѣвами гдѣ текла съ свободою отрада,
 Повсюду тѣ стези, гдѣ гордые цари
 Покорство намъ несли, по тщетной съ нами при.
 Вотъ мѣсто самое, тѣхъ почестей свидѣтель,
 Когда здѣсь нашъ народъ, владыкамъ благодѣтель,
 Гонимаго царя Варягъ пріязнь подѣ кровъ,
 Заставилъ въ трепетѣ молчать его враговъ.
 Граждане! вспомните то славой полно время;
 Но вспомните—дабы низвергнуть гнусно бремя!...
 О стыдъ! Сей царь, тогда покоренъ, удрученъ,
 Съ моленіемъ представъ, въ срединѣ нашихъ стѣнъ
 Свое чело на прахъ предъ нами уклоняетъ;
 А днесъ—о грозный рокъ!—онъ нами обладаетъ...
 Сей Рурикъ!... Не могу я болѣ продолжать;
 Но ваше чувство вамъ то можетъ докончатъ,
 Чего въ отчаяннѣ свершить мой гласъ не можетъ.

Вигоръ.

И наше сердце грусть твоей подобна гложетъ.
 Отечество мы зря низверженно въ напасть,
 Въ отчаяннѣ его оплакиваемъ часть.

Вадимъ.

Оплакиваете?... О страшныя премѣны!
 Оплакиваете?... Но кто-же вы?... Иль жены?
 Иль Рурикъ столько могъ вашъ духъ преобразить,
 Что вы лишь плачете, когда вашъ долгъ—разить?

Пренестъ.

Мы алчемъ въ слѣдъ тебѣ на вѣкъ себя прославить,
 Разрушить гордый тронъ, отечество возставить;
 Но хоть усердіе въ сердцахъ у насъ горить,
 Однако способовъ еще къ тому не зрѣть.
 Пренебрегая дни и гнусны и суровы,
 Коль должно умереть—мы умереть готовы;
 Но чтобы наша смерть не тщетная—отъ зла
 Спасти отечество любезное могла,
 И чтобы узы рвать стремяся мы въ неволѣ,

Не отягчили-бы сихъ узъ еще и болѣ.
 Познаешь самъ, Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
 Который Рурикъ здѣсь воздвигнулъ безъ преножъ,
 Прошеньемъ призванный отъ дѣлаго народа;
 Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
 Прелестной властію его замѣнена;
 Узнаешь, какъ его держава почтена,
 И истинныхъ сыновъ отечества сколь мало,
 Которы, чувствуя гнѣву рабства жало,
 Стыдился-бъ того, что въ свѣтъ смертный есть,
 Въ рукахъ котораго ихъ вольность, жизнь и честь.
 Коварствомъ Рурика граждански слабы силы;
 А воинствомъ Варягъ наполненъ градъ унылый.
 Намъ должно помощи безсмертныхъ ожидать,
 И боги случай намъ удобный могутъ дать.

Вадимъ.

Такъ должно на боговъ намъ только полагаться
 И въ стадѣ человекъ безъ славы пресмыкаться?
 Но боги дали намъ свободу возвратить:
 И сердце—чтобъ дерзать, и руки—чтобъ разить!
 Ихъ помощь въ насъ самихъ! Какой еще хотите?
 Ступайте, ползайте, ихъ грома тщетно ждите;
 А я, одинъ за васъ во гнѣвѣ здѣсь кипя,
 Подвигнусь умереть, владыки не теряя!
 О рокъ! Отечества три лѣта отлученный,
 За славою его побѣдой увлеченный,
 Оставя вольность я, блаженство въ сихъ стѣнахъ,
 На насъ воздвигшихся свергаю гордость въ прахъ;
 Я подвиговъ моихъ плоды несу народу;
 Что-жъ вижу здѣсь? Вельможъ, утратившихъ свободу,
 Во подлой робости согбенныхъ предъ царемъ
 И лобызавшихъ подъ скиптромъ свой яремъ.
 Скажите: какъ вы, зря отечества паденье,
 Могли минуту жизнь продлить на пострамленье?
 И если не могли свободы сохранить —
 Какъ можно свѣтъ терпѣть и какъ желать вамъ жить?

Вигоръ.

Какъ прежде, мы горимъ къ отечеству любовью...

Вадимъ.

Не словомъ доказать то должно-бъ вашей кровью!
Священно слово толь изъ вашихъ бросьте словъ.
Или отечество быть можетъ у рабовъ?

Вигоръ.

Имѣя праведно духъ грустью огорченный,
Напрасно, противъ насъ ты гнѣвомъ омраченный,
Тягчишь невиннѣйшихъ толь лютою виной.
Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной,
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежь ввели во градъ.
Жилище тишины преобразилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Овобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась;
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ согражданъ воздвигло смерти домъ.
Стремяся весь народъ быть пищей алчныхъ врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кишѣлъ.
Плачевный Новградъ! ты спасенія не зрѣлъ!
Почтенный Гостомыслъ, украшенъ сѣдинами,
Лишился всѣхъ сыновъ подъ здѣшними стѣнами,
И плача не о нихъ — о бѣдствѣ согражданъ,
Единъ къ отрадѣ намъ безсмертными былъ данъ.
Онъ Рурика сего на помощь приглашаетъ;
Его мечемъ онъ намъ блаженство возвращаетъ.
Въ то время, лѣтами и бѣдствомъ изнуренъ,
Дни кончилъ Гостомыслъ, отрадой озаренъ,
Что могъ отечества возстановить спокойство;
Но отходя къ богамъ, чтя Рурика геройство,
Народу завѣщаль, да сохранить онъ власть,
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой толь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой.

Вадимъ.

Владыкой! Рурика! кого народъ сей спасъ?
Пришедъ на помощь намъ, что дѣлалъ онъ для насъ?

Онъ долгъ платилъ!... Но воль его благодѣянья
 Казались вамъ быть достойны воздаянья—
 Иль должно было вамъ свободою платить
 И рабство ваше въ даръ заслуги положить?
 О души низкія! падушія предъ рокомъ,
 И увлекаемы случайности потокомъ,
 Ахъ! если-бъ вы себя умѣли почитать!
 Блаженъ-бы Рурикъ былъ, когда-бъ возмогъ онъ стать,
 Въ порфирѣ облеченъ, гражданамъ нашимъ равенъ:
 Великимъ титуломъ симъ между царей ввѣкъ славенъ,
 Сей честью былъ-бы онъ съ избыткомъ награжденъ.
 Гласите: Гостомысль, геройствомъ убѣжденъ,
 Вамъ узы завѣщаль, чтобъ кончить ваше бѣдство.
 Иль вольность согражданъ была его наслѣдство?
 Иль могъ онъ васъ равно какъ тѣхъ животныхъ дать,
 Которыхъ для себя всякъ можетъ обуздать?
 Закрытый, въ гордости, отечества любовью
 И кровь соединя свою со царской кровью,
 Подъ видомъ прекратить всеобщую напасть,
 Онъ сыну дочери своей здѣсь отдалъ власть;
 А я тому дамъ дочь мою единородну,
 Имѣя душу кто не рабску, благородну,
 Стремясь отечества къ спасенію мнѣ во слѣдъ
 И жизни не щадя, всѣхъ смертныхъ превзойдетъ.
 Рамида та цѣна, котору предлагаю.
 Тирановъ врагъ—мой сынъ!... Къ ней страсть я вашу знаю,
 Вы знаете, ея прельщенны красотой
 Алкали чести быть цари въ родствѣ со мной;
 Но я пренебрегалъ пріять тирана въ сына,
 И гражданинъ—хотѣлъ Новградска гражданина.
 Явите, имени сего достойны-ль вы?
 Иль идола рабовъ воздвигнувъ на главы,
 Меня, и честь, и все ему предайте въ жертву.
 Увидьте и мою вы дочь сраженну, мертву.

Вигоръ.

Чтобы достойнымъ быть дражайшей толь руки,
 Готовъ одинъ презрѣть несмѣтные полки,
 Которыми престолъ свой Рурикъ утверждаетъ.

Пренестъ.

Колико счастья сего мой духъ алкаетъ,

И сколько я мое отечество люблю—
Съ оружіемъ въ рукахъ я то тебѣ явлю.

Вигоръ.

Клянусь Перуновымъ я именемъ священнымъ,
Клянуся сердцемъ я, Рамидою прельщеннымъ,
На все дерзать.

Пренестъ.

Прими ты клятву и мою.

Вадимъ.

О жаръ героевъ! Васъ я нынѣ познаю!
Надежда вы гражданъ, отечества отрада!
(Есть военачальникамъ, съ нимъ пришедшимъ)
Поборники мои! оставимъ стѣны града,
И пользуясь еще остаткомъ слабой тьмы,
Въ тѣ дебри мрачныя отсель отъидемъ мы,
Гдѣ ратники мои, побѣдою вѣнчанны,
Питая ярости стремленья несказанны,
Котору въ нихъ возжегъ отечества уронъ,
Рѣшились умереть или низвергнуть тронъ.
Вигоръ къ героямъ симъ послѣдуетъ за нами,
Пренестъ останется здѣсь править сердцами.
Ступайте!.. (Военачальники и Вигоръ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАДИМЪ И ПРЕНЕСТЪ.

Вадимъ.

Я тебѣ ввѣрю нашу часть:
Потщись воспламенить къ отечеству ту страсть,
Которая гражданъ героями творила,
Которую въ сердцахъ держава затворила,
Что можешь чувствовать, дай чувствовать то имъ.
Сравния себя, Пренестъ, съ почтеніемъ моимъ.
Хоть въ равной путь Вигоръ съ тобою и стремится,
Но твой успѣхъ моимъ желаньемъ становится.
Блаженъ, когда тебя обязанъ награждать,
Къ Рамидѣ возмогу твой пламень увѣнчать.

Пренестъ.

И дочерью твоей прекрасною прельщенный,
 И лестнымъ мнѣ твоимъ почтенемъ восхищенный,
 Стыжуся я, неся мою на жертву кровь,
 Что жаръ къ отечеству дѣлать моя любовь!
 И можетъ быть твое почтенье уменьшаетъ
 Награда, чѣмъ Ваdimъ мнѣ сердце утѣшаетъ.
 Вѣрь мнѣ, хотя всего превыше чту сей даръ,
 Но должности моей—любви не вреденъ жаръ,
 Въ которомъ все мое я счастье обрѣтаю;
 И если къ горести Рамидою я таю,
 Хотя несклонна мнѣ пребудеть навсегда,
 Несчастенъ быть могу, безчестенъ—никогда!
 Увидишь ты меня, надежды всей лишена,
 За общество въ твой слѣдъ геройскій устремлена,
 Какъ и съ надеждою равно несуща грудь,
 Пренебрегая жизнь, въ кровавый славы путь.

Вадимъ.

Сего надѣюсь я, Пренеста сердце зная;
 Но дочь Ваdimову такъ мало почитаю,
 Почто ты думаешь ее несклонну зрѣть
 И общества въ тебѣ спасителя презрѣть?
 Въ ней кровь моя; она не будетъ малодушна
 И—только должности своей всегда послушна —
 Тѣ сердца слабости умѣетъ обуздать,
 Которы нѣга въ насъ удобна возрождать.
 Воспитанная мной, ты будешь въ томъ свидѣтель,
 Ей власть моя—законъ, а счастье—добродѣтель.
 Прости, ужъ солнца лучъ, распространяя свѣтъ,
 Въ дремучіе лѣса меня отсель вовесть.
 Увы! когда уже здѣсь все поработченно,
 Здѣсь нѣтъ отечества—оно все тамъ вмѣщенно,
 Герои наши гдѣ, вносяся надъ судьбой,
 Готовы умереть иль скиптръ попрасть ногой!

Пренестъ.

Но дочь, незнающе Ваdimа возвращенья,
 Почто узрѣть тебя лишашь утѣшенья?

Вадимъ.

Прибытіе мое брегись открыти ей:
 Хоть горько для души родительской моей,
 Что часть свиданія я съ нею отдаю;
 Но я отечество себѣ предпочитаю.
 Спѣшу устроить все, чтобы въ грядущу ночь,
 Свободу здѣсь узрѣвъ, мою увидѣть дочь.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

РАМИДА И СЕЛЕНА.

Селена.

Се, приближается тотъ часъ, тобой желанный,
 Въ который твой отецъ, побѣдою вѣнчанный,
 Вадимъ, прибытіемъ обрадовавъ сей градъ,
 Рамидѣ принесетъ съ собою тьму отрадъ.
 Узришь возлюбленна родителя-героя,
 Который общества спокойствіе устроя,
 Ко прекращенію любезной дщери мукъ
 Приходитъ, изъ своихъ побѣдоносныхъ рукъ
 Отдать ее въ вѣнцѣ пылающему ею.
 Увѣрена твоей чувствительной душою,
 Твое величіе не чту себѣ въ уронъ.
 Супруга Рурика, возшедшая на тронъ,
 Надѣюсь, для меня Рамидою пребудетъ
 И дружества во-вѣкъ Селены не забудетъ.

Рамиды.

Ты знаешь чувствія Рамидиной души.
 Селена, ты меня сей дружбы не лиши,
 Которая мое блаженство возвышаетъ;
 Она равно мой духъ плѣненный утѣшаетъ,
 Какъ та безсмертная, неодолима страсть,
 Безъ коей всякое мнѣ счастье — напасть.
 Вѣрнъ мнѣ, сей блескъ вѣнца, престола возвышенъе,

Для чувствъ Рамидиныхъ презрѣнно утѣшенье!
 Въ користи, въ гордости я сердца не гублю:
 Не князя въ Рурикѣ, я Рурика люблю.

Селена.

Душою обладать героя ты достойна;
 Но въ ожиданіи твоихъ отрадъ спокойна,
 Готовясь къ счастью быть сопряженной бракомъ съ нимъ,
 Не огорчаешь-ли предчувствіемъ какимъ
 Души нѣжнѣйшею любовью упоенной?
 Не вопіеть-ли гласъ свободы сокрушенной?
 Не воображается-ль великій твой отецъ
 Во гнѣвѣ, въ ярости, зря царскій здѣсь вѣнецъ?

Рамида.

Почто-жъ смущать мое блаженство сей напастью?
 И что свобода вся предъ Руриковой властью?
 Вѣрнъ мнѣ, родитель самъ, героя зря сего,
 Свободу, гордость, все — забудеть для него.
 Возможно-ль Рурика кому возненавидѣть?
 Чтобъ обожать его, лишь надобно увидѣть.
 Своею вольностью лишенный всѣхъ отрадъ
 Не то-ли чувствовалъ, что я, и весь сей градъ,
 Какъ Рурикъ къ намъ привелъ торжественное войско.
 Вообрази себѣ сіе чело геройско,
 Престолъ божественныхъ его души добротъ,
 Надежду будущихъ властителя щедротъ;
 Тѣ очи молніей и кротостію полны,
 Когда, смиривъ онъ здѣсь смятенья страшны волны,
 Народъ признательный привлекъ къ своимъ ногамъ.
 Коль можетъ человекъ подобенъ быть богамъ,
 Конечно, Рурикъ имъ единый только равенъ.
 Воспомни ты, какъ онъ, побѣдоносенъ, славенъ,
 Доволенъ только тѣмъ, что намъ благотворилъ,
 Въ своей душѣ за то награду находилъ
 И, мужествомъ прервавъ плачевны наши стоны,
 Отрекся здѣшнія завидной всѣмъ короны.
 Тогда народъ, страшась своихъ возврата бѣдъ,
 Слезами орошалъ сего героя слѣдъ.
 Въ какія горести весь градъ сей погружался;
 Казалось, намъ часъ послѣдній приближался.

Всему отечеству мой духъ сотрепеталъ,
 И съ Рюрикомъ весь міръ Рамадинъ погибалъ.
 Ты видѣла то все. Селена, ты безстрастна!
 Скажи? Когда-бъ тебѣ вселенная подвластна
 Съ подобострастіемъ у ногъ твоихъ была,
 Иль власти-бъ ты своей ему не отдала?
 И міра къ радости, протявъ себя правдива,
 Подъ властью Рурика ты какъ была-бъ счастлива?

Селена.

Сомнѣнія въ томъ нѣтъ, достоинъ власти онъ;
 Но если-бъ твой отецъ, которому здѣсь тронъ
 Гражданскихъ всякихъ бѣдъ несноснѣе казался,
 Противу Рурика къ несчастью ополчался,
 Когда-бы, не смотря на плачущую дщерь.....

Рамида.

Отъ мысли сей мой духъ трепещеть и теперь!
 Увы! коль мнѣ судьба толико будетъ злобна,
 Хоть скорби не снесу мученья безнодобна,
 Колюко Рурика я смертно ни люблю,
 Умру, но должности моей не преступлю;
 И повинуюся родительской я власти,
 У ногъ его мои окончу всѣ напасти...
 Но нѣтъ, почто, почто мнѣ сердце разрывать
 И грудь стениющую слезами обливать?
 Чего не можетъ быть — почто мнѣ тѣмъ терзаться
 И горестнѣйшимъ толь мечтаньемъ устрашаться?
 Мы лютость отъ себя сихъ мыслей удалимъ.
 Не можетъ къ Руріку питати злость Вадимъ,
 Не можетъ... И герой героя обожаетъ.
 Твое сомнѣніе обоихъ унижаетъ.
 Во славъ равные, что можетъ ихъ смутить?
 Что можетъ къ зависти родителя склонить?...
 То свойство гнусное лишь подлыхъ душъ и черныхъ,
 Чтобъ зря достоинства на высотахъ безмѣрныхъ
 И бывъ безсильными до оныхъ возлетѣть,
 Во мрачности своей ихъ блеска не терпѣть.
 А истинный герой, упитанъ свѣтомъ славы,
 Доволенъ самъ собой, превыше сей отравы.
 Но пусть Вадима-бы встревожилъ здѣсь вѣнецъ,

Иль мною Рурикъ не будетъ овъ отецъ?
 Отвергнемъ тщетный страхъ и лютыя толь мысли.
 Селена, ты мой отрады всѣ изчисли!
 Но какъ возможно ихъ себѣ вообразить!
 Скажи, счастливѣе меня кто можетъ быть?
 Се, Рурикъ шествуетъ и зракъ его любезный
 Являетъ, сколь твои сомнѣнья безнолезны.

ЯВЛЕНІЕ II.

РУРИКЪ, РАМИДА, СЕЛЕНА, ПРОВОЖАТЫЕ РУРИКОВЫ.

Рурикъ.

На быстрыхъ крыліяхъ ужъ тѣ часы парятъ,
 Которы счастье мое несутъ въ сей градъ;
 Въ которы твой отецъ, толь алчно жданный мною,
 Во лаврахъ возвращенъ отечеству судьбою,
 За всѣ труды меня Рамидой наградить
 И бракомъ все мое блаженство утвердить.
 Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,
 И сердцемъ моему покорству закону,
 Превыше вольности мою считаютъ власть:
 Велика честь сія; но мнѣ была-бъ напасть,
 Когда-бы ты меня отъ сердца отвергала
 И тронъ украситъ мой собою не желала.
 Однако, пламень мой къ тебѣ каковъ ни лютъ,
 Хоть жизнью не чту я горькихъ тѣхъ минутъ,
 Въ которы, удаленъ твоей красы, страдаю,
 Я счастливымъ себя еще не почитаю,
 Коль равной страстию Рамида не горя,
 Мнѣ счастье подаетъ, свою въ немъ должность зря;
 И за гражданъ своихъ, въ награду ихъ спасенья,
 Хоть малыя себѣ потерпѣть принужденъя.
 Чтобъ словомъ чувствіе мое изобразить,
 Тобой—тебѣ одной хочу я долженъ быть.
 Хоть прелести твои моею души питаешь,
 Хотя, лишась тебя, мнѣ будетъ жизнь страданье;
 Но горьку часть сію той части предпочту,
 Чтобъ зря всегда твою въ уныньи красоту,
 Встрѣчая съ ужасомъ моею супруги взоры
 Всечасно находить смертельны въ нихъ укуры...
 Прятворства чуждому вѣрь сердцу моему:

Стократъ пріятнѣй мнѣ терзаться самому,
 Какъ, изъ тоски другихъ извлекиши люту радость,
 Вкушати свойственну однимъ тиранамъ сладость.
 Открой мнѣ чувствіе твоего сердца:
 Не огорчаю-ли хоть мало тѣмъ его,
 Что жизни счастье въ тебѣ одной включаю,
 Что я въ тебѣ себя съ душою сочетаю?

Раида.

Какъ можешь, государь, ты то вообразить,
 Чтобы Раидинъ духъ умѣлъ себя склонить
 Въ притворству низкому, безъ страсти принуждаться
 И узамъ тягостнымъ къ мученью предаваться?
 И что-бъ, скажи, тому виною быть могло?
 Или увѣчанно короною чело?
 Вѣрь мнѣ, когда-бы кто вселенной на престолѣ,
 Отрывши гордости моей безмѣрно поле,
 Вѣнцами безъ числа глазамъ моимъ блисталъ
 И за любовь мою власть міра отдавалъ,
 Коль сердцемъ-бы его Раида не избрала,
 Она-бы снптры съ нимъ и троны презирала;
 А если-бы свою онъ призвалъ въ помощь власть,
 Умѣла-бъ смертію отвергнуть я напасть.
 Гражданку здѣшнюю, возросшую въ свободѣ,
 Не можетъ удивить ничто во всей природѣ.
 Подвластна лишь богамъ и моему отцу,
 Всѣмъ сердцемъ я къ тебѣ стремлюся, не къ вѣнцу.
 Ты внемлешь гласъ души безъ лести, безъ искусства;
 Къ притворствамъ, никакимъ мои несродны чувства;
 И если-бъ Рурика любить я не могла,
 Я съ откровенностью то равною-бъ река,
 Какъ и теперь мой духъ прельщенный то вѣщаетъ:
 Коль Рурикъ счастье все въ моей любви включаетъ.
 Когда зависить то отъ сердца моего,
 Такъ нѣтъ счастливѣе на свѣтѣ никого.

Рурикъ.

О часъ драгой! моей всей жизни драгоцѣннѣй!
 Я вѣчно не вкушалъ отрады совершеннѣй;
 Внимая сладостнымъ изъ устъ твоихъ словамъ,
 Завистна кажется моя судьба богамъ.

Увѣренъ, восхищенъ признаньемъ возмужѣннымъ,
 Я съ сердцемъ, новою днесъ жизнью укрѣпленнымъ,
 Иду, куда меня правленья долгъ зоветъ:
 Въ немъ Рурикъ бремени ужъ больше не найдетъ;
 И сколь ни тягостны несмѣтны пощеченья,
 Труды, прискорбія, душевны огорченья,
 Которыхъ требуетъ монарховъ тяжка власть,
 Мнѣ будетъ счастиемъ и самая напасть;
 Хоть Рурикъ жизнь свою за твой народъ утратитъ,
 За все единый взоръ Рамида мнѣ залатитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАДИМЪ (сокрытъ во одеждѣ простаго воина), **РАМИДА**, **СЕЛЕНА**.

Вадимъ (въ отдаленіи, не видя Рамиды).

Ужасная мое пронзила сердце вѣсть!
 О дочь жестокая! Какъ то Вадиму снести!
 Рамида къ Рурику любовію пылаетъ...
 Уже послѣдняго меня тиранъ лишаетъ...
 Но се она....

Рамида.

Тебя-ль я зрю, родитель мой?
 Герой! позволь въ твоихъ объятіяхъ....

Вадимъ (отвергая ее).

Постой!

Рамида.

Что вижу?... Ты моимъ восторгамъ отвѣчаешь
 Презрѣньемъ!... Или дочь свою пренебрегаешь?
 Украшенъ лаврами ее не познаешь
 И въ жертву гордости природу отдаешь?

Вадимъ.

Несчастна! Если-бъ я тебя возненавидѣлъ,
 Я съ равнодушіемъ восторгъ-бы твой увидѣлъ
 И, ласки воспріявъ, тебя-бы не отвергъ.
 Но—о несчастія неизмѣрима верьхъ!—
 Возври, и по сему познай прискорбну виду:
 Гнушаясь, не могу я не любить Рамиду.

Рамида.

Ахъ, каждая твоя ужаснѣйшая рѣчь,
Вонзаясь въ сердце мнѣ, разить какъ острый мечъ.
Чѣмъ винна я, скажи, возлюбленный родитель?
Что духъ терзаетъ твой, герой и побѣдитель?
Открой мнѣ, плачущей родителя у ногъ,
За что, лиша тебя, мой рокъ мнѣ столько строгъ?
Чтобъ сердцемъ ты опять къ Рамидѣ обратился,
Что дѣлать мнѣ, скажи?... Твой болѣ зракъ смутился!
Гласи, повелѣвай — за отческу любовь,
Мнѣ должно-ли въ сей часъ пролить мою всю кровь?
Пролей! она твоя! возьми твой даръ обратно!

Вадимъ.

Гласъ должности твоей какъ слышать мнѣ пріятно!
Я чувствъ родительскихъ къ тебѣ не истребя,
Не жизни требую, но чести отъ тебя.

Рамида.

Что слышу?... Или дочь свою подозрѣваешь?...
Ты чести требуешь — или меня не знаешь?

Вадимъ.

Не знаю.... Ты сама теперь въ себя вошедъ,
Отрады полный мнѣ дать можешь-ли отвѣтъ:
Что чести въ правилахъ Вадима непремѣнна,
Ты таже дочь моя, любезна и безцѣнна?
Блестая какъ всегда заразой красоты,
Рамиду прежнюю найдешь-ли въ сердцѣ ты?

Рамида.

Меня вопросами какъ громомъ изумляешь!
Ты судио въ себѣ, а не отца являешь...
Богами и тобой самимъ я въ томъ клянусь,
Что та-жъ Рамида я, что вѣкъ не премѣнюсь;
Что дочь достойная Вадима, но несчастна;
Что чести правиламъ его всегда подвластна;
Что паче я всего родителя люблю;
Что я, не зная вины, ужасну казнь терплю.
Открой проступокъ мой!

Вадимъ.

Ты страстию пылаешь
 Къ носящу здѣсь вѣнецъ, а ты вины не знаешь...
 Быть можетъ, клевета Рамиду тѣмъ ирачить.
 Разруши вѣсть сію, чѣмъ городъ сей звучить...
 Ахъ, ежели меня не истина сразила;
 Коль чувства мои Рамида сохранила;
 Коль врагъ мой — врагъ тебѣ въ сѣніи вѣнца,
 Дерзай, любезна дочь! въ объятія отца...
 Несчастлива! плачешь ты и грудь твоя томится!...
 Мое безславіе мнѣ ясно становится!

Рамида.

Когда порокъ — любить спасителя гражданъ,
 Который отъ боговъ къ отрадѣ смертнымъ данъ;
 Который, прекратя общественныя стоны,
 Отресься здѣсь ему представленной короны;
 Который, умоленъ народа токомъ слезъ,
 Небесныя благодати съ собою на тронъ вознесъ;
 Которой, какъ отца, Вадима ожидаетъ:
 Виновою себя Рамида почитаетъ!
 Достойна казни я. Вотъ грудь моя, пронзай!
 Имъ сердце плѣнное на части растерзай!
 Теряя съ нимъ я все, и небеса и землю,
 Ударъ смертельный твой за даръ драгой приѣмлю.

Вадимъ.

Обрушся на меня небесъ пресвѣтлыхъ тверды!
 Ты просишь смерти, ты вкусишь достойна смерти!
 Злодѣйскимъ пламенемъ и пагубнымъ пылая,
 Отцеубійца ты, меня во гробъ вселяя;
 Измѣнница! твое отечество предавъ,
 И вольность согражданъ, и святость нашихъ правъ!
 О ты, сообщница коварнаго тирана,
 Которымъ съ кротостью дана намъ смертна рана!
 Поди къ нему, поди, скажи: твой здѣсь отецъ;
 Что хочетъ онъ сорвать съ главы его вѣнецъ.
 Да придетъ онъ свое предупредить паденье,
 И сердце мнѣ пронзая, скончатъ мое мученье..
 Поди, и мечъ направь злодѣя моего

На грудь родителя несчастна твоего:
И смертію отца препонъ освобождена,
Взойди на тронъ, моею ты кровью обогрелна!...

Раида.

Постой, родитель мой! ахъ, сжался надо мной!
Твои укоры, видь толико грозный твой,
Твой гнѣвъ — то болѣе мнѣ смерти страхъ наносить,
Которой у тебя дочь бѣдна тщетно просить...
Познай, родитель мой, познай въ сей часъ меня:
Тебя достойна я, хоть мучуся стена...
Сей нѣжный огонь любви, мнѣ толь пріятный прежде,
Заслугой Рурика обманута въ надеждѣ,
Сей огонь, которымъ я питала жизнь мою,
Смертельно мучима, зря ненависть твою,
Сей лютый огонь клянусь и въ немъ пороги мой вижу,
И сердце слабое, терзаясь, ненавижу
За то, что я, стремясь въ немъ пламень потушить,
Съ симъ пламенемъ должна и жизни свѣтъ гасить...
Оставь мнѣ то, оставь, что сердце отерывая,
Кажу его, тебя лишь бохъ прогнѣвляя;
Я искренностію родителю должна
И помощь въ горести несносной мнѣ нужна.
Отца я въ нѣдра грусть смертельную проливаю,
Родителя въ моей отрадѣ призываю...
Отеческимъ возари ты окошь на меня
И пожалѣй о мнѣ, несчастную вина.
Жалѣй — превозмогусь, явлюсь тебя достойна,
И волю соверша твою, умру спокойна.
Повелѣвай; меня послушну будешь зрѣть.

Вадимъ.

Достойна ты меня, а кочешь умереть.
Кто? Ты? Вадима дочь! и дочь свободна града!
Превозмогись, живи и будь моя отрада.
Клянись покорствовать во всемъ твоей судьбѣ.

Раида.

Клянусь!... Чѣмъ быть могу подобна я тебѣ?

Вадимъ.

Изъ сердца истребя жаръ гнусныя отравы,

Со мною шествуя ко храму вѣчной славы,
Къ тирану въ ненависть любовь преобразить.

Рамида.

Клянусь... хоть не могу сего я совершить...
Клянусь... коль должно мнѣ... всечасно умирая,
Не зрѣть его во вѣкъ, иль видѣть отвергая.

Вадимъ.

Клянись—чтобъ могъ я дочь мою во всемъ познать
И міру безъ стыда Рамиду показать —
Клянись, что одолѣвъ душъ рабскихъ страстную муку,
Изъ нашихъ согражданъ тому отдашь ты руку,
За вольность общества кто паче всѣхъ герой
Покажетъ, что владѣть достоинъ онъ тобой.
Клянись, наградой быть тирана за паденье.

Рамида.

Чего ты требуешь! увѣ! сіе мученье
Превыше силъ моихъ! иль мало жертвы той...

Вадимъ.

Поди отъ глазъ моихъ, —изчезни предо мной!
Быть дочерью моей я способъ предлагаю;
А ты... Нѣтъ! ты не дочь и я тебя не знаю!
Храня любовь отца, я только что крушусь.

Рамида.

Постой, родитель мой! я все свершить клянусь!
Коль мало лютыхъ мукъ, которыя предпріемлю,
Ты вымысли еще...

Вадимъ.

Я дочь мою объѣмлю!
Не плачь, умѣрь тоску, что грудь твою тѣснитъ!
Что можетъ насъ терзать, коль слава предстоитъ? (Увидя Пренестя)
Пренестя, отечества къ спасенью есть-ли виды?
Ужель достоинъ ты руки моей Рамиды?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВАДИМЪ, РАМИДА, ПРИНЦОВЪ.

Принестъ.

Всѣ чувства устремя тебѣ подобнымъ быть
 И, обществу служа, Рамиду заслужить,
 Лишь только ты меня, снѣша за градъ оставилъ,
 Тотчасъ мои стопы къ вельможамъ я направилъ,
 Которыхъ гордый духъ противъ вѣнца ропталъ
 И гнѣва молнію въ молчаніи питалъ.
 Собралъ ихъ, я имъ рекъ: „Се часъ тотъ наступаетъ
 Въ который небо намъ судьбу гражданъ вручаетъ;
 Въ который городъ нашъ, сей прежде царь царей,
 Сіе питаище великихъ толь мужей,
 Съ свободой своего сіянія лишенный,
 Подъ игомъ скипетра позорно удрученный,
 Возможесть возвестись на высоту опять,
 Чтобъ Сѣверу всему законы подавать.
 Уже извѣи на тронъ направлены удары:
 Ужь съ воинствомъ Вадимъ принесъ тиранству кары.
 Коль также, какъ ему, противенъ вамъ вѣнецъ,
 Паденья своего не избѣжить гордецъ,
 Который, намъ дая вкушать соты коварства,
 Насъ клонить къ горести самодержавна царства.
 Великодушень, днесъ, онъ кротокъ, справедливъ,
 Но укрѣпя свой тронъ, безъ страха горделивъ,
 Коль чтить законы днесъ, во всемъ равняясь съ нами,
 Законы послѣ всѣхъ и насъ попретъ ногами!
 Проникнувъ въ будущее вы мудростью своей,
 Не успляйтесь блаженствомъ власти сей:
 Что въ томъ, что Рурикъ сей героемъ быть родился,
 Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
 Величья своего отравой упоенъ —
 Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ?

. . . . . *)
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Возрите на владыкъ вы разныхъ царствъ и вѣковъ,

*) Въ этомъ мѣстѣ мы вынуждены сдѣлать пропускъ въ 4 строки. Ред.
*

Ихъ власть — есть власть боговъ, а слабость — человѣковъ!⁴
 Потому, чтобъ яростн противъ лучей вѣнца
 И паче раздражить ихъ гордыя сердца,
 Изобразилъ я имъ народовъ страшны бѣдства;
 Тѣ самовластія плачевны, люты слѣдства,
 Вокругъ котораго съ кадельницею лествъ,
 Безстудно принося богамъ пристойну честь,
 Преступниковъ въ вѣнцахъ съ безсмертными равняетъ
 И кровью подданныхъ на тронахъ уполяетъ.
 Гнѣвъ болѣ пламена моихъ чертами словъ,
 „Представьте, я сказалъ, вы смертныхъ сихъ боговъ,
 Въ надменности свою закономъ чужихъ волю,
 По гнуснымъ прихотямъ влекущихъ нашу долю
 И первенство дая рабамъ своихъ страстей,
 Предъ ними тотъ великъ — кто паче всѣхъ злодѣй.
 Дождемся-ли и мы такой ужасной части,
 Когда властитель нашъ, въ своей спокоенъ власти,
 Личину хитрости со горда снявъ лица,
 Явилъ чудовище подъ блесками вѣнца?
 Всечасно окруженъ свирѣпностью и страхомъ,
 Подножья своего считать насъ будетъ прахомъ;
 И присвоивъ плодъ трудовъ несмѣтныхъ лѣтъ,
 Отниметъ все у насъ и даже солнца свѣтъ,
 Чтобъ подлостью наградить своихъ льстецовъ прегнусныхъ.
 Ужъ есть событіе тавихъ предвѣстій грустныхъ;
 Его Варягами наполненъ весь нашъ градъ;
 Ужъ съ нами становя своихъ рабовъ онъ въ рядъ,
 Остатки вольности и нашихъ правъ отъемлетъ;
 А вашъ великій духъ на крайъ бездны дремлетъ!
 Проснитесь!...“ Вдругъ ихъ вопль остановилъ мой гласъ:
 Идемъ пронзати грудь тирану сей-же часъ!
 Ихъ рвенье описать я сколько-бъ ни старался,
 Какъ мракъ предъ пламенемъ глаголь-бы мой казался.
 И какъ изобразить движенъе сихъ мужей,
 Сихъ ненавистниковъ и рабства и царей;
 Ихъ слезы на очахъ отъ гнѣва и позора,
 Летящи молніи отъ яростнаго взора,
 Багрянность мрачныхъ лицъ, сей образъ гровныхъ тучъ,
 Изъ коихъ вольности блисталъ надежный лучъ
 И неминуемо тираново паденье.
 Въ послѣдокъ, премѣня свой гнѣвъ во изступленъе,

Забывъ опасности и всё исторгнувъ мечъ,
 Стремятся тотъ-же часъ злодѣя дни пресѣчь!
 „Друзья, сказала я имъ, безвременно геройство
 Отъемля плодъ, не есть сердецъ великихъ свойство.
 Что въ томъ, коль вашу днесь погибель вы презрѣвъ,
 Повергните себя въ разверстий смерти зѣвъ?
 Не крови ванея отечество жаляетъ:
 Оно отъ вашихъ рукъ спасенья ожидаетъ.
 Великимъ толь дѣламъ намъ должно дать созрѣть;
 Въ грядущу ночь у стѣнъ Вадима будемъ зрѣть;
 Въ грядущу ночь врата отворимъ мы герою,
 А съ нимъ ведущему свободу нашу строю.“
 По семъ, какъ вихрями смущенна бездна водъ,
 Стремленью ярости почувствовавъ оплотъ,
 Стѣсненная кипить, реветъ и тщетно рвется,
 Таковъ героевъ сонмъ во гнѣвъ остается
 И просить солнце путь свой ясный сократить,
 Чтобъ мракъ привелъ тотъ часъ, въ который имъ разить.
 (При сихъ словахъ выходитъ Вигоръ).

Вадимъ.

Сего я ожидалъ, героевъ нашихъ зная
 И добродѣтели Пренеста почитая. (Указывая на дочь)
 Се, воздаяніе, вѣнецъ трудовъ твоихъ.

Пренестъ.

Судьба моя теперь въ ея устахъ драгихъ,
 Не смѣю счастливымъ дотоль я назваться.

Раммда.

Мой долгъ родителю во всемъ повиноваться. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ВАДИМЪ, ПРЕНЕСТЪ, ВИГОРЪ.

Вигоръ (въ сторону).

Что слышу? Вѣрить-ли мнѣ чувствіямъ моимъ?... (Къ Вадиму)
 Смятенно воинство отсутствіемъ твоимъ...

Вадимъ.

Иду. (Къ Пренесту) Свершай все такъ, какъ начато тобою!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Вигоръ (одинъ).

Итакъ я былъ, о рокъ, коварства ихъ игрою!
 Спасенью общества назначена дѣна—
 Пренесту, а не мнѣ, Рамида отдана.
 Что сдѣлать сей Пренестъ? Вадимъ, какая слава,
 Какой успѣхъ ему даетъ отмѣнны права?
 Почто тобою такъ я люто пораженъ?
 Но тщетно быть Вигоръ не можетъ униженъ,
 И если должно мнѣ лишиться Рамиды..
 Вострепещи, творя столь смертны мнѣ обиды!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

РАМИДА И СЕЛЕНА.

Селена.

Горчайшихъ слезъ твоихъ потоки осуши,
 Не погружай твоей въ отчаянье души.

Рамида.

Селена, все мое почувствуй ты терзанье!
 О доля лютая! о страшно состоянье!
 О долгъ, долгъ варварскій! мнѣ должно жизнь хранить
 И не для Рурика, а для инаго жить.
 Мнѣ должно, какъ врага, того возненавидѣть,
 Въ комъ духъ плѣнный мой привыкъ блаженство видѣть...
 Его всечасно зрѣть, его любви внимать,
 Взаимной нѣжностью за нѣжность воздавать,
 Въ томъ находила я, надеждой ослѣпленна,
 Чего не можетъ мнѣ отдать и вся вселенна...
 Возлюбленный! въ сей день предвидѣть я могла-ль,
 Что я, смертельную во сердцѣ скрывъ печаль
 Которо безъ тебя не можетъ утѣшаться,
 И зрѣть тебя должна я буду ужасаться;

Что душу зря мою въ тебѣ, — о грозный рокъ! —
 Нѣжнѣйшу страсть должна считати за порокъ,
 И что, — о верхъ злыхъ мукъ, неслыханныхъ и въ адѣ! —
 Злодѣйству мздою ставь въ неблагодарномъ градѣ,
 Должна, о страхъ, а съ тѣмъ себя соединить,
 Кто мечь свой долженъ въ грудь дражайшую вознѣти!...
 Одна отрада смерть въ несносномъ толь мученьи;
 Но отнято и то несчастныхъ утѣшенъе;
 Пристанница сего лишаетъ рокъ меня;
 Умрети не могу, отцу не измѣня...
 Селена! ты меня отверженную, сиру,
 И не привязанну ничѣмъ ужъ болѣ къ міру,
 Подъ игомъ должности лющу токи слезъ,
 Оставленну отцемъ, забыту отъ небесъ,
 Не оставляй въ сіи жестокія минуты!
 Когда и смертные ко мнѣ и боги люты,
 Во дружбѣ лишь твоей отрада вся моя.
 Недолго отягчать Селену стану я;
 Недолго!... И души я въ Рурикѣ лишена,
 Уже вкушаю смерть съ собою разлученна.

Селена.

На дружбу ты мою надежду возлагай;
 Исполнить все она, лишь только пожелай.
 Мнѣ должно-ль, Рурику открывъ твое мученье
 И твоего отца порочно ополченье,
 Явити всѣ ему опасности его?

Раида.

Желая смерти я, и болѣ ничего!
 Ты хочешь, чтобы я, дочь люта и порочна,
 Страдая отъ того, что страсть моя безпрочна,
 Противъ родителя измѣной воужась,
 Отраду обрѣла, къ злодѣйству преклонясь.
 Нѣтъ! надъ собою не дамъ я року столько власти;
 Умру въ мученіяхъ, не заслужа напасти.
 Я не безчестія отъ дружества ищу,
 Той помощи одной, Селена, я хочу,
 Чтобъ стоны ты мои смертельны воспримала;
 Чтобъ состраданіемъ ты муки облегчала,
 И чтобъ, какъ смерть прерветъ несчастну жизнь сію,
 Явила-бъ Рурику невинность всю мою.

Селена.

Се, Рурикъ шествуетъ.

Рамида.

Мой духъ изнемогаетъ...

Сокроемся!

ЯВЛЕНИЕ II.

РАМИДА, СЕЛЕНА, РУРИКЪ И ИЗВЕДЪ.

Рурикъ.

Меня Рамида убѣгаетъ!

То зря, повѣрить я могу-ль моимъ глазамъ?
 Когда касался тѣмъ радостнымъ часамъ,
 Въ которы принесеть отецъ твой въ здѣшни стѣны
 Блаженство все мое, какія зрю премѣны?...
 Ты отвращаешь взоръ, трепещуща, блѣдна!...
 Ты знаешь, счастье все мое лишь ты одна...
 Или ты быть могла противъ меня коварна?...
 Спасенье твоего народа благодарна,
 Другъ вѣрный общества, герой нашъ, твой отецъ,
 Все то, что свято намъ, и боги наконецъ
 Могли-бъ способствовать моей любви обѣтамъ;
 Но сердце не стремилъ къ священнымъ толь предметамъ:
 То было-бы ничто безъ сердца твоего...
 Дражайшихъ слово устъ превыше мнѣ всего;
 Симъ словомъ отъ тебя я въ счастьи увѣренъ,
 Считаю увѣчаннымъ мой жаръ къ тебѣ безмѣренъ,
 И зная, что въ сей день отецъ твой выидеть въ градъ,
 Для ускоренія души моей отрадъ
 Ко брачну торжеству ужъ все теперь готово.
 Ты повтори еще дражайшее то слово,
 Съ которымъ такъ въ сей часъ несконденъ сталъ твой зракъ,
 Преображая мнѣ свѣтъ солнца въ смертный иракъ;
 Ты любишь-ли меня, какъ прежде увѣрала?...
 Иль чтобъ лютѣй сразить, надежду подавала?

Рамида.

Оставь къ несчастію рожденную на свѣтъ,
 Будь счастливъ безъ меня, инаго средства нѣтъ.

Рурикъ.

Что слышу? Счастливымъ мнѣ быть повелѣваешь,
А сердце изъ меня, жестока! исторгаешь.
Могу-ли безъ тебя я душу ощущать?
Тебя лишеннаго чѣмъ можеть свѣтъ прельщать?
Рамиду потерявъ, что награждать утрату?
За нѣжность всю мою готовишь гробъ въ отплату.

Рамида.

Коль дочь Вадимова, стенаща и слаба,
Возможеть, мучася, не быть страстей раба:
Такой какъ ты герой, давъ счастье народу,
Удобенъ возвратить души своей свободу.

Рурикъ.

Какой ужаснѣйшій изъ устъ драгихъ совѣтъ;
Рѣчь каждая твоя, какъ буря, духъ мятеть;
Колеблются въ глазахъ затѣвныкъ здѣшни стѣны;
Поняти не могу незапной толь премѣны...
О страшна мысль! иной тебя возмогъ тронуть?
Свершай свирѣлости, пронзалъ вѣрну грудь!

Рамида.

О, мысль смертельная! сему ты можешь вѣрить,
Что можеть предъ тобой Рамида лицемѣрить,
Что можеть свѣтъ сносить и жить не для тебя?...
Ахъ, что я дѣлаю?... Разсудокъ погубя,
Стремлю смятанный духъ въ сладчайше преступленье.
Все то, что льстило мнѣ, все стало преступленье.
Могу-ль я то сказать... рокъ! о грозный рокъ!...
Мнѣ даже зрѣть тебя ужаснѣйшій порокъ!

ЯВЛЕНИЕ III.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

Рурикъ.

Скрывается! А я, какъ небомъ пораженный,
Недвижимъ, громовымъ ударомъ изумленный,
Въ окамененіи, всѣ чувства истребя,
Не вижу ничего, не помню самъ себя.

Рамида-ль здѣсь была? Она-ли мнѣ вѣщала?
 Иль злѣйшая мечта во снѣ мой духъ смущала?
 Рамида то была: все было на яву;
 А тщетно изъ ея оковы я сердце рву.

Изведъ.

Отвергни страсть, тебя котора унижаетъ,
 Тебя, котораго весь Новградъ обожаетъ,
 Которому за трудъ—безсмертна славазда!
 Не допусти себя унизить до стыда,
 Чтобъ для совѣстника и мрачна и презрѣнна
 Рамидою себя узрѣть отриновенна.

Рурикъ.

Могу-ль я сей ударъ смертельный перенести.
 Иль можетъ до того ея гнусна быть лесть,
 Чтобы, закрывъ себя во мнѣ нѣжнѣйшей страстью,
 Ругаться моею священнѣйшею властью,
 И чтобы гордости того меня предать,
 Не стоять, можетъ быть, кто и на свѣтъ взирать!
 Искореню любви изъ сердца всю отраву.
 Мнѣ должно сохранить приобрѣтенну славу,
 И не любовникомъ, монархомъ здѣсь пребыть,
 И даже имя сей Рамиды позабыть;
 Мнѣ должно одолѣть толь гнусное терзанье...
 Но, ахъ! почто-жь сей стоить, сей плачь и воздыханье?
 Прерванны рѣчи тѣ и то смятенье словъ?
 Почто-бы все сіе, когда бы не любовь?
 Есть тайна нѣвая, что сердце ей снѣдаетъ;
 А тайны сей со мной она не раздѣляетъ. (Къ Изведу)
 Окончи смерть мою, ударъ свой доверши!
 Остатка моя лишей меня души!
 Надежду всю мою отъемли ты, жестокий!
 И ядомъ наполняй тѣ раны преглубоки,
 Которы къ горести Рамидой мнѣ даны!
 Кто дерзкій врагъ, кѣмъ дни мои отравлены?
 Кто сердце у меня Рамиды похищаетъ?

Изведъ.

Когда властитель мой мнѣ то повелѣваетъ,
 Открыть я долженъ...

Руричь.

Нѣтъ! Я вѣдать не хочу;
 Я самъ себя страшусь; восторговъ трепещу,
 Которы возмута мой духъ, ослабшій въ страсти,
 Подвигнуть въ низостямъ, позорнымъ царской власти,
 И устремивъ меня отмщать подвластну мнѣ,
 Представятъ Рурика тираномъ въ сей странѣ.
 Коль должно мучиться — страдать одинъ я стану;
 Но скривъ отъ глазъ мою смертельную въ сердцѣ рану,
 Моимъ губителямъ я не подамъ отрадь,
 Чтобъ мной спасенъ меня возненавидѣлъ градъ.
 Всечасно самому себѣ пребывъ я равенъ,
 Хотя несчастенъ я, остануся ввѣкъ славенъ;
 И благостями скривъ стелящую любовь,
 Коль подлыя сердца презрѣнныхъ мной враговъ
 Удобны мукою моею утѣшаться,
 Съ ихъ подлостью твой князь не хочетъ уравниваться.

Изведъ.

Се, мысль достойная возвышенныхъ на тронъ.
 Возможноетъ кто своимъ давать страстямъ законъ,
 Кто сердце средь ихъ волнь, какъ камень, утверждаетъ,
 Тотъ смертнымъ одинъ достойно обладаетъ!
 Одинъ достоинъ онъ безсмерныхъ представлять,
 И ихъ владычество въ порфирѣ раздѣлять.

(При сихъ словахъ вдали показывается Пренестъ).

Увѣренъ, что твой духъ въ волненіи спокоенъ,
 Не будетъ твоего величья недостойнъ,
 Чтобъ сердце страстно могъ ты легче исцѣлить,
 Я долженъ низкаго совѣстника открыть. (Указывая на Пренестъ)
 Се онъ, ничтожный врагъ спокойствія царева!
 Спасителя сихъ странъ достоинъ-ли онъ гнѣва?

Руричь.

Пренестъ!... О небеса, скрѣпите вы мой духъ!

Изведъ.

По граду носится о томъ повсюду слухъ,
 Что съ сердцемъ отдаетъ ему Рамида руку.

Рурикъ.

Мнѣ должно подтвердить мою несносну муку.

ЯВЛЕНИЕ IV.

РУРИКЪ, ПРЕНЕСТЬ, ИЗВЕДЪ.

Рурикъ (Пренесту).

Приблизься ты ко мнѣ, счастливый гражданинъ!
Хоть къ страху множество имѣешь ты причинъ,
Хоть долженъ предъ твоимъ владыкой содрогаться,
Но ты безъ трепета возможешь мнѣ признаться.
Вѣщай безъ ужаса.

Пренестъ (въ сторону).

Открылось все теперь! (Къ Рурику)

Порывы гордости властителя ужьры!
Могу-ль твоею быть я злобой встревоженъ.
Кому не страшна смерть, предъ тѣмъ твой скиптръ ничтоженъ!

Рурикъ.

По чувствамъ ты твоимъ судя и о моемъ,
Ужъ казни смертныя ты мыслишь видѣть въ нихъ.
Когда-бъ владѣлъ Пренестъ—къ тому-бъ онъ былъ удобенъ;
Но Рурикъ можетъ-ли Пренесту быть подобенъ?
Напрасно ты на смерть готовишься дерзая
И скиптръ тщетно мой ты смѣешь презирать!
Ты съ горделивостью твою вину являешь,
Чтобъ раздражить меня, но ты не раздражаешь.
Бо гнѣву на тебя я скиптръ не преклоню
И, страсти слѣдуя, себѣ не измѣню.
Спокоенъ предъ тобой, что ты мой врагъ, я знаю—
И зная все, тебя съ Ракидой презираю.

Пренестъ.

Коль есть толь низкія среди гражданъ сердца,
Которы, ослѣпясь блистаниемъ вѣнца,
Вкругъ трона полвая, корыстью уловлены,
Открыли подвиги героевъ сокровенны
И предали тебѣ отечество и честь,
Не думай, чтобы я, закрывся въ робку лествъ,

Въ изгнбахъ гнусной лжи возмогъ-бы пресмыкаться,
И что я врагъ тебѣ отъ чести отрицаться
Славнѣй за общество съ Вадиномъ умереть,
Какъ ради милостей твоихъ свѣтъ солнца зрѣть!

Рурикъ (въ сторону).

Что слышу! люта гѣсть!

Пренестъ.

Твой тронъ стоитъ надъ бездной!...

Отмщай, коль хочешь ты, мнѣ казнью бесполезной;
Но знай, когда себя желаешь сохранить,
Сражай весь градъ, чтобъ всѣхъ героевъ истребить:
Владѣй надъ мертвыми или сойди со трона.

Рурикъ.

Твоя угрозы мнѣ не могутъ быть препона
Къ счастью вашего народа обладать.
На то-ль я спасъ сей градъ, чтобъ его предать
Вельможамъ, гордецамъ, мятежнымъ и крамольнымъ,
Тѣмъ только властію моею недовольнымъ,
Что ихъ я обуздаль народу зло творить
И въ мнимой вольности свое тиранство врыть?
Вы скипетръ мнѣ дали здѣсь къ скончанію напасти
И скипетръ сей отнять не въ вашей болѣ власти.
На добродѣтели престолъ мой утвержденъ;
Зрю ясно я, что онъ богами покровенъ:
Они твой духъ въ сей часъ повергнувъ въ заблужденъ,
Скрыто отъ меня явили преступленъ;
И самъ ты измѣнилъ сообщникамъ твоимъ;
Да вострепещуть всѣ и даже самъ Вадимъ!

ЯВЛЕНИЕ V.

Пренестъ (однѣ).

Что сдѣлалъ я? Его вопросами сматенный,
Даль видѣть на него Вадиновъ мечъ внесенный
И на составленный героевъ заговоръ
Я просвѣтилъ его покрытый нравомъ взоръ.
Горя любовію къ Рамидѣ онъ прелестной,
Онъ только зналъ, что я... Но кто-же тотъ безчестной,
Который могъ открыть?... Вигоръ совѣстникъ мой,

Онъ мукой ревности тѣснимъ лѣдъ пролилъ свой,
И вѣдая ко мнѣ Вадима предпочтенье,
Путемъ коварствъ однихъ стремился въ отомщенье.
Се онъ....

ЯВЛЕНИЕ VI.

ПРЕНЕСТЬ, ВИГОРЪ.

Пренестъ.

Скажи, кто могъ тирану то внушить,
Что возмогу его Рамиды я лишить?
Не ты-ль, ея отца познавъ ко мнѣ пристрастье,
Повергъ его, меня и общество въ несчастье,
И ревностью твоей...

Вигоръ.

Не я.

Пренестъ.

Въ сердцахъ у насъ
Священна тайна та отъ прочихъ скрыта глазъ.
Могу-ли обратить сомнѣнье на инова,
И чѣмъ увѣришь ты?

Вигоръ.

Не я. Довольно слова
Ко оправданію всей чести моея.
Россіянинъ—таковъ какъ ты, таковъ какъ я—
Коль слово изрѣчетъ, должны и боги вѣрить!
Единые рабы удобны лицемѣрить.
Въ сомнѣніи твоємъ прощаю я тебя;
Ты, мысля, что я подлъ, унизилъ самъ себя.
Хотя въ тебѣ врага счастлива ненавижу;
Но подлостью себя во гнѣвѣ не обижу.
Дабы совмѣстника счастлива истребить,
Тягъ много я себя не возмогу забыть,
Чтобъ уклони мой духъ ко гнуску наущенью,
Черезъ тирана злость достигнуть къ отомщенью,
И пресмыкаяся толь мерзко, какъ змѣя,
Не скрою ненависть мою цвѣтами я.
Тобой лишаяся Рамиды, смертно стражду;
Я врагъ тебѣ, и кровь твою пролить я жажду;

Но насъ отечество его сласти зоветъ —
 И вотъ, Пренестъ, теперъ единый мой предметъ!
 Одиный тиранъ мое отмщенье привлекаетъ,
 Мою напасть — напасть народа помрачаетъ.
 Но послѣ, какъ здѣсь тронъ — свободы нашей страхъ —
 Низверженъ, сокрушенъ, преобразится въ прахъ,
 Когда отрадныя лучъ вольности проглянетъ,
 Тогда Вигоръ тебѣ твоимъ врагомъ предстанетъ
 И жить кому изъ насъ — оружіе рѣшить! (Уходитъ).

Пренестъ.

Стремленье грозно толь меня не устрашить.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНИЕ I.

РУРИКЪ, ИЗВЕДЪ.

Изведъ.

Злодѣйски умыслы ужъ всѣ теперъ открыты
 И видны вокругъ тебя всѣ пропасти изрыты.
 Хоть гордый сей Пренестъ изъ градскихъ стѣнъ исчезъ
 И таинство съ собой злодѣйствія унесъ;
 Но мной уловлены здѣсь воины Вадима.
 Толпа злодѣевъ сихъ, подъ стражею хранима,
 Призналася во всемъ, открыла лютыя ножъ,
 Который ненависть готовила вельможъ
 На грудь спасителя сего мятежна града.
 Исполненныхъ къ тебѣ свирѣпѣйшаго ада
 Я знаю имена...

Рурикъ.

Я знать ихъ не хочу!
 Не зря измѣнниковъ, измѣну отвращу.
 Что нужды вѣдать мнѣ, кто гнусенъ предо мною.
 Боторою ихъ спасъ — спасусь я той рукою;
 Какъ началъ, шествуя всегда путемъ прямымъ,
 Народу покажу — кто я, и кто Вадимъ!

Знать всѣхъ предателей, то робости признаки.
 Да скроютъ подлость ихъ забвенья вѣчны мраки;
 Презрѣнны мной, во мглѣ преступна своего,
 Неудостоенны и гнѣва моего,
 Незримы въ гордости, котору воспріали,
 Да упадутъ во прахъ, отколь главу подъяли!
 Колю боги поразятъ Вадима сей рукой,
 Исчезнуть всѣ, сяхъ странъ смущающа покои!...
 Поди и уготовь моихъ Варяговъ къ брани;
 Пойдемъ, подѣ сѣнію боговъ безсмертной длани,
 Не тронь мой—истину святую защищать...
 О вы, могущіе всечасно проникать
 Сквозь завѣсу притворствъ сердце въ изгибы темны,
 О вы, которыми и пропасти подземны
 Толь ясно видимы какъ свѣтлы небеса;
 На духъ мой обратя вы ваши очеса,
 Узрите, боги, какъ я сердце разрываю,
 Что кровь гражданъ пролить по долгу приступаю. (Къ Изведу)
 Свободу войнамъ Вадима возврати;
 Моей щедротою за злобу заплати;
 Чтобы представъ предъ нимъ, явили то герою,
 Что дружбы я его, не злости гнусной стою;
 Но не страшась его, стремлюся отразить
 Ударъ, которымъ мнѣ дерзаетъ онъ грозить.

Изведъ.

Щедрота ко врагамъ ихъ гордость воздымаетъ;
 Великодушіе намъ бѣдственно бываетъ
 И стоять-ли Вадимъ почтенья твоего?

Рурикъ.

Когда не стоитъ онъ, достоинъ я того.
 Новградцамъ, въ гордости своей жестокосердымъ,
 Симъ вредной вольности защитникамъ толь твердымъ,
 Могу я показать примѣромъ чувствъ моихъ,
 Что добродѣтель есть стократъ превыше ихъ.
 Поди и кротости моей исполни волю.
 Я правъ—и небесамъ мою вручаю долю!

ЯВЛЕНІЕ П.

Рурикъ (одинъ).

Надъ пропастями здѣсь мой тронъ постановлень;
 За благи мои я злобой окружень,
 И сердце горестью мое всечасно сжато.
 Се участи владыкъ, свой долгъ хранящихъ свято:
 Всечасно мучася, отрады не видать.
 Не стоятъ смертные, чтобъ ими обладать;
 Благотворителямъ содѣтели мученья —
 Не стоятъ никогда они благотворенья!...
 Стыдися мысли сей, возвышенный на тронъ!
 Когда властители въ сіяніи коронъ
 Величія боговъ подобіе неложно,
 Сравнятся должно имъ и духомъ непреложно.
 Хоть слабы смертные погружены въ порокъ,
 Хоть сами тяготя въ безуміи свой рокъ,
 Неблагодарностью громъ неба привлекають,
 Но боги солнечнымъ лучемъ на нихъ блистають;
 Въ дарахъ природы всей вселенной ставя пиръ,
 На злобу не смотря, лютъ щедроты въ миръ.

ЯВЛЕНІЕ Ш.

РУРИКЪ, РАМИДА.

Рамида.

Встревожень городъ весь — я паче всѣхъ смущенна!
 Хладѣетъ кровь во мнѣ, вся къ сердцу обращенна.
 Тѣснится грудь моя и мерзнетъ солнца свѣтъ.
 Воставшу бурю зрю, приставища мнѣ нѣтъ...
 Ужъ къ сердцу твоему не смѣю обратиться;
 Рамида бѣдная ужъ тѣмъ не можетъ льститься;
 Уже трепещуща предъ взоромъ я твоимъ,
 Я какъ преступница предъ судіей моимъ...
 Но боги зрять...

Рурикъ.

Почто такое деревновенье?

Страшишь безсмертныхъ звать на клятвопреступленье!
 Или ты искренность стремяся мнѣ явить,
 Въ прерванну сѣть меня вновь хочешь уловить?

Не мысли, чтобы я, подобно какъ и прежде,
 Униженъ, ослѣпленъ, въ постыдной мнѣ надеждѣ,
 Притворства всѣ твои во сердце воспрималъ,
 Которыми твой духъ таже люто мной игралъ;
 И продолжая млѣть предъ взорами твоими,
 Злодѣю моему былъ жертвовать я ими.
 Открылось все теперь — и тѣ прошли часы,
 Въ которые твои невѣрныя красы
 Плѣненный духъ тобой всечасно наполняли,
 И мнѣ въ тебѣ одной все счастье являли.
 Не льстися болѣ тѣмъ и въ гордости твоей
 Не ожидай, чтобы горчайшихъ слезъ ручей
 У ногъ твоихъ ля, страны сея властитель
 Былъ милостей любви презрѣннѣйшій проситель;
 Или чтобъ ревностью я въ ярость приведенъ,
 То сердце-бъ отнималъ, которымъ я презрѣнъ...
 Укоры, жалобы и нѣжны изступленья,
 Восторги, ревности, сердечны изъясненья,
 Тѣ стоны горести, порывы гнѣва тѣ,
 Которы лестны такъ надменной красотѣ,
 Суть сердца моего чувствительнаго ниже.
 Вѣрь, чтобы ни терпѣлъ, но я стоюратно ближе
 Умреть, какъ слабостямъ моимъ свободу дать —
 Презрѣвшую меня симъ средствомъ привлекать.
 Чего-бъ ни стоило, но сердце ужъ рѣшилось
 Невѣрную забыть — и все теперь свершилось;
 Свершилось все; уже твоей избавленъ лести,
 Превыше мукъ любви, превыше низкой мести,
 Себя умѣю я только почитать,
 Чтобъ сердце одолѣвъ, его иной отдать.
 Иная моя любви познаетъ цѣну;
 Иная за твою заплатитъ мнѣ измѣну;
 Иная прелести твои красы затмятъ
 И тщетной жаръ къ тебѣ изъ сердца истребятъ.
 Будь счастлива ты тѣмъ, кѣмъ пламенно пылаешь,
 Иною счастливъ я... Ты слезы проливаешь,
 Рамида!

Рамида.

Ты, судьба, лишивъ меня всего,
 Къ усугубленію свирѣпства твоего
 Мою невинность тьмой порока помрачила

И утѣшенія послѣдняго лишила:
 Когда для Рурика воспрещено мнѣ жить,
 Во гробѣ Рурикомъ оплаканною бытъ!

Рурикъ.

Ты плачешь и умереть, Рамида, ты желаешь;
 А сердце ты свое такъ люто отторгаешь
 Отъ сердца моего, живущаго тобой.
 Коль слезы искренность лить передо мной —
 Оставь, Рамида, я не долженъ сомнѣваться,
 Не можешь лестию ты гнусной унижаться —
 Оставь мнѣ, если тѣмъ тебя я оскорблялъ,
 Что хладность горькую мой духъ тебѣ являлъ.
 Оставь! я самъ себя въ досадѣ ослѣпляя,
 Быть чаялъ исцѣлень, смерть въ сердцѣ заключая.
 Не вѣрь, не вѣрь словамъ отчаянной любви
 И токи изъ очей лиющися прерви.
 Кто? Я? Чтобъ я престалъ тебя любить, Рамида?
 Лишиться твоего возлюбленнаго вида
 Иль свѣта солнечна не зрѣть мнѣ, то равно;
 Мнѣ сердце для тебя единой лишь дано.
 Мой пламень никогда, ничѣмъ не истребится.
 Коль любяшь ты меня, пусть твой отецъ стремится
 Взнесенный на мена низринуть свой ударъ;
 Но дщери я его храня во сердцѣ жаръ,
 Несправедливости его опровергая,
 Умру или побѣжду, Рамиду обожая.

Рамида.

О клятвы страшныя, которыхъ я раба!
 О долгъ, о лютый долгъ! о грозная судьба!
 Лишенная всякой я надежды и отрады,
 Неодолимыя межъ нами суть преграды!

Рурикъ.

Преграды?....

Рамида.

Если мой отецъ падетъ тобой
 (Великихъ чувство душъ ты вѣдаешь, герой!),
 Дочь сверженна врага могу-ли быть твоею?
 И если слабостью оплаканный моею,

Изгнанный ты изъ сихъ печалью полныхъ стѣнъ
 Пробудешь отъ меня на вѣки удаленъ,
 Могу-ли быть твоей? Назначенна цѣною
 Иному...

Рурикъ.

Ежели несправедной судьбою
 Опредѣленно мнѣ на полѣ брани пасть,
 Паду — но мертвъ, и вся моя свершится часть.
 Когда-жъ побѣду мнѣ дадутъ безсмертны боги,
 Иль чувства отца, несправедливо строги,
 Во сердце воспріявъ и духъ преобразя,
 За всю любовь мою мнѣ томну грудь разя,
 Возможешь слѣпо ты ему повиноваться?

Раида.

О томъ ты можешь-ли хоть мало сомнѣваться?
 Привыкнувъ власть отца священной почитать,
 Мой долгъ, исполнивъ все, въ молчаніи страдать
 И пренося мое безъ ропота мученье,
 Въ несчастіи ему содѣлать утѣшенье.
 Разстаться мнѣ съ тобой, пусть жизни стоитъ то,
 Но—даръ отца — предъ нимъ мнѣ жизнь моя ничто!
 Глубоко заключа мою и въ сердцѣ муку
 Иному я отдамъ тренещущую руку
 И вершю отцемъ желанный, лютый бракъ.

Рурикъ.

И се любви твоей ко мнѣ неложный знакъ!
 Не чувствовала ты любви ко мнѣ ни мало.
 Притворства твоего то было покрывало,
 Чѣмъ нѣжду страсть мою мрачила ты въ сей часть,
 Тѣ стоны, слезы тѣ твоихъ коварныхъ глазъ,
 Завѣса лишь одна твоей къ иному страсти,
 Къ Пренесту гордому, моей злодѣю власти.

Раида.

Могла-бъ я низкія сомнѣнія презрѣвъ
 И сей — котораго превыше я — твой гнѣвъ,
 Въ молчаньи удалясь, безъ ропота, спокойно,
 Пренебреженіемъ отвѣтствовать достойно;

Но время дорого: познай, что средство есть,
 Коль любишь ты меня, прервать Вадима мечь
 И дружбы узломъ съ нитью нагѣкъ соединиться.
 Мы счастливы, когда ты можешь согласиться.

Рурикъ.

Боль должно, я всю кровь мою пролить готовъ.

Раида.

Герой, спаситель нашъ — не выше-ль ты вѣщцовъ,
 Чѣмъ украшаются цари обыкновенны
 И кон истиннымъ героямъ суть презрѣнны?...
 Гражданка, приучась я равенство любить,
 Обманываюсь симъ чувствомъ, можетъ быть,
 Что властолюбіе величію безчестно
 И что съ мучительствомъ однимъ оно совмѣстно.
 Не вѣрю, чтобъ твой духъ быть могъ властолюбивъ,
 Остави ту мечту, чѣмъ, гордость оскорбивъ,
 Ты злобу на себя отъсюду привлекаешь
 И чѣмъ себя на вѣкъ съ Рамидой разлучаешь.
 Зря цѣну всю себѣ во сердцѣ лишь твоемъ,
 Не въ бранныхъ пышностяхъ, довольствуйся ты тѣмъ,
 Что ты достоинъ быть на небесахъ съ богами;
 Всѣмъ равный гражданинъ попри вѣнецъ ногами
 И бурей окруженъ разруши сей престолъ,
 Жилище горестей и бездну страшныхъ золь.

Рурикъ.

То поздно!... Знаешь ты, какъ тронъ уваженъ мною?
 Ты помнишь, какъ сей градъ, прельщенный тишиною
 По грозныхъ буряхъ, я которы укротилъ,
 За счастье свое престоломъ мнѣ платилъ;
 Отвергъ я власть тогда и могъ отвергнуть съ славой.
 Велико пренебречь величіе съ державой!
 Но послѣ, какъ народъ съ стнаньемъ, съ токомъ слезъ,
 Моленія свои къ ногамъ моимъ принесъ,
 Страхась опять нести мной сверженную тягость,
 Принудилъ въ долгъ мою преобратиться благость.
 Какъ счастья общаго залогомъ мой вѣнецъ
 И стала власть моя отрадою сердецъ,
 Сколь гнусно, зря мечи противъ меня мятежны,

Низвергнуть все опять въ напасти неизбѣжны.
 Боль прежде честь снискалъ, отрекшись власти я,
 Унизился-бъ теперь, я право отдаю,
 Въ сердцахъ твоихъ гражданъ начертанно любовью;
 Я долженъ защитить его моею кровью!
 Владѣя, какъ отецъ, я долженъ жизнь презрѣть;
 Достойнѣй я иныхъ на тронѣ умереть.
 Не привлекай меня ты къ низостямъ толикимъ!
 Чтобы мнѣ другомъ быть съ отцомъ твоимъ великимъ
 Не подлость — средство! нѣтъ! — Рамида, ты сама,
 Когда-бъ исчезла тѣмъ напастей нашихъ тьма,
 Предъ свѣтомъ-бы меня увидя постыженна,
 Любя достойнаго, презрѣла-бъ униженна.
 На лаврахъ взросшая, героя славна дщерь,
 Межъ чести и любви будь судія теперь!

Рамида.

Я чувствую твой долгъ, какъ горько ни стою!
 Я плача, не тебя, но рокъ мой обвиняю!
 Могу-ль порочить то, что честь твою храню,
 Ты славѣ жертвуешь несчастную меня.
 Виновна въ томъ моей судьбины непреложность!
 Почувствуй-же и ты мою священну должность,
 И, чести слѣдуя, не воспрещай мнѣ въ томъ!
 Любя меня, отцу ты долженъ быть врагомъ,
 И я тебя любя, какъ въ горести ни млѣю,
 Чтя честь равно тебѣ, не буду я твоею.
 Жаръ нѣжный во вражду стараясь премѣнить,
 Хотя не возмогу я сердца покорить,
 Но должности моей могу повиноваться,
 Тебя лишась, всякъ часъ съ душою разставаться.

Рурикъ.

О грозная судьба!

Рамида.

О часть, смертельна часть!

Рурикъ.

Въ сей день предвидѣль-ли толь лютую напасть,
 Отъ сердца твоего я счастья ожидая?...

Рамида.

На сердцѣ я твою надежду утверждая,
Заслугой къ обществу твоей себя маня,
Могла-ль я предузнать, что лютой рокъ меня
Близъ края счастья низвергнетъ смерти въ бездны!

Рурикъ.

Погибло все для насъ!

Рамида.

О стоны бесполезны!

ЯВЛЕНІЕ IV.

РУРИКЪ, РАМИДА, ИЗВЕДЪ.

Изведъ.

Спѣши, о государь! ужъ съ воинствомъ Вадимъ,
Быть чая въ гордости своей непобѣдимъ,
Поля у здѣшникъ стѣнъ въ сей часъ обременяетъ.

Рурикъ.

Иду, куда меня долгъ лютой призываетъ! (Къ Рамидѣ)
Иду, лишась тебя, тебя достойнымъ быть;
То помня — что монархъ, любовника забыть
И, обществу моею пожертвовавъ отрадой,
Мученье вѣчное или смерть принять наградой!
Коль чести на пути суждѣнъ я мертвъ упасть,
Вспомнивъ-бы мою къ тебѣ толь нѣжную страсть,
Въ награду мнѣ за то, узрѣвъ меня во гробѣ,
Содѣлавши конецъ отца жестокой злобѣ,
Слезами ты мой гробъ драгими удостой
И стономъ тѣнь мою печальну успокой.

Рамида.

Свершивъ къ отцу мои я должности жестоки,
Не слезы по тебѣ пролью, но крови токп!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Раида (одна).

Ужъ люта брань кипить и кровь течеть рѣкой!
 И Рурикъ и Вадимъ убійственной рукою
 Другъ въ другъ жизнь мою въ сей часъ отнять стремятся.
 На то-ль герои вы, чтобъ только истребляться?...
 О какъ несчастна я! любовникъ и отецъ!
 Дражайши имена для счастливыхъ сердець,
 А мнѣ, а мнѣ и вы источники страданій!...
 Въ пучинѣ горестей, смятеній, колебаній,
 Мой духъ трепещущій, обонхъ васъ любя,
 Въ сей часъ желалъ-бы самъ избѣгнуть отъ себя...
 Я въ горести отъ всѣхъ оставлена, забыта,
 И ты, Селена, ты отъ глазъ моихъ сокрыта,
 Не придешь смертну грусть со мною раздѣлить,
 И дружествомъ тоску смертельную утолить!...
 Увы! въ сей страшный часъ сама себѣ я въ тягость...
 Могу-ли умолить, безсмертны, вашу благодать,
 Могу-ли къ жалости васъ, боги, преклонить,
 Чтобъ жизнь мою прервавъ, то время упредить,
 Когда поражена я брани окончаньемъ,
 Или прогниваю отца моимъ стenanьемъ
 Иль въ лаврахъ Рурика со ужасомъ узрю!
 Когда противнымъ вамъ я пламенемъ горю,
 Разите, боги, грудь несчастіемъ порочну,
 Исторгните съ душой сію любовь безпрочно...
 Но звукъ пронзаеть слухъ!... Свершилось все!... О страхъ!...
 Колеблется земля и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ!...

ЯВЛЕНІЕ II.

ВАДИМЪ (обезоруженный, съ толпою пѣвниковъ, въ провожаніи стражи
 изъ Руриковыхъ вонновъ), **РАМИДА**.

Раида.

Тебя-ли вижу я, возлюбленный родитель?

Вадимъ.

Увидь мой лавръ, увц, и Рурикъ побѣдитель!
 О стыдъ! нивверженъ я въ оковы наконецъ...
 Невольникъ Руриковъ — Рамидѣ не отецъ!
 Поди, не умножай моей тоски ужасной!...
 О солнце! помрачи твой лучь инымъ прекраснѣй,
 А ненавистный мнѣ и злѣйшій вѣчной тьмѣ!
 Свершилось все теперь, рабами стали мы!...
 Рабами?... Нѣтъ! Вадимъ превыше сей напасти!
 Вселенну, боги, вы врата по вашей власти,
 Возможете весь міръ тиранамъ предавать
 И счастье и себя слѣпому подвергать,
 Злодѣямъ счастливымъ пусть все поработенно,
 Но сердце изъ того Вадима исключенно.
 Не можете души моей поколебать
 И, громомъ воужась, властителя мнѣ дать...
 Чего я жду?... О дочь, несчастна и любезна!
 Когда отечеству жизнь наша бесполезна,
 Ставь правднми его свидѣтелями оковы,
 Намъ ползать-ли въ толпѣ тирановыхъ рабовъ?...
 Ты плачешь, горестью моею поражена?
 Не плачь! утѣха есть несчастнымъ откровенна!
 Она для робкихъ душъ ужасна и горька,
 Великодушію пріятна и сладка:
 Не быть, престать сей свѣтъ—тирановъ жертву—видѣть;
 Смерть благо, ежели жизнь должно ненавидѣть!
 Умремъ, уклонимся отъ подлости и злобъ,
 Въ одно несчастнымъ убѣжище — во гробъ!
 Умремъ!... Но что? О рокъ!... Я жизни ненавижу,
 А средства и умереть несчастный я не вижу.
 Съ мечемъ послѣдней сей надежды я лишень! (Къ Рамидѣ)
 О ты, въ которой духъ мой долженъ быть внүшенъ,
 О дочь отечества, упавшаго со мною!
 Когда потченъ равно въ несчастіи я тобою,
 Коль въ ухахъ я тебѣ, какъ въ лаврахъ былъ, отецъ —
 Содѣлай бѣдствіямъ ты нашимъ всѣмъ конецъ,
 Желанной смерти мнѣ орудіе достави;
 И отъ позора жить себя со мной избави!
 Лети на крыліяхъ и ускори принесть,
 Чѣмъ должно въ сей же часъ избавить нашу честь

Отъ зрѣнья лютаго врага побѣдоносна!...
 Трепещешь!... Жизньъ твоя тебѣ безъ чести сносна?
 Я чувствую, что дочь отъемлетъ у меня!
 Злодѣйствуешь отцу, еще твой жаръ храня!...
 Се робости твоей прегнусная причина!
 Се лютой участи Вадимовой вершина!...
 О вы! за общество навѣкъ закрывши взоръ,
 Сколь счастливѣй меня вы днесъ, Пренесъ, Вигоръ!
 Неувядаемымъ покрыты лавромъ оба,
 Вы славы на поляхъ сошли во мрави гроба!
 Еще отечество дышало въ оный часъ;
 Надежда сладкая сопровождала васъ;
 А я — игралнице меня гоняща рова,
 И жертва низкая Рамидина порока,
 Я долженъ горести несмѣтныя вкусить!..

Рамида.

Не можетъ болѣе несчастна дочь сносить
 Сихъ молній изъ твоихъ мнѣ столько грозныхъ взоровъ,
 Сихъ смертныхъ для меня неправедныхъ ужоровъ!
 Коль должно свергнуть мнѣ сей жизни тяготы,
 Спокойся, государь, доволенъ будешь ты!
 Мнѣ жизньъ моя ничто, когда ея лишенье,
 Тебѣ, родитель мой, быть можетъ утѣшенье.
 Клянусь у ногъ твоихъ, клянусь въ сей лютой часъ,
 Что я тебя уже въ послѣдній вижу разъ
 И что въ послѣднее, мои являя муки,
 Слезами горькими твои кроплю я руки.
 Блаженна, коль мою проливъ несчастну кровь,
 На гробъ мой возвращу родительску любовь
 И стоны привлеку жалѣнія сердечна!
 Но ты не ожидай, чтобъ, дочь безчеловѣчна,
 Съ отчаяньемъ твоимъ согласна я была
 И къ смерти-бы отцу я средство подала;
 Чтобъ ставъ участницей отцеубійству люту,
 Кляла сама себя въ послѣдню я минуту.
 Прости, родитель мой, въ послѣдній разъ прости! (Хочеть идти).

Вадимъ.

Не оставляй меня ты гнусну жизньъ нести!
 Минута каждая, мигъ каждый мнѣ позоры!

Куда ни обращу мои смятены взоры,
 Къ мученью моему все мой являетъ стыдъ.
 Мнѣ кажется все здѣсь, пріавъ унылый видъ,
 Свободы требуетъ, утраченны мною!
 Вадохъ каждый мой моей быть кажется виною!
 Сей воздухъ—тѣмъ дышу, земля—гдѣ я стою
 И стѣны вопіють, кланя днесъ жизнь мою:
 Ужъ нѣтъ отечества, а ты на свѣтъ зрираешь;
 Не могъ его спасти, а ты не умираешь!...
 О мысль смертельная, грызуща сердце мнѣ,
 Подобна яростной въ часъ бурныхъ грозъ волнѣ,
 Опровергающа мой духъ, толь прежде твердый:
 Се скоро придетъ къ намъ сей Рурикъ милосердый,
 И въ благость лютую преобратя свой громъ,
 Мнѣ сердце разорветъ прощенія стыдомъ!
 О крайность страшная! о бездна посрамленья!
 Не дай дожить мнѣ толь несноснаго видѣнья...
 Все поздно!... Се мой врагъ!... Развернися земля
 И въ пропастьяхъ закрой несчастнаго меня!

ЯВЛЕНІЕ III.

РУРИКЪ (за нимъ вельможи, воины, народъ), **ВАДИМЪ**, **РАМИДА**,
ИЗВЕДЪ.

Рурикъ (Вадиму).

Хоть былъ я принужденъ съ тобой, Вадимъ, сражаться,
 Побѣдой не могу моею наслаждаться,
 Когда она въ тебѣ питаетъ ту вражду,
 Которой отъ твоихъ я чувствъ себѣ не жду.

Вадимъ.

Что право подаетъ тебѣ надеждой льститься,
 Когда ты побѣдилъ, со мною примириться?
 Не сей-ли на главѣ блистающій вѣнецъ,
 Сіе гнушеніе свободныхъ вѣхъ сердець?
 Хоть иго днесъ твое побѣдой оправдано,
 Презрѣнно право мной, одною силою данно.
 Побѣда можетъ-ли вѣнца закрасить зло?
 Желалъ-бы я, когда-бъ событься то могло,
 Чтобъ счастьемъ въ числѣ безсмертныхъ помѣщенный,
 Хотѣлъ мнѣ другомъ быть ты громомъ вооруженный;

Я-бъ съ радостью тебя возмогъ на небѣ зрѣть,
Чтобъ съ силою твоею тебя и тамъ презрѣть!

Рурикъ.

Сей тщетной гордости безплодное паренье
Достойно, можетъ быть, привлечь къ себѣ презрѣнье,
Но что въ несчастіи Рамидипа отца,
Въ сей день отечеству кровавыхъ бѣдъ творца.

Вадимъ (къ народу).

Для возвращенія вамъ потерянной свободы,
Почто не могъ пролить всю кровь мою, народы!

Рурикъ.

Вельможи, воины, граждане, весь народъ!
Свободы вашей какой былъ прежде плодъ?
Смятеніе, грабежь, убійство и насилье,
Лишеніе всѣхъ благъ и въ бѣдствахъ изобиліе!
И каждый здѣсь, когда лишь только силенъ онъ,
Одно закономъ чтить, чтобы свергать законъ;
Мечемъ и пламенемъ раздора вооруженный,
Ко власти текъ въ крови гражданей погруженный.
Священны узлы всѣ вашъ рушилъ смутный градъ.
Сыны противъ отцовъ, отцы противъ чадъ,
Тиранамъ чтобъ служить, простерши люты длани,
Отцеубійствію искали гнусной дани.
Граждане видѣли другъ въ другѣ лишь враговъ,
Забыли честность всѣ, забыли и боговъ.
Прибытовъ здѣсь одинъ былъ всѣхъ сердецъ владѣтель;
Сребро — единый богъ, а алчность — добродѣтель...

Вадимъ.

На мѣсто вольности небесной красоты,
Ты, своеволия являя намъ черты.....

Рурикъ.

Дай кончить мнѣ все то, что я сказать желаю.
Межъ нами судіей народъ я поставляю.
Хотя побѣда днесъ подвергла мнѣ тебя.....

Вадимъ.

Подвергла?... Можешь-ли, разсудовъ погубя,

Воображать себѣ, о ты, рабовъ властитель!
 Что ты Вадимова и духа побѣдитель?

Рурикъ.

Я правы счастья умѣя позабыть,
 Принужу истиной тебя мнѣ другомъ быть.

Вадимъ.

Мнѣ другомъ? Ты? Въ вѣнцѣ? Престани тѣмъ плѣняться!
 Скорѣе небеса со адомъ соединятся!...

Рурикъ.

Желалъ-ли я вѣнца, ты вѣдаешь то самъ.
 Я несъ не для себя спасенье симъ странамъ:
 Народомъ призванный, закрывъ его я бездну,
 Доволенъ тѣмъ, что часть окончилъ вашу слезну,
 Благотвореніе хотѣлъ-ли я продать
 И цѣну дѣлъ моихъ мздой трона унижать?
 Искаль-ли власти я, отъ коей отрицался?
 И можетъ-ли то быть, чтобъ скиптромъ я прельщался?
 Иль славы придалъ мнѣ тронъ пышностью своей?
 Кто спасъ народъ отъ бѣдъ—превыше тотъ царей,
 Въ утѣхахъ дремлющихъ подъ сѣнію короны!
 Но согражданъ твоихъ тогда плачевны стоны
 Мой духъ принудили—ихъ счастья не лишить.
 Начавъ благотворить, былъ долженъ довершить.
 Отверженную мной я принялъ здѣсь корону,
 Чтобъ вашему для васъ покорствоватъ закону.
 Я чѣмъ врачу мой тронъ? Гдѣ первый судія?
 Вы вольны, счастливы; стонаю только я!
 Который гражданинъ, хранящій добродѣтель,
 Возможенъ уворить, что былъ я зла содѣтель?
 Единой правды чтя священнѣйшій уставъ,
 Я отнял-ли хотя черту отъ вашихъ правъ?
 И если иногда отъ строгости закона
 Изъ устъ несчастливыхъ я слышалъ жалость стона,
 Чего я правдою стонающихъ лишалъ,
 За то — щедротою моею утѣщалъ.
 Скажите: истину-ль, граждане, я вѣщаю?
 Въ свидѣтели и васъ я, боги, призываю!
 Вы знаете, что я, имѣя вашу власть,

Страшился слабостей подъ бременемъ упасть;
 И прихоть гордости я долгомъ удручая,
 Несъ иго скипетра, себя не примѣчая.
 Я помнилъ завсегда, что есть на небесахъ
 Судьи гремящіе земныхъ владыкъ въ сердцахъ,
 Которые царя колебля на престолѣ,
 Всечасно вопіють его всевластной волѣ:
 „Намъ каждая слеза текущая видна,
 „Котора пышностью твоей допущена;
 „Мы слышимъ каждый стонъ, невнемлемый тобою,
 „Изъ слабаго влекомъ насильственной рукою;
 „Мы каплю каждую пролитой крови зримъ—
 „Вострепещи со всѣмъ сіяніемъ твоимъ!
 „Не оправдай себя, великъ обремененъемъ,
 „Необходимостью—тирановъ извиненъемъ“.
 Вѣщай, народъ, моею державою хранимъ,
 Гнѣвилъ-ли я боговъ правленіемъ моимъ? (Къ Вадиmu)
 Но ты не помышляй, что власти вышней жадеиъ,
 На то являю я мой скипетръ толь отрадеиъ,
 Чтобы склонить народъ, мной счастливъ въ сей странѣ,
 Изъ милости вѣнецъ еще оставить мнѣ
 И чтобы гордости, не славы я покоренъ,
 Противу воли всѣхъ одинъ владѣть упоренъ,
 Хотѣлъ я удержать правленія бразды,
 Ища насиліемъ моею заслугѣ мзды.
 Когда-жъ противъ тебя подвигся я ко брани,
 Не властолюбію платилъ, но чести дани:
 Я долженъ былъ мою и славу поддержать,
 И общества ко мнѣ почтенъе оправдать;
 Я долженъ былъ, мою желая власть оставить,
 И тѣню робости себя не обезславить,
 И съ трона нисходя—иль прямо въ гробъ вступить,
 Иль жало клеветѣ побѣдой притушить. (Къ народу, снимая вѣнецъ)
 Теперь я вашъ залогъ обратно вамъ вручаю;
 Какъ принялъ я его, столь чистъ и возвращаю.
 Вы можете вѣнецъ въ ничто преобразить,
 Иль оный на главу Вадиma возложить.

Вадиmъ.

Вадиma на главу! Сколь рабства ужасаюсь,
 Только я его орудіемъ гнушаюсь!

Изводъ (Рурику, указывая народъ, ставшій передъ Рурикомъ на колѣна, для упрошенія его владѣть надъ нимъ).

Увиди, государь, у ногъ твоихъ весь градъ!
Отецъ народа! зри твоихъ моленъе чадъ;
Оставь намъренья, ихъ счастію претящи!

Вадимъ.

О гнусные рабы, своихъ оковъ просящи!
О стыдъ! Весь духъ гражданъ отсель истребленъ!
Вадимъ! Се общество, котораго ты членъ!

Рурикъ.

Коль власть монаршу чтишь достойной наказанья,
Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья;
И что можешь ты противъ сего сказать?

Вадимъ.

Вели отдать мнѣ мечъ и буду отвѣчать!
(Рурикъ подаетъ знакъ, чтобъ Вадиму отдали мечъ).

Раида (въ сторону).

Се мой послѣдній часъ и все теперь свершится!

Вадимъ (къ принесшему мечъ).

Подай!... (Къ Рурику)

Теперь Вадимъ съ тобою примирится.

Се способъ лишь одинъ, чтобъ другомъ быть твоимъ.

Рурикъ.

Будь болѣ и отцемъ содѣлайся моимъ.
Въ великой ты душѣ почувствуй гласъ природы.
Иль тотъ, кого твои толико чтутъ народы,
Кто ихъ отецъ, твоимъ не стоять сыномъ быть?
Чтобъ гнѣвъ несправедный твой вовсе истребить—
Коль мало счастія отечества любезна,
Котораго моей рукой закрыта бездна;
Коль мало и самихъ мнѣ щедрыхъ толь небесъ—
Стенящей дочери возри на токи слезъ,
Которы горестна моей душѣ отравя;
Въ ея ты сердцѣ зри мои священные права,
Чтобъ ею ты себя со мной соединилъ.

Вадимъ.

Все кончилось теперь, коль мечъ ты возвратилъ.
 О небо! болѣ сей не требую награды! (Къ Рурикъ)
 Межъ нами рушатся всѣ страшныя преграды:
 Доволенъ будешь ты, народъ, и дочь, и я!

Рурикъ.

О небо! чѣмъ воздамъ щедротѣ твоея?
 О часть, блаженный часть, нечаянна премѣна! (Къ Вадиму)
 Позволь и дочери и мнѣ объять колѣна
 Героя и отца. (Къ Рамида). Ты слезъ лишъ потокъ,
 Когда престаешь быть намъ родитель твой жестоки!
 О, ты награда мнѣ одна за добродѣтель,
 Въ которой мнѣ любовь гражданъ твоихъ свидѣтель,
 Душа души моея! какой ужасный мракъ
 Дражайшихъ прелестей затмилъ прекрасный зракъ?

Вадимъ (въ сторону).

Я болѣ не могу сносить толь гнусна вида!...
 Внемли ты, Рурикъ, мнѣ, народъ и ты Рамида. (Къ Рурикъ)
 Я вижу, власть твоя угодна небесамъ.
 Иное чувство ты гражданей далъ сердцамъ.
 Все пало предъ тобой; мнѣ любить пресмыкаться;
 Но міромъ таковымъ могу-ли я прельщаться? (Къ народу)
 Ты хочешь рабствовать, подъ скипетромъ погрязнѣ!
 Нѣтъ болѣ у меня отечества, гражданъ! (Къ Рамида)
 Ты предана любви и сердцемъ и душою.
 Итакъ, и дочери я болѣ не имѣю.....

Рамида.

Постой, родитель мой! не довершай сихъ словъ...
 Постой! мой духъ тебя изблечить готовъ,
 Что дочь несчастную напрасно презираешь...
 Я знаю то, что ты въ сей часъ предпринимаешь
 И твой великій духъ предъ мною весь открытъ,
 Что должно дѣлать мнѣ, мнѣ ясно говорить.
 Исполню я твою ужаснѣйшую волю
 И въ нѣжной младости мою разрушу долю,
 Котора для меня сплеталась изъ цвѣтовъ.
 Когда содѣлалась порочною та любовь,

Для коей жизни прельщалась я моею,
Смотри—достойна-ль я быть дочерью твоею? (Заколяется).

Рурикъ.

О изступленіе, погубительное мнѣ!

Вадигъ.

О радость! Все, что я, исчезнетъ въ сей странѣ!
О дочь возлюбленна! Кровь истинно геройска! (Есть Рурику)
Въ срединѣ твоего побѣдоносна войска,
Въ вѣщицѣ, могущій все у ногъ твоихъ ты зрѣть,
Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть? (Заколяется).

Рурикъ.

О рокъ! о грозный рокъ! о праведные боги!
За что хотѣли вы ко мнѣ быть столько строги,
Чтобъ смертію меня Ракиды поразить?
Умѣли въ сердце вы мечъ вѣчный мнѣ вонзить,
Лиша меня всего и счастья и отрады!...
За добродѣтель мнѣ ужъ въ свѣтѣ нѣтъ награды!...
Въ величїи моемъ лишь только тягость мнѣ!
Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ
И, должности моей стонающій блистатель,
Чтобъ быть невольникомъ, быть долженъ я властитель!...
Я буду, и себя съ пути не совращу,
Гдѣ, вамъ подобенъ ставъ, вамъ, боги, отомщу!

КОНЕЦЪ.

ЛІСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Разказы известныхъ лицъ.

Памятныя замѣтки В. Д. Давыдова *).

I.

Покойный свѣтлѣйшій князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ, съ самой молодости своей, въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ моимъ и, въ память его, часто удостоивалъ меня своими разговорами и нѣкоторыми разказами. Припоминаю одинъ изъ нихъ, весьма характеризующій нравы и обычаи время царствованія Елисаветы Петровны.

Дворецъ императрицы, во время стройки Зимняго дворца известнымъ Растрелли, находился на Мойкѣ у Пѣвческаго моста, напротивъ дома графа Строгонова; въ немъ былъ большой балконъ въ видѣ террасы, подѣ которымъ проходила и проѣзжала публика. На этомъ балконѣ, въ весеннее и лѣтнее время, сидѣла императрица, послѣ обѣда, и большею частію обыкновенно въ веселомъ расположеніи духа. Рядомъ съ домомъ графа Строгонова находился домъ фельдмаршала графа Салтыкова, на дворѣ котораго помѣщался почетный караулъ. Отецъ князя Александра Сергѣевича Меншикова былъ адъютантомъ у графа Салтыкова, и вотъ что онъ объ немъ разсказывалъ своему сыну. Графъ Салтыковъ обѣдалъ у графа Строгонова, и, по тогдашнему обыкновению, всѣ пили очень много. За обѣдомъ графъ Салтыковъ сталъ утверждать, что его венгерское вино лучше, и послѣ сильнаго и бурнаго спора, было рѣшено идти

*) Василій Денисовичъ Давыдовъ, старшій сынъ славнаго партизана 1812 года, независимо отъ этихъ разказовъ, передалъ въ распоряженіе «Русской Старины» составленную имъ біографію своего родителя и уступилъ право изданія весьма интересныхъ записокъ партизана Давыдова о Польской кампаніи 1831 г. Какъ эти, такъ равно и другія бумаги, сообщенныя В. Д. мы надѣемся постепенно помѣстить на страницахъ «Русской Старины». Ред.

всѣмъ въ домъ графа Салтыкова испробовать и оцѣнить его венгерское вино. Но когда собесѣдники пожелали встать, то увидали, что только у нѣкоторыхъ ноги могли еще служить. Рѣшено было послать за почетнымъ карауломъ, дабы съ помощью солдатъ дойти до фельдмаршальскаго дома, что и было немедленно исполнено. Императрица въ то время находилась на балконѣ и увидала эту странную процессію. Впереди двое солдатъ вели старика графа Салтыкова, за нимъ графа Строгонова и всѣхъ адъютантовъ и гостей. Она послала спросить: куда ихъ ведутъ? Отвѣтъ былъ: пробовать венгерское вино графа фельдмаршала, который хвастается, что его вино—лучше Строгоновскаго. Тогда императрица Елисавета снова послала сказать имъ, что ея венгерское еще лучше салтыковскаго и что она проситъ всѣхъ пожаловать пить его къ ней. Такъ и случилось, и она такъ угостила своихъ гостей, что тѣ уснули на балконѣ, въ виду всей проѣзжающей публики.

II.

Всю зиму, съ 1868 года по 1869 годъ, жилъ я въ Дрезденѣ, гдѣ въ то время проводилъ постоянно зимы, въ послѣдніе годы своей жизни, бывшій генералъ-адъютантъ Дмитрій Гавриловичъ Бибииковъ. Онъ жилъ въ „Саксонской гостинницѣ“ и очень радушно принималъ немногихъ русскихъ, находившихся въ Дрезденѣ. Я почти каждый день навѣщалъ его и съ наслажденіемъ заслушивался умныхъ рѣчей его и вѣрныхъ сужденій объ лицахъ и обстоятельствахъ, занимавшихъ тогда вниманіе всѣхъ. Однажды я спросилъ его: не знаетъ ли онъ причины немилости Екатерины II-й къ Александру Ильичу Бибиикову, послѣ того, что онъ былъ выбранъ маршаломъ собранныхъ со всей Россіи депутатовъ для составленія новаго уложенія? Вотъ что отвѣчалъ мнѣ на это Дмитрій Гавриловичъ:

Въ залѣ засѣданій находились большія ширмы, за которыми стояло кресло императрицы и откуда она обыкновенно слушала пренія депутатовъ; тѣ изъ нихъ, которые своими мыслями обращали ея вниманіе, приглашались ею за-просто, и она часто и долго бесѣдовала съ ними. Въ предпослѣднее засѣданіе депутатовъ, когда Александръ Ильичъ объявилъ имъ, что труды ихъ кончаются, что ихъ надняхъ, вѣроятно, приметъ императрица и распуститъ по домамъ, одинъ изъ депутатовъ (сколько ему помнилось, изъ Ярославской губерніи, онъ зналъ его фамилію, да забылъ) спросилъ Бибиикова: какъ, думаетъ онъ, будетъ впредь поступать императрица? будетъ ли она вновь собирать депутатовъ, всякій разъ что пожелаетъ издать новый законъ или впредь будетъ издавать ихъ сама безъ призыва ихъ? На это Бибииковъ отвѣчалъ: „что онъ не можетъ знать волю и намѣреніе всеми-

лостивѣйшей монархини, но предполагаетъ, что, по примѣру этого собранія, если императрица будетъ довольна ихъ трудами и найдетъ въ нихъ пользу, она и впоследствии, по премудрости своей, вѣроятно уже не приступитъ къ какой-либо важной мѣрѣ, касательно интересовъ всѣхъ, не собравши снова депутатовъ“. Не успѣлъ онъ кончить свой отвѣтъ, какъ услышалъ за ширмами съ шумомъ отодвинутое кресло и шуршаніе удаляющагося платья императрицы. Съ тѣхъ поръ она стала хлѣбна къ Бибикову, и онъ снова былъ вызванъ на политическое поприще только въ виду развитія и опасности Пугачевского бунта.

III.

„Съ дядею, Александромъ Ильичемъ, былъ странный случай,—разсказывалъ мнѣ Дмитрій Гавриловичъ:—когда дядя прибылъ въ Москву проѣздомъ въ Казань, то остановился въ нашемъ домѣ у брата своего Гаврилы Ильича, а моего отца, на Пречистенкѣ, нынѣ домъ Аладьина, бывшій барона Розена и Давыдова. Мать моя приняла его какъ подобало, въ то время, встрѣчать старшаго брата мужа ея, то-есть со всѣмъ возможнымъ почетомъ, и на другое утро, узнавши что онъ проснулся, пошла сама узнать объ его здоровьѣ и спокойно ли онъ провелъ ночь. Вошедши въ комнату, она нашла его весьма блѣднымъ и разстроеннымъ и на вопросъ ея, не боленъ ли онъ? Александръ Ильичъ отвѣчалъ ей, что онъ, слава Богу, здоровъ, но его очень смущаетъ видѣнный имъ сонъ, по которому онъ чувствуетъ, что не придется ему оправдать довѣріе императрицы и кончить порученіе ему данное. „Видѣлъ я нынѣ ночью, сказалъ онъ, что я будто дьякономъ служу при архіерейской службѣ, и будто у меня длинныя, предлинныя волосы; обѣдня шла своимъ чередомъ, но какъ только заплѣли вѣрую, то увидѣлъ я, что всѣ волосы мои упали къ моимъ ногамъ и что на моихъ плечахъ мертвая голова. Отъ страха я проснулся, сотворилъ молитву, и когда уснулъ снова, то опять увидалъ себя съ мертвою головою. Это ясное предзнаменованіе, что я скоро умру; я не жалѣю о жизни, но горюю о томъ, что не исполню воли всемилостивѣйшей нашей монархини“. Несмотря на убѣжденія матушки, на развлеченія, которыя ему предлагали въ Москвѣ, Александръ Ильичъ во все время пребыванія своего въ столицѣ былъ задумчивъ и грустенъ, и дѣйствительно, какъ мы знаемъ, умеръ въ деревнѣ, около города Бугульмы, а не въ самой Бугульмѣ, какъ то думаютъ. Онъ, какъ извѣстно, не успѣлъ докончить пораженіе Пугачева.

IV.

Въ одинъ изъ проводимыхъ мною вечеровъ у Дмитрія Гавриловича я его спросилъ: слышалъ ли онъ про анекдотъ съ однимъ изъ депута-

товъ, который при видѣ Екатерины II-й, отъ страха, упалъ въ обморокъ и ослабѣлъ, какъ малое дитя? Я этотъ анекдотъ слышалъ еще отъ отца моего. Дмитрій Гавриловичъ подтвердилъ мнѣ его, прибавивши слѣдующее: то былъ депутатъ Костромской губерніи, добрый и хорошій старичекъ, котораго императрица, по указанію Бибикова, часто приглашала къ себѣ вечеромъ и съ которымъ бесѣдовала глазъ на глазъ. Въ одинъ изъ предпоследнихъ вечеровъ она сказала ему, что она скоро приметъ депутатовъ въ полномъ торжествѣ, сидя на тронѣ.

„Радъ, государыня, сказалъ старикъ, что Богъ приведетъ меня увидать такое торжество“.

— „Лысцы мои увѣряютъ меня, прибавила императрица, что буд-то въ это время у меня лицо преобразается и взглядъ мой бываетъ такъ суровъ, что невольно внушаетъ страхъ; я вижу, вы человекъ правдивый и простой, вы, откровеннѣе всякаго другого, скажете мнѣ, правда ли это?“

На это депутатъ отвѣчалъ: „Матушка, не знаю какъ для другихъ, а ты на меня страха не наводишь; ты такъ милостива ко мнѣ, къ старику, такъ привѣтлива, что пусть другіе боятся тебя, а я только могу молить за тебя Бога и вѣкъ благодарить за твои милости“.

— „Ну прощайте, сказала императрица, помните же, послѣ моего приема скажите мнѣ откровенно, показалась ли я вамъ страшна на тронѣ.“

Въ день поднесенія депутатами императрицѣ титула великой, старый депутатъ шелъ на раду со всѣми другими опустивши глаза, по своему обыкновенію; онъ поднялъ ихъ тогда только, какъ очутился передъ трономъ и, взглянувши на императрицу, такъ испугался, что впалъ въ совершенно дѣтскую слабость.... Старика вынесли безъ чувствъ *).

V.

Покойный оберъ-егермейстеръ Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ всегда былъ ко мнѣ очень милостивъ, и въ мою молодость я каждую осень охотился у него въ продолженіи болѣе 4 лѣтъ; онъ рассказывалъ всѣмъ намъ очень часто эпизоды изъ царствованія Павла Петровича;—въ несчастію, я тогда не записывалъ его рассказы, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще помню.

Однажды императоръ Павелъ упалъ, вальсируя съ княжной Лопухиной и немедленно отдалъ приказъ, чтобъ вальсъ былъ исключенъ изъ танцевъ, и никто не смѣлъ бы впредъ вальсировать. Такъ про-

*) Настоящій рассказъ, равно и другіе, мы приводимъ только какъ легенды. Весьма вѣроятно, что память измѣнила рассказчикамъ въ передачѣ нѣкоторыхъ подробностей, почему и могли вкрасться неточности, за которыя мы не беремъ на себя ответственности.

шелъ годъ. Васильчиковъ былъ въ то время камергеръ или камеръ-юнкеръ, несмотря на свою молодость, и весьма ловкимъ и смѣлымъ молодымъ человѣкомъ безъ страха и упрека. Онъ, не боясь навлечь на себя гнѣвъ государя, ухаживалъ за княжной Лопухиной. Какъ-то разъ на балѣ она ему призналась, что очень желала бы провалсировать. Желая понравиться прелестной княжнѣ, Васильчиковъ рѣшился на поступокъ, который могъ бы обойтись ему весьма дорого. Онъ смѣло подошелъ къ оркестру и объявилъ ему, именемъ государя, что велѣно играть вальсъ, и какъ только раздались первые звуки, онъ съ княжною Лопухиной полетѣлъ по залѣ къ изумленію всѣхъ. Государь вошелъ въ это время въ залу, посмотрѣлъ, нашелъ, что эта пара отлично вальсируетъ, похвалилъ ихъ, и съ тѣхъ поръ помину не было о запрещеніи танца.

Дмитрій Васильевичъ Васильчиковъ часто мнѣ рассказывалъ, что несмотря на строгость и страшные капризы Павла, никогда такъ весело не бывало, какъ при его дворѣ. Всѣ пользовались минутою, всѣ жили настоящимъ, а потому веселились до упаду и повѣсничали на славу.

VI.

Покойный мой дядя, Иванъ Петровичъ Поливановъ, былъ адъютантомъ или квартирмейстеромъ у генерала Талызина, командира Преображенскаго полка. Во время моихъ приѣздовъ въ отпуски въ Москву, я всегда останавливался у него въ домѣ на Молчановкѣ, и несмотря на молодость и вѣтреность моихъ лѣтъ, часто заслушивался его рассказовъ о старыхъ временахъ. Отъ него слыхалъ я много анекдотовъ о царствованіи Павла, но увы! во многомъ уже измѣнила мнѣ моя память и я передамъ только тѣ, которые помню явственно.

Сумрачное и грозное состояніе духа императора Павла находило всего болѣе на него, когда дулъ южный вѣтеръ, и наслѣдникъ престола, Александръ Павловичъ, бывши тогда генералъ-губернаторомъ Петербурга, хаживалъ бывало въ 4 часа утра, чтобы посмотрѣть на флюгеръ, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ. Въ одинъ изъ такихъ ненастныхъ дней, государь передалъ наслѣднику, что онъ намѣренъ сдѣлать въ Петербургѣ войскамъ внезапную тревогу, причемъ настрого приказалъ ему о томъ никому не говорить. Александръ Павловичъ, по добротѣ своей души и боясь, чтобъ эта неожиданная тревога не причинила много несчастій, объявилъ каждому полковому командиру, подъ строжайшей тайной, о намѣреніи государя, прося ихъ быть бдительными; тѣ, въ свою очередь, говорили тоже вступающимъ въ караулъ офицерамъ, и такимъ образомъ всѣ были въ страхѣ и ожиданіи. Въ такомъ же вол-

неніи находились молодой офицеръ, стоявшій въ караулѣ на одной изъ улицъ, сколько мнѣ помнится, на Галерной; желая кромѣ того выслужиться, онъ не сходилъ съ платформы, все прислушиваясь не забьютъ ли гдѣ тревогу. На тотъ грѣхъ въ это время ѣхала пустая бочка по улицѣ. Лошадь, или испугавшись чего-либо, или отъ другихъ причинъ, поскакала по мостовой; пошелъ отъ бочки громъ, весьма похожій на барабанный бой; офицеръ, бывшій на сторожѣ, какъ только услышалъ этотъ шумъ, немедленно велѣлъ ударить тревогу; ближайшіе караулы подхватили—и пошла потѣха.

Доложили государю, что въ городѣ бьютъ тревогу; онъ немедленно велѣлъ подать себѣ верховую лошадь, по имени „Чортъ“, и съ пылающимъ лицомъ выскакалъ изъ дворца. Отъ всѣхъ полковъ неслись туда офицеры съ командами для принятія знаменъ, и каждому встрѣчнаго государь спрашивалъ: „куда бѣжите?“ и на отвѣтъ: „во дворецъ, за знаменемъ“, немедленно раздавались приказанія государя: „въ крѣпость! въ солдаты! въ Сибирь!“ Наслѣдникъ первый разобралъ въ чемъ дѣло и чувствуя, что это его вина, рвалъ на себѣ волосы съ отчаянія; но видя, что гнѣвъ государя, понимающаго дѣло иначе, все растеть, рѣшился ему признаться во всемъ. Долго еще не успокоивался государь и только распросивши всѣхъ полковыхъ командировъ, помпловалъ разжалованныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые стояли уже на часахъ солдатами.

VII.

Въ царствованіе Павла, какого-то гусарскаго полка ротмистръ пришелъ съ своимъ эскадрономъ на дневку. Пока эскадронъ размѣщался по квартирамъ, ротмистръ остановился у помѣщика, и послѣ сытнаго обѣда засѣлъ въ карты. Въ это время ему докладываютъ, что явился къ нему вахмистръ. Онъ хотѣлъ къ нему выдти, но хозяинъ, дабы не перерывать партіи, сказалъ ему: „зовите его сюда“.

Вошелъ вахмистръ: „Ну что?“—Ваше благородіе, все благополучно, люди разставлены по квартирамъ; сѣно нашелъ, но жидъ меньше столько-то копѣекъ не беретъ, какъ прикажете?—„А у другихъ жидовъ развѣ нѣтъ?“—Никакъ нѣтъ-съ, одинъ только съ сѣномъ, ваше благородіе.—„Ну, дѣлать нечего, не оставаться-же безъ сѣна, возьми, да жидъ повѣсь“, сказалъ шута ротмистръ продолжая играть.

Проходитъ нѣсколько времени; снова приходитъ вахмистръ. „Что?“—Сѣно принялъ, ваше благородіе, столько-то пудовъ.—„Ну, хорошо“.—Жидъ, какъ изволили приказать, я повѣсилъ.—„Какъ повѣсилъ?“—Точно такъ-съ, какъ сами изволили приказать.—„Ахъ чортъ тебя возьми, да я

пошутить“. — Не можемъ знать, ваше благородіе, а онъ уже съ часъ какъ висить.

Дѣлать было нечего. Рапортуетъ объ этомъ происшествіи несчастный ротмистръ, ожидаетъ грозы. Она явилась въ слѣдующей сентенціи Павла: „Ротмистръ такой-то за глупыя и незаконныя приказанія разжаловывается въ рядовые“, а дальше: „рядовому такого-то полка возвращается чинъ ротмистра, съ производствомъ въ майоры, за введеніе такой отличной субординаціи во вѣрноподчиненной ему командѣ, что и глупыя его приказанія исполняются немедленно“.

VIII.

Дядя мой двоюродный, Петръ Львовичъ Д*, во время царствованія Павла служилъ въ кавалергардахъ, и славился своимъ отиѣннымъ щегольствомъ и ловкостію; онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, un élégant officier. Княжна Лопухина стала съ нимъ кокетничать и, вѣроятно, такъ явно, что вызвала неудовольствіе императора Павла. Однажды, на балѣ во дворцѣ, Д* стоялъ за стуломъ княжны и разговаривалъ съ нею. Въ то время всѣ офицеры носили палки при всякой формѣ. Во время разговора онъ почувствовалъ, что кто-то легко ударилъ его палкою по ногѣ; думая, что кто-нибудь изъ его товарищей шутитъ съ нимъ, онъ на это не обратилъ вниманіе, но ударъ повторился сильнѣе и Д*, обернувшись, увидѣлъ императора, стоящаго передъ нимъ съ выраженіемъ на лицѣ сильнаго гнѣва.

„Какъ вы смѣете, сударь, стоять спиною къ великимъ княжнамъ?“ сказалъ ему Павелъ.

Д* оглянулся и явственно увидаль, что великія княжны впереди его, а не позади. Онъ понялъ настоящую причину гнѣва и улыбнулся невольню. Негодованіе императора выражалось въ весьма сильныхъ эпитетахъ, но при видѣ улыбки, онъ приказалъ немедленно разжаловать Д* въ солдаты и, наконецъ, повелѣлъ: „въ Сибирь“.

Д* свели на дворцовую гауптвахту, надѣли уже солдатскую шинель, какъ вдругъ пришло помилованіе, самымъ неожиданнымъ образомъ: Княжна Лопухина, которая тоже поняла настоящую причину гнѣва императора, бросилась ему въ ноги, умоляя о пощадѣ Д* и представляя ему, что какъ ей ни дорога благосклонность императора, но что, по милости ея, она будетъ ненавидима всѣми, ибо она стала невольною причиною несчастій людей. Мольбы княжны тронули Павла и онъ приказалъ вернуть Давыдова; но съ тѣмъ, чтобы онъ весь вечеръ улыбался..... Къ концу однако вечера, невинность ли дяди моего, или послушаніе его, такъ полюбились Павлу, что онъ его поздравилъ камергеромъ, несмотря на молодость его лѣтъ.

Это званіе сдѣлало то, что Петръ Львовичъ очень еще молодымъ человѣкомъ былъ уже тайнымъ совѣтникомъ и имѣлъ придворную должность гофмейстера. При открытіи кампаніи 1805 г. онъ сталъ проситься въ армію, но государь Александръ Павловичъ велѣлъ ему сказать, что онъ его приметъ, только капитаномъ. Д* отвѣчалъ, что—хоть солдатомъ, и его приняли за это майоромъ. Онъ былъ отменно храбръ и вернулся изъ Парижа уже генераль-майоромъ съ Георгіемъ 4-го класса, и потомъ снова переименованъ въ тайные совѣтники.

IX.

Въ послѣдній годъ царствованія Павла однажды былъ приглашенъ къ обѣду графъ Орловъ-Чесменскій и кто-то еще. Императоръ обѣдывалъ въ часъ пополудни. Къ этому времени императрица и великія князья съ приглашенными дожидались прибытія государя, а онъ, обыкновенно весьма аккуратный въ домашней жизни, на этотъ разъ опоздалъ. Проходитъ $\frac{1}{4}$ часа, наконецъ $\frac{1}{2}$ часа, государя нѣтъ; всѣ присутствовавшіе въ недоумѣніи и смущеніи. Вдругъ донесли, что государь приѣхалъ; онъ вошелъ со шляпою на головѣ съ самымъ сердитымъ лицомъ, и подойдя къ императрицѣ, сказалъ ей, стуча объ полъ палкою: „я, сударыня, нигдѣ не потерплю измѣнниковъ, нигдѣ, ни даже въ моей семьѣ, слышите-ли вы“, — продолжалъ онъ, бросая грозные взгляды на великихъ князей. Императрица, весьма смущенная, съ низкимъ поклономъ отвѣчала ему „что она не знаетъ за собой вины и потому просить государя сказать ей, въ чемъ она провинилась?“ — „Это вы всѣ скоро узнаете“, отвѣчалъ онъ, и быстро вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью. Всѣ остались въ страхѣ и оцѣпенѣніи. Наконецъ, боясь снова прогнѣвить государя позднимъ обѣдомъ, не въ урочное время, императрица обратилась къ графу Орлову, прося его сходить къ императору и доложить ему, что обѣдъ готовъ. На это графъ отвѣчалъ. „Нѣтъ, сударыня, я хотя сжегъ турецкій флотъ и кажись неробкаго десятка, но, воля ваша, не пойду, хоть казните“. Одинъ графъ Кутайсовъ вызвался идти и спросить Павла. Онъ постучался въ запертыя двери и на вопросъ: кто тамъ? отвѣчалъ кто онъ и зачѣмъ посланъ. „Сейчасъ буду, ждать!“ былъ отвѣтъ. Прошла еще томительная четверть часа, и наконецъ, государь вышелъ съ улыбающимся лицомъ, потирая себѣ руки, подошелъ къ императрицѣ и сказалъ ей „что очень видно напугалъ я васъ, сударыня, всѣхъ моей шуточкой. Пойдемте обѣдать“.

Этотъ разсказъ я слышалъ отъ моего отца.

X.

Изъ того же источника я слышала слѣдующее:

Павелъ I выѣзжалъ обыкновенно прогуливаться въ 12 часовъ по-полудни, или одинъ или съ кѣмъ-либо изъ своихъ приближенныхъ. Большею частью ему сопутствовали Оболяниновъ, гр. Кутайсовъ и весьма рѣдко гр. Ростопчинъ, и когда государь бывалъ не въ духѣ, то горе бывало многимъ. Однажды лѣтомъ государь, находившійся въ Петербургѣ, выѣхалъ кататься въ свое урочное время. Проезжая мимо одного дома, гдѣ окошки были открыты, онъ услышалъ сильный и нѣсколько разъ повторяющійся звонъ колокольчика, съ криками: „Парашка, Парашка!!“ Онъ остановился и послалъ узнать, кто это звонить и отчего такъ сильно кричать? Посланный нашелъ старушку, очень удивленную его приходомъ: „Вы, сударыня, звонили сейчасъ?“ — „Я, батюшка“. — „Государь здѣсь и велѣлъ васъ спросить, отчего вы такъ крѣпко звонили, и такъ сильно кричите?“ — „Батюшка мой, виновата, звала мою дѣвку, Парашку, до сихъ поръ обѣдать не подаетъ, я въ это время обѣдаю, а ужъ первый часъ“. Посланный, узнавши имя старушки, вернулся съ отвѣтомъ. „Сказать ей, чтобы она въ это время никогда не обѣдывала“, сказалъ Павелъ. Посланный передалъ ей приказъ. — „Скажите государю, что если его величеству угодно, я никогда больше обѣдать не буду“. Павелъ поѣхалъ далѣе.

XI.

Императоръ Александръ I, по наущенію враговъ Ермолова, долго вѣрилъ, что онъ отложится отъ Россіи вмѣстѣ со всѣмъ Кавказомъ. Долго онъ скрывалъ эту мысль, но разъ рѣшился вывѣдать тайну у генерала Миллера-Закомельскаго, зная, что онъ находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ Алексѣемъ Петровичемъ. Баронъ Миллеръ-Закомельскій всѣми средствами и всѣми доводами старался разуверить государя, и, къ счастью, достигъ этого. По возвращеніи государя изъ Лайбаха онъ, однажды передъ обѣдомъ, какъ будто не замѣчая Ермолова, обратился къ барону Миллеру-Закомельскому и сказалъ ему полушутя, указывая на Ермолова: „онъ, кажется, не хочетъ болѣе отложиться“.

XII.

Въ 1821^{г.}, когда государь Александръ I былъ въ Лайбахѣ, кн. Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ командовалъ гвардіей. Къ нему явился офицеръ, имя котораго онъ, передавая этотъ рассказъ, не хотѣлъ назвать, и просилъ у ген. разговора наединѣ. Когда Васильчиковъ ввелъ его въ свой кабинетъ, то этотъ офицеръ не только объявилъ ему о

заговорѣ, но представилъ ему списокъ заговорщиковъ. На замѣчаніе генерала, что это дѣло не относится до него, а до министра полиціи генерала Балашева, офицеръ отвѣчалъ, что онъ обращается къ генералу Васильчикову не такъ, какъ къ командиру гвардейскаго корпуса, но какъ къ генераль-адъютанту и что, въ случаѣ его отказа принять отъ него этотъ списокъ, онъ прямо обратится къ государю съ заявленіемъ, что онъ уже объ томъ обращался къ его генераль-адъютанту безъ успѣха. Тогда Васильчиковъ спросилъ его, чѣмъ онъ подтвердитъ справедливость своихъ показаній? и офицеръ указалъ ему на городъ Тверь, въ которомъ въ таковой-то день будетъ совѣщаніе заговорщиковъ. Тверскою дивизіею командовалъ въ то время братъ Иларіона Васильевича, генераль-маіоръ Николай Васильевичъ Васильчиковъ. Секретно были наведены справки и оказалось, что все справедливо. По возвращеніи государя изъ Лайбаха, Васильчиковъ доложилъ ему обстоятельства этого важнаго дѣла и представилъ государю полученный имъ списокъ заговорщиковъ. Государь взялъ его, не раскрывая положилъ передъ собою, закрывши лицо руками и долго сидѣлъ въ молчаніи; наконецъ сказалъ Васильчикову эти замѣчательныя слова:

«Personne mieux que Vous, mon cher Wassilchikoff, ne connait le commencement de mon règne, où par mes actions et mes actes j'ai donné prise a les effervescences des mécontents. C'est donc ma faute et ce n'est donc pas à moi a sevir. Reprenez cette liste, je ne veux pas la voir».

(„Никто лучше васъ, любезный Васильчиковъ, не знаетъ, какое было начало моего царствованія, гдѣ я моими дѣйствіями и моими узаконеніями далъ поводъ этому волненію недовольныхъ. Это моя вина, и не мнѣ ихъ за это наказывать. Возьмите назадъ этотъ списокъ, я не хочу его видѣть“).

ХІІІ.

Разскажу эпизодъ, относящійся до брата Марьи Антоновны Нарышкиной—князя Бориса Четвертинскаго.

Во время политическихъ смуть въ Польшѣ въ 1791 году, отецъ князя Четвертинскаго, князь Антонъ, былъ повѣщенъ чернью въ Варшавѣ за преданность его Россіи. Императрица Екатерина немедленно выписала дѣтей его въ Петербургъ, призрѣла и облагодѣтельствовала сиротъ. Обѣ дочери были сдѣланы фрейлинами, а молодой князь Борисъ былъ сначала помѣщенъ въ Кадетскій корпусъ, но вскорѣ произведенъ въ офицеры, несмотря на почти ребяческіе его годы. Вся семья пользовалась особеннымъ благоволеніемъ императрицы. Милости не прекращались и при воцареніи императоровъ Павла и Александра. Эти, почти родственныя, отношенія царствен-

ныхъ особъ были причиною тому, что въ царствованіе императора Александра, князь Борисъ долго не могъ подозрѣвать возрастающее влеченіе государя къ его сестрѣ Марьѣ Антоновнѣ Нарышкиной. Онъ служилъ тогда полковникомъ въ Л. Г. гусарскомъ полку въ Царскомъ Селѣ. Однажды онъ встрѣтилъ императора у сестры и тотъ передалъ ему о расположеніи своемъ къ Марьѣ Антоновнѣ.

Князь Четвертинскій, бывшій всю свою жизнь рыцаремъ безъ страха и упрека, удалился отъ сестры, сталъ жить почти безвыѣздно въ своемъ эскадронѣ, и когда наступили Наполеоновскія войны, принялъ блистательное участіе въ кампаніяхъ 1805, 1806, 1807 годовъ, уже въ Александровскомъ гусарскомъ полку. Въ 1808-мъ г. онъ вышелъ въ отставку, несмотря на желаніе государя сохранить его на службѣ и на убѣжденія цесаревича Константина. Эти натянутыя отношенія не лишили его однако уваженія императора Александра; никому не бывало отказа, если государь узнавалъ, что того желаетъ кн. Четвертинскій. Самъ же онъ во всю свою жизнь ничего никогда не просилъ.

Двѣ дочери князя Антона Четвертинскаго были: Марья Антоновна Нарышкина и Жанета Антоновна Вышковская, жена польскаго шляхтича. Обѣ умерли въ 1853 году, первая на озерѣ Старенбергѣ, въ 2-хъ часахъ отъ Мюнхена, вторая въ самомъ городѣ, гдѣ обѣ и похоронены.

Князь Борисъ Антоновичъ умеръ въ Москвѣ 23 января 1865 года, въ чинѣ оберъ-шталмейстера, въ казенномъ домѣ у Колымажнаго двора, нынѣ пожалованный его женѣ.

3-го марта 1871 г. Москва.

В. Д. Давыдовъ.

Повелѣніе императора Николая I о подвигѣ Вержбицкаго, 1838 года.

Волынской губерніи, Островскаго уѣзда, деревни Хотна, дѣти одного двorca Вержбицкаго: 6-ти-лѣтній сынъ Николай и полугодовая сестра его Анна, по случаю смерти матери и внезапной отлучки отца ихъ, неизвѣстно куда бѣжавшаго въ 1837 году, остались въ крайней бѣдности и безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Мальчикъ поддерживалъ существованіе свое милостынею и, заботясь о сестрѣ, кормилъ ее молокомъ ощенившейся суки, клалъ ее между щенятъ для предохраненія отъ холода, и тѣмъ спасъ жизнь ребенка.

По удостовѣреніи въ дѣйствительности этого событія, главное мѣстное начальство, чрезъ посредство министра внутреннихъ дѣлъ, ходатайствовало объ испрошеніи у государя отъ монаршихъ щедротъ вознагражденія 6-ти-лѣтнему мальчику Николаю Вержбицкому, который,

несмотря на круглое сиротство и безпомощное состояніе, спасъ столь необыкновеннымъ образомъ жизнь своей сестры. Министръ внутреннихъ дѣлъ, признавая необходимымъ дать средства къ обезпеченію участи сихъ дѣтей, поручилъ — мальчика отправить, на счетъ суммъ Волинскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ городъ Калугу, для помѣщенія въ тамошнемъ сиротскомъ домѣ, а сестру его отдать на попеченіе того же приказа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о поступлѣнн однодворческаго мальчика Вержбицкаго доводилъ до свѣдѣнія государя императора, чрезъ комитетъ гг. министровъ. Комитетъ, выпискою изъ журналовъ 12 іюля и 16 августа 1838 года, сообщилъ, что по статьѣ о подвигѣ мальчика Вержбицкаго, послѣдовало собственоручное его императорскаго величества повелѣніе:

„Вержбицкаго за примѣрный поступокъ—въ александровскій кадетскій корпусъ, а сестрѣ его—пенсіонъ до замужества въ 400 руб., и когда будетъ въ состояніи нолѣтамъ, перевести въ Москву, въ александровскій сиротскій институтъ“ *).

Сообщ. К. Н. Тихомировъ.

Письма графа Беннендорфа къ Н. В. Кунольнику.

I.

Милостивый государь Несторъ Васильевичъ! Историческій разсказъ <Сержантъ или всѣ за одно>, обратилъ на себя вниманіе публики желаніемъ вашимъ выказать дурную сторону русскаго дворянина и хорошую — его двороваго человѣка. Государь императоръ удивляется, какъ можетъ человѣкъ, столь просвѣщенный и обладающій такимъ хорошимъ перомъ какъ вы, милостивый государь, убивать время на занятія васъ недостойныя и на составленіе статей до такой степени ничтожныхъ.

Хотя разсказъ вашъ вы почерпнули изъ дѣяній Петра Великаго, но предметъ вами описанный, въ анекдотѣ, составляя прекрасную черту великаго государя, въ вашемъ сочиненіи совершенно искаженъ неумѣстными выраженіями и получилъ совершенно дурное направленіе. Желаніе ваше непрерывно выказывать добродѣтель податнаго состоянія и пороки высшаго класса людей, не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій, а потому не благоугодно-ли вамъ будетъ на будущее время воздержаться отъ печатанія статей, противныхъ духу времени и правительства, дабы тѣмъ избѣжать взысканія, которому вы, при меньшей какъ нынѣ снисходительности, подвергнуться можете.

*) О подвигѣ Вержбицкаго было тогда же объявлено въ кievскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1838 г. № 38.

Съ совершеннымъ почтениемъ и преданностью имѣю честь быть, вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою графъ Бенкендорфъ.

С.-Петербургъ, 6 января 1842 г.

II.

Милостивый государь Несторъ Васильевичъ! Получивъ письмо ваше, отъ 27 сего января, спѣшу успокоить васъ, милостивый государь, что изъ памяти государя императора совершенно изгладилось то впечатлѣнiе, которое произведено было повѣстiю вашею: «Сержантъ Ивановъ», и въ мысляхъ его величества не осталось противъ васъ ни малѣйшаго гнѣва; если же вамъ и сообщено было о замѣченныхъ недостаткахъ въ вашей повѣсти, то единственно потому, что его величество, памятуя всѣ другiя произведенiя ваши по части литературы быть нѣсколько остановленъ тѣмъ, что въ новой повѣсти вашей встрѣчаются мѣста, не вполне достойныя пера вашего, и его императорское величество соизволилъ замѣтить это именно потому, что считаетъ васъ въ числѣ отличныхъ писателей, всегда ожидалъ отъ васъ произведенiй, равныхъ вашему таланту, и что вы трудами своими можете приносить пользу и честь нашей литературѣ.

Вмѣстѣ съ симъ мнѣ весьма прiятно удостовѣрить васъ въ моемъ истинномъ къ вамъ почтенiи и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою графъ Бенкендорфъ.

30 января 1842 г.

Сообщ. И. А. Пузыревскiй.

О столѣтнемъ юбилеѣ дня рожденiя графа Михаила Андреевича Милорадовича.

1-е октября 1770 г.—какъ значитса въ надписи на надгробной плитѣ гр. Милорадовича—есть день его рожденiя.

1-го октября 1870 г.—истекаетъ ровно сто лѣтъ съ этого дня.

Рыцарская личность графа Михаила Андреевича Милорадовича, его доблести на ратномъ полѣ стяжали ему при жизни чувства безпредѣльной любви и уваженiя отъ его сподвижниковъ, отъ всего русскаго воинства... Имя его сдѣлалось славно по всей Россiи...

Напоминаемъ тѣмъ изъ современныхъ представителей военнаго сословiя, которые дорожатъ преданiями славной нашей армiи, о необходимости достойнымъ образомъ ознаменовать приближающiйся день столѣтняго юбилея рожденiя одного изъ славнѣйшихъ на Руси героевъ отечественной войны.

Ред.

О подпискѣ на памятникъ А. С. Пушкину.

Поступили пожертвованiя: отъ Е. М. Протопоповой—15 руб.; А. Θ. Базунова—10 руб.; А. Н. Петрова—10 руб.; И. А. Пузыревскаго—3 руб.; Г. Д. К.—1 руб.; А. И. Семева—5 руб.; всего—съ прежде поступившими—76 руб.

Ред.

ОГЛАВЛЕНІЕ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1871 ГОДА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЯНВАРЬ. ФЕВРАЛЬ. МАРТЬ. АПРѢЛЬ. МАЙ. ІЮНЬ.

	стр-
I. Арестъ и ссылка регента россійской имперіи, герцога курляндскаго Бирона. 1740 г. Статьи, по неизданнымъ документамъ, С. Н. Шубинскаго. . .	537
II. О поврежденіи нравовъ въ Россіи, записки сенатора вн. Михаила Михайловича Щербатова (окончаніе) 1762—1789 гг.	673
III. Истинное повѣствованіе или жизнь Гавріила Ивановича Добрынина, имъ самимъ писанная. Часть первая: 1752—1777 гг. Сообщ. А. П. Стороженко и Л. Н. Антроповъ. 119, 247, 395, 562 и 651	
IV. Моя боевая жизнь. Записки войска донскаго генераль-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, писанныя собственною его рукою. 1809 — 1861 гг.	1
V. Воспоминанія Θεофила Матвѣевича Толстаго, по поводу записокъ М. И. Глинеи. 1827—1857 гг.	421
VI. Указы, письма, донесенія, рассказы, замѣтки:	
I. Указъ царя Алексѣя Михайловича 1661 г. о нѣмцахъ. Сообщ. Ам-Бекъ-Гасабовъ . .	393
II. О портретѣ Петра Великаго, писанномъ Ряго, въ Парижѣ, въ 1717 г. Сообщ. вн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій	114
III. Статсъ-дамы и фрейлны русскаго двора въ XVIII и XIX столѣтіяхъ. Біографиче-	

*

	скіе списки П. Θ. Карабанова. Сообщ. кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій	39, 272 и 457
IV.	Царствованіе Елисаветы Петровны:	
	1. Указъ о подаркѣ камеръ-юнкеру Возжинскому. 1743 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ.	641
	2. Указъ о награжденіи лейбъ-медика Лестока за пусканіе ея величеству крови. 1744 г. Сообщ. П. Н. Петровъ	530
	3. Указъ о высылкѣ котовъ во дворъ. 1745 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ	642
	4. Указъ о надѣваніи желѣзныхъ ящиковъ съ цѣпами на разговаривающихъ въ церкви. 1749 г. Сообщ. Н. Я. Максимовъ	530
	5. Разсказъ кн. А. С. Меншикова о гостепримствѣ императрицы Елисаветы Петровны. Изъ замѣтокъ В. Д. Давыдова.	780
V.	Царствованіе Петра III-го: Подлинная переписка императора Петра III съ королемъ Прусскимъ Фридрихомъ II-мъ. 1762 г.	283
VI.	Царствованіе Екатерины II-й:	
	1. Разсказы Дмитрія Гавриловича Библикова. Сообщ. В. Д. Давыдовъ.	783
	2. Подлинная переписка императрицы Екатерины II-й съ графомъ О. М. Стагельбергомъ по дѣламъ польскимъ, шведскимъ и французскимъ. 1773 — 1793 гг. Сообщ. графъ О. О. Стагельбергъ и графъ Э. К. Чапскій.	310, 474, 605 и 689
VII.	Царствованіе Павла Петровича:	
	1. Распоряженіе императора Павла объ улучшеніи русскаго слога. 1796 г. Сообщ. А. Г. Пупаревъ.	531
	2. Высочайшее повелѣніе объ изыятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнъ ихъ другими. 1798 г. Сообщ. В. С. Глинка.	531
	3. Указы и распоряженія, состоявшіеся въ царствованіе императора Павла. 1796 — 1800 гг. Сообщ. А. Г. Пупаревъ.	628
	4. Разсказы Д. В. Васильчикова, И. П. Подиванова и Дениса Давыдова объ императорѣ Павлѣ. Сообщ. В. Д. Давыдовъ.	785
VIII.	Царствованіе Александра Павловича:	
	1. Число 12-ть въ жизни императора Александра Павловича. Сообщ. М. И. Богдановичъ.	532

	стр.
2. Разказы Дениса Давыдова, кн. И. В. Васильичева и друг. объ императорѣ Александрѣ I-мъ. Сообщ. В. Д. Давыдовъ.	790
IX. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ:	
1. Мнѣніе в. к. Александра Павловича о гр. Аракчеевѣ въ 1799 г. Изъ записокъ Т.	241
2. Убіеніе любовницы гр. Аракчеева, Настасьи Шумской (Минкиной). Изъ записокъ Сулавадзева. Сообщ. А. Н. Неустроевъ.	242
3. Истребленіе памяти о Настасьѣ—самимъ гр. Аракчеевымъ. Изъ записокъ Т. . . .	244
X. Князь Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій:	
Письма М. И. Голенищева-Кутузова къ женѣ. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ.	49 и 201
XI. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ:	
О столѣтнемъ юбилеѣ дня его рожденія 1-го октября 1870 года	794
XII. Василиій Назаровичъ Каразинъ:	
1. Очеркъ жизни В. Н. Каразина. 1773†1842 г.	326
2. Замѣтка Ф. В. Каразина о взглядѣ его отца на проектированное имъ государственное устройство Россіи	328
3. Письмо В. Н. Каразина къ кн. Адаму Чарторыскому объ освобожденіи Сербовъ и замѣтка В. Н. по тому же предмету. 1804 г.	700 и 718
4. Записка В. Н. Каразина о метеорологіи. 1810 г.	719
5. Письмо В. Н. Каразина къ слободско-украинскому губернатору И. И. Бахтину, объ устройствѣ быта поселянъ. 1810 г. . . .	335
6. Записка, поданная императору Александру I-му, чрезъ гр. Каподистрія, о разрѣшеніи составить общество помѣщиковъ для изысканія способовъ къ освобожденію крестьянъ изъ рабства. 1820 г.	366
7. Объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи. Разсужденіе читанное В. Н. Каразинимъ въ собраніи с.-петербургскаго общества любителей словесности. 1820 г.	330
8. Записка представленная императору Александру Павловичу, чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубея въ 1820 г. (окончаніе). Бумаги п. п. 2-й по 8-й, сообщ. Ф. В. Каразинъ.	16

XIII. Царствованіе Николая Павловича:

1. Черта въ характеристикѣ императора Николая Павловича: эпизодъ изъ Турецкой кампаніи 1828 г. Сообщ. князь А. А. Суворовъ-Рымникскій 61
2. Повелѣніе императора Николая Павловича по поводу подвига шестилѣтняго мальчика Вержбицкаго. 1838 г. Сообщ. К. Н. Тихомировъ 792
3. Письма гр. А. Ж. Венгендорфа къ Н. В. Кукольнику о впечатлѣніи, произведенномъ на императора Николая Павловича чтеніемъ повѣсти: «Сержантъ или всѣ заодно». 1842 г. Сообщ. И. А. Пузыревскій 793
4. Циркуляръ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа Мусина-Пушкина о преподаваніи русской исторіи. 1850 г. 393

VII. Матеріалы для исторіи русской литературы:

I. Русскіе писатели XVIII-го вѣка:

1. Сергій Герасимовичъ Домашневъ. Статья М. Н. Лонгинова 205
2. Вадимъ Новгородскій, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ Я. В. Еняжинина. 1793 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ. 723
3. Радищевъ: о рукописной биографіи его, составленной съ помѣью Радищева. Записка ред. по поводу объясненія кн. П. А. Вяземскаго 394

II. Русскіе писатели XIX-го вѣка:

I. Иванъ Андреевичъ Крыловъ:

1. Подщипа, шуто-трагедія его въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ 1800 г. Сообщ. В. Ф. Кеневичъ 161
2. Поправки Н. И. Гожубева, С. И. Турбина и А. П. Нордштейна въ изданіи «Подщипа» . . . . . 394, 536 и 646

II. Николай Михайловичъ Карамзинъ:

- Записка о трудахъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго и письмо къ Д. Н. Бантышу-Каменскому. 1818—1822 г. Сообщ. Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе. 526

III. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій:

- Записка объ его историческихъ трудахъ.—Письма къ нему Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина 525

IV. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ:

- Письма его къ Н. И. Гнѣдичу. 1808—1809 гг. Сообщ. П. А. Ефремовъ 208

V. Кондратій Федоровичъ Рылѣвъ:

1. Письма, думы, посланія и прочія подлинныя бумаги Рылѣва. Сообщ. В. Ф. и В. Ф. Булгаринны и Т. А. Сосновскій. Разобраны бумаги и приготовлены къ печати П. А. Ефремовымъ . . . . . 64—113
- а) О бумагахъ Рылѣва, сохранившихся у Ф. В. Булгарина. б) Письма Рылѣва къ Булгарину. 1821—1825 гг. -- Дума: «кн. Курбскій». в) Незданныя Думы Рылѣва:

- «Вадимъ». — «Владимиръ святой». — «Марса посадица». — «Яковъ Долгорукий». — г) Варьянты и черновые наброски напечатанныхъ думъ: «Петръ Великій въ Острогомъскѣ». «Артемьевъ Матвѣевъ». — «Наталья Долгорукова». — «Державинъ». — д) Посланія, эпиграмма, отрывки: «Бестужеву». — «Ө. Н. Глинкѣ». — «Гражданское мужество» — и наброски неотдѣланныхъ стихотвореній. — е) Поэмы: «Гайдамакъ». — «Палый». — «Исповѣдь Наливайки». — Письмо къ А. С. Пушкину 1825 г.
2. Замятки о К. Ө. Рылѣевѣ. Ө. Н. Глинки 244
3. Войнаровский, поэма въ двухъ частяхъ. Соч. К. Ө. Рылѣева. 1825 г. Сообщ. Б. Ө. и В. Ө. Булгаринны и Т. А. Сосновскій . . . . . 485 и 647
- а) Посвященіе поэмы А. А. Бестужеву; б) Жизнеописаніе Войнаровскаго, состав. А. А. Бестужевымъ; — в) Войнаровскій, поэма, по изданію 1825 г., съ дополненіями стиховъ выпущенныхъ цензурою въ I-мъ изд. г) Черновые наброски поэмы «Войнаровскій», подлинная рукопись Рылѣева; д) Библиографическая замятка объ изданіяхъ «Войнаровскаго» и выдержки изъ писемъ Рылѣева къ А. С. Пушкину. е) Дополненіе четырехъ стиховъ, выпущенныхъ въ изд. 1871 г.: «Войнаровскій».
- VI. Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й:
Подраженіе XIII-й главѣ 1-го посланія Коринтянамъ, святаго апостола Павла. 1829 г. Сообщ. Баронъ А. Е. Розенъ 534
- VII. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:
1. Письма его къ Д. Н. Бантышу-Каменскому. 1832—1835 г. Сообщ. Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе. 526
2. О подпискѣ на памятникъ А. С. Пушкину. 648, 649 и 794
- VIII. Василій Дмитріевичъ Сухоруковъ, донской писатель:
а) Замятка о Сухоруковѣ; б) «Къ Дону» — стихотвореніе гр. Е. П. Ростопчиной; в) «Отвѣтъ Дона», стихотвореніе Сухорукова. Сообщ. А. А. Карасевъ 236
- IX. Осипъ Ивановичъ Сенковскій:
Письма его къ П. Р. Фурманну. 1852—1855 г. Сообщ. В. Я. Стоюнинъ 528
- X. Несторъ Васильевичъ Кукольникъ:
Письма къ нему гр. А. X. Бенкендорфа. 1842 г. 793
- VIII. Русскіе художники: Михаилъ Ивановичъ Глинка:
Первоначальный планъ оперы: «Русланъ и Людмила», подлинная рукопись Глинки, принадлежащая П. А. Степанову. Статья В. В. Стасова 367
- IX. Русскія воспитательницы:
Луиза Федоровна Вистингаузенъ, начальница патриотическаго института. † 1847 г. Біографическій очеркъ. Сообщ. П. К. Яковлева 385

X. Некрологъ: В. И. Фелькнеръ. († 1871 г.) . . .

XI. Мелочи:

Отвѣтъ „Русской Старинѣ“ на заявленіе
П. С. Киселева о принадлежащемъ (будто-
бы) ему правѣ на изданіе записокъ А. Т.
Болотова . . . . .

115

XII. Библиографическій листокъ о новыхъ книгахъ:

1. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ,
соч. С. Соловьѣва, т. XX-й. М. 1870 г.
8 д. (на оберткѣ I-й книги «Русск. Стар.»
1871 г.).
2. Дѣйствія русскаго флота во время войны
Россіи со Швеціей въ 1788—1789 гг. Соч.
В. Ф. Головачова: кампанія 1788 г. Спб.
1870 г. (тамъ-же).
3. Русская историческая библиографія, годъ
седьмой: 1861 г. Спб. 8 д. 1870 г. (тамъ-же).
4. Портретная галерея русскихъ дѣятелей,
изд. А. Э. Мюнстера, Спб. въ 6. листъ,
2 т. (тамъ-же).
5. Русскія дѣтскія сказки, собранныя А.
Н. Афанасьевымъ. М. 1870 г. въ 8 д.
2 ч. (тамъ-же).
6. Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тав-
ридѣ Михаила Мажоромовича. Спб.
1871 г. въ 8 д. (тамъ-же).
7. Новая Русская литература: отъ Жуков-
скаго до Гоголя включительно. Составилъ
В. И. Водовозовъ. Второе, дополнен-
ное изданіе. Спб. 1870 г. въ 8 д. (тамъ-же).
8. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, биографи-
ческій очеркъ. Спб. 1871 г. 8 д. (тамъ-же).
9. Очеркъ служебноѣ дѣятельности и до-
машней жизни столбника и воеводы XVII
столѣтія Василья Александровича Дау-
дова. Трудъ Н. Н. Селлифонтова. Спб.
въ 8 д., изд. Археограф. Коммиссіи. (На
оберткѣ V-й книги «Русск. Стар.» 1871 г.).
10. Рукописное отдѣленіе Виленской Публич-
ной Библіотеки. Выпускъ 1-й: церков-
но-славянскія рукописи. Русскіе перга-
менты. Трудъ Петра Гильдебрандта.
Вильна, 1871 г. въ 4 д. (тамъ-же).
11. Исторія Императорской Академіи Наукъ
въ Петербургѣ, соч. Петра Шеварскаго.
т. I. Спб. 1870 г. въ 4 д. (тамъ-же).
12. Гайдамачина, историческая монографія

- Д. Мордовцева. Спб. 1870 г. въ 8 д.
(тамъ-же).
13. Сношенія Россіи съ Римомъ съ 1845 по 1850 г. Соч. А. Н. Попова. Спб. 1871 г. въ 8 д. (тамъ-же).
  14. Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія съ 1656 по 1856 г. состав. Э. Э. Веселаго. Спб., въ листъ (тамъ-же).
  15. Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. Трудъ А. П. Заблоцкаго-Десатовскаго. Спб. 1871 г. въ 8 д. 2 тома. (На оберткѣ VI-й книги «Русск. Стар.» 1871 г.
  16. Сочиненія Державина, съ объяснительными примѣчаніями Я. К. Грота. Томъ шестой: «Переписка» (1794—1816 гг.) и «Записки». Спб. 1871 г. въ 6. 8 д. (тамъ-же).
  17. Царствованіе Федора Алексѣевича. Соч. Ш. Замысловскаго. Часть I. Спб. 1871 г.
  18. Судьба малороссійскаго крестьянина въ XVII—XVIII в. Соч. К. Коваловскаго. Кіевъ 1871 г. (тамъ-же).
  19. Извѣстіе о книгѣ: «Благоутробіе Марка Авренія, изд. 1745 г.» брошюра М. Максимова. Кіевъ 1871 г. (тамъ-же).
  20. Што таке Дастова «Русь»? Брошюра Б. В. Шейновскаго. Кіевъ. 1870 г. (тамъ-же).

Приложенія къ третьему тому «Русской Старины»:

- I. Жизнь и приключенія Андрея Волотова, описанныя самимъ имъ для своихъ потомковъ. 1738—1794 гг. томъ второй, части: VIII, IX, X, XI и XII. 1760—1764 гг. стр. 1—576, съ приложеніемъ въ текстѣ: четырехъ плановъ, виньетей и снимка съ подписи короля прусскаго Фридриха II.

Это первая половина второго тома «Записокъ Волотова» должна быть выдана изъ книгъ (1 по 6-й, 1871 г.), къ которымъ она приложена и перешлетена въ одну книгу со второю половиною

(прилож. къ 7-й по 12-ю, 1871 г.). Въ концѣ второго тома «Записокъ Болотова», какъ было и при первомъ, будетъ помѣщено подробное, особое оглавленіе книги.

II. Портретъ императора Петра Великаго, съ снимкомъ его подписи.

Портретъ писанъ Риго съ природы, въ Парижѣ, въ 1717 г. Гравированъ на стали, въ Лондонѣ.

III. Снимокъ съ картины профессора В. И. Ялби: „Арестъ Бирона въ 1740 г.“; рисунокъ на камнѣ исполненъ самимъ художникомъ, литографія А. Э. Мюнстера.

Примѣчаніе. Разосланный при III-мъ томѣ «Русской Старины» (при январской и февральской книгахъ) — «Указатель личныхъ именъ, встречающихся въ «Русской Старинѣ» 1870 г.» (стр. 1—141) долженъ быть помѣщенъ въ концѣ II-го тома «Русской Старины» изд. 1870 г.

школы славянофильской «не живить своимъ основаніемъ непосредственнаго изученія историческихъ явленій», на стр. 041 вводитъ оныя говорить: «значение учения славянофиловъ раскрыто въ статьяхъ Е. Н. Вестужева-Рюмина, совершенно справедливо замѣтившаго, что... лико еще ближе славянофильство не подходитъ къ русской действительности... Изъ этого видно, что симпатія автора болѣе склоняются къ славянофильской школѣ».

Что касается до самаго обзора источниковъ, то мы прежде всего должны замѣтить о томъ громадномъ, кропотливомъ трудѣ, который понадобился для его составленія. Въ сожалѣніи въ основаніе этого обзора положена совершенно ложная система. Справедливо уверяла изданія Археологической Комиссии и другихъ ученыхъ обществъ въ томъ, что при начатіи актовъ не было строгой системы, не было отдѣльнаго важное отъ неважнаго, авторъ не сдѣлалъ этого раздѣленія и самъ, в ограниченныя свѣрною документовъ, относящихся къ царствованію Фед. Алек., гдѣ могъ съ рукописями, а то съ другими изданіями, обстоятельно отыскать всевозможныя мельчайшія ошибки, но ничуть не облегчилъ труда человека, который захотѣлъ бы заняться царствованіемъ Федора Алек., и захотѣлъ бы найти въ этомъ трудѣ прежде всего указаніе на самыя важныя изъ громадной массы источниковъ. Такимъ образомъ этотъ обзоръ источниковъ дѣлается полевымъ чуть ли не для одного г. Замысловскаго и будущихъ томовъ его труда. Это замѣчаніе было сдѣлано И. И. Срезневскимъ на диспутѣ 17-го мая и не могло быть опровергнуто диспутантомъ.

Не можемъ не пожалѣть, что кропотливая работа автора не принесетъ всей той пользы, которую она должна была бы принести при лучшей системѣ труда.

Мы подождемъ однако произносить рѣшительный приговоръ, до выхода слѣдующихъ частей обширнаго труда г. Замысловскаго.

Судьба малороссійскаго крестьянства въ XVII — XVIII в. соч. К. Козловскаго.

Кіевъ. 1871 г. въ 16 д., стр. 141.

Оттискъ изъ Кіевскаго Вѣстника 1870—1871, составленъ на основаніи статьи Лазаревскаго «Малороссійскіе поселитые крестьяне», историко-юридическій очеркъ 1648 — 1783 г., помѣщенный въ Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, (книга первая, Черниговъ 1866 г. стр. 152), и разныхъ лѣтописей Южнорусскихъ. Книга представляетъ ин-

тересъ легкаго очерка. Новаго г. Козловскіи ничего не оказалъ, послѣ Лазаревскаго, коего трудъ довольно важенъ и поучителенъ, такъ какъ оны составленъ на основаніи достовѣрныхъ, и до сихъ поръ не извѣстныхъ документовъ.

Извѣстіе о книгѣ «Благоутробіе Марка Аврелія», напечатанной во Львовѣ 1745 года, въ листъ, на 40 стр. М. Максимовича. Кіевъ. 1871 г.

Оттискъ изъ Кіевскихъ Епархіальныхъ Извѣстій 1871 г. Брошюра даетъ прентересное извѣстіе о сочиненіи Михаила Ковачинскаго, малоизвѣстное до сихъ поръ нашимъ bibliographамъ, въ томъ числѣ и преевсвят. Филарету Черниговскому, въ его обзорѣ русской духовной литературы. По случаю приѣзда императрицы Елисаветы Петровны въ Кіевъ въ 1744 году, студентами Кіевской академіи представленъ былъ, въ день тезоименитства императрицы, 5 Сентября 1744 года, диалогъ съ прологомъ и эпилогомъ, сочиненіе Ковачинскаго: «Благоутробіе Марка Аврелія», изъ котораго точнѣе опредѣляются извѣстныя подробности достопамятнаго пребыванія Елисаветы Петровны въ Кіевъ. Благодаря соч. Ковачинскаго, открывается вымышленность рассказа о встрѣчѣ императрицы Елисаветы, въ Кіевѣ, въ «Исторіи Руссовъ», приписываемой Георгію Конисскому. Максимовичъ этия самыя подтверждаетъ свое прежне мнѣніе, высказанное въ «Кіевлянинѣ» 1865 года, что Исторія Руссовъ, сочинена не Конисскимъ, а другимъ лицомъ, весьма даровитымъ, но для насъ неизвѣстнымъ, потому что Конисскій, принадлежа въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, академіи Кіевской, не могъ не знать и не помнить всего того, что дѣлалось въ приѣздѣ Елисаветы въ Кіевъ.

Што такое Ibn-Дастова «Русь»? Праці і. комт. К. В. Шейковського. Кіив. 1870 г.

Авторъ доказываетъ, что г. Хвольсонъ издавъ переводъ арабскаго писателя Абу-Али-Ахмедъ-Бен-Омар-Ibn-Даста, начала X вѣка, неправильно подъ именемъ Русь, считаетъ теперешнихъ великороссовъ, потому что, читая про характеръ Ibn-Дастовыхъ Руссовъ, и зная характеръ малороссійскаго люда, смѣло можно сказать, что его Русы, предъ малороссіянъ, и что Ibn-Даста описываетъ не дѣльный народъ, а только часть его малороссійскую. Въ подтвержденіе этого авторъ переводитъ 13 параграфовъ, на малороссійскій языкъ, изъ Ibn-Даста.

ПОДПСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1871 г., второй годъ изданія.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Цена годовому изданію, двѣнадцать книгъ, два большіе тома, изъ которыхъ каждый не менѣе 33 печатныхъ листовъ и особый томъ приложения, не менѣе 36 листовъ, — съ пересылкой гг. иногороднымъ и съ доставкой на домъ въ Санкт-Петербургъ и Москвѣ, — **семь рублей** за весь годъ, т.-е. за 12 книгъ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ Главной конторѣ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» — въ книжномъ магазинѣ Александра Федоровича Базунова (Невскій проспектъ, 30); въ Москвѣ — въ книжномъ магазинѣ Ивана Григорьевича Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.

Иногородные подписчики обращаются: 1) по почтѣ **исключительно** въ Редакцію и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: пшени, отчества, фамиліи и того почтового мѣста, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) лично, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ, въ С.-Петербургъ, въ контору открытую для городскихъ подписчиковъ.

Редакція журнала «РУССКАЯ СТАРИНА» помѣщается въ С.-Петербургѣ, у Спаса-Преображенія, Литейной части, въ д. Лисицына и въ д. Трута.

Редакція проситъ лицъ, имѣющихъ сообщить матеріалы и статьи для напечатанія въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», доставлять ихъ, адресуя: или — Василію Арсеніевичу Семеновскому, или: — Михаилу Ивановичу Семеновскому: въ С.-Петербургѣ, Литейной части, у Спаса-Преображенія, д. Трута, кв. № 13.

Въ слѣдующихъ книгахъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» будутъ, между прочимъ, напечатаны, кромѣ продолж. записокъ Болотова, Добрынина, Лагарпа, М. А. Бестужева, и архивовъ кн. Голенищева-Кутузова, кн. Щербатова, кн. Куракинскихъ, гр. Станкебергъ, свѣтл. кн. П. М. Волонскаго, Шишкова, Бахтина, — записки: гр. Г. П. Чернышова, адмир. Нолзимова, зап. Н. И. Горбачевского, кн. С. Г. Волонскаго (1812 - 1826 гг.), ген.-аудит. арміи 1812 г. С. И. Маевского, кн. Барилей-де-Толли, кн. А. А. Шаховскаго, партиз. Дениса Давыдова, И. Н. Скобелева; В. К. Кюхельбенера (1831—1841 гг.); поч. лейбъ-хирург. Д. Н. Тарасова, ак. жив. А. В. Ступина (1776—1861 г.), бывш. попеч. Д. П. Румича; зап. Н. И. Греча (біографія Ф. В. Булгарина); зап. А. В. Никитенко, И. И. Свищева; дневникъ квакера 1818 г. въ Россіи; біографія А. П. Сѣрова, состав. В. В. Стасовымъ; записки А. И. Красовскаго; С. Н. Глинки; К. Ф. Опочинина (о 1831 г.); И. В. Берга: воспомин. о Гоголѣ; и др. Письма А. П. Волонскаго (около 100 пис.) и дѣло о немъ 1740 г.; сборникъ нов. матер. въ Пугачевщинѣ — А. Г. Пупарева; письма гр. Бестужева-Рюмина, гр. Паниныхъ, Сальдерна, Пикара (1782 г.); письма Екатерины II; письма императоровъ: Павла I, Александра I, цесар. Константина; императ. Елизаветы Алексѣевны: Кулибина; гр. Араччева, кн. Васильчикова, гр. Бенкендорфа и Дибича о Семеновской исторіи 1820 г.; А. П. Ермолова, мѣтнія гр. И. С. Мордвинова, письма графа Толя (1831 г.); 60 писемъ митроп. Евгения Болховитъ; неизданныя бумаги А. С. Грибоѣдова, Н. И. Батушкова (болѣе 80 писемъ.), Г. С. Батенина, Жуковскаго, Туманскаго, Языкова, Козлова, Рытѣва, Пушкина, архит. Витберга: проекты и статьи В. Н. Каразина; сообщенія акад. А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, М. П. Погодина; П. К. Щербальскаго; статьи: профес. И. Д. Бѣллева и Н. С. Тихонравова. Г. Н. Геннади, кн. Голицыныхъ, Е. П. Карновича, М. Н. Лонгинова; П. А. Степанова; Н. П. Дурова; А. Н. Неустрова; сообщ. П. А. Муханова, кн. П. Д. Волонскаго, кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, кн. Д. А. Оболенскаго, Н. Н. Селифонтова, Ф. К. Опочинина, Д. И. Скобелева, И. П. Нориллова, И. П. Колзимова, Н. Ф. Крузе, гр. Э. Н. Чапскаго, кн. Гагарина, В. А. Краснопутскаго, А. В. Фрейганга, А. Н. Петрова, М. И. Богдановича, бар. Ф. А. Бюллера, М. Ф. Бороздина, Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскихъ и мног. др. На страницахъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ будетъ помѣщенъ архивъ свѣтлѣйшаго князя Александра Аркадіевича Италійскаго, графа Суворова-Рыминскаго, пшени: бумаги относящіяся до его дѣда, генералиссимуса кн. Александра Васильевича Суворова.